

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08191254 9

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

2184

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ

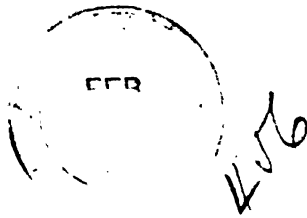
МОСКВА

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1880

27

ПЕРЕЛОМЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

IV.

Чертогъ сіялъ; гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла лиръ.

Пушкинъ.

Wir sind nur insofern zu achten als wir zu
schätzen wissen.

Gothe.

La cour est comme un édifice de marbre: elle est
composée d'hommes fort durs, mais polis.

Labruyère.

Въ большомъ зданіи на одной изъ главныхъ площадей Петербурга по всему протяженію нижняго этажа сіяли огни. Тамъ давался большой маскарадный балъ.

Это былъ самый блестящій, самый привлекательный и, выражаясь не изобрѣтеннымъ еще въ ту пору выраженіемъ, самый „интеллигентный“ домъ Петербурга той эпохи къ которой относится нашъ разказъ. Въ немъ какъ бы вѣяло живою традиціей Екатерининскаго Эрмитажа, Екатерининскаго ума, Екатерининскаго вкуса къ дарованіямъ, къ мысли, къ культурѣ... Обаятельная хозяйка этого дома одарена была

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4 и 6.

драгоценнѣйшими въ ея высокомъ положеніи качествами: широкимъ объемомъ помысла, твердомъ инициативой воли и тѣмъ безцѣннымъ даромъ умственной *зрѣлости*,—проникновенія и оценыванія людей по настоящей мѣрѣ ихъ способностей и того дѣла на какое они годны,—безъ котораго нѣтъ *великихъ* въ человѣческой исторіи. Она заботливо познавалась объ этихъ людяхъ, привлекала ихъ къ себѣ, очаровывала своею милостью, отзывчивостью и усвойчивостью своего ума. Въ небольшомъ, тщательно избранномъ кругу ея обычныхъ *четверговыхъ* дипломаты и государственные дѣятели, свѣтскія красавицы и изощренные царедворцы встрѣчались со скромными, *дичающими*, ни въ какой иной гостиниой не показывавшимися учеными; русскій писатель обмѣнивался здѣсь рѣчью съ иностраннымъ собратомъ, съ путешественникомъ только что вернувшимся изъ какого-нибудь еще невѣдомаго угла вселенной; многообщающій молодой художникъ внималъ поучительной для него бесѣдѣ патентованнаго спеціалиста со многовидѣвшимъ любителемъ или меценатомъ искусства.

Что-то поднимающее и *движущее* заключалось въ атмосферѣ окружавшей эту женщину; что-то возбуждавшее силы, энергію, смѣлость въ тѣхъ кого она поощряла или вызывала на дѣятельность, кому она со своимъ зоркимъ взглядомъ указывала на предлежащіи имъ дѣла.... Ея сочувствіямъ и въ-скому предстательству одолжены были главнымъ образомъ извѣстные дѣятели крестьянскаго освобожденія тѣмъ значительнымъ вліяніемъ какое дано было имъ ввести въ его разрѣшеніе. Многое быть-можетъ въ этомъ дѣлѣ не совершилось бы, или совершилось бы иначе, еслибы за этими людьми не стояла она, со своимъ блескомъ и обаяніемъ, со всѣми чарами своего дома,—единственно направленными въ эту минуту къ служенію той высшей государственной задачѣ которой она была давнишнею и неустанною борщицей....

Привѣтливая, оживленная, еще прекрасная вопреки годамъ, окруженная высшими особами Россіи, она стояла теперь во глубинѣ танцевальной залы „интимнаго“ этажа своего роскошнаго обиталища и, поощрительно улыбаясь слегка прищуреннымъ взглядомъ и красивыми устами, смотрѣла на стройныя лары костюмированныхъ лицъ проходившія подъ торжественные звуки половеца мимо мѣста занимаемаго ея крѣпкомъ.

Оркестръ заливался. Яркій свѣтъ падалъ съ люстръ и жирандоль на зыбкую волну тѣсвившихся кругомъ головъ, сверкалъ искристыми бликами въ граняхъ брилліантовъ, по ободкамъ перьевъ и цвѣтовъ, по золоту браслетовъ, эполетъ, по шитью военныхъ воротниковъ. Въ жаркомъ уже воздухѣ струился проникающій залахъ прокуренныхъ духовъ, женскихъ тканей и бѣлья, перчатокъ хранимыхъ въ благовожныхъ ящикахъ. Людской гулъ и жужжаніе, солерничая съ визгомъ скрипокъ, съ гудѣніемъ валторнъ, словно стояли въ этой насыщенной и раздражающей праздничной атмосферѣ. Всѣ лица сіяли; женскіе глаза горѣли, рдѣли алыя уста въ лихорадочно-радостномъ оживленіи. Не было, знали всѣ, праздниковъ болѣе удачныхъ, болѣе увлекающихъ какъ въ этихъ стѣнахъ. Тутъ былъ весь дворъ, весь цвѣтъ еще тогда богатаго и многолюднаго большаго свѣта столицы... Новыя вѣявія не успѣли загасить еще тогда „весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ“ былой, безлечальной, отошедшей нынѣ безвозвратно въ вѣчность жизни...

Пары скользили одна за другою... Вотъ двугорбый Полицейскій (всѣмъ извѣстный адъютантъ), какъ бы разрѣзанный пополамъ двуцвѣтнымъ своимъ одѣяніемъ, проходитъ съ накаданнымъ носомъ и комическою суровостью, возбуждающими звонкій хохотъ *галлерей*, звѣня гремящими своей *marotte de fou* и помахивая ею надъ головой какъ тамбуръ-мажоръ предъ своими музыкантами: онъ командуетъ цѣлою кадраально сѣдующихъ за нимъ *Пьеро* и *Пьеретокъ*; всѣ они въ бѣломъ и въ голубыхъ бантахъ, съ того же цвѣта палочками въ формѣ китайскихъ крышекъ надъ налудренными волосами,— все молодыя, свѣжія, дѣвочки и юношескія лица.... Вотъ *Двадцать тысячъ летъ* года подобранные изъ среды самыхъ красивыхъ женщинъ петербургскаго общества... Новою зыбью колыхнулась и надвинулась къ нимъ толпа. Онѣ проходятъ медленно, гуськомъ, сіяя своими затѣйливыми уборами, блестящими цвѣтныхъ камней и расширенныхъ какъ бы тревогою зрачковъ, между темными шеренгами жадно взирающихъ на нихъ мушкетеровъ, направляясь къ группѣ высокихъ лицъ окружающихъ хозяйку... Ихъ ждутъ тамъ ласковыя улыбки, милостивыя рѣчи....

Вотъ подходитъ *Юль тысячъ*... Читатель, это опять она,— это Ольга Елцифоровна Равцева... Благоволящая къ ней судьба доставила ей неожиданно случай предстать въ активной

роли на этомъ блестящемъ вечерѣ. Княгиня Гагина, которую замѣчала она теперь, заболѣла внезапно за два дня до того, и *кадрилли мѣсяцевъ* грозило разстройство ея слуха на нее не было указано все тѣмъ же ея вліятельнымъ въ придворныхъ сферахъ „другомъ“. Поставлено было это имъ притомъ такъ искусно что приглашенная же какъ бы оказывала услугу, выводила хозяйку дома изъ неожиданнаго затрудненія, приваивая на себя заботу приготовить указанный костюмъ въ полтора дня времени,—и заслуживала по этому особенной благодарности и расположенія...

Костюмъ удался на славу. Со сверкающими лучами золотого полусолнца поверхъ головы, въ пышныхъ складкахъ воздушнаго газа отливавшего цвѣтомъ водной струи, по которому съ лѣваго плеча черезъ все платье до самаго низа его, слегка приподнятого надъ шелковою второю юлкою, бѣжала гирлянда яркихъ маковъ и золотыхъ колосьевъ,—эффектная красота ея производила поражающее впечатлѣніе.... И словно она одна теперь не догадывалась объ этомъ: она шла съ какою-то величавою сдержанностью, едва улыбаясь и отвѣчая, не поворачивая головы, однимъ помаргиваніемъ вѣкъ на восторженные восклицанія знакомыхъ, мимо которыхъ пробиралась она (не даромъ проходила она высшую школу свѣтскости съ такимъ человѣкомъ какъ графъ Леонидъ Александровичъ Натанцевъ)...

Придворный реверансъ ея былъ безукоризненъ. Она не слѣдша, почтительно и самодостойно, потушила голову и глаза, медленно, чуть-чуть бокомъ, поджала колѣни, подалась слегка тѣломъ назадъ,—и волны ея газа и шелка съ едва слышнымъ шуршаніемъ разостлались кругомъ нея словно какой-то вдругъ олавшій сверкающій туманъ....

Она *поправилась*,—это сказалось ей вдругъ, инстинктивно, прежде чѣмъ она успѣла поднять глаза.

Она не ошиблась. Ея красивая наружность и изящество туалета замѣчены были еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ на балѣ въ *** дворцѣ,—первомъ изъ такихъ баловъ на которомъ появилась она,—и заслужили высшее одобреніе... Ее привѣтствовали теперь нѣсколькими очень благосклонными словами, отъ которыхъ забилось у нея сердце до боли и блаженный румянецъ загорѣлся до самыхъ волосъ.

— Ваше.... чего ни сдѣлаешь чтобъ имѣть счастье быть вамъ угодною! воскликнула съ пламеннымъ энтузіазмомъ мо-

лодая женщина. Она готова была бы дать сейчасъ отрубить себѣ голову чтобы доказать свою преданность „всѣмъ члнмъ, безкомечно добрымъ, прелестнымъ, очаровательнымъ!“

Ее отпустили милостивымъ поклономъ. Она присѣла еще разъ, и двинулась съ мѣста.

Стоявшій въ группѣ молодой генералъ въ Андреевской звѣздѣ наклонился къ ней:

— Хотите со мной третій контрдансъ, Ольга ЕлпидиФорова?

О, Боже мой, онъ даже знаетъ какъ ее зовутъ! Она вслыхнула, присѣла и отошла не чувствуя ногъ подъ собою...

А онъ, обернувшись къ своему кружку, засмѣялся, произвесь полуселотомъ имя и нѣсколько словъ объясненія....

— Ah, vraiment?...

Улыбка пробѣжала по всѣмъ устамъ; глаза на мигъ обернулись въ сторону:—тамъ въ группѣ савонниковъ въ звѣздахъ и лентахъ подъ мундирными фраками стоялъ графъ Наташанцевъ, отдаваясь неволью ото всѣхъ ихъ тонкимъ изяществомъ своего облика и grand air. Онъ, какъ и прочіе, но тая подъ спокойнымъ видомъ обывавшее его внутренне волненіе, глядѣлъ на приближавшихся красавицъ, не теряя изъ глазъ въ то же время кружокъ высокыхъ гостей хозяйки, и угадывая о предметѣ ихъ разговора своимъ старымъ царедворческимъ чутьемъ.

Молодой генералъ подозвалъ его къ себѣ движеніемъ глазъ подавъ ему руку и весело подмигнувъ ему.

Наташанцевъ блаженствовалъ. Благодарности его не было конца; въ милостивомъ вниманіи оказанномъ предмету его страсти онъ разумѣлъ самую лестную для себя награду его дозволенной, доказанной сорокалѣтней преданности....

Онъ бессознательно обратился взглядомъ на дочь. Княжна Авдомская стояла въ группѣ ближайшей къ тому кружку къ которому самъ онъ удостоенъ былъ быть призванъ, среди тѣхъ специальныхъ *salons* общества къ которымъ принадлежала она, и которыя и здѣсь, въ этомъ домѣ, держались оообою, *exclusivement* котеіей.

Она въ свою очередь подвела на отца свои безлощадные сѣрые глаза. „Что ты ни дѣлай, а я не хочу!“ ясно говорила она ему.... Онъ чуть замѣтнымъ движеніемъ дернулъ плечомъ и отвернулся.

Но вотъ опять колыхнулась толпа. За костюмированными шли замаскированныя лары въ домино. Мужскіе калуцины были трехъ цвѣтовъ: коричневыя, черныя и голубыя, распределенныя по росту облакавшихъ ихъ лицъ,—по восьми на каждый цвѣтъ. Для отличія между собою на груди каждаго изъ нихъ висѣла на ленточкѣ карточная фигура.... Въ толпѣ мгновенно пробѣжала словно электрическая струя. Кого, чьи лица скрывали эти маски?... На чертахъ всѣхъ мигомъ сказалось выраженіе алчнаго и какъ бы тревожнаго любопытства; всѣ глаза какъ по командѣ вскинулись на входившихъ....

Они, добѣдя до хозяйки, раскланялись, разошлись—женщины вправо, мужчины влѣво,—и разбрелся въ одиночку по залѣ.

Посреди ея строилась первый коитрдансъ. Кавалеры суетились, указывали мѣста своимъ дамамъ. Дамы разсѣянно слушали ихъ рѣчи и, склоняя лицо къ своимъ пертбукетамъ, слѣдили изъбока съ мѣста за пробиравшимися въ толпѣ калуцинами, предъ которыми невольнымъ движеніемъ послѣшно и осторожно разступались мундиры и фракы....

Одинъ изъ нихъ, коричневый, подошелъ къ Ольгѣ Елиидифоровнѣ. Она безсознательно вздрогнула, и тутъ же съ загорѣвшимся взглядомъ воззрившись въ глаза его...

Она танцовала съ графомъ Анисьевымъ, послѣшившимъ пригласить ее какъ только отошелъ отъ нея молодой генералъ въ Андреевской звѣздѣ... Онъ теперь такъ же зорко какъ и она, но какимъ-то косымъ, лисьимъ взглядомъ направилъ глаза на подошедшаго къ ней, и восторожилъ ухо. Но по первому звуку домешагося до него голоса лицо его приняло свое обычное, искусственно-разсѣянное выраженіе.

— Ты очень счастлива сегодня, кажется? спрашивалъ Рандеву калуцинъ по-маскарадному.

— Никогда не была такъ счастлива, я не скрываю! радостно воскликнула прекрасная представительница іюля мѣсяца,—а съ... а ты? послѣшила она поправиться.

— Я такъ отвыкъ отъ шума въ тихой моей обители что мнѣ здѣсь какъ будто дико, отвѣчалъ онъ.

Она засмѣялась:

— Чтѣ жъ ты дѣлаешь въ этой твоей обители, beau sa-
rrein—молишься?

— Непремѣнно.

— На кого? подчеркнула она.

— Этого я не скажу тебѣ.

— Почему? спросила она, продолжая внимательно вглядываться ему въ глаза.

— Ты не повяла бы, отвѣчалъ онъ страннымъ, уколотившимъ ее почему-то тономъ.

— Намъ дѣлать фигуру! предварилъ ее въ эту минуту Аяцъевъ.

Когда они вернулись на мѣсто, калуцина уже не было.

— Кто это можетъ быть, какъ вы думаете? съ живостью спросила она своего кавалера.

Онъ улыбнулся своею многозначительною усмѣшкой, и, не сейчасъ, проговорилъ шепоткомъ, пристально глядя на нее:

— Во всякомъ случаѣ не то что вы думали.

Она разсердилась тѣмъ сильнѣе чѣмъ вѣрнѣе угадалъ онъ ея тайный помыселъ, и вся вспыхнула.

— У васъ вѣчно все то же лукавство и ехидство на умѣ! воскликнула она;—почему вы знаете что я думала?.. Что вы думали, вы, говорите!

Онъ все такъ же спокойно и улыбаясь глядѣлъ на нее, словно любясь ея красивымъ гнѣвомъ.

— Вамъ угодно знать? Извольте: я думаю что завоеваніе графа Леопида Александровича Наташандева—достаточно блистательный подвигъ чтобы вамъ этимъ удовольствоваться, сказалъ онъ.

Ольга Еллидифоровна луце разсердилась отъ этихъ словъ.

— Какое вамъ, скажите, дѣло до меня и до моихъ „завоеваній“!... Я, слава Богу, изъ вашей олеки вышла,—желчно промолвила она, быстро дыша высокою грудью,—и не желаю возвратиться подъ нее!...

— Напрасно! невозмутимо возразилъ онъ:—je suis de bon conseil, какъ вы знаете, а ваше зданіе далеко еще не доведено до крыши.... Намъ олять танцовать!...

Пока она *балансировала* со своимъ vis-à-vis она успѣла одуматься... Война, порученія, затѣмъ губернаторство Аяцъева держали его въ отдаленіи отъ нея лѣтъ пять, шесть. Онъ успѣлъ за это время жениться на одной изъ богатѣйшихъ наследницъ русскаго юга, подарившей его сыномъ—и вдовствомъ по ней послѣ полутора года замужства. Ольга Еллидифоровна почитала всѣ ихъ прежнія отношенія поконченными, почитала себя навсегда избавленною отъ его „кошмара“. Но вотъ онъ олять здѣсь, въ видномъ положеніи, олять сталъ бывать у нея, бывать на ногѣ стараго, *безкорыстнаго*

пріятеля. Въ первый разъ заговорила она теперь прежнимъ, рѣшительнымъ, чуть не угрожающимъ языкомъ. Ей стало жутко вдругъ.... Она опасный врагъ; она цѣлитель, она знала, въ кружкѣ княгини Авдѣиной; она къ тому же опять въ большой милости, его, она слышала, прочать еще на новую должность, въ которой она будетъ уже имѣть возможность прямо споспосбствовать ея планамъ, или разстроить ихъ... Но все же за его содѣйствіе или невмѣшательство придется ей платить ему тою цѣной которой она такъ наобливно добивалась отъ нея за послуги свои въ годы ея дебютовъ съ мужемъ въ Петербургѣ? проносилось быстрыми, тревожными скачками въ ея головѣ.... Нѣтъ, это невозможно, это было бы слѣшкомъ отвратительно!... „Во всякомъ случаѣ открыто *rompre* съ нимъ не надо!“ рѣшила она въ концѣ концовъ.

— Миръ? проговорила она съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ, вертась съ нимъ рука въ руку въ заключеніе второй фигуры и слегка пожимая его пальцы.

— Даже *Парижскій*, тихо и смѣясь впасть она въ ея тонъ, — *лучше доброй ссоры...*

А калуцивъ изъ-за котораго чуть не произошла у нихъ эта „ссора“ брелъ между тѣмъ по залу подъ темнымъ своимъ кашубовомъ, промежь лышвыхъ криволиновъ и блестящихъ военныхъ мундировъ, озирая любопытно все это хорошо ему знакомое и давно имъ невиданное свѣтское общество... Онъ попалъ на этотъ вечеръ совершенно неожиданно, пріѣхавъ въ Петербургъ всего за два дня назадъ по своимъ дѣламъ, съ тѣмъ чтобы какъ можно скорѣе уѣхать обратно въ свою „тихую обитель“, и съ намѣреніемъ „ни у кого не быть“. И вотъ наканунѣ случайно встрѣчается онъ на улицѣ со старымъ своимъ знакомымъ, графомъ Пердро, вѣчнымъ участникомъ и устроителемъ придворныхъ празднествъ, который съ овика остановивъ его сани, не давъ ему раскрыть ротъ, съ судорожно-послѣшными рѣчью и движеніями объявляетъ ему что его „послалъ самъ Зевсъ“, что „имъ не достаетъ восьмага *dans les capucins bruns*“, что она именно „*le huitième spirituel demandé*“, и не ожидая отвѣта тутъ же поворачиваетъ оглобли и гонитъ своего извозчика на Михайловскую площадь; а вечеромъ привосятъ пріѣзжему въ Демуту гостиницу формальное приглашеніе, является портной братъ съ него мѣрку на домино... За часъ предъ баломъ пріѣзжаетъ за нимъ Пердро, и везетъ его съ собою. Она вѣтъ

какъ рыба, серіозенъ какъ могла: имевъ будущихъ собратій ихъ по *расѣ* онъ не открываетъ, говоря только что они съ вами будутъ „въ очень хорошемъ обществѣ“.... Они въ отдѣльной, отведенной имъ комнатѣ совершаютъ свой туалетъ, надѣваютъ маски. „Пожалуйте!“ вбѣгаетъ затѣмъ ливрейный слуга звать ихъ, и ведетъ черезъ рядъ комнатъ въ покои гдѣ собираются таинственные ихъ товарищи: *малые, средніе* и *большіе*... Изъ другихъ дверей выступаетъ такое же число невѣдомыхъ, укутанныхъ въ разноцвѣтные домино дамъ; кавалеры разбираютъ ихъ по росту, подають имъ руки. Двери отворяются,—она вошла въ залу...

Во всемъ этомъ было нѣчто необычное, какое-то *романтическое стѣніе*, заставлявшее невольно звенѣть въ душѣ пріѣзжаго давно и навсегда, думалъ онъ, замолкнувшія струны. Онъ чувствовалъ себя какъ бы вдругъ помолодѣвшимъ людемъ этою маскою скрывавшею его черты, и изъ-за которой онъ могъ теперь на полной волѣ тѣшить врожденныя ему наблюдательность и насмѣшливость. Онъ подходилъ къ дамамъ, къ старымъ знакомымъ, вызывалъ ихъ смѣхъ забавнымъ замѣчаніемъ, намекомъ, еще чаще смущая неожиданнымъ словомъ, короткимъ вопросомъ, принимавшими въ ихъ лоятіи, благодаря цвѣту его костюма и цвѣтущему голосу, особое, тревожившее ихъ значеніе. И не давая имъ разубѣдиться въ заблужденіи, онъ быстро удалялся, исчезалъ въ шумно двигающейся толпѣ...

Онъ прілежно всматривался въ нее, слѣдя за отдѣльною игрой физиономіи. *Новое* время ясно сказывалось для него въ нѣсколько пріуныломъ, какъ бы растерянномъ выраженіи на старыхъ лицахъ,—въ замѣтной самоувѣренности, въ какой-то особенной *дезинвольтурѣ* всего облика людей молодыхъ. „*Наше* время пришло“, будто сказывалось на лицахъ вчерашнихъ лажей, лицестовъ, правовѣдовъ, услѣвшихъ уже превратиться въ адъютантовъ и чиновниковъ изъ категоріи „многочисленныхъ“.... Женскія рѣчи и смѣхъ, казалось ему, принадлежавшему первую свою молодость къ прошлому царствованію, звучали рѣшительнѣе прежняго; „эманципированнѣе“ были приемы, откровеннѣе обращеніе... Каждый очевидно чувствовалъ себя свободнѣе и—безответственнѣе....

Замаскированные придавали вечеру особенное, своеобразное оживленіе. Они и онъ отдѣлялись, невольно привлекая на себя взгляды, темными сплошными пятнами своими

на яркоколорномъ фонѣ женскихъ одѣвій,—вели въ углахъ залы веселые разговоры съ убѣжденными савонниками, уходили изъ вальса, таинственные и важные какъ венеціанскіе Dieci, хохочущихъ красавицъ и исчезали съ ними во глубинѣхъ соствѣднихъ локоевъ. За ними слѣдили, перебирали шелкотомъ предполагаемыя имена ихъ... Общимъ, сочувственнымъ хохотомъ привѣтствовали былъ свалившійся на ходу калюшовъ съ головы одного изъ „малыхъ“, голубыхъ калуциновъ, въ которомъ, несмотря на маску, узнали по его разлетавшимся во всѣ стороны сѣдымъ волосамъ прелестнаго поэта и умвѣйшаго остро слова петербургскаго большаго свѣта того времени.... Онъ не смутился, закинулъ руку за спину и, поправляя калюшовъ, проговорилъ своимъ лѣвучимъ и протяжнымъ голосомъ по адресу бѣлокурой хорошенькой женщины которую велъ подъ руку:

— J'aimerais bien prêter à rire, si l'on me prêtait en retour un peu de jeunesse pour mériter vos regards...

У одной изъ дверей ведущихъ въ танцевальную залу стоялъ въ мундирномъ фракѣ и лентѣ по жилету нѣкто такой же сѣдой, но съ совершенно молодымъ, почти женственно милостивымъ лицомъ, и съ нѣсколько задумчивою или озбоченною улыбкой глядявъ на танцы.... Эта милостивая, привлекательная наружность висколько не мѣшала тому что именемъ этого человѣка чуть не лугали въ тѣ дни дѣтей въ цыныхъ кружкахъ Россіи.... „Прогрессивная“ партія за то ладала видъ предъ этимъ умнымъ и бойкимъ бюрократомъ, котораго tacito consensu признавала единогласно своимъ главою.

Высокій мушкетеръ въ коричневомъ, какъ и нашъ пріѣзжій, калуцинъ и съ червоннымъ королемъ на груди, проходя въ эти двери, остановился на мигъ и, взглянувъ на стоявшаго, произнесъ нѣсколько словъ.

Тотъ какъ бы встреленулся вдругъ, выпрямился.... и тутъ же, съ тактомъ свѣтскаго человѣка, послѣдшилъ принять прежнюю свободную позу, давъ, какъ видно было, вопрошавшему требуемый отвѣтъ.

Червонный король кивнулъ и прошелъ мимо.

— Вы видѣли? Какъ я рада за Николая Алексѣевича! раздался вслѣдъ за этимъ за спиной пріѣзжаго негромкій женскій голосъ:—вѣдь это...

Пріѣзжій живо обернулся. Объ руку съ бѣлокуримъ молодымъ человѣкомъ въ простомъ черномъ фракѣ (онъ зналъ

его по имени, встретившись съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ въ Москвѣ) стояло стройное женское, чернаго цвѣта, домино, съ желтою розой подъ обшитымъ кружевами капюшономъ. Изъ прорѣхъ атласной маски глядѣли зеленеватые, какимъ-то фосфорическимъ блескомъ горѣвшіе глаза.

— Beau masque, я узнаю тебя! такъ и вырвалось у него вдругъ изъ гортани.

Она повела на него головой:

— Можетъ-быть, но мнѣ теперь некогда говорить съ тобой, холодно произнесла она въ отвѣтъ. И взглянувъ на своего кавалера, промолвила:

— Я васъ теперь оставляю, Сергій Михайловичъ,—но мы встретимся....

И она удалилась быстрыми шагами.

Калущинъ направился за нею слѣдомъ.

Въ противоположномъ углу залы, разговаривая съ изящнымъ, блестящимъ, живымъ какъ юноша, въ золотыхъ очкахъ тонкой оправы надъ сверкающими остроуміемъ темными глазами, княземъ Черняговскимъ, руководителемъ иностранной политики Россіи новаго царствованія, стоялъ непомѣрно длинный, *несуразный*, словно срубленный въ три маха топоромъ изъ тяжелаго дубоваго кряжа, сановный персонажъ въ широкой лентѣ и крупнаго, какъ онъ самъ, размѣра орденахъ, въ золотыхъ, какъ у князя, но массивныхъ и круглыхъ, какъ у нѣмецкаго гелертера, очкахъ. Онъ поводилъ сквозь нитъ близорукихъ, не то разсѣянно, не то подозрительно глядѣвшими глазами, и туго поворачивался отъ времени до времени всѣмъ неуклюжимъ своимъ тѣломъ, будто боясь задѣть имъ кого-нибудь по близости... Много анекдотовъ, много забавныхъ разказовъ ходили въ ту пору объ оригинальной личности этого несомнѣнно способнаго и рѣдко образованнаго, — „безъ толку способнаго и коряво образованнаго“, увѣряли въ *Колоколь*, — лица, занимавшаго еще съ прошлаго царствованія важный государственный постъ, и только-что наканунѣ нынѣшняго вечера официально назначеннаго на первостепенное по значенію его въ ту минуту мѣсто по крестьянскому дѣлу. Онъ появлялся въ первый разъ въ свѣтѣ послѣ этого назначенія и, какъ человѣкъ *въ явной милости*, былъ теперь предметомъ общаго искательнаго вниманія; къ нему постоянно обращались съ записывающими рѣчами, съ изъявленіями сочувствія и лести, отчего впрочемъ нисколько не измѣ-

ялось сосредоточенное и далеко не веселое выраженіе всего его дѣлннаго облака.

Домно съ желтою розой подошло прямо къ нему:

— Графъ, хотите ли дать мнѣ вашу руку?

Онъ недоумѣло обернулся къ говорившей, глядя на нее молча съ безконечной высоты своей внизъ, словно въ колодезь.

Князь Черниговскій быстрымъ, привычнымъ взглядомъ обвѣялъ стройныя линіи темнаго женскаго облака стоявшаго предъ нимъ, и засмѣялся веселымъ смѣхомъ:

— Qui que tu sois, voici ton maitre,
Il l'est, le fut, ou devra l'être,

промолвилъ онъ изъ Вольтера съ любезнымъ наклономъ головы въ сторону маски.—И вамъ чередъ, видно, пришелъ, графъ!

Тотъ, будто только теперь вспомнивъ о томъ что Французы называютъ „les devoirs de la civilité puérile et honnête“, суетливо переступилъ съ ноги на ногу, и очень видимо уже озабоченный, разъ вспомнилъ, тѣмъ что именно нужно дѣлать въ подобныхъ случаяхъ, сложилъ предварительно свой правый локоть острымъ треугольникомъ къ бедру,—и подо двинулся въ этомъ видѣ бочкомъ къ маскѣ.

Она продѣла въ этотъ треугольникъ свою руку и двинула владѣльца его съ мѣста. Онъ зашагалъ рядомъ съ нею словно только-что заведенная механическая кукла.

Маска вывела его изъ залы въ сосѣдній покой, гдѣ кромѣ двухъ, трехъ, такихъ же какъ она замаскированныхъ дамъ, прошедшихъ мимо ихъ объ руку со своими кавалерами, никого не было.

— Сядемте сюда! указала она на диванъ въ углу комнаты.

Онъ усѣлся тамъ обокъ ея и уставился прямо ей въ глаза:

— Чтѣ имѣете вы сказать мнѣ? спросилъ онъ привычнымъ ему вопросомъ просителямъ въ *приѣмные дни*.

Она неволью засмѣялась этому „казенному“ тону:

— Много или мало, смотря потому какъ вы поймете меня.

Онъ вспомнилъ опять что „съ дамами надобно быть любезнымъ“, и засмѣяся, совершенно для нея неожиданно, какимъ-то всего его будто пошатывавшимъ смѣхомъ.

— Я готовъ васъ выслушать съ удовольствіемъ, сударыня, выговорилъ онъ поощрительно своимъ глубокимъ басомъ.

— Скажите, графъ, вы довольны вашимъ новымъ назначеніемъ? спросила его съ оника маска.

Онъ такъ былъ изумленъ этимъ „невозможнымъ“ въ его понятіи вопросомъ что смѣхъ мгновенно слетѣлъ съ его устъ и голова отшатнулась назадъ съ видимо-испуганнымъ выраженіемъ.

— Назначеніе это возложено на меня высшею властью, и поэтому я, какъ вѣроподданный Государя моего, принимаю его съ достоюлжною покорностью, проговорилъ онъ послѣтвенно.— А впрочемъ, промолвилъ онъ чрезъ мигъ какъ бы пораженный врезавшою мыслью,—сколько я понимаю, вашъ вопросъ вовсе не жевскій... и не *маскарадный*, подчеркнул онъ съ тѣмъ же глухимъ своимъ смѣхомъ.

— Совершенно напротивъ, возразила его собесѣдница, къ новому его удивленію:—только *женщина*, и только *подъ маской*, можетъ говорить объ этомъ съ вами свободно и откровенно. Никакой мужчина, подчиненный вамъ или вамъ равный, не рѣшится говорить съ вами такъ въ глаза.

Онъ пристально уставился на нее еще разъ, очевидно ображая степенъ вѣскости этой имъ неожиданной отповѣди.

— Вы очень правильно разсуждаете! воскликнулъ онъ вдругъ, слово сдѣлавъ необычайное открытіе: — государственными людямъ бываетъ иногда очень полезно знать что о нихъ думаютъ другіе и какъ ихъ понимаютъ... Прошу васъ поэтому, сударыня, сообщить мнѣ все что вы про меня слышали съ общаюною вами откровенностью; я буду слушать васъ со вниманіемъ и даже благодарностью.

Слова маски подились горячо изъ ея устъ:

— Да, вамъ полезно будетъ знать, графъ, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ узнали о вашемъ назначеніи всѣ кому дорого крестьянское дѣло. Вчера въ редакціонной комиссіи, когда объ этомъ узнали, у всѣхъ олустились руки *, всѣ пришли въ отчаяніе...

— Отчего же въ „отчаяніе“ перебилъ онъ ее и хихикнулъ;—скажите: въ „нѣкоторое разочарованіе“; это будетъ, полагаю, болѣе подходящая *редакція*.

— Отчаяніе, повторила она настоячиво,—потому что въ этомъ повяли поворотъ назадъ, отступленіе отъ прежней программы. Вы, какъ всѣмъ извѣстно, человекъ совсѣмъ

* *Матер. для ист. упрядн. крѣп. сост. въ Россіи.* Выпускъ III стр. 376.

цыхъ взглядовъ, вы status quo par excellence, вы не хотите того чего, кромѣ вашей партіи, желаетъ весь Русскій народъ...

Овъ снова услугавно перебилъ ее:

— Моей „партіи“? Позвольте, сударыня, я вѣдъ всякихъ партій!.. И глядя на нее уже съ явнымъ подозрительностью:— Вы, можетъ-быть,—прошелталъ овъ наклонясь къ ней,—принадлежите къ этому дому... вамъ, можетъ-быть, кѣмъ-нибудь... поручено,—вырвадось у него какъ бы противъ воли,—говорить со мною?..

— Никто мнѣ ничего не поручалъ, послѣшво молвила маска,—и къ дому этому я не принадлежу... Но я, торолаиво заговорила она теперь со внутреннимъ самоуслажденіемъ, съ гордымъ сознаніемъ тѣхъ „крулвыхъ государственныхъ истинъ“ которыя овъ сейчасъ вотъ услышитъ изъ ея усть,—но я раздѣляю всею душой тотъ взглядъ какимъ смотрятъ здѣсь на это дѣло. Здѣсь смотрятъ на него какъ слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ „государственнымъ людямъ“; здѣсь понимаютъ что мудрое правительство должно не тормозить, а идти впередъ всякаго умственного движенія въ обществѣ, чтобы не быть имъ ободеннымъ, а владѣть имъ и направлять дальше...

— „Мудрое правительство!“ повторилъ своимъ басомъ графъ Виллиаъ:—разсуждать о *сезъ* вовсе не женское дѣло.

— Что не помѣшало однако вашему отцу или предку, быстро возразила она,—служить съ пользою великой женщивѣ, которая первая мечтала о томъ что хочетъ осуществить теперь ея Правнукъ... и *подчиняться*,—подчеркнула она,—желаніямъ другой особы съ такимъ же государственнымъ умомъ и волею*.

Это напомианіе ему о его „предкѣ“ произвело въ своеобразномъ процессѣ мысли графа Виллиаа пріятное на него впечатлѣніе. Овъ вынулъ платокъ, протеръ имъ свои круглыя очки, и поправляя ихъ на носу:

— Вы очень умны, сударыня, проговорилъ овъ отчеканивая свои слова,—и съ вами пріятно было бы вести бесѣду... о всякомъ другомъ предметѣ, неожиданно добавилъ овъ.

— Возвращаю вамъ вашу любезность, отрѣзала она ему тутъ же въ отвѣтъ:—еслибъ отъ меня зависѣло, я конечно не употребила бы вашъ умъ и способности на дѣло къ которому вы мейѣ всего расположены...

* Книгинѣ Дашковой.

— Позвольте, остановилъ онъ ее движеніемъ своей огромной ладони,—вы ничего не можете знать о моемъ, вамъ такъ называемомъ, „расположеніи“...

— Послушайте, графъ, съ увлеченіемъ воскликнула она, и сейчасъ же понизила голосъ, замѣтивъ что проходившій по комнатѣ коричневый калуцийъ съ ликовымъ ваетомъ на груди (нашъ прѣзжій), видимо съ намѣреніемъ замедляя шаги, устойчиво и зорко слѣдилъ за ними взглядомъ:—вы богаты, независимы; вамъ нечего *искать*, какъ другіе... Вы, я не сомнѣваюсь, имѣете свои мнѣнія и дорожите ими; вы не захотите отступить, измѣнить *своими*... А тутъ идетъ дѣло о благѣ всего Русскаго народа... Откажитесь, графъ, поступите какъ слѣдуетъ честному человѣку, гражданину!...

— Что это значить, сударыня? Что долженъ я разумѣть въ вашихъ словахъ? бормоталъ растерянно сановникъ, лаясь отъ нея на диванѣ словно отъ привидѣнія или отъ опаснаго звѣря.

— Вы можете только испортить, погубить, такъ же пылко продолжало странное существо;—откажитесь отъ вашего значенія, скажите что вы не можете, не чувствуете себя способнымъ исполнить волю Государя!... Повѣрьте, исторія съ благодарностью помянетъ вашъ поступокъ... Въ противномъ же случаѣ, графъ, васъ... васъ проклянутъ, да,—васъ проклянетъ вся Россія!...

Сановникъ выросталъ обѣ свои ноги впередъ, поднялся на нихъ и выпрямилъ весь свой горбившійся отъ неломѣрнаго роста станъ.

— Милостивая государыня, кто бы вы ни были, произнесъ онъ съ достоинствомъ, которое какъ бы странно озадачило ее,—довѣріе коимъ читали меня мои государи я неуклонно старался оправдывать по мѣрѣ разумѣнія моего и силъ; отъ возлагаемыхъ ими на меня обязанностей не отказывался никогда, а совѣтовъ и наставленій, тѣмъ паче женскихъ,—примовилъ онъ, подымая ладець кверху,—отъ рожденія моего ни отъ кого не принималъ. Такихъ правилъ считаю долгомъ держаться и впредь; равно и отвѣта вамъ дать другаго не имѣю.

И съ мѣста, не оборачиваясь, онъ *потекъ* своимъ механическимъ шагомъ заведенной куклы обратно въ тавцовойальную залу.

Она осталась на диванѣ, безъ словъ, готовая заплакать отъ досады и страстно возбужденныхъ нервовъ...

А нашъ прѣзжіи между тѣмъ проходилъ далѣе въ глубь покоевъ, выжидая конца этого разговора, съ намѣреніемъ въ свою очередь „заинтриговать“ домико съ желтою розой, обратившее на себя его особое вниманіе... На встрѣчу ему шелъ высокій калуцивъ одной съ нимъ расы, съ червонымъ королемъ. Съ нимъ шла жена тогдашняго англійскаго посланника въ Петербургѣ, — еще недавно глѣвица италіанской оперы, — видимо забавлявшая его — слышался его смѣхъ — своимъ полнымъ незнакомствомъ съ обществомъ среди котораго она находилась и происходившими отъ того неясностями въ ея вопросахъ и отвѣтахъ. За ними, догоняя ихъ, скользя по паркету въ вѣнкахъ и букетахъ изъ розъ по воздушному бѣлому платью прелестная, черноокая, баронесса Таль, состоявшая при хозяйкѣ дома въ должности лектрисы и которую звали „le plus charmant spécimen de l'escadron volant de la reine“.*

— My lady, сказала она по-англійски за спиною той, притрогиваясь къ ея плечу, — васъ повсюду ищетъ вашъ кавалеръ на третій контрдансъ...

И вдругъ взглянула на обернувшагося къ ней слугаика посланницы, внезапно покрасѣла, и проговоривъ „pardon“, отступила на шагъ съ видимымъ смущеніемъ...

— Je n'ose vous retenir davantage, молвилъ тутъ же съ изысканною любезностью червоный король своей дамѣ, и привялъ отъ нея свою руку.

Баронесса Таль, нѣсколько растерянная, подхватила ее подъ локоть и, тревожно оглядываясь по пути, выскользнула съ нею изъ комнаты.

Червоный король быстро подошелъ къ прѣзжему:

— Dis donc mon cher, хочешь ломѣяться фигурами?

— Пердро! вскакнулъ тотъ, узнавая его, — какъ на тебѣ эта карта? Она сейчасъ была, говорятъ, на...

— Мнѣ ее отдали и взяли мою pour dérouter les curieux, таинственно отвѣчалъ Пердро; — это ужасно весело выходить... Ты видѣлъ, разсмѣялся онъ, — quel effet j'ai produit sur Hélène Tahl?... А телерь можешь воспользоваться этимъ талисма-

* Подъ этимъ названіемъ значилась фрейлины французской королевы Catherine de Medicis, отлщавшіяся, какъ извѣстно, красотою своею и умомъ.

номъ для собственныхъ твоихъ комбинацій. Дай мнѣ твоего ликового валаета!

— Пожалуй! отвѣтилъ калуцивъ, перекидывая черезъ калошю ленту со своею картой.

— Merci et bonne chance! кивнулъ ему головою Пердро, — и исчезъ.

V.

Si cadendum est, coelo cecidisse velim.

Падать, — такъ съ неба.

Пріѣзжіи остались одинъ... но не надолго. Въ дверяхъ показался стройный обликъ домино съ желтою розой о которомъ онъ только что думалъ... Онъ лоскѣнулся къ ней:

— Вы наконецъ покончили съ государственными дѣлами? спросалъ онъ ее смѣясь.

Она окинула его быстрымъ взглядомъ, замѣтила востынаго у него на груди червоного короля...

Боже мой, неужели?... неужели случай доставляетъ ей возможность выговорить все, все чѣмъ полна ея мысль, „чѣмъ живеть она душой“, — и быть выслушанною, произвести впечатлѣніе?... Неужели, вотъ сейчасъ, сейчасъ, лоскѣ неудачной попытки съ Влцинымъ, должны исполниться забытыя ея мечтанія, все чего тщетно добивалась, къ чему напрасно рвалась она до сихъ поръ?... О, лишь бы только нашлась въ ней сила неотразимаго убѣжденія, нашлись тѣ пылающіе огнемъ глаголы которыми древніе пророки „жгли сердца людей“! проносилось у нея въ головѣ изъ едва ли не единственнаго стихотворенія Пушкина которое почитала она достойнымъ своихъ сочувствій...

— Вы почему думаете что я говорила о государственныхъ дѣлахъ? молвила она, стараясь подавить невольную дрожь голоса и расходившееся въ ней внутренно волненіе.

— Достаточно для этого одного вида того съ кѣмъ вы говорили, тѣмъ же веселымъ тономъ отвѣтилъ калуцивъ; — о чемъ иномъ можетъ быть рѣчь съ графомъ Влцинымъ!... Позволено ли будетъ узнать о какой именно статьѣ свода законовъ шла у васъ съ нимъ рѣчь?

— Я говорила съ нимъ не о законахъ, проговорила она, придавая особенную серьезность тому своимъ словъ,—а о его новомъ назначеніи....

— Какимъ?

Желтая роза вскинула на него изумленно глаза:

— Вѣдь онъ поставленъ во главу комиссіи по крестьянскому дѣлу....

— Въ самомъ дѣлѣ? Я не зналъ, сказалъ онъ самымъ естественнымъ тономъ.

Она еще разъ повела на него взглядомъ.... и тутъ же успокоилась. „Онъ не желаетъ чтобъ его узнавали, объяснила себѣ она, онъ притворяется незнающимъ того что знаетъ со вчерашняго дня весь Петербургъ. Тѣмъ лучше, такъ объясняется съ нимъ легче....“

— Да, сказала она громко и рѣшительно,—и я ему передала то ужасное впечатлѣніе какое произвело это назначеніе его на вѣдѣхъ кому дорого благо Россіи и слава Государя... Государя отъ котораго такъ много ждетъ она, прибавила она уже дрогнувшимъ голосомъ.

— О, о, засмѣялся калуцкиъ,—такъ-таки и передала *bel et bien!*... Съ какою же цѣлью?

Она смутилась на мигъ.

— Чтобъ убѣдить его отказаться отъ того что въ его рукахъ.... можетъ только погубить дѣло....

— А онъ, спросилъ насмѣшливо ея собесѣдникъ,—онъ, разумѣется, послѣднимъ сейчасъ же признаетъ основательность вашихъ резонновъ, поѣдетъ завтра въ Зимній Дворецъ и попроситъ тамъ сложить съ него то на что онъ, по вашему, не годится?

Она вся вспыхнула подъ своею маской; эта провія, это отношеніе къ ея словамъ какъ къ чему-то несерьезному, ребяческому.... О, какъ это было больно ей! На рѣсвицахъ ея заискрились слезинки....

— О, прошу васъ, не говорите со мною такъ! вырвалось у нея неудержимо изъ груди;—вы много для себя полезного можете услышать отъ меня; до васъ, въ вашемъ положеніи, рѣдко доходитъ правда....

— Почему вы такъ думаете? перебилъ ее калуцкиъ съ новымъ, искреннѣйшимъ, повергшимъ ее въ первую минуту въ величайшее недоумѣніе смѣхомъ;—въ вашей обители братія обязана, напротивъ, говорить и выслушивать правду, только правду.

Но заблужденіе ея не разсѣялось отъ этихъ словъ; она поняла только что „не такъ“ сѣдовало ей говорить, не этимъ „прямымъ обращеніемъ къ лицу“, а сохраняя условные приемы маскараднаго языка.

— Я слышала о вашемъ уставѣ, послѣшила она отвѣтить, стараюсь теперь попасть въ шутливый отгѣнокъ его тона,—но я именно хотѣла сказать что въ „вашемъ положеніи“ вы слишкомъ отдалены отъ міра. Ваша „обитель“ на высотахъ, и правда, наша дольшая, *простыя смертныя* правда доходить до васъ съ величайшимъ трудомъ. Ваши стѣны такъ неприступны, такъ ревниво охраняемы... Какъ проникнуть чрезъ нихъ къ вамъ?...

— Вы прекрасно говорите, отвѣтилъ онъ, глядя ей пытливо въ глаза,—но чего бы вы собственно желали?

— Я? Чего бы я хотѣла? вскрикнула она, сверкнувъ ему въ отвѣтъ пламеннымъ взглядомъ:—я отдала бы кажется всю жизнь чтобы *тамъ*, въ „вашей обители“, знали сколько можно сдѣлать здѣсь великаго и добраго... Вѣдь у монастырей есть свои земли и населеніе,—добавила она, все также силясь держаться условности и *игривости* маскараднаго языка, и дѣлая это крайне неловко,—и вы несомнѣнно желаете чтобы они были счастливы... Все, все зависитъ отъ того чтобы къ вамъ доходилъ голоса истинныхъ друзей народа, а не тѣхъ кто заинтересованы держать его какъ можно долѣе въ рабствѣ и невѣжествѣ!...

Калуцкивъ чуть-чуть пожалъ плечами:

— Изъ вашихъ красворѣчивыхъ словъ я заключаю прежде всего то что *патеръ* Виливъ остался глухъ къ вашимъ словамъ, а затѣмъ!...

— А затѣмъ, горячо перебила она его,—что я всею моею душой жажду чтобы великая воля Того Кто хочетъ дать свободу миллионамъ своего народа не могла быть извращена Виливыми и компаніей!...

Еслибъ она могла заглянуть въ этотъ мигъ подъ маску своего собесѣдника, она прочла бы то сочувственное выраженіе которое горячность ея словъ вызвала на его лицѣ. Но онъ не хотѣлъ почему-то высказать ей это сочувствіе; онъ считалъ нужнымъ, напротивъ, насмѣшливо вздохнуть и проговорить съ комическимъ эмфазомъ:

— О Шиллеръ, гдѣ ты!

Она дрогнула словно подъ душею ледяной воды.

— Отчего „Шиллеръ“? недоумѣло проделетала она.

— Я ломлю въ его *Донъ-Карлосъ* въ этомъ же родѣ говорить маркизъ Поза королю. Хотя я не Филиппъ испанскій, и вамъ не угрожаетъ тотъ трагическій конецъ....

— Что же, не дала она ему договорить, вздрагивая отъ возбужденія уносившаго все ея существо,—я готова всегда отвѣтить за свои убѣжденія... Куда хотите: въ монастырь, въ ссылку!...

Она услышала новый смѣхъ его подъ маской:

— Еще бы! Я не сомнѣваюсь что это доставило бы вамъ большое удовольствіе.

Она теперь почти съ ужасомъ обернула къ нему голову:

— Это что же значитъ?

— Есть натуры для которыхъ мученичество—пріятнѣе конфетъ. А вы, кажется, весьма изъ этихъ натуръ. Середки нѣтъ въ вашемъ воображеніи, неправда ли: власть, вліяніе, или ссылка, заточеніе?

— Вліяніе, повторила она какъ бы машинально, высоко дыша грудью,—да, для блага, для счастья людей... человечества...

— О, какія громкія слова... и какая самонадѣянность, *клянусь!* какъ бы подчеркнул капуцинъ.

— Вы меня узнали!... смущенно пробормотала желтая роза.

— Я васъ *знаю*, отвѣчалъ онъ не сейчасъ,—и мнѣ васъ жаль.

— Я не прошу жалости, пылко вскалкнула она на эти слова; и тутъ же, считая нужнымъ говорить „болѣе прилично“:— чѣмъ могла я возбудить въ васъ это чувство? спросила она мягче.

Чѣмъ-то необычайно участливымъ, *добрѣмъ* зазвучало для нея въ его отвѣтъ:

— Вы губите напрасно свою молодость, мнѣ кажется.... да и не кажется только,—я увѣренъ! Мы живемъ далеко другъ отъ друга, но я могу *точно* сказать вамъ что происходитъ съ вами. Вы томитесь, алчете, ищете... Чего? Вы въ' сущности сами этого не знаете. Вы чувствуете только въ безлокойной душѣ своей какой-то—извините за выраженіе—какой-то *задоръ*, муку по чему-то неженскому, ненормальному въ женщинѣ. Ваша жизнь не удовлетворяетъ васъ... Она васъ никогда не удовлетворяла, неправда ли?

— Да, растерянно отвѣтила она.

Боже мой, кто же съ нею говорить, какъ можетъ звать она ее такъ?.. И голосъ его теперь какъ будто не тотъ что въ перыя минуты ихъ разговора... Но чей же, чей же это голосъ?!

— А знаете почему? продолжала незнакомецъ:— потому что вы исключительно живете умомъ... Посмотрите (она подошла теперь къ одной изъ дверей танцевальной залы): вотъ предъ вами блестящій праздище, музыка, огни, вихрь танца... Я знаю что вы мнѣ скажете,—быстро примолвилъ онъ, предвараая ее возраженіе:—vanité des vanités, армарка тшеславія. Ну да, я знаю, *кругомъ* знаю, весело молвилъ онъ;—но все же за этимъ есть и другое. Вотъ вамъ лица вашихъ сверстницъ; посмотрите какъ они горятъ, какъ блестятъ ихъ глаза,—вѣдь этого не поддаваешь,—онъ искренно веселится, ихъ въ этомъ вамъ съ увоситъ теперь лучшее что имѣется у нихъ: ихъ молодость, ихъ вѣра въ будущее, и та крупинка поэзіи которая есть въ каждой душѣ и à ses heures сказывается себя ей... А вы, княжна, отдавались ли вы когда-нибудь этому умоощающему часу молодости? На этомъ сверкающемъ балѣ вы одиѣ, точно старый статсъ-секретарь, заматы *государственныя соображенія* и забываете изъ-за нихъ все: и вся...

— Себя не передѣлаешь, мрачно примолвила она.

— Положимъ... но *направить* себя всегда можно...

— На что?

— На то что правильно, возможно, осуществимо... Прежде всего, будьте тѣмъ чѣмъ Богъ васъ сдѣлалъ, — женщиною, произвешъ онъ съ какою-то особенною ласковостью въ голосѣ.

— Безличностью, то-есть? презрительно уронила она на это съ губъ.

Онъ поглядѣлъ на нее изъбока.

— А можно просить васъ сказать откровенно: чего вы достигли до сихъ поръ своею *независимостью*? Вотъ вы сейчасъ говорили съ графомъ Владымымъ, со мною... у васъ гѣроично до этого было не мало *длительныхъ* разговоровъ и со многими другими лицами... Остаецъ ли вы довольны ими, и полагаете ли вообще что ревность ваша о баггъ „человѣчества“ можетъ привести васъ къ чему-нибудь серіозному?

Она не отвѣтила: онъ затронулъ самую большую струну ея... Нѣтъ, ничега она не достигла до сихъ поръ, ничѣмъ не удовлетворила того что скребло въ глубинѣ души ея и подвигало ее на всю эту ея суетливую и тщетную *дѣятельность*!..

— А что хуже всего, безпощадно говорилъ даѣе калуцшнъ,—что вы все-таки для другихъ остаетесь женщиной, и что они въ массѣ могутъ судить о васъ только подъ этимъ угломъ зрѣнія... То о чемъ вы такъ горячо говорили мнѣ сейчасъ, напримѣръ... я вамъ говорилъ,—а васъ знаю, знаю изъ какого чистаго источника шли ваши слова... Но другой на моемъ мѣстѣ не могъ ли бы почестъ ихъ за игру, за приманку, за которую скрываются цыные, дичные мотивы прямо *френскаго* характера?...

Онъ почувствовалъ какъ мгновенно подъ его локтемъ лихорадочно вздрогнула ея рука. Но вся гордость ея натуры пробудилась вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ невольнаго, какъ бы безсознательнаго стыда.

— Еслибы такіе мотивы существовали у меня, я ихъ не скрывала бы, произнесла она звенящимъ какою-то вызывающею отвагой голосомъ,—а пока я говорю другое, никто не имѣетъ права подозрѣвать меня въ нихъ!.. Вы позволите мнѣ васъ оставить? домолвила она, принимая свою руку, кивнула и быстро прошла въ бальную залу.

„Ничего“, сказалъ себѣ мысленно пріѣзжій, глядя ей вслѣдъ, „предварить ее не мѣшало: ей здѣсь добромъ не кончить... А натура интересная, безслорно“... И онъ задумался.

Кто-то притронулся къ его плечу. Онъ обернулся...

— Что, довольно съ тебя червоннаго короля? спрашивалъ его шелотомъ графъ Пердро.

— Совершенно довольно; можешь взять его себѣ обратно.

— Давай, давай! молвилъ съ живостью тотъ;—я подожду съ нимъ сейчасъ къ Лимютиву и озадачу его. „*L'appétit vient en mangeant*“, скажу ему, „*mais pour vouloir trop manger du russe d'aristocratie il vous viendra la pépie*“ *. Hein, il est joli le mot?

Товарищъ его расхохотался невольно этой глупости. Расхохотался, обернувшись къ нимъ, и стоявшій къ нимъ до сей минуты сливою у тѣхъ же дверей и слышавшій эти громко произнесенныя слова, еще молодой, средняго роста, человекъ въ черномъ фракѣ безо всякихъ орденскихъ отличій, похожій выраженіемъ лица не то на Тьера, не то на другаго государственнаго человека, графа Кавура (счастливая звѣзда котораго стояла въ эту пору на зенитѣ своей славы), съ чѣмъ-

* Типуль на куриномъ языкѣ.

то притомъ своимъ, ѣдко-остроумнымъ, въ складкахъ рта, въ рѣзко выдвигавшемся впередъ подбородкѣ. Звали его князь Бековичъ.

— *Pu en a de moins mauvais—et de plus mérités* сказалъ онъ какъ бы веселымъ укоромъ.

Нѣсколько сконфуженный Пердро готовился отвѣтить, какъ въ эту минуту приблизилась ко князю нескончаемая и мрачная фигура графа Вианна.

— Я имѣю вамъ сказать два слова, князь.

— Сдѣлайте одолженіе, графъ!

И Бековичъ выступилъ на два шага ближе къ нему, въ танцевальную залу.

— Имѣвъ удовольствіе познакомиться съ вами сегодня, и имѣя въ виду наше ближайшее вышѣ совместное съ вами служеніе, загудѣвъ опять надъ его ухомъ лохоровный басъ графа Вианна,—я буду васъ просить, въ личное мнѣ одолженіе, а также и въ виду особыхъ, мнѣ извѣстныхъ обстоятельствъ, сказать мнѣ, поскольку вамъ вѣдомо, кто эта женская особа въ маскарадной одеждѣ, пущая подъ руку съ молодымъ человекомъ не состоящимъ, какъ и вы, въ коронной службѣ, какъ я могу о томъ судить по его лартикулярному фраку?

— Эта высокаго роста особа въ домино?

— Да, да, точно: мнѣ извѣстно что эта одежда называется „домино“.

— Съ желтою розой подъ кашпономъ?

— Да, съ большимъ цвѣткомъ желтаго цвѣта.

Бековичъ подвѣлъ на него глаза и азвительно улыбнулся:

— Она въ маскѣ, графъ.

— Точно, вижу: лицо прикрито маской.

— Такъ какъ же вы хотите чтобъ я вамъ ее назвалъ?

— Вы съ нею незнакомы?

— Это все равно: называть имя особы подъ маской не имѣетъ никто права.

Сановникъ недоумѣло поглядѣлъ на него съ трехаршинной высоты своей, поправилъ круглыя очки... и вдругъ вспомнилъ:

— Вы это точно, правы, глухо, внутрь себя захихикалъ онъ:—это, я слышалъ, входитъ въ правила сего рода забавъ... Надо вамъ сказать, князь, примолвилъ онъ какъ бы уже *конфиденціально*,—что я никогда маскарадовъ не посѣщалъ, да и вообще, въ виду моихъ, съ раннихъ лѣтъ, постоянныхъ государственныхъ занятій, старался всегда избѣгать свѣтскихъ развлеченій.

Бековичъ, покушаясь губы, счелъ нужнымъ одобрительно повести головой.

— А этотъ молодой, не служащій и не имѣющій на себѣ маски, человекъ, продолжалъ между тѣмъ Вилницъ,—има его не составляетъ тайны?

Князь уже громко разсмѣялся:

— Такъ же мало какъ то что солнце греетъ и зимой холодно. „Этотъ молодой человекъ“—товарищъ мой по редакціонной комиссіи и по непринадлежности къ „коронной службѣ“,—подчеркнулъ онъ,—Сергій Михайловичъ Гундуровъ.

— А-а! противуль самовникъ;—я много слышалъ о его дарованіяхъ, и даже учености. Очень радъ что имѣю возможность познакомиться заранее съ характеромъ, такъ-сказать, его наружности...

Онъ примолкъ, словно оборвалъ. Бековичъ съ любознательствомъ глядѣлъ на него... И вдругъ, внезапно, онъ засмѣялся своимъ глухимъ, и какъ бы уже не хотѣвшимъ прекратиться теперь смѣхомъ:

— А вотъ, сказалъ онъ князю,—вы не хотѣли сообщить мнѣ имя этой особы съ большимъ цвѣткомъ, а я знаю кто она, мнѣ раньше скавали. Это княжна Кубенская, фрейлина одна.

И сновидный оригиналь-гигантъ, завернувъ на своихъ огромныхъ стульяхъ и продолжая веселить себя собственнымъ смѣхомъ, отошелъ отъ своего собесѣдника, дѣйствительно пораженнаго этою-выходкой.

— Князь, подошелъ къ нему нашъ пріѣзжій въ коричневомъ калудинѣ, оставшійся стоять у дверей въ продолженіе этого времени,—до меня долетѣло сейчасъ въ вашемъ разговорѣ имя княжны Кубенской. Я имѣю особая причины быть въ этомъ случаѣ нескромнымъ: можете ли вы мнѣ сообщить что могъ сказать вамъ о ней вашъ длинный собесѣдникъ?

— L'illustre homme d'état et orateur de la droite! засмѣялся тотъ своимъ острымъ смѣхомъ;—ничего не понимаю: онъ началъ съ того что спросилъ меня, кто эта маска, а когда я, само собою, отказалъ ему въ отвѣтѣ, онъ назвалъ мнѣ ее во всеуслышаніе.

— Вы знакомы съ княжною? спросилъ олять калудинъ.

— Знакомъ, какъ же!

— Благоволите къ ней?

— Очень, очень! съ жаромъ молвилъ Бековичъ.

— Такъ передайте ей объ этомъ эпизодѣ; а имѣю основаніе думать что вы окажете ей этимъ услугу.

— Сейчасъ же; очень вамъ благодаренъ.

Она подавая другъ руку. Беконичъ направился въ сторону Кляквы и Гундурова. Калущинъ почтёвъ въ дальнихъ покояхъ.... Онъ искалъ Пердро.

Боммотастъ, очень довольный вечеромъ, въ устройствѣ котораго принималъ усерднѣйшее участіе, и похвалами которыми получены были имъ по этому случаю, сидѣлъ одиноко въ полутемномъ углу и снявъ маску жадно пилъ сельтерскую воду пополамъ съ шампанскимъ, отдаваясь отъ жары и двухъ сутокъ тревожной бѣготы:

— Ah, mon cher, mon cher, крикнулъ онъ,—ступай сюда, садись!.. C'est-il réussi la soirée d'aujourd'hui, hein? Хочешь шампанскаго?.. А ты слышалъ la nouvelle romance de Tsips (такъ называлъ онъ цѣлѣннѣйшаго своего друга, весьма любимаго тогда въ петербургскихъ гостиниыхъ, композитора и пѣвиста, Леви) на мои слова:

J'en fais l'aveu,—vous étiez si jolie,
Mon coeur charmé se donna sans retour..

— Послушай, сказалъ ему тотъ,—я пришелъ предупредить тебя что я увѣжаю...

Пердро такъ и вскочилъ съ мѣста:

— Чтò ты, чтò ты! Ignorest tu l'étiquette? Развѣ можно отсюда увѣжать до конца вечера! Подумай, вѣдь это можетъ пасть на меня!

— Ничего не падеть и никто не замѣтитъ. Всѣ меня давно забыли...

— Eh, eh, on n'oublie pas un millionnaire!..

— Ну, какъ знаешь, а только я не могу оставаться; нестерпимо болитъ голова и душно,—а снять маску не хочу; не хочу чтобы кто-либо и зналъ что я былъ здѣсь,—понимаешь?

— Ah, hab'Veerstand,—affaire de femme! Déjà? взвизгнувъ комически Пердро. Онъ всталъ въ позу, подвѣвъ руку театральнымъ жестомъ, и залѣвъ каррикатурнымъ англійскимъ акцентомъ на фразу тевера въ извѣстномъ трио *Лукреція Борджиа*:

Oh, quelle situation (situation) affreuse
For an English gentleman! *

* О, какое ужасное положеніе для англійскаго джентлмена.

— Прощай! крикнулъ калуцкиъ, махнувъ на него рукой и уходя.

— Eh, dis donc, крикнулъ онъ ему въ свою очередь,—если про тебя спросать, я скажу что ты уналь съ *дромадера*. Ты мнѣ за это поставишь завтра—я зайду къ тебѣ завтракать—*дрей-мадера à cinq roubles*.

— И веревку въ придачу, не могъ не разежваться его пріятель:—послѣ срамоты подобнаго камамбура тебѣ остается только повѣситься....

Гундуровъ, которому княжна только-что сообщила о разговорѣ ея съ графомъ Вилцкимъ (они сидѣли теперь въ одномъ изъ угловъ залы), былъ, повидному, гораздо болѣе смущенъ чѣмъ сама она, когда князь Бековичъ передалъ ей о томъ что ему было сказано тѣмъ: онъ тотчасъ же сообразилъ что изъ этого могутъ „произоити для нея неприятели“.

Князь, узнавъ въ чемъ дѣло, былъ того же мнѣнія.

— Этотъ человекъ, говорилъ онъ смѣясь,—не видитъ ничего внѣ фокуса своего дѣловаго міра; онъ отнесетъ вашъ разговоръ съ нимъ къ разряду *официальныхъ*, сочтетъ нужнымъ *доложить* о немъ, меморию о немъ составить.... Неприятно въ сущности то,—примолвилъ онъ уже серьезно,—что, судя по тому что онъ сказалъ вамъ, онъ залодозрилъ васъ подославною къ нему хозяйкой этого дома; изъ этого могутъ выйти серьезныя complicati...

— Да-да, какъ бы машинально подтвердилъ Гундуровъ.

Княжна Кубенская внимала ему, безмолвная и незримая подъ своею маскою, съ какимъ-то странвымъ равнодушіемъ... Какое ей было дѣло до могущихъ ожидать ее „неприятностей“,—и что онъ сравнительно съ тѣмъ терзающимъ сознаниемъ своего *безсилія* которое испытывала она теперь!... Да, онъ былъ правъ тотъ.... послѣдній, съ которымъ она говорила.... И кто онъ, этотъ странный человекъ.... котораго она приняла за другаго... и который судилъ о ней такъ строго—и такъ вѣрно?.. Да, онъ правъ; всѣ эти ея мечты „властвія“, власти“—все это мыльные пузыри, тщета, дымъ! Она ничего, ничего не можетъ. Ея никому не нужно, ея содѣйствія никто не просить. Она видитъ, понимаетъ: даже вотъ эти два самые сочувственные ей и ей сочувствующіе человека въ Петербургѣ не только не благодарны ей, но осуждаютъ въ душѣ то что вздумалось ей сдѣлать въ дѣлахъ, мечтала она, „общаго ихъ дѣла“; они даже прямо высказываютъ что ея непрощенная

выходка можетъ отозваться непріятною „компликаціей“ для высокой особы благоволящей къ нимъ, и которая имъ гораздо болѣе дорога чѣмъ она.... То что она говорила, вся эта горячка ея рѣчей, ея страстное желаніе служить „высокимъ идеаламъ человечества“ могутъ быть истолкованы „важными мотивами *фемскаго характера*“,—могли бы быть объяснены такъ тѣмъ съ кѣмъ думала она говорить. О, стыдъ!.. О, смѣхъ! Она смѣшна—больше ничего! „Довъ-Кяхотъ во фрейлинскомъ шлейфѣ“, съ горечью говорила она себѣ, „съ канвоюю иглой вмѣсто кольца....“ И неужели, дѣйствительно,—съ новою тоской щемило у ней сердце,—ни къ чему, ни къ чему не найдетъ она приспособить себя, свои способности, свою неизскаемую жажду большого, широкаго дѣла,—и нужно уступить общей людской лоялости, опустить голову, цѣти за всѣми по избитымъ до тошноты колеямъ жизненной дороги? О, еще разъ, какъ онъ былъ правъ, этотъ невѣдомый ея собесѣдникъ: „заточеніе“, „ссылка“ были бы для нея во сто разъ предпочтительнѣе этого давящаго сознанія своей бесполезности, несостоятельности всѣхъ ея душевныхъ задачъ и стремленій!..

А благостательный праздникъ между тѣмъ сверкалъ кругомъ нея всѣмъ своимъ опьяняющимъ соблазномъ. Забирающій, страстный вальсъ Штрауса какими-то раздражающими струями лился ей въ уши, билъ по какимъ-то еще невѣдомымъ ей самой струнамъ въ какомъ-то далекомъ уголку ея существа... „Да“, приподнимаясь ей опять его слова: „музыка, огни, вихрь танца, и имъ всѣмъ весело, *дѣйствительно* весело; въ нихъ говорить теперь лучшее что есть у нихъ: ихъ молодость и та *крутинка поэзіи* которая есть въ каждой душѣ...“ Вотъ, чуть-чуть склонивъ вѣнчанную бѣлыми лиліями голову, высокая и тонкая какъ сама она, съ такими же бѣлыми, русалочьиими глазами, охваченная ловкою рукой статваго молодого командира одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, проносится княжна Лонгоманова, одна изъ красавицъ, изъ наиболѣе обращающихъ на себя вниманіе свѣта красавицъ Петербурга. Предъ Кирой мелькнули на быстромъ поворотѣ ихъ сдержанная улыбка дѣвушки, блаженно лылающіе глаза ея темнокудраго кавалера.... „Ils s'aiment“, сказалось ей опять въ томъ тайномъ уголкѣ, „онъ безгранично вѣрится въ нее, ихъ ждетъ счастье.... Счастье, *поэзія*“, бессознательно повторила она внутри себя,—она лишь одна „будто

старый светъ-секретарь"... А развѣ бы не могла и она... „О, еслибъ это когда-нибудь зажатало ее..." кинулось ей внезапно, какъ вино, въ голову, и не договорилось ею...

Прямо въ ея сторону несется новая пара. Мчить знакомую ей „интригантку“, жену „какого-то никому невѣдомаго“ камеръ-юнкера Раицева, коротенькій и юркій офицеръ Хлытовъ, изъ „академистовъ“. Она его тоже знаетъ, сама она немъ: новый продуктъ новой эпохи, онъ одновременно и нагло либеральствуетъ въ кругу „авторитетныхъ“ сотрудниковъ „непривнающаго авторитетовъ“ *Современника* и работаетъ предъ властью, предъ звонкими именами, предъ свѣтскимъ услѣхомъ, предъ каждымъ призракомъ услѣха и власти. Онъ заносчивъ и злоязыченъ, лихорадочно лѣзетъ въ большіе люди, и уже страстно ненавидимъ равными и низшими... Онъ близко, тѣсно прижимаетъ къ себѣ роскошный ставъ своей дамы. Она усмѣхается какъ бы невольна, но за мѣтло отворачиваетъ лицо свое отъ его пыхтящаго лица...

„И это тоже *воззѣ*!“ съ новою горечью поднялось со дна души нашей фрейлины. И еще скелтачивѣе, еще презрительнѣе чѣмъ прежде сжалась ея губы подъ маской.

Собесѣдники ея исчезли, какъ бы не желая прерывать ея задумчивость. Она отошла отъ круга танцующихъ и побрела направляясь въ дальніе локои и сѣдя инстинктивно глазами за кое-гдѣ еще мелькавшими въ тоалѣ коричневыми пятнами мужскихъ домино. Она, сама не давая себѣ въ этомъ отчета, искала новой встрѣчи съ тѣмъ кого за четверть часа предъ этимъ покинула подъ вліяніемъ мгновенной на него досады.

Мимо нея проходитъ баронесса Таль подъ руку съ высокимъ Остзейцемъ, барономъ Гагерномъ, отцомъ молодой графини Наташавцевой, ея, княжны, предмѣстницы во *** дворцѣ. Ихъ занимаетъ оживленный и ловидному вѣскій по своему мотиву разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ:

— Васъ просятъ только не вѣшпаваться, доносится до чуткаго слуха княжны торолацвый голосъ хорошенькой лектрисы,—оставьте Русскихъ покоячить со своимъ вопросомъ какъ они знаютъ; *нашего* положенія не тронуть.

— Вы уполномочены сказать мнѣ это? такъ же быстро спрашиваетъ онъ, низко наклонясь къ ней.

Отвѣта уже не слышно, только затылокъ барона откидывается назадъ какимъ-то торжествующимъ движеніемъ.

— Отчего же, отчего же „не тронуть?“ Развѣ вашъ обез-

земледелецъ крестьянинъ счастливѣе нашего крѣпостнаго? готова была чуть не крикнуть Кира, взорванная внезапно опять въ своихъ заветныхъ помыслахъ этою „несправедливостью“.

Но она пропала... Другой вѣскій разговоръ заставляетъ ее невольно остановиться и прислушаться снова:

Князь Бековичъ стоитъ у дверей, въ которыя намѣрена пройти она, съ рослымъ, плечистымъ, высоколобымъ иностранцемъ. Это—прусскій посланникъ, извѣстный въ Петербургѣ какъ страстный любитель медвѣжьей охоты, на которой проводитъ онъ половину своего времени. Выраженіе лица его, съ круглымъ очертаніемъ глазъ и подстриженныхъ кругомъ рта короткихъ усовъ, наломываетъ спяный, самоувѣренный и жесткій обликъ большой хищной птицы... Еще вѣсколько лѣтъ—и не будетъ имени въ Европѣ громче его имени,—а пока онъ ѣздитъ, „великій ловецъ предъ Господомъ“, въ новгородскіе и оловецкіе лѣса, всего менѣе появляясь въ свѣтъ, и всего болѣе вожаясь съ медвѣжатниками и стрымъ людомъ страны въ которой аккредитованъ онъ своимъ правительствомъ....

— N'allez vous pas trop vite? съ легкою, прирожденною ему задержкою языка, чтобы не сказать заиканіемъ, говоритъ онъ своему собесѣднику:—il aurait fallu, ce me semble, donner aux opinions le temps de se tasser. *

— Разъ на ходу, намъ ужь некогда ждать, живо, съ какою-то дѣланною шутовскою возражаетъ ему князь:—намъ суждено высшею судьбой, какъ одному изъ богатѣйшихъ нашихъ сказокъ, бездѣйствовать цѣлый рядъ лѣтъ...

— Pour vous recueillir, съ чуть замѣтною прокией превралъ его дипломатъ, намекая на извѣстныя, разнесшіяся тогда по всей Европѣ слова: „La Russie ne boude pas, elle se recueille“.

Бековичъ, какъ бы не слышавъ, продолжалъ:

— И потомъ надѣвать семимильные сапоги чтобы догнать вышедшихъ ранѣе насъ на дорогу исторіи.

— Чтобы *перегнать* ихъ, конечно? вскинувъ на него быстрый и пытливый взглядъ вернулъ тотъ.

* Установиться, сложиться.

— Eh, eh, засмѣялся князь своимъ язвительнымъ смѣхомъ,—*Dieu aidant, petit oiseau deviendra grand.*

Посланникъ засмѣялся тоже:

— *Chi va piano va sano* *, громко и дружелюбнымъ тономъ сказалъ онъ только.

— Насъ этому учить не нужно: въ Россіи и такъ все *piano*, раздался лодъ самымъ ухомъ Бековича чей-то голосъ.

Онъ послѣшню обернулся.

Подлѣ него стоялъ высокій калуцинъ и, приложивъ палецъ ко рту, таинственно шепталъ ему:

— Это *quò vous autres, Slaves moscovites, appelez le „русскій духъ“.*

— Шутъ, съ невольнымъ раздраженіемъ промолвилъ сквозь зубы князь, отворачиваясь, между тѣмъ какъ посланникъ, ловивуясь пригласительному движенію головой хозяйки дома,— онъ стояли не въ дальнемъ разстояніи отъ ея мѣста,— быстро направлялся къ ней.

Княжна не слышала послѣдняго разговора: глаза ея не отрывались отъ калуцина съ червонымъ королемъ. Она еще двинулась шагъ впередъ.

— О чемъ рѣчь, не секретъ? проговорила она, наладживаясь на шутивый тонъ и относясь къ Бековичу.

— *Nous parlions musique, et spécialement piano*, beau masque, послѣшшилъ отвѣтить за него червоный король.

Эта острота, этотъ французско-польскій акцентъ...

— Графъ Пердро! вырвалось у нея невольнымъ и досадливымъ возгласомъ.

— *Perdreau rôti... d'amour, pour vous servir!* скалабурлилъ онъ на свое собственное имя, предлагая ей свой подвернутый *калачикомъ* локоть.

Но, къ нѣкоторому изумленію его, она, не отвѣчая, скользнула мимо и исчезла за дверями.

Она забралась въ какую-то полусвѣщенную гостиную, олустилась тамъ у двери на диванъ и, закинувъ голову на его спинку, какъ бы замерла въ тяжелой душевной истомѣ....

Но вотъ шаги, кто-то входитъ въ сосѣдную комнату. Въ отворенную дверь доносятся до нея чьи-то голоса. Ей не до

* Кто идетъ тихо, идетъ благоразумно.

вахъ, она не слушаетъ, но звуки ихъ будто ей знакомы... Это, кажется, княгиня Андомская, а другой мужской голосъ— не голосъ ли ея отца?

Да, это они. Графъ увелъ дочь сюда, въ отдаленный покой, для объясненія, для просьбы, на которую отвѣчаетъ она отказомъ....

— Я слишкомъ уважаю себя и васъ, говорила она, подчеркивая, своимъ отборнымъ французскимъ языкомъ (княгиня Андомская принадлежала по воспитанію къ той еще порѣ когда свѣтскія дамы Петербурга говорили по-русски какъ ихъ Француженки-швеи),—чтобы согласиться на это.

— Послушайте (по-французски vous: онъ не говорилъ иначе съ дѣтми своими), отвѣчалъ графъ, приглашая ее движениемъ руки занять мѣсто въ креслѣ и садясь самъ подле:—на дняхъ въ *** дворцѣ я хотѣлъ познакомиться васъ съ нею формально; вы не согласились. Теперь я у васъ прошу немногого: будутъ танцовать мазурку,—выберите ее въ какой-нибудь фигурѣ... это васъ ни къ чему не обязываетъ далѣе...

— Je ne le ferai pas, mon père!.. Я этого не сдѣлаю! повторила она рѣшительнымъ тономъ:—въ танцахъ, какъ во всемъ прочемъ, я вожусь только со *своими* (je ne fraie qu'avec mes pareilles), съ тѣми кого я знаю.

— „Со своими“!.. повторилъ замѣтно взволнованнымъ голосомъ графъ Наташанцевъ;—довольно, кажется, что она принята въ свѣтъ и... вы могли видѣть какого милостиваго вниманія была она предметомъ.

— Мнѣ это совершенно все равно, высокомерно возразила ему дочь:—я не привыкла руководиться во мнѣніяхъ моихъ о людяхъ степенью ихъ *фавора*.

Красивый старецъ тоскливо повелъ на нее глазами.

— Да что вы, наконецъ, имѣете противъ нея? вырвалось у него противъ воли съ тутъ же сказавшимся чувствомъ сожалѣнія за этотъ вопросъ, который, онъ чувствовалъ, могъ вызвать цѣлый рядъ неприятныхъ для него отвѣтовъ.

Но она отвѣтила самымъ лаконическимъ образомъ:

— Вы должны сами это знать, батюшка!

Онъ судорожно задвигался въ своемъ креслѣ.

— Вамъ оклеветали ее... завистницы и злые языки наговорили про нее нечестностей... Когда женщина какъ она столь же умна и талантлива сколько хороша собой, у людей... у

насъ въ обществѣ въ особенности... является какой-то зудъ злости, страстное желаніе растерзать, разорвать на клочки ея репутацію...

— А куда она своего мужа дѣла? прервалъ его хлесткій и жесткій, словно лалочный ударъ, вопросъ дочери.

— Куда? пробормоталъ онъ уже озадаченно: — онъ... онъ живетъ въ деревнѣ...

— Потому что она съ нимъ жить не хочетъ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Потому что она почитаетъ положеніе свое недостаточно блестящимъ, и добивается вышшаго, продолжала ядовито княгиня,—потому что она въ своей дерзости мечтаетъ замѣнить въ вашемъ домѣ мою покойную мать?..

Наташацдевъ съ какимъ-то будто ислугомъ воззрися на нее, будто только теперь въ первый разъ, вслѣдствіе этихъ словъ ея, формуловалось для него съ полною ясностью то положеніе въ какомъ „стояли вещи“... Но эти же слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, подыали со дна его души всю силу его чувства къ той къ которой съ такою, видимо, ненавистью относилась его дочь... „Равно или поздно надо было этого коснуться, провеслось въ его мысла,—а разъ она первая начала, тѣмъ лучше, я не останавлиюсь“...

— А есаубъ и такъ, заговорилъ онъ горячо и слѣшно, какъ бы для того чтобы не дать ей времени на возраженіе:—я до сихъ поръ жилъ единственно для васъ, для моихъ дѣтей. Братъ вашъ и вы, надѣюсь, не можете упрекнуть меня въ томъ чтобъ я не озаботился устроить самымъ завиднымъ образомъ ваше благосостояніе. Вы выдѣлены, богаты оба, въ видныхъ положеніяхъ; я никогда не тяготѣлъ надъ вами моею отцовскую властью... чего же еще больше вамъ нужно?.. Оставьте же и мнѣ,—визгливо крикнулъ онъ въ заключеніе („они не имѣютъ права запретить мнѣ это!“ подстрекалъ онъ самъ себя внутренно, досадуя на себя же за тотъ надменный, владычный видъ съ какимъ слушала его дочь),—оставьте и мнѣ, наконецъ, подъ старость, право ложить для себя, для счастья... какимъ я его понимаю, и хочу! прибавилъ насколько могъ энергичнѣе онъ.

— Старость! повторила она съ провинческимъ выраженіемъ:—вся-то бѣда въ томъ, шоп рѣге, что вы сапшкомъ молоды!

— Вамъ до этого дѣла вѣтъ! пылко вскрикнулъ онъ на это.

Она со своей стороны старалась говорить какъ можно хладнокровнѣе, но слова ея шипѣли какъ раскаленное желѣзо въ водѣ:

— Я и братъ мой потому и не протестовали, не касались вашихъ... *сердечныхъ дѣлъ* пока они оставались вашимъ личнымъ дѣломъ... Но разъ вы желаете навязать намъ ихъ послѣдствія, разъ вы не только не хотите подумать о томъ стыдѣ которымъ покрылъ бы насъ бракъ вашъ... *съ такою женщиной*, подчеркивала княгиня Андомская, — но забываете еще и уваженіе къ самому себѣ, къ обществу къ которому вы принадлежите по рожденію (*le respect que vous devez à vous même, à la caste à laquelle vous appartenez*).

— Это еще что, при чемъ тутъ мое общество! прервалъ ее отецъ, придираясь къ этому слову чтобъ отвлечь теченіе ея болѣзненно отзывавшихся въ душѣ его упрековъ.

— *Noblesse oblige*, mon père, а въ теперешнее время тѣмъ болѣе! произнесла она съ какою-то печальною наставительностью, задумчивый тонъ которой сильно поразилъ его (не обычное ей тщеславіе, — высокое чувство родового достоинства говорило теперь въ ней): — вы видите что готовится: демократическая волна заливаетъ насъ отовсюду; насъ разоряютъ, отымаютъ у насъ все прежнее значеніе...

— Да, une révolution sociale, невольню, сквозь зубы, подтвердилъ онъ.

— А мы, — и глаза ея лихорадочно блеснули, — мы ничего не умѣли, не умѣемъ отстоять, мы даемъ себѣ лустить кровь изъ всѣхъ жилъ... У насъ скоро останутся одни наши имена и наши преданія... И вы, одинъ изъ уважаемѣйшихъ, изъ виднѣйшихъ людей нашего общества (*de notre bord*), вы хотите дать собою примѣръ презрѣнія къ этому послѣднему нашему достоянію, желаете полрвать ногами (*fouler aux pieds*) ваше имя, вашу незапятнанную до сихъ поръ жизнь, уваженіе къ вамъ дѣтей вашихъ.... *tout ce qu'on nomme respect humain!* вскрикнула княгиня, — изъ-за прихоти какой-то авантюристки, которая навязывается вамъ въ жены отъ живаго мужа!...

Наташанцевъ, весь блѣдный, подвинулся съ мѣста. На его изящныхъ и выразительныхъ чертахъ сказывалась вся та мучительная борьба что разрывала ему сердце въ эту минуту. Такъ много отзвуковъ находили въ немъ эти жестоки...

и „справедливые“ дочеріе укоры!.. Да, онъ былъ до сихъ поръ безупречный семьянинъ и слуга своего долга, онъ често носилъ громкое имя и завѣты своихъ предковъ, онъ... Быть-можетъ, еслібы „не такъ язвительно, не такъ обидно“ говорено было о женщинѣ для которой онъ забывалъ все это свое прошедшее, онъ нашелъ бы еще въ себѣ достаточно силъ для противодѣйствія увлекавшему его водовороту... Но вѣтъ, ее „оскорбляютъ такъ безпощадно, такъ *безвинно*“, ее „забдять, еслібы онъ“... Нѣтъ, онъ общалъ, онъ „навсегда уже связалъ съ нею“, связанъ всѣмъ что дорого и свято челоуѣку,—страстью, жалостью, рыцарскимъ долгомъ.....

— Оставимъ это! торопливо, рѣзко выговорилъ онъ, слѣша теперь „покончить, покончить скорѣе съ этимъ“, — я не измѣню своего рѣшенія.

Она встала въ свою очередь съ искаженными чертами, съ прерывавшимся тяжело дыханіемъ.

— А я клянусь вамъ, отецъ мой, что я подвигну небо и землю (que je remuegai ciel et terre) чтобы помѣшать вамъ опозорить себя и имя которое носила моя покойная мать!

Онъ какимъ-то отчаяннымъ движеніемъ махнулъ рукою, и съ послѣдностью юности вышелъ, выбѣжалъ изъ комнаты.

Княгиня еще разъ перевела духъ, судорожно отряхнула свою юлку и медленно послѣдовала за нимъ.

Кира Кубенская (послѣдняя часть разговора звучала на такихъ высокихъ нотахъ что она ее невольно услышала изъ своей комнаты) отдѣлилась отъ спинки дивана о который опиралась она, откинула калюшонъ на затылокъ, и вся какъ-то выпрямилась.

— Такъ и *тутъ* можетъ быть свой фанатизмъ? прошептала она, и глубоко задумалась.

А та изъ-за которой „фанатизмъ“ этотъ разводилъ отца съ дочерью чувствовала себя въ эту минуту на самомъ верху блаженства... Вотъ она наконецъ та кульминаціонная точка къ которой устремлены были всѣ завѣтные помыслы ея жизни. Она проникла, достигла!... Дворъ, милостивыя рѣчи, ласковыя улыбки — „съ тѣхъ устъ!“... А кругомъ завистливые женскіе и восхищенные мужскіе взгляды, сладкое жужжаніе льстивыхъ словъ, сдержанный шелеть страстнаго желанія, или дальновидное искательство предъ восходящею, объясняла она себѣ, новою свѣтскою звѣздой, какою ста-

новилась она. Послѣ тѣхъ двухъ баловъ въ высшихъ сферахъ, она является уже равноправною со всѣми этими „гордячками“, благосклонности которыхъ она тщетно добивалась въ теченіе цѣлыхъ почти десяти лѣтъ... Чтò ей за дѣло теперь до нихъ, до ихъ доброжелательства или до ихъ злобы! Она отвѣчаетъ торжествующимъ равнодушіемъ на ихъ высокомерныя усмѣшки, на то, чуть не гадаливое, выраженіе съ какимъ онѣ, олуствовавъ глаза, послѣдственно прижимаютъ къ себѣ рукой свои лышвыя кринолины, когда она проходитъ мимо нихъ, будто съ тѣмъ чтобы не осквернить себя прикосновеніемъ къ газовымъ волнамъ ея костюма *юля мѣсяца*... „Пусть ихъ тѣшатся!“ Побѣда ея надъ ними очевидна для всѣхъ. Ихъ мужа, братья, отцы,—„всѣ они“ у ея ногъ. Дворская ласка къ ней какъ бы даетъ освященіе и давнишнему ихъ культу ея вызывающей красоты, и ея смѣлымъ отношеніямъ къ старой, „буржуазной“ нравственности. Они слѣдуютъ теперь къ ней публично, предъ лицомъ этихъ дочерей своихъ, женъ и сестеръ съ курильницами того еміама въ который они до сихъ поръ довольствовались лишь кидать тайно щелотки на тѣсномъ матарѣ ея гостиной. Къ давно знакомымъ ей присоединяются ежеминутно новыя чающія ея благоволенія... Самъ князь Черниговскій просилъ сейчасъ представить его ей и, сіяя изъ-подъ золотыхъ очковъ блескомъ живыхъ глазъ, выпскалъ для нея въ сокровищницѣ своей неисчерпаемой любезности одно изъ своихъ тончайшихъ, провинциальнѣйшихъ „*motz heuroux*“; она вся даже вслыхнула отъ самодовольства—и отъ намека заключавашагося въ этомъ *mot*.... Да, она достигла, достигла! Ее внесло, наконецъ, долго противнымъ ей вѣтромъ въ тѣ глубокія воды къ которымъ такъ давно направляла она свои ларуса; приставъ въ виду,—замужество ея съ графомъ Наташандевымъ представляется теперь въ ея воображеніи уже ни чѣмъ болѣе какъ *подробностью*—„*un détail*“....

Она несется въ эту минуту въ полкъ съ гусаромъ Шастуновымъ, отъ котораго не могла отдѣлаться цѣлый вечеръ. Она не хотѣла дать ему ни одного изъ своихъ *contredanses*, приберегая ихъ для „*cavaliers plus sérieux*“ и въ виду нерасположенія Наташандева къ этому „лулырю“, какъ называлъ его Троекуровъ.... Она была притомъ въ такомъ *вознесенномъ* настроеніи что „*Basile mon fils*“ представлялся для нея уже очень мелкимъ и „противнымъ“ со своимъ кривымъ носомъ и „гостинодворскимъ“ характеромъ головы, давленною въ

непомѣрно развитый торсъ, съ „глуло“ приподнятыми плечами... Онъ это чувствовалъ со своей стороны, и съ тѣмъ большею назойливостью приставалъ къ ней, тѣмъ упорнѣе вертѣлся кругомъ нея (онъ былъ вообще изъ числа тѣхъ мухъ въ человѣческомъ образѣ что тѣмъ неотступнѣе лѣзуть чѣмъ ихъ ветерливыѣ отгоняють).

— И человекъ видъ какъ! совсѣмъ уже сердито вскрикнула она на половникъ тура, чувствуя и видя какъ онъ шпорой оборвалъ цѣлое полотнище газа съ ея юбки.

Она остановилась, скинула послѣднюю руку съ его плеча, пока онъ весь красный отъ смущенія суетился надъ кускомъ обмотавшимся кругомъ его гусарскаго сапожка....

Кто-то подлѣ засмѣялся.

Она нахмурилась:

— Finissez en don! крикнула она на него.

— *Moi je ne sais pas vraiment* какъ это случилось, забормоталъ онъ, теряясь еще болѣе.

— Пойдемъ, ma chère, я вамъ покажу гдѣ уборная, сказала видѣвшая это со своего мѣста у стѣны (она недавно уже состояла на положеніи „*tapisserie*“ въ свѣтѣ) Варвара Петровна Мосягина, слыша ей на помощь.

Онъ ушелъ изъ залы. Basile любилъ за вами, дождался у дверей уборной лока, уколотаа и подшитаа на прежній ладъ, не вышла изъ нея красавица, и кинулся къ ней съ извиненіями и изъясненіями. Ея досада успѣла пройти, она усмѣхалась теперь въ отвѣтъ на его *нудныя*, но, она не могла сомнѣваться, искренно „влюбленные“ рѣчи:

— Вы мнѣ телеграфировали въ прошломъ году de Moscou что вы мною „особенно займетесь“, расписывалъ онъ, — *et moi je comptais là dessus* съ такимъ восторгомъ. А вы, вмѣсто этого, и совсѣмъ меня къ себѣ не пускаете; я васъ еще ни разу въ этомъ году не видалъ одму.... вы даже на письма мои ни на одно не отвѣчали....

— Потому что это все вздоръ и лустаки, говорила она въ отвѣтъ, дѣлая усилія идти скорѣе впередъ (она не рѣшилась отказать ему, „въ счастіи вести ее подъ руку“), между тѣмъ какъ онъ, напротивъ, старался какъ можно болѣе замедлять шаги;—неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, еще такой ребенокъ что не понимаете шутокъ и могли вообразить себѣ что я приму всѣ эти ваши деклараціи, вздохи и письма au sérieux?

Его всего перекосило отъ задѣтаго самолюбія.

— *Moi j'en veux bien un autre!* прошлилъ онъ;—у васъ теперь, я знаю, только *этотъ старикъ* въ головѣ. *Всѣ dans le monde* говорятъ что вы хотите за него замужъ выйти.... И васъ за это не щадятъ, а вамъ прямо скажу....

— Да какое вамъ до меня дѣло, оставьте меня въ покоѣ! крикнула она на него, силась выдернуть 'руку которую онъ страстно прижималъ къ себѣ локтемъ.

Шастуновъ удержалъ ее.

— Онъ старъ, а я молодъ, продолжалъ онъ не слушая ея и, какъ всѣ тулые люди, силась прошибить стѣну лбомъ,— и я гораздо богаче его, *et puis moi je suis prince, et c'est plus que comte....*

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! перебила она его со смѣхомъ.

— Non, attendez! улюрю промолвилъ онъ:—s'il veut vous épouser, *moi je veux aussi!*

Она такъ и покатилась—благо были они теперь одни, прохода чрезъ пустую комнату—звонкимъ, неудержимымъ смѣхомъ. Ея вспомнилась Аглая, ихъ послѣднее объясненіе въ Сацкомъ *, встрѣча съ нею въ Москвѣ, ея самодовольная тулость, какъ бы выливающая и на лицѣ этого „мальчишки“, пресерьозно мечтающаго отбить ее у ея „cher, cher, cher ami“... Все это въ тотъ мигъ показалось ей такъ забавнымъ, такъ „непроходимо-глулымъ“!..

— Послушайте, безцеремонно сказала она подъ этимъ впечатлѣніемъ,—вѣдь это вы только съ вашею маменькой способны на такія наивности...

— Маман—пожалуй, я не спорю, отлустилъ онъ на это съ самымъ внушительнымъ видомъ и тономъ,—*mais moi je ne suis pas bête, je vous en répons!* Я сдѣлаю карьеру, j'ai le temps,—какъ и вашъ monsieur le comte. *Et moi je vous adore* и умоляю васъ de me donner la préférence sur ce vieux!.. *Moi en général, я очень нравлюсь женщинамъ,—moi j'ai des preuves, добавилъ онъ какъ бы послѣднимъ, неопровержимымъ уже аргументомъ,—отчего вамъ меня не полюбить?*

Ольга Елпидиоровна перестала смѣяться.

— Довольно шутовства однако, mon prince, промолвила она, окидывая его взглядомъ отъ котораго такъ и повѣяло *грандалой*, какою она теперь уже всецѣло чувствовала себя;—вы

* Четвертъ елка назадъ. Часть II.

меня одолжите никогда болѣе,—слышите, *никогда!*—не возобновляя этого разговора со мною.

Онъ, что говорится, совершенно *оплишилъ* вдругъ, заморгавъ растерянно глазами...

— *Moi je... moi je voulais...* несвязно забормоталъ онъ.

— Ахъ, кажется, мазурка начинается, перебила она его, освободила изъ-подъ его руки свою, кивнула ему слегка головой и, чтобъ отнять у него возможность дальнѣйшаго разговора, обратилась вдругъ къ стоявшему у дверей бальной залы Гундурову съ весьма неожиданнымъ для него вопросомъ:

— А вы никогда не танцуете, Сергѣй Михайловичъ?

Онъ вскинулъ на нее глаза чуть не испуганно, видимо не появивъ даже о чемъ она его спрашивала... Она чуть-чуть усмѣхнулась, и прошла мимо... Онъ опять ушелъ весь въ себя, въ свою задумчивость, въ то далекое прошлое къ которому только что уносилась его мысль....

Это былъ первый балъ на которомъ онъ присутствовалъ послѣ десяти лѣтъ, послѣ *тысяч* дней... Былъ тоже праздникъ *тогда*... Онъ стоитъ на подмосткахъ въ черномъ плащѣ Гамлета... О, молодость, о незабвенныя, нестерпимыя—и блаженныя мѣки... и *тѣ* лазурныя, васильковые глаза, и золотистые волосы, и голосъ робкій и трогательный какъ лѣтніе малиновки,—о, гдѣ, гдѣ все это!.. А тамъ—тотъ ужасъ, та минута когда онъ увидѣлъ ее съ сомкнутыми вѣждами, покрытую цвѣтами... цвѣтами Офеліи, и свѣтъ выкатился изъ глазъ его, и онъ упалъ на руки Апанова... Десять лѣтъ не могли смыть всю эту горечь, это отчаяніе. Сердце его очерствѣло; онъ чувствуетъ самъ: къ этому сердцу нѣтъ болѣе доступа; одна голова его, словно безлощадный жерновъ, размалываетъ теперь неуставно сложныя задачи предстоящаго отечеству его новаго строя жизни... Онъ глубоко вѣрять въ дѣло которому онъ служить, вѣрять все тою же своею одиноко работающею головой; замкнувшееся сердце не допускаетъ сожалѣнія о всемъ томъ завѣтномъ прошломъ что развѣетъ на вѣки, размететъ безвозвратно по лицу Русской земли это дѣло. *Fiat justitia, pereat mundus!* „Да и о чемъ жалѣть?“...

Онъ поводитъ безучастно глазами по головамъ этой чуждой ему, незнакомой свѣтской толпы. „Великая пустыня человѣковъ“!.. „Счастье миллионеровъ“, какимъ-то механическимъ процессомъ мысли говоритъ онъ себѣ вслѣдъ за этимъ. И

вдругъ, подъ громъ музыки и толотъ танцующихъ, вспоминается ему какимъ-то налетомъ текстъ Писанія: „Не о хлѣбѣ единомъ живъ человекъ“...

— Сергѣй Михайловичъ!

Онъ оборачивается.

Предъ нимъ стоитъ домино съ желтою розой.

— Сергѣй Михайловичъ, не знаете ли вы одного адъютанта, барона Грюнштейна?

— Адъютанта герцога... Знаю! Вы желаете его видѣть?

— Онъ изъ *умниковъ*, засмѣялась она,—говорить что танцуетъ только „avec les dames qui savent sauter“, и удостоилъ пригласить меня поэтому еще на *нашемъ* балѣ на сегодняшнюю мазурку. Она ужъ началась, а я совсѣмъ было забыла что *приказано* къ мазуркѣ снятъ домино и быть въ *toilette de bal*. Я сейчасъ переодѣнусь, а вы, если увидите его, попросите за меня извиненія и чтобъ онъ немножко подождалъ,— а сейчасъ буду... -

Она двинулась... и остановилась.

— Слышите? шелнула она Гундуру.

Близко къ нимъ стоялъ знакомый уже читателю съдой господинъ съ милостивымъ женственнымъ лицомъ и со спокойною, но чуть-чуть насмѣшливою улыбкой внималъ громкой рѣчи другаго, стоявшаго рядомъ съ нимъ въ мундирномъ же фракѣ и лентѣ, чиноваго господина. Полголовую выше сосѣда, статный, прекрасный, съ линиями головы и длинной теи образцовѣйшаго рисунка, словно срисованный—собственною рукой любовно срисованный—съ фотографіи англійскаго лорда, этотъ послѣдній говорилъ какъ съ амвона. Не оборачиваясь на своего собесѣдника, а повода кругомъ ласковыми, какъ бы *нисходящими* очами—именно *очами*, а не глазами просто,—онъ пріятнѣйшимъ, бархатнымъ баритономъ, протяжно и внушительно, ронялъ одно за другимъ, будто многоцѣвныя жемчужины, слова свои съ устъ (разговоръ шелъ, очевидно, все о томъ же крестьянскомъ вопросѣ, и именно по поводу съѣхавшихся въ ту пору въ Петербургъ дворянскихъ делутатовъ „второго призыва“):

— *Le jus romanum* nous a légué la formule de l'éternelle justice, вѣщалъ онъ:—*audiatur et altera pars*. Il serait de toute équité, ce me semble, d'accorder aux délégués de la noblesse le droit de libre discussion des éléments de notre futur *jus*

rusticum élaboré par la sollicitude éclairée des редакціонныя коммиссіи *.

Онъ остановился на мигъ, какъ бы съ тѣмъ чтобы дать своему собесѣднику время выкупить и зарубить въ памяти все изящество и вѣскость выговореннаго имъ мѣтвіа, и съ мягкою, вѣскольно уже игривою улыбкой продолжалъ по-русски:

— Я, конечно, не полагаю сказать этимъ вашему превосходительству что-либо новое, но осмѣлюсь напомнить въ настоящемъ случаѣ что для гармонического вообще процесса государственнаго оркестра не всегда достаточно одного апробующаго гула волторны; нужны верѣдко и прямое порицаніе гобоя, и лчелуная насмѣшка маленькой флейты.

— Правится вамъ? проговорила княжна на ухо своему слугнику:—это, говорятъ, восходящее свѣтило....

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

Милощадное выраженіе лица сѣдаго господина внезапно измѣнилось: что-то вѣдкое и жесткое сказалось теперь въ его усмѣшкѣ, въ тонѣ его отвѣта:

— Хорошо былъ бы „государственный оркестръ“ еслибъ его предоставить „благородному русскіи дворянству“!.. Libre discussion имѣло оно время заняться всласть въ своихъ губернскихъ комитетахъ и совѣщаніяхъ. Посмотрѣли бы вы что изъ этого вышло! Невообразимый хаосъ самыхъ нескладныхъ, противорѣчащихъ другъ другу по самымъ основнымъ пунктамъ вопроса, дикихъ и корыстныхъ мѣтвіи (у насъ въ коммиссіи съ величайшимъ трудомъ могли составить изъ нихъ сводъ), изъ которыхъ цѣны не только „государственнаго“, но и никакаго *человѣческаго* смысла не имѣютъ... На *кошачью* лишь развѣ *музыку*—вотъ на что способны эти *благородные дворянскіе инструменты!*.. А они съ претензіями на совѣты и контролированіе правительства! Съ какаго права, въ силу какихъ antecedentовъ? вскакинулъ уже онъ сверкнувъ глазами.—Русская исторія выработала со своей стороны *фор-*

* Римское право заставляло намъ формулу вѣчной правды: „выслушай и противную сторону“. Мнѣ казалось бы согласнымъ со справедливостью предоставить представителямъ дворянства свободное обсужденіе тѣхъ началъ нашего будущаго *сельскаго права* которыя выработаны просвѣщенною заботливостью редакціонныхъ коммиссіи.

жулу на которой вся она и выросла: царь повелѣваетъ, а все классы народа безразлично и безответно повинуются... Воспитанная на энциклопедистахъ Екатерина вздумала было либеральничать, попробовала созвать депутатовъ,—и тутъ же распустила ихъ, убѣдившись что изъ „libre discussion“ въ Россіи можетъ только выйти безтолочь одна, или пустое горластво.

Величественный сосѣдъ говорившаго моргнувъ своими свисходящими очами.

— И ваше превосходительство полагаете, возразить оны все съ тѣмъ же изысканнымъ эмфазомъ въ рѣчи и произношеніи словъ,—что по прошествіи почти ста лѣтъ со времени великой монархини никакого, если дозволено мнѣ будетъ выразиться по-европейски, *amendement* нельзя допустить въ жесткой редакціи старой русской „формулы“ на которую изволятъ вы сослаться?

— Полагаю, засмѣялся въ отвѣтъ сѣдой господинъ,—и тѣмъ болѣе что крестьянская реформа еще упрощаетъ ее: предъ нами въ ближайшемъ будущемъ стоитъ уже *безсловный*, уравниный во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ *народъ Русскій*, а надъ нимъ все та же единоличная, самостоятельная власть, которой останется только избирать способныхъ агентовъ для исполненія своей программы управленія этою *безотличною* массой населенія.

— Une monarchie démocratique,—le Césarisme de la France actuelle? произнесъ какъ бы уже нѣсколько *инсизивно* господинъ слисанный съ англійскаго лорда.

— Называйте какъ хотите,—не въ клочки дѣло....

Разговоръ оборвался на этомъ словѣ.

Звонкій хохотъ лодѣ вихрь заставилъ въ то же время Гундурова и княжну вскинуть глаза въ другую сторону.

Къ Ольгѣ Елпидиоровнѣ Ранцевой (они случайно оставились за ея стуломъ), танцовавшей съ графомъ Мышинскимъ, красивымъ Полякомъ, прибывшимъ недавно изъ Варшавы для какихъ-то, говорили, „политическихъ“ переговоровъ „съ *русскимъ* правительствомъ“, подлетѣла съ разбѣга веселая тройка, состоявшая изъ офицера Хлыстова по срединѣ и двухъ очень молодыхъ генераловъ по бокамъ.

Она послѣшню встала.

— *Плечи, прелесть, загляденье!* загоготалъ, близко наклоняясь къ ней Хлыстовъ придумавшую имъ, согласно дѣлаемой фигурѣ, *образу* изъ трехъ словъ.

Она усмѣхнулась лукаво и двусмысленно и, протягивая правую руку, лѣвому изъ нихъ:

— Само собою „заглядывае“! словно процѣдила она сквозь пышныя губы, горячо вскидывая на него—и тутъ же низко опуская глаза.

— И прелесть—первый сортъ! воскликнулъ съ новымъ хотомъ молодой генераль, схватилъ ея талию, и понесся съ нею по залѣ....

— Княжна, скажите, молвилъ вдругъ Гундуровъ (брови его сдвинулись, губы проницески скривились),—какъ у васъ въ Петербургѣ относятся къ этимъ *откровенностямъ*: „съ аллпробующимъ гуломъ валторны“, или съ „пчелиною насмѣшкой маменькой флейты?“ А по моему, „гобою“ этого вашего „восходящаго свѣтила“ разразиться какъ разъ было бы у мѣста на этого рода мотивъ.

Она не отвѣтила, кивнула ему въ знакъ прощанія, и отправилась переодѣваться.

VI.

Herz ist des Lebens
Innigster Kern.

Schiller.

Я князь—коль мой сияетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстью владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Для три слустя княжна Кубенская вернулась утромъ снизу послѣ завтрака (она въ своемъ качествѣ фрейлины постоянно завтракала съ высокою особой при которой состояла и ея семействомъ) въ свой поднебесный апартаментъ въ весьма невеселомъ настроеніи духа.

Погода была морозная, и каминъ въ ея гостиной топился съ утра. Она подошла къ нему, и протянула руки къ огню какъ бы желая отогрѣть ихъ; но ее знобило не отъ холода, а отъ нервнаго возбужденія съ которымъ она не въ силахъ была справиться.

Она не могла не замѣтить сдержанности, чтобы не сказать *сухости*, съ которою съ ней обращались сейчасъ. Ею очевидно недовольны, на нее „дуются“. За столомъ у вѣхъ какъ-то странно олуускались глаза въ тарелки когда она начинала говорить.... Бывшая тутъ игуменья Назанацла—„о, противное существо!“—даже вздохнула два раза съ очевидною аффектаціей отвѣчая ей, и повела на нее излодобья глаза съ такимъ выраженіемъ что „я молъ по своему сану должна скорбѣть о тебѣ“.... А когда встали, и княжна, по обычаю, спросила: „Madame a t'elle des ordres à me donner pour ce matin?“ ей отвѣтили послѣшво, „видимо желая скорѣе отъ нея отдѣлаться“, и по-русски: „Нѣтъ, благодарю васъ, можете располагать вашимъ днемъ“.... „Вашимъ *днемъ*“,—значить: ее весь день не желаютъ видѣть....

Это все такъ мало походило на столь еще недавнія съ ней ласки и милость.... Досада княжны усиливалась еще сознаниемъ что, ломимо „наговорозъ“, многое въ ея поступкахъ за послѣднее время могло лодать серіозный поводъ къ неудовольствію на нее, — „само собою, съ *каж* точки зрѣнія, говорила она себѣ... Но отчего же не скажутъ прямо *что* именно?“ Она могла бы объяснить, оправдаться.... А то молчать, шурятся, не глядятъ....

Грудь ея высоко подымалась, зеленые глаза обводили кругомъ комнату съ разгнѣваннымъ выраженіемъ. Она „не раба, не горничная, она *этого* не свесетъ,—она *потребуется* объясненія“, шелтали, не раскрываясь, ея поблѣднѣвшія губы.

„Объясненіе“ не заставило себя долго ждать. Ливрейный слуга княжны широко раскрылъ дверь и торолливо проговорилъ: „мать игуменья!“ такъ же бисто полетился назадъ, и съ почтительно наклоненною головою пропустилъ тутъ же входившую, не ожидая отвѣта хозяйки.

Это уже одно свидѣтельствовало о степени значенія пріобрѣтеннаго духовною особой въ этихъ стѣнахъ.

Кровь кинулась въ голову Киры. Но она сдержалась, отвѣтила наклономъ головы на входный поклонъ игуменья и, не отходя отъ камина, указала ей рукою на кресло подлѣ него.

Та сѣла, олустила глаза, оправила свое черное покрывало и тяжело перевела духъ, какъ бы готовясь къ продолжительной и не особенно пріятной бесѣдѣ.

Но княжна начала лервая:

— Вы ко мнѣ съ *порученіемъ*? отчеканила она, воззрѣвъ ей прямо въ лицо.

Игуменья не успѣла отвѣтить. Дверь изъ передней такъ же широко растворилась еще разъ, въ просвѣтъ ея показала краснѣе жилетъ:

— Ея высокопревосходительство, госпожа камеръ-фрейлина, Прасковья Александровна Охвостова! торжественно доложилъ онъ.

Это была двоюродная тетка Кире и, какъ извѣстно читателю, особа по предстательству которой поступила наша княжна во дворецъ. Она уже давно жила на почетномъ мѣстѣ въ дворцовомъ помѣщеніи и, кромѣ какъ на интимные придворные вечера, куда приглашалась по старой памяти (ее очень уважали), никуда изъ него не выѣзжала. Пріѣздъ этой семидесятилѣтней старушки къ ней—къ „дѣвочкѣ“, какою не могла не почитать себя Кира сравнительно съ нею, былъ чѣмъ-то столь необычнымъ что у нея вдругъ ёкнуло сердце. Ничего добраго не предвѣщало ей это посѣщеніе. „Не даромъ же, пронеслось у нея въ головѣ, рѣшилась она взобраться на вышину моихъ 125ти ступеней“....

Она быстро, съ протянутыми руками, пошла на встрѣчу вежданной посѣтительницѣ:

— Ахъ, тетушка, могла ли я думать... Вы, надѣюсь, на машинѣ подыались? перебила она себя предупредительнымъ вопросомъ.

— Да, на машинѣ... Спасибо, я не устала... Я пройду сама, молвила та въ отвѣтъ, нехотя давая племянницѣ поцѣловать себя въ щеку, и слегка отстраняясь отъ этихъ рукъ ея, протянувшихся съ тѣмъ чтобы поддержать ея шагъ.

Она еще не нуждалась въ такой поддержкѣ. Несмотря на свои лѣта, Прасковья Александровна Охвостова ходила бодро и держалась необыкновенно прямо. Вся она была словно подтянута благовоспитанностью и чинностью дворскихъ примемовъ стародавняго времени. Въ черномъ отъ головы до ногъ (она не выходила обыкновенно изъ этого цвѣта со времени смерти одной, угасшей на зарѣ жизни, молодой особы царской крови, къ которой она была особенно привязана, измѣняя его на сѣрый лишь для придворныхъ вечеровъ), съ двумя накладными сѣдыми буклями, обрамлявшими подъ низкою шляпкой ея узенькое, морщинистое и нѣсколько строгое лицо; ея худоба и прямизна стана придавали общему характеру ея

облика всю ту внушительность и важность котормя недоста-
вала ей со стороны ея невысокаго роста. Она была очень
близорука, и то и дѣло должна была прибѣгать къ помощи
одноглазлаго золотого лорнета старинной формы, висѣвшаго
у нея на груди на широкой, чернаго же цвѣта, лентѣ и ко-
торый паводила она на лицо говорившее съ нею не разомъ,
а повода имъ свачала изъ старой привычки учтивости по
сторонамъ. „Il est malséant de fixer les gens de façon à pou-
voir les embarrasser“, входило въ ея *правила*... Прасковья
Александровна говорила по-русски охотно—и по-старинному,
произнося *это* вмѣсто *это*, *будто* вмѣсто *будто*, и т. п.
и примѣшивая самымъ страннымъ сочетаніемъ простонарод-
нѣйшія выраженія и обороты къ галицизмамъ и книжному
языку двадцатыхъ годовъ.

— Куда прикажете, тетушка? спрашивала ее Кира, неволь-
но вѣсколько суетясь.

— Подальше только отъ огня: глаза мои не переносятъ
пламени...

Княжна усадила ее на диванъ и послѣшила заставить пла-
мя камина стоявшимъ подлѣ экраномъ.

Мать Наеанаила подвинулась со своего кресла и подошла къ
дивану:

— Ваше высокопревосходительство...

— А, матушка игуменья! промолвила та, узнавая ея, и тот-
часъ же вставъ, вынула изъ муфты, которую кинула на ди-
ванъ, обѣ свои руки и уложила ихъ одну на другую во испро-
шеніе ея благословеніа... Но на лицѣ ея въ то же время ска-
залась замѣтная досада.

Игуменья, высоко поднявъ сложенные персты, обѣвила ис-
тово эти руки крестнымъ знаменіемъ, и тутъ же съ видомъ
крайней почтительности и покательства сжала ихъ въ своихъ.

Прасковья Александровна сѣла опять, повела прищурен-
ными глазами на нее, на племянницу,—и съ тѣмъ же досадли-
вымъ выраженіемъ въ чертахъ молча забарабанила своими
сухими и маленькими пальцами по гладкой поверхности сто-
ла стоявшаго предъ нею.

Наеанаила сѣла тоже, вѣсколько видимо смущенная настав-
шимъ за тѣмъ молчаніемъ.

Молодая хозяйка прервала его прервая:

— Вы имѣете мнѣ что-то сказать, тетушка? отважно про-
изнесла она, прямо вызывая ее на разговоръ.

Та подняла голову:

— Вы должны разумѣть, *князьна*, заговоривъ она съ про-
равшимся вдругъ возбужденіемъ, подчеркивая для большей
внушительности нѣкоторыя слова,—что я въ мои прекло-
ныя лѣта не собралась бы на вояжъ къ вамъ есабы не имѣла
въ *этомъ разѣ значительныя* на то резоны.... Я и точно при-
была сюда чтобъ имѣть съ вами *нѣкоторый* разговоръ....

Игуменья послѣшью встала услышавъ эти слова.

— Вы мнѣ позволите въ такомъ случаѣ удастся, ваше
высокопревосходительство, проговорила она съ насилуван-
ною улыбкой и худо скрываемою обиженностью въ звукѣ го-
лоса:—мнѣ также *поручено* было передать *нѣчто* княжѣ, но
я ужъ потомъ.... я услышу....

Кира остановила ее движеніемъ руки. Въ лицѣ ея чита-
лось нетерпѣніе и рѣшимость „вывести все это сейчасъ же
на чистую воду“.

— Позвольте, матушка,—я имѣю основаніе думать что то
что вамъ „поручено“ состоитъ въ очень близкомъ отношеніи
къ тому что желаетъ сказать мнѣ тетушка. Во всякомъ
случаѣ, у меня нѣтъ тайнъ, и я не желаю ихъ. Проню по-
этому и тетушку, и васъ передать мнѣ, теперь же откры-
то все что имѣете мнѣ сказать: пусть каждая знаетъ что
мнѣ скажетъ другая.

Камерфрейлина нѣсколько уже дрожавшею отъ лѣтъ ру-
кой подняла, по привычкѣ, свой лорнетъ, приставила къ пра-
вому глазу и тутъ же уронила его, какъ бы сказавъ себѣ
„и смотрѣть на нее не отойти!“ Она не ожидала такого рѣши-
тельнаго тона у дѣвушки, „chez une jeune fille!“ и не при-
выкла къ нему.

Она откинулась въ сторону игуменьи.

— Новыя понятія, новое обхожденіе, какъ видите, матуш-
ка! вѣдко произнесла она:—audace et bravade... *неглизе съ от-
сагой*, какъ говорится у насъ.

Мать Нававацда опустилаcя снова въ свое кресло, пере-
брала четками, и глубоко вздохнула.

Кира закусила губу: ее подмывали и злость, и желаніе за-
смѣяться.

— Собогаволите же, матушка, *доложить* княжѣ что вамъ
поручено, продолжала подчеркивать Прасковья Алексан-
дровна,—а я покамѣнотъ *слушать* буду.

Та развела руками и вознесла глаза въ потолокъ, словно

призывая его во свидѣтели того христіанскаго прежде всего смиренія съ коимъ возлагала она на себя тяжкое бремя предстоявшей ей задачи.

— Не пообтуйте на меня, княжна, жалобно залѣла она,— за то что можете услышать для себя прискорбнаго изъ моихъ устъ. Оказано: *Твори волю пославаго тебя...* Какъ приняла приказаніе, такъ по совѣсти и послушанію должна я...

— Говорите, пожалуйста! перебила ее, хмурясь, дѣвушка:— къ чему тутъ извиненія!

— Пылкость молодости, молвила на это Наэанаила, обращаясь къ Охвостовой и какъ бы прося у нея извиненія за эту „пылкость“,—при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, какъ это почти всегда бываетъ въ эти годы, увлекаетъ часто нашу милую и умную княжну далеко за предѣлы... должной осторожности... Она,—если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться,—очень часто грѣшитъ *par trop de zèle, comme a dit Talleyrand*, добавила она, считая не бесполезнымъ щегольнуть образованностью предъ такою „высокопоставленною личностью“ какъ эта „придворная старушка“.

Но придворная старушка только на это поморщилась: въ ея понятіяхъ „православной цюкинѣ“ было совѣмъ „*malséant*“ говорить въ серьезную минуту на иностранномъ нарѣчій, да еще о Талебранѣ.

— Д-да... А дальше? коротко проговорила она.

Наэанаила испустила новый вздохъ:

— Зложелательствомъ исполнены люди въ нашъ вѣкъ, не прощаютъ она другъ другу ни слабостей, ни достоинствъ, а лаче всего—превосходства умственнаго и душевнаго... Зависть свѣдаетъ мелкія души... Такъ самыя блестящія качества княжны служатъ ей часто во вредъ...

Кира перебила ее еще разъ:

— Я вамъ очень благодарна, матушка, за мнѣніе ваше о моихъ качествахъ,—но *порученіе* ваше, *порученіе*?

Игуменья глянула на нее теперь изъ-подъ нахлобученнаго клобука съ тѣмъ самымъ „зложелательствомъ“ въ которомъ она только-что упрекнула „людей нашего вѣка“. Она никакъ не могла простить нашей фрейлинѣ того что она одна въ этихъ стѣнахъ не хотѣла поддаваться на *эффекты*, къ которымъ бывшая дѣвица Травкина сохраняла все такую же страсть, играя на нихъ и подъ этимъ монашескимъ клобукомъ своимъ.

— До свиданія высокихъ особъ, начала она теперь ледянымъ голосомъ, съ примѣсью худо сдерживаемой азвительности, — дошло объ одномъ „весьма величавномъ“ — передаю буквально, извините, княжна! — разговоръ нашемъ на вечеръ-съ...

— Такъ объ этомъ уже знаютъ здѣсь, — ошечалили мнѣ уже этимъ! не давъ ей кончить вскакинула камерфрейлина, вся выпрямившись и направляя на этотъ разъ свою золотую одноглазку прямо на лицо племянницы: — Отмѣнно, княжна, отмѣнно, могу вамъ только привести по этому случаю мой усердѣннѣйшій комплиментъ!.. И какъ вы, право удивительно, *быдто* свайкой въ кольцо, такъ и попали что мы съ матушкой объ одномъ и томъ же съ вами *гуторить* съѣхались! Не даромъ видно сказывается: на воръ шалка горить... А мнѣ *объ вашей conversacii* передала вчера на вечерѣ у Ихъ Величествъ самая та персона съ которою вы доставили себѣ удовольствіе имѣть такую.

— А! такъ и вырвалось у Киры (она этого ждала): — онъ услѣлъ и вамъ нажаловаться!..

— Не знаю, возразила Прасковья Александровна, заморгавъ взволнованно глазами, — что вы разумѣете подъ „нажаловаться“! Онъ, какъ человекъ благородный и серьезный, *туда* что я вамъ единственная родня въ Петербургѣ и что *чрезъ меня*, — протянула она, — доставлено вамъ то *значное* положеніе въ коемъ вы *по сю пору* имѣли счастье находиться, онъ долженъ былъ спросить меня, какъ ему ловимать *сѣдуетъ это*... ваше... *vôtre inimaginable sortie*, договорила она по-французски, не находя въ своемъ русскомъ словарѣ соответствующаго надобности эвергическаго выраженія.

— Нечего было ему спрашивать! льнако отрѣзала княжна: — я достаточно ясно высказала ему свои убѣжденія... которыя и готова повторить во всякое время и кому угодно! домолвила она, сверкнувъ глазами по направленію матери Наеваццы.

Та послѣшнно втиснула пальцы въ пальцы, тѣсно прижала ихъ ко груди и возшла еще разъ глаза свои вверхъ: — Ты-моль, Господи, вѣси, а я ничего ужъ не могу послѣ *этого*!..

— Какъ вы сказали: „у-бѣж-де-нiя“? повторила по складамъ Охвостова: — да, да, знаю, ип *mot* которое я начинаю часто слышать, и читаю въ этихъ вашихъ новыхъ русскихъ журна-

лахъ. Слово глупое *вообще*, а въ вашемъ ртѣ (*dans votre bouche*) и совсѣмъ веродное!

— Это еще почему? вскакинула дѣвушка.

— Потому, пока вы носите цвѣта и ѣдите хлѣбъ здѣшняго дома, вы своихъ „у-бѣж-де-вѣй“ не дерзаете имѣть, а обязанности держаться манеры смотрѣть и думать (*manière de voir et de penser*) тѣхъ кому вы служите. Безъ того вы имъ не слуга и не другъ, а предательница и врагъ... А давали ли они вамъ право поступить какъ вы сдѣлали, говорить что вы себя позволяли?

Отвѣта не послѣдовало. Кира не находила его противъ *этихъ* доводовъ.

Тетка ея горячо продолжала:

— Вы вотъ сейчасъ похвальнось съ азартомъ матушкѣ, *быдто* какой савраска безъ узды, что готовы и вдаругорядъ, и „предъ кѣмъ угодно“, *посторить* что вы расписывали тамъ подъ маской. Значить, такъ я ловимаю, что за всѣ *ишя* милости и благодаренія вы мнѣ же телерича неприлично отвѣчать собираетесь? Похвалы достойно, воистину! А чтобы, какъ требуетъ честь и долгъ *dans toute âme bien née*, спросить себя спервоначала, не можете ли вы compromettre своими безумными словами тѣхъ при комъ имѣете счастье состоять, и кого беречь должны,—такъ на это у васъ не достало ни сердца, ни разума.

Глаза Кире засверкали.

— Позвольте, тетушка, я васъ очень уважаю, но я никому не даю права оскорблять меня!..

Прасковья Александровна вся даже въ лицѣ перемѣнилась; голосъ ея задрожалъ:

— Оскорблять васъ!.. Вотъ какъ вы чувствительны въ вашемъ самолюбіи!.. А о томъ вы не подумали какъ оскорбили вы меня *въ нить*? Я васъ къ нимъ приставила, я отвѣчаю за васъ; *они* могутъ—въ первый разъ въ жизни!—пожалѣть о томъ что послушались меня.... А вы... Мы дожили до такого времени что вы и чувствъ моихъ не поймете совсѣмъ можетъ-быть, не поймете что *они* для меня... Я бабушки ихъ, блаженной ламяти императрицы Маріи Федоровны, воспитанница и фрейлина (слезы при этомъ выступили на глазахъ старой камерфрейлины)... Я видѣла образецъ всѣхъ добродѣтелей подъ вѣнцомъ, знала государыню-мать, давшую тысячи воспитанныхъ и честныхъ матерей моему отечеству... Потом-

ство ея дороже мнѣ паче собственной жизни... Два поколѣнія его родились, выросли у меня подъ глазами... Они привыкли съ дѣтства видѣть во мнѣ предавнаго друга и вѣрную слугу... А вы?.. Въ какое положеніе поставили вы меня, телерича къ нимъ?...

Она остановилась перевести дыханіе. Княжна заговорила въ свою очередь:

— Я допускаю, тетушка, что *съ вашей точки зрѣнія* я, въ качествѣ фрейлины, обречена на всю жизнь мою молчать какъ рыба; но я никакъ повясть не могу *чѣмъ* въ данномъ случаѣ могла я „compromettre“ тѣхъ при комъ я состою. Въ томъ что я сказала выражено было лишь желаніе чтобы великая мысль Государя объ освобожденіи крестьянъ, которой я глубоко сочувствую—и должны сочувствовать тѣмъ болѣе близко стояція къ нему лица, внушительно примолвила она,—не была извращена исполнителями Его воли.

— Что можете вы знать про мысли Государя! вскрикнула Охвостова негодующимъ шепотомъ:—*Сердце царево въ руцѣ Божіей*, оно внушаетъ ему что нужно для блага его народовъ... А вы,—говорила она уже съ какимъ-то благоговѣющимъ ужасомъ,—вы съ дерзостью вашихъ двадцати лѣтъ рѣшаетесь вмѣшиваться, рѣшаетесь апробовать или порицать—*parceque l'un ne va pas sans l'autre!*—такія его дѣла гдѣ, кромѣ Бога одного, не можетъ быть *Ему* судья *dans tout l'univers!*..

Она не въ силахъ была продолжать: губы ея дрожали, латина выступила на лицѣ... Наэначила, все время одобрительно кивавшая, будто въ тактъ ея словъ, воспользовалась перерывомъ, и съ искреннимъ ловкимъ увлеченіемъ схватила обѣ руки ея и прижалась къ ней губами. „Придворная старушка“ была такъ взволнована что и не замѣтила этого изліянія восторга.

Кира какими-то растерянными глазами глядѣла на тетку... „Я ничего тутъ не понимаю!“ казалось, говорили она.... Она впрочемъ начинала ничего не понимать и въ себѣ самой.

Въ этомъ напряженномъ состояніи прошло нѣсколько минутъ.

Прасковья Александровна достала изъ своей муфты оправленный золотомъ флакончикъ, открыла его и поднесла къ ноздрямъ.

— Ея высочество у себя? еще не отымая его, спросила она, ни къ кому определенно не относясь.

— У дѣтей, послѣшила отвѣтить Наеанаила.

— А! Тамъ лучше! Давно-ль не видала, побѣду къ нимъ... Такъ оставить *это* нельзя! столь же неопредѣленно промолвила она.

— Я провожу ваше высокопревосходительство, если позволите.....

Старушка, не отвѣчая ей, встала и двинулась съ мѣста.

— *Reconnaissez vous votre faute au moins?* спросила она вдругъ, останавливаясь на ходу, по адресу племянницы, но не глядя на нее.

Княжна стояла у своего стула, нервно перебирая пальцами по его спинкѣ:

— Для чего спрашивать, тетушка! отвѣтила она съ потемнѣвшимъ взглядомъ и чуть-чуть приподымая плечи:—я, дѣйствительно, забыла, и виновата въ томъ, что *пока я здѣсь я*—узникъ обреченный на безмолвіе и *безмысліе*, подчеркнула она;—но я не виновата,—прибавила она съ какимъ-то намѣреніемъ улыбки,—что я дѣтя своего времени и не могу раздѣлять въ душѣ моей всѣхъ вашихъ идей....

Прасковья Александровна горько улыбнулась:

— Ну да, конечно, *ветхая жима идоша, и вся быша новая...* Такъ я говорю, матушка?... Счастливы ли вы оттого станете что все разрушите старое—не знаю!... А впрочемъ слышала я отъ покойнаго Ивана Андреевича Крылова—*c'était un véritable russe* чловѣкъ et homme d'esprit—очень мѣтко сказано: „напала на кошку слѣвъ, не хочетъ и съ лѣчки слѣзть...“ Пойдемте, матушка!...

И олершись на предложенный ей игуменьей локоть вышла съ нею безъ дальнѣйшихъ словъ изъ комнаты.

„Прощенія станетъ теперь за меня просить, извинять меня *молодостью*, какъ эта противная Наеанаила, себя выгораживать“, злобно говорила себѣ наша фрейлина, проводивъ ихъ до двери передней и возвращаясь къ своему камину.

Она подкинула въ него полѣвно, и устремила недвижно глаза свои въ пламя. Мысли безпорядочными скачками пронеслись у нея въ головѣ.... „Убѣжденіе—*глупое слово*“, говорить, а у самой вѣра въ эти свои старые догматы тверже скалы... Пала покойный какой умный былъ, а свое тоже бывало: „отлупишь—развалится“.... Само, значить, держаться не можетъ. Чего же жалѣть что развалится? Нѣтъ, не то! какимъ-то

вдругъ горячимъ взрывомъ поднялось цѣль груди дѣвушки:— вотъ она, старуха, вся еще дышитъ сердцемъ за свое, за эту вѣру въ нилъ,— а я.... одна „сплѣсь какъ у кошки“, говорятъ, а на душѣ тоска, тоска....

VII.

Some sins do bear their privilege in earth.
Shakesp. *King John*.

Ну, какъ по вашему? По вашему—смышляемъ!

Горе отъ ума.

Бѣгу, не огаянусь! Поѣду искать по свѣту
Гдѣ оскорбляемому есть чувству уголокъ...

Горе отъ ума.

— Святи Его Величества генералъ, графъ Анисьевъ! неожиданно пролѣлъ въ эту минуту жирнымъ и зычнымъ голосомъ ливрейный княжны, распахивая съ шумомъ дверь.

— Графъ Анисьевъ? съ изумленіемъ повторила это имя она:—онъ никогда у меня не бывалъ....

— Очень просить принять, сказалъ шепоткомъ красный жилетъ, притворяя за собою дверь для большей предосторожности.

— Приси! молвила Кира, подумавъ.

Графъ Анисьевъ, въ сюртукѣ и эполетахъ, раздушенный, щеголеватый и улыбающійся, вошелъ въ гостиную.

— Princesse, началъ онъ по-французски,—я долженъ прежде всего просить у васъ извиненія что, цѣнивъ честь быть вамъ представленнымъ еще мѣсяцъ тому назадъ, такъ опоздалъ явиться къ вамъ изъяснить мое почтеніе.... Но я еще не очень давно въ Петербургѣ, и такъ былъ заваленъ дѣломъ съ первой же минуты что нахожу съ величайшимъ трудомъ возможность урываться отъ него. для исполненія моихъ свѣтскихъ обязанностей....

Она молча повела въ отвѣтъ на эту учтивость подлежащимъ въ этихъ случаяхъ движеніемъ головы, сѣла сама и указала ему на кресло противъ себя.

Онъ сѣлъ, заговорилъ о „прелестномъ вечерѣ“, отзываясь съ „энтузіазмомъ“ о томъ впечатлѣніи какое онъ произвелъ на него лично.

— Вы не можете себя представить, весело говорилъ онъ,—

что испытываешь въ этихъ случаяхъ человекъ который, какъ я, проживалъ три года до этого въ глуши провинціи, среди запоздалыхъ модъ, темныхъ улицъ, губернскихъ лавицъ, которыя говорятъ тебѣ „ваше сіятельство“, и заматорѣлыхъ медвѣдей-помѣщиковъ, готовыхъ въ настоящую минуту, когда правительство рѣшается наконецъ вырвать изъ ихъ лапы несчастныхъ ихъ рабовъ, разорвать тебя, какъ представителя его, этими же грязными своими лапами.... Вдругъ послѣ общества *антропофаговъ* se retrouver en plein monde élégant!... Смѣшно сказать, княжна, въ мои лѣта, но я былъ счастливъ какъ школьникъ. Вѣдь это мой первый петербургскій балъ послѣ трехлѣтней моей ссылки.... Я не могъ, къ величайшему моему сожалѣнію, такъ какъ въ тотъ же день обязанъ былъ по особому порученію уѣхать на сутки въ Москву, быть на предшествовавшемъ ему балѣ здѣсь, у васъ, но онъ, говорятъ, былъ тоже прелестный....

— Д-да.... говорятъ, сказала разсѣянно Кира.

Онъ засмѣялся:

— Вы такъ безучастно повторяете „говорятъ“ что можно было бы подумать что и вы, какъ я, знаете о немъ только по наслышкѣ.

— Нѣтъ, я, разумѣется, была на немъ, слабо усмѣхнулась она.

— Но.... Онъ пріостановился какъ бы выжидая второй части фразы, и не дождавшись договорилъ самъ:—но у васъ другіе вкусы чѣмъ свѣтъ (vous avez d'autres goûts que le monde), — такъ это?

Она холодно взглянула на него:

— Можетъ-быть; но почему могло бы это быть вамъ извѣстно? Вы меня совсѣмъ не знаете.

— О, весело возразилъ онъ,—а опытъ жизни и свѣта!... Я тотчасъ же составилъ себѣ объ этомъ понятіе на томъ вечерѣ во время мазурки, замѣтивъ какъ тщетно добивался этотъ бѣдный Грюшштейнъ вашей улыбки, наводняя вашъ слухъ своими остзейски-французскими любезностями, и какъ вы морщилась когда Хлыстовъ со своимъ ревомъ заставлялъ васъ подыматься съ мѣста: „Grand rond, s'il vous plait!...“ П ne vous plaisait pas du tout, я это хорошо видѣлъ, хихикнулъ въ заключеніе Анисьевъ собственному своему *mot*.

— Я танцую не охотно, это правда, сказала она.

— Вы и появивались только къ мазуркѣ.... Я разумѣю: въ

блѣзномъ туалетѣ, только промолвилъ шестидесятилѣтній генералъ, зорко идрутъ взглянувъ на нее, — такъ какъ вы могли; *мезь-домаз николю*, быть тутъ и ранѣе...

„Что это, провеселъсь въ головѣ Кыры, — намекъ олять на тотъ мой разговоръ?... И олъ!... Прямо бы ужъ объявила меня государственною преступницею!...“ И провращыя взоры ея гнѣвно раздулоу и затрелетали.

— Я, дѣйствительно, была до этого въ домино и маскѣ, отчетливо выговорила она, вызывающимъ взглядомъ отвѣчая на его оставовившійся на ней взглядъ.

Но олъ самымъ невпнтымъ товомъ, и какъ бы вовсе не обративъ вниманія на этотъ относящійся къ ней лично фактъ, а пользуясь только ея отвѣтомъ для продолженія разговора на тотъ же общій мотивъ, замѣтилъ что „ничего не могло быть счастливѣе этихъ неожиданно появившихся масокъ и подбора ихъ изъ числа *esprits les plus fins de Saint-Petersbourg*, и что въ этомъ „сейчасъ же угадывается *та* которой принадлежала эта мысль“... „*Intelligence supérieure*, какихъ въ настоящую пору весьма мало en Europe“, — олъ не находилъ достаточно словъ для восхваленія ея. Отъ общаго олъ совершенно логичнымъ путемъ перешелъ затѣмъ къ частному, заговорилъ о ближайшемъ участіи принимаемомъ этою высокою особою въ вопросъ о крестьянскомъ освобожденіи, и выразилъ и съ этой стороны полную ея аппробацію.... Самъ олъ оказывался „самымъ горячимъ другомъ прогресса“. (Олъ признавалъ необходимымъ сдѣлаться таковымъ съ первыхъ же дней новаго царствованія), восторженно говорилъ о „*grand acte*“, которое должно было „вознести вынѣшнее царствованіе превыше вѣка Екатерины и Петра“, упоминалъ съ новымъ негодованіемъ объ этихъ „*ouïs mal léchés*“, помѣщикахъ, „*engroupés* въ рабовладѣльческихъ традиціяхъ,“ въ обхожденіи съ которыми, по его мнѣнію, правительство „очень могло бы и не надѣвать бѣлыхъ перчатокъ“ (*aurait pu tout aussi bien ne pas mettre de gants blancs*). При этомъ такимъ же естественнымъ сочетаніемъ мыслей воздана была имъ хвала „литературѣ и вообще печати“, которая, „къ величайшей ихъ чести, идутъ рука объ руку съ правительствомъ“ и, проводя въ общественное мнѣніе современныя идеи Европы, стремятся *именно къ тому* что правительство въ своихъ просвѣщенныхъ начинаніяхъ желало бы, такъ-сказать, игриво выражался олъ, — привить (*enter*) къ залѣсневѣлому

дереву матушки святой Руси (à l'arbre vertoulu de la sainte mère Russie)... „Конечно, молвилъ онъ, свисходительно поводя плечомъ, дѣло не обходится безъ нѣкоторыхъ прискорбныхъ увлеченій (de regrettables entraînements), но нельзя не признать что корень ихъ все-таки лежитъ въ самыхъ благородныхъ и „вполнѣ патриотическихъ“ лобужденіяхъ. Сожалея о томъ что они „иногда переходятъ за предѣлы терпимаго (de ce que l'on peut souffrir)“, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не сочувствовать ихъ искренности и заключающемуся въ нихъ горячему желанію пользы отечеству... И по этому случаю заговорилъ о Герцевѣ:

— Это очень большой умъ... Я въ немъ признаю даже гениальность (je lui reconnais du génie) и—васъ можетъ-быть удивить мое мнѣніе, княжна, ввернуль въ скобкахъ изящный генералъ, таинственно вдругъ понижая голосъ,—хотя его *Колоколь*, строго говоря, дѣлать бы должно почитаемъ обоюдоострымъ оружіемъ (une lame à deux tranchants), которое приноситъ столько же вреда сколько пользы, я искренно пожалѣлъ бы еслибы какія-нибудь обстоятельства заставили его прекратить свое изданіе. Намъ нуженъ этотъ набатъ (ce tocsin) за границей чтобы не давать всѣмъ намъ спать (pour nous tenir tous en éveil), стыдить насъ за нашу отсталость и заставлять договать Европу...

И онъ, какъ бы въ ожиданіи ея отвѣта, вперилъ еще разъ въ лицо княжны свои зоркіе глаза.

— Меня ваше мнѣніе не удивляетъ, спокойно произнесла она:—оно мнѣ кажется очень основательнымъ.

— Не правда ли, не правда ли? воскликнулъ онъ, будто очень обрадовавшись ея одобренію.—Конечно,—сказалъ онъ чрезъ мигъ,—вліяніе у насъ Герцева, котораго никто конечно не станетъ отрицать, оказывается, повторяю, иногда черезчуръ сильнымъ на нѣкоторые неопытные, по преимуществу молодые умы, увлекающіеся одною *утопическою*, такъ-сказать, сторовой его мнѣній... Но какъ не извинить олять въ душѣ этихъ пылкихъ, всегда благородныхъ молодыхъ людей,—полуздохнулъ, полуусмѣхнулся Анисьевъ,—которые въ этомъ бѣстяземъ талантъ видятъ....

Онъ оборвалъ вдругъ на полужразѣ, прищурился:

— Да вотъ, напримѣръ, проговорилъ онъ небрежно:—вамъ, кажется, родня, княжна, нѣкій бывшій студентъ университета,

Овцынъ?... Иривархъ.... Федоровичъ, если не ошибаюсь... да, Иривархъ Федоровичъ Овцынъ?

Кира въ свою очередь возрилась теперь ему прямо въ лицо:

— Мнѣ онъ не родня совсѣмъ, но у насъ есть съ нимъ общіе родные... А что?

— Онъ именно одинъ изъ тѣхъ чрезъ мѣру увлекающихся молодыхъ людей о которыхъ я говорила... Не знаю, извѣстно ли вамъ, произнесъ вдругъ съ какою-то вѣскою медленностью Анисьевъ,—что онъ уѣхалъ въ Лондонъ не лодъ своимъ именемъ, съ чужимъ паспортомъ?

Краска невольна бросилась въ голову дѣвушки; она начала понимать чему обязана была визитомъ этого любезнаго ея гостя. Но гордость не измѣнила ей въ эту минуту.

— Объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве я не знала, проговорила она съ полнымъ хладнокровіемъ,—но я видѣла его недѣли двѣ назадъ, и онъ говорилъ мнѣ что собирается ѣхать въ Лондонъ.

Анисьевъ быстрымъ движеніемъ тѣла закинулъ глаза за спину и, увѣрившись что дверь въ переднюю заперта, такъ же быстро наклонился съ мѣста ко княжѣ:

— И предъ этимъ отъѣздомъ своимъ передалъ вамъ ящикъ съ бумагами? проговорилъ онъ шелотомъ.

— Что это за вопросъ? И глаза ея засверкали искрами.

Онъ помолчалъ, не отрывая отъ нея взгляда, и промолвилъ затѣмъ участливымъ, чуть не вѣжливымъ голосомъ:

— Извините меня, княжна,—но съ вашей стороны было довольно неосторожно принять эти бумаги.

Она поняла что фактъ былъ ему самымъ положительнымъ образомъ извѣстенъ, что она напрасно стала бы отрицать его... Да она и не сумѣла бы,—она еще ни разу въ жизни не солгала,—она бы только „слуталась“. Нѣтъ, „такъ лучше, пусть знаетъ!“ Она на этой почвѣ можетъ вѣрнѣе оставаться самою собою....

— Это уже мое дѣло, и никого другаго не касается! громко сказала она.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, возразилъ онъ пуская теперь въ ходъ свою многозначительную улыбку: — господинъ Овцынъ бѣжалъ за границу, очевидно съ преступною дѣлюю. Правительству извѣстны его antecedentes.... необходимо выяснитъ теперь его дальнѣйшія намѣренія. Бумаги которыя онъ оста-

впая у васъ представляются такимъ образомъ крайне важными....

Она молчала.

Онъ опять наклонился къ ней, заговорилъ мягкимъ, словно убаюкивающимъ шелотомъ:

— Княжна, умоляю васъ выслушать меня съ полнымъ до-
вѣріемъ къ моей искренности! Вести съ вами рѣчь о такомъ...
щекотливомъ обстоятельствѣ несколько, какъ вы должны
знать, не входитъ въ предѣлы моихъ обязанностей. Если я
согласился принять на себя это совершенно... *экстраорди-*
нарное порученіе, то это, повѣрьте, единственно съ цѣлью
отстранить отъ васъ... тѣ неприятели которыя могли бы
возникнуть еслибы... *это* пошло другимъ путемъ.... Никто
конечно и не думаетъ заподозривать васъ въ какихъ-либо...
сочувственныхъ,—подчеркнулъ онъ,—свошеніяхъ съ нашими
эмигрантами и ихъ здѣшними единомышленниками и коррес-
пондентами... Я увѣренъ даже что, согласившись по незна-
нію... или великодушію, принять отъ господина Овцына бу-
маги его на сохраненіе, вы не любопытствовали и взгля-
нуть на нихъ....

— Конечно, нѣтъ! такъ и вырвалось у Киры; она опять
вся покраснѣла отъ мысли что кто-нибудь могъ заподозрить
ее въ нескромномъ любопытствѣ.

Авдѣевъ отвѣчалъ на это полупоклономъ, какъ бы говоря:
„вы видите что я ни единой минуты въ этомъ и не сомнѣ-
вался“,—и продолжалъ:

— Но, повторяю, еслибы это пошло *инымъ путемъ*, васъ
должны были бы попросить тогда... *по правиламъ*,—промо-
вилъ онъ какъ бы нѣсколько уже пренебрежительно,—отвѣ-
чать на извѣстные... *официальные* вопросы, что уже одно
могло бы оскорбить васъ, и не могло бы быть притомъ сдѣ-
лаано иначе какъ уже *съ вѣдома повзвѣзъ этого дома*... А этого,
считаю долгомъ предуведомить васъ.... для вашего успокое-
нія,—добавилъ онъ, вскинувъ пристально еще разъ глаза на
дѣвушку,—прежде всего желали бы избѣгнуть....

— А какъ же, думаете вы, можно было бы избѣгнуть этого
теперь? смыска и мекота отвѣтила она на это.

— О, ничего нѣтъ легче! засмѣялся онъ самымъ уже усло-
кательнымъ образомъ:—разговоръ нашъ такъ и останется
частнымъ разговоромъ... вы передадите мнѣ эти бумаги....

— Никогда! вскакнула она, прерывая его вежодующимъ.

взрывомъ, съ широко раздувшимися ноздрами, со взлетавшимъ пламенемъ въ глазахъ.

Онъ какъ бы умыло опустилъ голову и вздохнулъ.

— Мнѣ извѣстно что вы очень умны; княжна, началъ онъ, довольно долго помолчавъ предъ тѣмъ, — а мнѣ трудно понять поэтому какъ вы рѣшаетесь... *усложнять ваше положеніе* изъ-за человека который, во первыхъ, теперь въ власти Русскаго правительства и поэтому въ всякой ослѣпленности кары или даже задержанія; а, во вторыхъ, который, какъ сами должны вы видѣть, настолько же не деликатенъ, насколько и легкомысленъ, такъ какъ, рѣшившись навязать вамъ роль какой-то будто сообщницы его, не умѣлъ даже схоронить концы настолько чтобы сношенія его съ вами и фактъ переданныхъ вамъ бумагъ остались неизвѣстными.

Кира нервно мотнула головой:

— Какое мнѣ до него дѣло! презрительно уронила она... и провиически усмѣхнулась чрезъ мигъ: — Но вы, кажется, не совсемъ логичны, графъ?

— Почему вы думаете? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Судя по тому какъ *либерально* говорили вы въ началѣ разговора, я никакъ, согласитесь, не могла ожидать что онъ долженъ будетъ кончиться *этимъ*.

Аписевъ несколько не смутился этимъ аргументамъ ad hominem. Онъ многозначительно потянулъ свой прекрасный усъ, который носилъ теперь не попрежнему, крючкомъ вверхъ, а вытянутымъ въ струну à la Napoléon III, — на котораго, какъ извѣстно, вслѣдъ за Парижскимъ миромъ пошла большая мода въ Петербургъ, — и возразилъ тонко ухмыляясь:

— Мнѣ кажется, наоборотъ, княжна, что одно совершенно логично истекаетъ изъ другаго. Oui, je suis complètement libéral dans mes opinions: мы должны быть Европа и пройти чрезъ чтò она прошла. Я знаю что ни одно государство не можетъ обойтись безъ революціи и что она у насъ впереди; знаю что все наше старое зданіе прогнило до костей и что его надо перестроить сверху до низу.... Но дерево у котораго внутри уже ничего нѣтъ часто еще держится корою, княжна (на лицѣ изящнаго генерала неволью сказано удовольствіе причисляемое ему такимъ удачнымъ сравненіемъ), и его до поры до времени не слѣдуетъ валить. C'est notre cas, princesse: — Россія тоже держится корою. Нашъ народъ, le bas

peuple, былъ до сихъ поръ безсловесное животное, „быдло“, какъ называютъ его Поляки-помѣщики, сестра моя по Могилевской губерніи. Получивъ свободу, она очень скоро пойметъ и потребуетъ себѣ дальнѣйшихъ правъ, il demandera ses droits de citoyen... Тогда, я не спорю, идеи Герцена и нашихъ передовыхъ людей будутъ имѣть свою настоящую raison d'être и возможность быть применимыми къ дѣлу. А до тѣхъ поръ ne touchez pas à la hache, не трогайте топора! Потому что все хорошо въ свое время, а иначе можно только компрометировать самое дѣло прогресса... Вотъ почему, княжна,—уже съ торжествующимъ выраженіемъ во всѣхъ чертахъ закладывалъ онъ,—я положительно порицаю, порицаю въ интересахъ ихъ же идей, тѣ ветерлѣпные умы которые, какъ господишь Овцынъ и ему подобные, торопятся будущею революціей и думаютъ теперь же въ одиочку, не подготовивъ достаточно силъ и средствъ, свалить это гнилое внутри, но еще крѣпкое корой дерево... А пока оно еще стоитъ, ему, vous comprenez, princesse, нельзя запретить защищаться!...

Онъ, словно сожалѣя объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, приподвѣялъ плечи и замолкъ.

Она слушала его внимательно и сосредоточенно, не отрывая отъ него глазъ и съ какимъ-то загадочнымъ для него выраженіемъ въ складкѣ губъ, въ тѣсно сжавшихся бровяхъ... Онъ ждалъ теперь отвѣта.

Она веждивно подвѣялась съ мѣста и гадаиво уронила съ губъ — Вы даже не вѣруете въ то чему служите и во имя чего действуете!...

Блестящій генералъ весь измѣнился въ лицѣ.

А она неторопливымъ шагомъ дошла до двери сосѣдней комнаты, полуотворила ее, кликнула: „Анфиса!“ и вернувшись къ своему креслу, опустила въ него и молча устремила глаза свои въ огонь камина.

Гость ея еще не успѣлъ придти въ себя какъ на порогѣ той двери показалась красивая, синеокая горничная, и съ вопросомъ: „чего прикажете?“ подошла ко княжнѣ.

— Гдѣ тотъ коробъ съ бумагами который оставилъ у насъ Иринархъ Федоровичъ Овцынъ?

— Въ шкалу, ваше сіятельство, съ легкою запинкой проговорила она, быстромъ вопрошающимъ взглядомъ окидывая свою барышню и невѣдомаго воеваго мужчину, показавшагося ей почему-то подозрительнымъ.

— Достаньте его оттуда.

Синеокая женщина еще разъ взглянула ей въ лицо, какъ бы не совсѣмъ довѣря этому приказанію и ожидая его подтвержденія.

Кира поняла, усмѣхнулась и утвердительно кивнула головой.

Ависьевъ, еще нахмуренный, но съ оживленными любопытствомъ глазами и нѣсколько озадаченно сѣднулъ за ними.

Авфиса подошла къ шкалу, отперла его ключомъ изъ связки выскѣвшей у нея на поясѣ, потянула къ себѣ изъ темнаго угла извѣстный читателю коробъ, и взявъ его на руки довнесла и опустила къ ногамъ княжны.

— Вотъ онъ! промолвила та, указывая на него кивкомъ „либеральному“ генералу:—вы видите печати, никто къ нимъ не притрогивался.

Онъ недоумѣло повелъ на нее взглядомъ, хотѣлъ отвѣтить и—не услѣлъ...

— Князьте это въ каминъ, Авфиса! услышалъ онъ „невѣроятное“ приказаніе...

— Княжна! былъ онъ только въ состояніи вскрикнуть.

— Кудаите! торопливо повторила она.

Авфиса своими сильными руками приподняла разомъ тяжелый коробъ, обернулась съ нимъ къ огню и быстрымъ движеніемъ, рискуя обжечь себя всѣ пальцы, вдвинула его въ самую среднюю очага.

Ависьевъ безсознательнымъ порывомъ кинулся съ мѣста къ нему... и отступилъ...

Между нимъ и каминомъ стояла также быстро обернувшаяся теперь къ нему лицомъ синеокая женщина, и эти ея снѣгіе, прекрасные и рѣшительные глаза будто говорили ему: „лока не сгоритъ—не подлущу!“

Онъ покраснѣлъ неволью, прикусилъ губу...

— Вы видите, графъ, услышалъ онъ опять голосъ княжны Кубевской,—что меня никакими „лутями“ нельзя заставить сдѣлать то что я почитаю *безчестнымъ*.

Онъ уже овладѣлъ собою, усмѣхнулся опять своею многозначительною улыбкой, покловился, и разводя слегка обѣими руками проговорилъ:

— Вижу, княжна, но за послѣдствія я ужъ не отвѣтчикъ!

— Какія угодно! надменно и презрительно произнесла она въ отвѣтъ,—и тѣмъ легче что я сегодня же перестану принадлежать къ этому дому!

Она съ какою-то телерь злою радостью заранѣе жгла свои корабли.

Графъ Андсеевъ не нашелъ слова отвѣтить: въ этой дѣвичьей отвагѣ было что-то необычно и увлекательно *красивое*, чего онъ, въ качествѣ „знатока женщинъ“, не могъ не замѣтить и не *оульмить*... Онъ поднялъ свою каску съ пола, склонился предъ княжной глубокимъ свѣтскимъ поклономъ, и вышелъ изъ комнаты.

— Барышня... княжна, заговорила Анфиса полуулыбаясь, полутревожно, какъ только затворилась за нимъ дверь,—а не выйдетъ какого худа изъ этого самаго что мы съ вами сплорорили?...

Кира пожала плечами.

— Вамъ очень жаль будетъ разстаться со дворцомъ? спросила она вмѣсто отвѣта.

— И вы въ жисть! воскликнула та.—Чего мнѣ жалѣть, барышня, измаялась я вся тутъ, въ палатахъ-то дѣшвиныхъ... Особливд если телерича опять въ матушку въ Бѣлокаменную вздумаете... Гори, гори!—прервала она себя, схватывая каминную кочергу и приподымая ею въ очагъ толстую кипу бумажныхъ листовъ чтобы дать ихъ скорѣе охватить огню,—и праху твоего чтобы не осталось!...

Дверь изъ передней еще разъ широко распахнулась и въ нее уже безо всякаго доклада вошла Прасковья Александровна Охвостова. Она казалась, очень утомленною, и придворный слуга княжны велъ ее подъ руку.

Кира быстро пошла ей на встрѣчу, довела ее до дивана, усадила... Анфиса въ свою очередь догадливо заставила опять огонь экраномъ, выбѣжала въ спальню, вынесла оттуда какую-то шитую подушку и заложила ее за спину почтенной особы.

Та поблагодарила ее взглядомъ. Синюю женщину глубоко поклонилась и вышла по знаку своей барышни.

Старушка перевела дыханіе, вынула свой флакончикъ, нюхнула и, не отнимая его отъ ноздри, начала медленно и по-французски:

— Я и не знаю какъ вы должны быть благодарны Providѣнцію за то что вамъ приходится имѣть дѣло съ самою милостью и добротой (*avec la grâce et la bonté elles mêmes*). Я была ими умилена до слезъ. Въ благородномъ сердцѣ той

при комъ вы имѣете счастье состоять я нашла за васъ адвоката какимъ же могла бы быть сама... да и не намѣрена была быть,—примолвила строго она,—такъ какъ почитаю поступокъ... да и вообще всю вашу *tenue* здѣсь далеко несообразными съ тѣмъ къ чему обязываетъ васъ ваше положеніе фрейлавы...

— Тетушка, перебила ее Кира,—я съ сегодняшняго же дня перестану быть ею.

— Что-о? воскликнула та въ изумленіи:—когда вамъ великодушно прощаютъ всѣ ваши неосторожности и прорухи (*vos imprudences et vos maladresses*), когда это великодушіе простирается до того что меня спрашиваютъ: не слишкомъ ли „жестко“ передавала вамъ эта игуменья то что поручено было вамъ сказать „для вашей же пользы“,—вы кобенитесь и фыркаете какъ вырвавшійся конь (*vous regimbez et piaffez comme un cheval écharpé*) и играете въ обиженное самолюбіе!..

— Выслушайте меня, тетушка, сказала на это дѣвушка,—и затѣмъ судите, самолюбіе ли, или лобужденіе менѣе заслуживающее вашего порицанія заставляетъ меня принять это рѣшеніе.

Прасковья Александровна молча поднесла лорнетъ свой ко глазу, направила его на племянницу и словно застыла въ ожиданіи ея объясненія.

Кира спокойно и обстоятельно сообщила ей объ отношеніяхъ своихъ къ Овцыну, „двоюродному брату ея двоюродной сестры“, о его „нѣсколько крайнихъ мнѣніяхъ“,—которыя впрочемъ, говорила она, „раздѣляются, кажется, всею теперешнею молодежью“ и „свободно, съ дозволенія цензуры, высказываются и въ журналахъ“,—о томъ, наконецъ, что онъ, уѣзжая за границу, явился къ ней съ просьбой сохранить до возвращенія свои бумаги, которыя *могли многократно скопировать*“, и что она *именно въ виду этого рѣшилась ихъ принять*...

Лорнетъ выпалъ изъ руки Охвостовой... Она вслаеснула ею о другую руку и вскрикнула въ ужасѣ:

— Бумаги заговорщиковъ (*des papiers des conspirateurs*)!..

Но когда племянница начала далѣе о визитѣ графа Анисьева, о томъ что ему было извѣстно о передачѣ ей Овцынымъ этихъ бумагъ, и онъ хотѣлъ чтобъ она теперь *выдала* ихъ ему, — старая камерфрейлина задрожала вся какъ въ лихорадкѣ:

— Полицейскій розыскъ въ этихъ стѣнахъ, подъ этою кровлею, — только этого не доставало! задыхающимся голосомъ застонала она, закрывая себѣ лицо платкомъ.

Кира примолкла.... Сама она была блѣдна какъ полотно, только зеленые глаза ея горѣли своимъ обычнымъ, гордымъ пламенемъ.

— Что же вы сдѣлали? спросила ее черезъ минуту тетка, опираясь обѣими руками на столъ, а головою объ эти руки, будто съ тѣмъ чтобы не смотрѣть на нее.

— Я сожгла ихъ, при немъ, въ этомъ каминѣ....

Руки внезапно упали, и Прасковья Александровна вся, всѣмъ своимъ худымъ старушечьимъ тѣломъ потанулась теперь черезъ столъ прямо къ лицу племянницы:

— Вы.... это сдѣлали.... при немъ? повторила она.

— А что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? уронила въ отвѣтъ Кира.

Старушка, тяжело дыша, опустилась на свое мѣсто:

— Да.... выдать ихъ вы.... не могли.... Un dépot est sacré.... пролетела она черезъ силу....

Послѣдовало долгое молчаніе.

— Послѣ этого, конечно, заговорила нѣсколько успокоившись Охвостова,—оставаться вамъ здѣсь нельзя.... Я ваше рѣшеніе одобряю. У васъ благородное сердце, но голова вверхъ дномъ (vous avez le coeur noble, mais la tête à l'envers); вы не созданы для дворцовой жизни, вы способны только компрометтировать здѣсь и себя, и другихъ.

— Я это вижу, съ горечью сказала княжна,—и хотѣла сей часъ же пойти и сказать....

Та оставила ее движеніемъ руки:

— Погодите! Надо, если можно, избѣгнуть всякой огласки... скандала.... Вы сдѣлали себѣ теперь врага изъ этого Анисьева, но я надѣюсь—если только это уже не дошло до свѣдѣнія *выше*—что самъ онъ, для себя, не захочетъ раздуть этотъ... эпизодъ съ вами.... А тамъ я переговорю съ кѣмъ слѣдуетъ....

Она вдругъ завздохала:

— Боже мой, что бы я дала чтобы до *никогда*, бѣдныхъ, *здѣсь*, не дошла эта новая неприятность!... Вѣдь это уже не разговоры съ Вилинымъ, а нѣчто несерьезнѣе.... заговорщики хоронящіе свои ужасы подъ *ихъ* кровомъ!... Я сейчасъ же пойду, пошла за этимъ Анисьевымъ, сказала она вставая,—

надо это привести въ ясность. А вы сидите пока смиренно и придумайте приличный предлогъ (un motif plausible) уѣхать отсюда.... Что вы думаете пзъ себя дѣлать теперь? спросила она какъ-то внезапно. Эта мысль очевидно только въ эту минуту пришла ей въ голову.

— Не знаю.... За границу поѣду, можетъ-быть....

— Одаа.... безъ средствъ?... проговорила участливо Праксѣя Александровна, прищурясь на нее.

— Въ Женевѣ у меня друзья есть.... Сибиряки, пзъ возвращенныхъ.... А средства,—у меня левсія послѣ батюшки... Развѣ отымутъ теперь....

Старая камерфрейлина вслыхнула вся:

— Какъ вы *матъ сътътъ* знаете! Charitables tous et généreux comme Dieu lui-même!... Неужели вы можете думать что вамъ станутъ *лстить*?...

Она пожала плечомъ, направилась къ передней, остановилась у двери:

— Пріѣзжайте ко мнѣ вечеромъ, мы рѣшимъ какъ это наилучше устроить....

Кира наклонилась невольнымъ движеніемъ поцѣловать ея руку.

Та нежданно и порывисто закинула ей эту руку за голову, прижала ее ко груди и дрогнувшимъ голосомъ прошептала по-русски:

— Ахъ, головушка, несмысленная головушка, что-то тебя ждетъ впереди!.... и быстро взялась за замокъ двери чтобы не выдать далѣе охватившаго ее волненія.

Кира проводила ее по корридору до подъемной машины, и вернулась лишь увѣрившись что она благополучно спустилась до низу.

Въ своей передней она въ полутьмѣ замѣтила мужскую фигуру.

Это былъ посланный отъ Гундунова съ запискою къ ней. Она взяла ее, вернулась въ гостиную и, сорвавъ обложку, усѣлась съ нею на прежнее свое мѣсто у камина.

Гундуровъ почиталъ нужнымъ извѣстить ее чтобъ она не безпокоилась относительно послѣдствій *мнѣстнаго* разговора ея на вечерѣ. „Объ этомъ разговорѣ знаютъ“, писалъ онъ ей, „и очень смѣялись услугу графа В., которому (привожу буквально) notre jeune exaltée a dû faire

l'effet de Jeanne d'Arc, l'oriflamme á la main, tapant sur les Anglais“...

Письмо выпало изъ рукъ Киры.

„*Jeanne d'Arc!*... Да, я смѣшна, смѣшна, смѣшна!“ заняло новымъ невыносимымъ уколомъ у ней въ сердцѣ...

Она откинулась затылкомъ въ спинку своего кресла, и залилась врезалю первыми, злыми слезами...

Онъ еще не успѣлъ просохнуть когда неожиданное имя, отчетливо произнесенное басистымъ голосомъ вошедшаго слуги ея, донеслось до ея слуха:

— Господинъ Троекуровъ, Борисъ Васильчъ!

Она вся выпрямилась, поглядѣла на докладывавшаго, машинально, быстро провела рукой по глазамъ....

— Борисъ Васильевичъ Троекуровъ? громко повторила она;—онъ здѣсь?... Приси!...

Ей почему-то казалось невѣроятнымъ чтобъ онъ могъ быть здѣсь, могъ явиться къ ней „именно въ эту минуту“....

Онъ вошелъ. Ей прежде всего кинулась въ глаза въ немъ перемѣна костюма. Онъ былъ въ партикулярномъ *habit de matin*, съ цилиндромъ въ рукѣ, въ лиловыхъ перчаткахъ. Складки просторной одежды ложились съ какою-то особою, изящною мягкостью кругомъ тонкихъ чертаиъ его высокаго, все также худаго туловища, но въ лицѣ онъ казался попомятымъ. Прежнее выраженіе усталости, обычное этому лицу, смѣнилось теперь чѣмъ-то спокойно вдумчивымъ, созвательно-довольнымъ. Кира тотчасъ же замѣтила эту новую черту... Только глубокіе глаза его сохранили знакомую ей привычку нервнаго помаргиванія, да бѣлокुरые усы кудрявились надъ все также нѣсколько скелтически улыбающимся ртомъ.

— Какимъ образомъ вы здѣсь, Борисъ Васильевичъ, и давно ли? спросила она подымаясь ему на встрѣчу.

— Для чего пріѣзжаютъ изъ провинціи люди въ вашъ отвратительный городъ, отвѣчалъ онъ смѣясь:—само собою по дѣламъ, по скучнымъ, глупымъ дѣламъ... У меня такое дѣло въ Сенатѣ...

— И давно вы здѣсь? повторила она.

— Два два, три.... сказалъ онъ вскользь, усаживаясь въ кресло которое указывала она ему.

— Чтò Сашенька?

— Спасибо!... Велѣла вамъ кланяться, жалуется что не имѣетъ отъ васъ извѣстій...

— Я виновата, дѣйствительно, предъ нею: не отвѣчала на ея послѣднее письмо... Когда Сережа Лукояновъ былъ здѣсь, я ему часто поручала передать сестрѣ то что не успѣвала написать сама, а съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ за границу...

— Вы забыли о ней? договорилъ Троекуровъ, помаргивая направленными на нее глазами.

Брови Киры болѣзненно сжались вдругъ:

— Въ сущности, что можетъ быть для нея занимательнаго въ моихъ письмахъ!... Вамъ, я думаю, тамъ вдвоемъ ни до чего въ мирѣ вѣтъ дѣла? промолвила она съ какою-то недолимою горечью.

— Нѣтъ правилъ безъ исключенія, отвѣтилъ онъ весело;— но, говоря по правдѣ, чѣмъ менѣе *зѣпшнаго* доходить туда, тѣмъ, по нашему, по *могму* особенно, лучше.

— Развѣ васъ не интересуетъ однакоже то что здѣсь дѣлается теперь, что готовится для Россіи? спросила она, наслауя себя на разговоръ.

— Общее, *les grandes lignes*,— да, конечно! И издали, а не близко... Вблизи не красиво, княжна: наглядѣлася и наслушался я въ эти нѣсколько дней...

— А что?

— Да какъ вамъ сказать? Волервыхъ, крулныя и очень хорошія въ сущности слова, но которыя уже успѣли олошнить до тошноты: „свобода“, „прогрессъ“, „человѣчество“, „современность“, и такъ далѣе, и такъ далѣе; ихъ вамъ теперь, куда ни ткнешься, чуть не вмѣсто лимона и сливокъ къ чаю подаютъ.... А отъ словъ—какое-то всеобщее льянство мысли, и нехорошее льянство, знаете.... Отворили тюрьму, пустили на вольный воздухъ,—ловятво, человѣкъ и перехватить готовъ отъ радости. Но вѣдь это ужъ не то: это похоже ужъ прямо на колодецковъ сорвавшихся съ цѣли и лѣзущихъ разбивать кабаки. Все долой, глаза въ крови и лѣна у рта!... Не красиво, вѣтъ!...

— Ну, а вы что же, княжна? быстро перемѣняя разговоръ:— все тѣ же иллюзіи? спросилъ онъ, намекая на послѣдній ихъ разговоръ въ Москвѣ, годъ тому назадъ.

Зеленые глаза ея засверкали, и тутъ же потухли... Нѣтъ, не насмѣшкою звучалъ его голосъ, да и что онъ могъ знать „обо всемъ *этомъ*“ происшедшемъ съ нею?...

— „Иллюзіи“, повторила она тономъ поразившимъ его сво-

имъ безотраднѣмъ выраженіемъ:—я покидаю дворецъ и Петербургъ....

Онъ быстро вскинулъ на нее взглядомъ, лотянулъ усь и не спрашивая, какъ бы вовсе не интересуясь тѣмъ что могло побудить ее къ этому, спросилъ только:

— И жалете о нихъ?

— Нѣтъ, не о нихъ... о собственномъ обманѣ, отвѣтила она безъ заливки, въ свою очередь какъ бы вовсе не удивляясь тому что онъ будто уже все знаетъ и спрашиваетъ ее не о фактахъ, а о томъ какъ они отзываются въ ея чувства.

— Я радъ, коротко сказалъ онъ на это.

— Чему?

— Вы душу живу вынесете отсюда.

— На что она? вырвалось и замерло у нея какимъ-то стономъ.

— Жить!... „Жизнь для жизни вамъ дана“, княжна... Это, если не ошибаюсь, даже самъ митрополитъ Филаретъ сказалъ *.

Глубокая продольная морщина сложилась между ея бровями:

— Я охотно сейчасъ отдала бы эту жизнь еслибъ она на что-нибудь *настоящее* пригодилась.

— Это „настоящее“ указано женщиной съ тѣхъ поръ какъ люди... люди.... Но вы почему-то, какъ мнѣ кажется, княжна, примолвляя Троекуровъ съ ласковою усмѣшкой,—всегда задавали себѣ темою стараться не думать и не чувствовать ложески?...

Она вдругъ вся заахла, встреленулась:

— Такъ это вы были!... Вы неправду сказали сейчасъ будто только два дня тому пріѣхали. Вы раньше.... Это вы говорили со мною подъ маской на томъ вечерѣ... Какъ это я васъ тогда же не узнала!...

Онъ съ серьезнымъ лицомъ взглянулъ на нее, утверждая что она ошибается, что онъ никогда не былъ, не могъ быть ни на какомъ „вечерѣ“, такъ какъ и не показывался никому въ обществѣ.

Но она не довѣрила ему. Каждое изъ сказанныхъ имъ тогда словъ звучало теперь живымъ звукомъ въ ея ухѣ:

* Въ извѣстномъ переложеніи стихотворенія Пушкина: „Даръ напрасный, даръ случайный“ и пр.

— Не отрицайтесь! говорила она съ какою-то задумчивостью, которой онъ до сихъ поръ еще никогда не замѣчалъ въ ней:—вы одни могли знать меня настолько чтобъ угадать... ловяте, когда я васъ приняла за.... за другаго.... что я „изъ чистаго источника“... Это вы сказали.... Я въ первую минуту разсердилась, но я... я благодарна вамъ, Борисъ Васильевичъ, за ваши слова, за... Вы какъ другъ говорили со мною....

Она оборвала и, высоко дыша грудью, протянула ему руку.

Онъ не сталъ разувѣрять ее далѣе, стиснулъ ея пальцы и спросилъ прямо:

— Чтò же, Вилицъ нажаловался на васъ?

Его видимое,—„хорошее“, какъ говорила она себѣ внутренно,—участіе какъ-то странно усложнивало ее телерь. Она засмѣялась на его вопросъ:

— Это вы же поручили Бековичу сообщить мнѣ о его разговорѣ съ нимъ обо мнѣ? Онъ смѣшной, но я его не виню. Онъ спросилъ у тетки моей, Охвостовой, чтò я за человекъ и какъ ему слѣдуетъ „ловимать мои слова“. Я не могу сердиться на него,—онъ былъ правъ.... Но я не изъ-за этого,—послѣдила она объяснить,—рѣшилась покончить съ моею дворцовою жизнью. Тутъ произошло другое; вотъ чтò:

И она передала ему во всей подробности эпизодъ съ Анисьевымъ по поводу Овцынскихъ бумагъ.

— Этотъ дрянный мальчишка, сказалъ дослушавъ ее Троекуровъ,—пригодился хоть на то что послужилъ къ скорѣйшей развязкѣ вашего положенія здѣсь, и вы за это должны быть ему благодарны. Сколько я ловимаю, вы кончили бы какимъ-нибудь еще худшимъ soup de tête, или истомились бы въ конецъ, на смерть....

— А телерь, со внезапнымъ напоромъ прежней тоски вскрикнула Кира,—я не истомлюсь развѣ отъ бездѣйствія, отъ безцѣльности моего существованія?... Я уѣзжаю за границу безо всякаго плана, безо всякой опредѣленной задачи въ будущемъ...

Троекуровъ отвѣчалъ не сейчасъ:

— Княжна, вы до сихъ поръ все искали для себя крупнаго, *сбѣга* дѣла—и не находили возможности приложить себя къ нему съ услѣхомъ... Хотите ли попробовать маленькаго

и не виднаго, просто *доброго дѣла*, за которое горячо благодарна вамъ будетъ та для которой вы сдѣлали бы его.

— Хочу, конечно! Что такое, говорите! быстро проговорилла она уставившись пристально въ него.

— Тетка ваша, мать моей жены, Марья Яковлевна, очень плоха.

— Въ самомъ дѣлѣ!... Я не знала, воскликнула Кира.

— Я видѣлъ въ Москвѣ доктора ея, Варвинскаго. Онъ говоритъ что сердце у нея въ самомъ жалкомъ состояніи и что со дня на день можно ожидать катастрофы. Сама она, бѣдная, предвидитъ ее и говоритъ о ней... Я, разумѣется, тотчасъ же привезъ бы къ ней жену, но въ ея положеніи,—промолвилъ вскользь Борисъ Васильевичъ (Александра Павловна была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности),—это было бы опасно, и Марья Яковлевна сама ни за что этого не хочетъ. Сама и не знаетъ что матери такъ нехорошо... Вы не всегда сходились съ теткой, княжна,—продолжалъ онъ, пока она все также сосредоточенно и безмолвно глядѣла ему въ лицо,—но она, поистинѣ, добрая и благородная женщина, и любитъ васъ, я знаю. Она была бы несомнѣнно счастлива еслибы вы теперь были при ней... Не долго, вѣроятно, пришлось бы вамъ ходить за нею... А для васъ это un prétexte tout trouvé, самая естественная въ глазахъ всѣхъ причина отъѣзда вашего отсюда, заключилъ Троекуровъ какъ бы мимоходомъ.

Но Кира поняла что въ этихъ послѣднихъ словахъ заключалась главная сущность его предложенія,—что онъ прежде всего озабоченъ былъ мыслью „найти для нея самое *приличное* объясненіе этого отъѣзда ея изъ дворца“.

Какое-то радостное, давно ею не испытанное чувство шевельнулось у нея въ груди. Она провела медленно по лицу своему блѣдною рукой и тихо улыбнулась:

— Этотъ „предлогъ“ разрѣшаетъ все, сказала она;—спасибо вамъ за него! Я отпущусь сегодня же, и могу завтра уѣхать въ Москву.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да!... Самое позднее—послѣзавтра... Вѣдь чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше теперь?

Онъ утвердительно качнулъ головой, и всталъ.

— Дайте мнѣ знать въ Демурову гостиницу, номеръ четвертый, когда вы именно могли бы уѣхать. Я распорядусь чтобы

вамъ было на поѣздѣ особое отдѣленіе. А я тогда выѣхалъ бы равнѣе чтобъ успѣть предупредить болыную о томъ что вы къ ней ѣдете.

— Я валишу вамъ сегодня вечеромъ... можетъ-быть поздно, — все равно?

— Конечно!—Онъ засмѣялся.—Люблю такія быстрыя рѣшенія!

Кира посмотрѣла на него мимолежнымъ, страннымъ взглядомъ.

— Въ васъ вѣрить можно, Борисъ Васильевичъ, быстро пролетела она въ отвѣтъ.—До свиданія!...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

ИЗЪ САПФО

МОЛИТВА КЪ АФРОДИТЪ.

Съ высоты многоцвѣтнаго трона
Строя вѣчная козми въ тиши,
Не отвергни молящаго стона
Удрученной тоскою души.

О, прѣди! вѣдь и въ годы былые,
На мольбу мою слухъ прекломя,
Громовержда чертоги златые
Ты покинуть могла для меня.

Голубей крѣлкокрылая стая
Колесаицу твою лонесла
И, зѣбра струи разсѣкая,
Полетѣла къ землѣ какъ стрѣла.

И, сіяя безсмертной красою,
Вдругъ предстала ты мнѣ на яву
И спросила, что случилось со мною
И тебя для чего я зову.

Говорила: „Чего же ты хочешь?
Иль скорбишь, безъ отвѣта любя?
Кто упрямый, о комъ ты хлопочешь?
Кто, скажи, презираетъ тебя?“

„Пусть теперь онъ тобою не занятъ:
Онъ полюбитъ тебя безъ ума;
Пусть дичится: потомъ не отстанетъ,
Хоть бы ты охладѣла сама.“

Такъ люди же и вывѣ, благая,
Мою злую кручину разсѣй
И, желанья мои исполняя,
Будь союзницей вѣрной моей!

Z*.

СЕМЬ НЕДѢЛЬ ПОДЪ ПЛЕВНОЙ

I.

Послѣ долгаго похода чрезъ всю Румынію и сѣверную часть придумайской Болгаріи, мы 10го ноября 1877 года пришли въ Горній Дубнякъ, деревню въ окрестностяхъ Плевны, и должны были остаться тамъ на неопредѣленное время.

Былъ сырой, туманный день съ изрѣдка просвѣчивавшимъ сквозь сѣрую сплошную лелену облаковъ солдцемъ, когда мы подошли къ Горнему Дубняку. Въ самую деревню мы не вошли, а остановились лагеремъ на возвышенномъ берегу небольшой рѣчки, по другую сторону которой расположена была деревня. Лагерь разбили возлѣ тѣхъ самыхъ, хорошо еще сохранившихся, редутовъ которые стоили намъ столько жизней, такой громадной массы пролитой крови. Вся мѣстность около лагеря носила еще на себѣ слѣды недавняго сраженія: осколки разорвавшихся гранатъ, множество пустыхъ и дѣльныхъ еще патроновъ, окровавленные турецкія фески, обрывки гвардейскихъ мундировъ,—все это во множествѣ валялось тутъ же на травѣ въ окрестности редутовъ.

Деревня лежавшая предъ нами носила на себѣ такіе свѣжіе и ужасные слѣды разрушенія, имѣла такой жалкій и

непріятный видъ что жутко становилось при одной мысли о томъ что мы осуждены можетъ-быть на долгіе дни жизни въ этомъ разоренномъ гнѣздѣ. Ни надъ одною трубой не вилося струйки дыма, ни одного голоса человѣка не было слышно, и только лай и вой собакъ лировавшихъ надъ ладью доносились до насъ, такъ что мы по этимъ признакамъ сочли деревню необитаемою, совершенно брошенною жителями.

Получивъ отъ командира парка разрѣшеніе жить въ деревнѣ, а не въ лагерѣ, я съ тремя нашими чиновниками отправился разыскивать сколько-нибудь удобное помѣщеніе среди многочисленныхъ пустыхъ домовъ деревни. Еще изъ лагеря мы замѣтили довольно большой домъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ яротивоположнаго берега и направились прямо къ нему, прельстая возможностью имѣть жилище господствовавшее по своему положенію надо всею деревней, а это преимущество въ виду тревоги и другихъ случайностей военно-походной жизни было далеко не лишнимъ.

Слустившись съ горы и перейдя чрезъ небольшую, журчавшую по камнямъ рѣчку, мы вошли въ самую деревню, и тутъ я сразу былъ охваченъ тѣмъ страшнымъ и тоскливымъ ощущеніемъ которое является всегда при видѣ брошеннаго и олуствѣвшаго человѣческаго жилья. Мѣстность по которой мы проходили казалось еще недавно кипѣла жизнью, и какъ бы внезапно какою-то всеразрушающею силой ливневая оживлявшей ее души, имѣла тѣмъ болѣе мрачный видъ что признаки недавней жизни еще сохранились. Полуразрушенныя стѣны, избы безъ дверей и крышъ, срубленные и лоломанныя деревья, груды черепицъ, все это были слѣды того страшнаго урагана бѣдствій который пронесся надъ этою несчастною страной жертвъ и долготерпѣнія, страной обильныхъ слезъ и безлощадно лившейся человѣческой крови. Горній Дублякъ впрочемъ не такъ еще сильно пострадалъ какъ множество другихъ деревень. На пути изъ Остова къ окрестностямъ Плевны намъ встрѣчалось много такихъ мѣстъ гдѣ только по огромнымъ грудамъ мусора можно было заключить о недавнемъ присутствіи тамъ человѣческихъ жилищъ.

Домъ въ которомъ мы намѣревались поселиться оказался церковнымъ, и тутъ же, въ окружавшей его каменной оградѣ, находилась церковь, врытая по обыкновенію въ землю, такъ что входя въ нее нужно было спускаться на нѣсколько сту-

пелекъ внизъ. Я не въ силахъ описать ту страшную бѣдность которая поразила меня при входѣ въ эту деревенскую болгарскую церковь: никакая бѣднѣйшая церковь бѣднѣйшаго села въ Россіи не могла бы идти въ сравненіе съ этою по жалкой нищетѣ убранства. Въ послѣдствіи я нѣсколько разъ входилъ въ нее, но въ этотъ первый разъ я послѣдилъ поскорѣе выйти на воздухъ, не будучи въ состояніи преодолѣть то чувство жалости которое сжало мнѣ сердце. Рядомъ съ церковью, въ той же оградѣ, было кладбище, а какъ разъ противъ входа въ церковь находилось крыльцо нашей будущей квартиры.

Наступалъ уже вечеръ, и мы спѣшили устроиться въ новомъ жилищѣ. Оно состояло изъ трехъ комнатъ и сѣней; во всемъ домѣ была только одна дверь которую можно было затворять, соединявшая сѣни съ небольшою комнаткой въ задней части дома; цѣльнаго окна не было ни одного, и вѣтеръ свободно гулялъ и свисталъ въ лустыхъ комнатахъ. Квартира вообще была неприглядная, особенно въ виду наступившихъ холодныхъ ночей, но мы все-таки рѣшились въ ней поселиться, такъ какъ въ лалаткѣ жить было еще хуже. Вещи наши были уже привезены изъ лагеря, и мы разставили свои кровати въ маленькой комнаткѣ, въ которой свободнымъ остался только узенькій проходъ; но намъ и этого было довольно. Изъ всѣхъ комнатъ дома мы выбрали эту, потому что она казалась какъ-то уютнѣе. Одинъ изъ моихъ сожителей, не имѣвшій кровати, смастерилъ ее изъ дубовой дверной доски, найденной нами на чердакѣ дома и утвержденной теперь на четырехъ большихъ камняхъ. Въ нашей комнатѣ было два окна безо всякаго признака стеколъ или вообще чего-нибудь разъединяющаго наше жилище съ наружнымъ воздухомъ, но въ первый вечеръ мы еще ничѣмъ не могли пособить этому горю; одно изъ оконъ приходилось какъ разъ надъ изголовьемъ моей кровати, и я могъ утѣшать себя по крайней мѣрѣ тѣмъ что воздухъ которымъ мнѣ предстояло дышать ночью будетъ освѣжаться.

Мы однако ошиблись сочтя по первому взгляду деревню необитаемою: признаки жизни обнаружались почти тотчасъ по нашемъ водвореніи въ Горнемъ Дубякѣ. Откуда-то взявшійся Болгаринъ привезъ намъ молока, что было какъ нельзя болѣе кстати, ибо у насъ съ прошедшаго дня почти ничего не было во рту, а заласъ нашъ состоялъ только изъ

сухихъ газетъ, по твердости подобныхъ камню и страшно намъ всѣмъ надоѣвшихъ. Вскорѣ мы увидали еще нѣсколькихъ Болгаръ пришедшихъ поглядѣть на насъ, а въ послѣдствіи съ каждымъ днемъ число жителей деревни все возрастало. Хотя совершенно было неизвѣстно откуда являлись эти люди, но вѣрно то что ведѣли чрезъ двѣ ме было почти ни одного лустаго дома, и Горній Дубякъ изъ пустынного, необитаемаго, на нашихъ глазахъ сталъ многолюднымъ селомъ.

Такимъ образомъ, мы не могли пожаловаться на нашъ первый вечеръ въ Горнемъ Дубякъ, ибо мы нашли тамъ даже болѣе того чего желали: ужинъ и ночлегъ подъ крышей, вещи которыя послѣ долгихъ переходовъ всегда составляютъ предметы самыхъ страстныхъ желаній.

II.

На другое утро мы проснулись дрожа отъ холода. За ночь сильно похолодало, и во все время нашего сна вѣтеръ свободно гулялъ надъ нашими головами. Необходимо было принять какія-нибудь мѣры для приспособленія нашего новаго жилища къ наступавшему холодному времени, и мы, согрѣвшись чаемъ приготовленнымъ въ походномъ чайникѣ, занялись изысканіемъ способовъ для благоустройства нашей квартиры. Прежде всего, конечно, нужно было закрывать чѣмъ-нибудь окна, и тутъ какъ нельзя болѣе пригодились нѣсколько нумеровъ старыхъ газетъ, которыя я отыскалъ въ своемъ чемоданѣ; ими мы заклеили одно изъ оконъ, а для другаго мой дельщикъ отыскалъ на чердакѣ раму съ нѣсколькими сохранившимися стеклами, которая пришлась какъ разъ къ окну у изголовья моей кровати. На томъ же чердакѣ нашлась еще желѣзная труба въ родѣ самоварной. Это была необыкновенно счастливая находка, и у насъ при видѣ ея явилась надежда устроить печь, которая была главнымъ предметомъ нашихъ желаній. Однако до окончателнаго исполненія этого предпріятія было еще далеко: матеріала кромѣ трубы не было никакого. Прежде отысканія средствъ, замѣнить чѣмъ-нибудь столь нужные намъ кирпичи и глину, я сталъ придумывать на чемъ бы утвердить найденную нами трубу. Бродя по кладбищу, я нашелъ довольно большую и

товкую ленту камня и рѣшилъ воспользоваться этою находкой чтобы сдѣлать изъ нея сводъ для печки; нужно было только какъ-нибудь просверлить въ камнѣ отверстие, что я и успѣлъ сдѣлать съ помощью моего дѣвчонки, Максимова. Такимъ образомъ печной сводъ былъ готовъ, и это наполнило мое сердце радостью, тѣмъ болѣе что я былъ почти увѣренъ что Максимовъ найдетъ средства для окончательнаго устройства печки. Такъ оно дѣйствительно и вышло, и скоро я увидалъ Максимова тащившаго нѣсколько огромныхъ земляныхъ кирпичей, которые онъ добылъ изъ невысокой стѣны окружавшей нашъ домъ и церковь. Эти кирпичи состояли изъ смѣси навоза и земли почти такой же вязкой какъ и глина. Матеріалъ былъ найденъ, только мы боялись не стали бы эти кирпичи сами горѣть, а печка изъ горючаго матеріала не совсѣмъ была бы удобна. Но и это неудобство было устранено Максимовымъ. Состроенное изъ привезенныхъ кирпичей нѣкоторое подобіе печки онъ выложилъ по внутреннимъ стѣнкамъ черепицами и все это обмазалъ землей, которая была немногимъ хуже глины. Труба казалась нѣсколько короткою и ея не хватало чтобы провести черезъ крышу наружу; поэтому мы и удовольствовались тѣмъ что провели ее черезъ отверстие бывшее въ лотокѣ на чердакѣ; крыша была черепичная и не угрожала опасностью пожара. Сейчасъ же мы натащили сухихъ вѣтокъ терновника, и въ нашей печкѣ зателлился огонекъ; комната сразу приняла какой-то жилой и уютный видъ.

Повемногу устраиваясь въ нашемъ импровизованномъ жилищѣ, мы не имѣли никакого понятія о томъ сколько времени придется намъ простоять въ Горнемъ Дубнякѣ, и эта неопредѣленность иногда сильно охлаждала нашу работу.

Населеніе деревни между тѣмъ видимо увеличивалось, и во многихъ домахъ поселились пришедшіе откуда-то Болгары. Максимовъ ужъ успѣлъ завести съ нѣкоторыми изъ нихъ знакомство и извлечь изъ этого кое-какія выгоды: раздобылъ у какого-то Болгарина мѣдвѣй котелокъ и сковородку, что должно было нѣсколько улучшить способъ нашего пропитанія. Въ этотъ день мы пообедали солдатскою похлебкой, привезенною изъ лагеря въ походныхъ котелкахъ, а со слѣдующаго дня вознамѣрились готовить обѣдъ уже дома. Въ домѣ подъ нашими комнатами оказалось нѣчто въ родѣ обширнаго под-

вала, который могъ замѣнить намъ кухню. Разнообразіа въ кушаньяхъ, впрочемъ, особеннаго намъ не предстояло, такъ какъ пока у насъ могла быть только одна лохлебка изъ воды, говядины и толченыхъ черныхъ сухарей, но мы были очень довольны и этимъ: аппетитъ у всѣхъ насъ былъ какой въ мирное время мы не могли бы себѣ и представить.

Итакъ, первыя наши жизненныя потребности были удовлетворены, возможное благоустройство жизни достигнуто, и намъ предстояли впереди цѣлые дни которые нужно было наполнять чѣмъ-нибудь кромѣ вѣды, литья и сна. Книгъ у насъ почти не было, оставались только разговоры, скоро надоедавшіе, почему каждый изъ насъ въ концѣ концовъ поневолѣ долженъ былъ оставаться наединѣ съ самимъ собою, со своими мыслями и воспоминаніями, особенно съ воспоминаніями. Въ настоящемъ было пока мало интереснаго если не считать той несвойственной намъ обстановки въ которую мы попали; поэтому меня и, кажется, и другихъ моихъ сожителей охватывалъ цѣлый рой воспоминаній, въ которыхъ мы иногда переселялись съ такою ловотою что забывали настоящую обстановку, и опомнившись, всегда удивлялись ей какъ чему-то странному и новому.

Всѣ мелочи прошедшаго освѣщались теперь какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, выросло въ собственныхъ глазахъ множество вещей не имѣвшихъ прежде никакой цѣны и за которыя теперь желалось многое отдать еслибы возможно было чего-нибудь этимъ достигнуть.

Такъ погруженные въ свои воспоминанія, распевавшая и переворачивая ихъ всевозможными способами, проводили мы свои дни. Даже разговоры, когда они заводились, состояли почти сплошь изъ однихъ воспоминаній о прежней жизни, и въ устахъ каждаго изъ насъ эта прежняя жизнь была облита такимъ розовымъ свѣтомъ, преисполнена такихъ пріятностей что мы только удивлялись какъ это мы прежде, пользуясь ими, не замѣчали ихъ. Казалось, дай только намъ возможность возвратиться къ прежнимъ условіямъ жизни, и мы, наученные горькимъ опытомъ лишеній, будемъ пользоваться всѣмъ что прежде пропускали безъ вниманія и оцѣнимъ настоящимъ образомъ то чѣмъ прежде пренебрегали.

Такимъ образомъ мы жили гораздо болѣе прошедшимъ чѣмъ настоящимъ. Но и въ настоящемъ было кое-что по временамъ привлекавшее наше вниманіе.

III.

Въ началѣ второй половины ноября стояли славные, ясные осенніе дни, и мы пользовались ими для ознакомленія съ мѣстностью гдѣ, мы теперь поселились. Подолагу иногда бродили мы по деревьямъ и полямъ ее окружавшимъ, гдѣ мѣсяць тому назадъ произошло кровавое дѣло взятія редутовъ Горняго Дубняка, и множество сохранившихся еще признаковъ бывшаго сраженія раждало въ нашей фантазіи подробности такъ недавно разыгравшейся здѣсь драмы. Теперь же все было спокойно и пустынно вокругъ: по Софійскому шоссе изрѣдка тянулись подводы съ ранеными и больными солдатами; со стороны Плевны доносились звуки канонады, къ которымъ наши уши скоро такъ привыкли что эти грозные звуки стали для насъ чѣмъ-то уже совсѣмъ обыкновеннымъ, и не думалось даже что каждый изъ нихъ сопровождается стопами раненыхъ и влечетъ за собой потерю нѣсколькихъ жизней.

Все окружавшее насъ, все что мы видѣли въ нашихъ прогулкахъ, имѣло какой-то равномерно-тоскливый характеръ, такъ что мы подъ конецъ рады были возвращаться въ свою тѣсную комнату и предъ веселымъ огонькомъ нашей печки олять отвлекаться въ прошедшее и забывать о настоящемъ.

Къ счастью, еще мы не совсѣмъ лишены были чтенія, ибо у одного изъ моихъ сожителей, чиновника К., нашлись на двѣ чемодана сочиненія Вольтера въ русскомъ переводѣ и нѣсколько тоже переводныхъ англійскихъ романовъ. Описывать съ какою жадностью были поглощены мною всѣ эти печатныя страницы будетъ излишне. Сначала я думалъ было правильнѣе распредѣлить чтеніе въ перемежку съ прогулками и разговорами, чтобы на большее время этого чтенія хватило, но это оказалось рѣшительно свыше силъ.

Скоро стали приходять письма изъ Россіи, всегда по нѣсколькку за разъ. Читая эти письма еще болѣе чувствовалъ себя отрѣзаннымъ ото всего остальнаго міра, и странно было думать что есть далеко отъ насъ люди живущіе совсѣмъ иначе чѣмъ мы, въ иныхъ совсѣмъ условіяхъ, что жизнь ихъ идетъ попрежнему, независимо отъ тѣхъ невгодъ которыя переносили мы.

А условія нашей жизни дѣйствительно мало были похожи на тѣ къ какимъ мы привыкли до сихъ поръ. Необходимость заботиться самому о всѣхъ необходимыхъ для жизни лустѣйшихъ мелочахъ, которыя прежде обыкновенно являлись какъ-то сами собой; полная нецвѣтность того что будетъ съ нами не только на другой день, но пожалуй чрезъ часъ; преобладавшее въ нашей жизни бездѣйствіе вмѣстѣ съ сознаниемъ что все-таки дѣлаешь какое-то дѣло и даже хорошее дѣло; какая-то страшная смѣсь свободы съ полною зависимостью,—все это производило въ душѣ совершенный переворотъ и заставляло смотрѣть на многое совсѣмъ иначе чѣмъ смотрѣлось до сихъ поръ. Все это, повторяю, заставляло насъ жить только настоящимъ и еще болѣе прошедшимъ, и большинству изъ насъ чужды были заботы о будущемъ; ибо возвратъ ко всему прежнему въ то время казался такимъ недосыгаемымъ счастьемъ что думать и мечтать о немъ было даже какъ-то страшно. Однако были и среди насъ немногіе отбросившіе какъ нѣчто совершенно неужное настоящее и прошедшее и обращавшіе все свое вниманіе на будущее, собиравшіе полумиліардъчики и добывавшіе ихъ всевозможными путями. Впрочемъ, иначе и быть не могло по безконечному разнообразію оттѣнковъ человѣческихъ характеровъ. Отсюда часто возникали разнообразныя столкновенія такихъ разномыслящихъ между нами людей; часто заводились у насъ безконечныя, ни къ чему не ведущіе споры, въ которыхъ другъ друга не понимали, и каждый изъ спорящихъ не допускалъ что другой можетъ думать иначе нежели самъ онъ думаетъ. Согласія вообще между нами было мало, и какъ будто какой-то духъ раздора поселился среди насъ. Отправляясь изъ Россіи на театръ войны, я ожидалъ найти тамъ людей слотавшихся въ одну единомысленную массу, стремящихся въ столь трудныхъ обстоятельствахъ жизни помогать другъ другу, и былъ удивленъ сначала найдя совсѣмъ противоположное. Изъ этого постоянного общенія, изъ этихъ непрерывныхъ сношеній и разговоровъ почти съ одними тѣми же людьми, вышло только то что каждый старался замкнуться и уединиться въ самомъ себѣ, боясь какъ-нибудь выдать свои сокровенныя мысли людямъ на революционное сожительство съ которыми былъ обреченъ. Хотя откровенность часто находила на насъ, но она была чи-

сто вѣшная, и многіе изъ насъ въ такія минуты откровенности навѣрное думали про себя: „вы увѣрены что я выложилъ предъ вами все что у меня на душѣ, а у меня есть еще много такого чего вамъ никогда не узнать“.

Иные поражали меня своими постоянными заботами о благоустройствѣ своей настоящей жизни, доходившими до всякихъ мелочей. Несмотря на то что каждый изъ насъ могъ разчитывать на массу роковыхъ случайностей, въ которыя могла насъ ввергнуть судьба; что не время было въ виду этого заботиться о томъ какъ бы повкуснѣе поѣсть и получше поспать,—никогда прежде мнѣ не приходилось слышать такихъ горькихъ жалобъ на неимѣніе халата или туфель, на необходимость ходить по недѣлямъ въ грязныхъ рубашкахъ и спать не на мягкомъ тюфякѣ.

Одинъ мой знакомецъ выводилъ меня изъ терпѣнія жалобами на невозможность достать сливочнаго масла, въ то время когда болгарскіе бѣглецы цѣлыми семьями вымирали съ голоду, да и сами мы по цѣлымъ днямъ сидѣли на сухаряхъ и могли думать что можетъ быть завтра и этого не будетъ. И солдаты въ своихъ землянкахъ въ свободное время пристраивали себѣ различныя удобства и развлечения; но, во первыхъ, все это дѣлалось только тогда когда дѣлать совершенно было уже нечего, а во вторыхъ, смотрѣлось на это болѣе какъ на потѣху, и между солдатомъ заводившимъ своеобразный комфортъ въ своей землянкѣ, и господиномъ вѣчно вздыхавшимъ о тюфякѣ разница была порядочная.

IV.

Итакъ наша жизнь не отличалась разнообразіемъ, и мы всѣ обрадовались тому что скоро въ нашемъ кружкѣ появились новые, свѣжіе люди. Этимъ свѣжимъ элементомъ были Болгары, съ которыми мы завели знакомство. Главными нашими знакомцами были двое. Одного звали Димитрій Дововъ, другаго—Георгій; фамилія послѣдняго такъ и осталась мнѣ неизвѣстною. Димитрій Дововъ былъ именно тотъ самый Болгаринъ у котораго мой деньщикъ раздобылъ котель и сковородку; онъ былъ самымъ близкимъ нашимъ сосѣдомъ. Началось наше знакомство съ того что когда

у меня вышелъ весь сахаръ, я послалъ Максимова разыскать, нельзя ли у кого-нибудь въ деревнѣ купить меду. Максимовъ обратился къ Дмитрію, и тотъ скоро нашелъ и самъ привелъ къ намъ продавца. Съ этого случая и завязались наши сношенія, онъ началъ исполнять разные наши порученія и вообще сдѣлался постояннымъ нашимъ посѣтителемъ. До сихъ поръ помню ясно его высокую и крѣпко сложенную фигуру, со смуглымъ, угрюмодобродушнымъ лицомъ, съ черными усами, съ вѣчно открытою и осемяю и зимой загорѣлою грудью. Кажется онъ не задолго до войны овдовѣлъ и остался одинъ съ маленькими дѣтьми, которымъ долженъ былъ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ замѣнять мать. Съ нимъ обыкновенно заводилъ разговоры нашъ сожитель К., бывшій въ Сербской кампаніи и знавшій нѣсколько по-сербски и по-болгарски. Однако Дмитрій не былъ разговорчивъ, хотя на вопросы отвѣчалъ всегда охотно. Бывало рано утромъ, только-что мы проснемся, онъ приходитъ къ намъ въ комнату, садится въ уголокъ у двери и сидитъ молча; съ полчаса такъ посидитъ, а потомъ простится и уйдетъ. К. всегда встрѣчалъ его фразой: „добре дошелъ“, и у Дмитрія сейчасъ же лицо расплывалось въ добродушнѣйшую улыбку, и онъ повторялъ, смѣясь: „добре, добре дошелъ“, точно ему казалось смѣшнымъ въ устахъ Русскаго это болгарское привѣтствіе.

Въ цвѣтуція времена Горнаго Дубняка у него была тамъ лавочка или кабакъ. Узнали мы это изъ того что какъ-то К. замѣтилъ у него на поясъ цѣлую массу деревянныхъ палочекъ, *бирокъ*, со сдѣланными на нихъ наръзками. Это была своего рода домовая книга, по которой онъ могъ сейчасъ же сосчитать, сколько кто ему долженъ за выпитые стаканчики *ракии*. Бирки эти Дмитрій хранилъ бережно и былъ кажется увѣренъ что онъ непременно когда-нибудь да получить по нимъ все что ему были должны.

Замѣчательна была неизмѣнность, по крайней мѣрѣ наружная, его душевнаго настроенія. Впечатлѣніе какое сдѣлалъ онъ на меня въ первый день нашего знакомства такъ и осталось почти безъ малѣйшей перемѣны до нашего послѣдняго дня въ Горнемъ Дубнякѣ. Онъ принадлежалъ именно къ тѣмъ людямъ которыхъ нельзя какъ-то и вообразить волнующимися и чѣмъ-нибудь смущенными. Молчать онъ умѣлъ замѣчательно, и никто изъ насъ при этомъ не только

не чувствовалъ неловкости, но напротивъ эти его молчаливыя посѣщенія были намъ всегда пріятны. Ходить къ намъ по утрамъ, казалось, онъ считалъ какъ бы своею обязанностию, и мы такъ къ этому привыкли что, просыпаясь, всегда ждали его появленія, и только послѣ этого дня нашъ какъ бы вступалъ въ свою обычную колею.

Эти молчаливо спокойные люди всегда представляютъ нѣчто загадочное, и при встрѣчѣ съ ними постоянно рождается вопросъ: что у нихъ въ мысляхъ? Мнѣ кажется, у Дмитрія бывали минуты когда онъ ничего не думалъ, а только „созерцалъ“, если это вообще возможно допустить. Между тѣмъ взгляды у него были положительно осмысленныя, да и положеніе-то его было таково что должно было наводить на многія думы. Привычка ли къ превратностямъ судьбы тутъ играла роль, или спокойная увѣренность въ томъ что сколько ни думай, а все ничего не придумаешь,—трудно было сказать. Отмѣчаю здѣсь эту черту къ тому что почти всѣ поладившіеся мнѣ Болгары отпачались ею, и самое ихъ озлобленіе противъ Турокъ было какое-то спокойное. Эти люди какъ-то положительно не умѣли теряться и въ самомъ безпорядочномъ бѣгствѣ успѣвали захватывать съ собою все необходимое на первое время для поддержанія своей жизни. Приходя на своемъ пути въ какую-нибудь разоренную и брошенную деревню, они всегда водворяли въ занимаемыхъ ими новыхъ жилищахъ какую-то своего рода уютность и придавали имъ жилой видъ. Часто, заходя на походѣ вочевать въ такія деревни, я иногда бывалъ изумленъ разказами хозяевъ, изъ которыхъ почти всегда оказывалось что они пришли откуда-нибудь изъ-подъ Филлиполлоля и иногда только наканунѣ, между тѣмъ какъ казалось будто они давнымъ давно уже живутъ тутъ.

Итакъ, Дмитрій представлялъ собою наиболѣе распространенный типъ Болгарина, терпящаго невозмутимо, съ увѣренностью что такъ и быть должно и съ большею еще вѣрой въ скорое наступленіе лучшихъ временъ. Въ этомъ отчасти заключается удивительная стойкость этого народа и задатки будущаго.

Георгій былъ совершенно въ другомъ родѣ и принадлежалъ къ разряду людей извлекающихъ изъ всего пользу, смотрящихъ на все только со стороны возможности чѣмъ-нибудь поживиться и что-нибудь приобрести. Человѣкъ онъ былъ до

крайности юркій и многорѣчивый, и обладалъ въ нѣкоторой степени даже высокимъ слогомъ, насколько могъ я судить со своимъ малымъ знаніемъ болгарскаго языка; отличался большою общительностью, даже нѣкоторою тонкостью въ обращеніи и, какъ видно было, порядочно потерялся между людьми. Турокъ овъ всегда ругалъ неустово, а намъ постоянно льстилъ въ глаза, но все это дѣлалъ овъ слѣшкомъ шумно, вычурно и очевидно неискренно. На самомъ дѣлѣ овъ, кажется, болѣе вѣрилъ въ Турокъ и болѣе симпатизировалъ имъ чѣмъ намъ, а если и старался влѣзть къ намъ въ довѣріе, то вѣроятно не безъ особенныхъ цѣлей и въ надеждѣ получить тутъ свои выгоды. Человѣкъ вообще былъ изъ мелкихъ, и мы уже съ перваго знакомства для раскусили его совершенно. Рядомъ съ Димитріемъ овъ казался весьма мизернымъ, ибо въ томъ чувствовалась какая-то скрытая сила. Георгій впрочемъ о себѣ, какъ видно, былъ высокаго мнѣнія и даже къ намъ относился съ нѣкоторымъ какъ бы снисхожденіемъ.

Эти-то два столь рѣзко различные между собой человѣка и были нашими постоянными собесѣдниками. Намъ, впрочемъ, Болгары посѣщали довольно часто по разнымъ дѣламъ, иногда цѣлыми толпами. Кулить, напримѣръ, одинъ Болгаръ у другаго лошадь или буйвола, вотъ и идутъ къ намъ и покупщикъ, и продавецъ, и свидѣтели покупки, и просятъ написать записку въ доказательство сдѣлки. Мы сначала пробовали было отказываться и объяснять бесполезность подобныхъ записокъ, но это не вело ни къ чему, и просители не унимались. Кончилось тѣмъ что обыкновенно мы писали записки что такой - то Болгаръ продалъ такому-то лошаадь за такую-то цѣну, причемъ находились свидѣтели такіе-то. Довольны они бывали такими записками необыкновенно и всегда старались навязать намъ за это деньги, весьма удивляясь тому что мы ихъ не брали. Такія посѣщенія повторялись съ тѣхъ поръ иногда по нѣсколько разъ въ день, просители относились къ намъ съ какимъ-то серьезнымъ уваженіемъ, и мы чрезъ это получили большую популярность въ Горнемъ Дубнякѣ. Къ намъ стали даже обращаться различные обѣженные за защитой, и мы, какъ могли, старались улаживать подобныя дѣла. Все это служило нѣкоторымъ развлеченіемъ и было даже пріятно, такъ какъ

наши просители почти всегда уходили отъ насъ удовлетворенными. Вообще эти люди оставили во мнѣ хорошее воспоминаніе своимъ добродушнымъ и доверчивымъ къ намъ отношеніемъ, тѣмъ болѣе что они смотрѣли такъ серьезно на тѣ ничтожныя услуги которыя мы имъ оказывали что иногда самому казалось что тутъ приносишь какую-то пользу, а это конечно не лишено было известной доли пріятности.

Вотъ то немногое чѣмъ разнообразилась наша жизнь въ Горнемъ Дубакѣ. Мои занятія съ больными, большинство которыхъ нужно было отправлять въ дивизионный лазаретъ, продолжались всего часъ, много полтора, а остальное время нужно было наполнять чѣмъ угодно. Прогулки наши къ концу ноября должны были прекратиться, ибо завернули холода и почти постоянно шли дожди. Вязкій черноземъ размякъ до такой степени что съ огромнымъ трудомъ нужно было вытаскивать взынувшія въ него ноги. Дома, конечно, дѣла не было никакого, и мы со своими постоянными разговорами стали другъ другу ужасно пріѣдаться. Хорошо еще что жилище наше требовало постоянной ремонтировки, которая и занимала часть нашего времени. Такъ въ одну дождливую и вѣтреную ночь бумага замѣнявшая стекла въ одномъ изъ нашихъ оконъ была совершенно уничтожена, и мы должны были замѣнить газетную бумагу сахарною, что сдѣлало нашу комнату вдвое темнѣе. Самодѣльная печь наша также нуждалась въ постоянныхъ поправкахъ, ибо черноземъ которымъ мы обмазали ее вмѣсто глины постоянно прогоралъ и печка начинала дымить своимъ щелями. Поэтому обмазку приходилось возобновлять чуть не каждый день. И мы были еще очень рады этимъ малевькимъ домашнимъ дѣламъ и старались ими заниматься сами.

Наши деньщики также устраивали себѣ разныя приспособленія противъ холода въ своей комнатѣ, которая находилась рядомъ съ нашею и была также съ ничѣмъ не закрытыми окнами. Они устроили себѣ печку въ родѣ нашей же, только трубы у нихъ не было и потому дымъ выходилъ прямо въ комнату и уже оттуда въ окна. Бывало дымомъ у нихъ всѣ глаза разѣесть, а они ничего, довольны.

— Глаза-то поѣсть, поѣсть, да и перестанетъ, а за то тепло-то какое! У насъ вѣдь теллѣе вашего, какъ мы нажаримъ, говорилъ Максимовъ.

Дѣйствительно, нажаривали они свою печку до безобразія, но за ночь температура ихъ комнаты опять уравнивалась съ наружною и ночью нужно было вскакивать и нажаривать снова.

Въ концѣ ноября у насъ явилась новость на нѣкоторое время насъ заявшаая. Къ намъ пріѣхалъ маркитантъ, которому обрадовались мы несказанно, но не надолго, ибо товару у него оказалось очень мало. Было нѣсколько комьяку и рому, сахаръ, да свѣчи, вотъ почти и все что можно было найти въ его лавочкѣ. Но было уже хорошо и то что появилась возможность хоть на что-нибудь употребить свои деньги, а то иногда бывало даже досадно смотрѣть на золото, не зная что съ нимъ дѣлать.

V.

Числа 21го или 22го ноября намъ принесли изъ канцеляріи приказъ въ которомъ излагались различныя распоряженія на случай ночной тревоги, такъ какъ въ то время почему-то ждали вылазки Турокъ. Это извѣстіе насъ нѣсколько оживило и взволновало. Хотя еще ничего не было извѣстно опредѣленнаго, но мы всѣ почему-то были увѣрены что тревога непременно будетъ и пожалуй въ эту же ночь. Мы тотчасъ же принялись дѣлать нѣкоторыя приготовленія и убирать кое-какія лишнія вещи въ свои чемоданы. У меня была складная кровать, которую мнѣ было жаль бросить въ случаѣ тревоги, поэтому я заблагоразсудилъ ее сложить и убрать въ футляръ; а самъ съ тѣхъ поръ сталъ спать на полу, подостлавъ соломы. Деньщикамъ мы отдали строгій приказъ по ночамъ караулить по очереди, и все это въ виду того что, какъ я упоминалъ, мы жили довольно далеко отъ лагеря и во время тревоги намъ пришлось бы бѣжать порядочное пространство, да еще перебираться черезъ рѣчку, сильно разлившуюся отъ дождей. Поэтому чѣмъ раньше мы узнали бы о тревогѣ, тѣмъ было бы для насъ лучше.

Упомянутый приказъ былъ принесенъ намъ уже предъ вечеромъ, и мы подъ его влияніемъ легли спать уже съ несомнѣннымъ спокойнымъ духомъ, стараясь быть за ночь какъ можно болѣе чуткими. Нужно при этомъ сказать что положеніе

мы занимали въ сущности довольно оласное. Паркъ нашъ стоялъ на самомъ Софійскомъ шоссе, по которому по всей вѣроятности направилъ бы путь армія Османъ-паша, еслибъ ей удалось прорваться сквозь кольцо нашихъ войскъ. Такимъ образомъ вся эта масса легко могла обрушиться на насъ, а средства къ защитѣ у насъ были ничтожныя: всего какихъ-нибудь семьдесятъ пять бердавокъ; если не считать артиллерійскихъ шашекъ, которыми вооружены были всѣ наши солдаты. Вообще артиллерійскій паркъ представляетъ собою почти неспособную къ сопротивленію, почему и держится всегда въ тылу. Въ настоящихъ же обстоятельствахъ была вѣкоторая вѣроятность нападенія. Хотя на этотъ случай намъ и указавъ былъ путь отступленія, но по размытымъ дождями дорогамъ паркъ со своими тяжелыми четырехколесными ящиками вѣроятно недалеко успѣвалъ бы уйти, и наше положеніе во всякомъ случаѣ было до извѣстной степени рискованнымъ.

Итакъ, мы имѣли вѣкоторое основаніе безпокоиться, но первая наша ночь послѣ полученія приказа не была нарушена ничѣмъ, и на другое утро мы проснулись уже болѣе спокойные чѣмъ наканунѣ. Утромъ всегда, впрочемъ, на все какъ-то лучше и трезвѣе смотришь чѣмъ вечеромъ; однако днемъ мы опять чуть было не встревожились однимъ пустѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ въ сущности случаемъ, и это вѣроятіе потому что нервы были уже у насъ настроены на тревожный ладъ. Произошло это такъ: часовъ въ одиннадцать утра, когда наши дѣвочки были заняты приготовленіемъ обѣда, а я съ кѣмъ-то изъ своихъ сожителей сидѣлъ въ нашей комнатѣ, вдругъ въ лагерѣ раздался какой-то необыкновенный выстрѣлъ, гораздо громче ружейнаго. Мы встрепенулись и сейчасъ же выбѣжали на крыльцо. Тамъ стоялъ уже одинъ изъ дѣвочиковъ, малый, нужно сказать, довольно трусоватый и успѣвалъ уже лоблѣдвѣть.

— Что-то, ваше благородіе, не ладно какъ-то стрѣляютъ въ лагерѣ, отвѣчалъ онъ на наши волпросительные взгляды.

Но мы уже сами смотрѣли во всѣ глаза на другой берегъ рѣчки и могли видѣть что въ лагерѣ не замѣтно было никакого движенія, только кучка людей стояла вдали на пригоркѣ. Мы сейчасъ же бросились туда, и тамъ дѣло объяснилось весьма просто: оказалось, пробовали ракеты, которыя нужно было пускать въ случаѣ ночной тревоги, и одна изъ

этихъ ракетъ и произвела встревожившій насъ выстрѣлъ. Безлокойство наше конечно тотчасъ же прошло, и мы никому даже о немъ не сообщали, такъ какъ самимъ намъ было вѣсколько совѣстно нашего пустаго испуга.

Дни до 25го ноября прошли тихо, и мы начинали уже поведеному привыкать къ той мысли что каждую ночь намъ предстояла вѣроятность бросить наше уютное и теплое жилище и снова подвергнуться невгодамъ походной жизни. Настоящій день прошелъ также спокойно, и мы легли спать не предлагая что предстоящую ночь намъ уже не суждено провести такъ невозмутимо какъ всѣ предыдущія.

Часовъ должно-быть около пяти утра насъ разбудилъ Максимовъ и самымъ хаднокровнымъ образомъ объявилъ что въ лагерѣ тревога. Долженъ при этомъ сказать кстати что онъ самъ узналъ о тревогѣ только по одной счастливой случайности. Будучи мастеромъ на все, онъ въ послѣднее время сильно преуспѣвалъ въ прачечномъ искусствѣ, такъ что многіе офицеры стали отдавать ему стирать свое бѣлье. Какъ разъ наканунѣ ему дали подобную работу, и во время тревоги изъ лагеря прибѣжалъ за отданнымъ бѣльемъ солдатикъ и всѣхъ деньщиковъ перебудилъ. Не будь этого, мы всю ночь вѣроятно проспали бы спокойно.

Разбуженные такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, едва опмившись и еще протирая глаза, мы бросились одѣваться, и не помню чтобъ я когда-нибудь прежде одѣвался съ такою быстротой и въ такое короткое время какъ тогда. Помню что предъ самымъ приходомъ мнѣ снилось будто я опять въ Москвѣ, и что меня будятъ къ завтраку на Свѣтлое Воскресенье, такъ что когда я увидѣлъ блеснувшій предъ моими глазами свѣтъ отъ зажженной свѣчи и услышалъ голосъ Максимова, то не сразу могъ освободиться отъ своего сна; и только когда уже вскочилъ съ постели, неприятная дѣйствительность ясно для меня раскрылась.

Одѣвшись и дрожа отъ утренняго холода, да и отъ волненія, мы выскочили изъ комнаты. На дворѣ насъ встрѣталъ дождь, хлеставшій намъ прямо въ лицо, и вѣтеръ чуть не сблизъ насъ съ ногъ. Темнота была полная, небо все было покрыто темными тучами, дороги не видно; ноги вязли въ страшной грязи, но мы, не обращая ни на что вниманія, лустились бѣжать прямо на огоньки мелькавшіе въ лагерѣ, откуда къ намъ доносились шумъ и крики солдатъ. Нѣсколько

разъ слотыкаясь и падая на крутыхъ спускахъ, добралась мы до разлившейся отъ дождей и сильно бурлившей рѣчки, перешли ее по козѣна въ водѣ и стали взбираться, едва переводя дыханіе отъ быстрого бѣга, на подъемъ противоположнаго берега.

Въ лагерѣ всѣ уже были на ногахъ, замѣтна была суматоха, но въ темнотѣ разглядѣть почти ничего было нельзя, и на наши вопросы никто не зналъ что отвѣтить.

Самъ не знаю какъ я добрался до землянки одного изъ офицеровъ и засталъ его уже давно одѣтымъ и сидящимъ на сдвинутыхъ въ одну кучу чемоданахъ.

— Что за тревога, скажите пожалуйста? обратился я къ нему за объясненіемъ.

— Богъ ее знаетъ. Должно-быть лустаки. Мы давно уже готовы и ждемъ, а все ничего нѣтъ. Вѣроятно вылазку пробовали сдѣлать Турки.

Я прислѣлъ съ намъ тутъ же въ землянкѣ: дѣлать было больше нечего и оставалось только ждать чѣмъ все это кончится. Ждали, ждали мы такимъ образомъ и дождались до разсвѣта, а все ничего не узнали. Со стороны Плевны выстрѣловъ не слышно было, и изъ этого можно было заключить что ничего важнаго не произошло. Волненіе наше стало утихать, а ждать такъ уже надоѣло что мы рѣшились отправиться назадъ въ деревню и навестать прерванный сонъ, тѣмъ болѣе что я попросилъ въ случаѣ чего-нибудь новаго и важнаго насъ извѣстить.

Усталые и съ ногъ до головы въ грязи воротились мы въ Горвій Дубнякъ, заснули тамъ какъ убитые, и уже проснувшись днемъ узнали что тревога была въ сущности лустая и перелопошились мы ночью почти лонапрасну.

Съ этого дня мы стали равнодушнѣе относиться къ своему неопредѣленному положенію, о тревогѣ почти перестали и думать и по ночамъ спали спокойно.

Такимъ образомъ дни 26го и 27го ноября прошли тихо и наше напряженное ожиданіе также почти утихло.

А между тѣмъ дѣйствительно серіозное и важное событіе произошло когда его почти не ждали.

VI.

Ночью съ 27го на 28е ноября завернулъ морозъ, и утромъ было еще порядочно холодно и дулъ сильный, свѣжій вѣтеръ. Проснувшись и налившись чаю, я отправился въ околотокъ и по пути туда невольно обратилъ вниманіе на особенно усилившійся гулъ учащенной канонады, доносившійся со стороны Плевны. Въ этомъ, впрочемъ, не было еще ничего удивительнаго, и я совершенно спокойно пробылъ свое обычное время съ больными, невольно только по временамъ прислушиваясь ко грохоту палубы, отъ которой дрожала даже земля.

Возвратившись домой не задолго до нашего ранняго обѣда, я сѣлъ на свою постель и отъ бездѣлья принялся просматривать свой медицинскій календарь. Дома былъ кромѣ меня только одинъ К. Нѣсколько минутъ спустя мы услышали что въ нашемъ лагерѣ трубачи заиграли *сборъ*. Въ этомъ, конечно, не было ничего необыкновеннаго, но самый характеръ этихъ звуковъ, имѣвшихъ въ тотъ разъ какой-то лихорадочно-тревожный оттѣнокъ, такъ поразилъ насъ обоихъ что мы какъ-то непроизвольно выскочили на крыльцо. Не знаю почему, но только у меня ёкнуло сердце отъ предчувствія чего-то недобраго. На крыльцѣ стояли уже наши дѣвочки, находившіяся, повидимому, подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ которое слытывали и мы. Только что мы всѣ, оставившись, начали было приглядываться къ лагерю чтобъ объяснить себѣ причину сбора, какъ вдругъ оттуда вновь дослось до насъ какіе-то странные, до сихъ поръ мною неслыханные звуки трубы, и я, несмотря на то что они были мнѣ совершенно незнакомы, сразу почувствовалъ что играютъ *тревогу*,—до того эти звуки хорошо ее выражали.

Съ ощущеніемъ чего-то сильно колотившагося въ лѣвую сторону груди, безо всякихъ почти мыслей въ головѣ, но будто подъ влияніемъ какой-то внѣшней силы, я влетѣлъ назадъ въ свою комнату и почти въ тотъ же моментъ палъто уже оказалось на моихъ плечахъ, а руки сами собою опоясывали ремень съ револьверомъ. К. въ такомъ же кажется состояніи дѣлалъ то же самое. Очутившись такимъ образомъ въ походной одеждѣ, я немного опомнелся и

сунуль за лазуху нѣсколько сухихъ галетъ, которыя очень могли пригодиться.

Будучи рѣшительно не въ состояніи оставаться долѣе въ комнатѣ, я бросился вонъ, создавая только одно что мнѣ нужно какъ можно скорѣе быть въ лагерь, и предоставилъ дѣвщику заботиться о моихъ вещахъ. Помню Максимовъ крикнулъ мнѣ въ договку:

— Ваше благородіе! Съ вещами-то что дѣлать?

— Что хочешь,—хоть брось! отвѣчалъ я ему на бѣгу.

Звуки тревоги въ лагерь уже прекратились и видна была только необыкновенная суматоха. Прибѣжавъ туда, я засталъ весь лагерь уже почти готовымъ къ походу. Среди криковъ и бѣготни впрягались лошади въ послѣдніе зарядные ящики, а часть парка уже вытаскивалась по Софійской дорогѣ, слѣвша по направленію къ Плевнѣ. Изъ отрывочныхъ отвѣтовъ на мои вопросы я узналъ только что парку приказано было какъ можно скорѣе идти ближе къ Плевнѣ, въ Дольній Дубнякъ, около котораго завязалось дѣло. Тутъ же кто-то сообщалъ уже откуда-то почерпнутыя извѣстія что наши валются сотнями подъ турецкимъ огнемъ, что Турки, по всей вѣроятности, прорвутся и бросятся въ нашу сторону, и много еще столь же утѣшительнаго.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая когда будетъ готовъ къ движенію нашъ тяжелый лазаретный фургонъ, и горя только однимъ желаніемъ, быть поскорѣе тамъ откуда доносились грозные звуки палубы, мы съ другимъ докторомъ А. вдругъ совершенно неожиданно и къ величайшей нашей досадѣ получили приказаніе отъ командира парка остаться вмѣстѣ съ парковымъ штабомъ въ лагерь и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Ящики наши всѣ уже уѣхали и тамулись длинною цѣлюю вдали по дорогѣ. Покинутые такъ внезапно и оставленные въ столь совершенной и томительной неизвѣстности, мы всѣ стояли обративъ наши взоры въ сторону Плевны и напрасно стараясь разгадать что тамъ происходитъ. Вся даль открывавшаяся предъ нашими глазами была застлана бѣловатою дымною пеленой, изъ-за которой до насъ грохотъ осадныхъ и полевыхъ орудій и дробные звуки ружейной палубы. Чувствовалось что тамъ дѣлается какое-то таинственное и заманчивое дѣло, и какъ-то еще пустынный и тоскливый казалась эта обширная равнина, гдѣ мы среди

небольшой кучки людей ожидали чѣмъ кончится этотъ тревожный для насъ день.

Во время нашихъ ожиданій и волненій канонада внезапно смолкла, и послѣ этого страшнаго грохота, сотрясавшаго землю подъ нашими ногами, воцарилась мертвая тишина. Очевидно произошелъ что-то важное, рѣшительное, до послѣднихъ предѣловъ усилившее наше томленіе неизвѣстностію. Но дѣлать было нечего и оставалось только до конца исполнить полученное приказаніе.

Становилось все холоднѣе и холоднѣе, порывистый вѣтеръ свистѣлъ въ нашихъ ушахъ и гналъ по небу разорванныя темныя облака. Мы, ничего почти не вѣсившіе съ утра и уставшіе отъ волненія и ожиданій, стали дрогнуть; ноги у меня совсѣмъ окоченѣли, такъ что я ихъ почти не чувствовалъ. Чтобы спастись хоть сколько-нибудь отъ холода, мы приютились подъ огромнымъ стогомъ сѣна, который совершенно защищалъ насъ отъ вѣтра. Согревшись немного, я почувствовалъ такой голодъ что хотѣлъ уже было приняться за свои запасныя галеты, какъ вдругъ мнѣ лопался на глаза Максимовъ, котораго предъ этимъ я совсѣмъ было потерялъ изъ вида.

— Ваше благородіе! сказалъ онъ, подходя ко мнѣ,—коньячку вылейте, согрѣетесь.

Съ этими словами онъ протянулъ мнѣ флажку съ коньякомъ, которую онъ не забылъ захватить съ нашей квартиры. Вообще, какъ оказалось, онъ отнесся къ тревогѣ совершенно хладнокровно и почти всѣ мои вещи собралъ и притащилъ на себѣ въ лагерь, только мой довольно тяжелый сундучекъ оставилъ въ деревнѣ, отдавъ на сохраненіе Дмитрію.

Я проглотилъ нѣсколько этой столь драгоценной въ походѣ жидкости, и тотчасъ же пріятная теплота распространилась по всему моему тѣлу, но вмѣстѣ съ этимъ голодъ еще сильнѣе сталъ давать себя знать.

— Ваше благородіе, обѣдать будете? раздался опять около меня голосъ Максимова.

— Чтò ты, братецъ, съ ума сошелъ? Какой же теперь обѣдъ? спросилъ я, удивившись его вопросу.

— Да тутъ ѣды-то сколько угодно. Кашевары щи вылавливать хотять, чтобы въ случаѣ чтò, Туркамъ не достались. Паркъ-то вѣдь почитай что безъ обѣда ушелъ. Прикажете—я привнесу.

— Еще бы не приказать! Тащи, тащи скорѣй! отвѣчали мы всѣ въ одинъ голосъ, обрадованные возможностью подкрѣпить свои силы.

Максимовъ тотчасъ же притащилъ порядочный-таки котелокъ щей и нѣсколько большихъ кусковъ говядины. Несмотря на лихорадочное наше ожиданіе и томленіе неизвѣстностью, мы такъ усердно привалились за вѣду что чрезъ нѣсколько минутъ котелокъ былъ опустошенъ. Подъ нашимъ стогомъ сидѣть намъ было телерь такъ тепло и уютно что мы очень довольны были бы своимъ положеніемъ еслибы не безлокоитство о томъ что дѣлается подъ Плевной. Насъ уже начинало клонить ко сну, какъ вдругъ сзади насъ и очень близко раздался сухой и отрывистый звукъ выстрѣла. Мы вскочили. Оказалось что одинъ нашъ солдатъ печально выстрѣлялъ изъ своей берданки, и мы только посмѣялись нашему невольному испугу.

Время между тѣмъ все шло и понемногу уже начинало смеркаться, какъ вдругъ пріѣхалъ изъ парка вѣстовой и сообщилъ намъ что Плевна взята. Не могу выразить той смѣси радости и недоумѣнія которыми были мы охвачены при такомъ извѣстіи. Въ то же время подошли еще другіе солдаты, прибывшіе изъ парка же, и на наши вопросы отвѣчали только что ничего еще неизвѣстно. Такимъ образомъ послѣ нашей радости тотчасъ же наступило разочарованіе, и неизвѣстность, въ которую мы такъ долго были погружены, какъ бы еще усилилась. Помню что меня по крайней мѣрѣ нетерпѣніе узнать что-нибудь вѣрное такъ стало мучить что я хотѣлъ было идти въ Плевну глѣшкомъ, не разчитывая того что мнѣ пришлось бы тащиться всю ночь по грязной дорогѣ. Хорошо что меня вовремя удержали.

Бродя въ нетерпѣніи по Софійской дорогѣ, я набрелъ на землянку, гдѣ останавливались казаки развозившіе разныя казенныя бумаги. Не знаю почему я вздумалъ зайти туда; впрочемъ, кажется, стоявшая около нея остѣдланная лошадь привлекла мое вниманіе и у меня мелькнула мысль, не пріѣхалъ ли казакъ изъ Плевны. Войдя въ землянку, я дѣйствительно засталъ тамъ двухъ казаковъ, изъ которыхъ одинъ только-что прискакалъ изъ-подъ Плевны. На мой вопросъ: правда ли что Плевна взята, онъ отвѣчалъ:

— Какъ же, ваше благородіе, взята совсѣмъ. То-то тамъ льютъ телерь здорово, и-и!

— Кто пьетъ?

— Офицеры пьютъ съ радости, да и солдатики тоже. У маркитантовъ почитай что всю водку выпили.

— Да смотри, вѣрно ли что Плевна взята? спросилъ я, все еще не рѣшаясь вѣрить.

— Ужь теперь вѣрно, ваше благородіе. Вѣдь я сейчасъ самъ оттуда.

Основанія не вѣрить не было уже никакого; а стрелглавъ любѣжалъ въ лагерь, чтобы поскорѣй порадовать всѣхъ моею вѣрною уже на сей разъ новостью. Но я опоздалъ: пока я былъ въ казачьей землянкѣ, въ лагерь воротился уже командиръ ларка и сообщилъ что Плевна взята дѣйствительно, что вся армія Османъ-паши сдалась и ларку вѣрно возвратиться.

Не помню чтобы мнѣ прежде когда-нибудь приходилось такъ радоваться какъ теперь, тѣмъ болѣе что къ этому захватывавшему духъ чувству радости примѣшивалась смутная надежда что только-что совершившееся событіе ускоритъ нашъ вождѣльный возвратъ въ Россію. Все окружавшее насъ, за нѣсколько минутъ предъ этимъ казавшееся столь мрачнымъ и унылымъ, теперь приняло веселый и живой колоритъ. Объ опасности и тревогѣ не только рѣчи, но и мысли даже не было; всѣ прошедшія непріятности тотчасъ же были забыты; ждать болѣе уже было нечего и оставалось только наслаждаться этими минутами спокойствія и исполнявшихся долгихъ ожиданій.

Усталость, которой мы почти не замѣчали во время нашего лихорадочнаго возбужденія, теперь дала себя знать. Не дожидаясь возвращенія ларка, а вмѣстѣ съ нимъ и нашихъ вещей, я отправился назадъ въ деревню. За мной лопель и Максимовъ, по обыкновенію таща въ мѣшкѣ различныя походныя принадлежности: чай и сахаръ, желѣзный чайникъ, стаканъ и проч. Въ деревнѣ было уже замѣтно оживленіе; какъ оказалось, Болгары равнѣе насъ узнали о взятіи Плевны, ужъ неизвѣстно какими путями. Хотя все въ деревнѣ было по-прежнему, но общій видъ ея измѣнился и будто какой-то духъ радости царилъ надо всѣмъ. Горній Дубнякъ, казалось, вдругъ сталъ населеннѣе вдвое.

Я зашелъ къ Димитрію, ибо не смогъ удержать въ себѣ желанія подѣлиться съ кѣмъ-нибудь тѣми чувствами которыхъ такъ много было на душѣ. Предъ веселымъ огонькомъ

его очага мы просидѣли съ нимъ вѣсколко минутъ, ничего даже, кажется, не говоря, а только смотря другъ на друга радостно-веселыми глазами. Онъ угостилъ меня горячею кукурузною лепешкой, которая на этотъ разъ тоже имѣла какой-то особенно приятный вкусъ. Согрѣвшись у него въ избу я ушелъ къ себѣ домой и тамъ засталъ Максимова, уже разставившаго мои вещи, которыя успѣли въ это время привезти изъ лагеря. Опять разставилась моя складная кровать, и на этотъ разъ уже ничто не предвѣщало что мнѣ придется валяться въ этой комнатѣ на полу. Предоставивъ Максиму возиться съ вещами и согрѣвать воду для чаю я вышелъ на крыльцо: въ комнатѣ казалось какъ-то тѣсно и хотѣлось на воздухъ подышать полнымъ грудью.

Пасмурный и вѣтреный день смѣнила холодная, но тихая и ясная ночь. Была совершенная тишина, и по холодку доносилась изъ лагеря шумъ возвращавшагося парка; можно было даже различить веселые и оживленные голоса солдатъ. На кухняхъ засвѣтились огни; варились ужины, который долженъ былъ замѣнить потерянный обѣдъ. Долго я стоялъ на крыльцѣ наслаждаясь предвѣстною ночью. Въ лагерь шумъ понемногу затихалъ; лошадей очевидно ужъ отпрягли и развели по коновязямъ. Но вотъ опять звуки голосовъ услыхались и доносились изъ лагеря раскаты многократнаго и дружнаго *ура*: это пили водку по случаю столь долго ожидаемаго праздника взятія Плевны. Долго не умолкало это *ура* восьмисотъ голосовъ, то ослабѣвая, то вновь раздаваясь съ новою силой, но и эти звуки наконецъ затихли.

Долго продолжалась эта тишина и, казалось, лагерь сталъ уже погружаться въ сонъ, и вдругъ ночной воздухъ былъ потрясенъ долетѣвшими звуками хоровой солдатской пѣсни. Неизъяснимое впечатлѣнiе производилъ этотъ родной напѣвъ раздававшійся въ такой дали отъ Россiи, въ удивленномъ уголкѣ Болгарiи. Какая-то сладкая грусть проникала въ сердце, и только въ эти минуты можно было всѣмъ существомъ почувствовать какъ безгранично мила и дорога эта отдаленная и покинутая родина. Эта пѣсня заставляла что-то такое подниматься изъ самой глубины души, пробуждала неудержимое стремленiе въ какую-то необъятную даль, и въ эти минуты я чувствовалъ себя готовымъ на все, неспособнымъ предъ чѣмъ-либо отступить и готовымъ пожертвовать

даже жизнью, хотя самая эта жизнь казалась теперь безъ сравненія милѣе и слаще чѣмъ прежде.

Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ впечатлѣній долго я стоялъ на крыльцѣ; послѣдніе голоса уже затихли вдали, и я самъ начал дрогнуть отъ холода, когда рѣшился наконецъ возвратиться въ свою комнату. Чай уже давно былъ готовъ, Максимовъ услѣлъ достать у кого-то изъ сосѣдей горячую лпшеничную лепешку, и вся эта самодѣльная роскошь встрѣтила меня у нашего домашняго очага. Въ печкѣ зателался огонекъ, и еще болѣе прежняго увеличившаяся уютность нашей комнаты подѣйствовала на меня успокоительно и смирила мои расходившіеся нервы.

Пока я сидѣлъ за чаемъ, возвратились мои сожителю, и тутъ не было конца взаимнымъ изліяніямъ-радостныхъ чувствъ. Всѣ недоразумѣнія, всѣ споры возникавшіе иногда между нами, теперь были уже немыслимы. Напротивъ, всѣ говорили одно и то же, и каждому изъ насъ свои же собственные мысли, высказываемыя другими, казались и новыми, и интересными, и доставляли удовольствіе необыкновенное. Радостное событіе будто соединило насъ въ одно многорѣчивое цѣлое, постоянно повторявшее почти одно и то же и каждый разъ находившее въ этихъ повтореніяхъ новыя прелести. Чуть не до разсвѣта говорили мы не переставая, пока наконецъ наши вновь приготовленныя постели не стали насъ манить къ себѣ такъ сильно что нельзя было уже устоять противъ этого искушенія. И лежа въ постеляхъ и расправляя съ наслажденіемъ свои усталые члены мы не переставали говорить до тѣхъ поръ, пока нелобѣдимый сонъ насильно не сомкнулъ нашихъ глазъ.

VII.

На другое утро мои сожителю, только что встали, отправились осматривать поле вчерашней битвы, доставъ изъ парка верховыхъ лошадей. Я также стремился туда, но такъ какъ лошадка эта солряжена была съ вырощиваемымъ казенной лошади, а своей у меня тогда еще не было, то я и рѣшился остаться дома, надѣясь по возвращеніи моихъ товарищей вдоволь наслушаться ихъ разказовъ.

Несмотря на то что занятій было такъ же мало, какъ и прежде, и времени валочить было мѣньше, я не скучалъ, оставаясь цѣлый день дома одинъ. Перечитывая въ сотый разъ однѣ и тѣ же книги, я ленивѣе отрывалась отъ нихъ, возобновляя въ себѣ то чувство спокойной радости которое замало преобладающее мѣсто въ моей душѣ. Вызванная вчерашнимъ событiемъ надежда на скорое возвращенiе въ Россiю, надежда, охватившая теперь насъ всѣхъ, опять погружила меня въ мечты о жизни въ Россiи, которыя уже не казались на сей разъ столь неясными, какъ прежде, и будущее, утративъ свой мрачный колоритъ, являлось въ болѣе привлекательномъ видѣ. Не думалъ я тогда что мнѣ суждено прожить въ Турции еще почти цѣлый годъ, постоянно литаюсь одною только этою надеждою на возвращенiе, и уже никакъ не могъ предполагать того что по возвращенiи въ Россiю не разъ придется мнѣ пожалѣть и съ удовольствiемъ вспомнить объ этой минувшей походной жизни. Эта стражность случилась, какъ теперь вижу, почти со всеми. Въ Турции у всѣхъ на языкѣ только и было одно слово „Россiя“, теперь же ежеминутно приходится слышать: „вотъ то ли дѣло было въ походѣ!“ И кажется чѣмъ труднѣе походъ, тѣмъ болѣе приятныхъ воспоминанiй онъ по себѣ оставляетъ, какъ и всякія трудности которыя сумѣлъ преодолѣть собственными силами.

Этотъ первый день послѣ взятiя Плевны носилъ на себѣ совсѣмъ особенный характеръ. Мы какъ будто жершши на мирное положенiе. Дѣйствительно, вся мѣстность окружавшая насъ на далекое пространство была теперь уже наша, въ ней не было до самыхъ Балканъ уже ни одного непрiателя, и никакихъ тревожныхъ случайностей не было въ виду. Грохотъ орудiй подъ Плевной затихъ можетъ-быть навсегда, и эту наступившую тишину сначала даже невольно было переносить: безъ нея было скучно, и ухо, такъ скоро привыкшее къ постоянному грому, съ трудомъ отъвыкало и раздражалось этою ловкою тишиною. Вспомнилась мнѣ тотъ день когда мы только что пришли въ Горній Дубнакъ. Какъ мрачно и непрiятно глядѣла на насъ эта тогда еще пустая деревня, да и пасмурный и туманный день еще болѣе увеличивалъ ея сумрачный видъ. Теперь же Горній Дубнакъ не былъ уже дикою и безлюдною разваливою, во въ каждомъ его уголкѣ видна была жизнь, возраждавшаяся съ новыми силами на почвѣ спокойствiя и безопасности, достиг-

нутыхъ столь долгимъ и терпѣливымъ ожиданіемъ, цѣною столькихъ лишеній и трудовъ. Уже не нужно было Болгарамъ скрывать въ лотаеиныхъ мѣстахъ запасы пшеницы и кукурузы. Съ этимъ днемъ цѣлая половина угнетеннаго народа вступала въ новую мирную жизнь съ надеждой спокойно собирать жатву со своихъ полей и употреблять свои силы не на одну только личную защиту.

Одинъ только день какъ бы по волшебству такъ измѣнилъ всю окружающую насъ обстановку что все предшествовавшее этому дню стало вдругъ точно давно уже прошедшимъ; всѣ минувшія тревоги и волненія казались преувеличенными и о нихъ смѣшно было всломвить. А наканунѣ, лежа подъ стогомъ сѣна, мы боялись что намъ не придется и возвратиться въ Горній Дубнякъ.

Въ воспоминавіяхъ и предположеніяхъ о будущемъ я провѣлъ этотъ день. Повидался съ Дмитріемъ, приходившимъ меня навѣщать и выражавшимъ всею своею фигурой только одно довольство. Георгія же мнѣ не удалось увидать и посмотреть какое впечатлѣніе произвело на него вчерашнее событіе: онъ еще съ ранняго утра уѣхалъ въ Плевну, слѣша объѣзжать тамъ какія-то свои дѣла.

День прошелъ скоро, и наступилъ уже вечеръ, а товарищи мои все еще не возвращались. Я все сидѣлъ одинъ и, затопивъ свою печку, грѣлся у весело трещащаго огня, съ нетерпѣніемъ поджидая возвращенія моихъ путешественниковъ, отъ которыхъ ожидалъ услышать массу новостей и можетъ-быть извѣстіе о скоромъ мирѣ и возвращеніи войскъ домой. Въ такомъ ожиданіи я одинъ напился чаю и собирался уже ложиться спать, когда усталый и иззябшій К. вошелъ въ комнату.

Опять начались безсвязные и слѣпные разговоры, въ которыхъ одна новость опережала другую. Необыкновенная картина цѣлой арміи цѣликомъ взятой въ плѣнъ, арміи съ которою теперь сопряжено было пожалуй гораздо болѣе хлопотъ нежели тогда, когда она грозила намъ изъ-за Плевенскихъ укрѣпленій, давала обильный матеріалъ для разговоровъ. Масса труповъ и видъ многихъ еще живыхъ, доживавшихъ свои послѣднія минуты, истощенныхъ долгою и упорною блокадой, обиліе гора и мученій рядомъ съ еще бѣльшимъ обиліемъ радости, вполнѣ заслуженной цѣ-

лымъ рядомъ тяжелыхъ испытаній,—все это рождало въ душѣ очевидцевъ совершенно новыя, неизвѣданныя доселѣ чувства, и каждый ощущалъ въ себѣ какую-то странную смѣсь и радости, и состраданія вмѣстѣ. Разница между этими чувствами была лишь та что сожалѣніе высказывалось, а радость только просвѣчивала и сквозила въ каждомъ словѣ.

Такой колоритъ имѣли разказы К. и двухъ другихъ вскорѣ же возвратившихся изъ Плевны нашихъ сожителей. Одинъ изъ нихъ въ особенности поразилъ меня своимъ растроганнымъ до слезъ видомъ, съ какимъ онъ описывалъ бѣдственное состояніе лѣвѣнной арміи. Непосредственно же вслѣдъ за тѣмъ, но уже безъ слезъ на глазахъ, онъ сообщилъ намъ что успѣлъ за свою поѣздку купить за безцѣнокъ отличную турецкую лошадь. Оказалось что все время подъ Плевной онъ только и занимался разыскиваніемъ чтò бѣ ему по выгодѣ приобрѣсть, пользуясь безпомощнымъ положеніемъ тѣхъ самыхъ людей о которыхъ онъ такъ трогательно разказывалъ. Есть же такія удивительныя натуры, способныя вмѣщать въ себѣ разомъ два совершенно различныя чувства независимо одно отъ другаго.

Другой сожитель мой дѣйствовалъ гораздо искреннѣе, и совершенно ясно сознавая что неизбежнымъ слѣдствіемъ войны никакимъ состраданіемъ не можешь, безо всякихъ трогательныхъ чувствъ занимался приобрѣтеніемъ по дешевой цѣнѣ разныхъ разностей. Только К. и я не достали себѣ никакихъ дешево купленныхъ „сувенировъ“ о взятіи Плевны: К. объ этомъ, кажется, и не думалъ, а я, еслибъ и думалъ, не могъ этого сдѣлать, сѣдѣ цѣлый день въ Горнемъ Дубнякѣ.

VIII.

Въ нѣсколько дней наши взволнованныя чувства успѣли войти въ свой обычный порядокъ, и мы зажили еще болѣе спокойною и тихою жизнью чѣмъ прежде, малодѣлая свое свободное время кое-какими нехитрыми развлечениями и все ожидая вѣсти о возвращеніи въ Россію.

Дни проходили, а новостей все еще не было, но каждый изъ насъ заботился о предстоящемъ походѣ, который уже не могъ застать насъ врасплохъ. Устроенный нашими трудами уютный уголокъ приобрѣталъ теперь для насъ особенную

цѣну при мысли о томъ что скоро придется бросить его. Ожиданіе новаго похода раждало и сожалѣніе объ оставляемомъ и интересъ новыхъ мѣстъ, новыхъ встрѣчъ и приключеній. Походная невыгода, при всей ихъ трудности, имѣютъ въ себѣ что-то необыкновенно веселое и заманчивое, и пріятно чувствовать себя доведеннымъ до того минимума требовательности когда возможность отдохнуть подъ какою-либо защитой отъ непогоды считаешь уже величайшимъ комфортомъ. Такимъ образомъ, и вѣсколько боясь и вмѣстѣ съ тѣмъ ожидая съ интересомъ новаго вступленія въ походную жизнь, мы просыпались каждое утро съ надеждой что оно принесетъ конецъ нашимъ ожиданіямъ, никакъ не предполагая что намъ еще цѣлый мѣсяцъ предстоитъ провести въ Горвемъ Дубнякѣ.

Наступилъ декабрь, а съ нимъ приблизилось и Рождество, которое давало лицу новымъ предположеніямъ о томъ гдѣ-то придется его провести и воспоминаніямъ о весельи неразлучно соединенномъ съ этимъ праздникомъ въ мирной жизни. Но видимыхъ признаковъ зимы еще не было замѣтно и стояли ясные осенніе дни съ холодноватымъ прозрачнымъ воздухомъ и блѣдно-голубымъ небомъ; по ночамъ только были довольно сильныя заморозки.

Пользуясь хорошею погодой, мы съ К. олять предались прогулкамъ, въ которыхъ и думалось и говорилось какъ-то живѣе и свободнѣе. Мы бродили по окрестностямъ Горнаго Дубняка, по Софійской дорогѣ, около грозныхъ когда-то редутовъ, имѣвшихъ теперь необыкновенно мирный видъ; заходили къ знакомымъ Болгарамъ, грѣлись у ихъ огонька, радушно угощаемые кехитрымъужиномъ изъ вареныхъ въ водѣ съ краснымъ перцемъ бобовъ и лшеничныхъ лепешекъ, и затѣмъ усталые и оживленные отъ долгой ходьбы возвращались въ свою комнату, гдѣ насъ ожидалъ уже вечерній чай.

8го и 4го декабря сталъ выпадать снѣгъ, но было еще сыро и грязно, и только 6го, въ Николинъ день, проснувшись утромъ я замѣтилъ что наша комната стала какъ-то свѣтлѣе обыкновеннаго, а выйдя умываться на крыльцо увидѣлъ все видимое пространство покрытымъ яркою бѣлою пеленой снѣга. Воздухъ сталъ чище и свѣжѣе и въ немъ слышеть былъ какой-то особенный запахъ какъ будто бы пахло снѣгомъ.

Чувство этой особенной свѣжести и видъ безграничнаго блага пространства сливавшася на горизонтъ съ сѣроватымъ небосклономъ необыкновенно напомнили мнѣ Россію, русскую зиму и всѣ соединенныя съ нею особенности московскаго зимняго сезона. Съ этимъ дшемъ соединялись еще воспоминанія о многихъ близкихъ людяхъ, которые въ этотъ день праздновали свои именины и вслѣдствіе всего этого я опять потонулъ въ прошедшее.

Въ этотъ день Горній Дубнякъ имѣлъ нѣсколько праздничный видъ, ибо Николаевъ день у Болгаръ считается очень большимъ праздникомъ. Дмитрій сдѣлалъ намъ свой обычный визитъ уже въ зимнемъ костюмѣ, состоявшемъ изъ чернаго балахона изъ грубаго и толстаго сукна, съ такимъ же башмакомъ; во грудь у него полпрежнему была открыта почти до половины.

Большую часть дня мнѣ опять пришлось провести одному, такъ какъ сожителю моему отправились въ лагерь на именины къ одному офицеру. Мнѣ немного нездоровилось, и я остался дома, тѣмъ болѣе что уединеніе какъ-то лучше согласовалось съ тогдашнимъ моимъ настроеніемъ. Занявшись письмами, я почти не замѣтилъ какъ наступилъ вечеръ.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, я вышелъ на крыльцо, и видъ зимняго ландшафта ясно припомнилъ мнѣ наступленіе зимы въ большомъ городѣ, когда весь городской шумъ и грохотъ вдругъ смѣняются пологою тишиной и по зимнему воздуху отчетливо начинаютъ доходить до слуха людскіе голоса до тѣхъ поръ заглушаемые громомъ вѣды. У насъ такой рѣзкой перемены быть не могло, ибо и прежде ничто не нарушало нашей однообразной тишины, но подъ вліяніемъ привычнаго впечатлѣнія все-таки казалось что эта тишина еще болѣе усилилась. Безлунная ночь стала свѣтлѣе отъ свѣта, и хотя все вокругъ было полпрежнему пустынно, но вылавши свѣтъ дѣлалъ все окружающее какъ-то жизненнѣе и пріятнѣе—такъ пріучилась уже мысль соединять зиму съ оживленіемъ жизни, съ весельемъ и разнообразіемъ удовольствій. И какъ будто самое пространство сократилось, и отдаленныя родныя мѣста стали ближе, а воспоминанія пробуждались съ новою силой и осязательностью подъ вліяніемъ столь знакомой, привычной и близкой сердцу обстановки.

IX.

Съ каждымъ проходившимъ днемъ декабря зима все болѣе забирала силы и вскорѣ завернула настоящіе сѣверные морозы. Горній Дубякъ, расположенный на открытой возвышенности и со всѣхъ сторонъ доступный вліанію вѣтра, не отличался удобствами для зимовки.

Эта наступившая зима отличалась такою необычайною для тѣхъ мѣстъ суровостью что Болгары только удивлялись и говорили что Русскіе привесли съ собою свою зиму. Холодъ своими пронизывающими насквозь струйками врывается къ намъ и въ дверь, и въ заклеенныя бумагой окна, такъ что нужно было поддерживать въ комнатѣ постоянный огонь. По ночамъ мы чуть не замерзали въ своихъ кроватяхъ, укрываясь всѣмъ чѣмъ только было возможно. Просыпаясь утромъ и высовывая изъ-подъ одеяла голову, которая сразу окуналась въ морозный воздухъ какъ въ ледъ, кто-нибудь изъ насъ тотчасъ же стучалъ въ стѣну, призывая деньщика разводить огонь. Только когда уже температура комнаты становилась хотя сколько-нибудь терпимою, мы рѣшались вылезать изъ-подъ кучи наваленныхъ на насъ разныхъ одеялій.

Отъ постоянной усиленной толпки печка наша такъ страдала что мы не успѣвали ее замазывать. Сквозь ея щели постоянно пробивался дымъ вѣвшій намъ глаза до слезъ и иногда совершенно наводившій комнату, такъ что угрожала опасность задохнуться. Однако съ этимъ маленькимъ неудобствомъ нужно было мириться, ибо главнымъ нашимъ врагомъ былъ все-таки морозъ, часто доходившій до 15 и даже до 20 градусовъ. Принужденные соблюдать строжайшую экономію въ томъ незначительномъ запасѣ тепла которымъ мы обладали, мы рѣшили призывать въ нашу комнату деньщиковъ какъ можно рѣже, такъ какъ въ открываемую ими дверь всегда врывается цѣлая волна холода. Температура нашего жилища, несмотря на всѣ энергическія мѣры противодействия холоду, понижалась иногда до того что я разъ, сидя въ комнатѣ, такъ отморозилъ себѣ ляжку что послѣ этого нѣсколько дней не могъ ходить. Къ довершенію всего толливо доставать становилось все труднѣе, всѣ находившіеся

по близости кусты терновника были уже сожжены, такъ что лобуждаемые необходимостью мы привалили уже за рѣшетку нашего крыльца. Но перспектива сжечь собственное жилище для его же отолпелія не представляла ничего привлекательнаго, и мы по неволѣ занялись изысканіемъ всевозможныхъ способовъ добыванія столь нужныхъ намъ дровъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ оставалось только одно: дѣлать экскурсіи въ ближайшіи отъ деревни лѣсокъ и топить печку полусырыми вѣтками, отъ которыхъ комната наполнялась дымомъ до такой степени что мы постоянно плавали въ дымномъ облакѣ. Было у насъ впрочемъ еще одно средство согрѣваться—водка или, вѣрнѣе, спиртъ съ добавленіемъ весьма малаго количества воды; однако средство это дѣйствовало хотя скоро, но только на весьма короткое время, и послѣ минутнаго ощущенія пріятной теплоты появлялась всегда какая-то скверная лихорадочная дрожь, для прекращенія которой нужно было прибѣгать къ средству вторично и такъ далѣе. Все это конечно не могло привести ни къ чему хорошему, и мы этотъ способъ согрѣванія оставили тотчасъ же по его испытаніи.

Такъ-то почти постоянно дрожа отъ холода, почти замесивные свѣгомъ, котораго навалило огромные сугробы, мы все ждали похода, не видя теперь въ немъ уже ничего привлекательнаго и представляя себѣ удовольствіе вочевать въ полѣ подъ одною только рѣдкою полотняною покрышкой. Предстоящій зимній походъ вводилъ вообще на многія невеселыя размышленія. Полушубки къ намъ еще не приходили и въ виду имѣлась перспектива массы обмороженныхъ солдатъ съ ихъ шивелями, сквозь которыя, по мѣткому солдатскому выраженію, были „звѣзды видны“. Мы все-таки имѣли несравненно болѣе средствъ къ защитѣ отъ холода, и часто намъ становилось совѣстно думать и заботиться о себѣ, имѣя предъ собою столь поучительный примѣръ щеголявшихъ въ лѣтнихъ костюмахъ солдатъ. Этотъ примѣръ терпѣнія, поразительной выносливости и бодрости духа заставлялъ почти всѣхъ насъ сознать и въ себѣ силы переносить то что переносятъ другіе люди и чувствовать почти какое-то новое наслажденіе въ этомъ сознаніи.

Въ концѣ мѣсяца населеніе Горнаго Дубняка увеличилось: туда пришла рота солдатъ съ офицеромъ и пріѣхалъ коман-

даютъ со своимъ помощникомъ, такъ какъ въ Горнемъ Дубнякѣ учреждался эталонный пунктъ. Съ этими новыми лицами мнѣ удалось свести знакомство весьма скоро. Между новоприбывшими солдатами стали появляться больные, а средствъ для леченія у нихъ не было никакихъ, такъ что я долженъ былъ принять ихъ подъ свое покровительство, а съ этимъ вмѣстѣ и завязались сношенія съ новыми офицерами. Всѣ они также поселились, и довольно удобно, въ болгарскомъ домѣ, гдѣ я посѣщалъ ихъ довольно часто. Съ помощникомъ коменданта у меня были общіе знакомые въ Москвѣ и потому оказалась нѣкоторая лица для разговоровъ. Ротный командиръ, бывший гвардеецъ и участникъ въ Сербской войнѣ, оказался человекомъ веселымъ и общительнымъ. Мой сожитель К. также былъ въ Сербіи, поэтому и у нихъ нашлась общіе интересы изъ недавняго прошлаго. Вообще мы стали довольно часто собираться въ домѣ нашихъ новыхъ знакомыхъ, проводя время сначала въ разговорахъ, а затѣмъ неизбежно переходя къ картамъ, которыя въ походѣ вообще играли роль не послѣднюю, благодаря отчасти отсутствію другихъ развлеченій, отчасти имѣвшемуся у каждаго изъ насъ нѣкоторому количеству золота, которое пока некуда было и тратить.

Это расширеніе нашего общества произошло не задалго до Рождества, о приближеніи котораго мы избѣгали даже разговаривать, стараясь не думать о той невеселой обстановкѣ въ какой намъ предстояло встрѣтить этотъ праздникъ. Однако два шла своимъ чередомъ и незамѣтно наступилъ Рождественскій сочельникъ. Тутъ ужъ мы стали придумывать, чѣмъ бы ознаменовать наступающій праздникъ, но выдумать ничего не могли, такъ какъ сдѣлали уже все что только возможно было для улучшенія своей жизни, и новаго прибавить было рѣшительно нечего.

Вечеромъ, предъ сномъ, мнѣ вдругъ необыкновенно ясно припомнилась особенный запахъ ёлки, составляющій какъ бы необходимую принадлежность Рождественскихъ праздниковъ и всего святочного веселья. Къ сожалѣнію около Горяго Дубняка не росло ни одной ели, и мы не могли устроить себѣ елку и наполнить свою комнату тѣмъ смолистымъ еловымъ ароматомъ который одинъ только могъ бы придать нашей обстановкѣ праздничный характеръ.

На другой день, 25го декабря, мы проснулись поздно, когда зимнее солнце ярко уже свѣтило сквозь тусклое стекло моего окна. День былъ ясный, морозный, но тихій, и хотя все вокругъ насъ было попрежнему, но самый воздухъ и самое солнце, казалось, имѣли какой-то праздничный отблескъ. Только-что мы налились чаю, явился съ поздравленіемъ Дмитрій и принесъ намъ въ подарокъ для праздника большой кусокъ свиного сала, за что мы его отблагодарили франками.

Скучно протянулось время до обѣда, послѣ котораго я отправился къ ротному командиру, надѣясь у него найти какое-нибудь развлеченіе, но онъ съ перваго же почти слова предложилъ мнѣ прометать банкъ, на что я невольно согласился. Проигравъ на шесть подрядъ убитыхъ картъ четыре золотыхъ, я бросилъ игру и пошелъ домой, рѣшившись хотя своимъ скоротать этотъ скучный день. Мои сожителы, кажется, также желали только одного—поскорѣе дожить до завтра и страхнуть съ себя тоскливое впечатлѣніе такъ проведеннаго перваго дня Рождества.

Х.

На третій или четвертый день Рождества наковецъ была получена такъ долго ожидаемая вѣсть о походѣ. Мы должны были выступить изъ Горнаго Дубняка 29го декабря и идти черезъ Плевну и Ловчу въ Габрово.

Начались новые сборы, перебирание вещей и укладыванье ихъ вновь. Рѣшили: всѣ вещи отправить въ лагерь наканунѣ вечеромъ, такъ какъ предъ раннимъ выступленіемъ некогда было съ ними возиться.

Вечеромъ 28го декабря, наша уютная комватка, въ которой провели мы столько дней вывостъ, пережила столько волненій, радостей и ожиданій, совсѣмъ опустѣла и оставаться въ ней стало какъ-то тоскливо и жутко, такъ что мы съ К. отправились гулять, рѣшившись пробродить весь вечеръ и кстаги проститься съ Горнымъ Дубнякомъ. Погода была довольно теплая и днемъ снѣгъ по мѣстамъ подтаивалъ, вечеромъ же стало олять подмораживать, и мы, выйдя на свѣжій, слегка морозный воздухъ, сразу освободились отъ тяжелаго чувства пустоты которое начало было одолевать насъ дома. Въ день прихода въ Горній Дубнякъ мы съ непріязненнымъ чувствомъ смотрѣли на эту деревню

имѣвшую такой негостепріимный видъ, а теперь намъ стало уже грустно и жалко съ нею разставаться, какъ со всякимъ мѣстомъ соединеннымъ съ воспоминаніями о различныхъ невгодахъ, которыя смогъ преодолѣть собственными силами и терпѣніемъ. Приходилось бросать этотъ уютный уголокъ, эту устроенную нами мирную жизнь, и вновь собирать свои силы на новую борьбу. Но или мы ужь такъ привыкли къ мысли о походѣ, или самый походъ при всей его трудности имѣлъ столько заманчиваго,—только еслибы наше выступленіе было внезапно отложено, я не порадовался бы этому, а былъ бы недоволенъ. Чтò уже рѣшено, то лучше было такъ и оставить рѣшеннымъ.

Бродя по снѣжной равнинѣ въ окрестностяхъ деревни, мы строили разные предположенія о предстоящемъ походѣ и вспоминали нашу, теперь уже прошедшую жизнь въ Горнемъ Дубнякѣ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ выдвигая на первый планъ только хорошія стороны.

Въ этихъ разговорахъ незамѣтно наступила ночь, напоминая намъ о времени возвращенія домой. Направившись назадъ къ деревнѣ и очутившись лицомъ къ лагерю, мы слѣдили за наступившимъ тамъ оживленіемъ, возбужденнымъ предстоящимъ выступленіемъ въ походъ. Предъ полуразрушеннымъ домомъ, одиноко стоявшимъ на слускѣ противоположнаго берега, въ которомъ устроены были кухни, особенно колошились какія-то людскія фигуры, неясно различаемыя въ полумракѣ. Вдругъ тамъ мелькнулъ красный огненный языкъ и чрезъ нѣсколько секундъ весь домъ былъ охваченъ яркимъ пламенемъ, въ которомъ уже ясно обозначались черныя двигавшіяся тѣни. Снѣгъ на далекое пространство освѣтился краснымъ огнемъ, и мы, любясь этимъ освѣщеніемъ, возвратились домой чтобы лечь лоскорѣе спать и на утро пораньше проснуться къ предстоящему выступленію.

Дома мы узнали отъ деньщиковъ что кухня загорѣлась будто бы отъ неосторожности; но на другой день я съ удивленіемъ увидѣлъ что странная неосторожность достигла такой степени что въ нашемъ лагерѣ не осталось ни одной землянки,—всѣ онѣ сгорѣли.

Несмотря на предстоящее на другой день раннее вставанье, мы медленнò ложиться спать и остатокъ вечера провели въ тѣхъ же разговорахъ которыя были у насъ на языкѣ все

послѣднее время. Только когда уже догорѣлъ оставленный нами про запасъ огарокъ стеариновой свѣчи и потухъ, погруживъ насъ въ темноту, мы улегался и заснулъ въ послѣдній разъ въ Горнѣхъ Дубнякѣхъ.

На утро насъ разбудили рано. Солнце еще не выходило и въ воздухѣ стоялъ густой морозный туманъ, когда мы, собравъ кое-какія оставшіяся вещи и одѣвшись въ походные костюмы, пошли въ лагерь, дрожа и отъ прерваннаго сна, и отъ мороза.

Лагерь былъ весь уже на ногахъ. Солдаты съ бѣлами отъ мороза усами впрягали лошадей въ зарядные ящики, нѣкоторые вылезали еще изъ теплыхъ землянокъ, поправляя на ходу свою амуницію. У разложенныхъ и трещавшихъ костровъ стояли кучки людей, грѣясь у огня. Скоро весь паркъ былъ уже готовъ, ѣздовые сѣдла на лошадяхъ и ожидали только командира или его приказанія о выступленіи.

Подковникъ что-то долго не прѣвжалъ; солдаты, сидя въ бездѣйствиіи на лошадяхъ, начали кочевѣть на лятвадцатиградусномъ морозѣ. Вскорѣ раздалась команда: „ѣздовые, сѣзай!“ и около лошадей вновь началось движеніе. Солдаты сѣзали, доставали трубки и подходили къ кострамъ за угольками. Около огней стало собираться все больше и больше народа, какъ вдругъ не вдалекѣ отъ насъ взвился къ небу темный столбъ дыма, а за нимъ и другой, и третій. Загорѣлись землянки оставленныя солдатами.

— Кто смѣлъ поджечь землянки? раздался кричавшій голосъ какого-то офицера.

— Ваше благородіе, да мы сами загорѣлись. Тамъ и нѣтъ никого, всѣ вышли, отвѣтилъ кто-то изъ солдатъ.

— Вотъ я васъ! Бѣда тому кого поймаю!

Но несмотря на строгое запрещеніе, какимъ-то непостижимымъ образомъ лустыя землянки вспыхивали одна за другою и скоро въ лагерь стало даже жарко отъ массы горящаго дерева и соломы. Солдаты оживились и весело смотрѣли на яркое игравшее пламя и клубы дыма застывшаго неба. Разставаясь съ устроенною ими жизнью, они никому не хотѣли оставить послѣ себя наслѣдства, и мѣсто лагерь съ нашимъ уходомъ дѣлалось опять такимъ ровнымъ и лустыннымъ какимъ мы нашли его въ день прихода туда.

Среди оживленія, вызваннаго импровизованнымъ пожаромъ, по морозному воздуху вдругъ отчетливо донеслась

слова команды: „ѣздовые, садись!“ и солдаты, торопливо прыгнувъ по карманамъ свои недокуренныя трубки, побѣжали къ лошадямъ и тяжело стали взбираться на сѣдла. Пріѣхавъ командиръ, поздоровался и приказалъ выступить. Съ криками и попуканіемъ артачившихся лошадей ларкъ сталъ выравниваться по направленію къ Софійской дорогѣ, и черезъ нѣсколько минутъ отъ вѣснаго шумнаго и веселаго лагеря осталась только длинная цѣль ящиковъ, стройно и медленно двигавшаяся по направленію къ Плевнѣ.

Я сначала пошелъ было лѣшкомъ, но идти было неудобно и ноги то скользили по обледѣвшей дорогѣ, то вязли въ рыхломъ снѣгу по сторонамъ, когда приходилось уступать дорогу какому-нибудь проѣзжавшему ящичку. Отъ этого, да и отъ привычки долго ходить, я скоро усталъ и вскопчалъ на ходу на одинъ изъ ящиковъ, въ которомъ была лучше заправка. Сидѣть было неловко, но я сразу отъ утомительной ходьбы перейдя къ спокойному положенію ощутилъ сначала почти блаженное состояніе. Ящичекъ трясся и раскачивался на неровной дорогѣ, и отъ этой качки и отъ начинавшаго пригнѣвать солда меня спявно стало клонить ко сну. То дремая, то снова просыпаясь на толчкахъ и съ удивленіемъ глядя въ эти минуты на двигавшуюся предо мною снѣжную равнину, блестящую отъ солнца до боли въ глазахъ, я проѣхалъ версты четыре. Въ короткіе моменты дремоты мнѣ свидѣлись часто необыкновенно длинные и замысловатые сны; иногда въ такомъ снѣ переживался цѣлый періодъ жизни съ необычайно яркими подробностями, и проснувшись странно было видѣть все ту же самую картину, которая только за минуту предъ тѣмъ была предъ глазами. Къ этимъ снамъ подъ конецъ стало примѣшиваться какое-то неловкое ощущеніе, вѣтшее, но вѣтшее и связанное какъ бы съ самымъ сномъ, и только внезапно и совершенно проснувшись на особенно сильномъ толчкѣ я почувствовалъ что у меня невыносимо ломить спину, такъ какъ я сидѣлъ и дремалъ въ самомъ неловкомъ и неестественномъ положеніи. Чтобы нѣсколько размяться и отогнать дремоту я всталъ, пошелъ опять лѣшкомъ и дошелъ такимъ образомъ до Дольнаго Дубняка, деревни лежавшей почти на половинѣ нашей дороги къ Плевнѣ.

Дольный Дубнякъ, гдѣ за нѣсколько дней предъ этимъ былъ расположенъ и нашъ корпусный штабъ, и наша почта, около

котораго стояла масса войскокъ и который вообще недавно килбазъ жизнью,—былъ теперь совершенно лустъ. Умыло глядѣли полуразрушенныя домики и оставленныя землянки, не предавныя огню подобно нашимъ. Когда мы проходили мимо этого лустаго землянаго города, изъ одной землянки неожиданно выползла какая-то странная и смѣшная фигура въ солдатской шапелѣ. Оказалось что это одинъ изъ нашихъ солдатъ считавшихся полудиотомъ, еще наканунѣ куда-то пропавшій изъ ларка.

— Ты зачѣмъ сюда зашелъ? спросилъ кто-то.

— А вочевать.

— Ишь, чортъ! за цѣлыя сутки впередъ спать ушелъ!

— Ну, голова!

И солдаты долго потѣшались надъ своимъ предусмотрительнымъ товарищемъ, который, какъ мы узнали, спалъ цѣлыя сутки въ лустой землянкѣ и даже не ѣлъ ничего.

Въ Долюмомъ Дубнякѣ сдѣлали небольшую передышку и опять потянулись дальше. По выѣздѣ изъ деревни предъ нами открылась обширная равнина, на горизонтѣ замыкавшаяся холмистою цѣлью, закрывавшею отъ насъ Плевну. Ѣхать было скучно, однообразная смѣшная пелена утомляла зрѣніе и заставляла глаза невольно смыкаться. Проѣхавъ верстъ пять, я замѣтилъ кучку людей колошавшихся въ сторовѣ въ лодѣ.

— Не знаешь ли, братъ, что это тамъ дѣлають? обратилась я съ вопросомъ къ одному солдату.

— А это, ваше благородіе, Турокъ мертвыхъ зарываютъ, объяснилъ онъ мнѣ.—Изъ Плевны-то ихъ, сказываютъ, возами везать.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени намъ стали встрѣчаться болгарскія повозки, покрытыя рогожами. Изъ-подъ этой покрывки иногда выставлялись мотавшіяся человѣческія головы и голыя, синевато-блѣдыя ноги. Мѣсяць уже прошелъ со времени взятія Плевны, а все еще не могли справиться съ этою массой мертвыхъ тѣлъ, отъ которыхъ непременно нужно было очистить городъ до весны. И странно было видѣть эти гниющія кучи остатковъ тѣхъ самыхъ людей которые только недавно еще были такъ грозны и сами держали въ своихъ рукахъ жизнь многихъ себѣ подобныхъ. Прежде это были существа каждое со своимъ отдѣльнымъ міромъ, въ которомъ все остальное занимало только второй

лявъ; теперь же это былъ только одинъ ненужный, вредный и отвратительный балластъ, отъ котораго нужно было какъ можно скорѣе избавиться.

Чѣмъ ближе къ Плевнѣ тѣмъ болѣе и болѣе встрѣчались признаки бывшаго сраженія, и изъ-подъ отъѣра по сторонамъ дороги видѣлись патронныя ящики, неразорвавшіяся гранаты и множество картечь. Солдатики наши заботливо собирали валявшіеся патроны, чтобы потомъ, побросавъ ихъ въ костры, съ оласностью жизни любоваться ихъ разрывомъ. Эта забава была распространена необыкновенно, несмотря на строгія запрещенія, и была причиною множества несчастныхъ случаевъ. Мой дельщикъ, еще въ Горнемъ Дублякѣ найдя нѣсколько цѣлыхъ патроновъ, вздумалъ одинъ изъ нихъ разбивать въ рукѣ камнемъ, и я едва могъ его остановить. Нѣкоторые подбирали красивыя трехфунтовыя турецкія гранатки и тащали ихъ до тѣхъ поръ пока не уставали подъ ихъ тяжестью, и бросали ихъ съ досадой. Многие рыскали по сторонамъ дороги въ надеждѣ найти можетъ-быть что-нибудь поцѣвнѣе, и послѣ безплодныхъ поисковъ возвращались съ улыбами лицами назадъ.

Вскорѣ мы подошли къ рѣкѣ Виду и стали перебираться черезъ него по каменному мосту. По мѣстамъ изъ-подъ треснувшаго льда видѣлись мертвыя руки или ноги потонувшихъ здѣсь Турокъ, которыхъ еще не успѣли убрать. Передъ Видъ мы стали подниматься въ гору по довольно крутому подъему, и я надѣялся съ вершины горы увидать Плевну. Но за однимъ холмомъ громоздился другой, и я уже сталъ уставать, переходя съ одного подъема на другой, когда предъ нами открылся лежащій въ котловинѣ городъ съ высившимися тонкими минаретами и болгарскимъ соборомъ на первомъ планѣ. Черезъ четверть часа мы уже въѣзжали въ Плевну, не отпавшуюся привлекательнымъ видомъ при въѣздѣ. Остановились мы на краю города, на площади сплошь покрытой навозомъ и валяшеюся по мѣстамъ лапашью, около которой возились собаки съ окровавленными мордами и злыми глазами. Мы стали разыскивать чиновника посланнаго еще наканунѣ отводить намъ квартиры, но онъ самъ скоро къ намъ подѣхалъ, и мы получили проводниковъ для указанія мѣстъ нашего ночлега. Одинъ изъ солдатъ ловелъ меня въ городъ, и скоро мы вышли на главную улицу, щеголавшую двумя или

трема домами въ европейскомъ стилѣ. Идя по улицамъ, мой проводникъ нѣсколько разъ подходилъ къ воротамъ домовъ, присматривался къ нимъ и со словами: „Нѣтъ, ваше благородіе, не здѣсь, еще маленько подальше“, шелъ далѣе. Такъ мы прошли почти весь городъ.

— Ну гдѣ же квартира-то? спросилъ я, начиная уставать въ этихъ поискахъ.

— Ваше благородіе, нужно назадъ.

— Какъ же ты берешься провожать, а самъ не знаешь?

— Да я, ваше благородіе, крестъ на воротахъ замѣтилъ, а тутъ кресты-то на всѣхъ на нихъ, телерь и не разберешь. Отъ площади не далеко квартира-то.

— Отъ площади не далеко, а самъ привелъ меня чортъ знаетъ куда, крикнулъ я, начиная отчаиваться найти ночлегъ и рѣшившись уже идти доставать болѣе толковаго проводника.

— Ваше благородіе, телерь вѣрно найдемъ, пожалуйте.

И мой чичероне, какъ будто сразу что-то сообразивъ, увѣреннымъ шагомъ повернулъ назадъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени онъ съ торжествующимъ видомъ остановился у однихъ воротъ.

— Вотъ она, чтобъ ей пусто было! Ишь вѣдь какъ прошибался, совсѣмъ въ другую сторону было ушли!

Войдя въ ворота, я увидалъ въ глубинѣ двора чистый болгарскій двухъэтажный домъ, изъ оконъ котораго выглянули и скрылись какія-то черноглазая женскія головы. На дворѣ уже стояла повозка съ нашими вещами. Максимовъ вышелъ изъ дома и повелъ меня во второй этажъ, гдѣ намъ была отведена большая и чистая, но холодная комната съ возвышеніями около стѣнъ, гдѣ уже были постланы намъ постели. Девъщики ушли добывать жаровню съ горячими угольями, чтобы хотя немного нагрѣть нашу комнату, и хлопотать на счетъ чаю, а я присѣлъ на постель и сталъ на колѣнѣхъ писать письмо въ Россію. Дописавъ письмо и валившись чаю, я отправился разыскивать почту и кстати посмотреть городъ.

Послѣ долгихъ поисковъ мнѣ указали домикъ, гдѣ я нашелъ какого-то старика, не то солдата, не то чиновника, который взялъ мое письмо и на мой вопросъ: когда оно пойдетъ? отвѣчалъ:

— А Богъ его знаетъ, можетъ завтра, а можетъ и черезъ недѣлю.

Сбывъ съ рукъ письмо съ небольшою надеждою что оно доберется все-таки какъ-нибудь до Россіи, я отправился въ одинъ изъ ресторановъ, вывѣски которыхъ я замѣтилъ проходя по главной улицѣ. Въ ресторанѣ изъ разговоровъ сидѣвшихъ тамъ офицеровъ я узналъ о побѣдѣ на Шилкѣ и очищеніи Балканъ отъ Турокъ. Новое это извѣстіе было на устахъ у всѣхъ и всѣхъ теперь занимало. Говорили что Болгары, узнавъ эту радостную новость, отъ восторга подняли такую палубу изъ ружей что перелугали было весь городъ.

Порадовавшись вмѣстѣ съ другими я началъ думать о наполненіи чѣмъ-нибудь своего желудка, который былъ почти пустъ съ самаго утра. Ресторанъ былъ нехитраго устройства и щеголялъ только изобиліемъ коньяку и рому, отличавшихся не столько своимъ достоинствомъ сколько баснословными цѣнами. Кухня вся состояла изъ желѣзной печки, стоявшей почти посреди комнаты, на которой поджаривались тонкіе куски говядины, составлявшіе главное и единственное кушанье какое можно было здѣсь достать.

Подкрѣпивъ свои силы и побродивъ еще немного по городу, я отправился домой, чтобы, напившись чаю, лечь спать и приготовить къ раннему выступленію въ походъ на другой день. Возвратившись я нашелъ нашу комнату уже нѣсколько обогрѣтою. Моя постель однако находилась на довольно неудобномъ мѣстѣ, около самаго окна откуда сильно тянуло холодомъ. Мы всѣ, впрочемъ, были обречены въ эту ночь дрожать отъ холода, такъ какъ со всѣхъ сторонъ изъ какихъ-то невидимыхъ щелей все время дулъ холодный вѣтеръ. Ночью я чуть не каждую четверть часа просыпался, такъ какъ обращенная къ окну сторона моего тѣла совершенно задевала, и я долженъ былъ повертываться на другой бокъ и подставлять холоду нагрѣтую сторону. Въ такомъ безпокойномъ снѣ прошла ночь и утромъ мы скорѣе стали согрѣваться горячимъ чаемъ чтобы не продрогнуть окончательно на походѣ.

Погода оказалась гораздо хуже чѣмъ наканунѣ: дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ и по временамъ сыпалъ легкій обледенѣлый снѣгъ, будто иглами колотившій лицо. Придя на площадь мы увидели что ларкъ только-что началъ еще запрягаться и намъ пришлось ждать чуть не цѣлый часъ, въ который я успѣлъ иззябнуть окончательно. Наконецъ ларкъ былъ готовъ и медленно лотянулся по улицамъ Плевны. Еще въ городѣ лошади начали скользить, ибо дорога вся по-

крылась ледяною корою, такъ что мы могли ожидать что намъ придется въ этотъ день уйти очень не далеко. Черезъ городъ однако ларкъ прошелъ благополучно и остановился за городомъ на берегу рѣчки, черезъ которую надо было переправляться въ бродъ, такъ какъ ледъ былъ уже надломанъ. Переправа, впрочемъ, еще не могла бы очень затруднить движенія, но на другомъ берегу рѣчки былъ подъемъ довольно крутой и совершенно обледенѣлый; да и колеса у ящиковъ, по выѣздѣ изъ рѣчки, тотчасъ же обмерзали отъ холоднаго вѣтра, такъ что этотъ подъемъ становился серьезнымъ препятствіемъ.

Переправившись кое-какъ черезъ рѣчку, я пошелъ со своимъ деньщикомъ впередъ, надѣясь что ларкъ меня догонитъ. Пройдя съ полверсты я однако остановился, не слыша за собой никакого шума отъ движенія ящиковъ. Предоставивъ Максиму идти впередъ, я воротился посмотреть какъ идетъ переправа, и подойдя опять къ рѣкѣ, увидалъ что только еще одинъ ящикъ успѣлъ переѣхать, въ другой же припрягали лошадей, такъ какъ обыкновенная запряжка не въ силахъ была одолѣть подъемъ. Сообразивъ что ларкъ переправится еще не скоро, я перешелъ обратно черезъ рѣчку и присоединился ко кружку офицеровъ дожидавшихся очереди переправляться со своими ящиками. Сидя въ бездѣйствиіи на ящикахъ мы такъ заоченьѣли что рѣшились прибѣгнуть къ единственному оставшемуся у насъ согрѣвающему средству и вылить по стаканчику коньяку. Средство подѣйствовало моментально: мы согрѣлись и развеселились. Я подобралъ себѣ двухъ товарищей съ которыми и отправился въ городъ завтракать. Войти въ теплую комнату ресторана и отогрѣться тамъ горячимъ чаемъ было необыкновенно пріятно, такъ что мы сидѣли тамъ до тѣхъ поръ пока не стало уже такъ жарко что захотѣлось опять выйти на холодный воздухъ. Придя въ ларкъ мы застали тамъ почти то же что и прежде: успѣли переправиться всего четыре или пять ящиковъ. Пробывъ въ полѣ опять до совершеннаго почти окончанія мы снова пошли въ городъ грѣться, и такимъ образомъ лутешествовали цѣлый день то изъ ларка въ городъ, то изъ города въ ларкъ. Начало уже смеркаться, а изъ ларка и половины еще не переправилось. Ясно уже теперь видя что переправа не можетъ окончиться въ этотъ день, мы рѣшились идти отыскивать ночлегъ. Но теперь неудобство состояло въ томъ что вещей у насъ съ собой уже не было и

необходимо поэтому было искать комнату сколько-нибудь теплую, такъ какъ ночью нечѣмъ было даже покрыться. У меня по крайней мѣрѣ было только одно холодное пальто, которое я носилъ для легкости на ходу, да башмакъ. Къ счастью мнѣ предложилъ свою прежнюю квартиру мой сослуживецъ, докторъ А. По его словамъ квартира была теплая, съ печкой. К. за неимѣніемъ вочлега также присоединился къ нашей компаніи, и мы всѣ отправились на квартиру А. Хозяинъ дома, Болгаринъ, въ общевропейскомъ костюмѣ, привіалъ насъ очень радушно и тотчасъ же притащилъ намъ дровъ, которыми мы нажарили печку почти до невозможности дышать. Спать приходилось на голомъ полу, такъ какъ у хозяина не нашлось для насъ никакой подстилки. Понадѣвшись на то что комната останется теплою на всю ночь, я постелилъ на полъ свое пальто, покрылся снятымъ съ себя сюртукомъ и заснулъ отличнымъ образомъ. Къ сожалѣнію большинство болгарскихъ печей имѣетъ скверное свойство выстывать совершенно по прошествіи часа послѣ толки, такъ что температура нашей комнаты за ночь стала одинакова съ наружною. Среди ночи я проснулся отъ ощущенія нестерпимаго холода и до самаго утра уже не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту, а только лежалъ и стучалъ зубами, съ нетерпѣніемъ ожидая разсвѣта и съ нимъ конца моихъ мученій отъ холода. Наконецъ стекла оконъ начали бѣлѣть и жадно ожидаемый разсвѣтъ наступилъ. Дрожа какъ въ лихорадкѣ, я вышелъ на улицу и сталъ искать гдѣ бы выпить чаю. Рестораны были еще залерты, но послѣ нѣкоторыхъ поисковъ я нашелъ-таки одинъ ресторанъ въ которомъ только-что отворили двери. Съ наслажденіемъ выпившись тамъ горячей красноватой бурды, именуемой чаемъ, и отогрѣвшись сколько было возможно, я вышелъ на улицу, купилъ въ лавкѣ хлѣба на дорогу и отправился къ рѣчкѣ. Здѣсь я засталъ уже только меньшую половину парка, большая же успѣла переправиться и, какъ я узналъ, находилась въ деревнѣ Брестовецѣ, по дорогѣ въ Ловчу. Тамъ же я надѣялся найти моего деньщика и мои вещи, и потому, не думая долго, я направился въ Брестовецъ, покинувъ Плевну вѣроятно навсегда.

Съ этимъ днемъ окончилась моя семинедѣльная жизнь подъ Плевной, и я вступилъ въ новый періодъ походной жизни...

А. ПЕТРОВСКІЙ.

П И С Ь М А

ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА КАРАТЫГИНА

1850—1862

20го ноября 1844 года, чрезъ девять дней послѣ кончины И. А. Крылова, къ покойному П. А. Каратыгину прѣхалъ адъютантъ Г. И. Ростовцева, ротмистръ Орденскаго кирасирскаго полка Левъ Ковдратьевичъ Шульгинъ, и вручилъ артисту, по порученію своего начальника, экземпляръ басенъ Крылова „на память“... Этого издавія, предназначеннаго для безплатной раздачи извѣстнымъ ученымъ, литераторамъ и артистамъ, никогда не было въ продажѣ. Книга въ восьмую долю листа (826+VIII) была отпечатана еще при жизни нашего великаго баснописца (1843, въ типографіи военно-учебныхъ заведеній). На обложкѣ изъ толстой бѣлой бумаги значилось: „Приношеніе на память объ Иванѣ Андреевичѣ, по его желанію. С.-Петербургъ, 1844 года, 9го ноября, 3/4 8го утрома“...

Этимъ началось знакомство Каратыгина съ Л. К. Шульгинымъ, мало-по-малу перешедшее въ самую дружескую пріязнь. Съ 1849 по 1865 годъ Шульгинъ въ должности город-

ничего проживалъ попеременно въ Шенкурскѣ, Великихъ-Лукахъ, Порховѣ, въ посадѣ Сольцахъ (въ 1865 году онъ скончался), и во все продолженіе этихъ шестнадцати лѣтъ Каратыгинъ велъ съ нами исправную переписку, сохраненную Шульгинымъ. Изъ этой массы писемъ мы выбрали исключительно тѣ которыя имѣютъ прямое отношеніе къ общественному быту, литературѣ, театру того времени и отчасти къ характеристикѣ покойнаго артиста. Эти письма служатъ какъ бы дополненіемъ и продолженіемъ къ его *Запискамъ*. Замѣтки и эпизодическіе разказы, связующіе письма въ одну общую серію, слышаны были нами изъ устъ самого Каратыгина; письма скопированы со строжайшею точностью съ подлинниковъ. Считаемъ излишнимъ напомнить что съ 1830 по 1853 годъ Каратыгинъ былъ любимѣйшимъ водевицемъ русской лубяки, и будущій историкъ нашего театра, конечно, не откажетъ ему въ мѣстѣ наряду съ замѣчательными дѣятелями на сценическомъ поприщѣ.

Во главѣ газетной печати стоялъ тогда твердою ногой Булгаринъ, личность далеко не такая грязная каковою она представляется нынѣшнему поколѣнію. Въ Булгаринѣ при всѣхъ его недостаткахъ было много добраго. Упрекъ въ доносахъ едва ли основателенъ; правда, онъ постоянно искалъ благосклонности Леонтія Васильевича Дубельта, но далеко ею не пользовался. По выраженію покойнаго Н. И. Греча, „блаженный какъ кошка, трусливый какъ заяцъ“ Булгаринъ боялся III Отдѣленія какъ огня и именно вслѣдствіе этой боязни ввязался въ знакомство къ его чиновникамъ, статскимъ и военнымъ. На обѣдахъ, на вечерахъ редактора *Стеерной Пчелы*, можно было постоянно встрѣтить нѣсколько лицъ въ видѣ-мундирѣхъ съ голубыми бархатными воротничками и въ мундирѣхъ васильковаго цвѣта... Весьма помнятъ что этотъ кругъ знакомства, эта явная пріязнь и любезничанье съ лицами принадлежащими къ тайной полиціи не могли быть пріятны остальнымъ гостямъ Булгарина. Уклоняясь отъ его радушныхъ приглашеній, многіе изъ нихъ напоминали ему басню Крылова: *Крестьяннинъ и Змѣя*, въ особенности ея нравоученіе:

— Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ,
И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)
Ни огорчилъ ничѣмъ, ни опечалилъ...
Но что за радость, расуди,

Козь, езда у тебѣ, того лашь и газди,
Чтобы твой другъ кого, подлащи, не ужаащѣ.

Досадуя на это отчужденіе, Булгаринъ, лѣвая знакомому который не обинуясь сказалъ ему что боится его „официальныхъ“ гостей, сталъ увѣрять что мирному и честному гражданину, доброму вѣроподданному, агенты III Отдѣленія не должны быть страшны, что наконецъ это та же государственная служба...

— Совершенно съ тобою согласенъ, отвѣчалъ тотъ:—я готовъ даже признать что тайная полиція—учрежденіе полезное, необходимое... Но и лѣкарства подчасъ необходимы: однако никто не ставитъ въ столовый судокъ вмѣсто обыкновенной соли англійскую, а вмѣсто прованскаго касторовое масло.

При всей своей угодливости и Дубельту, и лицамъ при немъ служившимъ, Булгаринъ не пользовался его особеннымъ благорасположеніемъ. Дубельтъ по цензурнымъ дѣламъ что называется держалъ его въ черномъ тѣлѣ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ происходила перестройка Анничкова моста. На Фонтанкѣ, около постройки, сдѣлана была перемычка съ обѣихъ сторонъ, чѣмъ было приостановлено теченіе рѣки. Вода въ лѣтніе жары зацвѣла, издавая зловоніе; рыба въ садкахъ дохла. Для снабженія свѣжею водою окрестнымъ жителямъ, по распоряженію полиціи, продавали невскую воду колѣбекъ по лата за сорокаведерную бочку. Булгаринъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, восхваляя будущій мостъ, смиренно намекнулъ что де безъ жертвъ дѣло не обходится, и вотъ на первый случай Фонтанка „возсмердѣла“. На другой же день Фаддея Венедиктовича зовутъ къ Леонтію Васильевичу.

— Ты что? сурово встрѣтилъ онъ фельетовиста, покручивая свои длинные сѣдые усы.

— Ничего, отецъ-командиръ, попробовалъ отшутиться оторопѣвшій Булгаринъ.

— Какъ ничего? воскликнулъ Дубельтъ, и его лицо сдѣлалось еще суровѣе.—А кто писалъ что Фонтанка воняетъ?

— Да что же дѣлать если она ловаивцаетъ?

— А тебѣ какое дѣло носъ совать? Что рѣка воняетъ это всякій знаетъ и безъ тебѣ, а вооружать обывателей противъ правительственныхъ распоряженій нечего. Объявляю тебѣ строгое замѣчаніе отъ имени его величества!

На слѣдующее лѣто, по поводу какого-то правительственнаго распоряженія, Булгаринъ воспѣлъ въ своей *Пчелкѣ* самый восторженный диэцрамбъ... Опять зовутъ къ Леонтію Васильевичу.

— Чего ты разалобезначался? встрѣчаетъ онъ Булгарина.— Съ какой стати вздумалъ писать комментаріи на высочайшее повелѣніе да восхвалять правительство? Оно въ твоихъ похвалахъ не нуждается: что приказано, то и быть должно...

— Но, ваше превосходительство, о чемъ же тогда писать?

— Театръ, выставки, гостиный дворъ, толкучка, трактиры кондитерскія... насчитывалъ Дубельтъ,—вотъ твоя область, а дальше ея не годи ни шагу!

Знакомство съ высшимъ начальствомъ дало возможность Булгарину въ 1846 году дѣятельно способствовать исхода-тайствованію пещи семейству Н. А. Полеваго, съ которымъ при его жизни онъ былъ въ постоянной враждѣ. Вообще отношенія Булгарина къ братьямъ по литературѣ вообще, по журналистикѣ въ особенности, были самыми непріязненными: но при каждомъ удобномъ случаѣ помочь имъ при постигшей ихъ невзгодѣ онъ былъ не прочь и помогалъ ненавидѣвшимъ его, и его ненавидѣли тѣ кому онъ помогалъ. Напомнимъ читателямъ что Булгаринъ былъ самымъ добрымъ и неизлѣпимымъ другомъ Грибоѣдова, Одоевскаго, Рылѣева и почти всѣхъ „декабристовъ“. На личность Булгарина вообще черезчуръ много нападокъ и клеветъ. Самое тяжкое обвиненіе въ шпіонствѣ еще не доказано, и вѣтъ примѣра чтобъ отъ довеса Булгарина пострадалъ кто-либо изъ литераторовъ или журналистовъ.

Къ театру Булгаринъ всегда относился съ живѣйшимъ сочувствіемъ; съ братьями Каратыгиными былъ всегда въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Отношенія эти немало способствовали ненависти къ этимъ артистамъ литературнаго кружка новой „натуральной школы“. Когда въ 1847 году Каратыгинъ поставилъ въ свой бенефисъ водевилъ: *Натуральная Школа*, съ куплетомъ противъ реалистовъ, его недоброжелатели говорили будто куплетъ написанъ въ угоду Булгарину: это клевета. Каратыгинъ, нисколько не подчиняясь чужому, чему бы то ни было вліянію, былъ всегда противникомъ сценическаго реализма * и ни отъ кого не скрывалъ своей антипатіи...

* См. *Записки* П. А. Каратыгина. С.-Пб. 1880, стр. 306—307.

Съ этой эпохи началась переписка Каратыгина съ Л. К. Шувальвымъ. Театральная литература того времени находилась въ рукахъ Н. А. Полеваго, Н. В. Кукольника и П. Г. Ободовскаго (преимущественно переводы). Во главѣ воеводистовъ находился П. А. Каратыгинъ; за нимъ бѣльшимъ или меньшимъ расположеніемъ лублики пользовались: Д. Т. Левскій, П. С. Федоровъ, П. И. Григорьевъ, Ф. А. Коми. Шутить и смѣшить лублику при тогдашней цензурѣ было задачей далеко не легкою. Въ одной драмѣ сороковыхъ годовъ герой пѣсы, магометанинъ, произноситъ: „О, Пророкъ, помоги мнѣ!“ При чтеніи этой драмы, мудрый цензоръ разрѣшавшій ее къ напечатанію приставилъ къ слову *пророкъ* красными чернилами слово: *лже* и прибавилъ въ выноскѣ: „пророками мы называемъ Моисея, Илію и мужей боговдохновенныхъ; Магометъ сего имени не заслуживаетъ“. Цензоръ этотъ былъ даже не знаменитый А. И. Красовскій.

Скажемъ въ заключеніе что писемъ своихъ Каратыгинъ конечно никакъ не предназначалъ къ печати.

15го апрѣля 1850 года.

„Не сердись и прости меня за продолжительное молчаніе. Какъ петербургскій старожила ты самъ знаешь что у насъ есть много людей которые хотя и ничего не дѣлаютъ, но бываютъ ужасно заняты. Скажу въ свое оправданіе что въ теченіе поста я написалъ четырехактную комедію и перевелъ трехактную. Постъ промелькнулъ незамѣтно; едва успѣлъ я забыть о блинахъ; тамъ, глядишь, вербы, а за ними и свѣтлый праздникъ. И есть же люди которые хлопочутъ о томъ какъ бы убить время? Не мы его, а оно насъ убиваетъ!.. У насъ въ посту веселились не лапше того какъ и въ масовѣдъ; въ циркѣ скачутъ; погода чудесная; Петербургъ чистъ, какъ среди лѣта. Третьяго дня вскрылась Нева, не ледоходъ не разобщилъ центра города съ зарѣчными частями, благодаря новому Благовѣщенскому мосту. На немъ для лѣшеходовъ положена деревянная настилка.

„На дняхъ въ Дворянскомъ Собраніи былъ благотворительный базаръ (или, пожалуй, *армарка тшеславія!*); наши знатныя барыни торговали всякою всячиной и тутъ же предлагали билеты на лотерею въ пользу бѣдныхъ... То-то было обширное поле богатымъ любезникамъ! Говорять, Громовъ зашелъ вы-

лить стаканъ лимонаду и заплатилъ за него пятьдесятъ рублей серебромъ. Не думаю чтобъ онъ показался ему сладкимъ, а выйдя изъ буфета Василій Федуловичъ, вѣроятно, сдѣлалъ лимонную физиономію. Посреди залы поставлена была настоящая русская бревенчатая изба въ два яруса со внутренними комнатами. Цвѣтовъ были цѣлая роща. Тутъ лѣла Цыгане, тамъ гремѣла полковая музыка. Повсюду роскошь такая что и вообразить себѣ не можешь... И все это въ пользу бѣдныхъ. Какъ тутъ не радоваться сердцу? И послѣ этого Петербургъ иные называютъ городомъ зноистовъ!

„Братъ мой съ женою и дочерью уѣзжаютъ въ Италію, пользуясь безерочнымъ отпускомъ. Гдѣ я проведу лѣто, локуда еще не знаю. Плановъ для работъ много; но удастся ли что написать—Аполлонъ вѣдаетъ. За послѣднее время вкусъ нашей публики какъ-то измѣнился, и я, постоянный ея угодникъ, рѣшительно не знаю чѣмъ ей теперь угодить.“

27го апрѣля.

„Еще разъ поздравляю тебя съ прошедшимъ праздникомъ. Онъ былъ у насъ, относительно погоды, „со всячиной“. Вербная и Страстная недѣли были чудныя; мы щеголяли въ легкихъ пальто, а теперь опять хоть шубы надѣвай.

„Въ одно прекрасное утро, на Вербной, я шелъ по Караванной; государь возвращался изъ манежа верхомъ, сопровождаемый рейтквехтомъ. Я шелъ изъ книжной лавки съ послѣднимъ номеромъ *Современника* подъ мышкой. Кланяюсь Государю, а онъ, взглянувъ на книгу, сказалъ:

„— Чтò? Не твое ли новое что-нибудь?“

„— Новое, ваше величество, только не мое.

„— Чтò же это?“

„— Журналъ *Современникъ*.

„— А въ немъ твоего ничего нѣтъ?“

„— Никакъ нѣтъ, ваше величество.

„— Все-то ты лѣнишься, сказалъ государь съ улыбкой.— Не лѣнись!

„Такимъ образомъ я прошелъ до угла Невскаго Проспекта. Ласково кивнувъ мнѣ головою, государь повернулъ направо. Прохожіе съ удивленіемъ на меня поглядывали.

„Спасибо царю-батюшкѣ за ласковое слово. Могу только сѣтовать что при моемъ слабомъ дарованіишкѣ не имѣю

возможности достойно отблагодарить государя за его ко мнѣ милости.

„Говорать въ субботу будетъ майскій парадъ, а 2го мая государь поѣдетъ, какъ слышно, въ Варшаву осматривать корпуса тамъ расположенные.

„Получаешь ли ты *Москвитянина*? Въ немъ недавно была напечатана новая комедія г. Островскаго, отъ которой вся Москва въ восхищеніи. Я читалъ—и не восхищаюсь. Къ слову объ этомъ журналѣ:

Кто хочетъ разницу постичь:

Что значить *Москвитянина* и *Москвича*?

Москвичъ подчасъ смѣшонъ и зачастую тучень,

А Москвитянинъ сухъ и скучень!“

24го ноября.

„Олять замедилъ отвѣтомъ по милости моего бенефиса бывшаго 9го числа. За нимъ слѣдовало представленіе моей комедіи: *Случай изъ петербургскаго быта*. Ее вчера спустили. Бенефисъ былъ удаченъ и въ литературномъ и въ денежномъ отношеніяхъ; театръ былъ почти половъ; былъ бы и биткомъ набитъ, еслибъ афиша была позамаивчивѣ... но на составленіе подобнаго рода рекламъ я не мастеръ! Спектакль прошелъ хорошо. Публика была чистая, строгая, и тѣмъ пріятнѣе былъ успѣхъ. Главная пѣса *Женская Дружба* (*L'amitié des femmes*) въ прошломъ году имѣла большой успѣхъ на Михайловскомъ театрѣ; она очень понравилась государю, и онъ самъ посоветовалъ мнѣ перевести ее для нашей сцены. Дѣло свое я исполнилъ, кажется, довольно добросовѣстно. За комедіей шли два водевиля, мой *Свадебный Столъ безъ молодыхъ* и написанный вмѣстѣ съ графомъ Сологубомъ: *Дажеротиль*. Предъ бенефисомъ, пріѣхавъ по обычаю къ министру съ афишей, я услышалъ отъ князя о намѣреніи его пригласить въ театръ государя... но увы! на мое горе въ этотъ вечеръ былъ балъ у наследника цесаревича; вотъ причина по которой бенефисъ мой не удостоился посѣщенія кого-либо изъ особъ царской фамиліи. Тѣмъ не менѣе, наканунѣ бенефиса я получалъ отъ государя императора бриллиантовый перстень въ пятьсотъ шестьдесятъ рублей. Не успѣвъ я отдохнуть отъ бенефисныхъ хлопотъ какъ началась другія съ постановкой моей комедіи. Сюжетъ ея заимствованъ мною изъ романа Шарля Бернара (*La cinquantaine*). Что тебѣ ска-

зять о представленіи? Пшшу подь лервыиъ влечатавнѣиѣмъ, въ котормъ и себѣ самому не могу дать вѣрнаго отчета. Театръ былъ лоннехонекъ; это не заслуга: всякая новая лѣеса даваемая въ казенный' спектакль даетъ тотъ же результатъ. Можеть - быть лублику привлекао имя автора,—не знаю... Только, сказать по совѣсти, а не доволенъ представленіемъ. Комедію мою прослушали съ глубокимъ вниманіемъ; при лервомъ моемъ выходѣ я былъ лривятъ какъ въ оной бенефисъ. По окончаніи лѣесы меня два раза вызвали... Казалось бы чего же еще? А я не доволенъ, и не потому чтобъ ождаалъ бѣльшаго, но... роли въ моей лѣесѣ не лривались по вкусу моимъ товарищамъ: они читали ихъ съ толкомъ, съ разстановкой и не то чтобы безъ чувства, а безъ сочувствія (кромѣ Сосницкой, которая была чудно хороша!). Въ роляхъ моей комедіи нѣтъ крулныхъ рельефныхъ фразъ; вся комедія основана на тонкой пнтригѣ... а товарищи мои любять чтобы роли говорили сами за себя. Чтѣ же тогда останется дѣлать актерамъ? Въ томъ-то и сила что актеръ-художникъ игрой, мимикой дополняетъ то чего не досказалъ авторъ; онъ помогаетъ автору братски, выручаетъ его... иногда одно простое слово произнесенное устами истиннаго художника производитъ эффектъ, котораго не лодозрѣвалъ и самъ авторъ: въ томъ-то и разница между артистомъ-художникомъ и актеромъ-ремесленникомъ. Товарищи мои хлопотали лишь о томъ чтобы звать твердо свои роли и не залвуться ни въ одномъ словѣ... Но въ такомъ случаѣ, актера можеть замѣнить любой кантонистъ или дячекъ. Нѣтъ, не доволенъ я исполненіемъ лѣесы и самъ собою и, кажется, самую лѣесой*; она вѣроятно будетъ напечатана: ты прочтешь и самъ увидишь что можно было сдѣлать артистамъ изъ своихъ ролей. Публика можеть простить автору все, кромѣ скуки, а ей вчера было имено скучно, да и мнѣ не весело. Люди близкіе утѣшаютъ меня тѣмъ что въ лервый разъ лублика выикаеть въ лѣесу и больше слушаетъ... Ну, а какъ во второй-то разъ она и слушать не захочеть? Нынѣшнюю вочь я не сомкнулъ глазъ, и какой-то внутренней голосъ шелталъ мнѣ что не виноваты ни актеры, ни лублика, а я самъ виновать, и что комедія моя просто плоха!... Но; баста, поговоримъ о другомъ.

* Эта комедія, сыгранная въ теченіе сезона *шесть разъ* и сданная въ архивъ, была слабѣйшею изъ слабыхъ лѣесъ написанныхъ Каратыгинымъ.

„Третьяго дня происходило открытіе новаго Благовѣщенскаго моста. Это произведеніе дивное! Тутъ критика неумѣстна и все на славу. Строитель Кербедзь произведенъ въ генераль-майоры (а началъ строить будучи майоромъ), и стоить. Государь первый прошелъ по мосту, крикнувъ тысячамъ народа:—Ну, господа, милости просимъ, съ Богомъ!..—и загудѣла народная волна, тѣсясь по мосту надъ невскими волнами, слѣдуя за царемъ, какъ пчелиный рой за маткою - царицей... Картина единственная, истинно русская, непонятная заморскимъ колбасникамъ!“

2го апрѣля 1851 года.

„Христось воскресе! добрый мой другъ.

„И отъ радостнаго привѣта о воскресеніи перехожу къ печальной бесѣдѣ о смерти. Первое—послѣдствіе второй; вторая по ученію христіанскому — начало другой жизни... альфа и омега живой книги бытія человѣческаго. Какъ христіанинъ безропотно покоряюсь волѣ Божіей, какъ отецъ не могу не скорбѣть... Мой Веніаминъ, мой плечуикъ Мита, 20 марта отлетѣлъ въ лучшій міръ изъ роднаго гвѣздышка! Вся наша жизнь, бесплотно, скучная, тяжелая проза; одна смерть со своимъ таинственнымъ величіемъ, чистая, высокая поэзія... Эту послѣднюю катастрофу намъ необходимо поэтизировать, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить страшную разлуку. Какъ много дивной поэзіи въ смерти младенца!

„Кто, зарывая въ землю частичку своего сердца, не взглянетъ съ надеждой на небо? Называй это поэзіей, мечтой, экстазомъ.... Но что была бы наша жизнь безъ трехъ христіанскихъ сестеръ,—безъ вѣры, надежды и любви! Пусть мудрая наука говоритъ что неба нѣтъ, что надъ нами непредѣльное пространство.... Мнѣ нужно небо для поэзіи....

Какъ воздухъ нуженъ для дыханья,

Такъ небо нужно для души!

„Какъ душѣ необходима поэзія, такъ и поэзія немислима безъ души.... Гдѣ же самая-то душа? Древніе престоломъ ея называли голову; другіе—сердце.... Надъ этимъ вопросомъ можно сойти съ ума и потому будемъ думать о немъ сердцемъ: оно всегда чище лукаваго ума!... Вотъ стихи, вмѣстѣ со слезами вылившіеся у меня въ день смерти моего малютки:

Гость желанный, гость прелестный,

Ты недогаго погостишь!..

И зачѣмъ ты нѣзъ небесной
 Къ намъ отчаяны приходишь?
 Гдѣ жь тебѣ съ людьми ужиться;
 Ты былъ ангелъ веземной....
 Такъ не лучше-ль возвратиться
 Въ край оставленный тобой!

„Не знаю слытывалъ ли ты подобныя потери, поймешь ли ты мою скорбь. Не говори что сынъ мой былъ еще малютка; что ему было всего полтора года.... съ нимъ у меня было пятеро дѣтей: ровно столько же сколько на рукѣ пальцевъ.... Вотъ я пишу къ тебѣ: въ трехъ держу перо, четвертый служить опорой; мизинецъ, повидимому, былъ бы и лишнимъ.... Попробуй же отнять его!

„Прости что въ свѣтлый праздникъ бесѣдую о такихъ мрачныхъ предметахъ, а не разказываю о нашихъ городскихъ новостяхъ; Богъ съ вами! Дай пройти времени этому, могучему разрушителю и цѣлителю.... Какъ ни старъ языческій Сатурнъ, но какъ зубастъ! И замѣть, онъ же кусаетъ и онъ же залцываетъ язы отъ своихъ укушеній!... Но зачѣмъ онъ пожралъ моего бѣднаго Митю!..“

26го ноября.

„Вотъ и конецъ ноября. Въ половинѣ прошлаго мѣсяца и въ началѣ нынѣшняго распространились у насъ величые слухи о наводненіи. Эти сказки такъ сильно ходили по городу что имъ наконецъ повѣрили и образованные люди. 20 октября, когда вода поднялась выше своего ординарнаго уровня на шесть футовъ, оберъ-полицеймейстеръ Галаховъ, пріѣхавъ въ Михайловскій театръ, перелопотилъ всю публку, которая тотчасъ же разбѣжалась, и послѣдняя піеса не была играна. Это была фальшивая тревога. На другой день весь городъ смѣялся надъ этою суматохой, но циме серіозно говорили: „а чтѣ еслубъ и въ самомъ дѣлѣ случилось наводненіе?“ Прошло 20е число, но слухи не затихали: новое наводненіе пророчили на другой, на третій, на пятый день.... и какъ на смѣхъ во всѣ эти дни вода поднималась выше обыкновеннаго. Это явленіе повторяется въ Петербургѣ почти каждую осень. Глядя изъ моего третьяго этажа на бушующую Фонтанку и на волнующійся по ея набережнымъ народъ, я невольно вспоминалъ пословицу: людская молва—морская волна.... а тутъ обѣ сошались.... Однако вскорѣ все вошло въ свой обычный порядокъ:

Итакъ, все на вѣтеръ сморозила молва!
 Морскіе вѣтры присмирѣли;
 Скрѣпилась льдомъ бурливая Нева,
 А предразсудки ослабѣли!
 Къ стыду гаупцовъ, смѣшныхъ старухъ,
 Какъ въ воду кануль этотъ слухъ!

„Что тебѣ еще сказать? Нашъ Александринскій театръ работаетъ на славу: къ 7 декабря готовимъ новую драму Кукольника: *Денщикъ*; бенефисы исправно пополняютъ текущій репертуаръ. Составъ италіанской оперы прекрасный, но балетъ улрыгался: Гризи не привлекаетъ публики; далеко ей до Фанни Эльслеръ. Та была дивная художница, а эта только хорошая балерина.... И новый балетмейстеръ Мазилье не замѣнитъ Перро: тотъ былъ перо, а этотъ—мазилка. Не взыщи на жалкомъ хромоногомъ каламбурѣ!...“

26го апрѣля 1852 года.

„Постъ прошелъ у насъ спокойно и... весело! Со второй недѣли на театрахъ начались концерты и всякая *чертовщина*: на Александринскомъ—труппа Ралло, на Михайловскомъ—фокусникъ Германъ, въ театрѣ-циркѣ Беккеръ и ковскія ристалища. Минувшій карнавальный сезонъ былъ очень хорошъ сборами: въ двадцать два представленія *Денщика* театръ былъ набитъ биткомъ: это одна изъ триумфальныхъ ролей брата Василія; писана для него, исполняется имъ сое amoge, при самой художественной гримировкѣ: это двѣ капли воды Петръ Великій! Сужденія о новой драмѣ очень разнорѣчивы: натуралисты находятъ ее ходульною, напыщенною, а я скажу—дай Богъ побольше такихъ прекрасныхъ пьесъ. Она напечатана въ *Сынъ Отечества*; ты непременно прочти ее. Теперь, по открытіи театра, въ услѣхѣ съ *Денщикомъ* состязается *Русская Свадьба* Суховина. Сценическими и литературными достоинствами она не отличается и новаго въ ней ничего нѣтъ, но именно старинной-то она и нравится: пѣсви, пляски, богатая постановка съ участіемъ личныя силы всей нашей труппы привлекаютъ публику, и пьеса эта вообще явленіе пріятное на нашей сценѣ. Теперь начнется рядъ лѣтнихъ бенефисовъ; много вздору предстоить публикѣ переслушать, а намъ грѣшнымъ переучить!..

„Май мѣсяцъ на дворѣ, а Нева еще и не думаетъ расходиться: барыня капризная! Съ ея прихвостницей Фонтанкой

будочники не церемонятся; безъ церемоніи въ шею протаакиваютъ... Все это не предвѣщаетъ хорошаго лѣта; а годъ-то на бѣду высокосный—правильнѣе *высоко-косный*, столько на-косла высокихъ лицъ безносая жица. Еще на дняхъ умеръ комендантъ Набоковъ; его всѣ хвалятъ, говорятъ былъ добрый и честный человекъ. Получено извѣстіе о кончинѣ Нестора русской словесности—Жуковского. Сегодня Българинъ посвящалъ его памяти цѣлый столбецъ въ своей *Пчелѣ*. Онъ же возсталъ недавно на московскихъ энтузіастовъ по поводу смерти Гоголя. И точно: Москва-матушка не знаетъ мѣры ни въ чемъ: хвалить, такъ ужъ прямо къ лику святыхъ причислать!... Миръ праху высокоталантаваго писателя: Россія его не забудетъ... Но зачѣмъ же забываютъ его неустовые поклонники читающіе Гоголя между строкъ? Хотятъ выставить его *святимъ* и *мученикомъ* за либеральныя идеи... У фанатиковъ свои святцы!“

13го сентабра.

„Душевно радъ твоему намѣренію побывать въ Петербургѣ. Ты не видалъ его три года, а для нашей столицы это то же что тридцать лѣтъ для другаго города. Пріѣзжай, есть на что полюбоваться. Читалъ ты въ газетахъ о смерти герцога Веллингтона, героя Ватерлоо? Теперь послѣдовалъ за нимъ другой, хотя и менѣе знаменитый, герой эпохи великой борьбы Европы съ Наполеономъ, нашъ министръ князь Петръ Михайловичъ Волковскій... Вообще въ нынѣшнемъ году для смерти богатая пожва: Гоголь, Жуковскій, Загоскинъ, Брюловъ и множество лицъ знатныхъ и чиновныхъ. Царство небесное Волковскому: много было недовольныхъ имъ, но онъ, какъ Марія Стюартъ у Шиллера, могъ сказать: „моя слава хуже меня“.

„Въ теченіе августа я часто бываю въ Петергофѣ у брата Василя, который жилъ тамъ на дачѣ. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ я остался у него ночевать, и утромъ, часовъ въ семь, пошелъ погулять по Дворцовому саду и зашелъ наконецъ къ Монплезуру. Утро было чудное. Я сѣлъ на берегу залива у домика Петра, любовался зеркальною поверхностью взморья, по которой носились пароходы... Любуясь всѣмъ меня окружавшимъ я неволью перенесся отъ настоящаго къ давно минувшему и въ моемъ воображеніи потянулись вереницею герои, событія, исполинскіе подвиги. Въ карманѣ

у меня нашелся клочекъ бумаги, карандашъ, и я сталъ набрасывать стихи... После нѣсколькихъ строкъ слышу позади себя голосъ дежурнаго камеръ-лакея:—Государь идетъ!—Я всталъ и отошелъ къ сторонѣ. Стекланные двери Монлезира отворились и оттуда вышелъ Николай въ шивели и бѣлой кавалергардской фуражкѣ. Подойдя къ мраморной балюстрадѣ террасы, государь орлинымъ своимъ взоромъ окинулъ взморье и случайно оборотился въ мою сторону. Подозвалъ...

„— Ты здѣсь живешь?

„— Никакъ нѣтъ, ваше величество, я здѣсь у брата.

„— Чтò жь, ты у него ночевалъ?

„— Точно такъ...

„Разспрашивая меня о братѣ, о театрѣ, государь прошелъ по длинной липовой аллеѣ солутствуемой мною. До свиданья, сказалъ онъ мнѣ на одномъ перекресткѣ,—кланяйся брату и не забывай Петергофа!

„По возвращеніи домой я занялся отдѣлкой стихотворенія начатаго мною въ Монлезирѣ. Читай и суди:

Люблю тебя я, Петергофъ,
 Петра Великаго творенье!
 Въ тебѣ отъ царственныхъ трудовъ
 Онъ находилъ отдохновенье...
 Твоихъ фонтановъ шумъ живой,
 Твои дворцы, сады, долины,
 Напоминаютъ вѣкъ другой,
 Роскошный вѣкъ Екатерины!
 Подъ тѣнью твоей густой
 Гулялъ Державинъ вдохновенный
 И ты, Рымникскій, нашъ герой
 Предъ кѣмъ дрожалъ Стамбулъ надменный!
 И ты, любимый счастья сынъ,
 Вождь сѣверной Семирамиды,
 „Полудержавный властелинъ“ *
 „Великодушный князь Тавриды“!... **
 Проходить длинный рядъ годовъ;
 То—устарѣло, то—драхлѣтъъ,
 А нашъ красавецъ, Петергофъ,
 Все годъ отъ года хорошеетъ!
 Цвѣти же, Петергофъ, во всемъ
 Отчизнѣ нашей подражая;

* Стихъ Пушкина.

** Стихъ Державина.

Въ ней насажденное Петромъ
Цвѣтетъ по волѣ Николая.

„Можешь смѣяться надъ моею смѣлостью что я воспѣваю Николая воспѣтаго Пушкинымъ *— смѣлость города беретъ, вотъ я и взялъ Петергофъ!... Не называй только льстецомъ; ей-ей, я не льстець—я только боготворю нашего Николая!... Иногда мысленно перебираю нѣкоторые эпизоды его двадцатисемилѣтняго царствованія, въ которыхъ онъ является не какъ вѣнценосець, но какъ человекъ съ мощною, истинно царственною силой воли и великодушіемъ истиннаго героя... Припомни: день 14го декабря, его поступки съ Гривье, съ семействами декабристовъ; переправу черезъ Дунай въ лодкѣ Залорожцевъ, поѣздку въ Москву во время холеры, усмиреніе бунта на Сѣвнкой, его поѣздку на Кавказъ, его отеческую заботливость о солдатахъ, во время пожара Зимняго Дворца, покровительство Пушкину, милости ко Крылову, Жуковскому, Полевому, Гоголю; вниманіе къ художникамъ, къ намъ, артистамъ... „Предоставимъ астрономамъ“ искать планеты на солнцѣ; но для меня Николай—красное солнышко Россіи!... До скорого письма, обнимаю тебя заочно.“

Мрачными, неизгладимыми чертами залечатлѣвъ 1853 годъ въ лѣтописяхъ отечественнаго театра. Съ 20 апрѣля по 13 марта, въ теченіе трехъ недѣль, петербургская сцена лишилась Я. Г. Брянскаго, Е. И. Гусевой и В. А. Каратыгина;—Москва своего великолѣпнаго Большаго Театра, обратившагося въ развалины послѣ двухсуточного пожара (11—13 марта).

О смерти трехъ петербургскихъ артистовъ подробно разказано въ *Запискахъ* П. А. Каратыгина; ** пожаръ Московскаго театра описанъ въ воспоминаніяхъ С. П. Соловьева, *** но, къ сожалѣнію, авторъ, очевидецъ пожара, обошелъ молчаніемъ подвигъ добраго русскаго человека *Марина*, спасшаго трехъ человекъ захваченныхъ пламенемъ на кровлѣ театральнаго зданія. Этотъ Маринъ, идучи на станцію желѣзной дороги, по которой намѣревался ѣхать въ Петербургъ, забѣжалъ по-

* Года черезъ два эти стихи были напечатаны въ небольшомъ сборникѣ сочиненій Каратыгина, обезображенные тогдашнею цензурой. Слова: „Полудержавный властелинъ“ были замѣнены другими совершенно бессмысленными: „Своихъ желаній властелинъ“.

** *Записки* П. А. Каратыгина, Спб. 1880, стр. 307—314.

*** *Русскій Архивъ* 1873, № 10, стр. 2.062—2.068.

глядѣть на театрѣ, и здѣсь Богъ привелъ ему совершить подвигъ рѣдкаго самоотверженія, тѣмъ болѣе достойный похвалы что самъ Маринъ не придавалъ ему никакого значенія. Вырываясь изъ объятій присутствующихъ онъ слѣпалъ на ставцію, боясь олоздать на чугунку, и смиренно просилъ оберъ-полицеймейстера Лужина „не задерживать его“ и не привлекать къ отвѣту. О подвигѣ Марина было доведено до свѣдѣннй императора Николая Павловича, и герой былъ награжденъ по-царски! Личность его и самый подвигъ послужили актеру П. Г. Григорьеву 2му темой для драмы: *Подвигъ Марина*, игравной на сценѣ Александринскаго театра осенью того же 1853 года.

Развалины Большаго Театра въ Москвѣ еще дымилась, когда въ Петербургѣ, въ ночь съ 12 на 13 марта, скончался Василій Андреевичъ Каратыгинъ, кончина котораго для нашей сцены, по отзыву современниковъ, была равносильна пожару Московскаго театра.

Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Василя Андреевича младшій его братъ и сотоварищъ по поприщу писалъ:

26го марта 1853 года.

„Вполнѣ понимаю твое удивленіе при извѣстїи о смерти моего брата; понимаешь и ты глубокую мою горестъ при этомъ ужасномъ событїи! Кто бы могъ ожидать этого? Полный жизни, здоровья, могучій атлетъ, съ миллиономъ про запасъ на черный день... а пришелъ этотъ черный день, и ничто не спасло его!... Смерть брата для меня такое же странное, непостижимое событіе, какъ пожаръ Зимняго Дворца (17 декабря 1837): Нева подъ бокомъ, Преображенцы подъ рукой; дворцовой прислуги бездна; всѣ 13 частей пожарной команды... а дворецъ горитъ до тла! У брата былъ громадный запасъ жизненныхъ силъ, денежныхъ средствъ достаточно; общее участіе, искренняя готовность помочь ему... и его нѣтъ! Смерть брата,—языческій fatum или, говоря языкомъ христіанина, воля святаго Провидѣннй: „положенъ предѣлъ, его же не преидеши“.

Два года тому назадъ онъ былъ въ гостяхъ у В. Г. Жукова. Нѣкто изъ гостей, купецъ Буторинъ, разговаривая съ братомъ о докторахъ, увѣрялъ что лучшее лѣченіе въ наше время гомеопатїя; что де онъ совсѣмъ умиралъ и его спасъ докторъ-гомеопатъ... И тутъ же Буторинъ далъ брату визитъ

ную карточку своего гомеопата съ его адресомъ: братъ положилъ ее въ жилетный карманъ и, разумѣется, забылъ о ней. Въ теченіе этого времени выдалъ онъ дочь замужъ; въ прошедшемъ году Богъ далъ ему внука, который мѣсяца черезъ четыре захворалъ.... Пригласили доктора (аллопата), и въ это самое время къ брату пріѣхала жена Андрея Андреевича Жандра, его стариннаго пріятеля, съ приглашеніемъ въ гости къ нему на именины. Братъ съ женой приняла приглашеніе, но за дочь извинилась, говоря что у нея боленъ ребенокъ.

„— Чѣмъ онъ боленъ?

„— Тѣмъ-то....

„— Кто лѣчитъ?

„— Такой-то....

„— Ахъ! говоритъ гостья,—возьмите гомеопата Г...т...да; онъ въ нашей семьѣ надѣлалъ чудесъ: спасъ меня и мужа, и дѣтей!

„Братъ съ женой похвалъ къ Жандру, и здѣсь разказы о чудесахъ гомеопатіи окончательно вскружили имъ голову. Возвратясь домой, братъ вспомнилъ о рекомендаціи Буторина, досталъ карточку гомеопата, и видитъ—фамилія того же Г...т...да. Послалъ за нимъ: болѣзнь внука оказалась мало-важною, и гомеопатъ помогъ ему.

„Подошла Масляница. Слегка простудившись въ поведѣльникъ, братъ на другой день жаловался на лихорадку и на головную боль, но не обращая особеннаго вниманія на свой недугъ продолжалъ играть до лятницы по два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Въ субботу ему сдѣлалось хуже: онъ отказался отъ спектакля и началъ пользоваться домашними средствами. Въ воскресенье послалъ за Г...домъ, который увѣрилъ больнаго и все его семейство что болѣзнь брата ничтожный ревматизмъ и что дня черезъ четыре онъ совершенно поправится. Между тѣмъ болѣзнь коварно вкрадывалась въ его организмъ дальше да глубже, хотя больнои, кромѣ слабости и сильной жажды, ничего не чувствовалъ. Такимъ образомъ дней десять онъ пролежалъ безо всякой помощи: гомеопатія съ ея выжидательною системою только развивала болѣзнь, которая оказалась головнымъ тифомъ. Гомеопатъ растерялся, просилъ сдѣлать консилиумъ съ другимъ врачомъ той же школы, но его самого попросили прекратить свои посѣщенія, а я похвалъ за Буяльскимъ. Этотъ умный, опытный врачъ пріѣхалъ, но было уже поздно: тифъ былъ въ пол-

номъ разгарѣ. 12го марта, по волю государя, былъ консилиумъ; съѣхались: Пелукавъ, Каррель, Бульскій, три знаменитые доктора... Но тутъ нуженъ былъ четвертый—врачъ души, а не тѣла. Я распорядился послать за духовникомъ, и черезъ два часа послѣ Св. Причащенія братъ скончался. Въ продолженіе всей своей болѣзни, до послѣдней минуты самосознанія, то-есть до начала агоніи, покойный былъ увѣренъ что болѣзнь не опасна и что онъ непременно выздоровѣетъ. Еще за вѣсколько часовъ до кончины, утѣшая и ободряя его, я говорилъ:—ты поправишься!—Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, отвѣчалъ страдалецъ, а смерть уже осыпала его своимъ крыломъ. Онъ скончался безо всякихъ мукъ: послѣдній періодъ болѣзни—эксудатъ въ мозгу, лишилъ больного способности думать, соображать; онъ находился въ постоянномъ забытьѣ и отъ безмятежнаго сна перешелъ къ непробудному. Онъ любилъ жизнь полную надеждъ и удовольствій; смерть казалась ему всегда еще такъ далека, а благодать Провидѣнія сокрыла отъ него сознание кончины. Самъ онъ не могъ молиться, отходя въ вѣчность, но мы все окружавшіе смертный одръ молились за него. Онъ скончался въ ночь съ четверга на пятницу, 13го марта, въ 12³/₄ часовъ. Описывать ли тебѣ скорбь его семьи и нашу горестъ?

„На другой день государь прислалъ фельдшера ко вдовѣ брата съ изъясненіемъ сожалѣнія объ ея уtratѣ. Выносъ тѣла покойнаго происходилъ въ воскресенье, въ 6 часовъ вечера, въ церковь Благовѣщенія при конной гвардіи. Народныя волны заливали набережную Мойки, площадь Синяго Моста и обѣ стороны Большой Морской; гробъ несли на рукахъ. Много я плакалъ при кончивѣ брата, еще того болѣе послѣ его кончины; но идучи за его гробомъ я осушил свои слезы въ томъ сознаніи что провожаю уже не кровнаго брата, а великаго художника. Народное сочувствіе давало ему полное право на этотъ почетный титулъ, знаменуемый лавровымъ вѣнкомъ на гробовой крышкѣ. За многолюдствомъ я не могъ пробраться въ церковь и поѣхалъ къ нашей матушкѣ-старушкѣ, которая по болѣзни не могла быть на выносъ: —Отдохни, родная; не плачь! сказалъ я ей: теперь народъ оплакиваетъ нашу потерю!

„На другой день при архіерейской службѣ было отлѣваніе. Въ церковь впускали по билетамъ. Гробъ олять до самаго Смоленскаго кладбища несли на рукахъ; стеченіе народа было

громадное. Ты помнишь какъ хоронили Крылова? На погребеніи брата было, конечно, влаторо больше: Крыловъ былъ помятея только людямъ грамотнымъ, а Каратыгинъ— безразлично всѣмъ. Грець говорилъ мнѣ что по стеченію народа эти, на его памяти, вторыя похороны; первыми по многолюдству были похороны Суворова *. Въ могилѣ гробъ былъ засыпанъ горстями земли брошенными на него присутствовавшими.

„Дней чрезъ пять я шелъ по Морской навѣстить мою вѣстку и встрѣтилъ государя. Онъ подошелъ ко мнѣ.

„— Скажи пожалуста, какое у васъ несчастье!

„— Воля Божія, ваше величество!

„— Расскажи мнѣ какъ это случилось?

„Я все подробно разказалъ, и государь сказалъ мнѣ, видимо тронутый:

„— Жаль, душевно жаль! Скорблю о немъ не только какъ о прекрасномъ артистѣ, но и какъ о человѣкѣ. Невозвратимая потеря!..

„Слезы были единственнымъ моимъ отвѣтомъ на слова нашего добраго государя. Продли Господи дни великаго царя, который такъ умѣетъ цѣнить народныя таланты...

„Странный случай! Наканунѣ смерти брата сторѣлъ въ Москвѣ Большой Театръ; а въ Петербургѣ съ его смертію на долго олочила наша драма. Театръ выстроить другой, но Каратыгина другаго не будетъ; можетъ-быть явится талантъ и выше его, но будетъ ли онъ такъ пламенно любить свое искусство? Въ *Ицель* и другихъ газетахъ ты найдешь полную его біографію; появились и стихотворенія на его смерть: многіе проснулись, когда онъ уснулъ. Кромѣ царя, никто не цѣнилъ его достойно при жизни: сочувствіе лублики выразилось послѣ смерти артиста... Обычная судьба русскихъ талантовъ; вслони Пушкина, Полеваго, Лермонтова и др. Но смерть брата не есть ли *fatum*, какъ я говорилъ выше? Какое таинственное сцѣвленіе обстоятельствъ: эти настойчивыя рекомендаціи гомеопата, эта визитная карточка два года пролежавшая въ жилетномъ карманѣ, точно подорожная на

* Грець въ данномъ случаѣ измѣнила его прекрасная память или онъ говорилъ это въ угоду брату покойнаго: въ погребеніи князя Михаила Илларионовича *Голенищева-Кутузова-Смоленскаго* (въ 1813 году) принималъ участіе весь городъ.

тотъ свѣтъ и т. д. Братъ не былъ суевѣренъ, но много страшныхъ случаевъ въ его домашнемъ и закулискомъ быту были какъ бы предзнаменованіемъ его смерти... Послѣ когда-нибудь напишу о нихъ. Прощай, будь здоровъ!⁴

Потрясающее, глубокое впечатлѣніе произведенное кончиной брата на П. А. Каратыгина едва не стоило ему жизни: медля черезъ три послѣ похоронъ онъ опасно заболѣвъ воспаленіемъ легкихъ и до осени не появлялся на сценѣ. Съ кончиной Каратыгина старшаго какъ бы порвалась связь между его братомъ, всею труппой и театральною администраціей. Покойный Петръ Андреевичъ закончилъ свои *Записки* воспоминаніями о братѣ, какъ будто съ его кончиной прекратилась артистическая и авторская дѣятельность нашего заслуженнаго водевиллиста. Оно и на самомъ дѣлѣ было такъ. Попытки преемниковъ трагика поддержать въ публикѣ любовь къ классической сценѣ оказались безуспѣшны; на смѣну драмамъ Полеваго и Кукольника явились пьесы изъ народнаго быта, новаго направленія. Водевилъ утратилъ въ глазахъ публики прежнюю привлекательность; зрители стали требовательнѣе и какъ бы скупѣе и на слезы, и на смѣхъ. Словомъ, и въ литературѣ, и въ драматургіи повѣяло чѣмъ-то новымъ.

8го августа.

„Лѣто такъ быстро промелькнуло что я, какъ говоритъ стрекоза въ баснѣ, *не успѣлъ оглянуться*.... какъ надббно было посылать за возами чтобы съ дачи ѣхать обратно въ душный городъ.... Но за то ужъ и лѣто было: такого и въ десять лѣтъ не дождемся... спасибо ему! Не думай однакоже чтобъ я въ самомъ дѣлѣ, какъ стрекоза, не залася на зиму. Взявъ отпускъ на цѣлое лѣто, я не игралъ около полугода, поправился физически и морально и написалъ для бенефиса три пьесы. За вкусъ не берусь, а сострипалъ горячо. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ моей комедіи * названо твоимъ именемъ и отчествомъ: это честный старый служака—стало-быть весь въ тебя. Лица которымъ я читалъ мою комедію судятъ ей вѣрный успѣхъ, но я этому плохо вѣрю. Наша публика (говоря

* *Дядюшка на трехъ ногахъ*. Особенно блестящаго успѣха она не имѣла.

о массѣ) калризна какъ баба, на нее мудроно угодить. По смерти брата роли его перешаи на всю нашу тцедушную братію. Кафтаны съ его плеча, разумвется, не всякому впору и роли многимъ не по плечу... да смѣлость и города беретъ! Большая часть братнивыхъ преемниковъ въ его костюмахъ напоминають или Ворову въ лавиныхъ лерьяхъ, или Тришкинъ кафтанъ, да лубликъ (повторяю массѣ) все равно; ей—кто ни поль—тотъ батька: такъ же вызываютъ, шумать и всѣмъ довольны. На дняхъ Максимовъ игралъ Гамлета; а смотрѣть не лошелъ, но театръ былъ половъ биткомъ и шуму и восторгу было много. Относительно покойнаго брата ни одна піеса не цмѣтъ такого множества аппликацій; устами безсмертнаго поэта высказываются людямъ горькія истинны

Быль у насъ въ чести не малой
Левъ—да часть его пришелъ:
Счастье львиное пропало—
И теперь въ чести.... пѣтухъ!

„Или еще: *своронили—позабыли!*... А сравненіе портретовъ прежняго короля и новаго? А черепъ Юрика?... Грустно, другъ! но такъ быть должно; всему свой чередъ... Не бросать же трагедіи потому что нѣтъ трагика; за неимѣніемъ гербовой, лишуть и на простой; на безлюдьи и Ома дворянцы!

„Посылаю тебѣ мою басенку написанную третьяго дня и посвященную новымъ трагикамъ:

Случалось ли вамъ видѣть барскій домъ
Въ которомъ нѣкогда хозяинъ жилъ на славу:
Искусство, вкусъ и умъ тутъ виденъ былъ во всемъ
И уваженъ всѣхъ онъ приобрѣлъ по праву.
Въ томъ домѣ чудные бывали вечера;
И что ни вечеръ, то и массажденю праздникъ....
Но вотъ пришла его блестящая пора,
И золото смѣнила мишура
И вмѣсто барина, живетъ купецъ-лабазникъ!
Снаружи—тотъ же домъ; за то внутри—
Хоть не смотри!

Вчера случилось мнѣ въ театрѣ видѣть
Кой-что..., да не могу я никого обидѣть;
Воронъ мудроно въ гнѣздѣ орлиномъ быть....
Но я молчу чтобы „гусей не раздразить“!

„Роли покойнаго трагика подѣлили между собою: Максимовъ 1й, Славинъ, Степановъ; прибывшіе изъ провинціи

Яковлевъ, Двѣпровскій, Брянцевъ (Леоновъ), М. Максимовъ; наконецъ—достоинѣннѣйшій изъ всѣхъ его преемниковъ: Леонидовъ.

„Максимовъ вполнѣ добросовѣстно отвесилъ къ роли Гамлета и исполнилъ ее, по крайнему своему разумѣнью и по мѣрѣ силъ, удовлетворительно. Онъ, выражаясь закулискимъ языкомъ, *не убилъ* этой роли, но она могла его убить: физическія силы артиста видимо уладили послѣ каждой латентической сцены. Осылая дебютавта рукописскими, публика вознаграждала его за отважную попытку воскресить въ своемъ лицѣ гениальное созданіе Шекспира совершенно въ иномъ обликѣ противу того каковымъ видѣли Гамлета въ лицѣ Каратыгина. Нѣкоторые театральные рецензенты, превознося дебютавта выше покойнаго трагика, вмѣняли Максиму въ особенную заслугу его тщедушную наружность и физическое безсиліе. Во всякомъ случаѣ онъ угодилъ и публикѣ, и рецензентамъ. Не задолго до дебюта, сообщая П. А. Каратыгину о прилежномъ изученіи загадочнаго характера принца Датскаго, Максимовъ сказалъ ему что даже выдержалъ экзаменъ на эту роль.

„— У кого же ты экзаменовался? спросилъ Каратыгинъ.

„— У Карла Ивановича Л-тона *, онъ прослушивалъ меня по англійскому подлиннику. Читалъ я у него въ погребѣ, предъ цѣлою фалангой бутылокъ. Приступая къ чтенію Л-тонъ сказалъ:—Максимовъ, если ты прочтешь Гамлета какъ слѣдуетъ, мы разольемъ все; вѣтъ, я не дамъ тебѣ ни капли вина!—Я прочелъ, и мы разлили все до капли.... Не помню какъ я и дома очутился!

„— Л-тонъ тебя напоилъ, а я воспую! отвѣчалъ П. А. Каратыгинъ и на другой же день прочиталъ Максиму слѣдующее:

Съ покойнымъ трагикомъ чтобы вступить въ борьбу
Максимовъ нашъ зашелъ далеко;
И у Гордона въ погребу
Гамлета изучалъ глубоко!
Хоть этотъ способъ можетъ-быть
Инымъ покажется и страненъ;
Но надо то сообразить
Что погребщикъ былъ Англичанинъ!
Держа въ рукахъ оригиналъ

* Известный всему Петербургу владѣлецъ виннаго погреба подъ фирмою: „Гордона“—человѣкъ добрый, любезный и отлично образованный; страстный театралъ.

Гордонъ переводилъ Шекспира слово въ слово,
 Максимовъ передъ нимъ роль Гамлета игралъ
 По переводу Подемова...
 И долгій разговоръ они о томъ веда
 Какъ въ переводахъ намъ Шекспиръ не удается;
 Но много ли они вина перевели—
 Во мракѣ погребѣ сокрытымъ остается!

„Максимовъ хохоталъ до слезъ и самъ читалъ эту шутку
 многимъ знакомымъ....“

„Но отъ смѣха и шутокъ перейдемъ ко времени нешуточ-
 вому. Слухи о разрывѣ съ Турціей носившіеся съ весны 1853
 года оправдались осенью: 22го октября послѣдовалъ высочай-
 шій манифестъ объ открытіи военныхъ дѣйствій.“

„Бъ первому полугодію эпохи Восточной войны (съ 3го
 октября 1853 по апрѣль 1854 года) относятся слѣдующія
 письма П. А. Каратыгина, любопытныя, какъ отголосокъ
 тогдашняго настроенія умовъ.“

8го ноября.

„Моя комедія, мой *Дядюшка на трехъ ногахъ*, твой тѣзка—
 не осрамился, устоялъ и сошелъ съ рукъ благополучно.
 Успѣхъ былъ совершенный: меня вызвали три раза, вѣроятно
 по той аналогіи чтобы не было завидно ни одной изъ трехъ
 ногъ. На Александринскомъ *Дядюшка* мой шелъ 23го октя-
 бря, а 25го мы играли его въ Царскомъ Селѣ въ покояхъ
 царицы (въ Николаевскомъ Дворцѣ). Здѣсь онъ также про-
 шелъ молодцомъ, не поскользнулся и не слоткнулся ни на
 дворцовыхъ паркетахъ, ни на коврахъ. Государь при-
 слалъ мнѣ сказать чрезъ министра двора что моя піеса
 ему очень понравилась. Здѣсь же предъ началомъ спек-
 такля я прочелъ доброму моему знакомому ротмистру
 Слѣпцову, адъютанту наследника цесаревича, стихи напи-
 санные мною по случаю манифеста о войнѣ. Слѣпцову
 они очень понравились, а въ антрактѣ онъ показал ихъ
 цесаревичу. Прочитавъ стихи, его высочество выразилъ
 желаніе чтобы стихи при напечатаніи были посвящены его
 имени. На другой же день я, разумѣется, форменнымъ обра-
 зомъ отправилъ ихъ чрезъ штабъ его высочеству, и вчера
 стихи мои были напечатаны въ *Инцидентъ*. Не знаю, полу-
 чаешь ли ты эту газету, и на случай посылаю вырѣзку. На
 дняхъ получилъ я приглашеніе въ Гатчино, куда переѣхалъ

Дворъ: великіе князья предполагаютъ устроить домашній спектакль, будутъ участвовать сами, и я выбравъ быть ихъ „режиссеромъ и учителемъ“. Эта честь достается мнѣ уже второй разъ. Въ Гатчинѣ пребываніе Двора не стѣснено особеннымъ этикетомъ, образъ жизни чисто семейный. Я душевно радъ этому лестному приглашенію: домашній спектакль доказываетъ что царь-батюшка желаетъ повеселиться даже и при невышнихъ грозныхъ обстоятельствахъ. И въ добрый часъ! Кто его любитъ—долженъ вдвое радоваться его веселію. Завтра же я отправляюсь въ Гатчину по новой (Варшавской) желѣзной дорогѣ. На релетиціяхъ нашихъ вѣроятво будетъ и самъ государь. О всемъ послѣдующемъ напишу тебѣ подробно.

„Представленія Рашели на Михайловскомъ театрѣ производить большой эффектъ; цѣны страшныя, но театръ набить биткомъ. Я видѣлъ ее въ *Маріи Стюартъ*: эта роль не въ ея родѣ; мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть ее въ Расиновскихъ и Корнелевскихъ трагедіяхъ. На сценѣ она хороша собой и дѣйствительно гениальная актриса; зато окружающіе ее актеры, съ которыми она развѣзжаетъ по Европѣ, ниже всякой посредственности.... „какіе-то уроды съ того свѣта“. Не думаю однако чтобъ успѣхи Рашели были продолжительны: надобно вытерпѣть много скуки чтобы дождаться ея сценъ, и потому представленія ея вообще утомительны.“

19го января 1854 года.

„Въ настоящее время политика занимаетъ всѣхъ и каждого, отъ вельможи до послѣдняго лавочника, который разчитываетъ надбавить лишній рубль на заграничные товары. У насъ въ театрѣ теперь ежедневно даютъ новую патріотическую піесу Кукольника: *Морской Праздникъ въ Севастополь*. Это современный разказъ о славной Сиволской битвѣ... Театръ бываетъ буквально биткомъ набить. При первомъ представленіи восторгъ былъ необычайный: лублика кричала ура и восторгъ ея локуда еще не остываетъ. Особенныхъ достоинствъ піеса не имѣетъ, но изящная обстановка, чувство національной гордости и современные событія возбуждаютъ общій энтузіазмъ. Много патріотическихъ стихотвореній появилось съ моей легкой руки: одни ходятъ въ рукописи, другія въ печати. Горжусь тѣмъ что мой ничтожный голосъ первый откликнулся на призывъ батюшки-царя!..

Давно ли Турціи Россія не страшна?
 Откуда дерзости набрались Оттоманы?
 Давно ль побѣдные штыки и знамена
 Переносили мы за грозные Балканы?
 Или напомнить имъ бываыя времена,
 Мѣста, свидѣтели кровавыхъ споровъ,
 Гдѣ обезсмертили навѣки имена
 Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ!
 Еще ли Азія не знаетъ русскихъ силъ?
 Забыла Наваринъ, Чесму, Адрианополь,
 Очаковъ и Кагулъ, Браиловъ, Измаилъ
 И бой послѣдній, гдѣ едва не отворилъ
 Своихъ воротъ Константинополь!
 И смѣетъ Турція намъ объявлять войну!..
 Иль въ заблужденіи она по волѣ рока;
 Или нашла затмѣнье на луну;
 Или къ паденію близка звѣзда Востока?
 Коль Турція сама насъ вызвала на бой: •
 За дѣло правое на брань вооружимся
 И „въ упованіи на Господа душой
 „Во вѣки мы не постыдимся!“
 Съ надеждой твердою и вѣрой во Христа,
 Съ любовью къ Царю пойдутъ сыны Россіи,
 И снова заблеститъ сіяніе креста
 На куполѣ святой Софіи!“

Послѣдніе четыре стиха для печати были измѣнены:

Съ любовью къ Царю и вѣрой во Христа
 Пойдемъ, и насъ спасутъ во время грозной битвы
 Святая благодать весельнаго креста
 И церкви православныя молитвы!

„Сочетаніе трехъ евангельскихъ добродѣтелей и крестъ Св. Софіи“, писалъ Каратыгинъ, „казалось мнѣ, довольно удачно... во государь, мой верховный цензоръ и прозорливѣйшій политикъ, нашелъ что подобное предсказаніе несвоевременно... и амивъ!“

Кромѣ піесы Кукольника въ теченіе 1854 года на русской сценѣ появились слѣдующія патріотическія піесы: *Ветеранъ и Новобранецъ*, Писемскаго, *За стѣну, Царя и отечество*, Григорьева Іго, *Англичане подъ Галле-Карлебо*, *Русскіе въ 1854 году*, *Подвигъ Ширванскаго полка*, неизвѣстныхъ авторовъ; опера А. Ѳ. Львова: *Русскій Мужичекъ* (староста), піеса

В. В. Самойлова: *Плачь Чухонца*; наконецъ большое впечатлѣніе производила на публику живая картина: *Ночь на бивуакахъ...*

Одно изъ представлений оперы Львова было ознаменовано слѣдующимъ эпизодомъ. На сценѣ, по ходу пьесы, происходила схватка между крестьянами и французскими мародерами 1812 года. Статисты Михайловскаго театра (Французы), войдя въ свои роли, восплались чувствомъ національной гордости, вздумали не шутя защищаться отъ нападенія театральныхъ крестьянъ и вопреки оперному либретто едва ихъ не одолѣли; отбиваясь отъ деревянныхъ долотъ и дубья, они рубились такъ что щелы летѣли, а двухъ-трехъ хористовъ порядочно оцарали... Послѣшно случившаяся завѣса прекратила это импровизованное побоище. *Плачь Чухонца*—пѣсня, которую В. В. Самойловъ исполнялъ въ костюмѣ, производилъ фуроръ и артиста заставляли повторять ее по нѣскольку разъ. Типичный налѣвъ этой пѣсни:

Лайба былъ моя не пустъ,
Какъ я павылъ на Тавастгусъ...

распѣвали всё, отъ мала до велика, какъ и „Воеводу Пальмерстона“; шарманки не давали ея прохода.

Между тѣмъ въ Петербургѣ формировалось морское ополченіе; поговаривали и о сухопутномъ; молодежь всѣхъ сословій толпами стремилась поступать вольноопредѣляющимися въ военную службу. Къ этому періоду относятся слѣдующія письма.

2го марта 1854.

„Время у насъ настало бурное по милости сумасбродной политики. Петербургъ объявленъ на военномъ положеніи, а дѣломъ, говорятъ, будетъ въ осадномъ... Городскихъ слуховъ не оберешься; между прочимъ толкуютъ будто бы въ Балтійское море идетъ цѣлая армада съ заморскою пушерой. Ты помнишь, вѣроятно, мои письма о событіяхъ 1849 года; но вышедшая сумятица, право, перещегодала то сумасбродное время... Чего хотять эти рыжіе бульдоги, продажные Пальмерстоны, локульные Французы съ ихъ фигляромъ Наполеономъ III? Племянникъ начинаетъ свое царствованіе тѣмъ чѣмъ его дядя кончилъ—походомъ на Россію! Третій намѣревается идти по слѣдамъ *Перваго*, позабывъ что этотъ слѣдъ былъ усѣянъ костями *великой арміи*. Еще ли пресловутому Западу не запала дорога къ суровому Сѣверу? Дядюшка ожегся на сухомъ пути, а племянника, чего добраго, утопить

дружба его морскихъ союзниковъ... Хорошъ союзъ! И какая честная, благородная цѣль! Племянникъ протягиваетъ дружественную руку народу по милости котораго дядюшка протянулъ ноги. Турки рѣжутъ христіанъ, и двѣ христіанскія державы помогаютъ Туркамъ... Не явная ли насмѣшка надъ правами международными и человѣческими?! Теперь политика залутана Гордіевымъ узломъ, и нашему Николаю, какъ новому Александру, предстоитъ разсѣчь его мечомъ. Восстаніе христіанъ на Востокъ—отрадная заря надежды, предтеча восхода солнца правды; но зачѣмъ этому восходу предшествуетъ кровавая роса?

„Воля твоя, но надобно имѣть слѣшкомъ мало вѣры чтобы сомнѣваться въ непреложномъ законѣ святаго Промысла... Посрамимся мы, посрамится и святая вѣра!.. Неужели же Господь попуститъ восторжествовать надъ нами мусульманамъ, фарисейски иудействующимъ Англичанамъ и отступникамъ Французамъ? Выкая въ хитрыя усложненія политики нельзя не видѣть въ нихъ какого-то таинственнаго предопредѣленія. Нашъ царь, по своему милосердію, избѣгалъ войны, дѣлалъ уступки, сносилъ оскорбленія, но и его терпѣніе истощилось! Пошли же ему Богъ силы и здоровья, а ума у него хватить на цѣлую дюжину заморскихъ хитрецовъ... Вѣрю въ царя, люблю его и надѣюсь на него!“

25го августа.

„Лѣто прошло довольно скучно, а между тѣмъ оно было такъ хорошо что не скоро дождемся другаго такого же. На дняхъ я былъ въ Кронштадтѣ, любовался нашими фортами... Не поздоровится Непиру если онъ вздумаетъ осадить Кронштадтъ. А каковы Англичане съ ихъ подвигами на Соловецкомъ? Подлецы!... Дерутся съ монахами, грабятъ монастыри и беззащитныхъ Чухонъ. Грустно жить въ такое гнусное время! Въ Европѣ диктаторствуетъ прощальнага, бавкрутъ чести и совѣсти подъ громкою фирмой, и ополчившійся Западъ предъ нимъ рабобѣдствуетъ! Весь этотъ Восточный вопросъ—дикая мистификація. Кто кого дурачить? Чѣмъ все это кончится?“

„13 августа у насъ въ Измайловскомъ полку былъ страшный пожаръ: выгорѣло на пролетъ семь ротъ и слѣшкомъ сотня домовъ. Подозрѣваютъ поджоги; но мнѣ кажется причина частыхъ пожаровъ просто необыкновенно жаркое и сухое лѣто.“

12го января 1855.

„Въ Петербургѣ всѣ идетъ обычнымъ чередомъ: италянская опера частенько расливается въ лустомъ театрѣ; балетъ прихрамываетъ; Французы надѣла... Одна наша Александринка бредетъ себѣ съ горемъ пополамъ. Вчера мы схоронила Елену Яковлевну Сосницкую... Новая незамѣнимая потеря для театра! Грустно подумать какъ въ послѣдніе два года нашъ народный театръ уничтожается. Какъ оглянешься на прошлое, да слочишь съ настоящимъ, такъ у насъ въ театрѣ теперь не *труппа*, а *труппъ*. Гдѣ наша „старая гвардія“ гдѣ прежняя безкорыстная любовь къ искусству? Нашъ вѣкъ—вѣкъ обмана, лутни и лошаой прозы; достойнѣйшее его чадо, *онъ*—державный Жильблязъ, герой 2 декабря, усыпавшій совѣсть въ современной Франціи. Неужели же она никогда не проснется?

„Вечеромъ, 17 февраля, городскимъ подлищикамъ нашихъ газетъ разославъ былъ слѣдующій бюллетень:

„Болѣзнь его императорскаго величества началась легкимъ гриппомъ; съ 10 же февраля, при слабыхъ подагрическихъ припадкахъ, обнаружилась лихорадка.

„Вчера, съ появленіемъ страданія въ правомъ легкомъ, лихорадка была довольно сильна. Ночь его величество провелъ безъ сна.

„Сегодня лихорадка нѣсколько слабѣе и изверженіе легочной мокроты свободнѣе. *М. Мандтъ, Енохинъ. Др. Карель.*“

На слѣдующее утро, 18 февраля, въ церквахъ гвардейскихъ полковъ отслужены были молебствія о здравіи государя. Въ исходѣ перваго часа по столицѣ разнеслась вѣсть о его кончинѣ. Боясь вѣрить, тысячи лицъ всѣхъ сословій устремились къ Зимнему Дворцу и съ ужасомъ убѣдились въ истинѣ. Въ послѣдующіе дни къ разказамъ о послѣднихъ минутахъ покойнаго императора примѣшались неизбежныя суевѣрныя сказанія о предвѣщаніяхъ кончины державнаго страдальца. Припоминали странное появленіе бѣшенаго волка, забѣжавшаго въ ноябрѣ 1854 года съ Каменнаго Острова на Сергіевскую улицу и убитаго близъ Таврическаго сада; разказывали объ ошибкѣ діакона Казанскаго собора возгласившаго въ недѣлю Православія вмѣсто многолѣтія „вѣчную память“ императору Николаю Павловичу; увѣряли будто бы

за недѣлю до его кончины на кровлю Зимняго Дворца садилась какая-то огромная черная птица... Но оставимъ область легендъ и прочтемъ слѣдующее письмо современника потрясающаго событія 18 февраля.

1го марта.

„Давно не писалъ я тебѣ, добрый другъ, но въ этотъ короткий промежутокъ времени мы прожили ужасную эпоху! Искренно говорю тебѣ: руки опустились, не до писемъ было... Нашъ сѣверный плодникъ, краса и честь земли Русской—самъ обратился въ землю... Страшно вспомнить! Какъ поразила насъ первый бюллетень о болѣзни государя; ударъ былъ до того неожиданъ что ошеломилъ всѣхъ! Взявъ извозчика я поскакалъ ко Дворцу, но тамъ у подъѣзда стояло множество экипажей и разставлены были жандармы. На встрѣчу мнѣ попался Ободовскій, * который выѣзжалъ изъ дворца... Махнувъ мнѣ рукой, онъ закричалъ страшное слово еще и теперь отдающееся у меня въ ушахъ: *скомчался!!* я выскочилъ изъ саней, подбѣжалъ къ Ободовскому, и мы, рыдая, бросились другъ другу въ объятія...

„Когда я лишился отца, мнѣ было 23 года: въ молодости горестъ легче переносится; но потеря Николая возбудила во мнѣ болѣе сознательную, болѣе глубокую, сыновнюю горестъ. Ты знаешь какъ я былъ счастливъ пользуясь милостивомъ его благосклонностью. Бывало мнѣ ни разу не случалось встрѣтиться съ нимъ, мелькомъ увидѣть его, безъ того чтобъ онъ не остановилъ меня и не порадовалъ добрымъ привѣтомъ или ласковымъ словомъ. Вся моя семья заллакала навзрыдъ, когда я вернулся домой съ этою роковою вѣстью. Неисповѣдны пути Божіи; но въ какое время Господь отдалъ у Россіи ея доблестнаго путеводителя! Умеръ первый царь и первый честивѣйшій человекъ современной Европы. Со смерти Петра I не было царственной утраты болѣе тяжелой для Россіи... Но смерть Петра не могла имѣть особенно сильнаго вліянія на дѣла Европы, потому что сама Россія того времени еще не была страшна Западу... Она была тогда отроковицею, теперь—въ лѣтахъ совершенныхъ, сильна, могуча. Въ лицѣ Николая Европа теряетъ строгаго рев-

* Платонъ Григорьевичъ Ободовскій, старинный другъ семейства Каратыгиныхъ, былъ преподавателемъ русской словесности у великихъ князей и великихъ княженъ.

вителя чести, правды, порядка и заклятого врага безначалія... Какая же страшная утрата для друзей правды, какое торжество для анархистовъ! Великъ Аллахъ! скажутъ Турки. Сама судьба намъ помогаетъ! воскликнутъ ихъ безбожные союзники... Его святая воля! скажетъ истинный христианинъ: быть-можетъ усолшему царю суждено было пасть очистительною жертвою къ прекращенію нынѣшней чудовищной войны. Съ такимъ гигантомъ, одареннымъ непреодолимою силой воли, каковъ былъ покойный, Россія могла быть страшна своимъ врагамъ, — но онъ отошелъ въ вѣчность какъ Моисей, на границѣ той обѣтованной земли въ которую онъ велъ Русскій народъ.

„Не стану описывать церемоніала похоронъ,—ты найдешь все это въ газетахъ. Во время печальной процессіи я стоялъ у Александровской колонны... Сердце сжалось и завывало при мысли *чей* гробъ стоялъ на колесницѣ выѣхавшей изъ главныхъ воротъ дворца. На козлахъ сидѣлъ любимый кучеръ покойнаго, который былъ съ нимъ безотлучно: въ послѣдній разъ онъ везъ добраго своего господина! На гробовой крышкѣ лежала казацкая шалка... На обратномъ пути я поравнялся съ двумя казаками; они шли, со слезами на глазахъ, разговаривая между собою.

— Да, братъ, нашу шалку положили царю на гробъ... Вотъ оно что! говорилъ одинъ.

„Я не могъ не вмѣшаться въ ихъ разговоръ:

— Да, братцы, у царя, кромѣ его вѣщевъ, много было и шалокъ, и касокъ, а онъ выбралъ вашу, казацкую... Гордитесь этою честью и передайте дѣтямъ объ этомъ отличіи... Заслужите ее вѣрой и правдой новому Царю!

— Что жъ, отвѣчалъ казакъ,—въ нынѣшнюю войну у меня двоихъ братьевъ убили, а я по своей волѣ иду въ походъ, да и всѣ мы за Царя рады въ огонь и въ воду.

„Каковъ хозяинъ—таковы и слуги!“ говоритъ пословица вашихъ нынѣшнихъ враговъ, Французовъ.

„На пятый день кончины обожаемаго мною Николая я ходилъ во дворецъ прощаться съ усолшимъ. Его не баальзамировали, а преларировали по новому слобу, вспрыскивая въ артерію креозотъ или какую-то составную химическую жидкость... Не умѣли сохранить жизни его, не умѣли уберечь тѣла отъ тлѣнія и послѣ смерти... На пятый день потемнѣвшій ликъ покойнаго былъ закрытъ плотною кисеей!

„Прилагаю два стихотворенія по поводу кончины государя; первое—престарѣлаго Ф. Н. Глинка (напечатанное 24 февраля въ *Пчелѣ*); второе рукописное—Тютчева. Стихотвореніе Глинка мѣстами слабовато: стихъ измѣняетъ старику; за то неизмѣнны чувства. Стихи Тютчева на нынѣшній годъ, написанные два или три мѣсяца тому назадъ, проникнуты какимъ-то пророческимъ духомъ.“

1.

Все та же, какъ вчера, столица,
 Все то же въ ней встрѣчаетъ взоръ:
 Зачѣмъ же въ траурѣ царица?
 Зачѣмъ въ смятеніи царскій дворъ?
 Все та жь картина, въ тѣхъ же рамкахъ:
 Рады огней, дворцы, народъ,
 Всеночныя холенья въ храмахъ....
 Кого же ночь не застаесть?
 Кому не свѣтитъ, какъ былая,
 Луна на ледяномъ стеклѣ?
 Его — монарха Николая —
 Не стало на родной землѣ!

Когда отъ мала до велика
 На мощный гласъ царева клика
 Вся Русь вскипѣла, какъ въ котлѣ,
 Молитвы къ Богу возсылая,
 Его — монарха Николая —
 Не стало на родной землѣ!

Пройдетъ весна, и жизнь повѣетъ
 Въ долинахъ царственныхъ садовъ,
 И вновь заблещетъ, засвѣтитъ
 И водометный Петергофъ,
 И собственныи приютъ нагорный,
 И царскосельскій лебедь черный
 Мелькнетъ опять въ вечерней мглѣ....
 Но солнце вышнее, пылаа,
 Уже монарха Николая
 Не смычетъ на родной землѣ!

Не смычетъ! Трауръ—наша доля,
 Пройдетъ съ конца и до конца,
 И дѣти у Севастополя
 Узнаютъ о судьбѣ отца!

И за стѣнами новой Трои
 Услышать грустную моаву,
 Что Гекторъ нашъ, державшій боу,
 Склонилъ на вѣчный одръ гааву!...
 И недругъ, бомбы разсылая,
 Въ гнѣздѣ имъ свитомъ на скалѣ:
 „Ужель“, восклицаетъ — „Николая
 „Не стало на родной землѣ?!“

Не стало!... Но съ землей онъ чудно
 Разстался, выказавъ свой нравъ:
 Когда душѣ такъ было трудно
 Держать надсомаенный составъ,
 Свой санъ, свои моря и сушу,
 Смирясь сложилъ у ногъ Креста,
 И въ руки теламъ Христа
 Онъ отдалъ царственную душу!

Но Русь еще не сиротѣеть,
 Пылаеть вѣры въ ней аатарь:
 Надъ ней надеждой новой вѣтеть
 И къ ней выходить новый Царь!
 Въ Крыму, на Кяхтѣ, на Олонцѣ,
 Для всѣхъ племенъ, во всѣхъ краяхъ,
 Одно еще не скрылось солнце,
 Другое всходитъ ужъ въ лучахъ!...
 И въ бурномъ круговомъ пожарѣ
 Залоги свѣтлой тишины
 Намъ свѣтать въ новомъ Государѣ,
 Какъ въ дни бывалой старины.
 Какъ сынъ, объявъ свою Россію,
 Онъ ей же будетъ и Отецъ:
 Могистой блазъ обложитъ выю,
 Изъ счастья ей сплететъ вѣнецъ!
 И, предковъ съ мудростью былою,
 Онъ нужды подданныхъ пойметъ,
 И, кроткій, милости полою
 Слезу у нищаго отретъ!
 Но миръ и радость разсылая
 Все вспомнить, съ грустью на челѣ,
 Что ужъ монарха Николая,
 Не стало на родной землѣ!

2.

Стоимъ мы сѣтло предъ судьбою, —
 Не намъ сорвать съ неа покровъ!

Я не свое тебѣ открою,
 Но бредъ пророческій духовъ.
 Еще намъ далеко до цѣли:
 Гроза реветъ, гроза растеть,
 И вотъ — въ желѣзной колыбели,
 Въ громахъ родится Новый Годъ!
 Черты его ужасно строги;
 Кровь на рукахъ и на челѣ;
 Но не однѣ войны тревоги
 Несетъ онъ міру на землѣ!
 Не просто будетъ онъ воетель;
 Но исполнителъ тяжкихъ каръ,
 Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
 Давно обдуманый ударъ.
 Для битвы онъ посланъ и расправы.
 Съ собою несетъ онъ два меча:
 Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
 Другой—сѣкиру палача...
 Но для кого?... Одна ли выа,
 Народъ ли цѣлый обреченъ?
 Слова неясны роковыя
 И смутенъ замогильный сонъ.

30го апрѣля.

„Со дня на день ждемъ нашихъ западныхъ злодѣевъ, и хотя почти увѣрены что дѣла они не надѣлаютъ, а тревоги будетъ много. Ты спрашиваешь у меня, пишу ли я что-нибудь, ждешь отъ меня чего-то великаго.... Эхъ, голубчикъ, твои ожиданія—гора родящая мышь. Хотя мое самолюбіе никогда не лѣзло въ гору, но лосуди ты самъ: что писать? для чего и для кого? Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣдуетъ открытіе театровъ. Времени, конечно, много; но какихъ событій ни совершится въ этотъ періодъ времени! Родъ сочиненій мною избранный требуетъ спокойнаго и веселаго настроенія духа; но возможенъ ли онъ теперь? Наши лучшіе сценическіе корифеи другъ за другомъ уходятъ за замогильныя кулисы. Не прошло двухъ мѣсяцевъ какъ мы схоронили Сосницкую, а теперь мужъ ея при смерти,—что-то въ родѣ ломѣшательства,—и если искусство врачей возвратитъ его къ жизни, то едва ли онъ появится олять на сценѣ. Теперь изъ всей нашей труппы, я, по Сосницкомъ, старѣйшій актеръ: а мнѣ всего лятьдесятъ лѣтъ! И еще есть люди которые говорятъ будто наше ремесло и весело, и легко... Грустно!“

18го іюня.

„Благодѣтельное дѣйствіе весны разогнало мою зимнюю хандру. По переселеніи моемъ на дачу, въ Лѣсной, легче стало на душѣ и изъ элегическаго тона я готовъ перейти въ идиллическій. Свобода отъ должности, частыя и продолжительныя прогулки по полямъ да лѣсамъ тѣшатъ мою лѣнливую натуру и мнѣ привольно, почти отраднo, несмотря на то что Англо-Франдузы стоятъ на сѣверномъ фарватерѣ вблизи Кронштадта; а вѣсти изъ Севастополя, эти скорбные бюллетени, заставляютъ по временамъ тоскливо призадуматься. Какъ выйдешь въ знойный полдень на широкое, раздольное поле съ зелеными душистыми волнами несконченной травы, какъ взглянешь на синюю даль окаймленную лѣсами, на безоблачное небо, невольно поблагодаришь Бога и невольно вздохнешь о людской глупости! Миръ Божій такъ прекрасенъ, миръ такъ благотворенъ, а люди враждуютъ и истребляютъ другъ друга!.. Стоятъ ли и химерическая слава, и газетная болтовня того чтобъ имъ жертвовать жизнью! Говорю не о насъ,—мы обязаны защищать родную землю,—говорю о нашихъ врагахъ не вѣрующихъ въ будущую жизнь, а между тѣмъ такъ сумасбродно лѣзущихъ на смерть!“

28го ноября.

„Давно не писалъ я тебѣ, добрый другъ, а между тѣмъ сколько событій! Паденіе Севастополя, неудачный штурмъ Карса, взятіе Кинбурна, блокада Очакова... наконецъ первая радостная вѣсть о взятіи Карса Муравьевымъ!.. Лавры — но сколько понадобилось русской крови чтобы полить ихъ...“

„Между тѣмъ открытые театры завели свои машины. Въ балетную труллу на нынѣшній сезонъ выписана парижская знаменитость — *Черитто*; я еще не видалъ ея. На дняхъ давали новую комедію *Ипохондрикс* — перлъ ультра-натуральной школы. Въ первомъ явленіи Мартынова (ипохондрика) тошнить, въ послѣднемъ онъ хватается за животъ, бѣгаетъ по сценѣ и кричитъ что у него холера. Заявивъсь опускается; публика вызываетъ автора и всѣхъ актеровъ. По началу можешь судить о срединѣ.“

„Меня считаютъ почему-то ненавистникомъ Гоголя, но жестоко ошибаются. Не настолько же я слѣпъ чтобы не признавать громаднаго его таланта; но *Ревизора* рядомъ съ

Горелъ отъ ума не поставлю, а *Мертвыя Души Иліадой* не назову. На созданія Гоголя я никогда не возставалъ, но возмущался и возмущаюсь видя на сценѣ или читая произведенія крайнихъ послѣдователей его школы. Дайте же хоть крупицу золота въ грязи и не закидывайте золото грязью; лѣчите наши общественныя язвы, но не брызгайте ихъ смраднымъ гноемъ въ лицо зрителей или читателей... Но, вѣтъ! *c'est plus fort que moi* (какъ говорятъ Французы); и грязная волна современнаго направленія порывисто нахлынула и на литературу, и на сцену. Григорьевъ далъ въ свой бенефисъ *Донъ-Карлоса* Шиллера и *Сцену изъ похижденій Чичикова* Гоголя... Я не могъ не сказать при этомъ:

Вотъ, право, страннѣй бенефисъ:

Въ немъ Гоголь съ Шиллеромъ какъ крайности сошлись...

Чтобы не назвали Григорьева отстающимъ,

Онъ намъ поднесъ форшмакъ съ малороссійскимъ саломъ!"

—

Съ начала января 1856 года въ столицѣ началъ распростра- няться настойчивый слухъ о близкомъ заключеніи мира- весмотря на молчаніе газетъ и сферъ официальныхъ... Пер- вое слово о его близости было произнесено на сценѣ при слѣ- дующихъ благовѣщихъ обстоятельствахъ: 25 января, вече- ромъ, происходило бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича съ Великою Княжной Александрой Петровной. Въ тотъ же вечеръ на сценѣ Александринскаго театра давали небольшую піеску дивертиссементъ *Русскія Святки* П. А. Каратыгина. Піеса оканчивается свадьбой сына и дочери двухъ старинныхъ бо- ляръ.. Максимовъ 1й, игравшій жениха, и по піесѣ, вознося за- здравный кубокъ, прочелъ громогласно вставное четверостишіе:

Да здравствуетъ князь нашъ великій съ княгинею!

Дай Боже имъ счастье, совѣтъ да любовь!

Да служить союзъ ихъ предвѣстникомъ радостнымъ

Покоя и мира, и славы Руси!

Стихамъ откликнулось громовое ура всей зрительной залы; лубайка требовала двукратнаго повторенія стиховъ и лѣвія народнаго гимна, исполненнаго артистами и большею частью самой лубайки.

Эта мирная демонстрація была первымъ крикомъ радости который исторгся изъ груди русскаго человѣка подавленной трехлѣтнимъ кровавымъ кошмаромъ Восточной войны. Манифестъ о заключеніи Парижскаго мира былъ обнародованъ 25 марта... Вотъ что писалъ Каратыгинъ черезъ три недѣли:

10го апрѣля.

„Поздравляю тебя съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ, который въ нынѣшнемъ году обѣщаетъ быть свѣтлѣе и торжественнѣе нежели въ прошедшіе года, въ особенности въ 1854, когда союзники-нехристи бомбардировали Одессу. Зажечь войну—легко, но погасить огонь вражды—удѣлъ избранныхъ Божиихъ: *Блаженны миротворцы яко тии сынажи Божиии нарекутся!* Неисповидимы пути Божіи, и Русь-матушка кровавымъ, тернистымъ путемъ вступила въ новую эпоху великихъ преобразованій. Манифестъ о мирѣ былъ прочитанъ у насъ въ церквахъ въ самый день Благовѣщенья; до окончанія обѣдни служили благодарственный молебенъ, пѣли многолѣтіе Царю и вѣчную ламать лавшимъ на полѣ брани. По возвращеніи изъ церкви, подъ впечатлѣніемъ недавней молитвы, съ глазами еще не высохшими отъ слезъ я написалъ слѣдующіе стихи:

Въ день Благовѣщенья великій и святой,
Какъ новый Гавриилъ, нашъ Царь христолюбивый,
Благовѣствуетъ намъ и счастье, и покой
И осыпаетъ міръ оръ мирною оливою!
И въ умиленіи признательный народъ
Творить въ церквахъ хвалебныя молитвы
И многолѣтіе Державному поетъ,
И ламать вѣчную—кто палъ на полѣ битвы.
Сердца царей въ десницѣ Бога силъ:
По сердцу прекратилъ Царь бранную тревогу,
„Не побѣдилъ насъ врагъ, вражду ты побѣдилъ“ *
Миръ на земли и слава въ вышнихъ Бегу!

„Эти стихи вчера отосланы мною въ *Сверную Пчелу*; надѣюсь напечатать. ** Мною было написано первое стихотвореніе на *войну*—и первому же мнѣ досталось счастье

* Слова изъ рѣчи преосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго.

** *Сверная Пчела*, 13 апрѣля 1856, № 85.

привѣтствовать *миръ*. Стихи на войну были мною посвящены Наслѣднику Цесаревичу, стихи на миръ я могъ бы посвятить Ему же, вышѣ новому Царю на родительскомъ престолѣ.... Могъ бы, но въ послѣднее время имени Государя было посвящено такъ много льстивыхъ одъ что я боюсь попасть въ сонмъ Тредіаковскихъ; въ моихъ же стихахъ, смѣю думать, честная и чистая правда.“

29го апрѣля.

„Нашъ свѣтлый праздникъ прошелъ съ горемъ пополамъ: всю недѣлю погода была пасмурная и ненастная. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь отвести душу, простой народъ плалъ черезъ мѣру, и я—петербургскій старожила—не заломлю такого множества пьяныхъ.... Не вижу ихъ: послѣ трехлѣтняго скучнаго поста, по милости войны и ея ужасовъ, народу простительно при веселомъ разговорѣ—физическомъ и нравственномъ, перехватить черезъ край. Иллюминація приготовленная ко дню рожденія Государя была великолѣпна, но не удалась по случаю дождя. По Невскому въ трехъ или четырехъ мѣстахъ разставлены были полковые музыканты и лѣсенники, привлекавшіе вокругъ себя толпы гуляющихъ, которымъ приходилось проходить огонь и воду. Иллюминація повторилась 23 числа и тоже не совсѣмъ удачно: не было дождя, но труды пошли на вѣтеръ: на правой сторонѣ площадки, шкалики и газовыя звѣзды горѣли порядочно, а лѣвую—задувало вѣтромъ. Нашъ фотографъ Левицкій отличился: на окнѣ своего кабинета, у Казанской, онъ устроилъ электрическое солнце и во время проѣзда государя направилъ лучи на его экипажъ, за которымъ бѣжалъ народъ съ криками *ура!* Картина была очень эффектна.... Радостно, легко и свѣтло у насъ на сердцѣ, но.... къ чувствамъ отраднымъ примѣшивается иногда досада, чтобы не сказать—негодование. Въ устныхъ разговорахъ, порой и въ печати, при похвалахъ новому времени проскальзываетъ брань старому.... это бы еще куда ни шло, но кромѣ того—самые льстивые отзывы о нашихъ недавнихъ врагахъ: Пальмерстона, Наполеона, Кавура превозносятся до небесъ. Воля твоя, но я вижу въ моей злопамятности и думаю что съ этими господами дружить дружи, а камень за пазухой держи, тѣмъ болѣе что и они при первомъ удобномъ случаѣ рады будутъ бросить въ насъ камень или отъ какой-либо лервоклассной нашей

крѣлости, какъ отъ Севастополя, не оставить камня на камнѣ. Но Богъ съ нею, съ полптикой. У насъ на дняхъ въ роли *Кина* дебютировалъ нѣкто Котоминъ и вмѣсто великаго англійскаго артиста принятаго въ высшемъ кругу игралъ сплывагося съ кругу лабазника. При всемъ томъ его разъ шесть вызвали.“

20го ноября.

„Нывѣшній мой бенефисъ былъ зѣло неудаченъ и по сбору, и по успѣху.

„Пользуясь нѣкоторымъ облегченіемъ нашей сцены отъ цензурнаго гнета я сталъ было хлопотать о возобновленіи безплодной комедіи Бамарше *Свадьба Фигаро* запрещенной по волѣ покойнаго государя. Попытка моя не увѣнчалась успѣхомъ и я утѣшаюсь мыслию что *Свадьба Кречинскаго* болѣе по вкусу нашей публикѣ нежели *Свадьба Фигаро*. Вкусъ ея испорченъ блюдами изъ харчевенъ и обжорнаго рада съ душкомъ и круивою солью; тонкое гастронимическое блюдо французской страпни съ аттической солью нашей публикѣ не по нутру. Въ мой бенефисъ играна была написанная мною года четыре тому назадъ *Закулисная Комедія*: массъ публикѣ она не понравилась. Написавъ около 640 піесъ я очень хорошо понимаю чѣмъ можно угодить толпѣ, да не хочу рукъ марать.... а захоти, такъ она у меня „надорвала бы животика“. Но въ пятьдесятъ два года мудро не плясать по чужой дудкѣ. Ничего нѣтъ легче какъ насмѣшить глупостью или неблагопристойностью; ничего нѣтъ труднѣе какъ заставить умно улыбнуться. Мой спектакль былъ чистъ и зала была болѣе чѣмъ на половину пуста; за то скажу не безъ самолюбія, и публика была чистая. Въ этотъ вечеръ почетнѣйшими гостями на моемъ бенефисномъ праздникѣ были Великіе Князья: Константинъ и Михаилъ Николаевичи пріѣхали къ самому началу спектакля и уѣхали чуть не послѣдніе.

„Прія за кулисы въ антрактъ они удостоили меня милостивымъ разговоромъ. Михаилъ Николаевичъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

„— Я имѣю къ вамъ порученіе отъ брата Николая Николаевича: онъ вамъ кланяется и извиняется что не могъ вмѣстѣ съ нами пріѣхать. У него „случай случился“: вчера ему Богъ далъ сына.

„— Имѣю честь поздравить Ваше Высочество съ племянникомъ, отвѣчалъ я:—дай Богъ выростить на радость батюшкѣ, на славу намъ.

„— Отчего у васъ такъ немного публики?

„— Въ этомъ можетъ-быть виноватъ вашъ Ангелъ, Ваше Высочество.

„— Какъ такъ?

„— Завтра Ваше тезоименитство, а въ канунъ Михайлова дня наше кулечество и средній классъ не посѣщаютъ театровъ.

„— Вотъ прекрасно! Да я самъ завтра именинникъ, а пріѣхалъ же къ вамъ въ гости!

„Великій Князь Константинъ Николаевичъ напомнилъ мнѣ какъ я лѣтъ двѣнадцать тому назадъ ставилъ спектакль въ Гатчинскомъ дворцѣ. Вообще оба Великіе Князя были ко мнѣ очень милостивы и внимательны.

„Съ нашимъ столѣтнимъ театральнымъ юбилеемъ все чудеса творятся: хотѣли праздновать 30 августа, отложили до октября; теперь назначили въ декабръ. Много толковъ и затѣй; всѣ хлопочуть заластись билетами.

Столѣтній юбилей нашъ театральный

Готовитъ праздникъ намъ печальный...

Про русскій нашъ театръ сказалъ бы я одно:

Онъ вѣку не доживъ состарѣлся давно.

„И точно, за послѣднія лѣты лѣтъ сколько потери! Бронскій, Гусева, братъ, Сосницкая, Григорьевъ 2й. Вѣра Самойлова оставила сцену, Сосницкій хирѣетъ, Максимовъ чахнетъ.

„Стихотворенія Некрасова произвели большую сенсацію. Большая ихъ часть была напечатана въ *Современникѣ*: много вещей слабыхъ и двѣ три лиесы дѣйствительно прекрасныя... Но особенный интересъ публики возбудили два, три отрывка съ либеральнымъ оттѣнкомъ, и въ двѣ недѣли разошлось до тысячи экземпляровъ... Разнесся слухъ будто второе изданіе запрещено, и теперь, ради запрещеннаго плода, остальные экземпляры, вмѣсто полутора рубля, продаютъ по 5 да по 6! Ахъ, какъ мы еще юны; какая ребяческая страсть казаться взрослыми; какая высокая цѣна за дешевенькій либерализмъ! Муза Некрасова не поетъ, а воетъ, и его гражданская скорбь наводитъ скуку!“

Что новаго сказалъ ты новыи нашъ поэтъ?
 На новый ладъ все старыя погудки,
 Наладки на людей, на общество, на свѣтъ,
 Болѣзненная желчь, язвительныя шутки!
 И парадоксами приправленная ложь,
 На дружбу и любовь поклены, небылицы....
 Какъ „скорбные листы“ твои прочтешь,
 То такъ и кажется что вышелъ изъ больницы! —

26го декабря.

„Какъ легко поддѣлаться подъ вкусъ вашей театральной лублики! Вотъ мой пріятель Григорьевъ I почти ни разу не ошибся и всегда умѣлъ угадать что должно ей понравиться. Онъ прежде всего разчитываетъ на толлу; а толла гололиста: благослутанный человекъ не станетъ ей шикать по той же самой причинѣ по которой умный человекъ рѣдко вступаетъ въ споръ съ дуракомъ... При всемъ сознании своего надъ нимъ превосходства, онъ не свяжется съ нимъ изъ уваженія къ самому себѣ! Ежегодно, по примѣру товарищей, я собираюсь составить заманчивую афишку—въ родѣ куска сала для приманки лублики въ мышеловку, да всякій разъ врожденное мое отвращеніе къ сальности и одышавшая совесть—претать.... По случаю нашего неудачнаго юбилея представленіе о наградахъ артистовъ по высочайшей волѣ отложено до поста. Одному Сосницкому, не въ примѣръ другимъ, пожалована прибавка въ 750 р.....

„Посылаю тебѣ мои стихи, которые хотѣлъ напечатать въ *Пчелѣ*, да цензура не пропустила!... Вотъ, дружнице, какъ у насъ: я выхожу, какъ говорятъ Французы: plus royaliste que le roi.“

Отсталый человекъ:

Да, сознаюся я, пожалуй,
 Что слишкомъ устарѣлъ мой вкусъ:
 Я, точно, человекъ отсталый
 И въ слабости своей винюсь!
 Цѣль нынѣшней литературы
 Я не умѣю понимать
 И лица грязныя, съ натуры,
 Меня не могутъ восхищать!
 Весь этотъ юморъ сальный, жирный —
 Кому—тутъ смѣхъ, а мнѣ — тоска...
 Противень мнѣ трибуны тракторный,
 Или буанъ изъ кабака!

Пускай они натурой дышуть
 И вѣры съ подлиннымъ вполнѣ...
 Но чѣмъ вѣрнѣ ихъ опишуть
 Тѣмъ отвратительнѣ мнѣ!...
 Въ твореньяхъ нынѣшнихъ издѣлїи
 Я вижу мнѣнья, вкусъ и слогъ
 Достойный *Плотничьихъ артелей*
 Бродягъ *Проселочныхъ дорогъ*,
 Теперь легко попасть въ извѣстность:
 Цвѣтовъ бездна развелась;
 Когда изящная словесность
 Въ трактирный мїръ перенеслась.
 Позвїа ушла въ подвалы!...
 Поручкою мнѣ саужать въ томъ
 Всѣ эти плотные журналы
 Съ нечистоплотнымъ азыкомъ!
 И какъ посмотришь безпристрастно,
 Чѣмъ восхищаются въ нашъ вѣкъ,
 Такъ и печалиться напрасно,
 Что я—отсталый человекъ!

2го марта 1857.

„Великій Постъ у добрыхъ христіанъ посвящается покаанїю; покаюсь же и я предъ тобою въ моей лѣтн. Въ чистый понедѣльникъ хотѣлъ писать къ тебѣ, да отложилъ на завтра, а со вторника дотянулъ до второй недѣли. Наша братья—специческіе артисты—ждетъ Великаго Поста съ нетерпѣніемъ для душевнаго и тѣлеснаго отдыха; для меня въ былые годы Великій Постъ былъ самымъ любимымъ временемъ для подготовокъ новыхъ лїесъ къ осени.... теперь рука не поднимается взяться за перо. Во время оно былъ одинъ человекъ, вкусу котораго мое мелкое самолюбіе такъ дѣтски вѣрило; любимѣйшею цѣлью моею было заслужить его ласковое слово; его упрекъ въ лѣтности подстрекалъ меня къ труду... Теперь его нѣтъ; а нынѣшняя лублика... Богъ съ нею!

„На прошедшей недѣлѣ я былъ въ Конюшенной церкви на торжественной лавнахидѣ по М. И. Главкѣ; лѣта придворные лѣвчіе. Церковь была биткомъ набита и половина присутствующихъ пришла болѣе затѣмъ чтобы послушать лѣвчихъ нежели чтобы почтить ламать нашего единственнаго, отечественнаго композитора. Жаль Главку! Его *Жизнь за Царя* безсмертна; это—жизнь вѣчная въ поколѣніяхъ граду-

щих... если только изъ нашего современнаго поколѣнія не выщется тааавтъ-скорослѣлка, задорный птенець, который освещеть Главку и дерзко заявитъ что де не было въ немъ ни на волосъ гевіальности, ибо это композиторъ *старой школы!*"

7го января 1858.

„Наступившій новый годъ важенъ и любопытенъ по великому государственному вопросу. Добрый нашъ Царь задумалъ дѣла святое, но безъ добросовѣстныхъ сотрудниковъ едва ли возможное. Изъ нихъ одинъ только Ростовцевъ, бывшій твой патронъ, говорятъ, искренно сочувствуетъ благимъ намѣреніямъ Государя, а остальные... а эти комитеты не напоминаютъ ли намъ басень дѣдушки Крылова: *Лебедь, Щука и Ракъ*, или *Квартетъ*? Благодарю Бога что я не гослудинъ и не рабъ, а середка на половинѣ,—златая посредственность! Да, дѣло хитрое! Помѣщики нахмурили лбы, а мужички почесываютъ затылки. Какъ всякій новый вопросъ, „освобожденіе крестьянъ“ возбудило множество толковъ и про и contra.... Безъ воли Божіей нѣтъ ни рабства, ни воли; вразуми же Царь Небесный Царя земнаго и авось вопросъ будетъ разрѣшенъ безо всякихъ кровавыхъ жертвъ!... Прости, если я отъ такого великаго дѣла перехожу къ театру и отъ серіознаго къ смѣшному; „отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“, а я на каждомъ шагу люблю и посмѣшить, и посмѣяться. Вопросъ объ освобожденіи подалъ мнѣ мысль написать экскромтъ:

Лукъ, рѣдька и чеснокъ хоть вещи недурныя,
Но могутъ надоесть; всему своя пора!
Друзья-писатели, умы передовые,
Уйдете ль, наконецъ, вы съ задняго двора?
Вы типы грязные ввели въ такую моду
Что право хоть кому они надоедаютъ...
Авось какъ мужикамъ дадутъ у насъ свободу,
Тогда и нашъ театръ отъ нихъ освободятъ!

„А у насъ въ театрѣ все еще продолжается дѣлать фуроръ комедія Львова: *Сеть не безъ добрыхъ людей*. Пьеса умная, но не лишняя литературныхъ и сценическихъ недостатковъ.“

9го апрѣля.

„Съ прошедшимъ праздникомъ,—это волевыхъ. Извиняюсь предъ А. Н. Кривицынымъ, воторыхъ, что еще не передалъ

его стиховъ въ *Пчелу*. Бѣдный Булгаринъ все еще боленъ, а Грець занимается газетой сплуста рукава. Слышалъ ли ты о смерти Сенковского? Въ послѣднее время бѣднякъ свизошелъ до вздорныхъ фельетоновъ, редактировалъ гауло *Весельчака*, но глулѣ этого, конечно, ничего не могъ придумать. По поводу этого *Весельчака* разкажу тебѣ маленькую исторію, по обычаю водевилиста съ приправой куплетца.

„Въ одно прекрасное утро пришелъ ко мнѣ Пяюшаръ и просилъ принять участіе въ его иллюстрированномъ, юмористическомъ изданіи *Весельчакъ*. Я отказался. Пяюшаръ пришелъ вторично съ порученіемъ отъ покойнаго Сенковского; я и тутъ не поддался.... Назойливый Пяюшаръ пошелъ къ Нестору Кукольникову и просилъ его уговорить меня. Несторъ написалъ мнѣ очень милое письмо, на которое я отвѣчалъ такъ:

Благодарю тебя за лестное посланье,
 Но льстивой рѣчью ты не ободряй меня!
 Я, право, устарѣлъ для новаго изданья
 И чувствую—во мнѣ нѣтъ прежняго огня!
 Была пора и весело шутилось...
 (Шутить нельзя же цѣлый вѣкъ).
 Тогда все тѣшило, живѣе сердце билось,
 Но скучный весельчакъ—отсталый человѣкъ!
 Такіе шутники бывають слишкомъ жааки;
 Боюсь чтобъ и я на нихъ не походилъ....
 А мудроно же быть веселымъ изъ-подъ лааки:
 Не хватить ни ума, ни времени, ни силъ!
 Такой обманъ Пяюшару былъ бы горекъ,
 И самъ ты, какъ Гамлетъ, сказалъ бы мнѣ потомъ:
 „Гдѣ шуточки твои, мой бѣдный Йорикъ?“
 И посмѣялся бы надъ пошлымъ острякомъ!
 И что теперь писать? надъ чѣмъ тутъ забавляться?
 Мы ополчилиа на брань за Щедринымъ,
 Мы, какъ Искандеры, хотимъ надъ всѣмъ смѣяться
 И, чуть не „родственно“ отечество бранимъ!
 Ужели въ этомъ нашъ прогрессъ и просвѣщенье;
 Не этиаъ ли хотимъ вступитъ съ Европой въ связь?
 И такъ на Западѣ все русское въ презрѣнью,
 А мы еще сильнѣй родное толчемъ въ грязь.
 Каеводемъ на себя все гнусное и злое,
 Кричимъ что ни души, ни совѣсти въ насъ нѣтъ...
 И птица не грязнить гнѣздо свое родное;
 А мы.. мы лачкаемъ себя на цѣлый свѣтъ!

Какой тут *Весельчакъ*? Тут легкой шутки мало;
 Веселой остроты, звать, время, братъ, прошло...
 Такую соль подай чтобъ горло ободрало
 И въ носъ бы кинулось, и за сердце зажаго!
 Куда тутъ, мнѣ! Какой я литераторъ!
 Я человекъ простой... безъ толку не кричу,
 Не желчный либералъ, не красный агитаторъ,
 Шучу—какъ весело, а скучно—замолчу.

4го мая.

„Очень, очень радъ, добрый другъ, что стихи мои тебѣ понравились. Чувства и мысли высказанныя въ нихъ нашли отрадный для меня отголосокъ во многихъ. Кукольникъ говорилъ мнѣ что у него въ одинъ вечеръ его гостями было слисано до лятнадцати экземпляровъ. Еще болѣе льститъ моему самолюбию то что свѣтлый, не старѣющийся умъ митрополита Филарета высказалъ тѣ же мысли въ его послѣдней проповѣди (17 апрѣля); вотъ подлинныя его слова: „злорѣчіе, которымъ думаютъ исправлять зло, также не есть вѣрное для сего средство. Зло не исправляется зломъ,—а добромъ. Какъ загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязною водою, такъ описаніями порока столь же нечистыми и смрадными какъ онъ самъ нельзя очистить людей отъ порока.“ Такъ говоритъ нашъ знаменитый витія и глубокій психологъ; но и его голосъ—„гласъ волюющаго въ пустынѣ“. Скажу тебѣ какъ артистъ, какъ поклонникъ изящныхъ искусствъ: нынѣшній реализмъ рано или поздно убьетъ ихъ, какъ фотографія убила портретную живопись. Не вдаваясь въ эстетическія сужденія, беру два искусства—музыку и ваяніе: съ луковымъ перышкомъ въ зубахъ любой шарманщикъ подражаетъ свисту соловья, а дѣтъ пять тому назадъ фокусникъ Германъ превосходно подражалъ лѣтнюю нѣсколькихъ птицъ, жужжанью мухи, визгу собаки и т. д. Ergo, съ точки зрѣнія реалистовъ, требующихъ отъ искусства рабскаго подражанія природѣ, и шарманчики, и Германъ—первыя виртуозы, выше всякихъ Бетховеновъ, Гайдновъ, Веберовъ и др.? Рядомъ со статуей Кановы или Торвальдсена поставь сѣлокъ съ голаго тѣла сдѣланный любымъ формовщикомъ... Натуралитераторы скажутъ что великіе скульпторы дрянъ предъ нами; ей-ей скажутъ! Такъ, другъ ты мой, и во всѣхъ изящ-

ныхъ искусствахъ; то же и въ словесности... Да погоди: придетъ время, и молодое поколѣнiе начнетъ топтать въ грязь и Грибоѣдова, и Пушкина, и Лермонтова; этого дождемся! А по поводу новыхъ, юныхъ критиковъ я скажу тебѣ:

„Когда учитель, классъ окончивши уйдетъ,
Тогда имой шауиъ на кафедрѣ взберется
И корчить изъ себя профессора начнетъ;
И надъ наукою безмысленно смѣется!
Какъ юныхъ критиковъ новыхъ начнешь читать
Разборы дерзкіе и пошлыя статейки—
Вотъ такъ бы кажется и посадила опять
Ихъ на учебныя скамейки!“

На лѣто 1858 года Каратыгинъ съ женою и дочерью отправился на куланье въ Аренбургъ. Эта первая (и послѣдняя) дальняя поѣздка, изъ родимой столицы въ полу-нѣмецкiй край, произвела на артиста глубокое впечатлѣнiе, дала общаую лицу его наблюдательности и юмору.... Авторъ писемъ пробылъ на островѣ Эзелѣ съ 24 мая по 16 августа и этотъ періодъ времени называлъ всегда счастливѣйшимъ во всей своей жизни.

Аренбургъ, августа 4го дня 1858 года.

„Виновать, мой добрый другъ, что такъ давно не писалъ къ тебѣ, но какъ быть? новое мѣсто, новый бытъ, новые люди, все это естественно должно было увлечь мое любопытство. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ въ первый разъ въ продолженіе тридцатипятилѣтней службы получилъ отлускъ, вырвався на волю,—не сдѣлается ли онъ настоящимъ школьникомъ во время ваканцій? Вотъ уже два съ половиною мѣсяца я не читаю не только журналовъ и газетъ, не вижу даже афишъ, не слышу закусныхъ смятенъ, не вижу театральныхъ дразгъ!.. За все это стоило дорого заплатить, что я и сдѣлалъ... Богъ съ ними съ деньгами. Я безъ сожалѣнiя пожертвовалъ моею проспектаальною платой, отрѣшился отъ столичныхъ прiятелей и полузнакомыхъ личностей, безъ которыхъ въ Питерѣ нельзя шагу сдѣлать чтобъ они не встрѣтили тебя стереотипною

фразой: „Ну что новаге? что завтра играют на театрѣ? не написали ли вы чего-нибудь? когда пойдет такая-то пьеса?“ и т. под. Нѣтъ, здѣсь я вольный казакъ, даже вольнѣе всякаго казака,—свободенъ какъ птица небесная! Иду по улицѣ, по полю, по лѣсу, встрѣчаю людей вовсе мнѣ незнакомыхъ, никого не знаю и никто меня знать не хочетъ... не наслажденіе ли это?! Но начнемъ съ того дня какъ мы съ тобою разстались. Ты помнишь то *чисто* или лучше сказать *грязно*-петербургское утро, когда ты пришелъ на Невскую приставъ проводить меня за море. Обстановка была самая грустная, въ перспективѣ еще грустнѣе: дождь, вѣтеръ, холодъ—просто отвращеніе, а вѣхать надо... хоть плачь, а отчаливай... и вотъ лѣнливо отчалилъ нашъ лифляндскій *Témisc*... задымилъ, зашумѣлъ, залыхтѣлъ и сдѣлалъ картину еще грязнѣе. Въ первыя минуты на пароходѣ всегда какой-то хаосъ: никто не знаетъ куда присунуться, гдѣ помѣститься, гдѣ что поставить и положить, и у всѣхъ сердце не на мѣстѣ... Долго я еще смотрѣлъ на сыновей моихъ и на тебя, мой другъ... Я согадалъ бы еслибы сказалъ что былъ въ эти минуты въ спокойномъ расположеніи духа. Съ коварною стихіей плохія шутки. Еще не далѣе какъ въ прошломъ году девятинапудечный *Лефортъ* пошелъ ко дну у самыхъ тѣхъ мѣстъ гдѣ и мы должны были проходить и еще два парохода погибли чуть ли не въ устьѣ самой Невы... Вообще наше мореходство не пользуется большимъ довѣріемъ, а я былъ на пароходѣ не одинъ,—со мною была жена и двѣ дочери... День нашего отплытія былъ вовсе не въ розовомъ цвѣтѣ... Погода становилась все хуже и хуже... Вотъ проѣхали мы Финскій заливъ, миновали Кронштадтъ, и тутъ начались настоящія морскія удовольствія и съ внутренними, и съ наружными атрибутами. Моя женская команда еще нѣсколько времени крѣпилась, но наконецъ слегла. Морская болѣзнь, говорятъ, очень здорова; но глядя на страданія близкихъ невольно поворачивало сердце, а пособить нечѣмъ! Весь женскій полъ нашъ былъ едва ли не на полу... Въ обычный часъ накрыли на столъ на сорокъ приборовъ, но половина мѣстъ осталась незанятыми; только бывалые люди улысьвали за обѣ щеки и говорили что погода *такъ себѣ*, „еще можно хлѣбъ ѣсть“, но при этомъ надобно „только пить вина побольше“. Ихъ аллетить возбуждалъ не зависть, а тошноту.

„Ночь была такъ же бурлива. Раннимъ утромъ мы остановились у Ревеля на одинъ часъ... Тутъ вздохнувши посвободнѣе, напился чаю и изъ каюты вышли на палубу. Погода не унималась и лаворама Ревеля показалась намъ не особенно привлекательною. Здѣсь мы слушала нѣсколькихъ пассажировъ и приняла новыхъ... И опять за клубился дымъ, опять застучали колеса; и вообрази же себѣ что все бывшее съ нами до сихъ поръ было лишь прилюдіемъ къ несравненно худшему: тамъ были цвѣточки, а здѣсь ягоды, да еще какія! По словамъ бывалыхъ людей мѣсто между Ревелемъ и Галселемъ самое волнистое. Въ этотъ день въ два часа опять накрыли на столъ, но сѣли за него уже не болѣе шести человекъ... Въмѣсто чаемыхъ морскихъ картинъ начались цывы, во фламанскомъ вкусѣ, въ родѣ Теньеровскихъ армарокъ и лирушекъ. Подъ Гохландомъ качка усилилась; бѣдная дочери и жена страдали невыносимо. Утомленный качкой и ежеминутною бѣготней съ палубы въ каюту и обратно, я любуясь въ бороду неутомимаго *Нептуна* и прилегъ на кормовой части... задремалъ, началъ было видѣть сны, меня разбудили и освѣжили брызги отъ набѣжавшей волны: мы подходили къ острову *Мову*; погода начала стихать, и къ вечеру вторыхъ сутокъ плаванія впервые показалось солнце. Пассажиры начали вылезать на палубу. Тутъ мы имѣли возможность налиться чаю и насладиться картиной въ родѣ Айвазовскаго... Ночь прошла спокойно и въ три часа утра мы остановились въ виду Аренсбурга, къ которому стали переправляться на катерахъ и баркасахъ. Съ перваго взгляда Аренсбургъ напомнилъ мнѣ нашъ Павловскъ; воздухъ дивный, пропитанный ароматами отъ множества садовъ. Наши хозяева встрѣтили насъ съ букетами цвѣтовъ, а въ садочкѣ при нанятой нами квартирѣ тогда были въ полномъ цвѣту нарцисы, розы, сирень и калрифоліи... При каждомъ домѣ, кромѣ цвѣточнаго сада, есть и фруктовый: вишень, яблонь, грушъ и сливъ проласть! Вообще здѣшняя флора чрезвычайно богата и разнообразна. Здѣсь, на примѣръ, почти во всѣхъ садахъ я видѣлъ лиліи, да такія какія у насъ отыщешь развѣ въ царскихъ цвѣтникахъ. Аренсбургъ—сѣверная Флоренція! Обживясь, недѣли за двѣ я ознакомился и съ мѣстностью, и съ людьми. Общество здѣшнихъ островитянъ дѣлится на двѣ касты: риттершафтъ и бюргершафтъ, сирѣчь рыцари (дво-

ряне) и горожане. Первые съ высокоуміемъ глядятъ на вторыхъ, а тѣ на первыхъ съ ненавистью. Здѣсь рыцарская надменность и феодальное самодурство еще не утратили своихъ средневѣковыхъ привычекъ. Потомки эстовскихъ рыцарей валоминають гасковскихъ барановъ, испанскихъ гдаальго, польскихъ шляхтичей, а пуще всего—римскихъ гусей двѣдушки Крылова. Говорятъ, будто островъ Эзелъ обилуетъ помѣшанными, и точно: мнѣ случилось здѣсь встрѣчать сумашедшихъ разныхъ званій. Въ первые дни нашего сюда приѣзда графъ Буксевденъ, на примѣръ, ходилъ ночью по улицамъ и билъ стекла у сосѣдей, и полиція не смѣла его задержать, ибо это оскорбило бы все благородное общество; но доктора наконецъ связали сумашедшаго Донъ-Кихота. Въ клубахъ бываютъ балы, и на этихъ балахъ благородная дама въ кадрили не подаетъ руки бюргеру. Въ наше время случилась тамъ ссора, и съ тѣхъ поръ балы даются въ двухъ разныхъ мѣстахъ: въ одномъ для благородныхъ, въ другомъ для бюргеровъ. Простой классъ мнѣ очень нравится, народъ довольно красивый; Эстовецъ совсѣмъ другое чѣмъ наши Финны; между Эстонцами встрѣчаются иногда очень красивые типы, и замѣчательно что чудные зубы у всѣхъ на подборъ. Это просто жемчугъ. Мнѣ даже случилось видѣть 70лѣтнихъ старухъ съ полнымъ комплектомъ бѣлыхъ зубовъ. Конечно, въ Петербургѣ можно встрѣтить такое чудо, но не иначе какъ съ помощью котораго-нибудь изъ Вагенгеймовъ. Островъ раздѣленъ на 12 приходовъ и каждый приходъ имѣетъ свой особенный костюмъ; у женщинъ онъ очень красивъ и даже кокетливъ. Народная честность здѣсь сильно развита, о воровствѣ и помину нѣтъ. Ворота всегда отперты, двери не замкнуты, окна открыты даже по ночамъ, и будьте увѣрены что никто непрошенный не войдетъ къ вамъ, а если и войдетъ, такъ ничего не унесетъ... между тѣмъ какъ ни днемъ ни ночью и въ заводѣ нѣтъ ни будочниковъ, ни хожалыхъ, ни квартальныхъ. Во всѣхъ почти одновѣковыхъ домахъ нѣтъ *переднихъ*, и въ сѣняхъ подвѣшаны вѣшалки для верхяго платья: сѣни же всегда настежь... Пришелъ ко мнѣ однажды полковникъ 2го кадетскаго корпуса Краббе, мы съ нимъ проболтали добрый часъ; при уходѣ я вышелъ его проводить и вижу что онъ оставилъ свое пальто въ открытыхъ сѣняхъ; я удивился его олошности,

но онъ усложнилъ меня: здѣсь де это совсѣмъ не удивительно. И точно, сколько въ это время прошло мимо всякаго народа, лалыто лежало чуть не на улицѣ, и никто его не тронулъ. Попробуй-ка сдѣлать эту штуку у насъ въ Петербѣ! Впрочемъ, большому кораблю большое и плаванье; такая примѣрная честность другимъ не примѣръ; она можетъ быть только въ маленькихъ городахъ, въ миниатюрѣ... Но прости однако! Недѣля черезъ двѣ надѣюсь объять тебя въ Петербургѣ.“

20го февраля 1859.

„Нынѣшнее мое письмо будетъ бочкой меду съ ложкой дегтю. Начнемъ съ меда. На прошедшей недѣлѣ былъ спектакль любителей въ пользу женскихъ школъ Патриотическаго Общества: въ домѣ княгини Бѣлосельской - Бѣлозерской играли *Горе отъ ума* съ такимъ персоналомъ и такъ безплодно что лучшаго исполненія не пожелалъ бы и самъ незабвенный Грибоедовъ! Я не видывалъ и конечно не увижу ни такого Чацкаго какимъ былъ Маркевичъ, ни Скалозуба какъ сыгралъ его преображенскій офицеръ Панютинъ... *Собфю* играла Вѣра Васильевна Мичурина, разумеется въ совершенствѣ; но и всѣ остальные женскія роли исполнены были мастерски... На мою долю выпала завидная честь быть режиссеромъ и руководителемъ артистовъ - любителей, оказавшихся истинными артистами. Зрителями этого представленія были: Государь Императоръ, вся Царская фамилія и почти весь дворъ. Государь приходилъ за кулисы и сказалъ мнѣ: „кажется вы можете быть довольны вашими учениками“. И черезъ шесть дней послѣ этого торжества я по волѣ судьбы потерялъ ладеніе... да не на театрѣ, у самаго театра! Вечеромъ, въ субботу, 14 февраля, идучи въ нашу Александрию, поскользнулся на гололедицѣ... „упалъ, да такъ что чуть затылка не прошибъ!“ Проклятый бинокль въ боковомъ карманѣ вдавился мнѣ въ бокъ, и я, лежа, едва имѣлъ силы прѣхать домой и взобраться на лѣстницу. Ни перелома, ни вывиха, ничево опаснаго нѣтъ, но боль нестерпимая! Этотъ ушибъ, можетъ-быть, взбудоражилъ во мнѣ желчь и я сочинилъ эпитафію не себѣ, а прекратившему свое существованіе *Весельчаку*.

Ты долгуль со смѣху несчастный, *Весельчак!*
 Но не ролщи ты на судьбу злодѣйку:
 Въ преемникахъ своихъ ты не умрешь никакъ,
 Оставивъ по себѣ забавниковъ семейку!
 Пусть уморительный покойникъ мирно спитъ;
 Авось и безъ него мы не умремъ отъ скуки:
 Здѣсь *Искра* надъ его могпаюю блеститъ
 И слышатся *Гудка* торжественные звуки!“

12го июня.

„Нынѣшнее мое письмо будетъ столько же кратко сколько и не радостно: 25 мая скончалась отъ воспаления въ легкихъ моя добрая старушка-матушка!.. На ея похоронахъ я самъ простудился, слегъ и у меня обнаружилась признаки того же воспаления! Теперь я внѣ опасности; но гдѣ буду жить на дачѣ и когда буду имѣть возможность выйти на сцену — не знаю; боюсь гадать и думать.“

31го декабря.

„Вскорѣ послѣ моего бенефиса я былъ приглашенъ въ Гатчину, дирижировать домашній спектакль при Высочайшемъ дворѣ, гдѣ и провелъ цѣлую недѣлю. Случилось это совершенно неожиданно. Какъ-то, въ первыхъ числахъ октября, сижу я вечеромъ дома, вдругъ прѣвзжаютъ за мной изъ театра и говорятъ что Великій Князь Николай Николаевичъ требуетъ меня къ себѣ въ ложу. Я послѣшню одѣлся, явился къ нему и тутъ услышалъ что Его Высочество проситъ меня выбрать для спектакля въ Гатчинѣ забавную пьесу, въ которой были бы роли для него и его братьевъ. Эту пьесу они намѣревались играть сюрпризомъ для Государя. Я пробылъ у Великаго Князя въ ложѣ минутъ съ двадцать, но мы ничѣмъ не рѣшили, и Его Высочество просилъ меня придти на другой день къ нему, въ Анчиковъ Дворецъ, въ три часа. Когда я явился къ нему, онъ сказалъ что рѣшился и выборомъ своимъ оставовился на моей *Булочной*, въ которой именно есть три комическія роли. Черезъ недѣлю я получилъ приглашеніе отъ Великаго Князя Константина Николаевича прѣхать на первую релетицію въ Мраморный

Дворецъ. Въ назначенный день и часъ являюсь туда и нахожу въ полномъ сборѣ всю труппу высокихъ артистовъ. Когда подали чай, то Его Высочество Константинъ Николаевичъ посадилъ меня подлѣ себя; тутъ же были Великія Княгини: Александра Іосифовна, Александра Петровна и Ольга Теодоровна. Послѣ чая онѣ всѣ просили меня прочесть имъ всю піесу для лучшаго ознакомленія участвующихъ съ характерами дѣйствующихъ лицъ.... Снова сѣли за столъ, и окруженный августѣйшими хозяевами и ихъ гостями прочелъ имъ мою *Булочную*. По окончаніи чтенія началась первая репетиція, и Ихъ Высочества просили меня останавливать ихъ хоть на каждомъ словѣ. Я пробылъ въ Мраморномъ Дворцѣ съ 8 часовъ вечера до 12 ночи. Слѣдующая репетиція была уже въ Гатчинѣ, гдѣ я провелъ три дня... и не найду словъ описать тебѣ ласку, любезность и радушіе съ которыми былъ принятъ. На второй день, утромъ, я отправился прогуляться по парку, гдѣ имѣлъ честь встрѣтить молодую Государыню Императрицу съ Великою Княжною Маріей Александровною. Поравнявшись со мною Государыня приостановилась и привѣтливо сказала: „Мнѣ пріятно видѣть васъ, г. Каратыгинъ, въ Гатчинѣ, тѣмъ болѣе что я угадываю причину вашего пріѣзда. Вы одинъ изъ участниковъ въ нашемъ сюрпризѣ Его Величеству“, заключила она съ очаровательною улыбкой.

„Уѣзжая въ первый разъ изъ Гатчина я получилъ отъ Великихъ Князей приглашеніе пріѣхать въ слѣдующій разъ къ 10 часамъ.... Наканунѣ назначеннаго дня получаю телеграмму отъ Его Высочества Михаила Николаевича чтобъ я пріѣхалъ къ тремъ часамъ. Прибывъ къ назначенному времени я услышалъ отъ самого Великаго Князя:

„— Я нарочно послалъ вамъ депешу чтобы вы не потеряли времени понапрасну. Поутру намъ нельзя было дѣлать репетицію....

„Сюрпризъ Государю удался вполне. Онъ лично изъявилъ мнѣ свою благодарность, равно и Императрица, вторично удостоившая меня разговоромъ. Распределеніе ролей въ *Булочной* было слѣдующее: *Клейстеръ* — В. К. Константинъ Николаевичъ, *Флюгеровъ* — В. К. Михаилъ Николаевичъ, *Карлуша* — В. К. Николай Николаевичъ, *Машенька* — Фрейлина Бартенева, *Цвибахъ* — генераль-майоръ Валламовъ, *Шагаевъ* — флигель-адъютантъ Альбединскій. По окончаніи водевиля

начала вызывать всѣхъ; В. К. Михаилъ Николаевичъ пожелалъ чтобъ я вышелъ вмѣстѣ съ участвовавшими, но по торопливости машиниста завѣсу подняли въ то самое время когда меня не было за кулисами. Царская милость оказанная мнѣ превзошла мои труды: Государь пожаловалъ мнѣ драгоценный бриллиантовый перстень. Въ самый день сочельника Великій Князь Константинъ Николаевичъ прислалъ мнѣ рисунокъ придворнаго художника Зичи, изображающій сцены изъ моего водевиля, съ портретами Ихъ Высочествъ въ костюмахъ... Это ли не высокая честь старому водевилюсту?! Но этого мало: на второй день Рождества управляющій придворною конторой Великаго Князя Николая Николаевича баронъ Корфъ, пригласивъ меня въ Анчковъ Дворецъ, вручилъ мнѣ отъ имени Ихъ Высочествъ массивную золотую табатерку съ тремя вензелями: К. Н. М.—„на память того удовольствія, которое я доставилъ Великимъ Князьямъ свою пьесой“.... Ихъ Высочества почтили меня какъ артиста, какъ писателя, какъ человѣка. Дороги мнѣ подарки, но выше ихъ цѣню я честь и вниманіе воскресшія въ моей памяти времена моего покойнаго покровителя—Николая! Заочно обнимаю тебя и, какъ добраго друга, прошу порадоваться моей радости.“

Осенью 1859 года въ столичныхъ газетахъ описанъ былъ непріятный казусъ съ собирателемъ народныхъ легендъ и преданій Якушкинымъ. Во Псковѣ полицеймейстеръ полковникъ Гемпель, заслуженный севастопольецъ, строгій служака, встрѣтивъ трудолюбиваго собирателя по платью, не совсѣмъ трезваго и безо всякаго вида, — посадилъ его на съѣзжую, откуда Якушкинъ намѣревался убѣжать... Дѣло выяснилось и все обшлось благополучно. Обиженный Якушкинъ протестовалъ въ газетахъ на грубый произволъ псковской полиціи, противъ которой подымалось общественное мнѣніе обшчихъ столицъ. Изъ печатнаго оправданія Гемпеля ясно было что и Якушкинъ былъ не совсѣмъ правъ: тогда „хождение въ народъ“ еще не было такимъ обычнымъ явленіемъ какъ нынѣ... Къ изданію *Русскихъ легендъ* Каратыгинъ отнесся далеко не сочувственно, какъ и къ личности Якушкина.

24го марта.

„На дняхъ прочиталъ я издавныя въ Москвѣ *Русскія народныя легенды*. Читалъ ли ты ихъ? Онѣ надѣлали много шума и въ Бѣлокаменной, и въ Петербургѣ. Прочти, братецъ; но предупреждаю, по случаю запрещенія эта книга поднялась въ цѣнѣ: продавалась по рублю, а теперь ее и за десять трудно достать. Въ этихъ „легендахъ“ принималъ участіе и нашъ знаменитый Якушкинъ, bête noire Гемлея. По моему эти легенды—кощунство измышленное въ кабакѣ, глауленіе надъ Чети-Мисеей и Евангелиемъ... Говорятъ, будто цензоръ пропустившій эту книгу уволенъ отъ должности. Бóльшая часть этихъ легендъ была давно напечатана въ разныхъ журналахъ, но съ другими дѣйствующими лицами (языческими богами, браминцами, жрецами и т. п.); теперь въ легендахъ фигурируютъ: Иисусъ Христосъ, апостолы, Николай Чудотворецъ! Вотъ это—прогрессъ!... Пора указать Русскому народу на тщету его вѣрованій; пора распатывать камни на которыхъ зиждется церковь... Любопытно только знать: чтó современные зодчіе построить на ея развалинахъ? Суди же меня Богъ и Государь, а я плюнулъ на это произведеніе кабачной литературы слѣдующими стихами:

Давно ужъ публика московская ждала
 Плодовъ Якушкина ученыхъ путешествій!
 Судьба во Псковъ его случайно завела,
 Гдѣ было столько съ нимъ плачевныхъ происшествій!
 Тамъ русскій нашъ Гомеръ въ полицію попалъ,
 Униженъ былъ и чинъ, и родъ его дворянскій:
 Губернскій секретарь три ночи ночевалъ
 Въ одной съ бродягами, ворами, арестантскою!
 Не всѣ же Байроны: Якушкинъ былъ собой
 Невзраченъ, некрасивъ и циникъ по натурѣ,
 И вольномыслящій поэтъ передовой
 Вольноотпущеннымъ былъ признанъ по фигурѣ.
 И гдѣ жъ полицію поэта понимать?
 Всѣ полицейскіе не смыслятъ въ ней ни чорта...
 И вздумали его за то арестовать
 Что былъ онъ въ зипунѣ, и пьянъ, и безъ паспорта!
 Поэтъ по кабакамъ искалъ родныхъ легендъ,
 Такъ чтó жъ мудренаго что онъ хватилъ сивухи;

Не повать былъ его народный элементъ—
 А онь, дѣйствительно, поеть въ народномъ духѣ!
 Вотъ, наконецъ, въ Москвѣ являются на свѣтъ
Легенды русскія—собранье пошлыхъ бредней!
 Въ нихъ отличается Якушкинъ, нашъ поеть,
 Доказывая въ нихъ... что шутъ онь не послѣдній...
 Такъ ты для этого терпѣлъ и стыдъ и срамъ,
 И отъ полиціи пріямъ вѣнокъ изъ терній,
 И въ грязномъ зипунѣ ходилъ по кабакамъ,
 И обошелъ лѣшкомъ ты нѣсколько губерній?!“

13го октября.

„Ты спрашиваешь меня: почему о Сосницкомъ, Самоиловѣ
 и обо мнѣ не упоминаютъ въ статьѣ о похоронахъ Мартынова?
 Грѣшный человекъ, я даже и не читалъ этой статьи. Во-
 обще я теперь пересталъ читать журналы—не стоить глаза
 портить, они жъ у меня нынѣ что-то слабеютъ; вдобавокъ
 меня, человека отсталого, мало интересуетъ современная ли-
 тература, Богъ съ ней! Жаль что тебя не было въ Петер-
 бургѣ во время похоронъ Мартынова. Передать всѣ подроб-
 ности этихъ страшныхъ похоронъ нѣтъ никакой возможности.
 Что масса публики хотѣла почтить прахъ перваго нашего
 комика—это дѣло прекрасное; но зачѣмъ же было самой пу-
 бликѣ доходить до площаднаго комизма на его погребеніи?
 Еще за два дня до похоронъ, когда тѣло Мартынова при-
 везли изъ Москвы, я пошелъ его встрѣтить на станцію же-
 лѣзной дороги. Народу было множество. Когда гробъ по-
 весли съ дебаркадера, всѣ, разумѣется, сняли шляпы. Я слѣ-
 довалъ за гробомъ въ нѣсколькихъ шагахъ; это было въ де-
 вятomъ часу вечера, погода довольно свѣжая: всѣ сопрово-
 ждавшіе гробъ снова накрылись и шли тихо, степенно, при-
 личиво... Вдругъ изъ толпы пробивается какой-то буянь, рас-
 треланный, съ бородой, повидимому пьяный, и кричитъ во
 все горло: „шляпы долой!“ Впереди меня шли двое молодыхъ
 людей тоже въ шляпахъ. Этотъ самозванный будочникъ
 подбѣгаетъ къ одному изъ нихъ и велитъ ему снять шляпу.
 Тотъ, разумѣется, отвѣчаетъ ему: „да вамъ-то какое дѣло?“—
 Мнѣ какое дѣло? возражаетъ бородачъ,—а вотъ какое! и хва-
 тилъ молодого человека по шляпѣ. Обиженный схватилъ на-

гледя за шиворотъ и потащилъ на расправу къ полицеймейстеру. Чѣмъ окончилось дѣло, не знаю. На другой день я узналъ отъ Марковецкаго, который распорядился перенесеніемъ тѣла со станціи въ церковь Знаменія, что нахаль сбивавшій шпалы былъ пресловутый Якушкинъ—эта жертва полицейскаго деспотизма во Псковѣ!.. Тебѣ извѣстно что въ день похоронъ лублика отпрягла лошадей и повезла дроги съ гробомъ Мартынова; на нихъ же посадили его дѣтей, да кромѣ того студенты обѣщали гробъ, какъ мухи мертвое тѣло, и стояли на ступеняхъ дрогъ держась за кисти балдахина! Я думаю что народъ желалъ везти гробъ Мартынова, (а въ металлическомъ гробу было вѣсу шесть или семь пудовъ), отнюдь же не дѣтей его, а еще того менѣе студентовъ, вздумавшихъ на даровщинку прокататься по Невскому Проспекту. И служеніе литіи въ виду Александринскаго театра было, по моему мнѣнію, неумѣство и неприлично: храмъ искусствъ не можетъ имѣть ничего общаго съ церковью Божіей и ея обрядами!

„Во все продолженіе шествія возгласы „шалки долой!“ не умолкали; шные крикуны махали лалками, либо грозилась кулаками!... Словомъ, изъ печальнаго зрѣлища вышла какаето балаганная вакханалія. Молодежь обрадовалась случаю, среди бѣла дня, безнаказанно побуйвить на улицѣ, и полиція была до того переконфужена что полицеймейстеръ по наряду участвовавшій въ процессіи, опасаясь какой-либо дерзости, во весь луть ѣхалъ безъ каски.

„Но отъ эпизодовъ пошлыхъ перейду къ одному истинно трогательному бывшему со мною во время отлѣванія Мартынова. Когда оно началось, я стоялъ на клиросѣ: свѣ зажгли свѣчи, но въ нашъ уголокъ ихъ не подали. Я хотѣлъ было самъ подойти за нею, но по тѣснотѣ не могъ этого сдѣлать. Вдругъ какая-то незнакомая дама подходитъ ко мнѣ съ зажженною свѣчей и, подавая ее мнѣ, говоритъ: „ужъ вамъ-то нельзя быть безъ свѣчки при отлѣваніи Мартынова!“ Я пожалъ ей руку и она скрылась въ толпѣ. Послѣ того я не видалъ ея болѣе ни въ церкви, ни на кладбищѣ. Сочувствіе добрыхъ людей къ семейству Мартынова выразилось прекраснымъ сборомъ (до 4.000 р. с.) съ бенефиса въ пользу его вдовы и дѣтей. Поговариваютъ о подпискѣ на памятникъ нашему незамѣвному комику...“

28го декабря.

„Нынешняя наша зима до того изобильна снѣгомъ что его хватало бы на три зимы; снѣговья горы съ улицъ и съ дворовъ едва успѣваютъ свозить. На желѣзныхъ дорогахъ такіе снѣговые завасы что поѣзда запаздываютъ. И въ это-то царство снѣговъ улалъ, какъ снѣгъ на голову, дивный цвѣтокъ юга: знаменитая *Ристори!* Положа руку на сердце, безо всякаго преувеличенія скажу тебѣ что я, во всю долгую жизнь мою, не видалъ ни сценѣ артистки выше этой художницы. Не пропускаю ни одного представленія. Этотъ могучій талантъ выше всякихъ похвалъ. Да, дружще, чтобъ увидѣть эту царицу сценическаго искусства, чтобъ имѣть понятіе о томъ до чего оно можетъ достигнуть, стоить прѣхать къ намъ изъ-за тысячи верстъ. До сихъ поръ я видалъ Ристори въ пяти трагедіяхъ (*Медея, Клѣтва, Юдифь, Марія Стюартъ* и *Елисавета, королева англійская*) и съ каждою ролью восхищеніе мое возрастаетъ... Вчера, напримѣръ, она играла *Елисавету*: это—совершенство! Возвратясь домой, я долго не могъ заснуть подъ обаяніемъ произведеннаго на меня впечатлѣнія, и сегодня, въ шестомъ часу утра, пишу къ тебѣ самъ не свой. Я, какъ влюбленный юноша, вослѣвую великую артистку... Но другія лѣсни поютъ о ней наши ремеслы, для которыхъ зилунъ, овчинный тулунъ мнѣе древнихъ тогъ и мантий, а лапти—выше греческихъ котурновъ... Имъ не можетъ быть понятна волоощенная *Мельомена*, какъ не можетъ нравиться ни *Венера Медицейская*, ни *Рафаелевская Мадонна!* И пускай бы себѣ бравили Ристори за словахъ, а то критикують ее печатно...

Европы приговоръ—не подкупная ложь:
Хоть это бы разчелъ у насъ иной затѣйникъ!
На даровщинку тамъ ужъ славы не возьмешь,
Не то чтобъ удивлять свой только муравейникъ!“

8го февраля 1861 года.

„Наступившій Новый Годъ имѣетъ для Россіи несравненно важнѣйшее значеніе нежели будущій,—годъ ея тысячелѣтія въ вышнемъ Божію и царскою милостію Россія будетъ

освобождена отъ крѣпостнаго права! Истекающее тысячелѣтїе можно раздѣлить на вѣсколько періодовъ, изъ которыхъ каждый—фазисъ рабства и смѣны одного ига на другое... Ига: варяжское, удѣльное, татарское, московское съ опричвиной, крѣпощива, иго польское... Наконецъ со времянь Петра добровольное раболѣнство Россіи предъ заморщиною; идеалъ русскаго человѣка не въ себѣ самомъ, а въ Голландцахъ, Французахъ, Нѣмцахъ!... Дай же Господи чтобы съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и наша Русь-матушка обрусѣла..

„Въ виду этого великаго событія могу ли говорить о театрѣ и новостяхъ литературныхъ? Слуховъ бездна, на всѣ вкусы: правдоподобные, невѣроятные, мелкіе. Говорятъ будто въ заграничной печати появляются статьи въ возмутительномъ духѣ; наши заморскіе друзья опасаются возстанія (спасибо за заботливость!). Крикуны-алармисты не принимаютъ въ соображеніе двухъ очень вѣскихъ обстоятельствъ: великое преобразование исходитъ свыше—это разъ; второе, что быть не въ духѣ и не въ характерѣ русскаго человѣка... Поймай, предупреждаю возраженіе и слышу досказать: въ основѣ русскаго мятежа лежала всегда защита или охрана законныхъ правъ отъ произвола или насиія. Царевна Софья никогда не могла бы возмутить стрѣльцовъ противъ Петра еслибы не нашелтывала имъ что оны хотятъ извести старшаго брата и обусурманить русскую церковь. Заговорщикамъ 14 декабря не удалось бы произвести военнаго мятежа еслибы они не внушали соддатамъ что они нарушаютъ присягу Константину, будто бы угнетаемому Николаемъ, младшимъ своимъ братомъ... Нѣтъ! Русскій народъ слишкомъ добръ, благодаренъ и разуменъ чтобы за свое освобожденіе воздать Царю смутами да крамолами!“

5го сентября.

„4го прошедшаго августа скончалась жена моя! Помолись за нее и за меня, чтобы Богъ далъ мнѣ силъ перенести эту невозвратную, незамѣнимую потерю!

„Тяжкую утрату повесла и ваша сцена: третьяго дня умеръ Максимовъ... Едва прошелъ годъ со времени кончины Мартынова какъ и другой мой ученикъ умеръ преждевременно. Отлѣвять его будутъ въ четвергъ въ церкви театральнаго

училища, а хоронить повезуть, согласно завѣщанію, въ Деревенцкій монастырь, около Новгорода, на который онъ много жертвовалъ при жизни. Бывшій гулака и кутила скончался какъ истинный христіанинъ: два раза приобщался святыхъ Таинъ и соборовался масломъ... Боже, Боже мой! какъ осиротѣла ваша труппа за послѣднія тридцать лѣтъ! Какъ много могилъ, какъ мало истинныхъ талантовъ!..“

1го октября.

„Не проходитъ моя тоска; но я не хочу докучать тебѣ моими іереміадами.... Да и въ Питерѣ у насъ не весело. Тревожныя оласенія за безпорядки и смуты, къ несчастію, оправдываются!... На дняхъ была у насъ демонстрація студентовъ, по причинѣ новаго положенія о посѣщеніи лекцій. За недѣлю предъ тѣмъ въ аудиторіяхъ были безпорядки и шумъ, вслѣдствіе которыхъ начальство распорядилось закрыть университетъ. На слѣдующее утро студенты собрались къ университету и вида залертыя двери, въ полномъ составѣ, около тысячи человекъ, пошли для объясненій къ попечителю, генералу Филипсову, требуя чтобы онъ приказалъ отворить университетъ. Филипсовъ живетъ у Владимірской, на Колокольной улицѣ, и оттуда-то студенты чуть не силою повели его на Васильевскій Островъ. Полиція, еще наканунѣ знавшая о готовившейся демонстраціи, прислала эскадронъ жандармовъ, толпу будочниковъ... но студенты не разбѣжались и сомкнутою толпою достигли университета.... Сюда вскорѣ съѣхались военный генераль-губернаторъ Игнатьевъ и обер-полицеймейстеръ Паткуль: убѣждали студентовъ разойтись, но они упрямо стояли на своемъ. Къ университетскимъ присоединились студенты медико-хирурги, какъ говорятъ, большею частію Поляки.... На другой, на третій, на четвертый день возобновлялись тѣ же сходки.... Къ дверямъ университета привели караулъ роту гвардейскихъ солдатъ, и дѣло локуда остается *in statu quo*.... Ожидаютъ возвращенія Государя; чѣмъ Онъ рѣшитъ. Не знаю въ точности подробностей... Во всякомъ случаѣ студентская исторія—событіе грустное! За нею послѣдуютъ, разумѣется, аресты и взысканія; число недовольныхъ увеличится; молодежь озлобится и пыкіе ювые

умы лучше прежняго ударятся въ либеральное направленіе.... У многихъ изъ нихъ будетъ испорчена, исковеркана едва начинающаяся жизнь; затолчутся въ грязь, можетъ-быть, прекрасная сѣмена, которыя со временемъ могли бы привести добрый и обильный плодъ.... А бѣдныя матери, отцы и сестры? Не одну бессонную ночь проведутъ они. Жаль молодежь; но жаль и добраго Царя, котораго, конечно, сильно огорчить эта исторія. Но самоуправство не можетъ остаться безнаказаннымъ.... Увидимъ что Богъ дастъ!“

Въ теченіе слѣдующаго года авторъ писемъ попрежнему сообщалъ своему другу обо всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событіяхъ въ театральномъ и литературномъ мѣрѣ, но мы не приводимъ выдержекъ, потому что эти письма въ одной грулѣ могли бы показаться читателю монотонными. Вопросъ о преобразованіи русскаго правописанія, поднятый нашими педагогами весной 1862 года, нашелъ въ Каратыгинѣ рѣшительнаго противника, и онъ написалъ эпиграмму въ формѣ перифраза Пушкинскаго *Клеветникамъ Россіи*:

„О чемъ шумите вы, народныя витіи?“

Это эпиграмматическое посланіе было напечатано Н. И. Гречемъ особыми листками и разошлось въ лубки обоихъ лагерей: защитниковъ новой орфографіи и приверженцевъ старой *.

На сценѣ лиесы стараго репертуара и классической школы окончательно уступили мѣсто произведеніямъ новой школы. Дѣятели сценическіе пополнившіе драматическую труппу отнесли къ старому артисту почтительно, но безъ сочувствія.... Назначеніе новаго директора (25 сентября 1862) ни мало не послпособствовало преобразованіямъ въ администраціи театровъ, настоятельно ихъ требовавшей. Новый директоръ, человекъ добрый, благородный, но совершенно чуждый театральнѣ литературѣ, на первый разъ обратилъ особеннѣ пристальное вниманіе на внѣшность и формалистику. Строгій блюститель требованій этикета, онъ занялся костюмами не актеровъ на сценѣ, а музыкантовъ въ оркестрахъ.

* Это стихотвореніе было напечатано въ *Русской Старинѣ* 1860 года, томъ XXVII, стр. 653—654.

До новаго директора они одѣвались какъ попало: въ сюртуки, цвѣтныя пальто и лестрые галстуки. Выданъ былъ приказъ одѣваться во фраки и въ бѣлые галстуки. Отъ музыкантовъ директоръ перешелъ къ актерамъ, выразивъ желаніе чтобы и они, бывая въ театрѣ въ зрительской залѣ, одѣвались въ черную пару, „по формѣ“.. Каратыгинъ въ своихъ *Запискахъ* разказываетъ о столкновеніи старшаго своего брата съ директоромъ Майковымъ на одномъ изъ представлений на школьномъ театрѣ *. Угодно же было судьбѣ чтобы у самого автора *Записокъ*, ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, произошло столкновеніе съ директоромъ также во время спектакля на школьномъ театрѣ, окончившееся впрочемъ весьма миролюбиво и воспѣтое Каратыгинымъ въ его дневникѣ:

На школьной лѣстницѣ директора я встрѣтилъ;
Мы оба шли въ театръ: онъ оглядѣлъ меня,
На вѣжливый поклонъ мой не отвѣтилъ,
А съ важной строгостью замѣтилъ:
— Зачѣмъ де не во фракъ а?
Неволью мнѣ пришлось смѣшаться:
„Я ворочусь домой, надѣну фракъ тотчасъ...“
— Зачѣмъ же, онъ оказалъ: на этотъ только разъ
Я позволю вамъ здѣсь въ сюртукѣ остаться.—
Графъ вѣкъ свой при дворѣ, вельможа, формалистъ,
Въ его глазахъ важна парадная шпиря...
И какъ же, напримѣръ, придворный же артистъ
Свободнѣй хочетъ быть придворнаго лакея?!
Тутъ я откланялся ему,
И въ этотъ разъ онъ мнѣ поклономъ не отвѣтилъ!...
Его сѣятельство меня „по платью“ встрѣтилъ,
Я провожалъ его глазами... „по уму“!

Вечеромъ 4 апрѣля по всей столицѣ разнеслась вѣсть о чудесномъ спасеніи Государя отъ угрожавшаго Ему злодѣйскаго покушенія. Каратыгинъ былъ однимъ изъ первыхъ воспѣвшихъ это достопамятное событіе... Слѣдующіе стихи (написанные 9 апрѣля 1866) были напечатаны въ газетахъ того времени и въ сборникахъ:

* См. *Записки* П. А. Каратыгина. Сиб. 1880, стр. 81—89. Это случилось въ первой половинѣ марта 1822 года.

Θομιαъ понедѣльникъ.

Христось воскресъ! и не повѣрилъ чуду
 Одинъ Θοма что Онъ воистину воскресъ!...
 И въ наше время Богъ намъ чудо посылаетъ,
 Чтобъ вѣрою святой намъ душу просвѣтитъ!
 И чудо то, по Божьему велѣнью,
 Въ „недѣлю о Θοмѣ“ свершилось на Руси!
 Ужели мы, сѣнцы, и нынѣ усомнимся
 И въ вышемъ Промыслѣ, и въ милости Творца?
 Не заповѣдалъ ли Онъ ангеламъ небеснымъ
 Хранить Царя на всѣхъ Его путяхъ?
 Благословенъ Господь отнынѣ и до вѣка;
 Онъ благостью Своей въ насъ вѣру укрѣпляетъ:
 Онъ лучшаго Царя и Человѣка
 Для благоденствія Россіи сохранилъ!

Въ первыхъ же числахъ апрѣля Государь Императоръ, посѣтивъ Александринскій театръ, въ антрактѣ пришелъ за кулисы... Съ громкимъ, восторженнымъ *ура* бросились къ Нему на встрѣчу всѣ отъ мала до велика, отъ первокласснаго артиста до послѣдняго плотника... Каратыгинъ, стоявшій ближе всѣхъ, поцѣловалъ руку Царя-Освободителя и усамншалъ Его слова:

— Я вамъ вѣрю, добрыя мои дѣти, вѣрю!...

Къ портрету Комисарова артистъ написалъ сѣдующій экспромтъ:

Счастливецъ! вознесенъ ты высоко изъ праха!..
 Мечталось ли тебѣ, когда ты шапки шилъ
 Чтобы сласти главу Господь тебѣ судилъ
 Увѣчливую шапкой Мономаха!..

По случаю событія 4 апрѣля, покойный Некрасовъ также воспѣвалъ Комисарова:

Сынъ народа, тебя я люю,
 Будешь славенъ ты долго и много!..
 Ты великъ, какъ орудіе Бога,
 Направлявшаго руку твою!..

Сѣдствие по дѣлу о злодѣйскомъ покушеніи было поручено недавнему умиротворителю Западной Россіи М. Н. Муравьеву. Англійскій Клаубъ устроилъ для него парадный обѣдъ.

Очевидцы рассказывают что послѣ объѣда Некрасовъ, съ листкомъ бумаги, подошелъ къ Муравьеву:

— Кого имѣю удовольствіе видѣть? очень сухо спросилъ герой праздника, вскинувъ прищуренные глаза на поэта.

— Некрасовъ.

— Некрасовъ? проговорилъ Муравьевъ, какъ бы что-то припомывая.—Некрасовъ... виновать, не знаю... Служите гдѣ?

— Я писатель, редакторъ журнала *Современникъ*...

— А-а! очень пріятно, очень пріятно!

Некрасовъ прочелъ свое стихотвореніе въ честь Муравьева. Сущность его заключалась въ похвалахъ, въ надеждѣ на его дѣятельность и пожеланіи чтобъ онъ, не щадя никого, истребилъ „зло до корня“... * По окончаніи чтенія, Муравьевъ, не привставая съ креселъ, только молча поклонился.

Когда рассказъ этотъ былъ переданъ Каратыгину, артистъ, пожавъ плечами, тутъ же написалъ:

Изъ самыхъ красныхъ нашъ Некрасовъ либералъ,

Суровый демократъ; неподкупной сатирикъ,

Ужели не краснѣлъ, когда читалъ

Ты Муравьеву свой прекрасный панегирикъ?

Кого стихами ты своими обманулъ,

Куда жь дѣвалась Маратова свирѣлость?

Знать, вѣтеръ на тебя съ той стороны подулъ

Гдѣ Петролавловская крѣпость!

Закончимъ наши выдержки стихотвореніемъ Каратыгина, написаннымъ имъ себѣ самому въ исходѣ февраля 1873 года, за нѣсколько дней до празднованія его пятидесятилѣтняго юбилея.

Вотъ наконецъ и мой подходитъ юбилей...

И мнѣ готовятся оваціи быть-можетъ,

И скажутъ много мнѣ экспромтовъ и рѣчей,

И кто-нибудь еще кулачетъ застольный сложить...

И будетъ все какъ было у другихъ:

Тотъ руку мнѣ пожметъ, другой въ объятяхъ сдавить

И отъ лица товарищей моихъ

Нашъ милый режиссеръ привѣтъ мнѣ прокартавить!

* Вѣроятно на это стихотвореніе намекаетъ г. Антоновичъ въ своей книгѣ: *Матеріалы для характеристики современной русской литературы*. С. Петерб. 1869 года, стр. 6. „Я, напримѣръ, хотъ и не библиографъ, но ужасно усердно ищу одно ваше некалечатанное стихотвореніе и заплатилъ бы вамъ за него большія деньги.“

Ломать комедию вѣдь намъ не привыкать:
 И тотъ кто мнѣ подчасъ такъ пакостилъ по службѣ
 Публично станетъ увѣрять
 И въ уваженіи своемъ меня, и дружбѣ!
 И грустно мнѣ что я въ свой честный юбилей
 Пушусь, какъ и мои товарищи, въ актерство;
 И въ благодарности признательной моей
 Ложь будетъ на словахъ, а на лицѣ притворство!...
 Давно ужъ прежнихъ нѣтъ товарищей моихъ,
 Которые меня почтали бы вниманьемъ:
 Радужный ихъ привѣтъ и поцѣлуй отъ нихъ
 Не могъ бы я назвать чуднымъ любованьемъ!...
 Но не горюй старикъ, заранѣе о томъ,
 Твои труды авось еще уважутъ;
 Авось найдешь людей ты въ обществѣ другомъ
 Которые въ тотъ день тебѣ спасибо скажутъ!..
 Полвѣка прослужить—заслуга не важна;
 Быть-можетъ, какъ артистъ, не стоишь ты почета...
 Но вотъ чѣмъ жизнь твоя почетна и красива:
 Не вынесъ ты ни одного пятна
 Изъ театральнаго болота!

К.

РАЗКАЗЫ О ДОМАШНЕМЪ БЫТѢ СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ

ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ 1854—55 ГОДОВЪ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы собирали разказы о домашней жизни московскихъ обывателей въ Двѣнадцатомъ Году * и полагаемъ что подробности о частномъ бытѣ Севастопольцевъ во время осады несчастнаго города также не лишены интереса. На этомъ основаніи предлагаемъ публикѣ нѣсколько разказовъ слышанныхъ нами.

Разказъ протоіерея Петро-Павловской Севастопольской церкви, отца Александра Демьяновича.

29го или 30го августа распространилось по Севастополю извѣстіе что въ морское вѣдомство пришла изъ Георгіевскаго монастыря телеграмма въ которой было сказано что потерялись на морѣ двадцать пять непріятельскихъ судовъ. Такое скромное число никого не налугало, но черезъ часъ новая телеграмма извѣщала уже что суда въ числѣ пяти-

* Они были напечатаны частью въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, частью въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и явились потомъ отдѣльнымъ изданіемъ.

десяти. Промель еще часъ: узнали что ихъ сто, и въ тотъ же день послѣдняя телеграмма извѣстила что счастье ихъ нельзя, потому что они идутъ въ разбивку, но по видимому число ихъ громадное. 2го сентября мы узнали что непріатели высадились на мысъ Лукулъ.

Наша армія пошла на встрѣчу врага, а въ Севастополѣ работали безъ устали надъ укрѣпленіями. Всѣ знали что войска у насъ мало, и лишь немногіе рассчитывали на успѣхъ. Въ день Рождества Богородицы * мы слышали съ зари гулъ Альминскихъ пушекъ; день прошелъ въ ожиданіи и страхѣ, и наконецъ вечеромъ разнеслась роковая вѣсть: мы были разбиты.

Стали привозить раненыхъ. Страшно было взглянуть на городъ, но некогда было предаваться унынію. Всѣ отъ мааа до велика сбѣгались на укрѣпленія и работали день и ночь по мѣрѣ силъ.

На праздникъ Воздвиженія ** я долженъ былъ служить въ кладбищенской церкви, которая состоитъ подъ нашимъ вѣдѣніемъ. Дорога на кладбище ведетъ черезъ ворота оборонительной стѣны. Она начиналась у Артиллерійской бухты и оглабала часть города. Подхожу: ворота закрыты, и сторожъ мнѣ объявилъ что не пропускаютъ никого, потому что непріатель уже въ Балаклавѣ.

Я вернулся домой въ помятой тревогѣ и далъ знать начальству что долженъ вечеромъ хоронить годоваго ребенка, сына кулца Носова. Мнѣ было разрѣшено ѣхать на кладбище, но не иначе какъ подъ конвоемъ пятнадцати верховыхъ казаковъ. Я ѣхалъ въ дрожкахъ и везъ гробикъ на колѣнахъ. Насъ провожали знакомые и родственники Носовыхъ. Но когда мы поравнялись съ воротами, часовой намъ объявилъ что не пропустятъ со мной никого, кромѣ отца и матери умершаго ребенка, и прибавилъ что непріатель уже въ Херсонесѣ. Меня обдало холодомъ. Прѣхавъ черезъ ворота я взглянулъ направо: тамъ блестяли непріательскіе штыки и каски.

Объ ужасахъ осады разказывать не буду: они всѣмъ извѣстны. Я въ это время уже овдовѣлъ и жилъ съ матерью и пятью дѣтьми. Не долго уцѣлѣлъ мой домъ: на третій

* 8 сентября.

** 14 сентября.

день осады старикъ Іеремія, который жилъ у насъ въ работникахъ, сидѣлъ около меня на полу и кормилъ цыплятъ. Вдругъ раздался страшный трескъ, и густой дымъ разостлался лезевою предъ моими глазами. Когда онъ разсѣялся, я увидалъ около себя дѣтей и наконецъ обезображенный трупъ бѣднаго Іереміи. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я не могъ оломвиться, потомъ осмотрѣлъ домъ: бомба разгромила балконъ и долортила стѣны. Однако мы тутъ остались. Къ намъ приходили что ни день знакомыя лица лишившіяся крова. Въ это страшное время каждый шелъ въ открытыя ворота, не дожидаясь приглашенія хозяина: мой подвалъ наполнился женщинами. Онѣ тутъ жили нѣсколько дней, но ракета пробила кровлю и къ счастью зарылась въ леринѣ лежавшей въ подвалѣ. Ея жилища были такъ напуганы что бросились съ крикомъ на дворъ. Тогда рѣшились и мы съ матерью убираться, по добру по здорову: непріятель подошелъ уже сапшкомъ близко, и мы переселились въ лустой домъ^а стоявшій недалеко отъ насъ.

Съ каждымъ днемъ снаряды сыпались на насъ гуще, за то мы къ нимъ привыкали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Сначала очень было страшно, а потомъ крѣпко спать бывало подъ свистъ бомбъ и граватъ, а идешь по улицѣ, не обращаешь на нихъ вниманія. Помню, сильная была бомбардировка въ ночь на 9е марта. Мы думали что отъ нашей церкви ничего не останется и всю ночь около нея ходили; однако на этотъ разъ она уцѣлѣла. Въ числѣ другихъ снарядовъ мы увидали конгревову ракету направленную въ нашу сторону. Не знаю почему мнѣ показалось что она не минуетъ моего жилища, и когда она утала, я пошелъ къ себѣ на дворъ. Ракета пробила дѣйствительно кровлю кухни, но зарылась въ вязанку дровъ, не причинивъ дальнѣйшаго вреда. Пока я стоялъ надъ ней, думая о томъ что мое семейство было спасено какимъ-то чудомъ, раздался около меня голосъ моей матери: „Святъ, святъ, святъ Господь Богъ!“

^а Становилось все опаснѣе на нашей сторонѣ; непріятель все приближался, а мы все удалялись. Много было лустыхъ домовъ, и мы переходили свободно изъ одного въ другой. Наконецъ, въ половинѣ апрѣля, я попросилъ у начальства позволеніе оставить городъ: меня не пустили; тогда я уговорилъ мать уѣхать въ Могилевскую губернію съ тремя изъ

дѣтей. При себѣ я оставилъ двухъ сыновей, одного семи, другаго пяти лѣтъ.

У меня жилъ въ работникахъ матросъ Еремѣй. Онъ стоялъ на государственной службѣ, но его командиръ, видя какъ мнѣ приходится жутко съ большою семьей и разчитывая очень вѣрно что отсутствіе одного человѣка не принесетъ ущерба дѣлу, согласился мнѣ его уступить. Когда люди стали убывать каждый день въ страшномъ количествѣ, онъ писалъ ко мнѣ что требуетъ его назадъ, но я отвѣчалъ что умоляю надо мною сжалиться и что Еремѣй не отстоитъ Севастополя. Такъ Еремѣй у меня и остался, и очень привыкли мы другъ къ другу. Онъ спалъ съ младшимъ моимъ сыномъ въ небольшой галлерей пристроенной къ дому, гдѣ я тогда жилъ. Въ одну ночь меня разбудилъ изступленный крикъ: я узналъ голосъ сына и не помню какъ очутился въ одну минуту на дворѣ. Но все было темно и тихо, однако этотъ голосъ раздавался въ моихъ ушахъ. Я растерялся до такой степени что не зналъ куда броситься, звалъ громко Еремѣя и требовалъ огня. Сосѣди прибѣжали на мой крикъ и принесли свѣчу. Въ двухъ шагахъ отъ меня лежало тѣло бѣднаго Еремѣя: рука была оторвана, голова разсѣчена на двое. Я не остановился даже надъ нимъ и побѣжалъ къ галлерей. Мѣсто гдѣ спалъ ребенокъ было засыпано мусоромъ и стеклами; я крикнулъ: Коля! Болѣзненный звукъ отвѣчалъ на мой голосъ и что-то шевельнулось подъ мусоромъ. Руки мои дрожали пока я освобождалъ мальчика отъ хлама покрывавшаго его. Коля лежалъ безъ чувствъ: я подвѣлъ его на руки. Онъ вскрикнулъ: нога! и лишился олять сознанія. Только тогда я увидалъ что нога его висѣла какъ ласть; снарядъ пробившій стѣну контузилъ его, кость колѣна была раздроблена.

Я уложилъ мальчика на свою постель, и ждалъ съ заморающимъ сердцемъ разсвѣта. Липъ только проглянула заря я навѣлъ яликъ и побѣжалъ на Сѣверную. На перевалочномъ пунктѣ я засталъ Пирогова съ Гюбенетомъ и показалъ имъ сына. Они осмотрѣли его и переговорили по-латыни. Я хорошо знаю латинскій языкъ, и все дрогнуло во мнѣ отъ ихъ словъ.

— Нѣтъ, Николай Иваичъ, сказалъ я, обращаясь къ Пирогову,—я ноги ладить не дамъ.

— А! вы латинистъ, батюшка?

— Латинскость, и повтораю что не соглашаюсь на ампутацію.

— Ампутація самое вѣрное средство, но на.вашъ страхъ попробуемъ другаго.

— Ради самого Бога.

Они сбивовали раненую ногу и уложили мальчика; когда овъ успокоился я уѣхалъ домой.

Тутъ мнѣ предстояла грустная забота. Я жалѣлъ душевно о моемъ вѣрномъ Еремѣѣ, и кромѣ того меня мучила мысль что его командиръ можетъ пострадать за снисхожденіе оказанное мнѣ. Матросъ не имѣлъ права покидать укрѣпленій, и слѣдовало скрыть что овъ убитъ у меня на дому, потому что отвѣтственность за его отлучку лежала на начальствѣ. Я написалъ немедленно къ командиру что жду его распоряженій. Распоряженія были ясны и кратки: отослать трупъ на Сѣверную.

На Сѣверной были два склада, которые накоплялись каждый день и исчезали каждую ночь: одинъ состоялъ изъ труповъ, другой изъ отдѣльныхъ членовъ. Члены зарывались, а трупы складывались въ общую могилу, получившую въ послѣдствіи имя „братской“, и предавались съ молитвой землѣ. Я велѣлъ омыть тѣло Еремѣя, одѣлъ его въ чистую рубашку, отслужилъ по немъ лавнахиду и отправилъ въ складъ.

Сварядъ причинившій мнѣ столько гора уладъ въ кухню, пробивъ стѣну дома, и раздробилъ на мелкія части печь. Когда стали очищать кухню отъ мусора и камней, нашу зарытую въ нихъ руку Еремѣя.

Я устроилъ себѣ на Сѣверной палатку и перевезъ въ нее часть своего имущества. Къ больному сыну, начинавшему поправляться, я отослалъ его старшаго брата, которому было позволено оставаться въ госпиталѣ. На счетъ дѣтей я былъ покоенъ: когда не могъ быть самъ при нихъ меня замѣнялъ отецъ Арсеій Лебедянецъ. Мы правили съ нимъ поочередно сидѣльную службу, и я многимъ обязанъ его дружбѣ. На Южной сторонѣ мнѣ жилось легче одному, не за кого было бояться.

Всѣ ненавидѣли Англичанъ, но надо сказать что несмотря на жестокою борьбу, мы не питали къ Французамъ непріязненныхъ чувствъ, и они, съ своей стороны, относились къ намъ дружелюбно какъ скоро замолкали пушки. Великій Постъ подходилъ къ концу, и братья Георгіевскаго монастыря обратились къ Французамъ съ просьбой доставить кому-

ибудь изъ насъ письмо во время перемирія. Лишь только водрузили бѣлый флагъ, Французъ подлетѣлъ къ демаркаціонной линіи, подымая письмо надъ головой. Одинъ изъ нашихъ его принялъ. Братія просила насъ прислать ей все нужное для разговѣнія. Всѣмъ захотѣлось участвовать въ этомъ дѣлѣ: наготовили кулечей, ласохъ и нарисовали лица. Перемиріе было заключено со Страстной субботы на весь слѣдующій день, и я повезъ на демаркаціонную линію заготовленную провизію. Французъ ее принялъ, все разсмотрѣлъ, повертѣлъ въ рукахъ красное лицо и заговорилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, но понять его было легко:

— Красныя лица? Символь крови?

— Да, отвѣчалъ я,—и вашей и вашей, не мало ее пролилось съ обѣихъ сторонъ.

Грустно встрѣтили мы Свѣтлый праздникъ, и на слѣдующій же день началось съ зари бомбардированіе. Однако всѣдневная жизнь шла своею очередью. Торговля не прекращалась. Среди площадей стояли цѣлый день столы съ разнымъ товаромъ. Случалось не рѣдко что непріятельскій сварядъ разгромить столъ и убить его хозяина. Тогда прочіе торговцы удаляя трулъ, сдвигали столы и принимались олатъ за свое дѣло. Но все становилось страшно дорого: за фунтъ сахару мы платили семедесять лять копѣекъ. Больше всего страдали отъ недостатка воды: всѣ источники находились въ рукахъ непріятеля. Оставался послѣдній колодезь, но Французы подошли къ нему такъ близко что идти за водой значило идти подъ пули. Однако каторжанки вылуценныя изъ тюрьмы при началѣ осады бодро черпали воду изъ колодезя и продавали ее по 50 коп. ушатъ *.

16го августа я получилъ приказаніе вывозить на Сѣверную всю утварь нашей церкви. Въ это время, перебираясь изъ дома въ домъ, все ближе къ центру города, я дошелъ уже до бульвара. 27го при захожденіи солнца съѣлъ я за ужинъ, который былъ, разумѣется, не роскошный. Вдругъ вошелъ ко мнѣ адмиралъ Слицывъ.

* Въ ту минуту когда воздвигали севастопольскія укрѣпленія выпустили изъ тюрьмы преступниковъ приговоренныхъ къ каторгѣ. Они помогали земаекопамъ, и во все время осады вели себя безукоризненно. Ихъ употребляли на разныя работы, и посабъ сдачи города многіе были помилованы, для другихъ смягчили значительно наказаніе.

— Чтò же это, говорить,—батюшка, мы сдаемъ городъ, а вы уживаете преспокойно.

Я вскочилъ съ мѣста.

— Да развѣ вамъ не дали знать? продолжалъ онъ:—мы все жжемъ собственными руками чтобы ничто не доставалось непріятелю и переходимъ на Сѣверную. Взгляните-ка въ окно.

Мы подошли къ окну. Пожаръ загорался справа и слева. Адмиралъ ушелъ, а я собралъ въ кучу всю мебель и вещи которыя при мнѣ оставались, зажегъ ихъ и пошелъ къ пристани.

Пробилъ послѣдній часъ Севастополя. Нѣтъ словъ чтобы передать видъ города въ этотъ вечеръ. Огонь уже взвивался со всѣхъ сторонъ. На улицахъ и площадяхъ тѣснились фуры и пушки, переводили лошадей, переносили раненыхъ. Жители сбѣгались изъ домовъ къ пристани и къ мосту. Крики, шумъ, говоръ, стоны, все сливалось въ нестройный гулъ. Я нанялъ лодку и переехалъ на Сѣверную.

Непріятелю достались лишь окровавленные развалины. Онъ не скоро рѣшился въ нихъ вступить—боялся взрыва, и въ продолженіе двухъ сутокъ лишь немногіе смѣльчаки показывались на дымящихся остаткахъ несчастнаго города. Но 30го, когда мы ударили къ обѣднѣ на Сѣверной, словно въ отвѣтъ на нашъ звонъ зазудѣли колокола уцѣлѣвшіе въ Севастополь; ими забавлялись Французы. Въ послѣдствіи мы узнали что они сняли эти колокола и переплавляли изъ нихъ кольца, браслеты и даже собачьи ошейники.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ съ сыновьями въ Бахчисарай, и послѣ заключенія мира вернулся на родимое пепелище. Отъ моего дома не оставалось и слѣда; церковь, гдѣ я такъ долго служилъ, была разрушена; возвышалась лишь пробитая ея стѣны и около нихъ полуразрушенная колоннада. Кладбищенская же церковь, находившаяся въ рукахъ непріятеля, уцѣлѣла, но сердце мое сжалось когда я въ нее вошелъ. Судя по ея нечистотѣ и колоту надо полагать что она служила кухней или комьюшней. Кромѣ того Французы гаумили надъ нашею святыней и разрисовали всѣ иконы. Котораго святаго нарядили во фракъ, которому надѣли очки. Въ иконѣ Царя Константина осталось ядро: она пожертвована въ Тотлебенскій музей.

II.

Разказъ солдатки Анны Кузьминшны Любчукъ.

Страхъ былъ въ городѣ какъ сталъ подходить непріатели! Землекопы уже давно трудились надъ батареями, а тутъ вышелъ приказъ чтобъ и мы пособляли работать. Ну, думаемъ, видно дѣло плохо и бросились всѣ къ дѣлу. Кто песокъ въ подолѣ носить, кто подвозить камни въ тележкѣ. Работали, рукъ не покладали, даже старуки и мамья дѣти, а вѣдь съ нихъ и начальство взыскать не могло.

Мужъ мой служилъ на укрѣпленіяхъ. Я шла за него вдовой, и была у меня отъ перваго мужа дочь Варвара; а ужъ и ее пристроила и жила она рядомъ со мной въ Артиллерійской слободкѣ. У нея свой домъ и у меня свой. Въ это время она кормила сыночка, а я хоть и бабушка, а тоже двое маленькихъ дѣтей при мнѣ.

Скореховько послѣ Покрова сталъ Французъ громить городъ на самой зарѣ. Себя мы не вспомнили отъ страха и ловыскакали всѣ изъ домовъ. Глядимъ: такъ и летятъ въ нашу сторону бомбы да ядра. Варвара прибѣжала ко мнѣ со своимъ ребеночкомъ, и сидимъ мы всѣ на дворѣ: кто молится, кто плачетъ. Вдругъ слышимъ трескъ и крикъ: ушла бомба въ сосѣдній домъ! Моя Варвара такъ и сплеснула руками: „ко мнѣ“, говоритъ, а посмотрѣть идти боится. И мнѣ страшно было, а дѣлать-то нечего; обождала маленько и пошла. Точно: бомба проклятая пробила потолокъ и зашла въ стѣну.

Денька черезъ три пришла ко мнѣ сестра Настасья и пять человекъ дѣтей съ собой привела. „Пріюти, говоритъ, меня Христа ради, хата моя совсѣмъ разорена.“ И осталась она у меня, а мужъ-то ея солдатъ, по фамиліи Вакутскій, служилъ тоже на батареяхъ.

Ночевать въ комнатахъ мы боялись, а уходили въ подвалъ. Овъ былъ прикрытъ тесомъ, и лазили мы въ него какъ кошки. Просторно въ немъ, спасибо, было, и на ночь-то хаживали къ намъ, бывало, и знакомыя и незнакомыя женщины, а цывы и совсѣмъ у насъ проживали: вмѣстѣ-то не такъ

страшно. А вѣдь цыгъ и страхъ не разбиралъ. Пришла къ намъ солдатка Авдотья и свиней съ собою привела. Разбредутся бывало ея свиньи, а она и поидеть вечеромъ ихъ собирать. Далеко зайдетъ, прямо подъ снарядами и бродить. Ставемъ ее уговаривать: „Что ты, моля, Авдотья, цы ты цы-за свиней души своей не пожалеешь? А она говорить: „Чего бояться-то? пусть онъ себѣ стрѣляетъ: мнѣ до него дѣла нѣтъ“.

Стали и мы свыкаться со снарядами: хоть и страшно, а все не то что сначала. Ко мнѣ въ домъ двѣ проклятыя бомбы упали: одна въ сѣни и пробила полъ, прямо у того мѣста гдѣ лаеманница самоваръ ставила, да Господь помилуваъ, а въ другой разъ много было горя.

Пошла я на укрѣпленія мужа провѣдать, а безъ меня пришелъ зять Вакутскій. Захотѣлось ему на своихъ взгаявуть, онъ и прибѣжалъ тайкомъ; вѣдь солдатамъ запрещено было съ укрѣпленій уходить. Дѣло было въ сумеркахъ, и сталъ онъ собираться: „пора говорить, а то неравно меня хватятъ“. Да мальчишка его лѣтъ четырехъ за него удѣлцаса и подвизалъ ревъ: „ты, говорить, тятя, съ нами вочуй“. Вакутскій-то его баловалъ и шелвулъ мнѣ: „Обману я его чтобъ онъ угомонцаса“, а ему говорить: „Ладно, переночую я здѣсь. Лажемъ-ка“. Уложилъ онъ его на лавкѣ и самъ около него легъ, да и задремалъ. Настасья на ту пору кашпую мѣсила; какъ локовчила съ этимъ дѣломъ, видитъ: сывишко заснулъ, мужъ прихрапываетъ и дѣвочка ея Лизутка, лѣтъ десяти, тоже спитъ въ углу, и думаетъ Настасья: „вечего ихъ будить: мужа-то авось не хватятся, а онъ хоть отдохнетъ маленько“. И сама она въ подвалъ не пошла, а тутъ же прилегла. Вдругъ слышитъ она трескъ страшный и словно весь домъ подъ ней заходилъ: значитъ непрошенная гостья, бомба залетѣла. Вскочила Настасья и себя не всломвила: бѣднаго ея мальчика бросило объ потолокъ, и уламъ онъ мертвый на полъ съ разсѣченною головкой; Вакутскій храпитъ и стонетъ словно угорѣлый. Не знаетъ Настасья куда броситься, да ужъ видитъ ребенокъ-то не дышитъ и подбѣжала къ мужу: у него рука раздроблена.

Какъ быть? и горе-то здакое, и страхъ: бѣда если узнаютъ что Вакутскій ушелъ съ укрѣпленій, а ему и думать вечего назадъ вернуться,—лежитъ какъ пласть. Пустилась Настасья бѣжать къ батарее: „Родимые, говорить, помогите, мой-то

равенъ у насъ дома; улесите его“. Ну, вѣстимо дѣло: какъ товарища изъ бѣды не выручить. Прибѣжали солдаты, отвесли Вакутскаго на укрѣпленія, а оттуда сдали его на перевязочный пунктъ: сейчасъ молъ равилъ.

Настасья его проводила; вернулась она домой, да только тутъ и слохватилась: „батьюшки, гдѣ жь, молъ, Лизутка-то?“ А Лизутка была больная и словно, сердечная, не въ своемъ умѣ. Мать-то помнила что она съ вечера тутъ была, и стала ее кликать, а та не отзывается. Обошла Настасья около всего дома—нѣтъ никого. Пропала дѣвочка, словно сквозь землю провалилась.

Вернулась я домой на эту бѣду. Ужь свѣтать стало. Разказываетъ мнѣ сестра про свое горе, а сама такъ и реветъ. Взглянула я на нее и говорю: „что это у тебя вся нога-то въ крови?“ Глядь—у нея вырванъ изъ ноги кусокъ мяса, а она сторяча и не почувала. Я обмыла раненое мѣсто, перевязала его и стала ее уговаривать чтобъ она отдохнула. Да ей, бѣдной, не до отдыха: какъ взглянетъ на мертвого мальчика, такъ вся и задрожитъ.

Ну, похоронили мы его, а Лизутка вернулась къ намъ на другія сутки. Очень ее напугала бомба, она и бросилась вонъ изъ дома, а гдѣ это время пробродила, сказать не сумѣла. Бѣдная сестра плакала глазъ не осушая; то и дѣло къ мужу бѣжала. Отвяли у него руку и отослали его въ Николаевъ. Онъ тамъ и померъ. Нечего было Настасью здѣсь оставаться; забрала она дѣтей и ушла къ двоюродной сестрѣ верстъ за двадцать отъ Севастополя.

Солдаткамъ было вѣсколько разъ приказано отъ начальства уходить изъ города, а онѣ и знать о томъ не хотѣли: у которыхъ не было другаго крова, тѣ пріютились въ подвалахъ, многія жили подъ батареями. Начальство о томъ знало и силою ихъ не высылало; не до насъ было.

Когда ушла сестра, осталась я въ своемъ домѣ одна съ двумя малолѣтками. Хорошо еще пока моя Варвара около меня жила, по крайности вмѣстѣ горе дѣлили, а тутъ и она ушла. Пасху-то отпраздновали мы благополучно,—перемуріе было, а на другой день сталъ непріятель жарить. Зять мой видитъ что сылятся снаряды на Артиллерійскую слободку и говорить товарищу: „Сослужи ты, говорить, мнѣ службу; мнѣ отъ своего дѣла нельзя отойти, а ты добѣги до жены и скажи ей чтобъ она убралась съ ребенкомъ вонъ изъ дома.“

пока Господь хравить.“ А дочка-то этимъ временемъ маальчугана уложила и его убаюкиваетъ, а сама за работою сидитъ. Вдругъ вбѣжалъ солдатъ,—прямо къ дюлькѣ, выхватилъ изъ нея ребенка, да вонъ. Варвара такъ и ахнула и за намъ; кричитъ: „куда ты заодѣй? постой!“ А онъ и головы не обернетъ и все бѣжитъ. Какъ поравнялись они съ укрѣпленіями, онъ говоритъ: „твой мужъ меня прислалъ за тобой: разтабарывать-то мнѣ некогда, а я зналъ что унесу ребенка, такъ и ты за мной пойдешь.“ Мужъ ей велѣлъ жить у нихъ въ подвалахъ. Какъ утихла бомбардировка, она пришла домой, кое-что забрала и вернулась назадъ.

Всѣ убирались отъ меня помаленьку и совсѣмъ опустѣла подъ конецъ моя сторона. Вышло отъ начальства новое приказаніе чтобы мы уходили, а мнѣ все не хочется своего дома покидать. Куда, думаю, пойду съ двумя дѣтьми? А все-таки уходить пришлось. Сижу я разъ и вижу: входитъ ко мнѣ солдатикъ: „Анна Кузьминична, говорятъ, вашъ зять меня прислалъ чтобы вы волей-неволей отсюда убирались; мы садимъ городъ и уходимъ на Сѣверную.“ Такъ меня и обдало. Какія были деньжонки, рублей сорокъ серебромъ, сумела за паузу, взяла на руки годоваго маальчика, велѣла дѣвчонкѣ уцѣпиться локрѣпче за мой лодолъ, сваяла съ лодки сбразъ Заступицы Всѣхъ Скорбящихъ и сошла со двора.

Подосаи мы къ мосту, а тутъ словно адъ крлтить: и пушки, и фуры, и лодки цдутъ, и лошадей переводать, и народъ толпится. Вижу на мостъ не попадешь, да на мое счастье отчалывалъ на Сѣверную барказъ, и меня, сласибо, захватилъ.

Ну, съ Сѣверной-то нагаадѣлись мы вслкихъ страстей: тамъ пожаръ въ Севастополѣ, тамъ другой, а тутъ взрывъ и заходитъ земля подъ ногами; какъ есть свѣта преставленіе. А тутъ еще послаалъ мнѣ горе Господь: мужъ ломеръ въ госпиталѣ, да зять до меня хорошъ, дай ему Богъ здоровья. „Командируютъ, говорятъ, меня, матушка, въ Николаевъ. Я леву съ собой беру; поѣхала бы и ты съ нами. Куда ты одна съ маалютками-то дѣвешься?“ Поѣхала я съ ними и прожила я съ ними вѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ получилъ зять приказаніе ѣхать въ Астрахань. Куда, думаю, мнѣ такую даль тащиться! Какъ ни горько было, проводила я свекль, плакала, помолилась и добралась кое-какъ до Харькова. Тамъ получила я отъ губернатора пять рублей, купила лошадедку за семь, взяла телѣгу у добрыхъ людей и пустилась

на свою сторону. Ужь приняла же я горя съ пятилѣтнею дѣвочкой, да съ большимъ мальчикомъ! а денегъ истратила не много, и доѣхала до двоюродной сестры. Живу у нея, на Севастополь пойти взглянуть духа не хватаетъ, а всего оны верстахъ въ двадцати. Да взмахнула меня тамошняя моя сосѣдка. Пришла она къ намъ по своему дѣлу и говоритъ: „Равно ли, поздно ли, Кузьминична, а надо тебѣ на свое лепелаше вернуться. Соберись-ка да пойдешь“. Ну, и собралась я, какъ телерь помню, на другой день послѣ Усленія какъ есть годъ послѣ задачи города. Ребятишекъ оставила у двоюродной сестры, и вышли мы лишь солнце встало. Какъ добрали до мѣста, да взглянула я на Севастополь, ноги подо мной подкосились. Ни церкви, ни дома не увидѣла; * лежатъ вездѣ груды камней, земля, какъ есть, усѣяна ядрами да бомбами, — страшно даже пройти, того и глядишь что проклятую разорветъ; ** а крысы-то, крысы такъ и смываютъ. Наша гора заросла вся бурьяномъ, поднялся оны высоко, человѣку по поясъ, такъ что не вдругъ черезъ него продерешься. Эдакое разореніе! Слово дѣлахъ сто лѣтъ человѣческой ноги здѣсь не было. Сердце во мнѣ цымяло, и всѣ я, кажется, глаза выплакала. Хожу по горѣ, и съ мыслями не соберусь. Насталъ вечеръ, вижу вдали заблестѣлъ огонекъ, потомъ другой. Ну, слава Богу, значить мы все-таки здѣсь не одинъ.

Мой домъ былъ разоренъ, да не совсѣмъ, такъ что можно было, хоть на первое-то время, привести какой-нибудь уголокъ въ порядокъ. Сосѣдка говоритъ: „живи пока у меня“. Она стала уже отстраиваться, и знала гдѣ что раздобыть, гдѣ кулить хлѣбца, гдѣ найти добраго человѣка. Приговорила я двухъ солдатиковъ у меня работать. Они рады были навѣстаться хоть за дешевую дѣлу, а матеріалъ не покупной; позволено было его брать съ разрѣшенія начальства изъ построекъ что остались въ непріятельскомъ лагерѣ; да кромѣ

* Предъ осадой считалось въ Севастополѣ около двухъ тысячъ домовъ, изъ которыхъ увидѣно всего четырнадцать.

** Лѣтъ семь послѣ заключенія мира, Англійчанинъ, который участвовалъ въ войнѣ и вернулся безъ царапинки на родину, пріѣхалъ въ Севастополь съ женою и дочерью. Онъ водилъ ихъ по городу, объясняя имъ на мѣстѣ военные событія, и ударилъ тростью по бомбѣ. Она лопнула и оторвала у него обѣ ноги.

того выбирай себѣ что хочешь въ развалинахъ-то. Я сама лособаяла солдатамъ гдѣ могла, да выдергивала бурьянъ и бросала его подъ гору чтобы мѣсто очистить. Сначала-то и тяжело, и страшно было; хочу спать, а крыса примется по мнѣ бродить. Вскочу, бывало, на ноги, и вся дрожу, а тутъ привыкла къ нимъ. Ползеть она на меня, а я ее за хвостъ да обѣ лопъ. Нечего сказать, много видѣли мы и страха, и горя; о сю пору какъ всломвишь, такъ сердце дрогнетъ.

III.

Разказъ солдатки Маремъ Васильевны Токаревой.

Сталъ подходить непріатель, а мнѣ не хотѣлось оставить Севастополя. Мужъ мой, Василій Прокофьевъ, служилъ на бастіонѣ, и думаю я: „прожили мы столько лѣтъ дружно, и брошу я его теперь, въ такое страшное время! ужь лучше остаться на власть Божию“. Такъ и осталась.

Была у насъ домъ на Артиллерійской слободкѣ, и жила я въ немъ со своимъ сывишкой, а ему только восьмой годочекъ пошелъ. Дня четыре послѣ Покрова разбудилъ меня на самой зарѣ страшный гулъ и свистъ. Я выбѣжала на улицу, и вижу всѣ сосѣди тоже изъ своихъ домовъ высыпали, ужь и спрашивать нечего: что случилось? бомбы и ядры кружились около насъ что мухи въ лѣтнее время. Вдругъ ударила гравата въ сосѣдній домъ. Ну, видно дѣло плохо, не одобровать. Вернулась я въ комнату, а у самой всѣ жилки дрожать. „Пойдемъ, говорю, Ваня, здѣсь оставаться нельзя“. Одѣла я его наскоро, на себя накинула платье, взяла Ваню за руку и сошли мы со двора, а куда идемъ—сама не знаю, и думаю себѣ: авось Господь не оставитъ. Вѣдь должно-быть не одна я теперь скиталица бездомная: куда добрые люди туда и мы.

Вдругъ, вижу бѣгутъ одна за другою женщины къ Никольскому собору, и я за ними. Подъ соборомъ-то подвалъ, и набилось туда народа видимо-невидимо. Усѣлись мы кое-какъ на полу, и молимся—кто про себя, а кто и вслухъ. Снаряды такъ и гудятъ надъ головами, а подъ нами земля словно ходитъ. Ужь какъ страшно было съ непривычки-то!

Какъ затихъ огонь, пошла я взглянуть на свой уголочъ:

слава Богу, все у меня цѣло. Залерла я свой сундукъ, деньги положила въ мѣшечекъ и надѣла его на шею, взяла двѣ подушки, да на всякій случай одѣлало для ребенка, и вернулась въ подвалъ.

Долго мы тамъ жили. Выжду бывало время, когда перестанетъ непріятель насъ жарить, да побѣгу домой что-нибудь съѣстьное приготовить,—делешекъ что ль напеку, либо наварю картофею. Половину-то этой провизіи оставаю себѣ съ мальчикомъ, а половину возьму да на батарею, къ мужу. А иной разъ и онъ какъ-нибудь тайкомъ прибѣжить ко мнѣ въ подвалъ, мой голубчикъ. И рада-то я ему, а страхъ разбираетъ что пожалуй начальство его хватится.

Наканувъ Свѣтаго Воскресенья залючено было перемиріе, чтобы встрѣтить намъ спокойно праздникъ, и позволили солдатамъ разгавливаться кто гдѣ хочетъ. Ужь истинно послала Господь радость на такой великій день! накарсила я ящъ, приготовила кулчи да ласкъ, отслушали мы заутреню съ обѣдней и пришла домой разгавливаться. Братъ и невѣстка съ нами тоже праздникъ встрѣчали. Какъ мы разговѣлись, они собрались къ себѣ, а жили они около стараго бульвара. Говорить мнѣ братъ: „Отпусти ты, Марѣуша, Ваню-то съ нами; пусть у насъ переночуетъ“. Очень они любили моего ларышку; я его съ нами и отпустила. Когда они ушли, простился со мной мой мужъ и вернулся на бастіонъ, а я легла спать и такъ крѣпко заснула. Вдругъ на зарѣ слышу крикъ: зовѣтъ меня кто-то, открыла глаза и вижу стоить предо мной Василій Прокофьевичъ и лица на немъ нѣтъ: „жена, говоритъ, гдѣ сынишка? Французъ жарить, бѣги къ брату, на ихъ сторовѣ загорѣлось“; а самъ бросился назадъ на батарею.

Себя я не вспомнила, вскочила съ постели и пустилась бѣжать, какъ была, въ одной рубашкѣ. Ужь послѣ-то я вспомнила какъ около меня летѣли снаряды, да тогда было не до нихъ. Поравнялась съ бульваромъ: братианъ домъ горить. Рядомъ съ нимъ стояла лекарня. Пожаръ ее освѣщаль, и вижу я издали въ окно что бѣгаетъ по комнатѣ ребенокъ, да ужъ со страха и не узнаю мой ли. Вбѣжала въ комнату, и тутъ его не признала, да ужъ онъ ко мнѣ подбѣжалъ и крикнулъ: мама!

Схватила я его на руки и бросилась вонъ. Иду съ нимъ, и плачу, и смѣюсь, и молюсь-то я. Какъ завялся пожаръ, невѣстка

съ братомъ проснулся и хватался моего Ваня, а ужъ онъ услѣлъ выбѣжать на улицу, да видить отворены двери лѣкарни,—тоже всѣ изъ нея выбрались,—и шмыгъ туда. Стояли въ углу чаны съ мукой, а онъ и вздумалъ играть: забереть въ горсти муки, бросить ее къверху, и весело ему что она его осыпаетъ.

Життя не стало въ подвалѣ: все прибывалъ народъ; душно, тѣсно и некуда прилечь. Муж все меня уговаривалъ перебраться на Сѣверную, а мнѣ не хотѣлось: ужъ больно отъ него далеко. Да сыншико мой бѣдный очень ужъ истомился, того и гляжу что совсѣмъ развезовется. Дѣлать нечего, рѣшилась я. Забрала кое-что изъ дома и перѣѣхала на Сѣверную, къ самой братской могилѣ. Не долетали туда снаряды, а не мало видѣла я страха. Какъ бывало къ ночи везуть нашихъ покойниковъ цѣлыми телѣгами хоронить, такъ и замреть сердце. Иной разъ, на первыхъ-то порахъ, во всю ночь не заснешь, такъ и кажется что бродятъ они около меня и поютъ: „со святыми упокой!“ Опять же видишь какъ на Южную съ каждымъ днемъ неприятель все больше снарядовъ бросалъ. Страсты!

Поставила я себѣ палатку; купила возъ яблокъ и стала ими торговать. Чтò выручу, булочекъ кулаю Ванѣ, либо муки, да исплеку ему пирожокъ. А съ мужемъ я рѣдко видалась, ему у меня побывать и думать нечего было, а ужъ когда развѣ я къ нему соберусь, да и то съ горемъ пополамъ. Жило насъ на Сѣверной много солдатскихъ женъ, вотъ и сговоримся мы человекѣкъ лять или шесть наваять вмѣстѣ яликъ и мужей провѣдать. Яликъ стоилъ два рубля, туда и назадъ. Отдадимъ мы деньги и лустимся въ луть, а сами Бога молимъ чтобы добраться до своихъ. Вѣдь ужъ особенно подъ конецъ строго было приказано женщинамъ выбираться вонъ изъ города. Да какъ ни приказывали, мы тутъ оставались, и насъ не трогали, а ужъ если увидить начальникъ что мы нарочимъ прямо на Южную сторону, такъ ни за чтò не допуститъ. Отчалимъ отъ берега, да вдругъ крикнутъ: „яликъ назадъ!“ такъ сердце-то во мнѣ и замреть. Сколько нашихъ денегъ эдакъ пропало! Изъ четырехъ-лѣти разъ дай Богъ хоть одинъ разочекъ до Южной добраться.

Наканувъ сдачи приказалъ мужъ, чрезъ одвого изъ солдатъ чтò возили убитыхъ на Сѣверную, чтобъ я увѣжала какъ можно скорѣй съ сыномъ въ Николаевъ. Многимъ изъ

моихъ товарокъ тотъ же былъ приказъ отъ мужей, и сговорились мы четыре женщины съ дѣтymi нанять вмѣстѣ тройку. Каждой изъ насъ пришлось платить по 26 рублей. Пустились мы въ путь и отъѣхали недалеко отъ Севастополя какъ слышимъ взрывъ за взрывомъ, и разлился моремъ огонь. Заплакали мы на взрыдъ, каждая думаетъ: помогъ ли Богъ моему-то спастись? Да развѣ объ своихъ только сердце болѣло? Въ это время всякій былъ своимъ.

Добрались мы до Николаева ни живы ни мертвы; не знаемъ, всѣ ли наши до одного погибли, да слава Богу, получила я скорехонько вѣсточку отъ мужа.

IV.

Разказъ вдовы вахтера Александры Федоровны Альшевской.

Все наше семейство несчастное: было насъ три сестры. Одна Вѣра, родилась калѣжкой и болѣзненная такая, въ лицѣ кровинки не было; другая Маланья, вышла замужъ и жила хорошо съ мужемъ, да не долго: ушелъ онъ никакъ въ Харьковъ, мѣсто себѣ искать, и пропалъ безъ вѣсти, а я осталась вдовой съ сиротами. Одинъ изъ сыновей, Александръ, былъ много старше другихъ, а тѣ-то совсѣмъ малолѣтки, двѣ двойни, да мальчикъ. Спасибо хоть за то что послѣ смерти мужа дѣтямъ шелъ паекъ: каждый мѣсяцъ выдавали мнѣ на ихъ долю муки.

Былъ у меня свой домъ въ Артиллерійской слободкѣ, и сестры у меня жили. Когда подошелъ неприятель, я лежала больная. Въ самый первый день какъ началъ онъ лалить, мы свѣта не взвидѣли отъ страха. Вдругъ снарядъ оторвалъ часть кровли нашего дома. У меня въ глазахъ потемнѣло, и какъ невозможно оломилась, то говорю сестрамъ: „Не останусь здѣсь съ махонькими дѣтymi. Куда идти, не знаю, а уйду“. Маланья говоритъ: „я такъ почитаю что смерть вездѣ насъ отыщетъ, если Богъ велитъ безъ покаянiя умереть. А ты ступай, коли боишься, мы твое добро сбережемъ.“

Сына Александра не было дома, а тѣхъ дѣтей я забрала и сошла со двора. Ноги у меня дрожать, а цду. Дошла до Графской пристави, да тутъ и сѣла. Когда утихла немож-

ко стрѣльба прошелъ по пристани какой-то военный. Взглянулъ онъ въ мою сторону, сжался видно надо мною, остановился и спрашиваетъ:— „Что ты тутъ, милая, сидишь?“ и говорю:— „Да некуда идти мнѣ, батюшка, сорвало кровлю съ моего дома, и мнѣ страшно въ немъ оставаться.“ Онъ говоритъ: „Поди на Николаевскую батарею; тамъ въ подвалѣ много найдешь себѣ товаровъ“. Поблагодарила я его и пошла. Точно, въ подвалѣ много уже жевцовъ съ дѣтми, и всѣ голосомъ воютъ. Тамъ я и пріютилась. Когда прекратилась совсѣмъ пальба, я послала своего сынишку Федю сказать сестрамъ что мы въ батарейномъ подвалѣ, и принести намъ изъ дома чего перекусить. Трудно было перебиваться: у себя живешь, такъ все къ рукамъ идетъ, а тутъ совсѣмъ другое дѣло. Пайкомъ что шелъ на дѣтскую долю прокормиться нельзя было, и стала я придумывать какъ бы лишній грошъ зашибить. Моему Федѣ минуло уже тогда десять лѣтъ, и было онъ смысленный мальчикъ. Стала я его посылать локулатъ булокъ, и продавалъ онъ ихъ на батареѣ, да бралъ по колѣвкѣ барыша съ булки. Такъ бывало въ день-то онъ принесетъ колѣвекъ десять, либо пятнадцать, а на эти деньги что-нибудь и купимъ. А я все болѣла: выбрала себѣ уголокъ въ подвалѣ; плохо жилось, нечего сказать, а все-таки, свѣтъ-то не безъ добрыхъ людей: вижу, бывало, изъ своего угла, то тотъ, то другой праголубить моихъ спроть. Приходили сестры меня навѣщать. Онѣ тоже кое-какъ перебивались: Маланья брала бѣлье стирать. Стали онѣ меня уговаривать уйти изъ подвала, потому что становилось съ каждымъ днемъ тѣснѣе, а мнѣ по болѣзни нуженъ былъ покой. Думаю: на авось, попытаюсь къ себѣ вернуться, и вернулась. Пришла я чрезъ силу, легла, и стало мнѣ мерещиться что бродятъ около меня какіе-то страшные люди; сестры со мной заговариваютъ, а я ихъ не узнаю. Онѣ испугались, и Маланья побѣжала за фельдшеромъ. Онъ бросилъ мнѣ кровь, и тѣмъ можетъ меня отъ смерти спасъ. Я пришла въ себя, а стать на ноги не въ силахъ была, даже головы не подымала. Вотъ разъ, шло дѣло къ вечеру, вижу я что Федя стелетъ себѣ постель около двери. Мнѣ словно сердце что-то шепнуло, я и говорю: „Федя, мой родной, что это ты тутъ ложишься? Лягъ лучше за печку“. Перешелъ онъ туда, и всѣ мы заснули. Вдругъ на зарѣ ядро пробило потолокъ у насъ около самой двери. Себя мы не вспомнили

отъ страха, а сестра Вѣра съ услуга крикнула и упала. Я сползла кое-какъ на полъ, подвѣли мы еѣ и спрыснули холодной водой. Какъ пришла она, бѣдная, въ себя, рѣшились мы уходить изъ своего дома куда-нибудь подальше отъ неприятельскихъ снарядовъ. Ушли. Дѣти и Маланья то меня поддерживали, то Вѣру, и добралась мы до пустой квартиры, хорошая квартира, просторная, и всѣ хозяйственные запасы въ ней были. Мы тутъ и остались.

Прошло нѣсколько дней. Вѣра не могла оломвиться отъ услуга: ни на чтò не жалуется, а не пьетъ, не ѣстъ и все лежитъ. Очень она любила старшую мою дѣвочку, и разъ, вечеромъ, говоритъ ей: „Марша, лягь спать со мной“. Марша вѣзла къ ней на кровать и говоритъ: „Нѣтъ, тетя, я боюсь, ты холодная“. Ужь я послѣ вспомнила что слышала эти ихъ слова сквозь сонъ. Какъ встали поутру, Марша мнѣ говоритъ: „Мама, посмотри ка, чтò это съ тетей? Слово, она не живая“. Я взглянула, да такъ и обмерла: она, моя голубушка, совсѣмъ ужь очоковѣла.

Большое намъ съ Маланьей было горе, и дѣти подвѣли ревъ на всю комнату. Надо было подумать о томъ чтобы собрать прилично покойницу, а взяться намъ нечѣмъ. Я говорю Маланьѣ: „Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ, люди ты просить, Христа ради, побуду и я по сосѣдямъ насколько силъ хватить. Авось Господь насъ не оставитъ“.

И точно: набрали мы деньжонокъ, и все нужное купили. Послѣ отлѣванья накяли яликъ и отправили тѣло хоронить на Сѣверную. Маланья и Александръ его проводили, а я не смогла.

Болѣзнь моя прошла, а поправлялась я плохо: очень была слаба. Съ утра, бывало, сяду на крылечко и смотрю какъ кружатся надо мной снаряды,—ужь они и въ нашу сторону стали долетать,—а я думаю: „ну, чтò жь, убьетъ, такъ убьетъ! Авось Господь моихъ сиротъ не оставитъ“.

Вотъ, разъ, сижу я и вижу: идетъ офицеръ, остановился онъ около меня и говоритъ: „Видно вамъ всѣмъ женщинамъ жизнь-то не дорога. Сколько разъ вамъ приказывали отсюда уходить, а вы все-таки остаетесь.“ А я спрашиваю: „Да куда же идти, батюшка?“ Онъ говоритъ: „На Сѣверную. Уходи, милая, сейчасъ; къ завтраму не останется въ Севастополѣ камня на камнѣ“.

Откуда взялась у меня силы, какъ онъ это сказалъ! Вско-

чила я и бросилась къ Маланьѣ. „Маланьюшка, говорю, вотъ что я отъ офицера слышала: сбѣгай ты съ Александромъ домой, захватите оттуда кое-что, да пойдемъ на Сѣверную.“ Они пошли и привесли изъ дома икону Архангела Михаила, самоваръ, кострюлю, кружку, да большой зонтикъ. Мы перекрестились, взяли дѣтей и пошли къ пристави. Тамъ что катеры, что ялики, все было разобрано. Мы къ мосту. Разказать не разкажешь что тамъ куляло, ну просто адъ, адъ крошечный! Однако Господь намъ помогъ протолкаться скъвозь толпу. Переправа продолжалась никакъ пять часовъ. Мостъ подавался подъ тяжестью, такъ что подымалась вода выше колѣнъ. А то вдругъ кто-нибудь крикнетъ: тоземъ! Всѣ бросятся назадъ, собьютъ другъ друга съ ногъ, перелугаютъ лошадей и онѣ становятся на дыбы. Крикъ и шумъ такой что голова трещить, а сердце такъ и замираетъ: все боялась какъ бы дѣтей не передавили. Какъ вышли мы на берегъ, то-то поблагодарили Бога!

Погода была невзастная: дождь и страшный вѣтеръ. Александръ и сестра несли по мосту дѣтей и наши вещи, да такъ, умаялись что растянулись на травѣ подъ дождемъ и заснули. А я отыскала большую яму, уложила въ нее дѣтей, а сама сижу надъ ними и зонтикъ держу, да на бѣду сама задремала, и вѣтеръ вырвалъ у меня его изъ рукъ.

Надо было чѣмъ-нибудь прокормиться. Провизія была страшно дорога; фунтъ ржаного хлѣба стоилъ шесть копѣекъ серебромъ, а пшеничная булка лятьдесятъ копѣекъ. Сестра опредѣлилась въ прачки, да на мое счастье стояла тутъ лавочка, гдѣ продавали табакъ и свиное сало. Не знаю какъ лавочника звали, а прозвище дали ему въ народѣ „Фитиль“, потому что былъ онъ длинный и худой. Искалъ онъ себя мальчика прислуживать въ лавочкѣ и взялъ моего Федю за два рубля жалованья въ мѣсяцъ.

Рѣшилась я уйти подальше, на Бельбекъ, и купила себѣ тамъ палатку за 1 р. 15 к. Палатка была невзрачная, да все же пристанище: яма огороженная камнями да прикрытая досками. На ночь подыдемъ доску и слустимся въ яму. Жить тутъ можно бы, кабы не очень ужъ тѣсно; опять же брала я тоже бѣлье стирать изъ госпиталя: и тутъ повернуться негдѣ. Стояла недалеко отъ меня хаточка, гдѣ солдатка продавала овощи. Мужа-то отправляли въ Николаевъ, и жена съ намъ собиралась. Пришелъ онъ ко мнѣ, смѣется и говоритъ:

— Не хочешь ли, Федоровна, купить, мой дворецъ? Я возьму за него не дорого; не обижу тебя, горькую.

— А много ли, говорю, возьмешь?

— Не будетъ тебѣ обидно 75 копѣекъ?

Очень я обрадовалась; въ тотъ же день получила рубль за бѣлье и расплатилась съ солдатомъ.

Перебрались мы въ хатку и жили въ ней до зимы. Я старала, и Александръ помогалъ мнѣ въ хозяйствѣ. Да пришла бѣда когда холода настали. Печки у насъ не было: зубъ на зубъ просто не попадетъ, а объ стиркѣ и думать нечего, потому что вода мерзнетъ. Бились, бились и возвращались на Сѣверную.

Тамъ нашли мы покинутую татарскую хату около горы, просторная такая, и удобная. Мы съ Александромъ сложили въ ней печь, гдѣ что было худо все въ порядокъ привели и поселились. Я выручала деньги на стиркѣ да на шитьѣ, лекла тоже сладкіе пирожки на продажу, а тамъ и сыну вышло мѣсто въ лавкѣ у Еврейки. Онъ получалъ жалованье хорошее, по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ, такъ что мы не нуждались.

Долго мы тутъ жили. Разъ пришелъ карантинный офицеръ, солдатъ вель, и вздумалъ меня выгнать изъ хаты: „она, говоритъ, не твоя, и я здѣсь свою команду помѣщу.“ Я такъ и взвыла, да спасибо сосѣдямъ, они всѣ за меня заступились. „Мы, говорятъ, видѣли какъ Федоровна объ этой хатѣ хлопотала, своихъ трудовъ на нее не жалѣла и денегъ можетъ на нее положить. Не приходится вдову обижать.“ Усовестилъ его, и оставилъ онъ меня въ покоѣ.

Прошло ужъ цѣлыхъ два года съ тѣхъ поръ какъ мы вышли изъ Севастополя, когда возвратился хозяинъ хаты. Пришелъ онъ ко мнѣ и говоритъ: „Я бы тебя не потревожилъ съ твоими спронтами, да нужно мнѣ мое гнѣздо. Черезъ недѣлю я долженъ праздновать свадьбу сына; ищи себѣ другаго крова.“

Вижу сама что уходить мнѣ надо, а куда идти? Онъ говоритъ: „Некуда больше какъ въ Севастополь. Вѣдь уцѣлѣло кое-что отъ нашего дома, опять же мы можемъ вознагражденія просить у казны.“

Забрали мы наши вещи и лошади. Ужь я была съ Сѣверной-то въ Севастополь, да все страшно мнѣ казалось въ него перебираться; вездѣ груды камней и все пусто, рѣдко гдѣ встрѣтишь живую душу среди развалинъ, а ужъ тутъ дѣлать-

то нечего, хоть и плохой кровъ, а все же свой домъ. Вырыла я себѣ землянку на дворѣ, чтобы на первое-то время было куда пріютиться, получила отъ казны 115 рублей и стала помаленьку отстраивать свой домъ.

V.

Георгіевскій монастырь.

Въ Георгіевскомъ монастырѣ не осталось ни одного изъ семидесяти монаховъ жившихъ въ немъ когда онъ находился въ рукахъ Французовъ. Мнѣ указали однако на отца Аеанасія, прибавя что онъ можетъ сообщить нѣсколько подробностей о томъ времени. Отецъ Аеанасій, простодушный старичокъ, передалъ мнѣ свои воспоминанія съ изумительною простотой.

Я сидѣлъ, говорилъ онъ, на берегу моря и удилъ рыбу когда увидалъ непріятельскій флотъ. Такъ я и обмеръ. Вскочилъ съ мѣста и бросился къ нашему настоятелю, архимандриту Геромтію.

— Ваше преподобіе, говорю, — Французы пришли; я бѣгу.

Разсердился отецъ Геромтіи; поднялся онъ со своего мѣста крикнулъ:

— Бѣжать! Да какъ ты смѣлъ такое слово-то вымолвить! Я тебя отдамъ подъ судъ самому митрополиту.

А я говорю:

— Кому вамъ угодно. Мнѣ Французы-то страшнѣе.

Да на этомъ словѣ выбѣжалъ изъ его келии и давай Богъ ноги къ Севастополю. Бѣгу, молю только чтобы Господь меня донесъ. Въ это самое время сидѣлъ у насъ въ монастырѣ греческій митрополитъ Агаѳангелъ. Лишь только онъ узналъ что непріятель подошелъ, такъ велѣлъ заложить свою коляску и уѣхалъ также въ Севастополь. Я видѣлъ какъ за нимъ по дорогѣ гнались восемь всадниковъ. Но тройка была у него добрая и ему удалось уйти по добру по здорову отъ враговъ.

Не одаренный воинственнымъ духомъ, отецъ Аеанасій во время осады несчастнаго города оставался въ безопасномъ мѣстѣ, а послѣ заключенія мира возвратился въ монастырь, гдѣ слышалъ разказы братіи о пребываніи у нихъ Французовъ,

и я обязана ему всѣми почти подробностями которыя сообщая читателямъ.

Настоятель Георгіевской обители отецъ Геронтій, всѣми уважаемый, былъ величавый старикъ, строгой жизни и строгой наружности. Онъ принявъ не робѣя Французовъ и, узнавъ чрезъ польскаго переводчика что они желаютъ поселиться въ монастырѣ, отвелъ имъ немедленно корпусъ, гдѣ они и жили, а гостиницу превратили въ госпиталь. На берегу моря они устроили телеграфъ, которымъ завѣдывалъ Англичанинъ.

Къ воротамъ была поставлена стража. Французы объявили немедленно что локуаютъ всю монастырскую скотину, птицу и запасъ крупичатой муки. Не хотѣлось братіи продавать свое добро, но отказаться было невозможно. Къ тому же непріатели предлагали хорошую цѣну: по 3 рубля за овцу, по 35 р. за лошадь, по 25 р. огульно за рогатый скотъ, за птицу по 50 копѣекъ и по 8 рублей за четверть пшевицы. Составивъ подробную опись всему, Французъ которому было поручено дѣло пригласилъ настоятеля прислать на другой день кого-нибудь въ Балаклаву за получениемъ денегъ, причемъ оставилъ ему записку на свободный выходъ изъ обители.

Экономъ монастыря былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, котораго звали отцомъ Инокентіемъ. Архимандритъ отправилъ его за деньгами, но къ несчастію не догадался попросить чтобъ ему былъ данъ проводникъ. Добравъ до Балаклавы Инокентій показалъ свой пропускъ, и часовые впустили его въ непріательскій лагерь. Но когда онъ вошелъ, его появленіе сильно озадачило нѣсколькихъ солдатъ увидавшихъ его. Одинъ изъ нихъ бросился съ голою шлягой на непрошеннаго гостя. Старикъ лобѣднѣлъ и зашатался на ногахъ; другой солдатъ успѣлъ удержать вовремя руку своего товарища, и экономъ показалъ пропускъ, на которомъ была обозначена цѣна его посвщенія. Получивъ деньги, онъ возвратился въ монастырь, но услугъ подѣйствовалъ на него разрушительно. Къ вечеру бѣднѣкъ слегъ, и нѣсколько дней спустя его отвесли на кладбище.

Продавъ свои съѣстные и прочіе запасы, монахи принуждены были локуать все необходимое у Французовъ, и платить неслыханныя цѣны: фунтъ чая стоилъ пять рублей, сахаръ рубль, сольная свѣча двадцать пять копѣекъ, а бѣлый хлѣбъ тридцать копѣекъ. Деньги полученные отъ непріате-

лей возвратились къ вамъ быстро, и братія спрашивала себя со страхомъ, чѣмъ придется жить *. На ея счастье въ монастырѣ находился Полякъ-полковникъ, служившій во французской арміи. Онъ былъ человѣкъ добрый и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ лѣвными. Отецъ Геронтій говорилъ ему откровенно о затруднительныхъ обстоятельствахъ въ которыхъ находился, и Полякъ посоветовалъ ему обратиться лично къ Капроберу, вызываясь выхлопотать ему на то разрѣшеніе и проводить его къ маршалу. Капроберъ принялъ отца Геронтія, и отвѣчалъ чрезъ переводчика передавшаго просьбу архимандрита: „Мнѣ очень жаль что я не зналъ объ этомъ раньше, но теперь не могу ничего для васъ сдѣлать: завтра я передаю маршалу Пелисье начальство надъ арміей“.

Пришлось возвратиться не добившись толку, но чрезъ нѣсколько дней отецъ Геронтій, сопровождаемый тѣмъ же Полякомъ, обратился къ новому военачальнику. „Какъ! воскликнулъ Пелисье, обрадуютъ военнопленныхъ! Будьте покойны: съ этой минуты вамъ будутъ все доставлять даромъ.“ И на другой же день привезли въ монастырь вина, чаю, сахару, хлѣба и прочихъ съѣстныхъ запасовъ.

Сначала стояли въ монастырѣ зуавы, которые не притѣвляли нашихъ, но оказались имъ немного строгими, потому что исполняли слишкомъ точно возложенныя на нихъ обязанности, и не позволяли даже монахамъ входить на гору чтобы взглянуть на Севастополь. Но зуавы были скоро замѣнены другимъ войскомъ, которое оказалось много стоворчивѣе, а наконецъ поставили въ монастырь жандармовъ, и тогда все пошло какъ по маслу. Ужъ такіе добрые были ребята, по словамъ монаховъ, что не нахвалишься ими. Къ тому же и наши стали ихъ немного понимать, и даже затвердили нѣсколько французскихъ словъ. Не пройдетъ, бывало, никогда жандармъ мимо лѣвнаго чтобы съ нимъ не пошутить, и не побѣдетъ въ Камышъ чтобы не спросить не нужно ли кому чего купить.

* Отецъ Аванасій, на основаніи слышанныхъ имъ разказовъ, говоритъ съ большимъ сочувствіемъ о Французахъ и съ ненавистью объ Англичанахъ. Я ему замѣтила что исторія покупки и перепродажи монастырскаго имуществва не относится, однако, къ чести егѣ пріятелей. „Не хорошо, и говорить нечего что не хорошо, отвѣчалъ онъ, а всѣ ихъ любил: судите какъ вамъ угодно.“

Георгиевская обитель—флотскій монастырь. Изъ него брали іеромонаховъ для флота, а такъ какъ на морѣ вѣтъ возможности соблюдать постовъ, то употребленіе мяса разрешено братіи. Разъ Французы, зайдя въ тралезу во время обѣда, вздумали отвѣдать борща. Онъ имъ такъ понравился что они заказывали его часто, съ тѣхъ поръ, повару Кондратію, штатному служителю монастыря, давали ему каждый разъ по золотому на чай, и Кондратій значительно разжился ло ихъ милости.

Они звали иногда кого-нибудь изъ нашихъ къ себѣ обѣдать. За обѣдомъ пѣли пѣсни, шутили и брали Англичамъ, въ чемъ наши имъ усердно помогали. Разъ подали жаркое, очень искусно приготовленное. Хозяева видѣли съ удовольствіемъ какъ гости ѣдятъ его аппетитно и спрашивали: „Est il bon, le roti?“ Монахи кивали головами, повторяя: „Бовъ! бовъ!“ Когда же наѣлись досыта, Французы объявили что угощеніе состояло изъ жареной кошки, въ доказательство показали отрубленную голову и дали животного, и кохотали до слезъ когда монахи стали отплеиваться.

Но французская веселость мгновенно пропала при малѣйшей неудачѣ. Братія, не зная ничего о своихъ, выводили безошибочныя заключенія изъ настроенія духа своихъ пріятелей-враговъ, и при видѣ угрюмыхъ ихъ лицъ шелтали благодарственныя молитвы и крестились подъ черными рясами. Въ особенности приходили въ отчаяніе Французы послѣ приступа бго іюня и при началѣ осады, послѣ гибели союзныхъ кораблей. „Буря 14 ноября 1854 года (2го стар. ст.) будетъ долго памятна англійскому и французскому флоту, говоритъ г. Рамбо. Волны подымались до высотъ Балаклавскихъ скалъ, ничто не могло устоять противъ разъяренной стихіи. *Генрикс IV* потерялъ одинъ за другимъ свои три якоря, и былъ брошенъ на берега Евпаторіи; *Плутонъ*, поднятый на вершину водяной горы, улакъ разбитый на трех-мачтовый корабль.“

Восемь англійскихъ кораблей не могли достигнуть въремя Балаклавской бухты и погибли въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея. До сихъ поръ еще находятъ въ морскомъ гротѣ оружія, ядра, серебряныя ложки, часы и пр.

Богослуженіе не прекращалось ни на одинъ день въ монастырѣ. Французы доставляли церковное вино и пшеничную муку. Они нерѣдко слушали обѣдню, стояли чинно въ храмѣ

и молились иногда на колѣняхъ. Случалось что цыве уходили во время ѣктивъ, когда діаконъ помавувъ Государя Императора и, Царствующій Домъ призывалъ присутствующихъ помолиться Господу „о побобати и покорити подъ вози ихъ всякаго врага и сулостата.“ Смыслъ этихъ словъ былъ имъ вѣрно объясненъ. Около церквей стояла охранительная стража изъ лятнадцати человекъ. Разъ Омеръ-паша пожелалъ осмотрѣть храмы, но французскій жандармъ объявилъ ему что изъ уваженія къ вѣровавіямъ православныхъ посьвитель долженъ свять чалму. Паша долго противился, но привужденъ былъ наконецъ, повиноваться.

Т. ТОЛЫЧЕВОЙ.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ *

БЕСѢДЫ О РЕВОЛЮЦИИ

НАБРОСКИ И ОЧЕРКИ ВЪ РАЗГОВОРАХЪ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ

РАЗГОВОРЪ ВОСЬМОЙ.

А в т о р ъ. Послѣ очерка празднествъ федераціи мы хотѣли коснуться дней революціоннаго смятенія. Полагаю нашей цѣли наиболѣе будетъ соответствовать описаніе волненій въ Парижѣ въ іюль 1789 года, ознаменованныхъ взятіемъ Бастиліи и имѣвшихъ такое значительное вліяніе на ходъ революціонныхъ событій. Тутъ въ первый разъ во всей силѣ выступилъ неотразимый революціонный аргументъ—народный мятежъ. Это были первые изъ революціонныхъ дней. По выраженію Марата, въ 1789 году „народъ“ дважды спасъ Францію, въ іюль и въ октябрѣ. Любопытно прослѣдить какъ свершались эти акты спасенія.

П р і я т е л ь. Взятіе Бастиліи любопытно еще и тѣмъ что событіе это не очень давнее, — ему не исполнилось и столѣтій и о немъ сохранилось н мало разказовъ, что даетъ до нѣкоторой степени возможность прослѣдить какъ образуются историческія легенды. Народъ кое-какъ вооруженный

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 8.

береть въ нѣсколько часовъ неприступную крѣпость, окруженную стѣнами въ двадцать футовъ толщины и рвами широкими какъ рѣки. Восторженный Мишле прямо видитъ въ этомъ чудо. „Нападеніе на Бастилію, восклицаетъ онъ, нисколько не было дѣломъ разумнымъ (ne fut nullement raisonnable). Оно было дѣло вѣры... Кто имѣлъ эту вѣру? Тотъ кто имѣлъ также самоотверженіе и силу исполнить ея заветъ. Кто? Народъ, всѣ!“

Авторъ. Въ самомъ дѣлѣ, любопытно измѣрить разстояніе между быліею и нѣею. Іюльскія волненія въ Парижѣ подошли на помощь Національному Собранію въ критическія минуты его существованія. Собраніе только-что одержало свою первую побѣду надъ королемъ. Въ королевскомъ заведеніи 23го іюня, о которомъ мы уже говорили,—только-что удался король,—депутаты средняго сословія отказали ему въ повиновеніи и объявили что удерживаютъ въ своей силѣ декреты послѣднихъ дней іюня только-что кассированные королевскимъ заявленіемъ. Когда королю довели что члены средняго сословія не хотятъ расходиться и сообщая, конечно, дерзкій вызовъ Мирабо, слабый Лудовикъ XVI сказалъ только: „Ну, если не хотятъ уходить, пусть остаются“. Значеніе Собранія, какъ одного дѣлаго, быстро возрасло. Почти все духовенство и значительное число членовъ дворянскаго сословія соединились со среднимъ сословіемъ въ общій законодательный корпусъ. Но побѣду требовалось поддержать. Собранію могла грозить значительная опасность. Безлокойное настроеніе массъ, случаи безпорядковъ въ голодающемъ Парижѣ и даже въ Версалѣ, подъ глазами короля и Собранія, дѣлали лояльнымъ правительственнымъ распоряженіямъ стягивавшія къ Парижу и Версалю военныя силы, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушали подозрѣніе Собранію. „Партія двора“, какъ она называлась, имѣла и обнаруживала замыслы болѣе впрочемъ хвастливые чѣмъ серіозные. „Мы такъ навсегда и остались неизвѣстными“,—писалъ въ послѣдствіи въ своихъ запискахъ столь популярный въ то время министръ Неккеръ,—къ какой собственно дѣли тогда стремились (при дворѣ). Были какіе-то секреты и за секретами секреты (des secrets et des arrières-secrets), и я думаю что она и самому королю не были извѣстны. Полагали можетъ-быть, смотря по обстоятельствамъ, увлечь монарха къ мѣрамъ о которыхъ не осмѣливались ему говорить.“ Король въ отвѣтъ своему депутату Собранія 11го

іюля торжественно завѣрляя что войска собираются въ Парижъ единственно въ видахъ сохраненія порядка и свободы занятій, Собранію же не грозитъ малѣйшей опасости, и указывалъ что только злонамѣренные люди могутъ заподозривать истинную цѣль принимаемыхъ мѣръ. „Мы имѣемъ довѣренность къ королю, но не имѣемъ довѣренности къ министрамъ“, отвѣчалъ Мирабо, когда въ Собраніе были сообщены слова короля. Собраніе настаивало на удаленіи войскъ. Но въ тотъ же самый день какъ король далъ этотъ отвѣтъ Собранію, оный, ловивуясь давленію другой стороны, внезапно рѣшился на удаленіе Неккера. Удаленіе это послужило сигналомъ парижскихъ волненій.

Пріятедь Г. Рамбо въ рѣчи произнесенной на Школьномъ праздникѣ 13го іюля нынѣшняго года и выражающей взглядъ официальной Франціи нынѣшняго времени такъ говорить объ этомъ моментѣ въ исторіи Собранія. „Что сдѣлало въ виду такого государственнаго переворота Собраніе не имѣвшее ни одного челоуѣка для защиты его противъ сорока тысячъ королевскихъ солдатъ? Оно объявило что властій въ немилость министръ увоситъ съ собою его довѣренность. Сказавъ это, оно ждало что сдѣлаетъ народъ въ Парижѣ. Отвѣтъ не замедлилъ.“ Не думаю чтобы г. Рамбо хотѣлъ этимъ сказать что польское волненіе въ Парижѣ произошло не безъ участія и подстрекательства нѣкоторыхъ членовъ Собранія. Но едва ли не былъ бы оный правъ есаибы дѣйствительно соединялъ со своими словами тотъ смыслъ какой можно въ нихъ прочесть если не считать ихъ только риторическою фигурой. Лицо которое первое сообщило въ саду Пале-Рояля, главномъ мѣстѣ политическихъ сборищъ того времени, что Неккеръ уволенъ, было Камиль Демуленъ. По разказу маркуза де-Феррьера (*Mémoires*, I, 99), подтверждаемому другими свидѣтельствами и свидѣтельствомъ самого Демулена, называвшаго себя творцомъ революціи, Камиль Демуленъ вскочилъ на столъ и воскликнулъ: „Граждане, нельзя терять ни минуты; я только-что вернулся изъ Версаля, Неккеръ удаленъ. Удаленіе это—вабать Вареоломеевской ночи для патриотовъ. Одно у насъ прибѣжище—взяться за оружіе.“ „На меня смотрятъ шлювы, но живой не дамъ въ руки“, прибавилъ оный, вынимая пистолеты изъ кармана. Таковъ былъ первый сигналъ къ волненіямъ. А не забудемъ что Камиль Демуленъ, товарищъ Робеспьера по коллежу, съ самаго открытія

Собранія, какъ видно изъ его писемъ къ отцу, постоянно сно-
валъ въ Версаль и былъ въ сношеніяхъ съ Мирабо и други-
ми вліятельными депутатами и предлагалъ свое сотрудниче-
ство для журнала Мирабо.

А в т о р ь. Въ запискахъ Баальи есть любопытный намекъ.
Описывая засѣданіе 8 іюля, когда Мирабо первый подаялъ
вопросъ о собираемыхъ у Парижа и Версаля войскахъ и уло-
миная что Мирабо какъ бы пророчески грозилъ могущимъ
отъ того произойти народнымъ волненіемъ, способнымъ воз-
жечь общій пожаръ, прибавляетъ: „Мирабо могъ имѣть осо-
быя свѣдѣнія направлявшія его духъ пророчества. Извѣстно
его умѣніе волновать народъ. Можетъ и тутъ былъ онъ не
безъ участія, какъ въ Провансѣ.“ Такой намекъ не даетъ
еще, безъ сомнѣнія, повода утверждать что іюльскія волне-
нія подстроены Мирабо и другими членами Собранія. Но со
значительною вѣроятностью можно допустить что подъ рукою
они къ нимъ вели и ихъ поощряли. У того же Баальи въ за-
пискахъ подъ 12 іюля отмѣчено что въ тотъ день (это было
воскресенье, засѣданія не было, и Баальи былъ въ своемъ
домикѣ въ Шальйо близъ Парижа) одинъ изъ друзей его го-
ворилъ ему что въ Пале-Роялѣ ходятъ слухи что Баальи
сдѣлается городскимъ головой. Это исполнилось только 16 іюля,
послѣ взятія Бастиліа и повѣздки въ Парижъ короля, а уже
къ-мъ-то было рѣшено заранѣе. Со своей стороны герцогъ
Ораевскій, послѣшая, какъ только началось волненіе, изъ
Парижа въ Версаль, говорилъ приверженцамъ своимъ: „остает-
ся одно—взяться за оружіе“. (Fergières, I, 101.)

Относительно изображенія г. Рамбо слѣдуетъ замѣтить
что оно исторически не точно. Собраніе протестовало за-
явленіемъ своего довѣрія удаленному Неккеру не прежде
волненій, а 13 іюля, когда уже подробности о нихъ дошли
въ Собраніе и, какъ выражается маркизь де-Феррьеръ, „ис-
полняли въ немъ радостію дѣятелей революціи и подняли храб-
рость боязливѣйшихъ... Собраніе сдѣлалось сильно Парижемъ“.

П р і я т е л ь. Интересно прочесть описаніе волненій 12 и
13 іюля 1789 года въ самомъ распространенномъ изъ рево-
люціонныхъ журналовъ той эпохи, начавшемъ появляться
съ 17 іюля этого года. Я говорю о журналѣ Лустало *Révo-
lutions de Paris*, богатомъ свѣдѣніями и сравнительно умѣ-
реннымъ, особенно въ началѣ. У насъ есть подъ руками
экземпляръ этого изданія. Вотъ, съ нѣкоторыми сокраще-
т. ских.

щениами, что тамъ сказано: „Какъ только дошла сюда вѣсть объ удавленіи дорогаго министра, наступило общее уныніе. Народъ въ отчаяніи, ища исхода своихъ золъ, сжегъ многія заставы, сходился въ разныхъ мѣстахъ, составлялъ разные планы; а граждане въ угрюмомъ молчаніи совѣщались между собою, не въ силахъ будучи удержаться отъ слезъ. Около пяти часовъ, въ воскресенье, 12 іюля, граждане собравшіеся въ Пале-Рояль послали приказъ чтобы всѣ спектакли были закрыты, что было безпрекословно исполнено. Этотъ знакъ уваженія оказанный великому человѣку съ очевидностію обнаружилъ какъ велика была степень общественного огорченія. Затѣмъ отправились въ кабинетъ Курціуса, просить этого артиста дать бюстъ или портретъ его высочества герцога Орлеанскаго и г. Неккера. Въ триумфѣ повесили эти бюсты убрать ихъ крепомъ, символомъ немилости этихъ драгоценныхъ лицъ (тогда думали что и принцъ получилъ повелѣніе о ссылкѣ). Народъ кричалъ: „шалки долой“, дабы выразить свое глубокое уваженіе. Шествіе было многочисленно, направлялось по бульвару и улицѣ Севъ-Мартень. Участвовавшіе въ шествіи граждане пригласили отрядъ Парижской гвардіи сопровождать ихъ для порядка... Достигли Вандомской площади. Тутъ отрядъ Royal-Allemand хотѣлъ остановить народъ. Полетѣли камни, солдаты бросились на толпу. Бюстъ Неккера былъ разбитъ; бюстъ принца избѣгъ той же участи, ибо ударъ сабли драгуна не могъ его достать. Но эти подлые солдаты, которыхъ Національное Собраніе можетъ немедленно распустить и объявить заслуживающими безчестья, осмѣлились стрѣлять въ народъ. Одинъ garde française, безоружный, былъ убитъ, нѣсколько ранены. Въ ту же минуту князь Ламбекъ, ихъ начальникъ, этотъ ненавистный аристократъ, показавъ у моста въ Тюильри и съ низкою кровожадностію направился на гулявшихъ гражданъ, все оружіе которыхъ составляли палочки въ рукахъ. Тамъ ударомъ сабли, безо всякаго повода, онъ повергъ къ своимъ ногамъ старика удалявшагося со своимъ пріателемъ; молодежь хотѣла броситься впередъ, но солдаты выстрѣлили. Всѣ бросились бѣжать. Послышался лущечный выстрѣлъ, смѣтеніе распространилось. Граждане въ отчаяніи лобзили къ Пале-Роялю крича: къ оружію, къ оружію!“

Таково разукрашенное описаніе революціоннаго журвала еще наименѣе прибѣгавшаго къ искаженію фактовъ. Подроб-

вості перешли въ исторію. И у Тьера, и у Мишле читаемъ и о безоружномъ гардѣ убитомъ выстрѣломъ Royal Allemand и о старикѣ ни съ того ни съ сего пораженномъ яростнымъ княземъ Ламбекъ, бросившимся на мирно гулявшихъ съ палочками гражданъ. На дѣлѣ было далеко не такъ. Изъ показаній приводимыхъ у Тэна явствуетъ что драгуны Ламбекса встрѣтили при входѣ въ садъ Тюильри баррикаду стульевъ, изъ-за которой въ нихъ полетѣлъ градъ камней и бутылокъ. При вѣздѣ въ садъ нѣсколько человекъ окружили князя, хватали его лошадь за гриву и подъ уздцы, старались его стащить; былъ выстрѣлъ изъ пистолета. Ламбекъ, давъ шпоры лошади, освободился и ударилъ плашмя саблей по головѣ какого-то человѣка старавшагося закрыть входъ на мостъ (Pont Tournant). Рава „убитаго старца“ оказалась царшиной въ двадцать три линіи длины и исцѣлена была компрессомъ изъ водки. Что драгуны выстрѣлили въ воздухъ, упоминаетъ и Бальи со словъ очевидца.

Авторъ. Въ ночь съ 12го на 13е іюля городскія заставы были сломаны и сожжены. Къ утру разбойники съ пиками, палками, дротиками „бродили шайками по улицамъ съ криками: „оружія и хлѣба“; мирные жители залерлись въ домахъ, дрожа за свою участь. „Хотѣли (*Révol. de Paris*) разграбить дома „враговъ народа“, но были удерживаемы благоразуміемъ нѣкоторыхъ гражданъ смѣшавшихся съ ними и ихъ сдерживавшихъ.“ Толпа окружила Думу (Hôtel de Ville), валопнула ея залы, требуя оружія и, не дождавшись разрѣшенія, захватила все что было. Всѣ оружейныя магазины были разграблены. Разбили тюрьму la Force и выпустили заключенныхъ. Провикли въ монастырь лазаристовъ; „поломали (цитую изъ Тэна) бібліотеку, шкафы, картины, окна, физическій кабинетъ; бросились въ погреба, разбили бочки и начали льявствовать; чрезъ двадцать четыре часа тамъ нашли до тридцати олившихся мужчинъ и женщинъ, мертвыхъ и умирающихъ; изъ нихъ одна женщина оказалась на девятомъ мѣсяцѣ беременности. Вся улица предъ домомъ была усыяна обломками, а грабители съ кусками сѣстаго и жбанами въ рукахъ заставляли лить всякаго проходящаго! Монастырь по постановленіямъ обязанъ былъ имѣть запасный магазинъ съ зерномъ и мукой. Это и подало поводъ къ разграбленію: народъ де голодаетъ, а монахи набили подвалы хлѣбомъ и укрываютъ его отъ вражданъ“. Хлѣбъ на пятидесяти повозкахъ былъ свезенъ на

рынокъ. Ночью на 14е іюля были разграблены булочныя и разбиты кабаки; „шайки всякаго отребья, съ ружьями и пиками въ рукахъ, бродятъ въ лохмотьяхъ; многіе почти голые“, со звѣрскими лицами, явившіеся неизвѣстно откуда, вооруженные какъ дикіе; врываются въ дома, требуя пить, вѣсть, денегъ, оружія.

Пріятель. Откуда разомъ появилась вся эта революціонная сволочь?

Авторъ. Она появилась далеко не разомъ. Задолго до іюльскихъ дней Парижъ былъ мѣстомъ частныхъ волненій и безпорядковъ. Почти наканунѣ собранія Государственныхъ Сословій, 27го апрѣля 1789 года, была въ Парижѣ разграблена обойная фабрика Ревельюна, человекъ весьма почтеннаго и благотворительнаго, но на котораго оставшіеся неизвѣстными враги его успѣли натравить чернь. Произошли такія же сцены буйства и пьянства; грабители даже приняты за вино бутылки съ лакомъ и осушили ихъ. Парижъ былъ центромъ, куда въ послѣднее голодное время сходились бродяги со всей окрестной Франціи, укрываясь отъ преслѣдованій за безпорядки, повсюду обнаруживавшіеся, отыскивая пропитанія и праздной жизни. Въ 1789 году считалось въ Парижѣ болѣе ста двадцати тысячъ немущихъ. Пришлось устраивать родъ національныхъ мастерскихъ, производя совсѣмъ ненужныя земляныя работы на Монмартскомъ холмѣ, съ платой по двадцати су въ день. Горючаго матеріала былъ такимъ образомъ заласъ огромный. Силу іюльскому возстанію давала впрочемъ не эта сволочь. Главнымъ орудіемъ она сдѣлалась позже. Въ эти дни она занималась почти исключительно грабежемъ, наводя страхъ неистовствами. Вооружался, бралъ Бастилію слой нѣсколько высшій. Граждане собирались въ Думѣ и по округамъ. Общая мысль была—что необходимо вооружиться, образовать гражданскую милицію, которая охраняла бы городъ отъ разграбленія и, главное, представила бы отпоръ ненавистной военной силѣ изъ „наемниковъ“ руководимыхъ „врагами народа“, о немедленномъ вторженіи которыхъ ходили самыя преувеличенныя слухи. „Всѣ движенія этихъ дней, говоритъ Бальз, имѣли двѣ причины: одна—безлокоиство и ужасъ добрыхъ гражданъ въ минуту общественной опасности, при видѣ перемѣны министерства и собранныхъ съ какимъ-то замысломъ войскъ: граждане эти требовали оружія чтобы спасти отечество, свою собственность, или чтобы

защитить свои послѣдвіе дни; другая — разбойники, послужившіе уже въ дѣлѣ Ревельдона и столькожъ затѣмъ другихъ и которые выдвинуты были тѣми кто желали ускорить ходъ революціи.“ (Bally, I, 337).

Пріятель. Не малое значеніе имѣеть то обстоятельство что Gardes Françaises и парижская стража (guet) присоединились къ воюовавшимся гражданамъ. Среди Gardes Françaises дисциплина была въ паденіи: уходили безъ спросу, слагались въ Пале-Рояль, составляли клубы. Новый полковникъ хотѣлъ нѣсколько ослабить распущенность. Онъ арестовалъ и отправилъ въ тюрьму нѣсколькихъ нарушителей дисциплины. Едва сдѣлалось это извѣстнымъ какъ толпа народа бросилась въ тюрьму и освободила арестованныхъ. Бальи, президентъ Собранія, получилъ объ этомъ извѣстіе утромъ 1го іюля отъ прибывшей изъ Парижа „делуація“ со слѣдующимъ заявленіемъ: „Неслыханная, неумѣстная строгость повергла вчера Парижъ въ уныніе и смятеніе. Толпой бросились къ тюрьмѣ Аббатства, куда по приказанію г. Дю-Шателе (полковника) приведены Gardes Françaises, которые въ тотъ же вечеръ должныствовали быть отосланными въ Бисетръ. Эти несчастныя жертвы своего патріотизма (!) были вырваны изъ ихъ цѣпей и отведены при громѣ общихъ рукоплесканій въ Пале-Рояль, гдѣ нынѣ и находятся подъ охраной народа, взявшаго на себя за это отвѣтственность.“

Неизвѣстные люди вмѣшиваются въ дѣло военной дисциплины, разбиваютъ тюрьму, освобождаютъ виновныхъ, объявляютъ себя народомъ и принимаютъ на себя какую-то небывалую отвѣтственность. Очевидное нарушеніе самыхъ первыхъ началъ порядка. Какъ же принимаетъ это извѣстіе президентъ Собранія и само Собраніе? Характеристично разсужденіе Бальи по этому поводу. Оно свидѣтельствуетъ о той язвѣ нравственнаго разложенія какая коснулась въ то время даже лучшихъ умовъ. Дѣло очевидно неправильное, но требуется уступить, и вотъ придумываются аргументы. „Я видѣлъ, говоритъ Бальи (*Mém.* I, 266), что военная дисциплина, какъ велось донынѣ, уполномочивала начальника посадить въ Аббатство нарушившихъ дисциплину солдатъ и что народъ не имѣлъ права ихъ оттуда вывести; что это незаконное дѣйствіе грозило поощрить къ несубординаціи. Такія размышленія могли склонять къ строгости. Но, съ другой стороны, если эти солдаты арестованы произ-

вольво, за патріотическія чувствованія, то такой деспотизмъ, въ минуту когда свобода только начинала рождаться, такое дѣйствіе, противное національному интересу, должно было обратить на себя вниманіе представителей народа... Нельзя было думать олять арестовать этихъ людей, выведенныхъ изъ тюрьмы и находящихся нынѣ подъ охраной народа. Приходилось, — виновны они или нѣтъ, — дать имъ свободу, но такъ чтобы не компрометтировать власти.“ Придуманый компромиссъ состоялъ въ томъ чтобы Собраніе просило короля простить освобожденныхъ толпою солдатъ. Такъ дѣло и уладилось. Солдаты упросили отправиться въ тюрьму, чтобы тотчасъ же быть оттуда освобожденными. Все обошлось благополучно.

Пріятедь. Любопытно бы знать, въ чемъ состоялъ „патріотизмъ“ этихъ одиннадцати солдатъ, жертвъ деспотизма ихъ начальника?

Авторъ. На это есть указаніе. Они каждый вечеръ уходили безъ позволенія изъ казармъ и шатались въ Пале-Рояль. Большинство французскихъ гардовъ были любовниками пале-рояльскихъ лубличныхъ женщинъ. Многие и лоступали въ гвардейцы „чтобы жить на счетъ этихъ несчастныхъ дѣвокъ.“ Не только у этихъ гвардейцевъ, но и во всемъ войскѣ дисциплина страшно пошатнулась. Пришлось возлагать надежду только на „наемниковъ“.

РАЗГОВОРЪ ДЕВЯТЫЙ.

Пріятедь. Пора коснуться знаменитаго взятія Бастиліи.

Авторъ. Наступило 14 іюля 1789. Въ сохранившемся протоколѣ засѣданій Парижскихъ избирателей (*Extrait du procès-verbal des séances des électeurs de Paris*; прибавленіе къ тому I *Монитера*), почти единственномъ официальномъ документѣ относящемся до іюльскихъ дней въ Парижѣ, можно прослѣдить различные моменты этого историческаго дня.

Пріятедь. Парижскіе избиратели—это тѣ городскіе уполномоченные которые выбирали представителей города въ собраніе Государственныхъ Сословій и составляли для нихъ наставленіе. Роль ихъ была собственно локовчена какъ только выборы были произведены, но они сами порѣшили что полномочіе ихъ продолжается и стали дѣйствовать сообразно съ этимъ,

въ увѣренности, какъ выразился одинъ изъ нихъ, Дюсо (Dusaulx, *Oeuvre des sept jours*, 259, въ *Coll. des Mém.*) что „истинные граждане всегда имѣютъ право спасать отечество“. Въ числѣ отъ двухъ до трехъ сотъ они первоначально собрались было скромно въ какомъ-то трактирѣ, но болѣе рѣшительный изъ нихъ, Тюрио (Thuriot), заявилъ что двери Думы не должны быть для нихъ закрыты. „Поднимитесь, идите за мною“. Пришли и засѣли въ Думѣ, вмѣстѣ съ членами городского управленія, и когда начались беспорядки, захватили власть совсѣмъ въ свои руки, образовавъ изъ себя безсмѣнный комитетъ (*comité permanent*). Избраніе этого неожиданнаго комитета происходило въ присутствіи толпы наполнившей залу Думы. Кто-то крикнулъ: зачѣмъ въ комитетъ назначаютъ все изъ избирателей. „Кого же хотите вы чтобъ назначили.“—Меня, отвѣчалъ храбрый (?) Фрелзъ, и былъ выбранъ аккламаціей. (Dusaulx, 278).

Авторъ. 14 іюля, съ 6 часовъ утра депутаты отъ разныхъ округовъ и толпа гражданъ наполняли уже Думу. Привозили захваченные предметы: телеги съ мукой, зерномъ, виномъ и другими припасами; тащили лушки, весла ружья, боевые заласы, вела лошадей, и всѣмъ этимъ наполняли площадъ предъ Думой. Улицы уже были полны народомъ всякаго возраста и состоянія. Въ семь часовъ прибѣгаетъ испуганная толпа съ криками что отрядъ *Royal Allemand* вступилъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, убиваетъ встречающихся, не разбирая пола и возраста, ставитъ лушки на улицѣ; предмѣстью грозитъ полное разрушеніе. Другая толпа бѣжитъ изъ предмѣстья Сентъ-Дени съ подобными же вѣстями. Составляется отрядъ изъ *Gardes Françaises* и вооруженныхъ гражданъ съ цѣлю дать отпоръ врагамъ. Но посланные для развѣдыванія въ предмѣстье возвращаются съ извѣстіемъ что всѣ эти тревоги совершенно ложны, никакихъ отрядовъ нѣтъ и предмѣстямъ ничто не грозитъ. Около восьми часовъ нѣскольکو человекъ пришли возвѣстить что лушки съ Бастиліи направлены вдоль улицы Св. Антонія. Комитетъ поручилъ нѣсколькимъ членамъ отправиться въ Бастилію къ коменданту этой крѣпости Делове (онъ назывался *gouverneur de la Bastille*) и предложить ему удалить лушки возбуждающія тревогу. Депутация отправилась. Бѣжитъ какой-то человекъ въ сивемъ одѣяніи съ золотыми нашавками, въ лыжи и поту, и сообщаетъ что въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ

показался отрядъ гусаръ; чтобъ остановить его построена де баррикада, но она едва держится; требуется немедленная помощь. Разказъ оказался олять ложнымъ. Около десяти часовъ пришло извѣстiе о происшедшемъ въ Домѣ Инвалидовъ. Наканунѣ было рѣшено предложить завѣдующему Домомъ выдать уполномоченному Думы находящееся въ Инвалидномъ Домѣ оружіе. Когда утромъ уполномоченный явился къ Дому, онъ нашелъ его окруженнымъ громадною толлою вооруженныхъ гражданъ. Завѣдующій отозвался что уже предупреденъ о требованіи и ждетъ только разрѣшенія изъ Версаля. Но пока происходили переговоры у рѣшетки, толла успѣла проникнуть въ ворота Инвалиднаго Дома и скоро его наполнила. Поздно было думать о разрѣшеніи: какое нашлось оружіе, все было разобрано.

П р и я т е л ь. И въ Бастилію съ ранняго утра являлись какіе-то молодые люди депутатами отъ Пале-Рояля. Были пропущены до вторыхъ воротъ (въ Бастилію проходили чрезъ двое послѣдовательныхъ воротъ съ подъемными мостами при каждаыхъ. Первыя ворота вводили на дворъ новой постройки, вторыя—въ самую крѣпость). Непрошенные гости требовали выдачи оружія и естественно получили отказъ. Являлись еще двѣ подобныя депутаціи, болѣе и болѣе многочисленныя. Что касается посланныхъ отъ Думы, то они были самымъ предупредительнымъ образомъ приняты комендантомъ и угощены завтракомъ. Комендантъ удостовѣрился что никакихъ враждебныхъ намѣреній не имѣеть и велѣлъ отодвинуть возбуждавшія оласевія лѣшки. Между тѣмъ шумная толла вокругъ крѣпости все росла.

А в т о р ь. О дальнѣйшемъ трудно составить вполне точное представленіе; сохранилось множество разказовъ, описаній, но всѣ они противорѣчатъ между собою въ подробностяхъ, и не легко разобраться среди разнорѣчивыхъ показаній относительно событія ставшаго легендой на другой же день послѣ того какъ оно произошло. Обратитъ его въ легенду было въ интересѣ и его современниковъ, и большинства его историковъ. Не легко освободитъ истину отъ прикрывающаго ее вымысла. Одно по крайней мѣрѣ съ достовѣрностью вытекаетъ изъ мало-мальски внимательнаго и непредубѣжденнаго разбора фактовъ,—что со стороны осаждающихъ не было ничего кромѣ безумія, со стороны осаждаемыхъ—ничего кромѣ крайней уступчивости.

Депутатъ отъ округа Saint Louis de la Culture, Тюрю (Thuriot), имя котораго намъ уже случилось упомянуть, который въ послѣдствіи былъ предсѣдателемъ Конвента въ памятное засѣданіе рѣшившее судьбу Робеспьера, являлся „отъ имени націи и отечества“ къ подъемному мосту въ ту минуту какъ изъ крѣпости выходила городская депутація; былъ допущенъ въ Бастилію и объяснялся съ комендантомъ, требуя чтобы крѣпость была сдана народу. Подробности объясненія узнаемъ изъ собственнаго донесенія Тюрю, сдѣланнаго имъ въ Думѣ немедленно по выходѣ изъ крѣпости и помѣщеннаго въ протоколѣ. Перейдя съ комендантомъ на внутренній дворъ крѣпости, Тюрю увидѣлъ тамъ три лешки, тридцать Швейцарцевъ (Petits-Suisses) и около дюжины пикаетовъ, всѣхъ подъ командой четырехъ офицеровъ. Весь гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ ста двадцати человѣкъ. Тюрю уговаривалъ ихъ „во имя чести, націи и отечества“ сдаться. И комендантъ, и офицеры клялись что не будутъ стрѣлять и не станутъ защищаться если не будутъ атакованы. Когда онъ этимъ не удовлетворился и требовалъ чтобы его свели наверхъ крѣпости и показали расположеніе пушекъ, комендантъ не хотѣлъ было удовлетворить его желаніе, но по настоянію офицеровъ согласился. Тюрю увидѣлъ на верху три лешки удаленныя фута на четыре отъ амбразуръ, которыя были закрыты. Съ башни онъ показался толпѣ собравшейся стрѣлять въ крѣпость. Толпа ему рукоплескала. Сойдя, онъ еще разъ уговаривалъ сдаться; „солдаты и офицеры были, казалось, расположены уступить, но комендантъ, слишкомъ смущенный движеніями окружающей крѣпость толпы, былъ самъ не свой и не рѣшался“ (le gouverneur était malheureusement trop affecté du mouvement extérieur, qu'il n'était plus à lui). Во всякомъ случаѣ, заключилъ Тюрю, на слово коменданта: не стрѣлять, если крѣпость не будетъ атакована, можно положиться. Не успѣли немного усложиться въ Думѣ, какъ со стороны Бастиліи послышался пушечный выстрѣлъ и въ то же время громадная толпа бѣжала по площади крича: „измѣна, предательство!“ Принесли человѣка равнаго въ руку, какъ сказывали, выстрѣломъ съ крѣпости; принесли также умирающаго солдата; говорили о другихъ убитыхъ и равныхъ. Толковали будто комендантъ нарочно велѣлъ опустить первый подъемный мостъ чтобы заманить народъ на первый дворъ Бастиліи и тамъ встрѣтилъ его

убійственнымъ залпомъ. Это было совершенно ложно. Напротивъ, толпѣ какъ-то удалось спустить мостъ, и она въ безпорядкѣ кинулась на дворъ, стрѣляла куда попадало, задміе попадали въ переднихъ. Въ показаніи инвалидов помѣщенномъ въ изданіи *La Bastille dévoilée* (показаніе приведено въ прибавленіи къ запискамъ Дюсо въ *Coll. de Mém.*, 450), разказано какъ произошли выстрѣлы. Когда вышелъ Тюріо, толпа подъ стѣнами крѣлости кричала: „хотимъ Бастилію, давай солдатъ“. „Мы какъ могли, говорятъ инвалиды, честью просили этотъ разный народъ удалиться, стараясь поставить имъ на видъ оласность какой они подвергаются. Но несмотря на наши увѣщанія толпа стояла на своемъ. Два человека взлѣзли на караульную съ боку малаго подъемнаго моста, разрубили и разбили топорами цѣли большаго моста, тогда какъ другіе рубили и разбивали малые. Это заставило насъ твердо сказать имъ чтобъ уходили, а то вынуждены будемъ стрѣлять. Имъ удалось спустить большой и малый мосты. Ободренные услыхомъ, они толпой прибѣжали ко второму мосту чтобъ овладѣть имъ и сдѣлали по насъ ружейный залпъ. Мы вынуждены были съ своей стороны сдѣлать по нимъ залпъ, чтобы помѣшать имъ завладѣть вторымъ мостомъ, какъ они сдѣлали съ первымъ. Они обратились въ бѣгство и удалились въ безпорядкѣ.“ Отхлынувшая толпа разнесла ужасъ и ожесточеніе въ несчетной массѣ облежавшей крѣлости. Прибылъ отрядъ французскихъ гардовъ, привезены пушки, началась, какъ пишутъ нѣкоторые историки, правильная осада крѣлости. Правильная осада эта была безумная лапша съ улицы, изъ чердаковъ и оконъ домовъ, въ воздухъ, въ каменные стѣны, не потерпѣвшія ни малѣйшаго вреда. Отъ бомбардировки во весь день былъ, по какой-то случайности, убитъ одинъ инвалидъ. Съ крѣлости стрѣляли очень мало. Еслибы была серіозная стрѣльба въ густую, бѣснующуюся толпу, она унесла бы не восемьдесятъ убитыхъ, какъ потомъ оказалось, а не одну сотню. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Нетерпѣливая и мятежная толпа, наполнявшая залы Думы и площадь предъ нею, приступила къ членамъ комитета и Думы съ требованіемъ усиленныхъ мѣръ ко взятію ненавистой крѣлости, какъ будто это взятіе зависѣло отъ Думы (какъ замѣчено въ протоколахъ). Явились удивительныя предложенія. Одинъ плотникъ, повидимому не безъ учевости, предлагалъ устроить по

римскому образцу каталунату и бросать съ неисчислимою силой (*avec une force incalculable*) громадные камни въ стѣны Бастиліи чтобъ ихъ разрушить. Г. Коссидьеръ, — *major-général de la milice parisienne*, — оттолкнулъ изобрѣтателя, сталъ на его мѣсто и сказалъ что единственное средство взять Бастилію — повести осаду по правиламъ войны и для того начать рыть траншеи. А на площади предъ Бастиліей пивоваръ Сактеръ сдѣлалъ удивительное предложеніе: сжечь каменную массу помощію задержаннаго накавунѣ гвоздичнаго и лавандоваго масла, воспламеняемаго помощію фосфора и пожарными трубами бросаемаго на крѣпость. Онъ самъ 15 іюля (протоколъ) повѣствовалъ объ этомъ, явившись въ Думу и требуя себѣ утвержденія въ званіи главнокомандующаго Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, каковымъ былъ будто бы выбранъ накавунѣ, участвуя во главѣ четырехсотеннаго отряда во всѣхъ трудахъ по осадѣ! Пожарныя трубы были привезены по его приказанію, прибавилъ онъ, какъ Бастилія была уже взята. Такихъ молодыхъ требовавшихъ награды за подвиги явилось на другой и слѣдующіе дни по взятіи не мало. Многіе изъ нихъ и не подходили къ крѣпости. Вообще въ „трудахъ осады“ участвовали, а по просту сказать бѣсновались около крѣпости, человекъ восемьсотъ. Но вся окрестность была усѣяна людьми смотрѣвшими на зрѣлище. Дамы пріѣзжали въ экипажахъ и издали присутствовали при спектаклѣ (показаніе очевидца, Тэвъ). Маратъ въ послѣдствіи бросилъ такой упрекъ Парижанамъ (*Ami du Peuple*, № 530): „Когда по небывалому стеченію обстоятельствъ стѣны плохо защищенной Бастиліи пала подъ усиліями горсти солдатъ и отряда несчастныхъ, большею частію Нѣмцевъ и почти поголовно провинціаловъ, Парижане парадировали (*se présentèrent*) предъ крѣпостью.“

Пріятедь. Ты сказалъ что съ крѣпости стрѣляли очень мало. Имѣемъ ли мы право выразиться такимъ образомъ? По показаніямъ инвалідовъ, изъ лунки дѣйствительно былъ данъ одинъ только выстрѣлъ картечью, когда нападающіе зажгли сарай съ соломой на первомъ дворѣ. Былъ сдѣланъ, и также послѣ увѣщаній, второй ружейный залпъ, когда толпа вновь прихлынула ко второму мосту, послѣ того какъ гарнизонъ готовый передать крѣпость городу увидѣлъ приближавшееся было бѣлое знамя городской депутаціи удаляющимся и принявъ появленіе знамени за обманный маневръ осаждающихъ. Но такъ ли это? Въ протоколъ

Думы занесены доклады двухъ депутацій, которыя были посланы комитетомъ между одиннадцатью и двумя часами дня къ крѣпости съ безуспѣшными увѣщаніями коменданту сдать Бастилію. Оба доклада повѣствуютъ о сильномъ огнѣ съ крѣпости, объ опасностяхъ какому подвергались посланные, о падавшихъ къ ихъ ногамъ жертвахъ огня Бастиліи. И пивалды говорятъ что Швейцарцы, не входившіе на башни крѣпости, стрѣляли со двора „черезъ зубцы и дыры сдѣланныя ими у подъемнаго моста“.

А в т о р ь. Можетъ-быть Швейцарцы и стрѣляли, но большаго огня въ этихъ условіяхъ произвести конечно не могли. Что же касается повѣствованій заключающихся въ докладахъ, то они мнѣ чрезвычайно подозрительны. Не очень довѣряютъ имъ и историки превозносящіе „взятіе“; по крайней мѣрѣ ссылаются на нихъ съ большою осторожностью. Повидимому посланные Думы сильно перетрусили. Первая депутація не дошла даже до крѣпости, и съ крѣпости никто ея не видалъ, какъ признаютъ и сами депутаты. Это не мѣшаетъ имъ въ явномъ противорѣчій съ самими собой говорить объ измѣнѣ коменданта, который улобно будто бы хотѣлъ продолжать „имъ самимъ объявленную гражданамъ войну“, „такъ какъ отказалъ выслушать нашу депутацію“. Въ началѣ доклада говорится какъ депутатамъ при приближеніи *показалось* что сверху стрѣляютъ (*nous avons aperçu sur les tours du fort des soldats de la garnison qui paraissaient tirer dans la rue*). На Тьера доклады сдѣлали такое впечатлѣніе что онъ счелъ наиболее близкимъ къ истинѣ выразиться о стрѣльбѣ при осадѣ: „летѣли выстрѣлы неизвестно откуда“ (*des coups de fusil sont tirés on ne sait d'où*). Депутаты далѣе проговариваются что имѣли дѣло собственно не съ осаждаемыми, а съ осаждающими. Осаждающихъ увѣщевали они прекратить огонь, чтобы вступить въ крѣпость, но тѣ прогнали увѣщателей, говоря что не переговоровъ и депутацій хотятъ, „а осады Бастиліи, разрушенія этой ненавистой тюрьмы и смерти коменданта“. Вторая депутація пошла съ барабанами и знаменемъ и была усмотрѣна. Осаждаемые вывѣсили бѣлый флагъ, стоявшіе на башняхъ солдаты опустили ружья дуломъ внизъ. Но далѣе слѣдуетъ весьма невѣроятный разказъ, будто съ крѣпости вдругъ раздался залль, видѣли будто что направляютъ и пушку: что она выстрѣлила сказать не рѣшилась. Тогда осаждающіе ожесточились, прогнали и вторую депутацію, крича: „вы тоже

измѣнники.“ Одного локомотива: M. Beaubourg a été maltraité. (Объ этомъ же господствѣ свидѣтельствуется въ докладѣ что пуля съ крѣлости сорвала ему эполету: пуля ли?) Повторяю, доклады очень сомнительной исторической вѣрности. Прочти, напримѣръ, что говорить членъ второй депутаціи, гласный Франкотэ (Francotau), отставшій отъ остальныхъ и уже послѣ ихъ вернувшійся въ Думу, и скажи какое впечатлѣніе производятъ на тебя такіа строки: „Г. Франкотэ сказалъ что депутація остановилась на маломъ дворѣ подъ ужаснѣйшимъ огнемъ; а что онъ, Франкотэ, идя все впередъ, приблизился къ подъемному мосту; что вокругъ его многіе были убиты, и онъ вынужденъ былъ перешагнуть черезъ трулъ одного отца семейства, о которомъ всѣ сожалѣли“ (passer par dessus le cadavre d'un père de famille que tout le monde regrettait)?

Прія т е л ь. Очень куріозно. Какъ это онъ узналъ что убитый былъ отецъ семейства, и когда же всѣ успѣли выразить сожалѣніе?

А в т о р ь. Дальнѣйшее не менѣе куріозно. Храбрый гласный обращается, полагать надо, „подъ страшнымъ огнемъ“, къ согражданамъ съ рѣчью, увѣщевая ихъ отойти. „Нѣтъ, нѣтъ, восклицаютъ они, мы завалимъ ровъ нашими трулами.“ Уступая ихъ просьбамъ онъ сталъ удаляться „сквозь пули свиставшія около его ушей и ударявшія въ стѣну къ которой они подвигались“. Пули значитъ были не съ крѣлости и били въ стѣну, должно-быть, безъ особаго для нея вреда. Да и куда же это „они подвигались“? Въ стѣну что ли? Документъ такого рода очевидно большой цѣны не имѣетъ. Держусь мнѣнія что съ крѣлости стрѣляли очень мало.

Прія т е л ь. Какъ же наконецъ была взята Бастилія?

А в т о р ь. Она вовсе не была взята. Самъ главный герой дѣя, одинъ изъ немногихъ обнаружившихъ дѣйствительно нѣкоторое мужество, увѣнчанный въ Думѣ „храбрый Эли“,— le brave Elie,—выразился такъ: „Бастилія вовсе не была взята силою; она сдалась прежде чѣмъ была атакована.“ Уже съ утра гарнизонъ желалъ сдать крѣлость, но комендантъ, видя громадную осаждающую толпу, опасаясь, должно думать, ея неистовствъ, если отворить ворота крѣлости. И нельзя не признать что опасенія были вполнѣ основательны. Обращикъ неистовствъ былъ еще до взятія.

Кто-то въ толпѣ указалъ молодую дѣвушку, увѣряя что это дочь коменданта. Несчастную хотѣли тутъ же сжечь. Ее едва успѣлъ спасти, разувѣривъ толпу, какой-то добрый солдатъ. На дворѣ захватили трехъ безоружныхъ инвалидовъ и приволокли въ Думу со страшными криками, требуя ихъ смерти: ихъ будто бы схватили у воротъ Бастиліи съ оружіемъ, когда они стрѣляли въ народъ. Старый инвалидъ, сохранившій хладнокровіе предъ опасностью, сказалъ: „Какъ могъ я стрѣлять когда былъ безъ оружія и шелъ изъ кабака, куда ходилъ за виномъ для себя и товарищей“. Аргументъ подѣйствовалъ, инвалидовъ удалось отстоять отъ толпы. Рѣшено отправить ихъ до суда въ тюрьму. Возможно что мотивомъ отказа коменданта сдать крѣпость была также и военная честь. Въ заявленіи инвалидовъ говорится что онъ уже взялъ фитиль и хотѣлъ взорвать крѣпость, но былъ удержанъ двумя инвалидами и только послѣ этого рѣшился сдаться. Онъ сдался на честное слово французскихъ гвардейцевъ: Эли, Шола и Гулена, бывшихъ впереди осаждающихъ и знавшихъ военныя правила. Было обѣщано что ни ему, ни гарнизону не будетъ сдѣлано никакого вреда. Но едва отворились ворота, какъ ворвалась неистовая толпа. Гарды употребляли всѣ усилія сдержать слово, но тщетно. „Толпа, говоритъ Тэвъ, пощадила Швейцарцевъ, которые въ нее стрѣлали, привявъ ихъ по одеждѣ за ключевыхъ. Но за то набросилась на инвалидовъ, которые отворили имъ ворота; у инвалида удержавшаго коменданта, когда тотъ хотѣлъ взорвать крѣпость, отрубили руку ударомъ сабли, прокололи его двумя ударами шлага, ловѣсили, а руку его, сплскую цѣлый кварталъ, повесли въ триумфѣ по улицамъ.“ Пятерыхъ офицеровъ и трехъ солдатъ убили,—однихъ тутъ же, другихъ волоча по улицѣ. „У кого не было оружія, говоритъ одинъ офицеръ, тѣ бросали въ меня камнями; женщины скрежетали зубами и грозили мнѣ кулаками. Двое изъ моихъ солдатъ были убиты сзади-меня. При общемъ крикѣ: на висѣлицу! меня приволокли на нѣсколько сотенъ шаговъ отъ Думы. Въ ту минуту мимо меня пронесли воткнутую на пикѣ голову, показали мнѣ ее, говоря что это голова Делона.“ Семого коменданта волокли по улицѣ, таская за волосы, лораяжая ударами. Одни говорили—надо отрубить ему голову, другіе—надо его ловѣсить, тѣ—привязать къ лошадиному хвосту. Онъ просилъ смерти, въ порывѣ послѣдняго отчаянія ногой оттолкнулъ одного изъ державшихъ, и въ ту

же минуто былъ пронзенъ штыками. Этого показалось мало. Труль волочили, били. Требовалось отрѣзать голову. Подвернулся поварь, пришедшій поглядѣть на „осаду“, и взялся за дѣло. Рубилъ саблею. Сабля оказалась тупа. Онъ вынулъ ножъ и какъ человекъ „въ качествѣ повара умѣющій рѣзать говядину“ управился съ головой коменданта. Ее воткнули на лику и повесили въ Пале - Рояль, а оттуда къ Pont Neuf.

Вотъ какъ была взята Бастилія!

Пріятель. Когда ближе ознакомишься съ дѣломъ, какъ то странно звучитъ торжественная рѣчь современной официальной Франціи заявляющей устами г. Рамбо: „Трудно и вообразить что была тогда Бастилія съ ея стѣнами въ двадцать футовъ толщиной, со рвами широкими какъ рѣка. Она покрывала дѣльный кварталъ Парижа и грозила ему жерлами своихъ лушекъ. Она глядѣла какъ бы злобщій остатокъ Среднихъ Вѣковъ, выдѣляя въ свѣтломъ восемнадцатомъ вѣкѣ свой мрачный силуэтъ, свой трагическій профиль феодальнаго замка. Очевидно Бастилія была неприступна. 14 іюля въ пять часовъ пополудни Бастилія была взята!“..

Авторъ. Убіенство и звѣрское наругательство надъ труномъ Делоне слѣдующимъ образомъ, въ сентиментальномъ тонѣ, описываются въ *Révolutions de Paris*: „Хотятъ увидѣть вѣроломнаго коменданта; находятъ его наконецъ: подлый спрятался. Два гренадера схватываютъ его. Подходитъ какой-то молодой буржуа. Комендантъ хочетъ ему довѣриться, бросается къ нему въ объятія раздраемый скорбію. Его вырываютъ, лишая этой чести; обращаются съ нимъ какъ съ негодяемъ, влекутъ среди необозримой толпы. Онъ обращается къ молодому человѣку, который хочетъ еще защитить его отъ оскорбленій черни. „Ахъ, говоритъ онъ, раздраемый угрызеніями совѣсти, я измѣнилъ отечеству! Рыданія заглушаютъ его голосъ...“ Когда достигли Гревской площади, народъ нетерпѣливо жаждущій мести не далъ Делоне и другимъ офицерамъ подняться на судъ Думы. Ихъ вырываютъ изъ рукъ любителей, толчутъ ногами. Делоне пронзенъ тысячею ударовъ. Ему отрѣзаютъ голову и несутъ ее воткнувъ на лику, по которой струится кровь...

„Сей славный день долженъ поразить нашихъ враговъ. Онъ предвѣщаетъ намъ, наконецъ, торжество справедливости и свободы. Вечеромъ была общая иллюминація!“

Пріятель. Несчастный Делоне! Ко всемъ наругатель-

ствамъ его трупа и памяти присоединяется еще по истинѣ жестокое слово добраго короля. Когда Бальи (Bally, II, 42) заговорилъ съ Лудовикомъ XVI о смерти Делоне, король произнесъ: „О, онъ заслужилъ свою участь!“ Чѣмъ же? Развѣ вѣрностью тому же королю, когда требовалась измѣна? Предъ измѣной законная власть преклонялась, измѣнѣ уступала, измѣну славила; но за то головой выдавала немногихъ оставшихся вѣрными. Могли осуждать Делоне, но козачью не король. Онъ должевъ былъ хотя бы промолчать. Онъ не могъ быть въ заблужденіи будто Делоне стрѣлялъ въ невиновный народъ, замазавъ его бѣлымъ флагомъ. Нѣтъ, мало было уступить, надо было еще оскорбить. Жестокое слово, ничтожный король! Говорятъ Делоне былъ требовательный и безжалостный тюремщикъ. Можетъ-быть; но не утвердилась ли такая репутація главнымъ образомъ послѣ звѣрской казни, для желательнаго оправданія палачей?

А в т о р ь. Гарнизонъ сдался на честное слово. Нарушеніе этого слова было самымъ позорнымъ дѣломъ съ точки зрѣнія военной чести. Мишле это чувствовалъ и поясняетъ что Бастилія была тюрьма, а не крѣпость; военные законы къ ней не приложимы. Чѣмъ же во всякомъ случаѣ такъ славиться. Какою побѣдой вѣдичаться?

П р і я т е л ь. Побѣда была значительная: побѣда Собранія надъ королевскою властью. Услѣхъ парижскаго мятежа въ немъ радость отозвался. Въ эти дни волнений представители націи засѣдали „непрерывно шестьдесятъ часовъ (*Révol. de Paris*, № I, 20), опасаясь не только за свою свободу, но и за свою жизнь.“ Собранію впрочемъ едва ли грозила какая дѣйствительная оласность; крайне сомнительно чтобы при дворѣ и особенно у короля былъ какой-нибудь опредѣленный планъ. Тѣмъ не менѣе значительное число членовъ Собранія были въ страхѣ. Вожаки дѣйствовали. Собраніе вотировало отвѣтственность министровъ и совѣтниковъ короля, „какое бы ни было ихъ положеніе“; настойчиво требовало удаленія войскъ, признало что объявленіе государственнаго банкротства сочтеть позорящимъ націю. Король медлилъ. Услѣхъ возстанія быстро перемѣнилъ картину. Лудовикъ XVI явился въ Собраніе почти просителемъ, взываетъ къ согласію въ дѣйствіяхъ, объявляетъ что уже далъ повелѣніе объ удаленіи войскъ. „Оставались, говоритъ маркизъ де-Феррьеръ въ своихъ запискахъ (I, 145), два важные

пункта рѣшенные революціонерами: возвращеніе Неккера и назначеніе Балли парижскимъ меромъ, а Лафайета—главнокомандующимъ парижскою милиціей. Только эти мѣры могли обезпечить выгоды пріобрѣтенныя Собраніемъ надъ дворомъ. Революціонерамъ не трудно было достигъ желаемого. Народъ локорный голосу своихъ руководителей шумно требовалъ возвращенія Неккера. Балли былъ провозглашенъ меромъ, а Лафайетъ наименованъ командующимъ милиціей, по единодушному избранію гражданъ.“ Президентъ и вице-президентъ (такъ называли на эти дни Лафайета) Собранія становятся во главѣ столицы: Собраніе дѣлается всемогущимъ.

А в т о р ь. Обстоятельства сопровождавшія 15 іюля, избраніе Балли и Лафайета, мнѣ кажется, подтверждаютъ соображенія де-Феррьера. Собраніе отправило 15 іюля многочисленную депутацію (изъ восьмидесяти четырехъ членовъ) въ Парижскую Думу съ привѣтствіемъ и сообщеніемъ о предстоящемъ посѣщеніи Парижа королемъ. Повѣзка депутатовъ была триумфальнымъ шествіемъ. Стрѣляли изъ лушекъ, конный и пѣшій отряды предшествовали кортежу депутатовъ шедшихъ пѣшкомъ между рядами восторженной публички, при неумолкаемыхъ кликахъ. Депутатовъ обнимали, цѣловали ихъ руки, раздавали имъ трехцвѣтныя кокарды. Представители города привѣтствовали ихъ какъ „ангеловъ мира“. Въ Думѣ цѣлая овація. Произносятся рѣчи. Рѣчи эти переполнены фразами прославляющими короля, обожаемого, добродѣтельнаго, лучшаго въ мірѣ монарха. Лафайетъ въ патетическомъ разказѣ передаетъ какъ посѣтилъ король Собраніе, что говорилъ и какъ депутаты въ восторгѣ проводили его до дворца среди растроганнаго народа. Можно подумать что никогда еще королевская власть не пользовалась такою преданностію. Замѣчательное явленіе фальши! Власть на дѣлѣ отнимаютъ; она отрекается отъ себя, и къ ней обращаются льстивыя рѣчи доказывающія что никогда де не была она такъ сильна. Отдай власть и будемъ хвалить. Кого, казалось бы, можно было этимъ обмануть? Оказывается, обмануть можно весьма многихъ. Есть не мало людей съ такимъ инстинктомъ примиренія что они готовы тотчасъ умилиться какъ только покажется имъ что дѣло уладилось, и что все пойдетъ гладко. Эта черта была въ натурѣ краснорѣчиваго графа Лалли Толандаля, члена Собранія, отличавшагося необычайною чувствительностію

и человека действительно честнаго. Его рѣчь о новой эрѣ до-
вѣрія благодаря уставовившемуся согласію короля и націи была
совершенно искреннею. Оратора увѣнчали вѣнкомъ, какъ онъ
ни сопротивлялся, и показали въ вѣкѣ въ окошко народу. „Де-
путаты, сказано въ протоколѣ Думы, хотѣли уже оставить
залу, какъ вдругъ всѣ голоса соединились чтобы провозгла-
сить г. маркиза де-Лафайета главнокомандующимъ париж-
скою милиціей.“ Какаа странная неожиданность! Въ залѣ
чрезвычайно кстати оказался бюстъ генерала, присланный
изъ Америки. На него предсѣдатель избирателей, г. Моро
де - Сень - Мери, указалъ Собранію. Послѣдовалъ выборъ
аккламаціею. Въ то же время Баальи провозглашенъ ме-
ромъ Парижа. Разказывая о своемъ избраніи, Баальи про-
сто приводитъ выписку изъ протокола Думы. Потомъ
говорить какъ онъ былъ изумленъ и ошеломленъ. Въ разказѣ
сквозить какаа-то неискренность. За нѣсколько страницъ,
подъ 12 іюлемъ, онъ же проводилъ слухъ что его прочать
въ головы.

П р и я т е л ь. Итакъ Собраніе побѣдило. Власть въ его ру-
кахъ. На долго ли? Общій характеръ и такъ-сказать рецелтъ
революціоннаго движенія таковъ: власть существующая дол-
жна была разрушена въ пользу новой власти, имѣющей ее
замѣнить для выгоды разрушителей. Разрушеніе должно дѣ-
латься путемъ вынужденныхъ уступокъ. При этомъ наимыгод-
нѣйшій способъ вынужденія въ томъ чтобъ уступка дѣлалась
по собственному изволенію власти, за то подлежащей вос-
хваленію. Когда дѣло сдѣлано, новая власть окончателно
вступила въ силу, по отношенію къ ней начинается тотъ же
процессъ новыми разрушителями уже въ ихъ выгоду. Такъ
процессъ могъ бы продолжаться въ безконечность. Практи-
чески приходитъ обыкновенно къ тулику, и начинается ре-
ставрація. На всемъ пути задача не во благѣ, свободѣ и
тому подобныхъ хорошихъ вещахъ, но въ приобрѣтеніи *вла-
сти*. Власть есть цѣль, остальное—средство. Исторія фран-
цузской революціи — поучительное и страшное подтвержде-
ніе этого положенія.

А в т о р ь. Какую разницу съ торжественнымъ шествіемъ
членовъ Собранія представилъ 17 іюля печальный вѣздъ ко-
роля, привезеннаго въ Парижъ! Воскличаній, правда, было не
мало. Король внушалъ, повидимому, присутствіемъ своимъ

немаемые восторги. Но въ сущности какая это была фальшивая траги-комедія! *Révolutions de Paris* въ слѣдующихъ выраженіяхъ привѣтствуетъ „зарю прекраснаго дня“ когда „обожаемый монархъ явился между насъ“: „Отъ ужасовъ войны народъ, переступая такъ - сказать черезъ тѣла двухъ имъ умерщвленныхъ гражданъ, народъ дышавшій доселѣ кровопролитіемъ, ввостпвшій всюду желѣзо и огонь, вырывавшій изъ нѣдръ измѣнниковъ трелещущія внутренности, съ руками дымящимися кровью, народъ этотъ, съ челомъ сіяющимъ весельемъ, слѣшить принести своему монарху пальму мира Французы, какое прямотушіе (quelle loyauté), какое довѣріе! О! моя нація! ты одна умѣешь обожать, какъ умѣешь и отомщать!“ Чтобы принять эту пальму мира король, отправляясь въ Парижъ, прощался съ семьей какъ бы идя на великую опасность. Его провожали толпы. При заставѣ, Бальи въ качествѣ мера, подавая ключи города, привѣтствовалъ его словами звучавшими оскорбительною пропіей: „Этотѣ ключи которые были поднесены Генриху IV: онъ тогда только что покорялъ свой народъ; сегодня народъ покорялъ своего короля.“ Бальи повидимому не хотѣлъ сказать ничего оскорбительнаго. Онъ увлекся представившеюся ему эффектною фразой, составленною почти экспромтомъ. Въ своихъ запискахъ онъ разказывалъ что когда онъ отправлялся на встрѣчу королю, ему сказали что надлежитъ представить монарху ключи города. „Что же сдѣлаетъ съ ними король?“—Онъ передастъ ихъ вамъ.—„А я?“—Вы ихъ возьмете.—„Неужели повесу я эти огромные ключи? Я брошу ихъ въ первомъ углу“.—Остерегитесь, это драгоценные ключи они были поднесены Генриху IV.—„Это дало мнѣ, прибавляетъ Бальи, тотчасъ идею первыхъ строкъ моей рѣчи. Я наскоро прибавилъ ихъ карандашомъ.“ Привезли короля въ Думу, провели по лѣствицѣ подъ лѣсомъ ликъ, посадили на тронъ, дали кокарду, привѣтствовали рѣчами, сказали, пусть и самъ произнесетъ нѣсколько словъ. Онъ произнесъ: „всегда можете разчитывать на мою любовь!“ Отвезли назадъ. Семья встрѣтила его со слезами радости, какъ избавившагося отъ смерти.

Пріяте ль. Когда депутаты шествовали по Парижу, они какъ разказывалъ Бальи (II, 19), на улицѣ Севтъ - Оворе увидали замѣчательное зрѣлище, родъ торжественной процес-

сіи. Везли въ окруженіи милиціи, въ сопровожденіи хора военной музыки, одного garde français въ мундирѣ, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ, украшеннаго крестомъ Св. Лудовика. Экипажъ пріостановился. Депутаты, не зная даже въ чемъ дѣло, „поздравили триумфатора и присоединили свои рукоплесканія къ рукоплесканіямъ толпы“. Кажется, говоритъ Баальи, это былъ „тотъ гярдисть который схватилъ г. Делове и которому за то оставили крестъ сорванный съ комеданта“. Кто пожаловалъ ему этотъ крестъ? Пожаловало какое-то случайное собраніе гражданъ „во имя націи“ (*Révol.* № I, 15). Это никого не удивило и представлялось вполне въ порядкѣ вещей. Гренадеръ потомъ было самъ задумался, принесъ крестъ въ Думу, но предсѣдатель гласныхъ сказалъ что не имѣетъ права принять крестъ: народъ пожаловалъ.

Пріятель. Сколько погибло при взятіи Бастиліи?

Авторъ. По описанію событія въ *Монитеръ*, убитыхъ было восемьдесятъ три, пятнадцать умерли отъ ранъ, семьдесятъ три были ранены. Счетъ, безъ сомнѣнія, гадательный.

Пріятель. А сколько заключенныхъ было освобождено?

Авторъ. По тому же описанію, семь человекъ; изъ нихъ четверо—дѣлатели фальшивыхъ документовъ.

Пріятель. Не много же было „жертвъ деспотизма“ въ страшной крѣлости.

Авторъ. Тѣмъ не менѣе паденіе ея всюду произвело сильное впечатлѣніе. Съ именемъ Бастиліи соединялось множество воспоминаній. Она казалась какимъ-то олицетвореніемъ королевскаго самодержавія. Во Франціи имя ея давно было ненавистно. Во множествѣ наставленій (*cahier*s) какими избиратели снабдили своихъ представителей въ Генеральныхъ Штатахъ было указано уничтоженіе и срытіе Бастиліи. Помянутое впечатлѣніе должно было произвести ея взятіе. Впечатлѣніе это отразилось и за границей. Рамбо въ рѣчи своей наломиваетъ что въ Италіи Альфіери, италіянскій знаменитый поэтъ, написалъ стихотвореніе: „Обезбастиленный Парижъ“; въ Англіи Фоксъ восторгался событіемъ и говорилъ что желалъ бы переѣхать проливъ чтобы взглянуть на развалины Бастиліи; въ Германіи Меркъ возглашалъ что взятіе Бастиліи полагаетъ первый камень счастья человечества...

Но вотъ что куріозно. Графъ Сегюръ, тогдашній французскій посолъ при Екатеринѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: Новость „при дворѣ произвела значительное возбуж-

деніе и общее неудовольствіе. Въ городѣ дѣйствіе было совсѣмъ противное. И хотя Бастилія навѣрно не грозила никому изъ жителей Петѣрбурга, не могу передать какой энтузіазмъ и ладеніе этой государственной тюрьмы и эта первая побѣда бурной свободы возбуждали между негоціантами, кулцами, въ среднемъ кругѣ и между нѣкоторыми молодыми людьми болѣе высокаго класса. Французы, Русскіе, Датчане, Нѣмцы, Англичане, Голландцы, всѣ на улицахъ поздравлялись взаимно и цѣловались какъ будто слала съ нихъ тяжелая цѣль. Едва могу повѣрить этой глупости о коей разказываю“ (*Séguin, Mem., III*). Замѣть это происходило въ Петербургѣ.

Изъ этого разказа Мишле сдѣлалъ такую картину (*Hist. de la Rév. I, 110*). „Въ Россіи, странѣ тайны и молчанія, въ этой чудовищной Бастиліи на рубежѣ Европы и Азіи, когда достигла туда вѣсть, люди всякихъ націй на улицахъ восклицали, плакали, бросались другъ другу въ объятія, сообщая новость: Какъ не плакать отъ радости—Бастилія взята!“ Г. Рамбо передаетъ анекдотъ въ неменѣе украшенной формѣ: „Въ Россіи, этой отдаленной странѣ, тогда едва составлявшей часть Европы, Русскіе и иностранцы обвинялись на улицахъ, и вмѣсто того чтобы говорить какъ въ день Пасхи: Христосъ воскресъ, съ энтузіазмомъ повторяли два слова: Бастилія взята“.

Такимъ образомъ петербургскіе иностранцы историческою мифологіей превращены въ Россію...

РАЗГОВОРЪ ДЕСЯТЫЙ.

П р и я т е л ь. День 14 іюля ознаменованъ еще однимъ кровавымъ эпизодомъ, убійствомъ тогдашняго кулеческаго старосты (*prévôt des marchands*) Флесселя. Онъ былъ только три мѣсяца старшиной, имѣлъ повидимому враговъ. На сборищахъ въ Пале-Рояль составлялся между прочимъ списокъ лицъ которыхъ требовалось „устранить“, какъ говорятъ наши революціонеры. Онъ попалъ въ этотъ списокъ. Въ дни предшествовавшіе взятію Бастиліи, когда толпы приступали къ нему съ требованіями оружія, онъ не оказалъ достаточнаго рвенія; распустили слухи о его измѣнѣ. Утромъ 14го приходили въ Думу лица называвшія себя депутатами Пале-Рояля, требовали чтобы Флессель явился предъ гражданами собравши-

мися въ Пале-Рояль и обвиняющими его въ измѣнѣ: онъ де вотъ уже съ утра обманываетъ гражданъ обѣщаніями оружія и свосится между тѣмъ съ врагами, то-есть съ правительствомъ. На этотъ разъ Флесселю удалось отдѣлаться отъ непрощенаго приглашенія. Но когда Бастилія была сдава, залы Думы наполнились побѣдителями, побѣжденными и толлами всякаго народа; вновь выступили невѣдомые обвинители, крича, — одни, что надо схватить Флесселя, отвести въ тюрьму какъ злоумышленника, другіе—что онъ долженъ идти на судъ въ Пале-Рояль. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ, раздались общіе крики: „въ Пале-Рояль, въ Пале-Рояль!“ Флессель, все время сохранявшій спокойствіе, сказалъ: „ну пойдемте, господа, въ Пале-Рояль“, сошелъ съ эстрады, прошелъ черезъ залу и вышелъ изъ Думы не подвергшись насилію. Но едва прошелъ онъ площадь предъ Думой, какъ незнакомая рука выстрѣлила въ него изъ пистолета, и онъ упалъ мертвымъ.

Пріятедь. Улеглась ли волна, усложилась ли Парижъ послѣ взятія Бастиліи и „локореція“ своего короля?

Авторъ. Нѣтъ, звѣрь только-что былъ слущенъ съ цѣли. Членъ собранія Маалуэ говорилъ что терроръ начался съ 14го іюля. Сцены разныхъ неистовствъ сдѣлались общимъ явленіемъ. 22е іюля было вновь „днемъ звѣрства и траура“, какъ выразился о немъ Бальи. „Не стану,—пишетъ въ своихъ запискахъ де-Феррьеръ о дняхъ послѣдовавшихъ за 14е іюля,—приводить утомительный и тяжелый списокъ послѣдовавшихъ душегубствъ, грабежей, пожаровъ, кражъ, убійствъ. Но скажу моему вѣку, скажу потомству, что Национальное Собраніе разрѣшило эти убійства и пожары, что одинъ членъ этого собранія, молодой Барнавъ, осмѣлился сказать съ трибуны:—развѣ такъ уже чиста эта кровь что надо жалѣть о ея пролитіи;—что въ минуту когда Лалли Толандаль, скорбно пораженный бѣдствіями его несчастнаго отечества, предлагалъ и съ мольбою призывалъ средства мягкія, легкія, но которыя тогда слобовны были оказать цѣлительное дѣйствіе, Собраніе отклонило эти средства, потому съ улюрствомъ совѣмъ въ нихъ отказало и приняло только когда своими преступными интригами обезлечило ихъ безполезность. Напрасно (засѣданіе 20го іюля) восклицалъ Лалли:—Слагаю со своей совѣсти несчастія какія произойдутъ отъ вашего отказа; умываю руки на кровь которая можетъ пролиться!—Крики ярости подымались со

всѣхъ сторонъ. Одинъ депутатъ бросился къ Лалаи и съ завосчивостью кричалъ что Лалаи злоупотребляетъ своею популярностью. Мирабо упрекалъ его что онъ чувствуетъ тамъ гдѣ надо думать.—Націи нужны жертвы, сказалъ онъ со свирѣлымъ взглядомъ; надо одерзавить себя (*s'endurcir*) на всѣ частныя бѣдствія; только этою цѣной можно сдѣлаться гражданиномъ.“

На листѣ обреченныхъ были парижскій интендантъ Бертье и тесть его Фулонъ, директоръ департамента военного министерства. Фулонъ какъ-то узнавъ о грозящей ему опасности, распустилъ слухъ о своей смерти. Чтобы придать болѣе вѣры слуху, были даже совершены пышныя похороны одного изъ его слугъ, умершаго въ это время. Фулонъ укрылся въ имѣніе около Вери, но тамъ былъ найденъ и выданъ собственными крестьянами. Рано утромъ, 22го іюля, его пѣшкомъ привели въ Парижъ съ котомкой сѣна за лачаами, въ ошейникѣ изъ релейника (было раслушено будто Фулонъ въ минуту наибольшей дороговизны хлѣба сказалъ про народъ: „пусть ѣсть траву; ѣдать же ее мои лошади“). Члены Думы, собравшись въ засѣданіи, разсуждали: что дѣлать съ Фулономъ и какъ вообще поступать въ подобныхъ случаяхъ. Не уступить „народу побѣдившему Бастилію“ было невозможно. Порѣшили придумать новое преступленіе, *оскорбленіе націи*, *crime de lèse-nation*, и соответствующую процедуру для суда надъ нимъ. „Каждый подозрѣваемый въ преступленіи оскорбленія націи, обвиняемый и схваченный,—или могущій быть въ послѣдствіи схваченнымъ, на основаніи общественной молвы,—отводится немедленно въ тюрьму Сенъ-Жерменскаго аббатства.“ Двое гласныхъ были уполномочены представить это распоряженіе Національному Собранію и просить его установить порядокъ суда надъ преступниками этого новаго рода. Не такой процедуры требовала толпа напаловившая заду Думы. Пробовалъ уговаривать ее Бальи. Не много помогло. Опасаясь чтобы толпа въ залѣ же не бросилась на Фулона, его перевели въ сосѣдную комнату; изъ окна показывали народу дабы удостовѣрить что лѣтчикъ не убѣжалъ. Но затѣмъ червь, сломавъ рѣшетку, оттолкнувъ стражу, новою шумною толпой напомялъ дворъ, лѣствицу, залу Думы. Добившись кое-какъ молчанія, члены Думы представляютъ толпѣ что Фулона свидуетъ судить и для того надлежитъ предать въ руки правосудія. „Судить сейчасъ и повѣсить“, слышится въ

толпѣ. Но Дума, замѣчаетъ одиѣ изъ членовъ, не имѣетъ права назначать судей; въ виду неотложности, ихъ можетъ назначать только народъ. Это понравилось. Давай назначать судей. Двое священниковъ попавшихъ въ число назначенныхъ шести послѣднии уклонились, ссылаясь что по законамъ церкви не могутъ приговаривать къ смерти. „Народъ“ назначаетъ на ихъ мѣсто Лафайета и Балли. „Къ счастью, говоритъ Балли, меня въ это время не было, а посылать не сочли нужнымъ.“ Назначили другаго. Но за Лафайетомъ послали. Въ чемъ долженъ я обвинять Фулона? спрашиваетъ членъ вынужденный принять обязанность прокурора. Обвиняй что хотѣлъ притѣснить народъ, говорилъ что заставить его ѣсть траву, хотѣлъ чтобы было объявлено государственное банкротство, барышничалъ хлѣбомъ. Явился популярный Лафайетъ и обратился къ толпѣ въ красивую рѣчью, стараясь отклонить немедленный судъ и доказывая что надлежитъ прежде подвергнуть Фулона строгому допросу по закону, чтобъ узнать его сообщниковъ. „Я прикажу, заключилъ Лафайетъ, отвести его въ тюрьму.“ Фулонъ бормоталъ: „почтенное собраніе, народъ справедливый и великодушный; вѣдь я между согражданами, я не боюсь.“ Но онъ имѣлъ неосторожность во время рѣчи Лафайета обнаружить удовольствіе. Это возбудило подозрѣніе. Впрочемъ, и безъ того гибель его была рѣшена. „На площади и даже въ залѣ, говоритъ Балли, были замѣчены какія-то лица прилично одѣтыя которыя въ толпѣ возбуждали ее къ жестокости.“ „Чего тутъ судить человѣка который тридцать лѣтъ уже осужденъ!“ вскрикнулъ кто-то. Лафайетъ принимался нѣсколько разъ говорить, но все было бесполезно. Въ залу прибываютъ новыя толпы, слышатся крики что Пале-Рояль и Севтъ-Антуанское предмѣстье идутъ захватить лѣвника. Толпа бросается къ стулу гдѣ сидѣлъ Фулонъ, опрокидываетъ. Лафайетъ громко произноситъ: „отведите его въ тюрьму“. Но онъ уже въ рукахъ толпы. Его выводятъ на площадь и влекутъ къ фонарю чтобы повѣсить. Веревка (описание де-Ферьера, I, 157) обрывается, ее связываютъ, но она обрывается и второй разъ. Нѣкоторые хотятъ саблями прекратить мученія несчастнаго, другіе удерживаютъ. Съ четверть часа ждутъ новой веревки; наконецъ убійство совершается. У трупа отрубаютъ голову, вѣшаютъ ей сѣна въ

ротъ, втыкають на лику и несутъ этотъ страшный трофей въ Пале - Рояль и по улицамъ Парижа.

Между тѣмъ претендуютъ Бертье, зять Фулона, также захваченъ. Его вѣдутъ съ дикимъ торжествомъ по Парижу; по бокамъ его два солдата приставляющіе штыки къ его груди, вокругъ какія-то бабы лоющія и скачущія, мушкетеры со значками и барабанами (по словамъ де-Феррьерра). Одна процессія встрѣчается съ другою. Толпа несущая голову Фулона подноситъ ее на локѣ къ самому лицу Бертье. Въ Думѣ повторяется почти то же что съ Фулономъ. На этотъ разъ не Лафайетъ, а Балль говоритъ: отведите его въ тюрьму. Толпа точно также вырываетъ жертву изъ рукъ стражи, но не ведетъ вѣшать, а убиваетъ на мѣстѣ. Какой-то драгузъ съ ожесточеніемъ изъ внутренности тѣла еще трула вырываетъ сердце, вбѣгаетъ въ залу Думы и, показывая кусокъ окровавленнаго мяса, кричитъ: вотъ сердце Бертье, (описаніе Балль и другихъ). Ужасный фактъ этотъ упоминается и въ думскомъ протоколѣ, въ концѣ котораго значится: „Зрѣлище сіе распространило чувство ужаса въ собраніи; нѣкоторые гласные сдѣлали знакъ этому человѣку выйти, и онъ удалился сопровождаемый толпой издававшей крикъ радости. Пришли другіе, говоря что принесена голова Бертье и уже находится на лѣстницѣ. Г. маркизъ де-Лафайетъ и г. Моро де-Сенъ-Мери пригласили этихъ лицъ замѣтить народу что Собраніе занято очень важными дѣлами...

Прія тель. Не можетъ принять милыхъ гостей.

А в т о р ь.... и просили постараться чтобы голову не вносили въ залу. Это имѣло желаемый успѣхъ.“

Прія тель. Любопытно сравнить это описаніе съ описаніемъ тѣхъ же событій въ *Révolutions de Paris*. Факты передавы тѣ же и довольно точно, но выставлены въ освѣщеніи внушительнаго ужаса тиранамъ. „Трелещите и смотрите какъ постулають съ вами и вашими родственниками!... Деслоты и министры, какіе грозные уроки! Думали ли вы что Французы способны къ такой энергіи?.. Хотите ли знать докуда можетъ довести ихъ ярость? Знайте же предѣлы ихъ ожесточенія! Сердце осужденнаго измѣнника носили по улицамъ на концѣ ножа. И что же? Въ публичномъ мѣстѣ, кто бы повѣрилъ? Французы, чувствительныя существа... Боги! оид дерзнули мочать обрывки мяса и калать кровь въ свое питье и такъ съ остервенѣніемъ утоляютъ свою ненависть.

Французы, вы истребляете тирановъ, ваша ненависть возмутительна, ужасна! Но наконецъ вы будете свободны!“

Авторъ. Объ этомъ возмутительномъ фактѣ упоминаетъ и де-Феррьеръ. Въ *Révolutions de Paris* указывается и кафе гдѣ оны произошеа: на улицѣ Севтъ-Оноре, рядомъ съ кафе Рашеае (и нынѣ есть тамъ же кафе этого имени). Это обокъ съ Пале-Роялемъ. Вотъ значить гдѣ засѣдали тѣ лица которымъ почему-то особенно требовааась смерть Бертье.

Пріятеаь. Кто были люди желавшіе погубить Бертье и Фулова и о присутствіи которыхъ въ толгѣ,—на площади и въ зааь Думы,—нѣскоаько разъ упоминаетъ Бааьи. Кто натравливалъ чераь?

Авторъ. Это остаеаь неувѣстаымъ. Мишле, котораго революціонный лаеосъ нѣскоаько ослабѣваеаь въ виду варварскихъ неаьтоаьствъ толпы, не безъ лукавства, не привимааь на себя отвѣтственности, переаеаь: многіе де думааи что народъ поджигалааи сообщники Бертье, которымъ важно было чтобъ оны не сдѣлааь раскрьтій! Вотъ по истинѣ съ боаьной голоаь да на здоровую. Во всякомъ случаѣ событія эти еаьа ли имѣаи прямое политическое значеніе. Это были ужаы по случаю революціи, явленія страшной анархіи. Въ описаніи дней 5 и 6 октября 1789 моаемъ ознакомиться съ неаьтоаьствами сааой революціи. То было подготовленное движеніе чисто политического свойства.

Пріятеаь. Ужасають отвратительныя сцены неаьтоаьствъ; но не очеаь пріяаьное впечатлѣніе производитъ и фальшь люаей аьстающихъ толгѣ. Уступалааи члены Думы трелетца за свою жизнь, это поаьааьно. Но за что трелеталъ уступааь Лафайетъ? Жизни его не могаа грозить оаьасность. Оны трелеталъ не повредитъ бы своей попуаьярности. Прааьа въ Думу, оны прежде всего (Bailly, II, 107) выразилъ неаьдоаьольствіе, зачьмъ тамъ много стражи: призвать ее распорядиаь было оаьивъ изъ его подчиненныхъ. Лафайетъ послѣаьшалъ удааьить боаьшую часть солдатъ, такъ что Дума остааьась безъ зааьщиты. Въ рѣчахъ своихъ, оны аьститъ толгѣ, скрывааь свои начьренія. Обманываеаь и товарищей своихъ объаьааьа, въ минуту разыгравшихся безлорааьковъ свое рѣшеніе поаьаь въ отставку. Тѣ конечно уаьрааьивають остааьься. „Условаеаьно было, говоритъ Тьеръ въ своей *Исторіи*, что Лафайетъ поаьаьтъ въ отставку, но лишь для того чтобъ дааь почувствовать народу свое неаьдоаьольствіе, а зааьмъ остааьет-

са сдавшись на просьбы, какія неминуемо послѣдуютъ. Дѣйствительно, народъ, милиція окружили его и обѣщали полное повиновеніе. Онъ принялъ вновь команду на этихъ условіяхъ.“
 Мнѣ кажется лучше бы прежде не отсылать солдатъ.

Авторъ. И у государь-народа, котораго Балли, не мало тоже старавшіяся популяризовать,—по необходимости впрочемъ положенія,—не могъ не сравнить съ константинопольскимъ деспотомъ, есть куртизаны фальшивые не менѣ чѣмъ придворные штриганы. Но кто же этотъ государь? Никто и всѣ; первая толпа подзадоренной сводочи руководимой мерзавцами, какъ съ очевидностію было въ этомъ случаѣ. И ей приходилось казняться называя это свободой.

Пріятедь. Есть куртизаны, есть и лѣвцы. Къ этой злохѣ относится знаменитый памфлетъ *Рѣчь Фонаря (Discours de la Lanterne aux Parisiens)* Камюла Демулена, который тогда еще не издавалъ своего журнала. Демуленъ зоветъ себя въ этомъ памфлетѣ генераль-прокуроромъ Фонаря (*procurateur général de la Lanterne*). Эти преступные смѣшки, это поджигательное остроуміе много содѣйствовали тому чтобы лишить въ глазахъ толпы звѣрскую расправу ужасающаго, отвратительнаго характера. Вотъ начало рѣчи Фонаря (*Hatin, Histoire de la presse, V, 323*): „Храбрые Парижане, какъ мнѣ васъ отблагодарить. Между всѣми фонарями вы навсегда сдѣлали меня славнымъ и благословляемымъ. Чтѣ предо мною фонарь Созія или фонарь Диогена? Тотъ искалъ челоѣка, а я нашелъ ихъ двѣсти тысячъ. Въ слорѣ моемъ съ этимъ Лудовикомъ XIII *, моимъ сосѣдомъ, я принуждалъ его сознаться что я больше его заслужилъ наименованіе Справедливаго. Каждый день наслаждался я экстазомъ нѣсколькихъ путешественниковъ, англійскихъ, голландскихъ, нидерландскихъ, созерцающихъ и дивящихся. Вижу что они въ себя не могутъ придти какъ фонарь въ два дня сдѣлаалъ больше чѣмъ всѣ ихъ герои во сто лѣтъ.“ Въ дальнѣйшемъ, авторъ, еще болѣе преступный чѣмъ легкомысленный, указываетъ народной ярости цѣлый списокъ лицъ: Безенваала, Ламбеска, Ковти, Конде, Д'Артуа и другихъ; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ на словахъ и призываетъ къ умѣренности, лорцаая послѣдностію и высказывая желаніе фонаря поскорѣ засвѣтитъ прежнимъ свѣтомъ. Любопытно что Мишле,

* Это была вывѣска суконщика сосѣдняго съ фонаремъ на Гревской площади.

непремѣнно желающій вернуть что-нибудь оправдательное, почему-то вообразилъ будто въ *Фонартъ* „Демуленъ съ неистощимымъ оживленіемъ возобновилъ старыя средневѣковыя шутки о висѣльцѣ, веревкѣ, ловѣшечныхъ и т. д.“ Ничего подобнаго замѣчаетъ авторъ *Истории печати*, нѣтъ въ *Фонартъ*.

А в т о р ь. По поводу убійства Фулона и Бертье появилась еще отвратительный памфлетъ: *Погребальное шествіе, похоронныя и погребеніе превысокихъ и преславныхъ господъ Фулона, президента, и Бертье де-Савиньи, парижскаго интенданта, внезапно скончавшихся на Гревской площади и погребенныхъ... въ ихъ приходѣ*. Смерть Фулона разказывается въ памфлетѣ въ слѣдующемъ тонѣ. „По прибытіи къ оной фатальной висѣльцѣ обернули веревочку вокругъ благородной выи господина Фулона и, несмотря на выдѣываемыя имъ разныя мамеры и тщетное сопротивленіе, внезапно его приподняли. По непредвидѣнному случаю веревка вдругъ оборвалась, что и было причиною что онъ только немножко былъ приподнятъ отъ земли. Затѣмъ нашъ человѣчекъ упалъ на землю. Но исполнители казни, народъ не унывающій, исправилъ веревку и вновь приподняли человѣчка; онъ дрыгался какъ чортъ въ кропильницѣ. Такъ приподнятый, онъ получилъ знаки почтенія приличествующіе человѣку вызывавшему отставку г. Неккера, нашего отца, нашего спасителя.“ (Приложеніе къ запискамъ Бальи I, 419).

РАЗГОВОРЪ ДЕСЯТЫЙ.

А в т о р ь. Іюльскія событія, увидивъ королевскую власть, подыали значеніе Собранія. Оно стало преобладающею силою въ странѣ. Такъ по крайней мѣрѣ казалось. Въ минуты страха и оласности, въ немъ обнаружилось нѣкоторое единодушіе. Всѣ дѣйствовали согласно. Едва улеглось волненіе, Собраніе съ нѣкоторою бодростью обратилось къ разработкѣ конституціонныхъ вопросовъ. Но и единодушіе было мимолетное и преобладаніе кратковременное. На первый планъ пробивалась новая сила. Эту силу общимъ именованіемъ можно назвать Парижъ. Сила эта была неорганизованная, анархическая, но тѣмъ не менѣе сила. Съ появленіемъ общей анархіи каждая группа людей, каждая толпа являлась какъ власть. Въ Парижѣ какъ центръ это чувствовалось всего сильнѣе. Каждый

выступавшій на арену политики, а къ политикѣ были въ то время привлечены всѣ умы, ощущая себя властію и въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ, — это именовалось свободой. Серіозно возбуждался вопросъ, имѣеть ли право каждый гражданинъ надѣть мундиръ національной гвардіи. (*Rév. de Paris*, № XI, 6.) Представь себя: всѣ въ мундирахъ!

Пріятель. Черта замѣчательно французская, и какая живучая. Не далѣе какъ почти вчера г. Рамбо въ своей рѣчи на „Праздникѣ Школѣ“ съ нѣкоторымъ паэосомъ говорилъ: „Революція была сдѣлана не затѣмъ чтобы уничтожить дворянство, но чтобы дать дворянство всѣмъ. Двухсотъ тысячъ дворянъ во Франціи было слишкомъ мало. Хотѣли чтобы въ націи изъ двадцати ляти милліоновъ человекъ было двадцать лять милліоновъ дворянъ!“ Фраза произвела эффектъ и вызвала рукоплесканія. Повеловъ вспомнишь одно патріотическое стихотвореніе злохи Крымской войны:

Ахъ какъ весело душѣ
Быть Россіи сыномъ!
Это самое уже
Не сравнится съ чикомъ.

Авторъ. Главныя группы гражданъ въ Парижѣ были слѣдующія. Волевымъ, собраніе разнородной толпы въ Пале-Рояль, „этою, по выраженію *Révolutions de Paris*, мѣстѣ свиданія всѣхъ добрыхъ патріотовъ Парижа и провинцій, не могущихъ ходить въ округа“. „Въ Парижѣ, читаемъ въ этомъ журналѣ (№ IV, 20, августъ 1789), сорокъ тысячъ пришельцевъ помѣщающихся въ меблированныхъ комнатахъ, не считающихся обывателями, но тѣмъ не менѣе гражданами. Не входя въ составъ Парижской Общины, они не могутъ присутствовать на собраніяхъ въ округахъ. Но такъ какъ въ округахъ часто обсуждаются предметы интересующіе не одну общину, но всю Францію, то эти пріѣзжіе незамѣтно образовали свой округъ, каковымъ и служатъ Пале-Рояль“. Пале-Рояль, то-есть садъ сзади Палерояльскаго дворца Орлеанскаго принца, окаймленный магазинами, кофейнями, домами игры и разврата, сдѣлался своего рода учрежденіемъ, производилъ выборы, постановлялъ рѣшенія, посылалъ депутатовъ въ Думу, въ Національное Собраніе, грозилъ и приказывалъ. Такъ и назывались и въ протоколы заносились „депутаты Пале-Рояля“. Далѣе, каждый округъ Парижа (по нашему часть,

ихъ было шестьдесятъ) считалъ себя полновластнымъ и, если вздумается, не подчинялъ себя центральному городскому управленію, которое въ іюльскіе дни захватили въ свои руки парижскіе избиратели (électeurs); потомъ оно перешло ко ста восьмидесяти, затѣмъ къ тремъстамъ представителей (représentants) съ меромъ и командиромъ національной гвардіи во главѣ. Округа не стѣснялись въ своихъ распоряженіяхъ. Они налагаютъ печати, дѣлаютъ домовые обыски, арестуютъ, держатъ подъ стражей. „Не смѣшно ли, облачаетъ ихъ дѣйствія одинъ адвокатъ въ письмѣ въ редакцію *Revolutions de Paris* (№ XII, 20), видѣть какъ люди которыхъ все знаніе и искусство состоитъ въ томъ чтобъ отмѣрить локоть сукна, отмѣсить полфунта сахару, нацѣдить кружку вина и т. д., возводятъ себя въ судебные трибуналы и требуютъ чтобы патрули отводили арестованныхъ по ихъ приказанію. Въ такихъ трибуналахъ своихъ они составляютъ протоколы неправопные по формѣ, жалкіе по слогу, съ удивительною орфографіей.“ Редакція не рѣшается пристать ко мнѣнію адвоката и подсмѣивается что онъ желалъ бы всю муниципальную власть передать въ руки адвокатовъ, тогда какъ ихъ и такъ уже около сотни въ числѣ трехсотъ думскихъ представителей. Вся эта масса политикующихъ гражданъ составляла верхній шумящій революціонный слой, литавшілся слухами, рѣчами, журнальными статьями, афишами, брошюрами, памфлетами. Газеты, со времени іюльскихъ событій, умножившіяся новыми изданіями (*Revolutions de Paris* съ 17го іюля, журналъ Марата *Ami du peuple* съ 12го сентября 1789), быстро подыались въ значеніи и стали сильнымъ орудіемъ агитаціи. Весьма глубокой анализъ состоянія умовъ общества, для котораго единственною умственною лицей стали газетныя статьи и всякаго рода произведенія политическаго ораторства, сдѣлалъ редакторъ *Французскаго Меркурія* (*Mercur de France*).

П р і я т е л ь. Малле дю-Панъ (Mallet du Pan)? Это былъ дѣйствительно независимый и честный журналистъ той эпохи, человекъ либеральный не въ искаженномъ смыслѣ этого слова. до послѣдней крайности боровшіяся за свободу мнѣнія, въ эпоху когда слово свобода не сходило съ языка, на дѣлѣ же господствовала крайняя нетерпимость мнѣній.

А в т о р ь. Вотъ что писалъ онъ (Hatin, *Histoire de la presse en France*, V, 78): „Писательство (l'écrivallerie), говорилъ наблюдательный Монтань, есть самлтомъ распатаннаго време-

ни. Мы печальный примѣръ этой истины. Если неистовства революціи не встрѣтили никакого препятствія, если насиліе сдѣлалось ея единственною движущею силой, если разумные граждане потеряли всякое вліяніе, если терроръ оледенилъ всякое мужество, даже мужество разума; если большая часть событій представляютъ собою лишь борьбу безразличности со слабостію, если въ потокѣ столькихъ переворотовъ такъ мало встрѣчается благородныхъ чувствъ и энергическихъ дѣйствій, проявлявшихся среди самыхъ ужасныхъ революцій, то одну изъ главнѣйшихъ причинъ этого мы должны искать, не сомнѣваясь, въ томъ именно характерѣ какой придало общественнымъ нравамъ писательство и привычка къ женски-нервному расслабленію. Всякій искалъ защиты въ брошюрахъ. Притѣснители сдѣлали изъ нихъ арсеналъ своей тирании, притѣсняемые дѣятелямъ печати передавали заботу о своемъ отищеніи... Читатели этихъ діатрибъ чувствовали себя утѣшенными, почти торжествующими, находя въ каждомъ писаніи лобъду, и услоковались на удивительномъ дѣйствиіи этихъ памфлетовъ, забытыхъ чрезъ недѣлю послѣ ихъ появленія. Среди всѣхъ безпорядковъ и несчастій смотрѣли на революцію какъ на фехтованіе разсужденій, краснорѣчія и оскорбительныхъ валадокъ. Когда такимъ образомъ чело-вѣкъ приучается судить и чувствовать чрезъ другаго, онъ самъ становится неспособнымъ ни къ малѣйшему усилію. Чтò умъ выигрываетъ въ удовольствіи, то характеръ теряетъ въ энергіи... Среди общественныхъ бурь люди предназначаются дѣйствовать, а не читать. Всюду гдѣ замѣтите противное, вы необходимо усмотрите и признаки вырожденія: головы погруженныя въ океанъ печатныхъ глулостей неспособны ни на какія самостоятельныя дѣйствія. Не ждите отъ нихъ ни величія, ни энергіи. Этотъ лоцманскій тростникъ, согнувшись подъ ударами вѣтра, никогда не поднимется."

Пріятедь. Еслибы тутъ не говорилось о революціи и я прочелъ эти строки не зная откуда онѣ заимствованы, признаюсь, подумалъ бы что дѣло идетъ о насъ. Чѣмъ литается наше общество и наше юношество какъ не фельетонною мудростію? Гдѣ болѣе чѣмъ у насъ головы погружены въ океанъ печатныхъ глулостей? Къ революціи, Богъ дастъ, мы не придемъ, но за умственное и нравственное расслабленіе наше не мало отвѣтственно наше „писательство“.

Авторъ. Не легко было Малле дю-Пану сохранить независимость суждений. „Нынѣ, писалъ онъ послѣ октябрьскихъ событій, *жизнѣ* съ желѣзомъ и веревкой въ рукѣ даетъ свои предписанія. Вѣрь или умри, вотъ анаѳема съ горячностью произносимая, и произносимая во имя свободы!.. Тщетно среди столькохъ подводныхъ камней избирать путь умѣренности. Умѣренность стала преступленіемъ. Тщетно съ чистымъ намѣреніемъ искать общественнаго блага и истины: столько развращенныхъ перьевъ профанируютъ эти святая имена. Чтѣ остается если не желаешь самъ ихъ профанировать? Остается или быть выброшеннымъ какъ ветоть или подвергнуться преслѣдованіямъ!... Нѣкоторый классъ писателей смотритъ на свои мнѣнія какъ на догмы, на свои рѣшенія какъ на прорицаніе оракула, на свои пересказы какъ на протоколы. Приметь кто другія идеи,—чтѣ говорю я?—выразитъ какое-нибудь сомнѣніе, предложитъ измѣненіе: яростный голосъ деспотизма обличаетъ, терзаетъ, помоситъ все ему противящееся. Уйдя отъ меча цензуры, мы попадаемъ подъ душегубство нетерпимости... Область преступленій печатнаго слова вдругъ разрослась какъ только объявлена независимость печати. Придумано новое преступленіе—оскорбленіе націи, *crime de lèse-nation*; въ него возводятся ошибки разсужденія, иногда и самъ разумъ. Эшафотъ можетъ сдѣлаться наказаніемъ поступка который и тираны рѣдко осмѣливались наказывать смертію. И кто доноситъ? Кто преслѣдуетъ? Кто судитъ? Всякій кто хочетъ захватить власть: частныя лица, муниципалитеты, округа, комитеты, клубы, политическія сообщества. Какъ ускользнуть отъ этой цѣли наблюдателей, донощиковъ, самовольныхъ уполномоченныхъ, преслѣдующихъ человѣчскій умъ и общественный разумъ?.. Когда каждое частное сообщество беретъ на себя представлять силу націи и общественную власть, можетъ самовольно заставить замолчать законъ, противопоставить желанія народа священнымъ правамъ гражданъ, предавать ихъ анаѳемѣ и приводить рѣшеніе въ исполненіе,—тогда общество находится въ разложеніи, невинность не имѣетъ приближища, и конституція становится не цвымъ чѣмъ какъ отсутствіемъ всякаго правительства.“ Когда въ Собраніи обсуждался конституціонный вопросъ о королевской санкціи для того чтобы какой-либо законъ вошелъ въ силу и о королевскомъ *veto*, къ Малле явились четверо яростныхъ „патріотовъ“ и грозили пистолетомъ если онъ осмѣлится держаться

мнѣнія о необходимости такой санкціи. Угрозы и такія же поощренія повторялись когда онъ одинъ осмѣлился представить въраую картину происходившаго въ Версаля 5 и 6 октября 1789 года. Въ концѣ 1790 года къ нему пришло нѣсколько; ко „депутатовъ отъ патриотическихъ обществъ Пале-Рояля“, также съ требованіемъ отказаться отъ своихъ мнѣній. „Душатъ, возразилъ онъ, свободы говорить и писать значитъ нарушать конституцію“.—„Конституція, отвѣчалъ одинъ изъ депутатовъ, есть общая воля, законъ есть воля сильнѣйшаго. Вы подѣ властію сильнѣйшаго и должны подчиняться. Мы выражаемъ вамъ волю націи, и это—законъ... Вамъ воспрещается идти противъ господствующаго мнѣнія.“ Вотъ какъ понималась свобода въ эпоху казавшуюся ея торжествомъ!

Пріятедь. Не забудемъ что Малле нисколько не былъ приверженцемъ стараго порядка и держался англійскихъ конституціонныхъ идей.

А в т о р ь. Нижній революціонный слой составляла уличная толпа празднои черни, голодной и подкупной, являвшейся готовымъ орудіемъ безпорядковъ. Дюсо, въ пышной риторической рѣчи о взятіи Бастиліи обращенной къ „отцамъ отечества“ и произнесенной въ Собраніи 6 февраля 1790, описывая свое впечатлѣніе во время эпизода съ Флесселемъ, при переходѣ изъ залы гдѣ засѣдалъ постоянный комитетъ въ большую залу Думы, не могъ удержаться чтобы не сказать: „Новое зрѣище поразило мои взоры. Всѣ лавки были засажены, гражданами вооруженными какъ дикіе. Но какими гражданами? Такихъ въ бѣлый день встрѣчать не случалось. Откуда они вышли? Кто вывелъ ихъ изъ мрачныхъ убѣжищъ? Кто? О, если это любовь къ свободѣ! Она такъ чревата удивительными явленіями!“ Съ водвореніемъ анархіи всякая промышленная дѣятельность прекратилась, множество достаточныхъ людей покинули столицу; массы фабричныхъ, мастеровыхъ всякаго рода прислуги остались безъ работы и мѣсть. А масса пришлецовъ все прибывала. Несмотря на усиленныя старанія снабдить Парижъ провіантомъ, хлѣбъ былъ дорогъ. Балли, за четыре дня до разыгравшихся въ октябрѣ безпорядковъ, писалъ 1 октября Неккеру (любопытное письмо это приведено у *Bucher et Roux, IV, 186*): „Не могу изобразить вамъ какое изумительное число несчастныхъ насъ осаждаетъ... Все въ Парижѣ находится въ застоѣ застоѣвляющимъ содрогаться, особенно когда подумаешь что вслѣдствіе

его бѣольшая часть рабочихъ этого огромнаго города приведе-
дена къ состоянiю абсолютнаго бездѣвья. Чѣмъ грозитъ намъ
предстоящая зима? Нуждою тѣмъ болѣе ужасающею что она
падаетъ на классъ самый неумущій и наиболѣе способный
воспламенаться. Вы были такъ добры, озаботились устрой-
ствомъ благотворительныхъ мастерскихъ, но число несчаст-
ныхъ тамъ занятыхъ простирается только до четырехъ
тысячъ. Было бы очень желательно увеличить ихъ число
и даже довести его до восьми тысячъ, принимая предосторо-
жность раздѣлять работающихъ и удалять ихъ другъ отъ
друга.“ Мастеровые разнаго рода собираются толпами,
толкая о своемъ положенiи, постановляя рѣшенiя. Четыре
тысячи лакеевъ безъ мѣста совѣщаются въ окрестностяхъ
Лувра и требуютъ чтобъ изъ Парижа были высланы Савоя-
ры, такъ какъ дѣлается имъ конкуренция. „Господа портные,
читаемъ въ *Révol. de Paris* (№ VI, 15), собрались сегодня (18
августа) на лугу противъ Лувра въ числѣ около трехъ ты-
сячъ и чтобы не вошелъ никто постороннiй приняли особый
знакъ—показывать палецъ истыканный иглою отъ шитья;
только съ такимъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ про-
пускали въ кругъ.“ Портные постановили чтобъ ихъ день
оплачивался по сорока су и чтобы продавцамъ старой одежды
воспрещено было изготавлять новыя платья. Въ *Rév. de Paris*
высказывается удовольствiе что собранiе обошлось безъ всякаго
безпорядка.

Пр и я т е л ь. Не любилъ этихъ собранiй Бальр. „Въ дождли-
вые дни я еще былъ слокоенъ“, замѣчаетъ онъ въ своихъ
запискахъ. Любопытная метеорологія революціи.

А в т о р ь. Въ концѣ августа 1789 была первая проба вмѣ-
шать Парижъ въ рѣшенiе вопросовъ обсуждаемыхъ въ На-
ціональномъ Собранiи. На очереди было обсужденiе правъ
короля по отношенiю къ изданiю законовъ. Можетъ ли ко-
роль отказать въ утвержденiи закона принятаго палатой,
и если можетъ, то долженъ ли отказъ этотъ, — это коро-
левское *veto*, — имѣть абсолютную силу или только времен-
ную до извѣстнаго срока. Революціонеры желали, отнять у
короля всякое право запрета или по крайней мѣрѣ обжа-
вить его условiями которыя по возможности парализовали
бы его силу. Но партія *veto* была сильна въ Собранiи, за-
ключавшемъ въ себѣ еще много монархическихъ элементовъ.
Пришлось прибѣгнуть къ Парижу. „Тайные агенты, говорятъ

де-Феррьеръ, были разсѣяны въ клубахъ, въ кофейняхъ. „Есть, говорили они, стачка между дворянствомъ, духовенствомъ и ста депутатами средняго сословія чтобы доставить королю право абсолютнаго *veto*. Король наложить запретъ на декреты 4 августа и уничтожить то что сдѣлано въ эту знаменитую ночь Собраніе на благо народа“. 29 августа Пале-Рояль взволновался. Кто-то предлагалъ идти въ Версаль, очистить Собраніе, короля привести въ Парижъ. На этотъ разъ дѣло ограничилось проектомъ. Впрочемъ полторы тысячи чело-вѣкъ все-таки двинулись 30 августа, но были остановлены при заставѣ и вынуждены были вернуться въ Парижъ. Въ округахъ въ свою очередь волновались по случаю *veto*. Округъ Сеанъ-Оноре требовалъ отъ думскихъ представителей чтобы они лобудили Національное Собраніе приостановиться пока всякимъ рѣшеніемъ касательно *veto*. Собраніе представителей имѣло благоразуміе отвѣчать „что оно не считаетъ за городомъ Парижемъ права приостанавливать пренія Національнаго Собранія“ (*Rév. de Paris*, № XI, 16). Депутаты отъ Пале-Рояля являлись въ Версаль къ Лалли Толядаму съ заявленіемъ что „Парижъ не хочетъ *veto*, считаетъ измѣнниками тѣхъ кто хотятъ *veto* и наказываетъ измѣнниковъ“.

Пріяель. Агитація по случаю *veto* во всѣхъ слояхъ парижскаго населенія веда между прочимъ и къ комическимъ явленіямъ. „Въ воскресенье, читаемъ въ № VIII *Révol. de Paris*, подъ рубрикой: „подробности о четвергѣ 3 сентября“,— одинъ рабочій слыша горячія рѣчи противъ *Veto* спрашивалъ а изъ какого онъ округа? Другой говорилъ что такъ какъ этотъ *veto* всѣхъ безлокоить, то его надо вздернуть на фонарь.“

Авторъ. Это напоминаетъ анекдотъ о Ювеналѣ передаваемый въ біографіи Бальи предпосланной его запискамъ (въ изданіи гг. Бервиля и Барьера). Въ концѣ октября 1789 народъ собравшійся вокругъ Думы со страшными криками требовалъ хлѣба. Избиратель, Дюсо, старикъ внушительной наружности, обладавшій звучнымъ голосомъ, рѣшился выйти уговаривать народъ. Вышелъ онъ на площадь, сталъ на встраду, назначенную для прокламацій, и началъ рѣчь. „Господа, вы видите предъ собою переводчика Ювенала.“ Едва произнесъ онъ это слово какъ начался шумъ. „Кто такой Ювеналъ? Аристократъ, должно-быть! На фонарь Ювенала! На фонарь и этого говоруна! Намъ нужно хлѣба.“

Дастъ ли его Ювеналъ.“ Дюсо уже схватили, хотѣли тащить къ фонарю, и только заступничество лодослѣвшаго Баальи, тогда еще популярнаго, и объявившаго: „Дюсо мой другъ“, спасло оратора.

Пріятедь. Нѣсколько странно было обращаться къ обрванной толгѣ съ рѣчью о Ювеналѣ. Ораторство обуявшее Францію побуждало выступать съ болѣе или менѣе литературно обдѣланными рѣчами, даже въ минуты когда бы кажетса не до рѣчей. Припомни красворѣчивыя обращенія Лафайета къ неслушающей толгѣ въ минуты неистовыхъ требованій. Вѣроятно эти разные экспромты заготовлялись заранѣе, если не сочинялись послѣ. Этого рода красворѣчїе наломиваетъ мнѣ иногда ученыхъ рѣчи нашихъ адвокатовъ предъ присяжными изъ крестьянъ.

Авторъ. Волненіе по поводу *veto* можно назвать пробнымъ испытаніемъ; серіозное движеніе, приведшее къ важнымъ послѣдствіямъ: перенесенію Собранія и королевскаго пребыванія въ Парижъ, произошло 5 и 6 октября. Народъ второй разъ спасъ Францію, по выраженію Марата. „1 октября все было испорчено дамами Версаля. 6 октября все было исправлено женщинами Парижа“, прибавляетъ въ дополненіе Мишле.

Пріятедь. Чтѣ же сдѣлали „дамы Версаля“?

Авторъ. Чтобы пояснить это, необходимо остановиться на общемъ положеніи дѣлъ. Въ Собраніи обсуждались конституціонныя вопросы великой важности—о правахъ короны, порядкѣ наследія. Съ разрѣшеніемъ ихъ была связана масса интересовъ. Партія придворная съ ужасомъ усматривала открывающуюся проласть, готовую поглотить и монархію, и короля. Съ своей стороны, вожаки революціонной партіи,—какъ тѣ что имѣли цѣлью разрушеніе монархіи, такъ и тѣ что хранили особые замыслы (низверженіе короля и переходъ власти къ Орлеанскому принцу), зная что могутъ дѣйствовать чрезъ „Парижъ“, выжидали случая воспользоваться такимъ аргументомъ, такъ какъ исходъ борьбы въ Собраніи, гдѣ монархическое начало имѣло не мало ревностныхъ представителей, не былъ достаточно обезлеченъ. Настойчиво держались слухи о заговорѣ аристократовъ, имѣвшемъ цѣлью увезти короля въ Мецъ, разогнать собраніе и возстановить старый порядокъ. Столь же настойчиво распускалось что народъ ожесточенный голодомъ намѣренъ двинуться въ Вер-

сааль, захватить короля и перевезти его въ Парижъ. Военныя силы охранявшія Версааль были крайне недостаточны. Рѣше-но было призвать Фландрскій полкъ. Мѣра была такъ есте-ственна что и Собраніе не нашло ничего возразить. Полкъ прибылъ въ Версааль. Это послужило началомъ къ возбу-жденію. „Прибытіе полка, сказано въ *Rév. de Paris* (№ XII, 31), произвело такое смутеніе въ столицѣ что многіе округа послали въ Думу депутатовъ чтобы она объ-яснилась съ министрами... Что такое намъ готовить? Бу-демъ на сторожѣ. Говорятъ что парламенты вступили въ союзъ съ аристократами и пошли на выгодную сдѣл-ку. А гражданамъ прелатствуютъ взаимно сообщать свои идеи, передавать вѣсти изъ провинцій. Нѣтъ болѣе патріо-тического центра (тогда были приняты мѣры противъ сбо-рищъ въ Пале-Рояль). Да, требуется второй приступъ рево-люціи. Все его приготовляетъ.“ Дворъ желалъ чтобы устано-вилось соглашеніе между прибывшими солдатами и гражданскою милиціей Версаала. Работавшая въ Парижѣ партія поставила задачей совратить солдатъ. *Gardes Françaises* въ стат-скомъ лагерьѣ отправились въ Версааль. Одни являлись какъ публика въ засѣданія Собранія аплодировать революціоннымъ депутатамъ, другіе братались съ солдатами, угощая ихъ, при-глашая въ Парижъ. Въ Версааль былъ препровожденъ цѣлый отрядъ публичныхъ жевцивъ. Когда солдаты Фландрскаго полка въ свою очередь бывали въ Парижѣ, ихъ угощали на славу и даже одѣляли деньгами. „Просто удовольствіе хо-дить въ Парижъ—всегда вернешься съ деньгами“, говорили они показывая примесенныя экю. При дворѣ это было извѣст-но, и тамъ въ свою очередь старались привлечь прибывшихъ. Королевскіе лейбъ-гвардейцы, согласно принятому обычаю, при вступленіи новаго гарнизона, пожелали дать пиръ Фландрскому полку. Пиръ состоялся въ четвергъ 1 октября, съ разрѣшенія короля, въ большой залѣ оперы гдѣ, накрыли столъ на триста человекъ. Король, королева, ведя за руку дофи-на, посѣтили праздникъ. По ихъ удаленіи разгоряченные ви-номъ участники пира сдѣлали антиреволюціонную демонстра-цію. Кто-то крикнулъ: „Бросьте трехцѣвтуую кокарду, да здрав-ствуетъ бѣлая, она хорошая.“ Многіе побросали бывшія на нихъ кокарды и надѣли бѣлую. Всѣ бросились ко дворцу и сдѣлали предъ нимъ шумную овацію. Черезъ день, устроился новый праздникъ, въ казармахъ. Придворныя дамы сойдя съ

галереи ходили между рядами присутствовавшихъ и раздавали кокарды. Вотъ преступленіе „дамъ Версаля“. Помяну какую искрой должны были стать въ Парижѣ преувеличенные рассказы объ этихъ антиреволюціонныхъ демонстраціяхъ.

П р і я т е л ь. Вотъ какъ рассказывалъ потомъ Камилль Демуленъ о событіяхъ этого времени (въ своей газетѣ *Révol. de France et de Brabant*, начавшей выходить съ конца ноября 1789; *Buchez et Roux* III, 62): „Королевская жена слишкомъ ужь была довольна *четверговымъ братскимъ угощеніемъ* чтобы ларь не повторился еще разъ. Повтореніе произошло въ субботу, съ отягчающими обстоятельствами. Нашему терпѣнію пришелъ конецъ. Легко ловить что всѣ сколько было патриотовъ-наблюдателей въ Версалѣ или сами послѣдили скорѣе въ Парижъ сообщить такія вѣсти, или по крайней мѣрѣ отправили письма съ описаніемъ подробностей. Въ тотъ же день, въ субботу вечеромъ, Парижъ взволновался. Одна дама, видя что мужа ея не слушаютъ въ округѣ, первая явилась предъ собраніемъ въ кафе Foі и обличила антинаціональныя кокарды. Марать летитъ въ Версаль, возвращается какъ молнія, одивъ дѣлаетъ столько шуму какъ четыре трубы страшнаго суда и кричитъ намъ: мертвые, возстаньте! Дантонъ бьетъ въ набатъ въ своемъ округѣ. Въ воскресенье этотъ бессмертный округъ вывѣшиваетъ свой манифестъ.“ Повсюду толкуютъ что надо идти въ Версаль, берутся за оружіе, разсѣваются по улицамъ, отправляются на охоту за носящими одноцвѣтную кокарду. Демь проходитъ въ волнени; на слѣдующее утро походъ состоялся.

А в т о р ь. Дѣло было сфабриковано довольно искусною рукой. Начавшееся потомъ продолжительное слѣдствіе не привело къ сожалѣнію ни къ какимъ серіознымъ раскрытіямъ. Подъ подозрѣніемъ остались принцъ Орлеанскій и Мирабо, но истинныя вѣсти происшествія такъ и остались не обнаруженными. Опишемъ кратко что произошло въ мрачные дни 5 и 6 октября. Авангардомъ предпріятія пуцены женщины, такъ умилившія Мишле. Но по всѣмъ показаніямъ между слабыми созданіями была цѣлая масса переодѣтыхъ мушницъ. До четырехъ или пяти сотъ такихъ спасительницъ Франціи прорвались чрезъ стражу, не рѣшившуюся употребить силу противъ женщинъ, въ Думу. За ними толла мушницъ. Все это разсѣялось въ залахъ; хотять жечь бумаги, говоря что здѣсь ничего не дѣлаютъ кромѣ дурацкихъ писаній. А на площади

толпа вопить „хлѣба, и въ Версаль!“ Въ главнокомандующіе женской арміи попадаетъ Маальяръ, судебный приставъ (huissier), одинъ изъ героевъ Бастиліи, „капитанъ волонтеровъ Бастиліи“. Бьютъ въ барабаны, армія изъ семи или восьми тысячъ женщинъ и нѣсколькихъ сотъ мужчинъ двигается въ Версаль. Здѣсь толпа направляется къ Собранію. Въ началѣ входитъ небольшая депутація. Но скоро врываются сотни, наполняютъ галереи, залу. Съ ними мужчины, съ палками, пиками, алебардами. Все это разсаживается на лавки депутатовъ, требуетъ продолженія засѣданія, прерываетъ, вотируетъ. „Кто тамъ это говоритъ? Велите замолчать болтушу. Не о томъ дѣло. Надо хлѣба. Давайте сюда тетку Мирабо. Хотимъ его слышать.“

Пріятедь. Депутатъ Дюфрессъ-Дюше (Dufraisse-Duchey) былъ свидѣтелемъ (показаніе его предъ свѣдѣственною комиссіей, *Moniteur*, II, 550) свѣдующей сцены. „Нѣсколько женщинъ, между которыми я призналъ, судя по длинѣ бороды, нѣсколькихъ мужчинъ, приблизились къ бюро и грозили еписколу Лангрскому, который предсѣдалъ вмѣсто Мувье, бывшаго у короля. Одна изъ нихъ сказала еписколу: „Положи пальцы на бюро“. Онъ исполнилъ. Тогда двѣ другія сказали: „Мы довольны, цѣлуй теперь насъ“. Подъ давленіемъ толпы депутація членовъ Собранія, по дождю и грязи, среди нахлынувшей толпы, отправляется во дворець. „Послѣ пяти часовъ настояній и ожиданія, говоритъ Тэнъ, вырывается у короля, кромѣ декрета о продовольствіи, на который король соглашается безъ затрудненій,—принятіе безъ оговорокъ объявленія о правахъ человека и утвержденіе конституціонныхъ постановленій. Такова была независимость Собранія и короля. И такимъ-то образомъ были установлены начала новаго права и главныя черты конституціи!“

Пріятедь. Не одними законодательными работами по конституціи занимались женщины въ Версалѣ. Масса героинь разсыялась между солдатами, сманивая ихъ, предлагая себя. Другія толются кучами на улицахъ и площадяхъ. Идетъ дождь, холодно, голодно. Съ трудомъ можно получить кусокъ хлѣба раздаваемого на Place d'Armes. Одна шайка разрываетъ на куски убитую лошадь, жарить, ѣсть полусырое мясо, по образцу дикарей. Приближается ночь. Около полуночи прибыла изъ Парижа національная гвардія, въ числѣ пятнадцати тысячъ человекъ, съ Лафайетомъ во главѣ. Онъ

долженъ былъ уступить требованію своихъ подчиненныхъ двинуться въ Версаль. „Если не хотите веста насъ, мы поставимъ главнокомандующимъ какого-нибудь стараго гренадера,“ говорилъ ему. „Правительство насъ обманываетъ.... Хотимъ идти въ Версаль, истребить королевскихъ гвардейцевъ и Фландрскій полкъ, осмѣлившіеся растоптать національную кокарду.“ Лафайетъ говоритъ рѣчь на площади Думы, прибывающая толпа со стороны Севтъ-Антуанскаго предмѣстья бушуетъ, Лафайету кричатъ что вздернуть его на фонарь. Когда онъ хочетъ вернуться въ Думу, ему загораживаютъ дорогу. Члены Думы совѣтуютъ Лафайету, даже даютъ ему предписаніе, отправиться въ Версаль „такъ какъ нѣтъ возможности отказать“. Не привнесло порядка прибытіе Лафайета съ національ-гардами, но придавало походу Парижа на Версаль серьезнѣйшее значеніе. Окруженный арміей Лафайета, король сталъ лѣнникомъ въ своемъ дворцѣ. Ночь привнесла самыя прискорбныя событія. Утомленный Лафайетъ удалился заснуть. „Я ничего не подозрѣвалъ, оправдывался онъ въ 1798 году, народъ обѣщалъ мнѣ остаться спокойнымъ.“ Какая наивность! Народъ обѣщалъ. Какой народъ? И какая довѣрчивость послѣ столькихъ поучительныхъ опытовъ! Толпа черни окружаетъ стражу изъ восьмидесяти національ-гардовъ, заставляетъ ихъ стрѣлять въ королевскую стражу, выламываетъ двери, врывается во дворецъ, убиваетъ королевскую стражу. Королева едва успѣваетъ убѣжать изъ своей спальни въ одной юлкъ. Все королевское семейство тѣснится въ одной изъ залъ дворца, ожидая смерти. Наконецъ подоспѣваетъ Лафайетъ. Къ утру „народъ“ вокругъ дворца приступаетъ съ требованіями: „короля въ Парижъ!“ Приходится уступить. Итакъ цѣль похода достигнута: Парижъ побѣдилъ. Везутъ короля съ его семействомъ на жительство въ Парижъ, за ними сто депутатовъ въ каретахъ, далѣе пушки съ сѣдями на нихъ верхомъ женщинами, возы съ мукой; національ-гарды, люди съ ликами, женщины лѣшкомъ, верхомъ, въ телѣгахъ. Кортежъ открываетъ шайка несущая на ликахъ отрѣзанныя головы двухъ королевскихъ гвардейцевъ. Въ Севрѣ останавливаются предъ парикмахерской и заставляютъ завить и причесать мертвыя головы, намыливаютъ ихъ, кричатъ, хохочутъ. Стрѣляютъ изъ ружей; мужчины и женщины взявшись за руки поютъ и пляшутъ въ грязи. Такъ король вѣзжается въ свою столицу.

Авторъ. Всѣ эти сцены безобразій и ужасовъ такъ поразили чувствительнаго Лаала Толандаля что онъ отрянулъ прахъ съ ногъ и покинулъ Собраніе, отказавшись отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Весьма любознательно его письмо къ другу въ которомъ онъ излагаетъ свои мотивы:

„Поговоримъ о моемъ рѣшеніи. Его вполнѣ оправдываетъ моя совѣсть. Ни этотъ виновный городъ, ни это еще болѣе виновное Собраніе, не заслуживаютъ чтобы предъ вами оправдываться. Но у меня на душѣ чтобы вы и люди съ вами единомышленники не осудили меня. Здоровье мое, клянусь вамъ, дѣлало для меня невозможнымъ исполненіе моихъ обязанностей; но, и помимо того, свыше силъ моихъ было переносить долгие ужасы какой возбуждаютъ во мнѣ эта кровь, эти головы, эта королева почти зарѣзанная, король отведенный пѣвничкомъ, вступающій въ Парижъ среди убійцъ въ предшествіи головъ его несчастныхъ тѣлохранителей; эти вѣроломные Янычары, эти убійцы, эти жевщины-кавибааки, этотъ крикъ: „на фонарь всѣхъ епископовъ“ въ минуту когда король възъезжаетъ въ свою столицу имѣя въ своей каретѣ двухъ епископовъ членовъ совѣта. Я самъ видѣлъ какъ пропзведенъ былъ выстрѣлъ въ одну изъ колясокъ королевы. А. г. Балли именуешь этотъ день прекраснымъ! А Собраніе утромъ хладнокровно объявило что несогласно съ его достоинствомъ сопровождать короля цѣлымъ корпусомъ. А Мирабо безнаказанно произноситъ въ этомъ собраніи что государственныи корабль не только не остановится въ своемъ бѣгѣ, но пойдетъ съ большею еще быстротой къ своему возрожденію. Барнавъ смѣется съ нимъ когда потоки крови текутъ вокругъ нихъ. Добродѣтельный Мунье только чудомъ ускользаетъ отъ двадцати убійцъ, хотѣвшихъ и его голову присоединить къ трофеямъ. Вотъ что заставило меня поклясться чтобы моей ноги не было въ этой труппѣ людодѣловъ, гдѣ я не имѣлъ уже болѣе силы возвышать голосъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль тщетно возвышали его я, Мунье и всѣ честные люди. Последнее усиліе въ сторону добра было выйти изъ Собранія. У меня не было ни тѣни страха. Я покраснѣлъ бы еслибы пришлось защищаться въ этомъ. Я на дорогѣ получилъ со стороны этого самаго народа, менѣе виновнаго чѣмъ тѣ что ольщали его яростію,—одобрительныя восклицанія, апплодисменты, которыми другіе были бы польщены и которые заставляли меня содрогнуться. Я уступилъ

негодованію, ужасу, физическимъ конвульсіямъ какія производилъ во мнѣ одинъ видъ крови. Можно разъ презрѣть смерть, можно презрѣть ее нѣсколько разъ, когда она можетъ быть полезна. Но никакая сила подъ небомъ, никакое общественное или частное мнѣніе не имѣютъ права осуждать меня безъ пользы выдерживать тысячу пытокъ въ минуту и гибнуть отъ отчаянія, ярости, среди триумфа преступленій, остановить которые я не въ состояніи. Они осудятъ меня, конфискуютъ мое имѣніе. Я буду пахать землю, но ужъ не увижу ихъ. Вотъ мое оправданіе. Вы можете читать всѣмъ это письмо, показывать его, давать списывать. Тѣмъ хуже для тѣхъ кто его не пойметъ.“

П р і я т е л ь. Это голосъ сердца честнаго человѣка. Но цѣною этихъ ужасовъ, обмановъ, преступленій, притворныхъ доблестей и внутренней мерзости, куплено ли по крайней мѣрѣ что-либо для блага человѣчества? Не добродѣтельными и чистыми руками воздвигается обыкновенно зданіе исторіи. Не создано ли по крайней мѣрѣ что-либо Собраніемъ? Неужели въ его дѣлѣ было только дѣло разрушенія? Почему не исполнялись тѣ радужныя надежды какія отовсюду возлагались на него при его открытіи?

А в т о р ь. Чтобъ отвѣтить на эти вопросы, надо ближе всмотрѣться въ самый составъ Собранія. Возьмемъ въ него въ нашей сѣдующей бесѣдѣ.

РАЗГОВОРЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

П р і я т е л ь. За переездомъ въ Парижъ короля послѣдовало 19 октября переселеніе въ Парижъ и засѣданій Национальнаго Собранія.

А в т о р ь. Не со спокойнымъ духомъ законодателя Франціи,—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своемъ,—переехали на новую квартиру. Нѣкоторые совсѣмъ оставили Парижъ и затѣмъ Францію; около ста подали въ отставку и перестали являться въ Собраніе. До шестисотъ взяли на всякій случай паспорта, готовясь уѣхать. Первые засѣданія были въ Архіепископскомъ домѣ, въ весьма мрачной обстановкѣ. По распоряженію городского управленія, на всѣхъ прилежащихъ улицахъ, были протянуты канаты, расположены отра-

ды національной милиціи, поставлены пушки на площади; предъ домомъ стояло пять сотъ кавалеристовъ. „Все, говорить де-Феррьеръ, имѣло видъ приготовленій какъ бы къ осадѣ какую предстояло выдержать.“ Новые случаи неистовствъ побудили Бальи и Лафайета требовать для Парижа военнаго положенія. Безъ военныхъ законовъ, объявилъ Лафайетъ, онъ не отвѣчаетъ за спокойствіе Парижа. Съ противной стороны распускали слухи будто Бальи, Лафайетъ и Мирабо помощію эмиссаровъ нарочно вызывали сцены безпорядковъ, чтобы добиться, какъ, выразился Камиль Демуленъ, закона который наложитъ бы узду на народъ.

П р і я т е л ь. Національное Собраніе проживало то что само посвяло. Провицательные люди при самомъ началѣ революціи ознакомившись со слишкомъ представителей выбранныхъ въ Государственныя Сословія, въ самомъ составѣ этого Собранія усматривали условіе той исключительно разрушающей дѣятельности какою оно себя озаменовало, намѣтивъ ею весь ходъ революціи.

А в т о р ь. Не только замѣтили это провицательные люди, какихъ весьма не много, но и непровицательный король былъ удивленъ слишкомъ депутатовъ и выразился такъ: „что сказала бы нація еслибъ я такъ составилъ списокъ нотаблей или мой совѣтъ?“

П р і я т е л ь. Онъ удивлялся, но на немъ и на его же правительствѣ лежитъ вина великой непредусмотрительности изъ какой вышелъ этотъ списокъ. Правительство до извѣстной стелени само устроило революцію. Какъ только было по настоянію Неккера рѣшено двойное представительство средняго сословія, революція была уже сдѣлана. Правда, Неккеръ, ставъ на сторону „общественнаго мнѣнія“ и „духа времени“, не имѣлъ въ виду произвести революцію, но Мирабо не безъ основанія считалъ его величайшею бездарностью въ государственныхъ дѣлахъ. Въ близорукомъ соображеніи Неккеръ думалъ между прочимъ въ выгоду коронѣ парализовать дворянство среднимъ сословіемъ; способный только къ прекраснымъ словамъ, онъ, какъ замѣчаетъ Тэнъ, по театральному убралъ залу засѣданій Генеральныхъ Штатовъ и ждалъ „нѣкотораго внушительнаго торжественнаго спектакля“. Онъ удивился когда представилось иное зрѣлище. Когда было рѣшено что число представителей средняго сословія

будеть двойное, равное совокупному числу депутатовъ двухъ другихъ сословій, то какое могло быть сомнѣніе что прежній порядокъ подачи мнѣній по сословіямъ удержаться не можетъ. Какой иначе былъ бы смыслъ что представителей средняго сословія шестьсотъ если мнѣніе этихъ шестьсотъ имѣетъ ту же силу какъ мнѣніе трехъсотъ депутатовъ дворянства или духовенства? Могли ли согласиться депутаты средняго сословія чтобъ ихъ двойное число было только для парада? А правительство воображало что они примирятся со своимъ положеніемъ, и что правительство, сдѣлавъ уступку общественному мнѣнію относительно числа депутатовъ, будетъ на дѣлѣ имѣть Государственнымъ Сословія (Etats Générals) въ прежней исторической формѣ. На дѣлѣ, двойное представительство, котораго не даромъ же такъ добивались, стало, само собою разумѣется, шагомъ къ двойному значенію и первымъ условіемъ революціоннаго кризиса. И устроило это на свою голову само правительство, прислушаваясь къ голосу общественнаго мнѣнія, по совѣту популярнѣйшаго изъ министровъ. Еслибы то же правительство хотѣло серьезно, вмѣсто сословнаго представительства, составить одно собраніе изъ равноправныхъ членовъ, оно могло бы осуществить эту мысль безъ революціоннаго кризиса. Нѣтъ; хотѣлось и сословное-то раздѣленіе сохранить, и „мнѣнію“ угодить. Что вышло—видимъ.

А в т о р ь. Разсматривая списокъ 577 представителей средняго сословія, вотъ что находить Тэнъ: „Изъ 577 членовъ едва десятокъ занимали важныя должности,—интенданта, государственнаго совѣтника, главнаго сборщика, начальника полиціи, директора монетнаго двора и т. под. Огромное большинство составляли неизвѣстные адвокаты, разные юристы низшихъ ступеней, нотариусы, стралчіе, ассессоры, помощники, разные практики съ юности заключенные въ тѣсномъ кругѣ юрисдикціи невысокаго уровня и рутины бумажнаго дѣлопроизводства, изрѣдка позволявшіе себѣ философскую прогулку по воображаемымъ пространствамъ подъ руководствомъ Руссо и Рейналя! Такихъ было 373. Къ нимъ надо присоединить 38 земледѣльцевъ, 15 врачей и до пятидесяти промышленниковъ, неоглядывая и лицъ живущихъ доходами. Во всемъ числѣ собственниковъ было не болѣе полутора ста человекъ.“ Словомъ, составъ представителей средняго сосло-

вія довольно близко подходилъ къ тому что въкоторыя газет-
ты нынѣ нынѣ спеціально именууютъ интеллигенціей съ обра-
зовательнымъ цензомъ (не правильнѣ ли—съ цензомъ полу-
образования?) нуждающагося во „всеоружіи правъ“.

Пріятель. Ты уломяуешь о промицательныхъ людяхъ
предвидѣвшихъ что нельзя было ждать какого-либо созда-
ющаго труда отъ палаты составленной такъ какъ было состав-
лено Національное Собраніе. Полагаю ты имѣлъ въ виду
главнымъ образомъ знаменитаго Борка (Burke), сочиненіе ко-
тораго: *Размышленія о французской революціи и дѣйствіяхъ*
*нѣкоторыхъ обществъ въ Лондонѣ относительно этого собы-
тія, въ формѣ письма назначавшагося первоначально къ по-
сылкѣ одному молодому челоуку въ Парижъ,* кстати нашед-
шееся въ нашей библіотекѣ, мы пробѣжали вчера. Признаюсь,
мнѣ было пріятно встрѣтить въ немъ соображенія которыми
подтверждаются наши выводы, и сужденія во многомъ со-
владающія съ нашими.

А в т о р ъ. Сочиненіе Борка было вызвано похвальнымъ сло-
вомъ французской революціи произнесеннымъ докторомъ Ри-
чардомъ Прайсомъ (Richard Price), священникомъ изъ некон-
формистовъ въ клубѣ диссидентовъ на улицѣ Old Jewry. Слово
доктора Прайса имѣло послѣдствіемъ составленіе адреса отъ
„общества революціи“, пересланнаго въ Національное Собраніе
черезъ посредство лорда Стенгола, потомъ отъ этого общества
отказавшагося. Замѣчательно что Боркъ, съ такою силой вы-
ступившій противъ французской революціи, былъ краснорѣчи-
вымъ защитникомъ революціи американской. Это даже подало
поводъ физику Пристлею обвинить Борка въ непослѣдова-
тельности (есть сочиненіе Пристлея *Письмо къ Борку по по-
воду Размышлений о революціи.*) „Мнѣнія мои, говоритъ Боркъ,
плодъ давняго ряда наблюденій и продиктованы большимъ
безпристрастіемъ. Это мнѣнія челоука который не бывалъ
ни орудіемъ власти, ни льстецомъ сильныхъ міра, челоука
который не пожелалъ бы своими послѣдними дѣйствіями
отказаться отъ того что составляло все содержаніе его
жизни, ибо весь жизненный луть его наполненъ усиліями
защитить свободу другихъ.“ Сочиненіе Борка произвело боль-
шое впечатлѣніе. Въ высшей степени любопытно (фактъ этотъ
встрѣтился мнѣ въ біографіи Борка, написанной Прайоромъ:
Life of E. Burke by I. Prior, 1854, 318) что король Лудовикъ

XVI собственноручно перевелъ *Размышленія*, составляющія томъ страницъ въ пятьсотъ. Книга Борка помѣчена 1 ноября 1789 года. Полагать надо, король занимался переводомъ въ своемъ парижскомъ заключеніи. Къ сожалѣнію, не много помогали ему уроки политической мудрости практическаго государственнаго человѣка.

Вотъ сдѣланная Боркомъ общая характеристика событій 1789 года. „Соединяя всѣ обстоятельства французской революціи, можно сказать что это несомнѣнно самая удивительная революція во всемъ мірѣ. Самыя поразительныя вещи исполнялись во многихъ случаяхъ средствами самыми нечѣлыми и самыми смѣшными, въ формахъ столь же смѣшныхъ и нечѣлыхъ, выдвигая дѣятелей самыхъ презрительныхъ. Все кажется противоестественнымъ въ этомъ странномъ хаосѣ легкомыслія и звѣрства, въ этой смѣси всякаго рода пороковъ соединенныхъ со всякаго рода безумствами. При видѣ всѣхъ этихъ чудовищностей, этихъ трагикомическихъ сценъ, въ душѣ смѣшляются, иногда смѣшиваются, самыя противоположныя чувства. Отъ презрѣнія переходить къ негодованію, отъ смѣха къ слезамъ, отъ презрѣнія къ ужасу.“

О составѣ и дѣйствіяхъ Национальнаго Собранія Боркъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Когда я прочиталъ полный списокъ представителей средняго сословія съ ихъ качествами, ничто случившееся не могло показаться мнѣ удивительнымъ. Правда, между ними я усмотрѣлъ нѣсколько лицъ замѣтнаго положенія, нѣсколько одаренныхъ блестящимъ талантомъ, но не могъ найти ни одного кто имѣлъ бы какую-нибудь практическую опытность въ общественныхъ дѣлахъ. Наилучшіе были теоретики. Но какъ бы ни были замѣчательны нѣкоторые, характеръ Собранія и его направленіе опредѣляются массою, общимъ его составомъ. Во всѣхъ собраніяхъ дозволено что желающіе быть вожаками часто сами подчинены необходимости слѣдовать за другими. Требуется чтобъ они сформировали свои предложенія со вкусомъ, талантомъ и расположеніемъ тѣхъ къмъ намѣрены руководить. Вотъ почему въ Собраніи котораго большинство дурно составлено, только развѣ какая-либо исключительная добродѣтель, рѣдко въ мірѣ встрѣчаемая и на какую нельзя разчитывать, можетъ помѣ-

шать людямъ съ талантомъ сдѣлаться искусными орудіями неслѣпѣйшихъ плановъ. А если, что много вѣроятнѣе, люди эти вмѣсто исключительной добродѣтели одушевлены зловѣщимъ честолюбіемъ, жаждою обманчивой славы,—тогда слабая и дурно составленная часть Собранія, съ которою они первоначально сообразовались, становится въ свою очередь игрушкой и орудіемъ ихъ плановъ. Въ этой политической сдѣлкѣ вожаки вынуждены прикоровляться къ невѣжеству тѣхъ что за ними слѣдуютъ, а эти должны подчиняться преступнымъ намѣреніямъ руководителей... Въ Собраніе не были призваны лучшіе представители судебного вѣдомства, давшіе странъ дубачныя свидѣтельства знанія, благоразумія, честности; не были призваны знаменитые адвокаты, слава суда; известные профессора; но по большей части назшіе, наименѣе свѣдущіе члены каждаго класса, словомъ, —ремесленники своей профессіи. Были исключенія, но массу составляли неизвѣстные провинціальныя адвокаты, клерки низшихъ инстанцій, деревенскіе стрелчіе, нотаріусы и т. под. Когда взглянулъ я на списокъ, а воочію увидѣлъ то чему предстояло случиться...

„Кто могъ, спрашиваетъ далѣ Боркъ, сдерживать этихъ людей? Не земледѣльцы же въ небольшомъ числѣ и изъ которыхъ нѣкоторые не умѣли читать и писать, небольшое число негодяевъ, докторовъ и т. под. Истинныхъ представителей земскихъ интересовъ почти не было въ числѣ депутатовъ средняго сословія. Масса деревенскихъ священниковъ въ средѣ представителей духовенства только увеличивала многолюдный элементъ Собранія, неопытный въ государственныхъ дѣлахъ. Большинство духовенства скоро соединилось съ большинствомъ средняго сословія, образуя массу покорную планамъ и замысламъ тѣхъ лицъ дворянскаго сословія которыя поставили себѣ задачей разрушеніе этого самаго сословія.

„Говорятъ: двадцать четыре милліона людей должны же имѣть перевѣсъ надъ двумястами тысячъ. Да, это правда, если конституція есть арифметическая задача. Это подходящий языкъ когда на подкрѣпленіе ему является фонарь; но это способно возбудить только смѣхъ въ хладнокровно разсуждающемъ человѣкѣ. Воля бѣльшаго числа и интересы бѣльшаго числа рѣдко одно и то же. Разница громадна, если въ силу своей воли большее число дѣлаетъ дурной выборъ. Правительство изъ лятисотъ деревенскихъ судей и темныхъ деревенскихъ

поповъ не можетъ быть хорошо для двадцати четырехъ милліоновъ, если даже было выбрано сорока восемью милліонами.“

Пріятель. На преобладаніе судейскаго элемента указывалъ Балъи, говорившій даже что услѣхъ революціи зависѣлъ отъ адвокатовъ. Балъи (I, 53) этимъ даже восхищается.

Авторъ. И среди какихъ условій дѣйствовало Собраніе? „Ихъ засѣданія, съ горячностію говорить Боркъ, насмѣшка надъ законодательствомъ... Пѣтвники сами, они получаютъ изъ ихъ, не знающихъ удержу, шумныхъ кофейныхъ, разныя нечѣлости, которыя потомъ заставляютъ пѣтвнинаго монарха выдавать въ качествѣ королевскихъ постановленій, тогда какъ онъ получаетъ ихъ въ запачканномъ видѣ изъ третьихъ рукъ. Извѣстно что всѣ ихъ мѣропріятія уже бывають лорѣшены до обсуждения. Несомнѣнно что подъ давленіемъ террора штыка, фонаря, факела грозящаго поджечь ихъ дома, они вынуждены принимать всякія дикія и невозможныя мѣры внушаемыя клубами, представляющими собою чудовищную смѣсь всѣхъ состояній, всѣхъ языковъ и всѣхъ націй...“

Пріятель. Неудачный составъ палаты 1789 года явленіе весьма поучительное. Принять былъ, казалось, самый правильный способъ—свободный народный выборъ. Какихъ-либо избирательныхъ ухищреній со стороны правительства рѣшительно указать нельзя. Въ этой наукѣ Французы тогда еще не изощрились: дѣло было новое. Избранія тогдашнія есть основаніе считать вполне свободными. Король не только не былъ противъ созванію народныхъ представителей; наоборотъ, эта мысль постоянно нѣсколько лѣтъ его занимала. Изъ королевскихъ инструкцій можно видѣть что революціонное вѣяніе проникло и въ правительство. Въ инструкціяхъ толкуется и о желаніяхъ націи, и о сообразности постановленій съ разумомъ, и оба уничтоженія великихъ злоупотребленій. Выборъ былъ основанъ, можно сказать, на общей подачѣ голосовъ, такъ что совершенно напрасно считается она изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени. Первые собранія для выбора избирателей въ среднемъ сословіи составлены были „изъ всѣхъ Французовъ имѣющихъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и платящихъ налоги“ (1789 en Rouergue par Eugène Barrau, Rodez, 1873, стр. 40). Въ королевскомъ

регламентъ 24 января 1789 значитъ что король „желаетъ чтобы помощью тетрадей жалобъ (*cahiers des doléances*) каждый, ото всѣхъ концовъ государства, отъ обитающихъ наименѣе извѣстныхъ, могъ быть увѣреннымъ въ возможности довести до его величества свои желанія и требованія.“ Такимъ образомъ народъ совершенно свободно послалъ своихъ представителей, которымъ и было вѣрено великое дѣло государственнаго переустройства страны. Чего казалось бы еще желать!

А в т о р ь. Да, вотъ опять вопросъ политической мудрости: Форма выбора, какъ выраженія коллективной воли, многимъ кажется имѣющею чудодѣйственную силу. Сказать о „выборномъ началѣ“ что-либо кромѣ восторженной похвалы въ-которымъ представляется просто святотатствомъ. Между тѣмъ очевидно выборъ есть только одинъ изъ способовъ врученія власти, въ вѣкоторыхъ отношеніяхъ хорошій, въ другихъ— дурной. По поводу всеобщаго голосованія Ренавъ справедливо замѣчаетъ что такая система въ исключительномъ примѣненіи должна вести къ передачѣ власти посредственностямъ. Вотъ слова Ренава въ книгѣ *О реформѣ*: „Правительство, администрація, всякое начальствованіе въ обществѣ есть результатъ вѣкотораго отбора, извлекающаго изъ массы опредѣленное число индивидуумовъ. Этотъ отборъ можетъ производиться четырьмя способами: 1) рожденіемъ, 2) жребіемъ, 3) народнымъ избраніемъ, 4) экзаменомъ или конкурсомъ. Отборъ жребіемъ можетъ практиковаться только между аристократами, какъ во Флоренціи или въ Аѳинахъ; экзамены законъ Китая: извѣстно какая имъ дѣла по отношенію къ прогрессу. Выборъ! Въ приложеніи къ военному командованію, абсолютному по существу своему, онъ есть противорѣчіе. Въ приложеніи къ государю онъ есть шарлатанство вредящее престижу избранника; въ приложеніи къ депутатамъ, если онъ всеобщъ, ведетъ къ избранію посредственностей. Нельзя получить отъ него ни высшей палаты, ни магистратуры, ни даже хорошаго общаго или муниципальнаго совѣта. Всеобщее голосованіе съ его необходимо ограниченнымъ горизонтомъ не понимаетъ необходимости науки, превосходства благороднаго и ученаго. Рожденіе какъ единственное средство отбора было бы предпочтительнѣе выбора. Большая избирательная коллегія образованная изъ всѣхъ хуже самаго посредственнаго

государя прежняго времени. Версальскій дворъ былъ бы для выбора чиновниковъ выше вышшаго всеобщаго голосованія. Французскій отборъ съ его неорганизованнымъ, предоставленнымъ случаю всеобщимъ голосованіемъ самый плохой изъ всѣхъ. Во Франціи столько же людей сердца и ума какъ во всякой другой странѣ, но имъ не дается цѣны. Страна не имѣющая другаго органа кромѣ прямого всеобщаго голосованія есть въ совокупности своей, какую бы цѣну ни имѣли люди какими она обладаетъ, существо невѣжественное и неискусное. Самый посредственный человѣкъ лучше чѣмъ коллективная равнодѣйствующая выходящая изъ тридцати милліоновъ индивидуумовъ, считаемихъ каждая за единицу.“ Путь лордаемый Ремапомъ въ новой Франціи весьма близокъ къ тому какимъ образовано большинство собранія 1789 года, и который былъ свободенъ отъ злоупотребленій сдѣлавшихся потомъ обычнымъ явленіемъ. И на долю такого собранія посредственностей, неопытныхъ въ трудномъ дѣлѣ управленія государственною машиной, вышла задача государственнаго переустройства въ эпоху когда уму овладѣлъ духъ новизны, весь существующій порядокъ казался однимъ громаднымъ злоупотребленіемъ, и политическія аксіомы популярныхъ философовъ казались простымъ и вѣрнымъ средствомъ устройства государства на началахъ разума, легко будто бы осуществимыхъ еслибы не было своекорыстнаго противодѣйствія тѣхъ кому выгодны существующія злоупотребленія.

П р и я т е л ь. Хотя выборное начало ничего общаго съ революціей не имѣетъ, но культъ выборнаго начала имѣетъ историческую связь съ революціоннымъ движеніемъ именно потому что въ революціонную эпоху начало это было въ особомъ почетѣ. Страсть приводитъ все къ выбору сказала уже на первыхъ шагахъ движенія 1789 года, когда образовались округа и происходило избраніе представителей въ Генеральные Штаты. Бальи въ своихъ запискахъ (II, 11) рассказываетъ что когда граждане сошлись для выбора избирателей въ округѣ къ которому онъ принадлежалъ, и засѣданіе было открыто подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго отъ Думы лица, то „первымъ актомъ авторитета (acte d'autorité) собранія было смѣщеніе предсѣдателя“. И куріозно что его же тотчасъ выбрали даже аккламаціей. Дѣло было въ

принципъ: предсѣдатель не долженъ быть по назначенію. А онъ въ этомъ случаѣ и назначенъ-то былъ отъ Думы, а не отъ правительства. „Наше собраніе, говоритъ Бальи, хотя и составляло одну безконечно малую часть націи, чувствовало однако въ себѣ силу и права дѣлаго. Оно не скрывало отъ себя что изъ этой силы и этихъ правъ вытекалъ для него родъ власти, насколько принадлежитъ она частнымъ волямъ, назначеннымъ составить общую волю“. Когда по округамъ были выбраны избиратели, эти выборные собрались въ общее засѣданіе въ Думѣ. Послѣ общаго собранія, гдѣ предсѣдалъ городской голова, избиратели средняго сословія собрались въ засѣданіе для выбора представителей. Предсѣдалъ по регламенту гражданскій намѣстникъ (lieutenant civil). Первый вопросъ опять о принципѣ назначенія и выбора. Но опять оказалось что назначенный предсѣдатель есть именно то лицо какое желательно. Изъ уваженія къ нему его послѣдшили переизбрать аккламаціей не входя въ принципиальное обсужденіе. Но когда онъ заявилъ что секретаремъ по закону долженъ быть секретарь суда Шателе (greffier du Châtelet), поднялось краснорѣчіе о выборѣ и назначеніи и о правахъ собранія избирать своихъ должностныхъ лицъ. Намѣстникъ выразилъ что хотя онъ и почтенъ выборомъ, но съ своей стороны считаетъ себя въ правѣ засѣдать только въ качествѣ лица назначеннаго, таковымъ же долженъ быть и секретарь. Собраніе не согласилось. Намѣстникъ удался. Наибольше говорившій ораторъ, адвокатъ Тарже, былъ выбранъ предсѣдателемъ, Бальи секретаремъ. Регламентъ былъ нарушенъ. Это не помѣшало считать дальнѣйшіе выборы законными. При постоянномъ толкованіи о законѣ и законности, нарушеніе закона сдѣлалось правиломъ и первымъ способомъ революціоннаго движенія. Законъ сталъ оправданіемъ,—заднимъ числомъ,—совершеннаго беззаконія.

И понятно почему начало выбора было тогда въ такомъ почетѣ. Задача движенія была въ разрушеніи власти, авторитета. Всякій личныи починъ власти представлялся ненавистнымъ проявленіемъ произвола, все отъ власти дущее подозрительнымъ, не внушающимъ довѣрія. Назначеніе отъ власти исходящее можетъ, казалось, доставить лишь угнетателей; выборъ долженъ дать защитниковъ. Далѣе, такъ какъ по революціонной теоріи все должно сводиться къ актамъ коллективной

воли гражданъ, а голосованіе, по возможности всеобщее, есть единственный способъ выраженія этой воли, то выборы, понятно, должны быть главною, даже единственною формою врученія власти.

А в т о р ь. Если народное верховенство, то конечно и коллективная воля и выборы на всѣхъ ступеняхъ. Но что такое эта коллективная воля? На практикѣ коллективная воля почти всегда есть воля захватившаго или захватившихъ власть. Коллективной воли въ смыслѣ сознательнаго, свободнаго, на аргументахъ разума основаннаго желанія не бываетъ, не только въ цѣломъ народѣ, но даже въ малыхъ группахъ. Еслибъ ангелъ слетѣлъ съ неба и прочтя въ душѣ каждаго отмѣтилъ на своей таблицѣ свободное желаніе каждаго и подвергъ бы затѣмъ таблицу эту арифметическому, статистическому, и прочему научному изученію, то едва ли и онъ изъ лутаницы отдѣльныхъ соображеній и стремленій могъ бы вывести какое-либо заключеніе, или получилось бы вѣчто такое, что привело бы въ ужасъ разумаго человѣка. Коллективной воли нѣтъ; но есть коллективныя рѣшенія, и рѣшенія эти могутъ быть преступны и безумны, какъ и рѣшенія отдѣльныхъ лицъ. Одинъ, можетъ быть правъ и всѣ виноваты. Спасителя осудили по большинству голосовъ, предпочтя ему разбойника.

П р и я т е л ь. Можно возразить: коллективной воли нѣтъ въ данную минуту, но она составляется послѣ обсужденія, которое потому и должно предшествовать голосованію.

А в т о р ь. Я вовсе не врагъ и выбора, и голосованія, и обсуждения. Я хочу только сказать что придавать этой формѣ рѣшенія значеніе чего-то безусловно справедливаго, исключющаго другіе способы, никоимъ образомъ нельзя. Мудрость именно въ томъ чтобы не приписывать чудодѣйственной силы способамъ и формамъ, а имѣть въ виду прежде всего самое дѣло.

Назначеніе государства не въ томъ чтобы быть орудіемъ коллективной воли, а чтобы быть воспитателемъ историческихъ завитовъ страны и въ дѣлѣ гражданского благоустройства ограждать личную свободу каждаго изъ его членовъ, насколько она не вредитъ свободѣ другаго. Свобода по существу есть вѣчто личное, индивидуальное. Свобода группы людей не есть уже свобода въ тѣсномъ смыслѣ, а власть. Свобода коллектив-

ной воли есть уже деспотизмъ. „Правительство, говоритъ Боркъ, есть изобрѣтеніе человѣческой мудрости для удовлетворенія потребностей человѣка. Люди имѣютъ право на то чтобы потребности ихъ были удовлетворены этою мудростью. Въ числѣ этихъ потребностей, послѣ гражданскаго благоустройства, та которая наиболее даетъ себя чувствовать есть потребность сдерживать страсти. Общество требуетъ чтобы не только страсти отдѣльныхъ людей были сдерживаемы, но чтобы и коллективно, въ массѣ, не менѣе какъ въ отдѣльности, желанія людей твердо поставились преграды, чтобы воля ихъ была контролируема, а страсти подчинялись принужденію. А это очевидно не можетъ быть отдѣлаво иначе какъ *властію* *отъ насъ стоящею* и которая въ своихъ отправленияхъ не была бы подчинена той же волѣ и тѣмъ же страстямъ которыя должна сдерживать и подчинять... Но такъ какъ свобода и ея ограниченія мѣняются со временемъ и обстоятельствами, допускаютъ видоизмѣненія до безконечности, то ихъ нельзя подчинить какимъ-либо постояннымъ правиламъ... Это дѣлаетъ устройство государства и правомѣрное распределение власти предметомъ самой тонкой и сложной науки, требующей глубокаго знанія человѣческой природы и ея нуждъ, всего что можетъ облегчать или затруднять достиженіе разнообразныхъ цѣлей гражданскихъ учрежденій. Наука устройства государства, его обновленія, преобразованія, подобно всѣмъ наукамъ основаннымъ на опытѣ, не познается а priori, и опытность въ этой практической наукѣ не приобретается въ одинъ день... Наука о правительствѣ, практическая сама въ себѣ, на практическіе предметы направленная, требуетъ такого обширнаго круга опыта что для пріобрѣтенія его недостаточно жизни человѣка, какъ бы провизителемъ и наблюдателемъ онъ ни былъ. А потому требуются безконечныя предосторожности прежде чѣмъ приступить къ сломкѣ зданія въ продолженіе вѣковъ смысломъ образомъ исполнявшаго главныя цѣли общества, или къ возведенію новаго, не имѣя предъ глазами образца и опыта, — со свидѣтельствомъ объ испытанной уже пользѣ.“ Не такъ принялись за дѣло члены Национальнаго Собранія...

Пріятедь. Перебью тебя переходомъ отъ серьезнаго къ куріозному. Наши бесѣды произвели нѣкоторое впечатлѣніе. Во многихъ газетахъ появились о нихъ замѣтки. Въ *Голо-*

сть есть посвященный вамъ фельетонъ, подписанный буквами В. Ж., по пошибу очевидно принадлежащій одному изъ главныхъ „учебныхъ“ фельетонистовъ газеты. Кому иначе вошло бы въ голову, по поводу вѣсколькихъ словъ о походѣ на науку въ нашей школѣ и о жалкомъ состояннн нашего „высшаго образованнн“, сказать что бесѣды наши писаны для прославленнн какихъ-то небывалыхъ системъ—учебной графа Толстаго и цензурной Ломгинова (ужь зачѣмъ тутъ Ломгиновъ, знаетъ одинъ авторъ). Любопытно что, повѣствуя о нашихъ бесѣдахъ, говорятъ не о томъ что въ нихъ есть, но исключительно о томъ чего въ нихъ нѣтъ. Ну чтобы разобрать, указать невѣрность или ложное освѣщеннн, буде таковыя усмотрѣны. Нѣтъ, трактуется все объ отсутствующемъ. Бесѣдуемъ мы,—употребляю выраженнн автора фельетона,—о *жодѣ* революцiонныхъ событiй. Зачѣмъ не о причинахъ и результатахъ? Указываемъ тамъ и самъ на относящiйся къ описываемому нами второй томъ Тана. Зачѣмъ не на первый? Говоримъ мы о лутанцѣ лоялти, мнѣческомъ представленнн о людяхъ и событiяхъ революцiонной эпохи, о весьма распространѣнномъ въ нашей не свѣдущей интеллигенцiи культѣ революцiи, и въ тѣсномъ и въ широкомъ смыслѣ; а фельетонистъ толкуетъ „о революцiонномъ характерѣ постулательнаго движеннн въ Россiи“ и защищаетъ отъ насъ „консервативную силу которая называется Русскимъ народомъ“; ссылается на расколъниковъ и крестьянъ, какъ будто рѣчь шла о расколъникахъ и крестьянахъ. Онъ успокоиваетъ правительство, которое будто бы мы нашими скромными бесѣдами имѣли въ виду „пугать“ изображая непривлекательныя стороны „революцiонной обстановки“, революцiонные ужасы, о которыхъ впрочемъ у насъ въ первой статьѣ и рѣчи не было, такъ какъ мы говорили о праздничныхъ дняхъ революцiи.

Авторъ. Хотя революцiонныя приемы и симптомы могутъ быть въ дѣлахъ всякаго рода и безъ государственной революцiи, пугать кого-либо революцiей мы въ виду не имѣли. Но признаюсь, я былъ бы счастливъ есабы былъ въ сплахъ услугать и общество и власть имѣющихъ тѣмъ океаномъ, по выраженнн Малле дю-Пана, печатной и непечатной глупости, въ серьезныхъ дѣлахъ, который, безъ революцiи, стремится овладѣть у насъ головами, отчасти усживаетъ и ликуетъ сво-

имъ услѣхомъ, полагая что царство фальетона уже наступило. Намъ нечего опасаться революціи, но намъ страшна глупость, страшно ребяческое ведомысліе нашей интеллигенціи въ вопросахъ политики, школы, матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. То что мы назвали нашимъ культомъ революціи есть одно изъ явленій, и не мелкихъ, этой глупости. Отъ глупости и ея бдительнаго слутвики, обмана, избави насъ Господи!

Пріятедь (*просматривая газеты*). А вотъ въ *Новомъ Времени* имѣли смѣлость, по поводу нашихъ бесѣдъ, правду назвать правдою и высказать то что въ самомъ дѣлѣ думаютъ. Пріятное явленіе. Спросъ на ложь значить уменьшается на нашемъ печатномъ рынкѣ....

(Продолженіе будетъ.)

ВАРОЛОМЕЙ КОЧНЕВЪ.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ

СУДЕБНАЯ ОШИБКА

I.

Роковой день.

На другой день послѣ описанных мною событій, въ десять часовъ утра, открылось засѣданіе нашего окружнаго суда и начался судъ надъ Дмитріемъ Карамазовымъ.

Скажу впередъ и скажу съ настойчивостью: я далеко не считаю себя въ силахъ передать все то что произошло на судѣ, и не только въ надлежащей полнотѣ, но даже и въ надлежащемъ порядкѣ. Мнѣ все кажется что слабы все припомнить и все какъ слѣдуетъ разъяснить, то потребуются цѣлая книга и даже пребольшая. А потому пусть не поспѣютъ на меня что я передамъ лишь то что меня лично поразило и что я особенно запомнилъ. Я могъ принять второстепенное за главнѣйшее, даже совсѣмъ улустить самыя рѣзкія необ-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 1879 и №№ 1, 4, 7 и 88 1880.

ходившія черты... А впрочемъ вижу что лучше не извѣнаться. Сдѣлаю какъ умѣю, и читатели сами поймутъ что я сдѣлалъ лишь какъ умѣлъ...

И вомерыкъ, прежде чѣмъ мы войдемъ въ залу суда, упомяну о томъ что меня въ этотъ день особенно удивило. Впрочемъ удивило не одного меня, а, какъ оказалось въ послѣдствіи, и всѣхъ. Именно: всѣ знали что дѣло это заинтересовало саишкомъ многихъ, что всѣ стораали отъ нетерпѣнія, когда начнется судъ, что въ обществѣ нашемъ много говорили, предполагали, восклицали, мечтали уже цѣлые два мѣсяца. Всѣ знали тоже что дѣло это получило всероссійскую огласку, но все-таки не представляли себѣ что оно до такой уже жгучей, до такой раздражительной степени потрясло всѣхъ и каждого, да и не у насъ только, а повсемѣстно, какъ оказалось это на самомъ судѣ въ этотъ день. Къ этому дню къ намъ съѣхались гости не только изъ нашего губернскаго города, но и изъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ Россіи, а наконецъ изъ Москвы и изъ Петербурга. Пріѣхали юристы, пріѣхало даже нѣсколько знатныхъ лицъ, а также и дамы. Всѣ билеты были расхвачены. Для особенно почетныхъ и знатныхъ посѣтителей изъ мужчинъ отведены были даже совсѣмъ уже необыкновенныя мѣста сзади отъа за которымъ помѣщался судъ: тамъ появилась цѣлый рядъ занятыхъ разными особами креселъ, чего никогда у насъ прежде не допускалось. Особенно много оказалось дамъ,—нашихъ и пріѣзжихъ, я думаю даже не менѣе половины всей публики. Однихъ только съѣхавшихся отовсюду юристовъ оказалось такъ много что даже не знали ужъ гдѣ ихъ и помѣстить, такъ какъ всѣ билеты давно уже были розданы, выпрошены и вымолены. Я видѣлъ самъ какъ въ концѣ залы за вострадой была временно и наскоро устроена особая загородка, въ которую влуптали всѣхъ этихъ съѣхавшихся юристовъ, и они лочли себя даже очастаивыми что могли тутъ хоть стоять, потому что стулья, чтобы выгадать мѣсто, были изъ этой загородки совсѣмъ вынесены, и вся набравшаяся толпа простояла все „дѣло“ густо сомкнувшеюся кучей, плечомъ къ плечу. Нѣкоторыя изъ дамъ, особенно изъ пріѣзжихъ, явились на хоракъ залы чрезвычайно раздраженныя, но большинство дамъ даже и о нарядахъ забыло. На ихъ лицахъ читалось истерическое, жадное, болѣзненное почти любопытство. Одна изъ характернѣйшихъ особенностей всего этого собраннаго въ

залѣ общества, и которую необходимо отмѣнять, состояла въ томъ, что, какъ и оправдалось потомъ по многимъ наблюденіямъ, почти всѣ дамы, по крайней мѣрѣ огромнѣйшее большинство ихъ, стояли за Митю и за оправданіе его. Можетъ-быть, главное, потому что о немъ составилось предсталаемое какъ о покорителя женскихъ сердецъ. Знали что явятся двѣ женщины - соперницы. Одна изъ нихъ, то-есть Катерина Ивановна, особенно всѣхъ интересовала; про нее рассказывалось чрезвычайно много необыкновеннаго, про ея страсть къ Митѣ, несмотря даже на его преступленіе, рассказывались удивительныя анекдоты. Особенно упоминалось объ ея гордости (она почти никому въ нашемъ городѣ не одѣлала визитовъ), объ „аристократическихъ связяхъ“. Говорили что она намѣрена просить правительство чтобы ей позволили сопровождать преступника на каторгу и обтѣлаться съ нимъ гдѣ-нибудь въ рудникахъ лодъ землей. Съ меньшимъ волненіемъ ожидали появленія на судѣ и Грушеньки, какъ соперницы Катерины Ивановны. Съ мучительнымъ любопытствомъ ожидали встрѣчи предъ судомъ двухъ соперницъ—аристократической гордой дѣвушки и „гетеры“; Грушенька впрочемъ была извѣстнѣе нашимъ дамамъ чѣмъ Катерина Ивановна. Ее, „погубительницу Федора Павловича и несчастнаго сына его“, видали наши дамы и прежде, а всѣ, почти до единой, удивлялись какъ въ такую „самую обыкновенную, совсѣмъ даже некрасивую собой русскую мѣщанку“ могли до такой степени влюбиться отецъ и сынъ. Словомъ, толковъ было много. Мнѣ положительно извѣстно что собственно въ нашемъ городѣ произошло даже нѣсколько серьезныхъ семейныхъ ссоръ изъ-за Мити. Многія дамы горячо поссорились со своими супругами за разность взглядовъ на все это ужасное дѣло, и естественно послѣ того что всѣ мужья этихъ дамъ явились въ залу суда уже не только нерасположенными къ подсудимому, но даже озлобленными противъ него. И вообще положительно можно было сказать что, въ противоположность дамскому, весь мужской элементъ былъ настроенъ противъ подсудимаго. Видѣлись строгія, нахмуренныя лица, другія даже совсѣмъ злобныя, и это во множествѣ. Правда и то что Митя многихъ изъ нихъ сумѣлъ оскорбить лично во время своего у насъ пребыванія. Конечно нѣкие изъ присутствующихъ были почти даже веселы и весьма безучастны собственно къ судьбѣ Мити, но все же опять-таки не къ разсма-

травившемуся дѣлу; всѣ были заняты исходомъ его, и большинство мущинъ рѣшительно желало казнь преступнику, кромѣ развѣ юристовъ, которымъ дорога была не нравственная сторона дѣла, а лишь такъ-оказать современно-юридическая. Всѣмъ возмозвалъ прїѣздъ знаменитаго Фетюковича. Талантъ его былъ извѣстенъ повсемѣстно, и это уже не въ первый разъ что онъ являлся въ провинціи защищать громкія уголовныя дѣла. И послѣ его защиты таковыя дѣла всегда становились знаменитыми на всю Россію и надолго памятными. Ходило нѣсколько анекдотовъ и о нашемъ прокурорѣ и о председателѣ суда. Разказывалось что нашъ прокуроръ трелеталъ встрѣчи съ Фетюковичемъ, что это были старинные враги еще съ Петербурга, еще съ начала ихъ карьеры, что самолюбивый нашъ Ипполитъ Кирилловичъ, считавшій себя постоянно кѣмъ-то обиженнымъ еще съ Петербурга, за то что не были надлежаще оценены его таланты, воскресъ было духомъ надъ дѣломъ Карамазовыхъ и мечталъ даже воскресить этимъ дѣломъ свое ушедшее поприще, но что пугалъ его лишь Фетюковичъ. Но насчетъ трелета предъ Фетюковичемъ сужденія были не совсѣмъ справедливы. Прокуроръ нашъ былъ не изъ такихъ характеровъ которые падаютъ духомъ предъ опасностью, а напротивъ изъ тѣхъ чье самолюбіе выростаетъ и окрыляется именно по мѣрѣ возрастанія опасности. Вообще же надо замѣтить что прокуроръ нашъ былъ слишкомъ горячъ и болѣзненно воспріимчивъ. Въ свое дѣло онъ каалъ всю свою душу и велъ его такъ какъ бы отъ рѣшенія его зависѣла вся его судьба и все его достоинствіе. Въ юридическомъ мірѣ надъ этимъ нѣсколько смѣялись, ибо нашъ прокуроръ именно этимъ качествомъ своимъ заслужилъ даже нѣкоторую извѣстность, если далеко не повсемѣстно, то гораздо болѣшую чѣмъ можно было предположить въ виду его скромнаго мѣста въ нашемъ судѣ. Особенно смѣялись надъ его страстью къ психологіи. По моему, всѣ ошибались: нашъ прокуроръ, какъ человѣкъ и характеръ, кажется мнѣ, былъ гораздо серіознѣе чѣмъ многіе о немъ думали. Но ужь такъ не умѣлъ поставить себя этотъ болѣзненный человѣкъ съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ еще въ началѣ поприща, а затѣмъ и во всю свою жизнь.

Что же до председателя нашего суда, то о немъ можно сказать лишь то что это былъ человѣкъ образованный, гуманный, практически знающій дѣло и самыхъ современныхъ

идей. Былъ онъ довольно самолюбивъ, но о карьерѣ своей не очень заботился. Главная цѣль его жизни заключалась въ томъ чтобы быть передовымъ человѣкомъ. Притомъ имѣлъ связи и состояніе. На дѣло Карамазовыхъ, какъ оказалось потомъ, онъ смотрѣлъ довольно горячо, но лишь въ общемъ смыслѣ. Его занимало явленіе, классификація его, взглядъ на него какъ на продуктъ нашихъ социальныхъ основъ, какъ на характеристику русскаго элемента, и проч., и проч. Къ личному же характеру дѣла, къ трагедіи его, равно какъ и къ личностямъ участвующихъ лицъ, начиная съ подсудимаго, онъ относился довольно безразлично и отвлеченно, какъ впрочемъ можетъ-быть и слѣдовало.

Задолго до появленія суда зала была уже набита биткомъ. У насъ зала суда лучшая въ городѣ, обширная, высокая, звучная. Направо отъ членовъ суда, помѣщавшихся на вѣкоторомъ возвышеніи, былъ приготовленъ столъ и два ряда креселъ для присяжныхъ засѣдателей. Направо было мѣсто подсудимаго и его защитника. На среднѣхъ залахъ близъ помѣщенія суда стоялъ столъ съ „вещественными доказатель-ствами“. На немъ лежали окровавленный шелковый бѣлый халатъ Федора Павловича, роковой мѣдвѣй пистолетъ коимъ было совершено предполагаемое убійство, рубашка Мити съ залачканнымъ кровью рукавомъ, его сюртукъ весь въ кровавыхъ лятахъ сзади на мѣстѣ кармана, въ который онъ оунулъ тогда свой весь мокрый отъ крови платокъ, самый платокъ весь заскорузлый отъ крови, теперь уже совсѣмъ пожелтѣвшій, пистолетъ заряженный для самоубійства Митей у Перхотина и отобранный у него тихонько въ Мокромъ Трифономъ Борисовичемъ, конвертъ съ надписью въ которомъ были приготовлены для Грушеньки три тысячи и розовая томенькая ленточка которою онъ былъ обязанъ, и прочіе многіе предметы которыхъ и не уломяю. На вѣкоторомъ разстояніи дальше, въ глубь зала, начинались мѣста для публики, но еще предъ балюстрадой стояло нѣсколько креселъ для тѣхъ свидѣтелей, уже давшихъ свое показаніе, которые будутъ оставлены въ залѣ. Въ десять часовъ появилась судъ въ составѣ предсѣдателя, одного члена и одного почетнаго мирового судья. Разумѣется тотчасъ же появилась и прокуроръ. Предсѣдатель былъ плотный, коренастый человѣкъ, ниже средняго роста, съ гемороидальнымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти, съ темными съ просѣдью волосами, коротко обстри-

женными, и въ красной лентѣ — не помню ужъ какого ордена. Прокуроръ же оказался мѣшъ, — да и не мѣшъ, а всѣмъ, очень ужъ какъ-то блѣдымъ, почти съ ведевымъ лицомъ, почему-то какъ бы внезапно похудѣвшимъ въ одну можетъ-быть ночь, потому что я всего только третьяго дня видѣлъ его со всѣмъ еще въ своемъ видѣ. Предсѣдатель началъ съ вопроса судебному приставу: всѣ ли явились присяжные засѣдатели?... Вижу однако что такъ болѣе продолжать не могу, уже потому даже что многого не разскашала, въ другое пропустила высквуть, третье забылъ упомянуть, а главное потому что, какъ уже и сказалъ я выше, если все припоминать что было сказано и что произошло, то буквально не достанетъ у меня ни времени, ни мѣста. Знаю только что присяжныхъ засѣдателей, тою и другою стороною, то-есть защитникомъ и прокуроромъ, отведено было не очень много. Составъ же двѣнадцати присяжныхъ заложилъ: четыре нашихъ чиновника, два купца и шесть крестьянъ и мѣщанъ нашего города. У насъ въ обществѣ, я помню, еще задолго до суда, съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, особенно дамы: „Неужели такое тонкое, сложное и психодогическое дѣло будетъ отдано на роковое рѣшеніе какимъ-то чиновникамъ и наконецъ мужикамъ, и „что де пойметъ тутъ какой-нибудь такой чиновникъ, тѣмъ болѣе мужикъ?“ Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти четыре чиновника, попавшіе въ составъ присяжныхъ, были люди мелкіе, малочиновные, сѣдые, — одинъ только изъ нихъ былъ нѣсколько помоложе, — въ обществѣ нашемъ малоизвѣстные, прозябавшіе на мелкомъ жалованьѣ, имѣвшіе должно-быть старыхъ женъ, которыхъ никуда нельзя показать, и по кучѣ дѣтей, можетъ-быть даже босоногихъ, много-много что развлекавшіе свой досугъ гдѣ-нибудь картишками и ужъ разумѣется никогда не прочитавшіе ни одной книги. Два же купца имѣли хоть и степенный видъ, но были какъ-то странно молчаливы и неподвижны; одинъ изъ нихъ брилъ бороду и былъ одѣтъ по-нѣмецки; другой, съ сѣденькою бородкой, имѣлъ на шеѣ, на красной лентѣ, какую-то медаль. Про мѣщанъ и крестьянъ и говорить нечего. Наши скотолриговьевскіе мѣщане почти тѣ же крестьяне, даже лашутъ. Двое изъ нихъ были тоже въ нѣмецкомъ платьѣ и оттого-то можетъ-быть грязнѣе и непригляднѣе на видъ чѣмъ остальные четверо. Такъ что дѣйствительно могла зайти мысль, какъ зашла и мнѣ, напримѣръ, только что я ихъ разсмотрѣлъ: „что

могутъ такіе постичь въ такомъ дѣлѣ? Тамъ не только лица ихъ производили какое-то странно внушительное и почти грозящее впечатлѣніе, были строги и нахмурены.

Наконецъ предсѣдатель объявилъ къ слушанію дѣло объ убійствѣ отставнаго титулярнаго совѣтника Федора Павловича Карамазова,—не помню влоанъ какъ онъ тогда выразился. Судебному приставу велѣно было ввести подсудимаго, и вотъ появилась Мита. Все затихло въ залѣ, муху можно было услышать. Не знаю какъ на другихъ, но видъ Мити произвелъ на меня самое неприятное впечатлѣніе. Главное, онъ явился ужаснымъ франтомъ, въ новомъ съ иголки сюртукѣ. Я узналъ потомъ что онъ нарочно заказалъ къ этому дню себѣ сюртукъ въ Москвѣ, прежнему портному, у котораго сохранилась его мѣрка. Былъ онъ въ новешенькихъ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ и въ щегольскомъ бѣльѣ. Онъ прошелъ своими длинными аршинными шагами, прямо до неподвижности смотря предъ собою, и сѣлъ на свое мѣсто съ самымъ безрелетнымъ видомъ. Тутъ же, сейчасъ же явился и защитникъ, знаменитый Фетюковичъ, и какъ бы какой-то подавленный гулъ пронесся въ залѣ. Это былъ длинный, сухой человекъ, съ длинными, тонкими ногами, съ чрезвычайно длинными, блѣдыми, тонкими пальцами, съ обритымъ лицомъ, со скромно причесанными, довольно короткими волосами, съ тонкими, изрѣдка кривившимися, не то насмѣшкой, не то улыбкой губами. На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Лицо его было бы и приятнымъ еслабы не глаза его, сами по себѣ небольшіе и невыразительные, но до рѣдкости близко одивъ отъ другаго поставленные, такъ что ихъ раздѣляла всего только одна тонкая косточка его продолговатаго тонкаго носа. Словомъ, физіономія эта имѣла въ себѣ что-то рѣзко птичье, что поражало. Онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Помню первый опросъ Мити предсѣдателемъ, то-есть объ имени, званіи и пр. Мита отвѣтилъ рѣзко, но какъ-то неожиданно громко, такъ что предсѣдатель встряхнулъ даже головой и почти съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Затѣмъ былъ прочитанъ списокъ лицъ вызванныхъ къ судебному слѣдствію, то-есть свидѣтелей и экспертовъ. Списокъ былъ длинный; четверо изъ свидѣтелей не явились: Миусовъ, бывший въ настоящее время уже въ Парижѣ, но показаніе котораго имѣлось еще въ предварительномъ слѣдствіи, гжа Хохлакова и помѣщикъ Максимовъ по болѣзни и Смер-

дяковъ за внезапною смертию, причемъ было представлено свидѣтельство отъ полиціи. Извѣстіе о Смердаковѣ вызвало сильное шевеленіе и шепотъ въ залѣ. Конечно, въ публикѣ многіе еще вовсе не знали объ этомъ внезапномъ эпизодѣ самоубійства. Но что особенно поразило, это—внезапная выходка Мити: только что довели о Смердаковѣ, какъ вдругъ онъ со своего мѣста восклицалъ на всю залу:

— Собакѣ собачья смерть!

Помню какъ бросился къ нему его защитникъ и какъ предсѣдатель обратился къ нему съ угрозою принять строгія мѣры если еще разъ повторится подобная этой выходка. Митя отрывисто и кивая головой, но какъ будто совсѣмъ не раскаяваясь, нѣсколько разъ повторилъ вполголоса защитнику:

— Не буду, не буду! Сорвался! Больше не буду!

И ужъ конечно этотъ коротенькій эпизодъ послужилъ не въ его пользу во мнѣніи присяжныхъ и публики. Объявлялася характеръ и рекомендовалъ себя самъ. Подъ этимъ-то впечатлѣніемъ былъ прочитанъ секретаремъ суда обвинительный актъ.

Онъ былъ довольно кратокъ, но обстоятеленъ. Излагались лишь главнѣйшія причины почему привлеченъ такой-то, почему его должно было предать суду, и такъ даѣе. Тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Секретарь прочелъ четко, звучно, отчетливо. Вся эта трагедія какъ бы вновь появилась предъ всеми выпукло, концентрично, освѣщенная роковымъ, неумолимымъ свѣтомъ. Помню какъ сейчасъ же по прочтеніи предсѣдатель громко и внушительно спросилъ Митю:

— Подсудимый, признаете ли вы себя виновнымъ?

Митя вдругъ всталъ съ мѣста:

— Признаю себя виновнымъ въ пьянствѣ и развратѣ, восклицалъ онъ какимъ-то олять-таки неожиданнымъ, почти истулованнымъ голосомъ, — въ лѣви и въ дебошнрствѣ. Хотѣлъ стать на вѣки честнымъ человѣкомъ именно въ ту секунду когда подскла судьба! Но въ смерти старика, врага моего и отца — не виновенъ! Но въ ограбленіи его — вѣтъ, вѣтъ, не виновенъ, да и не могу быть виновнымъ: Дмитрій Карамазовъ подлець, но не воръ!

Прокричавъ это, онъ сѣлъ на мѣсто видимо весь дрожа. Предсѣдатель снова обратился къ нему съ краткимъ, но назидательнымъ увѣщаніемъ отвѣчать лишь на волпросы, а не вда-

ваться въ постороннія и изступленныя восклицанія. Затѣмъ велѣлъ приступить къ судебному слѣдствію. Ввелъ всѣхъ свидѣтелей для присяги. Тутъ я увидѣлъ ихъ всѣхъ разомъ. Впрочемъ, братья подсудимаго были допущены къ свидѣтельству безъ присяги. Послѣ увѣщанія священника и председателя, свидѣтелей увели и расадали по возможности порознь. Затѣмъ стали вызывать ихъ по одному.

II.

Опасные свидѣтели.

Не знаю были ли свидѣтели прокурорскіе и отъ защиты раздѣлены председателемъ какъ-нибудь на группы и въ какомъ именно порядкѣ предположено было вызывать ихъ. Должно-быть все это было. Знаю только что первыми стали вызывать свидѣтелей прокурорскихъ. Повторяю, я не намѣренъ описывать всѣ допросы и шагъ за шагомъ. Къ тому же мое описаніе вышло бы отчасти и лишнимъ, потому что въ рѣчахъ прокурора и защитника, когда приступили къ преніямъ, весь ходъ и смыслъ всѣхъ данныхъ и выслушанныхъ показаній были сведены какъ бы въ одну точку съ яркимъ и характернымъ освѣщеніемъ, а эти двѣ замѣчательныя рѣчи я по крайней мѣрѣ мѣстами записалъ въ полнотѣ и передамъ въ свое время, равно какъ и одинъ чрезвычайный и совсѣмъ неожиданный эпизодъ процесса, разывравшійся внезапно еще до судебныхъ преній и несомнѣнно повлиявшій на грозный и роковой исходъ его. Замѣчу только что съ самыхъ первыхъ минутъ суда выступила ярко въ некоторая особая характеристика этого дѣла, всѣми замѣченная, именно: необыкновенная сила обвиненія сравнительно со средствами какія имѣла защита. Это всѣ поняли въ первый мигъ, когда въ этой грозной залѣ суда начали, концентрируясь, группироваться факты и стали постепенно выступать весь этотъ ужасъ и вся эта кровь наружу. Всѣмъ можетъ-быть стало понятно еще съ самыхъ первыхъ шаговъ что это совсѣмъ даже и не спорное дѣло, что тутъ нѣтъ сомнѣній, что въ сущности никакаихъ бы и преній не надо, что пренія будутъ лишь только для формы, а что преступникъ виноватъ, виноватъ явно, виноватъ окончательно. Я думаю даже

что и всѣ дамы, всѣ до единой, съ такимъ нетерпѣвнѣмъ жаждавшія оправданія интереснаго подсудимаго, были въ то же время совершенно увѣрены въ полной его виновности. Мало того, мнѣ кажется, онѣ бы даже огорчились еслибы виновность его не столь подтвердилась, ибо тогда не было бы такого эффекта въ развязкѣ, когда оправдаютъ преступника. А что его оправдаютъ—въ этомъ, странное дѣло, всѣ дамы были окончательно убѣждены почти до самой послѣдней минуты: „виновенъ, но оправдаютъ изъ гуманности, изъ новыхъ идей, изъ новыхъ чувствъ которыя теперь пошли“, и проч., и проч. Для того-то онѣ и сбѣжали сюда съ такимъ нетерпѣвнѣмъ. Мушкетеры же наиболѣе интересовались борьбой прокурора и славнаго Оетюковича. Всѣ удивлялись и спрашивали себя: что можетъ сдѣлать изъ такого потеряннаго дѣла, изъ такого выѣденнаго яйца даже и такой талантъ какъ Оетюковичъ? а потому съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила шагъ за шагомъ за его подвигами. Но Оетюковичъ до самаго конца, до самой рѣчи своей остался для всѣхъ загадкой. Опытные люди предчувствовали что у него есть система, что у него уже нѣчто составилось, что впереди у него есть цѣль, но какая она—угадать было почти невозможно. Его увѣренность и самонадѣянность бросались однакоже въ глаза. Кромѣ того, всѣ съ удовольствіемъ сейчасъ же замѣтили что онъ, въ такое краткое пребываніе у насъ, всего въ какіе-нибудь три дня можетъ-быть, сумѣлъ удивительно ознакомиться съ дѣломъ и „до тонкости изучилъ его“. Съ наслажденіемъ рассказывали, на примѣръ, потомъ, какъ онъ всѣхъ прокурорскихъ свидѣтелей сумѣлъ вовремя „подвести“ и по возможности сбить, а главное, подмарать ихъ нравственную репутацію, а стало-быть само собой подмарать и ихъ показанія. Полагали впрочемъ что онъ дѣлаетъ это много-много что для игры, такъ-сказать для нѣкотораго юридическаго блеска, чтобъ ужъ вичего не было забыто изъ принятыхъ адвокатскихъ приемовъ: ибо всѣ были убѣждены что какой-нибудь большой и окончательной пользы онъ всѣми этими „подмарываніями“ не могъ достигъ, и вѣроятно это самъ лучше всѣхъ понимаетъ, имѣя какую-то свою идею въ запасъ, какое-то еще пока припрятанное оружіе защиты, которое вдругъ и обнаружитъ когда придетъ срокъ. Но пока все-таки, сознавая свою силу, онъ какъ бы игралъ и рѣзвился. Такъ на примѣръ, когда спрашивали Григорія Васильева, бывшаго камердинера Федора

Павловича, дававшего самое капитальное показаніе объ „отворенной въ садѣ двери“, защитникъ такъ и вѣдллся въ него, когда ему, въ свою очередь, пришлось предлагать вопросы. Надо замѣтить что Григорій Васильевичъ предсталъ въ залу не смутившись ни мало ни величіемъ суда, ни присутствіемъ огромной слушавшей его лубанки, съ видомъ спокойнымъ и чуть не величавымъ. Онъ давалъ свои показанія съ такою увѣренностью какъ еслибы бесѣдовалъ наединѣ со своею Марей Игнатьевной, только развѣ почитательнѣе. Сбить его было невозможно. Его сначала долго разспрашивалъ прокуроръ о всѣхъ подробностяхъ семейства Карамазовыхъ. Семейная картина ярко выставилась наружу. Слышалось, видѣлось что свидѣтель былъ простодушенъ и безпристрастенъ. При всей глубочайшей почитательности къ памяти своего бывшего барина, онъ все-таки, напримѣръ, заявилъ что тотъ былъ къ Митѣ несправедливъ и „не такъ воспиталъ дѣтей. Его, малаго мальчика, безъ меня вши бы заѣли“, прибавилъ онъ повѣствуя о дѣтскихъ годахъ Мити. „Тоже не годилось отцу сына въ имѣніи его материнскомъ, родовомъ, обижать.“ На вопросъ же прокурора о томъ какія у него основанія утверждать что Федоръ Павловичъ обидѣлъ въ расчетъ сына, Григорій Васильевичъ, къ удивленію всѣхъ, основательныхъ данныхъ совсѣмъ никакихъ не представилъ, но все-таки стоялъ на томъ что расчетъ съ сыномъ былъ „неправильный“ и что это точно ему „нѣсколько тысячъ слѣдовало доплатить“. Замѣчу кстати, что этотъ вопросъ—дѣйствительно ли Федоръ Павловичъ не доплатилъ чего Митѣ, прокуроръ съ особенною настойчивостью предлагалъ потомъ и всѣмъ тѣмъ свидѣтелямъ которымъ могъ его предложить, не исключая ни Алеши, ни Ивана Федоровича, но ни отъ кого изъ свидѣтелей не получилъ никакого точнаго свѣдѣнія; всѣ утверждали фактъ и никто не могъ представить хоть сколько-нибудь яснаго доказательства. Послѣ того какъ Григорій описалъ сцену за столомъ, когда ворвался Дмитрій Федоровичъ и избилъ отца, угрожая воротиться убить его,—мрачное впечатлѣніе пронеслось по залѣ, тѣмъ болѣе что старый слуга разказывалъ спокойно, безъ лишнихъ словъ, своеобразнымъ языкомъ, а вышло страшно краснорѣчиво. За обиду свою Митей, ударившимъ его тогда по лицу и сбившимъ его съ ногъ, онъ замѣтилъ что не сердится и давно

простилъ. О покойномъ Смердяковъ выразилась, перекрестясь, что малый былъ со способностью, да глулъ и болѣзнью угнетенъ, а лучше безбожникъ, и что его безбожеству Федоръ Павловичъ и старшій сынъ учили. Но о честности Смердякова подтвердилъ почти съ жаромъ и тутъ же передалъ какъ Смердяковъ, во время оно, найдя оброченныя барскія деньги, не утаилъ ихъ, а принесъ барину, и тотъ ему за это „золотой подарилъ“ и впредь во всемъ довѣрять началъ. Отворенную же дверь въ садъ подтвердилъ съ упорною настойчивостью. Впрочемъ его такъ много спрашивали что я всего и припомнить не могу. Наконецъ опросы перешли къ защитнику, и тотъ первымъ дѣломъ началъ узнавать о пакетѣ, въ которомъ „будто бы“ спрятаны были Федоромъ Павловичемъ три тысячи рублей для „известной особы“. „Видѣли ли вы его сами—вы, столь многодѣтне-приближенный къ вашему барину человекъ?“ Григорій отвѣтилъ что не видѣлъ, да и не слышалъ о такихъ деньгахъ вовсе ни отъ кого, „до самыхъ тѣхъ поръ какъ вотъ зачали теперь всѣ говорить“. Этотъ вопросъ о пакетѣ Оетюковичъ со своей стороны тоже предлагалъ всѣмъ кого могъ объ этомъ спросить изъ свидѣтелей съ такою же настойчивостью какъ и прокуроръ свой вопросъ о раздѣлѣ имѣнiя, и ото всѣхъ тоже получалъ лишь одинъ отвѣтъ, что пакета никто не видалъ, хотя очень многіе о немъ слышали. Эту настойчивость защитника на этомъ вопросѣ всѣ съ самаго начала замѣтили.

— Теперь могу ли обратиться къ вамъ съ вопросомъ, если только позволите, вдругъ и совсѣмъ неожиданно спросилъ Оетюковичъ,—изъ чего состоялъ тотъ бальзамъ, или такъ-сказать та настойка, посредствомъ которой вы въ тотъ вечеръ, предъ своимъ, какъ известно изъ предварительнаго слѣдствiя, вытерли вашу страдающую поясницу, надѣясь тѣмъ излѣчиться?

— Григорій туло посмотрѣлъ на опросчика и помолчавъ нѣсколько, пробормоталъ: „былъ шалфей положенъ“.

— Только шалфей? Не припомните ли еще чего-нибудь?

— Подорожникъ былъ тоже.

— И перецъ можетъ-быть? любопытствовалъ Оетюковичъ.

— И перецъ былъ.

— И такъ далѣе. И все это на водочкѣ?

— На спирту.

Въ залѣ чуть-чуть пронесся смѣшокъ.

— Видите, даже и на спирту. Вытерши слину, вы вѣдь остальное содержаніе бутылки, съ нѣкою благочестивою молитвой, извѣстной лишь вашей супругѣ, изводили выпить, вѣдь такъ?

— Выпилъ.

— Много ли примѣрно выпили? Примѣрно? Рюмочку, другую?

— Со стаканъ будетъ.

— Даже и со стаканъ. Можетъ-быть и полтора стаканчика? Григорій замолкъ. Онъ какъ бы что-то ловялъ.

— Стаканчика полтора чистенькаго спиртику—оно вѣдь очень недурно, какъ вы думаете? Можно и „райскія двери отверзты“ увидѣть, не то что дверь въ садъ?

Григорій все молчалъ. Опять прошелъ смѣшокъ въ залъ. Предсѣдатель лопевелася.

— Не знаете ли вы навѣрно, вливался все болѣе и болѣе Оетюковичъ:—почивали вы или нѣтъ въ ту минуту когда увидѣли отворенную въ садъ дверь?

— На ногахъ стоялъ.

— Это еще не доказательство что не почивали (еще и еще смѣшокъ въ залъ). Могли ли на примѣръ отвѣтить въ ту минуту, еслибы васъ кто спросилъ о чемъ,—ну на примѣръ о томъ который у насъ теперь годъ?

— Этого не знаю.

— А который у насъ теперь годъ, нашей эры, отъ Рождества Христова, не знаете ли?

Григорій стоялъ со сбитымъ видомъ, въ упоръ смотря на своего мучителя. Странно это, казалось, повидимому, что онъ дѣйствительно не знаетъ какой теперь годъ.

— Можетъ-быть знаете однако сколько у васъ на рукѣ пальцевъ?

— Я человекъ подневольный, вдругъ громко и раздѣльно проговорилъ Григорій,—коли начальству угодно надо мною надсмѣхаться, такъ я снести долженъ.

Оетюковича какъ бы немножко осадило, но ввязался и предсѣдатель и назидательно напомнилъ защитнику что слѣдуетъ задавать болѣе подходящіе вопросы. Оетюковичъ, выслушавъ, съ достоинствомъ поклонился и объявилъ что запросы свои кончилъ. Конечно и въ лублукѣ, и у присяжныхъ могъ остаться маленькій червячекъ сомнѣнія въ показаніи человека имѣвшаго возможность „видѣть райскія две-

ри“ въ известномъ состоянн лченя, и кромѣ того даже навѣ-
дующаго какой нынче годъ отъ Рождества Христова; такъ
что защитникъ своей цѣли все-таки достигъ. Но предъ ух-
домъ Григорія произошелъ еще эпизодъ. Предсѣдатель, обра-
тившись къ подсудимому, спросилъ: не имѣеть ли онъ чего
замѣтить по поводу данныхъ показаній?

— Кромѣ двери во всемъ правду сказалъ, громко крикнулъ
Митя.—Что вшей мнѣ вычесывалъ—благодарю, что лобои мнѣ
просталъ—благодарю; старикъ былъ честенъ всю жизнь и вѣ-
ренъ отцу какъ семьсотъ пуделѣй.

— Подсудимый, выберите ваши слова, строго проговорилъ
предсѣдатель.

— Я не лудель, проворчалъ и Григорій.

— Ну такъ это я лудель, я! крикнулъ Митя.—Когда обид-
но, то на себя принимаю, а у него прощенія прошу: былъ
звѣрь и съ нимъ жестокъ! Съ Езоломъ тоже былъ жестокъ.

— Съ какимъ Езоломъ? строго подыалъ опять предсѣдатель.

— Ну съ Пьеро... съ отцомъ, съ Федоромъ Павловичемъ.
Предсѣдатель олять и олять внушительно и строжайше
уже подтвердилъ Митѣ чтобъ онъ осторожнѣе выбираалъ свои
выраженія.

— Вы сами вредите себѣ тѣмъ во мнѣнн судей вашихъ.

Точно также весьма ловко распорядился защитникъ и
при спросѣ свидѣтеля Ракитина. Замѣчу что Ракитинъ
былъ изъ самыхъ важныхъ свидѣтелей, и которымъ несо-
мнѣнно дорожилъ прокуроръ. Оказалось что онъ все зналъ,
удивительно много зналъ, у всѣхъ-то онъ былъ, все-то
видѣлъ, со всѣми-то говорилъ, подробнѣйшимъ образомъ
зналъ биографію Федора Павловича и всѣхъ Карамазо-
выхъ. Правда, про пакетъ съ тремя тысячами тоже слы-
шалъ лишь отъ самого Мити. За то подробно описалъ
подвиги Мити въ трактирѣ „Столичный городъ“, всѣ компро-
меттирующія того слова и жесты и передалъ исторію о „мо-
чалкѣ“ штабсъ-капитана Снегирева. Насчетъ же того осо-
баго пункта, остался ли что-нибудь долженъ Федоръ Павло-
вичъ Митѣ при расчетѣ по имѣнню—даже самъ Ракитинъ не
могъ ничего указать и отдался лишь общими мѣстами
презрительнаго характера: „кто дескать могъ бы разобрать изъ
нихъ виноватаго и сосчитать кто кому остался долженъ при
безтолковой Карамазовщинѣ, въ которой никто себя не могъ
ни понять, ни оредѣлить?“ Всю трагедію судимаго престул-

ленія онъ изобразилъ какъ продуктъ застарѣлыхъ нравовъ крѣпостнаго права и погруженной въ безпорядокъ Россіи страдающей безъ соответственныхъ учрежденій. Словомъ, ему дали кое-что высказать. Съ этого процесса господина Ракитинъ въ первый разъ заявилъ себя и сталъ замѣтень; прокуроръ зналъ что свидѣтель приготовить въ журналъ статью о настоящемъ преступленіи и потомъ уже въ рѣчи своей (что увидимъ ниже) цитовалъ нѣсколько мыслей изъ этой статьи, значить уже былъ съ нею знакомъ. Картина изображенная свидѣтелемъ вышла мрачною и роковою и сильно подкрѣпила „обвиненіе“. Вообще же изложеніе Ракитина лѣвило публику независимостію мысли и необыкновеннымъ благородствомъ ея полета. Послышались даже два, три внезапно сорвавшіяся рукоплесканія, именно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ говорилось о крѣпостномъ правѣ и о страдающей отъ безурядицы Россіи. Но Ракитинъ, все-же какъ молодой человекъ, сдѣлалъ маленькій промахъ, которымъ тотчасъ же откровенно успѣлъ воспользоваться защитникъ. Отвѣчая на извѣстные вопросы насчетъ Грушеньки, онъ, увлеченный своимъ успѣхомъ, который конечно уже самъ сознавалъ, и тою высотой благородства на которую воспарилъ, позволялъ себѣ выразиться объ Графинѣ Александровнѣ нѣсколько презрительно, какъ о „содержанкѣ кулца Самсонова“. Дорого далъ бы онъ потомъ чтобы воротить свое словечко, ибо на немъ-то и поймалъ его тотчасъ же Оettingerъ. И все потому что Ракитинъ совсѣмъ не разчитывалъ что тотъ въ такой короткій срокъ могъ до такихъ цѣтмныхъ подробностей ознакомиться съ дѣломъ.

— Позвольте узнать, началъ защитникъ съ самою любезною и даже почтительною улыбкой, когда пришлось ему въ свою очередь задавать вопросы,—вы конечно тотъ самый и есть г. Ракитинъ, котораго брошюру издаванную епархіальнымъ начальствомъ, *Житіе въ Бозѣ почившаго старца отца Зосимы*, подаю глубокихъ и религіозныхъ мыслей, съ превосходнымъ и благочестивымъ посвященіемъ преосвященному, я недавно прочелъ съ такимъ удовольствіемъ?

— Я написалъ не для печати... это потомъ напечатали, пробормоталъ Ракитинъ какъ бы вдругъ чѣмъ-то ольшеный и почти со стыдомъ.

— О, это прекрасно! Мыслитель, какъ вы, можете и даже должны относиться весьма широко ко всякому обществен-

вому явленію. Покровительствомъ преосвященнаго ваша полезнѣйшая брошюра разошлась и доставила относительную пользу... Но я вотъ о чемъ, главное, желаю бы у васъ полюбопытствовать: вы только-что заявили что были весьма близко знакомы съ гжой Свѣтловой? (Nota bene. Фамилія Грушьяки оказалась „Свѣтлова“. Это я узналъ въ первый разъ только въ этотъ день, во время хода процесса.)

— Я не могу отвѣчать за всѣ мои знакомства.... Я молодой человѣкъ.... и кто же можетъ отвѣчать за всѣхъ тѣхъ кого встрѣчаетъ, такъ и вслыхнулъ весь Ракутинъ.

— Понимаю, слишкомъ понимаю! воскликнулъ Оетиюковичъ какъ бы самъ сконфуженный и какъ бы стремительно слыша извиниться,—вы, какъ и всякій другой, могли быть въ свою очередь заинтересованы знакомствомъ молодой и красивой женщины, охотно принимавшей къ себѣ цвѣтъ здѣшной молодежи, но... я хотѣлъ лишь освѣдомиться: намъ извѣстно что Свѣтлова мѣсяца два назадъ чрезвычайно желала познакомиться съ младшимъ Карамазовымъ, Алексѣемъ Федоровичемъ, и только за то чтобы вы привели его къ ней, и именно въ его тогдашнемъ монастырскомъ костюмѣ, она пообѣщала вамъ выдать двадцать пять рублей, только-что вы его къ ней приведете. Это, какъ и извѣстно, состоялось именно въ вечеръ того дня который закончился трагическою катастрофой, послужившею основаніемъ настоящему дѣлу. Вы привели Алексѣя Карамазова къ госпожѣ Свѣтловой и—получили вы тогда эти двадцать пять рублей наградныхъ отъ Свѣтловой, вотъ что я желаю бы отъ васъ услышать?

— Это была шутка... Я не вижу почему васъ это можетъ интересовать. Я взялъ для шутки... и чтобы потомъ отдать...

— Стало-быть взяли. Но вѣдь не отдали же и до сихъ поръ... или отдали?

— Это пустое... бормоталъ Ракутинъ,—я не могу на этикіе вопросы отвѣчать... Я конечно отдамъ.

Вступился председатель, но защитникъ возвѣстилъ что оныя свои вопросы г. Ракутину кончилъ. Г. Ракутинъ сошелъ со сцены нѣсколько подсаженный. Впечатлѣніе отъ высшаго благородства его рѣчи было-таки испорчено, и Оетиюковичъ, провожая его глазами, какъ бы говорилъ, указывая публикѣ: „вотъ дескать каковы ваши благородные обвинители!“ Помню, не прошло и тутъ безъ эпизода со стороны Мити: взбѣшенный тономъ съ какимъ Ракутинъ выразился о Гру-

шевыкъ, овъ вдругъ закричалъ со своего мѣста: „Бернаръ!“ Когда же предсѣдатель, по окончаніи всего опроса Ракитина, обратился къ подсудимому: не желаетъ ли овъ чего замѣтить со своей стороны, то Митя зычно крикнулъ:

— Овъ у меня уже у подсудимаго дельга таскалъ взаймы! Бернаръ презрѣнный и карьеристъ, и въ Бога не вѣруеть, преосвященнаго надуль!

Митю, конечно, олатъ образумили за нецтовство выражений, но г. Ракитинъ былъ доковченъ. Не повезло и свидѣтельству штабсъ-капитана Снегирева, но уже совсѣмъ отъ другой причины. Овъ предсталъ весь цзорванный, въ грязной одеждѣ, въ грязныхъ салогахъ, и несмотря на всѣ предосторожности и предварительную „экспертизу“, вдругъ оказался совсѣмъ пьяненькимъ. На вопросы объ обидѣ нанесенной ему Митей вдругъ отказался отвѣчать.

— Богъ съ маму-съ. Илюшечка не велѣлъ. Мнѣ Богъ тамъ залаатить-съ.

— Кто вамъ не велѣлъ говорить? Про кого вы уломинаете?

— Илюшечка, сыночекъ мой: „Палочка, палочка, какъ овъ тебя унизилъ!“ У камушка произвесь. Теперь помираеть-съ...

Штабсъ-капитанъ вдругъ зарыдалъ и съ розмаху бухнулся въ ноги предсѣдателя. Его лоскорѣе вывели, при смѣхѣ лубайки. Подготовленное прокуроромъ впечатлѣніе не состоялось вовсе.

Защитникъ же продолжалъ пользоваться всѣми средствами и все болѣе и болѣе удивлялъ своимъ ознакомленіемъ съ дѣломъ до мельчайшихъ подробностей. Такъ напримѣръ, показаніе Трифона Борисовича произвело было весьма сильное впечатлѣніе и ужь конечно было чрезвычайно неблагопріятно для Мити. Овъ именно, чуть не по пальцамъ, высчиталъ что Митя, въ первый пріѣздъ свой въ Мокрое, за мѣсяць почти предъ катастрофой, не могъ истратить менѣе трехъ тысячъ или „развѣ безъ самаго только малаго. На однихъ этихъ Цыганокъ сколько раскидано! Нашимъ-то, нашимъ-то вшивымъ мужикамъ не то что „лоптиною по улицѣ шибали“, а по меньшей мѣрѣ двадцатилатирублевыми бумажками дарилъ, меньше не давали. А сколько у нихъ тогда просто украли-съ! Вѣдь кто укралъ, тотъ руки своей не оставилъ, гдѣ же его поймать, вора-то-съ, когда сами зря разбрасывали! Вѣдь у насъ народъ разбойникъ, душу свою не хранять. А дѣвкамъ-то, дѣвкамъ-то нашимъ деревенскимъ что пошло!

Разбогатѣли у насъ съ той поры, вотъ что-съ, прежде бѣдность была.“ Словомъ, онъ припомнилъ всякую издержку и вывелъ все точно на счетахъ. Такимъ образомъ предположеніе о томъ что истрчены были лишь полторы тысячи, а другія отложены въ ладонку, становилось немислимымъ. „Самъ видѣлъ, въ рукахъ у нихъ видѣлъ три тысячи какъ одну колѣечку, глазами созерцалъ, ужъ намъ ли счету не понимать-съ!“ восклицалъ Трофимъ Борисовичъ, изо всѣхъ силъ желая угодить „начальству“. Но когда опросъ перешелъ къ защитнику, тотъ, почти и не пробуя опровергать показаніе, вдругъ завелъ рѣчь о томъ что ямщикъ Тимошеев и другой мужикъ Акимъ подыали въ Мокромъ, въ этотъ первый кутежъ, еще за мѣсяцъ до ареста, сто рублей въ сѣняхъ на полу, оброненные Митей въ хмѣльномъ видѣ, и представили ихъ Трифону Борисовичу, а тотъ далъ имъ за это по рублю. „Ну такъ возвратили вы тогда эти сто рублей г. Карамазову или нѣтъ?“ Трифонъ Борисовичъ какъ ни видалъ, во послѣ допроса мужиковъ въ найденой сторублевой сознался, прибавивъ только что Дмитрію Ѳедоровичу тогда же свято все возвратилъ и вручилъ „по самой честности, и что вотъ только онѣ сами будучи въ то время совсѣмъ пьяными-съ врядъ ли это могутъ припомнить“. Но такъ какъ онъ все-таки до призыва свидѣтелей-мужиковъ въ находкѣ ста рублей отрицался, то и показаніе его о возвратѣ суммы хмѣльному Митѣ естественно подверглось большому сомнѣнію. Такимъ образомъ одинъ изъ оласѣвшихъ свидѣтелей, выставленныхъ прокуратурой, ушелъ олять-таки залодозрѣвшимся и въ репутацію своей сильно осаленнымъ. То же приключилось и съ Поляками: тѣ явились гордо и независимо. Громко засвидѣтельствовали что, вопервыхъ, оба „служили коронѣ“ и что „панъ Митя“ предлагалъ имъ три тысячи чтобы купить ихъ честь, и что они сами видѣли большія деньги въ рукахъ его. Панъ Мусяловичъ вставлялъ страшно много польскихъ словъ въ свои фразы и видя что это только возвышаетъ его въ глазахъ предсѣдателя и прокурора, возвысилъ наконецъ свой духъ окончательно и сталъ уже совсѣмъ говорить по-польски. Но Ѳетюковичъ поймалъ и ихъ въ свои тенета: какъ ни видалъ лозванный олять Трифонъ Борисовичъ, а все-таки долженъ былъ сознаться что его колода картъ была подмѣнена ланомъ Врублевскимъ своею, а что панъ Мусяловичъ, мечя

банкъ, передернулъ карту. Это уже подтвердилъ Калгановъ, давая въ свою очередь показаніе, и оба пана удалились съ нѣкоторымъ срамомъ, даже при смѣхѣ публики.

Затѣмъ точно такъ произошло почти со всѣми наиболѣе опаснѣйшими свидѣтелями. Каждого-то изъ нихъ сумѣлъ Оетьковичъ нравственно размарать и отпустить съ нѣкоторымъ носомъ. Любители и юристы только любовались и лишь недоумѣвали олять-таки къ чему такому большому и окончательному все это могло бы послужить, ибо, повторяю, всѣ чувствовали неотразимость обвиненія, все болѣе и трагичнѣе нараставашаго. Но по увѣренности „великаго мага“ видѣли что онъ былъ спокоевъ, и ждали: не даромъ же пріѣхалъ изъ Петербурга „таковъ человекъ“, не таковъ и человекъ чтобы ни съ чѣмъ назадъ воротиться.

III.

Медицинская экспертиза и одинъ фунтъ орѣховъ.

Медицинская экспертиза тоже не очень помогла подсудимому. Да и самъ Оетьковичъ кажется не очень на нее разчитывалъ, что и оказалось въ послѣдствіи. Въ основаніи своемъ она произошла единственно по настоянію Катерины Ивановны, вызвавшей нарочно знаменитаго доктора изъ Москвы. Защита конечно ничего не могла черезъ нее проиграть, а въ лучшемъ случаѣ могла что-нибудь и выиграть. Впрочемъ отчасти вышло даже какъ бы нѣчто комическое, именно по нѣкоторому разногласію докторовъ. Экспертами явились—пріѣхавшій знаменитый докторъ, затѣмъ нашъ докторъ Герцеаштубе и наконецъ молодой врачъ Первинскій. Оба послѣдніе фигурировали тоже и какъ просто свидѣтели вызванные прокуроромъ. Первымъ спрошенъ былъ въ качествѣ эксперта докторъ Герцеаштубе. Это былъ семидесятилѣтній старикъ, сѣдой и лѣшавый, средняго роста, крѣпкаго сложенія. Его всѣ у насъ въ городѣ очень цѣнили и уважали. Былъ онъ врачъ добросовѣстный, человекъ прекрасный и благочестивый, какой-то геррагутерь или „Моравскій братъ“—ужь не знаю навѣрно. Жилъ у насъ уже очень давно и держалъ себя съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Онъ былъ добръ

и человеклобивъ, лѣчилъ бѣдныхъ больныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ конуры и избы и оставалъ деньги на лѣкарство, но притомъ былъ и упрямъ какъ мулъ. Сбить его съ его идеи, если она засѣла у него въ головѣ, было невозможно. Кстати, уже всѣмъ почти было извѣстно въ городѣ что пріѣзжіи знаменитый врачъ въ какіе-нибудь два-три дня своего у насъ пребыванія позволялъ себѣ нѣсколько чрезвычайно обидныхъ отзывовъ на счетъ дарованій доктора Герцештубе. Дѣло въ томъ что хоть московскій врачъ и бралъ за визиты не менѣе двадцати пяти рублей, но все же нѣкоторые въ нашемъ городѣ обрадовались случаю его пріѣзда, не пожалѣли денегъ и кинулись къ нему за совѣтами. Всѣхъ этихъ больныхъ лѣчилъ до него конечно докторъ Герцештубе, и вотъ знаменитый врачъ съ чрезвычайно рѣзкостью окритиковалъ вездѣ его лѣченіе. Подъ конецъ даже, являясь къ больному, прямо спрашивалъ: „Ну, кто васъ здѣсь пачкалъ, Герцештубе? Хе-хе!“ Докторъ Герцештубе конечно все это узналъ. И вотъ всѣ три врача появились одинъ за другимъ для опроса. Докторъ Герцештубе прямо заявилъ что „ненормальность умственныхъ способностей подсудимаго усматривается сама собой“. Затѣмъ, представивъ свои соображенія, которыя я здѣсь опускаю, онъ прибавилъ что ненормальность эта усматривается, главное, не только изъ прежнихъ многихъ поступковъ подсудимаго, но и теперь, въ сію даже минуту, и когда его попросили объяснить въ чемъ же усматривается теперь, въ сію-то минуту, то старикъ-докторъ со всею прямою своего простодушія указалъ на то что подсудимый, войдя въ залу, „имѣлъ необыкновенный и чудный по обстоятельствамъ видъ, шагалъ впередъ какъ солдатъ и держалъ глаза впередъ себя, упирался, тогда какъ вѣрнѣе было ему смотрѣть назадъ, гдѣ въ лублукѣ сидятъ дамы, ибо онъ былъ большой любитель прекраснаго пола и долженъ былъ очень много думать о томъ что теперь о немъ скажутъ дамы,“ заключилъ старичокъ своимъ своеобразнымъ языкомъ. Надо прибавить что онъ говорилъ по-русски много и охотно, но какъ-то у него каждая фраза выходила на нѣмецкій манеръ, что впрочемъ никогда не смущало его, ибо онъ всю жизнь имѣлъ слабость считать свою русскую рѣчь за образцовую, „за лучшую чѣмъ даже у Русскихъ“, и даже очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, увѣряя каждый разъ что русскія пословицы лучшія и выразитель-

вѣдѣнія изъ всѣхъ пословицъ въ мѣрѣ. Замѣчу еще что онъ, въ разговорѣ, отъ разсѣянности ли какой, часто забывалъ слова самыя обычныя, которыя отлицно зналъ, но которыя вдругъ почему-то у него изъ ума выскакивали. То же самое впрочемъ бывало когда онъ говорилъ по-нѣмецки, и при этомъ всегда махалъ рукой предъ лицомъ своимъ какъ бы ища захватить потерянное словечко, и ужъ никто не могъ бы принудить его продолжать начатую рѣчь прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова. Замѣчаніе его насчетъ того что подсудимый войдя долженъ былъ бы посмотрѣть на дамъ вызвало игривый шепотъ въ публикѣ. Старичка нашего очень у насъ любили всѣ дамы, знали тоже что онъ, холостой всю жизнь человекъ, благочестивый и цѣлоумренный, на женщинъ смотрѣлъ какъ на высшія и идеальныя существа. А потому неожиданное замѣчаніе его всѣмъ показалось ужасно страннымъ.

Московскій докторъ, спрошенный въ свою очередь, рѣзко и настойчиво подтвердилъ что считаетъ умственное состояніе подсудимаго за ненормальное, „даже въ высшей степени“. Онъ много и умно говорилъ про „афектъ“ и „манію“ и выводилъ что по всѣмъ собраннымъ даннымъ подсудимый предъ своимъ арестомъ за нѣсколько еще дней находился въ несомнѣнномъ болѣзненномъ афектѣ, и если совершилъ преступленіе, то хотя и сознавая его, но почти невольно, совсѣмъ не имѣя силъ бороться съ болѣзненнымъ нравственнымъ влеченіемъ имъ овладѣвшимъ. Но кромѣ афекта, докторъ усматривалъ и манію, чтò уже пророчило впередъ, по его словамъ, прямую дорогу къ совершенному уже помѣшательству. (NB. Я передаю своими словами, докторъ же изъяснялся очень ученымъ и спеціальнымъ языкомъ.) „Всѣ дѣйствія его наоборотъ здравому смыслу и логикѣ,“ продолжалъ онъ. „Уже не говорю о томъ чего не видалъ, то-есть о самомъ преступленіи и всей этой катастрофѣ, но даже третьяго дня, во время разговора со мной, у него былъ необъяснимый неподвижный взглядъ. Неожиданный смѣхъ, когда вовсе его не надо. Непонятное постоянное раздраженіе, странныя слова: „Бернаръ, зеика и другія, которыхъ не надо“. Но особенно усматривалъ докторъ эту манію въ томъ что подсудимый даже не можетъ и говорить о тѣхъ трехъ тысячахъ рублей, въ которыхъ считаетъ себя обманутымъ, безъ какого-то необычнаго раздраженія, тогда какъ

обо всѣхъ другихъ неудачахъ и обидахъ своихъ говорить и вспоминаеть довольно легко. Наконецъ, по справкамъ, онъ точно также и прежде, всякій разъ когда касалось этихъ трехъ тысячъ, приходилъ въ какое-то почти изступленіе, а между тѣмъ свидѣтельствуютъ о немъ что онъ безкорыстенъ и нестяжательнъ. „Насчетъ же мнѣнія ученаго собрата моего,—провически присовокупилъ московскій докторъ, закрывшая свою рѣчь,—что подсудимый, входя въ залу, долженъ былъ смотрѣть на дамъ, а не прямо предъ собою, скажу лишь то что, кромѣ игривости подобнаго заключенія, оно сверхъ того и радикально ошибочно; ибо, хотя я вполнѣ соглашаюсь что подсудимый, входя въ залу суда, въ которой рѣшается его участь, не долженъ былъ такъ неподвижно смотрѣть предъ собой и что это дѣйствительно могло бы считаться признакомъ его ненормальнаго душевнаго состоянія въ данную минуту, но въ то же время я утверждаю что онъ долженъ былъ смотрѣть не влѣво на дамъ, а напротивъ именно направо, ища глазами своего защитника, въ помощи котораго вся его надежда и отъ защиты котораго зависитъ теперь вся его участь.“ Мнѣніе свое докторъ выразилъ рѣшительно и настоятельно. Но особенный комизмъ разногласію обоихъ ученыхъ экспертовъ придалъ неожиданный выводъ врача Первинскаго, спрошеннаго послѣ всѣхъ. На его взглядъ подсудимый какъ теперь, такъ и прежде находится въ совершенно нормальномъ состояніи, и хотя дѣйствительно онъ долженъ былъ предъ арестомъ находиться въ положеніи нервномъ и чрезвычайно возбужденномъ, но это могло происходить отъ многихъ самыхъ очевидныхъ причинъ: отъ ревности, гнѣва, непрерывно льяннаго состоянія и проч. Но это нервное состояніе не могло заключать въ себѣ никакого особеннаго „афекта“, о которомъ сейчасъ говорилось. Что же до того, влѣво или направо долженъ былъ смотрѣть подсудимый входя въ залу, то, „по его скромному мнѣнію“, подсудимый именно долженъ былъ, входя въ залу, смотрѣть прямо предъ собою, какъ и смотрѣлъ въ самомъ дѣлѣ, ибо прямо предъ нимъ сидѣли предсѣдатель и члены суда, отъ которыхъ зависитъ теперь вся его участь, „такъ что, смотря прямо предъ собою, онъ именно тѣмъ самымъ и доказалъ совершенно нормальное состояніе своего ума въ данную минуту“, съ нѣкоторымъ жаромъ заключилъ молодой врачъ свое „скромное“ показаніе.

— Bravo, лѣкарь! крикнулъ Митя со своего мѣста,—именно такъ!

Митю конечно оставили, но мѣнѣе молодого врача пѣло самое рѣшающее дѣйствіе какъ на судъ, такъ и на лублику, ибо, какъ оказалось потомъ, всѣ съ нимъ согласились. Впрочемъ докторъ Герцештубе, спрошенный уже какъ свидѣтель, совершенно неожиданно вдругъ послужилъ въ пользу Мити. Какъ старожилъ города, издавна знающій семейство Карамазовыхъ, онъ далъ нѣсколько показаній весьма интересныхъ для „обвиненія“, и вдругъ, какъ бы что-то сообразивъ, присовокупилъ:

— И однако бѣдный молодой человекъ могъ получить безъ сравненія лучшую участь, ибо былъ хорошаго сердца и въ дѣтствѣ и послѣ дѣтства, ибо я знаю это. Но русская пословица говоритъ: „Если есть у кого одинъ умъ, то это хорошо, а если придетъ въ гости еще умный человекъ, то будетъ еще лучше ибо тогда будетъ два ума, а не одинъ только...“

— Умъ хорошо, а два—лучше, въ нетерпѣніи подсказалъ прокуроръ, давно уже знавшій обычай старичка говорить медленно, растянуто, не смущаясь производимымъ впечатлѣніемъ и тѣмъ что заставляетъ себя ждать, а напротивъ, еще весьма цѣна свое тугое, картофельное и всегда радостно самодовольное нѣмецкое остроуміе. Старичекъ же любилъ острить.

— О да, и я то же говорю, упрямо подхватилъ онъ:—одинъ умъ хорошо, а два гораздо лучше. Но къ нему другой съ умомъ не пришелъ, а онъ и свой лустилъ... Какъ это, куда онъ его лустилъ? Это слово—куда онъ лустилъ свой умъ, я забылъ,—продолжалъ онъ вертя рукой предъ своими глазами,—ахъ да, шпацирень.

— Гулять?

— Ну да, гулять, и я то же говорю. Вотъ умъ его и пошелъ прогуливаться и пришелъ въ такое глубокое мѣсто въ которомъ и потерялъ себя. А между тѣмъ это былъ благодарный и чувствительный ювона, о, я очень помню его еще вотъ такимъ малюткой, брошеннымъ у отца въ задній дворъ, когда онъ бѣгалъ по землѣ безъ саложекъ и съ ланталончиками на одной луговкѣ...

Какая-то чувствительная и провикновенная нотка послышалась вдругъ въ голосъ честнаго старичка. Остюковичъ такъ и вздрогнулъ, какъ бы что-то предчувствуя, и мигомъ привязался.

— О, да, я самъ былъ тогда еще молодой человѣкъ... Мнѣ... ну да, мнѣ было тогда сорокъ лѣтъ лѣтъ, я я только-что сюда прѣхалъ. И мнѣ стало тогда жаль мальчика, и я спросилъ себя: почему я не могу купить ему одинъ фунтъ... Ну да, чего фунтъ? Я забылъ какъ это называется... фунтъ того что дѣти очень любятъ, какъ это,—ну какъ это...—замахалъ олять докторъ руками,—это на деревѣ растутъ, и его собираютъ и всѣмъ дарятъ...

— Яблоки?

— О в-в-в-вѣтъ! Фунтъ, фунтъ, яблоки десятокъ, а не фунтъ... нѣтъ, ихъ много и все маленькія, кладутъ въ ротъ и кр-р-рахъ!...

— Орѣхи?

— Ну да, орѣхи, и я то же говорю, самымъ спокойнымъ образомъ, какъ бы вовсе и не искалъ слова, подтвердилъ докторъ,—и я принесъ ему одинъ фунтъ орѣховъ, ибо мальчику никогда и никто еще не приносилъ фунтъ орѣховъ, и я поднялъ мой палецъ и сказалъ ему: Мальчикъ! Gott der Vater, онъ засмѣялся и говоритъ: Gott der Vater.—Gott der Sohn. Онъ еще засмѣялся и лепеталъ: Gott der Sohn.—Gott der heilige Geist. Тогда онъ еще засмѣялся и проговорилъ сколько могъ: Gott der heiliger Geist. А я ушелъ. На третій день иду мимо, а онъ кричитъ мнѣ самъ: „Дядя, Gott der Vater, Gott der Sohn, и только забылъ Gott der heilige Geist, но я ему вспомнилъ, и мнѣ олять стало очень жаль его. Но его увезли, и я болѣе не видалъ его. И вотъ прошло двадцать три года, я сижу въ одно утро въ моемъ кабинетѣ уже съ бѣлою головой, и вдругъ входитъ цвѣтущій молодой человѣкъ, котораго я никакъ не могу узнать, но онъ поднялъ палецъ и смѣясь говоритъ: „Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der heilige Geist! Я сейчасъ прѣхалъ и пришелъ васъ благодарить за фунтъ орѣховъ; ибо мнѣ никто никогда не покупалъ тогда фунтъ орѣховъ, а вы одинъ купили мнѣ фунтъ орѣховъ.“ И тогда я вспомнилъ мою счастливую молодость и бѣднаго мальчика на дворѣ безъ саложекъ, и у меня повернулось сердце, и я сказалъ: Ты благодарный молодой человѣкъ, ибо всю жизнь ломилъ тотъ фунтъ орѣховъ который я тебѣ принесъ въ твоемъ дѣтствѣ. И я обмялъ его и благословилъ. И я залакалъ. Онъ смѣялся, но онъ и плакалъ... ибо Русскій весьма часто смѣется тамъ гдѣ надо плакать. Но онъ и плакалъ, я видѣлъ это. А теперь, увы!...

— И теперь плачу, Нѣмецъ, и теперь плачу, Божій ты человекъ! крикнулъ вдругъ Митя со своего мѣста.

Какъ бы тамъ ни было, а анекдотикъ произвелъ въ публикѣ въ которое благоприятное впечатлѣнiе. Но главный эффектъ въ пользу Мити произведенъ былъ показанiемъ Катерины Ивановны, о которомъ сейчасъ скажу. Да и вообще, когда начался свидѣтелъ à discharge, то-есть вызванные защитникомъ, то судьба какъ бы вдругъ и даже серьезно улыбнулась Митѣ и—что всего замѣчательнѣе—неожиданно даже для самой защиты. Но еще прежде Катерины Ивановны спрошенъ былъ Алеша, который вдругъ припомнилъ одинъ фактъ, имѣвшій видъ даже какъ будто положительнаго уже свидѣтельства противъ одного важнѣйшаго пункта обвиненiя.

IV.

Счастье улыбается Митѣ.

Случилось это вовсе нечаянно даже для самого Алеши. Онъ вызванъ былъ безъ присяги, и я помню что къ нему всѣ стороны отвесились съ самыхъ первыхъ словъ допроса чрезвычайно мягко и симпатично. Видно было что ему предшествовала добрая слава. Алеша показывалъ скромно и сдержанно, но въ показанiяхъ его явно прорывалась горячая симпатiя къ несчастному брату. Отвѣчая по одному вопросу, онъ очертилъ характеръ брата какъ человекъ можетъ-быть и неистоваго и увлеченнаго страстями, но тоже и благороднаго, гордаго и великодушнаго, готоваго даже на жертву, еслибы отъ него потребовали. Сознавался впрочемъ что братъ былъ въ послѣднiе дни, изъ-за страсти къ Грушенькѣ, изъ-за соперничества съ отцомъ, въ положенiи невыносимомъ. Но онъ съ негодованiемъ отвергъ даже предположенiе о томъ что братъ могъ убить съ цѣлью грабежа, хотя и сознался что эти три тысячи обратились въ умъ Мити въ какую-то почти манию, что онъ считалъ ихъ за недавнее ему, обманомъ отца, наследство, и что, будучи вовсе не корыстолюбивымъ, даже не могъ заговорить объ этихъ трехъ тысячахъ безъ изступленiя и бѣшенства. Про соперничество же двухъ „особъ“, какъ выразился прокуроръ, то-есть Грушеньки и Кати, отвѣчалъ уклончиво, и даже на одинъ или два вопроса совсѣмъ не пожелалъ отвѣчать.

— Говорилъ ли вамъ по крайней мѣрѣ братъ вашъ что намѣренъ убить своего отца? спросилъ прокуроръ.—Вы можете не отвѣчать, если найдете это нужнымъ, прибавилъ онъ.

— Прямо не говорилъ, отвѣтилъ Алеша.

— Какже? Косвенно?

— Онъ говорилъ мнѣ разъ о своей личной ненависти къ отцу и что боится что... въ крайнюю минуту... въ минуту омерзѣнія... можетъ-быть и могъ бы убить его.

— И вы услышавъ повѣрили тому?

— Боюсь сказать что повѣрилъ. Но я всегда былъ убѣжденъ что нѣкоторое высшее чувство всегда спасетъ его въ роковую минуту, какъ и спасло въ самомъ дѣлѣ, потому что *не онъ* убилъ отца моего, твердо закончилъ Алеша громкимъ голосомъ и на всю залу. Прокуроръ вздрогнулъ какъ боевой конь слышавшій трубный сигналъ.

— Будьте увѣрены что я совершенно вѣрю самой полной искренности убѣжденія вашего, не обуславливая и не ассимилируя его нисколько съ любовью къ вашему несчастному брату. Свообразный взглядъ вашъ на весь трагическій эпизодъ разыгравшійся въ вашемъ семействѣ уже извѣстенъ намъ по предварительному слѣдствію. Не скрою отъ васъ что онъ въ высшей степени особливъ и противорѣчитъ всѣмъ прочимъ показаніямъ полученнымъ прокуратурою. А потому и нахожу нужнымъ спросить васъ уже съ настойчивостью: какія именно данныя руководили мысль вашу и направили ее на окончательное убѣжденіе въ виновности брата вашего, и напротивъ, въ виновности другаго лица, на котораго вы уже указали прямо на предварительномъ слѣдствіи?

— На предварительномъ слѣдствіи я отвѣчалъ лишь на вопросы, тихо и спокойно проговорилъ Алеша,—а не шелъ самъ съ обвиненіемъ на Смердякова.

— И все же на него указали?

— Я указалъ со словъ брата Дмитрія. Мнѣ еще до допроса рассказали о томъ что произошло при арестѣ его и какъ онъ самъ показалъ тогда на Смердякова. Я вѣрю вполнѣ что братъ невиновенъ. А если убилъ не онъ, то...

— То Смердяковъ? Почему же именно Смердяковъ? И почему именно вы такъ окончательное убѣдились въ виновности вашего брата?

— Я не могъ не повѣрить брату. Я знаю что онъ мнѣ не солжетъ. Я по лицу его видѣлъ что онъ мнѣ не лжетъ.

— Только по лицу? Въ этомъ всё ваши доказательства?

— Боже не имѣю доказательствъ.

— И о виновности Смердякова тоже не основываетесь ни на малѣйшемъ иномъ доказательствѣ кромѣ лишь словъ вашего брата и выраженія лица его?

— Да, не имѣю иного доказательства.

На этомъ прокуроръ прекратилъ разспросы. Отвѣты Алеши произвели было на публику самое разочаровывающее впечатлѣнiе. О Смердяковѣ у насъ уже поговаривали еще до суда, кто-то что-то слышалъ, кто-то на что-то указывалъ, говорили про Алешу что онъ накопилъ какія-то чрезвычайныя доказательства въ пользу брата и въ виновности лакея, и вотъ — ничего, никакихъ доказательствъ, кромѣ какихъ-то нравственныхъ убѣжденiй, столь естественныхъ въ его качествѣ роднаго брата подсудимаго.

Но началъ спрашивать и Оетюковичъ. На вопросъ о томъ: когда именно подсудимый говорилъ ему, Алешѣ, о своей ненависти къ отцу и о томъ что онъ могъ бы убить его, и что слышалъ ли онъ это отъ него напримѣръ при послѣднемъ свиданiи предъ катастрофой, Алеша, отвѣчая, вдругъ какъ бы вздрогнулъ, какъ бы вѣчто только теперь припомнивъ и сообразивъ:

— Я припоминаю теперь одно обстоятельство, о которомъ я было совсѣмъ и самъ позабылъ, но тогда оно было мнѣ такъ не ясно, а теперь...

И Алеша съ увлеченiемъ, видимо самъ только-что теперь внезапно полавъ на идею, припомнилъ какъ въ послѣднемъ свиданiи съ Митей, вечеромъ, у дерева, по дорогѣ къ монастырю, Митя, ударяя себя въ грудь, „въ верхнюю часть груди“, нѣсколько разъ повторилъ ему что у него есть средство возстановить свою честь, что средство это здѣсь, вотъ тутъ, на его груди... „Я подумалъ тогда что онъ, ударяя себя въ грудь, говорилъ о своемъ сердцѣ“, продолжалъ Алеша, — „о томъ что въ сердцѣ своемъ могъ бы отыскать силы, чтобы выйти изъ одного какого-то ужаснаго позора, который предстоялъ ему и о которомъ онъ даже мнѣ не смѣлъ признаться. Признаюсь, я именно подумалъ тогда что онъ говоритъ объ отцѣ и что онъ содрогается какъ отъ позора при мысли пойти къ отцу и совершить съ нимъ какое-нибудь насилiе, а между тѣмъ онъ именно тогда какъ бы на что-то указывалъ на своей груди, такъ что, помню, у меня мелькнула

именно тогда же какая-то мысль что сердце совсѣмъ не въ той сторонѣ груди, а ниже, а онъ ударяетъ себя гораздо выше, вотъ тутъ, сейчасъ ниже шеи, и все указываетъ въ это мѣсто. Моя мысль мнѣ показалаась тогда глулою, а онъ именно можетъ-быть тогда указывалъ на эту ладонку въ которой защиты были эти полторы тысячи!..“

— Именно! крикнулъ вдругъ Митя съ мѣста.—Это такъ, Алеша, такъ, а тогда объ нее стучалъ кулакомъ!

Фетюковичъ бросился къ нему вполыхахъ, умолая успокоиться, и въ тотъ же мигъ такъ и вцѣпляся въ Алешу. Алеша, самъ увлеченный своимъ воспоминаніемъ, горячо высказалъ свое предположеніе что позоръ этотъ вѣроятно же всего состоялъ именно въ томъ что, имѣя на себѣ эти тысячу пятьсотъ рублей, которыя бы могъ возвратить Катеринѣ Ивановнѣ, какъ половину своего ей долга, онъ все-таки рѣшилъ не отдать ей этой половины и употребить на другое, то-есть на увозъ Грушеньки, еслибъ она согласилась...

— Это такъ, это именно такъ, восклицалъ во внезапномъ возбужденіи Алеша,—братъ именно восклицалъ мнѣ тогда что половину, половину позора (онъ нѣсколько разъ выговорилъ: *половину!*), онъ могъ бы сейчасъ сваять съ себя, но что до того несчастенъ слабостью своего характера что этого не сдѣлаетъ.... знаетъ заранее что этого не можетъ и не въ силахъ сдѣлать!

— И вы твердо, ясно помните что онъ ударялъ себя именно въ это мѣсто груди? жадно допрашивалъ Фетюковичъ.

— Ясно и твердо, потому что именно мнѣ подумалось тогда: зачѣмъ это онъ ударяетъ такъ высоко, когда сердце ниже, и мнѣ тогда же показалаась моя мысль глулою... я это помню что показалаась глулою... это мелькнуло. Вотъ потому-то я сейчасъ теперь и вспомнилъ. И какъ я могъ позабыть это до самыхъ этихъ поръ! Именно онъ на эту ладонку указывалъ какъ на то что у него есть средства, но что онъ не отдастъ эти полторы тысячи! А при арестѣ, въ Мокромъ, онъ именно кричалъ,—я это знаю, мнѣ передавали,—что считаетъ самымъ позорнымъ дѣломъ всей своей жизни, что имѣя средства отдать половину (именно половину!) долга Катеринѣ Ивановнѣ и стать предъ ней не воромъ, онъ все-таки не рѣшился отдать и лучше захотѣлъ остаться въ ея глазахъ воромъ чѣмъ разстаться съ деньгами!

А какъ онъ мучился, какъ онъ мучился этимъ долгомъ! закончила, восклицая, Алеша.

Разумѣется ввязался и прокуроръ. Онъ попросилъ Алешу еще разъ описать какъ это все было, и вѣсколько разъ настаивалъ спрашивая: точно ли подсудимый, бѣя себя въ грудь, какъ бы на что-то указывалъ? Можетъ-быть просто билъ себя кулакомъ по груди?

— Да и не кулакомъ! восклицалъ Алеша,—а именно указывалъ пальцами, и указывалъ сюда, очень высоко... Но какъ я могъ это такъ совсѣмъ забыть до самой этой минуты!

Предсѣдатель обратился къ Митѣ съ вопросомъ, что можетъ онъ сказать насчетъ даннаго показанія. Митя подтвердилъ что именно все такъ и было, что онъ именно указывалъ на свои полторы тысячи, бывшія у него на груди, сейчасъ повѣше шею, и что конечно это былъ позоръ,—„позоръ отъ котораго не отрекаюсь, позорившій актъ во всей моей жизни!“ вскричалъ Митя. „Я могъ отдать и не отдалъ. Хотѣлъ лучше остаться въ ея глазахъ воромъ, но не отдалъ, а самый главный позоръ былъ въ томъ что и впередъ зналъ что не отдамъ! Правъ Алеша! Слассибо Алеша!“

Тѣмъ кончилась долпросъ Алеши. Важно и характерно было именно то обстоятельство что отыскался хоть одинъ лишь фактъ, хоть одно лишь, положимъ, самое мелкое доказательство, почти только намекъ на доказательство, но которое все же хоть капельку свидѣтельствовало что дѣйствительно существовала эта ладонка, что были въ ней полторы тысячи, и что подсудимый не агалъ на предварительномъ сѣдствіи, когда въ Мокромъ объявилъ что эти полторы тысячи „были мои“. Алеша былъ радъ; весь раскраснѣвшись, онъ прослѣдовалъ на указанное ему мѣсто. Онъ долго еще похторялъ про себя: „Какъ это я забылъ! Какъ могъ я это забыть! И какъ это такъ вдругъ тодько теперь припомнилось!“

Начался долпросъ Катерины Ивановны. Только-что она появилась въ залѣ повеслось вѣчто необыкновенное. Дамы схватились за лоржеты и биноклаи, мушоны зашевелились, шные вставали съ мѣсть чтобы лучше видѣть. Всѣ утверждали потомъ что Митя вдругъ поблѣднѣлъ „какъ платокъ“ толькѣ-что она вошла. Вся въ черномъ, скромно и почти робко приблизилась она къ указанному ей мѣсту. Нельзя было угадать по лицу ея что она была взволнована, но рѣшимость сверкала въ ея темномъ, сумрачномъ взглядѣ. Надо

замѣтить, потому весьма многіе утверждали что она была удивительно хороша собой въ ту минуту. Заговорила она тихо, но ясно, на всю залу. Выражалась чрезвычайно спокойно или по крайней мѣрѣ усиливаясь быть спокойною. Предсѣдатель началъ вопросы свои осторожно, чрезвычайно почтительно, какъ бы боясь коснуться „живыхъ струвъ“ и уважая великое несчастіе. Но Катерина Ивановна сама, съ самыхъ первыхъ словъ, твердо объявила на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ что она была помолвленной невѣстой подсудимаго „до тѣхъ поръ пока онъ самъ меня не оставилъ“... тихо прибавила она. Когда ее спросили о трехъ тысячахъ, ввѣренныхъ Миѣ для отсылки на почту ея родственникамъ, она твердо проговорила: „Я дала ему не прямо на почту; я тогда предчувствовала что ему очень нужны деньги... въ ту минуту... Я дала ему эти три тысячи подъ условіемъ чтобъ онъ отослалъ ихъ, если захочетъ, въ теченіе мѣсяца. Напрасно онъ такъ потомъ себя мучилъ изъ-за этого дѣла...“

Я не передаю всѣхъ вопросовъ и въ точности всѣхъ ея отвѣтовъ, а только передаю существенный смыслъ ея показаній.

— Я твердо была увѣрена что онъ всегда услѣдетъ переслать эти три тысячи, только-что получить отъ отца, продолжала она, отвѣчая на вопросы.—Я всегда была увѣрена въ его безкорыетіи и въ его честности... высокой честности въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ твердо былъ увѣренъ что получить отъ отца три тысячи рублей и вѣсколько разъ мнѣ говорилъ про это. Я знала что у него съ отцомъ распря, и всегда была и до сихъ поръ тоже увѣрена что онъ былъ обиженъ отцомъ. Я не помню никакихъ угрозъ отцу съ его стороны. При мнѣ по крайней мѣрѣ онъ ничего не говорилъ никакихъ угрозъ. Еслибъ онъ пришелъ тогда ко мнѣ, я тотчасъ успокоила бы его тревогу изъ-за должныхъ мнѣ имъ этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ, но онъ не приходилъ ко мнѣ болѣе.... а я сама... я была поставлена въ такое положеніе.... что не могла его звать къ себѣ.... Да я и никакого права не имѣла быть къ нему требовательною за этотъ долгъ,—прибавила она вдругъ и что-то рѣшительное зазвенѣло въ ея голося,—я сама однажды получила отъ него денежное одолженіе еще большее чѣмъ въ три тысячи, и приняла его несмотря на то что и предвидѣть еще тогда не могла что хоть когда-нибудь въ состояніи буду залатать ему долгъ мой...

Въ томъ голоса ея какъ бы почувствовался какой-то вызовъ. Именно въ эту минуту вопросы перешли къ Оетюковичу.

— Это было еще не здѣсь, а въ началѣ вашего знакомства? осторожно подходя подхватилъ Оетюковичъ, въ мигъ запредчувствовавъ вѣчто благопріятное. (Замѣчу въ скобкахъ что онъ, несмотря на то что былъ вызванъ изъ Петербурга отчасти и самою Катериной Ивановой,—все-таки не зналъ ничего объ эпизодѣ о пяти тысячахъ данныхъ ей Митей еще въ томъ городѣ и о „земномъ поклоуѣ“. Она этого не сказала ему и скрываетъ! И это было удивительно. Можно съ увѣренностію предположить что она сама, до самой послѣдней минуты, не знала: разкажетъ она этотъ эпизодъ на судѣ или нѣтъ, и ждала какого-то вдохновенія.)

Нѣтъ, никогда я не могу забыть этихъ минутъ! Она начала разказывать, она *все* разказала, весь этотъ эпизодъ, повѣданный Митей Алешѣ, и „земной поклоуѣ“, и причины, и про отца своего, и появленіе свое у Мити, и ви словомъ, ни единымъ намекомъ не упомянула о томъ что Митя, чрезъ сестру ея, самъ предложилъ „прислать къ нему Катерину Иванову за деньгами“. Это она великодушно утѣла и не устыдилась выставить наружу что это она, она сама, прибѣжала тогда къ молодому офицеру, своимъ собственнымъ порывомъ, надѣясь на что-то.... чтобы выпросить у него денегъ. Это было вѣчто потрясающее. Я холодѣлъ и дрожалъ слушая, зала замерла, лова каждое слово. Тутъ было что-то безпримѣрное, такъ что даже и отъ такой самовластной и презрительно гордой дѣвушки, какъ она, почти невозможно было ожидать такого высоко-откровеннаго показанія, такой жертвы, такого самозакланія. И для чего, для кого? Чтобы сласти своего измѣнника и обидчика, чтобы послужить хоть чѣмъ-нибудь, хоть малымъ, къ спасенію его, произведа въ его пользу хорошее впечатлѣніе! И въ самомъ дѣлѣ: образъ офицера отдающаго свои послѣднія пять тысячъ рублей,—все что у него оставалось въ жизни,—и почтительно преклонившагося предъ невинною дѣвушкой, выставилась весьма симпатично и привлекательно, но.... у меня больно сжалось сердце! Я почувствовалъ что можетъ выйти потомъ (да и вышла потомъ, вышла!) клевета! Со злобнымъ смѣшкомъ говорила потомъ во всемъ городѣ что разказъ можетъ-быть не совсѣмъ былъ точенъ, именно въ томъ мѣстѣ гдѣ офицеръ отлусталъ отъ

себя дѣвицу „будто бы только съ почитательнымъ поклономъ“. Намекали что тутъ вѣчто „пропущено“. „Да еслицъ и не было пропущено, еслицъ и все правда была, говорили даже самыя почтенныя наши дамы,—то и тогда еще неизвѣстно: очень ли благородно такъ поступить было дѣвущкѣ, даже хотъ бы сласая отца?“ И неужели Катерина Ивановна, съ ея умомъ, съ ея болѣзненною проникательностью, не предчувствовала заранѣе что такъ заговорять? Непремѣнно предчувствовала, и вотъ рѣшилась же сказать все! Разумѣется, всѣ эти грязневскія сомнѣнія въ правдѣ разказа начались лишь потомъ, а въ первую минуту все и всѣ были потрясены. Что же до членовъ суда, то Катерину Ивановну выслушали въ благоговѣйномъ, такъ-сказать даже стыдливомъ молчаніи. Прокуроръ не позволялъ себѣ ни единого дальнѣйшаго вопроса на эту тему. Оетюковичъ глубоко поклонился ей. О, онъ почти торжествовалъ! Много было приобретено: человекъ отдающій, въ благородномъ порывѣ, послѣднія пять тысячъ, и потомъ тотъ же человекъ убивающій отца ночью съ цѣлью отрабить его на три тысячи,—это было вѣчто отчасти и несвязуемое. По крайней мѣрѣ хотъ грабежъ-то могъ теперь устранить Оетюковичъ. „Дѣло“ вдругъ обласось какимъ-то новымъ свѣтомъ. Что-то омпатичное пронеслось въ пользу Мити. Онъ же... про него разказывали что онъ разъ или два во время показанія Катерины Ивановны вскочилъ было съ мѣста, потомъ уламъ онять на скамью и закрылъ обѣими ладомями лицо. Но когда она кончила, онъ вдругъ рыдающимъ голосомъ воскликнулъ, простирая къ ней руки:

— Катя, зачѣмъ меня погубила!

И громко зарыдалъ было на всю залу. Впрочемъ мигомъ сдержалъ себя и онять прокричалъ:

— Теперь я праговоренъ!

А затѣмъ какъ бы зачоченѣлъ на мѣстѣ, отиснувъ зубы и сжавъ крестомъ на груди руки. Катерина Иванова осталась въ залѣ и сѣла на указанный ей стулъ. Она была блѣдна и сидѣла лотулившись. Разказывали бывшіе близъ нея что она долго вся дрожала какъ въ лихорадкѣ. Къ допросу явилась Грушенька.

Я подхожу близко къ той катастрофѣ которая, разразившись внезапно, дѣйствительно можетъ-быть погубила Митю. Ибо я увѣренъ, да и всѣ тоже, всѣ юристы лосѣ такъ

говорила, что не явись этого эпизода, преступнику по крайней мѣрѣ дали бы снисхожденіе. Но объ этомъ сейчасъ. Два слова лишь прежде о Грушенькѣ.

Она явилась въ залу тоже вся одѣтая въ черное, въ своей прекрасной черной шали на плечахъ. Плавно, свою неслышную походкой, съ маленькою раскочкой, какъ ходятъ иногда пошлыя женщины, приблизилась она къ балюстрадѣ, приставно смотря на предсѣдателя и ни разу не взглянувъ ни направо, ни налево. По моему, она была очень хороша собой въ ту минуту и вовсе не блѣдна, какъ увѣряли потомъ дамы. Увѣряли тоже что у ней было какое-то сосредоточенное и злосе лицо. Я думаю только что она была раздражена и тяжело чувствовала на себѣ презрительно-любопытные взгляды жадной къ скандалу нашей лублики. Это былъ характеръ гордый, не выносящій презрѣнія, одинъ изъ такихъ которые чуть лишь залодозрять отъ кого презрѣніе—тотчасъ воспламеняются гнѣвомъ и жадной отпора. При этомъ была конечно и робость, и внутренній стыдъ за эту робость, такъ что не мудрено что разговоръ ея былъ неровень,—то гнѣваешь, то презрителевъ и усиленно грубъ, то вдругъ звучала искренняя сердечная нотка самоосужденія, самообвиненія. Иногда же говорила такъ какъ будто летѣла въ какую-то пропасть: „все де равно, чтѣ бы ни вышло, а я все-таки скажу....“ На счетъ знакомства своего съ Федоромъ Павловичемъ она рѣзко замѣтила: „Все лустяки, развѣ я виновата что онъ ко мнѣ привязался?“ А потомъ черезъ минуту прибавила: „Я во всемъ виновата я смѣялась надъ тѣмъ и другимъ,—и надъ старикомъ, и надъ этимъ,—и ихъ обоихъ до того довела. Изъ-за меня все произошло.“ Какъ-то коснулось дѣло до Самсонова: „Какое кому дѣло,—съ какимъ-то наглымъ вызовомъ тотчасъ же огрызнулась она,—онъ былъ мой благодѣтель, онъ меня босовогую взялъ, когда меня родные изъ избы вышвырнули.“ Предсѣдатель, впрочемъ весьма вѣжливо, напомнилъ ей что надо отвѣчать прямо на вопросы, не вдаваясь въ излишнія подробности. Грушенька покраснѣла и глаза ея сверкнули.

Пакета съ деньгами она не видела, а только слышала отъ „злодѣя“ что есть у Федора Павловича какой-то пакетъ съ тремя тысячами. „Только это все гаулости, я смѣялась, и ни за чтѣ бы туда не пошла....“

— Про кого вы сейчасъ упоминали какъ о „злодѣѣ“? освѣдомилася прокуроръ.

— А про лакея, про Смердакова, что барина своего убилъ, а вчера повѣсился.

Конечно, ее мигомъ спросили: какія же у ней основанія для такого рѣшительнаго обвиненія, но основаній не оказалось тоже и у ней никакихъ.

— Такъ Дмитрій Федоровичъ мнѣ самъ говорилъ, ему и вѣрите. Разлучница его погубила, вотъ что, всему одна она причиною, вотъ что,—вся какъ будто содрогаясь отъ ненависти прибавила Грушенька и злобная нотка зазвенѣла въ ея голосѣ.

Освѣдомились на кого она опять намекаетъ.

— А на барышню, на эту вотъ Катерину Ивановну. Къ себѣ меня тогда зазвала, шоколатомъ подчивала, прельстить хотѣла. Стыда въ ней мало истиннаго, вотъ что....

Тутъ председатель уже строго остановилъ ее, прося умѣрить свои выраженія. Но сердце ревнивой женщины уже разгорѣлось, она готова была полетѣть хоть въ бѣздну....

— При арестѣ въ селѣ Мокромъ, припоминая спросилъ прокуроръ,—всѣ видѣли и слышали какъ вы, выбѣжавъ изъ другой комнаты, закричали: „Я во всемъ виновата, вмѣстѣ въ каторгу пойдемъ!“ Стало-быть была уже и у васъ въ ту минуту увѣренность что онъ отцеубійца?

— Я чувствъ моихъ тогдашнихъ не помню, отвѣтила Грушенька,—всѣ тогда закричали что онъ отца убилъ, я и почувствовала что это я виновата, и что изъ-за меня онъ убилъ. А какъ онъ сказалъ что не повиненъ, я ему тотчасъ повѣрила, и теперь вѣрю, и всегда буду вѣрить: не таковъ человѣкъ чтобы солгалъ.

Вопросы перешли къ Оетюковичу. Между прочимъ, я помню, онъ спросилъ про Ракитина и про двадцать лять рублей „за то что привелъ къ вамъ Алексѣя Федоровича Карамазова“.

— А что жь удивительнаго что онъ деньги взялъ, съ презрительною злобой усмѣхнулась Грушенька,—онъ и все ко мнѣ приходилъ деньги каячить, рублей по тридцати бывало въ мѣсяцъ выберетъ, все больше на бадавство: лить-вѣсть ему было на что и безъ моего.

— На какомъ же основаніи вы были такъ щедры къ г. Ракитину? подхватилъ Оетюковичъ, несмотря на то что председатель сильно шевелится.

— Да вѣдь онъ же мнѣ двоюродный братъ. Моя мать съ его матерью родныя сестры. Онъ только все молчалъ меня никому про то здѣсь не сказывать, стыдился меня ужь очень.

Этотъ новый фактъ оказался совершенною неожиданностью для всѣхъ, никто про него до сихъ поръ не зналъ во всемъ городѣ, даже въ монастырѣ, даже не зналъ Митя. Разказывали что Ракитинъ лобавровѣлъ отъ стыда на своемъ стулѣ. Грушенька еще до входа въ залу какъ-то узнала что онъ показавъ противъ Мити, а потому и озлилась. Вся давешняя рѣчь г. Ракитина, все благородство ея, всѣ выходки на крѣпостное право, на гражданское нестройство Россіи,—все это уже окончательно на этотъ разъ было лохерено и уничтожено въ общемъ мѣншіи. Оетюковичъ былъ доволенъ: опять Богъ на шалку послалъ. Вообще же Грушеньку допрашивали не очень долго, да и не могла она конечно сообщить ничего особенно новаго. Оставила она въ лубайкѣ весьма неприятное впечатлѣніе: Сотни презрительныхъ взглядовъ устремились на нее, когда она, кончивъ показаніе, ушла въ залѣ довольно далеко отъ Катерины Ивановны. Все время, пока ее спрашивали, Митя молчалъ какъ бы окаменѣвъ, олутивъ глаза въ землю.

Появился свидѣтелемъ Иванъ Федоровичъ.

V.

Внезапная катастрофа.

Замѣчу что его вызвали было еще до Алеши. Но судебный приставъ доложилъ тогда предсѣдателя что, по внезапному нездоровью или какому-то припадку, свидѣтель не можетъ явиться сейчасъ, но только-что оправится, то когда угодно готовъ будетъ дать свое показаніе. Этого впрочемъ какъ-то никто не слышалъ и узнали уже въ послѣдствіи. Появленіе его въ первую минуту было почти не замѣчено: главные свидѣтели, особенно двѣ солервицы, были уже допрошены; любопытство было пока удовлетворено. Въ лубайкѣ чувствовалось даже утомленіе. Предстояло еще выслушать нѣсколько свидѣтелей, которые вѣроятно ничего особеннаго не могли сообщить въ виду всего что было уже сообщено. Время же уходило. Иванъ Федоровичъ приблизился какъ-то удивительно медленно, ни на кого не глядя и олутивъ даже голову, точно о чемъ-то нахмуренно соображая. Одетъ онъ былъ безукоризненно, но лицо его на меня по крайней мѣрѣ произвело болѣзненное впечатлѣніе: было въ этомъ лицѣ что-то

какъ бы тровутое земляей, что-то похожее на лицо помирающаго человѣка. Глаза были мутны; онъ подымал ихъ и медленно обвелъ ими залу. Алеша вдругъ вскочилъ было со своего стула и простоналъ: ахъ! Я помню это. Но и это мало кто уловилъ.

Предсѣдатель началъ было съ того что онъ свидѣтель безъ присяги, что онъ можетъ показывать или умолчать, но что конечно все показанное должно быть по совѣсти, и т. д., и т. д. Иванъ Федоровичъ слушалъ и мутно глядѣлъ на него; но вдругъ лицо его стало медленно раздвигаться въ улыбку, и только-что предсѣдатель, съ удивленіемъ на него смотрѣвшій, кончилъ говорить, онъ вдругъ разсмѣялся.

— Ну и что же еще? громко спросилъ онъ.

Все затихло въ залѣ, что-то какъ бы почувствовалось. Предсѣдатель забезпокоился.

— Вы.. можетъ-быть еще не такъ здоровы? проговорилъ онъ было ища глазами судебного пристава.

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, я достаточно здоровъ и могу вамъ кое-что разказать любопытное, отвѣтилъ вдругъ совсѣмъ спокойно и почтительно Иванъ Федоровичъ.

— Вы имѣете предъавить какое-нибудь особое сообщеніе? все еще съ недоувѣрчивостью продолжалъ предсѣдатель.

— Иванъ Федоровичъ потупился, помедлилъ нѣсколько секундъ и, поднявъ снова голову, отвѣтилъ какъ бы заикась:

— Нѣтъ... не имѣю. Не имѣю ничего особеннаго.

Ему стали предлагать вопросы. Онъ отвѣчалъ совсѣмъ какъ-то мехота, какъ-то усиленно кратко, съ какимъ-то даже отвращеніемъ все болѣе и болѣе нарастающимъ, хотя впрочемъ отвѣчалъ все-таки толково. На многое отговорился незнаемъ. Про счета отца съ Дмитріемъ Федоровичемъ ничего не зналъ. „И не занимался этимъ“, произнесъ онъ. Объ угрозахъ убить отца слышалъ отъ подсудимаго. Про деньги въ пакетѣ слышалъ отъ Смердякова....

— Все одно и то же, прервалъ онъ вдругъ съ утомленнымъ видомъ:— я ничего не могу сообщить суду особеннаго.

— Я вижу, вы нездоровы, и понимаю ваши чувства... началъ было предсѣдатель.

Онъ обратился было къ сторонамъ, къ прокурору и защитнику, приглашая ихъ, если найдутъ нужнымъ, предложить вопросы, какъ вдругъ Иванъ Федоровичъ изнеможеннымъ голосомъ спросилъ:

— Отпустите меня, ваше превосходительство, я чувствую себя очень нездоровымъ.

И съ этимъ словомъ, не дожидаясь позволенія, вдругъ самъ повернулся и пошелъ было изъ залы. Но, пройдя шага четыре, остановился, какъ бы что-то вдругъ обдумавъ, тихо усмѣхнулся и воротился опять на прежнее мѣсто.

— Я, ваше превосходительство, какъ та крестьянская дѣвка.... знаете какъ это: „Захоу—вскоу, захоу—не вскоу“, за ней ходять съ сарафаномъ или съ лавевой что ли, чтобъ она вскочила чтобъ завязать и вѣчать везти, а она говоритъ: „Захоу—вскоу, захоу—не вскоу“.... Это въ какой-то нашей народности..

— Что вы этимъ хотите сказать? строго спросилъ председатель.

— А вотъ, вынулъ вдругъ Иванъ Федоровичъ пачку денегъ,—вотъ деньги... тѣ самыя которыя лежали вотъ въ томъ пакетѣ (онъ кивнулъ на столъ съ вещественными доказательствами) и изъ-за которыхъ убили отца. Куда положить? Господинъ судебный приставъ, передайте.

Судебный приставъ взялъ всю пачку и передалъ председателю.

— Какимъ образомъ могли эти деньги очутиться у васъ... если это тѣ самыя деньги? въ удивленіи проговорилъ председатель.

— Получилъ отъ Смердакова, отъ убійцы, вчера. Былъ у него предъ тѣмъ какъ онъ повѣсился. Убилъ отца онъ, а не братъ. Онъ убилъ, а я его научилъ убить.... Кто не желаетъ смерти отца?..

— Вы въ умѣ или нѣтъ? вырвалось неволью у председателя.

— То-то и есть что въ умѣ.... и въ поддомѣ умѣ, въ такомъ же какъ и вы, какъ и всѣ эти.... р—рожи! обернулася онъ вдругъ на публику.— Убили отца, а притворяются что испугались,—проскрежеталъ онъ съ простымъ презрѣніемъ.— Другъ предъ другомъ кривляются. Лгуны! Всѣ желаютъ смерти отца. Одинъ гадъ сѣдаетъ другую гадину.... Не будь отцеубійства—всѣ бы они разсердились и разошлись заые.... Зрѣлищъ! „Хлѣба и зрѣлищъ!“ Впрочемъ вѣдь и я хорошъ! Есть у васъ вода или нѣтъ, дайте напиться Христа ради! схватилъ онъ вдругъ себя за голову.

Судебный приставъ тотчасъ къ нему приблизился. Алеша вдругъ вскочилъ и закричалъ: „Онъ боленъ, не вѣрьте ему,

онъ въ бѣлой горячкѣ!“ Катерина Ивановна стремительно встала со своего стула и, неподвижная отъ ужаса, смотрѣла на Ивана Федоровича. Митя поднялся и съ какою-то дикою искривленною улыбкой жадно смотрѣлъ и слушалъ брата.

— Успокойтесь, не помѣшанный, а только убійца! началъ опять Иванъ.— Съ убійцы нельзя же спрашивать краснорѣчія... прибавилъ онъ вдругъ для чего-то и искривленно засмѣялся.

Прокуроръ въ видимомъ смятеніи нагнулся къ председателю. Члены суда суетливо шелтались между собой. Семеновичъ весь наострилъ уши, прислушиваясь. Зала замерла въ ожиданіи. Председатель вдругъ какъ бы оломился.

— Свидѣтель, ваши слова непохватны и здѣсь невозможны. Успокойтесь, если можете, и разкажите.... если въ правду имѣете что сказать. Чѣмъ вы можете подтвердить такое признаніе.... если вы только не бредите?

— То-то и есть что не имѣю свидѣтелей. Собака Смердяковъ не приходитъ съ того свѣта вамъ показаніе.... въ лапѣ. Вамъ бы все лапетовъ, довольно и одного. Нѣтъ у меня свидѣтелей.... Кромѣ только развѣ одного,—задумчиво усмѣхнулся онъ.

— Кто вашъ свидѣтель?

— Съ хвостомъ, ваше превосходительство, не по формѣ будетъ! *Le diable n'existe point!* Не обращайтесь вниманія, дрянной, мелкій чортъ,—прибавилъ онъ, вдругъ переставъ смѣяться и какъ бы конфиденціально:—онъ навѣрно здѣсь гдѣ-нибудь, вотъ подъ этимъ столомъ съ вещественными доказательствами, гдѣ жь ему сидѣть какъ не тамъ? Видите, слушайте меня: я ему сказалъ: не хочу молчать, а онъ про геологическій переворотъ.... глупости! Ну, освободите же изверга.... онъ гимнъ запѣлъ, это потому что ему легко: все равно что пьяная каналья загорланить какъ „похваля Васька въ Питеръ“, а я за двѣ секунды радости отдалъ бы квадратильонъ квадратильоновъ. Не знаете вы меня! О, какъ это все у васъ гауло! Ну, берите же меня вмѣсто него! Для чего же иудь я пришелъ... Отчего, отчего это все что ни есть такъ гауло!...

И онъ опять сталъ медленно и какъ бы въ задумчивости оглядывать залу. Но уже все заволновалось. Алеша кинулся было къ нему со своего мѣста, но судебный приставъ уже схватилъ Ивана Федоровича за руку.

— Это что еще такое? вскричалъ тотъ взглядываясь въ улоръ въ лицо пристава, и вдругъ, схвативъ его за плечи, яростно

ударилъ объ полъ. Но страждъ уже подоспѣла, его схватили и тутъ онъ завопилъ вещстовымъ воплемъ. И все время, пока его уносили, онъ вопилъ и выкрикивалъ что-то несвязное.

Поднялась суматоха. Я не уломлю всего въ порядкѣ, самъ былъ взволнованъ и не могъ усаждать. Знаю только что потомъ, когда уже все успокоилось и всѣ повали въ чемъ дѣло, судебному приставу таки досталось, хотя онъ и основательно объяснилъ начальству что свидѣтель былъ все время здоровъ, что его видѣлъ докторъ, когда часъ предъ тѣмъ съ нимъ сдѣлалась легкая дурнота, но что до входа въ залу онъ все говорилъ связно, такъ что предвидѣть было ничего невозможно; что онъ самъ, напротивъ, настаивалъ и непремѣнно хотѣлъ дать показаніе. Но прежде чѣмъ хоть сколько-нибудь успокоились и пришли въ себя, сейчасъ же вслѣдъ за этою сценой разразилась и другая: съ Катериной Ивановной сдѣлалась истерика. Она громко взвизгивая зарыдала, но не хотѣла уйти, рвалась, молила чтобъ ее не уводили и вдругъ закричала предсѣдателю:

— Я должна сообщить еще одно показаніе, немедленно... немедленно... Вотъ бумага, письмо... возьмите, прочтите скорѣе, скорѣе! Это письмо этого изверга, вотъ этого, этого! она указывала на Митю. Это онъ убилъ отца, вы увидите сейчасъ, онъ мнѣ лишетъ какъ онъ убьетъ отца! А тотъ больвой, больвой, тотъ въ бѣлой горячкѣ! Я уже три дня вижу что онъ въ горячкѣ!

Такъ вскрикивала она внѣ себя. Судебный приставъ взялъ бумагу которую она протягивала предсѣдателю, а она, улавъ на свой стулъ и закрывъ лицо, начала конвульсивно и беззвучно рыдать, вся сотрясаясь и подавляя малѣйшій стонъ въ боязни что ее вышлютъ изъ залы. Бумага поданная ею была то самое письмо Мити изъ трактира „Столичный Городъ“, которое Иванъ Федоровичъ называлъ „математической“ важности документомъ. Увы! за нимъ именно признали эту математичность, и не будь этого письма, можетъ-быть и не погибъ бы Митя, или по крайней мѣрѣ не погибъ бы такъ ужасно! Повторяю, трудно было усаждать за подробностями. Мнѣ и теперь все это представляется въ такой суматохѣ. Должно-быть предсѣдатель тутъ же сообщалъ новый документъ суду, прокурору, защитнику, присяжнымъ. Я помню только какъ свидѣтельницу начали спрашивать. На вопросъ:

успокоилась ли она? мягко обращенный къ ней предсѣдатель, Катерина Ивановна стремительно воскликнула:

— Я готова, готова! Я совершенно въ состоянiи вамъ отвѣчать, прибавила она, видимо все еще ужасно боясь что ее почему-нибудь не выслушаютъ. Ее попросили объяснить подробно: какое это письмо и при какихъ обстоятельствахъ она его получила?

— Я получила его наканунѣ самаго преступленiя, а писалъ онъ его еще за день изъ трактира, стало-быть за два дня до своего преступленiя,—смотрите, оно написано на какомъ-то счетѣ!—прокричала она задыхаясь.—Онъ меня тогда ненавидѣлъ, потому что самъ сдѣлалъ подлый поступокъ и пошелъ за этою тварью.... и потому еще что долженъ былъ мнѣ эти три тысячи.... О, ему было обидно за эти три тысячи изъ-за своей же низости! Эти три тысячи вотъ какъ были—я васъ прошу, я васъ умоляю меня выслушать: еще за три недѣли до того какъ убилъ отца, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ. Я знала что ему надо денегъ и знала на что,—вотъ, вотъ именно на то чтобы соблазнить эту тварь и увести съ собой. Я знала тогда что ужъ онъ мнѣ измѣнилъ и хочетъ бросить меня, и я, я сама протянула тогда ему эти деньги, сама предложила будто бы для того чтобы отослать моей сестрѣ въ Москвѣ,—и когда отдавала, то посмотрѣла ему въ лицо и сказала что онъ можетъ когда хочетъ послать, „хоть еще черезъ мѣсяцъ“. Ну какъ же, какъ же бы онъ не понялъ что я въ глаза ему прямо говорила: „тебѣ надо денегъ для измѣны мнѣ съ твоею тварью, такъ вотъ тебѣ эти деньги, я сама тебѣ ихъ даю, возьми если ты такъ безчестенъ что возьмешь!...“ Я уличить его хотѣла, и что же? онъ взялъ, онъ ихъ взялъ, и унесъ, и истратилъ ихъ съ этою тварью тамъ, въ одну ночь.... Но онъ понималъ, онъ понималъ что я все знаю, увѣряю васъ, что онъ тогда понималъ и то что я, отдавая ему деньги, только пытаю его: будетъ ли онъ такъ безчестенъ что возьметъ отъ меня или нѣтъ? Въ глаза ему глядѣла, и онъ мнѣ глядѣлъ въ глаза и все понималъ, все понималъ, и взялъ, и взялъ и унесъ мои деньги!

— Правда, Катя! завопилъ вдругъ Мита,—въ глаза смотрѣлъ и понималъ что безчестншь меня и все-таки взялъ твои деньги! Презирайте подлеца, презирайте всѣ, заслужилъ!

— Подсудимый, вскричалъ предсѣдатель,—еще слово—я васъ велю вывести.

— Эти деньги его мучили, продолжала судорожно торопясь Катя,—онъ хотѣлъ мнѣ ихъ отдать, онъ хотѣлъ, это правда, но ему деньги нужны были и для этой твари. Вотъ онъ и убилъ отца, а денегъ все-таки мнѣ не отдалъ, а уѣхалъ съ ней въ ту деревню гдѣ его схватили. Тамъ онъ опять прокутилъ эти деньги, которыя укралъ у убитаго имъ отца. А за день до того какъ убилъ отца, и написалъ мнѣ это письмо, написалъ лживый, а сейчасъ тогда увидѣла, написалъ изъ злобы и зная, навѣрно зная что я никому не покажу этого письма, даже еслибъ онъ и убилъ. А то бы онъ не написалъ. Онъ зналъ что я не захочу ему мстить и его погубить! Но прочтите, прочтите внимательно, пожалуста внимательноѣе, и вы увидите что онъ въ письмѣ все описалъ, все заранѣе: какъ убьетъ отца и гдѣ у того деньги лежать. Посмотрите, пожалуста не пропустите, тамъ есть одна фраза: „убью, только бы уѣхалъ Иванъ“. Значитъ онъ заранѣе ужъ обдумалъ какъ онъ убьетъ,—злорадно и ехидно подсказывала суду Катерина Ивановна. О, видно было что она до тонкости вчиталась въ это роковое письмо и изучила въ немъ каждую черточку.—Не лживый онъ бы мнѣ не написалъ, но посмотрите, тамъ все описано впередъ, все точь-въ-точь, какъ онъ потомъ убилъ, вся программа!

Такъ восклицала она внѣ себя и ужъ конечно презирая всѣ для себя послѣдствія, хотя разумѣется ихъ предвидѣла еще можетъ за мѣсяць тому, потому что и тогда еще можетъ-быть. содрогаясь отъ злобы, мечтала: „не прочесть ли это суду?“ Теперь же какъ бы полетѣла съ горы. Помню, кажется именно тутъ же письмо было прочитано вслухъ секретаремъ, и произвело потрясающее впечатлѣнiе. Обратились къ Митѣ съ вопросомъ: признаетъ ли онъ это письмо?

— Мое, мое! воскликнулъ Митя.—Не лживый бы не написалъ!... За многое мы другъ друга ненавидѣли, Катя, но клянусь, клянусь, я тебя и ненавижда любилъ, а ты меня—лѣтъ!

Онъ уползъ на свое мѣсто ломая руки въ отчаянiи. Прокуроръ и защитникъ стали предлагать перекрестные вопросы, главное въ томъ смыслѣ: „что дескать побудило васъ давеча утаить такой документъ и показывать прежде совершенно въ другомъ духѣ и тонѣ?“

— Да, да, я давеча солгала, все лгала, противъ чести и совѣсти, но я хотѣла давеча сласти его, потому что онъ меня такъ ненавидѣлъ и такъ презиралъ, какъ безумная восклицнула

Катя.—О, онъ презиралъ меня ужасно, презиралъ всегда, и знаете, знаете — онъ презиралъ меня съ самой той минуты когда я ему тогда въ ноги за эти деньги поклонилась. Я увидала это... Я сейчасъ, тогда же это почувствовала, но я долго себя не вѣрила. Сколько разъ я читала въ глазахъ его: „все-таки ты сама тогда ко мнѣ пришла“. О, онъ не позволялъ, онъ не позволялъ ничего, зачѣмъ я тогда прибѣжала, онъ способенъ подозревать только вистость! Онъ мѣрилъ на себя, онъ думалъ что и всѣ такіе какъ онъ,—яростно проскрежетала Катя, совсѣмъ уже въ изступленіи.—А жениться онъ на мнѣ захотѣлъ потому только что я получила наследство, потому, потому! Я всегда подозрѣвала что потому! О, это звѣрь! Онъ всю жизнь былъ увѣренъ что я всю жизнь буду предъ нимъ трепетать отъ стыда за то что тогда приходила, и что онъ можетъ вѣчно за это презирать меня, а потому первенствовать,—вотъ почему онъ на мнѣ захотѣлъ жениться! Это такъ, это все такъ! Я пробовала побѣдить его моею любовью, любовью безъ конца, даже измѣну его хотѣла свести, но онъ ничего, ничего не позволялъ. Да развѣ онъ можетъ что-нибудь понять! Это извергъ! Это письмо я получила только на другой день вечеромъ, мнѣ изъ трактира принесли, а еще утромъ, еще утромъ въ тотъ день, я хотѣла было все простить ему, все, даже его измѣну!

Конечно предсѣдатель и прокуроръ ее усложковали. Я увѣренъ что имъ всѣмъ было даже можетъ-быть самимъ стыдно такъ пользоваться ея изступленіемъ и выслушивать такія признанія. Я помню, я слышалъ какъ они говорили ей: „Мы понимаемъ какъ вамъ тяжело, повѣрьте мы способны чувствовать“, и проч. и проч.,—а показанія-то все-таки вытянули отъ обезумѣвшей женщины въ истерикѣ. Она наконецъ описала съ чрезвычайною ясностью, которая такъ часто, хотя и мгновенно, мелькаетъ даже въ минуты такого напряженнаго состоянія, какъ Иванъ Федоровичъ почти сходилъ съ ума во всѣ эти два мѣсяца на томъ чтобы спасти „изверга и убійцу“, своего брата.

— Онъ себя мучилъ, восклицала она,—онъ все хотѣлъ уменьшить его вину, признаваясь мнѣ что онъ и самъ не любилъ отца и можетъ-быть самъ желалъ его смерти. О, это глубокая, глубокая совѣсть! Онъ замучилъ себя совѣстью! Онъ все мнѣ открывалъ, все, онъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ со мной каждый день какъ съ единственнымъ другомъ своимъ. Я имѣю

честь быть его единственнымъ другомъ! — воскликнула она вдругъ, точно какъ бы съ какимъ-то вызовомъ, засверкавъ глазами. — Онъ ходилъ къ Смердякову два раза. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: есаи убилъ не братъ, а Смердяковъ (потому что эту басню пустили здѣсь всѣ что убилъ Смердяковъ), то можетъ-быть виновенъ и я, потому что Смердяковъ зналъ что я не люблю отца и можетъ-быть думалъ что я желаю смерти отца. Тогда я вынула это письмо и показала ему, и онъ ужь совсѣмъ убѣдился что убилъ братъ, и это уже совсѣмъ сразило его. Онъ не могъ свести что его родной братъ—отцеубійца! Еще недѣлю назадъ я видѣла что онъ отъ этого боленъ. Въ послѣдніе дни онъ, сидя у меня, бредилъ. Я видѣла что онъ мѣшается въ умѣ. Онъ ходилъ и бредилъ, его видѣли такъ по улицамъ. Пріѣзжіи докторъ, по моей просьбѣ, его осматривалъ третьяго дня и сказалъ мнѣ что онъ близокъ къ горячкѣ,—все чрезъ него, все чрезъ изверга! А вчера онъ узналъ что Смердяковъ умеръ—это его такъ лоразило что онъ сошелъ съ ума... и все отъ изверга, все на томъ чтобы сласти изверга!

О, разумѣется, такъ говорить и такъ признаваться, можно только какой-нибудь разъ въ жизни,—въ предсмертную минуту налримѣръ, всходя на эшафотъ. Но Катя именно была въ своемъ характерѣ и въ своей минутѣ. Это была та же самая стремительная Катя, которая кинулась тогда къ молодому развратнику чтобы спасти отца; та же самая Катя, которая давеча, предъ всею этою публикой, гордая и цѣломудренная, принесла себя и дѣвичій стыдъ свой въ жертву, разказавъ про „благородный поступокъ Мити“, чтобы только лишь сколько-нибудь смягчить ожидавшую его участь. И вотъ теперь точно также она тоже принесла себя въ жертву, но уже за другаго, и можетъ-быть только лишь теперь, только въ эту минуту, впервые почувствовавъ и осмысливъ вполне какъ дорогъ ей этотъ другой человекъ! Она пожертвовала собою въ услугу за него, вдругъ вообразивъ что онъ погубилъ себя своимъ казаніемъ что это онъ убилъ, а не братъ, пожертвовала чтобы спасти его, его славу, его репутацію! И однако промелькнула страшная вещь: гнала ли она на Митю, описывая бывшія свои къ нему отношенія,—вотъ вопросъ. Нѣтъ, нѣтъ, она не клеветала намѣренно, крича что Митя презиралъ ее за земной поклонъ! Она сама вѣрила въ это, она была глубоко

убиждена, съ самаго можетъ-быть этого поклона, что простодушный, обожавшій ее еще тогда Митя смѣется надъ ней и презираетъ ее. И только изъ гордости она сама привязалась къ нему тогда любовью, истерическою и надорванной, изъ уязвленной гордости, и эта любовь походила не на любовь, а на мщеніе. О, можетъ-быть эта надорванная любовь и выродилась бы въ настоящую, можетъ Катя ничего и не желала какъ этого, но Митя оскорбилъ ее измѣной до глубины души, и душа не простила. Минута же мщенія слетѣла неожиданно, и все такъ долго и больно скоплавшееся въ груди обиженной женщины разомъ, и олять-таки неожиданно, вырвалось наружу. Она предала Митю, но предала и себя! И разумѣется, только-что успѣла высказаться, напряженіе порвалось и стыдъ подавилъ ее. Олять началась истерика, она упала, рыдая и выкрикивая. Ее унесли. Въ ту минуту когда ее выносили, съ воплемъ бросилась къ Митѣ Грушенька со своего мѣста, такъ что ее и удержать не успѣли:

— Митя! завопила она,—погубила тебя твоя змѣя! Вонъ она вамъ себя показала! прокричала она, сотрясаясь отъ злобы суду. По мановенію предсѣдателя ее схватили и стали выводить изъ залы. Она не давалась, билась и рвалась назадъ къ Митѣ. Митя завопилъ и тоже рванулся къ ней. Имъ овладѣли.

Да, полагаю что наши зрительницы дамы остались довольны: зрѣлище было богатое. Затѣмъ помню какъ появилась пріѣзжій московскій докторъ. Кажется предсѣдатель еще и прежде того посылалъ пристава чтобы распорядиться оказать Ивану Федоровичу пособіе. Докторъ доложилъ суду что больной въ опаснѣйшемъ припадкѣ горячки и что слѣдовало бы немедленно его увезти. На вопросы прокурора и защитника подтверждалъ что пациентъ самъ приходилъ къ нему третьяго дня и что онъ предрекъ ему тогда же скорую горячку, но что лѣчиться онъ не захотѣлъ. „Былъ же онъ положительно не въ здоровомъ состояніи ума, самъ мнѣ признавался что наяву видитъ видѣнія, встрѣчаетъ на улицѣ разныхъ лицъ которыя уже померли, и что къ нему каждый вечеръ ходитъ въ гости сатана“, заключилъ докторъ. Давъ свое показаніе, знаменитый врачъ удалился. Представленное Катериной Ивановной письмо было присоединено къ вещественнымъ доказательствамъ. По совѣщаніи судъ постановилъ: продолжать судебное слѣдствіе, а оба неожиданныя

показанія (Катерины Ивановны и Ивана Федоровича) занести въ протоколъ....

Но уже не буду описывать дальнѣйшаго судебного слѣдствія. Да и показанія остальныхъ свидѣтелей были лишь повтореніемъ и подтвержденіемъ прежнихъ, хотя всѣ со своими характерными особенностями. Но повторяю, все сведется въ одну точку въ рѣчи прокурора, къ которой и перейду сейчасъ. Всѣ были въ возбужденіи, всѣ были наэлектризованы послѣднею катастрофой и со жгучимъ нетерпѣніемъ ждали лоскорѣе лишь развязки, рѣчей сторонъ и приговора. Оетиюковичъ былъ видимо потрясенъ показаніями Катерины Ивановны. За то торжествовалъ прокуроръ. Когда кончилось судебное слѣдствіе, былъ объявленъ перерывъ засѣданія, продолжавшійся почти часъ. Наконецъ предсѣдатель открылъ судебныя пренія. Кажется было ровно восемь часовъ вечера когда нашъ прокуроръ, Ипполитъ Кирилловичъ, началъ свою обвинительную рѣчь.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ө. ДОСТОЕВСКІЙ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ

Регенсбургъ.

Когда въ часъ пополудни подѣзжали мы къ Регенсбургу сидѣвшія съ нами въ одномъ вагонѣ дамы спрашивали меня: „Прямо ли съ этимъ поѣздомъ отправляемся мы въ Мюнхенъ или остановимся въ Регенсбургѣ до вечера, чтобы съѣздить отсюда въ Валгаллу.“ Сами же онѣ для того и поѣхали изъ Нюрнберга чрезъ Регенсбургъ чтобы побывать въ этомъ безплодномъ зданіи. Также поступаетъ и большинство путешественной публки. Интересуются Регенсбургомъ не для него самого, а для этого святилища прошедшей, настоящей и будущей славы всѣхъ германскихъ племенъ, сооруженнаго великимъ строителемъ нашего вѣка Лудвигомъ Баварскимъ, верстахъ въ десяти отъ города, на одномъ изъ высокихъ холмовъ которые тянутся вдоль Дуная.

Впрочемъ, только леданство узкой ученой специальности могло бы винить публку въ невниманіи къ городу который при бѣгломъ обзорѣніи не представляетъ въ своей провинціальной залущенности ничего особеннаго кромѣ нѣсколькихъ старинныхъ построекъ, которыя какъ грязныя залаты между заворо выкрашенными домами тамъ и сямъ нарушаютъ общій строй архитектуры начала текущаго столѣтія, когда

городъ былъ до половины перестроенъ и возобновленъ послѣ пожара во время Наполеоновскаго погрома 1809 года.

Особенно неинтересенъ и незначителенъ покажется Регенсбургъ туристу который только что прїѣхалъ въ него изъ Нюрнберга, гдѣ онъ съ перваго же взгляда, даже изъ оконъ своей гостиницы, и потомъ въ каждой улицѣ или переулкѣ, на каждомъ шагѣ невольно переносится въ цвѣтущій вѣкъ возрожденія искусства, безо всякихъ справокъ въ книгахъ, а просто гулая по городу и во время своихъ прогулокъ заходя отдохнуть, будто къ старому знакомому, въ домъ самого Альбрехта Дюрера, съ мебелью той же эпохи, даже съ мастерскою великаго художника, или прохлаждаясь въ жаркіе часы дня вѣваемъ и брызгами отъ готическихъ фонтановъ XV и XVI столѣтій, а то выпивая чашку кофе въ кофейнѣ устроенной въ широкихъ амбразурахъ старой городской стѣны съ башнями, теперь заросшей садами.

Не таковъ Регенсбургъ. Онъ слишкомъ старъ и долговѣченъ, слишкомъ много пережилъ онъ вѣковъ, поколѣвій и разныхъ художественныхъ стилей чтобы такъ легко и наглядно высказать съ перваго же раза многовѣковую и многонародную сложность своего глубокаго характера.

Вмѣстѣ съ вѣками и поколѣвіями, основывались и разрушались, перестраивались и возобновлялись его зданія, нося на себѣ слои разныхъ временъ и всевозможныхъ стилей, начиная отъ классическаго римскаго и древне-христіанскаго, потомъ переходя къ раннему романскому IX и X столѣтій, затѣмъ къ тератологическому или чудовищно-звѣриному англо-саксонскому и ирландскому и, наконецъ, уже возобновляясь въ стилѣ готическомъ XIII и XIV столѣтій, въ стилѣ Возрожденія XVI вѣка и т. д., до великаго пожара которымъ Наполеонъ I завершилъ разрушительные набѣги на Регенсбургъ начавшіеся съ временъ Гунновъ и Вандаловъ.

Эта нелегко раздѣляемая на свои элементы сложность, эта непрестанная ломка стараго и прилаживаніе вновь нарождающагося къ отживающему и разрушаемому, составляющія главную работу той міровой силы которую мы называемъ исторіей человѣчества, наложили свою печать на весь городъ и на каждый изъ камней изъ которыхъ онъ созидался.

Напримѣръ.

На Старой Зерновой площади стоитъ одна изъ многихъ городскихъ башенъ, такъ-называемая *Языческая* или *Римская*,

громадное четырехъугольное зданіе, съ пирамидальною крышею о четырехъ скатахъ. Въ нижней своей части сложена она изъ камней еще древне-римской кладки (*opus rusticum*) въ средней—изъ строительнаго матеріала общаго съ самыми ранними средневѣковыми постройками въ Регенсбургѣ, и, наконецъ, верхняя относится къ XIII столѣтію, когда древняя башня, приведенная въ развалины, была возобновлена. Точно такъ и многія другія зданія, не только церкви и монастыри, но и частные дома, или выведены на римскихъ фундаментахъ, или кое-гдѣ прилажены къ стѣнамъ римскимъ.

Иногда, хотя относительно и довольно старыя зданія такъ заслоняютъ собою сохранившіеся доселѣ остатки древнихъ, которымъ они въ свое время служили только дополненіемъ, что это древнее, первоначальное и существенное, загороженное со всѣхъ сторонъ, надобно отыскивать. При бѣгломъ, поверхностномъ обзорѣнн, можно бы вполнѣ удовлетвориться городскимъ соборомъ, однимъ изъ лучшихъ въ Германіи образцовъ готическаго стиля, строившимся и украшавшимся въ теченіе трехъ столѣтій, отъ XIII до XVI. Но это уже не есть первоначальная настоящая святыня города, а только преддверіе въ святыню, которую можно найти только тогда когда, прошедши всю внутренность собора, выйдешь на его заднюю сторону, въ его галлерей и переходы съ небольшимъ садикомъ. Тамъ, въ этихъ переходахъ, за кладбищемъ жилищныхъ регенсбургскихъ фамилій XV и XVI столѣтій, устройствомъ въ галлерей начала XV вѣка, съ окнами знаменитыми въ исторіи искусства по красотѣ скульптурныхъ украшеній, соединяющихъ въ себѣ разнообразіе готическихъ мотивовъ съ граціей стиля Возрожденія XVI вѣка, въ самой задней части этой галлерей скрывается сказанная святыня. Это такъ-называемый *Старый Соборъ*, первоначально базилика Св. Стефана, относящаяся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Германіи. Какъ въ катакомбахъ, она освѣщалась лампадами и свѣчами, потому что нѣсколько небольшихъ окошечекъ расположенныхъ высоко надъ сводами вовсе не давали свѣта внизъ. Въ настоящее время она совсѣмъ залуствовала, и только въ алтарной части стоитъ каменный массивный жертвенникъ, внутри котораго, какъ въ древне-христіанскихъ саркофагахъ, помѣщались мощи, теперь вынутыя. Но чтобъ онъ не оставался подъ слудомъ, съ передней стороны жертвенника и съ обоихъ боковъ насквозь прорѣзаны

въ камнѣ щели въ видѣ сплошныхъ оконъ съ крестообразнымъ переплетомъ.

Еще труднѣе составить себѣ ясное понятіе о такихъ древнихъ постройкахъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ или зданій, первоначально составлявшихъ одно цѣлое, которыя теперь разъединены по частямъ и получили другое назначеніе перешедши къ другимъ владѣльцамъ. Монастырь Св. Эммерама, одна изъ великихъ святынь всей Германіи, ведущая свое начало отъ VII столѣтія, созидался съ древнѣйшихъ временъ вплоть до XIV вѣка, въ настоящее же время большею своею половиною вошелъ въ составъ княжескаго дворца Турни и Таксиса, съ прекрасными монастырскими портиками, соединяющими въ себѣ романскій стиль съ готическимъ, съ монастырскою поварней, передѣланною въ архивъ, даже съ монастырскою бібліотекой, которая такъ и оставлена была во дворцѣ для того же назначенія. Другая, столько же чтимая святыня, *крипта* Св. Эргарда (около 680), перешла во владѣніе одного промышленника, который превратилъ ее въ винный погребъ, вблизи коего и до сихъ поръ еще не изсякъ колодець вырытый самимъ Эргардомъ.

Такимъ образомъ каждое зданіе, подвергаясь историческимъ переворотамъ и въ теченіе вѣковъ будучи непрестанно прилаживаемо къ разнымъ потребностямъ смѣнявшихъ другъ друга поколѣній, выработало наконецъ свой маститый характеръ, съ рѣзкими очертаніями физиономіи, какъ это бываетъ на старческихъ лицахъ, и съ богатымъ по содержанію прошедшимъ, о которомъ говорятъ и самые камни, а еще болѣе устныя преданія и сказанія, перелопоченныя такими же анахронизмами какъ и всѣ эти башни, церкви и монастыри, мосты и стѣны, о которыхъ они повѣствуютъ. Въ этомъ отношеніи весь Регенсбургъ, даже со своими самыми позднѣйшими подновленіями, представляется мнѣ какою-то народною повмой, въ родѣ *Иліады*, *Нибелунговъ* или нашихъ былинъ и духовныхъ стиховъ, въ которой такъ гармонически сплосось въ одно художественное цѣлое это неразрѣшимое ученымъ анализомъ сочетаніе разнообразныхъ и разновременныхъ элементовъ, старины и новизны, древнѣйшихъ преданій и новыхъ выдумокъ, исторической правды и легенды, которая какъ плющъ обвиваетъ своею вѣчно неувядаемою листвою и развалины, и возникающія на нихъ новыя сооруженія, въ свою очередь разрушающіяся и олять возобновляемыя.

Вотъ, напримѣръ, домъ по легендарному прозвищу—*Доллингеровъ*, нынѣ принадлежащій одному архитектору. Въ домѣ доселѣ сохранилась знаменитая зала Доллингера. Известно эпическое сказаніе, переданное и въ стихахъ, и въ прозѣ, о гуннскомъ богатырѣ по имени Крако, который по наущенію дьявольскому вызывалъ на единоборство христіанскихъ рыцарей и побѣждалъ ихъ одного за другимъ, пока не явился ему соперникомъ Гансъ Доллингеръ, который сразился съ нимъ разъ и два, но оба раза былъ выбитъ изъ сѣдла, и только въ третій разъ, при чудотворномъ содѣйствіи Креста, разрушившаго дьявольскія чары, одолѣлъ Крака, поразивъ его кольемъ въ голову, снялъ съ него латы и вооруженіе, и, какъ трофеи побѣды христіанства надъ язычествомъ, помѣстилъ ихъ во храмѣ женскаго монастыря, ведущаго свое начало еще отъ временъ Агилульфивговъ, повѣсивъ надъ гробницей упомянутаго выше Св. Эргарда, гдѣ эти трофеи и сохранялись до самаго XVI вѣка, но потомъ пропали неизвестно куда. Единоборство Доллингера съ Кракомъ будто бы происходило въ 930 году, въ присутствіи самаго императора Генриха I, который и далъ Доллингеру упомянутый чудодѣйственный крестъ, и именно предъ домомъ этого знаменитаго рыцаря, велѣвшаго потомъ украсить его фасадъ рельефнымъ изображеніемъ своего единоборства съ язычникомъ. Въ послѣдствіи одинъ изъ владѣльцевъ дома, уже въ XV вѣкѣ, будто бы перенесъ этотъ рельефъ въ Доллингерову залу, гдѣ онъ находится и по сіе время, вмѣстѣ съ другимъ рельефомъ, изображающимъ императора Генриха I на конѣ съ соколомъ.

Когда новый готическій соборъ съ конца XIII вѣка сталъ, какъ было уже замѣчено, самымъ виднымъ украшеніемъ города, тогда сложилась легенда отнесшая его сооруженіе къ одному времени съ построеніемъ знаменитаго моста черезъ Дунай (1135—1182), съ его тремя башнями, изъ которыхъ теперь сохранилась только одна. Будто бы строитель моста бился объ закладъ съ архитекторомъ собора кто изъ нихъ скорѣе окончитъ свою работу, и при помощи дьявола опередилъ соперника, который отъ огорченія бросился съ крыши собора и убится до смерти. Эта легенда, основанная на общемъ мѣствѣ о сверхъестественномъ участіи при сооруженіи церкви, моста, городской стѣны или какого другаго значительнаго зданія, была приворовлена въ Регенсбургъ къ двумъ

статуямъ, изъ которыхъ одна помѣщена подъ крышей собора между другими фигурами для стока воды, въ видѣ человека, всѣмъ корпусомъ наклонившагося ввизъ, а другая на мосту, въ видѣ обнаженнаго юноши, сидящаго верхомъ на камнѣ съ надписью: *Schuck, Wie heiss*, и съ лицомъ обращеннымъ къ собору. Первое изображеніе должно означать извергающагося стремглавъ соборнаго архитектора, а второе — строившаго мостъ. Кромѣ анахронической несообразности, самая надпись указываетъ на необычайную засуху лѣтомъ 1135 года, когда причиненное ею мелководье въ Дунаѣ дало возможность къ построенію черезъ него моста. На засуху же намекаетъ на этомъ мосту изваянная въ камнѣ ползущая ящерица.

Но довольно этихъ отрывочныхъ подробностей. Онѣ характеризуютъ городъ по частямъ, но не могутъ дать полнаго понятія о всемірномъ историческомъ его величіи. Для этого нужно бросить общій взглядъ на главнѣйшія эпохи въ исторіи Европы, начиная съ римскихъ завоеваній и переселенія народовъ, и на этой широкой канвѣ расположить въ историческомъ порядкѣ монументальные остатки отъ прожитыхъ человечествомъ вѣковъ, сберегшіеся доселѣ въ этомъ по истинѣ монументальномъ городѣ.

Хотя въ вѣдрахъ земли на которой возникъ Регенсбургъ открываются слѣды отъ разныхъ народностей періода доисторическаго, но самыя стѣны и фундаменты его утвердились уже на сооруженіяхъ римскихъ завоевателей, сложивъ въ одно цѣлое перестройки разныхъ вѣковъ съ древними элементами классической цивилизаціи, присущими не только въ раннихъ зданіяхъ первыхъ вѣковъ христіанскаго просвѣщенія въ Германіи, но и въ постройкахъ значительно позднѣйшихъ: и всему этому, и старому и обновленному, цивилизующій римскій элементъ даетъ свой смыслъ и окраску.

Вотъ на примѣръ такъ-называемая Резиденція, первоначально домъ соборнаго пробста. Онъ былъ построенъ только въ 1468 году. Слуста три столѣтія съ половиной, 24го апрѣля 1809 года, по взятіи Регенсбурга штурмомъ, Наполеонъ-завоеватель въ этомъ самомъ домѣ сидѣлъ за завтракомъ. Когда къ нему явился съ жалобой что солдаты его не перестаютъ грабить и безчинствовать въ городѣ, то онъ отвѣтилъ только: *c'est la guerre*, и продолжалъ кушать. Случай, дѣйствительно, очень обыкновенный для Наполеона и его арміи, но въ Регенсбургѣ онъ принялъ свой мѣстный колоритъ,

потому что въ стѣнахъ того же самаго дома, притаившись въ залежахъ стародавняго щебня, Римская Волчица, въ своемъ античномъ изваяніи, продолжала кормить Ромула и Рема. Въ послѣдствіи она была открыта вмѣстѣ съ другими остатками римской культуры и помѣщена въ собраніи древностей. На картинкахъ величаво фигурировалъ разрушитель городовъ при египетскихъ пирамидахъ. Въ pendant къ этому можно бы изобразить Регенбургскій эпизодъ, въ которомъ человѣкъ и хищный звѣрь помѣнялись своими натурами.

Итакъ начинаемъ съ Римской Волчицы историческое обозрѣніе древностей Регенбурга.

Кромѣ фундаментовъ, стѣнъ и камней, въ настоящее время болѣе и болѣе открывается обильный матеріалъ для римскаго періода этого города на урочищѣ древнихъ кладбищъ, за стѣнами города, около стаяціи желѣзной дороги. Обширное пространство земли настолько уже вскрыто что предсѣдатель общества Регенбургскихъ древностей, ласторъ Далемъ (Dahlem) могъ составить обстоятельную карту всего поля съ кладбищами, изъ которой видно что они въ исторической послѣдовательности шли въ обѣ стороны отъ средней, самой древней полосы временъ Марка Аврелія и достигали по ту и другую сторону до эпохи Гонорія, а затѣмъ слѣдовали могилы уже Меровингскія.

Прежнее помѣщеніе археологической коллекціи оказалось неудобно и тѣсно отъ постоянно открываемыхъ вновь богатыхъ залежей съ древними памятниками; потому теперь назначена для этого церковь Св. Ульриха, прекрасной готической архитектуры начала XIII вѣка. Этотъ музей въ готическомъ храмѣ вполнѣ соответствуетъ оригинальному, по анахронизмамъ, стилю всего Регенбурга. Въ настоящее время собраніе еще только приводится въ порядокъ, но уже размѣщено настолько что можно составить понятіе о его разнообразіи и богатствѣ. Внизу, на каменномъ помостѣ церкви помѣщены предметы большой тяжести, массивные, какъ-то: статуи большого размѣра, крупныя рельефы въ камнѣ, цѣлыя ряды саркофаговъ. Вверху, въ галлерейхъ подъ арками боковыхъ нефовъ устроены шкафы и витрины съ вещами мелкими и не тяжелыми, каковы погребальныя урны, глиняныя и стекляныя, монеты, стрѣлы, кожи, зеркала, ожерелья, браслеты, кольца, серги, статуетки, между которыми отличаются особеннымъ изяществомъ Меркурій и быкъ.

Древности расположены не по религіямъ, то-есть не по раздѣленію на языческія и христіанскія, а по народностямъ: на этрусскія, кельтскія, римскія, германскія вообще, затѣмъ — меровингскія и т. д. Потому всѣ предметы извлекаемые изъ могилъ римскихъ кладбищъ, будь они языческіе или христіанскіе, отнесены къ отдѣлу римскому. Между предметами христіанскаго происхожденія особеннаго вниманія заслуживаетъ надгробная плита одной христіанской мученицы; надпись на плитѣ свидѣтельствуетъ что уже въ эпоху римскую христіанство проникло въ Регенсбургъ. Изъ другихъ предметовъ древне-христіанскаго періода укажу на металлическій крестъ который слѣдуетъ отнести къ самымъ раннимъ представленіямъ этого священнаго символа, о четырехъ концахъ одинаковой длины, которые всѣ въ одну сторону загнуты глаголемъ, такъ что форма креста замаскирована общимъ видомъ квадрата.

Система принятая для помѣщенія христіанскихъ древностей въ Регенсбургскомъ собраніи наводитъ на слѣдующія два замѣчанія.

Во первыхъ, дѣйствительно, въ основѣ христіанскаго искусства глубоко и крѣпко заложена классическая основа въ художественныхъ элементахъ античнаго стиля, которые очевидно не только въ древне-христіанской живописи и скульптурѣ римскихъ и другихъ западныхъ катакомбъ, но и въ равныхъ произведеніяхъ византійскаго искусства, даже до IX и X вѣка, какъ напримѣръ въ миниатюрахъ греческихъ рукописей Григорія Богослова и Псалтыри въ Парижской бібліотекѣ, а потомъ, какъ въ латинскихъ рукописяхъ, напримѣръ, въ Бамбергскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ X вѣка, привезенномъ въ даръ одному монастырю Св. Кунигундою, такъ наконецъ и въ нашей славяно-русской иконописи, сохранившей символическія представленія античнаго происхожденія, какъ-то: моря въ видѣ Амфитриты, Иордана въ видѣ языческаго божества рѣки и пр., потомъ—изящную драпировку тоги или хламиду, належающую античныя статуи неолитанскаго Аристиды и римскаго Софокла, наконецъ самый привидѣль тупичности въ неизмѣнномъ представленіи святыхъ, согласный съ принятымъ въ античномъ искусствѣ для изображенія Олимпійскихъ идеаловъ.

Во вторыхъ, раннее присутствіе христіанскаго преданія въ мѣстностяхъ обитаемыхъ римскимъ населеніемъ, которыя

потомъ заняли германскія племена, должно подтверждать новѣйшія изслѣдованія ученыхъ, открывающихъ въ вымыслахъ германской мѣологии, какъ она предлагается даже въ лѣсняхъ древней *Эдды*, очевидное вліяніе христіанства, которое, слѣдовательно, могло распространяться по Европѣ вмѣстѣ съ завоеваніями римскихъ легионовъ, еще задолго до обращенія мѣстныхъ жителей въ христіанскую вѣру, какъ это было въ Регенсбургѣ.

Что касается римскихъ урочищъ первоначальнаго Регенсбурга, именно эпохи римской, отъ Марка Аврелія и до Констанція, сына Константина Великаго, то на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ и древнихъ надписей, въ связи съ указаніями многочисленныхъ остатковъ римской кладки стѣнъ, ученые успѣли уже возстановить общій планъ этого города, съ его стѣнами, воротами и башнями, который въ подробностяхъ можетъ еще быть исправляемъ и дополняемъ, но въ цѣломъ имѣетъ научное значеніе. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію что башни, и въ стѣнахъ съ проѣздными воротами, и въ разныхъ мѣстахъ по улицамъ между домами, во множествѣ украшающія общій ландшафтъ Регенсбурга, хотя строеныя въ разные времена, въ основаніяхъ своихъ, какъ новые побѣги въ дѣсу, выросли отъ этихъ маститыхъ корней классической закладки.

Погромы варварскихъ нашествій, ознаменовавшіе себя однимъ разрушеніемъ, ничего другаго не оставили по себѣ въ Регенсбургѣ кромѣ разваливъ, давшихъ фундаментъ и матеріалъ для сооруженій слѣдующаго затѣмъ времени. Изъ мрака этихъ темныхъ вѣковъ начинается для Регенсбурга зачатокъ просвѣтъ только съ появленія Баваровъ (предковъ нынѣшнихъ Баварцевъ), которые сдѣлали этотъ городъ своею столицей, съ владѣтельными герцогами изъ рода Агилульфинговъ, состоявшихъ, какъ извѣстно, подъ верховнымъ господствомъ Франкскихъ королей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же VI вѣкѣ съ новою силою стало утверждаться и распространяться въ Регенсбургѣ христіанство, водворенное еще при Римлянахъ и не погасавшее со-всѣмъ въ эпоху варварскихъ нашествій. Описанная мною выше *Языческая* или *Римская башня*, вмѣстѣ съ прилежащимъ такъ-называемымъ *Герцогскимъ дворомъ* или дворцомъ (*Herzogshof*), служила резиденціей Агилульфингамъ, и по преданію, будто бы въ ней же въ VI вѣкѣ герцогъ Теодо воспринялъ крещеніе отъ самого Св. Руперта.

Ко времени того же владѣтельнаго рода относится древнѣйшая изъ сохранившихся доселѣ христіанскихъ церквей, потому что она каменная, тогда какъ всѣ церкви тогдашнія были срублены изъ дерева. Это именно такъ-называемая *Древняя Капелла*, доселѣ слывающая подъ именемъ *Языческой*. Первоначально будто бы была она языческимъ храмомъ Юноны, а когда Агилульфingi приняли христіанство, стала христіанскою церковью. Впрочемъ въ разные времена она потерпѣла столько реставрацій что по теперешнему ея виду трудно составить себѣ понятіе о томъ что она была прежде. При Каролингахъ она продолжала пользоваться великимъ чествованіемъ. Въ 875 году, императоръ Лудвигъ ее перестроилъ и подчинилъ ей аббатство, строителемъ котораго наименовалъ себя; но при Оттонѣ Великомъ она была уже въ развалинахъ. Благочестивая царственная чета, Св. Генрихъ II и супруга его Св. Кунигунда, ее реставрировали и вмѣстѣ съ ея аббатствомъ подчинили новоучрежденному имъ въ 1.009 году епископству Бамбергскому. Затѣмъ, въ теченіе столѣтій капелла не разъ перестраивалась и украшалась въ разныхъ стиляхъ. Особенно интересный памятникъ ранней старины представляютъ двѣ изваяныя фигуры, теперь помѣщенныя на вѣшной сторонѣ зданія, а прежде бывшія во внутреннемъ его притворѣ. Въ самомъ грубомъ стилѣ древнѣйшаго романско-варварскаго періода, одна изъ нихъ изображаетъ сидящаго на стулѣ въ облаченіи священника, который къ лицу поднимаетъ платъ. Предъ нимъ стоитъ на колыняхъ другая фигура, молитвенно сложивъ ладони. По преданію, это будто бы Св. Рулертъ и герцогъ Теодо, котораго онъ исповѣдуетъ.

Самое видное мѣсто въ святыняхъ Регенсбурга занимаетъ упомянутый мною выше монастырь Св. Эммерама. * Исторія этого монастыря такъ обильна разнообразными фактами что могла бы дать матеріала на нѣсколько томовъ. Что касается первоначальнаго его происхожденія, то оно, теряясь въ глубинѣ отдаленныхъ вѣковъ, относится къ началкамъ христіанства въ Регенсбургѣ. Достоверно извѣстно что на мѣстѣ нынѣшняго монастыря стояла церковь во имя Св. Георгія, такого патрона который особенно чествуемъ былъ воинственными германскими племенами при переходѣ ихъ изъ язы-

* Иные употребляютъ *Элмеринъ*, отъ первоначальной формы *Heimraban*, но уже въ VIII вѣкѣ писалось *Emhram*, откуда *Emmeram*.

чества въ христіанство. Преданіе приписываетъ основаніе этой церкви Св. Рулрту, присовокупляя что Св. Эммерамъ, пришедши отъ Франковъ въ Регенсбургъ, совершалъ въ ней служеніе, а потомъ, когда онъ приваля мученической вѣнецъ, то въ ней же положено было его тѣло. Потомъ на его мѣстѣ была сооружена другая церковь и воздѣкъ монастырь Бенедиктинскаго устава, который скоро сдѣлался средоточіемъ и свѣтлыиикомъ духовной и умственной жизни большей половины Южной Германіи. Вѣроятно еще Св. Бонифацій (въ 739) учредилъ при Св. Эммерамѣ Регенсбургское епископство, а въ 975 году Св. Вольфгангъ отдѣлилъ епископство отъ монастыря, и наконецъ при императорѣ Адольфѣ, въ 1295 году, онъ достигъ своего высшаго титула княжественнаго государственнаго монастыря.

Память о Св. Эргардѣ (Ergard, около 680) соединена съ однимъ изъ двухъ древнѣйшихъ женскихъ монастырей, происхожденіе коихъ относятъ ко времени Агилульфинговъ. По преданію этотъ монастырь (Nidermünster) имъ самимъ основанъ. По крайней мѣрѣ тутъ положены его мощи въ гробницѣ, надъ которою, какъ уломянута выше, Доллицгеръ повѣсилъ вооруженіе убитаго имъ гунскаго богатыря Крако. Сюда принадлежатъ крипта и колодець святаго, въ настоящее время, какъ сказано, олофанированные. Сверхъ того, въ церковной ризницѣ хранятся приписываемые ему: серебряная чаша, риза и посохъ, орнаменты котораго, относимые къ эпохѣ Меровингской, особенно интересны для русскихъ археологовъ, по замѣчательному согласію ихъ со звѣринымъ стилемъ (тератологическимъ) заставокъ и заглавныхъ буквъ въ нашихъ древнихъ рукописяхъ до XV столѣтія. Посохъ сверху изогнутъ оваломъ, оканчивающимся головой крылатаго чудовища, которое держитъ въ своей лапѣ стебель съ какими-то плодами; самый же овалъ въ трехъ мѣстахъ перевязанъ ремнями затянутыми въ тугой узелъ. Что касается другаго женскаго монастыря, то о немъ будетъ говорено потомъ.

Для соблюденія хронологическаго порядка уломяну уже описанную мною базилику Св. Стефана, иначе древній соборъ, съ древне-христіанскимъ жертвенникомъ.

Высшаго своего значенія, блеска и славы достигъ Регенсбургъ при Каролингахъ, поднявшись отъ герцогской резиденціи на стелень королевской и императорской столицы и оставаясь въ теченіе многихъ столѣтій главнымъ городомъ

всей Германіи, когда стала она отдѣльнымъ государствомъ, по раздѣленіи монархіи Карла Великаго. Внуку этого императора, король Лудвигъ Нѣмецкій, построилъ въ Регенсбургѣ королевскій дворецъ, въ первой половинѣ IX вѣка, а супруга его Св. Гемма (Hemma) была настоятельницей другаго изъ сказанныхъ выше двухъ женскихъ монастырей (Obermünster), гдѣ и погребена.

Лѣтъ черезъ сто послѣ того, распространенный въ объемѣ введеніемъ въ его предѣлы монастыря Св. Эммерама съ его угодьями, Регенсбургъ былъ обведенъ стѣнами съ башнями, изъ которыхъ древнѣйшія, частію сохранившіяся доселѣ, частію оставившія по себѣ память въ старинныхъ рисункахъ, предлагаютъ драгоценный матеріалъ для исторіи башенной архитектуры, которая можетъ оказаться небезполезною для опредѣленія стила и нашихъ кремлевскихъ башень.

Изъ царственныхъ локровителей искусства и религіозныхъ учрежденій выступаютъ въ исторіи Регенсбурга императоръ Св. Генрихъ II († 1024) и супруга его Св. Кунигунда († 1038). Кромѣ реставраціи древнихъ храмовъ и сооруженія новыхъ, память объ этомъ императорѣ соединена въ Регенсбургѣ съ двумя замѣчательными произведеніями древности. Вопервыхъ, въ портикѣ сѣвернаго портала въ монастырскомъ храмѣ Св. Эммерама, при столпѣ отдѣляющемъ двое входныхъ вратъ, стоитъ такъ-называемое *Гейнрихово кресло*, на которомъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть здѣсь этотъ императоръ, а также еще и его отецъ. Разумѣется, все оно каменное, самой первобытной простой формы. Сзади огорожено полукруглою высокою стѣнкой, поставленною на четвероугольной плитѣ для сидѣнья, которая опирается внизу на другую плиту, поставленную бокомъ, и на двухъ львовъ по обѣимъ ея сторонамъ. Когда я въ первый разъ зашелъ въ этотъ портикъ, не скоро могъ замѣтить знаменитое кресло. Тутъ постоянно толются нищіе, кто стоитъ, кто сидитъ на стульяхъ лѣстницы. На этотъ разъ царскимъ сѣдалищемъ завладѣлъ дряхлый старичокъ въ лохмотьяхъ, который, усѣвшись на немъ, собиралъ въ свою шапку милостыню. Другой памятникъ древности— это чудотворная икона *Пресвятой Богородицы*, византійской работы, во всемъ согласная по стилю съ лучшими нашими Богородичными иконами, которая находится въ церкви при упомянутой выше древней или языческой калелѣ. Икона эта, приписываемая Св. Лукѣ, была подвешена лапой Бене-

диктомъ VIII Генриху II, когда въ 1014 году былъ онъ въ Римѣ коронованъ императорскимъ вѣнцомъ.

Телерь перехожу къ одному изъ любопытнѣйшихъ элизодовъ въ исторіи германскаго искусства, доселѣ невольнѣ объясненному наукой. Это скульптурныя украшенія сѣвернаго портала церкви при монастырѣ Св. Іакова, извѣстной подъ именемъ *Schotten kirche*, церковь шотландская.

Страстующіе монахи, Скотты и Иры (Шотландцы и Ирландцы), отправляясь на богомолье въ Римъ, останавливались въ Регенсбургѣ. Одинъ изъ нихъ, по имени Мерхердахъ († 1080) былъ затворникомъ (*inclusus*) въ упомянутомъ женскомъ монастырѣ Св. королевы Геммы (*Obermünster*); по смерти причисленъ къ лику святыхъ, и его келья безъ дверей, съ тремя оконцами—одно въ церковь, другое на противоположной сторонѣ для пріянія лица и третье вверху для свѣта,—телерь превращена въ одну изъ церковныхъ капеллъ. Похороненный въ ней Св. Мерхердахъ изображенъ на надгробной плитѣ со странническимъ посохомъ въ рукѣ, съ дливною бородою и съ вихромъ на теменѣ, согласно греко-славянскому типу принятому у насъ для ветхозавѣтныхъ пророковъ, Іоанна Крестителя и нѣкоторыхъ отшельниковъ.

Потомъ, еще при жизни Мерхердаха, прибылъ въ Регенсбургъ его землякъ съ товарищами по имени Маріанъ. Ему отъ игумена того же монастыря, какъ видно, специально покровительствовавшего Скоттамъ и Ирамъ, была отдана церковь, около которой онъ основалъ монастырь, гдѣ и занимался переписываніемъ рукописей вмѣстѣ со своими земляками. Наконецъ прибыла еще партія монаховъ того же происхожденія, которые, получивъ и себѣ въ Регенсбургѣ участокъ земли, построили въ XII вѣкѣ монастырь Св. Іакова съ знаменитою Шотландскою церковью.

Въ исторіи искусствъ ранняго романскаго періода особенно видное мѣсто занимаетъ стиль ирландскій и англо-саксонскій, начиная съ VII вѣка, преимущественно раскрывшій свои оригинальныя качества въ орнаментациі рукописей и въ миниатюрахъ. Въ орнаментациі господствуютъ чудовищныя фигуры перелетѣнныя и связанныя ремнями и змѣиными хвостами, какъ въ нашихъ рукописяхъ, а въ миниатюрахъ люди, звѣри и прочіе сюжеты изображаются въ каллиграфическихъ кудрявыхъ очеркахъ, подчипенныхъ симметриі и условной стилизациі. Тотъ же стиль орнаментациі съ

нѣкоторыми остатками византійскихъ мотивовъ пріять и въ скульптурныхъ украшеніяхъ знаменитаго портала. Продольныя полосы на колоннахъ, какъ ремни въ орнаментахъ, оплетаютъ людей которые хватаются за нихъ руками или присѣвъ на колѣни впускаютъ въ нихъ свои ноги. На стѣнахъ, по сторонамъ и между группами человѣческихъ фигуръ, то крылатый змѣй о двухъ лапахъ держитъ въ своей ласти жабу, то другое чудовище въ видѣ рыбы, но съ лапами и ушами, захватило себѣ въ ласть что-то круглое, можетъ-быть яблоко познанія добра и зла. Въ верхней галлерей колонны состоятъ изъ человѣческихъ фигуръ; онѣ сидятъ на льесталахъ, а головами уперлись въ акавовыя калителы, которыя будто высокія короны или шалки надѣты на нихъ. Между ними изъ-подъ арокъ высываются человѣческія головы. Впрочемъ большая часть колоннъ сверху до низу украшены листовою и линейными орнаментами стила византійскаго, а на ихъ калителяхъ засѣли львы, опустившись на свои лапы. Сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ пустыя пространства тамъ и сямъ заняты то человѣческою головой, будто отрубленною отъ туловища, то шарами, то хитросплетеннымъ узломъ изъ ремней. Вообще по элементамъ арнаментаци и по плоской отдѣлкѣ рельефовъ въ этомъ порталѣ можно найти нѣкоторое сродство по происхожденію съ прилѣлами нашего Дмитріевскаго собора во Владимірѣ-на-Клязъмѣ.

Ученые доселѣ не согласились въ общей мысли господствующей во всѣхъ этихъ фигурахъ, украшающихъ порталъ Шотландской церкви, не видя въ нихъ прямой, непосредственной связи съ находящимся на томъ же порталѣ изображеніями Іисуса Христа съ двѣнадцатью апостолами и съ лотровами церкви, Свв. Іаковомъ и Іоанномъ. Я позволяю себѣ думать что едва ли и сами строители изъ Скоттовъ и Ирвовъ имѣли здѣсь въ виду какую-либо общую мысль, но просто украшали стѣны, колонны, арки и архитравы разными орнаментами и затѣшливыми фигурами которыя въ XII столѣтіи уже потеряли свое первоначальное значеніе и были только общимъ мѣстомъ въ ихъ техникѣ, рутиннымъ приѣмомъ школы, собиравшей въ одно цѣлое разные мотивы, которые въ цѣломъ также мало имѣли смысла какъ и чудовищные орнаменты въ заглавныхъ буквахъ и въ другихъ украшеніяхъ рукописей.

Продолжать далѣе историческое обозрѣніе монументальнаго

города не стану, такъ какъ стиль готическій и эпохи Возрожденія не представляетъ въ его памятникахъ ничего особенно замѣчательнаго, чего бы не нашлось въ другихъ старыхъ городахъ Германіи или Франціи. Остановлюсь только на городской ратушѣ, древняя часть которой въ началѣ XIV вѣка была работава тѣми же мастерами которые продолжали строеніе вышшняго собора, какъ уже сказано, начатаго въ концѣ XIII вѣка и завершеннаго въ XVI. Но и въ ратушѣ обращу вниманіе только на *кофры* украшающіе стѣны такъ называемаго Княжескаго Коллегія, которые принадлежатъ къ самымъ рѣдкимъ и лучшимъ образцамъ этого рода произведеній отъ XIV по XVI столѣтіе. Скажу только о древнѣйшихъ, съ изображеніями изъ германской средневѣковой поэзіи и изъ преданій.

Волервыхъ, на самомъ равнемъ изъ ковровъ, XIV в., въ 24 медальонахъ, по четыре въ рядъ, съ надписями вокругъ, изображены любовныя сцены изъ Миннезингеровъ, преимущественно изъ поэмы о Тристанѣ и Изольдѣ, какъ напри- мѣръ, они видятъ въ источникѣ лицо короля. Въ каждомъ медальонѣ большею частію только по двѣ фигуры, кавалеръ и его дама; стоятъ или сидятъ всегда въ саду, грубо обозначенномъ листовою или вѣтками. Между обоими обыкновенно дерево или вѣтвь, которую держатъ то кавалеръ, то дама, иногда оба вмѣстѣ. Разъ кавалеръ ѣдетъ на конѣ. Женскія фигуры вообще изображены въ спокойной позѣ, нелишенной граціи и достоинства; что же касается кавалера, то въ короткомъ кафтанѣ и въ лавталонахъ въ обтяжку онъ широко шагаетъ, неуклюже разставляя свои ноги. Пространство между медальонами занято или вѣтками съ цвѣтами, иногда фантастическими фигурами, то крылатымъ животнымъ, то чудовищемъ съ человѣческимъ лицомъ и съ хвостомъ переходящимъ въ длинную вѣтвь съ листовою на концѣ. Вообще стиль этого ковра, въ деревьяхъ и цвѣтахъ, напоминающихъ узоры нашихъ полотенецъ, представляетъ любопытный переходъ отъ орнаментаціи рукописей къ старинной стѣнной живописи.

Вовторыхъ, на коврѣ начала XV в. изображена госпожа Венера, какъ она, окруженная своимъ придворнымъ штатомъ, принимаетъ Тангейзера. Между прочимъ они сидятъ за столомъ и играютъ въ карты формы продолговатаго круга. Кавалеръ держитъ въ одной рукѣ восьмерку, а въ другой пока-

зываетъ своей дамѣ тройку. Нижняя часть этого ковра съ изображеніемъ вѣрнаго Эккарта взята въ національный музей въ Мюнхенѣ.

Втретыхъ, коверъ XV в. съ изображеніемъ войны между семью смертными Грѣхами и противоположными имъ Добродѣтелями. Въ одномъ эпизодѣ представлена крѣлость или замокъ Вѣры, Надежды и Любви, осаждаемый Невѣріемъ, Отчаяніемъ и Ненавистью. Добродѣтели и Грѣхи изображены въ видѣ женщинъ. Изъ абразуръ крѣлости Вѣра бросаетъ круглый камень на стоящее внизу Невѣріе, которое поддѣвъ свой фартукъ готовится принять въ него бросаемый камень. Отчаяніе лѣзетъ по лѣстницѣ на башню, на которой стоитъ Надежда, правою рукою высоко поднимая мечъ, а лѣвою ухватившись за конецъ приставленной лѣстницы чтобы ее уронить. Къ другому зданію замка приставляетъ лѣстницу Ненависть, въ которую съ другой башни цѣлится стрѣлою изъ лука Любовь.

Наконецъ, четвертыхъ, на коврѣ тоже XV в. изображено нѣсколько сценъ изъ жизни дикихъ людей, иначе лѣсовиковъ или лѣшнихъ. Разнаго возраста, юноши и бородатые старики, босовогіе, но въ полосатомъ одѣяніи, состоящемъ изъ куртки и узкихъ панталонъ, забавляются они въ лѣсу охотой и разными играми. Въ одномъ эпизодѣ изображена въ такомъ же костюмѣ, но съ длинными волосами, увѣнчанными вѣнкомъ изъ вѣтвей, какъ кажется женщина. Она сидитъ задомъ напередъ на старомъ лѣшемъ, везущемъ ее на четверенькахъ, и одну ногу подвѣла руками высоко, прикасаясь своею подошвой къ подошвѣ поднятой же ноги бѣгущаго за нею молодого лѣшаго. Эта сцена должна имѣть нѣкоторую связь по общему литературному заимствованію съ любовницею Александра Македонскаго, которая точно также взнуздала философа Аристотеля, въ нее влюбившагося.

Оставляя въ сторонѣ послѣдующую исторію города, переходу наконецъ къ регенбургской современности, пріютившейся въ насаженныхъ вѣками гнѣздахъ. Съ благородною гордостью потомства которое хорошо знаетъ цѣну своего происхожденія, она, несмотря на продажные интересы нашего промышленнаго вѣка, не перестаетъ безкорыстно поминать и чтить свою старину. Городъ, хотя и въ провинціальной обстановкѣ своего малаго населенія (въ Регенбургѣ всего 31 тысяча жителей), все же находитъ достаточно

средствъ чтобы способствовать изысканію и открытію археологическихъ памятниковъ погребенныхъ въ его почвѣ и стѣнахъ, и въ настоящее время, для достойнаго помѣщенія ихъ далъ онъ одну изъ лучшихъ церквей прекрасной готической постройки. Чтобы судить о томъ какъ мѣстная интеллигенція относится къ великому прошедшему своей родины, достаточно указать на превосходное описаніе Регенсбурга, историческое и археологическое, которое составилъ Гуго графъ фонъ-Вальдердорфъ, предсѣдатель Историческаго Общества Оберпфальца и Регенсбурга *. Книгу эту можно поставить рядомъ съ классическимъ сочиненіемъ Ретберга объ исторіи нѣмецкаго искусства по Нюрнбергу, которая преимущественно содержитъ въ себѣ XV и XVI столѣтія, есть какъ бы вторая часть исторіи того же нѣмецкаго искусства по Регенсбургу, но древнѣйшихъ вѣковъ, составленной графомъ Вальдердорфомъ.

Было бы безсмысленно полагать чтобы всякій изъ домовладѣльцевъ въ Регенсбургѣ зналъ и понималъ исторію стѣнъ въ которыхъ живетъ, но сами онѣ запечатлены такими странными и чудными знаками разныхъ архитектурныхъ и скульптурныхъ украшеній, кое-гдѣ проглядывающихъ изъ-подъ новой штукатурки, что и непривычному къ художественнымъ подробностямъ взгляду краснорѣчиво говорятъ о томъ что когда-то жилось въ этихъ стѣнахъ иначе, и что бывшее не проходитъ въ жизни поколѣній бесслѣдно, а для чего-то навсегда налагаетъ свое неизгладимое клеймо. Въ старыхъ башняхъ, калеллахъ, церковныхъ домахъ, даже въ монастыряхъ и церквахъ, утратившихъ при многократныхъ перестройкахъ свое первоначальное назначеніе, поселились теперь не титулованныя фамиліи, ведущія свой родъ отъ Крестовыхъ Походовъ, не важные прелаты, потомки нѣкогда господствовавшей здѣсь клерикальной іерархіи, а дюжинные промышленники, олтовые торговцы виномъ, пивовары, кофактеры, трактирщики и содержатели гостиницъ, и иные изъ нихъ не могутъ удержаться отъ наивной рекламы, которая,

* Hugo Graf von Walderdorff, *Regensburg in seiner Vergangenheit und Gegenwart*, 3е изданіе, вновь передѣланное и значительно расширенное. Со 110 иллюстраціями съ памятниковъ древности, удачно выбранныхъ, съ фотографіей готическаго собора и съ двумя планами, одинъ нынѣшняго Регенсбурга, другой—Римской эпохи.

замѣняя для нихъ лалларныя начертанія древнихъ надписей, соединяетъ въ себѣ неподдѣльное патріотическое уваженіе къ знаменитой родинѣ съ площаднымъ балагурствомъ, напоминающимъ лоздравительныя вирши какія въ московскихъ трактирахъ на Масляницу подносятъ лосѣтителамъ бойкіе лоловые.

Приведу нѣсколько характеристическихъ подробностей.

Изъ знаменитыхъ башенъ замѣнявшихъ нѣкогда крѣлости и замки внутри самаго города, какъ это было особенно распространено въ Италіи, волевыхъ, укажу на такъ-называемую *Золотую Башню*, нѣкогда носившую громкое прозвище *Inter Latinos*, какъ и самое урочище гдѣ она стоитъ. Теперь принадлежитъ она одному олтовому торговцу, который заграмождалъ товарнымъ складомъ не только ея нижніе этажи, но и узкую площадь противъ нея. Домъ съ другою башней, уже въ XV вѣкѣ принадлежавшій разнымъ извѣстнымъ въ исторіи Регенсбурга фамиліямъ, еще въ XVI вѣкѣ былъ занятъ гостиницей, въ которой останавливался императоръ Карлъ V, а потомъ по его примѣру многія другія королеванныя особы. Такъ и до сихъ поръ въ немъ гостиница подъ вывѣской *Золотаго Креста*. Часть общей столовой въ нижнемъ этажѣ была занята домовою калеллой, въ которой подъ штукатуркой недавно найдены были остатки старыхъ фресокъ съ изображеніемъ ангеловъ играющихъ на разныхъ инструментахъ. Также обращена въ жилой домъ башня *Голіаова*, расписанная снаружи единоборствомъ Голіаова съ Давидомъ, который замахивается на него працею. Это было нѣкогда родовое жилище патриціанской фамиліи Турндорферовъ, къ которой принадлежалъ епископъ Лео Турндорферъ, начавшій лостроеніе вывѣшняго готического собора въ 1275 году.

На одной изъ улицъ, * подъ вывѣской: *Conditorei; von Fleischmann*, вмѣсто обыкновенныхъ дверей въ кондитерскую остается древній порталъ калеллы Св. Креста, въ романскомъ стилѣ, съ аркой на колоннахъ, капители которыхъ укрѣплены тератологическими, или чудовищными орнаментами. На одной изображена въ плоскомъ рельефѣ человѣческая голова съ длинными ушами, окруженная луствой византійскаго происхожденія; на другой—такая же голова въ свою широкую ластъ съ зубами захватываетъ концы хвостовъ

* Ober Bach-Strasse, № 161.

двухъ крылатыхъ чудовищъ, которыя, окружая ее съ обѣихъ сторонъ, вливаются въ ея щеки своими зубастыми мордами. Точно также въ почтовую гостиницу входятъ черезъ порталъ подъ романскою аркой, украшенною еще византийскимъ орнаментомъ.

Домъ подъ названіемъ *Льва въ клеткѣ*, съ бывшею вѣкогда при немъ капеллою С. Варвары, въ XIII столѣтіи принадлежалъ родственнику уломятуго выше епископа Лео Тундорфера. Доселѣ сохранился въ немъ романскій порталъ, съ изображеніями львиной головы по обѣимъ его сторонамъ. Полагаютъ что здѣсь жители Регенсбурга въ первый разъ видѣли когда-то это хищное животное, которое показывали имъ въ клеткѣ. Изъ Альбома съ драгоценными для исторіи готическаго стиля рисунками Виллара де-Гонекюра, архитектора и скульптора XIII вѣка, извѣстно что во время своихъ странствованій онъ видѣлъ льва котораго показывали публикѣ и скопировалъ его, подписавъ собственноручно что онъ рисовалъ съ натуры. Впрочемъ названіе регенсбургскаго дома объясняютъ также однимъ случаемъ относящимся къ половинѣ XVII вѣка. Въ январѣ 1653 года здѣсь показывали жителямъ за деньги единоборство львицы съ двухгодовалымъ быкомъ, который стремительно бросившись такъ услужалъ ее своими рогами что она бѣжала съ поля битвы и скрылась въ своей клеткѣ, а зрители и самъ хозяинъ звѣринца съ переломоку слѣпили спастись кто куда могъ.

Наконецъ назову гостиницу близъ Дуная подъ вывѣской *Бѣлаго Пѣтуха*, который и доселѣ еще красуется въ старинномъ скульптурномъ изображеніи на углу дома. Общая зада въ партерѣ и надъ нею два нумера гостиницы составляя вѣкогда капеллу, построенную въ XV вѣкѣ, со стрѣльчатыми сводами прекраснаго готическаго стиля, которые по сіе время служатъ потолками обоихъ нумеровъ *. Исторію зданія передаетъ куріозная реклама, каллиграфически написанная на листѣ подъ стекломъ въ рамкѣ, вывѣшенной въ общей столовой, которая служитъ и городскою рестораціей.

Нахожу не лишнимъ представить здѣсь этотъ образчикъ своего рода новѣйшей литературы регенсбургскихъ обывателей.

* Именно №№ 4 и 5. Особенно хорошъ № 4.

„Содѣніе о капеллахъ Св. Спасителя въ Бюлолз Пѣтултъ.

„Здѣсь.

„Возлюбленный гость! Вѣдай что здѣсь гдѣ теперь разливаешь ты бутылочку вина, были когда-то капеллы города Регенсбурга, какихъ насчитывалось въ немъ сколько дней въ году. А было это такъ: Anno Domini 1476, въ который злокозненный тать похитилъ серебряные сосуды изъ церкви Св. Эммерама вмѣстѣ съ содержащимися въ нихъ Св. Дарами, которые и бросилъ въ погребъ Сигмунда Виттманна, что на Пюттнеровой улицѣ, за что и получалъ себѣ возмездіе. Имятые граждане города, свѣдавъ о событіи, въ томъ же году порѣшили въ домѣ гдѣ обрѣтены были Св. Дары учредить капеллы во имя Св. Спасителя, съ тремя алтарями и съ двумя священниками для равныхъ обѣдѣн, на что и послѣдовало разрѣшеніе отъ епископа Руперта изъ рода пфальцграфовъ Баварскихъ. И съ тѣхъ поръ отправляющіеся по Дунаю рано по утру ходили въ эти капеллы къ святой обѣднѣ. Но когда принято было здѣсь ученіе Лютера, то вмѣстѣ со многими другими были упразднены и эти капеллы, которыя сначала были превращены въ жилой домъ господина Каспара Шаукена, а потомъ въ гостиницу *Благо Пѣтула*.

„Теперь внизу расливочная, а сверху спальня.

„Все это не хотѣлъ я отъ тебя утаить, возлюбленный гость, съ присовокупленіемъ просьбы:

„Ѣшь и попивай—
Бога не забывай.“ *

Не буду распространяться о Валгалдѣ, которая во множествѣ разныхъ иллюстрированныхъ изданій получила всеобщую извѣстность. Но сдѣлаю два-три краткія замѣчанія.

Волервыхъ, это великолѣпное зданіе отлично завершаетъ почти двухтысячелѣтнюю исторію Регенсбурга, присовокупля къ германской славѣ протекшихъ временъ памятникъ воздвигнутый для прославленія всегерманскихъ знаменитостей, не только прежнихъ и настоящихъ, но и имѣющихъ народиться въ будущемъ, и въ этомъ смыслѣ даетъ городу Регенсбургу значеніе вѣчной, никогда не преходящей монументальности.

* Trink und iss —
Gott nit Vergiss.

Вовторыхъ, съ большимъ тактомъ выбрано для Валгаллы мѣсто не въ стѣнахъ Регенсбурга, чтобы не возбудить мысли о соперническомъ сравненіи съ другими городами Германіи, а на такомъ нейтральномъ урочищѣ, какъ берега международной рѣки Дуная.

Втретьихъ, хотя зданіе носитъ названіе взятое собственно изъ германской мифологіи, въ значеніи блаженнаго мѣстожителства людей избранныхъ; но возведено оно не въ стилѣ романскомъ или готическомъ, какъ преходящихъ моментахъ не установившагося художественнаго развитія, а въ стилѣ Аѳинскаго Партеона, предлагающаго одно изъ высшихъ проявленій классической древности, которая положила основы цивилизаціи всей Европы, а вмѣстѣ и стѣнамъ города Регенсбурга.

Ө. БУСЛАЕВЪ.

ВЪ БЕРЕЗНИКАХЪ

ПОВѢСТЬ

I.

Весной 1870 года Настасья Дмитриевна Полозова вздумала ѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню въ К. губернію. Вообще въ деревню ѣздилла она рѣдко и долго тамъ засиживаться не любила, но по свойственной многимъ дамамъ привычкѣ говорить съ увлеченіемъ о томъ во чтѣ и сами онѣ не вѣрятъ, считаала почему-то нужнымъ разказывать всѣмъ и каждому что „глаушь любить страшно“, и въ Петербургѣ живетъ только вслѣдствіе печальной необходимости. Въ пылу разказа, Настасья Дмитриевна и не замѣчала насколько она уклонялась отъ истины и съ непослѣдовательностью чисто юношескою, несмотря на свой далеко не юношескій возрастъ, улускала изъ виду еще и то обстоятельство что въ милые свои Березники (такъ звали ея деревню), куда она всею душой стремилась, уже болѣе пяти лѣтъ не заглядывала.

Многочисленнымъ знакомымъ своимъ она говорила что ѣдетъ отдохнуть отъ петербургскаго шума и суеты и кстати поправить и свое здоровье, разстроенное за послѣдніе годы; но люди болѣе близкіе, знавшіе ея пристрастіе къ загранич-

вымъ водамъ, сомнѣвались въ искренности ея разказовъ и въ повѣдѣнїи этой подозрѣвали мнѣ что болѣе существенное чѣмъ тѣ причины которыя она выставяла.

И въ самомъ дѣлѣ, причина была другая; доходы ея уменьшались съ каждымъ годомъ, дѣла залутывались и терпѣніе истощалось.

Сначала Настасья Дмитріевна еще мирилась кое-какъ съ этимъ новымъ, но тѣмъ не менѣе неприятнымъ для нея положеніемъ, охотно объясняя себѣ эту ощутительную разницу въ полученіяхъ естественными послѣдствіями реформы 19го февраля, новыми порядками, и другими болѣе или менѣе утѣшительными размышленіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ она никакъ не допускала чтобъ этотъ порядокъ вещей могъ установиться для нея навсегда. Боже сохрани! это было бы уже слишкомъ тяжкою обидой.

Но прошло почти десять лѣтъ, и въ эти десять лѣтъ никакой перемѣны, никакой надежды, даже намека на лучшія обстоятельства, напротивъ, можно сказать что все шло хуже и хуже, такъ что, когда вмѣсто пятидесяти тысячъ, какъ получала Настасья Дмитріевна до „Положенія“, послѣдовало чувствительное паденіе почти на половину, она не выдержала, смѣнила управляющаго, ученаго агронома изъ Нѣмцевъ, и поставила на его мѣсто своего доморощеннаго, изъ бывшихъ дворовыхъ.

Новый управитель оказался добросовѣстиѣе своего предшественника, но все-таки далеко не могъ добиться той блистательной ясности дальше которой, повидимому, нельзя было и идти, той отчетливости съ какими это дѣло велось прежде, при жизни покойнаго мужа Настасьи Дмитріевны, несмотря на всю его, по ея мнѣнію, неспособность и явное пренебреженіе къ дѣламъ міра сего.

Вдовствовала Настасья Дмитріевна уже болѣе двѣнадцати лѣтъ.

Въ слабыхъ этихъ попыткахъ своего управляющаго приблизиться къ прежнему идеалу видѣла она еще мало утѣшительнаго, и для того чтобы выйти наконецъ изъ этого гадкаго, неопредѣленнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить свою душу отъ бремени сомнѣнія, рѣшила ѣхать самой—ислѣдовать на мѣстѣ причины страшнаго явленія.

Къ тому же лѣтомъ долженъ былъ пріѣхать въ Березники и единственный сынъ Настасьи Дмитріевны, Владиміръ

Николаевичъ, два года уже жившій за границей, по собственному желанію, для усовершенствованія въ наукахъ, послѣ окончанія курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Онъ написалъ матери что ему бы очень хотѣлось предъ поступленіемъ на службу отдохнуть лѣто въ Березникахъ. Извѣстіе это исполнило радостью материнское сердце Настасьи Дмитриевны. Пора, давно пора ему было взяться за умъ и окончить свои скитанія: мѣсто ему давно было готово, нечего даромъ время терять.

Вслѣдъ за полученіемъ этого письма, въ деревню была послана делеша извѣщавшая о скоромъ прибытіи Настасьи Дмитриевны, вмѣстѣ съ приказаніемъ управляющему заняться приведеніемъ барскаго дома въ должный порядокъ.

Кириллъ Степановичъ, управляющій, человекъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, страдавшій одышкой, но еще крикунъ и хлопотунъ, скорѣ опытный администраторъ, дѣльный чиновникъ, чѣмъ бывшій дворовый, мудро управлялъ своимъ маленькимъ царствомъ.

Не легкая была задача въ какую-нибудь недѣлю вымыть, вычистить и вывѣтрить огромный домъ отъ чердака до погреба, но чего ни дѣлаешь усердіе!—къ назначенному дню все локовчили.

Кириллъ Степановичъ, усталый, но довольный и счастливый, какъ человекъ только-что сбросившій со своихъ плечъ непосильную ношу, въ послѣдній разъ обошелъ домъ и наконецъ остановился въ восхищеніи посреди гостиной.

— Ну, кажется, не ударили лицомъ въ грязь! Все что угодно есть! Какъ вы полагаете, Трофимъ Макарычъ, не дурно вѣдь, а?

Дворецкій, добродушный толстякъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ бывалый, опытный и большой политикъ, только руками развелъ и проговорилъ съ тонкою усмѣшкой.

— Дурному тутъ нечему быть, Кириллъ Степановичъ: и мы вѣдь люди, даромъ что не въ столицѣ живемъ. На своемъ вѣку тоже видали кое-что: устроено все кажется хорошо, въ лучшемъ видѣ и вкусѣ! Думаю усердіе ваше будетъ замѣчено.

— Да и мнѣ думается что такъ: ужъ не знаю угрожу ли, а усердіе было, съ моей стороны, усердіе было, съ достоинствомъ присовокупилъ Кириллъ Степановичъ.—Надо бы взглянуть въ садъ, пройти посмотрѣть что тамъ дѣлаютъ.

Охъ, грѣхи наши, грѣхи тяжкіе! произнесъ онъ со вздохомъ и направился къ балконной двери.

Въ саду тоже все носило слѣды неусыльной дѣятельности и заботъ Кирилла Степановича: всю эту недѣлю работало тамъ ежедневно не менѣе полусотни бабъ и дѣвокъ. Чистота повсюду была изумительная: дорожки затѣйливо вьющіяся и усыпанныя лескомъ доведены были до степени совершенства, и самый придирчивый глазъ не могъ бы открыть въ дѣломъ саду присутствія долуха или крапивы и другихъ декоративныхъ растеній нашихъ барскихъ садовъ послѣдняго времени: все это вырвано и истреблено заботливою рукой; оранжереи опустошены для придавн дѣвѣтникамъ возможно приличнаго вида въ это раннее время года; каждая слѣдая ягодка земляники въ теллицѣ сосчитана самимъ Кирилломъ Степановичемъ.

Не услѣвъ онъ занести ногу на балконъ какъ вдругъ точно надъ самымъ его ухомъ раздалось грубымъ голосомъ:

— Кириллъ Степанычу наше вижайшее! и изъ-за угла дома показалась плотная, широкоплечая фигура въ старенькомъ свѣтлоричневомъ подрясникѣ.

— А, отецъ дяконъ! Здравствуйте, давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть. Откуда Богъ несетъ?

— Откуда? разумѣется изъ дома. Да вотъ шелъ было посмотреть лужокъ около Домашова лога, знаете? у насъ тамъ покосецъ есть. Сегодня, слышу, гусями весь ловытравили: народецъ, что и говорить! И нарочно взялъ ближнею дорогою черезъ садъ, а то барыня прѣдетъ, тогда—шалашъ! ходи по загородью! А вы, какъ видно, все въ хлопотахъ?

— Нельзя, знаете, дѣлаю вотъ недѣлю провозились съ домомъ! Ну сегодня, слава Богу, конецъ! Да что это вы тутъ стоите? милости просимъ въ домъ. Зайдите, полюбуитесь на наши труды.

— Эхъ, Кирилла Степановичъ, мы вѣдъ на этотъ счетъ люди безъ понятія. Развѣ зайти передохнуть маленько.

На балконѣ у входа въ гостиную разостланъ былъ половикъ, но дяконъ наровилъ было, минуя его, шагнуть своими саложницами прямо въ гостиную. Хорошо что зоркій Кирилла Степановичъ вовремя замѣтилъ это движеніе.

— Отецъ дяконъ, Христа въ васъ нѣтъ! затѣмъ и половикъ постланъ чтобы собственно для чистоты, любойтесь вы Бога!

— Ну ужъ, Кирилла Степановичъ, это совсѣмъ лишнее: время сухое, грязи нѣтъ, упирался несговорчивый дяконъ.

— Да все, знаете, предосторожность не мѣшаетъ, стоялъ на своемъ Кирилла Степановичъ.

Дѣлать нечего, надо было локориться. Потолтавшись на доловикъ, что означало вытираніе ногъ, дьякомъ вопрошительно взглянулъ на своего мучителя—ну что молъ, телерь конецъ мытарствамъ?

Въ гостивой Кирилла Степановичъ торжествовалъ при видѣ эффекта произведеннаго изящнымъ убранствомъ комнаты даже на такого невпечатлительнаго человѣка какимъ былъ дьякомъ.

Окинувъ завистливымъ взглядомъ красивую амфиладу и испутивъ вздохъ, дьякомъ проговорилъ:

— Честь вамъ и хвала, Кирилла Степановичъ! устройство дивное, что и говорить! величественная храмина; а впрочемъ намъ тутъ не жить. Когда же ждете-то барыню? спросилъ онъ уже переходя въ конфиденціальныи тонъ.

— Къ двадцатому числу обѣщали быть, отвѣчалъ Кирилла Степановичъ.—Третій день гоняю лошадей на ставцію, не ровень часъ, чтобы все было въ исправности.

— Ну, да вы, извѣстное дѣло, человѣкъ придворный! балагурилъ дьякомъ.—Однако, мнѣ лора, Кирилла Степановичъ, прощенія просимъ; надо проучить господъ Перестулацкихъ дворянъ чтобы гусей локрѣвче держали: вчера уже лару загубилъ. Я не то что нашъ простофиля отецъ Іаковъ: попадись ему, тотчасъ и вылустить! До пріятнаго свиданія, Кирилла Степановичъ!

Пожавъ ему руку дьякомъ скорыми шагами направился къ выходу, и въ одно мгновеніе скрылся изъ вида между деревьями. Вообще нравы и привычки Павла Самогитскаго, такъ звали дьякона, мало чѣмъ напоминали смиреннаго служителя алтаря: при взглядѣ на его осанистую молодцоватую фигуру новольно просилось сожалѣніе для чего зарыть талантъ въ землю, зачѣмъ на немъ ряса, а не военный мундиръ? лихой вышелъ бы кавалерійскій вахмистръ!

Къ обязанностямъ своимъ дьякомъ относился не съ большимъ усердіемъ и, пользуясь отсутствіемъ господъ, далеко не всякое воскресенье заглядывалъ въ церковь. Всѣ досуги свои посвящалъ онъ коммерціи: открылъ лавку, въ которой обвѣшивалъ и обмѣривалъ не хуже любого торговца, такъ что дѣлалъ этимъ сильный подрывъ Ивану Прокофьевичу, Р—скому мѣщанину, вздумавшему было тоже

завести торговлю въ Березникахъ. Но даже и этимъ мирнымъ занятіямъ Павелъ Самогитскій умѣлъ придать характеръ воинственности: системы патентныхъ сборовъ онъ рѣшительно не признавалъ, и несмотря на многочисленныя, но тѣмъ не менѣе беспальные протесты Ивана Прокофьева, держалъ себя съ подлѣйшею независимостью и патента брать не желалъ. Разъ даже мужики возмущенные его беззаконіями рѣшились сдѣлать нападеніе на его лавку, но онъ одинъ противъ всѣхъ, вооружившись дреколіемъ, храбро отразилъ непріятеля. Потолковали между собою мужички, потолковали, да и разошлись по домамъ: съ нимъ, братецъ ты мой, и самъ сатана ничего не подѣлаетъ! порѣшило общество и оставило его торговать безъ патента.

Къ службѣ церковной, какъ уже было сказано, онъ былъ очень нерадивъ, но на Пасху, въ „новину“ и другіе важныя моменты изъ жизни церковно-служителей, при дѣлѣхъ сборовъ, первый налеталъ на добычу и отхватывалъ себѣ львиную часть.

Благодушный отецъ Іаковъ нерѣдко увѣщевалъ его.

— Дьяковъ, дьяковъ, горе мнѣ съ тобою! По твоимъ беззаконіямъ не токмо тебѣ, но и всему причту скоро нельзя будетъ жить.

— А ты зачѣмъ у насъ? Я буду грѣшить, а ты замалчивай. Тебѣ, батюшка, безъ меня плохое будетъ житье; вишь какой ты неудалый! обыкновенно отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ воинственный дьяковъ.

Нечего прибавлять что весь причтъ съ отцомъ Іаковомъ во главѣ, кроткимъ и жемолоподобнымъ, былъ въ полномъ ловиновениі у дьякова.

Послѣ его ухода Кириллъ Степановичъ разсѣянно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, вынулъ часы,—былъ шестой въ исходъ— время пить чай, и онъ, постоявъ еще нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, побрелъ къ себѣ во флигель.

Грѣшковъ собственно за нимъ не водилось: человекъ онъ былъ почти безсемейный, онъ да старуха-жена, а все было какъ-то не по себѣ, и онъ не безъ нѣкотораго внутренняго замيرانія ожидалъ пріѣзда Настасьи Дмитриевны.

— Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое, шелталъ онъ на совъ грядущій, укладываясь спать на своей широкой кровати подъ чистымъ ситцевымъ балдахиномъ.

II.

На завтра, поднявшись чуть свѣтъ и распорядившись отправкой лошадей къ приходу повѣзда, Кирилль Степановичъ совершилъ свой обычный обходъ дома, и къ пяти часамъ, когда волненіе его доходило до высшаго градуса, „махальный“, поставленный имъ на всякій случай на плотинѣ, слома голову примчался и донесъ „что ужь къ подѣзду заворачиваютъ, сею минутой будутъ!“

Еще одинъ мигъ—и лошади были уже у крыльца.

Кирилль Степановичъ, отбросивъ въ сторону всю свою важность и степенность, мигомъ скатился съ лѣстницы и очутился на крыльцѣ какъ разъ вовремя для того чтобъ отворить дверцу и, отстранивъ прѣзжаго лакея, самому высадить барыню, почтительнѣйше поддерживая ее подъ локотокъ.

Настасья Дмитриевна прѣехала не одна, а въ сопровожденіи своей воспитанницы и неразлучной спутницы Лидуши Рудневой, молодой 19тилѣтней дѣвушки.

Поддерживаемая съ одной стороны Кириллой Степановичемъ, а съ другой дворецкимъ, Настасья Дмитриевна поднялась на лѣстницу и благосклонно, хотя и съ нѣкоторою разсѣянностью, выслушала ихъ поздравленіе съ прѣздомъ и довесеііе что все обстоитъ благополучно. Въ заѣвъ она объявила что доклада сегодня не приметъ, пожаловалась на усталость и удалцлась въ свои покои.

Лидушину спальню устроили въ томъ же этажѣ, поближе къ Настасѣ Дмитриевнѣ, для того чтобы днемъ и ночью быть всегда наготовѣ бѣжать по ея первому зову.

День былъ нестерпимо жаркій: съ самаго утра сильно ларило и въ воздухѣ чувствовалась какая-то особенная духота и томленіе, какъ всегда предъ грозой; небо было совсѣмъ свинцовое и дождь уже накралывалъ, но, какъ нарочно, всякій разъ поднимался сильнѣйшій вихрь и разгонялъ находившія со всѣхъ сторонъ грозныя тучи.

Къ вечеру немного утихло, а ночью, часамъ къ двѣнадцати, все-таки собралась сильная гроза: дождь лпалъ какъ изъ ведра; громъ гремѣлъ и потрясалъ домъ, но наши прѣзжія почивали себѣ безмятежнымъ сномъ—Настасья Дмитриевна отъ дорожной усталости, Лидуша крѣпкимъ сномъ молодости, и не

слыхали ни раскатовъ грома, ни шума дождя бывшаго въ стекла, не видали и блеска молніи, то слабо вслыхивавшей вдали то вдругъ змѣйкой прорѣзывавшей совсѣмъ черное небо и красиво освѣщавшей домъ и садъ бѣлымъ, точно серебрянымъ свѣтомъ, такъ что въ комнатахъ становилось свѣтло какъ днемъ, а черезъ мгновеніе опять все погружалось въ непроглядную тьму.

Лидуша, мирно почивавшую во время грозы и бури, разбудили лучи утренняго солнца ворвашіеся къ ней въ окна.

Это солнце и этотъ яркій свѣтъ ослѣпили ее: она вообразила что проспала, что ужь очень поздно; и испугалась ужасно, растерянно взглянула она на часы, лежавшіе тутъ же на столѣ, и у нея разомъ отлегло отъ сердца—слава Богу, еще вѣтъ шести: часа два еще у нея въ распоряженіи.

Накинувъ калотикъ, Лидуша вышла въ корридоръ, осторожно, на цыпочкахъ пробралась мимо спальни Настасьи Дмитриевны и сошла внизъ. Прислугу, еще мирно покоившуюся, она будить не хотѣла и, твердо заломивъ, еще съ первой поѣздки, лять лѣтъ тому назадъ, всѣ выходы и переходы огромнаго дома, черезъ боковую дверь спустилась прямо въ цвѣтникъ.

Утро было чудное, какъ всегда послѣ грозы: воздухъ, и безъ того свѣжій и чистый, сдѣлался, если возможно, еще свѣжѣе и чище; птицы громко лѣли; ихъ веселыя лѣсни были также ясны какъ ясень наступающій день.

Всякій звукъ особенно далеко и звонко отдавался въ рѣдкомъ утреннемъ воздухѣ: слышно было какъ гдѣ-то вдали скрипѣли ворота—должно-быть выгоняютъ въ поле скотъ; доносился даже шумъ колесъ на мельницѣ бывшей по крайней мѣрѣ верстахъ въ полтора отъ дома.

Ослѣвленная чудною картиной, Лидуша въ эту минуту забыла гдѣ она и только любовалась на торжественное спокойствіе этой блестящей природы, взглянула потомъ на лугъ предъ домомъ, весь бѣлый еще и сверкающій росой, на самый домъ съ его безчисленными огромными окнами, освѣщенными блескомъ утра, на безконечныя аллеи парка, сквозь молодую и еще рѣдкую зелень которыхъ просвѣчивала кое-гдѣ рѣка, вздохнула и невольно пожалѣла, зачѣмъ не живутъ онѣ въ этомъ чудномъ мѣстѣ? Право, обидно за Березники! Обладать всею этою прелестью и оставлять на чужія руки,—какъ это странно и непонятно!

Ей захотѣлось пробѣжаться дальше въ паркѣ, оживить въ своей памяти эти когда-то знакомыя, теперь забытыя мѣста. Надо сказать что Лидуша своимъ видомъ и наружностью нисколько не портила этой отрадной картины весенняго утра; напротивъ, присутствіе ея придавало ей еще больше жизни и прелести: личико ея было свѣжо до того что казалось точно умытымъ росой, и вся она, небольшая, но стройная и прелестно сложенная, со своими густыми русыми косами, съ большими свѣрыми глазами, полузакрытыми длиннѣйшими рѣсницами, имѣла какую-то особенную прелесть только-что раслутившагося цвѣтка, и надо было быть очень ужъ нечувствительнымъ къ красотѣ чтобъ ея не замѣтить среди этого мирнаго весенняго пейзажа.

Встрѣтившійся ей у поворота въ аллею садовникъ Алексѣй, бывшій ростовскій огородникъ, повидимому, не раздѣлялъ этого убѣжденія; потому что, мрачно посмотрѣвъ на нее изподлобья, угрюмо ей поклонился и, пробормотавъ себѣ что-то подъ носъ, прошелъ въ цвѣтникъ, нисколько какъ кажется не сознавая разницы между этимъ прелестнымъ существомъ въ образѣ молодой, незнакомой ему дѣвушки и какою-нибудь старою деревенскою бабой въ родѣ напримѣръ скотницы Дарьи, его заклятаго врага, которая всегда посылала своихъ ребятъ воровать у него горохъ, огурцы и прочую огородную.

Впрочемъ и то сказать, человекъ онъ былъ вообще угрюмый и необщительный, привычками своими наломившій воровистую лошадь, то работалъ съ какимъ-то мрачнымъ ожесточеніемъ, то сидѣлъ цѣлыми днями залершись у себя въ избѣ, тутъ же на огородѣ. Кириллъ Степановичъ держалъ его ради его благочестія, да ради его умѣнья выращивать особенную рѣлу чудовищныхъ размѣровъ.

Заговорить съ этимъ суроваго вида человекомъ Лидуша не рѣшилась и повернула въ аллею. Въ томъ мѣстѣ гдѣ аллея скрещивались, росла ея любимая травка, появляющаяся обыкновенно вслѣдъ за подсыжниками, шелковистая, яркозеленая, маленькими кустиками, съ миниатюрными желтыми колокольчиками въ родѣ сережекъ; нѣжные стебельки цвѣтотъ были прибиты дождемъ и залачканы землею. Она нарвала порядочный пучекъ травы, очистила ее отъ земли и замѣтила что въ канавкахъ вырытыхъ по обѣимъ сторонамъ аллеи стояла вода почти по самые края; „ночью должно-быть

шелъ сильный дождь, подумала Лидуша: на яскѣ незамѣтно, а въ березовую рощу теперь хоть не показывайся, придешь домой ни на что непохожая!

Подобравъ повыше свои юлки и размышляя такимъ образомъ, она и не замѣтила какъ очутилась у кулальни устроенной тутъ же въ саду на рукавѣ рѣки. За кулальной сейчасъ начиналась и березовая роща, въ которой даже въ июльскіе жары бывало прохладно: предельное это мѣстечко образовало собою полуостровъ: рѣка съ трехъ сторонъ омывала его; въ самой рощѣ вырыто было двѣ сажаки, гдѣ въ прежнія времена караси и лини водились въ изобиліи. Лидуша помнила, какъ въ дѣтствѣ хаживала она въ эту рощу за грибами съ локоидицей матерью. Березы здѣсь все стройныя, свѣжія и сильныя, не лолорченныя надрѣзами или „аульками“, какъ зовутъ ихъ въ тѣхъ краяхъ; это обыкновенная забава деревенскихъ мальчишекъ, которые тянутъ черезъ соломенки сладкій освѣжающій березникъ; дерево отъ этого всегда сохнетъ. Кирилъ Степановичъ всѣми силами боролся съ этимъ пагубнымъ обычаемъ и какимъ-то чудомъ уберечь рощу отъ постороннихъ набѣговъ.

Нѣсколько молодыхъ березокъ красивою группой росли у самой кулальни. Лидуша стала подъ одну изъ нихъ, и ее такъ и осыпало дождемъ: березовыя вѣтки, еще отягощенныя каплями блестящими на солнцѣ, издавали острый, смолистый запахъ. Давно не испытывала она такого блаженства. Это чудное утро, душистая свѣжесть рощи и видъ милыхъ и знакомыхъ мѣстъ, все это навѣяло на душу молодой дѣвушки сладкія и вмѣстѣ томительныя воспоминанія. Вотъ и тропинка кругомъ всей рощи, дальше поднимается она на маленькій пригорокъ и долго еще чернѣетъ издали, локуда совсѣмъ не проладетъ изъ виду за чахлымъ и увялымъ осинникомъ, а тамъ въ двухъ шагахъ и Дроновка, гдѣ живетъ Варвара Гавриловна Чемезова, тетка Лидуши, и братъ Аркаша, котораго она видѣла въ послѣдній разъ шестилѣтнимъ мальчикомъ. Туда, къ доброй теткѣ, горячо ее любящей, и къ милому Аркашѣ пойдетъ она и разкажетъ имъ, какъ жилось ей на чужой сторонѣ въ эти долгіе годы разлуки, и тамъ, у этихъ простыхъ, безхитростныхъ людей, отдохнетъ она душою и забудетъ свое одиночество и сиротство. Хоть бы попался кто на встрѣчу, мальчикъ какой или дѣ-

вочка; народъ-то теперь въ полѣ, а то послать бы сказать тѣтъ что она пріѣхала и хочетъ видѣть ее и Аркашу. Одиночество не развело въ Лидушѣ мечтательности, да и некогда ей было этимъ заниматься: Настасья Дмитриевна очень заботилась о томъ чтобъ оставлять ей какъ можно меньше досуга на сѣтованія и безладныя мечтанія. Съ тѣхъ поръ какъ Лидуша десятилѣтнею сироткой была взята въ домъ Настасьи Дмитриевны, ни она сама и никто изъ ея знакомыхъ не пробовалъ говорить съ нею по душѣ; осуждать въ чемъ бы то ни было свою покровительницу ей и въ голову не приходило, — но все-таки она была чужая и въ глазахъ молодой дѣвушки стояла слишкомъ высоко чтобы тревожить ее всякими мелочами, которыя могли придти ей на умъ. Барышни вѣзавшія со своими мамашами къ Настасьѣ Дмитриевнѣ мало сближались съ Лидушей и не удостаивали ее своей дружбы, а изъ немногихъ молодыхъ людей бывавшихъ въ домѣ нѣкоторые любовались ея свѣженькимъ личикомъ, ея хорошенькими глазками, и только; но никто изъ этой свѣтской молодёжи и не подумалъ осчастливить ее предложеніемъ своей руки и сердца, да и Лидуша ими не увлекалась, и сердце ея еще было спокойно: пребываніе въ Петербургѣ и „салонъ“ ее не испортили; романовъ она почти не читала, и воображеніе ея было чисто какъ можетъ быть чисто только-что выпавшій снѣгъ.

Теперь у Лидуши была одна мысль, одно желаніе—поскорѣе объять тѣтку и Аркашу. Пора его и въ гимназію отдавать, онъ долженъ быть ужъ совсѣмъ большой мальчикъ. Новыя заботы, новыя хлопоты!

На минуту забывшаяся, но никогда не забывавшая своихъ прямыхъ ежедневныхъ обязанностей, Лидуша вдругъ вспомнила что Настасья Дмитриевна уже вѣрно встала и давно пора идти наливать чай. Бѣгомъ луснула она назадъ, не время было наслаждаться прогулкой; но подходя къ большой аллеѣ неволью остановилась: какже она пропустила это раньше? Тутъ, на боковой куртнѣ, она это твердо помнила, росло одинокое грушевое дерево, такое старое, развѣсистое, съ огромными, искривленными сучьями, съ котораго еще Владиміръ Николаевичъ, въ послѣдній разъ какъ они были въ деревнѣ, сбивалъ ей скороспѣлыя желтыя груши. Куртина все та же, но гдѣ дерево? Лидуша подошла поближе,—какая

жалость, оно не срублено, а переломлено пополамъ: одинъ огромный сукъ совсѣмъ оторванъ и валяется тутъ же въ сторахъ, а другой, еще свѣжій и усыпанный цвѣтами, пригнуло къ землѣ. Неужели это надѣлала вчерашняя буря? Лидушѣ такъ стало жаль этого дерева, такого стараго, такого почтеннаго, словно лишили ее чего-то дорогаго и близкаго.

Задумчивая и печальная вошла она въ домъ; въ корридорѣ ей попалась Марья Михайловна, ключница, и объявила что барыня уже встала, но кушать чай въ столовой не будетъ, и что Кириллъ Степановичъ сейчасъ прошелъ въ кабинетъ на докладъ: барыня теперь очень занята и никого не велѣла къ себѣ допускать. Лидуша напилась чаю у Марьи Михайловны, потомъ прошла къ себѣ, занялась своимъ туалетомъ, обыкновенно продолжавшимся недолго, и съ работою въ рукахъ сѣла у окошка ждать, когда ее потребуютъ къ Настасьѣ Дмитриевнѣ.

Прошло полчаса, прошелъ часъ, а ея все не звали; ей показалось это страннымъ, и Лидуша рѣшилась идти сама въ гостиную, которая была рядомъ съ кабинетомъ Настасьи Дмитриевны. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда вышелъ Кириллъ Степановичъ, какъ ей показалось, красивый и смущенный; вслѣдъ за этимъ раздался звонъ колокольчика, и Лидуша со всѣхъ ногъ бросилась въ кабинетъ узмать что угодно Настасьѣ Дмитриевнѣ.

При одномъ взглядѣ на кучу бумагъ въ безпорядкѣ лежащихъ на изящномъ лисьменномъ столикѣ и на дашкыя тетради въ перелетахъ, одинъ видъ которыхъ внушалъ скуку, Лидушѣ все стало лоятно. Настасья Дмитриевна, сидя на низенькомъ креслѣ, нетерпѣливо перебирала бумаги и нѣкоторыя отбрасывала въ сторону.

Настасья Дмитриевна была женщина еще не старая, высокая, брюнетка, съ едва замѣтною просѣдою, съ неприятнымъ выраженіемъ холодныхъ и уже выцвѣтшихъ сѣрыхъ глазъ и съ правильными чертами лица, которое въ лучшую пору жизни скорѣе можно было назвать красивымъ нежели хорошенькимъ. Она была еще не въ туалетѣ, а въ утреннемъ просторномъ бѣломъ калотѣ и въ легенькомъ, кокетливомъ челчикѣ скрадывавшемъ нѣсколько худобу ея лица.

Лидуша у нея спросила, какъ она провела ночь.

— Съ вечера мнѣ что-то долго не спалось, но потомъ

заснула какъ убитая и, представь, не слышала грозы: говорить была ужасная буря.

— Да, отвѣчала Лидуша,—и даже сломала дерево въ саду, тамъ, на ближней куртнѣ: такая жалость!

— Дерево, Богъ съ вами, дѣло не въ деревѣ! а вотъ Кирилла Степановичъ мнѣ сказалъ что всѣ стекла въ оранжереѣ выбило: вотъ это такъ сюрпризъ для моего приѣзда, точно нарочно; это удовольствіе обойдется не менѣе 50 рублей: ужасно весело! Ты туда не ходила?

— Нѣтъ, я тамъ не была.

— Сходи туда, пожалуйста, сегодня же и разсмотри все какъ слѣдуетъ. Я не вѣрю Кириллѣ, ты можешь-быть замѣтила его вытянутую физиономію?—Отвѣта не было, и Настасья Дмитриевна продолжала съ улыбкою:—Ты ловишь, я ему дала почувствовать что провести меня довольно трудно, а то эти люди не шутя воображаютъ что имѣютъ дѣло чуть не съ мадеадами или ужъ совсѣмъ лошапыми дураками. Оказывается что здѣсь тратились огромныя деньги и, какъ ты думаешь, на чтѣ? Я увѣрена что ты не отгадаешь... негодование слышво было въ ея голосѣ.—Я и не подозрѣвала что на моемъ удивленіи находится домъ инвалидовъ: это и смѣшно и досадно въ то же время: какіе-то полуживые старики, старухи, заштатный камердинеръ еще покойнаго отца Николая Васильевича,—ты можешь себѣ представить чтѣ это за древность! и все остальное въ томъ же родѣ. Но чтѣ милѣе всего, такъ это что для нихъ отведенъ здѣсь цѣлый флигель и они кушаютъ себѣ во славу Божию. Какъ это тебѣ нравится?

Настасья Дмитриевна, не видя поддержки, волновалась все болѣе и болѣе.

— Я и говорю Кириллѣ, продолжала она,— что нельзя же обращать Березвики въ страннопріимный какой-то домъ; благотворительныя затѣи и вся эта филантропія намъ теперь вовсе не къ лицу и не по карману, не то время, теперь вслѣдому въ пору только о себѣ заботиться, а то еще этого недоставало: огромное удовольствіе въ самомъ дѣлѣ на нихъ тратиться: и, потомъ, ты пойми чтѣ меня особенно возмущаетъ,—горячилась она:—вѣдь всѣ эти штуки продѣлывались затѣмъ чтобы труднѣе было учитывать расходъ; теперь и открывается, почему доходы въ послѣднее время были такъ плохи. Я, конечно, все это отчитала Кириллѣ, и онъ удалился съ очень разстроенными чувствами. Понятыо, я на это не обращаю ни малѣйшаго вниманія.

— Все-таки, *chère maman*, осмѣлилась возразить Лидуша въ отвѣтъ на этотъ взрывъ негодованія своей благодѣтельницы,—какъ мнѣ кажется, въ эти три года доходъ очень увеличился, а это замѣтила когда вамъ перелисывала отчеты,—сравнительно съ тѣмъ что было при Бауманѣ, послѣдняя она оговориться.

— Ахъ, *ma chère*, какъ же ты не понимаешь! Я потому-то и прогнала Баумана что онъ безсовѣстно меня обкрадывалъ, но вѣдь и этотъ оказывается невозможъ лучше: посмотрю что будетъ дальше.—Настасья Дмитриевна залезла отчеты въ ящикъ стола, зѣвнула и встала, лѣтливо потягиваясь.—Пора одѣваться! А обѣда ты еще не заказывала? обратилась она къ Лидушѣ.

— Нѣтъ еще, а затѣмъ и пришла чтобы спросить у васъ что вамъ будетъ угодно.

— Подожди, дай придумать; да вотъ что, Лидушка, вспомнила Настасья Дмитриевна:—къ завтраку я хочу яицъ, творогу, сметаны, вообще побольше, знаешь, *du laitage*, чтобы сразу почувствовать себя въ деревнѣ; здѣсь всего этого должно быть очень много и все отличное, и потому я это сама люблю! А послѣ завтрака,—и она взяла Лидушку за подбородокъ,—извольте сходить на скотный дворъ, слышите, сударыня?—шутливо молвила Настасья Дмитриевна,—и сдѣлайте мнѣ подробное дозесеміе; я думаю что тамъ такой же милый порядокъ какъ и вездѣ вообще; только пожалуста, Лидуша,—прибавила она озабоченнымъ тономъ,—не держи себя такою мокрою курицей, какъ въ Петербургѣ; тебѣ наболтаютъ лутяковъ, а ты всему и повѣришь.

— Не безлокойтесь, *maman*, я буду осторожна.

— То-то же, наставительно говорила Настасья Дмитриевна:—главное, не довѣрай всѣмъ ихъ розказнямъ, помни прежде всего это, да не забудь когда придешь вынуть мои платья: я воображаю какъ это все измято, и мои челчики, и спрячь ихъ въ гардеробъ. Дашу я отпустила сегодня на цѣлый день къ сестрѣ: такъ ужъ мнѣ надоѣли всѣ эти вздохи и просьбы. Итакъ, Лидія Сергѣевна, до свиданія! Теперь не мѣшай мнѣ, я буду одѣваться и писать письма. *Madame Вуичъ* меня просила написать ей сейчасъ же какъ прійдемъ въ деревню.

Настасья Дмитриевна принялась разоблачаться, что означало конецъ аудіенціи. Лидуша послѣдила удалиться, а

Настасья Дмитріевна, приведя свою особу съ помощью своей камеристки въ должный порядокъ, занялась корреспонденціей, а затѣмъ прилегла на кушетку и сладко вздремнула до обѣда.

III

Настасья Дмитріевна Полозова, въ дѣвицахъ Пальцына, была дочь одного изъ тѣхъ многочисленныхъ и, если можно такъ сказать, отмигченныхъ судьбой петербургскихъ штатскихъ генераловъ вся жизнь которыхъ проходитъ между томительнымъ безпокойствомъ остаться за штатомъ съ пенсіей двухъ третей оклада, мудромъ и пряжкой за безпорочную службу и смутною надеждой пристроиться къ какой-нибудь комиссіи и подъ ея гостепріимною сѣнью вкусить наконецъ желаемый отдыхъ. Не красна, куда какъ не красна была его жизнь.

Въ стѣнахъ департамента сосредоточивались всѣ его тревоги и радости: здѣсь выслушивалъ онъ начальническіе выговоры и слытывалъ тяжесть начальническаго гнѣва; но здѣсь же, въ этихъ стѣнахъ, пришлось ему слытывать и тѣ немногія радости которыя удѣлила ему скулая судьба: въ департаментѣ выслушалъ онъ первыя поздравленія съ награжденіемъ орденомъ Святыя Анны 3й степени; департаментскіе же сторожа первые пріятно поразили его слухъ титулованіемъ его „ваше превосходительство“ въ ту пору когда онъ былъ произведенъ только въ чинъ статскаго совѣтника.

Супруга его, Марья Петровна, дама съ претензіями на свѣтскость, страдавшая вѣчно флюсомъ, немилосердо грызла его съ утра и до ночи въ теченіе двадцатипятилѣтняго супружества, высказывая ему въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ что она не создана для той мѣщанской жизни которую принуждена вести по его милости и называла его не иначе какъ *темменькимъ челоуѣчкомъ*.

Съ выходомъ изъ института старшей его дочери Настеньки положеніе статскаго генерала сдѣлалось, если возможно, еще хуже; жалованье, которымъ онъ никогда и не пользовался неограниченно, сдѣлалось для него миеомъ: бывало все-таки супруга выдавала ему отъ своихъ щедротъ кое-какія крохи на личныя его надобности; теперь же выдачи эти прекратились и онъ лишенъ былъ даже незначяго удо-

вольствія—изрѣдка отвести свою душу за зеленымъ столомъ. Несчастнѣйшій генералъ осмѣлился было робко протестовать, но обозванъ былъ эгоистомъ, викуда и ни на что негоднымъ человѣкомъ и даже деспотомъ; послѣдній упрекъ поразилъ его въ самое сердце: чаша переполнилась и, саѣдая правду всѣхъ несчастливцевъ и неудачниковъ, что добродѣтель въ терлѣвнѣ, онъ смирился и замолчалъ. Жена его и дочь не пропускали между тѣмъ ни одного вечера или собранія, ни одного ликнѣика затѣвавшагося въ ихъ скромномъ кружкѣ, и горе генералу если онъ отказывался имъ солутствовать! Самыя бурныя сцены, потоки слезъ, улрековъ, жалобъ сылались на него изъ устъ матери и дочери. Время шло, средства ихъ къ жизни были болѣе чѣмъ ограничены, и нужна была вся энергія и изобрѣтательность самоотверженной матери, ищущей для своей дочери выгодной партіи, чтобы не потерять совсѣмъ голову въ этой вѣчной скачкѣ съ прелатствіями: каждое платье, каждая шляпка, каждый бантикъ, украшавшій особу Настеньки, вызывалъ цѣлую бурю ощущеній въ душѣ ея матери и былъ связанъ съ какимъ-нибудь драматическимъ эпизодомъ въ ея жизни: все это локувалось цѣной невозможныхъ лишеній, колѣчныхъ расчетовъ и домашней экономіи, доходившей до скаредности, а кромѣ Настеньки Гослодь благословилъ эту счастливую чету еще тремя дочерьми-подростками, изъ которыхъ уже вторая смотрѣла въ невѣсты.

Что тутъ было дѣлать? И болѣе твердый человѣкъ лалъ бы духомъ, а про бѣднаго генерала и говорить нечего. Одного взгляда на его толстоватую фигурку, на его добродушное, простоватое лицо было достаточно чтобы понять что этотъ человѣкъ предназначенъ самою природою для наслажденія тихими радостями домашнего очага, но злодѣйка судьба, надѣлавшая его всѣми качествами нѣжнаго родителя и вѣрнаго супруга, жестоко надъ нимъ насмѣялась, безжалостно разбивая всѣ его надежды и немилосердо полирая все то что онъ свято хранилъ и чему вѣрилъ въ простотѣ своей незлобной души.

Каково ему было смотрѣть на цвѣтущую красоту Настеньки и думать что всѣ эти прелести ума, сердца, наружности, все погибнетъ, пройдетъ незамѣченнымъ; характеръ Настеньки портился, и бѣдному отцу не разъ уже приходилось слытывать на себѣ неприятыя послѣдствія ея дурнаго расположенія духа.

Необходимо было измѣнить и поправить какъ-нибудь это тяжелое положеніе. Легко сказать: поправить, а каково быть на его мѣстѣ! Тутъ хоть лобъ взрѣжь, а ничего не придумаешь. Въ молодыхъ вертолпрахахъ кружавшихъ около Настеньки не видѣлъ онъ ничего прочаго и положительнаго, и онъ не ошибался: все это были люди не солидные, не оперившіеся и, чуть что, слѣдившіе ретироваться туда, гдѣ ихъ чуткое ухо и развитое обоняніе давало имъ почувствовать присутствіе презрѣннаго металла, обладающаго, какъ извѣстно, волшебнымъ свойствомъ открывать въ прозѣ источникъ поэзіи и превращать тяжелыя цѣли въ легкія гирлянды цвѣтовъ. Но, голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ! Злополучному отцу пришлось испытать на себѣ мудрую правдивость этой половицы.

Обширное вѣдомство, однимъ изъ скромныхъ служителей котораго былъ нашъ генералъ, въ числѣ разнообразныхъ отраслей управленія, придавало между прочимъ особую и исключительную важность нѣкоторымъ изъ видовъ отечественной промышленности. Въ видахъ оживленія одного изъ степныхъ краевъ нашего обширнаго отечества рѣшено было, не щадя издержекъ, выписать изъ Англіи приличное количество овецъ какой-то необыкновенно рѣдкой породы, превосходящихъ все доселѣ видѣваемое и слышанное; благополучно совершивъ морской переездъ, овцы прибыли въ столицу и показывались любителямъ. Но дѣло было сдѣлано только вполонину: надо было водворить ихъ на мѣстѣ. Отъ успѣха ихъ разведенія ожидали самыхъ счастливыхъ результатовъ; проливъ на край источникъ благоденствія можно было смѣло надѣяться что пустынная мѣстность въ самомъ скоромъ времени оживится и закипитъ торговлей.

По зрѣломъ разсужденіи исполненіе этого порученія, хотя и не вызывающаго на особыя размышленія, но тѣмъ не менѣе требующаго величайшей добросовѣстности и осторожности, возложено было на Пальцына. Польщенный такимъ знакомъ начальническаго довѣрія генералъ земли подъ собою не слышалъ и до того возгордился что осмѣлился даже возражать супругѣ, чего за нимъ отъ роду не водилось: такая дерзость конечно не прошла ему даромъ, и супруга возвила въ него нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній по поводу предстоящей поѣздки, но генералъ былъ слишкомъ счастливъ чтобы придавать значеніе подобнымъ мелочамъ и пропустилъ ихъ мимо ушей.

Его, какъ школьника, радовала мысль прокатиться по Россіи, да еще какъ, въ качествѣ лица облеченнаго довѣріемъ, „особы“ въ вѣкоторомъ родѣ, и кромѣ того, избавиться на вѣкоторое время отъ супружескихъ репримандовъ.

На семейномъ совѣтѣ было рѣшено что генералъ поѣдетъ не одинъ, а въ спровождеиіи старшей дочери, Настеньки, которая тѣмъ временемъ какъ отецъ поѣдетъ дальше исполнять давнее ему порученіе останется погостить у одной дальней родственницы по матери.

Слабдивъ дочь надлежащими инструкціями и поручивъ собственно ей веденіе дорожнаго расхода, Марья Петровна проводила ихъ съ легкимъ сердцемъ. „Суточные“ и „прогонныя“ выданныя генералу по его чину на шесть лошадей послужили ему не малымъ подспорьемъ въ его скромномъ обиходѣ.

Губервскій городъ К., гдѣ жила родственница, лежалъ какъ разъ на половинѣ пути отъ цѣли его путешествія, и потому генералъ разсудилъ позволить себѣ маленькій отдыхъ. Какъ нарочно, ровно чрезъ недѣлю, готовился здѣсь блестящій балъ у губернскаго предводителя, и не быть на этомъ балѣ, по мнѣнію гослужи Хвостиковой (такъ звали родственницу), было по меньшей мѣрѣ непростительно. Дѣлать нечего, надо было ловчиться: генералъ сдѣлалъ визиты властямъ и конечно получилъ приглашеніе.

Настенька со своей стороны была тоже сильно возбуждена разказами тетки объ одномъ тамшнемъ помѣщикѣ Полозовѣ, недавно пріѣхавшемъ изъ Москвы, молодомъ, блестяще образованномъ красавцѣ, а главное—обладателѣ двухъ тысячъ незаложенныхъ душъ: словомъ, всѣ самыя лучшія невѣсты сходили отъ него съ ума, а матушки ихъ готовы были вступить чуть не въ рукопашную изъ-за желанія видѣть его своимъ зятемъ.

Невольная причина всей этой кутерьмы, Николай Васильевичъ Полозовъ, восторженный юноша, недавно только оставившій университетскую скамью, ничего не подозревая, спокойно жилъ у себя въ деревнѣ, писалъ диссертацию: *О мнѣніи искусства на нравы* и всюю душой стремился въ Германію, въ ученыи и мирный Гейдельбергъ или въ какой-нибудь другой тихій уголокъ знанія. Гдѣ же какъ не тамъ найдетъ онъ разрѣшеніе на всѣ томившіе его вопросы и откроетъ

источникъ той живой воды послѣ которой уже не можетъ быть жажды?

Губернскій предводитель доводился Полозову сродни, и не быть у него на балѣ было бы со стороны молодого человѣка преступленіемъ.

Полный идеальныхъ стремленій, съ умомъ мечтательнымъ и пламеннымъ воображеніемъ, съ сердцемъ горячимъ и мѣклымъ какъ воскъ и, какъ воскъ же, готовымъ воспринять отпечатокъ того женскаго образа который первый затронетъ его молодое воображеніе, Полозовъ поклонялся женщинамъ издали и не испытывалъ еще на себѣ силы женскаго вліянія.

Настенька, зная напередъ отъ тетки что увидитъ на балѣ Полозова, рѣшила быть вполнѣ обворожительною и въ нарядѣ свой положила не мало воображенія и вкуса; эффектъ былъ полный и превзошелъ даже ея ожиданія; воздушный станъ и воздушное бѣлое платье, живыя лиліи въ темныхъ волосахъ,—все это ослѣпило, ошеломило молодого человѣка. Не прошло и часа какъ уже онъ былъ ей представленъ и даже танцовалъ съ нею кадрили.

Чтобы не залугивать робкаго и, какъ она тотчасъ замѣтила, совсѣмъ неопытнаго юношу, Настенька сама казалась вѣскольکو смущенною, говорила мало, слушала внимательно и такъ ласково глядѣла что къ концу кадрили Полозовъ чувствовалъ себя совершенно легко и свободно и разговаривалъ съ нею какъ будто они вѣкъ были знакомы. Прежде въ обществѣ незнакомыхъ женщинъ на него напало совсѣмъ другое чувство, какая-то непріятная тяжесть и вмѣстѣ лустота въ головѣ: какъ нарочиво ничего на умъ не идетъ, языкъ лутается и говорить совсѣмъ не то что бы слѣдовало, и самъ чувствуешь что глулъ, невыносимо глулъ и смѣшновъ. Онъ откровенно признался ей въ этомъ; она очень смѣялась и по окончаніи кадрили попросила отвести себя въ гостиную, гдѣ не было такъ душно какъ въ залѣ.

Хозяйка дома имѣвшая взрослую дочь и все время зорко слѣдившая за молодою четой сочла своимъ священнымъ долгомъ разстроить этотъ оласный tête-à-tête; проходя по гостиной она не вытерпѣла и замѣтила Настенькѣ съ тонкою улыбкой:—вы, mademoiselle Пальцына, просто волшебница, если умѣли расшевелить даже такого невозмутимаго человѣка какъ Николай Васильевичъ!

Николай Васильевичъ потерялся было невозможно, но даму его не такъ-то легко было сбить съ позиціи; она посмотрѣла на барыню туманнымъ взглядомъ, даже не удостоивъ ее отвѣтомъ, такъ что та сконфуженная удалилась и прерванный разговоръ продолжался. Черезъ нѣсколько минутъ имъ опять помѣшала. Настеньку пригласили на туръ вальса, и она исчезла, оставивъ своего кавалера очарованнымъ, унося съ собою прелесть своего взгляда, обаяніе голоса и лѣбнителяльной улыбки.

На прощанье очаровательница такъ взглянула на бѣднаго юношу что тотъ едва на ногахъ устоялъ, пожала ему руку и слегка вздохнула. Вздохъ этотъ, конечно, попалъ въ самую цѣль, и Полозовъ, съ замираніемъ сердца освѣдомившись предъ тѣмъ долго ли она здѣсь пробудеть, просилъ у нея позволенія пріѣхать къ нимъ на другой же день. Тетушка съ восторгомъ пригласила молодого человѣка бывать у нея и, возвращаясь домой, поздравляла Настеньку съ блестящею побѣдой. Генералъ, подмѣтивъ впечатлѣніе произведенное дочерью, позволилъ себѣ тоже сказать „что этотъ, дескать, не чета петербургскимъ, и вотъ кабы убить такого бобра, какъ ужъ мамаша была бы рада!“ Но дочь холодно его остановила:

— Ужь пожалуста вы не вмѣшивайтесь туда гдѣ васъ не спрашиваютъ! Сами не знаете чему радуется.

Но первый шагъ былъ сдѣланъ, и Настенька хорошо видѣла съ кѣмъ имѣеть дѣло; родственница оказалась очень тонкимъ дипломатомъ и такъ искусно дѣйствовала что черезъ мѣсяць послѣдовало формальное предложеніе руки и сердца, и свадьбу рѣшено было отпраздновать какъ можно скорѣе, не выѣзжая изъ К. Влюбленный женихъ себя не помнилъ отъ восторга и считалъ минуты до свадьбы. Невѣста, впрочемъ, стала съ нимъ гораздо сдержаннѣе, но это могло только увеличивать его нетерпѣніе.

Послѣ свадьбы молодые уѣхали въ Петербургъ; влюбленный мужъ былъ слишкомъ счастливъ чтобы въ чемъ-нибудь отказать женьѣ, а она старала нетерпѣніемъ показать матери, семьѣ, пріятельницамъ свое торжество: пусть онѣ посмотрятъ, какого мужа она умѣла себѣ достать, и позавидуютъ ея счастью!

Она впрочемъ вовсе не была намѣрена долго украшать своимъ присутствіемъ то жалкое общество въ которомъ вращалась до замужества и, когда прошло первое упоеніе услѣ-

хомъ и самолюбіе ея было удовлетворено, она круто оборвала со своими прежними знакомыми и даже къ матери выказывала значительную холодность.

Николай Васильевичъ представилъ жену своимъ роднымъ: всѣ они почти были люди пожилые, съ извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, и нельзя сказать чтобы новая родственница произвела на нихъ особенно выгодное впечатлѣніе.

Въ вихрѣ визитовъ, обѣдовъ, поздравленій, приемовъ Николай Васильевичъ очень мало видѣлъ свою жену и ужасно таготился такимъ образомъ жизни. Онъ хотѣлъ жизни вдвоемъ, мечталъ о взаимности и готовъ былъ забѣжать хоть на край свѣта чтобы спрятать ото всѣхъ свое ненаглядное сокровище, а тутъ, на виду у всѣхъ, имъ не даютъ ни минуты покоя и, какъ нарочно, безпрестанно отнимаютъ Настеньку. Но она повидимому не совсѣмъ раздѣляла его взгляды, хотя и не выражала этого прямо. Куда дѣвалась милая разговорчивость и та почти дѣтская наивность, такъ лѣвившія Полозова въ первое время ихъ знакомства. Правда что сдѣлавшись невѣстой она стала съ нимъ какъ-то застѣнчивѣе, но это происходило конечно отъ дѣвической робости и стыдливости перваго чувства.

Откуда же телеръ эта неприступность, эта непонятная холодность и задумчивость? И Николай Васильевичъ шелъ къ своей „мимозѣ“,—это названіе онъ ей далъ въ первые дни ихъ брачной жизни,—тревожно заглядывалъ ей въ глаза и умолялъ ее быть съ нимъ вполне откровенною. „Мимоза“ обыкновенно отвѣчала что скрывать ей нечего и удивлялась только, откуда у него берутся такія странныя мысли.

Подобныя объясненія, само собою, мало удовлетворяли мужа, но онъ былъ еще слишкомъ улоенъ любовью чтобы вдаваться въ какія бы то ни было разсужденія.

Въ глазахъ Настеньки мужъ былъ не болѣе какъ неизбежное зло которому предоставлялось право развлекать и раздражать жену, окружать ее всеми житейскими радостями и утѣхами, поддерживать въ ней пріятное расположеніе духа для того чтобы жена могла нравиться лостороннимъ мущинамъ, и за все это въ силу того только что онъ мужъ имѣть какъ можно менѣе на нее правъ и вестн какъ можно болѣе обязанностей.

Настенька считала почему-то совершенно лишнимъ терять

слова съ мужемъ. Вовсе не затѣмъ она выходила замужъ чтобы тратить свое время на лустыя объясненія.

Видя что жена попрежнему холодна и молчалива наединѣ съ нимъ и не зная чѣмъ-бы ее развлечь и утѣшить, Николай Васильевичъ вздумалъ свозить ее за границу; Настенька охотно согласилась, и они уѣхали, предварительно впрочемъ заложивъ имѣніе въ олекунскій совѣтъ. Не владѣвшая до того времени ни единою крѣпостною душой, она была просто поражена, услышавъ что имѣніе ихъ не заложено, и убѣдила мужа въ необходимости исправить какъ можно скорѣе эту важную ошибку. Имѣть незаложенное имѣніе—фи, какая отсталость! Настенька остроумно шутила надъ своимъ супругомъ и даже находила что это рождаетъ его достоинство передоваго человѣка. Николай Васильевичъ могъ только удивляться, какъ раньше не пришла ему въ голову такая полезная мысль, да и кто устоялъ бы противъ такого краснорѣчиваго адвоката! Справедливость требуетъ сказать что не вся сумма полученная ими за залогъ имѣнія употреблена была на поѣздки: половина ея и даже бѣльшая ушла на отдѣлку салона въ стилѣ Людовика XV и на перестройку Березниковскихъ хоромъ въ нѣчто наломивающее готическій замокъ.

Картины южной природы, памятники искусствъ, музеи,—все это не произвело сильнаго впечатлѣнія на холодное воображеніе Настеньки: она зѣвала въ картинныхъ галлерейхъ, ни мало не восторгалась римскими древностями, и всѣ сокровища готическихъ храмовъ, всѣ чудеса италіянскаго искусства не могли привлечь на себя ея вниманія; но путешествіе это во всякомъ случаѣ не прошло для нея даромъ и, если видъ классическихъ памятниковъ и волшебный міръ искусства не могъ оживить эту статую, за то нѣкоторыя изъ отраслей заграничной промышленности нашли въ ней вполнѣ достойную и опытную цѣнительницу. Она вывезла оттуда такія мапшавы, point de Venise такого высокаго качества, что одинъ видъ этихъ прелестей долженъ былъ произвести удивительное дѣйствіе на самыхъ лучшихъ ея пріятельницъ и обратитъ ихъ въ ея непримиримыхъ враговъ; эта мысль тѣшила Настеньку и валопыла ея душу почти дѣтскою радостью.

Мужъ былъ счастливъ ея счастьемъ и не отказывалъ ей ни въ чемъ, да и можно ли ей было отказывать, когда она въ скоромъ времени готовилась быть матерью.

Это обстоятельство заставило ихъ возвратиться въ отечество и, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Настасья Дмитріевна подарилъ своего мужа сыномъ и наслѣдникомъ.

Гдѣ найти слова чтобы передать то, что онъ чувствовалъ? Мірѣ казался ему тѣсень для вмѣщенія его радости, и весь міръ готовъ онъ былъ заключить въ свои объятія!

На Настеньку, виновницу этого благополучія, смотрѣлъ онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Вотъ, думалъ Николай Васильевичъ, когда тронется ея сердце и „мимоза“ перестанетъ быть „мимозомъ“ и обратится въ нѣжное женское существо украшенное только всею прелестью материнской любви и материнской нѣжности.

Но „мимоза“ выслушивала только его восторженные рѣчи и оставалась довольно равнодушною къ событію, въ которомъ не видѣла ничего необыкновеннаго.

Роль нѣжной матери,—она сама это сознавала,—не шла къ ней и утомляла ее: „Хорошо, но крайней мѣрѣ, что не дѣвочка, а мальчикъ! съ дѣвочками этимъ столько возни, рассуждала она, вспоминая свою матушку:—вывози ее, наряжай и, потомъ еще, въ довершеніе всего—faire tapisserie для нея, есть изъ чего хлопотать, въ самомъ дѣлѣ!

Но время между тѣмъ шло да шло. Володѣ минуло уже два года, и до Полозова стали доходить какіе-то неопредѣленные слухи сначала въ видѣ намековъ, потомъ все яснѣе и яснѣе, происходило имя его жены. Николай Васильевичъ сталъ вслушиваться, всматриваться и наконецъ понялъ то что уже ни для кого не было тайной.

Дорого ему стоило его юное увлеченіе и, хотя повзвѣснѣе оредѣль которымъ онъ украсилъ когда-то Настеньку былъ давно утраченъ, а она сама превратилась въ какую-то другую, совершенно ему незнакомую женщину, съ весьма положительнымъ взглядомъ на вещи и съ сильно развитыми инстинктами роскоши и всякаго наслажденія, но тѣмъ не менѣе онъ еще обманывался и охотно вѣрилъ тому во что хотѣлъ вѣрить. Теперь только, когда несчастье его было внѣ всякаго сомнѣнія и стояло предъ нимъ во всей своей осязательной ясности, Полозовъ понималъ всю фальшь, все бездушіе этого созданія, съ которымъ связанъ былъ на всю жизнь и которому отдалъ и лучшіе годы свои, и лучшую часть своего существа. Еслибъ онъ повиновался первому движенію сердца и далъ бы волю душившему его гнѣву,

Настасьѣ Дмитріевнѣ пришлось бы немедленно распространиться съ супружескимъ домою; но онъ вспомнилъ о маленькомъ существѣ которое отнынѣ одно составляло его земное счастье.

Когда Володя вырастетъ и спроситъ его о матери, какой отвѣтъ дать онъ ему?

Чтобъ уберечь душу отъ преждевременнаго опыта, жизнь отъ равнаго цинизма, образъ матери по понятіямъ Николая Васильевича долженъ былъ всегда оставаться чистъ и незапятнанъ въ глазахъ сына, для того чтобы въ послѣдствіи онъ могъ научиться уважать женщину, и ради сына онъ предложилъ Настасьѣ Дмитріевнѣ жить подъ одною крышей.

Въ нѣсколько дней Николая Васильевича свернуло такъ какъ послѣ тяжкой болѣзни; сразу онъ постарѣлъ на десять лѣтъ: аппетитъ пропалъ, сна не было, глаза пожелтели, ставъ похудѣлъ и скорбился. Когда послѣ долгой бессонницы ему случалось забыться на нѣсколько минутъ тревожнымъ, тяжелымъ сномъ, то при пробужденіи горе его казалось ему еще живѣе и онъ стоналъ и метался отъ глухой боли; Петербургъ ему опротивѣлъ и онъ уѣхалъ съ сыномъ въ деревню, предоставивъ своей супругѣ полное право явиться туда когда ей будетъ угодно. Правомъ этимъ она воспользоваться не замедлила и пріѣхала почти вслѣдъ за мужемъ, не затѣмъ чтобы совсѣмъ тамъ поселиться, — ей это и въ голову не приходило, — но чтобы сласти свое свѣтское положеніе. Нельзя же было не пойти на нѣкоторыя уступки. И потому эта гадкая матеріальная зависимость! Пожеволѣ придется скучать лѣтомъ чтобъ имѣть возможность проводить въ свое удовольствіе зиму.

Николай Васильевичъ похвалъ ея тактику, и когда Настенька явилась съ видомъ кающейся грѣшницы, онъ на минуты не вѣрилъ въ ея обращеніе и нисколько не былъ удивленъ когда осенью ей вдругъ понадобилось непременно ѣхать въ Петербургъ; холодность мужа и рѣзкость его обращенія конечно прежде всего заставляла ее искать хотя бы временнаго развлеченія. Николай Васильевичъ даже и не старался разубѣждать ее, но поставилъ ей непремѣннымъ условіемъ проводить большую часть года въ деревнѣ, для того чтобы жертва его имѣла хоть какой-нибудь смыслъ, на чтò, конечно, послѣдовало полное согласіе. Такого-то рода отношенія установились между супругами, а Володя между тѣмъ выросталъ и замѣтно болѣе привязывался къ отцу нежели къ матери.

Тутъ по крайней мѣрѣ Николая Васильевича не ожидалъ обмать, и если жена предъ нимъ лицемерила, то въ искренности ласкъ ребенка онъ не могъ сомнѣваться.

Онъ самъ былъ его нянькой, его учителемъ, а когда Володѣ минуло десять лѣтъ—выписалъ ему Швейцарца, еще не стараго, честнаго и ученаго, съ самыми солидными рекомендаціями.

Такъ какъ Володя росъ совершенно одинокъ, то не мудрено что въ дворѣ нашлось у него множество ровесниковъ съ которыми онъ мирно дѣлалъ свои досуги. Обстоятельство это очень не нравилось сыну свободной страны, несмотря на всю либеральность его принциповъ. Чопорность Швейцарца возмущалась на всякомъ шагу грубыми выходками деревенскихъ мальчишекъ и тою фамильярностью съ какою его воспитанникъ къ нимъ относился. За то сколько крѣпкихъ привязанностей приобрѣлъ Володя въ этомъ незатѣливомъ обществѣ, и monsieur Расу нерѣдко приходилось извлекать его изъ глубины скотнаго двора или изъ каретнаго сарая, куда онъ слѣзилъ укрыться предъ латинскимъ урокомъ. Недоразумѣнія эти несколько впрочемъ не мѣшали учителю и воспитаннику быть въ самыхъ лучшихъ дружескихъ отношеніяхъ и они жили въ любви и согласіи.

Всеисцѣляющее время зажило также и раны Николая Васильевича: грудь мучительно не стѣснялась, сердце не щемило по-старому, онъ повеселѣлъ и отдохнулъ.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ ничто не нарушало мирнаго теченія ихъ жизни.

Тѣмъ временемъ подошла пора крестьянскихъ комитетовъ. Николай Васильевичъ всею душой сочувствовалъ реформѣ и былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ, но ему не суждено было дожить до болѣе счастливаго времени: возвращаясь изъ губернскаго города въ Березники, онъ схватилъ жестокую простуду и умеръ почти наканунѣ великаго дня.

Настасья Дмитриевна, которую вызвали изъ Петербурга, застала его еще въ живыхъ; дружески простившись съ нею, Николай Васильевичъ поручилъ ей сына, съ большою теплою благодарилъ Расу за его любовь къ Володѣ.

Володя, въ то время уже двѣнадцатилѣтній мальчикъ, горько оплакалъ потерю отца. Это случилось весной, и Настасья Дмитриевна, соблюдая приличіе и не желая дать сыну почув-

ствовать еще сильнѣе эту потерю, провела лѣто въ деревнѣ, а осенью увезла его въ Петербургъ.

Настасья Дмитриевна, до того времени мало обращавшая вниманія на сына, внезапно почувствовала приливъ материнской вѣжности.

До совершеннолѣтія ему еще было далеко, а между тѣмъ, подростая, онъ выравнивался въ очень стройнаго и красиваго мальчика: пріятно было показать его другимъ.

Желая истребить въ немъ слѣды деревенской дикости и застѣнчивости, привитыхъ спартанскимъ воспитаніемъ Николая Васильевича, Настасья Дмитриевна принялась передѣлывать сына по-своему: часто брала его съ собою кататься, возила его къ своимъ пріятельницамъ, устраивала у себя дѣтскіе вечера и балы; но все было напрасно: Володя участвовалъ въ этихъ экзерциціяхъ, но душа его, всѣ его помыслы были въ деревнѣ. А что-то теперь въ Березникахъ у насъ дѣлается? Кто-то присмотритъ безъ него за его телятами и жеребятами, которыхъ онъ прошлымъ лѣтомъ приобрѣлъ на ярмаркѣ? Увѣзая онъ поручилъ ихъ особеннымъ полеченіямъ Стелки, кучерова сына, но все-таки его брало раздумье и онъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ и одинокимъ. Изъ своего далека слѣдилъ онъ за ходомъ всѣхъ событій развивающихся въ мирномъ теченіи березниковской жизни: вѣрно теперь въ саду уже ничего нѣтъ, яблоки сняли, а все-таки хоть бы на одинъ денекъ очутиться тамъ. И при одной мысли объ этомъ сердце у Володи билось сильнѣе; даже старая ворчливая Марья Михайловна, ключница, представлялась ему самою добродушною, милою старушкой, а латинскіе уроки Расу казались пріятнымъ времяпрепровожденіемъ. Всѣ темныя стороны картины отходили на задній планъ и въ воображеніи оставались лишь одни свѣтлыя, розовыя воспоминанія.

Расу оставался еще пока при немъ.

Строгая его наружность, его суровая добродѣтель и кальвинистскій образъ мыслей, были очень не по праву Настасья Дмитриевнѣ.

Взгляды ея на воспитаніе, если у нея были таковыя, во всемъ расходились съ его взглядами, и образъ суроваго мужа, какимъ могъ выйти Володя подъ руководствомъ Расу, никакъ не подходилъ къ ея идеалу свѣтскаго и блестящаго воспитаннаго молодого человѣка.

Чуя въ немъ непріятеля и тайную помѣху своимъ планамъ, Настасья Дмитріевна рѣшила выжить Швейцарца и при первомъ удобномъ случаѣ намекнула ему что скоро намѣрена помѣстить сына въ учебное заведеніе.

Намекъ былъ понятъ, и Расу не замедлилъ удалиться.

Разставанье, конечно, было трогательное: за три года проведенные вмѣстѣ они успѣли свыкнуться и полюбить другъ друга. Суровый педагогъ болѣе всего боялся вреднаго дѣйствія роскоши, которая теперь окружала Володиму жизнь, но опасенія Швейцарца были напрасны и въ школь, куда Настасья Дмитріевна вскорѣ помѣстила сына и которая вмѣстѣ съ непрестанными заботами о свѣтской выдержкѣ и внѣшнемъ благообразіи своихъ питомцевъ считаетъ своимъ призваніемъ поставлать государственныхъ дѣятелей, Володя сохранилъ свои спартавскія добродѣтели, прежаю свою оригинальность и независимость мнѣній. Товарищи его полюбили, а ученіе давалось ему легко, вслѣдствіе привычки сдѣланной еще дома къ правильнымъ занятіямъ.

Въ продолженіе этого времени Настасья Дмитріевна, послѣ кончины супруга, особенно сильно пользовавшаяся жизнью, успѣла порядочно позалутать дѣла, да и не ломолюдѣла за эти годы; грустная эта истина съ каждымъ днемъ все сильнѣе давала себя чувствовать; поклонники появлялись рѣже, ей перевалило за сорокъ, и скрѣпя сердце должна она была признать совершившійся фактъ. Вопросъ любви, такъ напооявшій до сихъ поръ ея жизнь, за немнѣніемъ настоящей реальной почвы, отвесенъ былъ въ область чистаго искусства, въ сферу возвышенныхъ мечтаній; пришлось изучать его со стороны отвлеченной, сухо теоретической. Изрѣдка на Настасью Дмитріевну напала хандра, и можетъ-быть не разъ пожалѣла она о прошедшемъ и вслomnia Николая Васильевича такъ романически въ нее влюбленнаго. Въ одну изъ такихъ непріятныхъ минутъ, лѣтомъ, въ деревнѣ, взяла она къ себѣ Лидушу, у которой предъ этимъ только-что умерла мать. Впрочемъ не такая она была жевщина чтобы долго останавливаться на невеселыхъ размышленіяхъ; услытанія не ослабили ея энергію, и только заставили ее переместить свою дѣятельность на другую почву. Отъ природы любозвательная, теперь, лишившись главнаго интереса въ жизни, Настасья Дмитріевна сгорала такъ-сказать жаждоу познанія до малѣйшихъ подробностей чувствъ, дѣяній и намѣреній ближняго.

● Интрига отнынѣ замѣнила ей все, и она занялась ею со рвеніемъ. У нея, какъ и у всякаго мастера своего дѣла, бывали минуты неподдѣльнаго вдохновенія. Вдругъ ни съ того, ни съ сего бросалась она къ своему письменному столу и писала записку пріятельницѣ слѣдующаго содержанія: „Chère Barbe, именемъ нашей дружбы прошу тебя не принимай Оглоблина, причину объясню при свиданіи, я узнала о немъ вѣчто совершенно измѣнившее мой взглядъ на него“ и т. д. въ томъ же тонѣ.

Дѣло въ томъ что съ вѣкоторыхъ поръ Настасья Дмитріевна сдѣлалась горячею защитницей женской эманципации и свободы чувства.

Оглобливъ, о которомъ упоминалось въ запискѣ къ пріятельницѣ, былъ пріѣзжіи молодой еще человѣкъ, недавно познакомившійся съ Настасьей Дмитріевной, и имѣлъ несчастье навлечь на себя ея гнѣвъ по слѣдующему поводу: не задолго до этого встрѣтились они у общихъ знакомыхъ, гдѣ зашла рѣчь объ однихъ только-что развѣхавшихся супруггахъ; мнѣнія конечно раздѣлились, мужчины защищали мужа, большинство же и преимущественно дамы были на сторонѣ покинутой супруги. Происшествіе состояло въ томъ что мужъ оставилъ жену для одной замужней женщны, пользовавшейся весьма незавидною репутаціей. Настасья Дмитріевна была въ ударѣ и, попавъ на свою любимую тему, съ большимъ жаромъ отстаивала свободу чувства. Madame Штромъ (такъ звали эту барыню) имѣла на эту свободу свои права, которыя мужъ долженъ былъ уважать, доказывала она. Оглобливъ, до того времени не принимавшій участія въ разговорѣ и сидѣвшій поодаль отъ остальной компаніи, неволью при этомъ взглянулъ въ сторону Настасьи Дмитріевны и какъ бы вскользь сказалъ:

— Смѣю думать что и жена тоже со своей стороны имѣла права на мужа!

Настасья Дмитріевна, до этого всегда благоволившая къ Оглоблину и никакъ не ожидавшая возраженія, насмѣшливо улыбулась и проговорила язвительнымъ тономъ:

— Но вѣдь есть права священныѣ этихъ; я надѣюсь, вы съ этимъ не можете не согласиться, monsieur Оглобливъ?

— Почему же? самымъ искреннѣйшимъ образомъ удивился Оглобливъ и имѣлъ неосторожность даже плечами пожать;— признаюсь, я этого не понимаю!

— Вотъ наивный вопросъ! и вы, monsieur Оглобливъ, извините, такой развитой человекъ, и не понимаете этого? ха, ха, ха! принужденно смѣялась Настасья Дмитриевна.—Это прелесть что вы этого не понимаете,—повторяла она,—и я вамъ ужасно завидую. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы еще молоды! Но я вамъ растолкую, если позволите, какая огромная разница между свободнымъ выборомъ сердца и бракомъ, который всегда, всегда,—прибавила она выразительно,—есть дѣло разсудка, расчетовъ какихъ-нибудь, словомъ, всего, чего хотите, но только не чувства; въ наше время и въ нашемъ обществѣ бракъ есть сдѣлка, никакъ не болѣе, и я увѣрена что всѣ согласятся со мною, твердила она свое, обводя глазами присутствующихъ.

Глубокое молчаніе было отвѣтомъ. Оглобливъ не удивился.

— Не завидую я людямъ имѣющимъ подобныя взгляды, выразилъ онъ ей откровенно свое мнѣніе.

— Что же дѣлать! иначе и быть не можетъ. Бракъ, ужь что вы тамъ ни говорите, не есть дѣло свободного выбора,—это первое его неудобство, и потомъ въ отношенія мужа и жены всегда примѣшивается столько прозы, столько мелочей этихъ житейскихъ что все это не поддерживаетъ чувство, а убиваетъ,—вѣрите моей опытности, Оглобливъ, продолжала вздохнувъ Настасья Дмитриевна,—и наконецъ вы забываете что прелесть тайны, которая придаетъ чувству столько поэзіи, въ бракѣ уже не существуетъ. И она пожала плечами.

Добродѣтельная мать трехъ взрослыхъ дочерей находившаяся тутъ же съ ужасомъ на нее смотрѣла, но удержать расходившуюся барыню было такъ трудно.

— А жертвы, Оглобливъ, жертвы! съ увлеченіемъ говорила Настасья Дмитриевна.—Не забудьте что madame Штурмъ оставила мужа, дѣтей; чѣмъ выше жертва тѣмъ болѣе ее нужно цѣнить!

— Если она оставила мужа и дѣтей, возразилъ Оглобливъ,—и послѣдовала влеченію личнаго чувства, то въ чемъ же ея жертва? не понимаю я такихъ жертвъ!

— Не понимаете! съ ужасомъ воскликнула Настасья Дмитриевна,—а борьба которую она должна была предъ этимъ вынести, неужели вы ее ни во что не ставите?

— Борьба, изъ которой она однако такъ скоро и легко вышла побѣдительницей; плохо же видно она боролась!

— Какое рѣзкое сужденіе, укорила его Настасья Дмитри-

евна.—Такъ молоды и такъ строго судите! Поступокъ этотъ наконецъ вполне можно извинить силою ея увлеченія.

— Охъ, не вѣрю я что-то въ эти увлеченія, вставляя одинъ изъ присутствующихъ, старый холостакъ и большой скелтикъ.

Ему не возражали, и скелтикъ продолжалъ:

— Одно могу сказать положительно, да храните судьба всякаго смертнаго отъ связи съ замужнею жевщиной: всѣ эти сомнѣнія, недоразумѣнія, упреки что вамъ всѣмъ пожертвовали, когда подкладка-то можетъ-быть была совсѣмъ другая, могутъ совсѣмъ отравить жизнь.

— Bravo, Константинъ Семеновичъ! Вотъ, не ожидала-то, каковъ въ самомъ дѣлѣ! Почему же вы до сихъ поръ пользуетесь вашею свободой? донрашивала скелтика Настасья Дмитриевна.

— А цѣнство ли вамъ, какою цѣной я купилъ эту свободу и всегда ли я такъ разсуждалъ какъ теперь? *Si jeunesse savait...* опыть, горькій опыть, сударыня, подсказываетъ мнѣ эти рѣчи, отвѣчалъ ей скелтикъ.

— Нѣтъ, вѣтъ и вѣтъ! продолжала Настасья Дмитриевна,— я не понимаю чувства, если оно налагаетъ обязанности; чувство потому и хорошо что оно свободно!

— Чтò же мѣшаетъ выбрать себѣ человѣка по сердцу заговорилъ опять Оглоблинъ,—иначе я и не понимаю брака, и почему одно и то же лицо отталкиваетъ какъ мужъ, а какъ, какъ... (онъ затруднился въ выраженіи), а въ другой роли кажется пріятельнымъ? И послѣ этого еще удивляются что столько несчастныхъ браковъ, когда мы сами виноваты во всемъ и прежде всего въ томъ что стараемся громкими фразами украсить позоръ жевщины.

Настасья Дмитриевна вознегодовала.

— *Monsieur Oглоблинъ*, вы рѣшительно извращаете мои слова! я говорю не объ украшеніи позора, но объ искренномъ и честномъ увлеченіи.

— Боже, какое заблужденіе! возразилъ Оглоблинъ.—Жевщина, какъ эта мадамъ Штромъ которую вы оправдываете, оставила мужа, оставила дѣтей, и мало того, разбила еще и другую семью, отняла у жевщины можетъ-быть ея единственную привязанность. И это называютъ увлеченіемъ! досадно слушать. Я бы такой жертвы не принялъ, я совершенно согласенъ съ Константиномъ Семеновичемъ.

— Я вижу только что покинутая мадамъ Батурская на-

пла себѣ такихъ рыцарей что можетъ влолѣвъ утѣшиться въ потерѣ мужа, съ тонкою улыбкой замѣтила Настасья Дмитриевна и пристально взглянула на Оглоблѣва.

Тотъ выдержалъ взглядъ этотъ безо всякаго замѣшательства и сухо проговорилъ:

— Я не знакомъ съ госложей Батурской и высказалъ только свое мнѣніе.

Съ этой минуты Оглоблѣвъ потерялъ милости Настасьи Дмитриевны. Посидѣвъ еще немного, она встала и ускользнула въ сѣкъ не простившись.

— Ну, молодой человѣкъ, теперь вы совсѣмъ пропали! подшучивалъ Оглоблѣву холостякъ:—барыня васъ возненавидитъ; *c'est à la vie ou à la mort maintenant entre vous!* Да и въ самомъ дѣлѣ, нашли же кому проповѣдывать! Настасья Дмитриевна, и святость семейнаго союза! Кому неизвѣстно что она своего мужа чуть не уморила!

Послѣ этого-то происшествія Настасья Дмитриевна, воображая что Оглоблѣвъ желаетъ жениться на дочери ея пріятельницы, воздвигла противъ этого молодаго человѣка гоненіе и начертала приведенную выше записку, для того чтобы какъ она полагала, помѣшать ему жениться.

Вообще она не прочь была смутить ближнаго, и видъ чужаго безлокоиства производилъ успокоивающее дѣйствіе на ея нервы.

Лидуша, конечно, не въ состояніи была развлекать свою покровительницу и служить для нея пріятною собесѣдницей. Впрочемъ Настасья Дмитриевна ее по-своему жаловала, въ добрыя минуты называла ее своею трудолюбивою пчелкой, своимъ первымъ министромъ, но не была слѣшкомъ высокаго мнѣнія объ ея умственныхъ способностяхъ.

Вся отвѣтственность по домашнему хозяйству, довольно сложному, лежала на Лидушѣ: она провѣряла счеты повара и дворецкаго, она же исполняла разнообразныя порученія и комиссіи Настасьи Дмитриевны, и никто лучше ея не умѣлъ угодить прихотливымъ вкусамъ избалованной барыни.

— Я часто люблюсь Лидушей, говорила иногда Настасья Дмитриевна кому-нибудь изъ своихъ *habitués*:—сознаюсь въ своей слабости, ужасно люблю хорошенькія личики; говорятъ старыя женщины походятъ въ этомъ случаѣ на старыхъ мужицъ! (Настасья Дмитриевна любила таки лококетничать своею старостью.) Какъ вы ее находите, мила, не правда ли?

— Лидія Сергѣевна прелестная дѣвушка; кругомъ васъ, Настасья Дмитріевна, все дышетъ милосердіемъ! отвѣчала обыкновенно гость на подобный вопросъ.

Но стоило гостю удалиться, и вся живость мгновенно пропадала, разговоръ не клеился, и Настасья Дмитріевна смотрѣла на Лидушу совсѣмъ равнодушными глазами: она дѣлалась для нея столько же интересна какъ мебель украшающая ея кабинетъ, какъ пустое мѣсто въ картинѣ. Отъ времени до времени находила она нужнымъ слегка пожуричь Лидушу.

— Что это, Лидуша; какой безобразный счетъ мнѣ сегодня подали? ни на что не похоже! Нельзя же, ма снѣге, быть такою слабою. Это ужъ небрежность. Тебѣ что ни подай, ты будешь на все молчать, такъ нельзя, люди этимъ пользуются!

— На прошедшей недѣлѣ покупали вино, покорно отвѣчала Лидуша,—потому и счетъ вышелъ великъ.

— Не на пятьсотъ же рублей было куплено вина; скажи лучше что просто ты сама виновата: слишкомъ фамильярна съ ними, вотъ и все! Сегодня, вдругъ вижу тебя въ интимной бесѣдѣ съ Дашей. О чемъ это?

Лидуша всхлипывала и олуסקала голову.

— Я просила ее отвести письмо; мнѣ самой было некогда, такъ она мнѣ обѣщала.

— У тебя вѣчно найдется отговорка. Сегодня я что-то особенно устала, совсѣмъ сплю. Дмитрій Махайловичъ меня заговорилъ, и что за странная манера сидѣть два часа послѣ обѣда; ужасно весело слушать его болтовню!

Но и у Настасьи Дмитріевны, несмотря на всю роскошь и изящество обстановки, несмотря на всѣ услѣхи и видимую ея безлечность, была своя душевная рана, которая особенно часто раскрывалась за послѣднее время. Отношенія ея къ высшему свѣту никогда не были близки, несмотря на всѣ ея старанія стать тамъ на болѣе короткую ногу, а послѣ смерти мужа привали совсѣмъ официальный характеръ и ограничивались лишь утренними визитами да двумя, тремя большими вечерами.

Настасья Дмитріевна, хотя и много толковала о вредѣ общественныхъ предразсудковъ, но эта мысль не давала ей покоя и она сильно въ этомъ случаѣ разчитывала на сына: на его услѣхи и на его будущую карьеру возлагала она всѣ

свои надежды. Лѣто проведенное вмѣстѣ въ деревнѣ должно было особенно помочь ей сблизиться съ сыномъ и заставить его войти въ ея планы.

IV.

Когда безпорядокъ первыхъ дней пріѣзда улегся и вмѣстѣ съ нимъ исчезли оживленіе и суета, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно водвореніе на новомъ мѣстѣ жительства, и жизнь вошла въ свою обычную колею, Настасья Дмитриевна почувствовала что она въ деревнѣ. Дѣлать было рѣшительно нечего: лустые дорожные сундуки отнесены въ кладовую; затѣдливые приборы и туалетныя принадлежности, хранящіяся въ безчисленныхъ несессерахъ и баулахъ, безъ которыхъ она дышать не могла, всѣ разложены по мѣстамъ; на лисьменномъ столѣ знакомый, изящный лисьменный приборъ—словомъ, все какъ въ Петербургѣ, только его самого недостаетъ, вотъ въ чемъ горе!

Скучно до малодушія, еслибы не совѣстно, велѣла бы запрячь лошадей да и локатила бы по желѣзной дорогѣ обратно. Какъ это они здѣсь живутъ и не вѣшаются отъ скуки? спрашивала себя Настасья Дмитриевна.

Сонная тишина и лустота двора и сада раздражали ее и вводили какое-то уныніе. Она рѣшительно не умѣла обходиться собственными средствами.

— Какъ странно, Лидуша, что Варвара Гавриловна до сихъ поръ не была; не можетъ быть чтобъ она не знала о нашемъ пріѣздѣ, жаловалась Настасья Дмитриевна Лидушѣ.

— Я ей писала еще за нѣсколько дней до отъѣзда, отвѣчала Лидуша,—да вчера приходила женщина изъ Дрововки и говорила что она въ монастырѣ, а то бы она сейчасъ пріѣхала, и Аркашу, говорятъ, взяла съ собою.

— Какъ это все не кстаети, точно нарочно устраивается! капризнымъ тономъ промолвила барыня.—Ты бы сходила завтра сама; можетъ-быть эта баба тебѣ еще и выдумала!

— Нѣтъ, не думаю; здѣсь ужъ конечно всѣ знаютъ о томъ что вы пріѣхали, и тетя бы пришла навѣрное.

— Впрочемъ, правда, произнесла Настасья Дмитриевна мгновенно оживляясь,—мой пріѣздъ—такое событіе что они, я думаю, ни о чемъ другомъ, кромѣ этого, и говорить не въ состояніи! Я воображаю какое развлеченіе я доставила бары-

нямъ, онъ теперь съ ума сходить отъ любопытства посмотреть на меня, но я не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть этихъ госпожъ, моя дверь для нихъ закрыта!

Настасья Дмитриевна благородно заблуждалась въ этомъ случаѣ, какъ и вообще заблуждаются на этотъ счетъ пріѣзжіе, досужіе столичные жители: деревенскимъ барынямъ и безъ нея было дѣла довольно, и всѣ онѣ такъ были заняты по своимъ муравейникамъ что пріѣздъ госпожи Полозовой не вызвалъ особаго движенія.

Правда, барыни вообще ея не долюбливали, а что касается мужицъ, то легкая тѣнь ея репутаціи придавала ей въ ихъ глазахъ нѣчто заманчивое, и она производила то особаго рода обаяніе которое почти всегда предшествуетъ дамамъ нескучно жившимъ въ молодости.

Настасья Дмитриевна съ нетерпѣніемъ ждала пріѣзда сына и не могла понять, чего онъ такъ долго сидитъ за границей.

Недѣля ей показалась за одинъ безконечный, томительно однообразный день; гуляла она мало и все больше сидѣла у себя въ кабинетѣ или на балконѣ за назидательнымъ чтеніемъ романовъ, въ родѣ Повсювъ-дю-Терайля, Ксавье де-Монтелена и другихъ авторовъ той же школы, которыми она постаралась заластись предъ отъѣздомъ въ глушь; картины сельскія ея мало интересовали и до природы она вообще была не охотница, и въ жизни, какъ и въ романѣ, предпочтала сильныя ощущенія.

Такъ-то проводила свое время наша затворица, а отъ Володи письма все не было, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро или скорѣе день, потому что уже былъ второй часъ, на дворъ влетѣла телега и прямо къ подѣзду, изъ нея кто-то выскочилъ, и не успѣвъ дворецкіи прибѣжать доложить о пріѣзжѣ какъ Владиміръ Николаевичъ самъ предсталъ удивленнымъ взорамъ матери.

Тотчасъ же бросился онъ къ ней и покрылъ ея руки и лицо поцѣлуями, раздѣловался и съ Лидушей. Первые минуты отъ волненія никто не могъ выговорить ни слова; отъ радости у всѣхъ точно языкъ отнялся.

Настасья Дмитриевна скорѣе всѣхъ овладѣла собой.

— Ахъ, Володя, какой ты странный! Ну можно ли такъ дѣлать, цѣлый мѣсяцъ и ни строчки. Я тутъ просто изныла отъ ожиданія.

— Простите ужъ такъ и быть своего блуднаго сына, я на-

рочно затѣмъ и не писалъ чтобъ явиться къ вамъ какъ свѣтъ на голову; теперь дѣлайте со мною что хотите, и онъ нагнулъ голову къ ея колѣнямъ.

Съ виду сынъ Настасьи Дмитріевны былъ красивъ и строгъ, не худъ—открытое лицо, черты правильныя какъ у матери, но цвѣтомъ волосъ и выраженіемъ глазъ, большихъ, говорящихъ, свѣрыхъ, онъ наломивалъ отца.

— Я до сихъ поръ себѣ не вѣрю, сказалъ онъ еще разъ обвиняя мать,—что наконецъ-то я олять съ вами и въ Березникахъ. Шутка сказать, ровно два года, и ничего, выдерживалъ-таки характеръ; за то послѣднее время, могу сказать, минуты считалъ до отъѣзда. Какъ я радъ, вы не можете себѣ представить! прибавилъ Володя съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ.

Лидуша хотѣла выйти изъ комнаты чтобы не мѣшать матери и сыну, но Настасья Дмитріевна остановила ее.

— Лидуша, куда ты?

— Я шла сказать насчетъ завтрака, пробормотала она, въ нерѣшительности останавливаясь.

— Что такое? Вѣдь уже завтракъ готовъ! Впрочемъ тебѣ можетъ-быть и не понравится, сказала Настасья Дмитріевна, взглянувъ на сына;—тебѣ нужно что-нибудь посуществоватье, прибавила она.

— Пожалуста не хлопочите, ничего не нужно, отвѣчалъ сынъ;—я теперь отъ радости вѣсть ничего не буду, а такъ съ вами посижу! Поидемте, Лидія Сергѣевна,—обратился онъ къ Лидушѣ.—Знаете еслибъ я васъ гдѣ-нибудь на улицѣ встрѣтилъ, я бы васъ не узналъ! Серіозно, вы ужасно измѣнились, выросли, совсѣмъ взрослая барышня!

Лидуша, не придавая никакой значенія поцѣлюю въ первыя минуты встрѣчи, теперь вдругъ о немъ вслomniaла и покраснѣла какъ роза.

— Еще бы не взрослая, прошептала она,—мнѣ девятнадцать лѣтъ.

За завтракомъ не много ѣли, но много говорили, разпросамъ конца не было; сынъ на все отвѣчалъ подробно и обстоятельно, но наконецъ наступила довольно продолжительная пауза; бываютъ такія минуты когда чувствуешь что уже все переговорено и запасъ истощился, а такъ какъ давно не видались, то и интересовъ общихъ мало. Сынъ первый превралъ это неловкое молчаніе.

— А въ домѣ все попрежнему! заговорилъ онъ оглядываясь,—по крайней мѣрѣ эта комната—это моя любимая; впрочемъ, здѣсь у меня все любимое!

— Кому жь было мѣнять, сказала Настасья Дмитриевна;—послѣ смерти палачи мы здѣсь жили мало. Тебѣ я велѣла приготовить кабинетъ палачинъ; тамъ тебѣ будетъ удобнѣе всего, отвелась она къ сыну.

— И прекрасно, отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ;—вы этимъ валомиваете что мнѣ слѣдуетъ привести себя въ болѣе приличный видъ. Вы взгляните только на что я похожъ,—продолжалъ онъ вставая;—да еще бы недѣлю почти въ дорогѣ; хорошо что еще отъ станціи пыли не было, а то бы я явился къ вамъ такимъ краснокожимъ Индійцемъ что вы бы пожалуй отъ меня отрекались! Онъ разсмѣялся и отправился къ себѣ умыться и переодѣться.

Кабинетъ былъ большая почти квадратная комната, съ четырьмя огромными окнами выходившими прямо въ садъ; тяжелыя драпировки на окнахъ придавали комнатѣ какой-то таинственный полусвѣтъ, дѣлавшій ее еще пріятнѣе и прохладнѣе въ жаркіе лѣтніе дни; вездѣ темнозеленый сафьянъ и темный дубъ, массивная мебель; вдоль одной стѣны помѣщалась библіотека; большой лисьменный столъ по срединѣ комнаты съ изящнымъ лисьменнымъ приборомъ—это новосты! Владиміръ Николаевичъ подошелъ поближе; онъ помнилъ что прежде его тутъ не было; вѣроятно это позаботилась мать.

Хорошо возвратиться на родину и, право, не жалъ прожить вѣсколько лѣтъ на чужой сторонѣ, хотя бы и для того только чтобъ испытать это блаженное чувство, и еще лучше возвратиться не безпріютнымъ какимъ-нибудь скитальцемъ, которому и на родинѣ некуда и не къ кому приклонить голову, а знать что есть мѣсто гдѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ, встрѣтять съ восторгомъ: вотъ какъ сегодня,—путешественникъ нашъ вспомнилъ счастливое выраженіе на лицѣ матери и Лидуши, этой милой дѣвушки, почти подруги дѣтства, величественную радость прислуги, — возможно-ли оставаться равнодушнымъ къ такимъ непритворнымъ изъявленіямъ любви! Какъ знать что ждетъ его дальше! еще много дней впереди, а локуда онъ жилъ не мудрствуя лукаво и бралъ жизнь какъ она есть. Жаль отца что мало пожилъ! Онъ взглянулъ на его портретъ, стоявшій тутъ же на столѣ, и въ глазахъ его, строгихъ и вмѣстѣ вѣжныхъ, выразалось

такъ много скорби и затаенной грусти что при одномъ воспоминаніи о безвременной смерти дорогаго существа легкое облако печали омрачило его молодое лицо; онъ былъ двухъ лѣтъ, когда между супругами произошелъ разрывъ, и не зналъ печальной исторіи отцовской любви, но смутно угадывалъ истину, и хотя любилъ равно и того и другаго, но жалѣлъ отца и съ радостью бы отдалъ нѣсколько лѣтъ жизни чтобы только смыть пятно прошедшаго.

Подавивъ невольный вздохъ, онъ прошелся по комнатѣ и еще разъ остановился предъ портретомъ, но у молодого воображенія быстрыя крылья: въ одно мгновеніе отецъ, мать и Лидуша, Гейдельбергъ, откуда онъ вѣхалъ, и Березники, все это смѣшалось и отошло въ темную даль; мысли, какъ рѣзвыя волны, набѣгали одна на другую въ его головѣ и исчезали, какъ и появлялись, также мгновенно.

Голосъ Трофима Макарыча, тихо вошедшаго черезъ спальню, прервалъ нить его размышленій.

— Здравствуйте, батюшка, остановился онъ предъ нимъ, точно изъ земли выросъ:—наконецъ-то мы васъ дождались.

— Трофимъ Макарычъ, голубчикъ, тебя ли я вижу! однако ты не помолодѣлъ за это время.

— Годы ужъ не тѣ, Владиміръ Николаевичъ, годы берутъ свое, тяжело вздыхая, отвѣчалъ толстякъ.—Какъ вы батюшка проживали? Хорошо, смѣю предположить, коли такъ долго не вѣхали; а мы безъ васъ очень скучали, такъ скучали что и рассказать невозможно; маменька еще на прошедшей недѣлѣ пріѣхали и впади въ большое уныніе, ожидая васъ, прибавилъ онъ съ нѣкоторою таинственностью.

— Ну вотъ, я и пріѣхалъ, прервалъ его молодой человекъ;—теперь, хоть бы гнали насильно, назадъ не поѣду, засмѣялся онъ.

— Да ужъ будетъ, помилуйте! проживите съ нами, говорилъ толстякъ.—А осмѣваюсь васъ спросить, пріятное вамъ было житье въ вѣмецкой сторонѣ? любилъ-ли Трофимъ Макарычъ.

— Очень недурное, голубчикъ мой, да знаете пословицу „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“.

— Чтò жъ, пословица справедливая! А вамъ не угодно ли будетъ съ дороги выкулатъся? я вѣдь собственно за тѣмъ и пришелъ: Марѳа Михайловна спрашиваетъ, не прикажите ли простыню?

— Спасибо, не нужно; что жь она думаетъ что у меня и простыни не найдется—ну, а что она, какъ поживаетъ?

— Да скрилитъ себя лонемножку, тоже старость пришла, ворчитъ попрежнему, со мною ссорится.

Владиміръ Николаевичъ прошелъ въ смежную съ кабинетомъ спальню, куда уже былъ принесенъ его чемоданъ, присѣлъ къ нему и выбралъ все нужное.

Трофимъ Макарычъ предложилъ было свои услуги, но Владиміръ Николаевичъ любезно отклонилъ ихъ.

— Нѣтъ, Трофимъ Макарычъ, не безпокойся, я вѣдь у Нѣмцевъ привыкъ все дѣлать самъ. Въ которомъ часу у васъ обѣдаютъ?

— Это время все кушали въ пять часовъ.

— Ну, такъ я еще успѣю, кстату пройдуся, расправлю ноги, а то ужасно надоѣло сидѣть въ вагонѣ.

Часа черезъ два онъ пришелъ съ кулачья такой свѣжій, веселый, оживленный, въ легонькомъ свромѣ сюртучкѣ, который удивительно какъ къ нему шелъ, такъ что Настасья Дмитриевна невольно залюбовалась имъ: „comme il est joli garçon, подумала она, барыни отъ него съ ума сойдутъ вышнюю зиму,“ и забыла уже про скуку.

Обѣдъ прошелъ очень весело, не попрежнему: разговаривали, смѣялись; Владиміръ Николаевичъ шутилъ съ Лидушей, и она, любѣдивъ свое утреннее смущеніе, отвѣчала ему просто и безо всякаго жеманства:

— Что подѣлываетъ „мощная Славянка“ (онъ такъ прозвалъ Варвару Гавриловну)? спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Представь себя, Володя, мы до сихъ поръ ея не видали! Говорять уѣхала на богомолье.

— А вотъ мы завтра за ней сходимъ! — Лидія Сергѣевна, пойдемте! обратился онъ къ Лидушѣ.

— Ахъ, какая это будетъ для тети радость! вскричала Лидуша съ сіяющимъ лицомъ и блестящими глазами.—Мнѣ ужасно хочется увидѣть лоскорѣе ея и Аркашу, кажется такъ бы и полетѣла въ Дроновку!

— А я вѣдь былъ въ рошѣ, мама, сказалъ Владиміръ Николаевичъ матери, — и довольно-таки долго побродилъ: тамъ телерь прелесть какъ хорошо! Сколько я ни таскался по Европѣ, видѣлъ Альпы, былъ и въ Саксонской Швейцаріи, нахожу что ко всему можно присмотрѣться, но нашъ садъ

я никогда забыть не могу! Да одно ли это? Какія здѣсь вообще живописныя окрестности!—И онъ вздохнулъ, махнувъ рукой.

— Впечатлѣнія дѣтства всегда обманчивы, сказала Настасья Дмитриевна; — тебѣ все представляется въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, потому что ты давно здѣсь не былъ.

— Нѣтъ, папа, вы не любите природу, отвѣчалъ сынъ;— вы ее любите подкрашенную, привыкли къ петербургскимъ окрестностямъ, а вы вотъ пройдитесь-ка да тутъ посмотрите, тогда и повѣрите мнѣ.

— Ну, ты мой идеалистъ, сказала улыбаясь Настасья Дмитриевна.

— Вообще нѣтъ, увѣраю васъ, я очень положительный человекъ. И онъ поцѣловалъ у матери руку.

Послѣ обѣда Настасья Дмитриевна удалилась въ кабинетъ, а Лидуша и Владиміръ Николаевичъ остались вдвоемъ на балконѣ, Лидуша какъ всегда съ работой въ рукахъ.

— Чтò это вы такое шьете? спросилъ Владиміръ Николаевичъ и потянулъ у нея изъ рукъ работу.

— Рубашку русскую, отвѣчала Лидуша.

— Кому? Аркашѣ?

— Какъ можно! развѣ вы не видите какая она большая?— и Лидуша разсмѣялась:— Вамъ!

— Чтò это вы, Лидія Сергѣевна, мнѣ стыдно ужасно! я не стою чтобы вы для меня трудились.

— Какой же это трудъ? спокойно проговорила Лидуша;— все равно я не могу сидѣть сложа руки, скучно! а это мы хотѣли приготовить къ вашему прїѣзду, да не успѣли.

— Оставьте работу пожалуйста, улащивалъ ее молодой человекъ,—съ какой стати вы будете терять свое время для меня! въ кои-то вѣки собрались на лѣто въ деревню, и вмѣсто того чтобы гулять возитесь съ какими-то рубашками; вѣрно бы вѣдь вамъ хотѣлось теперь въ садъ?

— Услужю еще, отвѣчала Лидуша,—я не маленькая дѣвочка чтобы только гулять и бѣгать.

— Но зато какая разсудительная и степенная, съ улыбкой глядя на нее сказалъ ея собесѣдникъ:—вы мнѣ этимъ напоминаете Нѣмочекъ, но только этимъ, больше ничѣмъ.

— А вамъ нравятся Нѣмки? спросила Лидуша.

— О нѣтъ! слишкомъ жеманны и приторны; совсѣмъ не таковы какими мы привыкли ихъ воображать себѣ по книгамъ.

— Это очень, очень жаль что издали все кажется лучше, съ легкимъ вздохомъ проговорила Лидуша.

— Далеко не все, вы ошибаетесь, отвѣчалъ Владиміръ Николаевичъ:—чувствовать то что я чувствовалъ, подѣвжая къ Березникамъ, нельзя издали, надо непремѣнно испытать самому, а вообразить это или описать трудно, даже невозможно. Деревня кажется лучше когда въ ней живешь,—продолжалъ онъ,—всѣ рассказы, всѣ описанія даютъ о ней только самое слабое помятіе, да и одно ли это! Люди, милыя женщины напримѣръ, конечно выигрываютъ при ближайшемъ знакомствѣ.

— Вотъ сколько вы примѣровъ нашли! замѣтила ему Лидуша.

Вошла Настасья Дмитріевна и положила конецъ разговорамъ.

— Лидуша, вдругъ обратилась она къ молодой дѣвушкѣ,—мы чай будемъ пить здѣсь на балконѣ, такъ ты вели пожа-луста чтобы поскорѣе.

— И отлучно, сказалъ сынъ:—давно уже не пилъ я чаю въ такой обстановкѣ. А кто у васъ этимъ занимается?

— Лидуша, кому же больше? Ты знаешь, я врагъ чайной церемоніи, отвѣчала Настасья Дмитріевна.

Вечеръ былъ прелестный, тихій и теплый; изъ сада вѣяло залахомъ цвѣтовъ и легкою прохладою; вдали слышивала зарница, а въ избахъ деревенскихъ, какъ разъ напротивъ дома, черезъ рѣку, уже кое-гдѣ зажглись огоньки. Всѣ какъ-то притихли и молча любовались красотой вечера, но предъ тѣмъ какъ расходиться на Владиміра Николаевича олять напалъ разговорный стихъ.

— Пора, пора спать, сказала Настасья Дмитріевна.

— А я бы кажется всю ночь просидѣлъ на балконѣ, проговорилъ сынъ:—вотъ такъ вечеръ для моего возвращенія на родину, предестъ!

Однако всталъ и, пожелавъ спокойной ночи матери и Лидушкѣ, пошелъ въ домъ.

V.

На другой день послѣ завтрака, когда Лидуша вышла за чѣмъ-то изъ комнаты, Настасья Дмитріевна сказала сыну:

— Вотъ уже два года какъ ты совершеннолѣтній, Volde-т. слых.

шаг, и можетъ-быть ты не захочешь чтобъ я продолжала быть твоимъ управляющимъ, тогда я попрошу тебя принять отъ меня всѣ отчеты по имѣнію.—И она вопросительно на него посмотрѣла.—Приходитъ время,—продолжала она грустнымъ тономъ и тяжело вздыхая,—когда я могу подумать и о себѣ: не все же мнѣ только о другихъ заботиться... Ты можешь жениться, да и' мало ли что наконецъ...

И Настасья Дмитриевна сдѣлала рукой какое-то неопредѣленное движеніе.

— Хозяйствомъ я займусь съ удовольствіемъ, отвѣчалъ сынъ на эту тираду,—а что касается сдачи отчетовъ, то согласитесь, что за счеты между нами?

— Да вѣдь ты знаешь что твой покойный отецъ не позаботился обезлечить меня лично ничѣмъ, такъ что я вполнѣ завишу отъ тебя, сказала Настасья Дмитриевна съ горькою усмѣшкой,—и должна довольствоваться тѣмъ что ты мнѣ дашь.

Владиміръ Николаевичъ казался смущеннымъ: ему стало больно за покойнаго отца, за такое оскорбительное отношеніе къ его памяти, и онъ отвѣчалъ съ легкимъ нетерпѣніемъ:

— Не безлокойтесь, папан, все будетъ устроено по вашему желанію; мнѣ лично, вы знаете, не много нужно, и съ моей стороны вы не встрѣтите отказа ни въ чемъ; а то что вы сказали про женитьбу, то я еще не имѣю намѣренія жениться.

— Все это прекрасно, mon cher, и позволь тебѣ замѣтить что женитьба въ твои годы была бы глупость не послѣдняя.

— Ну нѣтъ, отвѣчалъ сынъ,—я съ вами не согласенъ, жениться вообще лучше въ молодости; да впрочемъ что же говорить о томъ чего нѣтъ.

— У тебя, слава Богу, времени еще впереди довольно, произнесла Настасья Дмитриевна;—но меня особенно радуетъ что у тебя образъ мыслей такой возвышенный и благородный: это хорошій задатокъ въ будущемъ! И такъ, у насъ все остается по-старому, и я очень рада что все такъ устроилось, и знаешь ли, Voldemar,—продолжала она съ живостью и не безъ вѣкотораго запеванья,—для тебя и въ матеріальномъ даже отношеніи гораздо выгоднѣе не разлучаться со мною; теперь у меня одна забота—ты, твое счастье и твое благосостояніе.—И голосъ нѣжной матери дрожалъ отъ волненія.—Конечно,—послѣдшила она прибавить, вѣроятно, въ видахъ усложненія

Voldemar'a:—покуда я съ тобою, я и не подумаю выдѣлять себя имѣнія!

— Богъ съ вами, татап, мнѣ и въ голову не приходила мысль о разлуки! отвѣчалъ сынъ.

У Настасьи Дмитріевны разомъ отлегло отъ сердца.

— Venez m'embrasser, заключила она и торжественно приняла его въ свои объятія.

Успокоенная въ главной своей заботѣ относительно имѣнія, Настасья Дмитріевна стала очень весела и шутивла.

— Что это мнѣ показалось, Володя, будто ты зовешь Лидушу—Лидія Сергѣевна; зови ее пожалуста—Лидуша tout court: это гораздо милѣе и проще, да и съ какой стати это прибавленіе! вы знаете другъ друга съ дѣтства, почти вмѣстѣ росли, и вдругъ Лидія Сергѣевна!—мнѣ это не нравится.

— Теперь какъ-то неловко, татап, сказалъ сынъ.

— Ну, вотъ, какой вздоръ! Послушай,—обратилась она ко входившей въ эту минуту Лидушѣ:—я говорю Володѣ чтобъ онъ не называлъ тебя Лидія Сергѣевна; я увѣрена что это тебя самое шокируетъ!

— Разумѣется, Владиміръ Николаевичъ, подтвердила и Лидуша;—мнѣ это даже неприятно, съ какой стати вы меня такъ зовете.

— Хорошо, возразилъ молодой человѣкъ,—но только съ тѣмъ условіемъ что и вы будете меня звать Володя.

Вмѣсто отвѣта Лидуша застѣнчиво улыбнулась.

— Что жъ идемъ мы сегодня къ Варварѣ Гавриловнѣ, обратился къ ней Владиміръ Николаевичъ,—и какъ, сейчасъ или послѣ обѣда?

— Лучше попозже, Володя, вмѣшалась Настасья Дмитріевна.

— Извольте, я на все согласенъ, а теперь пойду въ поле—Кириллъ Степанычъ меня ждетъ.

Въ концѣ обѣда, который показался Лидушѣ въ высшей степени скучнымъ и длиннымъ, на дворъ вѣхалъ тарантасъ и вслѣдъ за этимъ вошелъ человѣкъ и доложилъ о пріѣздѣ Варвары Гавриловны. Лидушка чуть не вскрикнула и едва усидѣла на мѣстѣ отъ восторга и неожиданности.

— Легка на поминѣ, сказала Настасья Дмитріевна,—вотъ и прогулка ваша разстроена! Проси, обернулась она къ лакею.

Въ комнату вошла жевщина очень крупныхъ размѣровъ, уже пожилая, лѣтъ 50, но еще совершенно свѣжая и бодрая, въ черномъ шерстяномъ платьѣ изъ котораго она точно будто

выросла, такомъ же черномъ платкѣ и въ бѣломъ кисейномъ челчикѣ, но несмотря на этотъ болѣе чѣмъ скромный вдвой нарядъ, что за отпечатокъ собственнаго достоинства во всей ея фигурѣ и на широкомъ некрасивомъ лицѣ! Сколько самоувѣренности видно въ твердой походкѣ и въ спокойномъ взглядѣ неслорченныхъ чтеніемъ глазъ. Слѣдомъ за нею шелъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати, съ пріятнымъ лицомъ, очень похожій на Лидушу, и со щечками свѣжими какъ только-что сорванные яблоки.

— Здравствуйте, Настасья Дмитриевна! заговорила гостья своимъ звучнымъ голосомъ, направляясь прямо къ хозяйкѣ, — какъ васъ Богъ милуетъ?—Она поцѣловалась съ Настасьей Дмитриевной и обняла Лидушку, которая совершенно исчезла въ ея широкихъ объятіяхъ.—Владиміръ Николаевичъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ! вотъ кого бы не узнала: молодецъ молодцомъ! Да вѣдь давно ужъ и не видалась, вы, кажется, еще въ ученьѣ были какъ сюда въ послѣдній разъ пріѣзжали. Аркаша!—вдругъ вспомнила Варвара Гавриловна,—батюшки, про него-то я совсѣмъ и забыла. Что жъ это ты такъ стоишь, ни къ хозяевамъ, ни къ сестрѣ не подходишь? Вотъ, матушка, мой воспитанникъ! обратилась она къ Настасьѣ Дмитриевнѣ,—каковъ есть! прошу любить и жаловать.

Аркаша, про котораго въ эту минуту, дѣйствительно, всѣ позабыли, стыдливо стоялъ въ сторонкѣ, олутивъ голову, но какъ только услышалъ что про него заговорили, то еще ниже опустил темную свою головку, и слезы, казалось, вотъ-вотъ, брызнуть у него изъ глазъ. Ему очень хотѣлось подойти къ Лидушкѣ, но незнакомыя лица, большія комнаты, картины по стѣнамъ, все это наводило на него такой ужасъ и робость что онъ бы былъ готовъ хоть сію минуту убѣжать назадъ въ Дроновку.

— Извините ужъ насъ, матушка, Настасья Дмитриевна, позвольте знать пословицу „деревенскій ребенокъ, все одно что городской теленокъ“, дома-то онъ совсѣмъ другой человѣкъ, откуда что берется! все утро мнѣ не давалъ проходу, меня торопилъ, хотѣлъ видѣть сестру, а теперь пріѣхалъ, да и сталъ какъ столбъ.

— Поди сюда, Аркаша, поцѣлуй же меня, ласково сказала ему Настасья Дмитриевна.

— Поцѣлуй руку, Аркаша, притвердила Варвара Гавриловна.

Аркаша, все еще чувствуя себя предметомъ общаго вниманія, рѣшился наконецъ сдвинуться съ мѣста и застѣнчиво, какъ-то бочкомъ, подошелъ къ Настасьѣ Дмитриевнѣ; она нагнулась къ нему, но онъ руку поцѣловать не попалъ, а подставилъ ей самъ свои щеки, и Настасья Дмитриевна съ удовольствіемъ ихъ разцѣловала. Потомъ также застѣнчиво и неловко подвинулся онъ и къ сестрѣ.

— Аркаша, дорогой мой, помнишь ты меня? спрашивала Лидуша.

— Помню, чуть слышно прошепталъ Аркаша.

— Что-жь ты такъ невесело смотришь? допрашивала Лидушка.

— Это онъ все еще въ себя не придетъ, робѣеть, замѣтила Варвара Гавриловна.

— Перейдемъ въ гостиную, предложила хозяйка, и всѣ последовали за нею.—А я на васъ была въ большой претензіи,—сказала она старухѣ:—какъ это, мы здѣсь живемъ десять дней, а ее все нѣтъ какъ нѣтъ!

— Помилуйте, матушка, это первый мой долгъ! отвѣчала Варвара Гавриловна,—да что прикажете дѣлать, усолшихъ забывать тоже грѣхъ великій, такъ я и ѣздила поминать мужа и всѣхъ сродниковъ, а это не ближній свѣтъ! Триста верстъ будетъ въ оба конца! Вотъ куда бы вамъ собратъся! душою тамъ отдыхаешь, право, не выѣхалъ бы оттуда!

— И красивое мѣсто? спросила Настасья Дмитриевна.

— Про мѣсто ужъ и говорить нечего! Я, конечно, разказывать не мастераца, но очень, очень хорошо: боръ дремучій кругомъ, и тутъ же въ лѣсу и скитъ, это уже отдѣльно выстроенъ, а что за церковь тамъ новая, огромная! здѣшніе многіе часто туда ѣздить, Аларина старуха такъ тамъ и поселилась! Селищевы были при мнѣ, Агарковы.

— Вы, вотъ, все дома не сидите, разѣзжаете по монастырямъ, сказалъ ей Владиміръ Николаевичъ,—а мы было совсѣмъ къ вамъ собрались идти.

— Спасибо вамъ, родной мой, что не забываете старуху! ну что-жь, въ другой разъ милости просимъ! я гостямъ, да еще такимъ дорогимъ, всегда рада.

— А что у васъ въ сосѣдствѣ дѣлается? спросила Настасья Дмитриевна.—Селищевы что?

— Да горе у нихъ, матушка, большое горе! Приѣзжаю къ нимъ какъ-то недавно, всѣ какъ убитые ходятъ, смотрѣть даже жалко!

— Что-жь, умерь у нихъ кто-нибудь? любопытствовала Настасья Дмитріевна.

— Когда бы умерь, все бы не такъ обидно! продолжала какъ-то плоскозательно Варвара Гавриловна,—знаете въ животѣ и въ смерти Богъ волеяъ, а то ужъ такая бѣда страшлась, такая-то великая бѣда что и не приведи Господь! сама-то она женщина надменная, голову всегда высоко носила, никто намъ не лара! а теперь, какъ я посмотрю, куда вся и гордость дѣвалась!

— Да, однако, въ чемъ же дѣло? втерпѣливо перебила ее Настасья Дмитріевна,—скорѣе къ дѣлу, а то вы сегодня выражаетесь совсѣмъ какъ оракулъ, съ вами что-то особенное происходитъ!

— Ничего, матушка, особеннаго не происходитъ, вамъ такъ показалось! обиженнымъ голосомъ возразила старуха,—а вотъ что случилось: дочь у нихъ старшая, знаете, любимица ихъ, красавица-то лисавая, Екатерина Алексѣевна, съ семинаристомъ убѣжала въ Петербургъ, да тамъ съ нимъ и перевѣчалась!—Варвара Гавриловна обвела при этомъ глазами присутствующихъ, какъ бы желая убѣдиться въ силѣ впечатлѣнія произведеннаго ея разказомъ и, ломочавъ немного, продолжала: Вотъ, каковы дѣла! говорятъ такъ люди, а я, призываюсь, не спрашивала, духу не хватало — тяжело вѣдь родительскому сердцу!

— Да гдѣ же она съ нимъ познакомилась? спросила Настасья Дмитріевна.

— У себя же въ домѣ! съ ужасомъ проговорила Варвара Гавриловна, — учителемъ былъ при братьяхъ ея меньшихъ, все лѣто прожилъ и, когда бы вы только видѣли, и користнаго-то въ немъ ничего нѣтъ!—добродушно подшутила старуха,—такъ себѣ половичъ щедушный, невзрачный!

— Ахъ, Варвара Гавриловна, милая моя, какая же вы въ самомъ дѣлѣ странная! засмѣялась Настасья Дмитріевна,—чувство вѣдь не разбираетъ!

— Э-э-эхъ, матушка, Настасья Дмитріевна! груство покачала головой старуха,—какое ужъ тамъ чувство! Изволили бы вы послушать что она за ахинею послѣднее время несла! кричить бывало: душить меня! душить! я жить хочу! а чѣмъ ужъ кажется ей было не житье! теперь въ Петербургѣ кофточки шьеть! это лучше должно-быть!—произнесла она съ жестомъ глубокаго негодованія.—Теперь,—продолжала она, нѣ-

сколько успокоившись,—сынъ старшій у нихъ всѣмъ заправляетъ, изъ Америки недавно, видите ли, прѣхалъ, такъ онъ все время сестрину сторону держалъ, а семинаристу это и на руку! такъ изволите видѣть, какія у насъ дѣла дѣлаются! вздохнувъ прибавила Варвара Гавриловна.

— Меня удивляетъ эта барыня! слегка презрительнымъ тономъ проговорила Настасья Дмитриевна, — ея дочь, можетъ быть, ничего лучшаго и не стоила! чѣмъ она гордится, не понимаю!

— Какъ, матушка, чѣмъ! возразила Варвара Гавриловна— сама она фамилію значительной....

— Что за значительной, перебила ее барыня,—вѣкъ свой сидѣла въ захауствѣ и общества-то порядочнаго никогда не видала!

— Помилуйте, Настасья Дмитриевна! и у насъ тоже хорошіе господа живутъ! оскорбилась старуха:—Ну, а вы, батюшка, къ намъ надолго ли пожаловали? обратилась она къ молодому хозяину.

— Лѣто все здѣсь пробуду, а что дальше будетъ, не вѣдаю!

— Какъ что дальше! съ удивленіемъ проговорила Настасья Дмитриевна,—потомъ, въ Петербургъ, на службу!

Сынъ ничего не отвѣчалъ, и она продолжала высокомернымъ тономъ:

— Молодой человѣкъ, въ положеніи Voldemar'a и съ его блестящимъ образованіемъ, принадлежитъ ужъ не себѣ, а обществу.

— Оно, такъ, конечно, подтвердила и Варвара Гавриловна,— вотъ, хоть бы у насъ, разныя новыя должности ловидуманы, прежде, бывало: предводитель, да судья, да засѣдатель тамъ что ли, разъ, два, да и обчелся! а теперь какихъ-какихъ только нѣтъ! занятій много, что и говорить, а молодому человѣку безъ занятій нельзя, сейчасъ блажь въ голову поидеть! вотъ Анны Федоровны Карѣевой сынокъ, не припомните ли?

— Да, что-то помню, небрежно отвѣчала Настасья Дмитриевна.

— Послѣ матушкиной смерти, продолжала Варвара Гавриловна,—разбаловался такъ что ни на что не похоже! а мальчикъ какой милый росъ! Теперь завелъ собакъ, лѣтъ, гуляетъ, это въ семнадцать-то лѣтъ! Всякій день у него дымъ коромысломъ, народъ только смущаетъ! Еслибы матушка покойница встала да посмотрѣла! Да, вотъ что значить безъ дѣла

быть!—замѣтила наставительно старуха.—Я и Аркашу хочу въ концѣ августа въ гимназію свезти, пора,—прибавила она съ улыбкой,—а то хуже избалуется!

— Аркашѣ, я думаю, съ вами скучно, сказала Настасья Дмитріевна.—Лидуша, ты бы свела его въ садъ.

Аркаша, не впопыхъ еще любѣдившій свое смущеніе, при словѣ садъ вскопчалъ и въ одно мгновеніе очутился за дверью. Лидуша едва за нимъ послѣбла.

— Куда ты, Аркаша, куда? кричала Лидуша,—подожди меня, я сама тебя проведу!

— Я и самъ знаю всѣ дороги, я недавно сюда приходилъ, отвѣчалъ Аркаша.

— Да все-таки пойдемъ вмѣстѣ, я тебя такъ мало видѣла! ну что жь, ты теперь меня не боишься, любишь меня?

— Конечно, люблю! серьезно отвѣчалъ Аркаша,—ты мнѣ рубашку красную подарила.

— Ахъ, Аркаша, Аркаша! смѣшной—ты мальчикъ!

— Чѣмъ я смѣшной? Меня вотъ скоро въ гимназію отдадутъ. Я тамъ всѣмъ холоду задамъ!

— А тебѣ не хочется въ гимназію? спросила Лидуша.

— Нѣтъ, отчего? Я буду домой пріѣзжать на всѣ праздники.—И тотчасъ же съ восторгомъ прибавилъ:—У меня какія овцы шлёнскія есть! Приходи къ намъ, я тебѣ шерсти на чулки подарю.

— Вотъ какой добрый, обо мнѣ подумалъ! Пойдемъ, я тебѣ оранжерею за то покажу и грунтовый сарай.

Въ оранжереѣ Аркаша все разсматривалъ съ любопытствомъ, спрашивалъ названія растеній, но не трогалъ ничего.

— Ну, Аркаша! пойдемъ теперь домой чай пить, сказала ему Лидуша.

Аркаша ловиновался.

Чай на этотъ разъ пили въ гостиной, и когда они вошли, то всѣ приготовленія уже были сдѣланы. Лидуша Аркашу посадила около себя. Внесли лампы. Варвара Гавриловна поднялась и простилась съ хозяйкой.

— Къ намъ, Настасья Дмитріевна, милости просимъ! пожалуйте какъ-нибудь. Владиміра Николаевича я ужь и не зову, знаю что самъ придетъ, провѣдаетъ „мощную Славянку“.

— За этимъ дѣло не ставеть, отвѣчалъ онъ.— Приду къ вамъ учиться хозяйничать.

— Нашии у кого учиться! скромно уклонилась Варвара

Гавриловна,—было времячко, правда, да бывьемъ и поросло! на Бога, конечно, не жалуясь, а вижу что ужь не то!

Владиміръ Николаевичъ и Лидуша проводили гостью до крыльца, и Лидуша постояла еще вѣсколько минутъ, прислушиваясь къ удаляющемуся стуку.

— Чтò вы такая грустная? спросилъ у нея молодой человекъ.

— Нѣтъ, я вичего, вамъ такъ показалось! отвѣчала Лидуша. — Вотъ какъ совсѣмъ будемъ увѣзжать отсюда, тогда я буду грустить, а теперь еще цѣлое лѣто у меня впереди.

Они молча возвратились въ гостиную.

Настасья Дмитриевна сидѣла уже съ французскою книжкой въ рукахъ, Лидуша подсѣла къ ней, а Voldemar началъ прогулку по комнатѣ.

— Удивительная, право, эта женщина, Варвара Гавриловна, заговорилъ онъ, обращаясь къ матери,—я ей завидую, какая бодрость и свѣжесть душевная и тѣлесная! все та же съ тѣхъ лоръ какъ я ее помню, не мѣняется. Только наша глушь и нашъ просторъ и могутъ еще производить такіе характеры! Она мнѣ какъ-то разказывала свою исторію, вотъ бы отлрать въ такую суровую школу нашихъ петербургскихъ барынь и барышень, чтò бы онѣ залѣли? Куда какъ она выше ихъ. И какъ къ ней обстановка ея идетъ! рѣдкая женщина!

— Ты увлекаешься, Володя, слегка усмѣхаясь замѣтила ему мать.—Варвара Гавриловна неглухая женщина...

Сынъ не далъ ей договорить.

— Вы слишкомъ мало сказали, слишкомъ мало! подхватилъ онъ съ живостью:—Одного ума тутъ недостаточно. Какой нуженъ запасъ жизни, сколько силы, мощи, и при этомъ еще теплоты сердечной и вѣры, чтобы не озлобиться, не потеряться наконецъ совсѣмъ, когда Господь, какъ она говорить, „взыскалъ ее своею милостью“. Нѣтъ, ей нельзя не удивляться!

Жизнь Варвары Гавриловны была въ самомъ дѣлѣ не изъ обыкновенныхъ. Дочь мелкопомѣстнаго помѣщика, вышла она замужъ за Чемезова, безшабашнаго корнета, сына богатыхъ родителей. Отецъ, прогнавъвшись на него за неравный бракъ, выдалъ замужней дочери векселей на огромную сумму. Покуда былъ живъ старикъ, зять молчалъ, но только что онъ умеръ, векселя были поданы ко взысканію и имѣніе пошло съ молотка. Точно изъ милости выдѣлилъ зять мужу Варвары Гавриловны клочокъ въ сорокъ де-

сятинъ. Варвара Гавриловна не потерялась, у нея въ то время было уже двое дѣтей, переѣхала съ мужемъ на новое жительство и взялась за хозяйство. Cholera 48 года унесла ея мужа, но тѣмъ ревностѣе принялась она за дѣтей. Чего, чего только она ни приняла, какихъ мытарствъ ни вынесла ради дѣтей мужественная женщина; сколько видѣла униженій, нужды, сколько пороговъ она обила, ломѣвая сыновей въ корпусъ. Учились они хорошо; она отдохнула душой, несмотря на всевозможныя хозяйственныя бѣдствія: въ теченіе десяти лѣтъ она три раза горѣла, но все-таки не унывала и продолжала не давать себѣ покоя! Сыновья оправдали ея надежды, оба вышли молодцами. Но не долго она на нихъ радовалась. Во время польскаго возстанія, одинъ былъ убитъ, за другимъ, равеннымъ, ѣздилъ она сама, и онъ умеръ на ея глазахъ!

Варвара Гавриловна возвратила имѣніе роднымъ мужа, себѣ ничего не взяла, и оставшись по ея выраженію „чиста предъ Господомъ“ переѣхала къ сестрѣ, матери Лидуши, похоронила и сестру и зятя, и вотъ уже много лѣтъ живетъ въ Дроновкѣ и бережетъ спротское добро.

Отношенія ея къ крестьянамъ были самыя патріархальныя, несмотря на то что въ прежнія времена, не разъ случалось ей изъ своихъ рукъ жаловать лѣнныихъ и непокорныхъ вассаловъ,—что тутъ будешь дѣлать, дѣло вдовье, вступитья некому! Но люди были не злопаметны, и это нисколько не мѣшало ихъ добрымъ отношеніямъ. Тотъ же мужикъ идетъ бывало за лѣкарствомъ для больной жены или матери, и никогда не встрѣчаетъ отказа, еще сама лойдетъ навѣстить больную и научить какъ что нужно дѣлать.

Въ самыхъ лучшихъ домахъ по сосѣдству была она принята на равной ногѣ, а уже про Дроновскую меньшую братію и говорить нечего: между ними слово ея было закономъ.

Н. Н.

(До слѣдующаго №.)

ОТЪ КЯХТЫ ДО КАЛГАНА

Я выѣхалъ изъ Иркутска въ Кяхту очень послѣдно, въ ночь на 9е апрѣля. Стояла распутица, ледъ на Байкалѣ почернѣлъ и признавъ былъ ненадежнымъ, такъ что трактъ почтовый еще съ 7го числа,—раньше условнаго съ почтосодержателями срока, былъ переведенъ на Кругобайкальскую дорогу. Но я очень торопился и, нанявъ вольныхъ лошадей, покатилъ прямо; проскочилъ черезъ Байкалъ почти безъ приключеній; обогналъ почту и проѣзжихъ бывшихъ сутками четьрьма впереди меня; пробился сквозь тронувшійся ледъ на рѣкѣ Селенгѣ и явился въ Кяхту въ концѣ третьихъ сутокъ. Тутъ застала меня Страстная недѣля. Единственный русскій ямщикъ Ждановъ, возящій до Урги, за день предъ тѣмъ увезъ слѣдно вѣдущаго въ Калганъ г. Быкова, довѣреннаго миллионера Нѣмчинова. Монголовъ на стелѣ не было. Русскіе и Буряты-христиане не везли въ ожиданіи праздника ни за какія деньги; лошадей достать было повидимому невозможно. Я цѣлый день ѣздилъ верхомъ самъ, разослалъ кучу народа по обоимъ городамъ, Троицко-Савску и Кяхтѣ, но долго ничего не могъ подѣлать. Уже собирался купить себѣ тройку лошадей и ѣхать одному или съ проводниками отъ жилья до жилья, какъ отыскался наконецъ одинъ Бурятъ съ хорошою лошадью, который брался доставить меня въ Ургу въ четверо-

сутокъ, съ тѣмъ чтобъ я далъ ему впередъ денегъ на покупку другой лошади. Мы сошлись съ нимъ на 75 рубльяхъ но со всеми расходами надо считать вдвое. Была еще задержка въ паспортѣ, который пограничный комиссаръ не хотѣлъ прописывать двое сутокъ, ссылаясь на медленность китайскаго дзургучея; тутъ помогъ мнѣ комиссарскій переводчикъ, взявшійся за двойную плату окончить все на другой день къ полудню. Вообще все говорили что еще не бывало примѣра чтобы кто-нибудь выѣхалъ изъ Кяхты скорѣе чѣмъ въ четверо сутокъ; я же укатилъ на другой день. Первую ночь довелось мнѣ провести въ стелѣ, подъ открытымъ небомъ, даже не разводя огня, чтобы не привлечь бродячихъ Монголовъ, да и развестъ-то огня было нечѣмъ. Тутъ мы проблуждали въ снѣгахъ часовъ съ десять лишняго, не находя переправы черезъ разлившуюся рѣчку Ивицкѣ, и остановились на ночлегъ около полудночи. Я спалъ въ дахѣ, обернувшись сверху войлокомъ, и только такимъ образомъ спасался отъ свирѣпаго степнаго вѣтра. Съ разсвѣтомъ мы снялись; вернулись верстъ съ десять назадъ, и тамъ на одномъ изъ лучшихъ бродовъ разобрали кладъ и перевезли ее верхомъ поштучно. Приходилось проламывать ледъ, недостаточно надежный чтобъ ѣхать по нему, но не довольно тонкій чтобы лошадь могла ломать его грудью. Перебрались. Дальше уже не было столь трудныхъ прелестствій. Большую рѣчку Юро, на половинѣ пути, переѣхали на двухъ бревнахъ сплоченныхъ поперечными брусьями, а другую поменьше счастливо переѣхали въ бродъ. Последняя рѣчка Хара, задержавшая другихъ, ко мнѣ была несходительна и спустила немного воды, такъ что сталъ возможнымъ бродъ. Два дабана (горы) которыхъ избѣгаютъ караваны, дѣлая для этого огромные обходы, не могли задержать моей таратайки съ очень легкой кладью; впрочемъ на первомъ пришлось нанимать быковъ на смѣну лошадямъ. Но вѣдь гора же это была? Высота ея надъ уровнемъ моря, какъ показалъ мой anerоидъ, равняется приблизительно 5.400 футамъ; подъемъ очень крутъ и длиненъ, а спускъ еще круче. Спускаются по руслу горнаго ручья, грохочущаго по дну глубокаго ущелья. Валунъ на валунѣ, скала подъ скалой, обрывъ за обрывомъ, одинъ другаго круче и выше—вотъ какова вся дорожка. Вода и трава дѣлають камень крайне скользкимъ, а струя ниспадающая чуть что не водопадными

каскадами, мѣстами сбиваетъ даже бычачью ногу... Но вотъ затрудненія кончились. За этимъ хребтомъ, говоритъ Бурятъ - проводникъ, видна будетъ Урга. Остановились на минутку у ручья чтобы смыть хоть немного слоями на-сѣвшую на тѣло дорожную пыль. Идутъ уже пятая сутки... А вотъ и Урга! Прежде всего открывается издали справа ламайскій монастырь (дацанъ, по-монгольски), потомъ слѣва вдали бѣлый домъ русскаго консульства, а потомъ ужъ и самый городъ, монгольская Урга, гдѣ живутъ также и Русскіе. Китайскій городъ (Маймачженъ, то-есть торговый) лежитъ дальше по долинѣ рѣчки Толой, верстахъ въ пяти отъ монголо-русской Урги. Изъ Кяхты у меня были рекоменда-тельные и дѣловыя письма отъ И. П. Шиммарева къ его компаньйону Лазареву. Тутъ у Лазарева я остановился для найма верблюдовъ и сборовъ на вьючный путь. Тутъ же за-сталъ и Быкова съ двумя прикащиками, того самаго довѣ-реннаго Нѣмчинова, который выѣхалъ изъ Кяхты сутками раньше меня. Онъ везъ лудовъ двѣнадцать или лятнад-цать серебра въ Калганъ. Взяли мы одного общаго подряд-чика, единственнаго богатаго ямщика, Ламу Шабдына, и за-ключили съ нимъ слѣдующее условіе: онъ доставляетъ насъ въ Калганъ въ двадцать дней, меня съ багажемъ на двухъ верблюдахъ, Быкова съ двумя прикащиками, грузомъ серебра и сухарей на шести, доставляетъ намъ дорогой аргаль (тол-ливо изъ сухаго помета), воду, ставитъ майхонъ (палатку) и даетъ двухъ проводниковъ; за все это мы платимъ ему: я пятьдесятъ лавъ серебромъ (сто пятьдесятъ руб.), Быковъ сто семьдесятъ лавъ, за каждый выгаданный имъ день изъ двадцати мы платимъ ему по десяти лавъ призовыхъ, а за просроченный штрафуемъ такую же суммой. Написали во всемъ этомъ форменный контрактъ у консула и отправился утромъ въ первый день Пасхи. Изъ моихъ двухъ чемодановъ, совершенно одинаковыхъ, вышло довольно сносное сидѣнье на горбатой спинѣ четвероногого уroda; Быковъ спрятался въ тя-желую и душную китайскую колесницу, а его прикащики устроились, какъ умѣли, на вьючныхъ верблюдахъ. Въ Май-мачженѣ къ намъ присоединились еще двое Китайцевъ на трехъ верблюдахъ, такъ что съ двумя проводниками насъ собралось всего восемь человѣкъ, при 17 верблюдахъ. Первые два дня никто изъ насъ не могъ заснуть, но лотомъ привыкли ловежному и уже очень хорошо спали на верблюжьей

сливъ. Лежишь себѣ, раскинешься какъ фантазія прлдетъ, и слышь пока не пробудитъ особенный толчокъ, внезапная рысь верблюда или скачокъ его въ сторону. Очень пугливъ этотъ корабль пустыни и ужасно вонючъ. Ротъ его чуть ли не самое вонючее мѣсто въ мірѣ, особенно когда переладеть въ него порядочная закуска изъ свѣжаго стелнаго лука. Иные еще вдобавокъ страшно гадко лаютъ и фыркаютъ. Когда мы остававливались въ лодень до двухъ часовъ и въ полночь до разсвѣта, то я всегда ложился поодаль отъ каравана съ навѣтренной стороны, чтобъ избѣжать верблюжьихъ благовоній, а также чтобы лучше видѣть все что творится въ лагерь, лучше сторожить. Я былъ хорошо вооруженъ. Былъ у меня револьверъ, и четырнадцатизарядная скорострѣлка Винчестера съ 500 патрновъ, а у Быкова былъ двухствольный дробовикъ и кинжалъ. Всю дорогу мы охотились на антилопъ-зериновъ, драхвъ, стелныхъ гобійскихъ рябчиковъ, гималайскихъ куролатокъ и прочее. Первая верста 200 дорога шла по мѣстности довольно гористой, потомъ горы мало-по-малу перешли въ холмы и отлогости, а тамъ началась стели. Верстахъ въ 300 отъ Урги встрѣтился послѣдній хребетъ, съ очень оригинальною верхушкой горнаго узла. Тутъ я встрѣтилъ такіе огромные валуны какихъ еще нигдѣ не встрѣчалъ. Въ камняхъ попадаются множество агатовъ, изумрудовъ, полуопаловъ, сердоликовъ, поражающихъ яркостью цвѣтовъ и мѣстами величавой. При подъемѣ въ горы раскинулся Ламайскій монастырь. За этимъ хребтомъ стели тянутся безконечною гладью верста на 800 и разнообразятся только переменной грунты, то совершенно лесчаваго, то каменистаго, то глинисто-солонцеватаго, то травянистаго, то изрѣдка покрытаго зарослями бурьяна и карганы (родъ мелколистной низкорослой Pseudosasia sagana). Воды почти вездѣ достаточно. Въ горахъ есть даже ключи, ручьи, рѣчки, но стель довольствуется колодезною водою, подчасъ очень мутною и гужирною (гужиръ—стелная вывѣтрившаяся соль или озерная соль самосадка). Соленый и бѣлый какъ молоко чай! Какъ вамъ это нравится? Рѣдкій день въ стели не дулъ вѣтеръ, такой холодный и сильный что приходилось по суткамъ не вылѣзать изъ дахи; а если нѣтъ вѣтра, то днемъ стоитъ такая жара что снимаешь послѣднюю рубашку и ѣдешь себѣ по стели чуть не въ прародительскомъ костюмѣ; по ночамъ же и къ утру

вода всегда замерзаетъ. Но несмотря на столь рѣзкія перемены температуры, климатъ здѣсь, благодаря сухости воздуха, чистотѣ почвы и постояннымъ вѣтрамъ, весьма здоровый. Здѣсь было бы множество стариковъ еслибы лѣнивый и глупый народъ не жилъ, по собственной винѣ, въ крайней нищетѣ. А нищета здѣсь дѣйствительно поразительная. Многія юрты кормятся исключительно подачками проезжающихъ которые нарочно запасаются для того мотальскою будой (просо). Просьбы о *юмучу* (милостыи) осаждаютъ васъ на каждомъ шагу. Вотъ старуха вся нагая, сухая какъ щелка и черная, точно обгорѣла, съ дюжиной такихъ же ребятишекъ, бѣжить на пересѣчку пути каравану, съ кривлявьями выкрикивая свой „юмучуй“. А вотъ изъ той жалкой, сиротливо-одинокой юрты вышли братъ съ сестрой, ребятишки лѣтъ 8—10. Они скромно вышли на дорогу и стоятъ не шелохнутся. Пухленькая рожица мальчугана смотритъ еще довольно весело, дѣтски-важно, но дѣвочка глядитъ излодлобья, алчно и мрачно. Мы подѣхали. Дѣтскія ручонки робко протянулись, мальчуганъ тихонько промолвилъ „юмучуй“ и отвернулся.

Какъ не дать! И рука невольно тянется къ мѣшку, хотя знаешь что тамъ и себѣ на дорогу осталось уже не такъ много. Но дѣти здѣсь не всегда такъ робки и застѣнчивы. Вотъ тутъ изъ-за бугра выбѣжала ихъ цѣлая куча. Взалуски одишь за другимъ съ крикомъ и хохотомъ несутся они босовогіе по раскаленному песку. Для нихъ „юмучуй“ составляетъ привычное дѣло, легкій заработокъ и веселое препровожденіе времени въ лотѣхъ надъ дающими его. А то еще лучше. Ведетъ женщина, сама еще довольно молодая, свою красавицу дочь, которой худоба и блѣдность помогаютъ маскировать природную ширину скулъ и темный цвѣтъ кожи. Какъ блестятъ, искрятся ея глаза, когда она въ смущеніи поднимаетъ ихъ на проезжаго, по приказанію матери, которая толкаетъ ее впередъ и побуждаетъ на все. Иной проезжіи пользуется случаемъ, заводится торгъ... Или вотъ еще старикъ, очень уже зажившійся на старушкѣхъ земляхъ. Чей-то вѣкъ заживаетъ онъ? Ужь далеко не свой. Про свой вѣкъ онъ забылъ. Онъ разучился говорить, едва ходитъ, но хочетъ ѣсть, и идетъ издалека на дорогу едва завидитъ вдали караванъ. Зрѣніе у него хорошее, лучше даже чѣмъ у другаго помоложе. На что онъ похожъ? Какъ страшно шлепаетъ его отвислая нижняя

челюсть! Какъ зілетъ червыи лустой ротъ! Чтò за фигура! Лучше отвернуться и кинуть ему не глядя горсть *буды*.

Все стелы, стелы и стелы! Ничего больше ни впереди ни съ боковъ. Даль и просторъ! О, я очень люблю просторъ и готовъ всю жизнь провести въ стелы, на морѣ, въ воздухѣ, гдѣ хотите, только бы на просторѣ! Оттого-то и море такъ люблю я. Но слутникамъ стель начинаетъ надоѣдать. Слутны и бока тоже начинаютъ протестовать противъ черезчуръ затянувшейся верховой ѣзды. Кой-гдѣ у другаго кровь сквозь платье просочилась, а синяковъ вездѣ у всѣхъ достаточно. Подымается сначала говоръ, а потомъ и сѣтованія. Да гдѣ же, говорятъ, конецъ? Скоро ли будетъ Калганъ? Много ли прошли? Ну хоть до Чехары далеко ли? И дождался Чехары. Начала стель лучиться; подѣзли изъ нея холмы за холмами, а тамъ зачернѣли и горы на горизонтѣ. Мы въѣзжали въ горную страну Цехару или Чехару, преддверіе Китая. Тутъ почва замѣтно плодороднѣе, растительность разнообразнѣе и населеніе гуще. Полагаются улусы и есть одинъ городъ Цехара, Чехара, Сахара—всяко произносятся. Жители мѣстами сѣютъ просо и держатъ рогатый скотъ какъ для лашны, такъ и для молока. На одномъ перевалѣ очень близко отъ каравана видѣли барса. Я ходилъ за нимъ со своимъ штудеромъ, но не нашель; ушелъ въ горы, почувявъ Европейцевъ.... Вотъ появились деревья, видно Китай недалеко.

На одномъ привалѣ проводники объявили намъ что осталось до Калгана всего верстъ семьдесятъ не больше. Я торопился, и чтобъ имѣть время въ Калганѣ на устройство дальнѣйшей ѣзды, а по прибытіи каравана съ багажемъ немедленно перегрузить, перевьючить его и ѣхать дальше, рѣшилъ опередить слутниковъ, оставивъ свое добро на ихъ леченіи. Быковъ вызвался ѣхать вмѣстѣ. Выбрали мы двухъ лучшихъ бѣгуновъ изъ всего каравана, отобрали лучшія сѣдла у проводниковъ и покатали безъ отдыха. Дорога, сказали намъ, большая, торная; своротовъ никакихъ нѣтъ; на тридцатой верстѣ встрѣтите рѣчку Хара-усу, которую переѣдете въ бродъ, а тамъ останется до города никакъ не больше семидесяти пяти верстъ.

— Вотъ и толкуй. Сперва говорили—семьдесятъ до Калгана, а теперь уже сто пять насчитываютъ. Но ничего, поѣхали. Ѣдемъ полною верблюжьей рысью и считаемъ минимумъ по

семи версть въ часъ; ѣдемъ съ полудня до заката солнца, до десяти часовъ, а встрѣчные все говорятъ: *Хара-усу мюэнъ*, т. е. далеко до рѣчки *Хары*. Наконецъ около полудни встрѣтили китайскій караванъ съ чаями, верблюдовъ около трехсотъ. Опять спросили: *Хара усу мюэнъ, буэнъ?*—*Буэнъ*, отвѣтали намъ.—*До шоо ли?*—*Санъ-ге ли* *.

Въхали, въхали долго, а рѣчки все нѣтъ. Проѣзжали какую-то покрытую рядами соловцовъ и лужами воды рывину; я счелъ ее за пересохшую *Хара-усу*, но Быковъ не согласился со мною. Закатился мѣсяцъ, тучи заволокли все небо и стали накрапывать дождь. Верблюды, бѣжавшіе безъ отдыха болѣе полу-сутокъ, истомились и едва переступали. Я предложилъ дать имъ вздохнуть съ полчаса. Вотъ замелькали огни; мы въѣхали въ мѣстность занятую раскиданными далеко китайскими баштанами (фермы). Тутъ положили верблюдовъ на землю, а сами, завалившись между ними, чтобы защититься отъ вѣтра, поужинали холоднымъ мясомъ съ водою. Быковъ закурилъ лалпросу... Сколько собакъ сбѣжалось на этотъ огонь, какой лай подвѣяли оны! Пришлось скиматься и убираться подальше. Прошли въ потьмахъ еще часа съ два, перебрали какое-то длинное озеро, не найдя обѣзда, и рѣшились заночевать на той сторонѣ его. До разсвѣта оставалось не больше часа. Дождь пересталъ, но вѣтеръ очень усилился и пронизывалъ насквозь. Опять положили верблюдовъ рядомъ, оставивъ между ними мѣстечко для себя; я помогъ Быкову набрать *аргалу*, развести огонь и легъ спать, а оны стали отогрѣваться горячимъ чаемъ на водѣ изъ перебрденной лужи. На разсвѣтъ отправился снова, опять полною рысью на этихъ удивительно выносливыхъ скотахъ. Дорога шла по широкой долинѣ между горными отрогами, незамѣтно поднимаясь по мѣрѣ приближенія ко главному хребту, составляющему естественно политическую границу Монголіи и Китая. Земля почти всюду обработана; поселки, больше китайскіе, встрѣчаются на каждомъ шагу; тутъ живутъ преимущественно бѣлые Китайцы-преступники, которымъ нѣтъ возврата на родину, переселенцы ушедшіе отъ гнета китайскихъ властей и

* *Хара-усу* далеко, близко?—*Баузко*.—Сколько ли?—*Три ли*.—А ли равно всего двумстамъ пятидесяти нашимъ сажелямъ. Мы говорили по-китайски.

другой тому подобный народъ. Видѣли развалины двухъ древнихъ городовъ, разрушенныхъ еще до Чингизъ-хана или во время его молодости. Собственно говоря, кромѣ ямъ, рововъ и валовъ да кучъ мусора, здѣсь сверху ничего не увидишь. Еслибы сдѣлать раскопки, сколько представилось бы любопытнаго! Наружный видъ развалины имѣютъ совершенно одинаковый въ обоихъ городахъ. Тѣ же огромные глиняные валы прежде носившіе облицовку изъ тесанаго камня, какъ и теперь почти всякій китайскій пограничный городъ. Эти валы, прежнія стѣны, теперь расплозлись, стали отложениями, но все еще сохраняютъ ту форму квадрата которую всегда имѣли и имѣютъ китайскіе города. На мѣстѣ обычныхъ угловыхъ башенъ остались высокіе холмы, а по срединѣ каждой стѣны, гдѣ была прежде ворота, южныя, сѣверныя, восточныя и западныя, теперь замѣтны какъ бы прорѣзы или бреши въ валу, пробитыя современною артиллеріей.... Вотъ подошли мы и къ горамъ, ко главному хребту, главному лугау каравановъ, долго собирающихся съ духомъ чтобъ одолѣть здѣшніе подъемы съ той стороны. Со стороны Монголіи поднимаются по довольно отлогимъ долинамъ въ нѣсколько переваловъ; есть пять или шесть большихъ караванныхъ путей на ту же самую гору съ этой стороны; по ту же сторону слускъ собственно одинъ, хотя и развѣтвляется онъ на два ущелья, но потомъ скоро сходится въ одно. На вершинѣ послѣдняго подъема предъ главнымъ переваломъ перешагнули мы границу Монголіи, обозначенную сплошнымъ валомъ камня и кучами щебня.

Отсюда впервые открылся видъ на знаменитую Великую Стѣну, даже издали производящую впечатлѣніе чего-то дѣйствительно громаднаго. Великая Стѣна, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ я ее видѣлъ имѣетъ въ ширину до двухъ сажень и болѣе, а въ высоту отъ одной до пяти. Во многихъ мѣстахъ она полуразрушена временемъ и людьми, но кое-гдѣ сохранилась даже облицовка изъ прекраснаго кирпича и тесанаго камня. Есть мѣста гдѣ видишь только правильный валъ изъ булыжника мѣстныхъ породъ, гдѣ даже цементъ вывѣтрился, и тутъ-то всего интереснѣе разсматривать эту титаническую, сплошь каменную постройку. Башни тутъ по горамъ очень часты и могли бы служить какъ бастіоны противъ Монголовъ, еслибы была какая-

нибудь физическая возможность выставить достаточно войска для занятія всѣхъ ихъ. Въ томъ-то и бѣда что требованія Великой Стѣны превосходятъ силы даже Китайской имперіи. Но вотъ ближе и ближе подъѣзжаемъ мы. Горы становятся все круче и круче. Наконецъ достигаемъ перевала. Справа стѣна бесконечно длинная, черная, съ безчисленными башнями-буграми, далеко, далеко вьется по горамъ, исчезая за дальнею вершиной; слева глубокая котловина зияетъ, точно спускъ въ вѣдра земли, и сивій мглистый туманъ заволокъ ея дно; дальнія горы покрыты легкой дымкой, сглаживающею ихъ очертанія, что придаетъ виду особенную заманчивость и мягкость. Тутъ, на горѣ, есть колодезь съ водою всего въ полуаршинѣ отъ поверхности. Вдемъ дальше. Начинается спускъ. Дорога завилась крутыми изворотами, сузилась сильно и вышла вдругъ на край котловины. Съ одного края утесы, съ другого бездонная проласть. Вихрь за вихремъ срывается со скалъ, ежеминутно грозя новащить васъ; повьется, покрутится въ дорожкой пыли, навьетъ столбъ преогромный, и разомъ кивнется внизъ, на дно котловины, гдѣ исчезаетъ во мракъ. Какъ тутъ не приписать этимъ вихрямъ одушевленности; не трудно даже и до обоготворенія ихъ дойти здѣсь дикому степному челоуѣку.

Крута эта дорожка, но подалее за первую деревушкой, когда мивуете кумирю,—увидите самый крутакъ. Что тутъ выдѣлываютъ и четвероногіе и двуногіе чтобы пробраться не поломавъ реберъ, разказать трудно. Надо видѣть самому. Когда-нибудь тутъ былъ должно-быть водопадъ, а можетъ-быть и не безъ участія ледниковъ обошлось дѣло. Только вышло разомъ оборвавшееся съ горы ущелье; глубокое, узкое, съ ровнымъ дномъ и крутыми, отвѣсными боками, почти параллельными на дѣльяхъ 15—18 верстахъ. Тутъ, гдѣ въ него спускаются лоды кумиряцъ, скалы состоятъ изъ яркорозовыхъ и красныхъ желѣзняковъ, мѣстами видимо очень богатыхъ. Дальше идутъ больше диалювіальныя толщи, рѣзко, отчетливо прорѣзанныя ущельемъ, по спускѣ на дно котораго уже не встрѣчается больше неровностей и ѣдете все мимо мызъ, дачъ, чафановъ (гостиницы), всегда пріютившихся подъ густою листвою гигантскихъ, вѣковыхъ деревьевъ тѣлаго пояса. Много тутъ этого жилья лодъ деревьями, и чѣмъ ближе къ Калгану, тѣмъ больше. Въ одномъ мѣстѣ есть замѣчательная скала, очень наломанная полусогнутую вер-

блужью ногу; только размѣры этой ноги ужь черезчуръ велика. Въ другомъ мѣстѣ Китайцы показываютъ въ скалѣ же большую дыру насквозь глядящую въ небо точно слуховое окно на вышкѣ; это, говорятъ они, нашъ императоръ стрѣлой прострѣлилъ.

Поздно ночью явились мы въ Калганъ. Явились какъ-то неожиданно, экспромптомъ. Не видно было ни маленькихъ домовъ, какъ всегда на городскихъ окраинахъ, ни заборовъ, ни огородовъ, никакихъ признаковъ близости многолюднаго жилья. Вѣхали просто ущельемъ, переѣхали крохотный ручеекъ, журчащій на его днѣ, юркнули подъ листву какихъ-то древесныхъ великановъ, завернули въ лотьмахъ за какой-то уголокъ и очутились предъ воротами какого-то снаружи будто китайскаго дома. Ни расширенія ущелья, ни подъема съ его дна на свѣтъ Божій, ничего подобнаго не было. Вотъ такъ жилие!

— Поздравьте меня, я дома, сказалъ Быковъ и привалъ меня, какъ хозяинъ, въ своей официальной квартирѣ у лостояннаго агента Нѣмчинова въ Калганѣ, г. Водовозова.

Полоскались мы немного съ дороги, наѣлись побольше, а спать легли совсѣмъ ужь форменно и высыпались до свѣта.

Пріѣздомъ въ Калганъ окончу это письмо. Впрочемъ, чтѣ жь? я описалъ на этихъ страницахъ чуть не цѣлый мѣсяцъ жизни; проѣхалъ въ это время разстоянiе болѣе 2.300 верстъ, изъ которыхъ 1.400 верстъ въ сѣдлѣ. Было значить о чемъ разказать...

Н. ШЕСТУНОВЪ.

28го мая 1880 года,
Тихій Океанъ, почтовый пароходъ
Takosago Marce, на пути изъ Кобе
въ Йокагаму.

ЗЕМНОЙ МУРАВЕЙНИКЪ.

О небо звѣздное, нѣмое откровенье!
Какъ ясно чувствуется въ тебѣ объединенье
Безсмертной области и видимыхъ міровъ
Въ священной вѣчности! Людскихъ премудрыхъ словъ
Ты убѣдительнѣй. И скорби, и волненья
Стихаютъ въ сладостномъ, благомъ услоевьи,
И радостно тогда безсмертною душой
Я возвошуся вдаль отъ скордулы земной.
Забавны для меня всѣ ваши мудросты,
Жрецы безвѣрія, педагогъ отрицающаго!
Взгляните, мотылекъ, въ невѣжество своемъ,
Чуть-чуть не сокрушилъ продерзостнымъ крыломъ
Вашъ паутиновый міръ догадокъ и сомнѣнья
(Тулой реакціонеръ, губитель просвѣщенья!)...
Я *солитваюсь* въ васъ, васъ *отрицаю* я,
И въ этомъ съ вашею теоріею моя
Какъ будто сходится. Вопросъ не въ убѣжденьи
(Вѣдь такъ по вашему?), а просто лишь въ сдѣланныи
Былинкѣ, клѣточкѣ и нитокѣ мозговыхъ.
Твердить что въ васъ мозги здоровѣе моихъ
Лишь будетъ грубостью, и кто же насъ разсудитъ!
Иль ваша братія, насъ любѣдливъ, принудитъ
Всѣхъ протестующихъ въ больницѣ жить весь вѣкъ,
Да наслаждается *свободный* человекъ?..
О мудрый муравей! Міръ новый и древнѣйшій,
Египеть, Вавилонъ и самъ Парижъ новѣйшій

Ничто въ сравненіи съ величіемъ твоимъ!
 Вотъ на почтенныхъ лняхъ, какъ семихолмный Римъ,
 Раскинулась она, огромная столица,
 Еловой рощицы роскошная царица.
 Какіе тоели! Готгардъ и Мовъ-Сени,
 Пути широкіе чрезъ вѣтроломъ и лви,
 Парижъ лодъ-уличный и склепы пирамиды,
 А тамъ, на лавдышахъ, дворцы Семирамиды...
 Но геній-инженеръ, начальникъ и мудрецъ
 И просто муравей, изъ черныхъ, наконецъ
 Всѣ скромно трудятся. Хоть многого не знаютъ,
 Они по крайности Творца *не отрицаютъ*...

Іюль, 1880 года.

*
**

Есть люди—къ нимъ рвется душа,
 Въ нихъ чуемъ мы что-то благое,
Знакомое сердцу, родное,
 И съ ними такъ жизнь хороша.

Ихъ встрѣтишь, и слова не нужно,
 Безъ рѣчи ихъ мысли ясны,
 Ихъ чувствамъ созвучно и дружно
 Душевные вторять струны.

И дни безмятежной чредою
 Проходятъ, и сердце свѣтло...
 И молишься теплою мольбою
 Чтобъ дога такъ время текло...

*
**

Нѣтъ, мало общаго, какъ вижу, между нами,
 Въ безвѣріе я вѣрить не могу,—
 Я чую вѣчность тамъ, за облаками,
 Гдѣ ты свою лишь видишь *пустоту*...

М.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Семейство Разумовскихъ. Соч. А. Васильчикова. Томъ второй.

Мы уже имѣли случай говорить о первомъ томѣ этой въ высшей степени занимательной книги; появившійся нынѣ второй томъ возбуждаетъ не менѣе живой интересъ. Въ немъ содержатся біографіи сыновей гетмана, графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, за исключеніемъ одного изъ нихъ, графа Андрея, которому авторъ намѣренъ, повидимому, посвятить окончаніе своего труда.

Много любопытнаго сообщаетъ г. Васильчиковъ о томъ какъ престарѣлый гетманъ, самъ учившійся въ молодости наскоро и кое-какъ, но хорошо повивавшій цѣну основательнаго образованія, заботился о томъ чтобы сообщить его своимъ дѣтямъ. Мать ихъ служила въ этомъ дѣлѣ помѣхой, потому что очень баловала сыновей, и они были удалены отъ нея. Въ 10й линіи Васильевскаго Острова нанята была большой домъ, походившій на дворецъ. Здѣсь помѣстились юности подъ руководствомъ своихъ воспитателей и учителей, почти исключительно иностранцевъ, между которыми находился знаменитый Шлецеръ. Въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ было не мало толковъ объ Académie de la X-me ligne, какъ называли этотъ институтъ Разумовскихъ; великій князь Павелъ Петровичъ спрашивалъ своихъ лакеевъ посылаемыхъ туда какъ проводили время сыновья гетмана, въ

какіе часы занимались уроками и т. л. По окончаніи ученія въ Петербургѣ, молодые люди были отправлены въ Страсбургскій университетъ, а затѣмъ совершили путешествіе по Европѣ. „Казалось, замѣчаетъ авторъ, лучшаго воспитанія нельзя было и придумать: тутъ была и общественная школа учрежденная на царскую ногу, и лучшіе профессора, и даже самъ знаменитый Шлецеръ. Сочинена была для учениковъ первая русская статистика (Шлецеромъ), о которой до тѣхъ поръ никто не вѣдалъ на Руси. Отлично, по свидѣтельству Шлецера, подготовленные на роднѣ, молодые люди были отправлены для довершенія образованія въ одинъ изъ первыхъ тогда университетовъ Европы. Ученый Шелфлинъ слѣдилъ за ихъ занятіями, извѣстный поэтъ и профессоръ Николаи путешествовалъ съ юношами по Италіи и Англіи. Словомъ, лучшаго нельзя было и придумать, и несмотря на все это цѣль воспитанія не была достигнута. Изъ трехъ Разумовскихъ старшій Алексѣй и меньшой Андрей несомнѣнно обладали блестящими способностями, а все-таки изъ нихъ не вышло того чего такъ желалъ отецъ, именно полезныхъ сыновъ отечества. Молодыхъ Разумовскихъ винить нельзя; они въ этомъ отношеніи не составляли исключенія. Всѣ ихъ сверстники и всѣ поколѣнія воспитывавшіеся на Руси въ послѣднія 130 лѣтъ представляютъ то же безотрадное явленіе.“ Разгадку его авторъ видитъ въ иностранномъ воспитаніи которое получало наше общество вслѣдствіе того что своей школы не было, а потому по неволѣ приходилось обращаться къ Западу. Русское общество оторвалось отъ народныхъ преданій, въ немъ были распатаны народные идеалы и оно привыкло жить чужимъ умомъ. „Только у насъ, восклицаетъ почтенный авторъ, можетъ существовать такой nonsense какъ *русская* партія! Что сказали бы Нѣмцы или Англичане еслибы кто заявилъ имъ о существованіи среди нихъ нѣмецкой или англійской партіи, да еще находящейся подъ присмотромъ князя Бисмарка или лорда Беконсфильда? Одна мысль объ этомъ навела бы гомерическій смѣхъ на любого Британца или Нѣмца какъ бы флегматиченъ онъ ни былъ...“ Что прискорбное явленіе о которомъ уломянулъ авторъ процвѣтаетъ на Руси, это несомнѣнно, но едва ли разгадка его заключается тамъ гдѣ онъ ее ищетъ. Въ былое время дѣйствительно не мало вреда происходило отъ того что родители вѣряли своихъ дѣтей чужеземнымъ проходим-

цамъ, которые старались внушить имъ презрѣніе ко всему отечественному, но этого давно уже нѣтъ, а между тѣмъ зло продолжало возрастать съ каждымъ днемъ. Позднѣйшія поколѣнія воспитывались въ русскихъ школахъ, подъ руководствомъ русскихъ наставниковъ, но это не помогало дѣлу. Взгляните на нашу пресловутую интеллигенцію: какой хаосъ понятій, какая печальная наклонность увлекаться всякими бреднями и проповѣдывать вздоръ съ чужаго голоса! Это отъ того, замѣчаетъ авторъ, что какъ прежде, такъ и въ настоящее время источникъ зла одинъ и тотъ же, а именно—„иностранныя основы, на которыхъ зиждется до сихъ поръ наше quasi-воспитаніе.“ По мнѣнію его, тяжкій нашъ недугъ усложняется тѣмъ что за наукой мы вынуждены были обращаться къ Западу. Но наука никого не обезличитъ и никого не собьетъ съ толку; все дѣло въ томъ какъ обращаться къ наукѣ и какъ ее усваивать. Если мы схватывали только ея верхки, если мы не хотѣли серьезно готовить къ ней своихъ дѣтей, то вѣчего жаловаться будто западная наука развратила насъ. Въ сущности мы никакой науки не знали, и вся исторія нашего просвѣщенія вплоть до послѣдняго десятилѣтія свидѣтельствуешь лишь о томъ какъ эфемерны были у насъ попытки создать правильную школу равносильную той которая процвѣтаетъ въ Европѣ.

Выше мы упомянули что по словамъ почтеннаго автора нельзя было кажется и придумать воспитанія лучше того какое получили Разумовскіе. Не знаемъ на основаніи чего сдѣлавъ имъ подобный выводъ. Изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній видно только что воспитаніе это стоило очень дорого. „Въ тѣ времена, говоритъ Шлецеръ въ своей автобіографіи, богатые русскіе вельможи всячески старались дать дѣтямъ своимъ не доставшееся имъ самимъ въ удѣлъ высшее образованіе. Щедрою рукой тратили они на это деньги и платили съ великодушіемъ какое въ другихъ странахъ едва ли можно встрѣтить даже у владѣтельныхъ особъ.“ Но воспользовались ли Разумовскіе всѣмъ что было для нихъ сдѣлано, это еще остается вопросомъ. Мы имѣемъ благопріятное для нихъ свидѣтельство Шлецера, но при всемъ уваженіи къ этому ученому, отзывъ его едва ли безпристрастенъ, ибо онъ самъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ и относился очень благодушно къ Académie de la X-me ligne. „За всѣ наслажденія, коими я пользовался въ этомъ домѣ, говоритъ онъ, долженъ былъ я

работать всего какихъ-нибудь шесть часовъ въ недѣлю. Славное было житье!“ Неизвѣстно также какъ шли занятія Разумовскихъ въ Страсбургскомъ университетѣ. У нихъ были тамъ весьма просвѣщенные руководители, но какъ рѣшить—быть-можетъ и они смотрѣли особыми глазами на вѣрныя ихъ попеченію русскихъ баричей, насаждавиковъ громаднаго состоянія. По крайней мѣрѣ изъ писъма гетмана, отъносящагося къ тому времени когда старшіе сыновья его только-что ковчили курсъ и путешествовали по Европѣ, не видно чтобъ ученье развило въ нихъ привычку къ труду. Вотъ что писалъ онъ къ И. И. Шувалову, слугакомъ ко-его въ Италію былъ молодой Алексѣй Разумовскій (въ послѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія): „Думаю что проклятая, съ ребячества вкрашаяся и возрастающая лѣтностью воспретить ему воспользоваться вашими здравыми совѣтами, сколько онъ ни обѣщаетъ послѣдовать онымъ.... Если онъ не будетъ стараться преодолѣть сію страсть, то для него жѣ хуже; я же буду сожалѣть только о томъ что прилагая стараніе дѣлать его себѣ и отечеству полезнымъ, а больше ему самому хотѣлъ доставить въ жизни благополучіе—въ надеждѣ своей обмануть; онъ не долженъ забывать и того что у меня ихъ шесть, и я изъ нихъ ни одного сѣбло не люблю, а ожидаю чтобъ они того достойны были. Итакъ если въ немъ утѣшенія чаемаго имѣть не буду, то уловаю отъ другихъ быть награжденъ за мое неуслынное объ нихъ попеченіе; но будетъ ли полезно то для него, въ томъ ему разсуждать оставаяю.... Пишете вы что онъ имѣетъ близкое знакомство съ одною дамою; я сего не порочу если она такъ добра какъ вы пишете; любовь иногда хорошею бываетъ школою для молодыхъ людей, но опасаться надо и того что Италяндцы бываютъ иногда гораздо ревнивы и весьма мстительны, дабы иногда съ досады мужъ стилетомъ въ бокъ не ткнулъ, когда вздумаетъ что дружба его рогами платится....“

Второе поколѣніе Разумовскихъ носитъ своеобразный отпечатокъ. Прежде всего въ сыновьяхъ графа Кирилы Григорьевича поражаетъ такая непомерная гордость которой не замѣтно ни въ фаворитѣ императрицы Елисаветы, ни въ братѣ его гетманѣ. Вигель называлъ ихъ русскими Моммранси, и они сами, кажется, были отнюдь не прочь разыгрывать эту роль. Графъ Алексѣй Кирилловичъ, кажется, совершенно забылъ о происхожденіи своей фамиліи, когда въ пись-

мѣ къ отцу выражался такимъ образомъ о дворѣ императрицы Екатерины: „Разсужденія ваши о положеніи моемъ конечно весьма справедливы, ибо основаны на истинѣ и здравомъ разсудкѣ, но у двора въ нынѣшнее время ни того, ни другого уже не содержится. Всѣ пути къ достиженію чести и похвалы молодому человѣку закрыты кромѣ одного: худыя или хорошія свойства души въ людяхъ не уважаются, а представляютъ въ достоинство одни преимущества тѣлесныя. Вы представить себѣ не можете теперь въ какомъ развратномъ состояніи найдете дворъ по возвращеніи вашемъ въ Петербургъ. Три фаворита вдругъ сильны и велики; одинъ другого давить и старается болѣе возвыситься униженіемъ своихъ соперниковъ.“ Не было также у Разумовскихъ и того добродушія которое дѣлало ихъ отца столь привлекательною личностью. Еще въ первомъ томѣ своей книги князь Васильчиковъ разказывалъ что въ 1861 году, когда наступило освобожденіе крестьянъ, у многихъ изъ потомковъ графа Кирилы Григорьевича, сохранившихъ въ Малороссіи мелкія частицы его громаднаго состоянія, крестьяне требовали чтобъ опять все было какъ при гетманѣ. Самъ вышедшій изъ народа, онъ всегда относился къ народу съ сочувствіемъ. Не такъ былъ сынъ его Алексѣй. „Нравъ графа Алексѣя Кирилловича въ послѣдніе годы его жизни, говоритъ г. Васильчиковъ, сталъ почти невыносимымъ. Всѣ его боялись, весь домъ дрожалъ при сильныхъ порывахъ его гнѣва. Съ крестьянами своими онъ былъ суровъ, безпрестанно смѣялся управляющихъ, находя ихъ не довольно взыскательными. Каждую прихоть его приходилось исполнять немедленно. Иногда прихоти эти тяжелымъ бременемъ ложились на крестьянахъ. Такъ весной графъ изъ Почела (одного изъ его помѣстій) вдругъ всѣмъ домомъ подвигался въ Бакланъ чтобы тамъ слушать соловьевъ. Это было во время разлива рѣкъ. Особенно бушевала текущая около Почела рѣка Судогость. Сгнвали нѣсколько тысячъ крѣпостныхъ, и они строили дамбы и насыпи для графскаго проѣзда.“ Люди, отецъ и дядя которыхъ родились въ нищетѣ, какъ будто не могли насытиться никакими затѣями роскоши. Тотъ же графъ Алексѣй Кирилловичъ, о которомъ уломинали мы сейчасъ, продалъ старинный великолѣпный домъ своего отца на Знаменкѣ въ Москвѣ за 400.000 рублей, потому что ему показалось будто каменные дома нездоровы для житья, и построилъ себѣ домъ

изъ дубовыхъ брусьевъ (нынѣ помѣщается въ немъ малолѣтнее отдѣленіе Воспитательнаго Дома), который стоилъ ему не менѣе милліона. Любимымъ мѣстопребываніемъ его было подмосковное его село Горенки. Для разведенія тамъ ботаническаго сада выписалъ онъ изъ-за границы профессора Стефани, а преемниками Стефани были докторъ Редовскій и Э. Б. Фишеръ. Извѣстные ботаники Лавгсдорфъ, Таушеръ, Гельмъ и Лондесъ извѣздили Сибирь, Уралъ и Кавказъ для пополненія богатѣйшихъ горенскихъ коллекцій. Роскошь не удовлетворяла однако владѣльца Горенокъ. Вообще нужно сказать о Разумовскихъ что тѣ изъ нихъ которые отличались своими способностями провели жизнь безплодно, безъ пользы не только для другихъ, но и для самихъ себя. По своему характеру, графъ Алексѣй Кирилловичъ не могъ быть счастливъ въ семейномъ своемъ кругу. Съ женой онъ развѣлся и сносился онъ между собою только письмами, хотя и жили въ одномъ городѣ. „Старшій братъ вашъ, писалъ старикъ Разумовскій графу Андрею, б..... какъ рощею окружился, недвижимъ съ мѣста, все видится ему вчера и сегодня на всѣхъ, копъ около меня остаются.“ Алексѣй Кирилловичъ не былъ счастливъ въ дѣлахъ, и быть-можетъ на немъ самомъ лежала отвѣтственность за это. Старшій сынъ его залутался въ долгахъ, вращался въ обществѣ Грековъ, Евреевъ и другихъ темныхъ личностей, безсовѣстно его обиравшихъ. „По смерти отца, разказываетъ авторъ, онъ продалъ своимъ заимодавцамъ московскій домъ который былъ положительно расхищенъ. Вся великолѣпная мебель, картины, гобелены, портреты, бронза и фарфоръ распроданы были за безцѣнокъ, и долгое время въ старинныхъ московскихъ лавкахъ рѣдкостей, у Воикова, Лухманова, Бардина, Родіонова и др., продавались разрозненныя крохи древняго великолѣлія Разумовскихъ. Для себя графъ Петръ Алексѣевичъ подѣ Одессой, на хуторѣ, близъ Молдаванки, выстроилъ съ безкусными затѣями дачу. Подъ дачей онъ велѣлъ вырыть лабиринтъ, многочисленныя извилины котораго одному ему были извѣстны. Туда забирался онъ когда къ нему являлись нежеланныя гости.“ Другой сынъ Алексѣя Кирилловича, графъ Кириллъ, былъ осужденъ еще на болѣе печальную судьбу. Дома держали его строго, затѣмъ отлравили въ Петербургъ, гдѣ, очутившись на полной свободѣ, онъ предавался наслажденіямъ со всѣмъ пыломъ своей страстной ве-

обузданной натуры. У него обнаружилось вскорѣ разстройство умственныхъ способностей. Быть-можетъ была возможность сласти молодого человѣка еслибы кто-нибудь съ нѣжнымъ участіемъ позаботился объ этомъ, но отецъ оставался къ нему неумолимъ. Кириллъ Разумовскій за свои похождения былъ сначала заключенъ въ Шлоссельбургскую крѣпость, а затѣмъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь. Известный нашъ писатель князь П. А. Вяземскій видѣлъ его тамъ: „Въ кельѣ архимандрита, рассказываетъ онъ, нашли мы еще довольно молодого человѣка, прекрасной, но нѣсколько суровой наружности: лицо смуглое, глаза очень выразительные, но выраженіе ихъ имѣло что-то страшное и тревожное; волосы черные и густые. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатъ обшитый мерлушкою; на рукѣ пальцы обвиты были толстою проволокою вмѣсто колецъ. Это былъ графъ Разумовскій, отрасль знатной фамиліи, рожденный быть наслѣдникомъ значительнаго имѣнія, по рожденію своему и по обстоятельствамъ призванный и самъ занятъ въ обществѣ блестящее и почетное мѣсто.... Не помню по какому случаю зашла рѣчь объ адѣ и наказаніяхъ которымъ грѣшники въ немъ подвержены. Графъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ что наказаніе ихъ будетъ въ томъ состоять что каждый грѣшникъ будетъ видѣть безпрерывно и на вѣки вѣковъ всѣ благопріятные случаи въ которые могъ бы согрѣшить невидимо и безнаказанно, которые пропустилъ онъ по олашности своей. Мысль довольно замысловатая. Не помню есть ли что подобае ей въ *Божественной Комедіи* Данта, но эта кара могла бы занять не послѣднее мѣсто въ уголовной статистикѣ великаго поэта.“

Не будемъ сѣдить за судьбой всѣхъ Разумовскихъ выступающихъ въ книгѣ г. Васильчикова. Одишь изъ сыновей гетмана, графъ Григорій, заслуживалъ бы впрочемъ того чтобы сказать о немъ подробнѣе. Это былъ человѣкъ свѣдущій, занимавшійся естественными науками и издавшій по нимъ нѣсколько сочиненій. Но какая дикая натура, свидѣтельствовавшая тоже о своего рода умопомѣшательствахъ! Противъ воли отца женился онъ на Француженкѣ дѣвицѣ Мальсенъ, но вскорѣ разошелся съ нею и сочетался бракомъ съ Австрійскою дѣвицею Шенкъ. Съ этой минуты всѣ заботы его были обращены на то чтобы первый бракъ его былъ признанъ недействительнымъ. Но прежняя его супруга, графиня

Геприетта Разумовская (урожденная Маальсенъ), не хотѣла отказатья отъ своихъ правъ. То была женщина въ высшей степени замѣчательная: живя въ Парижѣ она собирала вокругъ себя избранное общество; Августинъ Тьерри, Роде-Колларъ, Ремюза, Кузенъ, герцогъ Броль, Вильгельмъ, особенно же Гизо были ея близкими друзьями; А. И. Тургеневъ отзывается о ней въ своихъ письмахъ съ благоговѣнiемъ. Старанiя графа Григорiя Кирилловича не привели ни къ какому результату: какъ Святѣйшiй Синодъ, такъ и католическiй митрополитъ Сестренцевичъ признали его бракъ съ дѣвицей Маальсенъ вполнѣ законнымъ. Этого было достаточно для него чтобы возненавидѣть Россiю, сдѣлаться протестантомъ и принять австрiйское подданство. Удивительная вещь! За нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ тѣмъ никто и не подозревалъ существованiя Разумовскихъ; семейство это по случайности наломивающей сказки *Тысячи и одной ночи* вдругъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ; почести громадныя богатства—все достается ему въ удѣлъ, а ближайшiй потомокъ фаворита Елисаветы Петровны, племянникъ его, приходитъ къ убѣжденiю что Россiя не достойна имѣть его въ своихъ предѣлахъ и уходитъ изъ нея съ проклятiями...

Не ограничиваясь общимъ очеркомъ книги г. Васильчикова, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ изъ Разумовскихъ который въ царствованiе императора Александра имѣлъ возможность оказать важныя услуги Россiи еслибы хотѣлъ того и еслибы былъ къ тому способенъ: это все тотъ же графъ Алексѣй Кирилловичъ, о которомъ мы упоминали выше и который съ 1810 по 1816 годъ занималъ должность министра народнаго просвѣщенiя.

Читатели могли видѣть что по своему характеру это была далеко не прiвлекательная личность. Что касается его образа мыслей, то въ этомъ отношенiи Алексѣй Разумовскiй еще менѣе могъ возбуждать симпатiи. Онъ служилъ нагляднымъ примѣромъ того до какой степени наше такъ-называемое образованное общество остается беззащитнымъ противъ влiянiй не имѣющихъ рѣшительно ничего общаго съ дѣйствительными потребностями и интересами своего отечества. Подобно многимъ другимъ, Разумовскiй былъ долгое время вольтерiанцемъ; онъ даже разошелся съ женой главнымъ образомъ потому что она набождала ему свою набожность и суевѣрiями. Затѣмъ воль-

геріанецъ вдругъ становится мартинистомъ, примыкаетъ въ Москвѣ къ кружку людей руководителемъ коихъ былъ отставной морякъ О. А. Поздѣвъ. „Масоны отлчно льютъ и ѣдятъ, писаль о нихъ графъ Растолчинъ, они предавы роскоши и сладострастію, а между тѣмъ постоянно разглагольствуютъ о цѣломудріи, воздержаніи и молитвахъ.“ Поздѣвъ исключительно былъ занятъ слухами о томъ что государь намѣренъ освободить крестьянъ, и молва объ этомъ приводила его въ совершенное отчаяніе. Основываясь на словахъ Священнаго Писанія что земля въ потѣ лица должна быть обрабатываема человекомъ, онъ крѣпостному праву подыскивалъ чуть ли не божественное происхожденіе. Разумовскій былъ ревностнымъ аделтомъ этихъ ученій, когда въ 1808 году императоръ Александръ назначилъ его полечителемъ Московскаго учебнаго округа, а чрезъ два года послѣ того онъ сдѣлался преемникомъ Завадовскаго. „Можетъ-быть Ливней, говоритъ въ своихъ запискахъ Вигель, и былъ бы хорошимъ министромъ просвѣщенія, но между ученымъ и только что любителемъ науки—великая разница. Тогда все почиталось великою ученостью. Отъ любезныхъ Разумовскому товарищъ оторвали его чтобы поручить ему рассадники наукъ; казалось, право, что русское юношество считало царствомъ прозябаемыхъ. Еще разъ должно сказать что всѣ эти баричи при Екатеринѣ и послѣ нея, на французскій манеръ воспѣтанные, въ дѣлахъ были ни къ чему негодны, сдѣдственно съ властію и вредны; къ сотнямъ доказательствъ того принадлежить и Разумовскій.“ Приговоръ очень суровъ, но на этотъ разъ онъ оказался вполнѣ справедливымъ, чего отнюдь нельзя сказать о всѣхъ сужденіяхъ Вигеля. Время первой половины царствованія императора Александра было, какъ извѣстно, весьма страннымъ временемъ: съ одной стороны господствовало легкомысленное либеральное напращеніе на прокаты заимствованное у Запада; люди близкіе къ государю съ серіозною мишой разсуждали о томъ какъ ограничить верховную власть; съ другой проявлялись зачатки столь сильно развившагося въ послѣдствіи мистицизма; со своей стороны іезуиты занимались пропагандой, и все это встрѣчало поддержку въ правительственныхъ сферахъ. Что касается общаго положенія дѣлъ, то вотъ отзывъ о немъ одного изъ современниковъ: „Изучая исторію и много размышляя, доходишь до того убѣжденія что для государствъ, какъ и для

отдѣльныхъ лицъ, бываютъ несчастныя эпохи, въ которыхъ при самыхъ благихъ побужденіяхъ не достигаешь своей цѣли, и даже наоборотъ, доходишь до совершенно противоположнаго. *Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel.* Полюбѣешее отсутствіе людей способныхъ, вотъ характеристическая черта нашего времени. Не знаю, такъ ли вы судите, но по моему скудость эта наводитъ невольный ужасъ. Бездарность и нахальство, осласныя даже при великахъ талантахъ, являются здѣсь порокомъ облеченымъ въ оскорбительный комизмъ. Отсутствіе всякаго дарованія соединено съ неумовѣнною самоувѣренностью. Присоедините къ этому всеобщую распущенность, забвеніе всего нравственнаго и честнаго. Лишь бы вахитъ, а какимъ грязнымъ путемъ, это все равно. И все это съ цѣлю вдоволь насладиться роскошью и циничностью, насытить самыя низкія и животныя страсти. Картина непривлекательна, но клянусь, такова она на мои глаза“...

Главнымъ сотрудникомъ прежняго министра народнаго просвѣщенія былъ директоръ его канцеляріи, извѣстный переводчикъ классиковъ, неутомимый труженникъ И. И. Мартыновъ. Разумовскій почему-то особенно ненавидѣлъ его. Всѣ ждали что несмотря на свои заслуги онъ будетъ удаленъ отъ дѣла, но этого не случилось. Когда приближенные Разумовскаго выражали ему удивленіе что онъ оставилъ Мартынова въ прежней должности, новый министръ отвѣчалъ имъ: „Вы не повѣрите какъ мнѣ пріятно, когда этотъ бывший врагъ мой докладываетъ мнѣ стоя и потомъ засылаетъ письмо когда я подписываю бумагу.“ Эти слова могутъ служить мѣриломъ нравственныхъ качествъ человѣка. А между тѣмъ для самого Разумовскаго было очень полезно что онъ не отстранялъ отъ себя почтеннаго труженника, ибо все заставляетъ предполагать что если было при немъ сдѣлано что-либо лутное, то едва ли онъ не былъ обязанъ этимъ такимъ людямъ какъ Мартыновъ. Онъ приступалъ къ дѣлу безо всякаго самостоятельнаго взгляда, не старался уразумѣть тѣ условія въ которыхъ находилось тогда наше учебное дѣло, для того чтобы, сообразуясь съ этими условіями, руководить имъ. Привыкнувъ рабски подчиняться постороннимъ и вреднымъ для Россіи вліяніямъ, лишь бы только проявились они въ заманчивой формѣ, онъ остался вѣрныя себѣ и теперь. Бывшій вольтеріанецъ, затѣмъ ревностный масонъ, избралъ себѣ

руководителемъ краснорѣчиваго друга іезуитовъ Жозефа де-Местра. Съ нимъ непрерывно совѣтовался онъ обо всемъ что касалось его дѣятельности. По его настойчивой просьбѣ Жозефъ де-Местръ изложилъ ему свои мысли въ формѣ писемъ, которыя произвели на Разумовскаго чрезвычайно сильное впечатлѣніе. „Я сообщилъ ему мои замѣтки, доносить де-Местръ своему правительству; онъ попросилъ у меня дозволенія представить ихъ императору; я замѣтилъ ему что мнѣ неприлично вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія, мнѣ отвѣчали что это берутъ на свою личную отвѣтственность.“ Письма де-Местра давно уже извѣстны, но они впервые появляются въ книгѣ г. Васильчикова въ русскомъ переводѣ. Русскій министръ народнаго просвѣщенія восхищался читая изреченія въ родѣ слѣдующихъ: „Кто знаетъ, созданы ли Русскіе для науки? мы еще не имѣемъ на это никакихъ доказательствъ, и еслибы вопросъ рѣшился отрицательно, то отъ этого народу вовсе не слѣдуетъ менѣе уважать себя... Руссо утверждалъ въ знаменитомъ своемъ сочиненіи что наука причинила много зла міру. Не слѣдуетъ принимать парадоксальную часть этого изреченія, но не надо полагать что все въ немъ ложно. Наука дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ, мало-способнымъ къ дѣламъ и большимъ предпріятіямъ, наклоннымъ къ спорамъ, упрямымъ въ собственныхъ мнѣніяхъ и презрительнымъ ко мнѣніямъ другихъ, критическинаблюдательнымъ къ правительству, новаторомъ по существу, отрицателемъ народныхъ вѣстей и вѣрованій... Прежде чѣмъ преподавать науки надо вселить въ народъ стремленіе къ нимъ. Правительство обязано предлагать науку тѣмъ подданнымъ которые ее требуютъ, но оно не должно, да и не можетъ навязывать ее тѣмъ которые въ наукѣ не нуждаются.“ Изъ всего этого слѣдуетъ, продолжалъ де-Местръ, что „въ Россіи не только не надо расширять кругъ познаній, но напротивъ, надлежитъ его суживать“. По словамъ ментора графа Разумовскаго, Русскому государю необходимы только двоякаго рода люди: храбрые и честные.“ Все остальное не нужно и придетъ само собою.

При Разумовскомъ возникъ между прочимъ Царскосельскій Лицей. На уставѣ его отразилось вліяніе министра, и вліяніе это было совершенно въ духѣ идей графа де-Местра. „Знанія, писалъ министръ, всякому благовоспитанному приличныя, надлежитъ отличить отъ наукъ, въ особенности нужныхъ только для нѣкотораго состоянія людямъ (sic)... Нѣтъ

сомнѣнія что и между воспитанниками Лицея будутъ рѣдкіе таланты, кои по особенной склонности могутъ углубиться въ сіи науки, но таковымъ открыть путь въ университеты гдѣ преподаются науки во всей обширности.“ Классическое образованіе признавалось нужнымъ для Лицея. Могло ли быть иначе, когда де-Местръ такъ настойчиво ратовалъ противъ древнихъ языковъ? „Повѣрьте, графъ, людямъ трудящимся и хорошо знакомымъ съ прекраснымъ, но труднымъ греческимъ языкомъ, писалъ онъ Разумовскому, — нѣтъ такого юноши въ Россіи изъ высшаго общества который не согласился бы охотѣе сдѣлать три похода и принять участіе въ шести генеральныхъ сраженіяхъ чѣмъ вытвердить одну только греческія спряженія. Греческій языкъ одинъ изъ тѣхъ предметовъ которые слѣдуетъ похвритъ не колеблясь.“ Лицей предназначень былъ служить расадникомъ будущихъ видныхъ дѣятелей на государственной службѣ; по правамъ онъ былъ поставленъ даже выше университетовъ, не было только принято въ расчетъ, чтобы сдѣлать его расадникомъ серьезнаго образованія.

Для характеристика графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго достаточно прибавить что причиною его выхода въ отставку были строгія мѣры противъ іезуитовъ. Онъ не былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ.

Мы указали лишь вскользь на богатое содержаніе книги г. Васильчикова. Безспорно принадлежитъ она къ наиболѣе интереснымъ явленіямъ нашей литературы въ послѣднее время. Авторъ пользовался обильнымъ рукописнымъ матеріаломъ, хранящимся преимущественно въ частныхъ архивахъ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ вошли въ самый текстъ книги, а другіе помѣщены въ приложеніи, занимающемъ болѣе 300 страницъ.

Р.

II

Дневникъ Писателя, Ф. М. Достоевскаго. Единственный выпускъ на 1880 годъ. Августъ.

Въ августъ мѣсяцъ, въ то время когда общественный и литературный „сезонъ“ обыкновенно стоитъ на нулѣ, въ литературѣ въ Петербургѣ появилась небольшая печатная тетрадка въ восьмую долю листа, тетрадка стоящая всего *тридцать копѣекъ*. Это единственный выпускъ *Дневника Писателя* на 1880 годъ. Пробѣжавъ его оглавленіе не одинъ читатель подумалъ, быть-можетъ, что онъ не встрѣтитъ здѣсь ничего „новаго“, что въ сущности это не что иное какъ отдѣльное изданіе известной *рѣчи о Пушкинѣ*, изданіе снабженное лишь нѣсколькими пояснительными примѣчаніями автора. Дѣйствительно, все имѣетъ свое время. Открытіе памятника Пушкину вызвало столько статей и такъ исключительно заняло вниманіе литературы и общества въ продолженіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ что лублика наконецъ утомилась. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, съ іюня по сентябрь все только читать *о Пушкинѣ* и *про Пушкина*. А между тѣмъ эта небольшая тетрадка, про которую мы здѣсь говоримъ, посвящена не одному только Пушкину. Здѣсь нечего уяснять, точно такъ же какъ не противъ чего спорить. Безъ помощи всякихъ литературныхъ посредниковъ и посредствомъ каждый русскій человекъ любитъ до послѣдняго слова все то что говоритъ писатель-художникъ, писатель-мыслитель. Критикъ предстоить другая задача. Пока эта замѣчательная тетрадь еще не достаточно известна, пока она еще не находится въ рукахъ у всѣхъ, критика должна содѣйствовать скорѣйшему знакомству съ ней.

Дневникъ г. Достоевскаго раздѣляется на *три* главы. Первая заключаетъ объяснительное слово по поводу „*Рѣчи о Пушкинѣ*“. Вторая глава заключаетъ самую *рѣчь*. Третья глава озаглавлена: „*Придирка къ случаю*“ и заключаетъ въ себѣ *четыре лекціи* на разныя темы. Эта послѣдняя часть *Дневника* самая важная. Еслибы можно было въ свою очередь „*придаться*“ къ чему-нибудь въ *Дневникѣ* г. Достоевскаго, то развѣ только къ тому что заглавіе „*Четыре лекціи*“ не соответствуетъ по своему проницательному тону необычайной

глубинѣ и искренности странницъ надъ которыми ово поставлено. Это—словѣдь, а не лекція. Г. Достоевскій первоначально имѣлъ въ виду объясниться съ г. Градовскимъ по поводу разныхъ замѣчаній сдѣланныхъ послѣднимъ на „Рѣчь о Пушкинѣ“. Товъ объясненія по видимому предполагался сатирико-полемическій. Но едва пришло къ нему коснуться основной мысли, которая составляетъ его глубочайшее убѣжденіе, какъ мысль эта возстала предъ нимъ во всемъ своемъ величїи, и слово его стало вѣщимъ:

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта вострепетаетъ,
Какъ пробудившійся орелъ.

Признаемся, мы предпочли бы рѣже встрѣчать во второй части *Дневника* има г. Градовскаго и постоянныя обращенія къ нему. Этотъ полемическій прїемъ невольнымъ образомъ вноситъ какъ бы нѣкоторый диссонансъ въ изложеніе собственныхъ мыслей г. Достоевскаго:

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть вѣчно.

Но на этомъ нельзя настаивать. Важно то что мы услышали слово выдѣлившееся какъ перлъ среди полемики. Съ этимъ словомъ и хочется намъ познакомить читателей. Какъ бы введеніемъ къ нему служатъ слѣдующіе „четыре пункта“ къ которымъ Федоръ Михайловичъ самъ приводитъ сущность своей *Рѣчи о Пушкинѣ*.

1) „Пушкинъ первый, своимъ глубоко прозорливымъ и гениальнымъ умомъ и чисто русскимъ сердцемъ своимъ отыскалъ и отмѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего интеллигентнаго, исторически оторваннаго отъ почвы общества, возвысившагося надъ народомъ. Онъ отмѣтилъ и вылукао поставилъ предъ нами отрицательный типъ нашъ, человека безлокаящагося и не примирающагося, въ родную почву и въ родныя силы ея не вѣрующаго, Россїю и себя самого (то-есть свое же общество, свой же интеллигентный слой возникшій надъ родною почвой нашею) въ концѣ концовъ отрицающаго, дѣлать съ другими не желающаго и искренно страдающаго. Алеко и Онегинъ породили потомъ множество подобныхъ себѣ въ нашей худо-

жественной литературѣ. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецькіе, Болконскіе (въ *Войнѣ* и *Мирѣ* Льва Толстаго) и множество другихъ, уже появленіемъ своимъ засвидѣтельствовавшіе о правдѣ первоначально даваемой мысли Пушкинымъ. Ему честь и слава, его громадному уму и гению отмѣтившему самую большую язву составившагося у насъ послѣ великой Петровской реформы общества. Его искусному діагнозу мы обязаны обозначеніемъ и распознаеніемъ болѣзни нашей, и онъ же, онъ первый, далъ и утѣшеніе: ибо онъ же далъ и великую надежду что болѣзнь эта не смертельна и что русское общество можетъ быть излѣчено, можетъ вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится къ правдѣ народной, ибо

2) „Онъ первый (именно первый, а до него никто) далъ намъ художественныя типы красоты русской, вышедшей прямо изъ духа русскаго, обрѣтавшейся въ народной правдѣ, въ почвѣ нашей, и имъ въ ней отысканнае. Свидѣтельствуютъ о томъ типы: Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя отъ наносной жи, типы историческіе, какъ напримѣръ Инокъ и другіе въ *Борисѣ Годуновѣ*; типы бытовые, какъ въ *Капитанской Дочкѣ* и во множествѣ другихъ образовъ, мелькающихъ въ его стихотвореніяхъ, въ разказахъ, въ запискахъ, даже въ *Исторіи Пугачевского Бунта*. Главное же, что надо особенно подчеркнуть, это то что всѣ эти типы положительной красоты человѣка русскаго и души его взяты всецѣло изъ народнаго духа. Тутъ уже надобно говорить всю правду: не въ нынѣшней нашей цивилизаціи, не въ „европейскомъ“ такъ-называемомъ образованіи (котораго у насъ, къ слову сказать, никогда и не было), не въ уродливостяхъ вѣтше-усвоенныхъ европейскіхъ идей и формъ указалъ Пушкинъ эту красоту, а единственно въ народномъ духѣ нашель ее, и только въ немъ. Такимъ образомъ, повторяю, обозначивъ болѣзнь, далъ и великую надежду: „Увѣруйте въ духъ народный и отъ него единого ждите спасенія и будете спасены“. Выскнувъ въ Пушкина не сдѣлать такого вывода невозможно.

„Третій пунктъ, который я хотѣлъ отмѣтить въ значеніи Пушкина, есть та особая, характернѣйшая и не встрѣчаемая кромѣ него видѣ и вид у кого черта художественнаго гениа— способность всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ гениа чужихъ націй, перевоплощенія почти со-

вершеннаго. Я сказалъ въ моей рѣчи что въ Европѣ были величайшіе художественные міровые гении: Шексперы, Сервантесы, Шиллеры, но что ни у кого изъ нихъ не видимъ этой способности, а видимъ ее только у Пушкина. Не въ отзывчивости одной тутъ дѣло, а именно въ изумляющей полнотѣ перевоплощенія. Эту способность, понятно, я не могъ не отмѣтить въ оцѣнкѣ Пушкина именно какъ характернѣйшую особенность его гения, принадлежащую изъ всѣхъ всемірныхъ художниковъ ему только одному: чѣмъ и отличается онъ отъ нихъ отъ всѣхъ. Но не для умаленія такой величины европейскіхъ гениевъ, какъ Шекспиръ и Шиллеръ, сказалъ я это; такой гауленскій выводъ изъ моихъ словъ могъ бы сдѣлать только дуракъ. Всеми́рность, *всепонятность* и неизслѣдимая глубина міровыхъ типовъ человека арийскаго племени, данныхъ Шекспиромъ на вѣки вѣковъ, не подвергается мною ни малѣйшему сомнѣнію. И еслибы Шекспиръ создалъ Отелло дѣйствительно *венеціанскимъ* Мавромъ, а не Англичаниномъ, то только продавъ бы ему ореолъ мѣстной національной характерности, міровое же значеніе этого типа осталось бы попрежнему то же самое, ибо и въ Италянцѣ онъ выразилъ бы то же самое что хотѣлъ сказать, съ такою же силой. Повторяю, не на міровое значеніе Шекспировъ и Шиллеровъ хотѣлъ я посягнуть, обозначая гениальнѣйшую способность Пушкина перевоплощаться въ гениіи чужихъ націй, а желая лишь въ самой этой способности и въ полнотѣ ея отмѣтить великое и пророческое для насъ указаніе, ибо

4) „Способность эта есть всецѣло способность русская, національная, и Пушкинъ только дѣлать ее со всѣмъ народомъ нашимъ, и, какъ совершеннѣйшій художникъ, онъ есть и совершеннѣйшій выразитель этой способности, по крайней мѣрѣ въ своей дѣятельности, въ дѣятельности художника. Народъ же нашъ именно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность ко всемірной отзывчивости и ко всепримиренію, и уже проявилъ ее во все двухсотлѣтіе съ Петровской реформы не разъ. Обозначая эту способность народа нашего я не могъ не выставить въ то же время въ фактъ этомъ и великаго утѣшенія для насъ въ нашемъ будущемъ, ведкой и межеть-быть величайшей надежды нашей, свѣтящей намъ вперед. Главное, я обозначилъ то что стремленіе наше въ Европу, даже со всѣми увлеченіями и крайностями его,

было не только законно и разумно *въ основаніи своемъ*, но и народно, совпадало вполнѣ со стремленіями самого духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно имѣеть и высшую цѣль. Въ краткой, слишкомъ краткой рѣчи моеѣ, я конечно не могъ развить мою мысль во всей полнотѣ, но по крайней мѣрѣ то что высказано кажется ясно. И не надо, не надо возмущаться сказаннымъ мной: „что нищая наша земля можетъ-быть въ концѣ концовъ скажетъ новое слово міру“. Смѣшно тоже и увѣрять что прежде чѣмъ сказать новое слово міру „надо намъ самимъ развиться экономически, научно и гражданственно, и тогда, только мечтать о „новыхъ словахъ“ такимъ совершеннымъ (будто бы) организмамъ какъ народы Европы.“ Я именно налираю въ моей рѣчи что и не пытаюсь равнять Русскій народъ съ народами западными въ сферахъ ихъ экономической славы или научной. Я просто только говорю что русская душа, что геній народа Русскаго можетъ-быть наиболее слобны по всѣхъ народовъ вмѣстѣ въ себѣ идею всечеловѣческаго единенія, братскій любви, трезваго взгляда прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, снимающаго противорѣчія. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и можетъ ли кто отрицать и оспорить что ея нѣтъ въ народѣ Русскомъ? Можетъ ли кто сказать что Русскій народъ есть только косная масса, осужденная лишь служить *экономически* преуслѣванію и развитію европейской интеллигенціи нашей, возвысившейся надъ народомъ нашимъ; сама же въ себѣ заключаетъ лишь мертвую косность, отъ которой ничего и не слѣдуетъ ожидать и на которую совсѣмъ нечего возлагать никакихъ надеждъ? Увы, такъ многіе утверждаютъ, но я рискнулъ объявить иное. Повторяю, я конечно не могъ доказать „этой фантазіи моеѣ“, какъ я самъ выразился, обстоятельно и со всею полнотою, но я не могъ и не указать на нее. Утверждать же что нищая и неурядная земля наша не можетъ заключать въ себѣ столь высокія стремленія пока не сдѣлается экономически и гражданственно подобною Западу—есть уже просто нелѣпость. Основныя нравственныя сокровища духа въ основной сущности своей по крайней мѣрѣ не зависятъ отъ экономической силы. Наша нищая, неурядная земля, кромѣ вышшаго слоя своего, вся сплошь какъ одинъ чловѣкъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея населенія представляютъ собою такое духовное единеніе

какого конечно въ Евролѣ нѣтъ ни гдѣ и не можетъ быть, а стало-быть уже по сему одному нельзя сказать что наша земля неурядна, даже въ строгомъ смыслѣ нельзя сказать что и нищая. Напротивъ, въ Евролѣ, въ этой Евролѣ гдѣ наколено столько богатствъ, все гражданское основаніе всѣхъ европейскихъ націй—все подкопано и можетъ-быть завтра же рухнетъ безслѣдно на вѣки вѣковъ, а взамѣвъ наступитъ нѣчто неслыханно-новое, ни на что прежнее не похожее. И всѣ богатства наколенные Евролою не спасутъ ея отъ паденія, ибо „въ одинъ мигъ исчезнетъ и богатство“. Между тѣмъ на этотъ, именно на этотъ подкопанный и зараженный ихъ гражданскій строй и указываютъ народу нашему какъ на идеалъ къ которому онъ долженъ стремиться, и лишь по достиженію имъ этого идеала осмѣлятся пролетѣть свое какое-либо слово Евролѣ. Мы же утверждаемъ что вмѣщать и носить въ себѣ силу любящаго и всеединящаго духа можно и при телерешней экомической нищетѣ нашей, да и не при такой еще нищетѣ какъ теперь. Ее можно сохранять и вмѣщать въ себѣ даже и при такой нищетѣ какая была послѣ нашествія Батыева или послѣ погрома смутнаго времени, когда единственно всеединящимъ духомъ народнымъ была спасена Россія. И наконецъ, если ужъ и въ самомъ дѣлѣ такъ необходимо надо для того чтобъ имѣть право любить человечество и носить въ себѣ всеединящую душу, для того чтобы заключать въ себѣ способность не ненавидѣть чужіе народы за то что они не похожи на насъ; для того чтобъ имѣть желаніе не укрѣпляться ото всѣхъ въ своей національности, чтобъ ей только одной все досталось, а другія національности считать только за лимонъ который можно выжать (а народы такого духа вѣдь есть въ Евролѣ!),—если и въ самомъ дѣлѣ для достиженія всего этого надо, повторяю я, предварительно стать народомъ богатымъ и перетащить къ себѣ европейское гражданское устройство: то неужели все-таки мы и тутъ должны рабски скопировать это европейское устройство (которое завтра же въ Евролѣ рухнетъ)? Неужели и тутъ не дадутъ и не позволяютъ русскому организму развиваться національно своею органическою силой, а непремѣнно обезличенно, лакейски подражая Евролѣ? Да куда же дѣвать тогда русскій-то организмъ? Понимаютъ ли эти господа что такое организмъ? А еще толкуютъ о естественныхъ наукахъ! „Этого народъ не позволить“, сказалъ по одному поводу

года два назидъ одинъ собесѣдникъ одному ярому западнику. „Такъ уничтожить народы!“ отвѣтилъ западникъ спокойно и величаво. И былъ онъ не кто-нибудь, а одинъ изъ представителей нашей интеллигенціи. Анекдотъ этотъ вѣренъ.

„Четырьмя этими пунктами я обозначилъ значеніе для насъ Пушкина, и рѣчь моя, повторяю, произвела впечатлѣніе. Не заслугами своими произвела она это впечатлѣніе (я напиралъ на это), не талантацтвою изложенія (согласяюсь въ этомъ со всеми моими противниками и не хвалюсь), а искренности ея и, осмѣлюсь сказать это,—нѣкоторою неотразимостью выставленныхъ мною фактовъ, несмотря на всю краткость и неоломоту моей рѣчи.“

Таковы положенія къ которымъ авторъ сводитъ свою Рѣчь. Она подняла много шума и вызвала возраженія. Дѣло началось съ Пушкина, а перешло на почву общихъ и притомъ основныхъ вопросовъ. Г. Достоевскому захотѣлось многое высказать „просто придравшись къ случаю“, какъ онъ самъ говоритъ. Художникъ „слышитъ, предчувствуетъ, видитъ даже“ что „возникають и идутъ *новые элементы, ожидающіе новаго слова, истосковавшіеся отъ стараго либеральнаго подлизкиванья надъ всякимъ словомъ надежды на Россію, отъ стараго, прежняго, либерально-беззубаго скептицизма, отъ старыхъ мертвецовъ, которыхъ забыли похоронить и которые все еще считаютъ себя за молодое поколѣніе.*“ И г. Достоевскій говоритъ *новое* слово,—новое не въ томъ смыслѣ чтобъ оно представляло нѣчто никогда не приходившее намъ въ голову,—нѣтъ. Мы называемъ слово его *новымъ* потому что оно звучитъ тою внутреннею правдой, величавостію и простотою отъ которыхъ мы давно уже отвыкли въ современной литературѣ. Петербургскій профессоръ утверждаетъ что „всякій русскій человѣкъ, пожелавшій сдѣлаться *просвѣщеннымъ*, непременно получитъ это *просвѣщеніе* изъ западно-европейскаго источника, за *полнѣйшимъ* отсутствіемъ источниковъ русскихъ.“ Что подразумѣвается подъ *просвѣщеніемъ*? спрашиваетъ г. Достоевскій: науки Запада, полезныя знанія, ремесла или просвѣщеніе духовное? Науки и ремесла дѣйствительно не должны насъ миновать, и получить намъ ихъ неоткуда кромѣ какъ изъ западно-европейскихъ источниковъ. Но *просвѣщеніе* въ смыслѣ *свѣта духовнаго*, озаряющаго душу, просвѣщающаго сердце, отрезывающаго умъ и указывающаго ему дорогу жизни, такое просвѣ-

ченіе, говоритъ г. Достоевскій, намъ нечего черпать изъ западно-европейскихъ источниковъ за *полнѣйшимъ присутствіемъ* (а не отсутствіемъ) *источниковъ русскихъ*.

„Я утверждаю что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ: онъ ученія Христова не знаетъ и проповѣдей ему не говорятъ,—но это возраженіе пустое: все знаетъ, все то что именно нужно знать, хотя и не выдержитъ экзамена изъ катехизиса. Научился же въ храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны, которые лучше проповѣдей. Повторялъ и самъ пѣлъ эти молитвы еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ, въ Батыево нашествіе еще можетъ-быть пѣлъ: „Господи силъ съ нами буди!“ и тогда-то можетъ-быть и заучилъ этотъ гимнъ; потому что кромѣ Христа у него тогда ничего не оставалось, а въ немъ, въ этомъ гимнѣ, уже въ одномъ вся правда Христова. И что въ томъ что народу мало читаютъ проповѣдей, а дьячки бормочутъ неразборчиво,—самое колоссальное обвиненіе на вашу церковь, придуманное либералами, вмѣстѣ съ неудобствомъ церковно-славянскаго языка будто бы неловятаго простолюдину (а старообрядцы-то? Господи!). За то выйдетъ польза и прочтеть: „Господа и Владыко живота моего“,—а въ этой молитвѣ *вся суть христіанства*, весь его катехизисъ, а народъ знаетъ эту молитву наизусть. Знаетъ тоже онъ наизусть многія изъ житій святыхъ, пересказываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ. Главная же школа христіанства, которую прошелъ онъ—это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ, оставленный всѣми, поправный всѣми, работающій на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христомъ-Утѣшителемъ, Котораго и принялъ тогда въ свою душу на вѣки и Который за то спасъ отъ отчаянія его душу! Впрочемъ что же я вамъ это все говорю? Неужто я васъ убѣдить хочу? Слова мои покажутся вамъ конечно младенческими, почти неприличными. Но, повторяю въ третій разъ, не для васъ пишу. Да и тема эта важная; о ней надо особо и много еще сказать, и буду говорить пока держу перо въ рукахъ, а теперь выражу мою мысль лишь въ основномъ положеніи: Если нашъ народъ просвѣщенъ уже давно, принявъ въ свою суть Христа и Его ученіе, то вмѣстѣ съ Нимъ, съ Христомъ, ужъ конечно принялъ и *истинное* просвѣщеніе. При такомъ основномъ зала-

съ просвѣщенія науки Запада конечно обратятся для него лишь въ истинное благодѣаніе. Христось не померкнетъ отъ нихъ у насъ какъ на Западѣ, гдѣ впрочемъ не отъ наукъ Онъ померкъ, какъ утверждаютъ либералы уже, а еще прежде наукъ, когда сама церковь западная искадила образъ Христовъ, преобразившись изъ церкви въ Римское государство и воллотивъ его вновь въ видѣ папства. Да, на Западѣ во истину уже нѣтъ христіанства и церкви, хотя и много еще есть христіанъ, да и никогда не исчезнутъ. Католичество во истину уже не христіанство и переходитъ въ идолопоклонство, а протестантизмъ исполнскими шагами переходитъ въ атеизмъ и въ зыбкое, текущее, измѣнчивое (а не вѣковѣчное) вравоченіе.“

Послушаемъ теперь апологію *народной правды*:

„Я вотъ въ моей *Ръчи* сказалъ что Татьяна, отказавшись идти за Овѣгивымъ, поступила по-русски, по русской народной правдѣ, а одинъ изъ критиковъ моихъ, оскорбившись что у Русскаго народа есть правда, вдругъ возразилъ мнѣ вопросомъ: „А свальный грѣхъ?“ Такимъ критикамъ развѣ можно отвѣчать? Главное, оскорблены тѣмъ что Русскій народъ можетъ имѣть свою правду, а стало-быть дѣйствительно просвѣщенъ. Да развѣ свальный грѣхъ существуетъ въ цѣломъ народѣ нашемъ и существуетъ *какъ правда*? Принимаетъ ли его весь народъ за правду? Да, народъ нашъ грубъ, хотя и далеко не весь,—о, не весь, въ этомъ я клянусь уже какъ свидѣтель, потому что я видѣлъ народъ нашъ и знаю его, жилъ съ нимъ довольно лѣтъ, вѣлъ съ нимъ, слалъ съ нимъ и самъ къ „злѣдѣямъ причтень былъ“, работалъ съ нимъ настоящею мозольною работой, въ то время когда другіе, „умывавшіе руки въ крови“, либеральничая и подхихикивая надъ народомъ, рѣшали на лекціяхъ и въ отдѣленіи журнальныхъ фельетоновъ что народъ нашъ „образа звѣрнаго и печати его“. Не говорите же мнѣ что я не знаю народа! Я его знаю: отъ него я принялъ вновь въ мою душу Христа, Котораго узналъ въ родительскомъ домѣ еще ребенкомъ и Котораго утратилъ было когда преобразился въ свою очередь въ „европейскаго либерала“. Но пусть, пусть народъ нашъ грѣшенъ и грубъ, пусть звѣривъ еще его образъ: будьте же и справедливы хоть разъ, либеральные люди: вспомните что народъ вытерпѣлъ во столько вѣковъ! Вспомните кто въ звѣривомъ образѣ его виноватъ наиболѣе и—не осуждайте! Вѣдь смѣшно осуждать мужика за то

что онъ не причесавъ у французскаго парикмахера изъ Большой Морской, а вѣдь почти до этихъ именно обвиненій и доходить когда подымутся на Русскій народъ наши европейскіе либералы и примутся *отрицать* его: И личности-то онъ себя не выработалъ, и національности-то у него нѣтъ! Боже мой, а на Западѣ, гдѣ хотите и въ какомъ угодно народѣ, развѣ меньше льявства и воровства? не такое же развѣ звѣрство, и при этомъ ожесточеніе (чего нѣтъ въ нашемъ народѣ) и уже истинное, заправское невѣжество, настоящее непросвѣщеніе, потому что шлои разъ соединено съ такимъ беззаконіемъ, которое уже не считается тамъ грѣхомъ, а именно стало считаться правдой, а не грѣхомъ. Но пусть, все-таки пусть въ нашемъ народѣ звѣрство и грѣхъ, но вотъ что въ немъ есть неоспоримо: это именно то что онъ, въ своемъ дѣломъ по крайней мѣрѣ (и не въ идеалѣ только, а въ самой заправской дѣйствительности), никогда не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду! Онъ согрѣшитъ, но всегда скажетъ,—равно ли поздно ли,—я сдѣлалъ неправду. Если согрѣшившій не скажетъ, то другой за него скажетъ, и правда будетъ восполнена. Грѣхъ есть смрадъ, и смрадъ пройдетъ когда возсіяетъ солнце вполнѣ. Грѣхъ есть дѣло преходящее, а Христось—вѣчное. Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, во Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и важно во что народъ вѣритъ какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, какъ ее представляетъ себя, что ставить своимъ лучшимъ желаніемъ, что возлюбилъ, чего просить у Бога, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеалъ народа Христось. А со Христомъ конечно и просвѣщеніе: и въ высшія, роковыя минуты свои народъ нашъ всегда рѣшается и рѣшалъ всякое общее, всенародное дѣло свое всегда похристіански. Вы скажете съ насмѣшкой: „плакать—этого мало, воздыхать тоже; надо и дѣлать, надо и быть.“ А у васъ-то у самихъ, господа русскіе просвѣщенные Европейцы, много праведниковъ? Укажите мнѣ вашихъ праведниковъ, которыхъ вы вмѣсто Христа ставите? Но знайте что въ народѣ есть и праведники. Есть положительные характеры невообразимой красоты и силы, до которыхъ не коснулось еще наблюденіе ваше. Есть эти праведники и страдальцы за правду,—видимъ мы ихъ или не видимъ? Не знаю; кому даво видѣть, тотъ конечно увидитъ ихъ и осмыслитъ; кто же видитъ

лишь образъ звѣриный, тотъ конечно ничего не увидитъ. Но народъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ что они есть у него, вѣрить что они есть, крѣлокъ этою мыслию и уловаеть что они всегда въ нужную всеобщую минуту спасутъ его.“

Намъ кажется что въ этихъ словахъ находится ключъ къ разумѣнью всей нравственной личности нашего знаменитаго писателя. Онъ узналъ Христа въ родительскомъ домѣ еще будучи ребенкомъ, утратилъ было Его преобразившись въ quasi-европейскаго либерала, и принялъ вновь въ свою душу отъ народа. Не ханжество и не лицемеріе, но очищенная и просвѣтленная вѣра говоритъ устами писателя-художника. Этимъ объясняется необычайная сила и искренность его слова. Мы вѣримъ что г. Достоевскій лишеть не фразу, когда онъ утверждаетъ что будетъ говорить объ этой темѣ „лока держать перо въ рукахъ“.

Одною изъ самыхъ интересныхъ частей *Речи* г. Достоевскаго была та гдѣ онъ объяснялъ характеръ Алеко и Овѣгина. *Дневникъ* содержитъ цѣлую главу посвященную дальнѣйшему развитію волроса о „русскихъ скитальцахъ“. Г. Градовскій говоритъ что Пушкинъ нигдѣ не показалъ что именно отрицали Алеко и Овѣгинъ. Нигдѣ не видно чтобъ они отрицали народную правду, коренныя начала русскаго міросозерцанія. Мы узнаемъ лишь изъ Гоголя, говоритъ г. Градовскій, отъ кого бѣжалъ къ Цыганамъ Алеко, отъ чего скучалъ Овѣгинъ, Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановскіе, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины,—вотъ тѣневая сторона Алеко, Рудина и многихъ другихъ. А вѣдъ эти Гоголевскіе герои были чисто русскими людьми. У Коробочки не было мировой скорби, Сквозникъ-Дмухановскій преросходно умѣлъ объясняться съ кулцами, Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ. Отвѣтъ г. Достоевскаго чрезвычайно интересенъ. Кто же сомнѣвается, говоритъ онъ, что Гоголевскіе герои были русскими людьми?

„Но вотъ въ чемъ однакоже дѣло: всѣ эти Сквозники и Собакевичи хоть и русскіе люди, но русскіе люди испорченныя, отъ почвы оторванныя, и хоть знающіе народный бытъ съ одной стороны, но ничего не знающіе съ другой, даже не подозрѣвающіе что она существуетъ, другая-то эта сторона: въ этомъ все и дѣло. Души народной, того чего народъ жаждетъ, чего молитвенно просить, они и не подозрѣвали, потому что страшно презирали народъ. Да и душу-то они въ

немъ отрицали даже, кромѣ развѣ ревизской. „Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ“, утверждаете вы. Это невозможно. Собакевичъ видѣлъ въ своемъ Прошкѣ только силу, которую можно продать Чичикову. Вы утверждаете что Сквозникъ-Дмухановскій превосходно умѣлъ объясняться съ кулцами. Помилосердитесь! Да перечтите сами монологъ городничаго къ кулцамъ въ лятномъ актѣ: такъ говорятъ развѣ только съ собаками, а не съ людьми, это ли значить „превосходно“ говорить съ русскимъ человѣкомъ? Неужто вы хвалите? Да лучше бы прямо—по зубамъ или за волосы. Въ дѣтствѣ моемъ я видѣлъ разъ на большой дорогѣ фельдгегера въ мундирѣ съ фалдочками, въ трехъуголкѣ съ перомъ, страшно тузившаго въ загорбокъ ямщика кулакомъ на всемъ лету, а тотъ изстуженно стегалъ свою запаренную, скачущую во весь опоръ тройку. Этотъ фельдгегеръ былъ, разумѣется, по рожденію Русскій, но до того ослѣпшій и оторвавшійся отъ народа что не могъ иначе и объясняться съ русскимъ человѣкомъ какъ своимъ огромнымъ кулачищемъ вмѣсто всякаго разговора. А между тѣмъ вѣдь онъ всю жизнь свою провелъ съ ямщиками и съ разнымъ Русскимъ народомъ. Но фалдочки его мундира, шляпа съ перомъ, его офицерскій чинъ, его вычищенные петербургскіе салоги ему были дороже, душевно и духовно, не только русскаго мужика, но можетъ-быть и всей Россіи, которую онъ искрестилъ всю взадъ и впередъ и въ которой онъ, по всей вѣроятности, ровно ничего не нашелъ примѣчательнаго и достойнаго чего-нибудь иного кромѣ какъ его кулака или ливка вычищеннымъ его салогомъ. Ему вся Россія представлялась лишь въ его начальствѣ, а все что кромѣ начальства почти недостойно было существовать. Какъ такой можетъ понимать суть народа и душу его! Это былъ хоть и Русскій, но уже и „европейскій“ Русскій, только начавшій свой европеизмъ не съ просвѣщенія, а съ разврата, какъ и многіе, чрезвычайно многіе начинали.....

„...Я утверждаю что Алеко и Оявгинъ были тоже въ своемъ родѣ Держиморды, и даже въ иномъ отношеніи и похуже,—только съ тою разницею что я не обвиняю ихъ за это вовсе, вполне признавая трагичность судьбы ихъ, а вы ихъ хвалите за то что они убѣждали: Десятъ такіе великіе и интересные люди могли ли ужиться съ такими уродами? Вы ужасно ошибаетесь. Вы вотъ сами выводите что Алеко и Оявгинъ вовсе не отрывались отъ почвы и вовсе не отрицали народной прав-

ды. Мало того: „вовсе де они и не горды были“—вотъ что вы даже утверждаете. Да тутъ гордость—прямое, логическое и неминуемое послѣдствіе ихъ отвлеченности и оторванности отъ почвы. Вѣдь не можете же вы отрицать что они почва не знали, росли и воспитывались по-вистатутски, Россію узнавали въ Петербургѣ на службѣ, съ народомъ были въ отношеніяхъ барина ко крѣпостному. Пусть они даже и жили въ деревнѣ съ мужикомъ. Мой фельдъегерь всю жизнь съ ямщиками знался, и ничего другаго не призналъ въ нихъ кромѣ достойнаго своего кулачища. Алеко и Овѣгивъ къ Россіи были высокоумны и нетерпѣливы, какъ всѣ люди живущіе отъ народа отдѣльною кучкой на всемъ на готовомъ, т.-е. на мужицкомъ трудѣ и на европейскомъ просвѣщеніи, тоже имъ даромъ доставшемся. Именно тѣмъ что всѣ интеллигентные люди наши, извѣстною историческою подготовкой, чуть не во всѣ два вѣка нашей исторіи обратились лишь въ праздныхъ бѣлоручекъ,—тѣмъ и объясняется ихъ отвлеченность и оторванность отъ родной почвы. Не Держимордой онъ погибъ, а тѣмъ что не умѣлъ объяснить себѣ Держиморду и происхожденіе его. Слишкомъ для этого гордъ былъ. Не умѣвъ же объяснить, не нашелъ возможности и работать на родной нивѣ. Тѣхъ же которые вѣрили въ эту возможность, считалъ за гаульцовъ или тоже за Держимордъ. И не только предъ Держимордой былъ гордъ нашъ скиталецъ, но и предъ всею Россіей: ибо Россія, по его окончательному выводу, содержала въ себѣ только рабовъ да Держимордъ: если же заключала что-нибудь въ себѣ лоблагородиѣ, то это ихъ, Алекъ и Овѣгивныхъ, а болѣе ничего. Послѣ этого гордость приходитъ уже сама собой: пребывая въ отвлеченіи, они естественно начинали удивляться своему благородству и высотѣ своей надъ гадкими Держимордами, въ которыхъ не умѣли ничего объяснить. Еслибъ они не были горды, то увидали бы что и сами они Держиморды и, прозрѣвъ это, можетъ-быть встали бы тогда, именно въ этомъ прозрѣніи, и исходъ къ примиренію. Къ народу же чувствовали уже не столько гордость, сколько омерзѣніе, и это сплошь.“

Принесла ли эти „скитальцы“, эти люди „гражданской скорби“ какую-нибудь пользу русской гражданственности? По мнѣнію г. Градовскаго, въ душѣ „скитальцевъ“ сохранялся „помыселъ о народѣ“: они подготовили общество къ упраздненію крѣпостнаго права; они послужили „родной нивѣ“

въ качествѣ проповѣдниковъ освобожденія. Г. Достоевскій не соглашается съ этимъ. Вопросъ о „скитальцахъ“, только затронутый въ *Речи*, окончательно выясняется въ *Дневникъ*: „То-то вотъ и есть что *скитальцы* ненавидѣли крѣпостное право по-своему, по-европейски; въ томъ-то и вся сила. То-то вотъ и есть что ненавидѣли они крѣпостное право не ради русскаго мужика на нихъ работавшаго, ихъ литавшаго, а стало-быть ими же въ числѣ другихъ и угнетеннаго. Кто мѣшалъ имъ,—если ужъ до того ихъ одолевала гражданская скорбь что къ Цыганамъ приходилось бѣжать, или на баррикады въ Парижъ,—кто мѣшалъ имъ просто-запросто освободить хоть своихъ крестьянъ съ землей и снять такимъ образомъ гражданскую скорбь по крайней мѣрѣ хотя со своей-то личной ответственности? Но о такихъ освобожденіяхъ что-то мало у насъ было слышно, а гражданскихъ воллей раздавалось довольно. „Среда дескать задаваа, и какъ же де ему своего капитала лишиться?“ Да почему же не лишиться когда ужъ до такой степени дѣло доходило отъ скорби по крестьянамъ что на баррикады бѣжать приходилось? То-то вотъ и есть что въ „мѣстечкѣ Парижъ-съ“ все-таки надобны деньги, хотя бы и на баррикадахъ участвуя, такъ вотъ крѣпостные-то и присылали оброкъ. Дѣлали и еще проще: закладывали, продавали или обмѣнявали (не все ли равно?) крестьянъ и, осуществивъ денежку, уѣзжали въ Парижъ спосособствовать изданію французскихъ радикальныхъ газетъ и журналовъ.

„Признаюсь, совсѣмъ даже не могу согласиться со столь капитальнымъ положеніемъ вашимъ, г. Градовскій: „Кто жъ какъ не они подготовили общество наше къ ураздненію „крѣпостнаго права?““ Отвлеченною болтовней развѣ послужили, источая гражданскую скорбь по всѣмъ правиламъ,—о, конечно все въ общую экономію пошло и къ дѣлу пригодилось. Но спосособствовали освобожденію крестьянъ и помогали трудящимся по освобожденію скорѣе такого склада люди какъ напримѣръ Самаринъ, а не ваши скитальцы. Такого тѣла людей какъ Самаринъ, тѣла уже совершенно не похожаго на скитальцевъ, явилось на великую тогдашнюю работу вѣдь очень немало, г. Градовскій, а о нихъ вы конечно ни слова. Скитальцамъ же это дѣло, по всѣмъ признакамъ, очень скоро наскучило и они олять стали брезгливо будировать. Не скитальцы бы они были еслибы поступили иначе.

Получивъ выкупныя стали остальные земли и лѣса свои продавать кулцамъ и кулакамъ на срубъ и на истребленіе и, выселяясь за границу, завели абсентеизмъ...“

„Никакъ нельзя сказать то что вы сказали въ слѣдующей вашей фразѣ, продолжаетъ г. Достоевскій обращаясь къ своему критику: „Вотъ почему въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства „общественныхъ учреждений воспитывающихъ въ человѣкѣ „если не христіанскія, то гражданскія доблести“. Вы скажете что и „въ общественныхъ учрежденіяхъ“ и въ самѣ „гражданина“ можетъ заключаться величайшая нравственная идея; что „гражданская идея“ въ націяхъ уже зрѣлыхъ, развившихся, всегда замѣняетъ первоначальную идею религіозную, которая въ нее и выражается и которой она по праву наследуетъ. Да, такъ многіе утверждаютъ; но мы такой фантазіи еще не видали въ осуществленіи. Когда изживалась нравственно-религіозная идея въ національности, то всегда наступала панически трудная потребность единенія, съ единственною цѣлью „сласти животинки“,—другихъ цѣлей гражданскаго единенія тогда не бываетъ. Вотъ теперь французская буржуазія единится именно съ этою цѣлью „спасенія животинекъ“ отъ четвертаго домащагося въ ея дверь сословія. Но „спасеніе животинекъ“ есть самая безцѣльная и послѣдняя идея изъ всѣхъ идей двигающихъ человѣчество. Это уже начало конца, предчувствіе конца. Единятся, а сами уже наострили глаза какъ бы при первой опасности поскорѣе разсыпаться врознь. И что тутъ можетъ сласти учрежденіе какъ таковое, какъ взятое само по себѣ? Были бы братья, будетъ и братство. Если же нѣтъ братьевъ, то никакимъ учрежденіемъ не получите братства. Что толку поставить учрежденіе и написать на немъ: Liberté, Egalité, Fraternité? Ровно никакого толку не добьетесь тутъ учрежденіемъ, такъ что придется необходимо, рѣшимо и придется ярисовокупить къ тремъ учредительнымъ словечкамъ четвертое: „ou la mort, fraternité ou la mort“, и побѣдутъ братья откалывать головы братьямъ, чтобы получить чрезъ гражданское учрежденіе братство. Это только призмъръ, но хорошій. Вы, г. Градовскій, какъ и Алеко, ищете спасенія въ вещахъ и въ явленіяхъ вѣншихъ: „Пусть де у насъ въ Россіи поминутно гаулицы и мошевики (на иной взглядъ можетъ и такъ), но стоить лишь пересадить къ намъ

изъ Европы какое-нибудь учрежденіе, и по вашему все сла-
сено. Механическое перенесеніе къ намъ европейскихъ формъ
(которыя тамъ завтра же рухнутъ) народу нашему чуждыхъ
и волъ его непригожихъ есть, какъ извѣстно, самое важное
слово русскаго европеизма.“

Г. Достоевскій мрачными красками рисуетъ будущность
Европы. Онъ предвидитъ „окончательную“, „раздѣлочную“ по-
литическую войну которая будетъ вызвана „неразрѣшимыми“
политическими вопросами.

„Какъ вы думаете: выдержитъ тамъ *теперь* данную полити-
ческую войну общество? Фабрикантъ трусливъ и лугливъ,
Жидъ тоже; фабрики и банки закроются всѣ, чуть-чуть лишь
война затянется или погрозитъ затянуться, и милліоны го-
лодныхъ ртовъ, отверженныхъ пролетаріевъ, брошены бу-
дутъ на улицу. Ужь не надѣетесь ли вы на благоразуміе
политическихъ мужей и на то что они не затѣютъ войну.
Да когда же на это благоразуміе можно было надѣяться?
Ужь не надѣетесь ли вы на палаты что онѣ не да-
дутъ денегъ на войну, предвидя послѣдствія? Да когда же
тамъ палаты предвидѣли послѣдствія и отказывали въ день-
гахъ чуть-чуть настойчивому руководящему человѣку? И
вотъ пролетарій на улицѣ. Какъ вы думаете, будетъ онъ
теперь попрежнему терпѣливо ждать умирая съ голоду? Это
послѣ политическаго-то социализма, послѣ интернаціоналки,
соціальныхъ конгрессовъ и Парижской коммуны? Нѣтъ, теперь
уже не попрежнему будетъ: они бросятся на Европу и—все
старое рухнетъ на вѣки. Волны разобьются лишь о нашъ бе-
регъ: ибо тогда только въявь и воочию обнаружится предъ
всѣми до какой степени нашъ національный организмъ особ-
ливъ отъ европейскаго. Тогда и вы, гг. доктринеры, можете
быть, схватитесь и начнете искать у насъ „народныхъ на-
чалъ“, надъ которыми теперь только смѣетесь. А теперь-то
вы, господа, теперь-то указываете намъ на Европу и зовете
пересаживать къ намъ именно тѣ самыя учрежденія кото-
рыя тамъ завтра же рухнутъ, какъ изжившій свой вѣкъ аб-
сурдъ, и въ которыя и тамъ уже многіе умные люди давно
не вѣрятъ, которыя держатся и существуютъ тамъ до сихъ
поръ лишь по одной иверціи.“

Итакъ, „волны разобьются лишь о нашъ берегъ“. Что же
оставовить ихъ на этомъ берегѣ?

„Народъ—носитель Христа, на одного котораго онъ только и надѣется. Народъ этотъ называлъ себя крестьянникомъ, то есть христіанникомъ; и тутъ не одно только слово, тутъ идея на все его будущее.“

С. В.

III.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XXVIII, Финансовыя документы царствованія императрицы Екатерины II. Собралъ и издалъ А. Н. Куломзинъ. Томъ I. С.-Петербургъ, 1880.

Авторъ названнаго труда совершенно справедливо замѣчаетъ что недостаточная извѣстность финансовыхъ мѣропріятій Екатерины II составляетъ важный пробѣлъ въ русской исторіографіи. Кромѣ табличныхъ свѣдѣній о приходахъ и расходахъ Россіи за упомянутую эпоху особый интересъ должны представлять экономическія и финансовыя теоріи, взгляды и понятія какъ самой императрицы, такъ и ея ближайшихъ сподвижниковъ. „Такой существенный пробѣлъ въ исторіи Екатерины II, замѣчаетъ г. Куломзинъ, весьма [повлечены: финансы, болѣе другихъ отраслей государственнаго управленія, изстари облакались глубокою таймой и лишь высшему просвѣщенному царствованію суждено было отрѣшиться отъ застарѣлыхъ предразсудковъ.“

Въ какомъ состояніи застала Екатерина финансы Россіи? „По востшествіи моемъ на престолъ, пишетъ она, Сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходамъ Имперіи, по которому явствовало что оныхъ считали 16 милліоновъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила князя Вяземскаго и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Мельгунова, тогдашняго президента камеръ-коллегіи, считать доходы. Они считали нѣсколько лѣтъ, переписываясь разъ по семи съ каждымъ воеводой. Наконецъ сочли 28 милліоновъ, 12 милліоновъ больше нежели Сенатъ вѣдалъ.“ (Стр. XXII.)

Въ концѣ своего введенія авторъ помѣщаетъ символическую таблицу общей суммы государственныхъ доходовъ и расходовъ при Екатеринѣ, по отдѣльнымъ годамъ, отъ 1763—1796. И тѣ и другія цифры показываютъ постепенное и очень быстрое возрастаніе. Пролуская промежуточные ступени мы укажемъ лишь на нѣкоторыя изъ этихъ цифръ.

Годы.	Доходы.	Расходы.	
1763.....	16.497.881	17.235.596	
1764.....	19.407.860	19.368.671	
1765... ..	20.458.689	20.368.357	
1766.....	21.403.268	21.686.095	
1767.....	21.710.593	20.838.094	
1772.....	27.073.352	29.742.562	
1781.....	28.745.317	19.616.025	
1784.....	40.526.040	30.672.541	
1785.....	42.012.142	58.179.602	
1790.....	44.433.553	73.513.744	
1791.....	42.974.038	70.060.488	
1793.....	44.796.290	57.028.647	
1794.....	56.393.784	65.093.135	
1796.....	68.323.869		
1796.....	} и 1.213.100 четв. ржи 96.779 " крупъ 68.597.459	} Сумма всѣхъ расходовъ го- сударства за эти года неиз- вѣстна.	
			} и 1.572.615 четв. ржи 126.412 " крупъ

Мы видимъ что къ концу царствованія Екатерины доходы государства увеличились слишкомъ въ четыре раза, но и расходы возросли и притомъ еще значительнѣе. Конечный результатъ послѣднихъ войнъ великой монархини состоялъ въ томъ что къ концу ея царствованія оказалось на Россіи долговъ:

Внѣшнихъ.....	43.789.130 р.
Внутреннихъ.....	82.457.426 "

Самую крупную статью государственнаго бюджета и въ тѣ времена конечно было войско. Изъ вѣдомости представленной Сенатомъ императору Петру III мы узнаемъ что „на армейскіе, кирасирскіе, драгунскіе пѣхотные, гарнизонные драгунскіе и пѣхотные жъ и ландмилицкіе украинскіе и закамскіе, всего на 148 полковъ на жалованье, мундиръ, аммуницію, на провіантъ, раціоны и на лошадей“ назначено 3.760.066 рублей 42 копѣйки. „Въ артиллерію на содержаніе артиллеріи, арсеналовъ и артиллерійскаго корпуса“ — 231.297 рублей 32 копѣйки. Правда, по той же вѣдомости значатся различныя прибавочныя суммы на полки, но эти суммы все-таки ничтожны. Нѣкоторыя части войскъ обходились казнѣ значительно дороже. Такъ, если изъ вышеупомянутыхъ 148 полковъ каждый стоилъ по 25.000, то „на

гусарскіе четыре полка, по особому объ нихъ штату,“ положено 162.821 рубль 21 $\frac{3}{4}$ копѣйки, то-есть около 40.000 на полкъ. Еще дороже обходилась гвардія: одинъ Преображенскій и Семеновскій полки стоили 212.670 Измайловскій 91.408, конный 83.360. Но въ 1788 году ординарныхъ расходовъ безо всякихъ прибавокъ числилось по комиссаріату уже 12.030.345 рублей. Экстраординарныя издержки были очень значительны. Достаточно сказать что одна первая Турецкая война обошлась императрицѣ въ 47.000.000 рублей.

Одною изъ крупнѣйшихъ административно - финансовыхъ реформъ Екатерины слѣдуетъ безспорно считать введеніе большей централизаціи въ финансахъ. Замѣтивъ что камеръ-коллегія, которая учреждена была еще Петромъ Великимъ съ цѣлю надзора за финансовыми статьями, „удалаясь отъ предписаннаго ей прелозлезнаго предмета, состоящаго въ приращеніи доходовъ и въ обогащеніи государства, ни о чемъ уже болѣе не печется какъ о производствѣ текущихъ дѣлъ и о своей одной очисткѣ“, Екатерина, дабы извлечь ее изъ такого „безмолвнаго состоянія“, назначила предсѣдателемъ въ нее князя Куракина. Но коллегія эта въ свою очередь стала жаловаться что прочія вѣдомства не доставляютъ ей нужныхъ свѣдѣній о поступающихъ въ нихъ приходахъ и вылачиваемыхъ ими расходныхъ суммахъ, такъ что 2го мая 1766 года Сенатомъ былъ изданъ особый указъ о непрѣмливомъ представленіи всѣхъ подобныхъ свѣдѣній.

Очень сильно старалась Екатерина объ облегченіи народу солянаго налога. „Великое отягощеніе для народа есть соль и вино на такомъ основаніи какъ нынѣ находятся“, писала она въ собственноручной инструкціи князю Вяземскому. Съ цѣлю привести въ порядокъ эта залутанная дѣла она назначила въ 1764 году комиссію изъ графа Ферстера, Козлова, Волкова и Елагина для собранія свѣдѣній о современномъ состояніи солянаго и виннаго сборовъ и для отысканія способовъ, „чтобы сборы эти, не отягощая народъ, умножили доходъ казны“. Замѣчательнѣе всего то что Екатерина тогда же предложила этой комиссіи вопросъ: „не можетъ ли не только безъ ущерба казнѣ, но и съ выгодою быть допущена *вольная* продажа соли?“ Комиссія представила императрицѣ подробный докладъ о своихъ соображеніяхъ по соляному дѣлу. Она предлагала поощрить разработку лермонской соли, какъ болѣе дешевую чѣмъ разработка Елатонской, и

возобновить залуценныя варницы. Забота Екатерины о добротности соли видна между прочимъ изъ слѣдующей собственноручной замѣтки: „Елтонская соль народомъ не любима, и сия соль была ненавидима и тогда когда графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ ее повсюду вводитъ хотѣвъ, тому лѣтъ съ 30 назадъ. Оная соль же съ грязью смѣшана и возить ее трудно, ибо вверхъ по рѣкѣ идти должна“, (стр. XXI).

Вообще облегченіе податей заботило Екатерину. Къ сожалѣнію, при ея многочисленныхъ войнахъ и огромныхъ издержкахъ на вводимыя реформы, ей не многое удавалось одѣлать. Такъ первая Турецкая война побудила правительство немедленно увеличить налоги приблизительно на 20%, и этимъ путемъ изъ 47½ милл. представляющихъ стоимость первой Турецкой войны было добыто около половины, т. е. около 20 милл.; на остальное покрыто сбереженіями въ обыкновенныхъ расходахъ и иностранными займами. За то лишь только окончилась эта война какъ Екатерина повелѣла Сенату рассмотреть всѣ статьи государственнаго дохода, „дабы отыскать изъ нихъ такія которыя безъ ущерба для казны могли бы быть сложены съ народа“. „Встрѣчались подацныя, при семъ рассмотрѣніи, отвѣчалъ Екатерины Сенатъ (стр. 213), нѣкоторые сборы, кои требовали либо отъѣзны или по меньшей мѣрѣ убавки, какъ напримѣръ цѣна казенной соли, гривенная крѣпостная лошадиная и конскія пошлыны; соль потому, что еще въ указѣ 1762 года июля 5 дня общана съ оной убавка; гривенная пошлына—потому что положена случайно въ указѣ 1714 года для учившаго тогда первенства, дабы цѣны изъ роду не выходило; а нынѣ, по отрѣшеніи первенства, обратилась торговля въ таковую яче такимъ кои изъ самой крайности цѣны не продаются; конская же потому что подвержена многимъ въ платѣжѣ затрудненіямъ, ибо покупка и мѣна лошадей происходитъ по большей части между крестьянами и другими бѣднаго состоянія людьми; всякой же изъ нихъ какъ покупатель такъ и продавецъ долженъ съ покупною или вымѣнною лошадию звѣтаться у сборщика или откупщика, заплатить лошадину, требовать отъ него билета и дожидаться покуда оный получить, а безъ того лошадию не пользоваться. Но какъ съ соли невозможно меньше 10 копѣекъ съ пуда убавки сдѣлать для уравненія цѣны въ продажѣ по

фунтамъ, 10 же копѣекъ съ луда дѣлають убавки въ доходѣ сашкомъ 800.000 руб., къ тому же и другіе два сбора составляютъ не малый казнѣ доходъ, а именно: приходитъ въ годъ крѣпостныхъ лошаивъ до 270.000 рублей, да конскихъ сашкомъ 100.000 р., то при нынѣшнемъ случаѣ, когда отъ бывшаго въ государствѣ нестройства пришли и доходы многіе въ замѣпательство, до будущаго впредь усмотрѣнія, Сенать не осмѣливается ни объ отмѣнѣ, ни объ уменьшеніи помянутыхъ доходовъ представлять.“

Многіе мелкіе налоги Сенать предлагалъ отмѣнить. Такъ оказалась слѣдующій сборъ: „Въ Казани собирается со строговаго и лодочнаго караула по 29 руб. по 2¹/₄ коп. въ годъ, и платятъ оныя Казанскій магистратъ. Хотя по наружности сей сборъ и не великъ, но въ самой вещи отяготителенъ, потому что выбираютъ къ оному особливые изъ купечества люди и сіа выборные собирають съ прѣвзжающихъ съ Волги рѣчки разныхъ чиновъ за то только что они отдають караулить лодку или судно, съ каждаго судна иногда до пятидесяти копѣекъ.“ Потомъ предложено было сложить налогъ съ каменныхъ жернововъ (158 рубля 77¹/₄ копѣки), съ тюленьяго промысла; далѣе налогъ съ кузницы въ Верхотурьѣ, съ точильнаго брусянаго камня въ Илцмскѣ, да лолонамичьяа деньги (собиравшіяся на выкупъ плѣнныхъ) въ Вагѣ, отъ каковыхъ трехъ налоговъ поступало въ казну ежегодно денегъ пятьдесятъ одна копѣка. Есть еще сборы съ вотчинъ бортеваго или пчельнаго угодья; съ квасныхъ кадей, за поднимаемыя на земля мертвыя тѣла; съ челобитеннаго или плащаднаго лисьма и съ соляныхъ вольнопромышленныхъ варницъ.“ Кромѣ этихъ ничтожныхъ доходовъ Сенать предлагалъ отмѣнить и болѣе крупныя: одинъ въ 9.618 руб. 28¹/₄ коп. съ петербургскихъ лавокъ, амбаровъ и т. д., другой „съ красильнаго промысла, воскобойнаго, съ кожевенныхъ и овчинныхъ промысловъ, съ мыльных промысловъ, со звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, съ маслячнаго промысла, съ салотопель, съ хмѣлеваго и солодовеннаго промысла, съ амбаровъ, амшеницковъ и кирпичныхъ сараевъ, съ шалашей и такъ еще называемыхъ балагановъ, съ харчевень, со скамей, съ полковъ, съ кузницъ, съ постоялыхъ дворовъ, съ уметовъ и зимовей, съ изъ отдаваемыхъ во время ярмарокъ и съ юртовъ. Хотя лодино что сборъ сей можно назвать несправедливымъ, ибо всакій платитъ десятую часть изъ того только что

онъ самъ прибыли получаетъ, къ тому же и казѣ приносить онъ доходу въ годъ 8.094 рубля 17¼ копѣекъ; но, рассуждая съ другой стороны что весь оный доходъ состоитъ изъ самыхъ мелочей или просто сказать изъ копѣекъ, промыслы оныя содержать по большей части крестьяне или бѣднаго состоянія люди по разнымъ мѣстамъ, особливо юрты по проѣзжимъ дорогамъ на разныхъ мѣстахъ, и во всякой такой мелочи должны они давать отчетъ канцеляріямъ и оттуда получать квитанціи,—неминуемо слѣдуетъ что оныя сборы больше тягости плательщикамъ нежели прибыли къ государству приносятъ.“ Для характеристика тогдашнихъ мелочныхъ залупавныхъ налоговъ прибавимъ что былъ еще налогъ на домовыя бани „въ городахъ и уѣздахъ, съ помѣщиковъ и вотчинниковъ и всякаго чина людей и церковныхъ причетниковъ съ каждой бани по рублю на годъ.“ Исчислено этого дохода 31.000 рублей; важно то что онъ числится „только по окладу съ того времени какъ которая баня въ окладѣ записана; а что изъ сего числа послѣ записки погнило, погорѣло, олустьѣло и совсѣмъ истребилось, того не исключено, такъ равно какъ и новыя, которыя послѣ записки построятся, никогда не включаются; слѣдовательно подаетъ онъ только поводъ управителямъ дѣлать разныя привязки къ плательщикамъ за доимку, хотя и несправедливо иногда взыскиваемую“. Интересенъ слѣдующій сборъ: „съ мельницъ владѣльческихъ; съ нихъ положено собирать въ казну десятую долю изъ прибыли которую владѣлецъ приобретаетъ; прибыль же оная исчисляется по собственному владѣльца показанію, и такимъ образомъ въ окладъ записывается десятая доля къ полученію въ казну, отъ чего часто случается что иногда приходитъ съ мельницы въ казну только десять копѣекъ въ годъ доходу; владѣлецъ же долженъ оный каждый годъ платить и изъ канцеляріи получать квитанцію“.

Что касается вѣнскихъ займовъ, то цифры ихъ весьма скромны; но число ихъ доходитъ до двадцати. Займы производились преимущественно въ Голландіи, иногда впрочемъ и въ Англіи. Главнымъ комиссіонеромъ Екатерины по иностраннымъ денежнымъ операціямъ былъ сначала банкиръ баронъ Фридрихсъ, а послѣ смерти его, въ 1780 году, банкиръ баронъ Сутерландъ. Главнымъ же источникомъ займовъ служилъ банкирскій домъ Голле въ Амстердамѣ. Нерѣдко впрочемъ заимались деньги и въ Генуѣ. Въ 1792 году умеръ баронъ Сутер-

ландъ. и по этому случаю князю Вяземскому, какъ генераль-прокурору ассигнаціоннаго банка, повелѣно было составить точный списокъ всѣхъ счетовъ съ конторой покойнаго банкира. Изъ числа представленныхъ имъ бумагъ мы находимъ прежде всего „выписку о дѣлахъ казенныхъ, кои баронъ Сутерландъ, съ начала употребленія его по онымъ имѣлъ“ (стр. 375). Затѣмъ слѣдуетъ счетъ прошедшимъ чрезъ его руки суммамъ какъ по заключенію займовъ, такъ между прочимъ по продажѣ казеннаго ржевца (стр. 377). Изъ этого счета мы узнаемъ что Россія уже тогда отлускала значительныя суммы за границу для поддержанія вексельнаго курса. Для уплаты прежнихъ долговъ Сутерланду переведены были изъ Петербурга 10.158.076 гульденовъ, но вскорѣ же, съ самаго начала послѣдней войны Екатерины, были заключены новые займы, по которымъ Сутерландъ доставилъ императрицѣ 43.747.184 гульденовъ. Изъ этой же вѣдомости узнаемъ объ условіяхъ на которыхъ Екатерина подчасъ должна была заключать эти заграничныя займы. Такъ „единовременной банкірамъ провизіи при вступленіи въ казну по новымъ займамъ“ уплачено 4.055.962.

IV.

Письма изъ Италіи, Эмиля де-Лавеле 1878 — 1879 (*Lettres d'Italie* par Emile de Laveleye). Брюссель 1880.

Новая книга столь хорошо извѣстнаго писателя экономиста, который всегда съ живымъ интересомъ относится къ нашему народу.

Первое письмо свое изъ Италіи г. Лавеле начинаетъ словами: „Вы знаете что я отправляюсь въ Италію не съ цѣлю наслаждаться ея природою и произведеніями искусства, которыми она такъ богата, но чтобы ближе изучать людей и учрежденія. Развитіе здѣсь экономической науки меня особенно интересуетъ. Нигдѣ, кромѣ Германіи, она не сдѣлала большихъ успѣховъ.“

Далѣе онъ говоритъ:

„Труды нѣмецкихъ экономистовъ мало извѣстны въ остальной Европѣ; только италіянскіе экономисты ихъ изучили вполнѣ и, благодаря ясности и живости латинскаго ума, пи-

путь очень полезныя и назидательныя книги. Я хотѣлъ познакомиться съ авторами этихъ книгъ.“

Словами этими обрисовывается содержаніе писемъ. Хотя г. Лавеле и не придерживается строго этой программы, и какъ человекъ всесторонній, писавшій не для лубки, и для ограниченнаго числа друзей, и уже въ послѣдствіи, по ихъ настоянію, сдѣлавшій свои письма достояніемъ печати, касается въ нихъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, и другихъ вопросовъ жизни и своихъ личныхъ отношеній, однако главный интересъ его писемъ, особенно для насъ, именно экономическій.

Нѣсколько выписокъ лучше всего ознакомятъ читателей со взглядомъ г. Лавеле и со впечатлѣніями вынесенными изъ путешествія. Первое письмо помѣчено изъ Франкфурта.

„Мы помѣстились въ великолѣдномъ отелѣ, именитъ г. Лавелей, зовутъ его Frankfurter Hof, онъ построень и эксплуатируется обществомъ, въ которомъ г. Зоннеманъ состоитъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ. Монументальная гѣстница, столовая зала достойная дворца и оканчивающаяся большимъ зимнимъ садомъ, роскошная мебельровка, всюду газъ, усовершенствованная система отопленія, цѣлая армія прислуги, во всѣ эти изысканности современной жизни, все это великолѣбіе не мѣшаютъ мнѣ пожалѣть о скромныхъ отеляхъ прежняго времени, отражавшихъ колоритъ мѣстныхъ нравовъ и особенностей. Теперь вы можете объѣхать всю Европу и всюду въ этихъ космополитическихъ каравансараяхъ вамъ будетъ казаться что вы въ Grand Hôtel въ Парижѣ. И потомъ, сколько издержекъ, сколько труда, сколько даромъ потраченнаго капитала! Конечно, все это оплачиваетъ путешественникъ, но неужели нельзя придумать денегамъ болѣе полезнаго употребленія? По моему мнѣнію, нравственные начала должны прилагаться къ политической экономіи; въ виду глухаго, но глубокаго раздраженія работающихъ классовъ, мы должны строго слѣдить за употребленіемъ которое даемъ съ каждымъ годомъ возрастающей рентѣ капитала. Побольше простоты, побольше зрѣлости въ образѣ жизни были бы не лишними.

„Франкфуртъ въ настоящее время страдаетъ, какъ и вся Германія, отъ денежнаго кризиса, однако со времени присоединенія къ Пруссіи благосостояніе его чрезвычайно поднялось, и число жителей возрасло на цѣлую треть. Строятъ театр, громадныи и чрезвычайно богатый. Отдѣльное зданіе пред-

назначенное для хранения декораций—само по себѣ уже цѣлѣный монументъ. Не вавилонство ли это?

„Покидая Франкфуртъ, мы имѣли товарищемъ въ путешествіи Американца съ орацинымъ взглядомъ и со щекой перерѣзанною шрамомъ. Онъ капитанъ, и былъ раненъ въ битвѣ противъ Сіуевъ. Онъ совершилъ свой объѣздъ по Европѣ въ два мѣсяца. Для него ничто не можетъ сравниться съ Америкой; нашъ континентъ кажется ему маленькимъ и мизернымъ. О выѣшшемъ промышленномъ кризисѣ онъ думаетъ что причина его кроется въ Америкѣ, и я полагаю что онъ не ошибается. Дѣйствительно: съ одной стороны, вслѣдствіе паденія курса, уменьшилось требованіе въ Америку европейскіхъ произведеній; съ другой, развитіе металлургическаго производства въ Америкѣ непостижимо. Мой сынъ въ настоящее время въ этой удивительной странѣ и пишетъ мнѣ чудеса о рудныхъ залежахъ всякаго рода. Онъ посѣтилъ близъ озера Чамплена выемку величною въ три или четыре собора, выбитую въ желѣзной горѣ. Въ другомъ мѣстѣ въ Лидвиллѣ (Leadville, свинцовый городъ) этотъ металл добывается по цѣнѣ равной нулю, потому что онъ составляетъ примѣсь къ серебру. Цинка въ Союзѣ столько что его можно вывозить. Семь или восемь лѣтъ тому назадъ Англія выслала въ Америку болѣе милліона тоннъ рельсовъ въ годъ, а въ настоящее время нисколько. Какъ не страдать европейской промышленности отъ потерн лодобнаго рынка? Всего ужаснѣе что такимъ образомъ европейскія государства доведены конкуренціей до необходимости ослаблять другъ у друга пункты сбыта пониженіемъ рабочей платы.

„Страшное противорѣчіе! Европа жалуетса на цвалшество въ производствѣ, а между тѣмъ болѣе половинны ея населенія вуждается въ самомъ необходимомъ? Отчего? Не потому ли что силы ея тратятся въ слишкомъ большой мѣрѣ на производство предметовъ невужныхъ?“

О Венеціи г. Лавелѣ пишетъ: „Городъ кажется въ лучшемъ состояніи чѣмъ прежде. Меньше домовъ совсѣмъ заброшенныхъ или въ развалахъ. Лавки и магазины красивѣе и лучше снабжены. Нищета однако еще чрезвычайная: на 120.000 жителей 36.000 по городскимъ книгамъ записаны какъ немущіе! Въ Брюгге, нашей сѣверной Венеціи, ихъ кажется 22.000 на 48.000 жителей, но за то благотворительная

касса богаче! Населеніе въ Венеціи увеличивается медленно: въ 1867 году было 120.000 жителей, въ 1878 году 130.000, изъ чего слѣдуетъ что паденіе города все-таки приостановлено.

„Вчера мнѣ сказали что почти всѣ дворцы на Большомъ Каналѣ переходятъ въ руки Евреевъ. Такъ дворець Са' d'Oго купленъ семействомъ Эррера. По словамъ моихъ собесѣдниковъ, уже треть города составляетъ собственность еврейскихъ семействъ или находится у нихъ въ залогъ. Это конечно преувеличено, но несомнѣнно что возрастаніе ихъ финансоваго могущества совершается поразительно быстро. То же самое происходитъ въ Падуѣ. Въ италіявскомъ парламентѣ въ три или четыре раза больше депутатовъ-Евреевъ чѣмъ бы ихъ слѣдовало быть относительно ихъ общей численности. Это достиженіе первыхъ мѣстъ, не взирая на предразсудокъ, явное доказательство даровитости. Правда что здѣсь предразсудокъ противъ Евреевъ слабѣ нежели гдѣ бы то ни было.

„Это возвышеніе израильскаго элемента—фактъ замѣченный всюду въ Европѣ. Въ Парижѣ, въ Брюсселѣ, въ Амстердамѣ, во Франкфуртѣ финансовое могущество въ рукахъ Евреевъ. Но въ восточной Европѣ фактъ этотъ выстуляетъ еще гораздо разительнѣе. Въ Германіи, и особенно въ Австріи, печать въ рукахъ Евреевъ. Въ Пештѣ имъ принадлежатъ болѣе половины города. Въ Венгріи они начинаютъ приобретать поземельную собственность. Въ Румыніи, по словамъ самихъ Румынъ, при установленіи полного равенства, Евреи сдѣлаются единственными владѣтелями земли. То же говорятъ о Галиціи и Моравіи. Крестьяне—должники Евреевъ, продающихъ имъ вино. Что касается крупныхъ землевладѣльцевъ, то они закупаютъ деньги у Евреевъ и закладываютъ имъ свои помѣстья; еще нѣсколько лѣтъ, и они всѣ будутъ въ ихъ рукахъ. Во время Русско-Турецкой войны всюду на аванпостахъ еврейскіе торговцы снабжали всѣмъ нужнымъ солдатъ и офицеровъ. Въ послѣдній разъ когда я былъ въ Пештѣ, мнѣ сказали что мукомольныя мельницы въ рукахъ Евреевъ дали 12% годоваго барыша, а у другихъ только 4%. Откуда такая разниця? Оттого что Евреи всюду сумѣли дешевле купить зерно и лучше предвидѣли колебанія цѣнъ на большихъ рынкахъ. Если такъ будетъ продолжаться, черезъ столѣтіе Евреи будутъ владѣть всѣмъ въ Европѣ.

„Такой успѣхъ каждаго дѣла въ рукахъ Евреевъ обыкновенно приписываютъ лихоимству, жадности, жестокосердію. Но это ошибка и ни на чемъ не основанный предрасудокъ. Когда дѣлака совершается свободно, никто не можетъ принудить другаго къ условіямъ менѣе выгоднымъ чѣмъ предлагаемымъ общимъ рынкомъ. Спросите у натуралистовъ, и они скажутъ вамъ что если въ борьбѣ за существованіе одно племя беретъ верхъ надъ другимъ, то это потому что имѣетъ надъ нимъ превосходство. То же самое должно быть относительно Евреевъ. Въ западной Европѣ они дали сравнительно огромное число поетовъ, философовъ, музыкантовъ, живописцевъ и литераторовъ. Они обладаютъ живымъ сознаніемъ дѣйствительности, которую схватываютъ и передаютъ съ чрезвычайною ясностью, и вмѣстѣ могучимъ воображеніемъ и стойкою идеальностью. Гейне кажется мнѣ тиломъ этого рѣдкаго соединенія качествъ повидимому столь разнородныхъ. Приложите его гевій къ практическому дѣлу, и успѣхъ повятевъ. Воображеніе, изобразительность, наводятъ на выгодныя операціи, здравый смыслъ указываетъ на хорошія и дурныя стороны дѣла и удерживаетъ отъ самообольщенія. Между нами дѣловые люди обладающіе воображеніемъ слишкомъ большіе оптимисты, а лишенные его не могутъ выбраться изъ рутинъ.“

О покушеніи Пассаняте на жизнь короля Гумберта г. Лавеле пишетъ:

„Вчера, ночью, мы услышали крики, лѣвіе, музыку, зовъ колоколовъ, такіе о какихъ я прежде не имѣлъ никакого понятія. Мы живемъ на Большомъ Каналѣ. Трезвомъ такъ сплеть что можно вообразить что находишься въ самой колокольнѣ. Мы рѣшаемъ что завтра храмовой праздникъ. Но утромъ оказывается что на жизнь короля было сдѣлано покушеніе въ то время какъ онъ вѣзжалъ въ Неаполь въ открытой каретѣ. Это извѣстіе пришло въ Венецію въ 10½ часовъ вечера. Всѣ тотчасъ вышли изъ театровъ и кофеенъ и устроилась демонстрація продолжавшаяся всю ночь. Сегодня городъ представляетъ странный видъ: всѣ лавки залпты, всѣ на улицѣ. Дома покрыты флагами. Всюду надписи: *Viva il re Umberto!* Музыка на площади Св. Марка. Въ церкви Св. Марка патріархомъ отслужено торжественное *Te Deum* и произнесена патріотическая рѣчь. Присутствующіе аплодируютъ какъ на митингѣ. Всеобщій взрывъ преданности, полный энтузіазма и искренности.“

Вообще г. Лавеле во время путешествія своего имѣлъ много случаевъ удостовѣриться въ полной симпатіи и любви Италіянцевъ всѣхъ политическихъ отгѣнковъ къ своему королевскому семейству. „Королеву Маргариту, говоритъ онъ, превозносятъ до небесъ за ея прекрасныя душевныя качества, умъ, грацію, тактъ и доброту. Всѣ Италіяндцы сознаютъ чѣмъ обязаны покойному королю Виктору-Эммануилу, и привязанность къ Савойскому дому сливается въ ихъ сердцахъ съ любовію къ отечеству.“

„Между Италіянцами, пишетъ далѣе авторъ (стр. 190), думаютъ что если во Франціи окончательно установится республика, примѣръ столь близкаго государства можетъ подвергнуть опасности монархическое начало въ Италіи. Конечно, все происходящее во Франціи всегда будетъ имѣть вліяніе на сосѣдственныя съ нею и единоплеменныя ей Испанію и Италію. Но я сомнѣваюсь чтобы подобное вліяніе могло представлять опасность для Савойской династіи. Во первыхъ, все вниманіе нынѣ обращено на экономическіе и социальныя вопросы. Современныя событія измѣнили идею. Нѣкогда республика была для однихъ предметомъ непреодолимаго ужаса и непреоборимаго отвращенія, для другихъ—безграничныхъ надеждъ и юношескаго энтузіазма. Въ настоящее время она установлена въ двухъ большихъ государствахъ: въ Соединенныхъ Штатахъ уже цѣлое столѣтіе и девять лѣтъ во Франціи, и ни тамъ, ни тутъ не оправдала ни этихъ надеждъ, ни этихъ опасеній. Она не привела за собой ни того Эльдорадо о которомъ мечтали одни, ни эшафота котораго такъ страшались другіе. Цивилизація идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ, однимъ и тѣми же испытаніями въ Соединенныхъ Штатахъ какъ и въ Англіи, во Франціи какъ и въ Германіи. Тѣ же самыя экономическія и религіозныя задачи, тѣ же финансовыя кризисы, та же неприязнь между классами, та же борьба между капиталистами и рабочими во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, будь то республики или монархіи, и Италіяндцы имѣли время убѣдиться что конституціонная монархія можетъ дать націю во всей ихъ полнотѣ и свободу, и порядокъ. Въ этомъ отношеніи Италія ни въ чемъ не можетъ позавидовать Франціи. При посѣщеніяхъ университетовъ Падуанскаго, Болонскаго и Римскаго я спрашивалъ у студентовъ, много ли республиканцевъ между вами? „Нѣтъ, отвѣчали мнѣ, почти нѣтъ

вовсе, но всё антиамерикански и большое число материалисты и социалисты.“

Всего тяжелее поражаютъ въ письмахъ г. Лавеле рассказы о крайней бѣдности народа въ Италиі, страны столь благодатной по климату и почвѣ. Мы уже выписали слова его что въ Венеціи на 130.000 жителей 36.000 записаны въ городскихъ книгахъ.

На страницѣ 239 г. Лавеле говоритъ:

„На возвратномъ пути мы говорили съ г. Летеае объ итальянскихъ рабочихъ. Онъ въ настоящее время устраиваетъ желѣзно-кошную дорогу въ Тиволи и знаетъ ихъ хорошо. Почти всё уроженцы Аbruццъ. Они работаютъ старательно и живутъ почти ничѣмъ. Они очень смываемы и кротки; питаются исключительно хлѣбомъ и пьютъ только воду. Ихъ заработокъ отъ 1 до 1½ франковъ въ день. Они просятъ работы и по воскресеньямъ, и по праздничнымъ днямъ, чтобы было на что купить себѣ пищи. Живутъ буквально изо дня въ день. Платить имъ надо каждый вечеръ, иначе не на что будетъ купить хлѣба. Одѣты въ рубище и спятъ по пятидесяти вмѣстѣ подъ навѣсомъ изъ соломы. Это—верхъ общація.“

На страницѣ 246 г. Лавеле приводитъ слова г. Висконти Веноста:

„Сегодня, во время прогулки верхомъ, я спросилъ у одного рабочаго, сколько онъ получаетъ въ день?—„Франкъ“, былъ отвѣтъ.—Чѣмъ питается?—„Хлѣбомъ и водой.“ Горько. Вотъ отъ Рима до Сициліи положеніе нашего рабочаго. Даже въ нашемъ прекрасномъ климатѣ этого недостаточно. Сколько страданій причиняетъ такой скудный заработокъ! У этихъ людей тоже есть семейства. Правда что помощь этому—задача весьма сложная. Экономическія реформы несравненно труднѣе политическихъ.“

Стр. 279. „Во время нашихъ прогулокъ по окрестностямъ Альбано мы не встрѣчали почти никого, а тѣ кого мы видѣли, мужчины и женщины, были дурно одѣты, часто въ рубищахъ. Видъ у всѣхъ пасмурный и грустный. Не слышно ни пѣсень, ни смѣха. Никакого различія между воскресеньемъ и прочими днями,—ни музыки, ни танцевъ, ни даже прогулокъ. Мужчины прохаживаются по улицамъ или пьютъ въ кофейняхъ или кабакахъ. Женщины сидятъ у порога. Даже дѣта не играютъ. Все населеніе живетъ въ мѣстечкахъ и

деревняхъ. Отдѣльныхъ маленькихъ фермъ нѣтъ вовсе. Семейства помѣщаются кучами въ полуразрушенныхъ, воюющихъ домахъ, которые внутри закопчены дымомъ. Мебель и прочая домашняя утварь грубая и грязная. Только въ самомъ Альбано проглядываетъ довольство, благодаря римскимъ горожанамъ проводящимъ здѣсь лѣто.

„Мечтая объ Италиі представляешь себѣ подъ голубымъ небомъ, подъ тѣнью деревъ, прекрасныя группы юношей и дѣвъ пляшущихъ подъ звуки тамбурина. Увы! нынѣ здѣсь пляшутъ только по заказу, за деньги чужестранца. Юность человечества и юность природы остались только какъ воспоминаніе на древнихъ барельефахъ. Предельный костюмъ римской поселяки, столь всѣмъ извѣстный по картинамъ живописцевъ, вы увидите теперь только въ студіяхъ артистовъ, на моделяхъ. Его воздѣ замѣнили ситцевая юбка и ситцевая кофта!

„Я хотѣлъ ознакомиться лично съ нищетою въ Неаполѣ, но у меня не достало времени. Впрочемъ Виллари описалъ ее такъ краснорѣчиво что вызвалъ крикъ ужаса во всей Италиі. Виллари говоритъ: проникнувъ въ узкіе переулки выходящіе на набережную Санта-Лучіа, я увидалъ темныя погреба, гдѣ на сырой землѣ, въ затхлому воздухѣ, ваялись цѣлыя семейства, ослабевая у крысъ полусгнившую солому на которой лежали. Даже въ Лондонѣ вы не увидите ничего ужаснѣе. Правда что въ Неаполѣ можно жить почти весь годъ на воздухѣ и что дѣти уходятъ изъ жилищъ играть на солнцѣ на берегу моря; тогда какъ въ Лондонѣ почти всегда дождь, туманъ, ужасныя улицы и никакого горизонта.“

Число эмигрантовъ покидающихъ „прекрасную Италию“ съ каждымъ годомъ увеличивается. Гг. Мингетти и Луцатти въ прошломъ году даже предложили проектъ закона чтобъ оградить ихъ въ этомъ отношеніи ото всякаго рода обмановъ которыхъ они становятся жертвами. И между тѣмъ сколько еще пустующей плодородной земли, гдѣ могли бы жить миллионы семействъ. Чтобъ эмигрировать, будучи Италиянцемъ, надо быть очень несчастнымъ! Италиянецъ несчастливъ вполне; причиной тому неправильное распределеніе земельной собственности. *Latifundia perdidere Italiam* (крупныя помѣстья погубили Италию). Слова эти въ настоящую минуту такая же истина какъ во времена Плинія. Естественно ли эмигрировать изъ прекраснѣйшей страны въ мірѣ, гдѣ земли еще слишкомъ достаточно? Таковы однако результаты кредита и налоговъ.

Ломбардскіе крестьяне недавно на циркуляръ министра увѣщавашій ихъ не выселяться отвѣчали между прочимъ слѣдующее: „Что разумѣете вы подъ словомъ нація, г. министр? Тоалу несчастныхъ? Въ такомъ случаѣ мы дѣйствительно нація. Взгляните на наши блѣдныя и исхудалыя лица, на наше тѣло извуренное непосильнымъ трудомъ и недостаточною пищею. Мы съемъ пшевицу и никогда невидимъ блага хлѣба. Мы обрабатываемъ виноградники и никогда не пьемъ вина. Мы воспитываемъ скоть и не потребляемъ мяса. Мы одѣты въ рубище, мы живемъ въ зловонныхъ ямахъ: зимою мы страдаемъ отъ холода, лѣтомъ мы голодные. Наша единственная пища—немного кукурузы. Въ сухихъ мѣстностяхъ насъ извуряетъ горячка, въ сырыхъ болотная лихорадка. Слѣдствіемъ этого является преждевременная смерть въ больницѣ или въ нашихъ унылыхъ хижинахъ. И несмотря на то вы намъ совѣтуете не выселяться, г. министр? Но можно ли назвать отечествомъ страну гдѣ, трудясь, невозможно прокормиться?“

Число преступковъ увеличивается въ Италиі. Цифра заключенныхъ въ 1873 году была 44.753, въ 1878 году 48.037. Здѣсь совершается въ 16 разъ болѣе смертоубійствъ нежели въ Англіи. Любопытно что всего болѣе ихъ совершается въ Римѣ. Риму также принадлежитъ первенство по части кражъ; ихъ здѣсь совершается 49 въ годъ на сто тысячъ жителей, во Флоренціи же на то же число только двѣ.

Въ чемъ кроется причина этого грустнаго факта—увеличенія числа преступленій? Прежде всего въ крайней бѣдности большей части населенія. Возможно ли страшиться тюрьмы человеку котораго участь въ ней менѣе тяжка нежели на свободѣ? Притомъ слѣдствія длятся мѣсяцы и годы. Являются амнистіи и отпущенія на свободу, и подсудимымъ много шансовъ избавиться отъ наказанія.

Другое, всѣми признанное зло—дурно оплачиваемое судебное сословіе; оно лишено независимости, потому что пополняется политическимъ давленіемъ партій и слишкомъ часто служить имъ орудіемъ. Ей нельзя не опасаться вліянія того или другаго кружка, той или другой личности ввѣщающей нередко родъ ужаса.

Такъ какъ число людей подозрительныхъ, которымъ слѣдовало бы быть въ тюрьмѣ и которые проживаютъ на свободѣ, очень велико,—пришлось прибѣгнуть къ особой мѣрѣ.

Полиціи предоставлено право назначать для людей которыхъ она почитаетъ опасными опредѣленное мѣстопробываніе, безъ всякаго предварительнаго слѣдствія и суда. Безъ такого принудительнаго мѣстопробыванія, *domicilio coatto*, говорятъ, нельзя обойтись.

О высотѣ налоговъ на поземельную собственность г. Лавеле сообщаетъ свѣдѣнія почти невѣроятныя: оказывается что налоги доходятъ до 30, 40 и даже 50 процентовъ чистаго дохода! (стр. 161). „И такъ какъ до сихъ поръ еще не удалось установить кадастра для различныхъ частей Италіи, они взимаются съ большою неравномѣрностью. Бывшее королевство Неаполитанское и Сицилія платятъ несравненно менѣе сѣверной части полуострова. Ежели бы сравнять въ этомъ отношеніи югъ съ сѣверомъ, произошло бы крайнее недовольство, котораго необходимо избѣгать. Удовлетвореніе однихъ не вознаградило бы за раздраженіе другихъ. Притомъ капиталъ соотвѣтственный налогу не всегда былъ улаченъ вынѣшнимъ собственникомъ, который часто пріобрѣталъ землю по цѣнѣ пропорціональной настоящему налогу. Слѣдовательно уменьшить налогъ значитъ сдѣлать ему подарокъ. Съ измѣненіями въ поземельныхъ податяхъ необходима крайняя осмотрительность. Но нѣтъ сомнѣнія что ихъ слѣдовало бы уменьшить вездѣ гдѣ онѣ превышаютъ средства плательщиковъ.

„Масса поземельной собственности перешедшей къ государству за неуплату податей положительно страшная. Вотъ нѣсколько цифръ: Въ 1876 году за неуплату 936.774 франковъ государство конфисковало 6.614 имѣній. Въ 1877 году за неплатель 662.722 франковъ 6.644 имѣнія поступили въ государственную казну и перепроданы. Въ этомъ отношеніи особенно страдаетъ мелкая собственность, которую налоги положительно съѣдаютъ. Съ 1873 года по 1876 годъ всѣхъ маленькихъ имѣній конфисковано 35.074 и слѣдовательно столько же семействъ потеряли свою земельную собственность. Фактъ чрезвычайной важности и тающій большую опасность для будущаго. Сколько страданій, какое недовольство противъ соціальнаго порядка должна вызывать такая чрезмѣрность налога! Пора найти врачеваніе этому злу, и его можетъ дать только экономя въ издержкахъ. Мнѣ кажется что здѣсь дѣлаютъ не все что слѣдовало бы въ этомъ смыслѣ. Палата слишкомъ легко вотрируетъ новыя издержки.

„Я послѣтилъ г. Маміани въ его министерствѣ финансовъ,

совершенномъ олицетвореніи бюрократической централизаціи. Это новое строеніе, стоившее 11 милліоновъ, въ сущности не дорого, потому что это одно изъ величайшихъ зданій въ Европѣ. Уже въ настоящее время въ немъ занимаются личаниемъ 3.500 чиновниковъ и въ подмогу къ нимъ ожидаютъ еще 1.500, которыхъ временно оставили во Флоренціи,—цѣлая армія.

„Рутина и формализмъ прежняго правленія сохранены влодавъ въ нынѣшнемъ и къ нимъ присоединились всѣ сложности большаго централизованнаго государства. Для самаго малаго дѣла необходимо двадцать или тридцать документовъ и столько же подписей. Кто же и когда примется за упрощеніе всѣхъ этихъ формальностей? Домъ министерства — настоящій дворець; у Итальянцевъ къ постройкѣ дворцовъ традиціонная манія. Величественныя лѣстницы, корридоры безъ конца, прекрасныя дѣльные работы, фрески и много мѣста пропадающаго даромъ. Министры сохраняютъ свои частныя квартиры; но въ министерскихъ домахъ имѣютъ пріемные покои. Это необходимо; но къ чему столько роскоши, эти бархатные ковры, эта золоченая мебель, эти шелковыя драпировки? Развѣ это не тяжелый контрастъ съ бѣдностью народа? Лучше было бы принять за образецъ строгую простоту въ министерскихъ домахъ Вѣны и Берлина... Мнѣ возразятъ что это частность, и что нѣсколько потраченныхъ на это милліоновъ ничего не значатъ. Согласенъ что частность, но она характеристична. Взгляните на бюджетъ. Палаты вотируютъ слишкомъ легкомысленно множество лишнихъ расходовъ требующихъ новыхъ налоговъ, тогда какъ здѣсь была бы нужна безграничная экономія Фридриха II, который на своей лоношенной одеждѣ носилъ потертыя луговицы. Въ Италиі истинный патріотъ не долженъ былъ бы вотировать ни единого сантима безъ крайней необходимости.

„Телерь собираются истратить новые милліоны на постройкѣ дворца для произведеній искусства, и это въ Римѣ, гдѣ дворцамъ нѣсть числа и гдѣ чудеса искусства разсыпаны повсюду. Совершенно излишній расходъ, потому что государство владѣетъ многими пустыми зданіями. Сколько пустыхъ залъ въ одномъ Латранскомъ дворцѣ!“

Изъ Рима г. Левеле сообщаетъ впечатлѣніе какое произвела на него Итальянская палата депутатовъ. „Я присут-

ствую каждый день при преніяхъ въ палатѣ депутатовъ. Палата засѣдаетъ во дворцѣ Монте Читоріо. На дворѣ этого дворца построили огромную залу по образцу прежней палаты депутатовъ во Франціи, но только большіхъ размѣровъ. Трибуны большія, но слишкомъ высоки и изъ нихъ не хорошо слышно. Особая трибуна предвзначена исключительно для военныхъ. Это, конечно, доказательство симпатіи къ арміи, но по моему мнѣнію не предусмотрительно. Благоразумно ли увлекать офицеровъ ежедневными политическими дебатами? Не слѣдуетъ ли опасаться чтобъ изъ этого не возникло, въ случаѣ усиленной борьбы партій, несогласія въ самой арміи?

„Ораторы говорятъ со своихъ мѣсть. Почти всѣ кого я слышалъ выражались ясно, легко, но не безъ лаяннотъ. Члены палаты выслушиваютъ другъ друга съ терпимостью и терпѣніемъ самыми утонченными. Пренія при которыхъ я присутствовалъ были однако волнующаго свойства и страсти должны были быть сильно возбуждены. Рѣшалась судьба министерства Каироли. Тѣмъ не менѣ перерывы были очень рѣдки. Никакого шума. Ни одного движенія нетерпѣнія даже когда то же самое повторялось въ третій и четвертый разъ. Ни одна палата Европы не выказывала такой сдержанности. Какимъ образомъ страстные темпераменты Юга не раздражаются жестами и криками? Чтò это? равнодушіе или благовоспитанность? Правда что такъ какъ партіи не ярко обрисованы, то политическія страсти не могутъ быть слишкомъ сильны. Одинъ изъ депутатовъ объяснилъ мнѣ что это происходитъ оттого что члены палаты, постоянно встрѣчаясь въ залахъ и библіотекахъ парламента, вслѣдствіе общительности свойственной Италіянкамъ, вступаютъ между собой въ товарищескія отношенія.

„Конституціонное правленіе, по самой сущности своей, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ правленіемъ партій. Когда, какъ въ Бельгіи, другъ противъ друга стоятъ рѣзко очерченныя двѣ партіи, министерство можетъ опереться на большинство и быть увѣрено что оно его не покинетъ. Нѣтъ колеблющихся голосовъ. Относительная сила двухъ армій вполне извѣстна. Устанавливается дисциплина. Во имя общаго интереса партіи министерство можетъ требовать отреченія отъ частнаго взгляда. Оно можетъ управлять съ тою же послѣдовательностью и авторитетомъ какъ министръ государя

неограниченнаго. Кабинетъ остается у кормила власти пока за нимъ большинство избирательнаго собранія.

„Въ Италіи не такъ. Здѣсь въ выборахъ главную роль играютъ личныя и мѣстныя симпатіи. Каждый кандидатъ вступаетъ въ парламентъ со своимъ собственнымъ взглядомъ на налоги, обученіе, общественныя реформы и т. д. Изъ этого возникаютъ въ палатѣ по различнымъ вопросамъ совершенно неожиданныя группировки. Кабинетъ никогда не увѣренъ въ большинствѣ. Онъ можетъ всегда подъ нимъ исчезнуть. Его ежедневная забота сгруппировать его около себя путемъ разныхъ переговоровъ, уступокъ и комбинацій. Самый пустой случай можетъ произвести кризисъ. Глава группы можетъ быть оскорбленъ какимъ-нибудь совершенно внѣ-парламентскимъ событіемъ и вслѣдствіе того отказать въ голосахъ которыми располагаетъ. Другая группа, чисто мѣстная, требуетъ моста желѣзной дороги, проведенія новаго шоссе. И ее надо удовлетворить, иначе она перейдетъ на сторону оппозиціи, и министерство падетъ. Невѣроятную долю ума, ловкости, изворотливости и краснорѣчія должно потратить министерство чтобы просуществовать одинъ годъ. Эта неустойчивость—бичъ парламентской жизни; съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Италианское королевство въ немъ было гораздо больше министерскихъ кризисовъ нежели оно насчитываетъ годовъ.

„Примѣръ Италіи подтверждаетъ истину выработанную политической наукой, что рѣзко обрисованныя партіи необходимы для правильнаго хода парламентскаго правленія. Съ другой стороны, несомнѣнно что существованіе ихъ представляетъ свои неудобства, изъ чего слѣдуетъ заключить что управлять людьми трудъ далеко не легкій.“

Выборы въ Италіи подають частыя поводы къ обманамъ и всякаго рода уловкамъ. Большое зло, по мнѣнію г. Лавеле, что бюро собирающія голоса составляются избирательнымъ образомъ. Прибывшіе первыми обыкновенно вступаютъ въ него, и потому труднѣе слѣдить за добросовѣстнымъ ходомъ дѣла. Рассказываютъ куріозные случаи. Иногда бросаютъ въ урну цѣлую массу избирательныхъ залисокъ,—это *blossco*. Случается что ихъ приклеиваютъ къ крышкѣ ящика такимъ клеемъ который, высыхая, терлетъ свою силу. Въ иныхъ мѣстахъ переводятъ городскіе часы, и избирательное бюро закрыто когда является противная партія. Заблаговременно назнача-

ють всѣхъ лошадей чтобы помѣшать избирателямъ живущимъ далеко явиться вовремя; скулаютъ всѣ почтовые марки чтобы помѣшать имъ переслать ихъ по почтѣ. Въ Бельгiи, по словамъ г. Лавеле, произведены въ послѣднее время реформы которыми вполнѣ обезпечены и свобода, и тайна избранія, но въ Италiи сказанныя уловки, по его словамъ, еще практикуются.

Объ италiянскомъ флотѣ г. Лавеле говорить:

„Италiя обладаетъ двѣнадцатью панцырными судами, но изъ нихъ только четыре или пять въ состоянiи выйти въ море, и почти ни одно не дѣлаетъ настоящихъ рейсовъ. Флотскіе офицеры получаютъ прекрасную теоритическую подготовку, но совершенно лишены практики. Италiянской флагъ не посѣщаетъ дальнія моря. Всѣ деньги которыми располагаетъ морское министерство идутъ на постройку гигантскихъ панцырныхъ судовъ, съ которыми никто не сумѣетъ справиться.

„Старательно готовится новое пораженіе при Лиссѣ.

„И къ чему этотъ панцырный флотъ? Не съ моря же удасться когда-либо Франціи или Австріи завладѣть Италiей? Время высадокъ миновало. Вопервыхъ, арміи слишкомъ велики; вовторыхъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и телеграфамъ, ко всякому данному мѣсту, гдѣ высадился непріятель, всегда можно подвести превосходящія его силы. Въ 1870 году Франція вполнѣ господствовала на морѣ, спрашивается: чѣмъ это ей помогло?

„Не такъ постулаютъ Соединенные Штаты, ежегодно уплачивающіе отъ трехъ до четырехъ сотъ милліоновъ своего долга и слѣдовательно не теряющіе недостатка въ деньгахъ. Они сохраняютъ свои старыя суда, плавающія по всѣмъ морямъ, благодаря чему имѣютъ превосходныхъ моряковъ, а это главное. Въ наше время нововведенія и улучшенія слѣдуютъ такъ быстро что судно едва построено, какъ уже оказывается ничего не стоящимъ. Полагаютъ что сама Англія обладаетъ всего только тремя серіозными панцырными судами.“

Г. Лавеле былъ принятъ королемъ Гумбертомъ въ Квиринала (стр. 202). „Сейчасъ, лишеть онъ, вернулся я изъ Квиринала. Я ѣздилъ туда въ прекрасной каретѣ которую одолжилъ мнѣ г. Вав-Лео, но во фракъ, потому что вывѣтъ при италiянскомъ дворѣ все дѣлается безо всякаго изыскающаго аппарата. По этому поводу не могу не замѣтить что въ Ита-

ліи теперь вовсе не носятъ орденовъ. Какая разница съ Ита-
ліядцами прежняго времени, которыхъ тотчасъ можно было
узнать по ихъ блестящимъ кольцамъ, луговицамъ, булавкамъ,
цѣлочкамъ, брелокамъ и орденамъ. Меблпровка въ королев-
скихъ покояхъ очень проста, но безо всякой гармоніи въ
тонахъ. Мнѣ это лучше нравится чѣмъ золото и шелкъ въ
министерствахъ.

„Король въ утреннемъ костюмѣ, въ такъ-называемой англій-
ской охотничьей жакеткѣ. Портретъ его всѣмъ извѣстенъ по
фотографіямъ. У него огромные усы, лицо блѣдное и нерв-
ное, черты тонкія, взглядъ пронизательный. Послѣ нѣсколь-
кихъ словъ о Бельгіи, чрезвычайно лестныхъ для патриоти-
ческаго уха, король переводитъ разговоръ на Италію. „Евро-
па, сказалъ онъ, не можетъ оцѣнить всего что здѣсь сдѣлано.
Все надо было создать: и армію, и флотъ, и обученіе, и порты,
и дороги. И сколько на это понадобилось денегъ! Финансовое
положеніе казалось безвыходнымъ, дефицитъ равнялся полови-
нѣ бюджета. Нынѣ мы установили равновѣсіе, но цѣною ка-
кихъ жертвъ! Жалуются на высоту налоговъ, и не безъ при-
чины: они насъ давятъ. По многимъ изъ своихъ помѣстій я
плачу налогъ превышающій половину получаемаго дохода.
Какъ я буду счастливъ когда можно будетъ снять эту тя-
гость съ бѣднаго народа!“

Г. Лавеле съ чрезвычайною похвалою говоритъ о стремле-
ніи италіанской аристократіи къ занятіямъ науками и искус-
ствами и вообще о ея высокомъ образованіи, участіи къ дѣ-
ламъ страны, серіозномъ направленіи и талаятливости, и счи-
таетъ это однимъ изъ превосходствъ Италіи надъ прочими
странами.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ г. Лавеле констатируетъ
огромные экономическіе успѣхи сдѣланные въ послѣднее
время Сициліей, особенно воздѣлываніемъ виноградной лозы
и алепсинныхъ деревьевъ. Но съ особеннымъ восторгомъ
онъ отзывается объ островѣ Капри. Не говоря уже о пре-
лестномъ климатѣ, о живописныхъ видахъ, о чудномъ цвѣтѣ
моря и неба, о красотѣ жителей, онъ, какъ экономистъ, обра-
щаетъ особенное вниманіе на благосостояніе которымъ поль-
зуются обитатели этого острова.

„Я не знаю, говоритъ онъ, болѣе поразительнаго урока по-
литической экономіи какъ Капри. Гдѣ причина этого прево-
сходства культуры, этой зажиточности населенія? Конечно оно

происходитъ не отъ плодородія почвы, которая здѣсь голая скала. Здѣсь самую почву надобно создать прежде нежели разчитывать на ея произведенія. Чудо это произвела мелкая собственность. Артуръ Юнгъ, какъ извѣстно, сторонникъ крупнаго землевладѣнія, посѣтивъ Каталонію, восклицалъ: „Дайте собственнику голую скалу, и онъ обратитъ ее въ садъ! И здѣсь я это вижу воочию. Представьте себѣ что все Капри принадлежало бы одному богатому барину: онъ жилъ бы въ Неаполѣ и тамъ тратилъ бы доходы съ острова. Въмѣсто того чтобы пользоваться ими, сами жители должны были бы продавать все свое масло и все свое вино, и были бы въ вѣщети какъ ихъ братья на континентѣ.“

Сильное впечатлѣніе произвело на г. Лавеле замѣчаемое въ Италіи общее паденіе религіознаго чувства являющееся естественнымъ послѣдствіемъ борьбы католичества съ государствомъ. Нѣтъ сознательнаго безвѣрія, но равнодушіе, охлажденіе, и это особенно въ городахъ. Г. Политео (профессоръ философіи), пишетъ г. Лавеле, сказалъ мнѣ: „Все-го болѣе тревожитъ меня за мою родину постепенное исчезновеніе религіознаго чувства во всѣхъ классахъ общества.... Въ Италіи равнодушіе общее. Даже между мѣщанами и въ средѣ аристократіи религіозная идея умерла. Между горожанами вы видите даже неприязнь къ ней, между поселянами она выражается нѣкоторою обрядностью безъ вліянія на направленіе жизни. Даже духовное сословіе какъ будто лишено идеала. Я не дерзаю сказать чтобъ оно сомнѣвалось, но оно не думаетъ о религіозныхъ вопросахъ и въ вѣрѣ его нѣтъ энтузіазма. Даже фанатизмъ есть признакъ душевной силы и духовной жизни; здѣсь вы не найдете ни одного фанатика: лишь христіанство возвращенное къ своему первообразу можетъ принести намъ спасеніе.“

V.

Исландія. Очеркъ сэръ-Давида Веддербёрна, баронета, члена парламента (*Iceland* By Sir David Wedderburn, Bart., M. P. *Nineteenth Century* № 42).

На первыхъ же страницахъ своего очерка авторъ дѣлаетъ интересное сближеніе быта древнихъ Скандинавовъ впервые заселившихъ Исландію и древнихъ Грековъ. „Кто желаетъ

ловяты первобытное общественное устройство арийских поселенцев въ Европѣ, говоритъ онъ, тому достаточно изучить достовѣрныя извѣстія о сравнительно недавнемъ заселеніи Аріидцами сѣвера, и онъ найдетъ въ исторіи какого-нибудь Флоки или Ингольфра замѣчательное сходство съ исторіей Одиссея или Энея. Когда какой-нибудь начальникъ племени завладевалъ нѣкоторымъ пространствомъ земли, онъ часто отдавалъ ее на правахъ аллода своимъ друзьямъ, слодвижникамъ и даже рабамъ, ибо часто случалось что рабы чѣмъ-нибудь отличившіеся получали свободу и ослѣдность. Затѣмъ начальникъ племени воздвигалъ храмъ, влагая подъ его основаніе землю изъ-подъ храма въ его старомъ мѣстожителствѣ. Онъ былъ самъ жрецомъ храма, заботился о его благолѣліи и совершалъ въ немъ священнодѣйствія, принимая на себя всѣ расходы по устройству религиозныхъ празднествъ. Его подданные должны были платить подать на храмъ. Кромѣ того, они должны были повсюду слѣдовать за своимъ вождемъ и помогать ему въ битвѣ со врагами. Со своей стороны онъ былъ судьей въ ихъ несогласіяхъ и защищалъ ихъ отъ нападенія непріятеля. Такимъ образомъ установился родъ патріархальнаго управленія, причемъ каждый начальникъ племени былъ совершенно независимъ отъ сосѣднихъ начальниковъ.“ „Первый сборъ *альтинга* или законодательнаго собранія въ Исландіи происходилъ въ 929 году. Весь островъ былъ тогда раздѣленъ на тринадцать округовъ, при тридцати девяти князьяхъ или *жрецахъ*, изъ которыхъ каждый заставлялъ въ альтингѣ, имѣя при себѣ двухъ вассаловъ. Всѣхъ членовъ альтинга было такимъ образомъ 144. Это былъ аристократическій союзъ, совершенно того же характера какой былъ въ Атикѣ до Солона“. Сэръ-Давидъ Веддербѳръ приводитъ затѣмъ слова Фустеля де-Куланжа (*La Cité Antique*, книга IV, глава 4):

„Вся власть была въ рукахъ эвпатридовъ: они одни были жрецами и властителями; они одни давали судъ и вѣдали законы, которые, не будучи записаны въ видѣ священныхъ изреченій, передавались отъ отца къ сыну. Эти роды сохраняли по мѣрѣ возможности древнія формы патріархальнаго управленія. Они не жили вмѣстѣ въ городахъ: они жили по различнымъ угламъ Атики, каждый на своемъ обширномъ поселѣ, окруженные многочисленными служителями и управляемые своимъ главнымъ эвпатридомъ, который

блгоу свою наследственную религію, пользуясь полною независимостью. Аевнское государство было въ теченіе четырехъ столѣтій только конфедераціей этихъ могущественныхъ родовыхъ властителей, которые собирались въ извѣстные дни для отправленія общихъ религиозныхъ обрядовъ или для обсуждения своихъ взаимныхъ интересовъ.“

Такъ было до половины XIII вѣка. Исландцы, ища политическаго умиротворенія своей родины, въ 1264 году поддались власти Норвежскихъ королей, а чрезъ сто сашкомъ лѣтъ, въ 1380 году, когда Норвегія соединилась съ Давіей, эта послѣдняя завладѣла и Исландіей, надъ которою она царствуетъ и до нашихъ дней. Не завидно было положеніе Исландіи въ теченіе шести вѣковъ датскаго владычества. Лишь съ 1874 года начинается для Исландцевъ заря лучшаго существованія. Король лично посѣтилъ свой отдаленный островъ дабы отпраздновать тысячелѣтіе его колонизаціи, и за этимъ посѣщеніемъ послѣдовалъ рядъ реформъ облегчившихъ положеніе Исландцевъ. Не имѣя представителей въ ригсдагъ они освобождены нынѣ и отъ общихъ издержекъ по государству. Исландія управляется королевскимъ губернаторомъ со значительными полномочіями. Альтингъ, или законодательное собраніе созывается черезъ годъ и состоитъ изъ шести членовъ назначаемыхъ королемъ и тридцати избираемыхъ народомъ. Верхняя палата альтинга состоитъ изъ шести назначенныхъ королемъ членовъ и шести избранныхъ представителями народа изъ своей среды; остальные двадцать четыре составляютъ изъ себя нижнюю палату.

Авторъ, объѣхавшій Исландію, утверждаетъ что въ Исландіи замѣчательно распространено первоначальное образованіе, особенно если приять во вниманіе малочисленность населенія, обширность страны и страшныя трудности сообщенія. Безконечныя свѣтлыя сѣверныя ночи даютъ много времени для обученія, а учителя вездѣ въ изобиліи, такъ какъ всѣ съ малолѣтства учились. Въ Рейкіавикѣ и всюду въ средѣ духовенства не рѣдко можно встрѣтить людей высоко образованныхъ.

Исландія—страна снѣга и льдовъ, безъ деревьевъ и безъ угля, гдѣ торфъ плохаго качества и трудно добывается, и гдѣ топлива такъ мало что для жителей лучшее средство для согрѣванія—животная теллота, въ тѣсныхъ, почти не вентилируемыхъ полуподземныхъ жилищахъ. Лignite давно уже извѣстенъ Исландцамъ, и одно время возгорѣлись надежды на

возможность его легкаго добыванія среди базальтовыхъ скалъ острова. Однако эти надежды не оправдались. Авторъ статьи ѣздилъ осматривать залежи лигнита и нашелъ что онъ почти повсюду прикрытъ огромными массами базальта.

Вернувшись изъ своего объѣзда верхомъ по окрестностямъ Изафіорда, сэръ-Давидъ Веддербѣри въмѣстѣ со своими слугами, завтракалъ въ хижинѣ одной мѣстной семьи. Всѣ взрослые мужчины были на работѣ, дома оставались только женщины и дѣти. Едва сѣли путешественники за завтракъ какъ ихъ окружила цѣлая кучка прелестныхъ дѣвочекъ: Гизли, Хіаммаръ, Тора, Гудрунъ и др. Исландцы, въ воспоминаніе о герояхъ и героиняхъ своей мифологіи, любятъ называть ихъ именами своихъ дѣтей. „Чрезвычайно приятно было видѣть, говорить онъ, съ какимъ наслажденіемъ онѣ разсматривали картинку номера *Illustrated London News*, въ который былъ завернуть нашъ завтракъ. Мы подарили имъ и то, и другое: и журналъ, и его содержимое; но хотя яйца и сандвичи и были для нихъ рѣдкостью, старшая дѣвочка съ видимо бѣльшимъ удовольствіемъ разглядывала картинку чѣмъ ѣла подаренныя нами лакомства, проявивъ при этомъ ту самую горячую любознательность съ которою Исландцы относятся ко всему что для нихъ ново и занимательно,—общая характеристика всѣхъ высоко одаренныхъ племенъ. Намъ оставалось лишь сожалѣть что столько способности къ духовнымъ наслажденіямъ разсыяно по этимъ дикимъ пустырямъ, и что въ ту минуту у насъ не было подъ рукою ничего болѣе литературнаго кромѣ листковъ чуждаго для нихъ журнала.“

II.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любека Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брэддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фовблаанка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

КРЕСТЬЯНСКІЙ БЫТЪ

ЧРЕЗЪ ДВА ДЕСЯТИЛѢТІЯ ПОСЛѢ РЕФОРМЫ

Двадцатый годъ идетъ съ тѣхъ поръ какъ освободилось наше сельское населеніе отъ крѣпостной зависимости. Промежутокъ времени достаточный для того чтобы могли вполнѣ обозначиться послѣдствія законоположеній какими осуществилась великая реформа.

Какъ воспользовались крестьяне новыми правами, какъ примѣнили ихъ къ своей жизни и что извлекли они отсюда; какая существенная разница произошла въ ихъ домашней жизни, въ ихъ хозяйствѣ, въ ихъ отношеніяхъ и во всемъ ихъ быту?

Въ послѣднее время, не только отдѣльныя лица, но даже цѣлыя сельско-хозяйственныя общества собираютъ свѣдѣнія со всѣхъ концовъ нашего отечества о современномъ состояніи сельскаго населенія и объ его бытѣ. И не мало, конечно, сочиненій готовится именно въ настоящее время, къ 19му февраля будущаго 1881 года, для соисканія преміи Ю. О. Самарина, предложенной Московскимъ Университетомъ въ январѣ 1878 года.

Вопросъ этотъ почти неисчерпаемъ. Не легко прослѣдить жизнь народа за цѣлый періодъ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Исслѣдователь не можетъ ограничиться извѣстною мѣстностью, такъ какъ поселяне нашего огромнаго отечества, въ разныхъ мѣстахъ, разнымъ образомъ испытали на себѣ дѣй-

ствіе новыхъ порядковъ. При изученіи такого сложнаго предмета, особую цѣну должны имѣть показанія людей которые жизнь свою въ этотъ періодъ провели въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ сельскимъ людемъ. Только внимательное, разумно практическое ознакомленіе съ дѣломъ, безъ предвзятыхъ и одностороннихъ взглядовъ и выводовъ, можетъ вѣрно уяснить недостатки и улучшения существующаго порядка и указать мѣропріятія способныя ввести улучшение въ бытъ сельскаго населенія. Несомнѣнно что благосостояніе его не на столько поднялось какъ можно было того ожидать послѣ великой реформы; за нимъ числятся милліоны недоимокъ (на половину нынѣ сложившихся). Это крупный фактъ который нельзя не признавать и о причинахъ котораго высказываются самыя различныя сужденія. Одни, какъ профессоръ Ясозъ (*Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ*. С.-Петербургъ, 1877), видятъ ихъ въ недостаточности надѣла и въ высокихъ окладахъ. Г. Ясозу вторитъ цѣлая масса его послѣдователей. Другіе видятъ ихъ въ неправильныхъ отношеніяхъ деревенскаго населенія къ административнымъ властямъ; иные—въ неравномѣрности распредѣленія самаго населенія (*Труды Вольнаго Экономическаго Общества*, августъ, 1876. „Жизнь русскаго крестьянина“); еще иные—въ различныхъ мѣстныхъ условіяхъ и пр.

Въ виду существенной важности вопроса, я беру на себя смѣлость изложить и свой мѣстный взглядъ, въ чемъ-либо быть можетъ односторонній, но взятый изъ дѣйствительности, такъ какъ въ теченіе изучаемаго періода довелось мнѣ постоянно вращаться въ средѣ сельскаго населенія и быть въ близкихъ сношеніяхъ, а по временамъ и столкновеніяхъ съ крестьянами.

I.

Въ нашей мѣстности, какъ и вездѣ, съ быстротою молніи крестьянамъ сдѣлалось извѣстнымъ 19го февраля 1861 года что они свободны, что имъ дано крѣпостное право, тяжелымъ гнетомъ лежавшее на нихъ вѣсколько столѣтій. Тихо, скорѣе съ недоумѣніемъ чѣмъ съ восторгомъ, была принята вѣсть свободы. Начались безпрестанныя сельскія сходки на которыхъ каждая новая вѣсть о льготахъ, доходившая изъ города, или чрезъ грамотныхъ, принималась съ полвою вѣрою и толковалась на всѣ лады. Каждый параграфъ „положе-

нiя^а крестьяне хотѣли перетолковать въ свою пользу; къ помѣщикамъ за объясненiемъ непонятныхъ статей обращаться опасались въ убѣжденiи что тѣ истолкуютъ ихъ въ свою пользу. На сходкахъ помѣщику не было возможности въ чемъ-либо сойтись съ крестьянами, потому что они во всемъ думали видѣть какой-нибудь тайный умыселъ или обманъ. Цѣлыми толпами ходили они къ своимъ „умицамъ“ за разрѣшенiемъ разныхъ вопросовъ наиболѣе ихъ интересовавшихъ. Въ „положенiи“ они желали видѣть только льготы, и имъ непрiятно было встрѣтить что-нибудь стѣснявшее ихъ новую жизнь: такимъ параграфамъ даже не хотѣли и вѣрять. Имъ чудилось что права помѣщика теперь обрѣзаны со всѣхъ сторонъ. Иногда цѣлыми толпами приближались они къ усадьбамъ, требуя новыхъ льготъ и отказываясь отъ всякаго ловчовенiя. Многие помѣщики покидали свои имѣнiя чтобы не имѣть столкновенiя съ неразумными массами, а цѣлыя имѣнiи даже вовсе распродали имѣнiя съ большою уступкой, лишь бы перебраться скорѣе въ городъ.

Къ этому времени относятся: учрежденiе волостныхъ правленiй, назначенiе мировыхъ посредниковъ, введенiе уставныхъ грамотъ и первоначальное разверстанiе владѣльческихъ и крестьянскихъ угодiй. Главная роль во всемъ этомъ выпала на долю мировыхъ посредниковъ, которые должны были явиться какъ бы уставщиками новой жизни крестьянъ. И надо отдать имъ полную справедливость, они вполнѣ оправдали возлагавшуюся на нихъ надежду.

Вспомнимъ что на первое трехлѣтiе большею частью были избраны въ мировые посредники все люди молодые, образованные, можно сказать лучшая, отборная сила обновленной Россiи. Съ большою энергiей начали они свою новую службу, поняли вѣрно свои задачи и трудолюбиво исполняли ихъ. Вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, старались они разъяснять въ народѣ дѣло съ вѣрной точки зрѣнiя, всегда ободряя крестьянъ въ предстоящей имъ новой жизни и дѣятельности. Они толковали крестьянамъ какъ слѣдуетъ понимать дарованную имъ волю, объясняли что три дня въ недѣлю безпрекословно обязаны они работать на помѣщика за право пользованiя его землей. Далѣе они объясняли крестьянамъ ихъ право выкупа господской земли при содѣйствiи правительства и считывали всѣ выгоды этого оборота. Кромѣ того, съ удовольствиемъ давали ясныя объясненiя во всемъ что затрудняло

крестьянъ и наконецъ совѣтовали имъ дѣтей отдавать въ школы, представляя всѣ выгоды и преимущества грамотнаго чело-вѣка. Не мало труда стоило мировымъ посредникамъ учрежде-ніе волостныхъ правленій, введеніе въ нихъ настоящихъ по-рядковъ, усиленный надзоръ за дѣйствіями старшины и пи-саря, причемъ приходилось имъ то и дѣло переѣзжать изъ од-ной волости въ другую, посвящая этому все свое время. Каж-дая жалоба крестьянина подробно разбиралась, и посредни-ки заботились о правильныхъ и ясныхъ опредѣленіяхъ прав-ды и неправды той или другой стороны. Конечно, такая го-рячая дѣятельность ихъ не могла укрыться отъ глазъ са-михъ крестьянъ: они съ удовольствіемъ выслушивали ихъ хо-рошія рѣчи и вѣрныя объясненія, тѣмъ болѣе что многіе изъ посредниковъ стояли болѣе за интересы крестьянъ чѣмъ по-мѣщиковъ. Въ короткій промежутокъ большинство посредни-ковъ приобрѣли полное довѣріе со стороны крестьянъ, благо-даря чему удалось имъ уладить и совершить громадное чи-сло сдѣлокъ по разверстанію угодій и выкупной операціи. И крестьяне никогда почти не были въ убыткѣ, такъ какъ большинство посредниковъ являлись усердными ходатаями ихъ интересовъ.

Надо признаться что увлеченные быстрымъ теченіемъ со-бытій, среди разнообразія новыхъ условий, при потрясеніи интересовъ, мы, помѣщики, не всегда въ состояніи бы-ли оцѣнить должнымъ образомъ дѣятельность посредни-ковъ, и только теперь, когда все улеглось и когда мы взду-мали оглянуться назадъ, все это недавно прошедшее начина-етъ возставать предъ нами въ своемъ настоящемъ видѣ, въ своей дѣйствительности, и это даетъ намъ возможность болѣе или менѣе правильно судить о всѣхъ жизненныхъ явленіяхъ того времени, скомбинировать и сопоставить факты, которые уже теперь вполне выяснились.

Прошли три первые года; періодъ этотъ въ новой крестьян-ской жизни можно назвать самымъ *счастливымъ*. Но видно не суждено было ему продолжаться, не суждено было вполне устояться и окрѣпнуть желательнымъ оттошевіемъ.

Пока не буду входить въ разсмотрѣніе причинъ нарушив-шихъ теченіе принятое дѣломъ, а скажу только что прибли-зительно съ 1864 года началось видимое охлажденіе въ дѣя-тельности мировыхъ посредниковъ. Стали они меньше зани-маться своимъ дѣломъ, стали меньше слѣдить за нимъ, рѣже

ѣздить по волостямъ и деревнямъ, перестали такъ близко интересоваться крестьянскими дѣлами и наконецъ кончили тѣмъ что вышли всѣ въ отставку, а мѣста ихъ заняли люди уже совершенно другаго характера, которые службу свою повели на другихъ основаніяхъ.

Молодыхъ энергическихъ посредниковъ замѣнили большею частію люди болѣе пожилые, смотрѣвшіе на должность свою иными глазами. Это были большею частію отставные военные служаки, обремененные семействами и которыхъ служба была нужна главнымъ образомъ какъ средство къ жизни.

Они естественно повели дѣло свое далеко не такъ горячо и дѣятельно какъ ихъ предшественники. Удрученные лѣтами и связанные семействомъ, они прежде всего позаботились какъ можно болѣе сузить рамку своей дѣятельности и своихъ служебныхъ обязанностей. Первое что удалось имъ, было прекращеніе разъѣздовъ по волостямъ своего участка. Предшественники ихъ долгомъ своимъ считали по возможности чаще посѣщать волостныя правленія, какъ того требовало самое дѣло, такъ какъ это были еще новыя учрежденія и въ нихъ, конечно, не могъ правильно выработаться порядокъ безъ постоянного надъ ними контроля. Разъѣзды же эти поглощали все время посредниковъ и кромѣ безлокойства требовали содержанія особыхъ разгоныхъ лошадей. Въ виду всѣхъ этихъ излишнихъ тревогъ и неудобствъ, наши практики рѣшили вопросъ иначе и спокойнѣе для себя назначивъ въ недѣлю одинъ день, въ который всѣ волостные старшины обязанности были сами являться въ имѣніе посредника съ представленіемъ ему текущихъ дѣлъ, разбору которыхъ посвящался этотъ день. Всѣ же остальные шесть дней большею частію посвящались отдохновенію отъ служебныхъ обязанностей, прерывавшемуся иногда или приѣмомъ какой-либо жалобы отъ „дерзкаго“ крестьянина, осмѣливагося явиться на домъ къ посреднику, или выѣздомъ къ какому-либо владѣльцу для совершенія на мѣстѣ разверстанія угодій и выкупной операціи или изрѣдка—посѣщеніемъ волостнаго правленія.

Крестьяне стали видѣть мировыхъ посредниковъ все рѣже и рѣже, самый доступъ къ нимъ сталъ затруднительнѣе, такъ какъ имѣнія ихъ отстояли на большое разстояніе отъ многихъ деревень. Для свиданія, часто безуспѣшнаго, приходилось тратить нѣсколько рабочихъ дней, а потому крестьяне и вынуждены были обходиться волостными правленіями.

Да и при личныя-то объясненіяхъ съ посредниками, крестьяне не встрѣчали уже того горячаго участія, какимъ были такъ избалованы въ началѣ. Такимъ образомъ, опять очутились они въ новомъ положеніи, разобравъ которое, скоро поняли что предоставлены они теперь самимъ себѣ, своимъ сельскимъ сходкамъ, да волостнымъ правленіямъ и больше опереться имъ не на кого, потому что скрылись отъ нихъ ихъ прежніе руководители. И этотъ періодъ былъ самый продолжительный, а потому и оказался самымъ важнѣйшимъ.

Рѣзкими границами отдѣлены крестьянскія угодья отъ господскихъ, за надѣлъ угодьями опредѣлены крестьянамъ съ точностью всѣ повинности, издѣльныя, оброчныя или выкупныя, затѣмъ земство наложило свою тяжелую руку на тотъ же самый надѣлъ и, наконецъ, само сельское общество прибавило со своей стороны цѣлый рядъ, хотя мелкихъ окладовъ, но въ годовомъ итогѣ составляющихъ крупную цифру. Кромѣ того, крестьяне обязаны были отбывать натуральныя повинности по нѣскольку разъ въ годъ; къ этому въ послѣдствіи прибавилось обязательное страхованіе построекъ, наемъ полевыхъ сторожей, лѣтнихъ скотниковъ, работа за выгонъ скота на сосѣднія или господскія пастбища и пр. и пр. Въ теченіе первыхъ лѣтъ ясно опредѣлились всѣ сборы и оклады, ложившіеся на небольшой крестьянскій надѣлъ, и если перевести всѣ эти сборы и оклады на деньги, то въ общемъ итогѣ окажется что съ большимъ трудомъ можно выручить эту сумму, даже при правильномъ и удачномъ пользованіи какъ полевой такъ и усадебной землею, доставшеюся въ надѣлъ крестьянамъ. Скоро эти итоги показали имъ что не совсѣмъ заманчиво пользоваться этими надѣлами, но они не унывали, потому что предъ ними открывалась тогда новая жизнь, свободная. Они заломнили объясненія мировыхъ посредниковъ что по переходѣ на оброкъ или выкупъ они будутъ свободны отъ обязательной работы, и каждый день могутъ работать за деньги, въ своемъ ли околоткѣ, или на сторонѣ, и что эти свободные заработки, за уплатою всѣхъ повинностей, они могутъ употреблять на благоустройство своего домашняго быта. Вотъ почему, въ первое время, не особенно гнались они за мірскою землею, за лишнимъ надѣломъ, а съ охотою бросились на сторонніе заработки, вполамъ разчитывая пополнить ими какъ всѣ повинности, такъ и всѣ домашнія нужды.

Но сторонніе заработки крестьянъ по городамъ, по желѣзнымъ дорогамъ, въ стеляхъ и въ другихъ мѣстахъ не оправдали ихъ надеждъ, потому ли что предложеніе рабочихъ рукъ превысило спросъ на нихъ, или по другимъ экономическимъ причинамъ, но только заработковъ едва доставало на покрытіе всѣхъ годовыхъ окладовъ, и крестьянскія семейства попрежнему терпѣли нужду и часто сидѣли безъ хлѣба. Въ дѣйствительности оказалось что кто получилъ большее количество земли, то-есть большее число душевыхъ надѣловъ и сидѣлъ дома, все время занимаясь обработкой своихъ коноплянниковъ и полевой земли, тотъ всегда оставался въ выгодѣ: и хлѣба у него доставало на круглый годъ, значить, и семейство было сыто, и скотъ былъ накормленъ, да и повинности всѣ оплачены.

Тогда по неволѣ измѣнился взглядъ крестьянъ обманутыхъ въ своихъ надеждахъ; по неволѣ обратили они свое вниманіе снова на землю, полагая въ ней единственно вѣрный или, по крайней мѣрѣ, основной источникъ къ безбѣдному существованію. Такимъ образомъ, перепробовавъ всевозможные заработки, они пришли къ убѣжденію что кореннымъ и самымъ производительнымъ занятіемъ ихъ попрежнему должна остаться обработка земли. И вотъ земля снова пріобрѣла высокую цѣну въ ихъ глазахъ, а черезъ это у каждаго изъ нихъ явилось желаніе получить въ надѣлъ возможно большее количество земли. Отсюда получили начало передѣлы мірской земли, съ цѣлью уравнивать ее повозможности по наличнымъ душамъ, распределявъ правильно, сообразно числу членовъ семейства каждаго двора. Конечно, нельзя было добиться совершенно правильнаго раздѣла, и отсюда берутъ начало нескончаемыя жалобы и разбирательства по этому предмету. Каждому хотѣлось получить лишній клочокъ земли противъ своего сосѣда, и чрезъ это начинались раздоры и горячіе споры, верѣдко кончавшіеся боевыми схватками.

Вредное вліяніе передѣловъ мірской земли по наличнымъ душамъ не замедлило отразиться на всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Ни одинъ крестьянинъ не былъ увѣренъ что полевой участокъ, доставшійся въ этомъ году на его долю, чрезъ годъ или два не перейдетъ къ его сосѣду, а потому онъ и не могъ заботиться объ улучшеніи его, то-есть о вывозкѣ удобренія, которое чрезъ это стало употребляться исключительно на одни коноплянники, да и тѣ не позволено было расширять

по желанію, но не иначе какъ по приговорамъ сельскаго общества. А безъ удобренія земли могли ли хозяева быть обезпечены въ хорошихъ урожаяхъ, и нечего удивляться что имъ недоставало хлѣба на годовой расходъ, такъ что на выручаемыя изъ хозяйства деньги они должны были покупать хлѣбъ, вмѣсто того чтобъ улачивать ими ловивности. И вотъ начало недоимокъ. Тутъ едва ли помогъ бы и болѣе широкій надѣлъ. Развѣ возможно правильное пользованіе землею если ежегодно снимать съ нея урожай и никогда не удобрять? Можно опасаться что при такихъ распорядкахъ, въ недалекомъ будущемъ, крестьянская земля перестанетъ окульту даже издержки на свою обработку, и число недоимокъ будетъ быстро возрастать.

Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ, крестьяне, предоставленные самимъ себѣ и оставшись вовсе безъ руководителей, очень неразумно распорядились своимъ хозяйствомъ. Затѣявъ частые передѣлы своей земли, въ надеждѣ лучше уравнивать ее между собою, они впади въ грубую ошибку и запутались въ недоимкахъ. Другое дѣло, еслибъ они изыскали средство удобрять всю полевою землю, тогда они снимали бы съ нея хорошіе урожаи, хлѣба доставало бы на весь годъ, а всѣ деньги выручаемыя изъ другихъ источниковъ ихъ хозяйства обращались бы на уплату ловивностей, и вовсе не было бы недоимокъ.

Намъ могутъ сказать что въ большинствѣ сельскихъ обществъ передѣлъ земли бываетъ только отъ ревизіи до ревизіи. Но мы говоримъ не о всеобщемъ передѣлѣ земли, а только о безпрестанномъ переходѣ ея изъ одной семьи въ другую, вслѣдствіе измѣненія числа рабочихъ душъ и въ видахъ болѣе правильнаго уравниенія. Для насъ совершенно достаточно констатировать тотъ фактъ что ни одинъ крестьянинъ не увѣренъ въ прочной принадлежности ему опредѣленнаго участка мірскаго земли. А вслѣдствіе этого онъ смотритъ на свою землю какъ на данную ему только во временное пользованіе, а не какъ на собственность, не заботится объ ея прочномъ улучшеніи и даже не рискуетъ вывозить удобреніе на нее, боясь что завтра ее отберутъ у него и передадутъ другому. Вотъ этотъ-то взглядъ и разстраиваетъ всѣ хозяйственныя соображенія нашего крестьянина, заставляя его только тянуть послѣдніе соки изъ мірскаго земли не думая о восполненіи ихъ.

II.

Въ связи съ передѣломъ находятся измѣненія въ семейномъ бытѣ крестьянъ.

Во времена крѣпостнаго права крестьянинъ не былъ самостоятельнымъ лицомъ, онъ былъ рабъ своего господина и никогда не могъ знать куда пошлютъ его завтра и что съ нимъ будетъ. Онъ могъ быть, смотря по личнымъ качествамъ, или кучеромъ, или поваромъ, или какимъ-нибудь мастеровымъ, а не то пойти „подъ красную шалку“ рекрутомъ. Словомъ, не только время его не принадлежало ему, но и самъ онъ не принадлежалъ себѣ: онъ представлялъ изъ себя лишь только слѣплаго исполнителя воли своего господина. Воля помѣщика проникала во всѣ семейныя отношенія его крестьянъ, и даже браки устраивались по его приказу.

Въ одномъ интересъ обѣихъ сторонъ сходился всегда, именно въ томъ чтобы крестьянскія семьи были, по возможности, крутѣе. Большія семьи имѣли возможность своевременно и лучше убирать и господскій и овой хлѣбъ, тогда какъ одинокія семьи во всѣхъ работахъ были неисправны; хлѣбъ ихъ долѣе оставался въ полѣ, полоска ихъ земли долѣе оставалась не паханой. Мало того, большія семьи легче уплачивали оброкъ, подушныя и всякія поборы, потому что могли отпустить на сторонніе заработки одного или двухъ взрослых рабочихъ. Оттого и жили они всегда зажиточнѣе: держали много скота, лучше удобряли свои поля и всегда у нихъ было достаточно хлѣба. Младшіе члены семьи всегда находились въ полномъ повиновеніи у старшихъ, во всемъ ихъ слушая и боясь возвысить свой голосъ. Сужденіе и голосъ старика считались у нихъ закономъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ картина ихъ семейныхъ отношеній быстро измѣнилась. Положеніе крестьянина стало опредѣленнѣе: онъ только три дня въ недѣлю обязанъ работать на помѣщика, но работать уже не какъ прежде, не по личному приказанію и произволу помѣщика, а по урочному положенію. И онъ уже теперь знаетъ за что работаетъ,—за право пользованія землею, то-есть какъ будто

нанямасть у помѣщика землю и вмѣсто денегъ платитъ ему точно опредѣленною работою. Все остальное время крестьянина находится у него въ полномъ его распоряженіи, и онъ воленъ его употребить такъ или иначе. Отсюда является самостоятельность въ дѣйствіяхъ, самостоятельность въ распоряженіяхъ работами своего семейства, въ которомъ онъ ставится уже полнымъ хозяиномъ, но вмѣстѣ и отвѣтственнымъ за его благосостояніе. Прежде, не достанетъ у него хлѣба, помѣщикъ ему дать; не доставитъ лошади, и лошадь будетъ; а теперь надѣяться не на кого какъ только на самого себя. Крестьянину дана земля съ извѣстными условіями, и ею долженъ онъ кормить свою семью, поддерживать свое хозяйство и повинности всѣ оплачивать. Теперь онъ полный домохозяинъ. Но съ пробужденіемъ сознанія самостоятельности, сознаніе отвѣтственности возрасло далеко не пропорціонально. Чувствуя себя самостоятельнымъ, онъ уже не хочетъ покоряться различнымъ стѣсненіямъ и во всемъ возвышаетъ голосъ, равнаго себѣ никого не признаетъ въ семьѣ, и если придется ему услышать такой же голосъ брата или дяди живущаго съ нимъ въ одномъ дворѣ, то немедленно начинаются между ними ссоры, брань и наконецъ поселяется раздоръ, потому что ни тотъ, ни другой не хочетъ уступить. Да и зачѣмъ уступать? Вѣдь каждый изъ нихъ воленъ идти куда хочетъ и жить съ кѣмъ хочетъ. Отсюда ведутъ свое начало раздѣлы семействъ: племянникъ отдѣляется отъ дяди, братъ отъ брата и даже сынъ отъ отца. Отдѣлавшійся не находитъ больше себѣ противника въ семьѣ, остается этимъ доволенъ и ставится полновластнымъ у себя въ домѣ. Но стоить лишь подрости и жениться его младшему брату, или старшему сыну, какъ и тотъ запроситъ раздѣла и уже непремѣнно настоитъ на своемъ; поводъ всегда найдется: жена капризна или явится иная причина.

Такъ начались раздѣлы и быстро подѣлились прежнія большія жилищныя семьи на одинокихъ хозяевъ-бобылей, семья которыхъ кромѣ жены состоитъ изъ малолѣтнихъ дѣтей. Значитъ, въ каждомъ почти дворѣ осталось по одному хозяину, то-есть по одному взрослому рабочему который долженъ принять на себя всѣ обязанности домохозяина: онъ долженъ обработать свою землю, прокормить свою семью и наконецъ достать денегъ для уплаты всѣхъ повинностей и

сельскихъ сборовъ. Такъ какъ онъ одинъ во дворѣ, то и нельзя ему куда-нибудь отлучиться для стороннихъ заработковъ, а дома работы часто не бываетъ, и поневолѣ онъ дѣлается несправнымъ плательщикомъ и плохимъ кормильцемъ для своей семьи. Будь около него взрослый братъ, онъ могъ бы послать его на сторону, и заработанныхъ имъ денегъ достало бы для уплаты повинностей, даже для прикулки хлѣба. Но съ братомъ онъ теперь въ раздѣлѣ, послать его на сторону уже нельзя, вотъ и сидятъ они оба дома въ разныхъ избахъ, сидятъ часто безъ дѣла, а потому и безъ хлѣба. Теперь можетъ-быть и сожалѣютъ они объ этомъ раздѣлѣ; но поздно: отрѣзанный ломоть уже не пристанетъ къ ковригѣ. Настаютъ мало-по-малу въ ихъ жизни горькія минуты; бѣдность и несостоятельность все усиливаются, и тогда не рѣдко съ горя проливаются въ ближайшемъ кабацкѣ послѣдніе остатки скуднаго имуществва. Такой домохозяинъ уже не скоро поправится, да и со стороны трудно помочь его горю.

Эти раздѣлы не мѣстное какое-нибудь явленіе; они совершаются въ каждой деревнѣ, такъ что теперь уже трудно найти большую крестьянскую семью. Число построекъ почти удвоилось, и улица представляетъ сплошной рядъ избъ, которыя во время пожара сгораютъ съ первой до послѣдней, никому какъ будто и дѣла до этого нѣтъ. Покачаютъ головами, потужатъ, да и отойдутъ отъ пожарища, на мѣстѣ котораго снова воздвигается цѣлый рядъ сплошныхъ построекъ, почти подъ общою соломенною крышей.

Не знаю къ какимъ результатамъ эти раздѣлы доведутъ крестьянъ въ будущемъ; мы говоримъ только про настоящее, выставляемъ одни факты, изъ которыхъ видно что крестьяне оставшіеся безъ руководителей очень дурно распорядились своими семейными дѣлами, признавъ за лучшее какъ можно скорѣе подѣлиться другъ съ другомъ и стать хозяевами-бобылями. Единъ гвенно что было хорошаго въ домашней жизни крестьянъ во времена крѣпостнаго права, — это большія семьи, и онѣ-то именнъ и исчезаютъ со времени ихъ освобожденія и исчезаютъ не въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, а повсемѣстно. Вслѣдъ за раздѣломъ тотчасъ же является и видимый упадокъ благосостоянія раздѣлившихся семействъ; вновь образовавшіеся дворы видимо бѣднѣютъ, и между ними, какъ исключеніе только, можно встрѣтить зажиточнаго крестьянина. А между тѣмъ, дворы не раздѣлившіеся, при

большихъ семьяхъ, до сихъ поръ живутъ исправно, держатъ много скота, удобряютъ хорошо землю и собираютъ хлѣба въ достаточномъ количествѣ, подати же оплачиваются сторовными заработками одного изъ членовъ семейства.

Прямой выводъ отсюда таковъ: еслибы крестьяне, получивъ въ надѣлъ землю, не дѣлились между собою, а продолжали жить большими семьями, то, конечно, благосостояніе ихъ значительно улучшилось бы съ тѣхъ поръ, и уже во всякомъ случаѣ за ними не числилось бы тѣхъ недоимокъ которыми переполнены фоліанты казначейства.

III.

Въ какія отношенія стали послѣ реформы крестьяне къ помѣщикамъ? Въ началѣ крестьяне старались держать себя далеко и въ сторонѣ отъ помѣщиковъ, разчитывая въ предстоящей имъ новой жизни обойтись безъ ихъ помощи, такъ какъ смотрѣли на мировыхъ посредниковъ какъ на единственныхъ своихъ руководителей и на нихъ возлагали всѣ свои надежды. Но прошло три, четыре года, составъ посредниковъ, какъ мы видѣли, измѣнился, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и самое положеніе крестьянъ, которымъ уже не къ кому стало обратиться и не кого было избрать въ свои руководители. Они попробовали, по совѣту бывшихъ посредниковъ, искать заработковъ на сторонѣ, но и тутъ не оправдались ихъ надежды. Тогда опять обратили они всѣ взоры свои на землю, убѣдившись что именно въ ней заключается главное обезпеченіе ихъ существованія, а потому она и должна быть предметомъ ихъ заботъ и занятій. Тутъ выяснились свойства мірскаго землевладѣнія и выработались правила общиннаго хозяйства съ передѣлами мірскаго земли по наличнымъ душамъ. Это неопредѣленное и шаткое владѣніе землею лишало ихъ возможности правильно ею пользоваться, то-есть хорошо обрабатывать и удобрять ее, потому что никто не былъ увѣренъ что участокъ надъ которымъ въ нынѣшнемъ году такъ трудится одинъ домохозяинъ, не перейдетъ на лѣто къ другому.

И вотъ съ этого времени возникаютъ новыя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, и для крестьянъ, можно сказать, наступаетъ новый періодъ въ ихъ жизни при новыхъ условіяхъ.

Начало этихъ отношеній было вполне естественно: у крестьянина къ веснѣ не доставало хлѣба, а между тѣмъ предстояло прокормить себя и семью свою до самой новины; залатить же за хлѣбъ было нечѣмъ, развѣ только работать. У помѣщика же въ это самое время есть хлѣбъ, да кромѣ того съ открытiемъ весны предполагаются разнообразныя работы, на которыя необходимо заблаговременно нанять рабочихъ. Очень естественно что обѣ стороны должны были сойтись, обмѣняться взаимными предложенiями услугъ, и завязать отношенiя. Таковы были основанiя первоначальныхъ добровольныхъ сдѣлокъ помѣщика съ крестьянами, и сдѣлки эти, касаясь исполненiя различныхъ работъ, по условiямъ своимъ были весьма разнообразны. Крестьянинъ обязывался ими или заработать слона въ теченiе лѣтняго полугодiя всю стоимость взятаго имъ хлѣба, или возратить его натурою въ новину, за временное же пользованiе обязывался что-нибудь сработать въ ту пору когда помѣщикъ особенно нуждается въ рабочихъ рукахъ, а у крестьянина остается свободное время отъ обработки своего маленькаго надѣла, такъ что ему легко и удобно исполнить условiе. Итакъ, тутъ помѣщики явились какъ бы на выручку крестьянамъ, раздавая имъ весною хлѣбъ, то-есть избавая отъ нужды и разчитывая получить вознагражденiе въ видѣ помощи въ рабочее время. Съ другой же стороны помѣщики нашли рабочихъ въ достаточномъ количествѣ для своевременной уборки и посѣва своего хлѣба.

Возникновенiе такихъ обоюдо-выгодныхъ отношенiй крестьянъ къ помѣщикамъ было совершенно нормальное, а поддерживались эти отношенiя и расширялись точнымъ исполненiемъ всѣхъ условiй со стороны крестьянъ. Дѣйствительно, сначала аккуратность крестьянъ вошла даже въ разговорку; казалось что они представляютъ самыхъ исправныхъ и надежныхъ кредиторовъ. Вслѣдствiе этого, помѣщики годъ отъ года увеличивали раздачу хлѣба и строили на томъ свои расчеты относительно лѣтнихъ работъ. Убѣдившись въ вѣрности и точности исполненiя крестьянами всѣхъ обязательствъ, помѣщики завязывали отношенiя съ крестьянами все болѣе и шире, помогая имъ уже не однимъ только хлѣбомъ, но и деньгами. Являлась у крестьянина надобность въ деньгахъ для уплаты ли земскихъ и сельскихъ сборовъ, или для покупки лошади, коровы, земледѣльческихъ орудiй, устрой-

ства свадьбы, крестинъ, похоронъ или даже на постройку, онъ не задумываясь шелъ къ своему помѣщику, смѣло излагая предъ нимъ свою нужду, приходилъ къ добровольному соглашенію относительно работъ, заключалъ условіе и получалъ все что было ему нужно, чѣмъ и избавлялся отъ неминуемой нужды. Когда наставало время работъ, крестьянинъ аккуратно исполнялъ ихъ, черезъ что получалъ возможность избавиться и на будущій годъ отъ нужды при содѣйствіи того же помѣщика. Пока это было ново, крестьяне сознавали выгоды какія имъ представляло сосѣдство съ землевладѣльцами: крестьянамъ всегда была нужда въ деньгахъ и въ хлѣбѣ, и, одновременно съ этимъ, нужда въ мѣстномъ достаточномъ заработкѣ, для котораго не нужно было бы отлучаться далеко отъ дома, что со времени раздѣловъ крупныхъ семей на мелкія сдѣлалось для нихъ даже невозможнымъ. Все что имъ было нужно находили они у себя дома, такъ что при честномъ и трудолюбивомъ отношеніи къ дѣлу являлась возможность къ безбѣдному существованію. Съ другой стороны, и помѣщикамъ крестьянская работа обходилась дешевле чѣмъ работа годовыхъ наемниковъ, которымъ нужно было давать и жалованіе и содержаніе, да кромѣ того имѣть полный инвентарь орудій для всѣхъ годовыхъ работъ. Въ виду этого помѣщики рѣшили перемѣнить систему своего хозяйства, то-есть распустить годовыхъ рабочихъ и замѣнить ихъ сдѣльными, съ платою подесятинно за исполненіе всѣхъ полевыхъ работъ, начиная съ первой пахоты и кончая уборкою хлѣба. Такое хозяйство представляло болѣе выгоды, и на немъ оставалось большинство землевладѣльцевъ.

Къ сожалѣнію, не долго крестьяне аккуратно исполняли свои обязательства. Увидавъ съ какою легкостью имъ удается доставать отъ помѣщиковъ хлѣбъ, сѣмена на посѣвъ и даже деньги для покрытія своихъ нуждъ, они мало-по-малу начали небрежъ о точномъ исполненіи работъ; или не совсѣмъ добросовѣстно исполняли ихъ, или затягивали отдачу хлѣба, или наконецъ изыскивали разные способы отдѣлаться отъ уплаты долга. Главная задача ихъ состояла въ томъ какъ бы выманить у помѣщика побольше хлѣба, сѣменъ и денегъ весною подъ разныя работы и договоры, и тѣмъ помочь какъ-нибудь своей нуждѣ; а какъ придется исполнять всѣ эти договоры и обязательства, объ этомъ они слишкомъ мало думали и заботились:

по обыкновенію очень плохо ихъ исполняли, иногда же и вовсе отказывались подъ разными предлогами, такъ что въ концѣ концовъ помѣщики большею частію оказывались обманутыми. Значитъ, дѣломъ картина этихъ отношеній совершенно измѣняется: всею крестьянцъ находится въ зависимости отъ помѣщика, а дѣломъ наоборотъ, услѣхъ всего дѣла помѣщиковъ находится въ полной зависимости отъ крестьянъ, отъ своевременности и качества ихъ работы. Во многихъ мѣстностяхъ Орловской и преимущественно Тульской губерніи распространился даже самый неблагоприятный пріемъ со стороны крестьянъ. Всею приходятъ они рѣдятся къ землевладѣльцу на дѣльную уборку хлѣба, долго торгуются, потомъ дѣлаютъ значительную уступку въ цѣнѣ, но съ тѣмъ чтобы всѣ деньги были имъ выданы впередъ. Получивъ такимъ образомъ всю заработную плату и не долго думая отправляются они къ другому сосѣднему землевладѣльцу, повторяютъ съ нимъ тотъ же самый маневръ и получаютъ съ него деньги; отправляются къ третьему и тамъ продаиваютъ то же самое. Собранныя такимъ образомъ деньги расходуютъ они на домашнія нужды, а когда приходитъ время уборки хлѣба, къ нимъ присылаются ловѣстки за разъ отъ всѣхъ трехъ землевладѣльцевъ. Не имѣя основанія идти къ одному предпочтительно предъ другими, они рѣшаютъ что лучше остаться дома, убирать свой собственный хлѣбъ. Каково же положеніе обманутыхъ помѣщиковъ! Хлѣбъ ихъ, въ ожиданіи рабочихъ рукъ уже оплаченныхъ, переставиваетъ на корню и начинаетъ сылаться, а крестьяне получившіе всѣ деньги впередъ за его уборку не являются на работу, измышляя разные предлоги. Слѣдовало бы подать на нихъ жалобу, да когда же съ этимъ возиться, время не ждетъ; хлѣбъ обсыхаетъ, нужно слѣдшить лодысканіемъ другихъ рабочихъ, перелачивая имъ двойныя цѣны. Да и къ кому обращаться въ подобныхъ случаяхъ, и какъ получить вознагражденіе за всѣ убытки? Въ волости рѣдко добьешься толку, да и что въ силахъ сдѣлать старшина? Другія власти отказываются отъ подобныхъ дѣлъ, отправляя истцовъ къ мировымъ судьямъ. И такъ, правильнѣе всего начать дѣло судебнымъ порядкомъ, но для этого нужно: оформить дѣло, написать исковое прошеніе, представить условіе или указать свидѣтелей, раза два или три съѣздить къ участковому мировому судѣ, версть иногда за сорокъ и болѣе, лодчи-

ниться всѣмъ формальностямъ, дожидаться назначенія дѣла и наконецъ предстать на судъ на одной доскѣ съ крестьяниномъ и доказывать свои исковыя требованія. Волервыхъ, не всякій рѣшится на это, тѣмъ болѣе что само дѣло не стоить всѣхъ этихъ хлопотъ по ничтожности суммы иска, чаще всего равняющейся 10, 15 и рѣдко 20 рублямъ. Вотторыхъ, дѣтнее время слишкомъ дорого чтобы возиться съ этимъ, и вотъ подобныя дѣла въ большинствѣ случаевъ бросаются, а дурные поступки крестьянъ остаются безнаказанными и становятся заразительнымъ примѣромъ.

Но допустимъ что помѣщикъ, обманутый въ своихъ расчетахъ и окончательно выведенный изъ терпѣнія, рѣшится наконецъ настоятельно вести дѣло съ крестьяниномъ у мирового судьи. И тогда большинство этихъ дѣлъ, какъ показалъ опытъ, оканчивается мировою сдѣлкой, съ большою уступкой со стороны помѣщика, а если выдается исполнительный листъ, то съ нимъ опять предстоитъ длинная возня: его нужно представить судебному приставу, который живетъ иногда очень далеко, да и не всегда его дома застанешь, не всегда ему свободно; значитъ, и тутъ приходится ждать сроковъ и, не зная чѣмъ дѣло увѣчается, приходится взносить лошаины самому. Да и послѣ всей этой длинной процедуры въ рѣдкихъ случаяхъ получается полное удовлетвореніе по иску. Наконецъ и въ этомъ случаѣ помѣщикъ не можетъ быть покойнымъ ни днемъ, ни ночью, находясь въ постоянномъ ожиданіи что вотъ-вотъ его подожгутъ; и явленіе это сдѣлалось почти обычнымъ, такъ что причину каждаго пожара на господской усадьбѣ привыкли искать въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ. Властямъ почти никогда не удается отыскать поджигателя. Именно изъ опасенія поджоговъ, а иногда и конокрадства, тоже сильно распространеннаго, большая часть подобныхъ дѣлъ оставляется безъ вниманія помѣщиками, и такимъ образомъ не мало сотенъ рублей пролаждаетъ за крестьянами которые зорко слѣдятъ за всѣми этими явленіями. Они видятъ какъ тяжело бываетъ владѣльцамъ вытребовать обратно свою собственность; видятъ что, боясь поджоговъ или воровства, владѣлецъ не охотно избираетъ судебный порядокъ, а мирнымъ путемъ добиться удовлетворенія ему очень трудно; видятъ въ какомъ затруднительномъ положеніи оказываются помѣщики, по довѣрчивости, раздав-

шіе свою собственность. Является сильнѣйшіи соблазнъ дѣлать долги и не улачивать ихъ.

Прежде крестьяне боялись аукціонной продажи всего ихъ движимаго имущества, а потому и болѣе заботились объ улачѣ своихъ долговъ и объ исполненіи всѣхъ обязательствъ; теперь же продажа съ аукціона имущества изъ крестьянскаго хозяйства сильно ограничена; вслѣдствіе чего помѣщикамъ стало еще труднѣе вытребовать съ нихъ обратно свою собственность.

При такомъ положеніи дѣлъ нужно ожидать что въ скоромъ времени могутъ разорваться всѣ связи помѣщика съ крестьянами. Каждый землевладѣлецъ будетъ стараться какъ можно скорѣе прекратить всѣ заемобразныя выдачи крестьянамъ, бывшія для нихъ столь благотѣльной льготой, а для уборки своихъ полей найметъ годовыхъ рабочихъ и начнетъ такимъ образомъ жить особнякомъ отъ своихъ крестьянъ, отчего они потерпятъ явный и громаднй убытокъ, и многіе будутъ доведены до безвыходнаго положенія, въ которомъ вина падеть никакъ не на помѣщиковъ.

Изложенное здѣсь объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ взято изъ дѣйствительной жизни, изъ многолѣтнихъ и личнхъ наблюденій въ трехъ смежныхъ губерніяхъ, Орловской, Тульской и Калужской. Кромѣ того, всѣ эти данныя скрѣплены множествомъ свѣдѣній извлеченныхъ изъ разговоровъ съ людьми компетентными въ этомъ отношеніи, съ настоящими практиками, близко стоящими къ дѣлу и готовыми подтвердить всѣ эти факты цифровыми данными, съ мировыми посредниками, мировыми судьями, нотаріусами и другими лицами, а также, по крайней мѣрѣ, съ сотнею землевладѣльцевъ живущихъ въ различныхъ мѣстностяхъ уломянутыхъ губерній. То же самое слышали мы отъ множества добросовѣстныхъ крестьянъ, отзывъ которыхъ о своихъ собратіяхъ долженъ имѣть вѣское значеніе. Вслѣдствіе всего этого, насъ не имѣютъ права залодозрить въ неправильномъ изложеніи дѣла. Намъ могутъ, конечно, сказать что многіе помѣщики сами были виноваты, сами вызвали крестьянъ на дурныя къ нимъ отношенія. Напримѣръ, арендаторы - кулцы такъ притѣсняли крестьянъ при заключеніи съ ними разныхъ сдѣлокъ и договоровъ о работахъ и ставили ихъ въ такое положеніе что совсѣмъ

немыслимо было добросовѣстно все исполнять. Противъ этого мы ничего не имѣемъ возразить. Во всякомъ дѣлѣ есть исключенія, но для насъ важно большинство, важно общее направленіе, о которомъ тутъ только и идетъ рѣчь. Цѣль наша не въ томъ чтобы кого-либо винить или оправдывать, а чтобы указать фактъ заслуживающій полнаго вниманія. Фактъ этотъ прямо истекаетъ изъ того что крестьяне наши были оставлены безъ правильного надзора, безъ руководителей и предоставлены собственному произволу.

IV.

Постараемся провѣрить дѣйствительно ли предоставленъ былъ освобожденнымъ крестьянамъ полный во всемъ произволъ или такой произволъ былъ послѣдствіемъ случайно и непредвидѣнно сложившихся обстоятельствъ? Для того чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо разсмотрѣть всѣ новыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія въ послѣдовательномъ порядкѣ.

1) Низшею инстанціей по всѣмъ крестьянскимъ дѣламъ явилось само *сельское общество*, представляя собою извѣстную единицу которой дано было право, собираясь на сходки, рѣшать большинствомъ голосовъ всѣ вопросы касающіеся до жизни и благоустройства того же самого общества и составлять по нимъ общественные приговоры. Изъ этой единицы избирались сельскіе старосты, съ обязанностью блюсти за всѣми общественными порядками, слѣдить за правильнымъ отбываніемъ издѣльной, оброчной, общественной и рекрутской повинностей и представлять въ волостное правленіе всѣ свѣдѣнія по этимъ предметамъ.

2) Второю инстанціей поставлено *волостное правленіе* состоящее изъ двухъ лицъ, старшины и писаря, избравшихся всею волостью. Волостному правленію подлежалъ контроль и разборъ дѣлъ всѣхъ причисленныхъ къ нему сельскихъ обществъ, и отъ него исходили всѣ распоряженія касающіяся всего волостнаго участка. При немъ же составлялся *волостной судъ* изъ судей избираемыхъ тоже изъ числа крестьянъ, на которомъ должны были разбираться всѣ жалобы, неурядицы и ссоры крестьянъ между собой.

3) Высшій же контроль надо всеми сельскими обществами, старостами и волостными правленіями принадлежалъ *мировымъ посредникамъ*, на обязанности которыхъ, кромѣ того, было входить въ разбирательство поземельныхъ отношеній владѣльца съ крестьянами, разверстаніе ихъ угодій и совершеніе выкупныхъ операцій. Отсюда видно какъ важна была ихъ должность, и какъ велика должна была быть ихъ дѣятельность.

4) Четвертою инстанціей были ежемѣсячные *сѣзды мировымъ посредниковъ*, на обязанности которыхъ лежало разбирательство болѣе или менѣе серьезныхъ крестьянскихъ дѣлъ, рассмотрѣніе разверстаній владѣльческихъ угодій съ крестьянскими и выкупныхъ операцій. На этихъ сѣздахъ, мнѣ кажется, важнѣе всего были совѣщанія посредниковъ между собою и обмѣвъ мыслей относительно важнѣйшихъ крестьянскихъ вопросовъ, ихъ отношеній къ владѣльцамъ и всѣхъ явленій вызванныхъ новою реформой. Этимъ сѣздамъ само правительство придавало большое значеніе, такъ какъ для участія въ нихъ назначало отъ себя члена.

5) Высшею и послѣднею инстанціей было *Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе*, находившееся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ губернскаго начальника. Сюда поступали отъ всѣхъ посредниковъ губерніи важнѣйшія дѣла производства, всѣ сдѣлки владѣльцевъ съ крестьянами относительно отбыванія повинностей, разверстанія угодій и выкупной операціи. Такимъ образомъ это присутствіе контролировало и утверждало дѣйствія мировыхъ посредниковъ, разбирало дѣла по жалобамъ крестьянъ и считалось въ губерніи послѣднею инстанціей по новымъ крестьянскимъ учрежденіямъ.

Таковы учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. Остановимся на ихъ исторической судьбѣ, и посмотримъ въ какомъ видѣ осуществились они на практикѣ.

Учрежденіями этими каждому крестьянскому обществу до извѣстной степени даны права самоуправленія: предоставлено право выбирать сельскаго старосту, десятскаго, сборщика податей, наконецъ право совѣщанія на сельскихъ сходкахъ, гдѣ крестьяне вмѣстѣ со старостой сходятся судить обо всѣхъ своихъ дѣлахъ, разбирать взаимныя жалобы и просьбы, назначать изъ среды своей рекрутовъ и составлять

приговоры, въ которыхъ выражалось бы желаніе и рѣшеніе большинства. Сходки эти занимали крестьянъ по своей новизнѣ; они относились внимательно къ своимъ рѣшеніямъ изъ боязни своего новаго начальства; въ то время крестьянскій судъ имѣлъ очень много свѣтлыхъ сторонъ, отличаясь своею правдивостью и мѣткимъ, практичнымъ взглядомъ. Не только старшину, но и сельскаго старосту крестьяне слушались; по его приказанію немедленно собиравлись на сходки, обсуждали назначенный вопросъ и рѣшали его въ большинствѣ случаевъ правильно. Возникавшія между ними ссоры, домашнія неурядицы и различныя семейныя отношенія разбирались тутъ весьма толково, съ точнымъ опредѣленіемъ правой и виновной стороны. Вообще говоря, начало было хорошее, и не трудно понять причину этого. Крестьянинъ, воспитанный въ страхѣ и повиновеніи, привыкъ къ строгой исполнительности, а потому оказывалъ полное послушаніе новымъ властямъ своимъ и не могъ сразу измѣнить своему характеру, чуждому своеволія. Кромѣ того, волостныя правленія въ первое время строго слѣдили за всѣми крестьянскими порядками и вновь установленными правилами, такъ какъ за ними, въ свою очередь, тоже строго слѣдили мировые посредники, эти уставщики новой жизни и новыхъ отношеній. Такой правильно установленный порядокъ, со всѣми его хорошими сторонами и отрадными проявленіями въ немъ способностей и правдивости Русскаго народа, слѣдовало бы всѣчески поддерживать, развивать и совершенствовать. Это и дѣлали мировые посредники, и въ теченіе первыхъ трехъ, четырехъ лѣтъ дѣло у нихъ шло хорошо. Но что значать три года для устройства дѣлага строя народной жизни? Новая метелочка стала обтираться, власти крестьянскія ослабили бразды своего правленія, уменьшился контроль надъ сельскими обществами, и исчезла, наконецъ, горячая и неутомимая дѣятельность мировыхъ посредниковъ. Съ той поры начинается нравственный упадокъ сельскихъ обществъ, и съ каждымъ годомъ быстро увеличивается. Съ уменьшеніемъ контроля естественно увеличилась произволь, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться неправильныя и часто корыстныя общественныя приговоры, особенно въ отношеніи рекрутской повинности. Тутъ учинялись всевозможныя подколы, лишь бы назначенный рекрутъ поставилъ ведро вина; тогда его

освобождали, назначая на его мѣсто другаго, изъ бѣднаго двора, которому откупиться нечѣмъ; бѣднякъ отправлялся съ жалобой на приговоръ общества въ волость, но рѣдко находилъ тамъ правду. Увѣрившись въ силу своихъ приговоровъ, какіе бы они ни были, крестьяне постоянно дѣлали на сходкахъ всевозможныя прижимки, лишь бы найти на кого напасть и вынудить купить водки. Это обстоятельство въ послѣдствіи положительно извратило значеніе сельскихъ сходокъ; случалось часто что въ праздничное время, отъ нечего дѣлать, когда крестьянамъ захочется вылить вина, они сами собираются на сходку безо всякой повѣстки чтобы только прицѣпившись къ кому-нибудь вылить съ него хотя одну четверть. Такихъ случаевъ въ теченіе года представлялось безчисленное множество. Вопервыхъ, выборъ и наемъ всѣхъ должностныхъ лицъ сопровождался выливкой. Избирался ли сельскій староста, десятскій, сборщикъ податей, пастухъ, караульщикъ луговъ или хлѣба, церковный сторожъ и даже самъ ктиторъ, все равно, каждый избранный или нанявшійся *обязанъ* былъ міру поставить водки. Каждый разъ какъ помѣщикъ собиралъ къ себѣ сходку для совершенія различныхъ договоровъ, онъ долженъ былъ лить ее водкой; это вошло въ обыкновеніе. Каждый крестьянинъ вздумавшій дѣлаться со своимъ семействомъ или отписаться отъ своего общества или приписаться, могъ этого достигнуть не иначе какъ наловивъ водкой всю деревню. Каждое дѣло безпрестанно происходить передѣлы или комолянничковъ, или мірской распахной земли, или луговъ, и при каждомъ подобномъ случаѣ крестьяне льютъ водку съ того кому досталась лишняя полоска земли. Трудно даже и перечислить всѣ случаи которые представляются для того чтобы вылить съ кого-нибудь водки. Можно сказать положительно что ни одна сельская сходка не обходится безъ водки, и народъ такъ привыкъ къ этому что собираясь на сходку онъ вполне увѣренъ что тамъ предстоить ему „выливка“; она-то собственно интересуетъ и привлекаетъ, а вовсе не то дѣло которое будетъ тамъ разбираться. Отсюда уже можно предположить каково было разбирательство этихъ дѣлъ.

Отсутствіе надлежащаго контроля могло довести крестьянъ до убѣжденія что имъ предоставленъ какъ бы самимъ начальствомъ полнѣйшій произволъ во всѣхъ дѣйствіяхъ. По

крайней мѣрѣ изъ опыта они ясно могли видѣть и имѣли право заключать что всѣ ихъ злоупотребленія, каковы бы они ни были, остаются вѣкъ незамѣчательными и несправленными, что конечно должно было губительно дѣйствовать на нравственную сторону. Такъ это продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ и наконецъ дошло до такихъ размѣровъ что съ крестьяниномъ невозможно было сладить въ тѣхъ случаяхъ гдѣ произволу его ничто осязательно не угрожало.

Что касается сельскаго старосты, то съ паденіемъ значенія сельскихъ сходокъ онъ окончателно утратилъ свое вліяніе. Если староста былъ человѣкъ трезвой жизни и заботливый хозяинъ, то обязанности старосты только тяготили его, постоянно отрывая отъ домашнихъ занятій. Годовой же окладъ его жалованья былъ такъ малъ что рѣдкій соглашался заступитъ это мѣсто, вслѣдствіе чего обязанности сельскаго старосты исполнялись неохотно и небрежно всегда. Если же онъ былъ пьяница, то ему представлялась возможность ежедневно вволю наливаться въ мѣстномъ кабацѣ на общественный счетъ, значить некогда ему было слѣдить за общественными порядками, да никто и не сталъ бы его слушаться.

Перейдемъ къ *волости*, составляющей болѣе крупную единицу, такъ какъ ея вѣдѣнію подлежатъ нѣсколько сельскихъ обществъ съ ихъ старостами. *Старшина*, какъ глава всей волости, избирался изъ самыхъ лучшихъ, толковыхъ и добросовѣстныхъ крестьянъ. На его обязанности лежалъ ближайшій надзоръ за всѣми дѣйствіями сельскихъ обществъ и старость, принадлежавшихъ къ его волости. Вмѣстѣ съ *писаремъ* онъ составлялъ *волостное правленіе*, имѣвшее прежде такое громадное и грозное значеніе для всѣхъ крестьянъ.

Старшина избранный изъ среды крестьянъ не могъ, по незнанію статей новаго положенія и часто по безграмотности, руководитъ всѣми дѣлами волости, а потому являлась существенная потребность въ избраніи писаря, знающаго хорошо новое положеніе о крестьянахъ. Должность эту занимали или бывшіе мелкіе чиновники, или семинаристы, но, во всякомъ случаѣ, люди опытные и по своему образованные, точнѣе сказать, свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ имъ предстояло какъ въ волостномъ прав-

леніи, такъ и въ волостномъ судѣ и на волостныхъ сходкахъ являться толкователями всѣхъ сельскихъ законоположеній. Вслѣдствіе этого, волостной писарь въ скоромъ времени началъ играть значительную роль какъ единственное грамотное лицо во всемъ правленіи. Являясь толкователемъ параграфовъ Положенія о крестьянахъ, онъ конечно давалъ и направление дѣлу; самое же рѣшеніе, хотя и исходило изъ устъ старшины или судей, или волостнаго схода, заранѣе подготавливалось тѣмъ же писаремъ.

Первоначальное устройство волостныхъ правленій приняли на себя мировые посредники и надо отдать справедливость что въ большинствѣ случаевъ они поступали безукоризненно и предприимчивая ихъ дѣятельность скоро заявила о себѣ правильнымъ направленіемъ дѣла. Проводя много времени въ толкованіяхъ со старшиной и писаремъ, они успѣли дать имъ полныя инструкціи, а затѣмъ ежедневно провѣряли ихъ дѣйствія, указывая на ошибки, и разъясняли вновь что не было ими усвоено. Такимъ образомъ старшина и писарь первоначально вели свое дѣло согласно указаніямъ посредниковъ и обращались къ нимъ при всякомъ недоразумѣніи, изъ опасенія поступить неправильно или измѣнить строго определеннымъ инструкціямъ. Въ такой практикѣ прошло года три; волостныя правленія стали усваивать себѣ новые порядки, знакомиться со всѣми узаконеніями и, наконецъ, подъ строгимъ и непрестаннымъ надзоромъ посредниковъ, повели свое дѣло болѣе или менѣе правильно.

Но съ тѣхъ поръ какъ посредники стали рѣже посѣщать волости и ослабили свой прежній личный контроль, дѣла приняла совершенно другое направленіе. Волостныя правленія, то-есть старшина и писарь, предоставленные самимъ себѣ, скоро поняли свое положеніе и значеніе въ своемъ довольно обширномъ кругѣ дѣйствій. Увидѣвъ ясно какъ уменьшается надзоръ за всѣмъ дѣлопроизводствомъ и какъ ихъ собственные поступки, не доходя до начальства, остаются безнаказанными, они пришли къ убѣжденію что имъ можно легко воспользоваться своимъ завиднымъ положеніемъ и извлечь изъ него всевозможныя выгоды, въ чемъ, конечно, не ошиблись. При такой обстановкѣ, должности старшины и писаря скоро сдѣлались весьма выгодными и стали предметомъ исканія

многихъ. Крестьянинъ, пробывъ старшиной хотя только три года, приобреталъ себѣ, если только не былъ пьяницей, хорошее состояніе, что, конечно, зависѣло не отъ жалованія, но отъ постороннихъ доходовъ. Поэтому, ко времени избранія новаго старшины или писаря, являлось очень много кандидатовъ на эти должности. По окончаніи же выборовъ, весь волостной сходъ приносилъ поздравленія вновь избраннымъ лицамъ, которыя тотчасъ же отвѣчали на это нѣсколькими ведрами вина, и начиналась ужасная попойка. Денегъ на нее не жалѣлось, потому что былъ вѣрныи расчетъ вернуть ихъ десятерницею. Нельзя, конечно, было и ожидать, при такихъ предзнаменованіяхъ и прелюдіяхъ, правильнаго и безкорыстнаго дѣлопроизводства въ волостныхъ правленіяхъ. Старшина и писарь преслѣдуютъ свои интересы и прежде всего слѣдуютъ заключить между собой тѣсную дружбу, безъ которой у нихъ не пойдетъ дѣло. Старшина, большею частію, безграмотный, и потому, если онъ не сойдется съ писаремъ, то этотъ можетъ сдѣлать съ нимъ что захочетъ, и что всего важнѣе, сдѣлать на него начеты. Въ виду этого старшина снисходитъ ко всѣмъ слабостямъ писаря, и заключаетъ съ нимъ самую тѣсную дружбу, уговариваясь дѣлать весь доходъ пополамъ, а писарь ухищряется вести все дѣлопроизводство такъ, чтобы съ одной стороны было имъ возможно выгоды, а съ другой, чтобы начальство никакъ не могло подкапаться и налечь на какой-нибудь слѣдъ. Эта махинація имъ, дѣйствительно, удавалась какъ нельзя лучше, потому что посредники почти вовсе перестали посѣщать волостныя правленія, а заочно слишкомъ трудно имъ было откѣрывать что-нибудь. Другому же начальству какое было дѣло до того что творилось въ волостныхъ правленіяхъ? Правда, разъ въ мѣсяцъ старшина съ писаремъ являлись въ городъ на съѣздъ мировыхъ посредниковъ со своими „бумагами“, но тутъ соблюдалась только формальность, а дѣло чрезъ это очень мало выигрывало, и изнанка его всегда оставалась неизвѣстна.

Рѣшенія по дѣламъ производившимся въ волостныхъ правленіяхъ и въ волостныхъ судахъ имѣли серьезное значеніе для крестьянъ, потому что жалобы ихъ на неправильность рѣдко увѣчивались услѣхомъ, а если кому и удавалось съ услѣхомъ обжаловать рѣшеніе, то обходилось это слыш-

комъ дорого. Вслѣдствіе этого, все вниманіе крестьянъ сосредоточивалось на волостномъ правленіи, которое и приобрѣло громадное значеніе въ глазахъ всего сельскаго населенія. Но значеніе это было далеко не въ пользу волостныхъ правленій, потому что каждый видѣлъ какъ пристрастно и несправедливо относились тамъ къ разбираемому дѣлу и какое предпочтеніе дѣлалось богатымъ предъ бѣдными. Въ особенности интересно то обстоятельство что эта корысть ни для кого не была тайной, а потому безъ денегъ или безъ водки рѣдко кто ходилъ въ волостное правленіе желая поскорѣе добиться окончанія своего дѣла. И если старшина съ писаремъ непрочъ были выпить, волостное правленіе совершенно обращалось въ кабакъ, гдѣ ежедневно шло льянство съ утра до вечера на общественный счетъ. Можно представить себѣ въ какомъ порядкѣ тогда бывали у нихъ дѣла. Если же старшина съ писаремъ были трезвой жизни, то все вниманіе ихъ обращалось на извлеченіе возможно большихъ выгодъ изъ дѣлопроизводства. У нихъ были спеціальныя дѣла которыя дѣйствительно приносили имъ крупный доходъ. Къ числу такихъ дѣлъ относилось отбываніе сельскими обществами рекрутской повинности.

Извѣстно что до введенія всеобщей воинской повинности каждое сельское общество обязано было само выбирать изъ своей среды рекрута, и очень естественно что ни одинъ избранный имъ рекрутъ не могъ быть доволенъ своимъ избраніемъ, тотчасъ же приносилъ жалобы въ волостное правленіе на свое общество, рѣшаясь отдать послѣднія свои крохи чтобъ отдѣлаться отъ *рекруткины*. Старшина съ писаремъ пользовались этимъ, и при ихъ содѣйствіи общество назначало другаго рекрута. Тотъ опять являлся къ старшинѣ съ различными предложеніями, и завязывалась такимъ образомъ всѣмъ извѣстная длинная исторія о сельскихъ наборахъ. Между тѣмъ, въ каждой волости болѣе десяти сельскихъ обществъ, и почти каждое изъ нихъ обязано было выставить, по крайней мѣрѣ, по одному рекруту и по одному запасному, потому старшинѣ и писарю нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ двадцатью и болѣе рекрутами, изъ которыхъ каждый представлялъ для нихъ дойную корову. Время рекрутскаго набора было для нихъ самымъ горячимъ и доходнымъ временемъ въ году.

Но что же особеннаго могли сдѣлать старшина съ писаремъ въ рекрутскомъ дѣлѣ? Не могли же они изъ годнаго рекрута сдѣлать негоднаго, и на оборотъ? Конечно вѣтъ, но ихъ участіе имѣло значеніе, а еще больше *казалось* великимъ. Они имѣли полную возможность указать рекруту всѣ пути по которымъ онъ долженъ направить свои хлопоты чтобъ избавиться отъ очереди. Писарь составлялъ ему прошенія, а старшина подавалъ надежды на помощь, собирая для этого всевозможныя справки изъ его села. Чѣмъ должны были увѣнчаться ихъ старанія, это ихъ не касалось, они думали только какъ бы побольше получить вознагражденія за свои указанія, и рекрутъ дѣйствительно не скупился. Теперь съ сожалѣніемъ вспоминаютъ они о добромъ прошедшемъ времени рекрутскихъ наборовъ, потому что при существующихъ положеніяхъ общей воинской повинности они уже не могутъ добывать себѣ такого заработка. Но при помощи навыка и всевозможныхъ ухищреній имъ удается изъ каждаго дѣла, изъ каждаго сношенія съ крестьяниномъ, извлекать для себя частныя выгоды, такъ что въ теченіе года они зарабатываютъ такимъ путемъ порядочный кушъ, который и дѣлятъ между собою.

Таковы были у насъ порядки въ сельскихъ обществахъ и въ волостныхъ правленіяхъ. Какъ видите, всюду произволъ, всюду каждый дѣлаетъ что ему вздумается, благодаря полнѣйшему отсутствію контроля за дѣйствіями этихъ двухъ первыхъ и самыхъ важныхъ инстанцій въ ряду крестьянскихъ учрежденій.

Теперь намъ слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію дѣятельности *мировыхъ посредниковъ* и *ихъ ежемѣсячныхъ свидѣловъ*, но въ разныхъ мѣстахъ нашего обзора этотъ предметъ уже достаточно ясно нами охарактеризованъ. Разсматривать дѣятельность высшей инстанціи въ ряду крестьянскихъ учрежденій, а именно *Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія*, не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Это учрежденіе чисто правительственное, имѣющее свои особыя цѣли, которыхъ мы не будемъ касаться. Доступъ крестьянину въ это учрежденіе былъ очень затруднителенъ, а потому и рѣдко онъ туда показывался, оканчивая всѣ хлопоты по своимъ дѣламъ въ сѣздахъ мировыхъ посредниковъ.

Намъ нужно только замѣтить что въ губернскае по крестьянскимъ дѣламъ присутствію

явскимъ дѣламъ присутствіе постунали всѣ дѣла бывшія на рукахъ у посредниковъ, слѣдовательно весь характеръ дѣятельности посредниковъ былъ ему хорошо извѣстенъ, и ему же принадлежалъ ближайшій надъ ними контроль. Слѣдовательно, губернскому присутствію былъ извѣстенъ и первоначальный эмергическій характеръ дѣятельности посредниковъ, извѣстно было насколько это приносило пользу и было необходимо для правильнаго осуществленія реформы; извѣстно было, наконецъ, и охлажденіе, и быстрое ограниченіе дѣятельности посредниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно извѣстно насколько такое ограниченіе могло повредить благоустройству сельскаго населенія въ новомъ быту и новыхъ отношеніяхъ выработанныхъ спеціальными условіями самой реформы.

А если все это такъ, то остается дивиться почему же и это учрежденіе ослабило бразды своего правленія, и такъ несходительно отнеслось къ небрежному отбыванію мировыми посредниками ихъ служебныхъ обязанностей. Повидимому, язва общаго охлажденія и равнодушія къ дѣлу коснулась и этого учрежденія.

Губернское присутствіе не обращаетъ вниманія на посредниковъ. Посредники въ свою очередь перестаютъ слѣдить за правильнымъ веденіемъ дѣлъ старшиною и писаремъ въ волостныхъ правленіяхъ, да и сами-то почти ничѣмъ не занимаются, оставивъ совершенно въ локоѣ крестьянскій вопросъ. Старшина съ писаремъ ловко пользуются такимъ удобнымъ для себя обстоятельствомъ, становясь полновластными господами во всей волости. Они тоже перестаютъ слѣдить за своими сельскими обществами, за правильнымъ исполненіемъ ими различныхъ обязательствъ и договоровъ, думаютъ больше о своихъ личныхъ выгодахъ и слѣшаютъ какъ можно скорѣе воспользоваться ими, пока не пробьютъ ихъ часъ и не смѣнять ихъ подобныя же имъ личности. Сельскія же общества съ ихъ старостами, вслѣдствіе этого, дѣлаютъ чтò хотятъ. Является общая раслуценность, каждый дѣлаетъ чтò ему вздумается.

Вредное вліяніе *произвола* незамедлительно принести плоды. Мы уже указали на главнѣйшіе изъ нихъ: передѣлы полевой земли, лишаящіе крестьянъ возможности правильно и выгодно ею пользоваться, и раздѣлы семей.

V.

Уже нѣсколько разъ въ статьѣ нашей касались мы энергической дѣятельности мировыхъ посредниковъ перваго трехлѣтія реформы. Имѣя главнымъ источникомъ своимъ увлеченіе великою задачею реформъ, энергія эта не могла быть продолжительною. Когда многія преувеличенныя ожиданія не нашли себѣ оправданія въ дѣйствительности, послѣдовало естественное охлажденіе, усиленное многими неблагоприятными обстоятельствами. Масса сельскаго населенія не могла вдругъ измѣниться, несмотря на горячее участіе къ перемѣнѣ ея судьбы. Утомившись малоуспѣшностію, какъ казалось имъ, своей дѣятельности, мировые посредники скоро дошли до разочарованія. Имъ приходилось возиться съ людьми которые вѣкъ свой провели въ тяжкой неволѣ и во тьмѣ, а на такихъ могло дѣйствовать только время, а потому, естественно, они не могли такъ скоро усвоить всего что говорилось и дѣлалось на слѣхъ посредниками, какъ бы хорошо и правдоучительно это ни было. Недостаточно было раздать необходимыя инструкціи по волостямъ и обществамъ, вести продолжительныя бесѣды, давать подробныя объясненія, недостаточно было даже нѣсколькихъ хорошихъ примѣровъ исполненія новыхъ правилъ. Нужно было съ большимъ трудомъ и терпѣніемъ добиваться результатовъ, настойчиво вводить всѣ новшества для того чтобы они были совершенно усвоены народомъ и неукоснительно ежедневно примѣнялись бы на дѣлѣ. За всѣмъ этимъ предстояло слѣдить, строго провѣрять исполняемое и ни на шагъ не отступать отъ поставленной задачи.

Задачи посредниковъ дѣйствительно были велики, дѣятельность ихъ черезчуръ обширна, такъ что она оказалась имъ совсѣмъ не подъ силу. Имъ приходилось перѣзжать изъ одной волости въ другую иногда на сорокъ верстъ и болѣе, а бывало такъ что въ одинъ и тотъ же день надобность указывала быть въ разныхъ мѣстахъ. Все это страшно утомляло ихъ, и какъ ни старались они добросовѣстно исполнять свои обязанности, они не

въ силахъ были разомъ сдѣлать и то и другое, услѣть бытъ и тамъ и здѣсь и всюду лично слѣдить за порядками, какъ этого требовало само дѣло. Если въ одной волости посредникъ обратитъ все свое вниманіе на дѣло-производство или вздумаетъ строго прослѣдить за жизнью одного сельскаго общества, за его сходками и новыми отношеніями къ помѣщику, то его съ нетерпѣніемъ уже ждутъ другія волости и масса другихъ сельскихъ обществъ за которыми онъ уже не въ силахъ слѣдить одинаково, и потому улущенія тамъ были неизбежны. Все это сознавалось самими посредниками. Но первое время своею послѣдностью думали они пополнить какъ-нибудь эти пробѣлы, быстро переѣзжая изъ одной волости въ другую и не жалѣя для этого ни силъ, ни времени которое посвящалось исключительно службѣ. Собственныя же хозяйства ихъ оставались въ залущеніи, слѣдить за ними времени не было, вслѣдствіе чего неизбежными являлись круныя убытки, которые оставались безъ вознагражденія, при весьма ограниченномъ окладѣ жалованія въ полторы тысячи рублей. Это жалованіе должно было покрывать расходы на содержаніе канцеляріи, на содержаніе непремѣнно двухъ троекъ лошадей для безпрестанныхъ разъѣздовъ, вознаграждать за убытки по хозяйству и за личный усиленный трудъ. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ и еще при сознаніи невозможности вполнѣ добросовѣстно все исполнить въ своемъ участкѣ, не могла долго продолжаться такая напряженная дѣятельность, вслѣдствіе чего поворотъ въ ней является неизбежнымъ.

Еслибъ уменьшить участки, увеличить окладъ содержанія вообще оказать какое-либо поощреніе, то это бытъ-можетъ поддержало бы еще напряженную дѣятельность посредниковъ. Но ничего подобнаго сдѣлано не было.

Мало того что никакихъ поощреній сдѣлано не было съ 1864 года, мы видимъ цѣлый рядъ стѣсненій которыми хотѣли ограничить власть посредниковъ, расширяя взаимно того власть полицейскую, власть исправниковъ и становыхъ.

Какъ разъ къ этому времени относится цѣлый рядъ новыхъ реформъ: открытіе земскихъ учрежденій и новыхъ судовъ; туда въ большомъ количествѣ потребовались дѣятели на вновь открывшіяся мѣста. Образованныхъ передовыхъ людей сильно занимали въ то время задачи земства и глас-

ный судъ. Всѣ реформы эти были такъ желательны, и удачное осуществленіе ихъ сулило такъ много и было заманчиво для всѣхъ. Вслѣдствіе этого, не мало силъ было отвлечено отъ крестьянскихъ учреждений; многіе изъ посредниковъ перешли въ города чтобы занять тамъ мѣста мировыхъ судей, членовъ земства и членовъ окружнаго суда.

Освободившіяся мѣста мировыхъ посредниковъ должны были перейти въ другія руки, къ инымъ людямъ. Мы говорили уже какъ распорядились они отбываніемъ своихъ служебныхъ обязанностей. Съ теченіемъ времени имъ удалось до послѣдней степени сократить свою дѣятельность, такъ что наконецъ все общество пришло къ убѣжденію что мировые посредники совершенно даромъ получаютъ жалованіе, и такъ тянулось это долгое время, до самого дня ихъ упраздненія.

Между тѣмъ все доказываетъ что привести существенную пользу сельскому населенію можно только стоя близко къ народу. Иначе мы никогда не узнаемъ его истинныхъ потребностей, существенныхъ нуждъ вытекающихъ прямо изъ обстоятельствъ и условій его жизни и никогда услѣшво не можемъ отстаивать его интересы, не умѣя и не привыкнувъ смотрѣть съ его точки зрѣнія на окружающее. Мировые посредники услѣшнѣе всѣхъ могли дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, находясь съ крестьянами въ постоянныхъ и самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Вся жизнь крестьянъ проходила предъ ихъ глазами, все время стояли они лицомъ къ лицу съ ней, и потому въ совершенствѣ могли изучить ее. Слѣдя за жизнью освобожденныхъ крестьянъ, слѣдя за развитіемъ новыхъ отношеній ихъ къ землѣ, къ семьѣ и прежнимъ господамъ ихъ, слѣдя за всѣми ихъ интересами и потребностями и не уклоняясь отъ постоянного и строгаго контроля надъ всѣми ихъ дѣйствіями, мировые посредники при надлежащемъ составѣ и въ благопріятныхъ условіяхъ не допустили бы того произвола въ жизни сельскаго населенія который отзывается теперь на всемъ и вліяетъ на всѣ стороны его жизни. Мы видѣли какъ сложились обстоетельства и не имѣемъ права обвинять посредниковъ за охлажденіе въ ихъ дѣятельности, такъ какъ прелятствій къ ея продолженію было дѣйствительно очень много и прелятствія эти дѣйствительно были очень серіозны.

Если главная роль въ крестьянской реформѣ выпала на

долю мировыхъ посредниковъ въ качествѣ распорядителей, то ближайшими исполнителями ихъ распоряженій во всемъ являются волостные старшины, которые еще ближе стоятъ къ крестьянской жизни и ко всѣмъ ея интересамъ. А потому еслибы должность эту занимали люди понимающіе серьезно свое назначеніе, люди съ запасомъ свѣдѣній и правильнымъ взглядомъ на вещи, то многія печальныя явленія нынѣ замѣчаемыя не могли бы имѣть мѣста. Волость для крестьянина есть ближайшее учрежденіе въ которое онъ обращается со всѣми своими нуждами, со всѣми дѣлами и за разрѣшеніями всѣхъ неясныхъ для него вопросовъ и недоразумѣній вытекающихъ изъ новыхъ отношеній и касающихся такъ близко его интересовъ. Волость имѣетъ полную возможность привести существенную пользу сельскимъ населеніямъ, и именно по тремъ главнымъ вопросамъ: касающимся передѣла мѣрской земли, семейныхъ раздѣловъ и отношеній крестьянъ къ ихъ прежнимъ господамъ.

Мировые посредники, завѣдуя сразу нѣсколькими волостями и безпрестанно переѣзжая изъ одной волости въ другую, не въ силахъ были такъ основательно, близко и подробно изучить всѣ условія жизни каждаго сельскаго общества и познакомиться со всѣми разнохарактерными потребностями каждой волости, тогда какъ волостной старшина, безотлучно находясь въ своей волости и постоянно имѣя дѣло со всѣми сельскими обществами къ нему относящимися, во всякомъ случаѣ могъ отлично знать всѣ ихъ потребности и располагать способами къ удовлетворенію оныхъ. Зная хорошо всѣ мѣстныя условія, волостной старшина видитъ ясно чего недостаетъ для улучшенія быта крестьянъ и отъ чего именно находится это улучшеніе въ зависимости.

Можно быть увѣрену что при иномъ личномъ составѣ волостныхъ старшинъ, упомянутые важные вопросы не были бы безучастно предоставлены на разрѣшеніе самихъ сельскихъ обществъ и вообще сельскимъ обществамъ не былъ бы предоставленъ такой безконтрольный произволъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ который видимъ въ настоящее время и который такъ сильно вліяетъ на нравственную сторону сельскаго населенія.

Набрасывая нашъ очеркъ положенія крестьянъ мы не задавались задачей опредѣлительно указать на средства которыя

могли бы вести къ столь желанному улучшенію этого положенія. Мы желали только обратиться къ опытамъ прошлаго и въ нихъ искать указаній для будущаго. Съ этою цѣлью мы въ особенности остановились на значеніи мировыхъ посредниковъ и волостныхъ старшинъ въ дѣлѣ правильнаго устройства крестьянскаго быта. Общее заключеніе наше состоитъ въ томъ что нынѣшняя безурядица имѣетъ главнымъ источникомъ своимъ предоставленіе крестьянъ, безъ всякаго контроля и огражденія, произволу крестьянскихъ учрежденій въ ихъ низшихъ инстанціяхъ.

Апрѣль 1880 года.

П. Б.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ

VI.

Рѣчь прокурора. Характеристика.

Началъ Ипполитъ Кирилловичъ свою обвинительную рѣчь, весь сотрясаясь нервною дрожью, съ холоднымъ, болѣзненнымъ лотомъ на лбу и вискахъ, чувствуя ознобъ и жаръ во всемъ тѣлѣ попеременно. Онъ самъ такъ лотомъ разказывалъ. Онъ считалъ эту рѣчь за свой *chef d'oeuvre*, за *chef d'oeuvre* всей своей жизни, за лебединую пѣснь свою. Правда, девять мѣсяцевъ слустя онъ и померъ отъ злой чахотки, такъ что дѣйствительно, какъ оказалось, имѣлъ бы право сравнить себя съ лебедемъ, поющимъ свою послѣднюю пѣснь, еслибы предчувствовалъ свой конецъ заранѣ. Въ эту рѣчь онъ вложилъ все свое сердце и все сколько было у него ума и неожиданно доказалъ что въ немъ таились и гражданское чувство, и „проклятые“ вопросы, по крайней мѣрѣ поскольку нашъ бѣдный Ипполитъ Кирилловичъ могъ ихъ вмѣстить въ себя. Главное, тѣмъ взяло его слово что было искренно: онъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 1879 и №№ 1, 4, 7, 8 и 9й 1880.

искренно вѣрилъ въ виновность подсудимаго; не на заказъ, не по должности только обвинялъ его, и взывая къ „отмщенію“ дѣйствительно сотрясался желаніемъ „спасти общество“. Даже дамская наша публика, въ концѣ концовъ враждебная Ипполиту Кирилловичу, сознавалась однако въ чрезвычайномъ вынесенномъ впечатлѣніи. Началъ онъ надтреснутымъ, срывающимся голосомъ, но потомъ очень скоро голосъ его окрѣлъ и зазвенѣлъ на всю залу, и такъ до конца рѣчи. Но только-что кончалъ ее, то чуть не упалъ въ обморокъ.

„Господа присяжные засѣдатели, началъ обвинитель—настоящее дѣло прогремѣло по всей Россіи. Но чему бы кажется удивляться, чего такъ особенно ужасаться? Намъ-то, намъ-то особенно? Вѣдь мы такіе привычные ко всему этому люди! Въ томъ и ужасъ нашъ что такія мрачныя дѣла почти перестали для насъ быть ужасными! Вотъ чему надо ужасаться, привычекъ нашей, а не единичному злодѣянію того или другаго индивидуума. Гдѣ же причины нашего равнодушія, нашего чуть тепленькаго отношенія къ такимъ дѣламъ, къ такимъ знаменіямъ времени, пророчествующимъ намъ незавидную будущность? Въ цинизмъ ли нашемъ, въ раннемъ ли истощеніи ума и воображенія столь молодого еще нашего общества, но столь безвременно одряхлѣвшаго? Въ расшатанныхъ ли до основанія нравственныхъ началахъ нашихъ, или въ томъ наконецъ что этихъ нравственныхъ началъ можетъ-быть у насъ совсѣмъ даже и не имѣется. Не разрѣшаю эти вопросы, тѣмъ не менѣе они мучительны, и всякій гражданинъ, не то что долженъ, а обязанъ страдать ими. Наша начинающаяся, робкая еще наша пресса, оказала уже однако обществу нѣкоторыя услуги, ибо никогда бы мы безъ нея не узнали, сколько-нибудь въ полнотѣ, про тѣ ужасы разнузданной воли и нравственнаго паденія, которые непрерывно передаетъ она на своихъ страницахъ уже всѣмъ, не однимъ только посѣщающимъ залы новаго гласнаго суда, дарованнаго намъ въ настоящее царствованіе. И что же мы читаемъ почти повседневно? О, про такія вещи поминутно, предъ которыми даже телерешнее дѣло блѣднѣетъ и представляется почти чѣмъ-то уже обыкновеннымъ. Но важнѣе всего то что множество нашихъ русскихъ, національныхъ нашихъ уголовныхъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ именно о чемъ-то всеобщемъ, о какой-то общей бѣдѣ, прижившейся съ нами, и съ которой, какъ со всеобщимъ зломъ, уже трудно

боротся. Вотъ тамъ молодой блестящій офицеръ высшаго общества, едва начинающій свою жизнь и карьеру, подло, въ тиши, безо всякаго угрызенія совѣсти зарѣзываетъ мекаго чиновника, отчасти бывшего своего благодѣтеля, и служанку его, чтобы похитить свой долговой документъ, а вмѣстѣ и остальные денежки чиновника: „пригодятся де для великосвѣтскихъ моихъ удовольствій и для карьеры моей впереди“. Зарѣзавъ обоихъ, уходитъ, подложивъ обоимъ мертвецамъ подъ головы подушки. Тамъ молодой герой, обвѣшанный крестами за храбрость, разбойнически умерщвляетъ на большой дорогѣ мать своего вождя и благодѣтеля, и, подговаривая своихъ товарищей, увѣряетъ что „она любить его какъ роднаго сына и потому послѣдуетъ всѣмъ его совѣтамъ и не приметъ предосторожностей“. Пусть это извергъ, но я теперь, въ наше время, не смѣю уже сказать что это только единичный извергъ. Другой и не зарѣжетъ, но подумаетъ и почувствуетъ точно также какъ онъ, въ душѣ своей безчестенъ точно также какъ онъ. Въ тиши, наединѣ со своею совѣстью, можетъ-быть спрашиваетъ себя: „Да чтѣ такое честь и не предразсудокъ ли кровь?“ Можетъ-быть крикнуть противъ меня и скажутъ что я человекъ болѣзненный, истерическій, клевету чудовищно, брежу, преувеличиваю. Пусть, пусть, — и Боже какъ бы я былъ радъ тому первый! О, не вѣрьте мнѣ, считайте меня за больного, но все-таки запомните слова мои: вѣдь если только хоть десятая, хоть двадцатая доля въ словахъ моихъ правда, — то вѣдь и тогда ужасно! Посмотрите, господа, посмотрите какъ у насъ застрѣливаются молодые люди: О, безъ малѣйшихъ гамлетовскихъ вопросовъ о томъ: „Что будетъ тамъ?“ безъ признаковъ этихъ вопросовъ, какъ будто эта статья о духѣ нашемъ и о всемъ чтѣ ждетъ насъ за гробомъ, давно похорена въ ихъ природѣ, похоронена и лескомъ засылана. Посмотрите, наконецъ, на нашъ развратъ, на нашихъ сладострастниковъ. Федоръ Павловичъ, несчастная жертва текущаго процесса, есть предъ цными изъ нихъ почти невѣрный младенецъ. А вѣдь мы всѣ его знали, „онъ между нами жилъ“.... Да, психологіей русскаго преступленія займутся, можетъ-быть, когда-нибудь первенствующие умы, и наши и европейскіе, ибо тема стоить того. Но это изученіе произойдетъ когда-нибудь послѣ, уже на досугъ, и когда вся трагическая безалаберщина нашей настоящей минуты отойдетъ на болѣе

отдаленный планъ, такъ что ее уже можно будетъ разсмотрѣть и умѣе и безпристрастнѣе чѣмъ, напримѣръ, люди какъ я могутъ сдѣлать. Теперь же мы или ужасаемся, или притворяемся что ужасаемся, а сами, напротивъ, смакуемъ зрѣлище какъ любители ощущеній сильныхъ, эксцентрическихъ, шевелящихъ нашу цинически-лѣнливую праздность, или, наконецъ, какъ малыя дѣти, отмахиваемъ отъ себя руками страшные призраки и прячемъ голову въ подушку лока проходить страшное видѣнiе съ тѣмъ чтобы потомъ тотчасъ же забыть его въ веселiи и играхъ. Но когда-нибудь надо же и намъ начать нашу жизнь трезво и вдумчиво, надо же и намъ бросить взглядъ на себя какъ на общество, надо же и намъ хоть что-нибудь въ нашемъ общественномъ дѣлѣ осмыслить или только хоть начать осмысленiе наше. Великiй писатель предшествовавшей эпохи, въ финалѣ величайшаго изъ произведенiй своихъ, олицетворяя всю Россiю въ видѣ скачущей къ невѣдомой цѣли удалой русской тройки восклицаетъ: „Ахъ тройка, птица тройка, кто тебя выдумалъ!“—и въ гордомъ восторгѣ прибавляетъ что предъ скачущею слома голову тройкой почтительно сторонятся всѣ народы. Такъ господа, это пусть, пусть сторонятся, почтительно или нѣтъ, но на мой грѣшный взглядъ гениальный художникъ закончилъ такъ или въ припадкѣ младенчески невзвѣннаго прекрасномыслия, или просто боясь тогдашней цензуры. Ибо, если въ его тройку въяръ только его же героевъ, Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ, то кого бы ни посадить ямщикомъ, ни до чего лутнаго на такихъ коняхъ не доѣдешь! А это только еще прежнiе кони, которымъ далеко до теперешнихъ, у насъ почище..“

Здѣсь рѣчь Иллолита Кирпаловича была прервана руколле-скавiями. Либерализмъ изображенiя русской тройки понравился. Правда, сорвалось лишь два, три клака, такъ что предсѣдатель не нашель даже нужнымъ обратиться къ публикѣ съ угрозою „очистить залу“ и лишь строго поглядѣлъ въ сторону клакеровъ. Но Иллолитъ Кирпаловичъ былъ ободренъ: вѣкогда-то ему до сихъ поръ не аллодировали! Человѣка столько лѣтъ не хотѣли слушать и вдругъ возможность на всю Россiю высказаться!

„Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, что такое это семейство Карамазовыхъ, заслужившее вдругъ такую печальную извѣстность по всей даже Россiи? Можетъ-быть я слишкомъ

преувеличиваю, но мнѣ кажется что въ картинѣ этой семейки какъ бы мелькаютъ нѣкоторые общіе основные элементы нашего современнаго интеллигентнаго общества,—о, не всѣ элементы, да и мелькнуло лишь въ микроскопическомъ видѣ „какъ солнце въ малой калитѣ водѣ,“ но все же нѣчто отразилось, все же нѣчто сказалось. Посмотрите на этого несчастнаго, разнузданнаго и развратнаго старика, этого „отца семейства“, столь печально покончившаго свое существованіе. Родовой дворянинъ, начавшій карьеру бѣдненькимъ приживальщикомъ, чрезъ нечаянную и неожиданную женитьбу схватившій въ приданое небольшой капиталчикъ, въ началѣ мелкій лаутъ и льстивый шутъ, съ зародышемъ умственныхъ способностей довольно впрочемъ не слабыхъ, и прежде всего ростовщикъ. Съ годами, то-есть съ нарастаніемъ капиталчика онъ ободряется. Приниженность и заискиваніе исчезаютъ, остается лишь насмѣшливый и злой циникъ и сладострастникъ. Духовная сторона вся похерева, а жажда жизни чрезвычайная. Свелось на то что кромѣ сладострастныхъ наслажденій онъ ничего въ жизни и не видитъ, такъ учить и дѣтей своихъ. Отеческихъ духовныхъ какихъ-нибудь обязанностей—никакихъ. Онъ надъ ними смѣется, онъ воспитываетъ своихъ маленькихъ дѣтей на заднемъ дворѣ и радъ что ихъ отъ него увозятъ. Забываетъ объ нихъ даже вовсе. Всѣ нравственныя правила старика—*après moi le déluge*. Все что есть обратнаго понятію о гражданствѣ, полнѣйшее, даже враждебное отъединеніе отъ общества: „Гори хоть весь свѣтъ огнемъ, было бы одному мнѣ хорошо.“ И ему хорошо, онъ вполне доволенъ, онъ жаждетъ прожить такъ еще двадцать—тридцать лѣтъ. Онъ обещиваетъ роднаго сына, и на его же деньги, на наследство матери его, которыя не хочетъ отдать ему, отбиваетъ у него, у сына же своего, любовницу. Нѣтъ, я не хочу уступать защиту подсудимаго высокоталантливому защитнику прибывшему изъ Петербурга. Я и самъ скажу правду, я и самъ понимаю ту сумму негодованія которую онъ накопилъ въ сердцѣ своего сына. Но довольно, довольно объ этомъ несчастномъ старикѣ, онъ получилъ свою мзду. Вспомнимъ однако что это отецъ и одинъ изъ современныхъ отцевъ. Обижу ли я общество сказавъ что это одинъ даже изъ многихъ современныхъ отцевъ? Увы, столь многіе изъ современныхъ отцевъ лишь не высказываются столь цинически какъ этотъ, ибо лучше воспитаны, лучше образованы, а въ

сущности—почти такой же какъ и онъ философіи. Но пусть я пессимистъ, пусть, мы ужь условились что вы меня прощаете. Уговоримся заранее: вы мнѣ не вѣрьте, не вѣрьте, я буду говорить, а вы не вѣрьте. Но все-таки дайте мнѣ высказаться, все-таки кое что изъ моихъ словъ не забудьте. Но вотъ однако дѣти этого старика, этого отца семейства: одинъ предъ нами на скамьѣ подсудимыхъ, объ немъ вся рѣчь впереди; про другихъ скажу лишь вскользь. Изъ этихъ другихъ, старшій—есть одинъ изъ современныхъ молодыхъ людей съ блестящимъ образованіемъ, съ умомъ довольно сплывымъ, уже ни во что, однако, не вѣрующимъ, многое, слишкомъ уже многое въ жизни отвергшимъ и похерившимъ, точь-въ-точь какъ и родитель его. Мы всё его слышали, онъ въ нашемъ обществѣ былъ принятъ дружелюбно. Мнѣній своихъ онъ не скрывалъ, даже напротивъ, совсѣмъ напротивъ, что и даетъ мнѣ смѣлость говорить теперь о немъ нѣсколько откровенно, конечно не какъ о частномъ лицѣ, а лишь какъ о членѣ семьи Карамазовыхъ. Здѣсь умеръ вчера, самоубійствомъ, на краю города одинъ болѣзненный идиотъ, сильно привлеченный къ настоящему дѣлу, бывший слуга и, можетъ-быть, побочный сынъ Федора Павловича, Смердяковъ. Онъ съ истерическими слезами разказывалъ мнѣ на предварительномъ слѣдствіи, какъ этотъ молодой Карамазовъ, Иванъ Федоровичъ, ужаснулъ его своимъ духовнымъ безудержемъ: „Все дескать, по ихнему, позволено что ни есть въ мірѣ, и ничего впредь не должно быть запрещено,—вотъ они чему меня все учили“. Кажется идиотъ на этомъ тезисѣ, которому обучали его, и сошелъ съ ума окончательно, хотя, конечно, повліяли на умственное разстройство его и ладучая болѣзь, и вся эта страшная, разразившаяся въ ихъ домѣ катастрофа. Но у этого идиота промелькнуло одно весьма и весьма любопытное замѣчаніе, сдѣлавшее бы честь и по умѣе его наблюдателю, вотъ почему даже я объ этомъ и заговорилъ: „Если есть, сказалъ онъ мнѣ, который изъ сыновей болѣе похожій на Федора Павловича по характеру, такъ это онъ, Иванъ Федоровичъ.“ На этомъ замѣчаніи я прерываю начатую характеристику, не считая деликатнымъ продолжать дальѣе. О, я не хочу выводить дальнѣйшихъ заключеній и какъ воронъ каркать молодой судьбѣ одну только гибель. Мы видѣли еще сегодня здѣсь, въ этой залѣ, что непосредственная сила правды еще живетъ въ его молодомъ

сердцѣ, что еще чувства семейной привязанности не заглушены въ немъ безвѣрiемъ и нравственнымъ цинизмомъ, прiобрѣтеннымъ больше по наслѣдству, чѣмъ истиннымъ страданiемъ мысли. Затѣмъ другой сынъ, — о, это еще юноша, благочестивый и смиренный, въ противоположность мрачному растлѣвающему мировоззрѣнiю его брата, ищущiй прилѣпиться, такъ-сказать, къ „народнымъ началамъ“, или къ тому что у насъ называютъ этимъ мудренымъ словечкомъ въ пивыхъ теоретическихъ углахъ мыслящей интеллигенциі нашей. Онъ, видите ли, прилѣпился къ монастырю; онъ чуть было самъ не постригся въ монахи. Въ немъ, кажется мнѣ, какъ бы безсознательно, и такъ рано, выразилось то робкое отчаянiе, съ которымъ столь многіе теперь въ нашемъ бѣдномъ обществѣ, убоясь цинизма и разврата его, и, ошибочно приписывая все зло европейскому просвѣщенiю, бросаются, какъ говорятъ они, къ „родной почвѣ“, такъ сказать, въ материнскія объятiя родной земли, какъ дѣти напуганныя призраками и у изсохшей груди разслабленной матери жаждутъ хотя бы только спокойно заснуть и даже всю жизнь проспять, лишь бы не видѣть ихъ лугающихъ ужасовъ. Съ моей стороны я желаю доброму и даровитому юношѣ всего лучшаго, желаю, чтобъ его юное прекраснородiе и стремленiе къ народнымъ началамъ не обратилось въ послѣдствiи, какъ столь часто оно случается, со стороны нравственной въ мрачный мистицизмъ, а со стороны гражданской въ тупой шовинизмъ — два качества грозящiя, можетъ-быть, еще большимъ зломъ наци, чѣмъ даже раннее растлѣнiе отъ ложно понятаго и даромъ добытаго европейскаго просвѣщенiя, какимъ страдаетъ старшiй братъ его.“

За шовинизмъ и мистицизмъ, опять раздалось было два три клака. И ужь конечно Ипполитъ Кирилловичъ увлекся, да и все это мало подходило къ настоящему дѣлу, не говоря уже о томъ что вышло довольно неясно, но ужь слишкомъ захотѣлось высказаться чахоточному и озлобленному человеку хоть разъ въ своей жизни. У насъ потомъ говорили что въ характеристикѣ Ивана Федоровича онъ руководился чувствомъ даже не деликатнымъ, потому что тотъ разъ онъ два публично осадилъ его въ спорахъ, и Ипполитъ Кирилловичъ, помня это, захотѣлъ теперь отомстить. Но не знаю можно ли было такъ заключить. Во всякомъ случаѣ все это было только введенiемъ, затѣмъ рѣчь пошла прямѣе и ближе къ дѣлу.

„Но вотъ третій сынъ отца современнаго семейства, продолжалъ Ипполитъ Кирилловичъ, онъ на скамьѣ подсудимыхъ, онъ передъ нами. Передъ нами и его подвиги, его жизнь и дѣла его: пришелъ срокъ и все развернулось, все обнаружилось. Въ противоположность „европеизму“ и „народнымъ началамъ“ братьевъ своихъ, онъ какъ бы изображаетъ собою Россію непосредственную,—о, не всю, не всю, и Боже сохрани, еслибы всю! И однакоже тутъ она, наша Россеешка, ляхнетъ ею, слышится она матушка. О, мы непосредственны, мы зло и добро въ удивительнѣйшемъ смѣшеніи, мы любители просвѣщенія и Шиллера, и въ то же время мы бушемъ по трактирамъ и вырываемъ у льянчужекъ собутыльничковъ нашихъ бороденки. О и мы бываемъ хороши и прекрасны, но только тогда когда намъ самимъ хорошо и прекрасно. Напротивъ, мы даже обуреваемы,—именно обуреваемы,—благороднѣйшими идеалами, но только съ тѣмъ условіемъ чтобъ они достигались сами собою, уладали бы къ намъ на столъ съ неба и, главное, чтобы даромъ, даромъ, чтобы за нихъ ничего не платить. Платить мы ужасно не любимъ, зато получать очень любимъ, и это во всемъ. О дайте, дайте намъ всевозможныя блага жизни (именно всевозможныя, дешевле не помиримся) и особенно не прелятствуйте нашему нраву ни въ чемъ, и тогда и мы докажемъ что можемъ быть хороши и прекрасны. Мы не жадны, вѣтъ, но однакоже подавайте намъ денегъ, больше, больше, какъ можно больше денегъ, и вы увидите какъ великодушно, съ какимъ презрѣніемъ къ презрѣнному металлу мы разбросаемъ ихъ въ одну ночь въ безудержномъ кутежѣ. А не дадутъ намъ денегъ, такъ мы покажемъ какъ мы ихъ сумѣемъ достать, когда намъ очень того захочется. Но объ этомъ послѣ, будемъ слѣдить по порядку. Прежде всего предъ нами бѣдный заброшенный мальчикъ, „на заднемъ дворѣ безъ сапожекъ“, какъ выразился давеча нашъ почтенный и уважаемый согражданинъ, увы, происхожденія иностраннаго! Еще разъ повторю,—никому не уступлю защиту подсудимаго! Я обвинитель, я и защитникъ. Да-съ, и мы люди, и мы чловѣки, и мы сумѣемъ взвѣснить то какъ могутъ повліять на характеръ первыя впечатлѣнія дѣтства и роднаго гнѣздышка. Но вотъ мальчикъ уже юноша, уже молодой чловѣкъ, офицеръ; за буйные поступки и за вызовъ на поединокъ ссылаютъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ пограничныхъ городковъ нашей благодатной Россіи. Тамъ онъ слу-

жить, тамъ и кутить, и конечно—большому кораблю большое плаваніе. Намъ надо средствъ-съ, средствъ прежде всего, и вотъ, послѣ долгихъ споровъ, порѣшено у него съ отцомъ на послѣднихъ шести тысячахъ рублѣхъ и ихъ ему высылаютъ. Забудьте, онъ выдалъ документъ и существуетъ письмо его, въ которомъ онъ отъ остальнаго почти отрѣкается и этими шестью тысячами препираніе съ отцомъ по насѣдству оканчивается. Тутъ происходитъ его встрѣча съ молодою, высокаго характера и развитія дѣвушкой. О, я не смѣю повторять подробностей, вы ихъ только что слышали: тутъ честь, тутъ самопожертвованіе, и я умолкаю. Образъ молодого человѣка, легкомысленнаго и развратнаго, но склонившагося предъ истиннымъ благородствомъ, предъ высшею идеей, мелькнулъ передъ нами чрезвычайно симпатично. Но вдругъ послѣ того, въ этой же самой залѣ суда послѣдовала совѣмъ неожиданно и обратная сторона медали. Олять-таки не смѣю лускаться въ догадки и удержусь анализировать—почему такъ послѣдовало. Но однако были же причины—почему такъ послѣдовало. Эта же самая особа, вся въ слезахъ негодованія, долго таившагося, объявляетъ намъ что онъ же, онъ же первый и презиралъ ее за ея неосторожный, безудержный, можетъ-быть, порывъ, но все же возвышенный, все же великодушный. У него же, у жениха этой дѣвушки, и промелькнула прежде всѣхъ та насмѣшливая улыбка которую она лишь отъ него одного не могла свести. Зная что онъ уже измѣнилъ ей (измѣнилъ въ убѣжденіи что она уже все должна впредь сносить отъ него, даже измѣну его), зная это, она нарочно предлагаетъ ему три тысячи рублѣй и ясно, слишкомъ ясно даетъ ему при этомъ понять что предлагаетъ ему деньги на измѣну ей же: „Что жь, примешь или нѣтъ, будешь ли столь циниченъ,“ говоритъ она ему молча своимъ судящимъ и испытующимъ взглядомъ. Онъ глядитъ на нее, понимаетъ ея мысли совершенно (онъ вѣдь самъ сознался здѣсь при васъ что онъ все ловилъ) и безусловно присвоитъ себѣ эти три тысячи и прокучиваетъ ихъ въ два дня съ своею новою возлюбленною! Чему же вѣрить? Первой ли легендѣ—порыву ли высокаго благородства, отдающаго послѣднія средства для жизни и преклоняющагося предъ добродѣтелью, или обратной стороной медали, столь отвратительной? Обыкновенно въ жизни бываетъ такъ что при двухъ противоположностяхъ правду надо искать по срединѣ;

въ настоящемъ случаѣ это буквально не такъ. Вѣроятно всего что въ первомъ случаѣ онъ былъ искренно благороденъ, а во второмъ случаѣ также искренно низокъ. Почему? А вотъ именно потому что мы натуры широкия, Карамазовскія,—я вѣдь къ тому и веду,—способны вмѣщать всевозможныя противоположности и разомъ созерцать обѣ бездны, бездну надъ нами, бездну вышнихъ идеаловъ, и бездну подъ нами, бездну самаго низшаго и зловоннаго паденія. Вспомните блестящую мысль высказанную давеча молодымъ наблюдателемъ, глубоко и близко созерцавшимъ всю семью Карамазовыхъ, г. Ракитинымъ: „Ощущеніе низости паденія также необходимо этимъ разнузданнымъ, безудержнымъ натурамъ, какъ и ощущеніе высшаго благородства“—и это правда: именно имъ нужна эта неестественная смѣсь постоянно и непрерывно. Двѣ бездны, двѣ бездны, господа, въ одинъ и тотъ же моментъ,—безъ того мы несчастны и неудовлетворены, существованіе наше не полно. Мы широки, широки какъ вся наша матушка Россія, мы все вмѣстимъ и со всѣмъ уживемся! Кстати, господа присяжные засѣдатели, мы коснулись теперь этихъ трехъ тысячъ рублей, и я позволю себѣ нѣсколько забѣжать впередъ. Вообразите только что онъ, этотъ характеръ, получивъ тогда эти деньги, да еще такимъ образомъ, чрезъ такой стыдъ, чрезъ такой позоръ, чрезъ послѣдней степени униженіе,—вообразите только что онъ въ тотъ же день возмогъ будто бы отдѣлать изъ нихъ половину, зашить въ ладожку и цѣлый мѣсяцъ потомъ имѣть твердость носить ихъ у себя на шеѣ, несмотря на всѣ соблазны и чрезвычайныя нужды! Ни въ пьяномъ кутежѣ по трактирамъ, ни тогда когда ему пришлось летѣть изъ города доставать Богъ знаетъ у кого деньги, необходимѣйшія ему, чтобъ увезти свою возлюбленную отъ соблазновъ солерника отца своего,—онъ не осмѣливается притронуться къ этой ладожкѣ. Да хотъ именно для того только чтобы не оставлять свою возлюбленную на соблазны старика, къ которому онъ такъ ревновалъ, онъ долженъ бы былъ распечатать свою ладожку и остаться дома неотступнымъ сторожемъ своей возлюбленной, ожидая той минуты когда она скажетъ ему наконецъ: „Я твоя“, чтобъ летѣть съ нею куда-нибудь подальше изъ телерешней роковой обстановки. Но нѣтъ, онъ не касается своего талисмана и подъ какимъ же предлогомъ? Первоначальный предлогъ, мы сказали, былъ именно тотъ что когда ему скажутъ: „я

твоя, вези меня куда хочешь“,—то было бы на что увести. Но этот первый предлогъ, по собственнымъ словамъ подсудимаго, поблѣднѣлъ передъ вторымъ. Поколь дескать я иду на себя эти деньги—„я подлець, но не воръ“, ибо всегда могу пойти къ оскорбленной мною невѣстѣ и, выложивъ предъ нею эту половину всей обманно присвоенной отъ нея суммы, всегда могу ей сказать: „Видишь, я прокутилъ половину твоихъ денегъ и доказалъ тѣмъ что я слабый и безвѣстный человѣкъ и, если хочешь, подлець (я выражаюсь языкомъ самаго подсудимаго),—но, хоть и подлець, а не воръ, ибо еслибы былъ воромъ, то не принесъ бы тебѣ этой половины оставшихся денегъ, а присвоилъ бы и ее какъ и первую половину“. Удивительное объясненіе факта! Этотъ самый бѣшеный, но слабый человѣкъ, не могшій отказать отъ соблазна принять три тысячи рублей при такомъ позорѣ,—этотъ самый человѣкъ ощущаетъ вдругъ въ себѣ такую стоическую твердость и носить на своей шеѣ тысячи рублей, не смѣя до нихъ дотронуться! Сообразно ли это хоть сколько-нибудь съ разбираемымъ нами характеромъ? Нѣтъ, и я позволю себѣ вамъ рассказать, какъ бы поступилъ въ такомъ случаѣ настоящій Дмитрій Карамазовъ, еслибы даже и въ самомъ дѣлѣ рѣшился зашить свои деньги въ ладонку. При первомъ же соблазнѣ,—ну хоть чтобъ олять чѣмъ потѣшить ту же новую возлюбленную съ которой уже прокутилъ первую половину этихъ же денегъ, онъ бы расшил свою ладонку и отдѣлалъ отъ нея,—ну положимъ на первый случай хоть только сто рублей,—ибо къ чему де непременно относить половину, то-есть полторы тысячи, довольно и тысячи четырехсотъ рублей;—вѣдь все то же выйдетъ: „подлець дескать, а не воръ, потому что все же хоть тысячу четыреста рублей да принесъ назадъ, а воръ бы всѣ взял и ничего не принесъ“. Затѣмъ еще черезъ нѣсколько времени олять расшил бы ладонку и олять вынулъ уже вторую сотню, затѣмъ третью, затѣмъ четвертую, и не далѣе какъ къ концу мѣсяца вынулъ бы наконецъ предпоследнюю сотню: дескать и одну сотню принесу назадъ все то же вѣдь выйдетъ: подлець, а не воръ. Двадцать девять сотенъ прокутилъ, а все же одну возвратилъ, воръ бы и ту не возвратилъ“. И наконецъ уже, прокутивъ эту предпоследнюю сотню, посмотрѣлъ бы на последнюю и сказалъ бы себѣ: „А вѣдь и впрямь не стоить относить одну сотню,—давай и ту прокучу!“ Вотъ

какъ бы поступилъ настоящій Дмитрій Карамазовъ, какого мы знаемъ! Легенда же объ ладонкѣ—это такое противорѣчiе съ дѣйствительностью, какого болѣе и представить нельзя. Можно предположить все, а не это. Но мы къ этому еще вернемся“.

Обозначивъ въ порядкѣ все что извѣстно было судебному слѣдствію объ имущественныхъ спорахъ и семейныхъ отношеніяхъ отца съ сыномъ и еще, и еще разъ выведа заключеніе что по извѣстнымъ даннымъ нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣлить въ этомъ волровствѣ о дѣлѣжѣ наследства кто кого обсчиталъ или кто на кого насчиталъ, Иллолитъ Кирилловичъ по поводу этихъ трехъ тысячъ рублей, засѣвшихъ въ умѣ Мати какъ неподвижная идея, упомянулъ объ медицинской экспертизѣ.

VII.

Обзоръ историческій.

„Экспертиза медиковъ стремилась доказать намъ что подсудимый не въ своемъ умѣ и маьякъ. Я утверждаю что онъ именно въ своемъ умѣ, но что это-то и всего хуже: былъ бы не въ своемъ, то оказался бы можетъ-быть гораздо умнѣе. Что же до того что онъ маьякъ, то съ этимъ я бы и согласился, но именно въ одномъ только пунктѣ,—въ томъ самомъ на который и экспертиза указывала, именно во взглядѣ подсудимаго на эти три тысячи, будто бы недоплаченныя ему отцомъ. Тѣмъ не менѣе, можетъ-быть, можно найти несравненно ближайшую точку зрѣнія чтобъ объяснить это всегдашнее изступленіе подсудимаго по поводу этихъ денегъ, чѣмъ наклонность его къ помѣшательству. Съ своей стороны я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ молодого врача, находившаго что подсудимый пользуется и пользовался полными и нормальными умственными способностями, а былъ лишь раздраженъ и озлобленъ. Вотъ въ этомъ и дѣло: не въ трехъ тысячахъ, не въ суммѣ собственно заключающа предметъ постоянного и изступленнаго озлобленія подсудимаго, а въ томъ что была тутъ особая причина, возбуждавшая его гнѣвъ. Причина эта—ревность!“

Здѣсь Иллолитъ Кирилловичъ пространно развернулъ всю картину роковой страсти подсудимаго къ Грушенькѣ. На-

чалъ онъ съ самаго того момента когда подсудимый отпра-
вился къ „молодой особѣ“ чтобъ „цбить ее“,—выражаясь
его собственными словами, пояснилъ Ипполитъ Кирилло-
вичъ,—но вмѣсто того чтобъ цбить, остался у ногъ ея,—
вотъ начало этой любви. Въ то же время бросаетъ взглядъ
на ту же особу и старикъ, отецъ подсудимаго,—совладеніе
удивительное и роковое, ибо оба сердца зажглись вдругъ, въ
одно время, хотя прежде и тотъ и другой знали же и встрѣ-
чали эту особу,—и зажглись эти оба сердца самую безудерж-
ною, самую Карамазовскою страстью. Тутъ мы имѣемъ ея
собственное признаніе: „Я, говоритъ она, смѣялась надъ тѣмъ
и другимъ“. Да, ей захотѣлось вдругъ посмѣяться надъ тѣмъ
и другимъ; прежде не хотѣлось, а тутъ вдругъ влетѣло ей въ
умъ это намѣреніе,—и кончилось тѣмъ что оба пали передъ
ней побѣжденные. Старикъ, поклонявшійся деньгамъ какъ
Богу, тотчасъ же приготовилъ три тысячи рублей лишь за
то только чтобъ она посѣтила его обитель, но вскорѣ дове-
денъ былъ и до того что за счастье почелъ бы положить къ
ногамъ ея свое имя и все свое состояніе, лишь бы согласи-
лась стать законною супругой его. На это мы имѣемъ сви-
дѣтельства твердыя. Что же до подсудимаго, то трагедія его
очевидна, она предъ нами. Но такова была „игра“ молодой
особы. Несчастному молодому человѣку обольстительница
не подавала даже и надежды, ибо надежда, настоящая надеж-
да была ему подана лишь только въ самый послѣдній мо-
ментъ, когда онъ, стоя передъ своею мучительницей на ко-
лѣняхъ, простиралъ къ ней уже обогрѣвныя кровью своего
отца и солерника руки: въ этомъ именно положеніи онъ и
былъ арестованъ. „Меня, меня вмѣстѣ съ нимъ въ каторгу
пошлите, я его до того довела, я больше всѣхъ виновата!“
воскликнула эта женщина сама, уже въ искреннемъ раскаяніи,
въ минуту его ареста. Талантливый молодой человѣкъ, взяв-
шій на себя описать настоящее дѣло,—все тотъ же г. Ракит-
нинъ, о которомъ я уже упоминалъ,—въ нѣсколькихъ сжатыхъ
и характерныхъ фразахъ опредѣляетъ характеръ этой героини:
„Раннее разочарованіе, ранній обманъ и ладеніе, измѣна оболь-
стителя-жениха ее бросившаго, затѣмъ бѣдность, проклатіе
честной семьи и наконецъ покровительство одного богатаго
старика, котораго она впрочемъ сама считаетъ и теперь своимъ
благодѣтелемъ. Въ молодомъ сердцѣ, можетъ-быть заключа-
шемъ въ себѣ много хорошаго, затаился гнѣвъ еще слишкомъ

съ ранней юры. Образовался характеръ разчетливый, ко-
мѣщій капиталъ. Образовалась насмѣшливость и мститель-
ность обществу“. Послѣ этой характеристики понято что она
могла смѣяться надъ тѣмъ и другимъ единственно для игры,
для злобной игры. И вотъ въ этотъ мѣсяцъ безнадежной люб-
ви, нравственныхъ паденій, измѣны своей невѣсты, присвое-
нія чужихъ денегъ, ввѣренныхъ его чести,—подсудимый кро-
мѣ того доходитъ почти до изступленія, до бѣшенства, отъ
безпрерывной ревности, и къ кому же, къ своему отцу! И
главное, безумный старикъ смазываетъ и прельщаетъ пред-
метъ его страсти—этими же самыми тремя тысячами, кото-
рыя сынъ его считаетъ своими родовыми, наслѣдствомъ ма-
тери, въ которыхъ укоряетъ отца. Да, я согласенъ, это было
тяжело перенести! Тутъ могла явиться даже и мама. Не въ
деньгахъ было дѣло, а въ томъ что этими же деньгами съ
такимъ омерзительнымъ цинизмомъ разбивалось счастье его!“

Затѣмъ Ипполитъ Кирилловичъ перешелъ къ тому, какъ по-
степенно зарождалась въ подсудимомъ мысль отцеубійства и
прослѣдилъ ее по фактамъ.

„Сначала мы только кричимъ по трактирамъ,—весь этотъ
мѣсяцъ кричимъ. О, мы любимъ жить на людяхъ и тотчасъ
же сообщать этимъ людямъ всѣ, даже самыя инфернальныя
и опасныя наши идеи, мы любимъ дѣлиться съ людьми, и,
неизвѣстно почему, тутъ же, сейчасъ же и требуемъ, чтобъ
эти люди тотчасъ же отвѣчали намъ полнѣйшею симпатіей,
входили во всѣ наши заботы и тревоги, намъ поддакивали и
праву нашему не прелятствовали. Не то мы озаимся и раз-
несемъ весь трактиръ. (Слѣдовалъ анекдотъ о штабсъ-капи-
танѣ Снегиревѣ.) Видѣвшіе и слышавшіе подсудимаго въ
этотъ мѣсяцъ почувствовали наконецъ что тутъ уже могутъ
быть не одни крики и угрозы отцу, но что при такомъ из-
ступленіи угрозы пожалуй перейдутъ и въ дѣло. (Тутъ про-
куроръ описалъ семейную встрѣчу въ монастырѣ, разговоры
съ Алешей и безобразную сцену насилія въ домѣ отца, когда
подсудимый ворвался къ нему послѣ обѣда.) Не думаю на-
стойчиво утверждать, продолжалъ Ипполитъ Кирилловичъ, что
до этой сцены подсудимый уже обдуманно и преднамѣренно
положилъ локовчить съ отцомъ своимъ убійствомъ его. Тѣмъ
не менѣе идея эта уже нѣсколько разъ предстояла ему и онъ
обдуманно созерцалъ ее—на это мы имѣемъ факты, свидѣ-
телей и собственное сознаніе его. Признаюсь, господа при-

сажные заседатели, присовокупилъ Ипполитъ Кирилловичъ, а даже до сегодня колебался оставить за подсудимымъ полное и сознательное преднамѣреніе напращивавшагося къ нему преступленія. Я твердо былъ убѣжденъ что душа его уже многократно созерцала роковой моментъ впередъ, но лишь созерцала, представляла его себѣ лишь въ возможности, но еще не опредѣляла ни срока исполненія, ни обстоятельствъ. Но я колебался лишь до сегодня, до этого роковаго документа, представленнаго сегодня суду гжею Верховцевой. Вы сами, слышали, господа, ея восклицаніе: „Это лаянь, это программа убійства!“—вотъ какъ опредѣляла она несчастное „лявное“ письмо несчастнаго подсудимаго. И дѣйствительно, за письмомъ этимъ все значеніе программы и преднамѣренія. Оно написано за двое сутокъ до преступленія, — и, такимъ образомъ, намъ твердо теперь извѣстно что, за двое сутокъ до исполненія своего страшнаго замысла, подсудимый съ клятвою объявлялъ что если не достанетъ завтра денегъ, то убьетъ отца, съ тѣмъ чтобы взять у него деньги изъ-подъ подушки „въ пакетъ съ красною ленточкой, только бы уѣхалъ Иванъ“. Слышите: „только бы уѣхалъ Иванъ“,—тутъ стало-быть уже все обдуманно, обстоятельства взвѣшены,—и что же: все потомъ и исполнено какъ по писаному! Преднамѣренность и обдуманность несомнѣнны, преступленіе должно было совершиться съ цѣлью грабежа, это прямо объявлено, это написано и подписано. Подсудимый отъ своей подписи не отрицается. Скажутъ: это писалъ пьяный. Но это ничего не уменьшаетъ и тѣмъ важнѣе: въ пьяномъ видѣ написалъ то что задумалъ въ трезвомъ. Не было бы задумано въ трезвомъ, не написалось бы въ пьяномъ. Скажутъ пожалуй: къ чему же онъ кричалъ о своемъ намѣреніи по трактирамъ? Кто на такое дѣло рѣшается *предназначенно*, тотъ молчитъ и таитъ про себя. Правда, но кричалъ онъ тогда когда еще не было плановъ и преднамѣренія, а лишь стояло одно желаніе, созрѣвало лишь стремленіе. Потомъ онъ объ этомъ уже меньше кричитъ. Въ тотъ вечеръ когда было написано это письмо, напившись въ трактирѣ Столичный Городъ, онъ, противъ обыкновенія, былъ молчаливъ, не игралъ на биллардѣ, сидѣлъ въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ и лишь соглашалъ съ мѣста одного здѣшняго кулеческаго прикащика, но это уже почти безсознательно, по привычкѣ къ ссорѣ, безъ которой, войдя въ трактиръ, онъ уже не могъ обойтись. Правда, вмѣстѣ съ окончательнымъ рѣшеніемъ подсудимому

должно же было придти въ голову оласевіе что онъ слыш-комъ много накричалъ по городу предварительно и что это можетъ весьма послужить къ его уличенію и его обвиненію когда онъ исполнитъ задуманное. Но ужь что же дѣлать, фактъ огааски былъ совершенъ, его не воротить и, наконецъ, вывозила же прежде кривая, вывезетъ и теперь. Мы на звезду свою надѣялись, господа! Я долженъ къ тому же признаться что онъ много сдѣлалъ чтобъ обойти роковую минуту, что онъ употребилъ весьма много успій чтобъ избѣжать кроваваго исхода. „Буду завтра просить три тысячи у всѣхъ людей, какъ пишетъ онъ своимъ своеобразнымъ языкомъ, а не дадутъ люди, то прольется кровь“. Опять-таки въ пьяномъ видѣ написано и опять-таки въ трезвомъ видѣ какъ по писаному исполнено!“

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ приступилъ къ подробному описанію всѣхъ стараній Мити добыть себѣ деньги чтобъ избѣжать преступленія. Онъ описалъ его похождения у Самсонова, путешествіе къ Лагавому—все по документамъ. „Измученный, осмѣянный, голодный, продавшій часы на это путешествіе (имѣя однако на себѣ полторы тысячи рублей—и будто, о будто!), мучаясь ревностью по оставленному въ городѣ предмету любви, подозрѣвая что она безъ него уйдетъ къ Федору Павловичу, онъ возвращается наконецъ въ городъ. Слава Богу! Она у Федора Павловича не была. Онъ же самъ ее и провожаетъ къ ея локровителю Самсонову. (Странное дѣло, къ Самсонову мы не равнибы и это весьма характерная психологическая особенность въ этомъ дѣлѣ!) Затѣмъ стремится на наблюдательный постъ „на задахъ“ и тамъ—и тамъ узнаетъ что Смердяковъ въ ладуцѣй, что другой слуга болѣвъ—поле чисто, а „знаки“ въ рукахъ его—какой соблазвъ! Тѣмъ не менѣе онъ все-таки сопротивляется; онъ идетъ къ высокоуважаемой всѣми нами временной здѣшней жительницѣ гжѣ Хохлаковой. Давно уже страдающая его судьбѣй, эта дама предлагаетъ ему благоразумнѣйшій изъ совѣтовъ: бросить весь этотъ кутежъ, эту безобразную любовь, эти праздношатаванія по трактирамъ, безплодную трату молодыхъ силъ и отправиться въ Сибирь на золотые прииски: „тамъ исходъ вашимъ бушующимъ силамъ, вашему романтическому характеру, жаждущему приключеній“. Описавъ исходъ бесѣды и тотъ моментъ когда подсудимый вдругъ получилъ извѣстіе о томъ что Грушенька совсѣмъ не была у Самсонова, описавъ мгновенное изступленіе несчастнаго, изму-

ченнаго нервами ревниваго человѣка при мысли что она именно обманула его и теперь у него, Федора Павловича, Иллолитъ Кирилловичъ заключилъ, обращая вниманіе на роковое значеніе случая: успѣлъ ему сказать служанка что возлюбленная его въ Мокромъ, съ „прежнимъ“ и „безспорнымъ“—ничего бы и не было. Но она ольшала отъ страха, заклалась - забожилась, и, если подсудимый не убилъ ее тутъ же, то это потому что сломя голову пустился за своей измѣнницей. Но замѣйте: какъ ни былъ онъ въ себя, а захватилъ таки съ собою мѣдный пестикъ. Зачѣмъ именно пестикъ, зачѣмъ не другое какое оружіе? Но, если мы уже цѣлый мѣсяць созерцали эту картину и къ ней приготовлялись, то чуть мелькнуло намъ что то въ видѣ оружія, мы и схватываемъ его какъ оружіе. А о томъ что какой-нибудь предметъ въ этомъ родѣ можетъ послужить оружіемъ,—это мы уже цѣлый мѣсяць представляли себѣ. Потому то такъ мгновенно и безспорно и признали его за оружіе! А потому все же не безсознательно, все же не неволью схватилъ онъ этотъ роковой пестикъ. И вотъ онъ въ отцовскомъ саду—поле чисто, свидѣтелей нѣтъ, глубокая ночь, мракъ и ревность. Подозрѣніе что она здѣсь, съ нимъ, съ солерникомъ его, въ его объятіяхъ, и, можетъ-быть, смѣется надъ нимъ въ эту минуту захватываетъ ему духъ. Да и не подозрѣніе только,—какія ужъ теперь подозрѣнія, обманъ явель, очевиденъ: она тутъ, вотъ въ этой комнатѣ откуда свѣтъ, она у него тамъ за ширмами,—и вотъ несчастный подкрадывается къ окну, почтительно въ него заглядываетъ, благонаравно смиряется и благоразумно уходитъ, лоскорѣе вонъ отъ бѣды, чтобы чего не произошло, оласнаго и безнравственнаго—и насъ въ этомъ хотять увѣрить, насъ, знающихъ характеръ подсудимаго, понимающихъ въ какомъ онъ былъ состояніи духа, въ состояніи намъ извѣстномъ по фактамъ, а главное обладая знаками которыми тотчасъ же могъ отпереть домъ и войти!“ Здѣсь по поводу „знаковъ“ Иллолитъ Кирилловичъ оставилъ на время свое обвиненіе и нашель необходимымъ распространиться о Смердяковѣ, съ тѣмъ чтобы ужъ совершенно исчерпать весь этотъ вводный эпизодъ о подозрѣніи Смердякова въ убійствѣ и покончить съ этою мыслию разъ на всегда. Сдѣлалъ онъ это весьма обстоятельно, и всѣ поняли что несмотря на все выказываемое имъ презрѣніе къ этому предположенію, онъ все-таки считалъ его весьма важнымъ.

VIII.

Трактатъ о Смердяковѣ.

„Вопервыхъ, откуда взялась возможность подобнаго подозрѣнія?“—началъ съ этого вопроса Ипполитъ Кирилловичъ. Первый, крикнувшій что убилъ Смердяковъ, былъ самъ подсудимый въ минуту своего ареста, и однако не представившій съ самаго перваго крика своего и до самой сей минуты суда ни единого факта въ подтвержденіе своего обвиненія,—и не только факта, но даже сколько-нибудь сообразнаго съ человѣческимъ смысломъ намека на какой-нибудь фактъ. Затѣмъ подтверждаютъ обвиненіе это только три лица: оба брата подсудимаго и гжа Свѣтлова. Но старшій братъ подсудимаго объявилъ свое подозрѣніе только сегодня, въ болѣзнь, въ припадкѣ безслорнаго умоизступленія и горячки, а прежде, во всѣ два мѣсяца, какъ намъ положительно это извѣстно, совершенно раздѣлялъ убѣжденіе о виновности своего брата, даже не искалъ возражать противъ этой идеи. Но мы этимъ займемся особенно еще потомъ. Затѣмъ младшій братъ подсудимаго намъ объявляетъ давеча самъ что фактовъ въ подтвержденіе своей мысли о виновности Смердякова не имѣеть никакихъ, ни малѣйшихъ, а заключаетъ такъ лишь со словъ самого подсудимаго и „по выраженію его лица“—да, это колоссальное доказательство было дважды произнесено давеча его братомъ. Гжа же Свѣтлова выразилась даже, можетъ-быть, и еще колоссальнѣе: „Что подсудимый вамъ скажетъ тому и вѣрьте, не таковъ человѣкъ чтобы солгалъ.“ Вотъ всѣ фактическія доказательства на Смердякова отъ этихъ трехъ лицъ, слѣшкомъ заинтересованныхъ въ судьбѣ подсудимаго. И между тѣмъ обвиненіе на Смердякова ходило и держалось, и держится,—можно этому повѣрить, можно это представить?

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ нашелъ нужнымъ слегка очертить характеръ покойнаго Смердякова, „прекратившаго жизнь свою въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія и помѣшательства“. Онъ представилъ его человѣкомъ слабоумнымъ, съ зачаткомъ нѣкотораго смутнаго образованія, сбитаго съ толку философскими идеями не подъ силу его уму и услу-

гавшагося цвухъ современныхъ ученій о долгахъ и обязанности, широко преложенныхъ ему—практически-безшабашною жизнью покойнаго его барина, а можетъ-быть и отца, Федора Павловича, а теоретически—разными страшными философскими разговорами съ старшимъ сыномъ барина, Иваномъ Федоровичемъ, охотно позволявшимъ себѣ это развлеченіе, вѣроятно отъ скуки, или отъ потребности насмѣшки, не вшедшей лучшаго приложенія. Онъ мнѣ самъ разказывалъ о своемъ душевномъ состояніи въ послѣдніе дни своего пребыванія въ домѣ своего барина,—пояснилъ Ипполитъ Кирилловичъ,—но свидѣтельствуютъ о томъ же и другіе: самъ подсудимый, братъ его и даже слуга Григорій, т.-е. всѣ тѣ которые должны были знать его весьма близко. Кроме того, удрученный падучею болѣзнію, Смердяковъ былъ „трусливъ какъ курица“. „Онъ падалъ мнѣ въ ноги и цѣловалъ мои ноги“, сообщалъ намъ самъ подсудимый въ ту минуту когда еще не сознавалъ нѣкоторой для себя невыгоды въ такомъ сообщеніи,—„это курица въ падучей болѣзни“, выразился онъ про него своимъ характернымъ языкомъ. И вотъ его-то подсудимый (о чемъ и самъ свидѣлствуетъ) выбираетъ въ свои довѣренныя и залугиваетъ настолько что тотъ соглашается наконецъ служить ему шпіономъ и переводчикомъ. Въ этомъ качествѣ домашняго соглядатая онъ измѣняетъ своему барину, сообщаетъ подсудимому и о существованіи пакета съ деньгами, и про знаки по которымъ можно проникнуть къ барину,—да и какъ бы онъ могъ не сообщить! „Убьютъ-сь, видѣлъ прямо что убьютъ меня-сь, говорилъ онъ на свидѣствіи, трясаясь и трепеща даже передъ нами, несмотря на то что залугавшій его мучитель былъ уже самъ тогда подъ арестомъ и не могъ уже придти наказать его. „Подозрѣвали меня всякую минуту-сь, самъ въ страхѣ и трепетѣ, чтобы только ихъ гнѣвъ утолить, слѣдилъ сообщать имъ всякую тайну-сь, чтобы тѣмъ самымъ невинность мою передъ вами видѣть могли-сь, и живаго на покаяніе отпустили-сь“. Вотъ собственныя слова его, я ихъ записалъ и запомнилъ „Какъ закричитъ бывало на меня, я такъ на колѣнки передъ вами и паду“. Будучи высокочестнымъ отъ природы своей молодымъ человѣкомъ и войдя тѣмъ въ довѣренность своего барина, отличившаго въ немъ эту честность, когда тотъ возвратилъ ему потерянные имъ деньги, несчастный Смердяковъ, надо думать, страшно мучился раскаяніемъ въ измѣнѣ

своему барину, котораго любилъ какъ своего благодѣтеля. Сильно страдающіе отъ падучей болѣзни, по свидѣтельству глубочайшихъ психіатровъ, всегда наклонны къ непрерывному и конечно болѣзненному самообвиженію. Они мучаются отъ своей „виновности“ въ чемъ-то и передъ кѣмъ-то, мучаются угрызениями совѣсти, часто, даже безо всякаго основанія, преувеличиваютъ и даже сами выдумываютъ на себя разныя вины и преступленія. И вотъ подобный-то субъектъ становится дѣйствительно виновнымъ и преступнымъ отъ страха и отъ запугиванія. Кромѣ того, онъ сильно предчувствовалъ что изъ слагающихся на глазахъ его обстоятельствъ можетъ выйти нѣчто недоброе. Когда старшій сынъ Федора Павловича, Иванъ Федоровичъ, передъ самою катастрофой уѣзжалъ въ Москву, Смердяковъ умолялъ его остаться, не смѣя однакоже, по трусливому обычаю своему, высказать ему всѣ опасенія свои въ видѣ ясномъ и категорическомъ. Онъ лишь удовольствовался намеками, но намековъ не позволял. Надо замѣтить что въ Иванѣ Федоровичѣ онъ видѣлъ какъ бы свою защиту, какъ бы гарантію въ томъ что пока тотъ дома, то не случится бѣды. Вспомните выраженіе въ „пьяномъ“ письмѣ Дмитрія Карамазова: „убью старика если только уѣдетъ Иванъ“, стало-быть присутствіе Ивана Федоровича казалось всѣмъ какъ бы гарантіей тишины и порядка въ домѣ. И вотъ онъ-то и уѣзжаетъ, а Смердяковъ тотчасъ же, почти черезъ часъ по отъѣздѣ молодаго барина, уладеетъ въ падучей болѣзни. Но это совершенно логично. Здѣсь надо упомянуть что, удрученный страхами и своего рода отчаяніемъ, Смердяковъ въ послѣдніе дни особенно ощущалъ въ себѣ возможность приближенія припадковъ падучей, которая и прежде всегда случалась съ нимъ въ минуты нравственнаго напряженія и потрясенія. День и часъ этихъ припадковъ угадать конечно нельзя, но расположеніе къ припадку каждый эпилептикъ ощутить въ себѣ можетъ заранѣе. Такъ говоритъ медицина. И вотъ только что сѣзжаетъ со двора Иванъ Федоровичъ какъ Смердяковъ, подъ впечатлѣніемъ своего такъ сказать сиротства и своей беззащитности, идетъ за домашнимъ дѣломъ въ погребъ, слускается внизъ по лѣстницѣ и думаетъ: „будетъ или не будетъ припадокъ, а что колъ сейчасъ придетъ?“—И вотъ именно отъ этого настроенія, отъ этой мнительности, отъ этихъ вопросовъ и схватываетъ его горловая спазма, всегда предшествующая падучей,

и онъ летитъ стремглавъ безъ сознанія на дно погребѣ. И вотъ, въ этой самой естественной случайности, ухищраются видѣть какое-то подозрѣнiе, какое-то указанiе, какой-то намекъ на то что онъ нарочно притворился больнымъ! Но если нарочно, то является тотчасъ вопросъ: для чего же? Изъ какого расчета, съ какою же цѣлью? Я уже не говорю про медицину; наука дескать ажетъ, наука ошибается, доктора не сумѣли отличить истины отъ притворства, — лустъ, лустъ, но отвѣтите же мнѣ однако на вопросъ: для чего ему было притворяться? Не для того ли чтобы, замысливъ убійство, обратить на себя случившимся припадкомъ заранѣе и поскорѣе вниманiе въ домъ? Видите-ли, господа присяжные засѣдатели, въ домъ Ѳедора Павловича, въ ночь преступленiя было и перебивало пять человѣкъ: вопервыхъ, самъ Ѳедоръ Павловичъ,—но вѣдь не онъ же убилъ себя, это ясно; во вторыхъ, слуга его Григорiй, но вѣдь того самого чуть не убили,—третьихъ, жена Григорiя, служанка Марѣя Игнатьева,—но представить ее убійцей своего барина просто стыдно. Остаются е-мало-быть на виду два человѣка: подсудимый и Смердяковъ. Но такъ какъ подсудимый увѣряетъ что убилъ не онъ, то стало-быть долженъ былъ убить Смердяковъ, другаго выхода нѣтъ, ибо никого другаго нельзя найти, никакого другаго убійцы не подберешь. Вотъ, вотъ стало-быть откуда произошло это „хитрое“ и колоссальное обвиненiе на несчастнаго, вчера локоичившаго съ собой, цѣлота! Именно только по тому одному что другаго некого подобрать! Будь хоть тѣнь, хоть подозрѣнiе на кого другаго, на какое-нибудь шестое лицо, то я убѣжденъ что даже самъ подсудимый постыдился бы показать тогда на Смердякова, а показалъ бы на это шестое лицо, ибо обвинять Смердякова въ этомъ убійствѣ есть совершенный абсурдъ.

„Господа, оставимъ психологiю, оставимъ медицину, оставимъ даже самую логику, обратимся лишь къ фактамъ, къ однимъ только фактамъ и посмотримъ что скажутъ намъ факты. Убилъ Смердяковъ, но какъ? Одинъ ли въ сообществѣ съ подсудимымъ? Разсмотримъ сперва первый случай, то-есть что Смердяковъ убиваетъ одинъ. Конечно, если убилъ, то для чего же нибудь, изъ какой-нибудь выгоды. Но, не имѣя ни тѣни мотивовъ къ убійству изъ такихъ какiе имѣлъ подсудимый, то-есть ненависти, ревности и проч., и проч., Смердяковъ безъ сомнѣнiя могъ

убить только лишь изъ-за денегъ, чтобы присвоить себѣ именно эти три тысячи, которыя самъ же видѣлъ какъ баринъ его укладывалъ въ пакетъ. И вотъ, замысливъ убійство, онъ заранѣе сообщаетъ другому лицу, — и къ тому же въ высочайшей степени заинтересованному лицу, именно подсудимому, — всѣ обстоятельства о деньгахъ и знакахъ: гдѣ лежитъ пакетъ, что именно на пакетѣ написано, чѣмъ онъ обернуть, а главное, главное сообщаетъ про эти „знаки“, которыми къ барину можно пройти. Что жь, онъ прямо, чтобы выдать себя, это дѣлаетъ? Или чтобы найти себѣ соперника, который пожалуй и самъ пожелаетъ войти и приобрести пакетъ? Да, скажутъ мнѣ, но вѣдь онъ сообщилъ отъ страха. Но какже это? Человѣкъ, не смигнувшій задумать такое безстрашное и звѣрское дѣло и потомъ исполнить его, — сообщаетъ такія извѣстія которыя знаетъ только онъ въ цѣломъ мірѣ, и о которыхъ, еслибы только онъ о нихъ умолчалъ, никто и не догадался бы никогда въ цѣломъ мірѣ. Нѣтъ, ужь какъ бы ни былъ трусливъ человѣкъ, а ужь если такое дѣло задумалъ, то ни за что бы не сказалъ никому по крайней мѣрѣ про пакетъ и про знаки, ибо это значило бы впередъ всего себя выдать. Что-нибудь выдумалъ бы нарочно, что-нибудь нагалялъ бы другое, если ужь отъ него непременно требовали извѣстій, а ужь объ этомъ бы умолчалъ. Напротивъ, повторяю это, еслибъ онъ промолчалъ хоть только о деньгахъ, а потомъ убилъ и присвоилъ эти деньги себѣ, то никто бы никогда въ цѣломъ мірѣ не могъ обвинить его по крайней мѣрѣ въ убійствѣ для грабежа, ибо денегъ этихъ вѣдь никто кромѣ него не видалъ, никто не зналъ что онъ существуетъ въ домѣ. Еслибы даже и обвинили его, то непременно сочли бы что онъ изъ другаго какого-нибудь мотива убилъ. Но такъ какъ мотивовъ этихъ за нимъ никто предварительно не примѣтилъ, а всѣ видѣли, напротивъ, что онъ бариничъ любимъ, почтенъ бариновою довѣренностью, то конечно бы его послѣдняго и заподозрили, а заподозрили бы прежде всего такого, который бы имѣлъ эти мотивы, кто самъ кричалъ что имѣетъ эти мотивы, кто ихъ не скрывалъ, передъ всѣми обнаруживалъ, однимъ словомъ заподозрили бы сына убитаго, Дмитрія Федоровича. Смердаковъ бы убилъ и ограбилъ, а сына бы обвинили, — вѣдь Смердакову убійцѣ ужь конечно было бы это выгодно? Ну такъ вотъ этому-то сыну Дмитрію, Смердаковъ, замысливъ убійство, и сообщаетъ вле-

редъ про деньги, про пакеть и про знаки,—какъ это логично, какъ это ясно!

„Приходить день замышленного Смердяковымъ убійства, и вотъ онъ летитъ съ ногъ, *притворившись*, въ припадкѣ ладучей болѣзми, для чего? Ужь конечно для того чтобы, вопервыхъ, слуга Григорій, замыслившій свое лѣченіе и, видя что совершенно некому стеречь домъ, можетъ-быть отложилъ бы свое лѣченіе и сѣлъ караулить: Вотторыхъ, конечно для того чтобы самъ баринъ, видя что его никто не караулитъ и страшно опасаясь прихода сына, чего не скрывалъ, усугубилъ свою недовѣрчивость и свою осторожность. Наконецъ, и главное, конечно для того чтобъ его, Смердякова, разбитаго припадкомъ, тотчасъ же перенесли изъ кухни, гдѣ онъ всегда отдѣльно ото всѣхъ ночевалъ и гдѣ имѣлъ свой особенный входъ и выходъ, въ другой конецъ флигеля, въ комнатку Григорія, къ нимъ обоимъ за перегородку, въ трехъ шагахъ отъ ихъ собственной постели, какъ всегда это бывало, съ локомъ вѣка, чуть только его разбивала ладучая, по распоряженіямъ барина и сердобольной Мары Игнатьевны. Тамъ, лежа за перегородкой, онъ вѣроятно всего чтобъ вѣрнѣе изобразиться больнымъ начнетъ ковечко стовать, то-есть будить ихъ всю ночь—(какъ и было по показанію Григорія и жены его),—и все это, все это для того чтобъ тѣмъ удобнѣе вдругъ встать и потомъ убить барина!

„Но скажутъ мнѣ, можетъ-быть онъ именно притворился чтобы на него, какъ на больнаго, не подумали, а подсудимому сообщилъ про деньги и про знаки именно для того чтобы тотъ соблазнился и самъ пришелъ, и убилъ, и когда, видите ли, тотъ, убивъ, уйдетъ и унесетъ деньги, и при этомъ пожалуй нашумитъ, нагремитъ, разбудитъ свидѣтелей, то тогда, видите ли, встанетъ и Смердяковъ, и пойдетъ,—ну, что же дѣлать, пойдетъ? А вотъ именно пойдетъ въ другой разъ убить барина и въ другой разъ унести уже унесенныя деньги. Господа, вы смѣтаетесь? Мнѣ самому стыдно дѣлать такіа предположенія, а между тѣмъ, представьте себѣ это, именно вѣдь подсудимый это самое и утверждаетъ: послѣ меня дескать, когда я уже вышелъ изъ дому, поваливъ Григорія и надѣлавъ тревоги, онъ всталъ, пошелъ, убилъ и ограбилъ. Ужь я и не говорю про то какъ бы могъ Смердяковъ разчитать это все заранѣе и все предугадать какъ по пальцамъ, то-есть что раздраженный и бѣшеный сынъ придетъ един-

ственно для того только чтобы почтительно заглянуть въ окно и, обладая знаками, отретироваться, оставивъ ему, Смердякову, всю добычу! Господа, я серьезно ставлю вопросъ: гдѣ тотъ моментъ когда Смердяковъ совершилъ свое преступленіе? Укажите этотъ моментъ, ибо безъ этого нельзя обвинять.

„А можетъ-быть ладучая была настоящая. Больной вдругъ очнулся, услышалъ крикъ, вышелъ, — ну и что же? Посмотрѣлъ, да и сказалъ себѣ: дай пойду убью барина? А почему онъ узналъ что тутъ было, что тутъ происходило, вѣдь онъ до сихъ поръ лежалъ въ безпамятствѣ? А впрочемъ, господа, есть предѣлы и фантазіямъ.

„Такъ-съ, скажутъ тонкіе люди, а ну какъ оба были въ согласіи, а ну какъ это они оба вмѣстѣ убили и денежки поѣдали, ну тогда какже?

„Да, дѣйствительно подозрѣніе важное, и во первыхъ — тотчасъ же колоссальныя улики, его подтверждающія: одинъ убиваетъ и беретъ всѣ труды на себя, а другой сообщникъ лежитъ на боку, притворившись въ ладучей, — именно для того чтобы предварительно возбудить во всѣхъ подозрѣніе, тревогу въ баринѣ, тревогу въ Григоріи. Любопытство изъ какихъ мотивовъ оба сообщника могли бы выдумать именно такой сумашедшій планъ? Но можетъ-быть это было вовсе не активное сообщество со стороны Смердякова, а такъ сказать пассивное и страдальческое: можетъ-быть залуганный Смердяковъ согласился лишь не сопротивляться убійству и, предчувствуя что его же вѣдь обвинять что онъ далъ убить барина, не кричалъ, не сопротивлялся, — заранѣе выговорилъ себѣ у Дмитрія Карамазова позволеніе пролежать это время какъ бы въ ладучей, „а ты тамъ убивай себѣ какъ угодно, моя изба съ краю“. Но если и такъ, то такъ какъ и опять-таки эта ладучая должна была произвести въ домѣ переполохъ, предвидя это, Дмитрій Карамазовъ ужь никакъ не могъ бы согласиться на такой уговоръ. Но я уступаю, пусть онъ согласился; такъ-вѣдь все-таки вышло бы тогда что Дмитрій Карамазовъ — убійца, прямой убійца и зачинщикъ, а Смердяковъ лишь пассивный участникъ, да и не участникъ даже, а лишь попуститель отъ страха и противъ воли, вѣдь судъ-то это бы уже непременно могъ различить, и вотъ, что же мы видимъ? Только что арестовали подсудимаго, какъ онъ мигомъ сваливаетъ все на одного Смер-

дякова и его *одного* обвиняетъ. Не въ сообщничествѣ съ собой обвиняетъ, а его одного: одинъ дескать, онъ это сдѣлалъ, онъ убилъ и ограбилъ, его рукъ дѣло! Ну что. это за сообщники которые тотчасъ же начинаютъ говорить одинъ на другаго,—да этого никогда не бываетъ. И замѣтьте какой рискъ для Карамазова: онъ главный убійца, а тотъ не главный, тотъ только полуститель и пролежалъ за перегородкой, и вотъ онъ сваливаетъ на лежачаго. Такъ вѣдь тотъ, лежачій-то могъ разсердиться, и изъ-за одного только самосохраненія поскорѣе объявить правду истинную: оба дескать участвовали, только я не убивалъ, а лишь дозволялъ и попустилъ, отъ страху. Вѣдь онъ же, Смердяковъ, могъ понять, что судъ тотчасъ бы различилъ степень его виновности, а стало-быть могъ и разсчитать что если его и накажутъ, то несравненно ничтожнѣе чѣмъ того, главнаго убійцу, желающаго все свалить на него. Но тогда стало-быть ужъ по неволѣ сдѣлалъ бы признаніе. Этого мы однакоже не видали. Смердяковъ и не заикнулся о сообщничествѣ, несмотря на то что убійца твердо обвинялъ его и все время указывалъ на него, какъ на убійцу единственнаго. Мало того: Смердяковъ же и открылъ сѣдствію что о пакетѣ съ деньгами и о знакахъ сообщилъ подсудимому *онъ самъ*, и что безъ него тотъ и не узналъ бы ничего. Еслибъ онъ былъ дѣйствительно въ сообщничествѣ и виновенъ, сообщилъ ли бы онъ такъ легко объ этомъ сѣдствію, т.-е. что это все онъ самъ сообщилъ подсудимому? Напротивъ, сталъ бы заператься и ужъ непременно искажать факты и уменьшать ихъ. Но онъ не искажалъ и не уменьшалъ. Такъ можетъ дѣлать только невинный, не боящійся что его обвинять въ сообщничествѣ. И вотъ онъ, въ припадкѣ болѣзненной меланхоліи отъ своей паучей и отъ всей этой разразившейся катастрофы, вчера повѣсилъ. Повѣсившись, оставилъ записку, писанную своеобразнымъ слогомъ: „Истребляю себя своею волей и охотой чтобы никого не винить.“ Ну чтобъ ему прибавить въ запискѣ: убійца я, а не Карамазовъ. Но этого онъ не прибавилъ: на одно совѣсти хватило, а на другое нѣтъ?

„И что же: давеча сюда, въ судъ, приносятъ деньги, три тысячи рублей,—тѣ самыя дескать которыя лежали вотъ въ этомъ самомъ пакетѣ, что на столѣ съ вещественными доказательствами, получилъ дескать вчера отъ Смердякова.“ Но вы, господа присяжные засѣдатели, сами ломните груст-

вую давешнюю картину. Я не возобновляю подробностей, однакоже позволю себѣ сдѣлать лишь два-три соображенія, выбирая изъ самыхъ незначительнѣйшихъ,—именно потому что онѣ незначительны, а стало-быть не всякому придуть въ голову и забудутся. Во первыхъ, и опять-таки: отъ угрызенія совѣсти Смердяковъ вчера отдалъ деньги и самъ повѣсилъ. (Ибо безъ угрызеній совѣсти онъ бы денегъ не отдалъ.) И ужь конечно только вчера вечеромъ въ первый разъ признался Ивану Карамазову въ своемъ преступленіи, какъ объявилъ и самъ Иванъ Карамазовъ, иначе зачѣмъ бы онъ молчалъ до сихъ поръ? И такъ, онъ признался, почему же, опять повторю это, въ предсмертной запискѣ не объявилъ намъ всей правды, зная что завтра же для безвиннаго подсудимаго страшный судъ? Однѣ деньги вѣдь не доказательство. Мнѣ, напримѣръ, и еще двумъ лицамъ въ этой залѣ совершенно случайно сталъ извѣстемъ, еще недѣлю назадъ, одинъ фактъ, именно что Иванъ Федоровичъ Карамазовъ посылалъ въ губернскій городъ для размѣна два пятипроцентные билета по пяти тысячъ каждый, всего стало быть на десять тысячъ. Я только къ тому что деньги у всѣхъ могутъ случиться къ данному сроку и что, принеся три тысячи, нельзя доказать непременно что это вотъ тѣ самыя деньги, вотъ именно изъ того самаго ящика или пакета. Наконецъ, Иванъ Карамазовъ, получивъ вчера такое важное сообщеніе отъ настоящаго убійцы, пребываетъ въ локоѣ. Но почему бы ему не заявить объ этомъ тотчасъ же? Почему онъ отложилъ все до утра? Полагаю что имѣю право догадываться почему: уже недѣлю какъ разстроенный въ своемъ здоровьѣ, самъ признававшійся доктору и близкимъ своимъ что видитъ видѣнія, что встрѣчаетъ уже умершихъ людей; накануне бѣлой горячки, которая сегодня именно и поразила его, онъ, внезапно узнавъ о кончинѣ Смердякова, вдругъ составляетъ себѣ слѣдующее разсужденіе: „Человѣкъ мертвъ, на него сказать можно, а брата спасу. Деньги же есть у меня: возьму пачку и скажу что Смердяковъ предъ смертью мнѣ отдалъ.“ Вы скажете, это нечестно, хоть на мертваго, но нечестно же лгать, даже и для спасенія брата? Такъ, ну а что если онъ солгалъ безсознательно, если онъ самъ вообразилъ что такъ и было, именно окончательно пораженный въ разсудкѣ своемъ извѣстіемъ объ этой внезапной смерти лакея? Вы вѣдь видѣли давешнюю сцену, видѣли въ какомъ поло-

женіи былъ этотъ человекъ. Онъ стоялъ на ногахъ и говорилъ, но гдѣ былъ умъ его? За давешнимъ показаніемъ горячешаго послѣдовалъ документъ, письмо подсудимаго къ гжѣ Верховцевой, писанное имъ за два дня до совершенія преступленія, съ подробною программой преступленія влередръ. Ну такъ чего же мы ищемъ программу и ея составителей? Точь въ точь по этой программѣ и совершилось, и совершилось ни кѣмъ другимъ, какъ ея составителемъ. Да, господа присяжные засѣдатели, „совершилось какъ по писаному!“ И вовсе, вовсе мы не бѣжали почтительно и бояливо отъ отцова окошка, да еще въ твердой увѣренности что у того телерь наша возлюбленная. Нѣтъ, это мелкло и неправдоподобно. Онъ вошелъ и—покончилъ дѣло. Вѣроятно онъ убилъ въ раздраженіи, разгорѣвшись злобой, только что взглянулъ на своего ненавистника и солерника, но убивъ, что сдѣлалъ можетъ-быть однимъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, вооруженной мѣднымъ лестомъ и убѣдившись затѣмъ уже послѣ подробнаго обыска что ея тутъ нѣтъ, онъ однакоже не забылъ засунуть руку подъ подушку и достать конвертъ съ деньгами, разорванная обложка котораго лежитъ телерь здѣсь на столѣ съ вещественными доказательствами. Я говорю къ тому чтобы вы замѣтили одно обстоятельство, по моему прехарактерное. Будь это опытный убійца и именно убійца съ цѣлью одного грабежа,—ну оставилъ ли бы онъ обложку конверта на полу, въ томъ видѣ какъ нашли ее подлѣ трупа? Ну будь это, налримѣръ, Смердяковъ, убивающій для грабежа,—да онъ бы просто увесъ весь пакетъ съ собой, вовсе не трудясь распечатывать надъ трупомъ жертвы своей; такъ какъ зналъ навѣрно что въ пакетѣ есть деньги,—вѣдь при немъ же ихъ вкладывали и запечатывали,—а вѣдь увеси онъ пакетъ совсѣмъ и тогда становится неизвѣстнымъ существовало ли ограбленіе? Я васъ спрашиваю, господа присяжные, поступилъ ли бы такъ Смердяковъ, оставилъ ли бы онъ конвертъ на полу? Нѣтъ, именно такъ долженъ былъ поступить убійца изступленный, уже плохо разсуждающій, убійца не воръ и никогда ничего до тѣхъ поръ не укравшій, да и телерь-то вырвавшій изъ-подъ постела деньги не какъ воръ укравшій, а какъ свою же вещь у вора укравшаго увесшій,—ибо таковы именно были идеи Дмитрія Карамазова объ этихъ трехъ тысячахъ, дошедшія въ немъ до мавіи. И вотъ, захвативъ пакетъ, котораго

онъ прежде никогда не видалъ, онъ и рветъ обложку чтобъ удостовѣриться, есть-ли деньги, затѣмъ бѣжитъ съ деньгами въ карманъ, даже и подумать забываетъ что оставляетъ на полу колоссальнѣйшее на себя обвиненіе въ видѣ разорванной обложки. Все потому что Карамазовъ, а не Смердяковъ, не подумалъ, не сообразилъ, да и гдѣ ему! Онъ убѣгаетъ, онъ слышитъ вопль наступающаго его слуги, слуга хватается его, останавливаетъ и лагаетъ, пораженный мѣднымъ лестомъ. Подсудимый соскакиваетъ къ нему внизъ изъ жалости. Представьте, онъ вдругъ увѣряетъ насъ что онъ соскочилъ тогда къ нему внизъ изъ жалости, изъ состраданія чтобы посмотрѣть не можетъ-ли ему чѣмъ помочь. Ну такъ-ли эта минута чтобы выказать подобное состраданіе? Нѣтъ, онъ соскочилъ именно для того чтобъ убѣдиться: живъ ли единственный свидѣтель его злодѣанія? Всякое другое чувство, всякій другой мотивъ были бы неестественны! Замѣтьте, онъ надъ Григоріемъ трудится, обтираетъ ему платкомъ голову и, убѣдаясь что онъ мертвъ, какъ потерянный, весь въ крови, прибѣгаетъ опять туда, въ домъ своей возлюбленной—какже не подумалъ онъ что онъ весь въ крови и что его тотчасъ изобличатъ? Но подсудимый самъ увѣряетъ насъ что онъ даже и вниманія не обратилъ что весь въ крови; это допустить можно, это очень возможно, это всегда бываетъ въ такія минуты съ преступниками. На одно—адскій расчетъ, а на другое не хватаетъ соображенія. Но онъ думалъ въ ту минуту лишь о томъ гдѣ она. Ему надо было поскорѣе узнать гдѣ она, и вотъ онъ прибѣгаетъ въ ея квартиру и узнаетъ неожиданное и колоссальнѣйшее для себя извѣстіе: она уѣхала въ Мокрое со своимъ „прежнимъ“, „безспорнымъ!“

IX.

Психологія на всѣхъ парахъ. Скачущая тройка. Финалъ рѣчи прокурора.

Дойдя до этого момента въ своей рѣчи Ипполитъ Кирилловичъ, очевидно избравшій строго историческій методъ изложенія, къ которому очень любятъ прибѣгать всѣ нервныя ораторы, ищущіе нарочно строго поставленныхъ рамокъ чтобы сдерживать собственное ветерпѣливое увлеченіе, — Ипполитъ

Кирилловичъ особенно распространился о „прежнемъ“ и „безспорномъ“ и высказалъ на эту тему нѣсколько въ своемъ родѣ замѣчательныхъ мыслей. Карамазовъ, ревновавшій ко всѣмъ до бѣшенства, вдругъ и разомъ какъ бы падаеть и исчезаетъ передъ „прежнимъ“ и „безспорнымъ“. И тѣмъ болѣе это странно что прежде онъ совѣтъ почти и не обращалъ вниманія на эту новую для себя опасность, грядущую въ лицѣ неожиданнаго для него соперника. Но онъ все представлялъ себѣ что это еще такъ далеко, а Карамазовъ всегда живетъ лишь настоящею минутой. Впрочемъ онъ считалъ его даже фикціей. Но мигомъ появивъ большимъ сердцемъ своимъ что можетъ-быть потому-то эта женщина и скрывала этого новаго соперника, потому-то и обманывала его давеча что тотъ вновь прилетѣвшій соперникъ былъ слишкомъ для нея не фантазійей и не фикціей, а составлялъ для нея все, все ея упованіе въ жизни,—мигомъ появивъ это, онъ смирился. Что же, господа присяжные, я не могу обойти умолчаніемъ эту внезапную черту въ душѣ подсудимаго, который бы, казалось, ни за что не способенъ былъ проявить ее, высказалась вдругъ неумолимая потребность правды, уваженія къ женщинѣ, признанія правъ ея сердца, и когда же — въ тотъ моментъ, когда изъ за нея же онъ обогрѣлъ свои руки кровью отца своего! Правда и то что и пролитая кровь уже закричала въ эту минуту объ отмщеніи, ибо онъ, погубившій душу свою и всю земную судьбу свою, онъ невольно долженъ былъ почувствовать и спросить себя въ то мгновеніе: „Что значить онъ и что можетъ онъ значить *теперь* для нея, для этого любимаго имъ больше души своей существа, въ сравненіи съ этимъ „прежнимъ“ и „безспорнымъ“, покаившимся и воротившимся къ этой, когда-то погубленной имъ женщинѣ, съ новой любовью, съ предложеніями честными, съ обѣтомъ возрожденной и уже счастливой жизни. А онъ, несчастный, что дастъ онъ ей *теперь*, что ей предложить? Карамазовъ все это понималъ, понималъ что преступленіе его заперло ему всѣ дороги и что онъ лишь приговоренный къ казни преступникъ, а не человекъ которому жить! Эта мысль его раздавила и уничтожила. И вотъ онъ мгновенно останавливается на одномъ изступленномъ плачѣ, который, при характерѣ Карамазова, не могъ не представиться ему какъ единственнымъ и фатальнымъ исходомъ изъ страшнаго его положенія. Этотъ исходъ — самоубійство. Онъ бѣжитъ за своими заложенными чинавнику Перхотину

листолетами и въ то же время дорогой, на бѣгу, выхватываетъ изъ кармана всѣ свои деньги, изъ-за которыхъ только что забрызгалъ руки свои отцовскою кровью. О! деньги теперь ему нужныѣ всего: умираетъ Карамазовъ, застрѣливается Карамазовъ и это будутъ помнить! Не даромъ же мы поэтъ, не даромъ же мы прожигали нашу жизнь какъ свѣчку съ обоихъ концовъ. „Къ ней, къ ней,—и тамъ о! тамъ я задаю лиръ на весь мѣръ, такой, какого еще не бывало, чтобы помнили и долго разказывали. Среди дикихъ криковъ, безумныхъ цыганскихъ лѣсець и плясокъ, мы подыжемъ заздравный бокаль и поздравимъ обожаемую женщину съ ея новымъ счастьемъ, а затѣмъ—тутъ же, у ногъ ея, разможмъ передъ нею нашъ черель и казнимъ нашу жизнь? Вспомнить когда-нибудь Митю Карамазова, увидить какъ любилъ ее Митя, пожалѣеть Митю!“ Много картинности, романческаго изступленія, дикаго Карамазовскаго безудержу и чувствительности,—ну и еще чего-то другаго, господа присяжные, чего-то что кричить въ душѣ, стучить въ умѣ неустанно и отравляетъ его сердце до смерти,—это *что-то*—это совѣсть, господа присяжные, это судъ ея, это страшныя ея угрызения! Но листолеетъ все помирить, листолеетъ единственный выходъ и нѣтъ другаго, а тамъ—я не знаю, думалъ ли въ ту минуту Карамазовъ „*что будетъ тамъ*“, и можетъ ли Карамазовъ по-Гамлетовски думать о томъ что тамъ будетъ? Нѣтъ, господа присяжные, у тѣхъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!“

Тутъ Иллолцъ Кирилловичъ развернулъ подробнѣйшую картину сборовъ Мити, сцену у Перхотина, въ лавкѣ, съ ямщиками. Онъ привелъ массу словъ, изреченій, жестовъ, все подтвержденныхъ свидѣтелями,—и картина страшно повлияла на убѣжденіе слушателей. Главное повлияла совокулность фактовъ. Винодность этого изступленно-мятущагоси и уже не берегущаго себя челоуѣка выставилась неотразимо. Нечего уже ему было беречь себя, говорилъ Иллолцъ Кирилловичъ,—два-три раза онъ чуть-чуть было не сознался вполнѣ, почти намекаль и только развѣ не договаривалъ, (здѣсь слѣдовали показанія свидѣтелей). Даже ямщику въ дорогѣ крикнулъ: „Знаешь ли что ты убійцу везешь!“ Но договорить все-таки ему нельзя было: надо было поласть сперва въ село Мокрое и уже тамъ закончить лозму. Но что же однако ожидаетъ несчастнаго? Дѣло въ томъ что почти съ первыхъ же минутъ въ Мокромъ онъ видитъ и наконецъ постигаетъ

совершенно что „безспорный“ солерникъ его вовсе можетъ быть ужъ не такъ безспоренъ и что поздравленій съ новымъ счастьемъ и задравнаго бокала отъ него не хотятъ и не принимаютъ. Но вы уже знаете факты, господа присяжные, по судебному свидѣствію. Торжество Карамазова надъ солерникомъ оказалось неоспоримымъ и тутъ—о, тутъ начался совсѣмъ уже новый фазисъ въ его душѣ, и даже самый страшный фазисъ изъ всѣхъ какіе пережила и еще переживетъ когда-либо эта душа! Положительно можно признать, господа присяжные, воскликнулъ Илларионтъ Кирилловичъ, что поруганная природа и преступное сердце—сами за себя мстители полнѣе всякаго земнаго правосудія! Мало того: правосудіе и земная казнь даже облегчаютъ казнь природы, даже необходимы душѣ преступника въ эти моменты какъ спасеніе ея отъ отчаянія, ибо я и представить себѣ не могу того ужаса и тѣхъ нравственныхъ страданій Карамазова когда онъ узналъ что она его любитъ, что для него отвергаетъ своего прежняго и безспорнаго, что его, его, „Митю,“ зоветъ съ собою въ обновленную жизнь, общается ему счастье, и это когда же? Когда уже все для него локовчено и когда уже ничего невозможно! Кстати свидѣлаю вскользь одну весьма важную для насъ замѣтку для поясненія настоящей сущности тогдашняго положенія подсудимаго: эта женщина, эта любовь его до самой этой послѣдней минуты, до самаго даже мига ареста, пребывала для него существомъ недоступнымъ, страстно желаемымъ, но недостижимымъ. Но почему, почему онъ не застрѣлился тогда же, почему оставилъ принятое намѣреніе и даже забылъ гдѣ лежитъ его пистолеть? А вотъ именно эта страстная жажда любви и надежда ея тогда же, тутъ же утолить и удержали его. Въ чадѣ лира онъ приковался къ своей возлюбленной, тоже вмѣстѣ съ нимъ лирующей, прелестной и обольстительной для него болѣе чѣмъ когда-либо,—онъ не отходитъ отъ нея, любитъ ея, исчезаетъ предъ нею. Эта страстная жажда даже могла на мигъ подавить не только страхъ ареста, но и самыя угрызенія совѣсти. На мигъ, о! только на мигъ. Я представляю себѣ тогдашнее состояніе души преступника въ безспорномъ рабскомъ подчиненіи тремъ элементамъ, подавившимъ ее совершенно: вопервыхъ, пьяное состояніе, чадъ и гамъ, топотъ пляски, визгъ пѣсень, и она, она, раскраснѣвшаяся отъ вина, лоющая и пляшущая, пьяная и смѣющаяся ему! Вотъ вторыхъ, ободряющая отдаленная мечта о

томъ что роковая развязка еще далеко, по крайней мѣрѣ не близко,—развѣ на другой только день, лишь на утро, придутъ и возьмутъ его. Стало, было вѣсколько часовъ, это много, ужасно много! Въ вѣсколько часовъ можно много придумать. Я представляю себѣ что съ нимъ было вѣчто похожее на то когда преступника везутъ на смертную казнь, на висѣлицу: еще надо проѣхать длинную-длинную улицу, да еще шагомъ, мимо тысячъ народа, затѣмъ будетъ поворотъ въ другую улицу и въ концѣ только этой другой улицы страшная площадь! Мнѣ именно кажется что въ началѣ шествія осужденный, сидя на позорной своей колесницѣ, долженъ именно чувствовать что предъ нимъ еще безконечная жизнь. Но вотъ однакоже уходятъ дома, колесница все подвигается,—о, это ничего, до поворота во вторую улицу еще такъ далеко, и вотъ онъ все еще бодро смотритъ направо и налево и на эти тысячи безучастно любопытныхъ людей, приковавшихся къ нему взглядами, и ему все еще мерещится что онъ такой же, какъ и они, человекъ. Но вотъ уже и поворотъ въ другую улицу, о! это ничего, ничего, еще цѣлая улица. И сколько бы ни уходило домовъ, онъ все будетъ думать: „Еще осталось много домовъ“. И такъ до самаго конца, до самой площади. Такъ, представляю себѣ, было тогда и съ Карамазовымъ. „Еще тамъ не услѣли, думаетъ онъ, еще можно что-нибудь подыскать, о, еще будетъ время сочинить плакъ защиты, сообразить отпоръ, а теперь, теперь, — теперь она такъ прелестна!“ Смутно и страшно въ душѣ его, но онъ услѣваетъ однакоже отложить отъ своихъ денегъ половину и гдѣ-то ихъ спрятать,—иначе я не могу объяснить себѣ куда могла исчезнуть цѣлая половина этихъ трехъ тысячъ, только что взятыхъ имъ у отца изъ-подъ подушки. Онъ въ Мокромъ уже не разъ, онъ тамъ уже кутилъ двое сутокъ. Этотъ старый, большой деревянный домъ ему извѣстенъ, со всѣми сараями, галлереями. Я именно предполагаю что часть денегъ скрылась тогда же, и именно въ этомъ домѣ, не задолго предъ арестомъ, въ какую-нибудь щель, въ ращелину, подъ какую-нибудь половицу, гдѣ-нибудь въ углу, подъ кровлей—для чего? Какъ для чего? Катастрофа можетъ совершиться сейчасъ, конечно мы еще не обдумали какъ ее встрѣтить, да и некогда намъ, да и стучить у насъ въ головѣ, да и къ ней-то тянетъ, ну а деньги,—деньги во всякомъ положеніи необходимы! Человекъ съ деньгами вездѣ человекъ. Можетъ-быть

такая разчетливость въ такую минуту вамъ покажется естественною? Но вѣдь увѣряетъ же онъ самъ что еще за мѣсяць предъ тѣмъ, въ одинъ тоже самый тревожный и роковой для него моментъ, онъ отдѣлилъ отъ трехъ тысячъ половину и зашилъ себѣ въ ладонку, и если конечно это не правда, что и докажемъ сейчасъ, то все же эта идея Карамазову знакома, онъ ее созерцалъ. Мало того, когда онъ увѣрялъ потомъ слѣдователя что отдѣлилъ полторы тысячи въ ладонку (которой никогда не бывало), то можетъ-быть и выдумалъ эту ладонку, тутъ же мгновенно, именно потому что два часа предъ тѣмъ отдѣлилъ половину денегъ и спряталъ куда-нибудь тамъ въ Мокромъ, на всякій случай, до утра, только чтобы не хранить на себѣ, но внезапно представившемуся вдохновенію. Двѣ бездны, господа присяжные, вспомните что Карамазовъ можетъ созерцать двѣ бездны и обѣ разомъ! Въ томъ домѣ мы искали, но не нашли. Можетъ эти деньги и теперь еще тамъ, а можетъ и на другой день исчезли, и теперь у подсудимаго. Во всякомъ случаѣ арестовали его подлѣ нея, передъ ней на колѣняхъ, она лежала на кровати, онъ простиралъ къ ней руки и до того забылъ все въ ту минуту что не слышалъ и приближенія арестующихъ. Онъ ничего еще не успѣлъ приготовить въ умѣ своемъ для отпора. И онъ, и умъ его были взяты въ распахъ.

„И вотъ онъ предъ своими судьями, предъ рѣшителями судьбы своей. Господа присяжные засѣдатели, бываютъ моменты когда, при нашей обязанности, намъ самимъ становится почти страшно предъ человѣкомъ, страшно и за человѣка! Это минуты созерцанія того животнаго ужаса когда преступникъ уже видитъ что все пропало, но все еще борется, все еще намѣренъ бороться съ вами. Это минуты когда всѣ инстинкты самосохраненія возстаютъ въ немъ разомъ, и онъ, слабая себя, глядитъ на васъ пронизывающимъ взглядомъ, вопрошающимъ и страдающимъ, ловитъ и изучаетъ васъ, ваше лицо, ваши мысли, ждетъ съ котораго боку вы ударите, и создаетъ мгновенно въ сотрясающемся умѣ своемъ тысячи плановъ, но все-таки боится говорить, боится проговориться! Эти унизительные моменты души человѣческой, это хожденіе ея по мытарствамъ, эта животная жажда самосохраненія—ужасы и вызываютъ иногда содраганіе и состраданіе къ преступнику даже въ слѣдователь! И вотъ мы этому всему были тогда свидѣтелями. Сначала онъ былъ оше-

т. сѣлх.

ломаясь, и въ ужасѣ у него вырвалось нѣсколько словъ, его сильно компрометирующихъ: „Кровь! Заслужилъ!“ Но онъ быстро сдержалъ себя. Чтò сказать, какъ отвѣтить, — все это пока еще у него не готово, но готово лишь одно голословное отрицаніе: „Въ смерти отца не виновемъ!“ Вотъ пока нашъ заборъ, а тамъ, за заборомъ, мы можетъ-быть еще чтò и устроимъ, какую-нибудь баррикаду. Компрометирующія первыя восклицанія свои онъ слышитъ, предупреждая вопросы наши, объяснить тѣмъ что считаетъ себя виновнымъ лишь въ смерти слуги Григорія. „Въ этой крови виновенъ, но кто же убилъ отца, господа, кто убилъ? Кто же могъ убить его *если не я*!“ Слышите это: спрашиваетъ онъ насъ же, насъ же, пришедшихъ къ нему самому съ этимъ самымъ вопросомъ! Слышите вы это забѣгающее впередъ словечко: „если не я“, эту животную хитрость, эту наивность и эту карамазовскую нетерпѣливость? Не я убилъ и думать не могли что я: „Хотѣлъ убить, господа, хотѣлъ убить“, призывается онъ поскорѣе (слышитъ, о, слышитъ ужасно!), „но все же не повиненъ, не я убилъ!“ Онъ уступаетъ намъ что хотѣлъ убить: видите дескать сами какъ я искрененъ, ну такъ тѣмъ скорѣе повѣрьте что не я убилъ. О, въ этихъ случаяхъ преступникъ становится иногда неизмовѣрно легкомысленъ и легковѣренъ. И вотъ тутъ, совсѣмъ какъ бы печально, слѣдствіе вдругъ задало ему самый простодушный вопросъ: „Да не Смердяковъ ли убилъ?“ Такъ и случилось чего мы ожидали: Онъ страшно разсердился за то что предупредили его и поймали върасплохъ, когда онъ еще не успѣлъ приготовить, выбрать и ухватить тотъ моментъ когда вывести Смердякова будетъ всего вѣроятнѣе. По натурѣ своей онъ тотчасъ же бросился въ крайность и самъ началъ насъ изо всѣхъ силъ увѣрять что Смердяковъ не могъ убить, не способенъ убить. Но не вѣрьте ему, это лишь его хитрости: онъ вовсе, вовсе еще не отказывается отъ Смердякова, напротивъ, онъ еще его выставитъ, потому что кого же ему выставитъ какъ не его, но онъ сдѣлаетъ это въ другую минуту, потому что теперь это дѣло пока испорчено. Онъ выставитъ его только можетъ-быть завтра или даже черезъ нѣсколько дней, приискавъ моментъ, въ который самъ же крикнетъ намъ: „Видите, я самъ отрицалъ Смердякова больше чѣмъ вы, вы сами это помните, но теперь и я убѣдился: это онъ убилъ, и какже не онъ!“ А пока онъ владаетъ съ нами въ мрачное и

и раздражительное отрицаніе, вѣтерлівнѣе и гнѣвъ подсказывають ему однако самое не умѣлое и неправдоподобное объясненіе о томъ какъ онъ глядѣлъ отцу въ окно и какъ онъ почтительно отошелъ отъ окна. Главное, онъ еще не знаетъ обстоятельство, степени показаній очнувагося Григорія. Мы приступаемъ къ осмотру и обыску. Осмотръ гнѣвитъ его, но и ободрять: всѣхъ трехъ тысячъ не разыскали, разысканы только полторы. И ужь конечно лишь въ этотъ моментъ гнѣвливаго молчанія и отрицанія вскакиваетъ ему въ голову въ первый разъ въ жизни идея объ ладонкѣ. Безъ сомнѣнія онъ чувствуетъ сайтъ всю невѣроятность выдумки и мучится, страшно мучится, какъ бы сдѣлать ее вѣроятнѣе, такъ сочинить чтобъ ужь вышелъ цѣлый правдоподобный романъ. Въ этихъ случаяхъ самое первое дѣло, самая главная задача слѣдствія — не дать приготовиться, накрыть неожиданно, чтобы преступникъ высказалъ завѣтныя идеи свои во всемъ выдающемъ ихъ простодушіи, неправдоподобности и противорѣчій. Заставить же говорить преступника можно лишь внезапно и какъ бы нечаяннымъ сообщеніемъ ему какого-нибудь новаго факта, какого-нибудь обстоятельства дѣла, которое по значенію своему колоссально, но котораго онъ до сихъ поръ ни за что не предполагалъ и никакъ не могъ усмотрѣть. Этотъ фактъ былъ у насъ наготовѣ, о уже давно наготовѣ: это показаніе очнувагося слуги Григорія объ отворенной двери, изъ которой выбѣжалъ подсудимый. Про эту дверь онъ совсѣмъ забылъ, а что Григорій могъ ее видѣть и не предполагалъ. Эффектъ вышелъ колоссальный. Онъ вскоцилъ и вдругъ закричалъ намъ: „Это Смердяковъ убилъ, Смердяковъ!“ и вотъ выдалъ свою завѣтную, свою основную мысль, въ самой неправдоподобной формѣ ея, ибо Смердяковъ могъ убить лишь послѣ того какъ онъ повергъ Григорія и убѣжалъ. Когда же мы ему сообщили что Григорій видѣлъ отпертую дверь раньше своего паденія, а выходя изъ своей спальни, слышалъ стонущаго за перегородкой Смердякова — Карамазовъ былъ во истину раздавленъ. Сотрудникъ мой, нашъ почтенный и остроумный Николай Парѣновичъ, передавалъ мнѣ потомъ что въ это мгновеніе ему стало его жалко до слезъ. И вотъ въ это-то мгновеніе, чтобъ поправить дѣло, онъ и слѣшитъ намъ сообщить объ этой пресловутой ладонкѣ: такъ и быть дескать, услышите эту повѣсть! Господа присяжные, я уже выразилъ вамъ мои мысли, почему считаю всю эту выдумку объ зашитыхъ

за мѣсяць передъ тѣмъ деньгахъ въ ладонку не только не дѣлалъ, но и самымъ неправдоподобнымъ измышлениемъ, которое только можно было приискать въ данномъ случаѣ. Еслибъ даже искать на пари: что можно сказать и представить неправдоподобнѣе,—то и тогда нельзя бы было выдумать хуже этого. Тутъ главное можно осадить и въ прахъ разбить торжествующаго романиста подробностями, тѣми самыми подробностями которыми всегда такъ богата дѣйствительность и которая всегда, какъ совершенно будто бы незначащая и не нужная мелочь, пренебрегаются этими несчастными и невольными сочинителями и даже никогда не приходятъ имъ въ голову. О, имъ въ ту минуту не до того, ихъ умъ создаетъ лишь грандіозное цѣлое,—и вотъ смѣютъ имъ предлагать такую мелочь! Но на этомъ-то ихъ и ловятъ! Задаютъ подсудимому вопросъ: Ну, а гдѣ вы изволили взять матеріалъ для вашей ладонки, кто вамъ спилъ ее?—Самъ зашилъ.—А ладонку гдѣ изволили взять? Подсудимый уже обижается, онъ считаетъ это почти обидною для себя мелочью, и, вѣрите ли искренно, искренно! Но таковы всѣ они. Я отъ рубашки моей оторвалъ.—Прекрасно-съ. Стало быть въ вашемъ бѣльѣ мы завтра же отыщемъ эту рубашку съ вырваннымъ изъ нея клочкомъ. И сообразите, господа присяжные, вѣдь еслибы только мы нашли въ самомъ дѣлѣ эту рубашку (а какъ бы ее не найти въ его чемоданѣ или комодѣ еслибы такая рубашка въ самомъ дѣлѣ существовала),—то вѣдь это ужъ фактъ, фактъ осязательный въ пользу справедливости его показаній! Но этого онъ не можетъ сообразить.—Я не помню, можетъ ли отъ рубашки, я въ хозяйкинѣ челчикъ зашилъ.—Въ какой такой челчикъ?—Я у ней взялъ, у нея валялся, старая коленкоровая дрянь.—И вы это твердо помните?—Нѣтъ, твердо не помню.... И сердится, сердится, а между тѣмъ представьте: какъ бы это не помнить? Въ самыя страшныя минуты человѣческія, ну на казнь везутъ, вотъ именно эти-то мелочи и заломиваются. Онъ обо всемъ забудетъ, а какую-нибудь зеленую кровлю мелькнувшую ему по дорогѣ, или гапку на крестѣ—вотъ это онъ заломвить. Вѣдь онъ зашивая ладонку свою прятался отъ домашнихъ, онъ долженъ былъ помнить какъ униженно страдалъ онъ отъ страху съ иглой въ рукахъ, чтобы къ нему не вошли и его не накрыли; какъ при первомъ стукѣ вскакивалъ и бѣжалъ за перегородку (въ его квартирѣ есть перегородка)... Но, господа присяжные,

для чего я вамъ это все сообщаю, всѣ эти подробности, мелочи! воскликнулъ вдругъ Ипполитъ Кирилловичъ. А вотъ именно потому что подсудимый стоитъ упорно на всей этой неапплици до самой сей минуты! Во всѣ эти два мѣсяца, съ той самой роковой для него ночи, онъ ничего не разъяснилъ, ни одного объяснительнаго реальнаго обстоятельства къ прежнимъ фантастическимъ показаніямъ своимъ не прибавилъ; все это, дескать, мелочи, а вы вѣрите на честь! О, мы рады вѣрить, мы жаждемъ вѣрить, хотя бы даже на честь! Что же мы, шакалы жаждущіе крови человѣческой? Дайте, укажите намъ хоть одинъ фактъ въ пользу подсудимаго и мы обрадуемся,—но фактъ осязательный, реальный, а не заключеніе по выраженію лица подсудимаго роднымъ его братомъ, или указаніе на то что онъ, бѣя себя въ грудь, непремѣнно долженъ былъ на ладонку указывать, да еще въ темнотѣ. Мы обрадуемся новому факту, мы первые откажемся отъ нашего обвиненія, мы послѣшимъ отказаться. Теперь же вопіетъ справедливость, и мы настаиваемъ, мы ни отъ чего отказаться не можемъ.“ Ипполитъ Кирилловичъ перешелъ тутъ къ финалу. Онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, онъ воліялъ за пролитую кровь, за кровь отца убитаго сыномъ „съ низкою цѣлью ограбленія“. Онъ твердо указывалъ на трагическую и волюющую совокулность фактовъ. „И что бы вы ни услышали отъ знаменитаго своимъ талантомъ защитника подсудимаго (не удержался Ипполитъ Кирилловичъ), какія бы ни раздались здѣсь красворѣчивыя и трогательныя слова, бьющія въ вашу чувствительность,—все же вспомните что въ эту минуту вы въ святилищѣ нашего правосудія. Вспомните что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей Россіи, ея основъ, ея семьи, ея всего святаго! Да, вы здѣсь представляете Россію въ данный моментъ, и не въ одной только этой залѣ раздастся вашъ приговоръ, а на всю Россію, и вся Россія выслушаетъ васъ какъ защитниковъ и судей своихъ и будетъ ободрена или удручена приговоромъ вашимъ. Не мучьте же Россію и ея ожиданія, роковая тройка наша несется стремглавъ и можетъ къ гибели. И давно уже въ цѣлой Россіи простираютъ руки и взываютъ остановить бѣшеную, безлардонную скачку. И если сторонятся пока еще другіе народы отъ скачущей сломя голову тройки, то можетъ-быть вовсе не отъ лютости къ ней, какъ хотѣлось посту, а просто отъ ужаса—это замѣтьте.

Отъ ужаса, а можетъ и отъ омерзения къ ней, да и то еще хорошо что сторонятся, а пожалуй возьмутъ да и перестанутъ сторониться и станутъ твердо стѣной передъ стремящимся видѣниемъ и сами оставяютъ сумашедшую скачку нашей разнуздавности, въ видахъ спасенія себя, просвѣщенія и цивилизаціи! Эти тревожные голоса изъ Европы мы уже слышали. Они раздаваться уже начинаютъ. Не соблазняйте же ихъ, не колите ихъ все нарастающей ненависти приговоромъ оправдывающимъ убійство отца роднымъ сыномъ!...“

Однимъ словомъ, Ипполитъ Кирилловичъ хоть и очень увлекся, но кончилъ таки латентически—и дѣйствительно впечатлѣніе произведенное имъ было чрезвычайное. Самъ онъ, окончивъ рѣчь свою, послѣшно вышелъ и, повторяю, почти упалъ въ другой комнатѣ въ обморокъ. Зала не аллюдировала, но серіозные люди были довольны. Не такъ довольны были только однѣ дамы, но все же и имъ понравилось краснорѣчіе, тѣмъ болѣе что за послѣдствія онѣ совсѣмъ не боялись и ждали всего отъ Оетюковича; „наконецъ-то онъ заговорить и ужь конечно всѣхъ побѣдитъ!“ Всѣ поглядывали на Матю; всю рѣчь прокурора онъ просидѣлъ молча, сжавъ руки, стиснувъ зубы, лопулившись. Изрѣдка только подымалъ голову и прислушивался. Особенно когда заговорили о Грушенькѣ. Когда прокуроръ передавалъ о ней мѣстніе Ракутина, въ лицѣ его выразилась презрительная и злобная улыбка и онъ довольно слышно проговорилъ: „Бѣрнаръ!“ Когда же Ипполитъ Кирилловичъ сообщалъ о томъ какъ онъ допрашивалъ и мучилъ его въ Мокромъ, Митя поднималъ голову и прислушивался со страшнымъ любопытствомъ. Въ одномъ мѣстѣ рѣчи какъ будто хотѣлъ даже вскочить и что-то крикнуть, но однако осилилъ себя и только презрительно вскинулъ плечами. Про этотъ фиваль рѣчи, именно про лодвиги прокурора въ Мокромъ, при допросѣ преступника, потомъ у насъ въ обществѣ говорили и надъ Ипполитомъ Кирилловичемъ подсмѣивались: „Не утерпѣлъ дескать человекъ чтобы не похвастаться своими способностями.“ Засѣданіе было прервано, но на очень короткій срокъ, на четверть часа, много на двадцать минутъ. Въ публикѣ раздавались разговоры и восклицанія. Я цыма запомнилъ:

— Серіозная рѣчь! нахмуренно замѣтилъ господинъ въ одной группѣ.

— Психологiи навертѣлъ ужь много, раздался другой голосъ.

— Да, вѣдь все правда, неотразимая истина!

— Да, это онъ мастеръ.

— Итогъ подвелъ.

— И намъ, и намъ тоже итогъ подвелъ, присоединился третiй голосъ,—въ началѣ-то рѣчи, помните, что всѣ такіе же какъ Федоръ Павловичъ?

— И въ концѣ тоже. Только онъ это совралъ.

— Да и неясности были.

— Увлекся маленько.

— Несправедливо, несправедливо-съ.

— Ну вѣтъ, все-таки ловко. Долго ждалъ человекъ, а вотъ и сказалъ, хе-хе!

— Чтò-то защитникъ скажетъ?

Въ другой группѣ:

— А петербургскаго-то онъ наявно сейчасъ задѣлъ: „бi-ющихъ-то на чувствительность“ помните?

— Да, это онъ неловко.

— Послѣшилъ.

— Первый человекъ-съ.

— Вотъ мы смѣемся, а каково подсудимому?

— Да-съ, Митенькѣ-то каково?

— А вотъ что-то защитникъ скажетъ?

Въ третьей группѣ:

— Это какая такая дама, съ лорнетомъ, толстая, съ краю сидитъ? . . .

— Это генеральша одна, разводка, я ее знаю.

— То-то, съ лорнетомъ.

— Шушера.

— Ну вѣтъ, ликаментенькая.

— Подлѣ нея черезъ два мѣста сидитъ блондиночка, та лучше.

— А ловко они его тогда въ Мокромъ накрыли, а?

— Ловко-то ловко. Олять разказалъ. Вѣдь онъ про это здѣсь по домамъ ужь сколько разказывалъ.

— И телерь не утерпѣлъ. Самолюбiе.

— Обиженный человекъ, хе-хе!

— И обидчивый. Да и реторики много, фразы длинныя.

— Да и лугаетъ, замѣьте, все лугаетъ. Про тройку-то помните? „Тамъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!“ Это онъ ловко.

— Это оъ либерализму подкуривалъ. Бойтсѣ!

— Да и адвоката бойтсѣ.

— Да, что-то скажетъ господинъ Оетюковичъ?

— Ну что бы ни сказаалъ, а нашихъ мужичковъ не прошибетъ.

— Вы думаете?

Въ четвертой группѣ:

— А про тройку-то вѣдь у него хорошо, это гдѣ про народы-то.

— И вѣдь правда, помнишь, гдѣ онъ говоритъ что народы не будутъ ждать.

— А что?

— Да въ Англійскомъ парламентѣ ужь одинъ членъ вставалъ на прошлой недѣлѣ, по поводу нигилистовъ, и спрашивалъ министерство: не пора ли ввязаться въ варварскую націю чтобы насъ образовать. Исполнить это про него, я знаю что про него. Онъ на прошлой недѣлѣ объ этомъ говорилъ.

— Далеко куликамъ.

— Какимъ куликамъ? Почему далеко?

— А мы запремъ Кронштадтъ, да и не дадимъ имъ хлѣба. Гдѣ они возьмутъ?

— А въ Америкѣ? Телерь въ Америкѣ.

— Врешь.

Но зазвонилъ колокольчикъ, все бросилось на мѣста. Оетюковичъ взошелъ на кафедру.

X.

Рѣчь защитника. Палка о двухъ концахъ.

Все затихло когда раздались первыя слова знаменитаго оратора. Вся зала впилась въ него глазами. Началъ онъ чрезвычайно прямо, просто и убѣжденно, но безъ малѣйшей заносчивости. Ни малѣйшей полытки на краснорѣчіе, на патетическія нотки, на звеняція чувствомъ словечки. Это былъ человѣкъ заговорившій въ интимномъ кругу сочувствующихъ людей. Голосъ у него былъ прекрасный, громкій и симпатичный, и даже въ самомъ голосѣ этомъ какъ будто слышалось уже нѣчто искреннее и простодушное. Но всѣмъ тотчасъ же стало понятно что ораторъ можетъ вдругъ подняться до истинно патетическаго, — и „ударить по сердцаамъ съ

невѣдомою силой“. Говорилъ онъ можетъ-быть неправильно Ипполита Кирилловича, но безъ длинныхъ фразъ и даже точнѣе. Одно не понравилось было дамамъ: онъ все какъ-то изгибался сливой, особенно въ началѣ рѣчи, не то что кланяясь, а какъ бы стремясь и летя къ своимъ слушателямъ, причемъ нагибался именно какъ бы половиной своей длинной сливы, какъ будто въ серединѣ этой длинной и тонкой сливы его былъ устроенъ такой шаанверъ, такъ что она могла сгибаться чуть не подъ прямымъ угломъ. Въ началѣ рѣчи говорилъ какъ-то раскидчиво, какъ будто безъ системы, схватывая факты на разбивъ, а въ концѣ-концовъ вышло дѣлое. Рѣчь его можно было бы раздѣлить на двѣ половины: первая половина—это критика, это опроверженіе обвиненія, иногда злое и саркастическое. Но во второй половинѣ рѣчи какъ бы вдругъ измѣнилъ и тонъ и даже пріемъ свой, и разомъ возвысился до патетическаго, а зала какъ будто ждала того и вся затрепетала отъ восторга. Онъ прямо подошелъ къ дѣлу и началъ съ того что хотя полрище его и въ Петербургѣ, но онъ уже не въ первый разъ посѣщаетъ города Россіи для защиты подсудимыхъ, но такихъ, въ невинности которыхъ онъ или убѣжденъ, или предчувствуетъ ее заранѣе. „То же самое произошло со мной и въ настоящемъ случаѣ, объяснилъ онъ. Даже только изъ однихъ первоначальныхъ газетныхъ корреспонденцій мнѣ уже мелькнуло нѣчто, чрезвычайно меня поразившее въ пользу подсудимаго. Однимъ словомъ, меня прежде всего заинтересовалъ нѣкоторый юридическій фактъ, хотя и часто повторяющійся въ судебной практикѣ, но никогда мнѣ кажется въ такой полнотѣ и съ такими характерными особенностями, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Фактъ этотъ надо бы мнѣ формулировать лишь въ финалѣ моей рѣчи, когда я закончу мое слово, но однако я выскажу мою мысль и въ самомъ началѣ, ибо имѣю слабость пристулатъ прямо къ предмету, не припрятывая эффектовъ и не экономизируя впечатлѣній. Это можетъ-быть съ моей стороны неразчетливо, но за то искренно. Эта мысль моя, формула моя—слѣдующая: подавляющая совокупность фактовъ противъ подсудимаго и въ то же время ни одного факта выдерживающаго критику, если разсматривать его единично, самого по себѣ! Слѣдя далѣе по слухамъ и по газетамъ я утверждался въ моей мысли все болѣе и болѣе, и вдругъ я получалъ отъ родныхъ подсудимаго приглашеніе за-

щипать его. Я тотчасъ же послѣдшилъ сюда и здѣсь уже окончательно убѣдился. Вотъ чтобы разбить эту страшную совокупность фактовъ и выставить недоказанность и фантастичность каждаго обвиняющаго факта въ отдѣльности, я и взялся защищать это дѣло.“

Такъ началъ защитникъ и вдругъ возгласилъ:

„Господа присяжные заседатели, я здѣсь человекъ свѣжій. Вся впечатлѣнія легли на меня не предвзято. Подеудимый, буйный характеромъ и разнузданный, не обидѣлъ меня предварительно, какъ со мною можетъ-быть лицъ въ этомъ городѣ, отъ чего многіе и предупреждены противъ него заранѣе. Конечно и я сознаюсь что нравственное чувство здѣшняго общества возбуждено справедливо: подеудимый буеетъ и необузданъ. Въ здѣшнемъ обществѣ его одвакоже принимали, даже въ семействѣ высокоталантливаго обвинителя онъ былъ облаканъ. (Nota bene. При этихъ словахъ въ публикѣ раздались два-три смѣшка, хотя и быстро подавленные, но всѣми замѣченныя. Въспомъ у насъ было извѣстно что прокуроръ допускалъ къ себѣ Митю противъ воли, потому единственно что его, почему-то, находила любопытнымъ прокурорша,— дама въ высшей степени добродѣтельная и почтенная, но фантастическая и своеправная и любившая въ вѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно въ мелочахъ, оппозировать своему супругу. Митя впрочемъ посѣщала ихъ домъ довольно рѣдко.) Тѣмъ не менѣе я осмѣляюсь допустить, продолжалъ защитникъ, что даже и въ такомъ независимомъ умѣ и справедливомъ характерѣ, какъ у моего оппонента, могло составить противъ моего несчастнаго кліента нѣкоторое ошибочное предубѣжденіе. О, это такъ натурально: несчастный слишкомъ заслужилъ чтобы къ нему относились даже съ предубѣжденіемъ. Оскорбленное же нравственное и еще лучше того эстетическое чувство иногда бываетъ неумолимо. Конечно въ высокоталантливой обвинительной рѣчи мы услышали всѣ строгій анализъ характера и поступковъ подсудимаго, строгое критическое отношеніе къ дѣлу, а главное выставлены были такіа психологическіа глубины для объясненія намъ сутя дѣла что провикновеніе въ эти глубины не могло бы вовсе состояться при сколько-нибудь намѣренно и злобно предубѣжденномъ отношеніи къ личности подсудимаго. Но вѣдь есть вещи которыя даже хуже, даже губельнѣе въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ самое злобное и преднамѣренное отношеніе къ

дѣлу. Именно, если насъ, напримѣръ, обуреетъ нѣкоторая, такъ сказать, художественная игра, потребность художественнаго творчества, такъ сказать, созданія романа, особенно при богатствѣ психологическихъ даровъ, которыми Богъ одѣлалъ наши способности. Еще въ Петербургѣ, еще только собираясь сюда, я былъ предвѣренъ—да и самъ зналъ безо всякаго предвѣренія что встрѣчу здѣсь оллонтономъ глубокаго и тончайшаго психолога, давно уже заслужившаго этимъ качествомъ своимъ нѣкоторую особливую славу въ нашемъ молодомъ еще юридическомъ мірѣ. Но вѣдь психологія, господа хоть и глубокая вещь, а все-таки похожа на паку о двухъ концахъ (смѣшокъ въ публикѣ). О, вы конечно простите мнѣ тривіальное сравненіе мое; я слишкомъ краснорѣчиво говорю не мастеръ. Но вотъ однакоже примѣръ— беру лервый полавнійся изъ рѣчи обвинителя. Подсудимый, ночью, въ саду, убѣгая перелезаетъ черезъ заборъ и повергаетъ мѣднымъ пестомъ въѣлвившагося въ его ногу лакея. Затѣмъ тотчасъ же соскакиваетъ обратно въ садъ и цѣлыхъ пять минутъ хлопочетъ надъ поверженнымъ, стараясь угадать: убилъ онъ его или нѣтъ? И вотъ обвинитель ни за что не хочетъ повѣрить въ справедливость показанія подсудимаго что соскочилъ онъ къ старику Григорію изъ жалости. „Нѣтъ, дескать, можетъ ли быть такая чувствительность въ такую минуту; это де вестественно, а соскочилъ онъ именно для того чтобъ убѣдиться: живъ или убитъ единственный свидѣтель его злодѣянія, а стало-быть тѣмъ и засвидѣтельствовавъ что онъ совершилъ это злодѣяніе, такъ какъ не могъ соскочить въ садъ по какому-нибудь другому поводу, влеченію или чувству.“ Вотъ психологія; но возьмемъ ту же самую психологію и приложимъ ее къ дѣлу, но только съ другаго конца, и выйдетъ совсѣмъ не менѣе правдоподобно. Убійца соскакиваетъ внизъ изъ предосторожности чтобъ убѣдиться живъ или нѣтъ свидѣтель, а между тѣмъ только что оставилъ въ кабинетѣ убитаго имъ отца своего, по свидѣтельству самого же обвинителя, колоссальную на себя улику въ видѣ разорваннаго пакета, на которомъ было написано что въ немъ лежали три тысячи“. Вѣдь увеси онъ этотъ пакетъ съ собою, то никто бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ что былъ и существовавъ пакетъ, а въ немъ деньги, и что стало-быть деньги были ограблены подсудимымъ.“ Это изреченіе самого обвинителя. Ну такъ на одно, видите ли, не

хватило предосторожности, потерялся человекъ, испугался и убѣжалъ, оставивъ на полу улику, а какъ вотъ минуты двѣ спустя ударилъ и убилъ другаго человека, то тутъ сейчасъ же является самое безсердечное и разчетливое чувство предосторожности къ нашимъ услугамъ. Но пусть, пусть это такъ и было: въ томъ-то де и тонкость психологiи что при такихъ обстоятельствахъ я сейчасъ же кровожаденъ и зорокъ, какъ кавказскій орелъ, а въ слѣдующую минуту слѣлъ и робокъ какъ ничтожный кротъ. Но если ужъ я такъ кровожаденъ и жестоко разчетливъ что убивъ соскочилъ лишь для того чтобы посмотрѣть живъ ли на меня свидѣтель, или нѣтъ, то къ чему бы, кажется, возиться надъ этою новою жертвою моею цѣлыхъ пять минутъ, да еще важить, пожалуй, новыхъ свидѣтелей? къ чему мочить платокъ, обтирая кровь съ головы поверженнаго, съ тѣмъ чтобы платокъ этотъ послужилъ потомъ противъ меня же уликой? Нѣтъ, если мы ужъ такъ разчетливы и жестокосерды, то не лучше ли бы было соскочивъ просто огоршить поверженнаго слугу тѣмъ же самымъ лестомъ еще и еще разъ по головѣ, чтобы ужъ убить его окончательно и, искоренивъ свидѣтеля, снять съ сердца всякую заботу? И наконецъ я соскакиваю чтобы провѣрить, живъ ли нѣтъ на меня свидѣтель, и тутъ же на дорожкѣ оставляю другаго свидѣтеля, именно этотъ самый лестикъ, который я захватилъ у двухъ женщинъ и которыя обѣ всегда могутъ признать потомъ этотъ лестикъ за свой и засвидѣтельствовать что это я у нихъ его захватилъ. И не то что забылъ его на дорожкѣ, обронилъ въ разсѣянности, въ потерянности: нѣтъ, мы именно отбросили наше оружіе, потому что нашли его шагахъ въ лятвадцати отъ того мѣста гдѣ былъ поверженъ Григорій. Спрашивается, для чего же мы такъ сдѣлали? А вотъ именно потому и сдѣлали что намъ горько стало что мы человека убили, стараго слугу, а потому въ досадѣ, съ проклятіемъ, и отбросили лестикъ какъ оружіе убійства, иначе быть не могло, для чего же его было бросать съ такого размаху? Если же могли почувствовать боль и жалость что человека убили, то конечно ужъ потому что отца не убили: Убивъ отца, не соскочили бы къ другому поверженному изъ жалости, тогда уже было бы иное чувство, не до жалости бы было тогда, а до самоспасенія, и это конечно такъ. Напротивъ, повторяю, розможили бы ему черепъ окончательно, а не возились бы съ нимъ пять минутъ. Яви-

лось мѣсто жалости и доброму чувству именно потому что была предъ тѣмъ чиста совѣсть. Вотъ стало-быть другая ужъ психологія. Я вѣдь нарочно, господа присяжные, прибѣгнувъ теперь самъ къ психологіи чтобы наглядно показать что изъ нея можно вывести все что угодно. Все дѣло въ какихъ она рукахъ. Психологія подзываетъ на романъ даже самыхъ серьезныхъ людей, и это совершенно невольно. Я говорю про извѣстную психологію, господа присяжные, про нѣкоторое злоупотребленіе ею.“

Здѣсь опять слышались одобрительные смѣшки въ публикѣ и все по адресу прокурора. Не буду приводить всей рѣчи защитника въ подробности, возьму только нѣкоторыя изъ нея мѣста, нѣкоторые главнѣйшіе пункты.

XI.

Денегъ не было. Грабежа не было.

Былъ одинъ пунктъ даже всѣхъ поразившій въ рѣчи защитника,—а именно полное отрицаніе существованія этихъ роковыхъ трехъ тысячъ рублей, а стало-быть и возможности ихъ грабежа.

„Господа присяжные засѣдатели, приступилъ защитникъ, въ настоящемъ дѣлѣ всякаго свѣжаго и непредубѣжденнаго человека поражаетъ одна характернѣйшая особенность, а именно: обвиненіе въ грабежѣ и въ то же время совершенная невозможность фактически указать на то: что именно было ограблено? Ограблены, дескать, деньги, именно три тысячи,—а существовали ли онѣ въ самомъ дѣлѣ,—этого никто не знаетъ. Разсудите: вопервыхъ, какъ мы узнали что были три тысячи и кто ихъ видѣлъ? Видѣлъ ихъ и указалъ на то что онѣ были уложены въ пакеты съ надписью одинъ только слуга Смердяковъ. Онъ же сообщилъ о семъ свѣдѣніи еще до катастрофы подсудимому и его брату Ивану Федоровичу. Дано было тоже знать гжѣ Свѣтловой. Но всѣ эти три лица сами этихъ денегъ однако не видали, видѣлъ опять-таки лишь Смердяковъ, но тутъ самъ собою вопросъ: если и правда что онѣ были и что видѣлъ ихъ Смердяковъ, то когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ? А что если баринъ эти деньги изъ-подъ постели вынулъ и опять положилъ въ шкатулку, ему не

сказавши? Замѣтите, по словамъ Смердякова, деньги лежали подъ постелью, подъ тюфякомъ; подсудимый долженъ былъ ихъ вырвать изъ-подъ тюфяка, и однакоже постель была ни чуть не помята и объ этомъ старательно записано въ протоколъ. Какъ могъ подсудимый совѣсть-таки ничего не помять въ постели и вдобавокъ съ окровавленными еще руками не замарать свѣжѣшаго, тонкаго постельнаго бѣлья, которое нарочно на этотъ разъ было постлаво? Но скажутъ намъ: а лапоть-то на полу? Вотъ объ этомъ-то лапоть и стѣдуетъ поговорить. Давеча я былъ даже вѣскольکو удивленъ: высокоталантливый обвинитель, заговоривъ объ этомъ лапоть, вдругъ самъ,—слышите, господа, самъ,—заявилъ про него въ своей рѣчи, именно въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ указываетъ на неплѣтость предположенія что убилъ Смердяковъ: „Не было бы этого лапета, не остался онъ на полу какъ улика, унеси его грабитель съ собою, то никто бы и не узналъ въ цѣломъ мѣрѣ что былъ лапоть, а въ немъ деньги и что стало-быть деньги были ограблены подсудимымъ.“ Итакъ единственно только этотъ разорванный клочекъ бумаги съ надписью, даже по признанію самого обвинителя, и послужилъ къ обвиненію подсудимаго въ грабежѣ, „плаче де не узналъ бы никто что былъ грабежъ, а можетъ-быть что были и деньги.“ Но неужели одно то что этотъ клочекъ валялся на полу есть доказательство что въ немъ были деньги и что деньги эти ограблены? „Но, отвѣчаютъ, вѣдь видѣлъ ихъ въ лапоть Смердяковъ,“ но когда, когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ, вотъ объ чемъ я спрашиваю? Я говорилъ съ Смердяковымъ и онъ мнѣ сказалъ что видѣлъ ихъ за два два предъ катастрофой! Но почему же я не могу предположить, напримѣръ, хоть такое обстоятельство что старикъ Федоръ Павловичъ, залершись дома, въ нетерпѣливомъ истерическомъ ожиданіи своей возлюбленной вдругъ вздумалъ бы, отъ нечего дѣлать, вынуть лапоть и его распечатать: „Что, дескать, лапоть, еще пожалуй и не повѣрять, а какъ тридцать-то радужныхъ въ одной лачкѣ ей покажу, не бось сильнѣе подѣйствуетъ, потекутъ слюнки,“—и вотъ онъ разрываетъ конвертъ, вынимаетъ деньги, а конвертъ бросаетъ на полъ властной рукой хозяина и ужъ конечно не боясь никакой улики. Послушайте, господа присяжные, есть ли что возможнѣе такого предположенія и такого факта? Почему это невозможно? Но вѣдь если хоть что

взбудь подобное могло имѣть мѣсто, то вѣдь тогда обвиненіе въ грабежѣ само собою уничтожается: не было денегъ, не было стало-быть и грабежа. Если пакетъ лежалъ на полу какъ улика что въ немъ были деньги, то почему я не могу утверждать обратное, а именно что пакетъ валялся на полу именно потому что въ немъ уже не было денегъ взятыхъ изъ него предварительно-самимъ козачиномъ? „Да, но куда жъ въ такомъ случаѣ дѣлались деньги если какъ выбралъ изъ пакета самъ Федоръ Павловичъ, въ его домѣ при обыскѣ не нашли?“ Волервыхъ, въ шкатулкѣ у него часть денегъ нашли, а вотъ-рыхъ, онъ могъ вынуть ихъ еще утромъ, даже еще наканунѣ, распорядиться ими иначе, выдать ихъ, отослать, измѣнить наконецъ свою мысль, свой планъ дѣйствій въ самомъ основаніи и при этомъ совсѣмъ даже не найдя нужнымъ докладывать объ томъ предварительно Смердакову? А вѣдь если существуетъ хотя бы даже только возможность такого предположенія,—то какже можно столь настойчиво и столь твердо обвинять подсудимаго что убійство совершено имъ для грабежа и что дѣйствительно существовалъ грабежъ? Вѣдь мы такимъ образомъ вступаемъ въ область романовъ. Вѣдь если утверждать что такая-то вещь ограблена, то надобно указать эту вещь или по крайней мѣрѣ доказать непреложно что она существовала. А ея даже никто и не видалъ. Недавно въ Петербургѣ одинъ молодой человекъ, почти мальчикъ, восемнадцати лѣтъ, мелкій разнощикъ съ лотка, вошелъ среди бѣла дня съ толоромъ въ мѣняльную лавку и съ необычайною, тилическою дерзостью убилъ хозяина лавки и увезъ съ собою тысячу пятьсотъ рублей денегъ. Часовъ черезъ пять онъ былъ арестованъ, на немъ, кромѣ пятнадцати рублей, которые онъ уже успѣлъ истратить, нашли всѣ эти полторы тысячи. Кромѣ того, воротившійся послѣ убійства въ лавку прикащикъ сообщилъ полиціи не только объ украденной суммѣ, но и изъ какихъ именно денегъ она состояла, то-есть сколько было кредитокъ радужныхъ, сколько синихъ, сколько красныхъ, сколько золотыхъ монетъ и какихъ именно, и вотъ на арестованномъ убійцѣ именно такія же деньги и монеты и найдены. Вдобавокъ ко всему послѣдовало полное и чистосердечное признаніе убійцы въ томъ что онъ убилъ и увезъ съ собою эти самыя деньги. Вотъ это, господа присяжные, я называю уликой! Вотъ тутъ ужъ я знаю, вижу, осезаю деньги и не могу сказать что ихъ нѣтъ

или не было. Такъ ли въ настоящемъ случаѣ? А между тѣмъ вѣдь дѣло идетъ о жизни и смерти, о судьбѣ человѣка. „Такъ, скажутъ, но вѣдь онъ въ ту же ночь куталъ, сорилъ деньгами, у него обнаружено полторы тысячи рублей,—откуда же онъ взялъ ихъ?“ Но вѣдь именно потому что обнаружено было всего только полторы тысячи, а другой половины суммы ни за что не могли отыскать и обнаружить, именно тѣмъ и доказывается что эти деньги могли быть совсѣмъ не тѣ, совсѣмъ никогда не бывшія ни въ какомъ пакетѣ. По расчету времени (и уже строжайшему) дознано и доказано предварительнымъ слѣдствіемъ что подсудимый, выбѣжавъ отъ служавокъ къ чиновнику Перхотину, домой не заходилъ, да и ни куда не заходилъ, а затѣмъ все время былъ въ людяхъ, а стало-быть не могъ отдѣлится отъ трехъ тысячъ половины и куда-нибудь спрятать въ городѣ. Вотъ именно это соображеніе и было причиною предположенія обвинителя что деньги гдѣ-то спрятаны въ расщелинѣ въ селѣ Мокромъ. Да ужь не въ подвалахъ ли Удольфскаго замка, господа? Ну не фантастическое ли, не романтическое ли это предположеніе. И, замѣтите, вѣдь увидѣвшись только это одно предположеніе, то-есть что спрятано въ Мокромъ—и все обвиненіе въ грабежѣ взлетаетъ на воздухъ, ибо гдѣ же, куда же дѣвались тогда эти полторы тысячи? Какимъ чудомъ онъ могли исчезнуть, если доказано что подсудимый никуда не заходилъ? И такими-то романами мы готовы погубить жизнь человѣческую! Скажутъ: „все-таки онъ не умѣлъ объяснить гдѣ взялъ эти полторы тысячи, которыя на немъ обнаружены, кромѣ того всѣ знали что до этой ночи у него не было денегъ“. А кто же это зналъ? Но подсудимый далъ ясное и твердое показаніе о томъ откуда взялъ деньги, и если хотите, господа присяжные засѣдатели, если хотите,—никогда ничего не могло и не можетъ быть вѣроятіе этого показанія и, кромѣ того, болѣе совмѣстнаго съ характеромъ и душой подсудимаго. Обвиненію понравился собственный романъ: человѣкъ съ слабою волей, рѣшившійся взять три тысячи, столь позорно ему предложенная невѣстой его, не могъ, дескать, отдѣлится половиною и зашить ее въ ладонку, напротивъ, еслибъ и зашилъ, то расшивалъ бы каждые два дня и отколулывалъ бы по сотѣ и такимъ образомъ извелъ бы все въ одинъ мѣсяць. Вспомните, все это было изложено тономъ нетерпящимъ никакихъ возраженій. Ну а что если дѣло происходило

вовсе не такъ, а ну какъ вы создали романъ, а въ немъ со-
всѣмъ другое лицо? Въ томъ-то и дѣло что вы создали дру-
гое лицо! Возражать пожалуй: „Есть свидѣтели что онъ про-
кутилъ въ селѣ Мокромъ всѣ эти три тысячи, взятые у гжи
Верховцевой, за мѣсяць передъ катастрофой, разомъ, какъ
одну копѣйку, стало-быть не могъ отдѣлать отъ нихъ поло-
вину.“ Но кто же эти свидѣтели? Степень достовѣрности
этихъ свидѣтелей на судѣ уже обнаружилась. Кромѣ того, въ
чужой рукѣ ломоть всегда больше кажется. Наконецъ, никто
изъ этихъ свидѣтелей денегъ этихъ самъ не считалъ, а лишь
судилъ на свой глазъ. Вѣдь показалъ же свидѣтель Мяс-
ковъ что у подсудимаго было въ рукахъ двадцать тысячъ.
Видите, господа присяжные, такъ какъ психологія о двухъ
концахъ, то ужъ позвольте мнѣ и тутъ другой конецъ при-
ложить и посмотримъ то ли выйдетъ.

„За мѣсяць до катастрофы подсудимому были ввѣрены для
отсылки по почтѣ три тысячи рублей гжею Верховцевой, но
вопросъ: справедливо ли что были ввѣрены съ такимъ лозо-
ромъ и съ такимъ униженіемъ, какъ провозглашено было
давеча? Въ первомъ показаніи о томъ же предметѣ у гжи
Верховцевой выходило не такъ, совершенно не такъ; во вто-
ромъ же показаніи мы слышали лишь крики озлобленія,
отмщенія, крики долго таившейся ненависти. Но ужъ одно
то что свидѣтельница разъ въ первомъ показаніи своемъ по-
казала невѣрно, даетъ право намъ заключить что и второе
показаніе могло быть не вѣрно. Обвинитель „не хочетъ, не
смѣетъ“ (его слова) дотрогиваться до этого романа. Ну и
пусть, я тоже не стану дотрогиваться, но однако позволю
себѣ лишь замѣтить что если чистая и высоко-нравственная
особа, какова безспорно и есть высокоуважаемая гжа Вер-
ховцева, если такая особа, говорю я, позволяетъ себѣ вдругъ,
разомъ, на судѣ, измѣнить первое свое показаніе, съ прямою
цѣлью погубить подсудимаго, то ясно и то что это показаніе
ея было сдѣлано не безпристрастно, не хладнокровно. Не-
ужели же у насъ отнимутъ право заключить что отомщавшая
женщина могла многое преувеличить? Да, именно преувели-
чить тотъ стыдъ и позоръ, съ которымъ были ею предложе-
ны деньги. Напротивъ, онѣ были предложены именно такъ
что ихъ еще можно было принять, особенно такому легко-
мысленному человѣку какъ нашъ подсудимый. Главное, онъ
имѣлъ тогда въ виду скорое полученіе отъ отца этихъ долж-

ныхъ ему по разчету трехъ тысячъ. Это легкомыслию, но именно по легкомыслию своему онъ и былъ твердо увѣренъ что тотъ ихъ выдастъ ему, что онъ ихъ получить и стаლობить всегда можетъ отправить вѣрными ему гжею Верховцевой деньги по почтѣ и расквитаться съ долгомъ. Но обвинитель ни за что не хочетъ допустить что онъ могъ въ тотъ же день, въ день обвиненія, отдавать изъ полученныхъ денегъ половину и зашить въ ладонку: „Не таковъ, дескать, это характеръ, не могъ имѣть такихъ чувствъ.“ Но вѣдь сами же вы кричали что широкъ Карамазовъ, сами же вы кричали про двѣ крайнія бездны которыя можетъ созерцать Карамазовъ. Карамазовъ именно такая натура о двухъ сторонахъ, о двухъ безднахъ, что при самой безудержной потребности кутежа можетъ остановиться если что-нибудь его поразить съ другой стороны. А вѣдь другая-то сторона, любовь,—именно вотъ эта новая загорѣвшаяся тогда какъ порохъ любовь, а на эту любовь нужны деньги и нужнѣе, о! гораздо нужнѣе чѣмъ даже на кутежъ съ этою самою возлюбленною. Скажетъ она ему: „Твоя, не хочу Федора Павловича“, и онъ схватитъ ее и увезетъ,—такъ было бы на что увезти. Это вѣдь важнѣе кутежа. Карамазову ль этого не понять? Да онъ именно этимъ и болѣе былъ, этою заботой,—что жъ невѣроятнаго что онъ отдавалъ эти деньги и припряталъ на всякій случай? Но вотъ однако время уходитъ, а Федоръ Павловичъ трехъ тысячъ подсудимому не выдаетъ, напротивъ, слышно что опредѣлилъ ихъ именно на то чтобы сманить ими его же возлюбленную. „Если не отдастъ Федоръ Павловичъ, думаетъ онъ, то вѣдь я передъ Катериной Ивановной выйду воромъ.“ И вотъ у него рождается мысль что эти же полторы тысячи которыя онъ продолжаетъ носить на себѣ въ этой ладонкѣ онъ придетъ, положить предъ гжею Верховцевой и скажетъ ей: „Я подлецъ, но не воръ.“ И вотъ стало быть уже двойная причина хранить эти полторы тысячи какъ зеницу ока, отнюдь не расширять ладонку и не отколупывать по сту рублей. Отчего откажете вы подсудимому въ чувствѣ чести? Нѣтъ, чувство чести въ немъ есть, положимъ неправильное, положимъ весьма часто ошибочное, но оно есть, есть до страсти, и онъ доказалъ это. Но вотъ однакоже дѣло усложняется, мученія ревности достигаютъ высшей степени, и все тѣ же, все прежніе два вопроса обрисовываются все мучительнѣе и

мучительные въ воспаленномъ мозгу подсудимаго. „Отдамъ Катеринѣ Ивановнѣ: на какія же средства увезу я Грушеньку?“ Если онъ безумствовалъ такъ, и напивался, и бушевалъ по трактирамъ во весь этотъ мѣсяцъ, то это именно можетъ-быть потому что самому было горько, не въ мочь переносить. Эти два вопроса до того наконецъ обострились что довели его наконецъ до отчаянія. Онъ послалъ было своего младшаго брата къ отцу просить у него эти три тысячи въ послѣдній разъ, но, не дождавшись отвѣта, ворвался самъ и кончилъ тѣмъ что избилъ старика при свидѣтеляхъ. Послѣ этого получить, значить, уже не у кого, избитый отецъ не дастъ. Въ тотъ же день вечеромъ онъ бьетъ себя по груди, именно по верхней части груди гдѣ эта ладонка, и клянется брату что у него есть средство не быть лоддецомъ, но что все-таки онъ останется лоддецомъ, ибо предвидитъ что не воспользуется средствомъ, не хватить силы душевной, не хватить характера. Почему, почему обвиненіе не вѣрится показанію Алексѣя Карамазова, данному такъ чисто, такъ искренно, неподготовленно и правдоподобно? Почему, напротивъ, заставляетъ меня вѣрять деньгамъ въ какой-то рацелинѣ, въ подвалахъ Удольфскаго замка? Въ тотъ же вечеръ, послѣ разговора съ братомъ, подсудимый пишетъ это роковое письмо, и вотъ это-то письмо и есть самое главное, самое колоссальное уличеніе подсудимаго въ грабежѣ! „Буду просить у всѣхъ людей, а не дадутъ люди, убью отца и возьму у него подъ тюфякомъ, въ пакетѣ съ розовою ленточкой, только бы уѣхалъ Иванъ“—полная де программа убійства, какъ же не онъ? „Совершилось по написанному!“ восклицаетъ обвиненіе. Но, во первыхъ, письмо льяное и написано въ страшномъ раздраженіи; во вторыхъ, опять-таки о пакетѣ онъ пишетъ со словъ Смердякова, потому что самъ пакета не видалъ, а третьихъ, написано оно написано, но совершилось ли по написанному, это чѣмъ доказать? Досталъ ли подсудимый пакетъ подъ подушкой, нашелъ ли деньги, существовали ли онѣ даже? Да и за деньгами ли подсудимый лобѣжалъ, припомните, припомните! Онъ лобѣжалъ сломя голову не грабить, а лишь узнать гдѣ она, эта женщина, его сокрушившая,—не по программѣ стало-быть, не по написанному онъ лобѣжалъ, то-есть не для обдуманнаго грабежа, а лобѣжалъ внезапно, нечаянно, въ ревнивомъ бѣшенствѣ! „Да, скажутъ, но все-таки, прибѣжавъ и

убить, захватилъ и деньги.“ Да наконецъ убилъ ли онъ еще или нѣтъ? Обвиненіе въ грабежѣ я отвергаю съ негодованіемъ: нельзя обвинять въ грабежѣ если нельзя указать съ точностью что именно ограблено, это аксіома! Но убилъ ли еще онъ, безъ грабежа-то убилъ ли? Это-то доказано ли? Ужъ не романъ ли и это?”

ХП.

Да и убійства не было.

„Позвольте, господа присяжные, тутъ жизнь человѣческая и надо быть осторожныѣ. Мы слышали какъ обвиненіе само засвидѣтельствовало что до самаго послѣдняго дня, до сегодня, до дня суда, колебалось обвинить подсудимаго въ половой и совершенной преднамѣренности убійства, колебалось до самаго этого роковаго „пьянаго“ письма, представляемаго сегодня суду. „Совершилось какъ по писаному!“ Но опять-таки повторяю: онъ лобѣжалъ къ ней, за ней, единственно только узнать гдѣ она? Вѣдь это фактъ непреложный. Случись она дома, онъ куда бы не лобѣжалъ, а остался при ней и не сдержалъ бы того что въ письмѣ обѣщалъ. Онъ лобѣжалъ нечаянно и внезапно, а о „пьяномъ“ письмѣ своемъ онъ можетъ-быть вовсе тогда и не помнилъ. „Захватилъ, дескать, лестику“—и помните, какъ изъ этого одного лестика намъ вывели цѣлую психологію: почему же онъ долженъ былъ приваить этотъ лестикъ за оружіе, схватить его какъ оружіе, и проч. и проч. Тутъ мнѣ приходится въ голову одна самая обыкновенная мысль: ну что еслибъ этотъ лестикъ лежалъ не на виду, не на полкѣ, съ которой схватилъ его подсудимый, а былъ прибранъ въ шкафъ,—вѣдь подсудимому не мелькнулъ бы онъ тогда въ глаза и онъ бы убѣжалъ безъ оружія, съ пустыми руками, и вотъ можетъ-быть никого бы тогда и не убилъ. Какимъ же образомъ я могу заключать о лестикѣ какъ о доказательствѣ вооруженія и преднамѣренія? Да, но онъ кричалъ по трактирамъ что убьетъ отца, а за два дня, въ тотъ вечеръ когда написалъ свое пьяное письмо, былъ тихъ и поссорился въ трактирѣ лишь съ однимъ только кулеческимъ прикащикомъ, „потому де что Карамазовъ не могъ не поссориться“. А я отвѣчу на это что

ужь если замыслилъ такое убійство, да еще по плану, по написанному, то ужь навѣрно бы не поссорился и съ прикащикомъ, да можетъ-быть и въ трактирѣ не зашелъ бы вовсе, потому что душа замыслившая такое дѣло ищетъ тишины и ступеньки, ищетъ исчезновенія чтобы не выдали, чтобы не слышали: „Забудьте же обо мнѣ если можете“, и это не по расчету только, а по инстинкту. Господа присяжные, психологія о двухъ концахъ, и мы тоже умѣемъ понимать психологію. Что же до всѣхъ этихъ трактирныхъ криковъ во весь этотъ мѣсяцъ, то мало ли разъ кричать дѣти, али пьяные гулаки, выходя изъ кабаковъ и ссорясь другъ съ другомъ: „Я убью тебя“, но вѣдь не убиваютъ же. Да и самое это роковое письмо,—ну не пьяное ли оно раздраженіе тоже, не крикъ ли изъ кабака выходящаго: „убью, дескать, всѣхъ васъ убью“! Почему не такъ, почему не могло быть такъ? Почему это письмо роковое, почему, напротивъ, оно не смѣшное? А вотъ именно потому что найденъ трупъ убитаго отца, потому что свидѣтель видѣлъ подсудимаго въ саду, вооруженнаго и убѣгающаго, и самъ былъ поверженъ имъ, стало-быть и совершилось все по написанному, а потому и письмо не смѣшное, а роковое. Слава Богу, мы дошли до точки: „коли былъ въ саду, значитъ онъ и убилъ“. Этими двумя словечками: коли *былъ* такъ ужь непремѣнно и *значить*, все исчерпывается, все обвиненіе — „былъ такъ и значить“. А если не *значить*, хотя бы и *былъ*? О, я согласенъ что совокупность фактовъ, совладеніе фактовъ дѣйствительно довольно краснорѣчивы. Но разсмотрите однако всѣ эти факты отдѣльно, не внушаясь ихъ совокупностью: почему, напримѣръ, обвиненіе ни за что не хочетъ допустить правдивости показанія подсудимаго что онъ убѣжалъ отъ отца окошкѣ? Вспомните даже сарказмы въ которые пускается здѣсь обвиненіе насчетъ почтительности и „благочестивыхъ“ чувствъ, вдругъ обувшихъ убійцу. А что если и въ самомъ дѣлѣ тутъ было вѣчто подобное, то-есть хоть не почтительность чувствъ, но благочестивость чувствъ? „Должно-быть, мать за меня замолила въ эту минуту“, показываетъ на слѣдствіи подсудимый, и вотъ онъ убѣжалъ чуть лишь увѣрился что Свѣтловой у отца въ домѣ нѣтъ. „Но онъ не могъ увѣриться черезъ окно“, возражаетъ намъ обвиненіе. А почему же не могъ? Вѣдь окно отворилось же на подаваемые подсудимымъ знаки. Тутъ могло быть произнесено одно какое-нибудь такое слово Федоромъ

Павловичемъ, могъ вырваться какой-нибудь такой крикъ—и подсудимый могъ вдругъ удостовѣриться что Свѣтловой тутъ нѣтъ. Почему непременно предполагать такъ какъ мы воображаемъ, какъ предположили воображать? Въ дѣйствительности можетъ мелькнуть тысяча вещей ускользающихъ отъ наблюденія самаго тонкаго романиста. „Да, но Григорій видѣлъ дверь отворенною, а стало-быть подсудимый былъ въ домѣ навѣрно, а стало-быть и убилъ“. Объ этой двери, господа присяжные... Видите ли, объ отворенной этой двери свидѣтельствуется лишь одно лицо, бывшее однако въ то время въ такомъ состояннн само что.... Но пусть, пусть была дверь отворена, пусть подсудимый отперся, солгалъ изъ чувства самозащиты, столь ловятаго въ его положеннн, пусть, пусть онъ провикъ въ домъ, былъ въ домѣ,—ну и что же, почему же непременно коан былъ то и убилъ? Онъ могъ ворваться, пробѣжать по комнатамъ, могъ оттолкнуть отца, могъ даже ударить отца, но, удостовѣрившись что Свѣтловой нѣтъ у него, убѣжалъ, радуясь что ее нѣтъ и что убѣжалъ отца не убивъ. Именно потому можетъ-быть и соскочилъ черезъ минуту съ забора къ поверженному имъ въ азартѣ Григорію что въ состояннн былъ ощущать чувство чистое, чувство состраданія и жалости, потому что убѣжалъ отъ искушенія убить отца, потому что ощущалъ въ себѣ сердце чистое и радость что не убилъ отца. Краснорѣчиво до ужаса описываетъ намъ обвинитель страшное состоянн подсудимаго въ селѣ Мокромъ, когда любовь вновь открылась ему, зова его въ новую жизнь, и когда ему уже нельзя было любить, потому что сзади былъ окровавленный трупъ отца его, а за трупомъ казнь. И однако же обвинитель все-таки допустилъ любовь, которую и объяснилъ по своей психологн: „Пьяное, дескать, состоянн, преступника везуть на казнь, еще долго ждать, и пр., и пр.“ Но не другое ли вы создали лицо, г. обвинитель, опять-таки спрашиваю? Такъ ли, такъ ли грубо и бездушнъ подсудимый что могъ еще думать въ тотъ моментъ о любви и о влиянн предъ судомъ есаубы дѣйствительно на немъ была кровь отца? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Только что открылось что она его любить, зоветь съ собою, сулить ему новое счастье,—о, клянусь, онъ долженъ былъ тогда почувствовать двойную, тройную потребность убить себя и убилъ бы себя непременно есаубы сзади его лежалъ трупъ отца! О нѣтъ, не забылъ

бы гдѣ лежать его пистолеты! Я знаю подсудимаго: дикая, деревянная безсердечность, взведенная на него обвиненіемъ, не совмѣстна съ его характеромъ. Онъ бы убилъ себя, это навѣрно; онъ не убилъ себя именно потому что „мать замолчала о немъ“ и сердце его было неловчиво въ крови отца. Онъ мучился, онъ горевалъ въ ту ночь въ Мокромъ лишь о поверженномъ старикѣ Григоріи и молилъ про себя Бога чтобы старикъ всталъ и очнулся, чтобы ударъ его былъ не смертеленъ и миновала бы казнь за него. Почему не принять такое толкованіе событій? Какое мы имѣемъ твердое доказательство что подсудимый намъ лжетъ? А вотъ трупъ-то отца, укажутъ намъ тотчасъ же снова: онъ выбѣжалъ, онъ не убилъ, ну такъ кто же убилъ старика?

„Повторяю, тутъ вся логика обвиненія: кто же убилъ какъ не онъ? Некого, дескать, поставить вмѣсто него. Господа присяжные засѣдатели, такъ ли это? Врядъ ли, дѣйствительно ли ужь такъ-таки совсѣмъ некого поставить? Мы слышали какъ обвиненіе перечло по пальцамъ всѣхъ бывшихъ и всѣхъ перебивавшихъ въ ту ночь въ этомъ домѣ. Нашлось пять человѣкъ. Трое изъ нихъ, я согласенъ, вполнѣ невмѣляемы; это самъ убитый, старикъ Григорій и жена его. Остаются стало-быть подсудимый и Смердяковъ, и вотъ обвинитель съ лаэосомъ восклицаетъ что подсудимый потому указываетъ на Смердякова что не на кого больше ему указать, что будь тутъ кто-нибудь шестой, даже призракъ какого-либо шестаго, то подсудимый самъ бы тотчасъ бросилъ обвинять Смердякова, устыдившись сего, а показалъ бы на этого шестаго. Но, господа присяжные, почему бы я не могъ заключить совершенно обратное? Стоять двое: подсудимый и Смердяковъ, — почему же мнѣ не сказать что вы обвиняете моего кліента единственно потому что вамъ некого обвинить? А некого лишь потому что вы совершенно предвзято заранѣе исключили Смердякова изъ всякаго подозрѣнія. Да, правда, на Смердякова показываютъ лишь самъ подсудимый, два брата его, Свѣтлова и только. Но вѣдь есть же и еще кое-кто изъ показывающихъ: это вѣкоторое хотя и неясное броженіе въ обществѣ какого-то вопроса, какого-то подозрѣнія, слышенъ какой-то неясный слухъ, чувствуется что существуетъ какое-то ожиданіе. Наконецъ свидѣтельствуетъ и вѣкоторое сопоставленіе фактовъ весьма характерное, хотя, признаюсь, и неопредѣленное: во-

первыхъ, этотъ припадокъ ладучей болѣзни именно въ день катастрофы, припадокъ, который такъ старательно дравуждевъ былъ почему-то защищать и отстаивать обвинитель. Затѣмъ это внезапное самоубійство Смердякова наканунѣ суда. Затѣмъ не менѣе внезапное показаніе старшаго брата подсудимаго, сегодня на судѣ, до сихъ поръ вѣрившаго въ виновность брата и вдругъ приносящаго деньги и тоже провозгласившаго олятъ-таки имя Смердякова какъ убійцы! О, я вполнѣ убѣжденъ вмѣстѣ съ судомъ и съ прокуратурой что Иванъ Карамазовъ—большой и въ горячкѣ, что показаніе его дѣйствительно могло быть отчаянною попыткой, замышленною притомъ же въ бреду, сласти брата, свалавъ на умершаго. Но однакоже все-таки произнесено имя Смердякова, олятъ-таки какъ будто слышится что-то загадочное. Что-то какъ-будто тутъ не договорено, господа присяжные, и не закончено. И можетъ-быть еще договорится. Но объ этомъ пока оставимъ, это еще впереди. Судъ рѣшилъ давеча продолжать засѣданіе, но теперь пока въ ожиданіи, а бы могъ кое-что однако замѣтить, напримѣръ, по поводу характеристики покойнаго Смердякова, столь тонко и столь талантливо очерченной обвинителемъ. Но удивляясь таланту, не могу однакоже вполнѣ согласиться съ сущностью характеристики. Я былъ у Смердякова, я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, онъ произвелъ на меня впечатаніе совсѣмъ иное. Здоровьемъ онъ былъ слабъ, это правда, но характеромъ, по сердцемъ,—о нѣтъ, это вовсе не столь слабый былъ человекъ, какъ заключило о немъ обвиненіе. Особенно не нашелъ я въ немъ робости, той робости которую такъ характерно описывалъ намъ обвинитель. Простодушія же въ немъ не было вовсе, напротивъ, я нашелъ страшную недоверчивость, причесущуюся подъ наивностью, а умъ способный весьма многое созерцать. О! обвиненіе сапшкомъ простодушно лючало его слабоумнымъ. На меня онъ произвелъ впечатаніе совершенно определенное: я ушелъ съ убѣжденіемъ что существо это рѣшительно злобное, непомирно-честолюбивое, мотательное и злобно-завистливое. Я собралъ кой-какія свиданія: онъ ненавидѣлъ происхождение свое, стыдился его и со сдержанностью любви припоминалъ что „отъ Смердяцевъ произошелъ.“ Въ слугѣ Григорію и къ женѣ его, бывшимъ благодѣтелями его дѣтства, онъ былъ непочтателемъ. Россію проклиналъ и надъ нею смѣялся. Онъ мечталъ уѣхать во Францію съ тѣмъ

чтобы передаться во Француза. Онъ много и часто толковалъ еще прежде что на это не достаетъ ему средствъ. Мишъ кажется, онъ никого не любилъ кромя себя, уважалъ же себя до странности высоко. Пресвѣщеніе видѣлъ въ хорошемъ ялатьѣ, въ чистыхъ манишкахъ и въ вычищенныхъ сапогахъ. Считалъ себя самъ (и на это есть факты) незаконнымъ сыномъ Федора Павловича, онъ могъ невидѣть свое положеніе сравнительно съ законными дѣтьми своего господина: имѣ, дескать, все, а ему ничего, имѣ всѣ права, имѣ наследство, а онъ только поваръ. Онъ повѣдалъ мишъ что самъ вмѣстѣ со Федоромъ Павловичемъ укладывалъ деньги въ пакеты. Назначеніе этой суммы,—суммы, которая могла бы составить его карьеру,—было конечно ему неизвестно. Къ тому же онъ увидалъ три тысячи рублей въ свѣтленькихъ радужныхъ кредиткахъ (я объ этомъ нарочно спросилъ его). О, не показывайте никогда завистливому и самолюбивому челоуѣку большаго денегъ разомъ, а онъ въ первый разъ увидалъ такую сумму въ одной рукѣ. Впечатлѣніе радужной лачки могло болѣзненно отразиться въ его воображеніи, на первый разъ пока безо всякихъ послѣдствій. Высокоталантливый обвинитель съ необыкновенною тонкостью очертилъ намъ всѣ рго и сѣтра предположенія о возможности обвинить Смердякова въ убійствѣ и особенно спрашивалъ: для чего тому было притворяться въ ладучей? Да, во вѣдь онъ могъ и не притворяться вовсе, припадокъ могъ притти совсѣмъ натурально, во вѣдь могъ же и притти совсѣмъ натурально, и большою могъ очнуться. Положимъ, не выльчнуться, но все же когда-нибудь притти въ себя и очнуться, какъ и бываетъ въ ладучей. Обвиненіе спрашивается: гдѣ моментъ совершенія Смердяковымъ убійства? Но указать этотъ моментъ чрезвычайно легко. Онъ могъ очнуться и встать отъ глубокаго сна (ибо онъ былъ только во снѣ: морозъ припадокъ ладучей болѣзми всегда наладаетъ глубокий сонъ), именно въ то мгновеніе когда старикъ Григорій, схвативъ за ногу на заборѣ убѣгающаго подоудимаго, завопилъ на всю окрестности: „Отцеубивецъ!“ Крикъъ этотъ необычайный, въ тиши и во мракѣ, и могъ разбудить Смердякова, сонъ котораго къ тому времени могъ быть и не очень крѣпкою: онъ естественно могъ уже часъ тому какъ начать просыпаться. Вставъ съ постели, онъ отправился почти безознательно и безо всякаго намѣренія на крикъ посмотреть что такое. Въ его головѣ болѣзненный

чадъ, соображеніе еще дремлетъ, но вотъ онъ въ саду, подходитъ къ освѣщеннымъ окнамъ и слышитъ страшную вѣсть отъ барина, который конечно ему обрадовался. Соображеніе разомъ загорается въ головѣ его. Отъ услуганнаго барина онъ узнаетъ всѣ подробности. И вотъ, постелевно, въ разстроенномъ и больномъ мозгу его создается мысль,—страшная, но соблазнительная и неотразимо логическая: убить, взять три тысячи денегъ и свалить все потомъ на барченка: на кого же и подумаютъ теперь какъ не на барченка, кого же могутъ обвинить какъ не барченка, всѣ улики, онъ тутъ былъ? Страшная жажда денегъ, добычи, могла захватить ему духъ, вмѣстѣ съ соображеніемъ о безнаказанности. О, эти внезапные и неотразимые порывы такъ часто приходятъ при случаѣ, и, главное, приходятъ внезапно такимъ убійцамъ, которые еще за минуту не знали что захотятъ убить! И вотъ Смердяковъ могъ войти къ барину и исполнить свой планъ, чѣмъ, какимъ оружіемъ,—а первымъ камнемъ который онъ лодылялъ въ саду. Но для чего же, съ какою же цѣлью? А три-то тысячи, вѣдь это карьера. О! я не противорѣчу себѣ: деньги могли быть и существовать. И даже можетъ-быть Смердяковъ-то одинокъ и зналъ гдѣ ихъ найти, гдѣ именно онъ лежалъ у барина. „Ну, а обложка денегъ, а разорванный на полу пакетъ“? Давеча, когда обвинитель, говоря объ этомъ пакетѣ, изложилъ чрезвычайно тонкое соображеніе свое о томъ что оставить его на полу могъ именно воръ непривычный, именно такой какъ Карамазовъ, а всѣмъ уже не Смердяковъ, который бы ни за что не оставилъ на себя такую улику,—давеча, господу присажыме, я, слушая, вдругъ почувствовалъ что слышу что-то чрезвычайно знакомое. И представьте себѣ, именно это самое соображеніе, эту догадку о томъ какъ бы могъ поступить Карамазовъ съ пакетомъ, я уже слышалъ ровно за два дня до того отъ самого Смердякова, мало того, онъ даже тѣмъ поразилъ меня: мнѣ именно показалось что онъ фальшиво наивничаетъ, забѣгаетъ впередъ, навязываетъ эту мысль мнѣ чтобы я самъ вывелъ это самое соображеніе и мнѣ его какъ будто подсказываетъ. Не подсказалъ ли онъ это соображеніе и свидѣтію? Не навязалъ ли его и высоко-талантливому обвинителю? Скажутъ: а старуха жена Григорія? Вѣдь она же слышала какъ большой подѣвъ нея стоялъ во всю ночь. Такъ, слышала, но вѣдь соображеніе это чрез-

вычайно шаткое. Я знала одну даму которая горько жаловалась что ее всю ночь будила на дворе шавка и не давала ей спать. И однако бѣдная собачонка, какъ извѣстно стало, таякнула всего только раза два-три во всю ночь. И это естественно; человѣкъ спитъ и вдругъ слышитъ стомя, онъ просыпается въ досадѣ что его разбудили, но засыпаетъ мгновенно снова. Часа черезъ два олять стомя, олять просыпается и олять засыпаетъ, наконецъ, еще разъ стомя, и олять черезъ два часа, всего въ ночь раза три. На утро спящій встаетъ и жалуется что кто-то всю ночь стомялъ и его безпрерывно будилъ. Но непременно такъ и должно ему показаться; промежутки сна, по два часа каждый, онъ проспалъ и не помнитъ, а заломилъ лишь минуты своего пробужденія, вотъ ему и кажется что его будили всю ночь. Но почему, почему, восклицаетъ обвиненіе, Смердяковъ не признался въ посмертной запискѣ? „На одно де хватало совѣсти, а на другое нѣтъ.“ Но позвольте: совѣсть—это уже раскаяніе, но раскаяніа могло и не быть у самоубійцы, а было лишь отчаяніе. Отчаяніе и раскаяніе—двѣ вещи совершенно различныя. Отчаяніе можетъ быть злобное и непримиримое, и самоубійца, накладывая на себя руки, въ этотъ моментъ могъ двойнѣ ненавидѣть тѣхъ кому всю жизнь завидовалъ. Господа присяжные засѣдатели, оберегитесь судебной ошибки! Чѣмъ, чѣмъ неправдоподобно все то что я вамъ сейчасъ представилъ и изобразилъ? Найдите ошибку въ моемъ изложеніи, найдите невозможность, абсурдъ? Но если есть хотя тѣнь возможности, хотя тѣнь правдоподобія въ моихъ предположеніяхъ—удержитесь отъ приговора. А тутъ развѣ тѣнь только? Клавусь всѣмъ священнымъ, я влоамъ вѣрю въ мое, въ представленное вамъ сейчасъ, толкованіе объ убійствѣ. А главное, главное меня смущаетъ и выводитъ изъ себя все та же мысль что изъ всей массы фактовъ нагроможденныхъ обвиненіемъ на подсудимаго нѣтъ ни единого, хоть сколько-нибудь точнаго и неотразимаго, а что гибнетъ несчастный единственно по совокупности этихъ фактовъ. Да, эта совокупность ужасна; эта кровь, эта съ лальцевъ текущая кровь, бѣлая въ крови, эта темная ночь, оглашаемая воплемъ „отцеубивецъ!“ и кричащій ладающій съ проломленною головою, а затѣмъ эта масса изреченій, показаній, жестовъ, криковъ,—о, это такъ вліяетъ, такъ можетъ подкупить убѣжденіе, во ваше ли, господа присяжные засѣдатели, ваше ли убѣжденіе

подкупить можетъ? Вспомните, вамъ дана необъятная власть, власть вязать и рѣзать. Но чѣмъ сильнее власть, тѣмъ страшнѣе ее приложение! Я ни на йоту не отступлю отъ сказаннаго мною сейчасъ, но ужь пусть, такъ и быть, пусть на минуту и я соглашусь съ обвиненіемъ что несчастный кліентъ мой обогралъ свои руки въ крови отца. Это только предположеніе, повторяю, а ни на мигъ не сомнѣваюсь въ его невинности, но ужь такъ и быть предположу что мой подсудимый виноватъ въ отцеубійствѣ, но выслушайте однако мое слово еслибы даже я и допустилъ такое предположеніе. У меня лежатъ на сердцѣ выказаты вамъ еще вѣчто, ибо я предчувствую и въ вашихъ сердцахъ и умахъ большую борьбу... Простите мнѣ это слово, господа присяжные засѣдатели, о вашихъ сердцахъ и умахъ. Но я хочу быть правдивымъ и искреннимъ до конца. Будемъ же всѣ искренни!..“

Въ этомъ мѣстѣ защитника прервалъ довольно сильный аплодисментъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія слова свои онъ произнесъ съ такою искреннею прозвучавшею нотой что всѣ почувствовали что можетъ-быть дѣйствительно ему есть что сказать и что то что онъ скажетъ сейчасъ, есть в самое важное. Но председатель, заслышавъ аплодисментъ, громко пригрозилъ „очистить“ залу суда если еще разъ повторится „подобный случай“. Все затихло, и Фетюковичъ началъ какимъ-то новымъ, проникновеннымъ голосомъ, совсѣмъ не тѣмъ которымъ говорилъ до сихъ поръ.

ХІІІ.

Прелюбодѣйствія.

„На совокупность только фактовъ губить моего кліента, господа присяжные засѣдатели, возгласилъ онъ — вѣтъ, моего кліента губить, по настоящему, одинъ дѣйствительный фактъ: это—трупъ старика отца. Будь простое убійство, и вы при ничтожности, при бездоказательности, при фантастичности фактовъ, если разсматривать каждый изъ нихъ въ отдельности, а не въ совокупности,—отвергли бы обвиненіе, по крайней мѣрѣ усумнились бы губить судьбу человека по одному лишь предубѣжденію противъ него, которое, увы, онъ такъ заслужилъ. Но тутъ не простое убійство,

а отцеубийство! Это импонирует и до такой степени, что даже самая ничтожность и бездоказательность обвиняющих фактов становится уже не столь ничтожною и не столь бездоказательною, и это въ самомъ непредубьжденномъ даже умѣ. Ну какъ оправдать такого лодукашаго? А ну какъ онъ убилъ и уйдеть ненаказаннымъ, — вотъ что чувствуетъ каждый въ сердцѣ своемъ почти невольно, инстинктивно. Да, страшная вещь пролить кровь отца, — кровь родившаго, кровь любившаго, кровь жизни своей для меня не жалѣвшаго, съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ моими болѣвшами болѣвшаго, всю жизнь за мое счастье страдавшаго, и лишь моими радостями, моими успѣхами жившаго! О, убить такого отца — да это невозможно и помыслить! Господа присяжные, что такое отецъ, настоящий отецъ, что это за слово такое великое, какая странно великая идея въ наименованіи этомъ? Мы сейчасъ только указали отчасти что такое и чѣмъ долженъ быть истинный отецъ. Въ настоящемъ же дѣлѣ, которымъ мы такъ всѣ теперь заняты, которымъ болятъ наши души, — въ настоящемъ дѣлѣ отецъ, покойный Федоръ Павловичъ Карамазовъ, нисколько не подходилъ подъ то понятіе объ отцѣ которое сейчасъ оказалось нашему сердцу. Это бѣда. Да, дѣйствительно, иной отецъ похожъ на бѣду. Разсмотримъ же эту бѣду поближе, — вѣдь ничего не надо бояться, господа присяжные, въ виду важности предстоящаго рѣшенія. Мы даже особенно не должны бояться теперь и такъ-сказать отмахиваться отъ этой идеи, какъ дѣта или лугливыя женщины, по счастливому выраженію высокоталантливаго обвинителя. Но въ своей горячей рѣчи, уважаемый мой претивникъ (и противникъ еще прежде чѣмъ я произнесъ мое первое слово), мой противникъ нѣсколько разъ воскликнулъ: „Нѣтъ, я никому не дамъ защищать подсудимаго, я не уступаю его защиту защитнику прѣивающему изъ Петербурга, — я обвинитель, а и защитникъ!“ Вотъ что онъ нѣсколько разъ воскликнулъ и однакоже забылъ упомянуть что если страшный подсудимый дѣльные двадцать три года столь благодаренъ былъ всего только за одинъ фунтъ орѣховъ полученныхъ отъ единственнаго человѣка, прилаковавшаго его ребенкомъ въ родительскомъ домѣ, то обратно не могъ же вѣдь такой человѣкъ и не помнить, всѣ эти двадцать три года, какъ онъ бѣгалъ босой у отъа „на заднемъ дворѣ, безъ саложекъ, и въ лавтавончикахъ на одной

луговѣ, “до выраженію челоуѣколюбиваго доктора Герценшту-
бе. О, господа присяжные, зачѣмъ намъ разсматривать ближе
эту „бѣду“, повторять то что всѣ уже знаютъ! Что встрѣтилъ
мой кліентъ прїѣхавъ сюда къ отцу? И зачѣмъ, зачѣмъ изобра-
жать моего кліента безчувственнымъ, эгоистомъ, чудовищемъ?
Онъ безудерженъ, онъ дикъ и буйенъ, вотъ мы теперь его судимъ
за это, а кто виновать въ судьбѣ его, кто виновать что при
хорошихъ наклонностяхъ, при благодарномъ чувствительномъ
сердцѣ, онъ получилъ такое неслѣпое воспитаніе? Училъ ли
его кто-нибудь уму-разуму, просвѣщенъ ли онъ въ наукахъ,
любилъ ли кто его хоть сколько-нибудь въ его дѣтствѣ? Мой
клиентъ росъ покровительствомъ Божиимъ, т.-е. какъ дикій
звѣрь. Онъ можетъ-быть жаждалъ увидѣть отца послѣ долго-
лѣтней разлуки, онъ можетъ-быть тысячу разъ передъ тѣмъ,
вспоминая какъ сквозь сонъ свое дѣтство, отговялъ отвра-
тительные призраки приснившіеся ему въ его дѣтствѣ и всю
душой жаждая оправдать и обнять отца своего! И что жъ?
Его встрѣчаютъ одними цѣвическими насмѣшками, подозри-
тельностью и крючкотворствомъ изъ-за спорныхъ денегъ; онъ
слышитъ лишь разговоры и житейскія правила, отъ которыхъ
воротитъ сердце, ежедневно „за коньячкомъ“, и наконецъ
зрѣтъ отца отбивающаго у него, у сына, на его же сыновнія
деньги, любовницу,—о, господа присяжные, это отвратительно
и жестоко! И этотъ же старикъ всѣмъ жалуется на непочти-
тельность и жестокость сына, мараеъ его въ обществѣ, вредитъ
ему, клеветаетъ на него, скулаеъ его долговыя расписки чтобы
посадить его въ тюрьму! Господа присяжные, эти души, эти
на видъ жестокосердые, буйные и безудержные люди, какъ
мой кліентъ, бываютъ, и это чаще всего, чрезвычайно нѣж-
ны сердцемъ, только этого не выказываютъ. Не смѣйтесь,
не смѣйтесь надъ моею идеей! Талантливый обвинитель смѣ-
ялся давеча надъ моимъ кліентомъ безжалостно, выставая
что онъ любитъ Шиллера, любитъ „прекрасное и высокое“. Я
бы не сталъ надъ этимъ смѣяться на его мѣстѣ, на мѣ-
стѣ обвинителя! Да, эти сердца,—о, дайте мнѣ защитить
эти сердца, столь рѣдко и столь несправедливо понимае-
мыя,—эти сердца весьма часто жаждутъ нѣжнаго, прекрас-
наго и справедливаго, и именно какъ бы въ контрастъ себѣ,
своему буйству, своей жестокости,—жаждутъ бессознательно,
и именно жаждутъ. Страстные и жестокіе снаружи, они до
мученія способны полюбить валпримъръ женщину, и непре-

мѣла духовною и высшею любовью. Опять-таки не смѣйтесь надо мной: это именно такъ всего чаще бываетъ въ этихъ натурахъ! Онѣ только не могутъ скрыть свою страстность, подчасъ очень грубую, — вотъ это и поражаетъ, вотъ это и замѣчаютъ, а внутри человѣка не видать. Напротивъ, всѣ ихъ страсти утоляются быстро, но около благороднаго, прекраснаго существа, этотъ, повидимому грубый и жестокій, человѣкъ ищетъ обновленія, ищетъ возможности исправиться, стать лучшимъ, сдѣлаться высокимъ и честнымъ, — „высокимъ и прекраснымъ“, какъ ни осмѣяно это слово! Давеча я сказалъ что не позволю себѣ дотронуться до романа моего клиента съ гжею Верховцевой. Но однако полслова-то можно сказать: мы слышали давеча не показаніе, а лишь крикъ изстуженной и отмищающей женщины, и не ей, о, не ей укорять бы въ измѣнѣ, потому что она сама измѣнила! Еслибъ имѣла хоть сколько-нибудь времени чтобъ одуматься, не дала бы она такого свидѣтельства! О, не вѣрьте ей, нѣтъ, не „дзвергъ“ клиентъ мой, какъ она его называла! Расплатый Человѣколюбецъ, собирався на крестъ свой, говорилъ: Азъ есмь пастырь добрый, пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы да ни одна не погибнетъ.... Не погибнемъ и мы души человѣческой! Я спрашивалъ сейчасъ: что такое отецъ и воскликнулъ что это великое слово, драгоценное наименованіе. Но со словомъ, господа присяжные, надо обращаться честно, и я позволю назвать предметъ собственнымъ его словомъ, собственнымъ наименованіемъ: Такой отецъ, какъ убитый старикъ Карамазовъ, не можетъ и недостойнъ называться отцомъ. Любовь къ отцу не оправданная отцомъ есть нелѣпость, есть невозможность. Нельзя создать любовь изъ ничего, изъ ничего только Богъ творить. „Отцы не огорчайте дѣтей своихъ“, пишетъ изъ пламенѣющаго любовью сердца своего апостолъ. Не ради моего клиента привожу теперь эти святые слова я для всѣхъ отцовъ вспоминаю ихъ. Кто мнѣ далъ эту власть чтобъ учить отцовъ? Никто. Но какъ человѣкъ и гражданинъ зываю—vivos vos! Мы на землѣ недолго, мы дѣлаемъ много дѣлъ дурныхъ и говоримъ словъ дурныхъ. А потому будемъ же всѣ ловить удобную минуту совѣстнаго общенія нашего чтобы сказать другъ другу и хорошее слово. Такъ и я: пока я на этомъ мѣстѣ, я пользуюсь моею минутой. Не даромъ эта трибуна дарована намъ высшею волей — съ нею слышитъ насъ вся

Россія. Не для здѣшнихъ только отцовъ говорю, а ко всѣмъ отцамъ восклицаю: „Отцы, не огорчайте дѣтей своихъ!“ Да, исполнимъ прежде сами завѣтъ Христовъ и тогда только разрешимъ себѣ спрашивать и съ дѣтей нашихъ. Иначе мы не отцы, а враги дѣтямъ нашимъ, а они не дѣти наши, а враги намъ и мы сами себѣ сдѣлали ихъ врагами! „Въ ню же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ“—это не я уже говорю, это Евангеліе предписываетъ: мѣрить въ ту мѣру въ которую и вамъ мѣряютъ. Какъ же выжить дѣтей если они намъ мѣряютъ въ нашу мѣру? Недавно въ Финляндіи одна дѣвица, служанка, была заподозрена что она тайно родила ребенка. Стали слѣдить за нею и на чердакѣ дома, въ углу за кирпичами, нашли ея сундукъ, про который никто не зналъ, его отперли и вынули изъ него трупики новорожденнаго и убитаго ею младенца. Въ томъ же сундукѣ нашли два скелета уже рожденныхъ прежде ею младенцевъ и ею же убитыхъ въ минуту рожденія, въ чемъ она и ловилась. Господа присяжные, это ли мать дѣтей своихъ? Да, она ихъ родила, но мать ли она имъ? Осмѣлится ли кто изъ насъ произнести надъ ней священное имя матери? Будемъ смѣлы, господа присяжные, будемъ дерзки даже, мы даже обязаны быть таковыми въ настоящую минуту и не бояться шмыхъ словъ и идей, подобно московскимъ кунчицамъ боящимся „металла“ и „жупела“. Нѣтъ, докажемъ напротивъ что прогрессъ послѣднихъ лѣтъ коснулся и нашего развитія и скажемъ прямо: родившій не есть еще отецъ, а отецъ есть — родившій и заслужившій. О, конечно, есть и другое значеніе, другое толкованіе слова отецъ, требующее чтобъ отецъ мой, хотя бы и извергъ, хотя бы и злодѣй своимъ дѣтямъ, оставался бы все-таки моимъ отцомъ, потому только что онъ родилъ меня. Но это значеніе уже такъ-сказать мастическое, которое я не понимаю умомъ, а могу принять лишь вѣрой, или, вѣрнѣе сказать, *на вѣру*, подобно многому другому, чего не понимаю, но чему религія повелѣваетъ мнѣ однакоже вѣрить. Но въ такомъ случаѣ это пусть и останется внѣ области дѣйствительной жизни. Въ области же дѣйствительной жизни, которая имѣетъ не только свои права, но и сама налагаетъ великія обязанности, — въ этой области мы, если хотимъ быть гуманными, христіанами наконецъ, мы должны и обязаны проводить убѣжденія лишь оправданныя разсудкомъ и опытомъ, проведенныя черезъ горнило анализа, словомъ

дѣйствовать разумно, а не безумно, какъ во снѣ и въ бреду чтобы не нанести вреда человѣку, чтобы не измучить и не погубить человѣка. Вотъ, вотъ тогда это и будетъ настоящимъ христіанскимъ дѣломъ, не мистическимъ только, а разумнымъ и уже истинно человѣколюбивымъ дѣломъ!...”

Въ этомъ мѣстѣ сорвался было сильныя рукопожатія изъ многихъ концовъ залы, но Оетюковичъ даже замахалъ руками какъ бы умоляя не прерывать и чтобы дали ему договорить. Все тотчасъ затихло. Ораторъ продолжалъ:

„Думаете ли вы, господа присяжные, что такіе вопросы могутъ мимоваять дѣтей нашихъ, положимъ, уже юношей, положимъ уже начинающихъ разсуждать? Нѣтъ, не могутъ, и не будемъ спрашивать отъ нихъ невозможнаго воздержанія! Видѣ отца недостойнаго, особенно сравнительно съ отцами другими, достойными, у другихъ дѣтей его сверстниковъ, невольно подсказываетъ юношѣ вопросы мучительныя. Ему по каземному отвѣчаютъ на эти вопросы: „Онъ родилъ тебя и ты кровь его, а потому ты и долженъ любить его.“ Юноша невольно задумывается: „Да развѣ онъ любитъ меня когда рождаль, спрашиваетъ онъ удивляясь все болѣе и болѣе, развѣ для меня онъ родилъ меня: онъ не зналъ ни меня, ни даже пола моего въ ту минуту, въ минуту страсти, можетъ-быть разгоряченной виномъ, и только развѣ передалъ мнѣ склонность къ пьянству,—вотъ всѣ его благодѣянія... Зачѣмъ же я долженъ любить его, за то только что онъ родилъ меня, а потомъ всю жизнь не любилъ меня?“ О, вамъ можетъ-быть представляются эти вопросы грубыми, жестокими, но не требуйте же отъ юнаго ума воздержанія невозможнаго: „Гони природу въ дверь она влетитъ въ окно“,—а главное, главное не будемъ бояться „металла“ и „жупела“ и рѣшимъ вопросъ такъ какъ предписываетъ разумъ и человѣколюбіе, а не такъ какъ предписываютъ мистическія помятія. Какъ же рѣшить его? А вотъ какъ: Пусть сынъ станетъ предъ отцомъ своимъ и осмысленно спроситъ его самого: „Отецъ, скажи мнѣ: для чего я долженъ любить тебя? Отецъ, докажи мнѣ что я долженъ любить тебя?“—и если этотъ отецъ въ силахъ и въ состояніи будетъ отвѣтить и доказать ему,—то вотъ и настоящая нормальная семья, не на предразсудкѣ лишь мистическомъ утверждающаяся, а на основаніяхъ разумныхъ, самоотчетливыхъ и строго гуманыхъ. Въ противномъ случаѣ, если не докажетъ отецъ—конецъ тотчасъ же этой семьѣ: онъ не

отецъ ему, а сынъ получаетъ свободу и право впредь считать отца своего за чужаго себѣ и даже врагомъ своимъ. Наша трибуна, господа присяжные, должна быть школой истины и здравыхъ понятій!“

Здѣсь ораторъ былъ прерванъ рукоплесканіями неупорядоченными, почти изступленными. Конечно, аплодировала не вся зала, но лодовина-то залы все-таки аплодировала. Аплодировали отцы и матери. Сверху, гдѣ сидѣли дамы, слышались визги и крики. Махали платками. Предсѣдатель изо всей силы началъ звонить въ колокольчикъ. Онъ былъ видимо раздраженъ поведеніемъ залы, но „очистить“ залу, какъ угрожалъ недавно, рѣшительно не посмѣлъ: аплодировали и махали платками оратору даже сзади сидѣвшія на особыхъ стульяхъ сановныя лица, старички со звѣздами на фракахъ, такъ что когда угомонился шумъ предсѣдатель удовольствовался лишь прежнимъ строжайшимъ общаіемъ „очистить“ залу, а торжествующій и взволнованный Остюковичъ сталъ опять продолжать свою рѣчь.

„Господа присяжные засѣдатели, вы помните ту страшную ночь о которой такъ много еще сегодня говорили, когда сынъ, черезъ заборъ, проникъ въ домъ отца и сталъ наковецъ лицомъ къ лицу со своимъ, родившимъ его врагомъ и обидчикомъ. Изъ всѣхъ силъ настаиваю—не за деньгами онъ прибѣжалъ въ ту минуту: обвиненіе въ грабежъ есть неслѣдность, какъ я уже и изложилъ прежде. И не убить, а вѣтъ, вломился онъ къ нему; еслибъ имѣлъ преднамѣреніе этотъ умыселъ, то озаботился бы по крайней мѣрѣ заранѣе хоть оружіемъ, а мѣдный лестъ онъ схватилъ инстинктивно, самъ не зная зачѣмъ. Пусть онъ обманулъ отца знаками, пусть онъ проникъ къ нему,—я сказалъ уже что ни на минуту не вѣрю этой легендѣ, но пусть, такъ и быть, предположимъ ее на одну минуту! Господа присяжные, клянусь вамъ всѣмъ что есть свято, будь это не отецъ ему, а посторонній обидчикъ, онъ, пробѣжавъ по комнатамъ и удостовѣряясь что этой женщины нѣтъ въ этомъ домѣ, онъ убѣжалъ бы стремглавъ, не сдѣлавъ солпернику своему никакого вреда, ударилъ бы, толкнулъ бы его можетъ-быть, но и только, ибо ему было не до того, ему было некогда, ему надо было знать гдѣ она. Но отецъ, отецъ—о все сдѣлавъ лишь видъ отца, его ненавистника съ дѣтства, его врага, его обидчика, а теперь—чудовищнаго солперника! Ненавистное чувство охватило его невольна, неупорядочно,

разсуждать нельзя было: все поднялось въ одну минуту! Это былъ аффектъ безумства и помѣшательства, но и аффектъ природы, мстящей за свои вѣчные законы безудержно и безосознательно, какъ и все въ природѣ. Но убійца и тутъ не убилъ,—я утверждаю это, я кричу про это,—нѣтъ, онъ лишь махнулъ лестомъ въ омерзительномъ негодованіи, не желая убить, не зная что убьетъ. Не будь этого роковаго леста въ рукахъ его и онъ бы только избилъ отца можетъ-быть, но не убилъ бы его. Убѣжавъ, онъ не зналъ убить ли поверженнаго имъ старикъ. Такое убійство не есть убійство. Такое убійство не есть и отцеубійство. Нѣтъ, убійство такого отца не можетъ быть названо отцеубійствомъ. Такое убійство можетъ быть причтено къ отцеубійству лишь по предразсудку! Но было ли, было ли это убійство въ самомъ дѣлѣ, взываю я къ вамъ снова и снова изъ глубины души моей! Господа присяжные, вотъ мы осудимъ его и онъ скажетъ себѣ: „Эти люди ничего не сдѣлали для судьбы моей, для воспитанія, для образованія моего чтобы сдѣлать меня лучшимъ, чтобы сдѣлать меня человѣкомъ. Эти люди не накормили и не напоили меня, и въ темницѣ нагаго не посѣтили, и вотъ они же сослали меня въ каторгу. Я сквитался, я ничего имъ теперь не долженъ и никому не долженъ во вѣки вѣковъ. Они злы и я буду злой. Они жестоки и я буду жестокъ.“ Вотъ что онъ скажетъ, господа присяжные! И клянусь: обвиненіемъ вашимъ вы только облегчите его, советъ его облегчите, онъ будетъ проклинать пролитую имъ кровь, а не сожалѣть о ней. вмѣстѣ съ тѣмъ вы погубите въ немъ возможнаго еще человѣка, ибо онъ останется злой и слѣлтъ на всю жизнь. Но хотите ли вы наказывать его страшно, грозно, самымъ ужаснымъ наказаніемъ какое только можно вообразить, но съ тѣмъ чтобы сласти и возродить его душу на вѣки? Если такъ, то подавите его вашимъ милосердіемъ! Вы увидите, вы услышите какъ вздрогнетъ и ужаснется душа его: Мнѣ ли снести эту милость, мнѣ ли столько любви, я ли достоинъ ее,—вотъ что онъ воскликнетъ! О, я знаю, я знаю это сердце, это дикое, но благородное сердце, господа присяжные. Оно преклонится предъ вашимъ подвигомъ, оно жаждетъ великаго акта любви, оно загорится и воскреснетъ на вѣки. Есть души которыя въ ограниченности своей обвиваютъ весь свѣтъ. Но подавите эту душу милосердіемъ, окажите ей любовь, и она проклянетъ свое дѣло, ибо въ ней столько добрыхъ зачатковъ. Душа

расширится и узреть какъ Богъ милосердъ и какъ люди прекрасны и справедливы. Его ужаснетъ, его подавить раскаяніе и безчисленный долгъ предстоящій ему отседѣ. И не скажетъ онъ тогда: „Я сквитался,“ а скажетъ: „Я виноватъ предъ всѣми людьми и всѣхъ людей недостойнѣ.“ Въ слезахъ раскаянія и жгучаго страдальческаго умиленія онъ воскликнетъ: „Люди лучше чѣмъ я, ибо захотѣли не погубить, а спасти меня!“ О! вамъ такъ легко это сдѣлать, этотъ актъ милосердія, ибо при отсутствіи всякихъ чуть-чуть похожихъ на правду улыкъ вамъ слыхкомъ тяжело будетъ произнести: „Да, виновенъ.“ Лучше отлустить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго — слышите ли, слышите ли вы этотъ величавый голосъ изъ прошлаго столѣтія вашей славной исторіи? Мыѣ ли ничтожному напоминать вамъ что русскій судъ есть не кара только, но и спасеніе человѣка погибшаго! Пусть у другихъ народовъ буква и кара, у насъ же духъ и смыслъ, спасеніе и возрожденіе погибшихъ. И если такъ, если дѣйствительно такъва Россія и судъ ея, то—впередъ Россія, и не пугайте, о не пугайте насъ вашими бѣшенными тройками, отъ которыхъ омерзительно сторонятся всѣ народы! Не бѣшенная тройка, а величавая русская колесница торжественно и спокойно прібудетъ къ цѣли. Въ вашихъ рукахъ судьба моего кліента, въ вашихъ рукахъ и судьба нашей правды русской. Вы спасете ее, вы отстоите ее, вы докажете что есть кому ее соблюсти, что она въ хорошихъ рукахъ!“

XIV.

Мужички за себя постояли.

Такъ кончилъ Оетюковичъ, и разразившійся на этотъ разъ восторгъ слушателей былъ неудержимъ какъ буря. Было уже и немислимо сдержать его: женщины плакали, плакали и многіе изъ мужчинъ, даже два савовника пролили слезы. Предсѣдатель покорился и даже помедлилъ звонить въ колокольчикъ: „Посагать на такой энтузіазмъ значило бы посагать на святую“, какъ кричали потомъ у насъ дамы. Самъ ораторъ былъ искренно растроганъ. И вотъ въ такую-то минуту и подвинулся еще разъ „обмѣняться возраженіями“ нашъ Иллариъ Кирилловичъ. Его завидѣли съ ненавистью: „Какъ? Чтò это? Это онъ-то смѣетъ еще возражать?“ зашептали

дамы. Но еслибы даже заделетали дамы цѣлаго міра, и въ ихъ главѣ сама прокурорша, сулруга Иллонта Кирилловича, то и тогда бы его нельзя было удержать въ это мгновеніе. Онъ былъ блѣдень, онъ сотрясаясь отъ волненія; лервыя слова, лервыя фразы выговоренныя имъ были даже и непонятны; онъ задыхался, плохо выговаривалъ, сбивался. Впрочемъ скоро поправился. Но изъ этой второй рѣчи его я приведу лишь нѣсколько фразъ.

„...Насъ упрекають что мы насоздавали романовъ. А что же у защитника какъ не романъ на романъ? Не доставало только стиховъ. Федоръ Павловичъ въ ожиданіи любовницы разрываетъ конвертъ и бросаетъ его на полъ. Приводится даже что онъ говорилъ при этомъ удивительномъ случаѣ. Да развѣ это не лѣрма? И гдѣ доказательство что онъ вынулъ деньги, кто слышалъ что онъ говорилъ? Слабуимый идіотъ Смердяковъ, преображенный въ какого-то Байроновскаго героя, мстащаго обществу за свою незаконнорожденность,—развѣ это не лѣрма въ Байроновскомъ вкусь? А сынъ вломившійся къ отцу, убившій его, но въ то же время и не убившій, это ужъ даже и не романъ, не лѣрма, это сфинксъ задающій загадки, которыя и самъ ужъ конечно не разрѣшитъ. Коль убилъ такъ убилъ, а какъ же это коли убилъ такъ не убилъ — кто пойметъ это? Затѣмъ возвѣщаютъ намъ что наша трибуна есть трибуна истины и здравыхъ понятій, и вотъ съ этой трибуны „здравыхъ понятій“ раздается, съ клятвою, аксіома что называть убійство отца отцеубійствомъ есть только одинъ предразсудокъ! Но если отцеубійство есть предразсудокъ и если каждый ребенокъ будетъ допрашивать своего отца: „Отецъ, зачѣмъ я долженъ любить тебя?“—то что станется съ нами, что станется съ основами общества, куда дѣнется семья? Отцеубійство, это, видите ли, только „жулель“ московской кулчихи. Самые драгоценныя, самые священныя завѣты въ назначеніи и въ будущности русскаго суда представляются извращенно и легкомысленно чтобы только добиться цѣли, добиться оправданія того что нельзя оправдать. О, подавите его милосердіемъ, восклицаетъ защитникъ, а преступнику только того и надо, и завтра же всѣ увидятъ, какъ онъ будетъ подавленъ! Да и не слѣшкомъ ли скромнѣе защитникъ требуя лишь оправданія подсудимаго? Отчего бы не потре-

бовать учрежденія стипендіи имени отцеубійцы, для увѣковѣченія его подвига въ потомствѣ и въ молодомъ поколѣніи? Исправляются Евангеліе и религія: это, дескать, все мистика, а вотъ у насъ лишь настоящее христіанство, уже провѣренное анализомъ разсудка и здравыхъ понятій. И вотъ воздвигаютъ предъ нами жеподобіе Христа! *Въ ю же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ*, восклицаетъ защитникъ и въ тотъ же мигъ выводитъ что Христосъ заповѣдалъ мѣрять въ ту мѣру въ которую и вамъ отмѣряютъ,—и это съ трибуны истины и здравыхъ понятій! Мы заглядываемъ въ Евангеліе лишь наканунѣ рѣчей нашихъ для того чтобы блеснуть знакомствомъ все-таки съ довольно оригинальнымъ сочиненіемъ, которое можетъ пригодиться и послужить для нѣкотораго эффекта, по мѣрѣ надобности, все по размѣру надобности! А Христосъ именно велитъ не такъ дѣлать, беречься такъ дѣлать, потому что злобный міръ такъ дѣлаетъ, мы же должны прощать и ланиту свою подставлять, а не въ ту же мѣру отмѣривать въ которую мѣрятъ намъ наши обидчики. Вотъ чему училъ насъ Богъ нашъ, а не тому что запрещать дѣтямъ убивать отцовъ есть предрассудокъ. И не ставемъ мы поправлять съ кафедры истины и здравыхъ понятій Евангеліе Бога нашего, котораго защитникъ удостоиваетъ назвать лишь „расплатымъ челоуѣколюбцемъ“, въ противоположность всей православной Россіи, вызывающей къ нему: „Ты бо еси Богъ нашъ!..“

Тутъ предсѣдатель вступился и осадилъ увлекшагося, попросивъ его не преувеличивать, оставаться въ должныхъ границахъ, и пр., и пр., какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ предсѣдатели. Да и зала была неспокойна. Публика шевелилась, даже восклицала въ негодованіи. Оettinger даже и не возражалъ, онъ вздохнулъ только чтобы, приложивъ руку къ сердцу, обиженнымъ голосомъ проговорить нѣсколько словъ, полныхъ достоинства. Онъ слегка только и насмѣшливо олять коснулся „романовъ“ и „психологіи“ и къ слову вернулся въ одномъ мѣстѣ: „Юпитеръ, ты сердисься, стало-быть ты не правъ“, — чѣмъ вызвалъ одобрительный и многочисленный смѣшокъ въ публикѣ, ибо Илларионъ Кирилловичъ уже совсѣмъ былъ не похожъ на Юпитера. Затѣмъ на обвиненіе что будто онъ разрешаетъ молодому поколѣнію убивать отцовъ, Оettinger съ

глубокимъ достоинствомъ замѣтилъ что и возражать не станетъ. На счетъ же „Христовъ лжеподобія“ и того что онъ не удостоилъ назвать Христа Богомъ, а назвалъ лишь „растятымъ человеколюбомъ“, что „противно де православію и не могло быть высказано съ трибуны истинны и здравыхъ помысловъ“ — Фетюковичъ намекнулъ на „инсинуацію“ и на то что, собираясь сюда, онъ по крайней мѣрѣ разчитывалъ что здѣшняя трибуна обезпечена отъ обвиненій „опасныхъ для моей личности, какъ гражданска и веролодаданнаго“... Но при этихъ словахъ председатель осадилъ и его, и Фетюковичъ, поклонясь, закончилъ свой отвѣтъ, провожаемый всеобщимъ одобрительнымъ говоромъ залы. Ипполитъ же Кирилловичъ, до мнѣнію нашихъ дамъ, былъ „раздавленъ на вѣки“.

Затѣмъ предоставлено было слово самому подсудимому. Митя всталъ, но сказалъ немного. Онъ былъ страшно утомленъ и тѣлесно, и духовно. Видъ независимости и силы, съ которымъ онъ появился утромъ въ залу, почти исчезъ. Онъ какъ-будто что-то пережилъ въ этотъ день на всю жизнь, научившее и вразумившее его чему-то очень важному, чего онъ прежде не понималъ. Голосъ его ослабѣлъ, онъ уже не кричалъ какъ давеча. Въ словахъ его послышалось что-то новое, смирившееся, побѣжденное и припикшее.

„Что мнѣ сказать, господа присяжные! Судъ мой пришелъ, слышу десницу Божию на себѣ. Коонецъ безлутному человеку! Но какъ Богу исповѣдаюсь, и вамъ говорю: „Въ крови отца моего—вѣтъ, не виновенъ!“ Въ послѣдній разъ повторяю: „Не я убилъ! Безлутенъ былъ, но добро любилъ. Каждый мигъ стремился исправиться, а жилъ дикому вѣрю подобенъ. Спасибо прокурору, многое мнѣ обо мнѣ сказалъ, чего и не зналъ я, но неправда что я убилъ отца, ошибся прокуроръ! Спасибо и защитнику, плакалъ его слушая, но не правда что я убилъ отца, и предполагать не надо было! А докторамъ не вѣрте, я въ полкомъ умѣ, только душѣ моей тяжело. Коли пощадите, коль отпустите—помолюсь за васъ. Лучшимъ стану, слово даю, передъ Богомъ его даю. А коль осудите—самъ сломаю надъ головой моей шпалу, а сломавъ поцѣлую обломки! Но пощадите, не лишите меня Бога моего, знаю себя: возроццу! Тяжело душѣ моей, господа... пощадите!“

Онъ почти упалъ на свое мѣсто, голосъ его пресѣкъся, послѣднюю фразу онъ едва выговорилъ. Затѣмъ судъ присту-

лилъ къ постановкѣ вопросовъ и началъ спрашивать у сторовъ заключеній. Но не описываю въ подробности. Наконецъ-то присяжные встали чтобъ удалиться для совѣщаній. Предсѣдатель былъ очень утомленъ, а потому и сказалъ имъ очень слабое напутственное слово: „Будьте де безпристрастны, не слушайте краснорѣчивыми словами защиты, но однако же завѣсьте, вспомните что на васъ лежитъ великая обязанность“, и проч., и проч. Присяжные удалились и наступилъ перерывъ засѣданія. Можно было встать, пройтись, обѣднаться накопившимися впечатлѣніями, закутить въ буфетъ. Было очень поздно, уже около часу полонудочи, но никто не развѣзжался. Всѣ были такъ напряжены и настроены что было не до покоя. Всѣ ждали, замирая сердцемъ, хотя впрочемъ и не всѣ замирали сердцемъ. Дамы были лишь въ истерическомъ нетерпѣніи, но сердцами были спокойны: „Оправданіе де неминуемое“. Всѣ онѣ готовились къ эффектной минутѣ общаго энтузіазма. Признаюсь, и въ мужской половинѣ залы было чрезвычайно много убѣжденныхъ въ неминуемомъ оправданіи. Иные радовались, другіе же хмурились, а иные такъ просто повѣсили носы: не хотѣлось имъ оправданія! Самъ Остюковичъ былъ твердо увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ былъ окруженъ, принималъ поздравленія, передъ нимъ заискивали.

— Есть, сказалъ онъ въ одной группѣ, — какъ передавали потомъ, — есть эти невидимыя нити, связующія защитника съ присяжными. Онѣ завязываются и предчувствуются еще во время рѣчи. Я ощутилъ ихъ, онѣ существуютъ. Дѣло наше, будьте спокойны.

— А вотъ что-то наши мужички теперь скажутъ? проговорилъ одинъ нахмуренный, толстый и рабой господиный, подгородный помѣщикъ, подхода къ одной группѣ разговаривавшихъ господъ.

— Да вѣдь не одни мужички. Тамъ четыре чиновника.

— Да, вотъ чиновники, проговорилъ подходя членъ земской управы.

— А вы Назарьева-то, Прохора Ивановича, знаете, вотъ этотъ кулець-то съ медалью, присяжный-то?

— А что?

— Ума палата.

— Да онъ все молчитъ.

— Молчать-то молчать, да вѣдь тѣмъ и лучше. Не то что Петербургскому его учить, самъ весь Петербургъ научить. Двѣнадцать человѣкъ дѣтей, подумайте!

— Да помилуйте, неужто не оправдаютъ? Кричалъ въ другой группѣ одинъ изъ молодыхъ нашихъ чиновниковъ.

— Оправдаютъ навѣрно, слышался рѣшительный голосъ.

— Стыдно, позорно было бы не оправдать! восклицалъ чиновникъ, — пусть онъ убилъ, но вѣдь отецъ и отецъ! И наконецъ онъ былъ въ такомъ изступленіи... Онъ дѣйствительно могъ только махнуть пестомъ и тотъ повапился. Плохо только что лакея тутъ притянули. Это просто смѣшной эпизодъ. Я бы на мѣстѣ защитника такъ прямо и сказалъ: убилъ, но не виновенъ, вотъ и чортъ съ вами!

— Да онъ такъ и сдѣлалъ, только чортъ съ вами не сказалъ.

— Нѣтъ, Михаилъ Семеновичъ, почти что сказалъ, подхватилъ третій голосокъ.

— Помилуйте, господа, вѣдь оправдали же у насъ великимъ пестомъ актрису которая законной женою своего любовника горло перерѣзала?

— Да вѣдь не дорѣзала.

— Все равно, все равно, начала рѣзать!

— А про дѣтей-то какъ онъ? Великолѣпно!

— Великолѣпно.

— Ну а про мистика-то, про мистика-то, и?

— Да полноте вы о мистикѣ, вскричалъ еще кто-то, вы выкиньте въ Иллоита-то, въ судьбу-то его отселева дня! Вѣдь ему завтрашній день его прокурорша за Митеньку глаза выцаралаетъ.

— А она здѣсь?

— Чего здѣсь? Была бы здѣсь, здѣсь бы и выцаралаала. Дома сидитъ, зубы болятъ. Хе-хе-хе!

— Хе-хе-хе!

Въ третьей группѣ.

— А вѣдь Митеньку-то пожалуй и оправдаютъ.

— Чего добраго, завтра весь „Столичный городъ“ разнесетъ, десять дней льянствовать будетъ.

— Эхъ вѣдь чортъ!

— Да чортъ-то чортъ, безъ чорта не обошлось, гдѣ жъ ему и быть какъ не тутъ.

— Господа, положимъ краснорѣчіе. Но вѣдь нельзя же и отцамъ ломать головы безмелами. Иначе до чего же дойдемъ?

— Колесница-то, колесница-то, помните?

— Да, изъ телѣги колесницу сдѣлаемъ.

— А завтра изъ колесницы телѣгу, „по мѣрѣ надобности, все по мѣрѣ надобности“.

— Ловкій народъ пошелъ. Правда-то есть у насъ на Руси, господа, ади нѣтъ ее вовсе?

Но зазвонилъ колокольчикъ. Присяжные совѣщались равно часъ, ни больше, ни меньше. Глубокое молчаніе воцарилось только что услышавъ слова публика. Помню какъ присяжные вступили въ залу. Наконецъ-то! Не привожу вопросовъ по пунктамъ, да я ихъ и забылъ. Я помню лишь отвѣтъ на первый и главный вопросъ предсѣдателя, т.-е. „убилъ ли съ цѣлью грабежа преднамѣренно“ (текста не помню)? Все замерло. Старшина присяжныхъ, именно тотъ чиновникъ который былъ всѣхъ моложе, громко и ясно, при мертвенной тишинѣ залы, провозгласилъ:

— Да, виновенъ!

И потомъ по всѣмъ пунктамъ пошло все то же: виновенъ, да виновенъ, и это безъ малѣйшаго смисхожденія! Этого ужъ никто не ожидалъ, въ смисхожденіи-то по крайней мѣрѣ почти всѣ были увѣрены. Мертвая тишина замъ не прерывалась, буквально какъ бы всѣ окаменѣли—и жаждавшіе осужденія, и жаждавшіе оправданія. Но это только въ первые минуты. Затѣмъ поднялся страшный хаосъ. Изъ мужской публики много оказалось очень довольныхъ. Иные такъ даже потирали руки, не скрывая своей радости. Недовольные были какъ бы подавлены, пожимали плечами, шелтались, но какъ будто все еще не сообразившись. Но, Боже мой, что случилось съ нашими дамами! Я думалъ что онѣ сдѣлаютъ бунтъ. Сначала онѣ какъ бы не вѣрили ушамъ своимъ. И вдругъ, на всю залу, послышались восклицанія: „Да что это такое? Это еще что такое?“ Онѣ повскакали съ мѣстъ своихъ. Имъ вѣрно казалось что все это сейчасъ же можно опять переменить и передѣлать. Въ это мгновеніе вдругъ поднялся Митя и какимъ-то раздирающимъ волеемъ прокричалъ, простирая предъ собой руки:

— Клянусь Богомъ и страшнымъ судомъ его, въ крови отца моего не виновенъ! Катя, прощаю тебѣ! Братья, друзья, пощадите другую!

Онъ не договорилъ и зарыдалъ на всю залу, въ голосъ, страшно, какимъ-то не своимъ, а новымъ, неожиданнымъ какимъ-то, голосомъ, который Богъ знаетъ откуда вдругъ у него явился. На хорахъ, на верху, въ самомъ заднемъ углу раздался пронзительный женскій вопль: это была Грушенька. Она умолила кого-то еще давеча и ее вновь пропустили въ залу еще предъ началомъ судебныхъ преній. Митю увела. Произнесеніе приговора было отложено до завтра. Вся зала подвиглась въ суматохѣ, но я уже не ждалъ и не слушалъ. Запомнилъ лишь нѣсколько восклицаній, уже на крыльцѣ, при выходѣ.

- Двадцать лѣтъ рудничковъ поножаетъ.
- Не меньше.
- Да-съ, мужички наши за себя постояли.
- И докончили нашего Митеньку!

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ. *

* Эпилогъ романа появится въ слѣдующей книжкѣ.

ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА*

Казань, 7го февраля.

Побывалъ въ Адрианополѣ; объѣхалъ чуть не всю южную Забалканскую Болгарію и ни откуда не могъ послать письма, потому что не было возможности писать; можетъ-быть это и къ лучшему: съ дороги я могъ написать тебѣ какую-нибудь записочку—не больше, а теперь могу дать подробный отчетъ о цѣлой поѣздкѣ.

Отправились мы съ Пашковскимъ утромъ 27 января. Погода стояла отличная, день былъ ясный, солнечный; артелка, запряженная четверкой лучшихъ лазаретныхъ лошадей, катилась очень ходко по предельной долинѣ Тунджи; налѣво отъ насъ, исподинская стѣна Большихъ Балканъ, вершины которыхъ еще покрыты снѣгомъ; направо, огромные, шатровидные конусы Малыхъ Балканъ, поросшіе густымъ, темнымъ лѣсомъ, а кругомъ по долинѣ—необозримая плантация розовыхъ кустовъ, уже набирающихъ свои почки; по предгорьямъ съ обѣихъ сторонъ, сплошные виноградники. Повсюду кишитъ народъ: Болгары и Турки со всеми своими удѣльщиками домохозянами роются въ землѣ какъ муравьи; вездѣ купить горячая, слѣшная работа—очистка и пересадка розо-

* См. №№ 2, 6, 7 и 8 *Русскаго Вѣстника*.

выхъ и виноградныхъ кустовъ. У подножія тѣхъ и другихъ Бакалѣ, по всей обширной долинѣ, видѣется множество деревушекъ и отдѣльныхъ чифликковъ съ высокими минаретами, бѣлящими изъ-за стѣнъ кипарисовъ и могучихъ орѣховыхъ деревьевъ (грецкихъ). Временно разбѣжавшіеся жители, уцѣлѣвшіе отъ военнаго погрома, собрались уже на свои родныя пелеліща и горячо принялись за обычныя работы. Удивительно какъ скоро мирный земледѣльческій трудъ примиряетъ между собою людей! Протекъ какой-нибудь мѣсяцъ какъ эти враждующіе сосѣди безпощадно рѣзали другъ друга, грабили и олустошали взаимно свои скудныя ложитки; а теперь, съ заключеніемъ военнаго перемирія, какъ будто вездѣ заключено и перемиріе сосѣдское, общественное... Недавніе непримиримые враги теперь мирно копошатся каждый за своимъ дѣломъ и, безъ сомнѣнія, оказываютъ при этомъ другъ другу тѣ или другія услуги, необходимую помощь, взаимныя одолженія... Это замѣчательное, чисто психическое явленіе мы съ удивленіемъ наблюдали и въ Казанлыкѣ, и въ Габровѣ, и на всемъ нашемъ маршевомъ пути отъ Плевны. Даже послѣ жесточайшей битвы 28 ноября наши солдаты и пѣхотные Турки удивляли насъ своими взаимными отношеніями: за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ это были не люди, а звѣри, жаждавшіе растерзать другъ друга; кончилась битва, улеглось мало-по-малу возбужденное звѣрское чувство и, чрезъ нѣсколько часовъ, эти звѣри опять сдѣлались людьми, какъ будто переродились. Откуда явились у нихъ взаимныя интересы, нужды и при этомъ чуть не дружескія одолженія? Солдаты дѣлятся съ голоднымъ Туркомъ своимъ роднымъ чернымъ сухаремъ, Турокъ одождаетъ ему табачку. Въ особенности, въ Казанлыкѣ насъ поражали взаимныя отношенія Турокъ и Болгаръ: на улицахъ, на базарѣ они толпятся вмѣстѣ, торгуются, спорятъ, опять слаживаются, какъ будто между ними никогда ничего не бывало, и только грустныя развалины домовъ, да еще не вездѣ убраныя трупы служатъ нѣмыми свидѣтелями той страшной, нечеловѣческой вражды которая такъ недавно еще свирѣловала здѣсь со всѣми своими разрушительными ужасами...

Прокативъ по долинѣ версты десять и переѣхавъ на этомъ пространствѣ десятки горныхъ ручейковъ, бурно и шумно бѣгущихъ съ горныхъ вершинъ въ лопноводную Тунджу, мы круто, почти подъ прямымъ угломъ, повернули вправо къ

Малымъ Балканамъ. Предъ нами видѣлась деревушка Карагачъ, вся лотонувшая въ садахъ, на окраинахъ которыхъ гордо высятся въ небо сторожевые великаны-киларисы, пирамидальные тополы, а по долинѣ, около самой Тунджи, раскинулись груллами еще невиданные нами громадные платаны, развѣсистые орѣхи, кудрявыя ольхи, плакучія ивы, да кругомъ виноградники, розовые кусты. Вообрази только-что наступающую весну, представь себѣ что все это уже надудось, вслучилось, вотъ-вотъ готово прыснуть жизнью, зазеленѣть, зацвѣсти, разлить повсюду цѣлое море аромата и весенней прелести... Предвкушеніе этого аромата уже чувствуется во всемъ окружающемъ васъ воздухѣ; еще распутившаяся только-что земля и пробивающаяся повсюду зелень даютъ отъ себя свой особенный, такъ-сказать, земляной залахъ, но въ воздухѣ уже слышится что-то другое, еще болѣе пріятное, ароматичное: каждая почечка будущаго винограднаго, розоваго, орѣховаго и всяческаго цвѣтка слѣшится дать отъ себя свой собственный, не цвѣточный еще, а именно почечный аромат, и въ воздухѣ васъ окружающемъ чувствуется такая прелесть, такое что-то чудно-хорошее, мягкое, невыразимо пріятное, что дышешь—не надынешься, живешь—не нарадуешься... Что же тутъ будетъ во время самаго цвѣтенія?

Переѣхавъ на другую сторону Тунджи, мы сразу почувствовали не то... Другой берегъ представляетъ большую, ровную и совершенно открытую поляну; ни единого кустика, ни деревца до самаго подножія Малыхъ Балканъ. На этой-то полянѣ привольно раскидывали свои бивуаки всѣ проходившія тутъ войска, и наши, и турецкія; здѣсь именно останавливались всѣ части на ночлегъ послѣ перваго перехода отъ Казанлыка или отъ Эски-Загры, изъ-за Малыхъ Балканъ; тутъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, бивуакировала турецкая кавалерія Шилкивской арміи. Остатки бивуачнаго расположенія видѣются по всей этой обширной полянѣ и при наступившей теллой, весенней погодѣ разительно даютъ себя чувствовать. На большое пространство воздухъ отравленъ невыносимымъ зловоніемъ.

Переѣхавъ какъ можно послѣшнѣе эту своего рода *гевну*, мы вступили въ первое ущелье Малыхъ Балканъ и на первомъ же пригорочкѣ сдѣлали привалъ, такъ какъ пробѣжали уже отъ Казанлыка болѣе лятнадцати верстъ. Солнышко

прилежало отлично; на пригоркѣ показались уже первые весенніе цвѣточки, какіе-то желто-лиловые одуванчики: выскочить изъ земли тончайшій стебелекъ ростомъ меньше вершка и зацвѣтеть себѣ безъ листочка, безъ зелени; самъ цвѣточекъ такъ вѣженъ, такъ вопреку что чуть только къ нему прикоснешься, какъ онъ уже мгновенно свертывается, вянетъ и тутъ же скорлостивно умираетъ.... Каждый такой цвѣтокъ въ отдаленности не имѣетъ понюхивому никакого запаха, но отъ цѣлой массы ихъ царить въ воздухѣ неумолкаемая свѣжесть, прелесть, которую такъ и хочется вдыхать полною грудью; а тутъ какъ разъ надъ тобою звенитъ въ безоблачной, небесной синевѣ неумолкаемо-радостная трель вѣчно-веселаго жаворонка; почти у самыхъ ногъ журчитъ и кипитъ лѣнистый горный ручей улюрю вырывающійся изъ тѣснаго ущелья; на косогорѣ, подъ лѣскомъ, впереди разсыпавшагося стада, беззаботно рѣзвятся въ припрыжку молодые барашки и козлята, гдѣ-то неистово оретъ оселъ, тавкаетъ чуть слышно собаченка,—и во всѣхъ этихъ звукахъ, во всѣхъ этихъ разворадывающихся голосахъ слышится одна какая-то всеобъемлющая, всеобъединяющая нотка весенней радости, воскресшей жизни.... Мать-природа, какъ же ты бываешь иногда чудно-хороша, невыразимо очаровательна! Лежа на пригоркѣ подъ теплыми лучами весенняго солнца, дыша этимъ чуднымъ, горнымъ воздухомъ, я невольно припомнилъ слова незабвеннаго для меня дѣдушки Иринея: *

„Какъ люблю тебя, весна, я!
 Такъ бы все я и глядѣлъ,
 Все бы вѣжился и млѣлъ
 На минутку не вставая. *
 Охъ, моя ты золотая!...“

Не помню, когда бы еще такъ отрадно, такъ невыразимо пріятно дѣйствовала на меня мать-природа, какъ здѣсь въ этихъ чудныхъ предгоріяхъ Малыхъ Балканъ! А что-то теперь на нашемъ родномъ сѣверѣ, на нашей родимой сторонкѣ?... Странно, а именно здѣсь, въ эти незабвенныя минуты, мнѣ какъ-то безотчетно, но ясно и вмѣстѣ грустно

* У меня хранится рукопись, оставшаяся въ бумагахъ послѣ смерти моего родственника, извѣстнаго Андрея Порфирьевича Серебрянскаго, друга и наставника поэта Кольцова. Рукопись эта, едва ли бывшая въ печати, имѣетъ надпись: „Разказы дѣдушки Иринея“.

вспомнилась наша милая, дорогая родина.... Что вы говорите, какими вы обставляете человека дивными картинами природы, сердце его невольно тяготеетъ къ родинѣ, какъ бы она ни была сурова и бѣдна!...

Переваливъ какой-то огромный горный краѣ, по сторонамъ котораго видѣются повсюду деревушки, къ удивленію нашему не совсѣмъ разоренныя, мы начали спускаться въ знаменитое Эски - Загрское ущелье, о которомъ еще въ Габровѣ и потомъ въ Казанлыкѣ много говорили намъ Болгары. Ущелье дѣйствительно замѣчательное; жаль что для большей наглядности я не могу привести никакого сравненія въ подобномъ же родѣ; не бывалъ я на Кавказѣ и не видалъ знаменитаго Дарьяльскаго ущелья, столько разъ воспѣтаго нашими поэтами и туристами; ничего подобнаго не пришлось мнѣ видѣть ни въ Уралѣ, ни въ Алтай, хотя конечно такія же ущелья навѣрно есть и во всѣхъ этихъ горныхъ краѣхъ; но Эски - Загрское ущелье поразило меня своею дикою красой: смотря на эти громадныя скалы, прорѣзанныя насквозь глубокимъ ущельемъ, невольно поражаешься мыслию что эти гигантскія разсѣины земли образовались не вслѣдствіе какого-нибудь геологическаго переворота, землетрясенія, а самымъ простымъ, естественнымъ процессомъ, именно — дѣйствіемъ воды.... Какой-нибудь ничтожный, горный ручеекъ совершилъ эту гигантскую работу, начавъ ее съ незалапныхъ временъ и упорно и настойчиво продолжая ее до настоящей минуты.... Этотъ неустанный труженникъ, этотъ неугомонный борецъ и телеръ шумливо бурлитъ по каменному ложу Эски - Загрскаго ущелья, продолжая свою вѣковѣчную работу. Неужели и тутъ пресловутая борьба за существованіе? Неужели вода борется съ землею за право бытія, за свободу движенія, за удобства жизни? Не знаю, какія еще другія явленія природы способны вызывать насъ на болѣе глубокія размышленія какъ эти громады горъ, эти, по выраженію поэта,

..... столпы созданья—

Нерукотворная краса,—

Земли могучія возстанья,

Побѣги праха въ небеса!...

Я уже и не говорю о томъ какія возвышенныя, глубоко благоговѣйныя чувства способны возбуждать въ истинно-вѣрующей душѣ эти могучіе „столпы созданья“—горы, съ ихъ

неисчислимо разнообразными явлениями, то восторгающими, то въ ужасъ приводящими. И только любясь въ нѣмомъ восторгѣ дивными красотами горныхъ вершинъ, ярко освѣщенныхъ лучами солнца, или неволью приходя въ ужасъ при видѣ глубочайшихъ, какъ будто бездонныхъ расщелинъ и проластей, начинаешь мало-по-малу понимать почему первобытный человѣкъ для выраженія своего неодолимаго влеченія къ Творцу, для своихъ безыскусственныхъ жертвъ и моленій избиралъ по преимуществу вершины горъ. Эти величественные конусы представлялись его сознанию самыми естественными алтарями, и здѣсь только онъ могъ, всякое земное отложивъ полеченіе, возноситься своею душой къ Богу, здѣсь только онъ могъ чувствовать себя *ближе* къ своему Творцу.... Никогда не забуду впечатлѣнія произведеннаго на меня знаменитымъ Эски-Загрскимъ ущельемъ.

Долго, болѣе двухъ часовъ мы тянулись по этой страшной тѣсницѣ и тянулись шагъ за шагомъ, какъ бы ощупывая каждую пядь земли подъ своими ногами. Дорожка лѣвится и вьется зигзагами по лѣвой сторонѣ ущелья, плотно прижимаясь къ отвѣсной скалѣ; она такъ тѣсна и узка что при встрѣчѣ съ какимъ бы то ни было экипажемъ, во многихъ мѣстахъ вѣтъ ни малѣйшей возможности разминуться; почему при вѣздѣ въ ущелье всегда посылають кого-либо впередъ чтобъ осмотрѣть не ѣдетъ ли кто на встрѣчу. Такъ сдѣлали и мы, и только благодаря этой предосторожности благополучно разминувшись съ нѣсколькими встрѣчными повозками; остановимся на болѣе широкомъ мѣстѣ, гдѣ можно разѣхаться, и ждемъ пока проѣдутъ встрѣчные,—это очень замедляетъ движеніе. Въ одномъ мѣстѣ, на самомъ высокомъ пунктѣ, до котораго подымается эта дорожка, мы съ ужасомъ увидѣли внизу, на самомъ днѣ пропасти, валяющіеся остатки пушечнаго лафета и зеленыхъ колесъ, скелеты несчастныхъ лошадей... Представь себѣ моментъ, когда все это полетѣло со страшной высоты въ не менѣе страшную бездну... Ужасъ!... А высота паденія по самой меньшей мѣрѣ сажень пятьдесятъ, шестьдесятъ!... Въ другомъ мѣстѣ, только гораздо пониже перваго, валяется въ кручѣ не совсѣмъ еще изгившій остовъ навьюченнаго осла, дальше—обломки турецкаго лазаретнаго фургона съ полумѣсяцемъ на боку,—да всего и не перечтешь.... Сколько тутъ принесено совершенно напрасныхъ жертвъ людской неосторожности и непроститель-

т. сѣлх.

ной безпечности!.... Неужели нельзя было огородить, обвести балясинами хотя бы самыя опасныя мѣста?.. А вѣдь здѣсь двигалась весьма значительная часть русской арміи, тутъ проѣзжала главная квартира, разные корпусныя и дивизионныя штабы, тутъ же дѣйствовали наши салеры и инженерныя....

Стало уже совсѣмъ вечерѣть, когда мы выбрались изъ этой дикой трущобы, и въ Эски-Загру прилепись при свѣтѣ луны. Правду намъ говорили еще въ Габровѣ и потомъ въ Казанлыкѣ что изъ всѣхъ болгарскихъ городовъ за Балканами ни одинъ не пострадалъ такъ ужасно какъ несчастная Эски-Загра, эта красавица между всѣми болгарскими городами. Дѣйствительно, въ Эски-Загрѣ не осталось кажется камня на камнѣ, особенно въ центрѣ города. Лунный свѣтъ придавалъ еще болѣе грустный и тяжелый видъ этому ужасному разрушенію, этимъ сплошнымъ развалинамъ. По указанію полицейскаго, мы переночевали въ какой-то пустой лачужкѣ, обгорѣлой и полуразрушенной; здѣсь же пріютились еще два семейства Болгарь-бѣженцевъ, состоявшія изъ однихъ женщинъ и дѣтей,—мущинъ же, по словамъ несчастныхъ, *Турекъ поръзали*... На другой день (28), по утру, мы разспросили все знающихъ нашихъ казаковъ и оказалось, что штабъ нашей дивизіи дѣйствительно находится въ городѣ Хаскіюѣ, что проѣхать туда всего удобнѣе на Чирпань, а изъ него пробраться черезъ Марицу на Филиппопольское шоссе, которое и приведетъ насъ въ самый Хаскіюѣ. Мы отправились. Утро великолѣпное, шоссезная дорога превосходная, и немного послѣ полудня мы прикатили въ Чирпань. На этомъ перевздѣ мы въ первый разъ увидали табачныя плантаціи; табакъ сѣютъ здѣсь также какъ кукурузу, на поляхъ, и на многихъ нивахъ торчатъ еще сухіе табачные стволы очень похожіе на наши подсолнухи; по предгоріямъ и склонамъ малыхъ Балканъ, у подножія которыхъ проходитъ шоссе, виднѣются повсюду сплошныя виноградники.—благодатная страна!... Между Чирпаномъ и Эски-Загрой огромная разница: послѣдняя вся въ развалинахъ, вся залита кровью, а Чирпань совершенно цѣль и невредимъ, хотя разстоянія между ними не болѣе тридцати верстъ. Весь секретъ этой разницы заключается въ томъ что до Чирпана не доходилъ нашъ Гурко въ первый свой походъ или вѣрнѣе въ первый набѣгъ за Балканы, и жители этого города не имѣли возможности такъ или иначе выразить свое со-

чувствіе къ Русскимъ, за что и были пощажены свирѣлымъ Сулейманомъ, которому они кромѣ того добровольно выдали всѣ свои ложитки и запасы, когда онъ грозно наступалъ на Эски-Загру, мечтая захватить тамъ Гурко. Въ Чирланѣ городское управленіе уже въ рукахъ Болгаръ, и предупредительные братушки оказали намъ самое радужное вниманіе и полную готовность содѣйствовать нашему дальнѣйшему путешествію; они дали намъ коннаго проводника, который долженъ былъ сначала довести насъ до ближайшей деревушки Сюльмесли, въ ней заночевать съ нами и на слѣдующій день проводить насъ до самаго Филиппопольскаго шоссе. Такъ все и было исполнено. Ночевали мы въ Сюльмесли, а на другой день (29 января), переѣхавъ еще деревушку Чукарджи, переправились на ларомѣ черезъ быструю и довольно широкую Марицу, перерѣзали полотно желѣзной дороги у станціи Эни-Магале, и около полудня выбрались на искомое нами Филиппопольское шоссе. Еслибъ я не оласался утомить тебя длинными подробностями этого письма, я описалъ бы и это проселочное путешествіе наше въ свою очередь также не безынтересное. Во всѣхъ деревушкахъ густо раскинувшихся по долинамъ Марицы, чрезъ которыя мы проѣзжали и названій которыхъ я не припомню, вездѣ мы видѣли множество лавшаго скота, валяющагося по улицамъ и околицамъ. На станціи Эни-Магале мы встрѣтили нашего русскаго жандарма и стали его разспрашивать — откуда такое множество погибшаго скота по деревьямъ и отчего его доселѣ не убиваютъ?

— Все это Турки наработали, отвѣчалъ онъ, — скотинка все болгарская, Туркамъ вельзя было захватить ее съ собою, такъ они взяли и перебили всю, — не доставайся, значить, ни намъ, ни вамъ.

— Да отчего же не употребили ее, какъ убитую, на говядину и даже не сняли ни съ одной кожу? спросили мы.

— А некому было, отвѣчалъ спокойно жандармъ: — братушки разбѣжались, а Туркамъ было не до того, дай Богъ самимъ-то ноги увести.

Переваливая черезъ одну довольно порядочную гору, между желѣзно-дорожною станціей и Филиппопольскимъ шоссе, мы не мало удивлены были множествомъ поладавшихъ намъ по дорогѣ живыхъ и очень большихъ *черепахи*, вездѣ по ту и по другую сторону дороги, особенно же на бывшихъ кукуруз-

ныхъ нивахъ, черепахи эти колопились въ огромномъ количествѣ. Чтò за исторія? Откуда могли явиться въ полѣ, далеко отъ воды, живыя черепахи и такія огромныя, какихъ мы никогда и не видавали? Подозвали мы нашего проводника и сталъ его разспрашивать; изъ словъ и лактомимъ его мы могли понять что черепахи эти водятся и въ самой Марицѣ, и по всѣмъ болотамъ и трясинамъ обширной низменной долины, по которой бѣжитъ эта болгарская Волга-матушка (конечно миниатюрная), что онѣ плодятся будто бы и въ самомъ грунтѣ земли и называются поэтому *земляныя черепахи*, что въ такіе теплые дни, какъ нынѣшній, черепахи отправляются въ поля и грызутъ тамъ оставшіеся въ землѣ прошлогодніе корни и кочны кукурузы. Чтò за отвратительныя гадины, когда онѣ высунуть свои головы или протянуть свои безобразныя лапы! Черель ихъ такъ твердъ и упругъ что можетъ выдерживать на себѣ давленіе огромной тяжести, по крайней мѣрѣ наша грузная артелека, переѣзжая черезъ нихъ своими грузными колесами, нисколько не вредила имъ; на мягкомъ грунтѣ она только вдавливала ихъ въ землю, а на твердомъ—сама поднималась и перекатывалась черезъ нихъ какъ черезъ булыжникъ.

Наконецъ мы на Филиппопольскомъ шоссе, на этой знаменитой откывѣ „*via mortis*“ (дорога смерти), по которой въ лавическомъ страхѣ бѣжали Турки предъ грозно наступавшею на нихъ русскою гвардіей!... Какія окрестности, какія мѣста! На западъ отъ дороги грозною стѣной, упираясь въ небо, бѣлѣютъ снѣжныя вершины мрачнаго Деслото-Дага; на югъ, глубокииъ амфитеатромъ потянулись Родопско-Македонскія горы; въ туманной синеватой дали едва видѣется Филиппополь,.. Господи, да куда же это мы забрались?... Никакъ ужъ на самую родину Александра Македонскаго?... А дальше чтò?... Неужели Господь удостоитъ лицомъ къ лицу узрѣть завѣтную Софію Цареградскую?... О, пробави милость Твою вѣдущимъ Тя!...

Описывать Филиппопольское шоссе между Филиппополемъ и Хаскїюлемъ невозможно... Ужасъ и ужасъ на каждомъ шагѣ!.. Прошло только всего три недѣли послѣ того какъ здѣсь разыгралась страшная, кровавая драма — рѣшительное пораженіе послѣдней турецкой, такъ-называемой Сулеймановской арміи, остатки которой сломя голову бѣжали по этому самому шоссе... За разбитыми Сулеймановцами бросались

бѣжать и всѣ Турки проживавшіе въ болгарскихъ городахъ и селеніяхъ, бросилась бѣжать вся Забалканская Турція. Цѣлый народъ со всѣмъ что только можно было захватить съ собою въ полыхахъ, подъ влияніемъ лавического страха ринулся бѣжать въ страшномъ безпорядкѣ, въ какомъ-то отчаянномъ ужасѣ, ни на что несмотря, ничего не щадя, ни о чемъ не соображая... Это было не переселеніе, не перекочевка съ мѣста на мѣсто, это было какое-то безумно-оторопѣлое бѣгство, во время котораго человѣкъ теряетъ всякое сознание, всякое человѣческое чувство и бываетъ способенъ насиловать и рвать самымъ безчеловѣчнымъ образомъ священнѣйшія узы семьи, родства, дружбы, сосѣдства... Только въ такомъ бессознательно-отчаянномъ положеніи отецъ бросаетъ сына, сынъ—отца, мать—своего ребенка... И только такимъ именно лавическимъ состояніемъ можно объяснить себѣ эту массу почернѣлыхъ и разрушившихся труловъ, которая и теперь еще лежитъ пластомъ по обѣимъ сторонамъ несчастнаго Филипполовскаго шоссе... Ужасный видъ!.. душу раздирающая картина!.. Сколько тутъ валяется сѣдыхъ стариковъ, старухъ, и что всего ужаснѣе видѣть, сколько грудныхъ дѣтей видимо брошенныхъ матерями!... И это на пространныхъ нѣсколькихъ верстѣхъ, нѣсколькихъ десятковъ верстѣхъ до самаго Хаскюя и, говорятъ, почти до самаго Адрианополя!.. Видѣлъ я страшное поле послѣдней Плевненской битвы; думалъ что ничего уже нѣтъ въ мірѣ ужаснѣе этого поля; а вотъ Богъ привелъ видѣть картины еще поразительнѣе, еще ужаснѣе!.. Глубоко жалѣю что я поѣхалъ въ этотъ истинно прискорбный луть и выужденъ былъ смотрѣть на все это; лучше остался бы дома, прочиталъ бы гдѣ-нибудь въ газетахъ объ ужасахъ на Филипполовской дорогѣ, поволновался бы и—конецъ; но самому, своими глазами видѣть эти ужасы, самому смотрѣть съ телѣги какъ одичалая собака гложетъ брошеннаго ребенка или теребитъ сѣдую старуху, это невыносимо!.. никакіе нервы не выдержатъ!..

По дорогѣ почти непрерывною вереницей тянутся наши солдаты, по преимуществу гвардейцы, вышедшіе изъ лазаретовъ или отставшіе отъ своихъ частей по какимъ-либо другимъ причинамъ; всѣ они слѣдуютъ къ Адрианополу, въ окрестностяхъ котораго собралась теперь вся наша дѣйствующая армія. Чѣмъ все это кончится, что послѣдуетъ за перемиріемъ, когда будетъ заключенъ и будетъ ли еще заключенъ

окончательный миръ, про то Богъ одинъ вѣдаетъ... А между тѣмъ войска наши все стягиваются, и всѣмъ этимъ отсталымъ солдатамъ строго-на-строго приказано послѣдовать къ своимъ частямъ. На привалѣ и по дорогѣ мы вступали съ гвардейцами въ разговоръ, и отъ нихъ, какъ очевидцевъ и участниковъ много слышали преинтересныхъ разказовъ о переходѣ ихъ черезъ Балканы, о битвахъ при Ташкисенѣ, подъ Софіей и Филипполомъ. Удивительный человекъ нашъ русскій солдатъ: извурень, отягощенъ, еле ноги передвигаетъ, а заговори съ нимъ о Туркѣ, о битвахъ, о генералахъ, и откуда только у него прыть возьмется: сейчасъ одушевится, подниметъ голосъ въ мажорный тонъ—и пошелъ, и пошелъ... Съ особеннымъ восторгомъ говорятъ гвардейцы о своемъ суровомъ Турко, о Дандевилѣ, Раухѣ и въ особенности о Шуваловѣ. Шуваловъ для гвардейцевъ то же самое что Скобелевъ для остальной арміи; о его подвигахъ въ горахъ, подъ Филипполомъ, о его переходѣ черезъ Марицу во время ледохода и подъ огнемъ непріятели они разказываютъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. Да, за эту войну ваша гвардія покрыла себя дѣйствительно безсмертною славой! Дубнякъ, Арабъ-Конакъ, Ташкисенъ, Филиппололь,—да всего и не перечтешь,—вотъ это подвиги, дѣла!...

Въ Хаскїой мы прїѣхали вечеромъ. Общій видъ города во многомъ напоминаетъ несчастную Эску-Загру: такія же развалины и олустройство. Остановился я, конечно, у В. К—ча и привяты былъ истинно по-братски; живутъ они вмѣстѣ съ А. Д. Сипсаревскимъ. Цѣлый вечеръ и чуть не цѣлую ночь проговорили мы тутъ,—да и было о чемъ поговорить,—матеріала накопилось довольно.... Какой же тяжелый походъ перевесли они пока добрались до Хаскїой! Маршировали какъ разъ въ самую весеннюю распутицу подъ проливными дождями, при холодныхъ вѣтрахъ и метеляхъ; каждый ручеекъ, каждую горную рѣчку нужно было переходить нерѣдко по самую шею въ водѣ. Набрались они мѣки, а все-таки пришли какъ слѣдуетъ, по маршруту.... Новостей ни политическихъ, ни военныхъ и они никакихъ не знаютъ; одинъ только слухъ тревожить всѣхъ: будто Англія мѣшаетъ заключенію мира и занятію нами Константинополя, обнадеживая злополучную Турцію своею активною помощью, своимъ вмѣшательствомъ не въ свои дѣла,—будто по милости Англіи наша армія остановилась у самыхъ стѣнъ Константинополя. Такъ ли все

это, Богъ знаетъ; поѣду въ Адрианополь, тамъ навѣрно все узнаю. Штабъ нашей дивизіи на двѣхъ переселяется въ городъ Мустафа-Паша, около Адрианополя, а нашъ Сибирскій полкъ остается еще на двѣ недѣли въ Хаскіюфъ,—для чего, какъ ты думаешь?... Для уборки труповъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и его окрестностяхъ.... Каково количество этихъ труповъ, можешь судить по тому что оставляется цѣлый полкъ на цѣлыя двѣ недѣли, да предъ этимъ тоже цѣлыхъ двѣ недѣли онъ занимался этою же работой.... Ужасъ и ужасъ!... Вѣрнись ли, я боюсь за себя, боюсь одеревенѣть, окаменѣть, потерять всякую способность къ воспріятію живыхъ впечатлѣній.... Первому человѣку тутъ чистая мука, безъ болѣзни болѣзнь... Отъ однихъ на каждомъ шагу попадающихся ужасовъ смерти и пестреленія повеловѣ измучишься и нравственно, и физически.

На другой день (30го января) отправился къ нашему почтенному начальнику дивизіи. Ты не можешь себѣ представить какъ высоко сталъ нашъ М. П—вичъ въ глазахъ всей дивизіи послѣ Плевненской битвы. Чтò тамъ ни лиши въ краснорѣчивыхъ разказахъ и реляціяхъ, а всѣ наши офицеры и солдаты единогласно утверждаютъ что во все продолженіе этой битвы никакого другаго начальства они не видали, ни чьихъ распоряженій не слышали. а видѣли только какъ начальникъ дивизіи безстрашно леталъ по полю битвы и хладнокровнѣйшимъ образомъ распоряжался повсюду. Увѣряютъ что когда онъ вводилъ двѣ стрѣлковыя роты Мало-россійскаго полка въ самый страшный огонь между Коланою Могцлою и лѣвымъ люнетомъ; въ этотъ моментъ боя онъ былъ истиннымъ героемъ. А между тѣмъ и въ газетныхъ корреспонденціяхъ, и въ официальныхъ реляціяхъ о немъ упоминается весьма глухо.... Даже составленная имъ реляція не принята въ резонъ,—вотъ вамъ и правда!... Вечеръ провели мы у добрѣйшаго П. Н. С—на; собралось много офицеровъ, начали толковать, разсуждать, спорить; поднялась весьма оживленная бесѣда,—толковали главнымъ образомъ о настоящемъ положеніи нашей арміи, о перемиріи, которое уже всѣмъ порядочно надоѣло, о возможности чего-нибудь *неладнаго, нехорошаго*.... Настойчиво поддерживается слухъ будто англійскій флотъ уже вошелъ въ Дарданеллы съ цѣлюю не дать намъ занять Галлиполи и Константинополь; а безъ этого занятія всѣ наши труды, всѣ неумовѣрные успія и подвиги,

всѣ блестящія побѣды пропадутъ ни за грошъ,—вѣнцомъ и конечною цѣлью настоящей войны долженъ быть Константинополь; не взять его, значить ничего не сдѣлать... Такъ разсуждаетъ не одна только „вѣтреная младость“; въ этомъ убѣждены и болѣе серіозные и солидные люди... Помянуто теперь какъ всѣ эти зловѣщія слухи, можетъ-быть совершенно неосновательные, тревожатъ, волнуютъ всѣхъ и весьма замѣтно распространяютъ общее недовольство и почти ропотъ. Но, кромѣ этого общаго недовольства, я не могъ не подмѣтить недовольства и частнаго, чисто-гренадерскаго. Офицерство наше крайне недовольно тѣмъ что намъ не пришлось участвовать ни въ одномъ дѣлѣ за Балканами; а здѣсь-то именно и были совершены, только не нами, а другими, самыя замѣчательныя, блестящія дѣла. Подвиги нашей славной гвардіи, безспорно знаменитые, великіе, возбуждаютъ въ нашемъ офицерствѣ весьма лютую зависть, поджигаютъ ревность; остается одна надежда—Константинополь; если и тутъ не придется отличиться, показать себя, не придется даже участвовать, тогда недовольство нашихъ гренадеръ можетъ дойти до отчаянія,

Покончивъ свои дѣла въ штабѣ дивизіи, мы на слѣдующій день (31 января) рано утромъ выѣхали изъ Хаскіоя, направляясь къ ближайшей желѣзнодорожной станціи, Коладжикъ. Комендантъ этой станціи, одинъ изъ офицеровъ нашей же дивизіи, привѣлъ насъ весьма любезно и между прочимъ заявилъ что поѣзды ходятъ здѣсь не въ опредѣленное время, а какъ случится, и что мы можемъ попасть въ вагоны или очень скоро, сейчасъ же, или послѣ обѣда, или даже вечеромъ. Вскорѣ подѣхалъ сюда же и нашъ начальникъ дивизіи отправляющійся на новое мѣсто расположенія дивизіоннаго штаба въ городъ Мустафа-Паша. Долгіе часы ожиданія поѣзда мы провели съ нимъ въ расхоживаніи по всѣмъ уцѣлѣвшимъ постройкамъ станціи, между которыми важнѣе всего обширные сараи заваленные турецкимъ ячменемъ, кукурузой и разными продовольственными припасами. Снова и снова удивляемся—какимъ образомъ Турки нигдѣ не успѣли истребить своихъ запасовъ?... Вотъ ужъ истинные благодѣтели наши!... Вокругъ амбаровъ со складами съ утра до вечера толпятся разные бѣдняки-бѣженцы: Турки, какіе-то Цыгане, Арнауты, Болгары. Добрый комендантъ всѣмъ имъ помогаетъ чѣмъ можетъ, а

нѣкоторымъ жителямъ ближайшихъ деревень онъ отлускаетъ даже зерно на посѣвъ цѣлыми мѣшками. По какому-то счастливавому случаю комендантъ этотъ принялъ въ свое завѣдываніе всѣ эти склады безо всякихъ описей и безо всякаго вмѣшательства со стороны всюду рыскающихъ полевыхъ интендантовъ. Удивительно и непостижимо какимъ образомъ эти неусыпные аргусы, эти повсемѣстные охранители всѣхъ не только русскихъ, но и турецкихъ складовъ не успѣли еще прибрать къ своимъ рукамъ здѣшнихъ довольно обширныхъ житницъ?.. При насъ роздаю комендантомъ не менѣе пятидесяти мѣшковъ зерна; пріѣзжали какіе-то наши казаки и взяли по мѣшку на хребты своихъ все выносящихъ донцовъ, приходилъ цѣлый ослиный караванъ и отправился обратно съ полными выюками: никому нѣтъ отказа, и всѣ довольны, всѣ благодарны и на разныхъ языкахъ и всѣческими жестами выражаютъ свои благословенія доброму русскому *капудну!*..

Только въ четыре часа пополудни пришелъ поѣздъ. Никакими словами нельзя выразить того удовольствія какое мы почувствовали еще издали завидѣвъ локомотивъ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ мы испытали всевозможные слобобы человѣческаго передвиженія по землѣ: ходили лѣшкомъ, ѣздили на ослахъ и буйволахъ, сотрясались въ нашихъ знаменитыхъ артелкахъ и лазаретныхъ фургонахъ, и послѣ всѣхъ этихъ испытаний попалъ въ вагонъ невыразимо отрадно и пріятно. Военный поѣздъ, на который мы попали, составлялъ былъ оригинально, тутъ были и наши девятифунтовки съ зарядными ящиками на платформахъ, и товарные вагоны безъ крыши, биткомъ набитые солдатами, такъ что сверху вмѣсто крыши торчатъ только одніе солдатскія головы; были товарные вагоны и съ крышею, на которой также примостились наши герои со своими ранцами и берданками; былъ въ поѣздѣ и единственный вагонъ III класса для офицеровъ, тѣснота и давка въ этомъ вагонѣ не хуже той какая и въ солдатскихъ; тутъ вмѣстѣ съ нами помѣстился и нашъ начальникъ дивизіи; тутъ же на грязной лавкѣ возсѣдали и командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка князь Оболенскій, и знаменитый комендантъ Плевны, нынѣ филиппопольскій губернаторъ Столыпинъ. Многіе офицеры, за неимѣніемъ мѣста на лавкахъ, стояли на ногахъ, череду-

явъ со своими товарищами и сосѣдами правомъ сидѣнья. Что за смѣсь одеждъ и лицъ!.. Тутъ были представители всѣхъ родовъ оружія изъ всѣхъ отрядовъ, корпусовъ и дивизій всей русской дѣйствующей арміи и тутъ же въ углу, на корточкахъ, примостился непремѣнный спутникъ военныхъ людей—маркитантъ-Жидъ, слособный согнуться въ три погибели лишь бы удостоиться высокой чести ѣхать въ одномъ вагонѣ съ генералами.... Въ вагонѣ шумъ, говоръ, смѣхъ, разказы безъ конца. Можно было прослужать цѣлую серію разнообразнѣйшихъ эпизодовъ изъ нынѣшней войны; въ одномъ углу то и дѣло повторяются: Арабъ-Конакъ, Ташкисеяъ, — въ другомъ: Бугарово, Базарджикъ, Марица; одни говорятъ о Гурко, другіе о Скобелевѣ, третьи о Карцевѣ, о Мирскомѣ, и говорятъ громко, съ одушевленіемъ, такъ что въ вагонѣ просто стоить стоить... А между тѣмъ поѣздъ мчится по замѣчательно-красивой мѣстности: сѣва, въ трехъ саженяхъ отъ рельсовъ, крутой обрывъ берега быстрой широкой Марицы, а за нею—необозримая равнина заливныхъ луговъ съ красивыми чифтаками и маленькими рощами; справа отвѣсныя скалы подступающихъ сюда какихъ-то предгорій; поѣздъ мчится такъ близко къ нимъ что изъ окна вагона можно достать ихъ рукой. Наконецъ при самомъ закатѣ солнца заблестали въ туманной дали высокіе минареты адрианопольскихъ мечетей. „Адрианополь! Адрианополь!“ восторженно раздалось по всему вагону, и вдругъ ни съ того ни съ сего загремѣло единодушное ура!.. Помятно чувство охватившее всѣхъ Русскихъ при видѣ второй столицы султана... что же будетъ когда мы... неужели это сбудется?..

Въ сумеркахъ поѣздъ остановился у вокзала, весьма впрочемъ невзрачнаго, тѣснаго, далеко не столичнаго. По неопытности заглядѣвши, мы прозѣвали извозчиковъ и вынуждены были отправиться пѣшкомъ, а отъ вокзала до города цѣлыхъ четыре версты. Сталъ накрапывать дождь съ довольно-холоднымъ вѣтромъ,—превеприятная перемена. Около полуночи прибредли мы наконецъ въ городъ и стали отыскивать себѣ пристанище: постучались въ одну гостиницу—всѣ нумера заняты; въ другую—то же самое. Что намъ дѣлать? на улицахъ ни души, спросить не у кого, дома всѣ накрѣпко залерты; спасибо встрѣтившійся нечаянно военный патруль направилъ насъ въ полицію гдѣ помѣщается и комендантъ города. Пошли, отыскали; но благородный комендантъ, въ

чивъ покованика, не ожидая конечно нашего позволенія, предался уже сладостному сну и будить себя не развѣшилъ. Пошли мы въ полицейское управленіе; но единственный членъ этого управленія, Болгаръ, пренаивно посовѣтовалъ намъ придти завтра, когда соберется сюда въ управленіе городская квартирная коммиссія и когда мы отъ комманданта получимъ удостовѣреніе нашихъ личностей и требованіе на отводъ квартиры... „Да гдѣ же мы будемъ ночевать, когда всѣ гостиницы заняты и нигдѣ намъ нѣтъ пріюта?“ спросили мы любезнаго братушку. „А гдѣ вамъ будетъ угодно“, прелюбезно отвѣчалъ онъ... Что тутъ дѣлать, куда дѣваться? Спасибо одному офицеру Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, который въ этотъ день былъ дежурнымъ при полиціи на случай пожара: видя наше безвыходное положеніе, онъ предложилъ намъ помѣститься въ общей арестантской комнатѣ, гдѣ между прочимъ помѣщался и онъ. Пробыло два часа полночи, когда мы, *аки тати ночью*, вступили въ адрианопольскую полицейскую арестантскую... въ первый еще разъ въ жизни моей довелось мнѣ попасть въ такое казенное помѣщеніе,—что прикажете дѣлать съ нашими порядками? будешь радъ и этому, когда некуда голову приклонить... Такъ какъ въ этой комнатѣ не полагалось по штату никакой мебели, кромѣ ободраннаго дивана, предназначеннаго для помѣщенія дежурнаго офицера, то почтенная арестованная лубайка спала прямо на каменномъ полу... Великодушный нашъ покровитель уступилъ намъ одинъ конецъ своего дивана, и вотъ, послѣ пятичасоваго странствія на ногахъ, мы получили возможность присѣсть и, если угодно, заснуть... Обоимъ часовымъ—и внутреннему, и наружному—приказано и впускать, и выпускать насъ безъ допроса и при смѣнѣ передавать объ этомъ новымъ часовымъ... Славно же привялъ насъ Адрианополь, вторая столица Турецкой имперіи!..

На другой день (1го февраля) когда собралось всѣ члены квартирной коммиссіи, мы просили ихъ дать намъ адресъ корлуснаго штаба Гренадерскаго корлуса и дать проводника по городу для отысканія этого штаба. Секретарь коммиссіи, какой-то братушка, началъ перелистывать адресную книгу,—перекинулъ разъ съ начала до конца, перекинулъ въ другой,—нѣтъ адреса; подозвалъ къ себѣ другаго Болгара, только шустрого, юркаго: пошелталась съ нимъ, лорылась въ другой книгѣ,—ничего не выходитъ... Тутъ юркій Болгаръ ве-

много подумавъ и что-то сообразивъ, вдругъ заявилъ намъ что онъ знаетъ гдѣ нашъ корпусный штабъ и при этомъ самъ вызвался довести насъ. Пошли; ходили,—ходили, бродили,—бродили и пришли наконецъ къ какому-то великолѣпному коняку. — Тука, тука (здѣсь), увѣренно проговорилъ нашъ чичероне и хотѣлъ было шмыгнуть отъ насъ назадъ; мы однако придержали его на всякій случай: у воротъ коняка стоитъ часовой, мы спросили его, и оказалось что это квартира адрианопольскаго генераль-губернатора (Свѣчина). Братушка нашъ и руками развелъ... Нечего дѣлать, пошли назадъ въ комиссію,—а это разстояніе не менѣе двухъ верстъ,—опять перерыли всѣ книги—нѣтъ адреса... Обратились мы въ комендантское управленіе и тамъ никто не знаетъ, а помощникъ коменданта при сей вѣрной оказіи еще сдѣлавъ намъ внушеніе что съ подобнаго рода просьбами должно обращаться въ полицію, въ адресный столъ, а не въ комендантское управленіе... Пошли опять въ комиссію; пробило уже 12 часовъ дня. Въ комиссіи мы застали нѣсколькихъ офицеровъ 5й пѣхотной дивизіи, стали ихъ разспрашивать—ни одна душа не знаетъ, какъ будто штабъ цѣлаго корпуса кака-нибудь непримѣтная булавка, улавшая въ щель... Тутъ одинъ смѣтливый офицеръ предложилъ намъ отправиться въ городской пассажъ,—въ родѣ нашихъ гостиныхъ дворовъ, куда собираются офицеры всевозможныхъ родовъ оружія и гдѣ даже удобнѣе, нежели въ полиціи, можно отыскать кого нужно; мы послушались добраго совѣта и не ошиблись: въ пассажѣ мы повстрѣчали нашего корпуснаго врача, и онъ-то указалъ намъ помѣщеніе корпуснаго штаба. Это помѣщеніе оказалось какъ разъ на другомъ концѣ города, совершенно противоположномъ тому куда насъ водилъ шустрый братушка, членъ квартирной комиссіи. Помѣщеніе нашего корпуснаго штаба крайнѣе не завидно; это какое-то разоренное турецкое аббатство, къ которому ведутъ три двора и нѣсколько переходовъ, такъ что человѣку незнакому легко можно заблудиться въ этомъ лабиринтѣ. Корпусный командиръ занимаетъ одну громадную залу, въ которой удобнѣе волковъ морозить нежели человѣку жить,—ни лѣчки, ни Каміна, а на дворѣ стало очень холодно, и я засталъ почтеннаго старика Г—го шагающимъ изъ угла въ уголъ въ фуражкѣ и телломъ лалъто. Послѣ обѣда я пошелъ осматривать городъ; но что увидишь въ какіе-нибудь два-три

часа времени въ такомъ обширномъ и многолюдномъ городѣ? Главная улица—Адрианопольскій Невскій проспектъ—узкая, кривая и грязная. Лавочекъ со всевозможнымъ хламомъ, кофеенъ, ресторановъ безчисленное множество. Пассажъ—это длинная чуть не съ версту, узкая, крытая и потому полутемная улица, по обѣимъ сторонамъ которой на прилавкахъ и по стѣнамъ разложены и развѣшены разнообразнѣйшіе товары, европейскіе и восточные, — лестрота страшная, толкотня невообразимая: масса народа двигается, глазѣть, прицѣпляется; разнощики разныхъ мелочей, — чубуковъ, трубокъ, тросточекъ,—своими назойливыми предложеніями надѣвдаютъ ужасно. Я ничево не рѣшился купить и едва выбрался изъ этого омута. По условію я вернулся олять въ полицію, въ нашу арестантскую и засталъ моего бѣднаго слугника Пашковскаго влолѣвъ арестованнымъ: онъ получалъ въ корпусномъ казначействѣ болѣе двадцати тысячъ денегъ звонкою монетою и отъ тяжести этого груза никуда не могъ двинуться. Порѣшили мы и другую ночь провести въ арестантской, благо что есть готовый и надежный караулъ—значить и мы, и наши капиталы будутъ въ полной безопасности. Вечеръ провелъ я въ главной квартирѣ у Д. А. С—на; живетъ онъ рядомъ съ Великимъ Княземъ и, кажется, пользуется его довѣріемъ. Изъ новостей политическихъ я узналъ только одну, и самую отрадную: „19го февраля будетъ подписанъ мирный трактатъ, а съ первыхъ чиселъ марта начнется отправка гвардіи, а потомъ гренадеръ въ Россію. Войска находящіяся за Балканами будутъ перевозиться на пароходахъ въ три приморскіе пункта: въ Одессу, Николаевъ и Севастополь, а оттуда на свои прежнія мѣста. Ты не можешь себѣ представить какъ я обрадовался услышавъ эту отраднѣйшую новость!.. И это не слухъ, не бабушкины розказни, это правда, достовѣрнѣйшее свидѣніе!.. Затѣмъ на дняхъ наша главная квартира переходитъ въ Саяз-Стефаню въ десяти верстахъ отъ самаго Константинополя, который окруженъ теперь грознымъ кольцомъ нашей арміи какъ Плевна; по мирному трактату мы только временно займемъ его, какъ Нѣмцы Парижъ, а потомъ снова подаримъ Туркамъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Итакъ мы будемъ въ Константинополѣ, увидимъ Св. Софію, увидимъ Босфоръ! Госпо-

ди, какая же это радость! А главное, къ Пасхѣ мы будемъ уже дома, въ Россіи,—у насъ просто голова кружится отъ радости, даже какъ будто не вѣрится такому счастью! Но все это несомнѣнно, неизмѣнно, нерушимо. Жаль что все это сообщено мнѣ подѣ страшнымъ секретомъ, и я доселѣ пошу эту тайну въ своемъ сердцѣ и никому не доверяю, это очень тяжело и мучительно: знать, ощущать въ себѣ отраднѣйшую вѣсть, величайшую радость, и ни съ кѣмъ не подѣлиться!...

Изъ Адрианополя мы выѣхали очень рано (2го февраля); на душѣ у меня такъ свѣтло, такъ отрадно что я забылъ и про арестантскую, и всю дорогу восторженно пѣлъ въ вагонѣ: *радуйся благодатная Богородице Дѣво, изъ Тебя бо возсія Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ, просвѣщайи сущія во тьмѣ,—веселися и ты, старче праведный...* (троп. Срътенія). Въ Кояджики милѣйшій комендантъ принялъ насъ по-братски, угостилъ ужиномъ, а на другой день (3го февраля) на прощанье положилъ въ нашу артелку три огромные мѣшка турецкаго ячменя. Возвращались мы назадъ въ Эски-Загру не по старой дорогѣ, не на Чирпанъ, а просекомъ, на прямикъ; этимъ мы избавились отъ Фиалиполдольскаго шоссе которое своими ужасами только отравило бы мою радость, мое отличное расположеніе духа. На переправѣ черезъ Марицу съ нами приключилась оказія: чуть было не потонула наша артелка. Противоположный берегъ, къ которому причаливаетъ паромъ, не высокъ, но очень крутъ и проколаная въ немъ дорожка очень узка, такъ что при сѣздѣ съ парома нельзя было запретъ всю четверню, а пара дышловыхъ не въ силахъ была выхватить сразу, лошади попятались, артелка покатила назадъ и такъ стукнула въ бортъ парома что причалы (веревки) въ одно мгновеніе лопнули; одно заднее колесо успѣло поластъ на паромъ, а другое повисло въ воду; паромъ сталъ отходить отъ берега, таща за собою и артелку и лошадей въ воду. Минута была страшная, неожиданная.... Мы были уже на другомъ берегу, но представь себѣ положеніе Патковскаго: мѣшки съ деньгами остались въ артелкѣ!... Опытные паромщики-Турки сласли насъ; въ одно мгновеніе они уперлись шестью,—глубина была около пяти аршинъ,—и удержали отходъ парома отъ берега, а другіе изъ нихъ выскочили на берегъ съ новыми причалами и слова подтянули паромъ. Бѣдныя наши дышловыя лошади

ки дрожали какъ въ лихорадкѣ, видимо сознавая угрожающую имъ опасность, но все-таки не въ силахъ были вытщить артелку, несмотря на свои немощныя усилія. Когда паромъ былъ прикрѣпленъ основательно, наши возницы (два обозные солдата) сообразили подлечь пристяжныхъ выведенныхъ прежде на берегъ, зацѣпивъ постромками за дышло, но дышло не выдержало и треснуло, что тутъ дѣлать? Паромщики-Турки смекнули въ чемъ сила и начали указывать намъ на дорогу, крича по-болгарски: биволи, биволи (то-есть буйволы). Сейчасъ же послали мы верхового по дорогѣ впередъ, и черезъ полчаса онъ привелъ пару коренастыхъ буйволовъ съ Болгаромъ, и они, безъ особыхъ усилій, вытащили нашу артелку какъ перышко.

Въ Эски-Загру пріѣхали мы вечеромъ и ночевали въ той же самой лачужкѣ. На другой день (4го февраля) выѣхали мы съ разсвѣтомъ и любовались первыми лучами восходящаго солнца при самомъ вѣздѣ въ знаменитое ущелье. Какъ были освѣщены окрестныя горы, деревья, первая весенняя зелень на пригоркахъ—не спрашивай, это такая прелесть которой и описать невозможно.... Переѣздъ до Казанлыка совершился благополучно, безъ особыхъ приключеній; только на дорогѣ я не могъ не обратить вниманія на замѣчательную смѣтливость одного встрѣченнаго нами солдатика, который брелъ себѣ куда-то, должно полагать къ своему полку по направленію къ Эски-Загрѣ. Стоялъ лодень; солнышко прилекало какъ у насъ въ юнѣ. Солдатику въ первомъ попавшемся ему горномъ ручьѣ выстиралъ себѣ бѣлье и для просушки развѣсилъ его по собственной своей персонѣ: нижнее бѣлье продѣлъ на ружье, а рубаху развѣстилъ сверхъ ранца по спинѣ, завязавъ рукава спереди вмѣсто галстука, около портулецъ привѣсилъ портянку; вышло и просто и мило—и маршъ свой продолжаетъ, и бѣлье сушить.... Въ Казанлыкъ вернулись мы послѣ обѣда; но что я тутъ встрѣтилъ послѣ десятидневной отлучки, о томъ напишу въ слѣдующемъ письмѣ, а пока что—прощай, до свиданія!

Казанлыкъ, 10го февраля.

Въ настоящее время въ моей душѣ, какъ и у каждаго изъ насъ здѣсь, совершается ежеминутно самая тяжелая борьба двухъ совершенно противоположныхъ чувствъ: надежды и

отчаянія; борьба эта крайне мучительна... Мы хотимъ вѣрить, мы принуждаемъ себя вѣрить что наше возвращеніе къ вамъ съ каждымъ пережитымъ днемъ все болѣе и болѣе приближается, что пройдетъ какой-нибудь мѣсяцъ, много два, и мы дома, въ Россіи, среди васъ,—это отрадное чувство служить теперь для насъ единственною опорой, поддержкою, единственнымъ стимуломъ, заставляющимъ насъ вести отчаянную борьбу съ тѣми тяжелыми обстоятельствами которыя *обышдше, обыдоша насъ*... Легко сказать—мѣсяцъ, два, а какъ посмотришь вокругъ что тутъ дѣлается, такъ всякая надежда, всякая самая крѣпкая вѣра колеблется, смущается и въ тяжкія минуты человеческого малодушія почти исчезаетъ какъ дымъ, какъ свѣтлое облачко... Достаточно выговорить одно роковое слово: *военный тифъ*, чтобы лопать, чтобы почувствовать всю горечь, всю тяготу нашего душевнаго состоянія... Этотъ истинный бичъ Божій начинаетъ принимать здѣсь ужасающіе размѣры!... Только и слышишь ежедневно: тотъ заболѣлъ, другой заболѣлъ; одинъ уже отправился, другой лежитъ въ агоніи.. Работы намъ съ отцомъ Петромъ очень много. Прекрасный это молодой священникъ; не я въ немъ, а онъ во мнѣ поддерживаетъ бодрость духа и твердое улоvanіe на милость Божию.... Каждый почти день мы съ нимъ встрѣчаемся на кладбищѣ,—теперь мы раздѣлились: онъ носить своихъ, а я своихъ. Ты не можешь себя представить того какія невыносимо-тягостныя чувства охватываютъ всю душу когда прідешь на кладбище и станешь среди десятка гробовъ надъ темною могилой... Когда мы хоронили убитыхъ на полѣ сраженія или скончавшихся отъ тяжкихъ ранъ—тамъ было другое чувство, горькое, конечно, щемящее, но какое-то острое, скоропреходящее.... Вернешься бывало съ кладбища въ кружокъ людей живыхъ, веселыхъ, полныхъ надеждъ—и острое чувство тебя охватившее понемногу сглаживается, тулѣтъ и постепенно проходитъ. Теперь же не то, совсѣмъ не то... На кого ни посмотришь, всѣ сильно встревожены, обезкуражены; на всѣхъ лицахъ замѣтно уныніе, какая-то фатальная безнадежность, близкая къ полному отчаянію. „Нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія“, читаешь невольно въ глазахъ каждаго... И подъ этими-то впечатлѣніями идешь въ лазаретъ валутовывать, идешь на кладбище хоронить, и всюду кругомъ тебя смерть или зрѣлище смерти наступающей, приближающейся,

неизбѣжной, неминуемой. И это каждый Божій день съ утра до вечера. Пойми же теперь до чего невыразимо тягостно это неотступное, постоянно тебя томящее, мучающее, какое-то медлительно-тягучее, болѣзненно-тулое и притупляющее чувство тоски и тревоги не за другихъ уже, а за себя, за свою жизнь, за свою душу.

Я, кажется, писалъ тебѣ предъ отъѣздомъ въ Адрианополь что первымъ жертвой тифа сдѣлался нашъ общій любимецъ докторъ Бубновъ; теперь ему лучше и есть надежда на выздоровленіе; у него была самая легкая форма, тифоидъ; за то другой нашъ товарищъ, мой бѣдный слугаикъ черезъ Бакавы, Брониславъ Констановичъ Заленскій лежитъ въ отчаянномъ положеніи: другой день у него температура $40\frac{1}{2}^{\circ}$ и при этомъ упадокъ силъ чрезвычайный,—вотъ будетъ жаль—прекрасная личность! Въ такомъ же почти состояніи находятся и доктора Вильнявскій, Голубевъ и Худяковъ. Фельдшера заболѣли почти на половину; санитары тоже; больныхъ масса, а лѣчить и ухаживать за ними положительно векому. И только благодаря несокрушимой эвергіи и неотступнымъ настояніямъ Александра Ивановича къ намъ на дняхъ прибылъ военно-временный № 70 госпиталь и уже началъ принимать отъ насъ больныхъ, принявъ напередъ отъ лазарета 2й гренадерской дивизіи; значитъ есть надежда вырваться отсюда, если впрочемъ будетъ на то воля Божія! Развитіе эпидеміи предвидѣли и предсказывали всѣ наши врачи еще съ самаго прихода нашего въ Казанлыкъ: кромѣ множества труловъ людскихъ и скотскихъ, которыми покрыта была почти вся долина Тунджи отъ Шейнова до Казанлыка, въ самомъ городѣ сосредоточились всѣ условія благопріятствующія развитію эпидеміи. Здѣсь, въ Казанлыкѣ, со времени занятія его Сулейманомъ еще въ іюль прошлаго года и до 28го декабря, значитъ въ теченіе цѣлаго полугодія, сосредоточены были всѣ склады и запасы Шипкинской арміи, всѣ обозы и транспорты, всѣ лазареты и госпитали. По своейственной Туркамъ безлечности и верашаивости, всѣ нечистоты людей и животныхъ никогда не убирались и не закапывались; напротивъ, вся эта зловонная гниль огромными кучами наваливалась безъ разбора и по дворамъ, и среди улицъ, и въ особенности на городскихъ площадяхъ. Въ зимнее холодное время все это было еще терпимо, но съ открытіемъ весны, съ наступленіемъ теплыхъ дней, зловонные міазмы

наполнили окрестный воздухъ и подготовили почву влоавъ благопріятную для эпидеміи. Ни ежедневные самые эмергическіе протесты и настоянія Ал. Ив—ча, ни усиленные, истинно самоотверженныя труды студента Маляревскаго, добровольно взявшаго на себя самую ужасную работу очищенія отхожихъ мѣстъ и навозныхъ кучъ, ни что не въ состояніи было разбудить и подвинуть здѣшную администрацію къ какой бы то ни было дѣятельности въ этомъ отношеніи; ни подводъ для отвоза нечистотъ, ни людей для коланія ямъ въ отдаленіи отъ города,—ничего нельзя было добиться отъ мѣстааго окружнаго начальства. Въ распоряженіи бѣднаго Маляревскаго находилось какихъ-нибудь 50—100 рублей отъ Краснаго Креста; но этой ничтожной суммы на наемъ людей и подводъ не хватало и на нѣсколько дней. Какъ велики залежи и напластованія всяческаго навоза на здѣшнихъ дворахъ и улицахъ можешь приблизительно судить потому что въ нѣкоторые дни, подъ руководствомъ Маляревскаго, работало по пятидесяти подводъ.... Что тутъ было въ тѣ дни когда растревожили лазаретныя отхожія мѣста и улчныя навозныя кучи!...

Большую переимѣну нашель я въ нашемъ лазаретѣ по возвращеніи изъ Адрианополя: многихъ изъ моихъ прежнихъ пациентовъ не оказалось уже налицо—они въ могилахъ; много прибыло новыхъ безрукихъ и безногихъ калѣкъ. Какъ несказанно утѣшила меня мои бѣдные страдальцы своею непритворною радостью, съ которою они меня встрѣтали! Въ теченіе моей десятидневной отлучки они уже не надѣялись меня увидѣть снова. „Тутъ, батюшка, послѣ васъ разговоръ у насъ пошелъ, передавалъ мнѣ одинъ простодушный калѣка,—что коли ежели, могаъ, нашего батюшку въ *Адрианополь* потребовали, значить тамъ ему и оставаться. Ну теперь, слава Богу, воротились.“ Многие заявляли мнѣ о своей глубокой признательности къ моему доброму Елисею Ивановичу, который и въ мое отсутствіе неизмѣнно продолжалъ дѣлать то же что дѣлалъ и при мнѣ: ежедневно съ раннаго утра онъ ходилъ лопть молокомъ и кормить яйцами вновь амлутированныхъ, помогалъ обѣдать безрукимъ, разносилъ бѣлье, фуфайки и табакъ нуждающимся. И самъ А. И—чъ, и всѣ врачи по достоинству оцѣнили его безмолвную, самоотверженно-усердную работу и отзывались о немъ съ большою похвалою; среди стонувъ и страдавй онъ попрежнему невозмутимо холодевъ,

угрюмъ и какъ будто даже немилымъ; не слышно, не суетясь продолжаетъ онъ свою ежедневную работу, свою святую поделницу, какъ истый муравей, только съ добрымъ, сострадательнымъ сердцемъ. Великое спасибо этому простому, но честному и доброму человѣку!

За болѣзнію доктора Бубнова завѣдывать и распорядиться складомъ Краснаго Креста прибылъ уполномоченный Попруженко, личность въ высшей степени симпатичная. На дняхъ онъ посѣтилъ насъ вечеромъ и просидѣлъ часа два. Среди общаго разговора о положеніи нашихъ больныхъ и раненыхъ, о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи, онъ, несмотря на всегдашнюю свою скромность и сдержанность, разказалъ намъ какъ здѣшній окружный начальникъ, выдавая себя за раненаго или контуженнаго, просилъ у него ящикъ хорошихъ сигаръ изъ склада Краснаго Креста... Въ числѣ вещей привезенныхъ г. Попруженко изъ центральнаго Тырновскаго склада особенное значеніе и великое нравственное вліяніе на раненыхъ имѣютъ *кисеты*, присланные отъ имени Государыни Императрицы и назначаемые по преимуществу тяжело раненымъ и ампутированнымъ. Кисеты эти шиты изъ красиваго, разноцвѣтнаго и прочнаго *тика*; въ каждомъ такомъ кисетѣ находится или $\frac{1}{4}$ фунта чаю, 1 фунтъ сахару и ложка, или $\frac{1}{4}$ ф. табаку, лачка лалирозъ и трубка съ чубукомъ. Нужно было видѣть съ какимъ благоговѣннымъ чувствомъ любви и благодарности получали наши страдальцы эти завѣтные для нихъ кисеты, эти, по выраженію ихъ, Царыцны подарочки! Какія неподдѣльные выраженія этихъ чувствъ приходилось мнѣ не разъ видѣть и слышать! Никогда не забуду какъ одинъ безмогій солдатикъ, принимая отъ меня кисеть, въ порывѣ благодарнаго чувства перекрестился и, цѣлуя кисеть, со слезами на глазахъ какъ-то нервно, всюю грудью почти закричалъ: „да, я, батюшка, этотъ кисеть подъ образа повѣшу и день, и ночь молиться буду за...“ и онъ не договорилъ и заплакалъ... Хороши эти слезы! Отрадны ихъ видѣть, — такія чистыя, неподдѣльныя!...

Благодаря установившейся хорошей погодѣ, перетасился черезъ Балканы и нашъ бѣдный В. С. Гохфельтъ, оставленный нами за болѣзнію въ Габровѣ. Вотъ человѣкъ который и не раненъ, и не контуженъ, а перенесъ страданія едва ли не тяжелѣе всякаго раненія. Въ самый день нашей Плевненской битвы, по званію коменданта Горняго Петрололя, онъ

распоряжался первоначальнымъ размѣщеніемъ и продовольствіемъ раненыхъ,—занятіе повидимому не особенно трудное; но легко сказать, легко написать на бумагѣ эти два слова: размѣщеніе и продовольствіе, но исполнить ихъ на самомъ дѣлѣ и при тѣхъ обстоятельствахъ въ которыхъ мы находились въ этотъ день было не только не легко, а въ высшей степени затруднительно: исполненіе этихъ двухъ словъ требовало особенной энергіи, находчивости, распорядительности, но что всего важнѣе—требовало глубокаго человѣческаго чувства, истиннаго христіанскаго состраданія. Можно вѣдь оказать человѣку первоначальную помощь и въ такой формѣ что отъ этой помощи еще болѣе сожмется наболѣвшее сердце бѣднаго страдальца, еще болѣе почувствуется имъ весь ужасъ его положенія. Гохфельтъ явился въ этотъ день истиннымъ другомъ, братомъ для несчастныхъ раненыхъ; съ самаго ранняго утра, какъ только показались первые раненые, онъ собралъ, убѣждалъ и подвинулъ нѣсколькихъ Болгарокъ взять кувшины и нести свѣжую воду поближе къ полю битвы для утоленія естественной жажды бѣдныхъ раненыхъ; собралъ и убѣждалъ нѣсколькихъ братушекъ идти туда же и помогать нашимъ санитарамъ выносить или отводить раненыхъ; собралъ сколько можно было воловыхъ и буйволовыхъ подводъ для перевозки тяжело-раненыхъ, вся масса которыхъ до прибытія нашего лазарета была сосредоточена исключительно въ одномъ Петрополѣ; убѣждалъ, а нѣкоторыхъ жителей и заставлялъ уступить и очистить свои землянки для помѣщенія въ нихъ страдальцевъ—подѣлаться съ нами чѣмъ Богъ послалъ. За недостаткомъ санитаровъ и носильщиковъ, онъ собралъ изъ разныхъ полковъ музыкантовъ, обозныхъ и всяческихъ вестровыхъ, и всѣхъ подвинулъ на помощь раненымъ. Все это требовало неутомимой энергіи, гдѣ нужно настойчивости, строгости, а гдѣ истинно-человѣческаго, сердечнаго слова, убѣжденія, просьбы. Двое сутокъ онъ работалъ не смыкая глазъ, подъ дождемъ, по колѣна въ грязи. Эта чрезмѣрно напряженная дѣятельность разстроила его здоровье; онъ получалъ жестокой ревматизмъ во всѣхъ членахъ и чрезъ недѣлю лежалъ уже въ нашемъ лазаретѣ совершенно разбитый, не имѣя силы повернуться на постели, чувствуя во всѣхъ членахъ острую, жгучую боль при малѣйшемъ движеніи. И я былъ почти ежедневнымъ очевидцемъ и этихъ болѣзненныхъ страданій, и того удивитель-

ваго душевнаго спокойствія съ которымъ онъ переносилъ ихъ; ни единого ронотнаго слова я не слышалъ отъ него, и влодавъ убѣждать что только высокое чувство честно исполненнаго долга умѣрало самую силу его страданій и давало ему бодрость переносить ихъ. Не разъ, смотря съ братскимъ участіемъ на этого истиннаго *героя любви къ ближнему*, я невольно перебиралъ и мысленно сравнивалъ между собой различныя роды и виды такъ-называемыхъ у насъ *геройскихъ подвиговъ*, вдумываясь въ самыя коренныя побужденія и чувства подвигавшія героевъ къ совершенію тѣхъ или другихъ подвиговъ,—признаюсь, по моему искреннему убѣжденію, мирные подвиги человѣколюбія по своимъ внутреннимъ мотивамъ несравненно выше, нравственнѣе такъ-называемыхъ *братскихъ* подвиговъ: не честолюбіе и эгоизмъ, не самосохраненіе и самозащита, а высокая святая любовь подвигаетъ истинныхъ друзей человѣчества къ совершенію многоразличныхъ дѣлъ христіанскаго милосердія... Извини что я такъ увлекся симпатичною личностью Гохфельта, право, не все же намъ писать и *сочинять* трескучія біографіи великихъ полководцевъ и знаменитыхъ людей, не мѣшало бы взяться и за *малыш*... И еслибы только собрать во едино правдивыя, безпристрастные разказы очевидцевъ и свидѣтелей о *малышѣ великихъ дѣлаш*, повѣрь, отъ этихъ разказовъ получилось бы едва ли не болѣе существенной пользы чѣмъ отъ многихъ пустословныхъ біографій. Нынѣшняя война для будущаго историка Россіи можетъ-быть тѣмъ и будетъ особенно интересна и поучительна что среди множества всаческихъ, быть-можетъ и неизбежныхъ, безобразій и нестроеній, она выдвинула впередъ столько *малыш* свѣтлыхъ личностей, столько прекрасныхъ дѣяній что ими безъ хвастовства можетъ гордиться Россія... Если Богъ благословитъ вернуться домой благополучно, я постараюсь найти себѣ сотрудниковъ для составленія безпристрастной и подробной *Галлерей малыш великихъ русскихъ людей*; увѣренъ что подобное изданіе принесетъ несомнѣнную пользу нашему обществу. А пока что будетъ,—прощай!

Казанскъ, 12го февраля.

На прощаньи съ Казанлыкомъ Господь послалъ мнѣ великую радость и утѣшеніе. Сегодня я служилъ въ большомъ домѣ послѣднюю прощальную обѣдницу, такъ какъ на этой

недѣль, въ среду или четвергъ, мы непременно выступимъ отсюда. Не умѣю тебѣ объяснить какъ и почему, но всякое *прощанье*, гдѣ бы оно ни было, всегда наводитъ на меня невольную грусть... Несмотря на самую тяжелую обстановку, несмотря на ежедневную, почти ежеминутную опасность зараженія, которой я лично подвергаюсь, находясь въ постоянномъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ тифозными, когда я ихъ исповѣую или причащаю, мнѣ тяжело, мнѣ грустно было прощаться съ ними. Я на себѣ испыталъ уже какъ невыразимо-горько остающимся смотрѣть на отъѣзжающихъ; живо помню то гнетуще-тяжелое чувство съ которымъ я провожалъ изъ Трестеника товарищей-офицеровъ, отправлявшихся въ Россію,—то же самое должны теперь перечувствовать и всѣ остающіеся здѣсь больные и раненые. Подъ вліяніемъ этого сочувственнаго настроенія я служилъ обѣдницу не спокойно, съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосъ, которое самъ же слышалъ и котораго никакъ не могъ подавить въ себѣ. Настаетъ время чтенія Евангеалія; беру въ руки божественную книгу живота и спасенія, раскрываю наугадъ гдѣ откроется, и что же ты думаешь? на какомъ мѣстѣ открылось? „*Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы!*...“ Чуть не зарыдалъ я, читая эти высоко-отрадные слова небснаго Утѣшителя!.. Такъ вотъ Кто остается съ моими недугующими и обремененными,—вотъ Кто Одинъ никогда не покидаетъ ихъ, никуда не уѣзжаетъ отъ нихъ!... На душѣ у меня сдѣлалось какъ-то легко, легко... И посмотрѣла бы ты какъ молились мои недужные, обремененные страдальцы: такой задушевной, такой простой, изъ самой глубины сердца вытекающей молитвы я ни разу еще не видалъ въ жизни!... Прикладываясь ко Кресту, многіе изъ нихъ цѣловали мою руку какимъ-то долгимъ лобызаніемъ, многіе цѣловали въ губы, въ щеку... Прощаніе вышло очень трогательное!... Я что-то говорилъ имъ въ утѣшеніе, чѣмъ-то выражалъ имъ чувства наполняшія мою душу, но словъ не помню,—не въ словахъ тутъ была сила, тутъ царило чувство, одно чувство, такое хорошее, святое!...

Въ нашемъ народѣ есть повѣрье что одна бѣда ведетъ за собою другую; сегодня со мною случилось совершенно на оборотъ: за первую радостью Господь послалъ мнѣ и другую... Только-что я окончилъ хожденіе по домамъ и мое духовное прощаніе съ недугующими, какъ за мою

прислали изъ той палаты гдѣ помѣщаются 16 раненыхъ офицеровъ разныхъ полковъ. Прихожу, меня просятъ отслужить молебенъ Божіей Матери и Святителю Николаю съ водосвятиемъ. Служу, и вмѣсто обычнаго тропаря говорю лѣвчимъ пролѣты: „всѣхъ скорбящихъ Радосте“; они исполнили этотъ чудный гимнъ превосходно и онъ видимо произвелъ на молящихся сильное впечатлѣніе... Въ концѣ молебна я окропилъ св. водой не только головы, но и раны недугующихъ: это весьма утѣшило ихъ; а какъ все это меня утѣшаетъ, — одинъ Богъ знаетъ!..

Возвращаясь домой и нахожу въ своей квартирѣ полное собраніе нашихъ врачей и офицеровъ.—„Мы только васъ и поджидаемъ“, говорятъ они мнѣ.—„Почему и для чего“? лаконически вопрошаю ихъ.—„А вотъ видите: В. Н. Половъ (докторъ Краснаго Креста, работавшій съ нами и въ Трестеникѣ послѣ Плевны и теперь помогающій намъ въ Казанлыкѣ) получилъ Высочайшую награду, орденъ Св. Владиміра съ мечами, такъ мы идемъ его поздравить, и вы, конечно, съ нами.“ Пошли, поздравили. Половъ устроилъ пирогъ и цѣлый обѣдъ на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, благодаря превосходной погодѣ. Сидя за столомъ, чувствуя на себѣ мягкую теплоту весняного солнышка, мы не разъ вспоминали о нашей родимой сторовушкѣ, гдѣ теперь на открытомъ-то воздухѣ можно, пожалуй, и носъ отморозить... На радостяхъ что скоро оставляемъ этотъ убійственный Казанлыкъ, всѣ развеселились, и обѣдъ прошелъ очень оживленно; вмѣсто обычныхъ застольныхъ спичей были продекламированы наизусть неизвѣстно кѣмъ составленные стихи на нынѣшнюю войну, конечно саркастическіе, въ родѣ тѣхъ которые во множествѣ ходили по рукамъ во время Крымской кампаніи. Если удастся слыхать, я тебѣ пришлю; есть куллеты очень ѣдкіе и оригинальные; мы всѣ отъ души хохотали, слушая особенно задорныя мѣста. Говорятъ что и въ нашихъ гренадерскихъ полкахъ, и вообще почти во всѣхъ дивизіяхъ составлены уже самородными лицами различныя лѣсны, басни и всяческія стихотворныя шутки на разные случаи этой войны; если что добуду, слышу и пришлю. Отчего бы не собрать и не дозволить напечатать всѣ эти оригинальныя вещи? Вѣдь все это „голосъ“, хотя и закулисный, непосредственныхъ свидѣтелей и очевидцевъ событій; все это своего рода „описаніе войны“, подчасъ гораздо болѣе достовѣрное нежели

разныя газетныя корреспонденціи; во всякомъ же случаѣ это—матеріалъ для будущаго историка; тутъ вы найдете такія вещи которыхъ нельзя отыскать ни въ какихъ официальныхъ ни частныхъ реляціяхъ. Почти до самаго вечера мы прображничали у Полова, и такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день мнѣ довелось воздать и Божіа Богови и Кесарева Кесареви. Чтò прикажешь дѣлать? Жизнь, время и люди, вездѣ люди...

Къ походу мы уже совершенно готовы; остановка только за нашими неуклюжими ливейками, которыя приказано переташить изъ Габрова черезъ Балканы и везти съ собою, должно-быть на выставку въ Константинополь... Чистое наказаніе, для насъ эти ливейки и грузныя артелки. Во время моего путешествія въ Адрианополь перетасили изъ Габрова наши такъ-называемыя облегченныя ларныя ливейки и, говорятъ, набрались съ ними мукъ вдоволь. Вся бѣда въ томъ что суда ло здѣшней погодѣ нельзя выводить никакихъ заключеній о погодѣ на Балканахъ; здѣсь въ долинѣ во всемъ весна, а на высотѣ шести тысячъ футовъ стоить еще зима, лежить глубокой снѣгъ; здѣсь вѣдро, солнышко привлекаетъ, а въ то же самое время на горахъ снѣгъ идетъ, буря съ метелью поднимается. Поладешь въ тихую, хорошую погоду—перѣдешь благополучно, не поладешь—намучишься порядочно. Наши облегченныя не поладили и явились въ Казанлыкъ въ такомъ видѣ что сейчасъ же потребовали капитальной починки; а это требуетъ времени, время же теперь для насъ всего дороже,—страсть какъ хочется всѣмъ лоскорѣе убраться изъ этого зачумленнаго Казанлыка. Третій день какъ послали за большими ливейками и не безъ тревоги ждемъ ихъ появленія; а ну какъ явятся въ такомъ видѣ что съ ними не справишься потомъ въ цѣлую недѣлю?... Ужасно досадно изъ-за этихъ негодныхъ посудинъ сидѣть здѣсь лишніе дни, подвергая себя ежеминутной опасности *затифозиться*.

Красный Крестъ также собирается вмѣстѣ съ нами въ Адрианополь и торолится сбыть свои запасы чтобы не тащить ихъ съ собою, такъ какъ у него нѣтъ перевозочныхъ средствъ; поэтому раздача идетъ у меня теперь щедрою рукой. Ты спросишь: кому же я теперь раздаю, когда въ теченіе цѣлаго мѣсяца можно было обдѣлать всѣхъ нуждающихся? Дѣло въ томъ что контингентъ нашихъ недугующихъ постоянно мѣняется—то убываетъ, то прибавляется. На мѣсто

выздоровливающих или умерших являются новые; къ намъ постоянно подвозятъ изъ разныхъ, даже очень отдаленныхъ мѣстъ, напримѣръ изъ Карлова, изъ Калофера; кромѣ того, всѣ проходящія части нашей арміи также оставляютъ намъ своихъ больныхъ; поэтому количество состоящихъ налицо въ нашемъ лазаретѣ больныхъ въ теченіе прошлаго мѣсяца колебалось постоянно среднимъ числомъ отъ 700 до 900, и теперь мы сдали въ военно-временный № 70 госпиталь всего 815 человекъ. Всѣ эти прибывающіе вновь больные являются въ лазаретъ въ самомъ плачевномъ видѣ, и съ перваго же раза приходится обмундировывать ихъ съ головы до ногъ. Кромѣ того, за отсутствіемъ всякихъ дезинфицирующихъ средствъ, врачи наши признали необходимымъ уничтожать (сжигать) бѣлье съ умирающихъ тифозныхъ и такъ-называемыхъ *пизжиковъ* — раненыхъ, умирающихъ отъ гнилостнаго зараженія крови,—изъ опасенія бѣльшаго развитія эпидеміи. Такимъ образомъ, потребность была постоянная, и раздача вещей производилась у насъ ежедневно. Ты лучше спроси что бы мы дѣлали еслибы не было съ нами Краснаго Креста? Вотъ вопросъ надъ которымъ не мѣшало бы поломать голову всѣмъ кому о томъ вѣдать надлежитъ... Передвинемся мы къ штабу нашей дивизіи въ городъ Мустафа-Паша, куда уже и получили лутевой маршрутъ; интересно только то гдѣ и какъ мы тамъ помѣстимся? Когда мы вѣхали въ Адрианополь въ одномъ поѣздѣ съ начальникомъ нашей дивизіи, то при выходѣ его изъ вагона на станціи Мустафа-Паша встрѣтившій его квартирмейстеръ докладывалъ при мнѣ что городишка этотъ дрянной, въ прахъ разоренный, и что даже квартиры для начальника дивизіи отыскать въ немъ трудно. Затѣмъ прощай! Жди письма или изъ Мустафа-Паша, или изъ Адрианополя.

Казанлыкъ, 15го февраля.

Печальное событіе! Вчера мы похоронили нашего дорогаго товарища, моего бѣднаго слутника черезъ Балкавы, Бронислава Ковстантиновича Замевскаго! Ты не можешь представить какъ поразила всѣхъ насъ его безвременная кончина. Мы всѣ искренно любили его какъ отличнаго товарища, а А. Изъ—чъ видѣлъ въ немъ молодаго врача, которому предстояла широкая и быть-можетъ блестящая карьера. Онъ былъ особенно аккуратнымъ исполнителемъ своего служебнаго дол-

га, неустанно работалъ въ Трестеникѣ, и когда всѣ врачи заняты были исключительно одними ранеными послѣ Плевны, онъ одинъ призрѣвалъ оставленныхъ почти безъ вниманія нашихъ больныхъ, особенно дизентериковъ. Нѣсколько дней на однихъ его рукахъ состояло болѣе 250 больныхъ. Кромѣ усердной помощи этимъ несчастнымъ, у него хватало и времени и любознательности на то чтобы посѣщать еще палатку ампутацій и помогать операторамъ; и самъ онъ былъ не дюжанный хирургъ и сдѣлалъ здѣсь въ Казанлыкѣ нѣсколько довольно трудныхъ и сложныхъ операций. Послѣдній транспортъ съ ранеными онъ сопровождалъ изъ Трестеника въ Боготъ во время сквернѣйшей погоды, и возвратился оттуда лѣшкомъ (около 30 верстъ) въ дождь, слякоть, по колѣно въ грязи — и ни малѣйшаго ролота!.. Такъ онъ ловималъ свой долгъ и такъ умѣлъ послѣдовать къ исполненію своихъ обязанностей. Здѣсь въ Казанлыкѣ онъ завѣдывалъ монастыремъ—самый отдаленный пунктъ и самое дурное помѣщеніе, гдѣ въ нѣсколькихъ тѣсныхъ келліяхъ скучено было болѣе 200 человекъ. Его неустанной заботливости, его доброму сердцу поручалъ главный врачъ это тяжелое отдѣленіе, вполнѣ на него полагаясь. Здѣсь-то онъ и заразился проклятымъ тифомъ. Ухаживали за нимъ всѣ товарищи-врачи и дѣлали все что отъ нихъ зависѣло, что можно было сдѣлать въ нашемъ незавидномъ положеніи. Рядомъ съ нимъ въ одномъ и томъ же домѣ лежать Бубновъ и Голубевъ и совсѣмъ выздоровливаютъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ ухода и лѣченія, а онъ — въ могилѣ!.. Глубоко, искренно жаль этого молодого человека, эту прекрасную и такъ безвременно погибшую личность!.. Мы всѣ знаемъ что у него на родинѣ большая и очень бѣдная семья: старики—отецъ и мать, и шесть или семь человекъ братьевъ и сестеръ; онъ одинъ былъ опорой и надеждою всего этого несчастнаго семейства. Какъ же тутъ не пожалѣть о его безвременной кончинѣ!..

Похоронили мы его на мѣстѣ его подвиговъ — въ монастырѣ, у церкви, вмѣстѣ съ другими офицерами. Гробъ сдѣлали очень простой и едва нашли въ здѣшнихъ лавченкахъ чернаго коленкору чтобъ его обить, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отличить отъ простаго солдатскаго гроба. На звуки погребальнаго марша (играла полковая музыка Серлуховскаго лѣхотнаго полка) собралось множество народа и печальная процессія грустно и медленно тянулась по большой улицѣ

Казанька. Несмотря на то что покойный товарищ былъ католикъ, я совершилъ надъ нимъ полное православное погребеніе: гдѣ тутъ намъ на войнѣ разбирать наши уставы и вѣроисповѣдныя разности? И какъ были довольны этимъ, какъ благоговѣно молились и плакали всѣ присутствовавшіе при печальномъ обрядѣ католики, лютеране и всякіе другіе разновѣрцы-христіане. А сдѣлай-ка я это въ Россіи, и еще въ епархіальномъ вѣдомствѣ, да меня бы засудили въ конецъ за якобы нарушеніе существующихъ на сей предметъ церковныхъ правилъ и предписаній... Но на войнѣ, за Балканами, въ такіа горькіа минуты нами руководить здѣсь не бумажная регламентація, а глубокое христіанское чувство, которое одно способно соединить всѣхъ христіанъ во едино стадо единого пастыревачальника, Христа!..

Смерть бѣднаго Заленскаго произвела на всѣхъ насъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе. А тутъ еще почти въ одно съ нимъ время скончались два лучшіе наши фельдшера, Левшенко и Морозовъ, да на очереди въ могилу—Петровъ и Ладановъ. Бѣда, невольный ужасъ наладаетъ на всѣхъ... Вчера, послѣ погребенія Заленскаго, собрался къ намъ всѣ врачи и офицеры нашего лазарета и настойчиво начали просить А. Ив—ча ускорить наше отсюда выстуленіе, хотя бы для этого и пришлось покинуть здѣсь часть нашего обоза. По долгомъ совѣщаніи и разсужденіи порѣшили такъ: завтра, 16го февраля, выѣхать всѣмъ врачамъ и мнѣ съ ними, а послѣзавтра, 17го, выстунуть и обозу, при которомъ, конечно, остается нашъ А. Ив—чъ, какъ истый капитанъ корабля, послѣднимъ сходящій съ борта. Во время этого совѣщанія М. К. Мрайскій заявилъ что недавно прикомандированный къ нашему лазарету и уже успѣвшій заболѣть тифомъ молодой врачъ Салмановъ слезно умоляетъ насъ не покидать его въ семидесятомъ госпиталѣ, а взять съ собою, въ той надеждѣ что перемѣна мѣста и климата можетъ благотвельно подѣйствовать на ходъ его болѣзни; порѣшили взять. Итакъ завтра мы неотложно выстулаемъ. Сегодня поутру я обошелъ уже всѣ лазаретные дома и окончательно попрощался со всѣми болящими. Жаль мнѣ ихъ, ей-ей жаль! Между ними есть очень хорошіе, великодушные люди; представь себѣ что нѣкоторые изъ нихъ, прощаясь со мною со слезами на глазахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ простодушно высказывали свою радость за меня.—„Ужь намъ все едино, съ грустью говорили мнѣ нѣко-

горые при прощаньи,—а что вы, батюшка, увѣжаете отсюда, такъ это слава Богу; можетъ Богъ дать и останетесь здоровы.... Дай вамъ Богъ!...“ Хорошіе люди....

Вчера послѣ совѣщанія мы цѣлою группою отправились за городъ прокатиться, освѣжиться, душу отвести. На дорогѣ, верстахъ въ пяти отъ города, мы встрѣтили казенный транспортъ съ салогами, возвращающійся изъ Эски-Загры. По маршруту онъ направлень былъ изъ Никололя въ Адрианополь; но въ Эски-Загрѣ получена телеграмма съ приказаніемъ транспорту вернуться назадъ въ Никололь. Значить, въ салогахъ не предстоитъ надобности для арміи, значить скоро въ Россію.... Господи, увеси же Ты насъ отсюда цѣлыхъ и невредимыхъ!... Молитесь, горячо молитесь, чтобы намъ не потонуть у самого берега.... Прощай!

Адрианополь, 26го февраля.

Пятый уже день мы проживаемъ въ Адрианополѣ. Пока мы собирались и двигались изъ Казанлыка, дивизія наша успѣла уже передвинуться изъ Мустафа-Паша въ какой-то городокъ Чорлу, лежащій на срединѣ желѣзнодорожнаго сообщенія между Адрианополемъ и Константинополемъ, куда и намъ приказано послѣдовать. Походъ отъ Казанлыка до Адрианополя совершился благополучно, безъ особыхъ приключеній. На перевѣздѣ до Эски-Загры мы встрѣтили огромную будку биткомъ набитую Жидами.

— Куда, зачѣмъ и почему? осылали мы ихъ волпросами.

— Назадъ, домой, въ Россію, отвѣчали они цѣлымъ кагаломъ.

— Что такъ скоро?

— Совсѣмъ *миръ*, кричатъ они,—на Адрианополѣ все дешево стало, коньякъ, хлѣбъ, мясо,—все дешево стало.

Слово *миръ* и еще сказанное Жидами, которые вездѣ и обо всемъ имѣютъ вѣрившія свѣдѣнія, обрадовало насъ несказанно и еще болѣе подкрѣпило наши надежды на скорое возвращеніе въ Россію. Но не успѣли мы пріѣхать въ Эски-Загру, не успѣли еще отыскать себѣ квартиру, какъ случайно встрѣтившійся съ нами на улицѣ эскизагрскій окружный начальникъ съ перваго же слова разочаровалъ насъ совершенно, утверждая положительно и на основаніи

самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній имъ полученныхъ что Англичане сдѣлали уже высадку въ Константинополь, что новое турецкое министерство и слышать не хочетъ о мирѣ, что султанъ развернулъ наконецъ „знамя пророка“, и что война настоящая только теперь-то и начинается. Съ озлобленно-недовѣрчивымъ чувствомъ слушали мы этого зловѣщаго вора, думая про себя: кто же изъ нихъ правъ — Жиды ли маркитанты, или эскизагрскій окружный начальникъ?

Въ Эски-Загрѣ мы простояли цѣлые три дня и имѣли возможность подробно осмотрѣть этотъ несчастный, варварски-разрушенный городъ. Видѣли развалины великолѣпныхъ дворцовъ, принадлежавшихъ богачамъ Туркамъ и Болгарамъ; всюду мраморъ, фонтаны, бассейны воды, колонны, арки, обломки статуй и чудные сады съ кипарисами, миртами и оливами, и все это разрушено, разбито, обожжено и переломано... Видѣли остатки обширнаго гостяваго двора, заходили въ полуразрушенные общественныя бани, настоящія „восточныя“, —какая роскошь, всюду мраморъ и фантастическое освѣщеніе стеклянными звѣздами съ потолка, устроеннаго конусообразно; были и въ арсеналѣ, куда Турки складывали оружіе, отобранное ими у Болгаръ еще въ самомъ началѣ нынѣшней войны; взяжали на минареты большой мечети, теперь уже обращенной болгарскими священниками въ церковь и любовались великолѣпными окрестностями, видными на цѣлые десятки верстъ. Страшныя развалины несчастнаго города представляются еще печальнѣе, еще поразительнѣе, когда смотришь на нихъ чуть не съ высоты птичьяго полета. Заходили и въ самую мечеть-церковь. Странное впечатлѣніе производитъ она: въ кулолѣ и по стѣнамъ огромныя турецкія надписи изъ Корана, а въ одномъ углу ничѣмъ не покрытый столикъ и на немъ христіанская икона и деревянный крестъ съ Распятіемъ; на столикѣ славянскія богослужебныя книги московской печати, по которымъ совершается православное богослуженіе... Осматривая эту мечеть-церковь невольно подумаешь: „кое общеніе свѣта со тьмою“, Христа съ Магометомъ? Мы спросили одного священника, отчего они не уничтожаютъ турецкихъ надписей? Онъ сконфузился, видимо растерялся и какъ-то нерѣшительно отвѣчалъ что еще не успѣли этого сдѣлать... А на самомъ дѣлѣ они еще боятся Турокъ, еще не вѣрятъ въ благополучный для нихъ исходъ настоящей войны и остав-

ляютъ турецкія надписи изъ опасенія что Турки могутъ снова вернуться и тогда имъ, Болгарамъ, придется жестоко поплатиться за поруганіе магометанской святыни... Были мы въ этой же самой мечети-церкви во время общаго поминовенія усопшихъ въ субботу мясолустную; толкотня страшная и беспорядокъ возмутительный,—бабы-Болгарки шумятъ и толются со своими ланнихидами (коливо), мальчишки въ шалкахъ бѣгаютъ по церкви во время самаго богослуженія!.. Вообще судя по тѣмъ прискорбнымъ явленіемъ какія мнѣ привелось наблюдать во многихъ городахъ Болгаріи, думаю что церковная дисциплина и благочиніе въ болгарской церкви потребуютъ отъ ея представителей коренныхъ мѣръ; настоящіе же недостатки и востроенія по этой части вполнѣ извиняются тяжкимъ многовѣковымъ положеніемъ и самой церкви, и ея паствы.

Перевздъ нашего обоза по эски-загрскому ущелью не обошелся безъ приключенія: одна ливейка полетѣла съ небольшой кручи со всѣми своими принадлежностями, съ людьми и лошадьми, но очень удачно, такъ что и кони и люди отдѣлались только ушибами и царапинами, и только сама ливейка разбилась въ дребезги. Поэтому въ Эски-Загрѣ назначена дневка и обычная лочинка обоза. Ну ужъ этотъ намъ обозъ, чистое наказаніе Божіе!.. И кто только выдумалъ эти безобразныя колымаги? Сколько несчастныхъ лошадей испортились, искалѣчились или совсѣмъ пропали отъ натуги при перетаскиваніи этихъ уродовъ черезъ Балканы... Любопытно было по окончаніи войны подвести хотя приблизительные итоги: сколько во всѣхъ нашихъ подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретахъ искалѣчилось и погибло лошадей единственно по милости неуклюже-устроеннаго обоза?... А чего стоило все это нашей казнѣ?... Чего стоило и всѣ наши лазаретные обозы, которые по окончаніи войны *несомнѣнно* нужно будетъ бросить за совершенною ихъ непригодностью?..

А вотъ еще одинъ эпизодъ изъ нашей дневки въ Эски-Загрѣ. Проходя мимо какого-то разрушеннаго дома, мы увидели протянутую къ намъ изъ подвального окна костлявую женскую руку; мы остановились, заглянули въ оконце; въ темномъ подвалѣ едва замѣтно колочатся какія-то человѣческія фигуры; мы обошли кругомъ разрушеннаго дома и съ большимъ трудомъ попали въ подвалъ. Ужасную картину увидѣли мы тутъ; шесть старухъ-Турчанокъ, видимо брошенныхъ своими

семействами на произволъ судьбы, живо томилась смертельнымъ голодомъ, или боясь мести Болгарь, или не имѣя силы вылезти на свѣтъ Божій изъ этого темнаго, сыраго и вонючаго подвала. Въ углу лежалъ скорченный трупъ седьмой старухи, умершей страшною голодною смертию... Мы помогли имъ чѣмъ могли, а прѣдя на квартиру разказали объ этомъ другимъ нашимъ товарищамъ, и всѣ они, дай Богъ имъ здоровья, съ готовностію послѣдшили подать руку помощи несчастнымъ женщинамъ. Сказали коменданту, пригрозили Болгарамъ засѣдающимъ въ городскомъ управленіи, и судьба бѣдныхъ старухъ обезпечена.

Рано утромъ, 19го февраля, мы выступили изъ Эски-Загры и около полудня пришли къ назначенному по маршруту мѣсту въ деревушку Айкіой. Сейчас же по приходѣ я отслужилъ подъ открытымъ небомъ торжественный молебенъ по случаю высокоторжественнаго дня востества на престолъ Государя Императора. Горсть удѣлѣвшихъ жителей деревни Болгарь, слышавъ стройное пѣніе нашихъ пѣвчихъ, сбѣжались къ намъ на молебенъ и когда, по произнесеніи мною многолѣтія, они стали подходить ко кресту, то нѣкоторые изъ нихъ, цѣлуя крестъ, съ одушевленіемъ повторяли простоудшно: „О, Царю Александру на многа лѣта-та!“ Какъ отрадно было намъ слышать имя нашего Монарха, произносимое полуодичалыми жителями пустынной болгарской деревушки!... Вотъ ужъ истинно: *во всю землю изыде въцваніе о Немъ...*

На разсвѣтъ, 20го числа, мы тронулись дальше въ слѣдующую по маршруту деревню Алагачъ. На пути, въ одной лоцинѣ, болотистый и толкій ручей оказался непереѣзднымъ для нашихъ грузныхъ лючекъ. Къ счастью, тутъ же наши русскіе салеры, оставленные въ этихъ мѣстахъ для исправленія дорогъ, *готовились уже приступить* къ постройкѣ моста и для этого навалили около ручья много тоастыхъ баложекъ и досокъ. Сообрази теперь: турецкая Шилкинская армія разбита Скобелевымъ и Мирскимъ еще 28 декабря; вскорѣ послѣ этой знаменитой побѣды, въ первыхъ же числахъ января мѣсяца, всѣ наши войска форсированнымъ маршемъ двинулись по этой самой дорогѣ къ Адрианополу, за нами вслѣдъ тутъ же прошелъ потомъ весь нашъ гренадерскій корпусъ со всѣми тяжестями и артиллеріей; затѣмъ по этой же дорогѣ постоянно двигались всѣ батареи разныхъ артиллерійскихъ

бригадъ, остававшіяся на время въ Сельви, Тырновѣ, Габровѣ и на Шилкивскомъ перевалѣ, а также и всѣ артиллерійскіе парки со всѣми своими тяжестями; вся эта масса людей, лошадей, обозовъ, лафетовъ, зарядныхъ ящиковъ, и пр. и пр., давнымъ-давно переправилась черезъ этотъ ручей, и вотъ въ концѣ почти февраля наши искусные саперы *готовятся только приступить* къ сооруженію надлежащаго моста... Не правда ли, какъ это поучительно? Можно быть увѣреннымъ что этотъ надлежащій мостъ готовъ будетъ именно тогда когда черезъ него *некому* уже будетъ переходить; и самый ручей навѣрно пересохнетъ къ тому времени... Для кого же и для чего строится этотъ мостъ стоящій не одной *златицы*?... Не долго думая, наша рота санитаровъ живо принялась за работу, притащила балки, положила ихъ черезъ ручей, настлала доски, и черезъ часъ не болѣе весь нашъ обозъ благополучно переѣхалъ по этому импровизованному мосту. И это совершилось въ присутствіи нѣсколькихъ солдатъ-саперъ. Когда наши зубастые санитары начали надъ ними подтрунивать, саперы, нисколько не конфузясь и какъ бы не принимая санитарныхъ остротъ на свой счетъ, съ нѣкоторымъ достоинствомъ отвѣчали: „Да еслибы намъ *было приказано*, мы бы не такой мостъ отчеканили въ два дня, лоды—лочище вашего; небось переходили Дунай, видѣли наши мосты? Ну, а тутъ другое дѣло, все ждемъ не дождемся *приказанія*...“

Деревня Алагачъ оказалась совершенно разрушенною, ни единого домика, ни одного сарайчика, голое лелелище и только... Подкрѣпившись супомъ изъ ротаго котла съ солдатскими расейскими сухариками, мы пустились дальше до селенія Сейменлы на линіи желѣзной дороги изъ Ямболи въ Адрианополь, куда и прибыли поздно вечеромъ. Милѣйшій комендантъ-офицеръ нашего Фанагорійскаго полка Мачульскій принималъ насъ какъ родныхъ и прежде всего обрадовалъ насъ желанною, долгожданною радостію вѣстью о *заключеніи мира!* Желѣзнодорожный телеграфъ привнесъ эту вѣсть изъ Савъ-Стефано. Итакъ, въ знаменитый день освобожденія нашихъ крѣпостныхъ, въ вѣчюламятный для Россіи день *девятнадцатаго февраля*, подписано освобожденіе цѣлаго Болгарскаго народа отъ четырехсотлѣтняго рабства турецкаго!... Какое знаменательное совпаденіе, какая страница въ русской исторіи!... Восторгъ неописанный! Цѣлую почти ночь мы не спали, шумѣли, восторгались... Значить, за Жидами

осталась правда и дипломатія эскизагрійскаго окружнаго начальника потерпѣла фіаско... Значить теперь и въ Россію скоро... При одной этой мысли можно ли было заснуть?... Но гдѣ радость, тамъ и горе, или по крайней мѣрѣ неприятность: въ эту самую ночь заболѣлъ нашъ дорогой Александръ Ивановичъ, у него открылось кровохарканье съ жестокими слазмами въ груди и сливѣ... Такъ наши предчувствія и предсказанія сбылись, къ сожалѣнію; бессонныя ночи и неломѣрные труды взяли свое... Всѣ наши врачи горячо принялись за него, урезонили прежде всего дать дневку, уложили его въ постель и настойчиво потребовали чтобъ онъ не вставалъ, ничего не говорилъ и не думалъ (легко сказать!) о текущихъ дѣлахъ лазарета и далъ бы себѣ совершенный, невозмутимый отдыхъ.

Пользуясь дневкой, мы ходили на Тырновскую желѣзнодорожную станцію. Семейныя стоятъ на одной сторонѣ рѣки Марицы, а селеніе Тырново—на другой; черезъ Тырново проходитъ Филиппопольская желѣзная дорога, черезъ Семейны—Ямбольская вѣтвь, и здѣсь обѣ дороги соединяются. Черезъ Марицу, широкую здѣсь и быструю, перекинутъ превосходный желѣзный мостъ новѣйшей конструкціи. Удивительно и непостижимо почему Турки, отступая отъ Казанлыка послѣ шилкинскаго погрома, не сообразили разрушить этотъ мостъ!... Вѣдь они остановили бы этимъ цѣлую нашу армію и жестоко повредили бы ей... Но что значить лавической страхъ! Подъ вліяніемъ его, люди положительно теряютъ голову... Здѣсь въ Тырновѣ мы втроемъ, Мрайскій, Александровскій, и я составили заговоръ и отпросились у Александра Ивановича, которому къ вечеру стало гораздо лучше, въ Адрианополь прямо по желѣзной дорогѣ; онъ отпустилъ насъ, и вечеромъ 22го февраля мы прикатили въ Эдирне. На этотъ разъ мы попали уже не въ полицію, не въ арестантскую, а въ очень хорошіе номера гостиницы „Америка“.

Что сказать тебѣ о самомъ Адрианополѣ? Прежде всего то что я не умѣю описывать большихъ городовъ. Четыре дня я все хожу, глазѣю, разсматриваю и все ничего въ толкъ не возьму. Пестрота и суета невообразимыя. Но изъ всего что я видѣлъ, ничто такъ не поразило меня какъ знаменитая мечеть Селима. Что за громадина, что за величественное зданіе! Какъ жаль что я ничего не смыслю

въ архитектурѣ, а то я описалъ бы тебѣ и величественный наружный видъ, и чудную, поразительную красоту внутренности. Разкажу по крайней мѣрѣ то что меня особенно и прежде всего поразило. Громадная высота зданія, не говоря уже о минаретахъ которые столпообразно высятся чуть не до облаковъ; потомъ обширность, какая-то въ глаза бьющая цѣльность зданія, съ какого бока ни зайдя, откуда ни посмотри, вся громадина предъ тобою какъ на ладони; нѣтъ этихъ частностей, пристроекъ, порталовъ, колоннадъ, всегда закрывающихъ главное зданіе и мѣшающихъ общему, цѣльному впечатлѣнію. Не развлекаясь мелочами, деталями, вы разомъ видите предъ собою громадное, необыкновенно симметричное, стройное, грандіозное и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительное величественное произведение искусства. Вокругъ всей мечети обведена большая стѣна-галерея на полукруглыхъ аркахъ; дворъ обширнѣйшій; какъ разъ предъ главнымъ входомъ въ мечеть по срединѣ двора великолѣпный фонтанъ съ большимъ бассейномъ, вокругъ котораго симметрично поставлены огромныя мраморныя чаши-вазы съ водою, которою правовѣрные мусульмане обязательно умываютъ свои руки приближаясь къ своей святынѣ. Главная дверь (западная) необыкновенно высокая, деревянная, съ прекрасною массивною рѣзьбой; нѣтъ ни высокаго крыльца, ни ступеней, ни какихъ-нибудь колоннъ; прямо съ мраморнаго помоста, которымъ выложенъ весь дворъ, вы входите въ громадную главную дверь, ведущую во внутренность мечети,—эта особенность невольно бросилась мнѣ въ глаза и я долго стоялъ предъ этою гигантскою дверью, стараясь вдуматься и уловить ту руководящую мысль которая заставила художника-зодчаго сдѣлать эту дверь совершенно открытою. Мнѣ кажется что онъ выходилъ изъ той мысли что всякое религіозное святилище прежде всего есть свѣтъ просвѣщающій всякаго человѣка, есть училище благочестія и единственное прибѣжище для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, и потому всегда, вездѣ и во всякое время должно быть для всѣхъ одинаково открытымъ и безо всякаго труда отверзаемымъ... Одинокій ли слѣпецъ бредеть ощулью вокругъ стѣны святилища, онъ не спотыкаясь о ступени, не блуждая между колоннами, легко можетъ найти входъ и отворить искомую имъ дверь, сиротка ли младенецъ идетъ молиться Богу Отцу сиротъ, онъ безъ посторонней помощи

и безъ труда войдетъ въ Его святилище... Въ самомъ дѣлѣ, эта массивная, громадная по своимъ размѣрамъ дверь отворяется легко, какъ-то мягко, безо всякихъ усилій; достаточно дотронуться къ ней рукою, какъ она уже и отворяется будто сама собою. Внутренность этой замѣчательной мечети я совсѣмъ не берусь описывать: нашему брату профану въ искусствѣ можно только видѣть художественное произведеніе, восхищаться имъ, удивляться и больше ничего; всякое неумѣлое описаніе можетъ только помрачить дивную красоту гениальнаго творенія... Главное что поразило меня внутри мечети—это свѣтъ, цѣлое море свѣта, которое безъ конца льется на васъ со всѣхъ сторонъ; ни единого темнаго уголка, ни одной сумрачной ниши, все свѣтъ, все залито свѣтомъ. Нѣтъ этихъ уродливо-толстыхъ столбовъ, поддерживающихъ или вѣрнѣе подпирающихъ куполъ и всегда заслоняющихъ собою свѣтъ; здѣшній куполъ виситъ надъ вами какъ небесный сводъ высокій-высокій и весь облитый свѣтомъ; несмотря на страшную высоту вы видите въ этомъ куполѣ каждую линію, каждую точку, всякій завитокъ лѣловой работы. Площадь всей мечети совершенно открыта, и только не много не доходя середины возвышается эстрада, на которой помѣщаются лѣвцы и муалы, да вокругъ стѣнъ у самаго входа отгорожены рѣшетками особая мѣста для престарѣлыхъ именитыхъ мусульманъ. Съ правой стороны, отъ самой почти середины мечети и почти подъ самые своды купола, ведетъ прекрасная, легкая, чисто воздушная лѣствица съ небольшими площадками, вся устланная превосходнымъ, шитымъ шелковымъ коврикомъ. По всей мечети разостланы отличныя, узорчатыя, тонкія цѣновки летеныя изъ камыша. Обширное мѣсто въ восточной части мечети застлано великолѣпными персидскими коврами—это мѣсто возсѣданія главнаго муфтія и важнѣйшихъ сановниковъ магометанскаго духовенства; вокругъ всего этого мѣста, у самыхъ стѣнъ, разставлены складныя табуретки съ бархатными подушками, на которыхъ лежатъ развернутыми знаменитѣйшіе Алкораны древнѣйшихъ вѣковъ магометанской гджры, въ великолѣпныхъ переплетахъ и всѣ почти печатанные золотыми буквами. Здѣсь въ стѣнѣ вѣлана почти незамѣтная дверь, ведущая въ ихъ ризницу, гдѣ хранятся драгоценныя халаты и чаалмы улотребляемые муфтіемъ при богослуженіяхъ. Вчера въ этой мечети совершалось служеніе; мы пошли

цѣлымъ обществомъ — человекъ десять. Проводникомъ и переводчикомъ взяли мы одного нашего солдата-магометанина изъ казанскихъ Татаръ. Когда мы вошли въ мечеть, служба уже началась и одинъ мулла совершалъ какое-то религиозное восхожденіе по ступенямъ той лѣстницы которая ведетъ подъ самый почти куполь; на каждой площадкѣ лѣстницы онъ останавливался, обращался лицомъ къ народу и что-то громко читалъ изъ книжки которую держалъ въ рукахъ; на каждый его возгласъ предстоящіе совершали различныя религиозныя движенія: то клали земные поклоны, то становились на колѣна или подымали руки вверхъ, и все это дѣлалось всѣми разомъ въ одинъ приемъ, какъ по командѣ; да и всѣ предстоящіе изображали изъ себя что-то въ родѣ нашего баталіона, выведеннаго на ученье и поставленнаго по ранжиру во фронтъ. Тишина невозмутимая, гробовая. Когда мы проходили по фронту молящихся Турокъ, никто изъ нихъ не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, никто не оглянулся, не повернулъ головы чтобы взглянуть на насъ; всѣ стоятъ какъ прикованные къ своему мѣсту. Хотя на встрадѣ посреди мечети стояли въ это время лѣвчиче, но лѣвня ихъ мы не слышали.—Нашъ проводникъ объяснилъ намъ что въ этотъ день вся служба состоитъ изъ чтенія молитвъ, разныхъ изреченій изъ Корана и проповѣди, которую произноситъ мулла восходящій по лѣстницѣ. Съ одной стороны ничего не понимая, съ другой—не желая стѣснять своимъ присутствіемъ совѣсть молящихся, мы послѣдили выйти изъ мечети. Затѣмъ, передавая другъ другу свои впечатлѣнія, вынесенныя каждымъ изъ мечети, мы пришли къ тому заключенію что весь интересъ нашего посѣщенія заключался не въ турецкомъ служеніи, а въ созерцаніи художественной красоты самаго зданія. Дѣйствительно, это зданіе замѣчательное: громадная высота и обширность, необыкновенная гармонія всѣхъ частей, этотъ величественный куполь, какъ бы висящій на воздухѣ, и наконецъ яркій свѣтъ льющійся со всѣхъ сторонъ,—вся эта архитектурная прелесть не можетъ не произвести очень сильнаго впечатлѣнія.

Я не пишу тебѣ ни о здѣшнемъ болгарскомъ православномъ соборѣ, ни о другихъ христіанскихъ храмахъ, потому что они ничѣмъ не замѣчательны; когда сравнишь ихъ со здѣшними же мечетями—какое-то горькое, гнетущее чувство охватываетъ душу... Многовѣковое турецкое иго наложило

повсюду свою варварски-насилующую руку; всё знаменитые храмы, которыми наполнены были въ древности почти всё греческіе города, не говоря уже о Константинополѣ, всё они или разрушены, или обращены въ мечети; вывѣшныя же болгарскіе и греческіе храмы, построенныя уже при владычествѣ Турокъ, замѣчательны развѣ только своими очень скромными размѣрами и своимъ крайнимъ убожествомъ. На дняхъ здѣсь въ православномъ соборѣ совершена торжественная заупокойная литургія по случаю кончины здѣшняго генерал-губернатора, командира 9го армейскаго корпуса Свѣцова; процессія была необыкновенно многолюдная и торжественная, а для здѣшнихъ жителей, конечно, невздавшая.

Интересуясь знать когда начнется наше возвращеніе въ Россію, я ходилъ въ нашъ корпусной штабъ и, къ огорченію, ничего опредѣленнаго не узналъ тамъ. И здѣсь, въ Адрианополь, точно такъ же какъ въ нашемъ Казанлыкъ, ходятъ самыя смутныя и разнорѣчивыя слухи и толки. Несмотря на заключеніе мира, торжественно отпразднованное и въ Савь-Стефано и здѣсь, общее настроеніе всёхъ, и Русскихъ, и Болгаръ, и даже Турокъ, какое-то странное, *смутное*, какъ будто есть еще *что-то* недоконченное, недоулавленное... Мы, Рускіе, ломаемъ себѣ голову и никакъ не можемъ понять, отчего Константинополь не въ нашихъ рукахъ, отчего его не взяли когда была къ тому полная возможность? Отчего условія мира продиктовали не въ Царь-градѣ, какъ всё того ожидали и въ томъ были увѣрены, а въ какомъ-то Савь-Стефано, всего въ десяти, лятнадцати верстахъ отъ завѣтной Византіи?.. Болгары, особенно здѣшніе Адрианопольскіе, находятся также въ великомъ смущеніи, такъ какъ до нихъ доходятъ слухи что Адрианополь, который они считаютъ городомъ своимъ болгарскимъ, останется будто бы за Турками. Главныхъ условій заключеннаго мира никто не знаетъ, и это невѣдѣніе того что такъ сильно всёхъ интересуется подаетъ только поводъ къ различнымъ догадкамъ и плодитъ разнообразнѣшіе толки и слухи, иногда самыя недѣльные или черезчуръ ужъ фантастическіе. Куда ни прѣдешь, съ кѣмъ ни заговоришь, вездѣ какое-то необъяснимое *смущеніе*, какая-то общая неувѣренность въ томъ что все уже локончено. Странно и вмѣстѣ какъ-то грустно!.. Заключенію мира всё обрадовались несказанно; но когда узнали что этотъ миръ заключенъ не въ Константинополѣ, а въ какомъ-то

Савъ-Стефано, о которомъ никто и понятія не имѣеть, эта вѣсть поразила всѣхъ невыразимо!.. Сразу охватило всѣхъ при этомъ извѣстїи то странное недоумѣнїе, недовѣріе, какое и теперь еще не прошло и очень ясно отражается на всѣхъ лицахъ, слышится во всѣхъ разговорахъ. „Мы не въ Константинополѣ, значитъ мы ничего не сдѣлали“, мрачно въ полголоса говорятъ недовѣрчивые лессимисты. „Вздоръ, отвѣчаютъ ихъ противники, мы займемъ Константинополъ временно, какъ Нѣмцы Парижъ... Не разрушать же цѣлую имперїю прашаи мы, этого не позволить намъ вся Европа, мы не Вандалы какіе-нибудь“... Но о вступленїи нашей арміи въ столицу султана пока еще ни слуху, ни духу; прошла уже цѣлая недѣля, а объ этомъ ничего не слышно... Чтò дѣлается теперь на бѣломъ свѣтѣ, это покрыто какимъ-то страннымъ и прискорбнымъ мракомъ таинственной неизвѣстности... Впрочемъ, придерживаясь русской пословицы, что „утолающій хватается и за соломѣнку“, мы надѣемся что прїѣхавъ въ Чорлу, въ штабъ нашей дивизїи, мы тамъ больше узнаемъ... Чорлу ближе къ Савъ-Стефано; нашъ начальникъ дивизїи имѣеть много знакомыхъ и сослуживцевъ въ главной квартирѣ; навѣрно онъ все знаетъ и не откажется подѣлиться съ вами, если это не какая-нибудь государственная тайна. Поэтому мы слѣшимъ поскорѣе добраться къ своимъ; а я уже получилъ отъ Александра Ивановича разрѣшеніе ѣхать въ Чорлу не съ лазаретомъ, а по желѣзной дорогѣ. Наступаетъ Великій Постъ и мнѣ необходимо быть при штабѣ дивизїи чтобы знать какія сдѣланы будутъ распоряженія на счетъ говнїя нижнихъ чиновъ. Нашъ лазаретъ можетъ замедлить въ своемъ движенїи и не скоро можетъ попасть въ Чорлу, тѣмъ болѣе что погода перемѣнилась; другой день идетъ дождь и можетъ испортить дороги; а по грязи наши ливейки и весь нашъ обозъ недалеко уйдутъ... Итакъ, проводивъ завтра лазаретъ, я отправляюсь прямо въ Чорлу, чтò тамъ увижу, чтò узнаю—немедленно напишу тебѣ, а теперь пока прощай.

(Продолженіе впередъ.)

ВАХЪ ГУРЬЕВЪ.

ЗАБЫТЫЙ ДНЕВНИКЪ.

ИЗЪ ПОЭМЫ

СТАРЫЯ РЪЧИ.

Иду не для тебя. Смиренную тетрадь.
Куда свои мечты, замѣтки, впечатлѣнья,
Вношу я иногда въ часы уединенья.
Гдѣ чувства я привыкъ свободно плавать,
Тетрадь забываю—тебѣ не нужно знать!
Для одного меня полна она значенья.
Какъ лѣтопись души. Но почему же мнѣ,
Порой задумавшись въ глубокой тишинѣ,
Не призывать тебя, не тѣшиться мечтою
Что, слушая меня, стоишь ты предо мною?

Увы, мнѣ истина печальная ясна:
Я для тебя чужой! Житейская волна
Не вмѣстѣ мчитъ насъ въ даль невѣдомаго моря,
Ни общихъ радостей, ни общихъ слезъ и горя.
Душа моя имѣть съ твоею не должна.
Не смѣть, не должна!... И все жь твое дыханье,
Твой смѣхъ, твой разговоръ, лучъ взгляда твоего,
Все внятно, мило мнѣ; хоть скучное сознанье
Какъ нянька старая твердитъ наломиванье:
Ты для нея чужой. ты—гость, ты *ничего!*

И правда—для тебя я *ничего*. Но кто же
 Тебѣ среди людей всѣхъ ближе, всѣхъ дороже?
 Съ кѣмъ чувства дѣлишь ты, кому любовь твоя
 Дарить названіе избранника и друга?
 Мнѣ строго умъ твердить что любишь ты супруга;
 А сердце шепчетъ все что любишь ты меня,
 Что врозь намъ жизнь не въ жизнь, что общаго въ
 насъ много,

Что еслибъ мы съ тобой пошли одной дорогой,
 На перекоръ судьбѣ и надъ людьми смѣясь,
 Навѣрно счастье бы освѣило насъ.
 Вѣдь замужъ вышла ты и рано, и случайно.
 Полался „человѣкъ хорошій“, полюбилъ....
 Ему ты отдалась, хотя быть-можетъ тайно
 И сознавалась въ томъ что чуждъ тебѣ онъ былъ.
 Еще молчалъ въ душѣ желаній голосъ юный,
 Еще не дрогнули любви живыя струны
 Въ твоей доверчивой и дѣвственной груди;
 „Хорошій человѣкъ“ позвалъ тебя съ собою—
 И ты за нимъ пошла съ спокойною душою
 Впередъ, не вѣдая что будетъ впереди.

А впереди вся жизнь далеко и широко
 Развертывала свой загадочный просторъ.
 Предъ нимъ нѣмѣла мысль и замирало око,
 Его не властенъ былъ окинуть робкій взоръ.
 Дни быстро потекли. Повѣяли отсюду
 Дыханья новыя и новыя мечты;
 Преобразился міръ, преобразилась ты....
 Тогда мы встрѣтились.... Во вѣкъ я не забуду
 Ни нашихъ первыхъ встрѣчъ, ни мыслей, ни бесѣдъ:
 Въ потемкахъ я блуждалъ и, вдругъ, явился свѣтъ!

Не много радости привнесъ онъ мнѣ съ собою.
 Блеснувъ въ ночи моей неожиданной красотой,
 Какъ утренней зари небесный, чистый лучъ,
 Все озаривъ кругомъ, побѣденъ и могучъ,
 Онъ озарилъ и ту зіяющую бездну
 Что на пути лежитъ межъ нами, хоть порой
 Съ привѣтной ласкою мнѣ шепчетъ образъ твой:

„Перешагни смѣлѣй,—не то сейчасъ исчезну.
 „Лови счастливый мигъ,—не то умчусь я прочь,
 „И снова будетъ мракъ, и снова будетъ ночь!“

Но не хочу внимать навѣтамъ я лукавымъ.
 Хочу я убѣжать, укрыться отъ тебя.
 Безгрѣшную мечту лелѣя и любя,
 Хочу я предъ тобой и предъ собой быть правымъ.
 Спокойна ты (я въ томъ увѣренъ!) для чего жь
 Покой тотъ возмущать я сталъ бы излившемъ
 Тебѣ не нужныхъ чувствъ иль сумрачнымъ молчаньемъ.
 Прощай, забудь меня! и сердце не тревожь
 Ни сожалѣньями, ни поздними мечтами,
 Ни явнымъ холодомъ, ни тайными слезами.

* *
 *

Рѣшенье принято—и легче стало мнѣ.
 Когда душа полна надеждой, иль сомнѣваемъ,
 Гнетъ страсти тяжелой. Теперь я въ тишинѣ
 Мечтой завѣтною люблюсь какъ во снѣ
 Картиной свѣтлою, какъ ласковымъ видѣнемъ.
 Порой я думаю о прошломъ, безъ стыда,
 Безъ злобной горечи, спокойно, безопасно.
 Чего стыдиться мнѣ? Я молодъ—ты прекрасна;
 Я полюбилъ тебя глубоко, навсегда...
 Все это, кажется, такъ просто и такъ ясно!

А счастье? Счастья нѣтъ! владѣть имъ другою.
 Оно далось ему легко, само собой,
 Безъ долгихъ дней борьбы, какъ неба даръ случайный,
 Все это просто, да! Но часто голосъ тайный
 Въ недвижномъ сумракѣ бессонныхъ, злыхъ ночей
 Мнѣ на ухо шелталъ назойливо: разбей
 То бесполезное, бессмысленное счастье.
 Ужель слѣпой судьбы слѣпое самовластье
 Не въ силахъ свергнуть ты и смѣлою рукой
 Взять то что у тебя украдено судьбой?

Тогда одинъ вопросъ являлся неизбежно.
 Томительный вопросъ: ты счастлива иль нѣтъ?
 И за тобой слѣдилъ я зорко и прилежно.

Старался прочитать въ глазахъ твоихъ отвѣтъ,
 Подслушать въ голосѣ покой или волненье.
 Дождаться чтобы вздохъ, невольное движенье,
 Случайный, краткій взглядъ, или слово, что-нибудь,
 Мнѣ къ тайнику души твоей открыло путь;
 И послѣ cadaго свиданья, каждой встрѣчи,
 Твои я вспоминалъ движенья, взгляды, рѣчи...

Напрасно! Мнѣ вчера казалось одно,
 А завтра я опять не зналъ и сомнѣвался;
 Все представлялось вновь загадочно, темно,
 Таинственный отвѣтъ, какъ кладъ, мнѣ не давался.
 „Ты счастлива или нѣтъ?“—Я въ мысляхъ предъ тобой
 Твердилъ, красой твоей и близостью смущенный.
 „Ты счастлива или нѣтъ?“ зывалъ я въ тьмѣ ночной
 Вернувшись къ себѣ въ пріютъ уединенный.
 Какъ знать! Въ глазахъ твоихъ сіялъ то яркій день,
 То налетала вдругъ, какъ тучка, грусти тѣнь.
 И радость тайная сжимала грудь невольно,
 Когда казалась ты печальна и грустна.
 Я говорилъ себѣ: несчастлива она!
 И было на сердцѣ такъ сладко и такъ больно.
 Въ тѣ чудные часы такъ жаждала душа
 Открыться предъ тобой, сказать всю правду смѣло,
 Какъ много слезъ въ груди усталой накопѣло,
 Какъ я люблю тебя и какъ ты хороша!
 Но призракъ исчезалъ, мгновенье проходило;
 Ты улыбалась вновь, и я молчалъ увяло.

Молчалъ—и съ горечью слѣдилъ какъ жизнь твоя
 Катилась торною, обычной колеєю.
 Какъ мужу доброму быть доброю женою
 Старалась ты, въ душѣ унынье затая.
 А мужъ? Тебя понять не могъ онъ! Безъ заботы,
 Доволенъ жизнью, онъ время проводилъ
 И, кажется, равно отъ всей души любилъ
 Тебя, и сельское хозяйство, и охоты,
 Обѣды жирные съ гостями и виномъ,
 И споры вечеромъ за карточнымъ столомъ.

Наскучивъ праздною и вздорной болтовнею
 Ты удалялась въ садъ отъ шума и гостей.
 Тамъ иногда вавоемъ я проводилъ съ тобою
 Хорошіе часы. Дышалось тамъ вольнѣй,
 Тамъ задушевнѣе твой голосъ становился,
 Тамъ ярче огонекъ души твоей свѣтился,
 Души отзывчивой и страстной, и живой....
 Чтò толку было въ томъ? Вернувшись домой
 Ты вновь являлася спокойной и счастливой,
 И прочь я отходилъ печальный и ревнивый.

Довольно. Я усталъ... Ни позабыть тебя,
 Ни потушить любовь въ тревогахъ жизни ложной
 Въ шумящей суетѣ, я знаю, невозможно;
 Но чувство горькое на днѣ души тая,
 Дверь сердца затворивъ, невластенъ развѣ я
 Неволи нравственной совлечь съ себя одежды,
 Дышать не для тебя, жить не тобою одной?
 Иныя, высшія создать себѣ надежды,
 Иную въ жизни цѣль поставитъ предъ собою
 И бодро къ ней пойди дорогою прямою!

* * *

Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ, волнуясь, эти строки,
 Недѣля пронеслась. Теперь читая ихъ
 Ужъ я не узнаю ни чувствъ, ни думъ своихъ.
 Тѣ дни мнѣ кажутся такъ отъ меня далеки!
 Дни темные, когда, тоскуя и любя,
 Притворно увѣрялъ я самого себя
 Что нѣтъ дороже благъ спокойствія и воли,
 Что я пойду искать какой-то лучшей доли,
 Что счастье не въ любви, что жалокъ тотъ въ комъ
 страсть
 Поработила духъ и свергла мысли власть.

Безплодный, лживый бредъ! Такъ нищему порою
 Приятно обзывать богатство суетой,
 Такъ темному слѣпцу, передъ которымъ свѣтъ
 Затмилася навсегда, отрадно заблужденіе
 Что пусть весь Божій міръ, что красоты въ немъ нѣтъ!
 Но еслибъ чудомъ вдругъ къ нему вернулось зрѣніе

И свѣтъ дневной опять блеснулъ со всѣхъ сторонъ,
 Какими бѣ жадными онъ сталъ смотрѣть глазами,
 Какими бѣ залцлся блаженными слезами,
 Увидѣвъ Божій міръ, какъ счастливъ былъ бы онъ!

Я счастливъ потому что въ тьмѣ печальной ночи
 Блеснули мнѣ любви живительныя очи,
 Я счастливъ потому что въ чуткой тишинѣ
 Любимыя уста привѣтъ шепнули мнѣ.
 И не обманъ то былъ, не бредъ, не сновидѣнье...
 Я чувствовалъ къ рукѣ моей прикосновенье
 Ея хладѣющей и трелетвой руки,
 Я видѣлъ взглядъ ея исполненный тоски,
 Я слышалъ тихій вздохъ и шелоть въ мигъ прощанья:
 „Вы не уйдете.... не правда ль?... До свиданья?“

А я хотѣлъ бѣжать! А я пришелъ чтобъ съ ней
 Проститься навсегда! Блѣднѣя отъ волненья,
 Я что-то бормоталъ безъ смысла и значенья;
 Она жъ съ улыбкою обычною своею
 Глядѣла мнѣ въ глаза, какъ будто не вникая,
 Какъ будто рѣчь души иную ловящая.
 И вдругъ.—не знаю какъ, въ какой связи, зачѣмъ,
 „Я васъ люблю, люблю“... сказалъ я. Въ тожъ мгновенье
 Послышались шаги и чье-то приближенье.
 Она нахмурилась, и я остался нѣмъ.

И въ комнату вошелъ супругъ, довольный, ясный.
 — А вотъ и я! Какой сегодня день прекрасный,
 Сказалъ онъ, дружески сжимая руку мнѣ.
 Потомъ, не торопясь, приблизился къ женѣ,
 Уставилъ на нее взглядъ нѣжный и умильный,
 Сѣлъ рядомъ на диванъ, и страстный, грубый, сильный
 Въ сознаніи своихъ ненарушимыхъ правъ,
 Ея покорный станъ одной рукой обнявъ,
 Другую повернулъ головку молодую
 И своему ее подставилъ лоуѣлюю.

Тогда-то въ глубинѣ ея знакомыхъ глазъ
 Я гнѣва молкію увидѣлъ въ первый разъ.
 Я сердцемъ ощутилъ въ то странное мгновенье

Ея отчаянье, и стыдъ, и отвращенье
 Отъ обязательныхъ лобзавій, отъ любви
 Того кому клялась быть вѣрною до гроба,
 Кому всѣ первыя мечтанія свои,
 Всю юность отдала, кого теперь мы оба
 Такъ ненавидѣли за то что онъ тутъ былъ,
 Казался счастливымъ, и вѣрль, и любилъ!

Кто знаетъ, можетъ-быть нежданное признанье
 Въ ней пробудило бы одно негодованье?
 Кто знаетъ можетъ-быть горда и холодна
 Мнѣ смѣхомъ на него отвѣтила бь она?
 Но входъ незваннаго, счастливаго супруга,
 Его увѣренность, наивный разговоръ,
 И ласка грубая, и мой лытливый взоръ
 Ей въ сердце влили ядъ. Мы поняли другъ друга,
 Какъ два престулника, столкнувшись въ тьмѣ ночной
 Случайно на пути предъ цѣлюю одной.

Той цѣлюю жизнь была во что бы то ни стало,
 Жизнь полная страстей, веселья и тревогъ,
 Съ мечтами юности, съ исканьемъ идеала,
 Невиданныхъ небесъ, невѣдомыхъ дорогъ!
 Она манила насъ волшебной красотой
 Тумановъ голубыхъ, мерцаній и лучей
 Въ той сказачной дали, любимой съ дѣтскихъ дней,
 Куда, летая, мысль уносится порою
 На отдыхъ отъ мірской, печальной темноты,
 Отъ скуки будничной, отъ зла и суеты.
 Намъ объяснилось все что было сокровенно:
 „Его не любишь ты!“ ей улыбнулся я.
 Мнѣ жь взглядъ ея сказалъ: „О, пожалѣй меня!“
 И тайна общая насъ сблизила мгновенно,
 Одно желаніе вдругъ зародилось въ насъ:
 Скорѣе уловить удивенья часъ;
 Другъ другу высказать чѣмъ сердце было полно,
 Что понимали мы, но скрытно и безмолвно;
 Чего ни этотъ мужъ, ни кто-либо другой
 Не долженъ былъ узнать! Я сталъ ей *не чуждой*.

И только лишь за дверь супругъ счастливый скрылся
 (Въ урочный часъ обѣдъ не подавъ былъ на столъ
 И торопить слугу пріятель мой пошелъ),
 Дотоль унылый взоръ ея преобразился;
 Послѣшью головой кивнула мнѣ она
 Чтобъ къ ней я подошелъ и вымолвила смѣло:
 „Я завтра вечеромъ останусь здѣсь одна.
 „У мужа въ городѣ какое-то есть дѣло.
 „Пройдите прямо въ садъ, подъ липой у ручья
 „Мы съ вами встрѣтимся, тамъ ждать васъ буду я.“

Я руку взялъ ея—рука ея дрожала.
 Съ блаженной радостью, прижавъ ее къ губамъ:
 „Вы очастливили меня, спасибо вамъ!“
 Сказалъ я тихо ей. Она не отвѣчала;
 Она недвижимо сидѣла предо мной,
 Нѣмая, блѣдная, съ лоникшею головою,
 Вся погруженная въ глубокое раздумье—
 И вдругъ какой-то бредъ, какое-то безумье
 Вновь овладѣло ей и внятно въ тишинѣ:
 „Мой милый, дорогой!“ она шепнула мнѣ.

Я все забылъ въ тотъ мигъ! Безъ словъ, безъ объ-
ясненій,

Я, какъ подкошенный, упалъ къ ея ногамъ.
 Не знаю, много ли промчалось мгновений
 Въ волшебномъ томъ бреду, но сладко было намъ
 Смятеніе любви и страхъ ея извѣдать,
 Когда изъ комнаты сосѣдней громкій зовъ
 До слуха нашего донесся: „Суть готовы!
 Жена, любезный гость, пожалуйте обѣдать.“
 И мы очнулись и съ ней простился я
 До завтра, тамъ въ саду, подъ липой, у ручья....

До завтра.... такъ тогда я думалъ. Но „у счастья
 Нѣтъ завтрашняго дня,“ сказалъ мудрецъ-поэтъ,
 Какъ молвія порой внезапно средь ненастья,
 Въ глубокой тьмѣ, сверкнетъ его могучій свѣтъ,
 Сверкнетъ и ослабитъ испуганныя очи;
 Но снова скроется, и снова сумракъ ночи
 Чернѣе прежняго надвинется потомъ,

Печальнѣе въ потьмахъ ненастный вихрь завоетъ,
И сердце лутника больнѣй въ груди завоетъ
При влпоминаніи о краткомъ блескѣ томъ!

Сосѣдъ—пріятель мой, обманутый женою!
Вчера ты счастливъ былъ, — а выче что съ тобою?
Какое надъ тобой несчастье стряслось?
Несчастье пошлое: безумно, на авось,
Ты въ карты на пролетъ всю ночь игралъ; пропало
Все достояніе твое въ безумствѣ томъ.
Вчера еще богачъ, сегодня бѣднякомъ
Ты очутился вдругъ. Грядущее вставало
Зловѣщимъ призракомъ въ лохмотьяхъ нищеты.
Бѣда нагрязнула — ее не вынесъ ты!
Ударъ тебя сразилъ. Недвижимъ, безъ дыханья,
Туза въ рукѣ зажавъ, лежалъ ты какъ мертвецъ.
День цѣлый такъ прошелъ. Подъ вечеръ наконецъ
Проснулся въ головѣ лучъ скорбнаго сознанья.
Глаза открылися; ты простоналъ: „жена!
„Жена, приди ко мнѣ!“ Приблизилась она,
Въ смятеннѣ къ твоему склонилась изголовью.
И, труль полуживой, ты съ дѣтскою любовью
Губами блѣдыми къ рукѣ ея приникъ...
„Прости, прости!“ шепталъ коснѣющій языкъ.

Все это лишь потомъ узналъ я. Одиноко
Провелъ я этотъ день безслѣдный и пустой.
Его часы влеклись лѣнивой чередой.
Я вышелъ изъ дому... Слокойно и широко
Лежали предо мной знакомыя поля.
Объятъ невѣдомой и странною тревогой,
Я шелъ не торопясь пустынною дорогою
И долго ли я шелъ, того не знаю я.
Очнувшись, увидалъ я домъ передъ собою
И садъ, и ручеекъ, и лилу подъ горою.

Былъ вечеръ. Тонкія алѣли облака
Въ багряномъ пламени лучистаго заката;
Но ужъ сырой туманъ надъ лесомъ ручейка
Таинственно вставалъ. Дремотою объята

Природа вѣжлилась; лишь изрѣдка сквозь сонъ
 Въ саду листва деревь тихонько трепетала,
 Душистая телынь волною набѣгала.
 Въ селѣ сторожевой вдругъ раздавался звонъ
 И тихо замиралъ какъ плачь струны, какъ стонъ;
 Да гдѣ-то далеко кукушка куковала.

Потомъ смодкало все. Старинный темный садъ
 Вкругъ дома барскаго далеко простирался,
 Къ ручью по холмику лологому слускался.
 Тамъ саженьхъ дубовъ кончался длинный рядъ,
 И въ сторонѣ, одна склонившись надъ водою,
 Стояла липа. Къ ней тропинкой полевою,
 Въ обходъ жилыхъ домовъ, тайкомъ, черезъ заборъ,
 Я въ часъ тотъ пробрался, какъ полуночный воръ,
 Никѣмъ не встрѣченный,—и притаивъ дыханье,
 Въ томленіи сталъ ждать условнаго свиданья.

И снова въ смутное раздумье погружень
 Я не видалъ какъ тьмой покрылся небосклонъ,
 Какъ весь онъ заблесталъ веселыми звѣздами,
 Какъ полная луна взошла надъ деревьями,
 Обливъ вершины ихъ волшебнымъ серебромъ.
 Я ждалъ свиданія, и въ ожиданьи томъ
 Тянулись медленно докучныя мгновенья,
 Вползали тихо въ умъ вопросы и сомнѣнья,
 И самая любовь, какъ ночь въ красѣ своей,
 Все становилася блѣднѣй и холоднѣй.

Глазамъ окрестные предметы надоѣли.
 Мой утомился слухъ вѣдать тиши ночной,
 Надежда гаснула и нехотя, безъ цѣли,
 Подъ липой я стоялъ съ повикшей головой.
 Пѣтухъ вдали пропѣлъ. Съ ручья вдругъ потянуло
 Холодной сыростью въ туманѣ спящихъ водъ...
 „Ждать больше нечего, она ужь не придетъ
 И счастьемъ не бываетъ!“ Сознанье мнѣ шепнуло:
 „Должно-быть счастье то чужое, не мое.“
 Я поднял голову—и увидалъ ее!

Платочкомъ наскоро закутавъ грудь и плечи,
 Легко, какъ бы скользя по скату, шла она.
 Тѣнь быстрая за ней бѣжала, а луна
 Свѣтила ей въ лицо. Глаза искали встрѣчи
 И всматривались въ мракъ подъ лилою густой
 Гдѣ неожиданнымъ видѣнемъ очарованъ,
 Какъ будто цѣлю волшебною прикованъ,
 Недвижно я стоялъ, смущенный и нѣмой.
 Былъ счастливъ я иль нѣтъ? Не знаю. Сердце билось.
 Все замерло кругомъ; ничто не шевелилось.

Лишь слышались шаги все ближе, все яснѣй,
 И странно! въ этотъ мигъ мнѣ ясно показалось
 Что что-то прежнее, бывое повторялось:
 И ночь, и этотъ садъ, и эта встрѣча съ ней,
 Въ тиши ея шаговъ послѣднихъ приближенье,
 И тѣни быстрый бѣгъ... все это въ свидѣннѣй
 Иль на яву, давно, когда-то видѣлъ я...
 Когда? Но ужь она стояла предо мною
 И озаренная холодною луною,
 Враждебно-холодно смотрѣла на меня.

Я не узналъ ее! Нѣтъ, то была другая;
 Не та что мнѣ вчера свиданье назначая
 Шелтала бредъ любви и счастья; не та
 Чьи улыбалась мнѣ привѣтныя уста,
 Чей взоръ доврчивый, когда съ моимъ встрѣчался,
 Въ смятель радостномъ сверкалъ и потуплялся,
 И мигъ спустя олять, таинственно горя,
 Мнѣ въ душу проникалъ, какъ свѣтлая заря.
 Гдѣ жь тотъ небесный взглядъ, гдѣ мѣжность, гдѣ улыбка,
 Иль грезилъ я вчера? Иль то была ошибка?

Иль нынѣ эта рѣчь мнѣ слышится во снѣ?
 „Что жь не кидаетесь на встрѣчу вы ко мнѣ?
 „Я, видите, свое сдержала обѣщанье;
 „Я ваша, я пришла на тайное свиданье,
 „Въ потемкахъ крадучись, забывъ и стыдъ и честь....
 „Да смѣйтесь, радуйтесь же! добрую вамъ вѣсть
 „Съ собой я привнесла: оны боленъ.... умираетъ...
 т. слых.

„Онъ въ этотъ самый мигъ, быть-можетъ, призываетъ
 „Жену любимую. Да вѣтъ жены! Она
 „Ушла къ любовнику — любимая жена!

„А вы, мой пламенный, счастливый обожатель!
 „Конечно, завтра же поутру, какъ пріятель,
 „Какъ добрый другъ семьи, придете къ мужу въ домъ
 „У плачущей жены справляться о больномъ,
 „Съ притворной грустію и напускнымъ участиемъ.
 „Вы посмѣетесь надъ чуждымъ вамъ несчастьемъ
 „И, полная стыда, невидимо для всѣхъ
 „Лишь я одна пойму обидный этотъ смѣхъ.
 „Пойму, и можетъ-быть отъ гнѣва люблѣдѣю;
 „Пойму, но выгнать васъ изъ дома не посмѣю!

„Васъ выгнать? Моего любовника? О вѣтъ!
 „Я мужу передамъ вашъ дружескій привѣтъ,
 „Скажу: онъ навѣститъ тебя пріишець, мой милый!
 „И благодарный мужъ, собравъ остатокъ силы,
 „Къ себѣ васъ призоветъ:—Прошу.... ко мнѣ, сюда,
 „Я радъ!... И мнѣ на васъ доврѣливо укажетъ.
 „Вотъ настоящій другъ, онъ съ умплемьемъ скажетъ:
 „Неправда ли, жена? И я отвѣчу.... да!!“

Она умолкнула и посреди молчанья
 Яснѣй, повѣтвѣй словъ посыпалась рыданья.
 Я ихъ не прерывалъ. Что могъ сказать я ей?
 Сама природа-мать слезамъ ея внимала
 И ночь-волшебница любовнѣй и вѣжнѣй
 Свой голубой покровъ надъ нею простирала,
 Смиряла бережно мятежъ больной души
 И ласковый привѣтъ шелтала ей въ тиши.
 А мѣсяцъ между тѣмъ вслывалъ все выше, выше,
 Все необъятнѣе, все глубже былъ покой,
 Неотразимѣй онъ овладѣвалъ душой
 И слезы все лизались обильнѣе и тише.

Грозы стихалъ порывъ, и грусти кроткій лучъ
 Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ слезами отягченныхъ
 Въ глазахъ, вновь для меня знакомыхъ и смягченныхъ,
 Блеснулъ мнѣ какъ лазурь сквозь убѣгавшихъ тучъ.
 „Простите“, мнѣ она смиренно прошелтала,

„Я обезумѣла отъ горя, отъ стыда...
 „Я разкажу... меня поймете вы тогда“.
 И слезы отеревъ, она мнѣ разказала
 Все какъ свершилось; какъ мужъ молилъ ее
 Простить... не покидать... любить... Я поняла все!
 „Вотъ видите ли“, такъ она мнѣ говорила,
 „Пока онъ счастливъ былъ, его я не любила.
 „Вы это поняли, вы это знали... Да,
 „Скрываться нечего и тайны нѣтъ межъ нами!
 „Мнѣ душно было съ нимъ, легко мнѣ было съ вами.
 „Меня манили вы украдкою... куда?
 „Къ блаженству ль, къ гибели? я спрашивать боялась.
 „Какъ птица въ клеткѣ я бессмысленно металась.
 „И правду горькую примите не сердясь—
 „Отъ скуки завлекла и полюбила васъ.

„Васъ, пришлаго въ дому, чужаго человѣка
 „Я мужу предпочла! Я съ вами заодно
 „Его обманывать тайкомъ хотѣла! Но
 „Тотъ мужъ теперь исчезъ. Полуживой калѣка,
 „Безпомощный бѣднякъ явился предо мной
 „И, глядя мнѣ въ глаза съ локорною тоской,
 „Боясь не встрѣтить въ нихъ желанное участье,
 „Молилъ послѣднее ему оставить счастье
 „(То что онъ требовать бы могъ!)—любовь мою.
 „И жалко мнѣ его... и я его люблю!
 „А къ вамъ теперь пришла проститься: виновата
 „Во всемъ случившемся, быть-можетъ, я одна,
 „И въ наказаніе за то нести должна
 „Суровый, тяжкій крестъ. Къ былому нѣтъ возврата.
 „Забудьте же меня, какъ я забыла васъ.
 „А мнѣ... о, мнѣ давно пора разстаться съ вами!
 „Пора идти къ нему... Все кончено межъ нами...“
 И смолкнувъ, отъ земли не поднимая глазъ,
 Какъ будто торопя забвенью и разлуку,
 Она холодную мнѣ протянула руку.

„Прощайте!“ Но на мигъ ее я удержалъ.
 „Ужель возврата нѣтъ?“ я горько прошелталъ.
 „Ужель за краткій часъ счастливаго забвенья
 „Должна разбиться жизнь? Ужели нѣтъ прощенья?
 „Не вѣрю! Вновь должны сойтись мы... во когда?“

Она окинула меня печальнымъ взоромъ.
 Не то съ улыбкою, не то съ кѣпымъ укоромъ,
 Тотъ взглядъ отвѣтилъ мнѣ: „конечно, некогда!“
 И молча я смотрѣлъ какъ призракъ удался,
 Какъ въ мракъ скрылся омы—а я одинъ остался!...
 Одинъ—вновь для меня далекий и чужой!
 Одинъ—униженный, забытый, оскорбленный,
 Поверженный во прахъ, коѣмолпреклоненный
 Предъ новой, чистою, высокою красотой.
 Къ ней не дерзаетъ страсть подвѣять съ молениемъ очи,
 Уста не властны ей слова любви шептать;
 Ее желать нельзя,—но и забыть нѣтъ мочи!
 Возможно лишь одно: бѣжать, бѣжать, бѣжать!
 Куда-нибудь, скорѣй, въ чужое отдаленье,
 Въ надеждѣ тамъ найти желанное забвенье!

* *
 *

О, милый уголокъ земли родной—прости!
 Прости и ты, мечта о счастьи! Одинокій,
 Не нужный никому, я завтра въ путь далекий
 Пускаюсь.. Можетъ-быть въ концѣ того пути
 Случайно, гдѣ-нибудь... Нѣтъ, пово увлечься!
 Пора одуматься, пора за умъ мнѣ взяться!...
 Къ чему мечтанія, надежды лживый бредъ?
 Блаженъ чье счастье судьбою позабыто.
 Мое мелькнуло мнѣ на мигъ—и ужъ разбито!
 Разбито почему? за что? Отвѣта нѣтъ.
 И протекутъ года. Холодный, очерствѣлый,
 Наскучивъ страстиемъ я возвращусь назадъ.
 Увижу этотъ домъ, забытый, олуствѣлый,
 И снова забреду въ безмолвный этотъ садъ.
 Неузнаанный вѣкъ, одинъ подъ старой стѣною
 Въ раздумьи сяду я. И ласковою тѣнью
 Желаннымъ призракомъ въ знакомой тишинѣ
 Давно миновавшее олять представеть мнѣ.
 Представеть можетъ-быть съ улыбкой примиренья,
 И милы будутъ мнѣ тѣ грезы и видѣнья!

ГРАФЪ А. ГОЛЕНИЦЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

2 сентября 1880 года.

С.-Петербургъ.

ВЪ БЕРЕЗНИКАХЪ*

ПОВѢСТЬ

VI.

Цѣлую недѣлю молодой Полозовъ жилъ въ Березникахъ, много гулялъ, всѣмъ восхищался, упросилъ мать оставить стариковъ на прежнихъ мѣстахъ, примирилъ ее даже съ Кириллой Степанычемъ, и находилъ что и солнце здѣсь ярче свѣтитъ, и природа лучше, и люди добрѣе нежели въ другихъ мѣстахъ.

— Долготолные какіе-то звѣри, а не люди, mon cher, съ негодоваіемъ отзывалась Настасья Дмитріевна.

— Удивляюсь вамъ: сочувствуете вы всему современному, много читаете, а высказываете такое отсталое убѣжденіе будто все что не Петербургъ наполнено какими-то бѣлыми медвѣдями. Поживете здѣсь подольше, продолжалъ молодой человѣкъ,—и начнете говорить совсѣмъ иное.

— Я слишкомъ стара чтобы мѣнять свои убѣжденія, возражала на это Настасья Дмитріевна.

Надо впрочемъ сказать что вопросы эти возауждала всегда сама Настасья Дмитріевна. Лидуша, при подобныхъ столкновеніяхъ игравшая роль зрительницы, бессознательно для

* См. Русск. Вѣстн. № 95.

дѣла даромъ смирять тревоги и укрощать взрывы раздраженнаго чувства. Одинъ видъ ея спокойнаго молодого лица умиллалъ волненіе Настасьи Дмитріевны, а вмѣстѣ и сына заставлялъ быть сдержаннѣе въ спорахъ съ матерью.

Въ одинъ прекрасный солнечный день сидѣли они всѣ трое на балконѣ, покрытомъ сплошною стѣной дикаго винограда. Настасья Дмитріевна вышивала и въ то же время разсѣянно глядѣла въ даль какъ глядятъ люди у которыхъ въ мысляхъ совсѣмъ не то что предъ глазами, сынъ расположился на скамеечкѣ у ея ногъ, Лидуша съ работою на ступенькахъ балкона. Вдругъ на дворѣ послышался стукъ экипажа.

Вошелъ Кириллъ Степановичъ и доложилъ о пріѣздѣ Николая Степановича Бобрицева.

— Проси, приказала она, привставъ чтобъ идти въ гостиную, но не успѣла она дойти до двери какъ гость появился на балконѣ. Маленькій, тоастенькій, кругленькій, на коротенькихъ ножкахъ, въ ларичкѣ съ просьбою, височки напередъ, хохолокъ къ верху. Овъ прежде всего подошелъ къ ручкѣ хозяйки и потомъ расклапаясь съ остальною компаніей.

— Николай Степановичъ, какъ я рада васъ видѣть!

— Я счастливъ не менѣе, заговорилъ овъ толенькимъ голоскомъ.

— Позвольте же вамъ представить моего сына.

— Весьма радъ познакомиться, и Бобрицевъ крѣпко пожалъ ему руку.

— А эту молодую особу вы не помните? продолжала Настасья Дмитріевна:—Лидія Руднева.

— Помилуйте, зналъ вотъ такую, и гость показалъ рукою на аршинъ отъ пола.—Только третьяго дня узналъ, обратился Бобрицевъ къ хозяйкѣ,—что обладательница Березниковъ осчастливила своимъ прибытіемъ наши мѣста, и вотъ сегодня я уже у васъ, поздравить съ пріѣздомъ. Радъ вдвойнѣ (и овъ дружески потрясъ руку Владиміру Николаевичу) что вижу наконецъ и васъ. Такъ какъ же, молодой человекъ, долго пробыли за границей? учились? Подготовка нужна, нельзя безъ подготовки. Радуюсь, душевно радуюсь. Намъ теперь такіе дѣятели выше... могу сказать выше всякой мѣры необходимы, продолжалъ почтенный помѣщикъ въ сильномъ волненіи, усаживаясь наконецъ около хозяйки.—Такъ вы, значить, уже навсегда къ намъ? освѣдомился овъ еще разъ у молодого Полозова.

— Да, за границу уже болѣе не поѣду, отвѣчалъ ему тотъ.

— И прекрасно! Одно могу сказать, одобрилъ Николай Степановичъ,—оставайтесь у насъ. Какого же рода дѣятельность намѣрены вы избрать?

— Я причисляю пока къ министерству, но прежде хотѣлъ бы осмотрѣться...

— Дѣльно, молодой человѣкъ, дѣльно! Полезные дѣятели намъ безспорно необходимы. Когда знаешь цѣну себѣ и своимъ познаніямъ (при этомъ онъ слегка выпрямился), а влодитъ васъ понимаю, помилуйте, что за охота давать, такъ сказать, другимъ выѣзжать на себѣ. Вамъ нужно нѣчто болѣе самостоятельное, независимое, знаете, въ трудахъ комиссіи какой-либо участвовать или нѣчто въ этомъ родѣ; свои проекты, свои идеи проводить, вотъ чего слѣдуетъ добиваться.

— Мои претензіи такъ далеко не простираются, отвѣчалъ Подозовъ.

— Неумѣстная скромность, молодой человѣкъ, совершенно неумѣстная, любезно возразилъ Николай Степановичъ. — Ну, въ такомъ случаѣ къ намъ. У насъ теперь полприще для дѣятельности обширное, да за малымъ остановка: дѣятелей нѣтъ. Желающихъ много, даже слишкомъ много, могу сказать, но исполненіе хромаетъ. Есть, конечно, отдѣльныя личности достойныя, продолжалъ онъ,—Селищевъ Алексѣй Антоновичъ малпримѣръ, хоть сейчасъ въ палату депутатовъ!

— Хорошо говорить? спросила Настасья Дмитриевна.

— Ораторъ необыкновенный, рѣдкій даръ слова, въ парламентѣ не ударилъ бы лицомъ въ грязь.

— А что пресловутое земство? отвѣтала къ нему Настасья Дмитриевна.

— Къ сожалѣнію моему, похвалить не могу, желалъ бы, но не могу, съ прискорбіемъ отвѣчалъ Николай Степановичъ.—Предсѣдатель у насъ изъ иностранцевъ (и онъ улыбнулся), то-есть я хочу сказать не нашъ дворянинъ, и прошедшее его мнѣ неизвѣстно: знаю что онъ былъ повѣреннымъ у княгини Боаховской и недавно купилъ себѣ у насъ имѣніе.

— Это рекомендація плохая, замѣтила Настасья Дмитриевна.

— Что жь дѣлать! (Николай Степановичъ скорбно покачалъ головой). У насъ до новизны вообще охотники, а онъ умѣетъ

завскачь, на это онъ мастеръ. Помялъ слабыя стороны и теперь обставился какъ вельза лучше: большое содержаніе, всѣмъ вертитъ, всѣмъ заправляетъ; дѣлаетъ, словомъ, что хочетъ.

— Но неужели на это мѣсто не нашлось никого болѣе достойнаго изъ здѣшнихъ? спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Какъ же вѣстись! Мы еще не такъ плохи, но, понимаете ли (и Николай Степановичъ слегка коснулся рукой его колѣна) полнѣйшее равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, вотъ что насъ губитъ! Все что покрупнѣе, знать ничего не хочетъ, въ оброчіа и на стѣзды не ѣздитъ. Возмутительная небрежность, неизвинительная!

— Какъ это грустно! молвила Настасья Дмитриевна. — А вы, Николай Степановичъ, не несете никакой общественной обязанности?

Николай Степановичъ слегка склонилъ головку.

— Мы, Настасья Дмитриевна, люди старые; намъ позволительно отдыхъ. На прошедшихъ еще выборахъ, когда дворянство желало почтить меня знакомъ своего довѣрія, просило меня быть предводителемъ, а благодарилъ, но наотрѣвъ отказался. Господа, говорю у себя же на обѣдѣ, совѣтовать я готовъ, но только совѣтовать, а отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ увольте. Такъ и выразилъ дворянамъ. Понимаете ли, обратился онъ ко Владиміру Николаевичу, — нашъ домъ мѣсто саіанія всѣхъ партій. Мы съ братцемъ иначе не можемъ, ужъ такъ привыкли. Что же дѣлать!

— А я васъ и не спросила о Петрѣ Степановичѣ, любезно освѣдомилась Настасья Дмитриевна, — какъ его здоровье?

— Благодарю васъ (Николай Степановичъ съ достоинствомъ поклонился), братецъ бодръ и свѣжъ, то-есть насколько это возможно въ его годы. Какъ вамъ понравится, на примѣръ, слѣдующій пассажъ? обратился онъ вдругъ ко Владиміру Николаевичу. — На словахъ нашъ предсѣдатель паритъ какъ орелъ, совершеннѣйшій орелъ! Школы, больницы и все такое у него съ языка нейдетъ, и за все это онъ готовъ хоть сейчасъ на висѣлицу, и что же я узнаю (и Николай Степановичъ безлокоино задвигался на своемъ креслѣ), какъ бы вы думали? что въ своемъ собственномъ имѣніи онъ такъ отмежевался что крестьянамъ дѣлаться некуда. Залеръ и окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ вамъ и либералъ! Курица полетать черезъ плетень — подавай

штрафъ, потому что она уже на его землѣ, и такъ далѣе; гумно устроилъ чуть не посрединѣ дороги, и какъ бы вы думали, зачѣмъ? чтобы ловить крестьянскихъ лошадей! Прекрасная, гуманная цѣль, не правда ли? Послѣ того и толкуйте съ нимъ о просвѣщеніи! Управляющему своему говоритъ: вы мнѣ штрафами обязаны жалованье свое возратить, а иначе васъ и держать не стоить. Хе-хе-хе! Каковъ орелъ! Что вы на это скажете?

— Вы рисуете очень печальную картину, но я рада по крайней мѣрѣ что это слышать мой сынъ и именно отъ васъ какъ старожилла здѣшнихъ мѣсть, проговорилла Настасья Дмитриевна: — это его разочаруетъ въ его пристрастіи къ деревнѣ.

— Насколько, успѣвши сказать сынъ, — дурное вездѣ есть; въ другихъ мѣстахъ бываетъ и хуже.

— Мнѣ это очень пріятно слышать, съ любезною улыбочкой сказалъ Бобріщевъ. — Привязанность къ мѣсту своего рожденія чувство весьма похвальное... Оставайтесь у насъ, молодой человекъ, мы васъ въ предводители выберемъ, продолжалъ онъ свисходительно потрелявъ его по плечу, — и я, смѣю васъ увѣрить, со своей стороны буду весьма радъ служить вамъ чѣмъ могу, опытомъ. Даже прямо скажу: разчитывайте на меня.

— Благодарю васъ, Николай Степановичъ. Я не честолюбивъ и ни о какихъ должностяхъ еще не думаю.

— Напрасно, совершенно напрасно, молодой человекъ, возразилъ Бобріщевъ: — люди просвѣщенные и безкорыстные никогда не должны оставаться въ тѣни.

Николай Степановичъ говорилъ много и успѣлъ порядочно надобѣсть Настасьѣ Дмитриевнѣ.

— Настасья Дмитриевна, обратился онъ наконецъ къ хозяйкѣ, — позвольте васъ просить на Петровъ день осчастливить Бобрікъ своимъ посвѣщеніемъ: въ этотъ день у насъ двойное торжество, нашъ престольный праздникъ и именныи братца, и я свято храню обычай предковъ и всегда праздную этотъ день.

Настасья Дмитриевна благодарила и обѣщала прійхать. Николай Степановичъ обратился къ Лидушѣ: — Въ этотъ день у меня народный праздникъ и гулянье, а вечеромъ танцы, такъ что, смѣю думать, и молодымъ дѣвцамъ будетъ весело. Владиміръ Николаевичъ, надѣюсь что и вы не от-

кажете. Беру на себя смѣлость познакомиться васъ съ вашимъ обществомъ; въ этотъ день вы у меня встрѣтите многихъ.

Расцѣловавъ у дамъ ручки, облобызавшись съ молодымъ хозяиномъ и взявъ съ него еще разъ непрѣмливое слово пріѣхать, Николай Степановичъ, слегка опираясь на тросточку, молодцомъ вышелъ изъ гостиной и чрезъ минуту карета его уже гремѣла по двору.

Одинъ изъ самыхъ крутыхъ по количеству десятинъ землевладѣльцевъ К^{***} губерніи, Николай Степановичъ Бобріщевъ былъ хорошій родвой, хорошій хозяинъ, хорошій сосѣдъ, хорошій помѣщикъ для своихъ крѣпостныхъ, съ которыми и повывѣ сохранилъ добрыя отношенія; житье же его дворовыхъ людей всегда было предметомъ зависти для мѣщанъ сосѣдняго города В^{***}; но для благополучія Николая Степановича недостаточно было этихъ добродѣтелей: прежде всего мнилъ онъ себя просвѣщеннымъ общественнымъ дѣятелемъ и наконецъ ораторомъ. Трудно перечестъ сколько проектовъ по части финансовой, политической и политико-экономической вышло изъ-подъ его ладовитаго пера. Правда, всѣ они умирали во младенчествѣ, но энергія почтеннаго ихъ автора нисколько не ослабѣвала; можно даже сказать что талантъ его крѣпчалъ и закалялся съ каждою новою неудачей проекты такъ и кипѣли въ его изобрѣтательной головѣ: то онъ предлагалъ завести по Нестунѣ судоходство и этимъ оживить мѣстную торговлю и промышленность, то совѣтовалъ обсадить проселочныя дороги фруктовыми деревьями, въ видахъ охраненія помѣщичьихъ садовъ отъ набѣговъ и, при содѣйствіи этихъ мѣръ, насильно внушить крестьянамъ уваженіе къ принципу собственности. Въ послѣднее время, почтеннаго землевладѣльца занималъ вопросъ о грамотности. Онъ послалъ даже объ этомъ нѣсколько полезныхъ указаній и „мыслей“ въ министерство народнаго просвѣщенія.

Жилъ онъ не одинъ, а вмѣстѣ съ братомъ Петромъ Степановичемъ, восьмидесятилѣтнимъ старцемъ. По характеру и наружности братья эти представляли совершенный контрастъ, но отношенія между ними были самыя дружескія, можно сказать трогательныя. Въ обращеніи съ братомъ у Николая Степановича проглядывалъ отбѣнокъ почтительности, и онъ называлъ его не иначе какъ „братецъ“, тогда какъ Петръ Степановичъ звалъ его просто „братъ“.

Старшій сынъ, любимецъ матери и полубогъ семьи, Петръ

Стелавовичъ былъ когда-то на высотѣ фортуны и почестей. Но высокое служебное положеніе его какъ-то пошатнулось; къ тому же онъ вступилъ въ одно обширное предпріятіе и потерялъ въ немъ все свое богатство. Петръ Стелавовичъ очутился чуть не нищимъ. Ему ничего болѣе не оставалось какъ переѣхать къ брату: онъ пріютился въ родовомъ домѣ и съ тѣхъ поръ они не разставались. Но несмотря на постигшее его крушеніе и на восемьдесятъ слѣдующихъ лѣтъ, Петръ Стелавовичъ все еще бодръ и свѣжъ и поражаетъ прамизною стана и благородствомъ осанки. Николай Ивановичъ Глуховской, бывшій уѣздный застѣватель, всегда понижалъ голосъ и тихонько привставалъ со стула, когда при немъ заходила рѣчь о Петрѣ Стелавовичѣ,—такъ еще были живы воспомнанія объ его прежнемъ значеніи. Да и мало ли вообще было у братьевъ правъ на покаяніе! А домъ большой, бѣлый, каменный; а паркъ, оранжереи, какимъ подобныхъ нѣтъ въ цѣлой окрестности: всякій ѣдущій въ В** видитъ въ сторонѣ отъ большой дороги бѣлѣтся большая старинная усадьба и невольно проникается уваженіемъ! комнаты въ домѣ подъ мраморъ; зала съ хорами въ два свѣта; картины большія и темныя, сюжета которыхъ подчасъ и не разберешь; портретъ Александра Павловича во весь ростъ въ гостиной; въ саду и на дворѣ фонтаны, и ко всему этому прислуга степенная и савовитая, проникнутая важностью своихъ обязанностей. У братьевъ, какъ и у всѣхъ богатыхъ старыхъ холостяковъ, была цѣлая фаламба племянниковъ и племянницъ, которые наперерывъ осыпали ихъ знаками своей родственной вѣжности. Братья дорожили семейными преданіями и считали родство чуть не до седьмого колѣна.

Многочисленные родственники часто съзжались въ Бобрискъ, веселились, шумѣли, гуляли, и послѣ ихъ отъѣзда становилось въ домѣ очень скучно и тихо. Когда постороннихъ никого не было, что впрочемъ рѣдко случалось, старики какъ совы сидѣли каждый по своимъ комнатамъ на двухъ противоположныхъ концахъ огромнаго дома. Угрюмая тишина нарушалась только по утрамъ голосомъ Николая Стелавовича, который въ это время обыкновенно изволилъ гнѣваться на кого-нибудь изъ приближенныхъ. Завтракали старики всегда вмѣстѣ, и когда старшій, совершивъ предъобѣденную прогулку, удалялся къ себѣ въ покои, на дѣйствицѣ уже слышались шаги Николая Стелавовича и онъ являлся къ брату съ тетрадкою въ рукахъ.

— Братецъ, прошу васъ обратить особенное вниманіе на параграфъ 36й моего проекта объ охотѣ; я нарочно оставилъ поля пошире для вашихъ замѣчаній, говорилъ Николай Степановичъ.

— Хорошо, прочту, отвѣчалъ Петръ Степановичъ.

— Я, братецъ, думаю его отправить со слѣдующею же почтой къ Петрушѣ? съ какою то нервнѣйшностью спрашивалъ Николай Степановичъ.

Петруша былъ изъ двоюродный племянникъ и надежда фамиліи, петербургскій камеръ-юнкеръ, исполнявшій различныя по части проектовъ порученія старика.

— Мой совѣтъ лучше свезти самому, говоритъ Петръ Степановичъ:

— Дѣйствительно оно такъ, подхватывалъ Николай Степановичъ,—вы мнѣ дали прекрасную мысль—личное объясненіе лучше всего; такъ какъ же, братецъ, вы просмотрите теперь или послѣ обѣда?

— Если это къ слѣху, то откладывать не буду, отвѣчалъ Петръ Степановичъ.

— Да, братецъ, вы бы меня очень одолжили; чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, съ радостью говорилъ Николай Степановичъ,—я уже послалъ за конторщикомъ. Итакъ я удаляюсь чтобы не мѣшать вамъ.

И Николай Степановичъ какъ шарикъ скатывался съ дѣлствацы прямо въ кабинетъ къ письменному столу и принимался писать новый проектъ.

Жили старики открыто и принимали, какъ говорится, „всю губернію“; въ торжественные дни ѣзжали къ нимъ и дамы.

Иногда Николай Степановичъ предпринималъ поѣздки по дѣламъ въ далекій Петербургъ, и въ качествѣ передоваго и просвѣщеннаго землевладѣльца развозилъ свои многочисленныя проекты то къ тому, то къ другому высокопоставленному лицу. Его благодарили, обещали обратить особенное вниманіе, и старикъ польщенный и ободренный возвращался во свояси и принимался за дѣло съ новымъ рвеніемъ.

VII.

Нѣсколько дней уже Настасья Дмитріевна замѣчала что у ея сына происходить какія-то таинственныя совѣщанія съ Кириллой Степановичемъ; сынъ имѣлъ видъ озабоченный, а

по поводу чего—она не знала. Любознательность ея была сильно возбуждена; она не выдержала наконецъ и спросила:

— Что у тебя за секреты завелась съ нѣкоторыхъ поръ съ Кириллой; можно узнать, надѣюсь, о чемъ вы толкуете?

— Почему же нѣтъ, отвѣчалъ сынъ:—мы и не дѣлаемъ изъ этого тайны. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать что-нибудь для здѣшнихъ крестьянъ, и мы съ Кириллой Степановичемъ разсуждаемъ какъ бы это устроить лучше.

Настасья Дмитриевна вся обратилась въ слухъ.—Въ чемъ же дѣло, однако, я все-таки не понимаю, сказала она.

— Видите, есть у меня одна идея которую я непремѣнно желалъ бы привести въ исполненіе, проговорилъ молодой человекъ съ легкою запинкой;—дѣло въ томъ что мнѣ бы хотѣлось завести здѣсь училище гдѣ кромѣ грамоты преподавались бы и нѣкоторые другіе предметы полезные для сельскаго быта.

— Если ты желаешь звать собственно мое мнѣніе, то мнѣ кажется что это совершенно лишнее. Люди эти такъ грубы, такъ неблагодарны что, повѣрь мнѣ, мой милый, кромѣ разочарованія и истраченныхъ денегъ ты ничего изъ этой затѣи не вынесешь! Да и съ какой стати, позволяй тебя спросить, ты будешь имъ благодѣтельствовать? Они теперь свободны, и, повѣрь мнѣ, очень хорошо умѣютъ отстаивать собственные интересы. Неужели ты думаешь они оцѣнятъ твою жертву?

— Въ чемъ тутъ жертва? прервалъ ее сынъ:—жертвы я тутъ никакой не вижу. Я, вы знаете, люблю Березники, пріятно видѣть кругомъ себя развивающуюся жизнь и чувствовать что не совсѣмъ ужъ даромъ бременишь собою землю.

Настасья Дмитриевна далѣе не противорѣчила. Черезъ два мѣсяца, весьма основательно разсуждала она, Voldemar уѣдетъ въ Петербургъ, поступитъ на службу, и всѣ эти благотворительныя затѣи сами собою вылетятъ у него изъ головы, а до тѣхъ поръ я не стану ему и напоминать объ этой глупости.

Разговоръ этотъ къ великому ея удовольствію не возобновлялся, и она успокоилась думая что сынъ просто позабылъ о своемъ планѣ.

Между тѣмъ приближался день Бобринцевскаго праздника, и Настасья Дмитриевна въ душѣ была очень рада предстоящей поѣздкѣ. Ей ли, посѣщавшей Тюльріійскія пражества, думать о какомъ-то тамъ деревенскомъ собраніи!

А между тѣмъ, такова слабость человеческой природы: Настасья Дмитриевна не только думала, а даже обдумывала очень тщательно и во всѣхъ подробностяхъ свой туалетъ. По зрѣломъ размышленіи оставила она свой выборъ на платьѣ парижскомъ отъ Ворта, цвѣта gris-perle, и на головномъ уборѣ изъ бѣлыхъ кружевъ и фіалокъ, и даже не безъ нѣкотораго волненія ломышала объ эффектѣ который долженъ былъ произвести этотъ изящный нарядъ.

Наступилъ знаменитый и самый день торжества. До Бобрюка считалось двадцать пять верстъ. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, путешествіе это показалось бы Настасьѣ Дмитриевнѣ и утомительнымъ и скучнымъ; но теперь, мысль о предстоящемъ триумфѣ оживляла ее. Всю дорогу она милостиво шутила и разговаривала съ Лидушей, такъ что онѣ и не замѣтили какъ предъ ними выросли ворота въ видѣ двухъ каменныхъ столбовъ, съ чугунною рѣшеткой, отворенною настежь. Настасья Дмитриевна суетливо начала оправлять свою прическу предъ дорожнымъ зеркальцемъ: въ концѣ широкаго, прямого какъ стрѣла проспекта, уже былъ видимъ трехъ-этажный каменный домъ, съ величественнымъ фронтономъ и бельведеромъ, на шпиль котораго развѣвался флагъ, съ террасами и балюстрадами, вокругъ которыхъ вились розы.

Гостей, повидимому, съѣхалось уже множество, потому что у каретнаго сараа стоялъ цѣлый хвостъ экипажей; фонтаны торжественно шумѣли, а на дворѣ замѣтно было особенное праздничное оживленіе: народъ, и въ томъ числѣ горожане В***скіе, пришедшіе тоже поздравить и повеселить Николая Степановича, толпами расхаживалъ по двору, бабы и дѣвки въ синихъ, красныхъ и зеленыхъ сарафанахъ; все это шумѣло, пѣло и плясало, когда карета Полозовыхъ, обогнувъ полу-кругъ, подъѣзжала къ крыльцу.

— Лидуша, шелнула Настасья Дмитриевна, — вели Степану отнести важи прямо на верхъ, и чтобы Даша сейчасъ же вынула мое платье.

Настасья Дмитриевна, не желая стѣснять себя въ дорогѣ, и чтобы сохранить свой туалетъ въ безукоризненной свѣжести, намѣрена была совершить сложный процессъ своего одѣванія уже по пріѣздѣ въ Бобрюкъ.

Въ передней встрѣтилъ пріѣзжихъ самъ Николай Степановичъ торжественный и улыбающійся и подошелъ немедленно къ ручкѣ. Настасья Дмитриевна, ссылаясь на усталость, просила ее извинить если она не сейчасъ выйдетъ.

— Настасья Дмитриевна, восклицуя гостеприимный хозяинъ,—все къ вашимъ услугамъ. Комнаты вамъ приготовлены еще вчера, я разчитывалъ что вы накажудѣ къ намъ пожалуете и потому распорядился всѣмъ заранѣе. Позвольте мнѣ проводить васъ, суетился Николай Степановичъ, округляя локоть.

— Ахъ, пожалуста, не безлокойтесь, убѣждала его Настасья Дмитриевна,—мнѣ бы очень не хотѣлось отвлекать васъ отъ вашихъ гостей. Кажется у васъ большое общество?

Почтенный хозяинъ самодовольно улыбнулся.—Не могу пожаловаться, васъ не забываютъ, одно могу сказать... Но позвольте, Настасья Дмитриевна, что же мы тутъ стоимъ?—Онъ подхватилъ барыню подъ ручку и повелъ ее по бесчисленнымъ корридорамъ и лѣстницамъ въ отведенный ей апартаментъ.

Какъ только дверь за нимъ затворилась, Настасья Дмитриевна бросилась къ зеркалу.—Лидуша, скорѣе, какъ можно скорѣе мнѣ воды съ краснымъ виномъ. Который теперь часъ?

— Всего три часа, отвѣчала Лидуша.

— Ахъ, какъ еще рано! вскричала Настасья Дмитриевна,—впрочемъ, прибавила она, снимая съ себя шляпку, перчатки и небрежно бросая все это на столъ:—я раньше пяти часовъ не выйду, пусть онъ не прогнѣвается!

Въизу между тѣмъ было шумно и весело.

Пріѣхавъ незадолго до матери, молодой Полозовъ засталъ общество уже въ полномъ сборѣ: мужчины, за немногими исключениями, держались отдѣльно отъ дамъ; кто за биллиардомъ, кто за зеленымъ полемъ въ кабинетъ хозяина и въ большой гостиной, гдѣ присутствовалъ и самъ виговникъ торжества, какъ всегда, чистый и выбритый, съ Кульмскимъ крестомъ въ петлицѣ; всѣхъ пріѣзжающихъ встрѣчалъ онъ въ дверяхъ гостиной, для каждаго находилъ привѣтливое слово и такъ и сіялъ на всѣ стороны улыбками.

Общество, надо признаться, было довольно пестрое. Былъ здѣсь губерскій предводитель Шуѣскій, лейбъ-гусарскій полковникъ, богачъ и красавецъ; но здѣсь же видѣлась и приказная физиономія Николая Ивановича Гауховскаго, бывшаго уѣзднаго засѣдателя, тоже пріѣхавшаго поздравить Николая Степановича съ дорогимъ именинникомъ, да еще вмѣстѣ со своими тремя дочками, изъ которыхъ каждая годилась бы по росту въ любой гвардейскій полкъ: одѣты онѣ

были всё три въ совершенно одинакія, бѣлыя съ розовымъ кисейныя платья, лютно обтянушія ихъ дородвыя руки и плечи; были тутъ племянники и племянницы Бобрщевыхъ, со своими дѣтьми и мужьями, въ томъ числѣ и камеръ-юнкеръ Петруша, только что женившійся и уже послѣшавшій представить молодую жену своимъ милымъ и дорогимъ дядямъ.

Появленіе молодаго Полозова ужасно переломило весь дамскій цвѣтникъ, удивившійся во второй гостиной и въ слѣдующихъ за нею покояхъ.

— Natalie, шешула гжа Селашева, сулруга уѣзднаго предводителя, своей дочери, миловидной и бойкой блондинкѣ, — *redressez-vous donc, ma chère!* Ты вѣчно сгорбишься какъ старуха.—И сама при этомъ выпрямилась.

Natalie пропустила мимо ушей материнское замѣчаніе и продолжала себѣ болтать съ сидѣвшимъ около нея молодымъ человѣкомъ, не богатымъ ихъ сосѣдомъ Балавцовымъ.

— Почему же Ольга Алексѣвна не пріѣхала? спрашивалъ молодой человѣкъ у Наташи.

— Потому что она еще не на очереди, отвѣчала бойкая барышня и засмѣялась.

— То-есть какъ это не на очереди? интересовался Балавцовъ.

— Видите, быстро заговорила Наташа,—мамаша насъ по старшинству вывозить, и бѣдной Ольгѣ быть-можетъ еще долго придется сидѣть въ заключеніи; впрочемъ, продолжала она улыбаясь,—это отъ меня вполнѣ зависитъ; если я выйду скоро замужъ, то и она освободится изъ заключенія, а до тѣхъ поръ ни за что. У насъ ужъ такой обычай.

— Я думаю, сказалъ молодой человѣкъ, съ нѣжностью глядя на свою милую сосѣдку,—что у васъ такое сострадательное сердце что вы жалеете надъ сестрой и не будете ее долго томить? Не правда ли?

— Не знаю право, это будетъ зависѣть отъ разныхъ обстоятельствъ, многозначительно проговорила Наташа бросивъ лукавый взглядъ на своего собесѣдника. Этотъ взглядъ не ускользнулъ отъ вниманія мамашы, которая, уже проученная горькимъ опытомъ со старшею дочерью, очень неблаго-склонно смотрѣла на это ухаживанье небогатаго сосѣда и поскорѣе увела дочь въ уборную подъ предлогомъ поправить ей развѣсившія локоны.

Катенька Глуховская, подмѣтившая этотъ маневръ, толкнула локтемъ свою вторую сестру Машу:—Посмотри-ка, посмотри, Вѣра Автоновна увела Наташу отъ Балакина, боится страхъ, завидѣла должно-быть Полозова; такъ онъ имъ сейчасъ и сдѣлалъ предложеніе! Право, смѣхъ разбираетъ смотрѣть на нихъ. Пойдемъ-ка лучше въ столовую шелпауда ова Машѣ,—тамъ офицеры давно прѣхали. Такая скука здѣсь сидѣть!

— Да вѣдь надо проходить черезъ гостиную, отвѣтила ей сестра.

— Вотъ дура-то, всплыла Катенька:—что жь, укусятъ тебя тамъ что ли?

Но Машу не такъ-то легко было сдвинуть съ мѣста.

— Иди одна, коли такая охота, проговорила она надувшись,— а я черезъ гостиную ни за что не пойду, и отвернулась отъ Кати.

Пѣхотные офицеры по которымъ вздыхала Катенька Глуховская съ своей стороны тоже давно томилась желаніемъ пробраться въ гостиную къ барышнямъ, но сознавая свое скромное положеніе, толпилась въ столовой у столика съ закуской и никакъ не рѣшались переступить завѣтный порогъ. „Начальство“ ихъ, въ лицѣ молодого, недавно присланнаго гвардейскаго полковника, играло въ карты на балконѣ, висколько повидимому не шокируясь тѣмъ что подчиненные его играли здѣсь такую небластящую роль и, казалось, даже не замѣчало ихъ присутствія. На балконѣ, обтянутомъ маркизою и уставленномъ цвѣтущими и не цвѣтущими растеніями, было между тѣмъ очень хорошо и прохладно. Видъ съ балкона былъ восхитительный, горизонтъ безконечный: двѣнадцать деревень и селъ, кое-гдѣ съ барскими усадьбами и бѣлыми церквями, съ крестами сверкающими на солнцѣ, виды были отсюда какъ на ладони и сивались вдали съ туманною синевою лѣсовъ и яркимъ пурпуромъ горизонта; цвѣтники ковромъ сбѣгали до самой Нестуви, текущей тутъ же у подножія холма, на которомъ высился домъ. И домъ, и садъ, и бархатная зелень террасъ, и вѣковые дубы ларка съ его живописными прогулками и безконечными аллеями, все, все носило на себѣ слѣды трудовъ не одного поколѣнія, отпечатокъ нѣкотораго даже величія и мудрой заботливости.

На балконѣ, на одной сторонѣ играли въ карты, а на другомъ концѣ составился кружокъ повидимому давній себѣ

слово не смѣшиваться съ остальною компаніею и взиравшіи на всѣхъ съ высоты величія.

Здѣсь присутствовали камеръ-юнкеръ со своею молодою женою, одна изъ племянницъ стариковъ, Сонцева, и молодая госпожа Загорская, жена одного крупнаго землевладѣльца, совершенная красавица собою. Это была великолѣпная брюнетка, съ ослабительною матовою кожей и удивительными черными глазами и съ какою-то особенною, величественною и вмѣстѣ дѣвливою граціею. Находились, конечно, дерзкіе вольнодумцы которые осмѣливались выражаться о ней какъ о женщинѣ недалекой и ограниченной, но по большей части это были выскательные резонеры, и на мѣвня ихъ никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; да и въ самомъ дѣлѣ можно ли судить красавицу такъ же строго какъ обыкновенную женщину? Если она дѣйствительно хороша, то и самая ея глупость будетъ имѣть совершенно другой оттѣнокъ. покажется въ ней милою наивностью, спокойствіемъ, не лишеннымъ, пожалуй, своего рода величія. Настоящая, высшая красота и должна быть спокойна и безмолвна. Можетъ ли прелестная роза или лалія болтать и смѣяться какъ ея остальные скромныя сестры? Достаточно было и того что она милостиво позволяла любоваться собою другимъ. Сама она казалась погруженною въ созерцаніе собственной красоты; спокойная улыбка никогда не сходила съ ея прелестныхъ, свѣжихъ губъ; вѣроятно, когда-нибудь въ зеркалѣ, она поразилась прелестью своего отраженія, и такъ и осталась въ состояніи вѣчно безмолвнаго удивленія.

Камеръ-юнкеръ, несмотря на присутствіе своей молодой жены, видимо желалъ обратить на себя вниманіе красавицы; онъ такъ и сыпалъ великосвѣтскими анекдотами и любезностями. Она слушала молча и улыбаясь, коротко отвѣчала на вопросы, но сама не удостоивала заговаривать. Ея гордая небрежность нисколько впрочемъ не смущала камеръ-юнкера, и онъ продолжалъ разговоръ все съ тѣмъ же неистощимымъ остроуміемъ и оживленностью. Самъ почтенный амфитріонъ всюду такъ и носился на своихъ коротенькихъ ножкахъ, благодарилъ дамъ за доставленную ему честь, мущикамъ крѣпко жалъ руки и добродушное лицо его такъ и сіяло восторгомъ.

Полозовъ взглянулъ на часы стоявшіе на каминѣ: стрѣлка показывала лять. Желудки гостей, въ особенности при-

ѣвшихъ изъ далека, давно били тревогу, а у Николая Степановича, въ пріемные его дни, какъ нарочно, завтрака не полагалось, въ тѣхъ именно видахъ чтобы должнымъ образомъ подготовить посѣтителей къ оцѣнкѣ гастрономическихъ тонкостей обѣда. Между тѣмъ двери большой залы были таинственно затворены и ничто не возмѣщало близкаго наступленія вождѣлѣнной минуты. Въ гостиной слышался даже легкій ропотъ, но Настасья Дмитриевна все еще не покидала своего добровольнаго заключенія и, какъ видно, твердо держалась даннаго слова—досидѣть ровно до шести часовъ и ни одною минутой менѣе.

Николай Степановичъ, при видѣ этого общаго недовольства, просто приходилъ въ отчаяніе, и безпрестанно подсылалъ наверхъ то того, то другаго чтобы узнать когда будетъ угодно Настасья Дмитриевна осчастливить ихъ своимъ появленіемъ.

Старичекъ Сонцевъ уже нѣсколько разъ спрашивалъ у него:

— Вы, кажется, братецъ, сегодня намѣрены насъ совсѣмъ уморить съ голоду?

— Сейчасъ, сейчасъ, дружокъ, урезонивалъ его Николай Степановичъ,—Андрей мнѣ сказалъ что черезъ пять минутъ она выйдетъ, теперь ужъ недолго! у поваровъ давно все готово.

— Частъ тому казаяъ вы мнѣ говорили то же самое, ворчалъ Сонцевъ.—Воля ваша, я долѣе терпѣть не въ состоянці; давайте намъ обѣдать.

Положеніе почтеннаго Николая Степановича становилось по истинѣ критическимъ. Алексѣй Матвѣевичъ Дубининъ, дальній родственникъ Бобріщевыхъ, человекъ тучный и сырой, наклонный къ аполаексіи, тоже безпрестанно вздыхалъ, въ какомъ-то тоскливомъ недоумѣніи складывалъ руки на желудкѣ, и то и дѣло утиралъ катившійся съ лица потъ. Надо было и его ободрять и успокоивать.

— Ну что, мой милый, не особенно проголодался! спрашивалъ хозяинъ, дружески треляя его по плечу.—Терпи казакъ, атаманъ будешь; сегодня Ома вѣрно не ударить лицомъ въ грязь. Что за стерляди, братецъ, мнѣ привезли! Хоть бы за царскій столъ, вотъ увидишь. Это по твоей части, совѣтую обратить вниманіе.

Исполняя свою многотрудную обязанность, бѣдный старикъ рѣшительно терялъ голову. Но вотъ пробило шесть: изъ кор-

ридора высунулась голова Андрея камердинера и таинственно помавила Николая Степановича. „Идутъ-съ, возвѣстала она, но лѣстницѣ слускаются, сію минуту будутъ.“

Лицо амфитриона мгновенно прояснилось, и онъ тотчасъ же засеменялъ въ гостиной чтобы встрѣтить почетную гостью.

Между тѣмъ, слухъ объ ея приближеніи достигъ и ушей дамъ возсѣдавшихъ въ гостиной: цыны барыни послѣшили придать лицамъ своимъ самое равнодушное, даже небрежное выраженіе, чтобы петербургская щеголиха, чего добраго, не вообразила себѣ что имъ ужъ такъ хочется ее видѣть, другія же, съ меньшими претензіями, уставились на дверь съ нескрываемымъ любопытствомъ, и даже шеи вытянули. Настала мгновенная тишина, изрѣдка прерываемая шелотомъ; наконецъ, обѣ половинки дверей растворились, и Настасья Дмитриевна въ блестящемъ туалетѣ, величавая и торжественная, появилась въ гостиной и, казалось, заняла своею особою всю комнату; за нею слѣдовала Лидуша вся въ голубомъ, съ бѣлыми и розовыми маргаритками въ волосахъ.

Привѣтливая и сіяющая какъ солнце, локровительница ея желала въ этотъ день быть и милостивою, и удѣлить ей частицу своего блеска.

Она сама занялась туалетомъ Лидуши и, надо отдать ей справедливость, задачу эту исполнила съ большимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла: молодая дѣвушка вышла изъ ея рукъ очаровательною.

Николай Степановичъ прежде всего познакомилъ нашу барыню со старшею своею племянницею, вдовою Танищевомъ.

Но вотъ грянула музыка.

— Mesdames, je vous en prie, je vous en prie, повторялъ Николай Степановичъ, дѣлая при этомъ жестъ рукой и приглашая дамъ въ столовую.—Зиночка, обратился онъ къ племянницѣ,—проси дамъ.

Петръ Степановичъ открылъ шествіе съ Настасьею Дмитриевной, Николай Степановичъ повелъ госпожу Селищеву, мужъ ея—предводитель—Зинаиду Петровну Танищеву, камеръ-юнкеръ подлетѣлъ къ красавицѣ и т. д., слѣдуя табели о рангахъ.

Обѣдъ былъ превосходный, сервировка тоже; поваръ, воспитанникъ Англійскаго Клуба, не помрачилъ своей славы; уха изъ стерлядей, исполкинскія кулебяки, громадный ростбифъ, все было хорошо, все шло какъ нельзя лучше одно къ другому.

Въ началѣ обѣда, къ Алексѣю Матвѣевичу Дубинину подошелъ лакей и спросилъ чего ему угодно: уха, ботвиньи или супу? Алексѣй Матвѣевичъ даже замирился на одно мгновение отъ удовольствія, помоталъ головой, открылъ глаза и какъ бы въ забытьѣ проговорилъ: и того, и другаго, и третьяго. Супруга его, составлявшая съ нимъ совершенный контрастъ по наружности и нарочью усѣвшаяся поближе чтобы наблюдать за аппетитомъ своего мужа, только глаза возвела къ потоку; но Алексѣй Матвѣевичъ какъ ни въ чемъ не бывало обратилъ въ это самое время съ какимъ-то вопросомъ къ своему сосѣду, и молчаливый укоръ ея пропалъ даромъ.

Обѣдъ былъ шумный и веселый; звуки музыки смѣшивались съ говоромъ гостей; Петръ Степановичъ сидѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ, Николай же Степановичъ ни на минуту не присаживался, а все похаживалъ кругомъ стола и просилъ обратить вниманіе то на то, то на другое блюдо. Когда подали шампанское, Алексѣй Антоновичъ Селищевъ всталъ и, обратившись къ виновнику торжества, произнесъ пріятный случаю спичъ; музыканты играли тушь, братья обнялись, и на глазахъ у Николая Степановича показались слезы.

Изъ-за стола всѣ встали въ возбужденномъ состояніи, которому способствовала и музыка, и присутствіе молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ, и самый обѣдъ.

Общество все разбрелось; игроки изъ самыхъ записныхъ олять усѣлись за карты; молодые люди отправились въ садъ; барышни удалились на верхъ готовиться къ балу. Лидуша оставалась въ томъ же платьѣ и потому ей некуда было спѣшить. Здѣсь чувствовала она то чего ей никогда еще не приходилось испытывать въ Петербургѣ. Любезный приемъ хозяевъ, непринужденная болтовня барышень, которыя не только не держали себя съ нею свысока, а напротивъ будто вѣкъ были знакомы, наконецъ сознаніе что и нарядъ ей сегодня къ лицу, все это придавало ей вѣкоторую самоувѣренность и даже развязность.

Танцы начались около девяти часовъ. Бѣлыя и блестяція стѣны бальной залы, простѣнки въ огняхъ, дворъ весь въ площадяхъ, все это имѣло прекрасный видъ.

Во всѣ двери изъ корридора выглядывали любопытные. Почетная публика помѣстилась конечно внизу, а все что было сортомъ ниже, отправилось на верхъ, на хоры; тамъ изъ-за сливъ и плечъ музыкантовъ высовывались поминутно то чья-

нибудь голова, то рука. Деревенскіе дѣвочки и мальчишки, такъ тѣ просто въ три яруса висѣли на окнахъ, благо окна въ залѣ приходились низко. Сначала конечно веселились сдержанно; лѣхота, хотя и чувствовавшая себя послѣ обѣдѣнныхъ возіаній значительно увѣреннѣе, все еще не дерзала сознать что часъ ея не приспѣлъ. Катенька Глуховская съ сестрами и другія барышни того же разбора скромно сидѣли по стѣнкамъ и умилно поглядывали въ сторону кавалеровъ.

Старшій сынъ Селищевыхъ, юноша мрачнаго вида, недавно прибывшій изъ Америки, не принималъ участія въ общемъ весельѣ и поглядывалъ на танцующихъ и въ томъ числѣ и на сестру свою съ нескрываемымъ оттѣнкомъ презрѣнія. Судьба всего человѣчества вообще такъ занимала его что онъ относился очень холодно и безучастно ко многочисленнымъ членамъ своего собственнаго семейства; онъ и пріѣхалъ сюда лишь по неотступной просьбѣ страстно любившей его матери.

Лидуша такъ была оживлена, такъ мила, что удостоилась даже отъ самого камеръ-юнкера приглашенія на туръ вальса. На первую кадрили позвалъ ее Полозовъ.

Волненіе и удовольствіе придали непривычное выраженіе ея лицу, и Владиміръ Николаевичъ, наблюдая за оживленною игрой ея чертъ, удивился какъ это онъ до сихъ поръ не замѣтилъ что она такая хорошенькая.

— Я совсѣмъ было не узналъ васъ сегодня, заговорилъ онъ усаживаясь возлѣ нея въ кадрили.

— Почему не узнали?

— За обѣдомъ я все время вами любовался. Никогда, никогда еще не видалъ я васъ такою веселою, такою оживленною; какъ къ вамъ голубое идетъ, просто прелесть!

Лидуша раздумившись еще болѣе, она чувствовала что все это правда и отвѣчала, невольно опустивъ глаза:—Вамъ такъ кажется, потому что вы ко мнѣ привыкли, вотъ вамъ теперь и кажется что я лучше...

— Напротивъ, напротивъ, горячо возразилъ молодой человѣкъ, — потому-то что я къ вамъ привыкъ, я васъ и не замѣчалъ; право, сегодня только разглядѣлъ, говорилъ онъ съ оіащею улыбкой.—Вы мнѣ невольно бросились въ глаза, да и не я одинъ, а всѣ это находятъ. За обѣдомъ я самъ слышалъ какъ полковникъ, вы его вѣрно замѣтили, такой красивый, брываетъ, спрашивалъ про васъ у Петра Степановича:

„Кто это такая хорошенькая?“ Видите, значитъ не я одинъ, а и другіе находятъ то же самое. Какъ вы, я думаю, рады? спрашивалъ онъ заглядывая ей прямо въ глаза.

— Чему же тутъ особенно радоваться? сказала Лидуша слегка дрожащимъ, какъ показалось Владиміру Николаевичу, голосомъ:—и потомъ здѣсь столько хорошенькихъ. Загорская, напримѣръ, вотъ такъ красавица! восторженно проговорила молодая дѣвушка—глядись на нее не ваглядисься.

— Да, удивительно хороша, какъ-то разсѣянно сказалъ Полозовъ,—но, знаете ли, когда я гляжу на нее, мнѣ кажется что я ее уже гдѣ-то видѣлъ; по моему всѣ красавицы, въ особенности брюнетки съ такими чертами какъ у этой Загорской, между собой похожи.

— Это правда, согласилась Лидуша, — отчего это такъ?

— Можетъ-быть это отъ того происходитъ, отвѣчалъ на ея вопросъ Полозовъ, — что истинная красота имѣетъ свои законы, потому-то намъ и кажется что всѣ красивые мужчины и женщины имѣютъ между собою сходство, тогда какъ—наоборотъ люди не красивые, каждый безобразенъ по-своему. Только вы пожалуста не подумайте, говорилъ онъ глядя на нее съ нѣжною улыбкой,—что мнѣ нравится безобразіе.

— Ахъ, Владиміръ Николаевичъ, какой вы сегодня странный! Я васъ тоже не узнаю: у васъ и манеры совсѣмъ другія, и видъ не тотъ что дома.

— А развѣ вамъ это не нравится? Ахъ, какъ грустно что кадрили оканчивается! вздохнувъ проговорилъ онъ;—какъ бы устроить чтобы вы не уходили отъ меня такъ скоро. Послушайте, произнесъ онъ съ робкою нѣжностью и слегка дотрогиваясь до ея платья,—не убѣгайте, посидимъ еще вмѣстѣ.

— Нельзя, Владиміръ Николаевичъ, застѣнчиво возразила Лидуша,—посудите сами, кадрили окончилась, и Настасья Дмитриевна будетъ недовольна что вы не приглашаете никого другаго.

— Для чего вы портите мнѣ сегодняшній вечеръ, съ укоромъ проговорилъ ей собесѣдникъ.—Развѣ я не въ правѣ танцовать съ кѣмъ хочу? А третью кадрили будете со мною танцовать, будете? вдругъ спросилъ онъ у нея.

— Нѣтъ, не буду, рѣшительно отвѣчала Лидуша,—я уже получила приглашеніе.

— Отъ кого, можно узнать?

— Конечно, можно, но только къ чему такое любопытство?

А еще говорятъ что только женщины любопытны, проговорила она улыбаясь добродушно и вмѣстѣ насмѣшливо.

— Не въ этомъ дѣло, Лидія Сергѣевна; увижу, конечно, кто сей счастливецъ, буду вами любоваться изъ своего угла, но обидно что вы забываете старую дружбу, не ожидалъ я этого. Ну, да Богъ вамъ судья, и онъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой, — теперь не время для объясненій; вотъ прїѣдемъ домой, тогда и поговоримъ.

— Увидимъ, увидимъ, отвѣчала Лидуша съ натянутою улыбкой и встала чтобъ идти къ барышнямъ.

Она и не замѣтила что предъ нею уже нѣсколько секундъ стоялъ юный офицерикъ и звалъ ее на польку. Они пошли кружиться по залѣ, а Владиміръ Николаевичъ задумчиво посмотрѣлъ ей вслѣдъ и съ легкимъ вздохомъ всталъ и вышелъ на балконъ.

Ночь была чудная, теплая и тихая. На балконѣ и въ цвѣтничкѣ не было ни души: всѣ были въ домѣ, всѣ веселились и танцовали, и эта тишина и вечерняя свѣжесть воздуха послѣ расслабляющей атмосферы залы ободрительно подвѣствовало на Полозова.

Ему невольно вспомнилось непривычное выраженіе лица Лидуши и одушевленные черты ея. „Что за прелестное существо!“ онъ нашелъ что она даже нисколько не теряетъ отъ сравненія съ красавицей Загорскою. „Что значитъ простота и естественность! Точно живой цвѣтокъ рядомъ съ искусственнымъ, прекраснымъ, но все-таки искусственнымъ.“

Чтобы заглушить свое волненіе, молодой человекъ быстро шелъ по дорожкѣ, а вдали между тѣмъ такъ и сіялъ домъ всѣми своими огромными окнами, точно свѣтлое пятно на темномъ фонѣ зелени, и безпрестанно доносились, то слабѣе то олять громче, неумолкающіе звуки оркестра. „Пойти развѣ олять туда, посмотрѣть какъ они тамъ бѣснуются и кстату увидѣть съ кѣмъ Лидуша танцуетъ? Странно однако что она не хотѣла сказать кто ее позвалъ на эту кадрили! Неужели и въ этой дѣвчкѣ начинаетъ говорить кокетство, возможно ли послѣ этого жить на свѣтѣ когда даже такое прелестное и безыскусственное созданіе лжетъ и обманывается?“

Ему послышались чьи-то шаги: „ужь не хватились ли его?“ и онъ, во избѣжаніе разспросовъ и объясненій, скрылся въ чащѣ тутъ же растущей сирени и оттуда боковою дорожкой, не замѣченный, пробрался въ домъ.

Войдя въ залу, онъ не долго искалъ Лидушу; она была у самаго входа и танцевала кадрили съ молодымъ локвовникомъ, который казался еще болѣе красивымъ и оживленнымъ чѣмъ за обѣдомъ.

Едва окончилась кадрили, Лидуша подбѣжала къ Полозову и улыбаясь спросила, скоро ли они поѣдутъ домой? Вопросъ этотъ былъ такъ неожиданъ что Полозовъ даже плечами пожалъ.

— Развѣ вамъ такъ скучно что вы торопитесь домой? спросилъ онъ сухо у молодой дѣвушки:—по васъ это незамѣтно; удивляюсь, зачѣмъ вы только такъ говорите! Къ чему такая неискренность?

Лидуша съ удивленіемъ взглянула на него.

— Ахъ, Владиміръ Николаевичъ. Не сами ли вы часто жаривали что въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Грѣшно вамъ что вы мнѣ не вѣрите.

Молодой человѣкъ былъ уничтоженъ ея смиреніемъ. Она проговорила это такъ жалобно и такъ искренно, глядя такъ доверчиво и такъ простодушно что онъ не былъ бы двадцати-трехлѣтній юноша еслибы тутъ же не раскаялся въ своей минутной суровости и въ своихъ сомнѣніяхъ.

— Я совсѣмъ не то хотѣлъ вамъ сказать, началъ онъ нерѣшительно;—зачѣмъ же вы сейчасъ все такъ принимаете?... Въ ваши годы естественно желать веселиться.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила его Лидуша,—ножалуста не оправдывайтесь! Я вижу что вы чѣмъ-то недовольны. Подите лучше спросите у мамы когда мы поѣдемъ? Мазурку я танцевать не умѣю, не къ чему ея и дожидаться.

— Какъ хотите, локорно отвѣчалъ Полозовъ,—но мнѣ кажется что напрасно вы лишаете себя этого удовольствія.

— Нѣтъ, ужъ будьте такъ милы, сходите, прошу васъ.

— Если вы такъ желаете этого, извольте, я спрошу, проговорилъ онъ смущенный и вмѣстѣ обрадованный.—Мама, кажется, играетъ въ карты въ гостиной.

— Отлично, а я пойду на минуту въ уборную. Наташа Селищева меня ждетъ.

И она убѣжала.

Роль царицы праздника, какъ она ни пріятна, даромъ все-таки не обходится, и Настасья Дмитриевна, несмотря на весь почетъ и уваженіе, ей оказанные, порядкомъ утомилась и съ удовольствіемъ ломышала объ отъѣздѣ.—Конечно,

конечно, согласилась она на предложеніе сына,—и терпѣть не могу ночевать въ гостяхъ и ужасно тебѣ благодарна что ты меня извлекаешь. Скука страшная съ этими барынями.

Петру Степановичу, который послѣдовалъ всюду и вездѣ, тотчасъ же сдѣлалось извѣстно о рѣшеніи Настасьи Дмитриевны; онъ въ мигъ очутился подлѣ нея и сталъ ее улаживать провести ночь подлѣ его гостепріимною кроватей.

— Помилуйте, Настасья Дмитриевна, это не по-деревенски и, смѣю сказать, не по-сосѣдски, убѣждалъ онъ свою гостью,—да и молодежь наша только что развеселилась, и Лидія Сергѣевна, я думаю, не прочь потанцевать.

— Очень вамъ благодарна, но Лидуша не большая охотница до танцевъ.

— Какъ бы то ни было, это невозможно, вы меня приводите въ совершенное отчаяніе. Братецъ, не будете ли вы счастливыѣ меня?

Николай Степановичъ чуть не плакалъ отъ досады.

Предъ Петромъ Степановичемъ стояли въ это время нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ представителей В-скаго именитаго купечества.

— Куда же вы такъ слѣшите, господа! уговаривалъ ихъ старшій хозяинъ.

— Мы свое дѣло-съ сдѣлали, ваше превосходительство, отвѣчало низко ему кланяясь „купечество“,—получи, поѣли, въ карты поиграли, а теперь пора и по домамъ. Покорнѣйше благодаримъ за угощеніе.

— Въ такомъ случаѣ, не смѣю васъ удерживать, согласилась съ ними хозяинъ.

Покуда происходили всѣ эти церемоніи, уговариванья и улаживанья, въ столовой дѣлались послѣдныя приготовленія къ ужину, такъ какъ Настасья Дмитриевна сдалась на увѣщанія гостепріимныхъ хозяевъ остаться по крайней мѣрѣ поужинать. Ужинъ былъ сервированъ à la fourchette и продолжался недолго.

Настасья Дмитриевна была неумолима, и такъ какъ карета ея была уже готова, то хозяева, попенявъ ей еще разъ за неговорчивость, вышли на крыльцо, а за ними и вся молодежь и устроили увѣщающимъ шумныя проводы. Молодые дѣвушки обнимали и цѣловали Лидушу, и вся эта веселая компанія до тѣхъ поръ стояла на крыльцѣ пока карета не скрылась изъ вида.

VIII.

На другой день, посмотрѣвъшась полпристаивше въ зеркало, Настасья Дмитриевна не открыла на своемъ лицѣ ни одной лишней морщинки и осталась весьма довольна собою и вчерашнимъ днемъ.

— Au fond, надо признаться, рѣшила барыня,—что старика эти умѣютъ жить очень и очень недурно; вчера все было устроено такъ прилично, съ такою даже роскошью что, право, хоть бы и не для деревни. Да и туалеты я нахожу тоже не особенно отстали, особенно на этой Загорской... Даша, спросила она у камеристки чесавшей ей въ это время волосы,—ты видѣла Загорскую?

— Какже-съ, я все время смотрѣла на танцы; очень даже интересна-съ, она была въ бѣломъ, да и наша Людѣя Сергѣевна тоже лицомъ въ грязь не ударила. Полковникъ, вотъ ужъ красавецъ-то! такъ за нею и увивался!

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала барыня,—я и не замѣтила.

— Людѣя Сергѣевна даже кадрыль съ нимъ танцевала, я сама видѣла, передавала свои наблюденія бойкая горничная.

— Вѣрно въ то время меня не было въ залѣ.

— Да-съ, отвѣчала Даша,—должно-быть вы позволили выходить.

Окончивъ свой туалетъ, Настасья Дмитриевна подумала что хотя все это и прекрасно, а въ Петербургъ ѣхать все-таки надо поскорѣе и тащить Володю непременно вмѣстѣ съ собою; не для чего откладывать въ долгій ящикъ такое важное дѣло. — На этихъ дняхъ я съ нимъ переговорю, пора, давно пора ему быть человѣкомъ.

Такъ прошло нѣсколько дней, Настасья Дмитриевна выжидала, не заговоритъ ли Волода самъ объ отъѣздѣ, но потерявъ всякое терпѣнiе, рѣшила первая приступить къ дѣлу. Случай ей помогъ. Дня черезъ три послѣ праздника, въ то время когда они сидѣли за завтракомъ, привесли почту и подали ее по обыкновенію хозяйкѣ; она бѣгло пробѣжала корреспонденцію, но одно письмо отложила въ сторону.

— Тутъ есть нѣчто интересное для тебя, сказала она сыну, многозначительно улыбаясь.

Тотъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Marie Вуичъ, продолжала Настасья Дмитріевна,—мнѣ лишетъ что Сержъ Томиличъ получилъ назначеніе въ Вѣну; я всегда говорила что этотъ мальчикъ далеко поидеть и очень рада что мои слова такъ скоро сбываются. Вотъ бы тебѣ, Voldemar, такъ устроиться, и она взглянула на сына.

— Я очень радъ за него, но не завидую ему нисколько, и на его мѣстѣ вовсе бы не желалъ быть.

— Почему не желалъ бы?

— Потому что я совѣтъ не похожу на тѣхъ людей которые службою себѣ дѣлаютъ карьеру, сложной отвѣчалъ сынъ.—Вы знаете мои привычки, мои вкусы: я вотъ деревню люблю налпримѣръ; пристало ли это человѣку мечтающему о карьерѣ, подумайте сами?

Настасья Дмитріевна была такъ озадачена что не нашла сразу отвѣта, а только удивленно на него посмотрѣла.

— Я рѣшительно не понимаю что же тутъ общаго—твоя служба и деревня? выговорила наконецъ Настасья Дмитріевна, видимо себя сдерживая.—И къ чему ты все это наговорилъ. Одно другому нисколько, я думаю, не мѣшаетъ.

— Нѣтъ, снѣге тапан, очень мѣшаетъ. Не могу же я въ одно и то же время дѣлать карьеру, какъ принято говорить въ свѣтѣ, и вмѣстѣ жить въ деревнѣ. Согласитесь что это невозможно!

— Почему же нѣтъ? воскликнула Настасья Дмитріевна.—Развѣ бы ты не могъ на лѣто пріѣзжать въ деревню?

Сынъ добродушно разсмѣялся.

— Нѣтъ, милая тапан, я вижу что мы не понимаемъ другъ друга.

— Въ такомъ случаѣ намъ не о чемъ и разсуждать, залаальчиво прервала его Настасья Дмитріевна.

— Я хочу жить въ деревнѣ, продолжалъ молодой человекъ,—вовсе не для того чтобы проводить въ ней только лѣто....

— Какъ! съ ужасомъ проговорила Настасья Дмитріевна,—ты думаешь закабалить себя въ деревнѣ? Да вѣдь это безуміе, позволь тебѣ сказать, это неслыхано въ твои годы, продолжала она, не скрывая уже своего негодованія,—съ твоимъ положеніемъ, съ твоимъ образованіемъ, avec votre fortune, enfin, vous vous devez à la société, à la patrie. Оломвись, что ты говоришь! Ты молодой, полный силъ, полный надеждъ, не имѣешь права быть неподвижнымъ въ то время когда въ твоемъ отечествѣ совершаются великія реформы; ты имѣешь

полное право быть впереди, на высотѣ, однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей.

Чувствуя что наговорила достаточно, она умолкла и протянула руку ко графину съ водой. Сынъ ее предупредилъ.

— Кто же вамъ говорить, началъ онъ мягко,—что я не хочу быть полеземъ? Напротивъ, я совершенно съ вами согласенъ что теперь сидѣть сложа руки не годится, хотя вы въ своей материнской гордости и преувеличиваете мое будущее значеніе, но почему же, скажите (и онъ нѣжно взялъ ее за руку) я долженъ ѣхать именно туда и тамъ совершать всѣ тѣ полезныя и великія дѣла о которыхъ вы сейчасъ говорили.

Настасья Дмитриевна нервно расхохоталась:—Вотъ это мнѣ нравится, это прелестно! Потому тебѣ слѣдуетъ туда ѣхать, рѣзко продолжала она,—что тамъ центръ всего, блескъ, движеніе, жизнь, все тамъ! Здѣсь же во всемъ застой, все такъ пошло, мелко, такъ ничтожно; это ужасное земство одно чего стоить, и потомъ ты не воображай, сочла она необходимымъ прибавить для усиленія эффекта,—что здѣсь люди изъ особеннаго тѣста, такія же цытриги какъ и вездѣ, повѣрь мнѣ.

— Я и не думаю ничего, возразилъ сынъ.—Но я вамъ откровенно скажу, мнѣ не хотѣлось бы идти по избитой дорогѣ. Пора же намъ перестать думать будто мы въ казенной службѣ и спасенія нѣтъ. Почти три года прошло какъ я ѣздилъ къ кузинѣ Сокольской, а до сихъ поръ вспомнить тяжело объ этой мерзости запустѣнія. Эти заброшенныя усадьбы, эти заколоченныя дома... Теперь, слава Богу, начинаютъ браться за умъ.

— Ничего, мой милый, не вижу я утѣшительнаго въ твоихъ словахъ, небрежно проговорила Настасья Дмитриевна:— заблужденіе, ужасное заблужденіе, болѣе ничего!

— Ахъ, папаша, можно ли такъ поверхностно судить?... Право, я вамъ удивляюсь... Нѣтъ, прошу васъ, про столицу лучше и не говорите мнѣ, сказалъ онъ такимъ тономъ будто мысль объ этомъ только сейчасъ пришла ему въ голову.

— За чтò такая немилость? насмѣшливо спросила Настасья Дмитриевна.

— Тамъ жить не слѣдуетъ тому чьи силы еще не окрѣпли для борьбы, уклончиво отвѣчалъ ей сынъ.

— Прекрасно, обрадовалась Настасья Дмитриевна, — это лучше всего доказываетъ какъ ты самъ мало еще убѣжденъ въ правильности своихъ взглядовъ.

— Самъ-то я убѣжденъ, возразилъ молодой человекъ,—но я боюсь совѣтъ другаго, печально проговорилъ онъ и олустилъ голову.

— Что же тебя пугаетъ, скажи пожалуйста? нетерпѣливо спросила мать.

— Страшно затаяться, ожесточиться въ безплодной борьбѣ, продолжалъ онъ какъ бы отвѣчая на свою собственную мысль,—отрицаніе тяжелая, ужасная вещь, а мнѣ кажется что оно тамъ такъ и носится въ воздухѣ...

— Какой все вздоръ, не выдержала и оборвала его мать,—и гдѣ ты только набрался подобныхъ идей? Да что же это завтрака не убираютъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего вспомнила она и съ сердцемъ позвонила въ колокольчикъ.—Лидиша, обратилась она къ молодой дѣвушкѣ,—куда они всѣ дѣвались?... Пойдемъ, Володя, въ гостиную, сказала она сыну слабымъ едва слышнымъ голосомъ.

Въ гостиной она попросила сына отворить окно, олустилась въ изнеможеніи на кресло и усадила его возлѣ себя.

— Слушая тебя, вачала она не безъ торжественности,—по неволѣ пожалѣешь объ этихъ двухъ годахъ которые ты провелъ за границей.

— Я не сожалею. Только тамъ появляю я разницу между озлобленнымъ западнымъ пролетаріемъ и нашимъ мужикомъ, еще болѣе полюбилъ нашъ бѣдный народъ. Нельзя не позавидовать его мудрой стойкости, его душевной бодрости, его простой философіи...

— Богъ мой, какъ ты увлекаешься, оласно и вредно увлекаешься, почти простонала Настасья Дмитриевна.—Жаль что тебя не слышитъ Расу; вотъ порадовался бы что уроки его не пропали даромъ! Всѣ эти идеи демократическія, которыя ты проповѣдуешь, все это его дѣло!

— Вы ошибаетесь, возразилъ ей сынъ.—Я равенства не проповѣдую, но люблю народъ, конечно, больше тѣхъ господъ которые только говорятъ громкія фразы и радъ помогать ему въ его вуждахъ. По-моему, валримѣръ, не простиительно оставлять такое важное дѣло какъ народное образованіе въ рукахъ людей которые народа и не знаютъ совѣмъ, а видятъ въ немъ, если можно такъ сказать, барабанъ на которомъ легко выбивать всевозможныя дробы и пользуютя имъ какъ орудіемъ для своихъ дѣлъ. Вотъ это я нахожу дѣйствительно непростительнымъ.

„Куда онъ завосится“, подумала Настасья Дмитриевна.

— Все это прекрасно, мой милый Володя; никто и не спорить съ тобою, я знаю ты не зараженъ всѣми этими ужасными новыми идеями, въ этомъ отношеніи я спокойна; но я тебѣ, мой другъ, все-таки не объ этомъ говорила, сказала она со вздохомъ и заискивающимъ даже голосомъ. — Надѣюсь, ты поймешь меня: я со своей стороны признаю вполнѣ только свободу чувства и, замѣть, всегда готова ее отстаивать, а во всемъ остальномъ необходимо по-моему подчиняться общественнымъ условіямъ и держаться извѣстныхъ правилъ.

— Я вовсе и не возмущаюсь противъ общества, замѣтилъ на это Владиміръ Николаевичъ, — а хочу только жить въ деревнѣ, потому что здѣсь надѣюсь быть полезнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; поймите что у меня самолюбіе иначе направлено, вотъ и все, прибавилъ онъ съ веселою улыбкой.

Но чѣмъ болѣе простоты, чѣмъ болѣе умѣренности высказывалъ въ своихъ желаніяхъ сынъ, тѣмъ болѣе возмущалась душа его матери и тѣмъ сдержаннѣе и осторожнѣе старалась она казаться наружно.

— Что же дѣлать, mon cher, заговорила она съ грустною покорностью, — я и сама всегда старалась стать выше предразсудковъ и всегда умѣла сохранить свою независимость, но ты понимаешь конечно что есть положенія, извѣстныя обязанности, для которыхъ поневолѣ приходится идти на компромиссы (Настасья Дмитриевна при этомъ тяжело вздохнула) и жертвовать не только убѣжденіями, но даже иногда и самыми задушевными желаніями. Обдумай, мой другъ, прежде чѣмъ окончательнo рѣшиться. Вѣдь ты слишкомъ серьезенъ, слишкомъ разуменъ чтобы такъ опрометчиво поступать.

Изъ своей долговременной жизненной практики Настасья Дмитриевна вынесла непоколебимую увѣренность въ непогрѣшимость французской поговорки: „ce que femme veut, Dieu le veut“, и была самымъ искреннимъ образомъ убѣждена что мужчины, не исключая и ея сына, для того только и существуютъ на свѣтѣ чтобы творить волю женщймъ. Раздумывая иногда о своемъ сынѣ наединѣ сама съ собою, она находила его очень страннымъ: въ его годы такая разсудительность, это ни на что не похоже! никакихъ порывовъ, никакихъ юношескихъ увлеченій, точно не живой! Отчего бы ему, напримѣръ, не ухаживать за Загорскою? Она

вполнѣ прелестная женщина и такое увлеченіе было бы весьма естественно въ молодомъ человѣкѣ, а онъ забился себѣ куда-то въ уголъ и бесѣдуетъ съ Лидушей, какъ будто дома для этого времени мало.

По своей логикѣ Настасья Дмитриевна рѣшительно не допускала чтобы молодой человѣкъ порядочнаго общества могъ видѣть красивую замужнюю или, другими словами, свободную по ея мнѣнію женщину и не ухаживать за нею. Тѣ кто не дѣлали этого были въ ея глазахъ какими-то вырожденками.

Настасья Дмитриевна за послѣдніе дни даже въ лицѣ измѣнилась и аллетать потеряла. Приближеннымъ барыни не особенно легко жилось въ то время когда ей случалось гнѣваться; Лидушѣ конечно доставалось больше всѣхъ. Молодая дѣвушка, всегда умѣвшая съ кротостью и смиреніемъ переносить гнѣвныя вспышки своей покровительницы, съ вѣкоторыхъ поръ сдѣлалась еще неуязвимѣе и своимъ яснымъ и спокойнымъ видомъ выводила еще болѣе изъ себя раздраженную женщину.

— Ты, кажется, совсѣмъ заснула, напускалась на нее Настасья Дмитриевна; — кому я говорю, позволь тебя спросить? Удивительная, неостижимая деревянность въ такой молодой дѣвушкѣ! Сидитъ какъ каменная и невпопадъ улыбается. Ни тѣмъ сочувствія къ чему бы то ни было, — это ужасно. Вотъ достойная награда за все добро которое я тебѣ сдѣлала! говорила Настасья Дмитриева, и не усложивалась до тѣхъ поръ покуда на глазахъ у Лидуши не навертывались слезы.

Надо сказать что со времени пріѣзда изъ Бобріка между нашими молодыми людьми установились совершенно особенныя отношенія. Они переживали блаженные ощущенія, счастливые дни; ихъ соединяла та невидимая внутренняя связь въ которой еще они сами себѣ не давали отчета, но которая даетъ всему цвѣтъ и жизнь, сказку мѣшаетъ съ дѣйствительностью, прозу превращаетъ въ поэзію и ничтожнымъ словамъ придаетъ значеніе; словомъ, настала для нихъ тотъ праздникъ которому и конца не видится и для котораго не нужно ни свѣта, ни солнечнаго сіянія, потому что онъ самъ по себѣ свѣтъ, тепло и вѣчная радость. Настасья Дмитриевна напрасно ждала день за днемъ что Володя оставитъ свои мѣлкія затѣи и придетъ къ ней сказать что онъ ѣдетъ. Но дни шли, а Володя не приходилъ.

Бывшая властительница и покорительница сердецъ, изучившая, какъ ей казалось, мужскую натуру въ совершенствѣ, не знала однако головы и сердца своего единороднаго сына.

Володя былъ самолюбивъ и застѣнчивъ; но несмотря на природную мягкость, въ характерѣ у него была порядочная доза упрямства, и нужно было дѣйствовать очень тонко и осторожно чтобы заставить его поступать какъ требовали обстоятельства. Погода какъ нарочно все это время стояла прелестная: дни такіе ясные, теплые и привѣтливые! Но видъ этой мирной природы, этого голубаго, безоблачнаго неба, нисколько не смягчалъ ожесточеннаго духа Настасьи Дмитриевны; угрюмая и пасмурная сидѣла она у себя въ кабинетѣ, ко всему и ко всѣмъ придиралась, хотя въ присутствіи сына старалась казаться какъ можно равнодушнѣе и спокойнѣе. Ей это было очень не легко, такъ какъ вообще порывовъ своихъ она сдерживать не привыкла. Всѣ въ домѣ, за исключеніемъ Лидіи и молодаго хозяина, чуяли что-то недоброе и ходили повѣся голову. Они одни ничего не видѣли и не замѣчали, и каждый отдѣльно и оба вмѣстѣ внутри себя находили отвѣтъ на всѣ тѣ вопросы которые ихъ то смущали, то наполняли душу восторженною радостью. Его вкусы и привычки стали и ея вкусами и привычками; она любила все то что онъ любилъ, узнавала его шаги и всегда вслушивалась когда онъ входилъ въ комнату; они понимали другъ друга съ полуслова.

Настасья Дмитриевна слишкомъ была занята своими планами чтобы обратить вниманіе на душевное состояніе молодыхъ людей, да ей и въ голову не приходила мысль о подобной нежелости.

Неизвѣстность надоѣла ей, и въ одинъ прекрасный день она снова спросила у сына:—Что же ты намѣренъ дѣлать Володя, ѣхать ли теперь въ Петербургъ, или отложить на нѣкоторое время повѣзку?

Выговорить что онъ можетъ остаться здѣсь совѣтъ, у нея не хватало духу.

— Нѣтъ, къ чему же откладывать? Лучше ужъ теперь съѣзжу, отвѣчалъ сынъ.

У Настасьи Дмитриевны отлегло отъ сердца.

Накопецъ-то ты надумался, сказала она.

Какъ ни тяжело было Володѣ разочаровывать ее, пришлось однако объявить горькую истину.

— Да я въ Петербургъ поѣду только на время, проговорилъ онъ тихо, какимъ-то сконфуженнымъ, точно виноватымъ голосомъ,—получу увольненіе, возьму свои бумаги.

Настасья Дмитріевна затряслась, губы у нея лѣбѣлали.

— Смотри, начала она прерывающимся отъ волненія голосомъ,—чтобы въ послѣдствіи не раскапаться. Впрочемъ, продолжала она задыхаясь,—я умываю руки, дѣлай какъ знаешь. Я совѣтовала, проспала, ничто не помогаетъ; ты съ малыхъ лѣтъ привыкъ быть вполне самостоятельнымъ, поэтому мнѣ остается только отойти въ сторону.

Но эти горькія и обидныя слова не тронули Володю—онъ остался непреклоненъ.

— Послушайте, дорогая моя, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, кѣжно заглядывая ей въ глаза,—къ чему вы говорите такъ? Вы думаете мнѣ легко вамъ отказывать? Я не могу иначе, рѣшительно не могу! Жить тамъ и чувствовать свое безсиліе было бы для меня страшно тяжело. Вы говорите что любите меня, такъ не прелятствуйте же мнѣ устроить свою жизнь какъ мнѣ хочется.

— Тебя, кажется, и такъ никто никогда и ни въ чемъ не стѣснялъ, колко отвѣчала ему мать.—Дѣлай какъ знаешь.

— Но мнѣ больно, сказалъ молодой человѣкъ съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ,—что вы на мое желаніе смотрите какъ на капризъ, какъ на пустую, чуть не ребяческую затѣю.

— А какъ же иначе и смотрѣть на подобное желаніе? вызывающимъ тономъ спросила его Настасья Дмитріевна. Волненіе ея не только не улеглось, но напротивъ, принимало, все большіе размѣры: глаза метали молніи, лицо раскраснѣлось, и вся она такъ и пылала негодованіемъ.

— Нѣтъ, папан, печально проговорилъ сынъ,—я вижу что только одно время въ состояніи переубѣдить васъ; спорить съ вами мнѣ тяжело, да и не ведетъ ни къ чему.

— Увидимъ, увидимъ, мой милѣйшій, что дальше будетъ, кто изъ насъ останется правъ, почти злобно сказала на это Настасья Дмитріевна.—Недѣли черезъ двѣ я тоже уѣду отсюда.

Видя что сынъ твердо стоитъ на своемъ, она разговора этого болѣе не возобновляла, но во глубинѣ души еще надѣялась.

IX.

— Скоро мы лустимся въ дорогу, Лидуша, объявила Настасья Дмитриевна на другой день послѣ окончательнаго объясненія съ сыномъ,—собирайся! Володя поѣдетъ, можетъ-быть, на нѣсколько дней и потомъ останется здѣсь навсегда, а я долѣе ждать не могу. И такъ ужь довольно любовалась природой.

Лидуша покраснѣла немного, но ничего не отвѣчала.

Исподоволь занялась она невеселыми приготовленіями къ отъѣзду; покидать Березники такъ скоро, такъ неожиданно ей ужасно не хотѣлось. Понемногу начала она приводить въ порядокъ безчисленныя платья и уборы Настасьи Дмитриевны, собирала и свои любимыя вещи, варила съ Мареею Михайловной варенье для Петербурга, и тайнѣ плакала о Березникахъ. Да и объ однихъ ли Березникахъ?..

— Что, барышня, скучно вамъ? спрашивала у нея Марее Михайловна:—не хочется въ Петербургъ? Что это у насъ такъ мало пожили? Приискивали бы себѣ женишка хорошаго, да и оставались бы у насъ, право такъ.

— Ахъ Марее Михайловна, какіе тутъ женихи, ну кто меня возьметъ? отвѣчала совершенно искренно Лидуша.

— Эхъ, матушка, помилуйте, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, найдутся и на нашу сиротскую долю, возражала старуха,—не всѣ же состоянія только ищутъ.

А время между тѣмъ летѣло съ поражающею быстротой; подошел незамѣтно и августъ, и Подозовъ чрезъ два дня должевъ былъ выѣхать.

Лидуша, скрѣпя сердце, выпросила у Настасьи Дмитриевны позволеніе повидаться съ теткой и отправилась въ Дрововку такъ же какъ и въ первый разъ чрезъ садъ. Въ саду желтѣла трава и падали листья; печальный шумъ деревьевъ наводилъ на тоскливыя мысли, но Лидуша была рада подышать свѣжимъ воздухомъ. Потихоньку дошла она до своего любимаго мѣста въ концѣ сада, гдѣ росло, какъ бы образуя живую бесѣдку, нѣсколько старыхъ березъ, и ей страстно захотѣлось, кто знаетъ, можетъ-быть въ послѣдній разъ, посадить здѣсь и проститься съ этимъ милымъ мѣстомъ.

Владимира Николаевича въ эти послѣдніе дни она почти не видала; онъ то былъ въ полѣ, то залершись сидѣлъ у себя и говорилъ съ Кириллой Степановичемъ. Съ тѣхъ поръ какъ было рѣшено что въ Петербургъ онъ не ѣдетъ, маленькое общество уже не собиралось попрежнему на балконъ, а всѣ расходились послѣ обѣда—все точно лорвалось и разстроилось.

Молодой Полозовъ и теперь сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и разсѣянно читалъ какую-то хозяйственную книгу. Не чтение было у него на умѣ. То о чемъ онъ мечталъ въ послѣднее время своей заграничной жизни все было у него подъ рукой—удиненіе, досугъ, деревня—все есть! Кажется чего бы человѣку надо?

Кругомъ все было такъ тихо и такъ покойно, торжественно; въ окна и въ отворенную дверь балкона видѣлось цѣлое море красиво освѣщенной зелени; косые лучи заходящаго солнца ударили въ стекла и нѣсколько смягчали мрачную обстановку кабинета; изъ сада несло свѣжее благоуханіе. Ему невыразимо стало жаль этой мирной картины, и онъ почти съ отвращеніемъ думалъ о предстоящей поѣздкѣ. Не покинетъ онъ родныхъ мѣстъ и не промѣняетъ ихъ никогда на жизнь ему чуждую и несродную, и если теперь онъ расходится въ желаніяхъ съ матерью, то не ждетъ ли его впереди болѣе полная жизнь, да и возможно ли придумать что-либо болѣе подходящее къ его личнымъ вкусамъ и наклонностямъ? Онъ видѣлъ предъ собою молодое лицо, глубокіе сѣрые глаза, въ которыхъ онъ читалъ столько ему одному понятнаго, вспоминалъ искренность Лидуши, и голубиную чистоту ея помысловъ.

— Пойти развѣ поговорить съ нею, что-то она скажетъ мнѣ?

Онъ прошелъ въ гостиную, заглянулъ на балконъ, Лидуши и тамъ не было. Вѣроятно она въ саду, подумалъ Полозовъ, и проворными шагами сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Лидія Сергѣевна, Лидуша! гдѣ вы? кричалъ онъ чуть не на весь садъ.

Никто не отзывался, и онъ дошелъ или, вѣрнѣе сказать, добѣжалъ до конца сада.

Лидуша все еще сидѣла подъ березами и была такъ погружена въ свои размышленія что не слышала ни шороха листьевъ, ни шума послѣднихъ шаговъ молодаго человѣка.

Увидѣвъ ее блѣдную, всю въ слезахъ, онъ невольно отступилъ на нѣсколько шаговъ.

Лидуша вздрогнула и подняла на него свои глаза полные слезъ.

— Ахъ, Владиміръ Николаевичъ, какъ вы меня испугали! проговорила она слабымъ голосомъ.

— Лидуша, милая моя, что съ вами, о чемъ вы плачете? И онъ сѣлъ рядомъ съ нею.—Въ чемъ дѣло?

Лидуша молчала.

— Вамъ не хотѣлось бы уѣзжать въ Петербургъ такъ скоро? Или васъ кто-нибудь обидѣлъ? Отвѣчайте же ради Бога!

— Нѣтъ, кому же меня обижать, прошептала наконецъ Лидуша.

— То-то же, проговорилъ молодой человѣкъ и взялъ ее за руку,—кому придется въ голову обижать такое безобидное созданіе; но вы мнѣ непременно должны сказать о чемъ вы плачете, я отъ васъ не отстану.

Онъ выпустилъ ея руку, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять присѣлъ около нея.

— Вамъ жаль Березниковъ? или того что мы расстаемся скоро? рѣшился онъ выговорить такимъ голосомъ и совсѣмъ махнулся къ ней.

Лидуша казалось только и ждала этого вопроса чтобы разрыдаться съ новою силой.

— Да, моя дорогая, вы объ этомъ плачете? Скажите же мнѣ, не мучьте меня.

— Не говорите такъ, Владиміръ Николаевичъ, мнѣ и безъ того тяжело, проговорила она сквозь рыданія.

— А мнѣ вы думаете легко? Когда я только подумаю что вотъ вы уйдете и я больше не буду видѣть вашего кроткаго лица, вашей улыбки, жизнь терять для меня свою цѣну.

Лидуша сидѣла съ опущенною головой и все время тихо плакала.

— Знаете что, сказала Полозовъ,—не уѣзжайте отсюда.

— Развѣ это возможно, Владиміръ Николаевичъ, и Лидуша печально покачала головой.—Настасья Дмитріевна скоро собирается ѣхать; она ни за что не останется.

— Такъ что же? Она пусть и ѣдетъ, а вы оставайтесь.

Лидуша невольно подняла на него глаза и съ кроткимъ недоумѣніемъ посмотрѣла ему прямо въ лицо:

— Какъ же это, я не понимаю?

— Не понимаете? Что же тутъ непонятнаго, воскликнулъ молодой человѣкъ;—послушайте, продолжалъ онъ взволнован-

мымъ прерывающимся голосомъ, — какъ это сдѣлалось со мной, я и самъ не знаю, знаю только что у меня сердце падаетъ когда вы входите въ комнату и что я безъ васъ жить не могу. Скажите и вы мнѣ, чувствуете ли вы ко мнѣ то же самое? Любите вы меня хотя немного? спросилъ онъ у нея шепотомъ. — Если любите, намъ не зачѣмъ и разставаться, выходите тогда за меня замужъ, и никто уже не будетъ въ силахъ разлучить насъ.

Полуживая отъ стыда и счастья и не смѣя поднять на него глазъ, сидѣла она въ сладкомъ забытѣи, боясь пошевельнуться чтобы не прервать какъ-нибудь чуднаго сновидѣнія; но ей и во снѣ никогда не снилось того что теперь слышала она на яву. Ужели же это наяву, и можетъ ли быть и вловившу такъ хороша печальная дѣйствительность?

Въ эту минуту, какъ бы для того чтобы ее убѣдить что это не сонъ, сладкій голосъ прошепталъ еще разъ: — Отвѣчайте же, Лидуша, любите вы меня?

Лидуша отвѣтила и была неподвижна какъ статуя, но молодой человекъ заглянулъ ей прямо въ глаза и безъ словъ понялъ отвѣтъ. Со страстнымъ порывомъ привалъ онъ ее въ свои объятія и въ первый разъ прикоснулся къ ее трепетнымъ губамъ, осылая ее вѣжными шептаниями: — Голубка моя, прелесть, крошка моя стыдливая! Наконецъ-то я знаю что она меня любитъ и никуда, никуда отъ меня не уйдетъ! Вѣдь такъ, шепталъ онъ, задыхаясь отъ умиленія и счастья, — никуда не уйдетъ, а всегда, всегда будетъ со мною?

Онъ крѣпко прижалъ ее головку къ своей груди. Лидуша не сопротивлялась и доверчиво прильнула къ нему. Истинная любовь не многорѣчива, и долго они сидѣли обнявшись подъ покровомъ сумерекъ. Пусть же они проживутъ этими мгновѣніями не повторяющимися въ жизни.

Два часа показались имъ мигомъ.

— А вѣдь я шла къ тетѣ проститься, вспомнила Лидуша, первая выходя изъ сладкаго забытѣя. — Что я скажу Настасьѣ Дмитріевнѣ когда она меня спроситъ?

— Начего и говорить не надо, завтра я самъ все ей скажу.

Слова эти возвратили Лидушу къ дѣйствительности.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, только не завтра, просила она умоляющимъ голосомъ. — Настасья Дмитріевна и такъ все это время медовольна, а тутъ еще это.... Какъ можно, она ни за что не согласится, и думать нечего.

Личико ея затуманилось, глаза потухли.

— Недавно еще она говорила что для васъ въ этихъ мѣстахъ нѣтъ достойной партіи, а я развѣ вамъ лара! Нѣтъ, никогда она не согласится, еще разъ тихо проговорила Лидуша.

— Почему же это вы мнѣ не лара, и откуда у васъ такіа странныя мыслѣ?

— Но развѣ это неправда, печально возразила Лидуша,— уже потому я вамъ не лара что я бѣдная дѣвушка и живу у васъ въ домѣ; не на такую партію разчитывала для васъ Настасья Дмитриевна, вздыхая проговорила она.

— Я не знаю на что она разчитывала, знаю только что люблю васъ и что по расчету никогда бы не женилася! Ради всего святаго, продолжалъ Полозовъ,— не тревожьте себя. Положитесь на меня, нѣжно успокоивалъ онъ ее,— я не дамъ въ обиду мою крошку.

Глаза Лидуши выражали столько любви и столько благодарности, лицо ея и улыбка говорили такъ много что онъ не въ силахъ былъ устоять противъ обаянія и горячо ее обнялъ.

Она тихо отстранила его.— Не дѣлайте этого, произнесла она умоляющимъ шепотомъ.— Что-то вамъ скажетъ завтрашній день?

— Все будетъ отлично.

— Только пожалуйста послушайте меня, не говорите ничего завтра мамашѣ.

— Извольте, пусть будетъ по вашему; какъ мнѣ ви тяжело будетъ скрывать свое счастье, постараюсь быть терпѣливымъ.

— Да, да, вовремя, еще разъ проговорила Лидуша,— а теперь прощайте, мнѣ пора.

Она это говорила, и въ то же время не двигалась съ мѣста; ей было такъ хорошо, такъ невыразимо пріятно что она бы цѣлую вѣчность готова была просидѣть здѣсь, чтобы смотреть, слышать и ощущать всѣмъ существомъ своимъ близость избранника своего сердца.

— Сжальтесь, любуйте еще хоть нѣсколько минутъ со мною! Подумайте какому испытанію подвергаете вы меня завтра!

— Ужь поздно, пора, шептала Лидуша. Она вздохнула слегка и верѣшительно приподнялась.

— Дайте мнѣ хоть руку на прощанье, тихо сказалъ ей огорченный ювоша.

Съ робкою нѣжностью протянула она ему свою дрожащую

ручку. Онъ крѣпко стиснулъ ее и долго не выпускалъ изъ своей руки.

— Прощай, дорогая, прелесть, увидимся мы съ тобою сегодня, скажи?

— Увидимся, чуть слышно шепнула Лидуша, — если только вы придете въ гостиную.

— Или лучше ужъ не приходите, чтобы лицо меня не выдало, какъ думаетъ?

— Рѣшите сами, какъ лучше, сказала она, отворачивая свою головку и плотнѣе закутываясь въ свой черный платокъ, но не выдержала и еще разъ, бросивъ на него мимолетный взглядъ, быстрыми шагами пошла по дорожкѣ, какъ бы для того чтобы уйти поскорѣе отъ искушавшаго ее милого образа.

Въ воздухѣ было прохладно и сыро, и сухіе листья какъ-то жалобно шумѣли подъ ея торопливыми шагами.

Полозовъ посмотрѣлъ ей во слѣдъ, и она стала ему такъ дорога, такъ безконечно мила что вырвать ее изъ сердца было для него все равно что лишиться жизни. Недолго просидѣлъ онъ въ раздумѣ. Какая-то невидимая сила приподняла его съ мѣста и долго еще ходилъ онъ по саду и по темнымъ аллеямъ, не чувствуя усталости, напротивъ, точно кто-то подталкивалъ его сзади и увлекалъ все дальше и дальше. Тысячи плановъ, тысячи предположеній проносились у него въ головѣ и ни одно не казалось ему невозможнымъ или несбыточнымъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ столько силы и столько жизни, такой избытокъ отваги, что казалось для него не существовало препятствій, напротивъ, онъ желалъ бы ихъ, чтобы было съ чѣмъ бороться — теперь ему ни что не можетъ быть страшно! И какъ все это скоро случилось, какъ неожиданно! Тѣмъ лучше; счастье, какъ и несчастье, всегда приходитъ внезапно.

Когда онъ подходилъ къ дому, тамъ давно уже горѣли огни, а у него все еще захватывало дыханіе. Идти прямо въ гостиную къ матери въ томъ состояніи какъ онъ теперь находился показалось ему невозможнымъ, и онъ, вѣрный данному слову — молчать покуда о прошедшемъ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ чтобы остыть и успокоиться.

Давно Настасья Дмитріевна не видѣла своего сына такимъ веселымъ и разговорчивымъ, какъ въ этотъ вечеръ. „Что это съ нимъ, думала она, ужъ не затѣваетъ ли онъ чего-нибудь новаго!“

Какъ мѣла была въ этотъ вечеръ Лидуша, смущенная и въ то же время счастливая, трудно передать словами. Полозову стоило страшныхъ усилій стараться не смотреть на нее; Лидуша тоже должна была сдерживаться чтобы не выдать своего волненія. Нетерпѣливо ждала она той минуты когда всё разойдется и ей можно будетъ уйти къ себѣ въ комнату и тамъ, на просторѣ, дать волю своему счастью.

Но волненіе мѣшало ей спать. Она долго еще и молилась, и плакала сладкими слезами первой любви и перваго счастья, потомъ сошла внизъ, бродила по саду и по роцѣ и пылающаго лица ея не освѣжалъ прохладный ночной воздухъ; счастливая, полная самолюбиваго восторга, перебирала она въ своемъ умѣ малѣйшія подробности вчерашней встрѣчи и вчерашняго объясненія, закрывала глаза для того чтобы живѣе представить себѣ Владиміра, припоминала его манеру, его голосъ, и все это цѣло для нея новое невѣдомое ей очарованіе.

Неужели онъ меня любитъ? спрашивала она себя въ сотый разъ вслухъ, точно не вѣрила въ возможность подобнаго счастья. Мечты Лидуши никогда не заходили такъ далеко, и вдругъ вчера онъ прямо спрашиваетъ, согласна ли она быть его женою. Сегодня можетъ-быть еще онъ и раздумаетъ; хорошо что онъ согласился отложить на вѣсколько дней объясненіе съ матерью;—а сердце между тѣмъ говорило другое—нѣтъ, не такой онъ человекъ чтобы играть чьими-либо чувствами и не измѣнить онъ разъ принятаго рѣшенія! „Никому въ свѣтѣ и ни за что не уступаю я мою крошку“, припоминалась ей сладкія слова его.

Далеко ужъ за полночь вернулась она въ свою комнату, и засыпая думала, конечно, о милomъ своемъ, потому что лицо ея и во снѣ хранило счастливое выраженіе и какъ бы улыбалось любимому образу.

Проспала она дольше обыкновеннаго, тщательнѣе обыкновеннаго занялась своимъ нарядомъ; и веселая, какъ птичка, проворно сбѣжала въ столовую. Настасья Дмитріевна еще тамъ не было, а Трофима Макаровича, въ эту минуту проходившаго чрезъ столовую, она бы готова была обнять и расцѣловать.

— Какой сегодня день славный, Трофимъ Макаровичъ, обратилась она къ старику.

— Дождикъ все утро шелъ, отвѣчалъ онъ невозмутимо и безстрастно,—хорошаго мало-съ, и заглянулъ въ окошко.

— Что вы, голубчикъ, я и не замѣтила, и Лидуша покраснѣла точно улоченная въ преступленіи.

До дождика ли ей было въ эту минуту, когда она ждала что вотъ-вотъ растворится дверь и появится тотъ чье присутствіе стало для нея дороже свѣта и солнечнаго сіянія: „дай-то Богъ чтобъ онъ только пришелъ раньше Настасьи Дмитриевны“. Ей почему-то казалось ужасно страннымъ что ничто не измѣнилось послѣ вчерашняго событія, а все спокойно стоитъ на томъ же мѣстѣ. Правда, все точно какъ бы пришло другой отгвѣнокъ и предстало въ совершенно иномъ свѣтѣ; даже эта столовая и та преобразилась въ ея глазахъ; лалевые, уже немного поцвѣтлые, обои и двѣ картины во фламандскомъ вкусѣ, съ незаламатныхъ временъ виствѣнія одна противъ другой на стѣнахъ столовой, вдругъ почему-то привлекли ея вниманіе, и она съ любопытствомъ принялась ихъ разглядывать. Но ввасли самоваръ, и Лидуша должна была приступить къ совершенію столь презираемой Настасьей Дмитриевною чайной церемоніи.

Богъ на этотъ разъ не услышалъ ея молитвы, и покровительница ея вошла раньше своего сына и поздоровалась съ нею какъ всегда, но когда послышались знакомые и дорогіе шаги, Лидуша вслыхнула до ушей и до того смутилась что едва не пролила чашку которую поднесла въ эту минуту Настасья Дмитриевна.

— Что съ тобою? ласково спросила барыня.—Какая разсѣянная! Ты мнѣ чуть-чуть рукъ не обожгла, и Лидушѣ показалось что Настасья Дмитриевна какъ-то особенно внимательно посмотрѣла на нее. Она покраснѣла еще сильнѣе и пробормотала какое-то извиненіе, но когда молодой человекъ, поздоровавшись съ матерью, остановился предъ нею, она собрала все что у нея было присутствія духа и отвѣчала ему уже спокойно.

Настасья Дмитриевна была какъ-то особенно пасмурна, точно подъ стать дождливому утру, и разговоръ не клеился; да и вообще она мало говорила съ сыномъ съ тѣхъ поръ какъ онъ такъ безжалостно разбилъ ея надежды.

Сегодня онъ самъ это хорошо видѣлъ, объясняться съ нею было мудрено, но все-таки, удливъ удобную минуту, шелнулъ Лидушѣ:—Какъ хочешь, завтра я все разкажу матери.

— Дѣлайте какъ знаете, я на все согласна, отвѣтила она, но по мѣрѣ того какъ приближалась рѣшительная минута,

внутри у нея все замирало, и не безъ тайнаго ужаса ожидала она этого завтрашній, кто знаетъ мучительный или счастливый для нея день.

Наконецъ завтра наступило, и Лидушу съ утра уже была лихорадка, а Владиміръ Николаевичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ когда мать уйдетъ послѣ завтрака къ себѣ въ кабинетъ, чтобы переговорить съ нею наединѣ. За завтракомъ онъ очень былъ разсѣянъ и нѣсколько разъ отвѣчалъ ей невпопадъ, такъ что Настасья Дмитріевна ему это замѣтила.

Не успѣла она удалиться къ себѣ и по своему обыкновенію прилечь на кушетку, какъ послышался легкій стукъ въ дверь и вслѣдъ за этимъ голосъ сына, который спрашивалъ можно ли къ ней войти.

— Войди, войди, послѣшно отвѣчала Настасья Дмитріевна, — ты мнѣ нѣсколько не помѣшаешь, у меня голова немного болитъ.

— А я было хотѣлъ переговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ, сказалъ сынъ.

Настасья Дмитріевна приподнялась немного и съ удивленіемъ на него посмотрѣла.

— Что такое? Я не такъ больна, говори въ чемъ дѣло.

Не измѣнилъ ли ужъ сынъ своего рѣшенія относительно службы и не объ этомъ ли пришелъ онъ ей сообщить? мелькнуло внезапно въ ея головѣ.

— Я намѣренъ сказать вамъ одну вещь которая васъ очень удивитъ, продолжалъ онъ.

Настасья Дмитріевна еще съ большимъ любопытствомъ уставилась на него.

— Ахъ, Боже мой, нетерпѣливо заговорила она, — нельзя ли безъ предисловія, я слушаю, говори покорѣе. „Навѣрно о службѣ“, еще разъ мысленно рѣшила она.

— Я желаю, началъ молодой человѣкъ съ разстановкой, усаживаясь поближе къ матери, — какъ и всякій добрый гражданинъ, прибавилъ онъ улыбаясь, — исполнить одну изъ первыхъ его обязанностей, то-есть, другими словами, вступить въ законный бракъ и, какъ почтительный и покорный сынъ, пришелъ сообщить вамъ о моемъ намѣреніи.

Говорилъ онъ это шутивымъ тономъ, и Настасья Дмитріевна такъ и повяла это извѣстіе.

— Покуда ты еще не совсѣмъ добрый гражданинъ, весело возразила она сыну. — Скажи-ка въ самомъ дѣлѣ что тебѣ нуж-

но? Пошло болтать вздоръ, сказала она уже другимъ тономъ,— говори серьезно.

— Да я говорю совершенно серьезно, нетерпѣливо перебилъ ее сынъ;— я не понимаю почему вы думаете что я шучу. Мнѣ вовсе не до шутокъ въ настоящую минуту, да и съ какой стати, когда я къ вамъ затѣмъ и пришелъ чтобы получить ваше согласіе на бракъ мой съ Лидією Сергѣевной, и онъ оставилась и заглянулъ на мать.

— Что? переспросила Настасья Дмитриевна, стремительно вставая съ кушетки, но въ ту же минуту усаживаясь опять и заливаясь самымъ искреннимъ хохотомъ. Хохотала она довольно долго и весело, не обращая никакого вниманія на то какую обидною насмѣшкой отдавалась эта веселость въ ушахъ ея сына и какъ болѣзненно напрягались его нервы при каждомъ новомъ взрывѣ этого хохота.

— Чему вы смѣетесь? выговорилъ онъ наковецъ съ усидѣмъ.

— Ахъ, Богъ мой, вотъ претензія! Да какъ же не смѣяться? что же я ко твоему плакать должна? Это мнѣ очень нравится! Неужели я должна серьезно относиться къ тому что я сейчасъ отъ тебя услышала?

— А я такъ полагаю, сказалъ онъ очень тихо, видимо себя сдерживая,— что мать шваче и не въ правѣ относиться къ подобнымъ вещамъ.

— Да, если дѣло въ самомъ дѣлѣ серьезное, спокойно возразила на это Настасья Дмитриевна,— но то о чемъ ты мнѣ сейчасъ такъ рѣшительно объявляешь, право кромѣ смѣха не заслуживаетъ ничего. Неужели ты могъ... хоть одну минуту могъ думать что я соглашусь на подобное сумасбродство?

— Я бы васъ просилъ не говорить объ этомъ въ такомъ тонѣ, рѣзко сказалъ Полозовъ, сурово глядя ей прямо въ глаза.— Дѣвushка эта мнѣ нравится, и я не намѣренъ отказываться отъ нея.

Настасья Дмитриевна хладнокровно выдержала этотъ взглядъ.

— Такъ вотъ къ чему насъ привели всѣ высшія теории и высшіе взгляды, насмѣшливо проговорила она,— первое попавшееся смазливое личико. и все забыто, все уничтожено въ лухъ и прахъ!

— Что вы хотите этимъ сказать? вспылалъ молодой человекъ.— Я не совсѣмъ васъ понимаю, что такое разбито?

— Да какъ же, покинувъ, продолжала Настасья Дмитріевна еще насмѣшливѣе, еще язвительнѣе,—то мечтала посвящать себя на пользу крестьянъ, жить для нихъ, заботиться о какомъ-то тамъ ихъ развитіи и благосостояніи, и ужъ я тамъ не знаю о чемъ еще; теперь все это въ сторону, и является на сцену новое — вздумалъ жевиться! Подождемъ немного, авось придумаешь еще что-нибудь новенькое!

Эти обидныя слова, насмѣшливый тонъ которымъ она говорила, ея искусственная холодность и небрежность, раздражающимъ образомъ дѣйствовали на влюбленнаго юношу.

— Хорошо же вы понимаете моего сына и такъ-то вы ему сочувствуете, сказалъ онъ горько усмѣхался. — Я еще допускаю что вы возстали противъ моего желанія поселиться въ деревнѣ; въ васъ говорило материнское тщесловіе, материнское честолюбіе, это еще возможно себѣ объяснить; но теперь, когда я пришелъ подѣлаться съ вами моею радостью, открыть вамъ мое сердце, вы, въ отвѣтъ на это искренне сыновнее признаніе, не находите ничего кромѣ колючекъ и насмѣшекъ. Мнѣ остается только поблагодарить васъ за вашу любовь.

Настасья Дмитріевна сидѣла блѣдная какъ бумага, губы у нея посинѣли, глаза сдѣлались совсѣмъ бѣлые; она хотѣла что-то сказать, но у нея отъялся голосъ отъ гнѣва и удивленія; хотѣла подмяться съ кушетки, но не могла и проговорила задыхаясь:

— Добивайте, добивайте, Владиміръ Николаевичъ! Я этого должна была ожидать; это мнѣ благодарность за всю мою любовь, за мою безграничную снисходительность, за всѣ мои заботы о вашемъ образованіи, продолжала она все болѣе и болѣе входя въ лагерь.—Такъ, такъ, подѣломъ мнѣ! Знаете ли вы какія жертвы принесла я изъ любви къ вамъ, чего я себя лишила, какого счастья? (Голосъ ея задрожалъ и оборвался, лицо выражало мелодраммальную скорбь.) Поступилъ я тогда иначе, произнесла она съ глубокимъ вздохомъ,—мнѣ не пришлось бы выслушивать то что я теперь отъ васъ слышу.

Сынъ молчалъ, и она продолжала торжественно:

— Шестъ лѣтъ тому назадъ, когда еще вы были въ училищѣ, мнѣ дѣлалъ предложеніе одинъ благороднѣйшій человекъ, съ прекраснымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Вѣдь я была еще не стара, Владиміръ Николаевичъ, и сердце еще во мнѣ

не умерло, но я отказала. Слышали вы когда-нибудь от меня объ этомъ, скажите, слышали? повторяла Настасья Дмитриевна прерывающимся голосомъ.

— Нѣтъ, была короткій отвѣтъ.

— И по всему вѣроятію это и сошло бы со мною въ могилу, продолжала она,—если бы вы не взорвали меня сегодня. Выходя за такого человѣка, я бы, надѣюсь, ничего не потеряла, а знаете почему я отказала? Вы понимаете это.... а? Потому, Владиміръ, что слишкомъ высоко, до мелѣлости, до смѣшного можно сказать, высоко понимала свой долгъ относительно васъ, и вотъ теперь мнѣ благодарность за это, достойная награда за всѣ мои хлопоты и труды. Такъ всегда вѣдь бываетъ, прибавила она грустно склонивъ голову; но вдругъ выпрямилась, мгновенно оживилась и заговорила полнымъ негодованія голосомъ.—Подите прочь, прочь, безсердечный, безсовѣстный человѣкъ, безжалостный эгоистъ! Я не могу васъ видѣть!

— Чтѣ съ вами? сказалъ ей сынъ.—Успокойтесь!

— Я еще съ ума не оходила, Владиміръ Николаевичъ, отвѣчала Настасья Дмитриевна, захлебываясь отъ волненія,—а вотъ вы кажется не совсѣмъ здоровы, продолжала она быстрымъ шепотомъ и лицо ея искажилось.—если позволите себѣ говорить такіа вещи матери!

— Я вамъ не сказалъ ничего ни обиднаго, ни дерзкаго. Если вы до сихъ поръ равнодушно не можете вспомнить о томъ что вы пожертвовали, какъ вы говорите, чувствомъ долгу, то какъ же вы не хотите помѣть мое телерешнее состояніе.

Настасья Дмитриевна то блѣднѣла, то краснѣла и просто терлась и не находила отвѣта на всѣ эти оскорбительныя, по ея мнѣнію, рѣчи и улреки.

— Я одно только вижу, Владиміръ Николаевичъ, начала она собравшись съ силами,—что была къ вамъ слишкомъ снисходительна, слишкомъ слаба; въ этомъ вся моя ошибка. Я была съ вами откровенна, а вы позволяете себѣ дѣлать мнѣ улреки, мнѣ, которая была безукоризненною матерью, да если бы даже и не была, продолжала она, бросая на сына увнчтожающій взглядъ,—то все-таки вы не смѣете, да, не смѣете, бросать мнѣ это прямо въ лицо.

И она, шатаясь, встала съ кушетки, дрожащими руками

напила себѣ въ стаканъ воды изъ стоявшаго тутъ же на столѣхъ графина и выпила его залпомъ.

— Послушайте, мягко обратился къ ней сынъ, — кто вамъ говорить объ упрекахъ, я и не думаю упрекать васъ ни въ чемъ и мое почтеніе къ вамъ ни на волосъ не уменьшится отъ того что я послѣдую влеченію своего сердца; образа жизни своего я не измѣню, нашелъ онъ нужнымъ прибавить, — напротивъ, я думаю что счастливая домашняя обстановка придастъ мнѣ больше душевной бодрости и вы, конечно, поймете что трудиться легче когда легко живется.

— Выйди отсюда, проговорила Настасья Дмитриевна умирающимъ голосомъ, — оставь меня одну, прошу тебя.

Сынъ повиновался и сдѣлалъ шагъ къ дверямъ, но вдругъ она снова почувствовала необходимость облегчить свое сердце и проговорила какъ бы черезъ силу.

— Запретить тебѣ дѣлать что угодно я не могу конечно, но одобрять твои безразсудства выше моихъ силъ! И кто же, кто эта избраница? Дѣвушка мою же изъ жалости принятая въ домъ; я до сихъ поръ не могу придти въ себя! Это ужасно, что бы вы ни говорили, Владиміръ Николаевичъ, ужасно! А я-то думала наградить ее и выдать замужъ за человека равнаго ей по общественному положенію, и вдругъ что же? это ничтожество платитъ мнѣ такъ славно за мои благодѣянія!

— Это ужь слишкомъ, прервалъ ее сынъ, — умоляю васъ не отзывать о ней такъ въ моемъ присутствіи. Вы сами хорошо знаете что она ни въ чемъ не виновата и не заслуживаетъ вашихъ упрековъ; къ чему же и говорить такъ?

— Я знаю чего она заслуживаетъ, злобно проговорила Настасья Дмитриевна, — и никто, слышите ли, никто, повторила она съ особеннымъ наслажденіемъ, — не можетъ мнѣ запретить выражать о ней свое мнѣніе!

Настасья Дмитриевна была уже внѣ себя.

— Нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ, ужь если хотите знать, такъ вы обязаны, понимаете ли, обязаны меня выслушать, хотя бы изъ одного почтенія, о которомъ вы только-что распространялись. Это мое право, моя священная обязанность предупредить васъ, а не сидѣть сложа руки и смотрѣть какъ вы лѣзете въ петлю. Лидія Сергѣевна, какъ оказывается, перехитрила насъ всѣхъ; въ эти годы и ужь такая опытная цыригантка; это подастъ надежды въ будущемъ!

— Что бы вы ни говорили, рѣшенія своего я не измѣню. Теперь мнѣ лучше всего уйти и дать вамъ успокоиться, и онъ вышелъ, осторожно притвердывъ за собою дверь.

Настасья Дмитриевна растерлась отъ неожиданности этого пассажа и нѣсколько мгновений не сознавала гдѣ она и что съ нею дѣлается. Потомъ, какъ бы внезапно вспомнивъ что ей нужно, стремительно бросилась къ колокольчику и позвонила; вошла Даша и получила приказаніе тотчасъ же позвать Лидушу.

У бѣдной дѣвушки, которая и безъ того уже была ни жива, ни мертва все это утро, упало сердце при этомъ зовѣ. Одно что-нибудь, подумала она, и отправилась за своимъ приговоромъ.

Подходя къ кабинету, Лидуша почувствовала что у нея подкашиваются ноги и схватилась за ручку двери чтобы не упасть; она нѣволью глубоко вздохнула, какъ бы призывая на помощь всю свою душевную бодрость, потихоньку перекрестилась и уже твердыми шагами вошла въ комнату.

— Даша мнѣ сказала что вы меня звали, проговорила она, стараясь казаться спокойною, а между тѣмъ дрожація губы и поблѣднѣвшее лицо выдавали ея внутреннее волненіе.

Настасья Дмитриевна устремила на нее холодный, неподвижный взоръ.

— А вы сами не догадываетесь зачѣмъ я велѣла васъ позвать? спросила она.—Подойдите ко мнѣ.

Лидуша подошла.

— Поближе!

И она еще разъ окинула молодую дѣвушку съ головы до ногъ какъ будто видѣла ее въ первый разъ.

Лицо Настасьи Дмитриевны было злобно и холодно; глаза выражали ненависть; никогда, никогда еще не приходилось Лидушѣ видѣть ее такою.

— Какъ, закричала вдругъ ни съ того ни съ сего Настасья Дмитриевна,—вы и теперь еще притворяетесь! Пожалуйста, не смотрите такую угнетенною невинностью, меня вы этимъ не проведете. Скажите-ка мнѣ лучше что за исторію затѣяли вы у меня въ домѣ? А? отвѣчайте если можете?

— Я не понимаю о чемъ вы говорите, тако отвѣчала Лидуша.

— Ха, ха, ха! разразилась барыня:—она не понимаетъ, не понимаетъ, повторала она;—можетъ-быть вы и поймете если

я вамъ объясню какъ я это понимаю. Такъ слушайте же: Притворствомъ и хитростью вы завлекли моего сына и довели его до того что онъ желаетъ на васъ жениться... Это не глупо, расчетъ не дурной! Но я, признаюсь, такихъ способностей за вами не знала, не то я бы сумѣла, да впрочемъ сумѣю и теперь, многозначительно прибавила она,—указать вамъ настоящее ваше мѣсто. Вы поступили низко, подло, безсовѣстно, кричала она въ изступленіи.

Лидуша встрѣтившая довольно храбро этотъ взрывъ негодованія своей благодѣтельница, при послѣднихъ ея словахъ не выдержала, закрыла лицо руками, зарыдала и выбѣжала вонъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ въ домѣ бѣгали, шелтались и суетились. Барыня лежала въ обморокѣ. Бросились за Владимиромъ Николаевичемъ. Онъ пришелъ. Настасья Дмитриевна открыла глаза, увидѣла сына, вскрикнула и опять покатилаь.

Лидуша ужъ и не показывалась, а ходила у себя по комнатамъ изъ угла въ уголъ и чувствовала себя вполнѣ преступницей. Не легко ей, бѣдной, доставалось счастье!

Полозовъ, какъ вышелъ изъ комнаты матери, такъ и пропалъ на цѣлый день изъ дому; къ обѣду его искали и нигдѣ не могли найти. Возвратился онъ только къ вечеру и заперся у себя въ кабинетѣ.

На другой день, Настасья Дмитриевна, часу въ двѣнадцатомъ, велѣла позвать къ себѣ сына. Онъ вошелъ. На широкомъ креслѣ у раскрытаго окна сидѣла его мать, безпомощно опустивъ руки на колѣни; видъ ея выражалъ страданіе и безропотную покорность судьбѣ. Она сдѣлала видъ что хочетъ подняться ему на встрѣчу, но тотчасъ же опять въ изнеможеніи опустилась на кресло.

— Ты пришелъ, Володя, проговорила она слабымъ голосомъ,—садись поближе, дай руку; видишь какія у меня руки холодныя, точно у мертвеца... Поговоримъ, мой другъ, о тебѣ. и она тяжело вздохнула.

Сынъ почтительно поцѣловалъ у нея руку, взялъ стулъ и сѣлъ возлѣ. Страдальческій и убитый видъ ея невольно на него подѣйствовалъ.

„Какъ она меня однако любитъ!“ подумалъ онъ, содрагаясь отъ наплыва сыновнихъ чувствъ.

— Мнѣ очень тяжело, папан, но я долженъ сказать: я не могу отступаться...

Онъ проговорилъ это глядя въ сторону; мѣла выражавшаяся на ея лицѣ смущала и грызла его.

— Богъ съ тобой, другъ мой (она безнадежно махнула рукой), дѣлай какъ знаешь. Ты говоришь, зачѣмъ я волнуюсь, но еслибы дѣло шло не о твоёмъ счастьѣ, я не принимала бы этого такъ горячо.... Чтò же дѣлать? Всѣ мы, матери, на одинъ локрой; кажется только затѣмъ и существуемъ чтобы баловать своихъ дѣтей.... (Голосъ у нея оборвался и она откинулась на спинку кресла.) Видишь ли, продолжала она вздохнувъ,—я такъ привыкла во всемъ, можно сказать, творить твою волю что не въ силахъ противиться тебѣ даже и въ томъ чтò составляетъ твое несчастье.

— Дорогая моя, воскликнулъ молодой человѣкъ,—вы все еще слишкомъ взволнованы чтобы судить хладнокровно, вамъ все и представляется въ такомъ мрачномъ видѣ. Увѣряю васъ, съ увлеченіемъ продолжалъ онъ,—что лучше жены мнѣ нигдѣ не найти. Не вздыхайте такъ, я просто не знаю какъ мнѣ благодарить судьбу за такую неожиданную милость!...

Настасья Дмитріевна слабо улыбнулась:

— Жаль мнѣ тебя, Володя, что ты себя губишь! Оломнись пока еще время есть!

— Ахъ, матан, не отравляйте мнѣ этихъ счастливыхъ минутъ... Не позвать ли Лидушу?

— Нѣтъ, Володя, не теперь, я еще слишкомъ слаба. Подожди. дай мнѣ оломниться. Вѣдь ты понимаешь, конечно, что мнѣ не дешево стоило вчерашнее потрясеніе. Полчаса какихъ-нибудь ты дашь мнѣ, надѣюсь, чтобы собраться съ силами? спросила она съ страдальческою улыбкой.

— Конечно, конечно, покорно отвѣчалъ сынъ,—я хотѣлъ бы только чтобы вы сегодня же сказали ей о своемъ согласіи, а то она, бѣдняжка, совсѣмъ измучится.

Надо сказать что во время объясненія съ сыномъ почтенная Настасья Дмитріевна, въ пылу негодованія, нѣсколько увлеклась и преувеличила величіе принесенной ею жертвы ради сыновьяго благосостоянія. Правда, въ первое время ея вдовства ей было сдѣлано одно предложеніе, но оно представлялось ей такимъ блестящимъ только теперь, пройдя сквозь призму воспоминаній, да и то въ пылу объясненія; въ тѣ же блаженныя времена далеко не изображало ничего такого за чтò можно было бы пожертвовать золотою свободой.

Послѣ того какъ сынъ наговорилъ ей такихъ, по ея мнѣнію, дерзостей, Настасья Дмитріевна думала, думала, и пришла

наконецъ къ тому заключенію что надо смириться, а то гордостью пожалуй ничего не возьмешь. Правда, она могла всегда и во всякое время воспользоваться своею седьмою частью и быть совершенно независимою, но Богъ съ нею съ этою самостоятельностью когда она такъ мало даетъ! Да въ сущности тяжела ли была для нея эта зависимость? Итакъ, она рѣшила, какъ ей это ни было тяжко, покориться обстоятельствамъ. Но съ той минуты какъ она милостиво согласилась признать Лдашу своею невѣсткой, она почувствовала къ ней непримиримую ненависть.

По случаю свадьбы Настасья Дмитриевна отложила свою поѣздку въ Петербургъ, такъ какъ женихъ ни за что не хотѣлъ долго ждать, и въ началѣ сентября великое событіе совершилось.

День былъ сѣренькій и дождливый, но молодые сіяли восторгомъ и счастьемъ; Настасья Дмитриевна была величава и торжественна и нѣсколько театрално приняла ихъ въ свои объятія; Варвара Гавриловна тихо плакала, обвиняя племянницу: „До чего я дожила, до чего дожила! безпрестанно повторяла она,—и во снѣ не свилось такое счастье!“ Она сняла въ этотъ день свое неизмѣнное черное платье и надѣла сѣрое шелковое, подаренное ей женихомъ.

Медовый мѣсяцъ вопреки, чужому обычаю, молодые провели на мѣстѣ, не выѣзжая изъ Березниковъ, и вполнѣ вкусили сладость земнаго бытія. Послѣ того, опять-таки вопреки обычаю, они не поссорились, а зажили счастливо и мирною супружескою жизнью, все болѣе и болѣе привязываясь другъ къ другу.

Х.

Прошло два года, а медовый мѣсяцъ молодой четы все еще продолжался—слишкомъ долго и слишкомъ коротко для счастья, какъ кому покажется.

Настасья Дмитриевна, напримѣръ, находила что онъ тянется невыносимо долго и что всему же на свѣтѣ бываетъ конецъ. Сыну своему она конечно прямо этого не высказывала, но въ то же время и не упустила при удобномъ случаѣ подшутить надъ его сентиментальностью, надъ его патріархальными понятіями о семейной жизни, втайнѣ находя ихъ

весьма скучными и уже вовсе къ муцинѣмъ нейдущими. Сынъ оставался глухъ къ этимъ намекамъ, а Настасья Дмитриевна была слишкомъ осторожна чтобы выражаться яснѣе и опредѣленнѣе.

Къ концу перваго года у молодой четы родился сынъ, но радость ихъ была непродолжительна; чрезъ три мѣсяца лишились они мальчика. Лидуша въ особенности долго была безутѣшна, но горе вдвоемъ не горе. Нашей молодой четѣ будущее сулило еще много свѣтлыхъ дней и радостей; можно даже сказать что ихъ утрата послужила имъ какъ бы новою связью. Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ заключать что въ Березникахъ всегда и во всемъ была одна идиллія. И въ этой, повидимому, свѣтлой для посторонняго наблюдателя жизни были свои темныя пятна, свои непріятныя стороны; въ образцовомъ училищѣ молодаго хозяина, которое къ зимѣ было уже совсѣмъ окончено, не всегда все шло какъ по маслу. Изъ крестьянъ большинство, не вполнѣ еще провикшееся силою изреченія „ученье свѣтъ, а неученье тьма“, видѣло въ этомъ только лишнюю барскую затѣю, и съ добродушіемъ, не безъ примѣси лукавства, отзывалось о стараніяхъ молодаго барина, — „какъ допрежь того пахали, такъ и теперь будемъ дѣлать. Хлѣба мы что ли съ того найдемся?“

Поди старайся для нихъ послѣ этого! говорилъ Кириллъ Степановичъ на эти разсужденія и непремѣнно доводилъ ихъ до барскаго уха.

Всякіе бывали случаи; врывался, напримѣръ, во время занятій пьяный отецъ и, несмотря на сопротивленіе властей и самого малаго, уводилъ съ собою сына на работу. Приходила мать вдова и, падая въ ноги самому барину, слезно причитала и жаловалась: „не посироти, родимый, какъ мнѣ быть, смилуйся! Двое всего осталось, кто жъ насъ хлѣбомъ-то будетъ кормить? Большаго я ужъ было на все лѣто въ работнику за пятнадцать рубликовъ сдала, жалобно вздыхала баба: — коли милости твоей угодно позабавиться, возьми ужъ лучше меньшенькаго“, и она низко кланялась Полозову.

Каково ему было все это выслушивать и что отвѣчать на подобныя заявленія? Поди внуши имъ что это дѣлается для ихъ же собственной пользы. И Полозовъ платилъ семьѣ деньги, чтобы вознаграить ее за потерю работника.

Неудачи эти не отбивали у Полозова охоты продолжать начатое дѣло, онъ не унывалъ, и на замѣчанія матери отвѣ-

чалъ по большей части что это неизбежное зло, которое все-таки не мѣшаетъ ему видѣть добро и пользу въ будущемъ. Настасья Дмитриевна сомнительно качала головою.

— Это ужъ высоко что-то! замѣчала она и прекращала разговоръ.

Несмотря на то что со времени женитьбы сына въ Петербургъ навѣзжала она рѣдко и на короткое время (она говорила что ей слишкомъ тяжело раскрывать предъ свѣтомъ свои раны) и дѣло свое могла считать почти проиграннымъ, на двѣ души ея все же еще шевелилась слабая надежда вырвать Володю изъ противнаго ей захолустья и заставить его насильно испытать то чего онъ до сихъ поръ такъ упорно бѣжалъ. Иногда бывала она очень раздражительна и нервна:— „Боже, какая мѣла, какая мѣла, твердила она, блуждая по комнатамъ,—чего бы я ни дала чтобы развѣнчать его!“ Вотъ въ такія-то минуты желчнаго раздраженія ей особенно ненавистною казалась Лидуша, какъ невольная причина всѣхъ ея разочарованій и разбитыхъ надеждъ, и Настасья Дмитриевна, какъ особа нравственно не брезгливая, дорого бы дала чтобы порвать связывавшія ея сына узы. Она часто спрашивала себя чѣмъ умѣла Лидуша лѣпить сердце ея сына? Ни ума, ни красоты, ни состоянія! Это ужасно, это просто несчастное какое-то помѣшательство, отъ котораго слѣдуетъ вылѣчиться во что бы то ни стало.

Петербургскихъ пріятельницъ своихъ она не теряла изъ виду и вела съ ними дѣятельную переписку. Живыми красками описывала Настасья Дмитриевна странную обстановку своего сына, жаловалась на тоску и одиночество и на пребываніе свое въ деревнѣ смотрѣла нѣкоторымъ образомъ какъ на миссію. „Я похоронила себя, писала она;—но поставьте себя на мое мѣсто: нельзя же мнѣ оторваться отъ нравственно больного, дорогаго мнѣ человѣка; впрочемъ, прибавляла она,—еще не все потеряно“, и всегда выражала надежду на лучшія времена.

„Я живу отъ почты до почты, говаривала она своимъ деревенскимъ знакомымъ, это моя единственная связь съ живымъ міромъ и съ живущими. Вотъ все что мнѣ осталось отъ моего прошедшаго“, заключала съ грустною улыбкой Настасья Дмитриевна.

Въ концѣ втораго года пребыванія своего въ деревнѣ, лѣтомъ, получила она письмо отъ своей племянницы Клавдіи

Александровны Сокольской, или Дины, какъ ее называла Настасья Дмитриевна. Она недавно овдовѣла и звала къ себѣ погостить милую тетюшку. Ее одну изъ всей своей семьи болѣе другихъ жаловала Настасья Дмитриевна и съ нею одною поддерживала родственныя отношенія.

Письмо это взволновало ее самымъ пріятнымъ образомъ; цѣлую недѣлю послѣ этого была она бодрa и здорова, не охала и не вздыхала.

— Володя, милый, знаешь чтò мнѣ пришло въ голову? Не лучше ли сюда пригласить Дину, и ей будетъ развлеченіе, и намъ.

— И отлично, отвѣчалъ Полозовъ,—я ее давно не видалъ, интересно на нее взглянуть въ ея новомъ положеніи.

— Я видѣла ее замужемъ всего одинъ разъ, продолжала Настасья Дмитриевна,—и нахожу что мужъ ея не стоилъ.

— Дѣло извѣстное, шутиливо возражалъ ей сынъ;—когда же мужья стоить женъ? Таковъ ужъ нашъ удѣлъ.

— Правило это далеко не ко всѣмъ относится; бываетъ и наоборотъ, съ особеннымъ выраженіемъ замѣтила Настасья Дмитриевна.

Сынъ добродушно пропустилъ этотъ намекъ.

— Впрочемъ, съ увлеченіемъ сказала Настасья Дмитриевна,—Дина такое восхитительное существо, такое увлекательное, такое прелестное, что съ нею сравненіе невозможно.

— Вотъ увидимъ, отвѣчалъ Полозовъ.

Отвѣтъ Динѣ былъ посланъ на другой же день.

„Прости меня, Дина, старую и разслабленную, что не ѣду къ тебѣ, писала Настасья Дмитриевна, пріѣзжай къ намъ сама разбудить насъ. Всѣ мы, особенно я, жаждемъ тебя видѣть.“

Какъ было не пріѣхать на такое приглашеніе, и чрезъ недѣлю милая племянница была уже въ Березникахъ.

Въ день ея пріѣзда, Настасья Дмитриевна съ самаго утра была въ волненіи, сама наблюдала за убранствомъ ея комнаты и вообще хлопотала и суетилась страшно.

Заслышавъ благородный стукъ лежащихъ рессоръ, она бросилась къ окну, но въ сосѣдней комнатѣ раздавались уже что-то легкіе, торопливые шаги и слышенъ былъ шелестъ платья. Настасья Дмитриевна успѣла только вскрикнуть „Дина!“ какъ чрезъ секунду въ комнату, сильфидою, влорхнуло маленькое, воздушное существо въ изящномъ траурѣ и, съ вос-

капцаниемъ „ma tante! наконецъ-то я васъ вижу!“ бросилось въ ея объятія.

— Дина, прелесть моя, я думала что ты ужъ никогда не прїѣдешь, воскликнула Настасья Дмитриевна, и страстно ее разцѣловала.—Володя, Володя, кричала она,—иди скорѣе!

Пришелъ Полозовъ, пришла вслѣдъ за нимъ и Лидуша.

Кузина съ улыбкою протянула ему ручку, которую онъ поцѣловалъ и подвелъ къ ней Лидушу.—Вы знаете кто это?

— Еще бы, сказала Клавдія Александровна,—мы знакомы, неможко, прибавила она и поцѣловала Лидушу.—Ну, а вы, съ живостью обратилась она къ Полозову,—какъ поживаете? Впрочемъ, нечего спрашивать, нечего, по лицу видно что блаженствуете, и она долго и многозначительно жала ему руку.

Эта маленькая особа въ полномъ смыслѣ слова была очаровательна и очень хорошо знала силу своей привлекательности. Въ ней все была грація, жизнь и движеніе. Можно было быть красивѣе, но трудно—очаровательнѣе; черты неуловимыя, блескъ карихъ глазъ, цѣлые каскады кудрей, шелковистыхъ и темнокаштановыхъ, связанныхъ назади въ причудливый узелъ,—все плѣняло въ молодежькой вдовушкѣ и привлекало взоры.

Замужемъ она была всего полтора года за человѣкомъ молодымъ, богатымъ, страстно въ нее влюбленнымъ и вдобавокъ оставившимъ ее обладательницею большого имѣнія. Годъ со смерти мужа еще не вышелъ, и она кокетливо донашивала свой трауръ, расправляя между тѣмъ свои крылышки и предвкушая новыя побѣды.

— Voldemar, мы вѣдь съ вами старые друзья, продолжала она щебетать, обращаясь къ своему кузену,—что это, въ комнатѣ темно, или вы другой стали: не совсѣмъ васъ узнаю. Дайте васъ рассмотреть, и вдовушка порхнула къ балкону.—Въ самомъ дѣлѣ, я васъ не узнаю: видъ положительный, даже внушительный какой-то, серьезный, словомъ не вашъ! продолжала она, разглядывая съ очаровательнымъ любопытствомъ своего переконфуженнаго родственника.

— Что дѣлать, отвѣчалъ онъ со вздохомъ,—какъ же вы хотите чтобъ я оставался все тѣмъ же мальчикомъ какимъ вы меня видѣли въ послѣдній разъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, я успѣлъ жениться и даже имѣть сына.

— Вотъ какъ, задумчиво проговорила Дина.—Онъ умеръ, вашъ сынъ?

— Умеръ, коротко отвѣчалъ Полозовъ.

— А я, признаюсь, начала она, — очень рада что у меня нѣтъ дѣтей!

— Неужели? спросила Лидуша.

— Это васъ удивляетъ, обратилась къ ней вдовушка, — теперь, въ особенности, это было бы для меня тяжело.

— Я думаю ребенокъ при вашемъ одиночествѣ былъ бы для васъ утѣшеніемъ.

— Ну, это еще неизвѣстно, сухо замѣтила на это Настасья Дмитриевна, и предвкусная скуку, поскорѣе обратилась къ племянницѣ, чтобы только какъ-нибудь прекратить этотъ неинтересный разговоръ. — Дина, chère amie, ты я думаю отдохнуть хочешь послѣ дороги; я тебя провожу въ твою комнату, можетъ-быть ты и чай тамъ будешь пить?

— Нѣтъ, нѣтъ, живо возразила Дина, — я ни за что не хочу нарушать ваши порядки, будемъ пить чай всѣ вмѣстѣ, и она любезно улыбнулась молодой хозяйкѣ.

— Лидуша, распорядись скорѣе чаемъ, сказала Настасья Дмитриевна, и нѣжно обнявъ племянницу увлекла ее изъ гостиной.

Въ комнатѣ отведенной гостѣмъ рядомъ съ алартаментами Настасья Дмитриевна послѣдовала новымъ объятіямъ и лоцѣлу.

Усѣвшись рядомъ на диванчикѣ и держа другъ друга за руки, завели онѣ разговоръ о томъ что всегда особенно интересно дамамъ послѣ продолжительной разлуки.

— Дина, vous me trouvez bien changée, n'est-ce pas? съ томною улыбкой спрашивала тетюшка у племянницы.

— Non, chérie, я не могу этого сказать; — не много похудѣли, правда.

— Неужели? слегка какъ бы даже обидѣвшись произнесла Настасья Дмитриевна, бросая бѣглый взглядъ въ зеркало висѣвшее какъ разъ противъ диванчика. — Послѣ всего того что я вынесла, я думала что я просто ужасна!

— Я воображаю какъ васъ должна была поразить вся эта исторія, сказала на это Дина.

Настасья Дмитриевна заволновалась. — Ахъ, не говори, я до сихъ поръ не могу равнодушно влечь въ объятіе. Меня это такъ потрясло что я совсѣмъ не человѣкъ теперь, — и руки ея безжизненно олустились при этомъ на колѣнцѣ, — силы навсегда потеряны! прошептала она.

— А я, извините, вамъ удивляюсь, съ легкимъ укоромъ проговорила Дина. — Какъ вы, съ вашимъ знаніемъ людей, съ

вашею опытностью, не предвидѣли этого! Хоть я никогда ее умною не считала, но все-таки нельзя ее было держать въ домѣ.

— Подумаешь ли, Диночка, оправдывалась Настасья Дмитриевна,—съ моимъ горячимъ сердцемъ... ты знаешь мою способность всему сочувствовать, всѣмъ увлекаться... могла ли я наконецъ себя представить такую неблагодарность?

— Ну, разумѣется, съ легкою улыбкой возразила вдовушка;—въ этомъ случаѣ она болѣе имѣла въ виду собственную особу и собственные выгоды чѣмъ желаніе быть пріятною вамъ.

— Да, это страшная, роковая ошибка съ моей стороны, покорно согласилась Настасья Дмитриевна;—я жестоко поплатилась за свою довѣрчивость къ людямъ, заключила она съ глубокимъ тяжкимъ вздохомъ.

— Но, между нами, улыбаясь заговорила вдовушка,—она мнѣ всегда казалась очень простодушною и наивною чтобы не сказать болѣе.

— Я и сама такъ думала, до той минуты когда Володя мнѣ объявилъ что онъ на ней женится, сказала она и ловила головою.—О, Дина, эти ужасные дни, я не понимаю, какъ я жива осталась, это чудо! И что онъ нашелъ, что онъ могъ въ ней найти, скажи мнѣ, Дина?

— Ah, ma bonne amie, будто вы не знаете! Мушоны такъ нетребовательны, много ли имъ нужно? Я, напримѣръ, убѣждена что еслибы мой мужъ остался живъ, то навѣрное сталъ бы мнѣ измѣнять, и въ самомъ непродолжительномъ времени, хотя конечно меня бы это нисколько не трогало, пояснила вдовушка;—всѣ они таковы, и мой уважаемый cousin не избѣжитъ, надѣюсь, общей участи.

И она весело засмѣялась.

— А я, Дина, ждала тебя со страшнымъ нетерпѣніемъ и знаешь почему? Настасья Дмитриевна съ нѣжностью взглянула на нее:—тебѣ я признаюсь во всемъ, потому что ты изъ тѣхъ которыя все понимаютъ! Видишь ли, продолжала она,—приглашая тебя къ намъ, я, кромѣ желанія тебя видѣть, имѣла еще одну цѣль и вполнѣ убѣждена что ты непременно мнѣ будешь въ этомъ сочувствовать!

— Вы меня интригуете, ma tante, что за таинственность? и вдовушка подыала на нее блестящія глазки.

— Ты должна мнѣ помочь обратить Вольдемара на настоящую дорогу, произнесла она строго и почти вдохновенно,—

тебѣ, именно тебѣ, я хочу быть обязана спасеніемъ моего сына. Видишь ли, продолжала она растроганнымъ голосомъ,—ты видишь какъ я тебя люблю!

— Благодарю васъ за довѣріе, ma tante, но.... задача эта довольно трудная, съ очаровательною скромностью замѣтила, послѣ небольшого колебанія, милая племянница:—удастся ли мнѣ помочь вамъ? прибавила она, вопросительно взглядывая на тетку.

— Удастся ли? воскликнула та.—Дина! и ты сомнѣваешься? А твоя красота, твой умъ, твоя энергія, главное—твоя красота! Peut-on rester insensible à tant de charmes? Помилуй, неужели же онъ совсѣмъ ослѣплъ, съ ужасомъ вопрошала Настасья Дмитріевна,—вѣдь это ужъ гибель, подумай сама, окончателъная гибель! Нѣтъ, не отнимай у меня надежды, Дина, и въ тревожныхъ взорахъ ея, устремленныхъ на вдовушку, ясно выражалась борьба между страхомъ и надеждой.

— Вы мнѣ сапшкомъ ужъ много приписываете, проговорила Диночка, опуская свои прелестные глазки.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! съ выраженіемъ неолисанной радости прервала ее Настасья Дмитріевна,—и слушать ничего не хочу; понимаешь ли ты теперь, Дина, всю высоту моего материнскаго эгоизма, всю его святость, могу сказать, а? понимаешь? твердила она.

— Еще бы, ma tante! Кто же въ этомъ сомнѣвался? какъ-то разсѣянно проговорила вдовушка.

— Такъ сжался же надо мною, мой ангелъ, съ умиленіемъ воскликнула бѣдная мать:—въ тебѣ одной я вижу его спасеніе, и заключила ее въ свои объятія.

— Ахъ, ma tante, какая вы увлекающаяся; можно ли такъ себя тревожить!

— Не буду, Дина, не буду, шептала Настасья Дмитріевна,—что дѣлать когда у меня такое глутое сердце, до сихъ поръ теряю голову говоря о Володѣ....

И вслѣдъ за этимъ новые объятія и поцѣлуи, новыя объясненія въ любви и увѣренія въ вѣжности. Все это, надо полагать, вѣскольکو утомило вдовушку.

— А что, ma bonne, начала она послѣ краткой паузы, высвободившись изъ тетюшкиныхъ объятій,—не пора ли намъ присоединиться къ обществу? Насъ ждутъ пожалуй, какъ вы думаете?

— Toujours raisonnable, я узнаю тебя, Дина, въ этомъ во-

прось. Никогда и ни въ чемъ себѣ не измѣляешь... Такимъ женщинамъ какъ ты только и жить на свѣтѣ!

— Ха, ха, ха, ma tante, разсмѣялась ей въ отвѣтъ Дина.— Что же во мнѣ такого особеннаго? Неможко здраваго смысла, вотъ и все.

Она встала, подошла къ зеркалу, поправила свою немного смятую прическу и потомъ съ улыбкой посмотрѣла на свою тетюшку:

— Ну, что жь, ma tante, идемъ.

— Знаешь, Дина, еслибъ я была молода, я бы тебѣ завидовала, сказала тетка, выходя изъ легкой задумчивости,—ты такая прелестная!—и взглядомъ златока окинула ее съ ногъ до головы.

Въ столовой ихъ уже ждала Лидуша за чайнымъ столомъ; минутъ черезъ пять пришелъ и хозяинъ, вдовушка еще болѣе оживилась.

Попали безконечные разказы и воспоминанія о Петербургѣ и объ общихъ знакомыхъ; вдовушка не умолкала и подчасъ злословила слегка; Настасья Дмитриевна не отставала отъ нея, такъ что Лидушѣ, не привыкшей къ этой летучей болтовнѣ, едва удавалось вставить слово чтобы заявить чѣмъ-нибудь свое присутствіе. Вечеръ прошелъ незамѣтно.

— А я люблю деревню! подъ конецъ сказала вдовушка.

— Недѣльки на двѣ? спросилъ Полозовъ.

— Да, не болѣе, съ плутовскою улыбкой отвѣтила Димочка, но сейчасъ же прибавила болѣе серьезнымъ тономъ:—впрочемъ, теперь мнѣ придется пробыть можетъ-быть и два мѣсяца, сама еще ничего не знаю, смотря по обстоятельствамъ, и даже вздохнула при этомъ слегка.

— Неужели, кузина, воскликнулъ Полозовъ,—и вы зависите отъ обстоятельствъ? Непритворное удивленіе выразалось на лицѣ его.

— А почему же нѣтъ? спросила она вызывающимъ тономъ,—или я по вашему исключеніе?—Она обидѣлась неможко и надула губки.

— Именно исключеніе, вы не ошиблись, продолжалъ ей кузенъ,—глядя на васъ, такъ и кажется что вы должны стоять внѣ всякихъ такъ-называемыхъ „обстоятельствъ“, мнѣ по крайней мѣрѣ такъ кажется. Неужели и для васъ существуютъ дѣла разные, хозяйство, заботы матеріальныя и вообще вся эта житейская проза, которая подчасъ такъ доищаетъ нашего брата деревенскаго жителя?

— Не всё такъ разсуждаютъ какъ вы, тихо, какъ бы про себя замѣтила Дина; — очень и очень существуютъ, и еще какъ даютъ себя знать! прибавила она съ задумчивою, грустною улыбкой.

— Динѣ теперь предстоитъ много хлопотъ по наследству, отвѣтила за нее Настасья Дмитріевна съ достоинствомъ и не безъ внушительности. — У тебя есть кто-нибудь, кому бы можно было это поручить? вскользь спросила она у нея.

— Покуда еще никого, и я въ ужасномъ затрудненіи, озобоченнымъ тономъ проговорила вдовушка.

Настасья Дмитріевна покачала головою. — Какъ это неприятно, ужасно неприятно!

— Что жь дѣлать, ma tante, надо какъ-нибудь устроиваться, задумчиво сказала на это Дина. Задумчивое выраженіе, такъ же какъ и выраженіе радости, удивительно какъ шло къ ея миловидному, подвижному личику: — я рада что отдохну это время у васъ.

— Какъ ты кстати вспомнила объ отдыхѣ. Каково уже! половина перваго! Что значитъ долго не видаться съ друзьями. Безъ тебя въ десять часовъ я ужь сплю, это ты насъ расшевелила, прибавила она глядя на нее съ нѣжною улыбкой

Простидись; хозяйки, молодая и старая, проводили свою гостью до ея комнаты. Лидуша, пожелавъ ей спокойной ночи, удалилась; а Настасья Дмитріевна осталась; она горѣла желаніемъ выспросить у нея о впечатлѣніяхъ вечера.

— Ну, Дина, что ты мнѣ скажешь о Володѣ. Какъ ты его вообще нашла? такъ и влетѣла она на племянницу, какъ только дверь за Лидушею затворилась.

— Какое нетерпѣніе, съ лукавою улыбкой отвѣчала вдовушка, — подождите, дайте всмотрѣться!

— Но однакоже, Диночка, настаивала Настасья Дмитріевна, — каково первое впечатлѣніе? Есть ли во твоему какая-нибудь надежда?

— Что вамъ сказать? Вдовушка сдвинула бровки и пожала плечиками. — Я не нашла чтобъ ужь онъ до такой степени отдался всей этой жизни, погрязъ, знаете, во всѣхъ этихъ мелочахъ, какъ вы говорили. Мнѣ кажется... какъ бы это сказать получше? и она остановилась на секунду, какъ бы собираясь съ мыслями, — словомъ, мнѣ кажется что для свѣта онъ еще не совсѣмъ пропалъ. Впрочемъ, небрежно продолжала она, можетъ-быть я и ошибаюсь, вамъ это ближе извѣстно.

Пока Дина говорила, Настасья Дмитріевна съ замирающимъ сердцемъ ловила каждое ея слово и увядшее лицо ея засвѣтилось надеждой:—Дина, ты меня воскрешаешь, какъ мнѣ тебя благодарить! восклицала она. — Нѣтъ, я не въ силахъ того выразить что я чувствую! Слава Богу! Все теперь зависть отъ тебя, и я спокойна.

Милой племянницѣ почему-то вдругъ захотѣлось подразнить свою почтенную родственницу. Ну, это еще неизвѣстно; отвѣчала она,—можетъ-быть онъ у васъ не изъ очень сговорчивыхъ!

Этотъ спокойно разсудительный отвѣтъ не смутилъ ни сколько Настасью Дмитріевну, она весело возразила племянницѣ:—Ты за него сумѣешь взяться и передѣлать его по-своему; еслибы ты знала какую тяжесть снимаешь ты съ моего сердца; наконецъ-то судьба надо мною сжадилась!

— Не волнуйтесь такъ, моя дорогая; я боюсь за васъ; вы какъ видно утомились сегодня всеми нашими разговорами, и воспоминаніями.. не пора ли вамъ уснуть, сонъ подкрѣпитъ васъ, и вдовушка прижалась своимъ свѣжими, алыми губками къ ея безцвѣтнымъ губамъ.—Пора, пора, прибавила она такимъ тономъ какъ говорятъ съ упрямыми дѣтьми когда они не хотятъ идти спать.

— Въ самомъ дѣлѣ, пора, съ легкимъ вздохомъ согласилась Настасья Дмитріевна.—Прости меня, мой ангелъ, что въ своей радости я и тебѣ мѣшала заснуть, но вѣдь ты знаешь, прибавила она съ заискивающей улыбкой,—что радость эгоистична. Bonne nuit, Дина.

Настасья Дмитріевна послала воздушный поцѣлуй и скрылась за дверь. Что случилось въ эту ночь молодой вдовушкѣ, не знаю.

XI.

Утромъ Лидуша пришла къ своей гостьѣ. въ ея комнату.

Она сидѣла предъ туалетомъ съ раслуценными волосами и улыбнулась ей въ зеркало.

— Я пришла вамъ пожелать добраго утра, сказала Лидуша,—и узнать какъ вы ночь провели?

— Я спала какъ убитая, отвѣчала Дина.—Но что же вы не садитесь?

— Я боюсь помѣшать вамъ.

— О, нисколько, нисколько, живо возразила вдовушка и жопялась расчесывать свои чудные, слегка вьющіеся волосы.

— Ахъ, какіе у васъ волосы! невольно воскликнула Лидуша.

— Вамъ нравятся? небрежно улыбулась вдовушка:—но вы кажется тоже пожааловаться не можете?

— Какое же сравненіе съ вашими!

— Будто бы? слегка удивилась Дина.—Теперь, впрочемъ, не стоить имѣть свои хорошіе волосы; все равно, никто не повѣритъ, а эффектъ одинъ и тотъ же. Я впрочемъ своихъ не жалю, жгу ихъ, рѣжу, и вообще обращаюсь очень неделикатно.

— Ахъ, какъ можно, сказала Лидуша.—Неужели вамъ ихъ не жалко? а сама, въ это время, невольно заглядѣлась на Дивочку, да и трудно было не заглядѣться. Въ зеркалѣ, то и дѣло, мелькало восхитительное личико, отражались прелестныя глазки и руки, изящнѣе которыхъ никогда ничего не видывала Лидуша. Правда, горничной ея положительно было извѣстно, какое количество разныхъ crèmes-овъ и pâtes было изведено для придаванія удивительной мягкости и прозрачности этимъ прелестнымъ рукамъ, сколько времени употреблялось на отдѣлку этихъ блестящихъ розовыхъ ноготковъ... но Лидуша, какъ и всякій другой посторонній наблюдатель, видѣла только счастливый результатъ всѣхъ этихъ трудовъ и невольно отдавала ему должное.

— Чтò вы на меня такъ смотрите? вдругъ спросила у нея вдовушка съ лаутовскою улыбкой.

Лидуша очулась и перековфузилась, точно пойманная врасплохъ.—А развѣ нельзя? краснѣя спросила она.

— Нельзя, отвѣчала Дина съ кокетливымъ движеніемъ;—а вы, я вижу, заговорила она, качая головкой,—все такая же... не измѣнились нисколько въ эти два года: попрежнему отъ всего приходите въ восторгъ, такъ же красивете, такая же скромная, наивная, какъ и были!

— Да отчего же бы я могла перемѣниться? съ легкимъ замѣшательствомъ проговорила Лидуша.

— Мало ли отъ чего, помилуйте! Ваше положеніе теперь совершенно другое, есть отъ чего измѣниться! возразила Дина вставая; при этомъ она граціозно лотянулась, скользнула по своей собесѣдницѣ неуловимымъ, но вмѣстѣ прощательнымъ взглядомъ и вдругъ спросила:—А что тѣтя встала?

— Кажется нѣтъ. Да вѣдь еще не поздно. А вы придете къ намъ въ столовую или прислать вамъ чай сюда?

— Не трудитесь присылать, я непременно приду; я вѣдь одѣваюсь въ одну минуту.

— Такъ я васъ буду ждать въ столовой, сказала Лидуша.

— Какъ хотите, я васъ не говю, улыбаясь говорила Дина, — оставайтесь, если хотите, вы мнѣ нисколько не мѣшаете, нисколько, повторила она, зѣвая слегка и какъ-то лѣживо растягивая слова.

Къ чаю появилась она въ такомъ изящномъ négligé что Лидуша невольно оглянула свой скромный, хотя и весьма миленькій и свѣженькій калотикъ, и почувствовала себя почему-то ужасно неловко.

А тутъ еще Настасья Дмитриевна подбавила:—Ахъ, Дина, что за прелесть! Послѣ завтрака покажи мнѣ пожалуста все что ты съ собою привезла; я заранѣе восхищаюсь.

— Вы разочаруетесь навѣрное, скромно отвѣчала молодая женщина, — я почти ничего не взяла съ собою, да и къ чему же, когда я въ траурѣ? Впрочемъ, если хотите, я съ удовольствіемъ вамъ покажу все, прибавила она съ небрежною улыбкой.

— Мерси, ma chère, у тебя столько вкусу! Ахъ, Дина, что за платье на тебѣ было вчера, съ упоеніемъ продолжала она. — Это мечта, а не платье, просто мечта! Давно я не видывала ничего подобнаго, и при этомъ даже глаза закатила отъ восторга.

— И еслибы вы знали какую оно бездѣлицу стоило, даже смѣшно сказать, отвѣчала Диночка.

— Вотъ я тоже никогда не тратила бы много на наряды, попробовала вмѣшаться Лидуша въ эту интересную бесѣду, — не понимаю что за охота! Помните, маман, обратилась она къ Настасьѣ Дмитриевнѣ, — Загорская говорила что она тратитъ въ годъ двѣ тысячи рублей на свой туалетъ: ну, куда дѣвать на наряды такую кучу денегъ, я этого не понимаю? — и она, невиннѣйшимъ образомъ, вопросительно взглянула на вдовушку, но та отвѣтомъ ее не удостоила и обмѣнялась съ теткою взглядомъ презрительнаго сожалѣнія.

„Жалкое, жалкое существо! казалось, говорилъ этотъ взглядъ; что жь ты послѣ этого понимаешь?“

„Она не желаетъ мнѣ отвѣчать“, подумала Лидуша, и въ свою очередь замолчала. Но нѣмой укоръ этотъ не уязвилъ нашихъ

дамъ; напротивъ, онъ продолжалъ ее убивать презрѣнiемъ и, оживленно бесѣдуя между собою, ясно давали понять ей все ея ничтожество.

Неизвѣстно какъ долго продолжалась бы эта комедiя если бы Полозовъ не прервалъ ея своимъ приходомъ.

Не удивительно что Лидуша, увидѣвъ мужа, вся просіяла и такъ и бросилась къ нему на встрѣчу; но онъ не замѣтилъ ея движенiя, подошелъ прямо къ гостѣмъ и сѣлъ на свободное мѣсто около нея.

Лидуша все время тревожными взорами слѣдила за Диною, пока она перебрасывалась съ ея мужемъ пустыми незначительными фразами, и вдругъ у нея отчего-то упало сердце.

„Зачѣмъ я не такая? подумала она, и зачѣмъ это, Госноди, однимъ дается все, другимъ — ничего? Вотъ ей дано все — красота, ловкость, умъ, находчивость“... Мысленно сравнивая себя съ привлекательною вдовушкой и, при этомъ, совершенно неумышленно унижая себя, Лидуша приходила въ ужасъ при мысли о невыгодности подобнаго сравненiя.

„Если я, женщина, люблюсь ею, что же послѣ этого Володя? Положимъ, до сихъ поръ онъ меня любилъ, но вѣдь мы жили такъ удивленно, такъ исключительно.... А теперь? Онъ непременно въ нее влюбится; было бы даже странно еслибъ этого не случилось!“ тутъ же лорѣшила она.

Продолжая ловить каждое ихъ слово, ей даже показалось что давно уже мужъ ея не былъ такъ оживленъ и прiятно веселъ.

— Если вы хотите, cousin, чтобъ я подольше у васъ пожила, говорила между тѣмъ Клавдiя Александровна, улыбаясь ему изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ, — вы должны непременно катать меня верхомъ, слышите ли? Непременно, съ граціозною настойчивостью повторила она.

— Повинуюсь, кузина; кто же въ силахъ противорѣчить вамъ въ чемъ бы то ни было? любезно отвѣчалъ ей Полозовъ, слишкомъ любезно, по мнѣнiю Лидуши.

— Я приму это къ свѣдѣнiю, продолжала Дина, кокетливо пристулая къ нему, — прошу ужъ не отказываться. Для меня нѣтъ ничего прiятнѣе этого, съ какою-то страстью проговорила она.

Надо было видѣть ее въ эту минуту. Глаза засверкали и подернулись влагой, лицо порозовѣло, ротикъ полуоткрылся и обнаружилъ жемчужные зубы.

— Я, впрочемъ, предчувствую что мнѣ мои скачки не обойдутся даромъ; быть ужь мнѣ когда-нибудь безъ руки или безъ ноги.

— Ахъ, Дина, какіе ужасы! всплеснула руками Настасья Дмитриевна.—Можно ли такъ лгать! Я теперь ни минуты не буду покойна во время твоихъ поѣздокъ.

— Не безлокойтесь, chère tante, съ улыбкой говорила Девочка,—можно ли бояться когда меня будетъ сопровождать такой разсудительный и вѣроятно безстрашный слугацкъ какъ mon cousin.

— Не хвалите, возразилъ тотъ,—раньше чѣмъ не испытаете на дѣлѣ моихъ способностей; можетъ-быть вы сами признаете меня недостойнымъ чести сопровождать васъ.

— Ахъ, какая скромность, даже болѣе, какое смиреніе! воскликнула Дина.—Впрочемъ вы пожалуйста не думайте, продолжала она вызывающимъ тономъ, внимательно разсматривая своего милаго кузена,—чтобъ я стала васъ упрашивать ѣздить со мной, никогда! Не хотите и не надо, сказала она съ особеннымъ удареніемъ и выразительно покачала головой.—А вы не ѣздите? вдругъ обратилась Клавдія Александровна къ Лидушѣ.

— Нѣтъ, коротко отвѣчала она.

— Лидуша у насъ ужасная трусиха, сочла необходимымъ пояснить Настасья Дмитриевна.

— Подождите, вотъ я васъ расшевелю, съ обычною своею живостью отнеслась къ Лидушѣ вдовушка.

— Не трудитесь, меня расшевелить трудно, сухо отвѣчала Лидуша.

— Очень, очень жаль если это такъ, добродушно отозвалась вдовушка, какъ бы не замѣчая сухости ея тона;—а я надѣялась, прибавила она таше,—что мы съ вами будемъ друзьями.

Лидуша промолчала на эту любезность, и мужъ невольно вопросительно взглянулъ на нее; его поразило при этомъ выраженіе ея глазъ, обращенныхъ прямо на него въ эту минуту: всегда ясные и спокойные, теперь они были мрачны и тревожны и, казалось, краснорѣчиво его о чемъ-то молчали.

Смыслъ этихъ взглядовъ оставался для него непонятнымъ.

Что случилось съ Лидушею, въ чемъ дѣло, онъ рѣшительно недоумѣвалъ.

Настасья Дмитриевна наблюдала это нѣмое объясненіе, и

какъ вы старались казаться равнодушною, лицо ея выдавало ея внутреннее состояніе; ей не сидѣлось на мѣстѣ отъ радости, и она такъ и увивалась около сына и племянницы.—Что это, господа, вы нейдете гулять? любезно отвеслась она ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности.—Я вамъ удивляюсь, погода прелестная, и я бы не прочь присоединиться къ вашему обществу, да мнѣ нужно идти, поскорѣе написать Бранамъ приглашеніе къ обѣду.

— Кто это? небрежно осведомилась Дина у своего кузена.

— Это генералъ дивизионный, стоитъ здѣсь недалеко отъ насъ, такъ къ его дочерямъ, объяснилъ онъ ей.

— Интересное что-нибудь? еще небрежнѣе спросила она, лѣниво какъ-то растягивая слова.

— *C'est selon*, улыбаясь отвѣчалъ ей Полозовъ, — тѣмъ болѣе для васъ, я думаю, это безразлично!

— Я у васъ не объ этомъ спрашиваю, перебила его Диночка, — вообще могутъ ли онѣ нравиться? выразительно подчеркнула она.

— Вотъ увидите сами.

— Я ваше мнѣніе хочу знать, понимаете ли? съ прелестнымъ, калризнымъ нетерпѣніемъ приступала къ нему Диночка.

— Откровенно говоря, я до нихъ небольшой охотникъ; *ce sont des demoiselles fort montées en graine*. Когда онѣ приѣзжаютъ, спросите вотъ у жены, я всегда стараюсь куда-нибудь скрыться.

— Какой неозвонительный эгоизмъ! съ шутливымъ негодованіемъ воскликнула вдовушка; — пожалуй, вы и сегодня вздумаете убѣжать и оставить насъ однихъ на сѣденье; это мило, нечего сказать! Но на этотъ разъ, продолжала она, — вамъ не удастся скрыться, какъ вы говорите, да-съ, безо всякихъ отговорокъ, мы васъ не выпустимъ, вы должны сидѣть съ нами и раздѣлять общее удовольствіе, прибавила она насмѣшливо, и живо обернулась къ Лидушѣ, — я увѣрена что вы думаете то же самое, но можетъ-быть не имѣете духу высказать это суровому своему повелителю. Признайтесь что я права? съ веселымъ смѣхомъ допрашивала вдовушка.

— Нѣтъ, не правы, серіознымъ тономъ возразила Лидуша.

Дина широко раскрыла глаза; она не вѣрила своимъ ушамъ: — То-есть, почему же это, не права? спросила она съ наивнымъ удивленіемъ.

— Зачѣмъ я буду насильно удерживать его тамъ гдѣ ему скучно.

— Да вы, какъ я вижу, просто совершенство! съ веселымъ восклицаніемъ перебила она Лидушу:—вашъ мужъ долженъ васъ обожать. Но, я къ сожалѣнію, не умѣю покоряться, вѣтъ не умѣю! заключила она съ рѣшительнымъ жестомъ.—Если мнѣ скучно, то пусть уже со мною скучаютъ и другіе! и она усмѣхнулась легкою, чуть-чуть замѣтною усмѣшкой, которая удивительно какъ шла къ ея подвижнымъ чертамъ, и бросила многозначительный взглядъ на кузена.

— Вы на себя клеветаете, кузина, возразилъ онъ.

— Нисколько не клевету, поспѣвалаась Дюлочка,—никогда и не скрываю своихъ капризовъ; у меня вѣдь очень дурной характеръ, произнесла она съ лѣтвительною откровенностью:—вы этому не вѣрите? шутиливо спросила она своего кузена, который все время (она это видѣла) глядѣлъ на нее съ восхищеніемъ.—Вы меня вѣроятно забыли, а при ближайшемъ знакомствѣ вотъ увидите что я была права; однако, слышите, который часъ? вѣдь это бьетъ двѣнадцать, слыхватилась вдовушка,—а я еще не одѣта. Вы, надѣюсь, не отказываетесь отъ прогулки? ужъ такъ и быть, по случаю необыкновеннаго событія моего пріѣзда, будьте на вынѣшній день жертвою любезности, ждите меня пока я буду одѣваться... Подождете? еще разъ обратилась она къ Полозову и, кивнувъ ему головою, выпорхнула изъ комнаты.

Какъ только шаги ея замолкли, мужъ подошелъ къ женѣ, которая сидѣла у окна, взялъ ее за руку и нѣжно заглянулъ ей въ глаза. Она не пошевельнулась.

— Какая ты сегодня раздражительная! продолжалъ онъ съ упрекомъ.—Что съ тобою, скажи на милость! Придралась ни съ того ни съ сего къ кузинѣ, я даже удивился.

Лидуша тихонько отняла руку и продолжала безмолвствовать.

— Что жъ ты молчишь? Неужели нельзя сказать, если ты чѣмъ-нибудь встревожена, объяснить наконецъ въ чемъ дѣло, а то надулась безо всякой причины?

Онъ вздохнулъ и прошелся по комнатѣ.

Какъ только она услышала его вздохъ, она забыла все, и досаду свою на него, и утреннюю свою обиду, и свое неудовольствіе.

— Володя, Володя, и не грѣхъ тебѣ говорить такъ! произнесла она съ нѣжною укоризной; слабыми шагами подошла

къ нему и объявъ его сказала:—до злости ли мнѣ, когда я сама не знаю что со мною сегодня? такая тоска....

— Ты сердишься, а другіе виноваты. Посуди сама что о тебѣ подумаетъ кузина? мягко увѣщевалъ оны ея.

Это непріятное для нея имя олатъ заставило ее неможко вспыхнуть; она на это не отвѣчала, только легкое облако пробѣжало по ея лицу.

— Ничего она не подумаетъ, увѣреннымъ голосомъ проговорила она мнѣ черезъ пять;—она на меня и вниманія никакого не обращаетъ.

— А мнѣ такъ показалось совсѣмъ другое, замѣтилъ мужъ:—она была съ тобою сама любезность, а ты ее почему-то оборвала.

Лидуша улыбулась.—Ты ее совершенно не понимаешь, она должна быть очень хитра.

— Кузина хитра? и оны громко расхохотался.—Вотъ наша хитрость, нечего сказать! Она простодушна и откровенна какъ пятнадцатій ребенокъ; наша же въ самомъ дѣлѣ хитрость! Ахъ, ты провинительная моя головушка, мѣжно пошутилъ оны.

— А все-таки моя правда, начала она, но вдругъ остановилась, потому что въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то легкіе шаги, дверь отворилась, и Клавдія Александровна, въ туалетѣ, если это возможно, еще болѣе обворожительномъ чѣмъ вчерашній, предстала удивленнымъ взорамъ Лидуши и ея мужа.

Что за платье было на ней, какъ оно было сдѣлано, Лидуша разобрать не могла, но понимала только что ей никогда бы не придумать ничего и въ половину столь предестнаго,—такъ туалетъ этотъ казался ей и сложень, и вмѣстѣ восхитительно простъ: сѣрый батистъ и черныя кружева, лиссе, біз, оборки и банты, а чего, чего только тутъ не было, а между тѣмъ все вмѣстѣ представляло очаровательное цѣлое.

— Надумались? прозвучалъ веселый голосъ:—идемъ же гулять, намъ нужно заpastись сидами, а то мы, пожалуй, не въ состояніи будемъ занимать вашихъ гостей, и она легко и проворно побѣжала по ступенькамъ балкона. Подозовъ не отставалъ отъ нея, Лидуша тоже слѣдовала за ними.

Клавдія Александровна была неутомима и заставила хозяина водить себя всюду. На каждомъ шагу дѣлала она открытія и восхищалась: то попадаался ей живописный пригорокъ густо поросшій деревьями, то какая-нибудь удивив-

ная тропинка затерявшаяся въ чащѣ, то останавливалась она предъ особенно эффектною группой старыхъ деревьевъ, и любовалась сама и заставляла любоваться своихъ спутниковъ, и имъ, равнодушно проходившимъ каждый день мимо этихъ самыхъ мѣстъ, дѣйствительно казалось что они только теперь видятъ ихъ въ первый разъ,—въ такой высокой степени обладала она умѣньемъ похвалить именно то что нужно и затронуть при этомъ чувствительную струну собесѣдника. Какъ ребенка, все ее тѣшило, все радовало.

— Я понимаю теперь почему вы такъ любите Березники что даже не расстаются съ ними, говорила она задумчиво Владиміру Николаевичу:—Богъ знаетъ, еслибъ я какъ и вы провела дѣтство въ деревнѣ, то можетъ-быть тоже раздѣляла бы ваше предубѣжденіе противъ города. Что за милыя мѣста! Нѣтъ, здѣсь дѣйствительно отдыхаешь душою.

Когда говорилъ Владиміръ Николаевичъ или отвѣчалъ на ея отчасти робкіе, отчасти неувѣренные вопросы, на ея лицѣ появлялось то серьезное степенное выраженіе которое бываетъ иногда у шаловливыхъ дѣтей, въ тѣ минуты когда они хотятъ угодить старшимъ; она казалось была вся слухъ, вся вниманіе, и вниманіе это въ глазахъ говорившаго возвышало смыслъ собственныхъ рѣчей его и внушало ему также великолепную увѣренность что никогда еще не приходилось ему быть болѣе краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ. Великая она вообще была мастерица позабавиться на счетъ ближняго и дѣлать изъ него, смотря по обстоятельствамъ, то верхъ, то изнанку.

Къ обѣду пріѣхали барышни Браунъ, на этотъ разъ однѣ, безъ Англичанки. одна—сухощавая и бѣлокурая, другая—толстая и черноволосая, обѣ—прямые и длинныя, и обѣ одинаково чолорныя, натянутыя и безцвѣтныя.

Настасья Дмитріевна познакомила ихъ со своею милою племянницей и все время окружала ихъ тонкимъ, неуловимымъ вниманіемъ. Меньшую, крупную двадцатипяти-лѣтнюю брюнетку. она всегда цѣловала въ лобъ и иначе не называла какъ „mon enfant!“ И бѣдныя эти дѣвушки, вздыхавшія о замужествѣ томительно и безнадежно, распускались, точно подъ живительными солнечными лучами, въ этой атмосферѣ томкой лести и какъ будто разцвѣтали душою. Не рѣдко приходили онѣ въ отчаяніе; и было отъ чего: ни генеральскій чинъ отца, ни относительный ихъ аристократизмъ, ни что не вывозило и не сла-

само. Всѣ сколько-нибудь подходящія подъ ихъ расчеты жевихи, такъ же какъ и количество состоящей за ними недвижимой собственности, извѣстны имъ были наперечетъ, но ни одинъ изъ этихъ господъ и въ помыслахъ не имѣлъ предложить имъ свою особу въ доску спасенія. Настасья Дмитриевна, столько же изъ состраданія, сколько и для развлечения себя отъ деревенской скуки, нѣсколько уже разъ великодушно приходила къ нимъ на помощь, и каждый разъ испытывала поражение. Въ наружности ихъ не было ничего отталкивающего или рѣзко неприятнаго, нисколько, но такая была ужъ ихъ горькая, чисто спрутская доля.

— Courage, courage, mes amies! говорила имъ Настасья Дмитриевна, — мнѣ показалось, мучилась она, — что Nicolas Селищевъ очень неравнодушенъ къ нѣкоей молодой особѣ Lise, вы не догадываетесь? — и она умильно улыбалась.

Лицо, уши и шея ея собесѣдницы покрывались при этомъ густою, темною краской.

— Да, да, продолжала Настасья Дмитриевна, — а мы съ Marie, такъ и быть, подождемъ, наше время еще не ушло, слѣзть не къ чему.

Впрочемъ, онѣ очень хорошо понимали что *почемъ* у этихъ разговоровъ вѣтъ, и что ведутся они просто для препровожденія времени. И въ этотъ разъ, какъ и всегда, не обошлось безъ измяній; все было исполнено по однажды принятой программѣ. Послѣ обѣда, Настасья Дмитриевна полпросила барышень заняться музыкой; онѣ безпрекословно повиновались и незамедлили исполнить въ четыре руки какую-то усилительную и скучную симфонію.

Но ни материнское почти вниманіе хозяйки, ни веселость и неисчерпаемое остроуміе Дины не могли развеселить этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ; онѣ тоскливо улыбались и въ словахъ ихъ, несмотря на улыбку, слышалось отчаяніе. Скука была невыносимая, такъ что еслибы не Клавдія Александровна, которая говорила за всѣхъ, то наше маленькое общество представило бы въ лицахъ членовъ молчаливой академіи.

Настасья Дмитриевна и сама утомилась, и то и дѣло посылая въ сторону Дины благодарные взгляды и улыбки.

— Ахъ, какія несносныя! вырвалось у нея когда онѣ наконецъ удалились. — Вы правы, обратилась она къ Полозову, — это какія-то статуи, манекены, а не живыя существа. Я едва не заснула!

XII.

Двѣ недѣли жила Клавдія Александровна въ Березникахъ и всѣхъ словно околдовала, всѣмъ умѣла войти въ душу; съ самимъ хозяиномъ предпринимала она безконечныя прогулки верхомъ и лѣшкомъ, осматривала его школу, вступала въ пренія о хозяйствѣ и высказывала иногда такія остроумныя и даже дѣльныя замѣчанія что оставалось только удивляться, откуда у нея, при ея кажущемся легкомысліи, столько практическаго смысла; про тетку и говорить нечего: та въ ней души не чаяла. Слуги, и тѣ, такъ и дѣти со всѣхъ ногъ отъ усердія исполнять ея приказанія; для каждаго у нея было привѣтливое словцо или улыбка. Только молодая хозяйка не поддавалась силѣ общаго теченія; напротивъ, съ каждымъ днемъ, можно сказать, она становилась все суше и холоднѣе къ своей очаровательной гостьѣ. Та, впрочемъ, была слишкомъ добра и великодушна чтобы платитъ ей тою же монетою—эта мелкая борьба была ея недостойна. Она дѣлала видъ что не замѣчаетъ ничего и, какъ истинно добрая христіанка, за зло платила добромъ.

Настасья Дмитріевна точно ожила со времени ея пріѣзда. Старый Адамъ проснулся въ ней съ прежнею силой. Куда дѣвались всѣ ея недуги, недовольство, апатія; бодрая, здоровая, она такъ и носилась повсюду. Если Дива и не была созданіемъ рукъ Настасьи Дмитріевны то все же она видѣла въ ней какъ бы свое повтореніе, второе изданіе одного и того же сочиненія; сходство вкусовъ, стремленій, даже положеній, все влекло этихъ женщинъ другъ ко другу. Глядя на племянницу, Настасья Дмитріевна невольно вспоминала давно прошедшее, и съ наслажденіемъ истиннаго знатока, съ безкорыстіемъ настоящаго художника, восхищалась ея граціею и ея талантами, ея приемами высокой школы и, какъ заходящее свѣтло, не могла въ ней не привѣтствовать свѣтла восходящаго.

Клавдія Александровна, со своей стороны, входила все болѣе и болѣе во вкусъ роли спасительницы своего милаго родственника и избобрѣтала тысячу предлоговъ придерживать его около себя. Она видѣла въ немъ много новаго, оригинальнаго и, прежде всего, грѣха нечего таить, смотрѣла на него какъ на красиваго молодого человѣка.

Поятія объ обязанностяхъ къ ближнему очаровательница наша имѣла самыя слабыя и смутныя и воспитана была въ правилахъ того кодекса который на семейную добродѣтель вообще и на вѣрность супружескую въ особенности взираетъ какъ на нѣчто смѣшное и отжившее свой вѣкъ. Законъ же про нее былъ писанъ: она плохо разбирала что мое и что твое и о послѣдствіяхъ своего сближенія съ человѣкомъ уже несвободнымъ никогда не думала. Въ тетушкѣ своей нашла она себѣ дѣятельную и полезную союзницу; если Клавдія Александровнѣ напиримѣръ хотѣлось ѣхать верхомъ, Настасья Дмитриевна ни за что не соглашалась отлучить отъ себя Лидушу.

— Помилуй, убѣждала она ее,—можно ли тебѣ такъ рисковать? Ну, Дина—совсѣмъ другое дѣло, она совершенно на особыхъ правахъ: это ужь такая безразсудная голова. Да если съ ней что-нибудь и случится, то о ней и жалѣть будетъ некому—мужа у нея нѣтъ, а тебѣ такъ нельзя!..

И въ то время какъ Дина мчалась впередъ со своимъ кузеномъ, Лидуша ѣхала назадъ въ кабриолетѣ или въ коляскѣ съ заботливою своею родственницей и часто въ обществѣ барышень Браунъ.

Во время этихъ прогулокъ, невыносимыхъ для Лидіи, Клавдія Александровна забавлялась какъ дитя, болтала безъ умолку, шутила, дурачилась; то, бывало, подѣдетъ къ коляскѣ и заставитъ свою лошадь идти нѣсколько времени шагомъ, рядомъ съ нею, то взмахнетъ вдругъ хлыстикомъ и унесется дальше къ Полозову, оставляя за собою цѣлыя облака пыли, а онъ, еще издали завидѣвъ ее, уже слѣшитъ ей на встрѣчу.

Порядки эти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе не нравились Лидушѣ; ей, прямой и правдивой отъ природы, невыносимо было долго оставаться въ фальшивомъ положеніи; она ждала только удобнаго случая для объясненія съ мужемъ, но случай, какъ кладъ въ руки, не давался. Настасья Дмитриевна зорко слѣдила за ними и всегда умѣла отозвать сына въ нужную минуту, а онъ, по свойственной мушкетерамъ удаловидности, не замѣчалъ этихъ маневровъ и преспокойно шелъ себѣ на удочку. Къ тому же онъ имѣлъ право быть недовольнымъ женою. Все это время поведеніе ея было болѣе чѣмъ странно. Она вдругъ стала рѣзка и раздражительна, часто говорила ему колкости и дѣло до того дошло что сцены эти начали даже повторяться въ присутствіи матери и

кузины. Настасья Дмитріевна при этомъ вздыхала и смотрѣла грустною жертвой, а Клавдія Александровна всегда очень тонко брала сторону Лидіи, но это заступничество еще болѣе раздражало неблагодарную и она начинала говорить колкости уже прямо ей, своей защитницѣ. Капризы и черная неблагодарность Лидіи были въ этомъ случаѣ слишкомъ очевидны, за то ангельскія свойства Клавдіи Александровны еще ярче выступали изъ этого темнаго фона и непріятныхъ красокъ. Силы были далеко не равныя, и бѣдная Лидуша извѣлась до того что совсѣмъ захворала.

Разъ какъ-то долго не давали обѣдать; вошелъ Владиміръ Николаевичъ и сказалъ матери:—У Лидуши голова сильно болитъ, она не выйдетъ и проситъ обѣдать безъ нея.

Настасья Дмитріевна вздернула губу и язвительно отвѣчала:—Очень жаль, мой милый, если она нездорова, но надѣюсь однако что это не помѣшаетъ намъ обѣдать, и, очень довольная своею фразой, величественно поплыла въ столовую.

— Что же это съ бѣдною кузиной? заботливо освѣдомилась Клавдія Александровна:—вѣрно она простудилась вчера на балконѣ; непременно надо къ ней сходить послѣ обѣда.

Настасья Дмитріевна хотѣла что-то прибавить отъ себя, но племянница пристально на нее посматрѣла, и та вовремя остановилась. Едва дождалась она конца обѣда, и онъ остался вдвоемъ съ Клавдіею, она утала на диванъ, закрыла глаза и просто замерла отъ смѣха.

— Дива, ну не умора ли вся эта комедія? говорила она ослабѣвшимъ отъ смѣха голосомъ:—заболѣла таки! Но что особенно хорошо, такъ это то что она насъ проситъ безъ себя обѣдать, сказала Настасья Дмитріевна, съ сильнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ:—это, по моему, лучше всего!

Но Дива, повидимому, не была особенно расположена къ веселости на этотъ разъ и даже слегка смутила духъ Настасьи Дмитріевны.

— Неужели тебя не забавляетъ нисколько такая глупость? спросила она раздраженнымъ голосомъ.

— Что же тутъ забавнаго? спокойно возразила Дива:—она здѣсь хозяйка и желаетъ держать себя какъ хозяйка, я, право, въ этомъ не нахожу ничего смѣшнаго.

— Нѣтъ, я не могу быть такъ хладнокровна, съ достоинствомъ проговорила Настасья Дмитріевна,—можетъ-быть оттого, замѣтила она съ легкою цроніей,—что это меня ближе

касается; я, какъ сама не эгоистка, вообще не постигаю какъ можно относиться спокойно къ подобнымъ выходкамъ. Подумаешь только что какое-нибудь ничтожество, — и туда же разсуждаетъ, распорядается, раздаетъ приказанія, — ничтожество, которое я же вытаскала, какова дерзость! Нѣтъ, пока буду жива, я этого, не забуду! — заключила она съ дрожаніемъ въ голосъ.

— Надо прежде всего не забывать что люди не идеальныя существа, замѣтила наставительно милая племянница, — или вамъ, можетъ-быть, такіе попадались? спросила она не безъ провіи; — я, по крайней мѣрѣ, откровенно сознаюсь что никогда, ничего похожего не видала и, разумѣется, не увижу. Какъ же вы послѣ этого хотите чтобъ она не пользовалась всеми выгодами своего положенія? смѣшно, право, какъ вы этого не понимаете! и она слегка покачала головою.

— Понимаю, Дива, все понимаю! нетерпѣливо и возвышая голосъ заговорила Настасья Дмитриевна: — но я мать, Дива, *je vous prie de ne pas l'oublier*, мать, понимаешь ли ты это, и примириться съ такимъ несчастьемъ не такъ-то легко, какъ ты думаешь!

— Ахъ, ma tante, ничего нѣтъ хуже поздравить сожалѣніи! Терпѣть не могу искать вчерашняго дня, точно вы этимъ вернете его въ самомъ дѣлѣ! Откровенно говоря, вы сами отчасти виноваты въ этой исторіи, нельзя же быть такою безлечною и, ради Бога, прошу васъ, не говорите вы такъ громко, прибавила она съ досадою, — мнѣ все кажется что насъ кто-нибудь подслушиваетъ!

Опасенія Клавдіи Александровны были впрочемъ совершенно напрасны; подслушивать было некому: Владиміра Николаевича въ домъ не было, а Лидія сидѣла залершись у себя въ комнатѣ.

Къ ней пришла Варвара Гавриловна; разумная бесѣда ея была для Лидуши въ послѣднее время не только развлеченіемъ, но и поддержкою.

— Брось ты всѣ свои думы врозь! мудро совѣтовала ей Варвара Гавриловна. — Ты взгляни-ка на себя, на что ты стала похожа за двѣ недѣли; въ лицѣ переломала, похудѣла; посмотри вотъ еще на эти дѣла, да и скажи мужу.

— Я и сама такъ думаю, сказала Лидуша печально и повѣсила голову.

— Думать тутъ нечего, а надо прямо говорить. И те ужъ родня твоя съ гостьею вашею любезною думаютъ что ты

молчишь по малосмыслию своему, а не по другой какой причинѣ, повѣрь что такъ. Богъ судья Настасьѣ Дмитріевнѣ.... А ты молись Богу поусердѣе; хоть врагъ и силенъ, да я ужъ надѣюсь на Владиміра Николаевича что онъ не дастъ себя опутать....

Лидуша заплакала.

— Ну, полно, полно, не огорчай ты меня старуху, не тѣшь врага, а умойся-ка лучше, освѣжись да и ступай въ гостиную, слышишь, непременно иди!

— Мнѣ на нее противно смотрѣть, сказала Лидуша.

— Что жъ дѣлать, вѣрю что противно, а все-таки надо идти.

— Вы останетесь?

— Нѣтъ, я пойду ужъ домой, такъ-то будетъ лучше. Прощай, Христосъ съ тобой.

Старуха перекрестила ее и вышла черезъ балконъ въ садъ. Лидуша хотѣла ее проводить.

— Нѣтъ, нѣтъ не надо, я и одна дойду, а то ты къ чаю опоздаешь,—и кивнувъ ей еще разъ головою, она нарочно не пошла по большой аллеѣ, а пробралась въ сторону маленькою, боковою дорожкой чтобъ уйти вѣтвѣмъ незамѣченною.

Но, какъ это всегда бываетъ съ новічками въ дѣлѣ хитрости, такъ случилось на этотъ разъ и съ Варварою Гавриловной; невнятная хитрость ея не удалась. И она, и Лидія улуптели изъ виду что окна кабинета Настасьи Дмитріевны выходили какъ разъ на эту боковую дорожку. Появленіе Лидіи къ чаю очень ихъ удивило; онѣ никакъ не ожидали что она такъ скоро выйдетъ и Настасья Дмитріевна не отказала себѣ въ невнятномъ удовольствіи воззвать въ нее маленькую шпильку.

— Какъ ты скоро выздоровѣла! сказала она, улыбаясь.

— У меня голова очень болѣла, а теперь мнѣ легче.

— Что это мнѣ показалось, продолжала Настасья Дмитріевна,—что часъ тому назадъ, не болѣе, я видѣла Варвару Гавриловну и она бѣжала вотъ здѣсь (Настасья Дмитріевна указала на балконъ) подъ окнами, положительно таки бѣжала, то-есть, насколько это возможно при ея толщинѣ. Меня это такъ удивило что я, признаюсь, своимъ глазамъ не повѣрила, но къ счастью со мною была Дина и она-то мнѣ сказала что это дѣйствительно наша Варвара Гавриловна en chair et en os, а не двойникъ ея.

Говоря это, Настасья Дмитриевна все время такъ пронзительно глядѣла на Лидушу что та невольно покраснѣла и опустила глаза.

— Тетя дѣйствительно была у меня, пробормотала Лидуша,—но только она не бѣжала, да и къ чему бы ей бѣжать?

— Причина этого бѣгства мнѣ неизвестна, презрительнымъ тономъ произнесла Настасья Дмитриевна,—но я разказываю что видѣла и Дана можетъ подтвердить мои слова; не выдумываю же я въ самомъ дѣлѣ!

И она посмотрѣла на Дину, какъ бы ища ея одобренія.

Но та хранила молчаніе и взглянула при этомъ на свою тетушку, какъ бы умоляя ее быть снисходительною къ этому заблудшему, слабому и несправедливому, въ своей слабости, существу.

Полозовъ, присутствовавшій тутъ же, въ видахъ увеселенія котораго и была-то собственно затѣяна эта перестрѣлка, бросилъ на Дину, эту добрую фею, взглядъ исполненный призывательности.

Она повяла эту вѣную благодарность и, чтобы до конца оставаться вѣрною своей роли доброй волшебницы, перемѣнила тему разговора и заговорила просто о погодѣ.

— Что за вечеръ прелестный, давно ужъ такого не было, сказала она послѣ небольшого молчанія.

— Хотите на балкомъ, какъ бы угадывая ея тайную мысль спросилъ ее Полозовъ.

— Я бы не прочь посидѣть на воздухѣ, какъ-то верѣшительно отвѣчала она;—но жаль бѣдную кузину, и она посмотрѣла на Лидушу, — ей придется сидѣть одной въ заключеніи.

— Почему же это? спросила Лидія,—и я пойду съ вами.

— Ну, ужъ извини, я тебѣ этого не позволю, съ шутивою строгостью выѣшалась Настасья Дмитриевна,—потомъ опять будешь умирать. Это чистое ребячество! Вчера простудилась, сегодня заболѣла, и все еще тебѣ мало! Я останусь съ тобою для компаніи, порѣшила она тономъ не допускающимъ возраженій.

Нечего дѣлать, надо было согласиться скрѣпя сердце.

Вечеръ былъ настоящій лѣтній, теплый, душистый и безмолвный.

Луна уже взошла и такъ освѣтила все что лугъ предъ домомъ казался серебрянымъ, липы отъ этого смотрѣли еще

мрачнѣе и таинственнѣе, и жутко было войти въ эту непроглядную тьму.

На балковѣ вѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Небрежно закинувъ головку на спинку длиннаго кресла-качалки, Клавдія Александровна такъ задумалась что какъ будто совсѣмъ и забыла что она не одна.

Такія минуты рѣдко на нее находили и Полозовъ боялся пошевеливаться чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ не наломить ей о своемъ присутствіи и какъ-нибудь не оборвать нити ея мечтаній.

Вдругъ она сама слегка выпрямилась и провела рукою по глазамъ.

— Что это со мною? заговорила она глядя не на него, а словно чрезъ него куда-то вдаль и какъ бы принуждая себя оторваться отъ внутренняго созерцанія.

— Знаете о чемъ я думала? спросила она, остановивъ вдругъ на немъ свои задумчивые глаза.

— О чемъ, кузина, скажите? Вы имѣли такой серьезный, такой сосредоточенный видъ что я ни за что на свѣтѣ не рѣшилась бы прервать ваши размышленія.

— Я думала о васъ. Вообще, все это время я много и часто о васъ думала, сказала Дина голосомъ полнымъ невыразимой грусти.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы думали обо мнѣ? слегка удивилась Полозовъ:—если такъ, то я очень счастлива кузина что могъ хоть на вѣсколько дней занять ваши думы.

— Не думайте пожалуйста что я шучу, продолжала она все съ тою же грустною вѣжностью,—напротивъ, это очень, очень серьезно.

Она печально покачала головкой.

— Тѣмъ болѣе я желаю бы знать что васъ навело на эти серьезные мысли, выскажитесь кузина, прошу васъ?

— А вашъ образъ жизни, вся ваша обстановка вообще, горячо заговорила Дина,—развѣ не можетъ навести на размышленія, и даже на очень печальныя размышленія; впрочемъ, извините, вдругъ точно слохватилась она,—это у меня вышло совершенно нечаянно.

— Въ чемъ же вы извиняетесь, кузина, прервалъ ее Полозовъ;—если это вышло нечаянно, тѣмъ болѣе это искренно. Я только одного не понимаю: что вы сами особенно печальнаго въ моей обстановкѣ? На несправедливость ко мнѣ судьбы я кажется не могу пожаловаться?

— Кто говоритъ о несправедливости? прервала она его съ томнымъ нетерпѣніемъ:—вы сами къ себѣ несправедливы, это гораздо хуже! вамъ все, все даво отъ судьбы, всѣ блага и, извините cousin, какъ вы этимъ дурако пользуетесь!

Она пожала плечами и остановилась.

— Говорите, кузина, говорите больше.

— Да, начала Дина взволнованнымъ голосомъ, — ваши заявленія, ваша дѣятельность здѣсь прекрасна, благородна, я не спорю; у меня, напримѣръ, въ этомъ отношеніи другой взглядъ чѣмъ у вашей матери, хотя по-своему она, разумѣется, тоже желаетъ вамъ добра. Но, продолжала она, — я становлюсь на вашу точку. Чему вы улыбаетесь, скажите? Вы думаете, я васъ не понимаю? Нѣтъ, cousin, потому-то я и позволяю себѣ говорить что хорошо, слишкомъ хорошо васъ понимаю, всѣ ваши дѣла, всѣ ваши благородныя стремленія, все это далеко мнѣ не чуждо, а мнѣ очень тяжело, очень обидно, волновалось это прелестное созданіе, — если вы думаете что это такъ, пустая болтовня съ моей стороны! Да, я серьезно вамъ говорю, и, знаете что, милый другъ? и она какъ бы нечаянно быстрымъ, нервнымъ движеніемъ дотронулась до его руки и оставила на немъ долгій, внимательный взглядъ, — вы себя заживо хороните!

Чувствуя что наговорила достаточно, прелестная проловѣдица умолкла чтобы дать время своему собесѣднику одѣвнуть по достоинству ея краснорѣчіе.

Тотъ улыбнулся. — У васъ очень пылакое воображеніе, милая кузина, заговорилъ онъ наконецъ первый, — я никакъ этого не думалъ.

— Къ сожалѣнію, это печальная истина, грустно улыбаясь сказала она и подняла на него свои опущенные глаза; — если вы будете жить такимъ затворникомъ, какимъ теперь живете, вы не подвигаетесь впередъ; это вѣрно, подтвердила она, качая головою. И вдругъ заговорила со внезапнымъ одушевленіемъ, точно будто кто ее осларивалъ: — но какое же вы имѣете право совершать надъ собою нравственное самоубійство? Кто вамъ далъ его, это право, скажите? Какъ же плаче и назвать то жалкое прозябаніе, которое васъ ждетъ? строго, какъ бы власть имѣющая, требовала она его отвѣта.

— Какую же вы мнѣ предсказываете печальную будущность! слабо, не то возражалъ, не то защищался Полозовъ.

Онъ смотрѣлъ на ея поблѣднѣвшее отъ волненія лицо, на

ея, сіющіе какъ звѣзды, глаза и не находилъ возраженій; почва, на которой, казалось ему, прежде, такъ недавно еще, онъ твердо стоялъ, ускользала у него изъ-подъ ногъ.

— Да, начала Дина, послѣ небольшого молчанія, какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ,—однообразіе этой жизни убьетъ всѣ ваши способности, и вы (голосъ ея какъ бы слегка задрожалъ при этомъ) кончите тѣмъ что владете въ алатію: сегодня и завтра, всегда одно и то же, впечатлѣній новыхъ нѣтъ—повеюль измельчаете и заснете!

— Чтò жь дѣлать, кузина, научите, какъ-то тоскливо проговорилъ онъ.

Но кузина точно не слышала его; она казалась вся погруженною въ печальныя размышленія объ ожидающей его будущности и продолжала свое:—Хотя я, благодаря вамъ и любила деревню, но всегда жить здѣсь въ нашъ практический вѣкъ невозможно! Я знаю—вы желаете добра крестьянамъ, но именно ради этого-то вы и не должны зарываться на вѣкъ между ними, какимъ-то особенно внушительнымъ голосомъ проговорила Дина.

„Вотъ какъ, это оригинально!“ мелькнуло у него въ головѣ.

Она со своей стороны тотчасъ уловила его недоумѣніе и отвѣчала на его мысль:—Какъ это ни грустно, но вы, я думаю, сами въ этомъ могли убѣдиться что человѣкъ безъ вѣса, какъ это принято у насъ понимать (Клавдія Александровна проговорила это съ замѣтною провѣй), безъ извѣстнаго значенія и положенія въ обществѣ, ничего не можетъ у насъ сдѣлать, ничего, грустно повторила она,—а живя здѣсь, вы его никогда не достигнете; это также вѣрно, какъ то что мы съ вами говоримъ теперь, и она продолжала внимательно въ него вглядываться и наслаждалась его смущеніемъ.

А вѣдь кузина права отчасти въ то же время, мысленно восклицалъ Полозовъ; она мнѣ говоритъ почти то же что говорила когда-то мать, но въ то же время какая разница, Боже, какая разница! Несмотря на это, сложить оружіе такъ, безо всякой борьбы, ему было совѣстно предъ самимъ собою, и онъ считалъ долгомъ своимъ не соглашаться съ нею.

— Чтò жь дѣлать, кузина, говорилъ онъ ей,—и тамъ не лучше. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, для меня все ясно и просто, а тамъ—эта постоянная скачка съ прелютствіями, это вѣчное толченіе воды, не по мнѣ все это. Добросовѣстно себя обмывавать, какъ удастся это нѣкоторымъ, считающимъ себя со-

вершено искрено столпами отечества (онъ грустно улыбнулся) я не въ состоянiи, а другой цѣли не вижу.

— Полноте, какое разочарованiе, какъ это можно! съ удрекомъ воскликнула Дина.—Что за жизнь безъ борьбы! Нѣтъ, я на мѣстѣ вашей жены положительно гнала бы васъ отсюда, вотъ такъ, и она шаловливо взяла его за плечи и повернула его къ себѣ спиною; потомъ вдругъ приняла томную позу, зѣвнула и сказала, лѣниво какъ-то растягивая слова:— а не пора ли намъ уходить съ балкона, вамъ спать не хочется? и она, улыбаясь, взглянула на него.

— Посидимъ еще, куда это вы такъ слѣшите? упрасивалъ ее Полозовъ.

— Пора спать, отговаривалась Клавдія Александровна,—и такъ мы съ вами давно ужъ здѣсь бесѣдуемъ, и помолчавъ немного, прибавила вполголоса,—мнѣ все кажется что кузина мною недовольна, пожалуй, еще чего добраго, подумаетъ что я опасна для вашего спокойствiя; вамъ это въ голову не приходило, признайтесь? и она весело и звонко, по-дѣтски, разсмѣялась.

— Нѣтъ, признаюсь, не приходило,—и самъ, говоря это, невольно смутился,—Лидуша, кажется, не ревнива.

Но Клавдія Александровна продолжала свое:

— Впрочемъ мнѣ уже не долго осталось съ вами поспорить, съ какимъ-то горькимъ чувствомъ сказала она;—успокойте ее, на будущей недѣлѣ я васъ покидаю, было бы вамъ извѣстно! Прощай Березяки, надолго вѣроятно!— и она вздохнула, и улыбнулась ему на прощанье.

— Такъ скоро? не можетъ быть! воскликнулъ Полозовъ.

— Гдѣ же скоро? вы забыли что я почти мѣсяцъ живу у васъ! Никогда и нигдѣ, выразительно подчеркнула она,— я такъ долго не засиживалась. Вы знаете что я человѣкъ вполнѣ независимый, свободный и ждать меня некому (прелестное личико ея затуманилось при этомъ), но все-таки надо вѣхать! Она задумалась, и взоры ея, обращенныя къ небу, казались еще выразительнѣе; но вдругъ, точно оломившись, встала, какъ бы отгоняя отъ себя налетѣвшiя невольныя грустныя воспоминанiя и сказала какъ-то особенно рѣшительно:—я теперь, покойной ночи, la nuit porte conseil, знаете, и многозначительно улыбаясь, протянула ему руку.

Полозовъ прижалъ эту крошечную ручку къ своимъ губамъ и такъ къ ней прижалъ что Клавдія Александровна

вырвала у него руку и разсыпалась какимъ-то принужденнымъ, натянутымъ смѣхомъ:—Что вы дѣлаете, cher cousin, сумасшедшій... Подождите, еще надо въ вамъ...

Она хотѣла еще что-то прибавить, но только подавила невольный вздохъ и опустила свои длинныя рѣсницы.

— Грѣшно вамъ такъ говорить! вырвалось у Полозова, но тотчасъ же, какъ бы самъ испуганный вѣжностью, помимо его воли выразившейся въ этомъ восклицаніи, мгновенно перешелъ въ болѣе спокойный тонъ:—что вы это придумали? Какъ можно! Мы васъ такъ скоро не выпустимъ.

Она проговорила это вставая проводить ее съ балкона.

Очаровательница съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянула на своего робкаго вздыхателя и въ сердцѣ ея вдругъ закипѣла на него досада,—не того ждала она! Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ не понималъ что значать эти олущенные рѣсницы, эти сдержанные вздохи? Его мать, значить, была права говоря что онъ совсѣмъ помѣшался. Она окинула его взглядомъ, въ которомъ теперь уже выражалось презрѣніе, но видя что онъ не трогается съ мѣста и молчитъ, еще разъ пересилила свое раздраженіе, сжала ему какъ-то неестественно руку и, ни слова не говоря, скользнула съ балкона.

Настасья Дмитріевна и Лидуша разошлись уже по своимъ комнатамъ, да и видѣть ихъ Клавдія Александровна не имѣла ни малѣйшаго желанія.

Никогда, никогда не встрѣчала она ничего подобнаго! Эта нелюбящая робость, эта гадкая нерѣшительность, справедливо возмущала и бѣсила ее, ее не привыкшую дѣлать первый шагъ!... Застѣнчивый и смущенный кузень казался ей сегоднѣ еще болѣе привлекательнымъ.... Все это было для нея такъ ново, такъ свѣжо и заманчиво.

Постой, мой милый, ты у меня поставишь точки на і, я добьюсь отъ тебя рѣшительнаго шага, даромъ это тебѣ не пройдетъ: такъ размышляла наединѣ съ собою Клавдія Александровна, въ тишинѣ своего будуара.

На другой день она объявила теткѣ что черезъ недѣлю ѣдетъ; та было ужасно взволновалась и воспротивилась, но когда узнала что Дина намѣрена уговорить ея сына проводить ее до деревни, совершенно усложнилась и влохмѣ одобривъ ея благое намѣреніе.

— Тебѣ тамъ необходимо имѣть кого-нибудь лодѣ рукою чтобъ устроитъ все какъ слѣдуетъ. Володя, разумѣется, тебѣ

поможеть, да и тамъ, продолжала Настасья Дмитриевна, слегка понизивъ голосъ—оно будетъ мнѣ связано, ты помнишь, и она кивнула какъ-то неопредѣленно въ сторону.—Наковецъ-то мой сынъ будетъ человѣкомъ, вдругъ воскликнула она въ порывѣ радостнаго восторга;—теперь, я знаю, все пойдетъ прелестно, и она хотѣла ей броситься на шею.

Но Дина словно не замѣтила этого движенія. — Вы такъ думаете? холодно спросила она.

— Не только думаю, но вполнѣ въ этомъ убѣждена, съ торжествующею улыбкой отвѣчала ей тетка, — а развѣ ты имѣешь причины сомнѣваться? спросила она съ замѣтною тревогой.

Дина слегка пожала плечами и чуть чуть улыбулась.—Причинъ особенныхъ не имѣю, но вообще прежде времени никогда не радуюсь, небрежно отвѣчала она.

Настасья Дмитриевна недоувѣрчиво взглянула на племянницу, но убѣдившись что въ настоящую минуту она къ откровенности не расположена, благоразумно воздержалась отъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

Когда пришла Лидуша, и Полозовъ предложилъ своей милой гостьѣ обычную прогулку, она, къ его немалому удивленію, отказалась.

— Я себя сегодня ужасно дурно чувствую, мнѣ даже воздухъ противенъ, отвѣчала она.

— Не простудилась ли вы вчера на балконѣ? съ безпокойствомъ осведомился кузень.

— О, нѣтъ! отвѣчала Дина.—Я думаю мнѣ оттого нездоровится что скоро нужно уѣзжать отъ васъ, вдругъ объявила она съ очаровательною наивностью. Трудно было понять, шутка ли звучала въ ея словахъ или серьезное сожалѣніе.—А между тѣмъ надо ѣхать, непремѣнно надо, продолжала она съ калризнымъ жестомъ, исполненнымъ невыразимой граціи.

— Что за крайность такъ слѣшить? спросилъ у нея Полозовъ.

— Дѣла, да еще какія серьезныя! Я ѣду не для удовольствія; вчера получила письмо, меня зовутъ, говорятъ что необходимо ѣхать, и я ужасно боюсь чтобы меня совсѣмъ тамъ не залупали, беззащитную вдовуцу, съ комическимъ отчаяніемъ въ голосъ говорила Клавдія Александровна.—Къ стыду моему я должна признаться что ничего въ этомъ

не смыслю: всё эти бумаги, документы, права на владѣнiе, c'est du grec pour moi, прибавила она вздыхая самымъ искреннимъ образомъ.

— Разкажите мнѣ, въ чемъ главное затрудненiе по крайней мѣрѣ, съ живѣйшимъ участiемъ обратился къ ней кузень;—можетъ-быть мы какъ-нибудь это и уладимъ, и тогда вамъ не зачѣмъ будетъ и вѣхать.

При этомъ онъ неволью взглянулъ на жену, словно цпа въ ней поддержки, но та, какъ нарочно, молчала и лживымъ образомъ глядѣла на мужа, будто не понимала смысла его взглядовъ.

— Поѣздка неизбежна, говорила между тѣмъ Клавдiя Александровна,—да и къ чему бы я осталась, продолжала она, печально склонивъ головку и какъ бы думая вслухъ:—я у васъ прожила ровно сколько нужно чтобы не сдѣлаться совсѣмъ противоположно; проживи я у васъ дольше, кто знаетъ, можетъ-быть мы съ вами успѣли бы и посориться, и при этомъ она точно нечаянно скользнула взглядомъ по Лидiи.—Кузина я думаю ждетъ не дождется моего отъѣзда, ни съ того ни съ сего, тономъ enfant terrible, вдругъ объявила она.

Лидуша, при этомъ обращенiи неволью покраснѣвшая, смутилась немножко, но быстро овладѣвъ собою спросила уже спокойно глядя на нее:

— Вы почему такъ думаете?

— Я вижу, лукаво заговорила вдовушка,—изъ всего вижу что вы мною недовольны; признайтесь что вы на меня немножко сердитесь, хотя не знаю, за чтѣ бы такая немцдость? Но видите ли, милая кузина, я скоро уѣду и потому прошу васъ, продолжала она ласково и по-дѣтски заглядывая ей въ глаза,—не поминайте меня лихою. Я ужасно не люблю оставлять послѣ себя дурное впечатлѣнiе, это такъ неприятно, равно прибавила она и положила плечиками.—Такъ не будете на меня болѣе сердиться, скажите, не будете? приставала она къ Лидушѣ.

Она казалась въ эту минуту такую простодушною, такую искреннею что Лидуша не могла не улыбнуться:—Не буду, не буду! отвѣчала она съ видимою радостью.

Отъѣздъ Клавдiи Александровны назначенъ былъ черезъ три дня и Лидiя замѣтно повеселѣла. У нея точно гора съ плечъ свалилась; теперь она только о томъ и думала какъ бы удвоеннымъ вниманиемъ и предупредительностью изгаа-

дѣть въ впечатлительнаго сердца своей госты ямать о своихъ прошедшихъ прегрѣшеніяхъ, но непродолжительна была ея радость. На другой день, утромъ къ ней въ комнату вошелъ мужъ съ какимъ-то страшнымъ, темно виноватымъ видомъ. Одного взгляда на его разстроенное лицо было достаточно для Лидіи чтобъ убѣдиться что онъ къ ней пришелъ не съ добрымъ извѣстіемъ, но она ждала, чтобъ онъ заговорилъ первый.

— Ты сегодня заспалась, началъ мужъ вполголоса, видимо не зная какъ приступить къ дѣлу, — а я-то въ десяти мѣстахъ успѣлъ перебивать. Сова, лошуталъ онъ.

— Нѣтъ, я сегодня встала какъ всегда въ восемь часовъ, сухо отвѣтила Лидуша:—а ты сегодня одинъ гулялъ или съ Клавдіей Александровной? рѣже спросила она.

— Разумѣется одинъ! Когда же кузина въ это время гуляетъ? Я думаю она только что проснулась телеръ.

— Неправда, неправда, запальчиво возразила Лидуша, — для прогулокъ съ тобою она поднималась чуть свѣтъ, такъ что я даже удивлялась. Меня вѣдь обмануть трудно, а все прекрасно вижу.

— Ревнивица! воскликнулъ Полозовъ и хотѣлъ было притянуть ее къ себѣ для подѣла, но она отскочила отъ него какъ ужаленная. Мужъ на это только головою покачалъ, но не сказалъ ни слова.—Да, знаешь что я хотѣлъ сказать? началъ онъ съ преувеличенною небрежностью, какъ будто сейчасъ только вспомнилъ объ этомъ,—я хочу проводить кузину до ея деревни; необходимо ей помочь разобраться въ дѣлахъ. Вѣдь она на словахъ хоть и бойка, но на дѣлѣ сущій ребенокъ, еще хуже пожалуй, и онъ махнулъ рукой:—если за нее не вступиться, ее оберутъ самымъ законнымъ порядкомъ.

Онъ говорилъ это все точно убѣждая ее; но такъ какъ на его рѣчи не послѣдовало ни возраженія, ни подтвержденія, то Владиміръ Николаевичъ невольно поднялъ глаза на жену и остановился: Лидуша стояла предъ нимъ словно каменная, лицо у ней помертвѣло, руки дрожали.

— Что ты, Лидуша? спросилъ онъ у нея нетвердымъ голосомъ.

Она молчала. Съ первыхъ словъ мужа она угадала истину и у нея такъ и оборвалось сердце.

— Рада Бога, Лидуша, что съ тобой? продолжалъ мужъ и взялъ ее за руку.

Она у него вырвала руку, ей неприятно было его прикосновение.—Оставьте меня, выговорила она едва слышнымъ голосомъ, словно это стоило ей невыразимыхъ усилий и шатаясь присѣла на ближайшій стулъ.

— Неужели на тебя такъ подѣйствовало извѣстiе о моемъ отъѣздѣ? проговорилъ Полозовъ растерянно. — Мнѣ больно, очень больно; я отъ тебя этого не ожидалъ! Человѣкъ ѣдетъ на короткое время, а ему вдругъ ни съ того ни съ сего дѣлаютъ сцену, продолжалъ онъ сильно взволнованнымъ голосомъ:—большое утѣшенiе, нечего сказать! Какъ подумаешь въ самомъ дѣлѣ женщины страшныя злоистки, ужаснѣйшiя! Вы требуете отъ мужа чтобы вся его жазнь, помыслы, желанiя, все, все, однимъ словомъ, посвящено было исключительно вамъ, дальше вы ничего не видите и видѣть не хотите, говорилъ онъ съ сердцемъ.

Лидiя сидѣла какъ каменная и ни слова не отвѣчала на всѣ эти упреки.

Молчанiе жены не только его не обезоружило, но еще сильнѣе раздражило, и онъ вышелъ твердыми шагами и даже хлопнулъ дверью.

Послѣ ухода мужа, Лидуша продолжала еще нѣсколько минутъ сидѣть неподвижно, съ безцѣльно уставленнымъ въ стѣну глазами, и вдругъ разразилась рыданiями. Слезы катились градомъ по блѣдымъ щекамъ, но не облегчали ея горя. Если только она увезетъ Володю, то всему конецъ: стоить покласть ей въ руки, а ужъ она его не выпуститъ!

Весь ужасъ разлуки съ любимымъ мужемъ представался ей съ поразительною ясностью; въ глазахъ у нея потемнѣло, жизнь, казалось ей, уходила отъ нея безвозвратно.

Сколько времени она такъ просидѣла, Лидуша не помнила.

— Боже! да неужели же все это правда? Быть не можетъ, вдругъ закричала она и зарыдала съ новою силой.

Она вспомнила выраженiе лица Володи такое какого она никогда не видала у него прежде, злое, неприятное; голосъ его холодный, раздраженный, которымъ онъ произносилъ свои жестокиа, ужасныя слова. И такъ ей придется проститься съ Володей? Никогда не видать его? Никогда не слышать его голоса? Не мучиться ожиданiемъ во время краткихъ его отлучекъ изъ дома и не трелетать отъ восторга и счастья при его возвращенiи? Да, это такъ ужасно, такъ невыносимо что послѣ этого не захѣмъ и жить на свѣтѣ!

Ея простодушное, любящее и взволнованное сердце не выдержало; она хотѣла встать и бѣжать къ мужу, но вдругъ всломнивъ что можетъ тамъ встрѣтить эту ненавистную ей женщину остановилась, подошла къ открытому окошку и принялась раздумывать о своемъ положеніи.

Всѣ мысли бѣдной женщины были обращены къ прошедшему, счастливому и безоблачному прошедшему (будущее для нея не существовало) и мучительно сладкія воспоминанія жгли и растравляли ей сердце.

Тяжело, страшно тяжело въ минуты скорби вспоминать о пережитомъ счастьѣ; не дай Богъ никому это испытывать.

Какъ послѣ этого не вѣрять предчувствіямъ? Съ самаго пріѣзда этой женщины, съ самаго перваго дня, закралось ей въ душу мучительное подозрѣніе и сердце болѣзненно сжалось....

Лидія вспомнила что въ продолженіе всего этого печальнаго и тяжелаго для нея времени она старалась даже не глядѣть подолагу на мужа, чтобъ еще болѣе не растравлять себя, точно ея сердце предчувствовало что имъ придется разстаться. „Ахъ, Володя, Володя, что ты со мною сдѣлалъ? Грѣхъ тебѣ, тяжкій грѣхъ!“

Володя между тѣмъ тоже былъ унылъ и мраченъ. Несмотря на всѣ заигрыванья Клавдіи Александровны, которая и виду не подавала что подозрѣваетъ настоящую причину его дурнаго расположенія духа, ей не удавалось расшевелить его.

Лидуша не вышла къ обѣду, и Полозовъ молчалъ за обѣдомъ до велюлиція, по маѣнью Настасьи Дмитріевны, и ничего почти не ѣлъ, такъ что она даже рѣшилась сдѣлать ему замѣчаніе.

— Что это, Voldemar, ты угрюмый такой, ни на кого не глядишь, точно мы предъ тобою въ чемъ провинились? Здоровъ ты?

— Я не боленъ, коротко отвѣтилъ онъ и, какъ только обѣдъ кончился, тотчасъ вышелъ изъ комнаты.

Настасья Дмитріевна переглянулась съ племянницей, но послѣдовать за нимъ не рѣшилась.

— Дуется! кивнула она ей головою на уходившаго сына.

Отъѣздъ былъ рѣшенъ и потому спасительницы Полозова и не придавали большого значенія его рѣзкостямъ. Но день прошелъ, наступилъ и слѣдующій, а Володя все ходилъ сумрачный, жену, правда, убивалъ холодностью, но и съ матерью, и съ кузиной былъ не особенно пріятливъ.

За два года ихъ брачной жизни это была ихъ первая крупная размолвка, и нельзя сказать чтобъ она ему дешево стоила. Въ послѣднее время особенно много пришлось ему выслушивать возгласовъ и разсужденій о тяжести супружескихъ узъ, объ узкости семейнаго згоизма, но возгласы эти не находили отъсыва въ его сердцѣ и, несмотря на все его раздраженіе противъ жены, онъ чувствовалъ что не въ силахъ былъ по-давить жалости при одномъ воспоминаніи объ ея убитомъ, омоченномъ слезами лицѣ и объ ея безмолвной лечали.

„На этотъ разъ, впрочемъ, необходимо оставить на своемъ и вѣхать съ кузиной; это образумитъ Лидію, да и меня избавитъ на будущее время отъ возможности подобныхъ столкновеній“, основательно разсудилъ нашъ молодой мужъ и вышелъ прогуляться: природа и воздухъ, онъ зналъ это по опыту, всегда были ему цѣлительны.

Тихими шагами шелъ онъ къ березовой рошѣ, любимому своему мѣсту, и съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, душистый воздухъ.

„Лидія-то какова! Кто бы ожидалъ что подъ этою спокойною наружностью таятся такія страсти? Я прожилъ съ женой два года и воображалъ что вполнѣ изучилъ ее, а на самомъ дѣлѣ выходитъ что я ровно ничего не знаю!“ Такъ думалъ онъ, забираясь въ самую чащу роши и раздвигая предъ собою вѣтки. Но что это? Вдругъ ему послышались и гдѣ-то очень близко отъ него чьи-то голоса и между ними какъ будто голосъ его матери.

„Не можетъ быть, подумалъ Полозовъ, такъ далеко отъ дома и такъ поздно она не поидетъ купаться“, но онъ невольно все шелъ впередъ по тому направленію откуда слышались голоса. Теперь онъ уже ясно различалъ ихъ: говорили его мать и Клавдія Александровна.

„Что это имъ вздумалось зайти сюда, съ какой стати? удивлялся онъ;—кузина еще куда ни шло, а матан какъ кажется не охотница до романтическихъ прогулокъ.“

Кулацкая была отъ него уже въ десяти шагахъ.

— Вотъ не ожидалъ-то.... громко произнесъ молодой человекъ и остановился, не докончивъ фразы. То что онъ услышалъ поразило его до того что онъ не зналъ что дѣлать: двинуться ли впередъ или уйти назадъ? Онъ словно приросъ къ мѣсту.

— Есть о чемъ думать, говорила Настасья Дмитриевна,—

главное устроено, Володя согласился проводить тебя, а тамъ помилуй, двѣ недѣли проведенныя вмѣстѣ, безо всякой немѣхи, — чего лучше? Тебѣ ничего не будетъ стоить уговорить его ѣхать на зиму въ Петербургъ или за границу, а тамъ можно будетъ убѣдить его и на службу поступить.

Полозовъ притаился. Ясно было что онъ не слышалъ его восклицанія; со стѣсненнымъ дыханіемъ ждалъ онъ продолженія интереснаго разговора.

— Мнѣ кажется, прозвучалъ нѣжный голосъ,—жена его не пуститъ.

— Ха, ха, ха! услышалъ онъ смѣхъ своей матери,—неужели ты думаешь что ея вліяніе надъ нимъ доаго бы продолжалось? куда ей, помилуй! Теперь я совершенно убѣдилась что его женитьба была просто юмолескій капризъ, желаніе настоять на своемъ и ничего болѣе!

— А все-таки онъ ее любитъ, возражала ей Клавдія Александровна.

— Просто правилась ему, потому что въкусъ еще былъ не развитъ и ни о чемъ хорошемъ понятія не имѣлъ, послышался небрежный голосъ Настасьи Дмитриевны,—а теперь, надѣюсь, онъ самъ видитъ разницу, съ гордостью продавая она.—Въ послѣдствіи разумѣется онъ пойметъ что съ такою дурачкой, какъ его жена, немислима никакая карьера. Наконецъ, можно будетъ ей что-нибудь дать и она останется себѣ преспокойно въ деревнѣ со своею старою теткой.

Оставаться долѣе и слушать цѣтливую бесѣду этихъ дамъ у него не хватало силъ. Къ чему? И сказаннаго было слыхкомъ достаточно чтобы не сомнѣваться болѣе.

Теперь для него все стало ясно—и совѣты матери, и ухаживанье ея, и нѣжные взгляды кузины.

Стыдъ, негодованіе, досада на самого себя за то что имъ удалось такъ искусно провести его, твердаго мушкетера, душили его.

Что если войти въ бесѣдку сейчасъ и сказать имъ что онъ все слышалъ? То-то переполошились бы.

— Что это, ma tante, точно чьи-то шаги, вы не слышите? донесся до него голосъ Клавдіи Александровны.

Отвѣта матери уже онъ не слышалъ. Сплошная масса деревьевъ отдѣляла его отъ нихъ.

Онъ не хотѣлъ чтобы Лидія видѣла его такимъ взволнованнымъ, прошелъ прямо въ свой кабинетъ, залперся на ключъ и прилегъ на диванъ.

То чего онъ былъ сейчасъ невольнымъ свидѣтелемъ такъ наполнило его что онъ ни о чемъ другомъ думать не могъ.

„Чего онъ отъ меня хотѣлъ, чего онъ добивался? Это возмутительно, твердилъ онъ задыхаясь—въ вѣкъ не прощу себѣ этого!“ Но всего мучительнѣе было для него въ этомъ случаѣ сознаніе своей слабости. Сколько времени пролежалъ онъ такъ на диванѣ,—онъ не помнилъ. Онъ весь пылалъ негодованіемъ противъ той чьему соблазну онъ чуть было не уступилъ.

— Володя, другъ мой, услышалъ онъ за дверью голосъ Настасьи Дмитриевны,—отвори мнѣ!

Видѣться съ матерью и въ такую минуту ужасно не хотѣлось, но дѣлать нечего; все равно, объясниться же надо когда-нибудь.

Онъ всталъ, отперъ дверь, и возвратился къ своему дѣлану.

Быстро окинувъ взглядомъ взволнованную фигуру сына, Настасья Дмитриевна вошла и сѣла предъ письменнымъ столомъ.

Сдѣлавъ видъ что не замѣчаетъ его смущенія, она умышленно равнодушнымъ тономъ спросила его, когда онъ завтра намѣренъ вѣхать, утромъ или вечеромъ?—Дня въ это непремѣнно нужно знать.

— Если это такъ ее интересуетъ, съ какимъ-то заеродствомъ отвѣчалъ Полозовъ,—то скажите ей что я завтра не ѣду ни утромъ, ни послѣ обѣда.

— Но какъ же это, Володя? едва выговорила Настасья Дмитриевна, какъ бы не вѣра своимъ ушамъ.

— Да не ѣду, такъ ей и передайте, еще разъ повторилъ онъ твердо и рѣшительно.

— Помилуй, Володя, кто же такъ дѣлаетъ? пролетела она совсѣмъ ошеломленная;—у Дины уже все уложено, все готово! Вѣдь это наконецъ невѣжливо, пойми ты, откровенно Диночки, продолжала она, луталась, угадывая истину, и какъ утопающій старалась еще въ то же время ублажать себя надеждою.

— Что касается вѣжливости, рѣзко отвѣчалъ Полозовъ,—то позвольте мнѣ рѣшить съ кѣмъ слѣдуетъ или не слѣдуетъ соблюдать правила вѣжливости.

Настасья Дмитриевна какъ-то безпомощно развела руками и откинулась на спинку кресла.—Что за причина, что такое случилось? растерянно, точно въ забытѣ, шептала она;

въ глазахъ у нея потемнѣло, въ виски стучало, она чувствовала приближеніе нервнаго припадка; сынъ мрачно смотрѣлъ на нее.

— Понимаю, теперь все понимаю, въ волненіи заговорила она, уже будучи не въ силахъ справиться съ приливомъ злобы мгновенно охватившей все ея существо.—Знаю чьи это штуки! Это все какъ эта старая, Варвара Гавриловна; она, я уже давно это замѣчаю, мѣшается не въ свои дѣла и она же настраиваетъ твою жену. Жена не пускаетъ тебя, вѣдь такъ? долытывалась Настасья Дмитриевна:—но кажется, ты ужъ и такъ сколько времени жилъ не по-людски чтобъ имѣть право хоть двѣ-то недѣли провести человѣческимъ образомъ. Въ какое же положеніе вы меня ставите, Владиміръ Николаевичъ? съ отчаяніемъ спрашивала она у сына.—Какими глазами я теперь должна смотрѣть на Диму, что я ей скажу, не сами ли вы обѣщали ей свою помощь, свое содѣйствіе? И она, бѣдняжка, такъ была спокойна эти дни, совершенно положила на васъ, и вдругъ неожиданная перемена декорацій! Да это невѣжество, неслыханное невѣжество! кричала въ изступленіи Настасья Дмитриевна.

Напоминаніе о томъ что ему предстояло взорвало Полозова.

— Вы очень ошибаетесь, заговорилъ онъ вставая съ дивана на которомъ сидѣлъ и съ видомъ какой-то мрачной рѣшимости останавливаясь предъ матерью,—вы ошибаетесь, повторилъ онъ:—Варвара Гавриловна и моя жена тутъ ни при чемъ, я просто самъ не хочу ѣхать, потому что все слышалъ.... Вы очень неосторожны, замѣтилъ онъ матери, покачивая головою,—зачѣмъ было такъ громко говорить, и еще о такихъ цвѣтвыхъ вещахъ...

Настасья Дмитриевна обратилась въ статую и вперла въ сына безмысленный взоръ, но онъ ничего не видѣлъ и продолжалъ говорить:—Да, на будущее время слѣдуетъ быть осторожнѣе: вы были въ роцѣ съ Клавдією Александровною, и я шелъ оттуда.. Понятно вамъ теперь? Великая, въ самомъ дѣлѣ, бѣда что моей прелестной кузинѣ не удалось обратить меня на путь истинный.. Что жъ дѣлать, не во всемъ же удача.

— Все пропало, вѣтъ у меня болѣе сына, точно не своимъ голосомъ вскрикнула Настасья Дмитриевна, отчаянно всплеснула руками и покатила въ обморокъ.

На другой день, утромъ, отъ крыльца Березниковскаго

дома отъѣзжала карета совершенно по дорожному нагружен-
ная важами и сундуками всевозможныхъ фасоновъ и величинъ.
Внутри, прислонясь къ углу, видѣлась угрюмая физіономія
Настасьи Дмитріевны (она успѣла замѣтно поблѣднѣть и
похудѣть за эту ночь) и рядомъ съ нею Клавдія Алексан-
дровна въ челчикѣ прелестнаго фасона и, какъ всегда, бли-
стающая свѣжестью и румянцемъ.

Карета выѣхала за ворота, еще проѣхала съ полверсты,
а путешественницы наши еще не обмѣнялись между собою
ни однимъ словомъ.

Клавдія Александровна первая прервала молчаніе.

— Подно отчаиваться, весело заговорила она, — какъ не
стыдно, право, такое малодушіе!

Упрекъ этотъ возмущалъ и безъ того уязвленную душу На-
стасьи Дмитріевны. Ей ли, женщинѣ твердой, чуть не ге-
роинѣ, выслушивать подобныя обвиненія?

— Съ чего ты это взяла что я отчаиваюсь? И не думаю,
раздражаясь отвѣчала она. — Ты какъ я вижу еще мало меня
знаешь! Я сказала что потребую теперь же свою седьмую
часть и сдѣлаю это, вотъ тогда посмотримъ что онъ заложитъ!
Я умѣю держать свое слово, съ гордымъ достоинствомъ при-
бавила Настасья Дмитріевна.

— И неужели вы думаете этимъ услугать его? спросила
Клавдія Александровна, глядя на нее съ сожалѣніемъ.

Но тетюшка не почтила отвѣтомъ ея обидное замѣчаніе и
продолжала свое.

— Надѣюсь что это придется ему не совсѣмъ-то по вкусу,
но я ему еще лучше сюрпризъ устрою! Знаешь что я намѣ-
рена сдѣлать? спросила она уже самымъ дружескимъ тономъ
у своей милой племянницы: — если не проживу своего состоя-
нія, то отдамъ его кому вздумается, хоть на монастырь по-
жертвую, заключила она съ торжествующею улыбкой: — сло-
вомъ, ручаюсь что онъ отъ меня ни колѣпки не увидитъ.

И она весело взглянула на свою спутницу. Та раз-
смѣялась.

— Аѣ, аѣ, аѣ, какіе ужасы! воскликнула она, — во та chère
tante, переставьте пока думать объ этомъ, подумайте-ка
лучше какъ мы съ вами славно проживемъ — на зиму въ Пе-
тербургъ уѣдемъ! Впрочемъ, я не люблю впередъ загадывать;
пусть будетъ что будетъ, съ самодовольною улыбкой прого-

воршиа она и выглядывала въ окошко:—смотрите, ma tante, ужъ и станція видна. Какъ мы скоро доѣхали!

— Прощай, прощай, Березники, сказала вдовушка и совсѣмъ высунулась изъ окошка чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на деревню. А знаете, ma tante, обратилась она затѣмъ къ своей теткѣ,—я отчасти довольна что планы ваши относительно вашего сына не удались. Хлопотъ по крайней мѣрѣ меньше, и право, не стоить оторчаться этимъ, заключила Клавдія Александровна съ безлечивою улыбкою.

Судя по беззаботному выраженію ея сіяющаго личика, нельзя было на этотъ разъ сомнѣваться въ ея искренности.

Н. Н.

ЧАСЫ СЪ КУРАНТАМИ

Вы, старые часы прабабушки забытой,
Съ гудящимъ домикомъ тройныхъ колоколовъ,
Какъ прочевъ и хорошъ вашъ механизмъ открытый
И стукъ размѣренный и тихій ходъ валовъ!

Какъ истый домосѣдъ, лѣтъ сто не измѣняли
Вы мѣсту вашему, занявъ свой уголокъ;
И васъ до сей поры, кочуя, не таскали
Изъ дома въ домъ, въ тотъ или этотъ срокъ.

Звонили вы въ тѣ дни когда Екатерина
Великою душой отъ міра отошла;
Сыгранни матери сыграли вы для сына
Все ту же лѣсенку, дрожа, колокола!

Звонили вы зимой Двѣнадцатаго Года,
Въ года холерные и всѣхъ другихъ смертей,
Въ годъ Севастополя, и въ добрый для народа,
День девятнадцатый въ одинъ изъ февралей!

Звонили вы въ часы утратъ и бѣдъ семейныхъ,
Семейныхъ радостей.... и въ долгій рядъ годовъ,
Въ завѣтные часы молитвъ благоговѣйныхъ
Умѣвшихъ лучше насъ молиться стариковъ....

И будете звонить какъ прежде въ годъ изъ года,
Все тѣ же лѣсенки ведлинныя свои....
О! еслибъ только знать: въ какихъ судьбахъ народа,
Въ какихъ судьбахъ моей возрастающей семьи!...

К. СЛУЧЕВСКИЙ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

I. Двукратное посѣщеніе покойнымъ государемъ одного учебнаго заведенія.

1830 — 1848.

Въ первый разъ въ жизни мнѣ случилось увидѣть императора Николая Павловича въ 1830 году при посѣщеніи имъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, гдѣ я воспитывался тогда. Впечатлѣніе произведенное на меня покойнымъ государемъ сохранилось на всю жизнь, чему не мало содѣйствовала вся обстановка при которой мнѣ, ребенку, привелось его встрѣтить. Живо помню что прибытіе его распространило всеобщій страхъ, не знаю цѣлѣуказный ли или сознательный, вслѣдствіе слуховъ будто бы государь недоволенъ Благороднымъ Пансіономъ и имѣеть намѣреніе лично убѣдиться въ безпорядкахъ о которыхъ ему довели. Мы, дѣти, разумѣется, ничего не знали и ни о чемъ не допытывались, но ясно видѣли что наставники наши сконфужены, ислуганы, озабочены, и ощущение это сообщилось намъ. Сколько помню, государь прибылъ въ рекреаціонное время и встрѣченъ былъ дежурнымъ надзирателемъ, къ которому тотчасъ же присоеди-

лись директоръ П. А. Курбатовъ, инспекторъ-профессоръ М. Г. Павловъ и прочія начальствующія лица; всѣ они, выстулавшіе обыкновенно мѣрною поступью, соответствующею ихъ сану, бѣжали теперь, и ни на одномъ изъ нихъ, какъ говорится, лица не было. Мы не слышали что говорилъ государь, но видѣли что онъ имѣлъ видъ недовольный, который онъ сохранилъ во все время своего посѣщенія. По приказанію его, воспитанниковъ отвели всѣхъ въ дортуаръ и каждому поставили у его кровати. Государь, предшествуемый бѣднымъ и трепещущимъ директоромъ, шелъ между кроватями, и вдругъ, остановясь противъ одного изъ воспитанниковъ, помнится Желтухина, приказалъ ему раздѣться и осматривалъ на немъ бѣлье; на бѣду оно оказалось нецѣпнымъ; очевидно строгій выговоръ за эту нецѣпность былъ сдѣланъ нашимъ начальникамъ, на лицахъ которыхъ выразилось отчаяніе; бѣлье втораго воспитанника Татаринова, раздѣвагося по приказанію государя, оказалось удовлетворительнымъ, но не поправило перваго впечатлѣнія. Изъ дортуаровъ государь пошелъ осматривать прочія помѣщенія, а насъ вывели въ большую залу и построили по одну ея сторону. По осмотрѣ заведенія, государь обошелъ всю линію воспитанниковъ, остановился на нѣсколько минутъ и спросилъ воспитанниковъ Бориса Перовскаго и Александра Булгакова, которымъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, помнится, объ ихъ родныхъ. Затѣмъ онъ слегка наклонилъ голову и направился къ выходу; мы всею массою послѣдовали за нимъ, а когда онъ садился въ коляску, то присоединили свои дѣтскіе крики къ оглушительнымъ ура! которыми сопровождали его безчисленная толпа народа залпудившаго всю Тверскую.

Слѣдствіемъ высочайшаго посѣщенія было закрытіе Университетскаго Благороднаго Пансіона, то-есть преобразование его въ гимназію, которая названа была *Первою*, а единственная Московская губернская гимназія, существовавшая въ то время (тогда, какъ и теперь у Пречистенскихъ воротъ), получила названіе *Второй*; въ послѣдствіи за ней возстановленъ былъ титулъ *Первой*, а бывший Благородный Пансіонъ переименованъ въ Московскій Дворянскій Институтъ съ правами гимназіи, но съ нѣскольکو иною программой. Въ бывшемъ Пансіонѣ, какъ извѣстно, курсъ былъ лицейскій и выпускные воспитанники получали чины 10го, 12го и 14го классовъ съ университетскими правами. Заведеніе помѣщавшееся на Твер-

ской пользовалось блестящею репутаціей, упроченною за нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ; при мнѣ оно было переполнено до такой степени что меня не приняли полнымъ пансіонеромъ за неизмѣнимъ вакансію, и я поступилъ экстерномъ или полу-пансіонеромъ, то-есть приходилъ въ пансіонъ въ 8 часовъ утра и уходилъ въ шесть. Я оказалъ выше что репутація заведенія сложилась давно, и дѣйствительно: на золотой доскѣ, между именами первыхъ учениковъ, вѣсѣвшей въ актовомъ залѣ, красовалось много знаменитостей и въ числѣ ихъ славное имя Жуковского. Въ мое время въ числѣ воспитанниковъ были братья Милутины, Дмитрій Алексѣевичъ, нынѣ военный министръ, и покойный Николай Алексѣевичъ, Татариковъ, въ послѣдствіи государственный контролеръ, поэтъ Лермонтовъ и много другихъ, прославившихся на различныхъ поприщахъ дѣятельности.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, бывший Университетскій Благородный Пансіонъ, какъ я уже сказалъ выше, былъ преобразованъ въ Дворянскій Институтъ съ правами гимназій и съ особою программой; онъ состоялъ изъ шести классовъ и былъ первымъ, едва ли не единственнымъ русскимъ учебнымъ заведеніемъ гдѣ произведена была попытка обще-европейскаго преподаванія классическихъ языковъ. Отличнымъ устройствомъ своимъ онъ былъ обязанъ, во время попечительства графа Строганова, директору Александрѣ Ивановичу Чивилеву, труды котораго, какъ педагога, были тогда не достаточно оценены. Онъ посвящалъ всю свою дѣятельность улучшенію вѣрннанаго ему заведенія и, смѣло можемъ сказать, поставилъ его на такую высоту какой не достигало еще въ Россіи ни одно среднее учебное заведеніе. Въ 1845 году онъ поручилъ мнѣ преподаваніе въ немъ географію, и такимъ образомъ судьба привела мнѣ присутствовать при вторичномъ посѣщеніи этого заведенія императоромъ Николаемъ Павловичемъ и при вторичномъ его закрытіи. Происходило это въ 1848 году. Заведеніе помѣщалось тогда уже не въ скромномъ домѣ на Тверской, съ крашевыми полами и съ зелеными скамейками, но въ великолѣпномъ зданіи, бывшемъ домѣ Пашкова, гдѣ нынѣ Румянцевскій Музей, въ свѣтлыхъ изящныхъ комнатахъ съ дубовыми полами и скамьями. Представительнѣе этого заведенія найти было невозможно, и олапа поразившая его можетъ быть объяснена никакъ не безпорядкомъ поразившимъ его Величество, но

заразѣ принятымъ рѣшеніемъ что заведенію слѣдуетъ положить конецъ. Государь пріѣхалъ ровно въ три часа, когда начинались классы; пройдя большую залу, онъ вошелъ въ классный корридоръ и отворилъ первую дверь: то была учительская комната, гдѣ собирались преподаватели. Мы толковали о томъ именно что государь не будетъ, такъ какъ Дворянскій Институтъ не принадлежалъ къ числу заведеній удостоивающихся обыкновенно высочайшихъ посѣщеній—такowymi были женскія учебныя заведенія и кадетскіе корпуса; только что мы рѣшили что онъ не пріѣдетъ, какъ онъ, во всемъ своемъ грозномъ величіи, стоялъ предъ нами съ вопросомъ: „Гдѣ пройти въ классы?“ Одинъ изъ насъ пошелъ указывать ему путь, но въ это время уже приближалъ директоръ, и мы разошлись по классамъ. Первымъ дѣломъ нашимъ было застегнуться на всѣ пуговицы и убрать бѣлые воротнички, къ которымъ особенно не благоволилъ государь Николай Павловичъ. При этомъ со мною случилось происшествіе котораго я себѣ объяснить не могу и которое потомъ одинъ изъ моихъ остроумныхъ товарищей приписалъ всемогуществу государя: мой вице-мушкетиръ, передѣланный изъ фрака, по самому покрою своему не могъ застегиваться наглухо, и никогда, ни прежде, ни послѣ не застегивался, на этотъ разъ какимъ-то чудомъ онъ сошелся, что можетъ быть избавило меня отъ большой неприятности. Меня сильно поразило то же самое выраженіе высочайшаго лица которое такъ твердо сохранилось у меня въ памяти съ 1830 года, и я невольно подумалъ: „Не быть добру“. Нѣсколько минутъ спустя въ сопровожденіи директора онъ вошелъ въ мой классъ (въ пятый, предпоследній), спросилъ меня чѣмъ я занимаюсь, и затѣмъ съ неудовольствіемъ обратился къ директору съ вопросомъ, зачѣмъ одинъ изъ воспитанниковъ, на бѣду ростомъ почти съ государя, не сидитъ съ другими, а стоитъ за особымъ бюро. Директоръ долженъ былъ объяснять его величеству что такое исключеніе допущено ради болѣзненнаго состоянія молодаго человека, которому долго сидѣть было запрещено врачами. Не знаю что говорилось дальше, но ясно слышалъ какъ рѣзко обратясь къ двери государь проговорилъ: „Какая большая фигура!“

Пробылъ государь въ институтѣ очень не долго, обошелъ только классы, говорилъ тихо, но съ явными признаками нет. сых.

удовольствія. Что было причиною его, такъ и осталось неизвѣстно. Фактъ тотъ что по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Дворянскій Институтъ былъ закрытъ; весь служащій персоналъ остался за штатомъ, и на мѣстѣ института явилась 4я гимназія, что нынѣ у Покровскихъ воротъ.

II. Холеpa 1830 года.

Полѣвка прошло уже со времени появленія въ Москвѣ этой злобѣщей азіатской гостьи и, мнѣ кажется, какъ будто не даѣе какъ вчера предо мною мелькали встревоженные лица и въ домахъ, и на улицахъ, ясно свидѣтельствовавшія что всѣхъ занимала одна и та же мысль. Роковая вѣсть о появленіи заразы въ губерніяхъ Астраханской и Саратовской и быстрое ея движеніе къ сѣверу (тогда не было телеграфовъ и извѣстія о холерѣ получались почти одновременно съ появленіемъ самой болѣзни) дѣйствовали особенно на дѣтское воображеніе, но, сколько могу припомнить, и взрослые были встревожены не менѣе. Только и слышались слова: „моръ, зараза, эпидемія, холера-морбусъ“ (послѣднее, *морбусъ*, выговаривалось почему-то съ особеннымъ ужасомъ), только и толковали о мѣрахъ противъ странной гостьи; начались окуриванія хлоровою известью, вездѣ появлялись деготь, чеснокъ, перецъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; всѣ ходили какъ потерянные и всѣ, кому только возможно было, выбиралась изъ Москвы. Очевидно паника овладѣла всеми слоями общества, и начальство рѣшило распустить учебныя заведенія, а также и рабочій народъ. Я съ братомъ моимъ учился тогда въ Университетскомъ Пансіонѣ, а жили мы у тетущки, имѣніе которой, такъ же какъ и наше, находилось въ Борчевскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Когда въ Пансіонѣ намъ объявили (трудно себѣ представить какую суматоху мы нашли тамъ, когда пришли въ классъ послѣ роковаго извѣстія!) что учебныя заведенія распускаются, то тетущка, посоветовавшись съ родными, рѣшила: ѣхать съ нами изъ Москвы въ имѣніе моего отца какъ самое близкое—оно было на разстояніи ста верстъ отъ Москвы, почти на самой границѣ губерній Московской и Тверской. Несмотря на такое близкое разстояніе, не мало хлопотъ было тетущкѣ добыть экипажъ и лошадей; дорога по которой намъ предстоя-

до вѣхъ, такъ-называемая Рогачевка, хотя и числилась „Вольшою“, то-есть была довольно широка, съ насыпями по обѣ стороны, на которыхъ красовались березки (насыпи эти и березки содѣйствовали образованію въ дождливое время невылазной грязи по всему пути), но не представляла никакихъ средствъ передвиженія; о почтовыхъ лошадяхъ и слуха не было, а вѣзли обыкновенно на „своихъ“ или на „долгихъ“, то-есть нанимаемыхъ отъ мѣста до мѣста, и на перѣздѣ употреблялось обыкновенно полторы сутки, а если успѣвали сдѣлать его въ одинъ сутки, то хвастались такою необыкновенною быстротою! Кстати припомнить что въ то время никто не имѣлъ притязаній на быстроту сообщеній; и изъ нашей стороны, когда требовалось доставить письмо въ Москву поспѣше, отправляли нарочнаго, и по большей части пѣшехода. Разумѣется, крѣпостные безпрекословно исполняли приказаніе „снести письмо въ Москву“, но были также и добровольные ходоки. Одного изъ такихъ я живо помню: старикъ лѣтъ 70, здоровый, сильный; служившій некогда довѣзчикомъ и стремельнымъ у своего барина-охотника, и выдержавшій, какъ онъ разказывалъ самъ, страшное количество ударовъ бичомъ; по окончаніи своей охотничьей карьеры, онъ проживалъ большую часть у моего отца, сторожилъ огородъ, поле съ горохомъ и получалъ за это квартиру, все содержаніе и чарку водки въ праздничные дни; въ качествѣ любителя, онъ исправлялъ также должность чего-то въ родѣ церковнаго сторожа въ селѣ, находившемся въ верстѣ отъ нашего имѣнія; вообще онъ былъ очень богомоленъ и усерденъ къ исполненію порученій которыя давались ему священникомъ. Въ церкви же молился все въ землю и такъ стучалъ лбомъ при каждомъ поклонѣ что наводилъ страхъ на насъ, дѣтей. Этотъ-то старикъ, котораго все звали Койдратьевичемъ, хаживалъ пѣшкомъ въ Москву и совершалъ этотъ стоверстный переходъ менѣе чѣмъ въ двое сутокъ за пятьдесятъ копейекъ серебромъ!

Двинуться намъ было очень трудно; своихъ лошадей те-тушка не держала въ Москвѣ, а долгихъ можно было нанять только въ деревнѣ, и то лишь имѣя свой экипажъ. Наконецъ кто-то посоветовалъ намъ нанять городскаго извозчика на томъ основаніи что изъ Москвы все выѣзжаютъ, и извозчики остающіеся безъ дѣла съ радостью воспользуются случаемъ заработать себѣ что-нибудь. Разчетъ оказался вѣренъ, мы

наняли карету въ четыре лошади, забрали съ собою все пожитки и двинулись изъ Москвы по нашей Рогачевкѣ. У меня осталась въ памяти и цѣна за переѣздъ—сто рублей ассигнаціями, и то что тетушка весьма жаловалась на дороговизну.

Вотъ мы и выѣхали наконецъ изъ Москвы въ Миусскую (въ Бутырскую заставу) посреди многочисленныхъ повозокъ и нагруженныхъ телегъ, тянувшихся рядомъ съ нами. За заставой меня поразила невиданная мною никогда прежде масса лѣшеходовъ, двигавшихся другъ за другомъ по насыпямъ по обѣ стороны дороги съ мѣшками, кулями и салогами въ рукахъ. Все это были мастеровые, распущенные хозяевами впродъ до прекращенія холеры, то-есть на неопредѣленное время. Двигался весь этотъ людъ въ глубокомъ молчаніи; очевидно было что въ эту минуту выходившимъ изъ Москвы было не до смѣха. Тетушка увѣряла насъ что шестіе это напоминало Двѣнадцатый Годъ, но было еще мрачнѣе: тогда хлопотали, суетились, а тутъ все двигалось, какъ бы обреченные на смерть, хотя и въ томъ и въ другомъ случаѣ спасались отъ смерти. Изъ дальнѣйшаго пути мнѣ памято только то обстоятельство что намъ стоило большихъ усилій добиться чтобы насъ пускали покормить лошадей или почевать; удавалось намъ это послѣ долгихъ переговоровъ, всякихъ угрозъ и наконецъ съ усвоенною платой.

На другой день, въ сумерки, мы добрались наконецъ до границы Московской губерніи, мѣста называемаго Приставью (на рѣкѣ Сестрѣ), и въ девяти верстахъ отъ цѣли нашего путешествія. Издали еще поразили насъ разложенныя у дороги куряціяся груды можжевелника, и около нихъ толпы крестьянъ. Когда мы подъѣхали къ мосту, то караульные объявили намъ что мостъ разобранъ, сообщенія прекращены, а желающіе проѣхать въ Тверскую губернію должны просидѣть двѣ недѣли въ карантинѣ. Гдѣ эти карантинныя и куда намъ ѣхать, этого крестьяне сказать не могли. Мы были въ отчаяніи, которое изливалось въ горькихъ жалобахъ... Вдругъ, къ окну кареты подошелъ пожилой мужикъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не дѣти ли мы Ф. А.? На мой утвердительный отвѣтъ онъ подумалъ нѣсколько минутъ и сказалъ: „Душа-баринъ, и вѣрно ждетъ васъ не дождется!“ Я обрадовался неожиданному сочувствію и спросилъ, не можетъ ли онъ чѣмъ помочь намъ? „Для батюшки твоего я готовъ бы все сдѣлать, да моста не намостать ребята ни за какія деньги; ужъ приказъ-то больно

крѣпко... А развѣ вотъ что, прикажи ѣхать на Тресвятское, всего версты три и моста тамъ не свимали; авось проѣдете.“— „Ну, а если свимуть, пока мы ѣдемъ?“— „Нѣтъ! отвѣчалъ нашъ неожиданный благодѣтель, лукаво подмигнувъ мнѣ, „сотскій-то съ приказомъ въ кабакъ, и его не скоро оттуда вытащишь, а вы какъ разъ докатите, дорога хорошая.“

Оставалось только послѣдовать этому разумному совѣту; мы и послѣдовали ему съ замираніемъ сердца, и хотя въ Тресвятскомъ нашли уже несбычное движеніе на мосту, но насъ пропустили безъ труда, испросивъ предварительно на водку.

Можно себѣ представить въ какомъ восторгѣ мы были когда ступили на почву Тверской губерціи, т.-е. были уже дома. Правда, уклонившись съ дороги, мы нѣсколько отдалились отъ прямого лута, и тетушка, въ виду наступавшей темноты, рѣшила ночевать въ первой попавшейся деревнѣ, но я помню, что мнѣ рѣдко бывало такъ весело какъ на этомъ ночлегѣ.... На другой день утромъ мы были дома, гдѣ насъ съ восторгомъ встрѣтило наше семейство уже напуганное зловѣщими слухами о холерѣ.

Около полугода прожилъ мы въ деревнѣ; по всей границѣ устроены были кордоны; сначала ихъ занималъ Оренбургскій уланскій полкъ, потомъ, когда онъ былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ въ то время начиналось возстаніе, мѣсто его занялъ Суздальскій пѣхотный. Сколько помню, страхъ внушенный холерой скоро ослабѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла и строгость карантиннаго надзора, такъ что жители нашей „благополучной“ мѣстности, которой тогда дѣйствительно не коснулась холера, находили, въ случаѣ надобности, средства перебраться въ „неблагополучную“ Москву и возвращаться оттуда. Сколько припомню, строгіе карантинные порядки существовали мѣсяць, много два. Между тѣмъ холера въ Москвѣ до такой степени ослабѣла что и насъ рѣшили стлустить туда. Насъ снабдили пропускнымъ билетомъ отъ земской полиціи и мы свободно переѣхали кордонную линію, на которой еще стояли солдаты. Возвратились мы въ Москву въ февралѣ 1831 года, и въ ней все уже зажило по старому.

III. Изъ времени крѣпостнаго быта.

Молодое поколѣнiе, выступающее нынѣ на полприще общественной дѣятельности, выросло уже къ счастью своему посреди свободнаго Русскаго народа. Прежнiе ужасы рабства „лавшаго по маню царя“ остаются для него лишь воспоминанiемъ изъ на вѣки исчезнувшаго быта, и оно съ гордостью можетъ смотрѣть впередъ, не опасаясь упрека въ пристрастiю ко крѣпостному праву, который справедливо или вѣтъ навлекало на себя поколѣнiе дѣйствовавшее одновременно съ освобожденiемъ крестьянъ. На нашихъ глазахъ совершился этотъ переворотъ, и мы смѣло можемъ сказать что упрекъ о которомъ мы говоримъ былъ преувеличенъ до крайности. Крѣпостной бытъ несомнѣнно имѣлъ влiянiе на весь строй нашей общественной жизни, многимъ казалось самое существованiе государства невозможнымъ безъ него, да и возможно ли было требовать чтобы вся масса владѣльцевъ отрѣшилась разомъ отъ прошедшаго, съ которымъ жила въ теченiе столѣтiй, и могла ради принципа примириться съ разстройствомъ, и даже съ потерей своего состоянiя. Мы знаемъ очень хорошо какъ не высока была степень развитiя нашего помѣщичьяго класса, а обстоятельство это и вело къ тѣмъ безчисленнымъ недоразумѣнiямъ противъ которыхъ приходилось бороться составителямъ положенiй о будущихъ отношенiяхъ крестьянъ къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Можетъ-быть слѣды крѣпостнаго права долго еще не исчезнуть у насъ, но едва ли гдѣ-нибудь упраздненiе рабства встрѣтило такъ мало противодѣйствiя со стороны всѣхъ сословiй какъ у насъ на Святой Руси. Классы, даже пострадавшiе отъ этого великаго переворота лишенiемъ рабочей силы, вскорѣ не только подчинились безропотно своей участи, но еще дѣйствовали, сколько могли, въ пользу освобождаемаго сословiя, считая дѣломъ совѣсти обезпечить за нимъ всѣ льготы предоставленныя имъ закономъ, и даже по возможности увеличить ихъ. Признаемся, намъ странно было слышать выраженiя „крѣпостники, крѣпостничество“, въ томъ смыслѣ какой имъ старались обыкновенно придать; „крѣпостниковъ“, въ смыслѣ желавшихъ сохранить крѣпостное право, не было вовсе, по-

тому что каждый понималъ что разъ какъ только произнесено было слово „свобода“, невольно уже было помышлять о возвращеніи къ прежнему порядку; „крѣпостники“ въ смыслѣ желавшихъ установленія между помѣщиками и крестьянами отношеній наиболее напоминавшихъ крѣпостныя дѣйствительно существовали, но и они скоро исчезли какъ только *Положенія* вошли въ силу, что не совершилось бы въ такомъ порядкѣ еслибы большинство владѣльцевъ не было уже вполне готово отступить отъ крѣпостнаго права. Замѣчательно что учрежденіе это до такой степени отжило свой вѣкъ что не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ по отбѣгъ его, какъ казалось уже что оно отдѣлено отъ насъ вѣками. Это не помѣшало писателямъ псевдо-либеральнаго кружка еще долго рисоваться своею *гражданскою скорбью* по поводу ужасовъ крѣпостной зависимости когда зависимость эта уже давно исчезла безвозвратно. Крѣпостное право уже не существуетъ! Что за дѣло? оно существовало недавно, и почему не воспользоваться прошедшимъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей?

Что касается моихъ личныхъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ, то они доходятъ до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и сосредоточиваются въ одной изъ губерній, гдѣ это ненавистное учрежденіе было наименѣе тягостнымъ, именно въ Тверской губерніи, и мнѣ памятно съ дѣтства какъ родные и близкіе мнѣ люди съ негодованіемъ говорили о нестерпимомъ трудѣ, которымъ удручали крѣпостныхъ въ другихъ губерніяхъ. Въ послѣдствіи я успѣлъ убѣдиться лично что негодованіе это было не напрасно. Мнѣ случилось быть у родственника въ Тульской губерніи уже въ сороковыхъ годахъ; дѣло было въ рабочую пору и крестьяне всѣ шесть дней поголовно работали на барина! Каково же было мое удивленіе, когда и въ воскресенье собралась барщина (дѣло неслыханное въ нашей сторонѣ) строить плотину. На вопросъ мой, съ выраженіемъ удивленія обращенный къ моему хозяину, онъ отвѣчалъ что по праздникамъ у нихъ не работаютъ, но что собираются только въ видѣ исключенія, когда есть дѣло около дома. На другой мой вопросъ, когда же убираютъ свой хлѣбъ крестьяне, работающіе ежедневно поголовно, тотъ же хозяинъ отвѣчалъ что для своихъ работъ у нихъ есть ночь!...

Совершенно иначе дѣло шло у насъ въ Тверской губерніи,

гдѣ большею частью рабочее время было раздѣлено по полямъ между помѣщикамъ и крестьянами, то-есть три дня въ недѣлю крестьянинъ работалъ на помѣщика и три дня на себя; а чтобы работы шли своевременно въ такъ-называемую горячую пору, то соблюдался обыкновенно такой порядокъ: изъ двухъ работниковъ въ семьѣ одинъ ежедневно ходилъ на барщину, другой оставался дома, а такъ какъ послѣднему помогали старики, мальчики и вообще необязанные господскими работами, то уборка крестьянскихъ полей шла очень живо. Въ этомъ отношеніи хозяйство моего отца можно было назвать образцовымъ: въ немъ не было ничего, что дѣлало ненавистнымъ крѣпостное право; это было патриархальное управленіе въ полномъ значеніи слова; отецъ мой, владѣлецъ въсколькихъ сотъ душъ, получавшій значительные доходы, считалъ первую обязанностью доставить крестьянину всевозможныя удобства и льготы, и если онъ пользовался правомъ наказывать крѣпостныхъ, то дѣлалъ это въ такой формѣ которая напоминала скорѣе дисциплину семейнаго быта чѣмъ гнетъ насильственнаго рабства. Виновный подчинялся наказанію безъ ропота и всегда сознавалъ что баринъ былъ правъ. Случалось, правда, что отецъ мой, горячій по природѣ, позволялъ себѣ расправу собственными руками, и тогда бывали казусы возмутительные на нашъ нынѣшній взглядъ, но въ то время самыя обыкновенныя, нисколько не бросающія тѣни на добраго помѣщика, котораго называли отцемъ его крѣпостные, и онъ дѣйствительно заботился о нихъ какъ о дѣтяхъ; каждый изъ нихъ обращался къ нему прямо со всеми своими нуждами и былъ удовлетворенъ въ предѣлахъ возможнаго. Наши крестьяне не знали никакихъ нечлвчыхъ поборовъ, обыкновенныхъ въ то время, ягодами, грибами и проч., не знали подводъ, которыя отецъ мой считалъ разореніемъ для крестьянина, и для того хлѣбъ продавалъ не иначе какъ у „амбара“, то-есть съ доставкой покупщику на его счетъ. Что касается мелкихъ подводъ, относившихся къ земской повинности, то онъ умѣлъ избѣгать ихъ, пользуясь общимъ уваженіемъ въ уѣздѣ, вслѣдствіе чего во всѣ такъ-называемые приказные, то-есть чиновники уѣзднаго города, самымъ дерзкимъ образомъ требовавшіе себѣ лошадей для переѣздовъ и по казеннымъ, и по своимъ надобностямъ, никогда не смѣли требовать подводъ отъ крестьянъ

моего отца, а если дѣйствительно необходимо былъ экипажъ для кого-либо изъ чиновниковъ, то отецъ мой давалъ собственныхъ лошадей, которыхъ держалъ много, такъ какъ и полевая работа онъ производилъ большею частію своими, а не крестьянскими лошадьми, какъ то было въ обыкновеніи у всѣхъ помѣщиковъ. Требуя неуклонной работы и безплощадно преслѣдуя лѣнливыхъ, онъ сумѣлъ освободить своихъ крестьянъ отъ различныхъ поборовъ ладавшихъ на крестьянъ, помимо повинностей относительно помѣщика. Для ускоренія работъ и для облегченія крестьянъ онъ заводилъ улучшенныя земледѣльческія орудія, каковы на примѣръ лауги, замѣнившіе тяжелую и неудобную соху, косы для снѣтія овса и потомъ ржи, уборка которыхъ производилась исключительно серпомъ, что составляло самую тяжелую часть земледѣльческаго труда. Онъ завелъ также машины вѣяльную и молотильную, что было тогда еще рѣдкостью и что сократило работу вдвое и избавило крестьянъ отъ тягостной молотбы цѣлами. При всякомъ нововведеніи отецъ мой имѣлъ въ виду какъ собственные выгоды, такъ и удобства своихъ крестьянъ; молотба ихъ хлѣба производилась также на машинѣ, причемъ крестьяне работали миромъ, и молотба каждого изъ нихъ, тянувшаяся цѣлую зиму въ прежнее время, оканчивалась при новомъ хозяйствѣ въ одинъ день.

Что касается уплаты повинностей, о которыхъ я сказалъ выше, то она производилась слѣдующимъ образомъ. Отецъ мой завелъ такъ-называемыя мірскія десятины, которыя обрабатывались всѣми крестьянами вмѣстѣ съ господскими и доходъ съ которыхъ шелъ сполна въ крестьянскую мірскую кассу и служилъ для уплаты повинностей и для другихъ общихъ крестьянскихъ потребностей, какъ-то: найма ластуха, сотскихъ и пр.

Понятно что при такомъ управленіи, крестьянамъ нравилось ихъ положеніе и они не цѣпали перехода къ свободѣ; матеріальныя выгоды, которыя предоставлялъ имъ умный и добрый помѣщикъ совершенно удовлетворяли ихъ. Живо помню также какъ, еще задолго до эманципации, къ отцу приходили за разными потребностями сосѣдніе казенные крестьяне и заявляли что они съ радостью пошли бы къ нему въ крѣпость.

Я упомянулъ выше о прискорбныхъ случаяхъ расправы

господъ собственными руками со своими крѣпостными: лющечины, подзатыльники, удары бичомъ и хлыстомъ были дѣломъ до такой степени обыкновеннымъ что на нихъ и не обращали никакого вниманія. Не менѣе обыкновенныя были и наказанія взрослыхъ крѣпостныхъ розгами; добрые и гуманные помѣщики не отвѣчали ихъ, считая необходимымъ сохранить ихъ въ видѣ устрашенія, но прибѣгали къ нимъ рѣдко. Къ числу такихъ помѣщиковъ принадлежалъ близкій сосѣдъ и другъ моего отца П.; онъ былъ постоянно свискодителемъ, кротокъ, характера былъ ровнаго, и тѣмъ замѣчательнѣе характеристическій казусъ о немъ, переданный мнѣ моимъ отцомъ и показывающій какъ даже самыя лучшіе характеры портились отъ крѣпостнаго права. У П. былъ камердинеръ, искренно преданный ему и доказавшій это во многихъ случаяхъ. П. заботился о немъ и осыпалъ его благодарностями, несмотря на то что онъ сталъ отъ времени до времени лопивать, чего не терпѣлъ добрый помѣщикъ среди ближайшей прислуги. Описиму все сходило съ рукъ, и вотъ объясненіе которое далъ П. моему отцу. Разъ вечеромъ, они сидѣли вдвоемъ и Описимъ прислуживалъ не совсѣмъ твердо стоя на ногахъ; на удивленіе къ такой поблжкѣ выраженное моимъ отцомъ П. отвѣчалъ: „Я смотрю сквозь пальцы на пьянство Описима, потому что чувствую себя виноватымъ предъ нимъ“. Отецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на П., потому что такого рода признаніе было не въ его характерѣ. „Вотъ въ чемъ дѣло, продолжалъ тотъ; года два тому назадъ онъ разсердилъ меня, и я схватилъ его за волосы и неосторожно ударилъ о лечку; съ тѣхъ поръ онъ глухъ на одно ухо. Вотъ почему я и считаю своимъ долгомъ оказывать ему всякое смисхожденіе.“

Между множествомъ возмутительныхъ обычаевъ въ крѣпостномъ правѣ у помѣщиковъ былъ обычай не дозволять браковъ между коматвою прислугой. На просьбы о бракѣ помѣщикъ или помѣщица отвѣчали болѣею частью отказомъ, мотивируя его такъ: „Желится или выйдетъ замужъ, займется семьей: что жъ онъ или она будетъ мнѣ за слуга?“ Что же было слѣдствіемъ такого режима? Мушцы болѣею частью оставались холостыми въ ущербъ своей нравственности, и бѣдныя дѣвушки внезапно исчезали и, какъ оказывается, ссылались въ черную работу или поступали въ за-

мужство за крестьянъ въ какую-нибудь отдаленную деревню. Такъ, за небольшими исключеніями, всегда велось въ большей части помѣщичьихъ хозяйствъ.

Что касается браковъ между крестьянами, то они заключались большею частью въ хозяйственныхъ расчетахъ безъ вѣдома жениха и невесты, по соглашенію между родителями, одобренному бариномъ или просто по приказанію послѣдняго. Обыкновенно родители молодого парня, котораго предполагалось женить, приходили къ барину просить невесты, иногда указывая на какую-нибудь изъ дѣвушекъ въ деревнѣ, иногда за неимѣніемъ своихъ на какую-нибудь изъ сосѣднихъ; въ послѣднемъ случаѣ присоединялась просьба оказать пособіе для *покупки невесты*, что стоило, помнится, рублей 20, 30 и никогда не дороже 50 руб. ассигнаціями. Деньги эти шли или помѣщику невесты, или ея родителямъ; въ послѣднемъ случаѣ онѣ употреблялись на приданое. Бывали и такіе случаи (одинъ изъ нихъ остался у меня въ памяти) когда невеста не оказывалась ни у себя въ деревнѣ, ни по сосѣдству; а такъ какъ женить парней было необходимо, то невесты для нихъ выписывали изъ дальнихъ деревень. Такъ въ томъ случаѣ о которомъ я говорю для трехъ жениховъ нашего тверскаго имѣнія привезены были три невесты изъ Смоленской губерніи. Какъ ни равнодушны были молодые люди къ своему будущему семейному счастью, но появленіе невестъ изъ далекаго края, совершенно отличныхъ отъ нашихъ дѣвушекъ по костюму, нарѣчію и даже обычаямъ, произвело большой эффектъ. Помнится, между тремя женихами бросень былъ жребій и каждый по жребію уже получилъ невесту изъ рукъ барина. Помню также какъ одинъ изъ жениховъ, молодой парень, успѣвшій пріобрѣсти расположение насъ, дѣтей, различными услугами, приходилъ ко мнѣ съ просьбой узнать которая изъ невестъ назначена ему, и когда я исполнилъ его желаніе и сообщилъ что ему назначена Арина, самая некрасивая изъ трехъ,—„ну что жъ! сказалъ онъ, съ усмѣшкой,—все равно! была бы баба!“

IV. Изъ времени моей военной службы.

Кратковременное пребываніе мое въ военной службѣ (съ ноября 1837 года по февраль 1840) не богато воспоминаніями, тѣмъ болѣе что мнѣ не удалось принять участія ни въ какомъ дѣйствительно военномъ событіи и что единственнымъ походомъ моимъ былъ походъ изъ Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи, гдѣ стоялъ нашъ полкъ, на Бородинское поле для открытія памятника въ 1839 году. Весь интересъ моихъ воспоминаній заключался въ томъ что я былъ очевидцемъ воспитанія которое давалось русскимъ войскамъ въ прошдшее царствованіе, и той жизни на которую осуждены были несчастные солдаты, тогда обязанные еще двадцатипятилѣтнею службой (при мнѣ ихъ стали отпускать въ безсрочный отпускъ до прошествіи двадцати лѣтъ).

Служилъ я въ Гренадерскомъ корпусѣ, въ 7й легкой кавалерійской дивизіи, въ Ямбургскомъ уланскомъ полку (при мнѣ онъ носилъ названіе тогдашняго шефа своего принца Фридриха Виртембергскаго, брата великой княгини Елены Павловны, а вынѣ шефомъ его состоитъ Великая Княгиня Марія Александровна), который вмѣстѣ съ Владимірскимъ уланскимъ (великаго князя Михаила Павловича) полкомъ, составлялъ первую бригаду этой дивизіи; вторую бригаду составляли два гусарскіе полка Нарвскій (великаго князя Михаила Павловича) и Митавскій (короля Виртембергскаго). Командиромъ Гренадерскаго корпуса былъ въ то время генералъ-отъ-инфантеріи Набоковъ, страстный служака и формалистъ, особенно строго наблюдавшій даже въ кавалеріи за лѣхотною выправкой, для чего въ подчиненныхъ ему кавалерійскихъ полкахъ постоянно пребывалъ, въ качествѣ инструкторовъ, офицеры и унтеръ-офицеры гренадерскихъ полковъ. Начальникомъ дивизіи нашей былъ генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ, такой же формалистъ какъ и Набоковъ, только въ другомъ родѣ, и самый несносный начальникъ по своимъ капризамъ и часто недѣльнымъ требованіямъ. Въ русской арміи онъ особенно извѣстенъ былъ своею необыкновенною толщиной. Лошади у него были колоссальныхъ размѣровъ и садясь онъ на нихъ не иначе какъ съ коляски и съ помощью двухъ-трехъ человекъ. Можетъ-быть эта толщина, которая

особенно должна была отягощать его на конѣ и въ лѣтніе жары, и была причиною постоянной его раздражительности: дѣло въ томъ что мнѣ никогда не случалось видѣть Дохтурова въ добромъ расположеніи духа; всегда красный какъ лѣвень, онъ изрыгалъ постоянно ругательства или противъ всего фронта, или противъ отдѣльныхъ лицъ, причемъ не щадя офицеровъ всѣхъ чиновъ и осыпалъ ихъ самыми оскорбительными упрѣками. Впрочемъ ругательства были въ большомъ ходу между начальствующими лицами нашего корпуса (да и нашего ли только?) всѣхъ чиновъ, начиная отъ самыхъ высокихъ до самыхъ малыхъ; ругались все и каждый, на всякомъ ученьѣ, на всякомъ смотру, почти при всякой встрѣчѣ начальниковъ и подчиненныхъ, и могу сказать что я не только не слышалъ ничего подобнаго въ моей жизни, но и предъ тавить себѣ не могъ. Дѣло впрочемъ не ограничивалось одними ругательствами; къ нимъ присоединялись и побои, представлявшіе собою образецъ самаго дикаго самоуправства; за малѣйшую неисправность, за малѣйшую ошибку назывались жестокиа истязанія розгами, палками, ударами арканомъ (въ манежѣ при обученіи верховой ѣздѣ) и фухтелями (во время полковаго ученья). Последнее наказаніе особенно любили цѣлые командиры, которые собственно ручно надѣляли ими солдатъ, разѣзжая по фронту. Большею частью виновный вызывался предъ фронтъ; выкликались вслѣдъ за нимъ унтеръ-офицеры, обнажали сабли и начинали наносить удары плетнемъ несчастному, который во время экзекуціи молчалъ о помилованіи, и по окончаніи оной иногда падалъ съ лошади и отправлялся въ лазаретъ. Всякое улуцженіе или ошибка, какъ я сказалъ выше, служили поводомъ къ наказанію и, разумѣется, степень его жестокости зависѣла отъ расположенія духа командира, причемъ не принимались въ соображеніе никакія прежнія заслуги. Нѣкоторые изъ командировъ съ какою-то дикою радостью наказывали старшихъ и заслуженныхъ солдатъ, даже рискуя иногда навлечь на себя серіозную неприятность. „Вотъ я тебя по Георгію“, ревъль мой эскадронный командиръ, размахивая саблей надъ головой стараго вахмистра, георгіевскаго кавалера (они были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, и всякій начальникъ, который бы рискнулъ подвергнуть ихъ этому наказанію, могъ быть преданъ военному суду). И я помню съ какимъ торжествомъ онъ подѣхалъ разъ ко мнѣ, выправляя изогнутый клинокъ своей плохой сабли, со словами: „А я-таки его по Георгію!“

Надо замѣтить что ругательства и любви до такой степени вошли въ нравы солдатъ что они не обращали никакого вниманія на первых, а вторые цѣнили исключительно со стороны физической боли, отнюдь не считая позорнымъ никакого наказанія. Разъ какъ-то явился ко мнѣ вихмистръ (старшій унтеръ-офицеръ моего взвода) весь растерянный. „Что съ тобой Лебедевъ?“ спросилъ я его.—„Заступитесь, ради Бога, ваше благородіе; у Спирidonова на конюшнѣ сорвался жеребецъ и разсѣкъ ногу другой лошади; рана пустая, но ротмистръ очень разсердился и обѣщали спустить съ меня шкуру. Нельзя ли вамъ попросить ихъ чтобы они наказали меня не розгами, а палками?“ Меня удивила такая просьба, но Лебедевъ объяснилъ мнѣ что наказаніе розгами вѣрое тяжеле наказанія палками! Я обѣщала ему свое ходатайство и къ счастью успѣла отвратить совсѣмъ наказаніе отъ Лебедева, котораго ротмистръ погрозилъ за то при первой вишѣ „залоротъ до смерти“, но Спирidonова мнѣ спасти не удалось, и я до сихъ поръ не могу вспомнить жестокаго цѣтанія которому его подвергли и послѣ котораго онъ болѣе недѣли пролежалъ въ лазаретѣ...

Считаю не лишнимъ описать занятія солдатъ. Зимой они обучались верховой ѣздѣ въ манежахъ, на отгороженных мѣстахъ, гдѣ очищался снѣгъ и производилась такъ называемая манежная ѣзда подъ наблюденіемъ эскадроннаго командира, дѣйствія котораго подтверждали полковой командиръ и начальникъ дивизіи, развѣзавшіе по деревнямъ, гдѣ стояли солдаты, разъ или два въ зиму. Остальное время посвящалось лучшей выработкѣ, которую особенно занимались въ нашей дивизіи, и ружейными пріемами; послѣдніе введенны были въ употребленіе въ годъ моего вступленія въ службу когда уланамъ даны были карабины въ занятія листолистовъ. Тогда началось обученіе самымъ неслѣднымъ пріемами, каковы заряденіе ружей на 12 тепловъ и на 4 тепла, не примѣнимые ни къ какому употребленію и только послужившіе поводомъ къ новымъ цѣтаніямъ бѣдныхъ солдатъ. Не менѣе этихъ ружейныхъ пріемовъ было неслѣдно обученіе солдатъ учебному шагу въ три пріема, причемъ кавалеристъ принужденъ былъ поднимать выше головы ногу затянутую штралкой и вооруженную огромною желѣзною шпорой. Не возможно себѣ представить до какой степени утомляло солдатъ это хожденіе такимъ шагомъ, въ то время обязательное

и вывѣ къ счастью отмѣненное даже и въ лѣтотѣ. О стрѣльбѣ изъ карабиновъ никто и не думалъ; лѣтомъ во время травянаго продовольствія, то-есть въ промежутокъ между двумя кампантами *, весеннимъ и осеннимъ, когда кавалерія пользуется двухмѣсячнымъ отдыхомъ и лошади кормятся травой, сами солдаты устраивали стрѣльбу въ цѣль, для чего, за неимѣніемъ снарядовъ, употреблялись гайканыя лули; остальное время карабины только служили для карауловъ, да еще для стрѣльбы холестыми зарядами во фланкерскихъ эскадронахъ. Думаемъ что наша дивизія не была исключеніемъ изъ общаго правила, а потому и не удивительно что наши солдаты, занимавшіеся только приготовленіями къ смотрамъ, были застигнуты врасплохъ войной...

Съ открытіемъ весны мы двигались обыкновенно въ походъ на лѣтній кампантъ, и вся дивизія собиралась въ Тверь, гдѣ въ продолженіе полутора мѣсяца происходили военныя упражненія по одному и по два раза въ день, конныя и лѣшія, преимущественно послѣднія, потому что принято было за правило беречь какъ можно болѣе лошадей дабы не ударить лицомъ въ грязь, то-есть представить на смотрежъ главнымъ начальникамъ лошадей сытыхъ и свидѣтельствующихъ что кормъ до нихъ доходитъ въ исправности. Да и вообще военныя экзерциціи имѣли главной цѣлью тѣ же смотры—конечный результатъ всѣхъ трудовъ и усилій. Собственно такъ-называемые маневры производились рѣдко, и болѣею частью ученіе состояло изъ церемональнаго марша, т.-е. прохожденія дивизіи мимо начальства разлчными аллюрами; шатомъ, рысью и въ галопъ, со строгимъ соблюденіемъ равенія. Тѣмъ же равеніемъ на мѣстѣ занимали войска на плацу въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ подчиненныя начальства, въ ожиданіи главнаго; и равеніе это разумѣется сопряжено было въ кавалеріи съ большими затрудненіями; если послѣ долгихъ успій удавалось выравнять не только полковую, но и эскадронную колонну въ затылокъ, то-есть такъ чтобы задніе ряды не были видны изъ-за переднихъ, то движеніе одной лошади могло все разстроить, и равеніе начиналось снова. Скуचितъ ничего нельзя было представить себѣ; цѣлые часы только и слышны были возгласы „въ затылокъ“, приправляемые самими мелечатыми ругательствами, до тѣхъ поръ пока на-

* Время общихъ военныхъ экзерцицій.

конецъ раздавался крикъ „смирно“, и съ праваго флага показывался ожидаемый начальникъ, произносившій свой приговоръ относительно равенія, тоже большею частью съ правой крѣпкого слова.

Мѣсяца полтора производились эти экзерциціи и затѣмъ до августа полки отправлялись на травяное продовольствіе, по окончаніи котораго они собирались на осенній кампанентъ, бывшій большею частью повтореніемъ весенняго съ тою только разницей что на немъ сосредоточивались всѣ смотры и производились нѣсколько болѣе обширные маневры, для чего полки нашей дивизіи иногда ходили въ Новгородскую губернію. Тамъ смотрѣли ихъ государь и великій князь Михаилъ Павловичъ. Вообще же на каждомъ кампанентѣ смотры производилъ корпусный командиръ Н — въ, объ эксцентрическихъ выходахъ котораго ходило множество анекдотовъ. Средняго роста, сѣдой, съ краснымъ лицомъ крайне свирѣлымъ, какъ намъ казалось (въ сущности онъ былъ добрый человекъ), онъ внушалъ ланцескій страхъ своимъ подчиненнымъ. По какому-то странному противорѣчію, онъ вообще грубый въ обращеніи какъ съ нижними чинами, такъ и со своими лѣхотными офицерами, былъ гораздо вѣжливѣе съ кавалеристами, и, давая полный разгулъ своимъ фантазіямъ въ лѣшемъ ученіи, очень осторожно дѣлалъ наставленія въ конномъ, причемъ обыкновенно говорилъ: „Вы, кавалерія, должны быть молодцами; нашѣму брату, крутѣ (названіе которое въ насмѣшку давали кавалеристы лѣхотинцамъ), все простительно, а съ васъ слѣдуетъ взыскивать вдвое строже.“ Образцомъ его выходокъ можетъ служить слѣдующее: когда генералъ здоровался съ солдатами или благодарилъ ихъ, послѣдніе кричали обыкновенно „здравія желаемъ“ или „рады стараться, ваше высокопревосходительство“, причемъ удареніе дѣлалось на концѣ и слышны были только послѣдніе слоги; Н — въ вздумалъ измѣнить этотъ обычай и требовалъ чтобы послѣднихъ слоговъ не было слышно; разумѣется перемѣнить это было не легко, и вотъ на первомъ смотрѣ, который онъ дѣлалъ при мнѣ, я слышалъ, какъ онъ ревѣлъ на все поле: „Не дѣлать ударенія на концѣ, а кто будетъ его дѣлать, тому будутъ дѣлать удареніе въ спину“. Вотъ еще забавная выходка нашего маститаго корпуснаго командира. Въ кавалерійскихъ полкахъ штандарты, то-есть знамена, возятъ обыкновенно портулей-юнкера, изъ

нихъ же назначаются и ассистенты, но въ нашей дивизиі это поручалось унтеръ-офицерамъ, и вотъ по какому случаю. Когда ее принялъ въ свою команду Н — въ, то онъ на первомъ ученьѣ разругалъ знаменосца полечатыми словами. Полковой командиръ послѣшилъ объяснить его высокопревосходительству что штандартъ возить дворянинъ; Н — въ разсердился, но все-таки подѣхавъ къ разруганному юнкеру взялъ подъ козырекъ и извинился. „Но только впередъ, полковникъ, сказалъ онъ очень рѣзко обращаясь къ командиру полка, не ставьте мнѣ никогда дворянъ подъ штандарты“.

Случай этотъ заставилъ Н — ва быть осторожнѣе въ своихъ выговорахъ нижнимъ чинамъ, чему доказательствомъ служитъ слѣдующая комическая сцена. На флагѣ одного изъ эскадроновъ стоялъ молодой и красивый унтеръ-офицеръ, лошадь котораго нѣсколько выдалась впередъ изъ фронта. Вдругъ къ нему направился корлусный командиръ со всею свитой и между ними начался слѣдующій разговоръ:

— Кто ты такой, мой миленькій, очень кротко спросилъ Н — въ, — юнкеръ или унтеръ-офицеръ?

— Унтеръ-офицеръ, ваше высокопревосходительство.

— А изъ какихъ ты, мой хорошій?

— Изъ сдаточныхъ, ваше высокопревосходительство.

— А, такъ тебя можно и обругать? продолжалъ Н — въ, разомъ переѣхавъ тонъ, — такъ выравнийся же, ракамія, заключилъ онъ, приправляя свой возгласъ другими ругательствами.

Во время пріѣзда Н — ва въ Тверь, въ июлѣ 1838 года, мнѣ случилось быть у него на смотру юнкеровъ или „дворянъ“, какъ онъ называлъ ихъ, и принимать въ немъ участіе, такъ какъ и я былъ тогда юнкеромъ. Смотръ ограничился только нашимъ полкомъ. Въ залѣ гостиницы, гдѣ оставился корлусный командиръ, собраны были юнкера въ числѣ сорока слѣшкомъ человекъ въ полной парадной формѣ и въ сопровожденіи полковаго командира, полковаго адъютанта и нашего лѣхотнаго цструктора гренадерскаго поручика Гречушникова. Насъ разставили по старшинству по одной сторонѣ залы; на другой помѣстился Н — въ съ офицерами и началъ вызывать каждого по номерамъ, причемъ полковникъ называлъ ихъ фамиліи и дѣлалъ замѣчанія какія считалъ нужными; изъ нихъ я помню только одно:

когда вышелъ на сцену молодой человекъ кончившій курсъ въ университетѣ, то онъ сказалъ: „Студентъ на шестимѣсячныхъ правахъ“! Нужно было видѣть какую злобой сверкнули глаза Н—ва. — „Что это такое вы внушаете имъ, полковникъ? Не шесть, а шестьдесятъ шесть мѣсяцевъ онъ прослужитъ у меня унтеръ-офицеромъ если не будетъ звать службы!“

Затѣмъ онъ велѣлъ первому номеру, то-есть юнкеру занимавшему первое мѣсто, пройти по залѣ тихимъ шагомъ, а потомъ скорымъ, и только его одного пропустилъ спокойно; когда же проходили всѣ другіе, то онъ выходилъ изъ себя, краснѣлъ, блѣднѣлъ, повторялъ: „скверно, ни на что не похоже“ и безпрестанно обращался съ грозною рѣчью къ пѣхотному офицеру-инструктору, на которомъ, какъ говорится, лица не было; выговоры косвеннымъ образомъ падали на полковника, человека добраго, но крайне ограниченнаго и трепетавшаго предъ начальствомъ *. Понятно, какую жалкую роль игралъ онъ въ настоящемъ случаѣ!

По окончаніи прохожденія всѣхъ юнкеровъ тихимъ и скорымъ шагомъ, Н—въ грозно закричалъ пѣхотному офицеру: „Эй, Греча, Гречу.... какъ бишь тебя?... да ты вѣрно самъ не умѣешь маршировать, когда не можешь учить хорошенько дворянъ; вѣдь они не солдаты и съ ними справиться легко. Ну, ступай самъ тихимъ шагомъ!“ И Гречушниковъ началъ шагать по залѣ сначала тихимъ шагомъ, потомъ

* Особенно не жаловалъ нашего бѣднаго полковника начальникъ дивизіи генералъ Д—въ, и трудно повѣрить что онъ позволялъ себѣ говорить ему. Я самъ слышалъ какъ онъ предъ цѣлымъ полкомъ упрекалъ его въ нерадѣніи къ службѣ и называлъ арендаторомъ за то что онъ будто бы думалъ только о денежныхъ выгодахъ, которыя могъ доставить ему полкъ. Обвиненіе совершенно напрасное: если онъ пользовался какими-нибудь доходами, то самымъ умѣреннымъ образомъ, и сдавъ полкъ, остался съ семьей безъ копѣйки. Вотъ еще выходки Д—ва, если не предъ цѣлымъ полкомъ, то въ присутствіи многихъ офицеровъ. Въ полку у насъ случилась исторія, которая испугала и полковника, и бригаднаго генерала; оба они поскакали въ Тверь къ Д—ву и съ отчаяніемъ сообщили ему о ней. Д—въ сдѣлалъ гримасу, пожалъ плечами и сказалъ полковнику: „Отъ васъ, П. Л., я ожидалъ всякой глупости, но признаюсь, прибавилъ онъ, обратясь къ бригадному генералу, отъ вашего превосходительства я никакъ этого не ожидалъ!“

скорымъ, и до такой степени красиво что самъ Набоковъ не могъ удержать улыбки умиленія и сказалъ, обращаясь къ намъ: „Ну, вотъ овъ ходитъ совсѣмъ не такъ какъ вы!“

„Шалки долой!“ скомандовалъ овъ намъ и осмотрѣлъ плотно ли мы выстрижены. „Эта часть у нихъ въ исправности“, замѣтилъ овъ проищески, и велѣлъ намъ накрыться. Когда приказаніе было исполнено и всѣ заняли свои мѣста, то овъ вызвалъ юнкера № 1го, котораго одного не бравилъ и велѣлъ ему пройти по залѣ тихимъ и скорымъ шагомъ. „Слушай ты, Греча, Гречу; видишь какъ овъ ходитъ! Если въ сентябрь, когда я прѣйду смотрѣть снова полкъ, всѣ дворяне не будутъ ходить такъ какъ овъ, то я отошлю тебя въ полкъ, на твой счетъ выпишу другихъ офицеровъ, и самъ на твой счетъ поѣду.“

Этимъ многозначительнымъ обѣщаніемъ, которое никогда не было исполнено, окончился пресловутый смотръ дворянъ, о пользѣ котораго предоставляемъ судить читателямъ.

V. Изъ времени первоначальнаго обученія.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ помѣщичьихъ семействахъ средней руки начали уже серьезно ломышлять о воспитаніи дѣтей и старались дать имъ по возможности средства къ образованію, хотя и не желали тратить на этотъ предметъ слишкомъ много. Въ каждомъ изъ этихъ семействъ вы могли тогда уже найти учителей, учительницъ, гувернеровъ и гувернантокъ, разумѣется иностранцевъ, большею частью знавшихъ только свой родной языкъ, что не мѣшало имъ принимать на себя преподаваніе всевозможныхъ предметовъ. Найти хорошаго учителя или учительницу было тогда очень трудно, ибо контингентъ педагоговъ нашихъ отечественныхъ былъ крайне ограниченъ, и если случайно попадались порядочный учитель, то сколько-нибудь дѣльная русская учительница была явленіемъ самымъ рѣдкимъ, а потому ей и предпочитались всегда иностранки, особенно Француженка, которая при одинаковой степени повятій могла по крайней мѣрѣ научить своему родному языку, а возможность блеснуть французскимъ языкомъ предъ сосѣдями значительно входила въ соображеніе помѣщика при выборѣ наставниковъ и наставницъ для дѣтей. Подъ руководствомъ этихъ наставни-

ковъ мальчики обучались дома до шестнадцати лѣтъ, иногда при случайномъ содѣйствіи отца, матери или сосѣдняго учителя, много гуляли, ѣздили верхомъ, учились плавать, стрѣлять изъ ружья и пистолета, а когда ими исполнялось шестнадцать лѣтъ, опредѣлялись въ военную службу, большею частью въ кавалерійскіе полки, расположенные въ губерніи гдѣ находились помѣстья родителей; дѣти недостаточныхъ помѣщиковъ поступали въ пѣхоту, если родителямъ не удавалось еще въ малолѣтствѣ записать ихъ въ корпусъ. Дѣти болѣе достаточныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ связи въ Петербургѣ, опредѣляемы были въ гвардію; но такихъ было очень немного; нѣкоторыхъ отдавали года на два, на три въ пансіонъ, и на семнадцатомъ году все-таки опредѣляли въ полкъ. Обучение въ гимназіяхъ дворянина допускалось какъ исключеніе и если онъ поступалъ въ университетъ, то съ домашнею подготовкой, для которой требованія были весьма ограничены, а цѣлю поступленія въ университетъ были опять-таки преимущества которыя предоставляло молодымъ людямъ университетское образованіе для военной службы: окончившій курсъ вмѣсто трехлѣтней юнкерской службы получалъ офицерскій чинъ черезъ шесть мѣсяцевъ или немного далѣе этого срока. Эти университетскіе выходцы, которыхъ вообще не жаловали старые служаки, составляли лучшихъ офицеровъ, и изъ нихъ назначались большею частью должностныя лица, гдѣ требовалась грамотность, такъ напримѣръ: казначеи, адъютанты и проч. Въ полкахъ въ наше время, то-есть въ тридцатыхъ годахъ, ихъ было сравнительно немного; такъ напримѣръ въ нашемъ полку (Ямбургскомъ уланскомъ) на общее число (40—45 офицеровъ) бывшихъ студентовъ было пять человѣкъ. Большинство же офицеровъ было изъ числа молодыхъ людей поступившихъ въ юнкера изъ дома, по минованіи шестнадцати лѣтъ, и всѣ они, нѣрѣдко плохо зная русскую грамоту, говорили по-французски, нѣкоторые даже безукоризненно; были и такіе, которые поражали своимъ невѣжествомъ: помню что одинъ изъ вновь произведенныхъ офицеровъ, расписываясь въ полученіи денегъ въ казначейской книгѣ, задумался и написалъ: *карптъ*. Повято что необходимо было установить экзамены для производства въ офицеры, но эту необходимость признали спустя болѣе двадцати лѣтъ послѣ того времени о которомъ я говорю, а до тѣхъ поръ для полученія офицерскаго чина до-

статочно было выучиться кой-какъ маршировать и ѣздить верхомъ.

Воспитаніе дѣвицъ не требовало большихъ хлопотъ; онѣ оканчивали его большею частью подъ руководствомъ наставницъ, о которыхъ сказано выше, и если онѣ умѣли сносно говорить по-французски, танцовать и играть на фортепьяно, то считались дѣвицами образованными и могли составить хорошую партію въ своемъ кругу, особенно если родители расположенны были надѣлать ихъ какъ слѣдуетъ. Изрѣдка, въ видѣ исключенія, родители посылали своихъ дочерей въ Москву для окончанія курса въ какомъ-нибудь модномъ пансіонѣ; случай этотъ былъ и въ нашемъ семействѣ: по ходатайству родныхъ, отецъ мой соглашался отпустить мою старшую сестру въ Москву гдѣ она была помѣщена въ пансіонѣ Данквартъ. Было это въ двадцатыхъ годахъ, и какъ шло тамъ преподаваніе я не могу сказать, потому что былъ еще тогда ребенкомъ. Помню только что старшая сестра моя была дѣвушка образованная, и отъ нея первой я услышалъ имя Пушкина. Учителемъ словесности въ ея пансіонѣ былъ лицейскій товарищъ великаго поэта Кюхельбекеръ и онъ познакомилъ своихъ ученицъ съ его стихотвореніями, о которыхъ въ то время даже не смѣли упоминать въ училищахъ. Въ тетради у сестры было написано рукой Кюхельбекера стихотвореніе:

„Въ младенчествѣ моемъ она меня любила“ и пр.

и это первое изъ Пушкинскихъ стихотвореній которое я выучилъ наизусть.

Когда я началъ учиться, то у насъ были гувернантки, но кажется намъ въ нихъ была неудача; при мнѣ ихъ смѣнилось три: Француженка, Нѣмка съ французскимъ языкомъ и Русская, кандидатка Воспитательнаго Дома; послѣ нихъ, сколько помню, учительницъ у насъ уже не было; выписывались только Нѣмки для надзора, а преподаваніемъ занимались поселившаяся у насъ въ то время сестра моей матери, женщина очень умная и образованная, а также моя старшая сестра. Въ числѣ учащихся въ нашей семьѣ мальчикъ былъ только я одинъ, и родители мои повидимому задумали помѣстить меня въ университетъ, а потому и помню что домашняго обученія было для меня недостаточно. Вслѣдствіе этого, по тщательномъ совѣщаніи, рѣшено было отвезти меня въ Тверь

и помѣстить въ открывшійся тамъ пансіонъ; помѣщеніе въ гимназію, какъ я замѣтилъ выше, было тогда исключеніемъ, и дворяне избѣгали его какъ заведенія куда допускались дѣти всѣхъ сословій, слѣдовательно какъ общества неприличнаго будто бы для молодыхъ дворянъ. Это самое смѣшеніе сословій заставляло ихъ неблагопріятно смотрѣть и на университетъ; военная служба путемъ юнкерства считалась для дворянина болѣе нормальною карьерой чѣмъ гимназія и университеты; уважались только заведенія исключительно основанныя для воспитанія „благородныхъ дѣтей“.

Однимъ изъ такихъ заведеній былъ пансіонъ въ которомъ меня помѣстили въ Твери. Мнѣ было тогда (въ 1828 году) одиннадцать лѣтъ отъ роду и я не могъ бы высказать какого-нибудь сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ заведенія; помню только что насъ учили всѣмъ тогдашнимъ гимназическимъ предметамъ, что преподаватели были изъ разныхъ заведеній (между ними только одинъ учитель гимназіи), что плата имъ была самая дешевая и что вообще пансіонъ нашъ былъ не что иное какъ спекуляція—такъ по крайней мѣрѣ говорили старшіе, не любившіе тогда стѣсняться присутствіемъ дѣтей. „Тверской Благородный Пансіонъ“, какъ гласила надпись на вывѣскѣ, которая педагогически повторялась на всѣхъ учебническихъ тетрадяхъ въ слѣдующемъ видѣ: „Сія тетрадь принадлежитъ воспитаннику Тверскаго Благороднаго Пансіона такому-то“, содержалъ маленькій, кругленькій, очень живой Французъ Кавалье (Cavalier), писавшій имя свое по-русски *Ковалье*, что возбуждало не малое удивленіе насъ дѣтей, нѣсколько знакомыхъ уже съ русскою грамотой. Въ послѣдствіи самъ Андрей Андреевичъ объяснилъ намъ что онъ допустилъ неправильность въ русскомъ правописаніи своего имени благодаря своему дядѣ, который неизвѣстно почему писалъ „Ковалье“ и послѣ котораго онъ получилъ наслѣдство; кто былъ его дядя—намъ неизвѣстно, но послѣ него дѣйствительно осталось небольшое помѣстье, которымъ и владѣлъ выписанный еще дядей изъ Франціи нашъ Андрей Андреевичъ, занявшій вмѣстѣ съ тѣмъ мѣсто учителя французскаго языка въ Тверской гимназіи. Онъ самъ занимался съ нами французскимъ языкомъ и занимался весьма ревностно, а такъ какъ мы его боялись, то учились у него прилежно; учились мы также прилежно нѣмецкому языку, для преподаванія котораго былъ особый учитель, проживавшій въ пансіонѣ и въ

случаѣ отсутствія Кавалье, заступавшій его мѣсто по общей администраціи: насъ заставляли говорить не иначе какъ по-французски или по-нѣмецки, для чего состояли при пансіонѣ два надзирателя, Французъ и Нѣмецъ, дежурившіе черезъ день. Изъ прочихъ предметовъ мы занимались языками русскимъ и латинскимъ, которые преподавалъ намъ учитель Тверскаго уѣзднаго училища, не мудрый, но добросовѣстный, который, несмотря на свои странности, заставлялъ слушаться и уважать себя*; прочіе предметы преподавались кой-какъ, и мы не утруждали ими себя: такъ напримѣръ изъ исторіи въ теченіе цѣлаго года мы прошли Ассирійцевъ, Вавилонянъ, Мидянъ и Персовъ и приступили къ Грекамъ, а изъ естественной исторіи (оба предмета преподавалъ одинъ учитель гимназій, который тамъ состоялъ преподавателемъ послѣдней, что свидѣтельствуетъ между прочимъ что естественная исторія въ 1828 году преподавалась въ гимназіяхъ) раздѣленіе ея и номенклатуру растений и минераловъ. Что касается географіи, то помнится для нея не успѣли приискать учителя въ началѣ, и подъ конецъ ею сталъ заниматься самъ Кавалье, но очень не долгое время предъ лѣтнею ваканціею когда насъ распустили и самый пансіонъ закрылся. Преподаваніемъ математики занимался у насъ учитель такъ-называемаго военно-спротскаго отдѣленія, не достигшій еще офицерскаго званія, что крайне удивляло насъ; онъ приходилъ къ намъ въ длинномъ сюртукѣ, но между нами шла толкъ что онъ не имѣетъ права носить его, а долженъ ходить въ солдатскомъ мундирѣ. Обучались мы у него ариметикѣ и началамъ алгебры, и далеко не блистательно. Онъ же училъ насъ чистописанію. Для рисованія былъ особый учитель, но рисовальщиковъ было у насъ немного. Много эффекта у насъ въ пансіонѣ, да и вообще въ Твери, производилъ выписанный спеціально изъ Москвы для нашего пансіона тандмейстеръ Нѣмецъ, классы котораго усердно посѣщали родители дѣтей и который умѣлъ что называется пускать пыль въ глаза и

* Учитель этотъ особенно любилъ длинныя и подробныя аттестаціи подъ письменными упражненіями; вотъ въ какомъ родѣ онъ излагалъ ихъ: „Столь точное соблюденіе правилъ правописанія дѣлаетъ вамъ честь. Итакъ продолжайте быть красотою класса вами занимаемаго“. Понятно что дѣти 11—12 лѣтъ были въ восторгѣ отъ подобныхъ аттестацій.

передать публикѣ свое убѣжденіе что предметъ его едва ли не самый важный изъ учебныхъ предметовъ. Спустя полгода, однако, онъ разладилъ съ содержателемъ и переѣхалъ отъ насъ, а Кавалье послѣдшилъ выписаться изъ Москвы другаго танцмейстера, Француза, который преподавалъ свое искусство не съ меньшимъ успѣхомъ.

Я сказалъ выше что мы учились хорошо у самого Кавалье, потому что боялся его. И дѣйствительно, онъ умѣлъ поддерживать дисциплину въ своемъ заведеніи. Не скажу чтобъ онъ подвергалъ воспитанниковъ частымъ наказаніямъ, но допускалъ ихъ всѣ, не исключая и тѣлесныхъ. Случалось, если онъ разсвирѣбеть, то экзекуцію производитъ собственно-ручно тутъ же въ классѣ, но обыкновенно онъ виновнаго отправлялъ въ баню въ сопровожденіи кучера. „Пошли мнѣ немѣждо Трофимъ!“ говорилъ онъ своему камердинеру, и когда являлся Трофимъ, рыжій огромнаго роста мужикъ, то онъ передавалъ мальчика этому Трофиму; какъ производилась экзекуція—не могу сказать, потому что мнѣ не довелось испытать ея, но полагаю что при ней не всегда присутствовалъ Андрей Андреевичъ, ибо воспитанникъ Карауловъ, залисной шалуни и лѣнтяй, передавалъ намъ что онъ не рѣдко откупался у Трофима отъ наказанія. Прочія наказанія были обыкновенныя, и только болѣе употребительное было придумано самимъ Кавалье и не лишено оригинальности. Когда садилась обѣдать, то виновнаго ставили подлѣ Кавалье или подлѣ нѣмецкаго учителя и заставляли спрягать глаголъ имѣвшій какое-нибудь отношеніе къ совершенному имъ преступленію. По окончаніи спряженія виновный садился за столъ и принималъ участіе въ обѣдѣ, съ того блюда на которомъ окончивалъ спряженіе, но если спрягалъ плохо, то и вовсе оставляли безъ обѣда. Не могу не привести одного комическаго случая и заранѣе прошу извиненія у читателей за цинизмъ моего разказа. Какъ теперь вижу самаго высокаго и толстаго изъ воспитанниковъ, В., стоящаго подлѣ стула Кавалье и спрягающаго съ отчаяніемъ на лицѣ и со слезами въ голосѣ посреди неудержимаго хохота всѣхъ товарищей: *je lâche des vents! Tu lâches des vents! Il lâche des vents!*

Я сказалъ выше что нашъ Кавалье усердно занимался съ нами французскимъ языкомъ который, по видимому, онъ зналъ основательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ истинно французскою самоувѣренностью считалъ себя великимъ зна-

токомъ русскаго языка и самъ руководилъ нашими переводчицами съ французскаго на русскій. При этомъ онъ выходилъ изъ себя если переводъ казался ему недовольно близкимъ къ подлиннику; онъ начиналъ сейчасъ же и съ какимъ-то азартомъ дѣлать подстрочный переводъ (а надо замѣтить что большею частію онъ давалъ намъ переводить стихи), и что за куріозы являлись подъ его перомъ! Для образца приведу одну изъ его поправокъ, которую я долго сохранялъ въ рукописи какъ рѣдкость. За буквальную вѣрность перевода могу поручиться и теперь.

Вотъ стихи которые мы переводили:

*Les lieux, où nous prions la puissance céleste,
Des proscrits entassés sont les dépôts funestes!*

Не помню, какъ я перевелъ эти стихи, но вѣроятно очень плохо, такъ какъ они были не по силамъ для одиннадцатилѣтняго мальчика, но живо помню какъ разсвирѣпѣлъ Кавалье перемарывая мое писанье, и хотя я былъ у него первымъ ученикомъ, но онъ нѣсколько разъ повторилъ: „О русскій дуракъ, русскій дуракъ! Развѣ можно такъ переводить? Вотъ какъ слѣдуетъ.“

И тутъ же на поляхъ моего перевода буквально написалъ: „Мѣста, гдѣ мы молимъ небесная власть, суть ужасныя поклажи изгнанниковъ, въ кучу сваленныхъ.“

Г. ГОЛОВАЧОВЪ.

МАРКИЗЪ ВЕЛЁПОЛЬСКІЙ

Le marquis Wielopolski, sa vie et son temps. 1803 — 1877. Par Henri Lisicky.

I.

Намъ неизвѣстны причины побудившія именно теперь издать біографію маркиза Велёпольскаго. Есть ли это желаніе возстановить среди Поляковъ репутацію человѣка который тщетно домогался быть ихъ вождемъ или же почему-нибудь настоящее время считается удобнымъ для того чтобы привлечь вниманіе публики къ такъ-называемому польскому вопросу? Не лускаясь въ догадки, возьмемъ книгу какъ она есть. Заглавіе ея не лишено претензій: авторъ ея поставилъ себѣ задачей изобразить не только жизнь маркиза Велёпольскаго, но и „его время“, что имѣло бы смыслъ въ томъ лишь случаѣ еслибы герой его принадлежалъ къ числу людей которые имѣли какое-нибудь значеніе въ общемъ ходѣ событій, которые сами вліяли на нихъ, или на которыхъ болѣе или менѣе сильно отражалось ихъ вліяніе; но ничего подобнаго мы не видимъ. Маркизъ Велёпольскій, замкнувшись въ самомъ себѣ, вдали отъ міра, вырабатывалъ свои идеи, а потомъ старался осуществить ихъ на практикѣ, но то были идеи совершенно отжившія свой вѣкъ и къ которымъ даже

Европа, старавшаяся изъ постороннихъ разчетовъ поддерживать ихъ, относилась въ сущности съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Ни Польскому вопросу, ни рыцарнымъ поборникамъ его не было мѣста въ общемъ движеніи времени, и странно поэтому ставить ихъ дѣятельность въ какую бы то ни было связь съ этимъ движеніемъ. Съ этою оговоркою мы должны сознаться что личность Велёпольскаго сама по себѣ очень интересна. Велёпольскій хорошо извѣстенъ русскому обществу которое считало его наиболее опаснымъ врагомъ своимъ и было убѣждено что еслибъ осуществилось то чего онъ хотѣлъ, то это причинило бы Россіи гораздо большій вредъ чѣмъ подвиги отъявленныхъ польскихъ революціонеровъ. Теперь представляется возможность изъ біографіи составленной вполнѣ сочувствующимъ ему лицомъ, на основаніи документовъ вышедшихъ изъ - лодъ его пера, провѣрить насколько былъ основателемъ подобный взглядъ. Излагаемая содержаніе книги г. Лисицкаго мы постараемся по возможности воздерживаться отъ собственныхъ мнѣній, ибо книга эта достаточно краснорѣчиво говорить сама за себя.

Прежде всего въ судьбѣ чловѣка о которомъ говоримъ мы поражаетъ страшная непопулярность его. Поляки ненавидѣли его, и эта ненависть возрастала несмотря на всѣ его усилія расположить къ себѣ польское общество. Чѣмъ объяснить такую странность? Конечно, огромное значеніе имѣлъ тутъ образъ мыслей маркиза Велёпольскаго. Возвращая его были таковы что они не могли быть поняты и усвоены современнымъ ему поколѣніемъ Поляковъ, но одного этого все-таки недостаточно: мы видимъ что онъ оттолкнулъ отъ себя общество еще въ молодыхъ годахъ когда политическая программа его едва ли была кому извѣстна. Остается предположить что въ немъ самомъ, въ его характерѣ или въ частной его жизни, было нѣчто внушавшее къ нему недоброежелательство. По увѣренію автора разбираемой нами книги, разгадку нужно искать въ томъ что Велёпольскій былъ аристократъ, а огромное большинство польскаго общества все болѣе и болѣе проникалось демократическими тенденціями. „Онъ вполнѣ понималъ, говоритъ г. Лисицкій, здравыя требованія своего времени и сдѣлался консерваторомъ на манеръ англійскихъ торіевъ, и именно чловѣкомъ глубоко проникнутымъ понятіемъ объ обязанностяхъ лежащихъ на аристократіи;

люборазномъ прогресса, одинаково заботящимся объ интересахъ всѣхъ классовъ народонаселенія.“ Допустимъ что дѣйствительно было такъ, хотя въ книгѣ г. Лисицкаго нѣтъ вовсе фактовъ которые доказывали бы что Велѣпольскій оставался вѣрнѣе означенному направленію, но почти тѣми же самыми словами характеризуетъ авторъ другаго виднаго дѣятеля революціоннаго броженія въ Польшѣ, графа Андрея Замойскаго, такого же аристократа какъ и Велѣпольскій. „Графъ Андрей, говоритъ онъ, представлялъ собою типъ англійскаго вельможи. Онъ былъ англомакъ по своему воспитанію, вкусамъ, даже по складу своего ума, привыкшаго обращать вниманіе на положительную, практическую сторону вещей. Идеаломъ его была старая Англія съ ея политическимъ и социальнымъ устройствомъ, съ ея законами и обычаями; все что онъ ни предпринималъ было подражаніемъ англійскимъ образцамъ.“ Отчего же Замоискій сдѣлался любимцемъ польской шляхты тогда какъ къ Велѣпольскому относилась она съ враждой? Намъ говорятъ что самою внѣшностью своею онъ не могъ возбуждать симпатіи, что сосредоточенный, мало общительный, онъ слылъ за гордеца, но за неприступность и гордость, если даже и отличался ими Велѣпольскій, едва ли можно ненавидѣть такъ какъ ненавидѣли его. Все это, повторяемъ, недостаточно объясняетъ его положеніе въ польскомъ обществѣ. Какъ бы сознавая это, авторъ остановился довольно подробно на процессахъ которые велъ Велѣпольскій и которые играли, кажется, огромную роль въ его жизни. Въ одномъ изъ нихъ отстаивалъ онъ свои права на земли составлявшія майоратъ его предковъ; другой, возникшій почти наканунѣ событій шестидесятыхъ годовъ, заключался въ слѣдующемъ: богатый землевладѣлецъ Свидзинскій отказалъ Велѣпольскому два свои помѣстья, а также обширныя свои коллекціи съ тѣмъ непрѣмѣннымъ условіемъ чтобы библіотека его „оставалась доступною для публики“, но маркизъ вмѣсто того чтобы расположить эту библіотеку въ Варшавѣ перенесъ ее въ родовое свое имѣніе. „Вотъ почему, замѣчаетъ авторъ, варшавскіе ученые, археологи, журналисты и демагоги объявили ему войну на жизнь и смерть. Маркиза обвиняли въ томъ что онъ обратилъ въ совершенно частную собственность свою великодушный даръ завѣщанный всей странѣ; что онъ хранитъ гдѣ-то въ недоступномъ мѣстѣ ученыя сокровища, которыя, еслибы

перенести ихъ въ Варшаву, были бы особенно драгоценны при отсутствіи тамъ публичной библіотеки. Публика ловилась этимъ обвиненіямъ которыя были подносимы ей съ приправой обычныхъ толковъ объ олигархіи, феодализмѣ и средневѣковомъ варварствѣ. Не многимъ однако приходило въ голову что библіотека Свидзिवскаго состояла преимущественно изъ латинскихъ манускриптовъ, и что можно было бы пересчитать по пальцамъ всѣ тѣ лица въ Варшавѣ которыя оказывались въ состояніи пользоваться ею." Мы не можемъ произнести самостоятельнаго сужденія о процессахъ Велёпольскаго, столь сильно волновавшихъ польскую губляку: не намъ рѣшать былъ ли онъ дѣйствительно правъ, какъ утверждаетъ г. Лисцикій, или условливалась вражда къ нему только демократическою завистью. Замѣтимъ здѣсь что онъ не оставался равнодушнѣмъ къ общественному мнѣнію. Велёпольскій сталъ въ ряды журналистовъ и въ особомъ основанномъ имъ изданіи съ запальчивостью отражалъ удары своихъ жестокихъ противниковъ.

Упомянувъ о процессахъ въ доказательство того что не образомъ только мыслей маркиза условливалась его непопулярность, мы вполнѣ сознаемъ однако что главную роль играли тутъ его убѣжденія. Онъ стоялъ много выше своихъ соотечественниковъ. Онъ ловилъ то что было имъ совершенно недоступно. Цѣль была у него та же что и у нихъ, но относительно средствъ какими можно было достигнуть этой цѣли проявлялась между ними рѣзкая разница. Видно что Велёпольскій долго размышлялъ о причинахъ вызвавшихъ паденіе Польскаго государства и вполнѣ уяснилъ себѣ ту несомнѣнную истину что если оно рушилось, то не вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, не вслѣдствіе алчности своихъ сосѣдей, а потому что внутри его разложеніе достигло ужасающихъ размѣровъ. Предъ взоромъ маркиза открылось все то залуствіе и мерзость которыя царили и въ государственномъ и общественномъ строѣ старой Польши. Онъ былъ однако далекъ отъ мысли что Полякамъ не остается ничего болѣе какъ примириться съ заслуженною ими карой,—нѣтъ, относительно иллюзій онъ не уступалъ никому другому изъ окружавшаго его общества; онъ обольщалъ себя надеждами что Польша снова можетъ жить самостоятельною жизнью, что снова соединятся съ нею даже тѣ области которыя цпытывали только страданія подъ ея гнетомъ.

томъ, во этому долженствовалъ предшествовать долгій и трудный процессъ возрожденія. Еслибы, такъ рассуждалъ онъ, сразу возвращена была Польша ея независимость, что въ этомъ толку когда она не умѣла сохранить ее въ прежнее время? Еслибы Польша получила либеральныя учрежденія, какая въ этомъ польза когда она привыкла только злоупотреблять свободой? Нужно чтобы Поляки перестали быть такими какими они были въ теченіе вѣковъ, чтобъ они исцѣлились отъ своихъ застарѣлыхъ язвъ и лишь подъ этимъ условіемъ могутъ они разчитывать на перемѣну въ своей судьбѣ. „Никакому народу, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, резюмируя мнѣнія Велѣпольскаго, не былъ данъ обѣтъ неразрушаемости; Евреи, народъ избранный Богомъ, кончили тѣмъ что разсѣлись по всему міру и произошло это по ихъ собственной винѣ, въ наказаніе за ихъ бессмысленную политику. Исторія Польши представляетъ очевидныя и непреложныя доказательства той же истины. Польша, прежде чѣмъ сдѣлалась она добычею своихъ сосѣдей, утратила всякое значеніе въ политической системѣ Европы потому что уже не было у нея ни политики, ни правительства, ни арміи, ни казны, ни администраціи, словомъ ничего что служить жизненною силой государства. Еслибы возвратила она себѣ независимость, то не существовала бы и десяти лѣтъ не находя въ себѣ самой никакихъ элементовъ силы и живучести. Не тщетными жалобами и возгласами о томъ что нарушена была относительно ея справедливость, не выставляя на позорище предъ Европой свое разчлененное тѣло, не нищенствуя у пороговъ европейскіхъ кабинетовъ и на народныхъ форумахъ могла бы Польша возстановить свои права, возвратитъ себѣ свое достоинствіе. Надлежало для этого упорнымъ трудомъ загладитъ вѣковыя злоупотребленія нашихъ предковъ, перестроить общественное наше зданіе, возвратитъ крестьянину утраченное имъ достоинство человѣка, просвѣтитъ его и развить въ немъ нравственное чувство, а также преобразовать высшіе классы общества и научить ихъ многому чего имъ недоставало“.

Осуществленіе этой обширной задачи могло быть дѣломъ только сильной власти. Польское общество — потомки того поколѣнія которое погубило свое отечество, было рѣшительно неспособно для нея; взоры его были искажительно направлены къ прошлому, а изъ этого прошлаго не могло

оно почерпнуть уроковъ ни истиннаго патріотизма, ни разумной дисциплины, ни добросовѣстнаго служенія общему дѣлу. Старые предрасудки были въ немъ лишь прикрыты лоскомъ пустѣйшаго либерализма. Предоставленное самому себѣ, оно должно было неминуемо обнаружить полнѣйшую свою несостоятельность, какъ это дѣйствительно и случилось въ періодъ времени отъ 1815 до 1830 годовъ. Событія послѣдовавшія за возстановленіемъ Польши, повидимому по волѣ императора Александра I, произвели сильное впечатлѣніе на Велёпольскаго и способствовали къ тому чтобъ окончательно сформировать его образъ мыслей.

У насъ писано такъ мало о состояніи Польши подъ властію императора Александра Павловича что страницы посвященныя этому предмету въ разбираемой нами книгѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не только содержатъ омы много интересныхъ подробностей, но и общій ихъ тонъ таковъ что должны удовлетворить каждаго разсудительнаго человѣка. Намъ еще не удавалось встрѣчать такой яркой картины безсодержательности и пустоты конституціоннаго режима установленнаго въ Польшѣ. Авторъ не присоединяется къ тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ которые рѣшались утверждать что если либеральныя учрежденія дарованныя означенной области не имѣли успѣха, то будто бы лишь потому что само правительство посягало на нихъ. Для него не подлежитъ сомнѣнію что императоръ Александръ приступилъ къ дѣлу вполне искренно и исполняя его со строгою добросовѣстностью. „Польша, говоритъ омы, имѣла общаго съ Россіей только особу Монарха и внѣшнія отношенія къ которымъ Поляки во всѣ времена относились равнодушно. Церковнаго вопроса не существовало, потому что русскій государь относился къ католической церкви съ несравненно большимъ уваженіемъ чѣмъ сами католическіе ея подданные. Страна быстро поправлялась отъ своего упадка, тогдашнему поколѣнію оставалось только помнить слова писавія, *дайтесть днечи злоба его*, и добросовѣстно исполнять свои обязанности“. Безсмысленно было винить правительство будто оно нарушало конституцію; вина его заключалась въ томъ что оно считало Поляковъ способными воспользоваться этою конституціей. Какое было бы счастье для польскихъ провинцій есабъ императоръ Александръ направилъ благотворное дѣйствіе своей неограниченной власти на

то чтобъ установить тамъ основы правильного гражданского порядка, внушить привыкшему къ своеволю обществу уваженіе къ закону и заставить его проникнуться чувствомъ вѣролюбованческаго долга! Въмѣсто того, конституція передавала государственную власть въ руки шляхты,—той самой шляхты, которая за нѣсколько лѣтъ предъ симъ сама причинила гибель своей родинѣ. Ровно ничего не измѣнилось въ ней и анархическіе ея инстинкты должны были проявляться съ такою же силой при новомъ порядкѣ вещей какъ и въ бывшее время. Можно сказать что все хорошее совершившееся въ Польшѣ послѣ 1815 года принадлежало исключительно инициативѣ правительства, жертвовавшего для этого иногда средствами остальной имперіи; что касается самихъ Поляковъ, то предоставленная имъ свобода служила имъ не для добра, а для зла. Извѣстно каково было положеніе крестьянъ въ Польшѣ. Ни одинъ изъ сеймовъ собиравшихся при императорѣ Александрѣ не возбуждалъ вопроса о томъ чтобъ улучшить ихъ бытъ, но за то сеймы постарались ухудшить его. Еще во время существованія герцогства Варшавскаго, король Саксонскій, съ цѣлью обузданія помѣщичьей власти, издалъ декреты которыми помѣщики лишены были наследственнаго права на званіе гминныхъ войтовъ, и войты должныствовали быть назначаемы правительствомъ; распоряженіе это подверглось отмѣнѣ почти тотчасъ вслѣдъ за обнаруженіемъ конституціи. Затѣмъ въ Наполеоновомъ кодексѣ была статья устанавливавшая права каждаго арендатора приобрести въ собственность арендуемое имъ имущество посредствомъ выкупа. Въ силу этой статьи крестьяне могли бы потребовать выкупа своихъ земель, и хотя огромное большинство ихъ находилось въ такомъ положеніи что нельзя было и думать о подобной операціи, тѣмъ не менѣе сеймъ 1825 года предусмотрительно вычеркнулъ изъ кодекса означенную статью. Въ періодъ времени о которомъ мы говоримъ матеріальное положеніе крестьянъ сдѣлалось невыносимымъ, ибо они лишились мало-по-малу значительной части обрабатываемыхъ ими прежде земель.

Но за то пустозвонному либерализму открыто было широкое поприще. Какъ бы рѣзко мы ни выражались о томъ что происходило тогда въ Польшѣ, намъ трудно превзойти въ этомъ отношеніи автора разбираемой нами книги. Необыкновенно мѣтко заклепнулъ онъ подвиги которые совер-

шали его соотечественники будто бы во имя свободы, но которые были внушаемы имъ лишь укореившеюся наклоностью къ анархіи. Съ самаго начала, говоритъ онъ, обнаружилось что въ умѣ Поляковъ служить своему государю и служить своему отечеству были понятія совершенно несомнѣстимыя: понятію къ какимъ это могло вести послѣдствіямъ. На первомъ плакѣ стояли вопросы о конституціонныхъ формахъ толкуемые такъ какъ толковали ихъ въ тогдашней Франціи приверженцы самыхъ крайнихъ партій. По замѣчанію г. Лисцкаго, „органъ сената, князь Адамъ Чарторыйскій, усердно развивалъ туманную тему о королѣ который долженъ царствовать, но не управлять, существѣ безличномъ, обязанномъ не смущаться самыми злыми противъ него выходками оппозиціи“. Отовсюду раздавались воли о томъ чтобы какъ можно точнѣе опредѣлить отвѣтственность министровъ; палата депутатовъ (пословъ) требовала включить въ уголовный кодексъ суровыя кары противъ должностныхъ лицъ оказавшихся виновными въ нарушеніи конституціи, а именно тюремное заключеніе, причемъ они находились бы въ цѣпяхъ, въ одеждѣ каторжниковъ и спали бы на соломѣ. Страсти особенно разыгрались во время втораго сейма—сейма „злполучной памяти“ (de nefaste mémoire), какъ отзывается о немъ авторъ. Здѣсь обнаружилось уже систематическое стремленіе противиться всѣмъ законодательнымъ мѣрамъ предлагаемымъ правительствомъ какъ бы онѣ ни были полезны и необходимы для страны. Тутъ происходили сцены напоминавшія засѣданія французскаго конвента. „Каждый разъ, говоритъ г. Лисцкій, когда какой-либо изъ ораторовъ прибѣгалъ къ необузданнымъ выраженіямъ, публика въ трибунахъ неистово аплодировала ему, а если президентъ призывалъ его за это къ порядку, то подвергался публичнымъ оскорбленіямъ и вызывалъ жалобы что онъ злоупотребляетъ своею властью“.

„Все это, читаемъ далѣе, служило смертельнымъ ударомъ для конституціонныхъ учрежденій; изъ всего этого слѣдовало заключить что народное представительство, вмѣсто того чтобы трудиться для блага страны, только тормозило правильный ходъ дѣлъ; что единственною цѣлью преній происходившихъ въ палатахъ было подрывать авторитетъ власти и волновать умы“. Между тѣмъ страна покрыта была сѣтью тайныхъ обществъ; даже армія, о которой такъ много заботилась

великій князь Константинъ Павловичъ, едѣлась, по словамъ автора, „разсадникомъ заговорщиковъ“. Поляки не могли конечно не провонять о заговорѣ такъ-называемыхъ декабристовъ и послѣдшили завязать съ ними сношенія. По этому поводу мы находимъ въ разбираемой нами книгѣ слѣдующія куріозныя слова: „Делегатъ русскаго тайнаго общества Муравьевъ открылъ настоящую цѣль своего посольства, состоявшую въ томъ чтобъ обязать Поляковъ подняться поголовно при первомъ извѣстіи о революціи въ Россіи и воспрепятствовать такимъ образомъ великому князю Константину идти на помощь къ императору. Это обстоятельство особенно важно: каждый разъ когда революціонное движеніе готовится въ Россіи (!), вожаки его непременно прибѣгаютъ къ содѣйствию Поляковъ чтобы прикрыть флаги этого движенія которымъ можетъ угрожать армія сосредоточенная въ Польшѣ“. Вотъ что называется съ большой головы на здоровую!

Если великодушныя намѣренія императора Александра весьма вѣрно оцѣнены авторомъ разбираемой нами книги, то и преемнику его онъ умѣлъ отдать справедливость. „Наши (т.-е. польскіе) историки, говоритъ онъ, привыкли смотрѣть на все сквозь призму событій 1831 года, разглагольствуютъ о презрѣнціи или даже о непреодолимомъ отвращеніи императора Николая къ конституціонному порядку вещей въ Польшѣ. Быть-можетъ отчасти это и вѣрно, ибо по самому характеру своему этотъ государь не любилъ дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своею властью, но несомнѣнно что въ первые годы своего царствованія онъ не прикасался пальцемъ къ польской конституціи и исполнялъ обязанности конституціоннаго короля даже лучше чѣмъ его предшественникъ... Быть-можетъ именно онъ способенъ былъ заставить Поляковъ примириться съ условіями ихъ существованія и отучить ихъ отъ множества дурныхъ наклонностей усвоенныхъ ими въ теченіе вѣковъ. Опытъ не удался и окончился даже страшною катастрофой. Изслѣдуя причины этого видимъ что царствованіе императора Николая наступило въ такое время когда уже никакія лѣкарства не могли ни изцѣлить недугъ, ни предотвратить гибельный кризисъ“. Все это безусловно справедливо. Императоръ Николай Павловичъ не могъ почувствовать польской конституціи, но какъ скоро эта конституція была дарована его братомъ, онъ считалъ долгомъ

строга соблюдать ее. „И онъ дѣлалъ это, замѣчаетъ авторъ, съ необыкновенною предупредительностью, предоставляя Полякамъ прекрасный случай загладить свои проступки и набросить покровъ на прошлое. Этотъ государь, въ послѣдствіи столь суровый относительно ихъ, всячески старался въ то время привлечь ихъ къ себѣ возбуждая славныя воспоминанія ихъ исторіи. То приказывалъ онъ соорудить въ церкви калуциновъ монументъ въ честь Яна Собѣскаго, „своего знаменитаго предшественника“; то—послѣ взятія Варны—дарилъ Варшавѣ турецкія лушки въ память о другомъ его „предшественникѣ“, королѣ Владиславѣ, погибшемъ подъ Варной въ 1444 году; позднѣе, слѣдуя обычаю нашихъ прежнихъ королей, онъ повелѣлъ поставить въ соборѣ св. Іоанна знамена отягатыя у Турокъ“. Поляки съ своей стороны держали себя такъ что императоръ не могъ заблуждаться относительно ихъ настоящихъ чувствъ. И это съ перваго же появленія его въ Варшавѣ: во время торжественнаго обряда коронованія, въ ту минуту когда государь возлагалъ корону на свою голову, члены палаты депутатовъ не захотѣли, какъ требовалъ обычай, воскликнуть вслѣдъ за архіепископомъ варшавскимъ: *vivat rex in aeternum*. Но самое наглядное и вполнѣ убѣдительное доказательство своего настроенія представили Поляки во время процесса Кржжявовскаго. Солтыка и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ тайныхъ обществахъ имѣвшихъ цѣлью подготовить революцію и находившихся въ сношеніяхъ съ декабристами. Нѣкоторые изъ нихъ сами сознались во всемъ; виновность ихъ не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Разбирательство этого дѣла подлежало сенату, изъ котораго былъ сформированъ верховный уголовный судъ. Тотчасъ же направлены были всѣ усилія для того чтобы не только выгородить заговорщиковъ, но окружить ихъ ореоломъ мученичества. „Со времени раздѣловъ Польши, говоритъ авторъ, слова: государственный преступникъ и патріотъ сдѣлались почти синонимами безо всякаго различія мѣста и обстоятельствъ. Подобно всѣмъ, и сенаторы раздѣляли это заблужденіе, которое такъ сказать всосали въ себя съ молокомъ матери. Къ тому же они подвергались женскимъ влияніямъ столь могущественнымъ въ Польшѣ, а также давленію общественнаго мнѣнія которое, будучи направляемо заговорщиками, громко требовало оправданія обвиненныхъ“. Такъ и случилось. Если преступники

не были оправданы вполнѣ, то во всякомъ случаѣ ихъ постигла самая легкая кара, ибо главное противъ нихъ обвиненіе было совершенно отстранено. Въ приговорѣ своемъ семать прибѣгнулъ даже къ аргументаціи которая отзывалась насмѣшкой: онъ подробно развивалъ мысль что тайное общество, въ которое изъ корифеевъ коего очутились на скамьѣ подсудимыхъ, дѣйствовало будто бы въ духѣ трактатовъ и согласно намѣреніямъ монарха возстановившаго Польшу. Императоръ Александръ, такъ гласилъ приговоръ, не рѣдко уломивалъ въ своихъ рѣчахъ о „свободѣ“, „независимости“; онъ давалъ повать что быть-можетъ наступитъ время когда Литва соединится съ Польшею подъ сѣнью одинаковыхъ учрежденій; но тайное общество и выставляло именно своею цѣлью подготвить это слияніе,—гдѣ же преступный его характеръ?

Жалкая комедія разыгрывавшаяся въ Польшѣ съ 1815 года окончилась, какъ и слѣдовало ожидать, революціей. Не будемъ останавливаться на ней подробно, хотя изложеніе автора по многимъ причинамъ и заслуживало бы этого. Намъ интересуетъ роль которую игралъ тогда Велёпольскій. Авторъ разбираемой нами книги неоднократно уломикаетъ что онъ не по случайнымъ только обстоятельствамъ, но по убѣжденію держался въ сторонѣ отъ того что происходило въ Польшѣ до возстанія 1830 года, и приступая къ описанію этого возстанія еще разъ считалъ очень нужнымъ уломигнуть что „образъ мыслей маркиза находился въ противорѣчій съ господствовавшимъ настроеніемъ“. Это не помѣшало однако Велёпольскому предложить свои услуги революціонному правительству. Онъ желалъ чтобъ его отправили съ дипломатическимъ порученіемъ въ Лондонъ. Въ запискѣ составленной имъ по этому случаю онъ указывалъ въ чемъ должна была заключаться цѣль этого посольства, а именно онъ принималъ на себя трудъ растолковать Англійскому правительству что „добровольная уступка областей находящихся подъ властью Россіи, избавляя насъ отъ пролитія крови, заставитъ насъ признать своимъ королемъ императора Николая и его потомковъ съ тѣмъ условіемъ чтобы все касающееся внутренняго законодательства, прерогативъ королевской власти, а также нашихъ отношеній къ Россіи было совершенно предоставлено намъ, какъ націи свободной и независимой“. Любопытны также соображенія заставлявшія Велёпольскаго разчитывать на успѣхъ. „Всякій, говорилъ онъ въ томъ же мемуарѣ, кто

припомнить ходъ переговоровъ о Польшѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ, легко убѣдится что главнѣйшія державы западной Европы поощряли возстановленіе нашего отечества, ибо это условивалось требованіями европейскаго равновѣсія, а потому онѣ не уступятъ случая содѣйствовать этому и теперь если только это можетъ совершиться безъ опасности для нихъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ Англійское правительство всѣми силами старалось возстановить Польшу въ ея прежнихъ предѣлахъ; Австрія и Пруссія (!) вполнѣ раздѣляли ея виды; съ своей стороны предлагали онѣ возвратити польскія провинціи доставшіяся имъ по раздѣламъ“. Г. Лисцикій находитъ упомянутый мемуаръ нѣскольکو странноымъ; онъ удивляется между прочимъ почему Адамъ Чарторыйскій, который дѣйствовалъ въ то время въ Варшавѣ, не просвѣтилъ нѣскольکو Велёпольскаго относительно того что происходило на Вѣнскомъ конгрессѣ. Намъ же кажется что удивительнаго тутъ ничего нѣтъ: это все та же ложь, которую, Поляки во все время и при всякихъ обстоятельствахъ привыкли оболгать и самихъ себя и другихъ. Къ чему было Чарторыйскому исправлять одну ложь когда одновременно самъ онъ проповѣдывалъ другую столь же вопіющую? Въ инструкціи данной Велёпольскому было сказано: „Чрезвычайно важно чтобы повсюду и особенно въ Англійи общественное мнѣніе не укоряло насъ въ легкомысліи и безразсудствѣ. Вы изобразите яркую картину неслыханныхъ притѣсненій которымъ мы подвергались въ теченіе долгаго ряда лѣтъ; будете говорить о нашей подавленной свободѣ; о томъ что судьба каждаго изъ насъ зависѣла отъ любого помощника; о системѣ шліонства доведшей до отчаянія все населеніе; вы объясните такимъ образомъ почему нѣсколькимъ сотнямъ лицъ удалось поднять цѣлую столицу и какъ этотъ порывъ патріотизма электризовалъ всю страну...“ Еслибы несвѣдущій читатель захотѣлъ убѣдиться насколько правды въ этихъ обвиненіяхъ, то намъ оставалось бы только отослать его къ тѣмъ страницамъ въ разбираемой нами книгѣ—книгѣ написанной Полякомъ—въ которыхъ идетъ рѣчь о состояніи Польши предъ 1831 годомъ.

Поездка Велёпольскаго въ Лондонъ окончилась полнѣйшею неудачей. Онъ получалъ доступъ къ лорду Пальмерстону, который впрочемъ обращался къ нему лишь съ разспросами, но не давалъ никакихъ обѣщаній; другіе же государственные

люди сторонились отъ него. Герцогъ Веллингтонъ прислалъ ему свидующую записку: „Герцогъ слѣдуетъ предупредить маркиза Велёпольскаго что въ настоящую минуту онъ не находится на королевской службѣ; маркизу необходимо это знать чтобъ онъ не трудился посѣтить герцога, если что-либо особенное не побуждаетъ его видѣться съ нимъ“. Даже наиболѣе извѣстные своимъ либерализмомъ члены палаты депутатовъ не обнаруживали сочувствія Велёпольскому. Сэръ Франсисъ Бёрдеттъ выражалъ сожалѣнiе что „не могъ привать его“. Лордъ Грей былъ откровеннѣе другихъ. На вопросъ: „сдѣлаете ли вы для насъ что-нибудь или нѣтъ?“, онъ прямо отвѣчалъ: „ничего не сдѣлаемъ“. Въ послѣдствiи Англiйское правительство пыталось прибѣгнуть ко вмѣшательству, ограничивавшемуся, разумѣется, дипломатическими депешами, хотя и менѣе задорными чѣмъ въ 1863 году, но только свѣлой могъ не видѣть что оно оставалось совершенно равнодушнымъ къ польскимъ притязанiямъ. Велёпольскому наскучила его роль, и онъ покинулъ Лондонъ. Несомнѣнно что въ этотъ періодъ времени онъ былъ всецѣло на сторонѣ возстанiя, какъ доказываетъ уже то что онъ служилъ агентомъ революціоннаго правительства; изъ бумагъ его относящихся къ пребыванiю его въ Англiю видно что онъ одобрялъ самыя крайнiя мѣры къ которымъ прибѣгали въ Варшавѣ. Въ одномъ изъ этихъ документовъ, адресованныхъ къ революціоннымъ властямъ, онъ говоритъ: „Въ бесѣдѣ съ лордомъ Пальмерстономъ я высказалъ свое мнѣнiе что не слѣдовало бы провозглашать низложенiе династiи прежде чѣмъ не будутъ заняты провинции включенныя въ предѣлы имперiи.... Но теперь, когда низложенiе состоялось, мнѣ кажется — сколько могу судить по газетнымъ свѣдѣнiямъ — что положенiе дѣлъ достаточно созрѣло для этой важной мѣры. Радуюсь этому какъ Полякъ, я въ качествѣ агента правительства принимаю отнынѣ совершившiйся фактъ единственною и исключительною основою моихъ дальнѣйшихъ дѣйствiй.“

Революція была подавлена. Польша полпрежнему находилась во власти своего законнаго государя. „Императоръ Николай, говоритъ г. Лисцкiй, покорила Царство Польское съ оружіемъ въ рукахъ,—вотъ фактъ который господствовалъ надъ всѣмъ остальнымъ и который былъ краснорѣчивѣе всякихъ разглагольствiй. Виновность Поляковъ предъ монархомъ была громадная. Они не умѣли ни оцѣнить благодѣяній ком-

ституціонной хартіи, добровольно дарованной имъ императоромъ Александромъ, ни обуздать возстаніе сопровождавшееся преступными дѣйствіями, ни даже разумно вести себя во время борьбы“. Русскому правительству предстояло теперь исправить ошибки совершенныя относительно Польши въ предыдущее царствованіе, но къ сожалѣнію оно не захотѣло послѣдовательно и рѣшительно выступить на вѣрный путь. О конституціи, послѣ несчастнаго опыта, не могло быть кончено и рѣчи, но все-таки органическими статутами уставовлены были въ Польшѣ учрежденія во многомъ несходныя съ господствовавшими въ остальной имперіи. Намъ говорятъ что нѣкоторыя изъ нихъ остались на бумагѣ и не получили примѣненія: это послѣднее обстоятельство происходило конечно отъ того что правительство и послѣ 1831 года имѣло достаточныя основанія не довѣрять настроенію умовъ польскаго общества, но все-таки органическіе статуты должны были поддерживать въ Полякахъ чувство обособленности, ибо самъ основной законъ ставилъ какъ бы преграду для слиянія Польши съ Россіей. Слѣдуетъ также сожалѣть что правительство не приступило къ задачамъ которыя были умышленно отстраняемы Поляками въ періодъ конституціоннаго управленія. Внутренній бытъ страны требовалъ коренныхъ преобразованій. Прежде всего нужно было сдѣлать что-нибудь для крестьянъ которые несмотря на всѣ старанія привлечь ихъ къ мѣтежу оставались вѣрны своему долгу и матеріальное положеніе коихъ быстро ухудшалось. Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на рѣзкую разницу между крестьянами казенными и помѣщичьими въ Царствѣ Польскомъ: первые изъ нихъ могли быть довольны своею судьбой; что же касается другихъ, то они ничѣмъ не были обезпечены: помѣщики сгоняли ихъ съ земли, непрерывно перемѣняли или уменьшали обрѣзываемые ими участки, вслѣдствіе чего число безземельныхъ возрастало въ значительныхъ размѣрахъ. Въ 1846 году появился достопамятный указъ имѣвшій цѣлю поставити помѣщичьихъ крестьянъ въ такое же положеніе въ какомъ находились крестьяне въ имѣніяхъ казенныхъ. Указомъ этимъ было признано ихъ право на извѣстные участки земли состоявшіе въ ихъ пользованіи. Но эта важная мѣра не была осуществлена надлежащимъ образомъ вслѣдствіе глухаго противодѣйствія ей со стороны высшей

администраціи края, которая нисколько не сознавала, кажется, необходимости реформы и видѣла въ военной диктатурѣ единственное и вполнѣ достаточное средство чтобы поддерживать порядокъ въ Польшѣ. Впрочемъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и диктатура была необходима. Мы увидимъ далѣе что говоритъ о ней авторъ.

Маркизь Велѣпольскій находился въ числѣ тѣхъ которые могли воспользоваться амнистіей, и послѣ событій 1831 года онъ спокойно проживалъ въ своихъ помѣстьяхъ. Не такъ поступило значительное число лицъ принимавшихъ болѣе или менѣе видное участіе въ революціи. Хотя и имъ предоставлена была возможность остаться на родинѣ, они добровольно предпочли искать пристанища за границей. Такимъ образомъ сформировалась тамъ польская эмиграція пользовавшаяся столь прискорбною извѣстностью. Главнымъ центромъ ея стала Франція. „Встрѣченные весьма радушно, говоритъ г. Лисицкій, наши эмигранты поселились здѣсь въ ожиданіи событій къ которымъ направлены были всѣ ихъ стремленія и которыя по ихъ расчету должны были наступить въ непродолжительномъ времени. Каждый эмигрантъ, безъ различія мнѣній и партій, былъ поглощенъ только одною мыслию,—мыслию объ отомсткѣ, и одною надеждою,—надеждою снова увидѣть свою родину вступивъ въ ея предѣлы въ рядахъ крестовосцевъ долженствовавшихъ ополчиться чтобы вырвать Польшу изъ когтей русскаго орла. Многие изъ этихъ людей сбившихся съ пути, пожираемыхъ нетерпѣніемъ отчаянія, старались ускорить ходъ событій. Съ своей стороны, европейская революція простирала къ нимъ объятія: легкою добычею и послушнымъ орудіемъ представлялась для нея эта толпа людей которымъ нечего было терять, людей до крайности впечатлительныхъ, жаждавшихъ нововведеній и дѣятельности, неразборчивыхъ относительно своихъ союзниковъ и средствъ, они заимствовали у нея ея лозунги, ея страсти и пустое фразерство“. Существовали партіи въ средѣ польской эмиграціи, но цѣли ихъ были совершенно одинаковы. Одни думали достигнуть этихъ цѣлей вступая въ союзъ съ „народами“ противъ правительствъ, являлись передовыми бойцами во всякаго рода возстаніяхъ и смутахъ. Инымъ путемъ шли люди получавшіе внушеніе изъ пресловутаго отеля Ламберъ, мѣстопробыванія князя Адама Чарторыйскаго въ Парижѣ. Бывшій другъ императора Александра, никогда не

отличавшійся стойкостью своего характера, очутился теперь совершенно въ рукахъ своихъ приближенныхъ, между коими первое мѣсто принадлежало графу Владиславу Замойскому. „Поселившись въ Парижѣ, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, Замойскій безъ труда подчинилъ себѣ князя Адама, надъ которымъ онъ господствовалъ своимъ непреклоннымъ, твердымъ характеромъ и который исполнялъ все ему удобное. Онъ былъ настоящимъ и деспотическимъ руководителемъ своей партіи, великимъ констаблемъ воображаемой имъ монархіи и первосвященникомъ какой-то патріотической церкви которую удалось ему создать. Съ цѣлю усовершенствоваться въ военномъ дѣлѣ участвовалъ онъ въ осадѣ Антверпена, сражался подъ знаменами Карла-Альберта и въ Венгрии, но вѣчною его мечтой было создать армию которая находилась бы въ его собственномъ распоряженіи. Неоднократно пытался онъ формировать лодзьскіе легіоны,—въ Португаліи на службѣ у тамошней конституціонной партіи, въ Испаніи противъ карлистовъ, въ Алжирѣ, Piemontѣ, въ папскихъ владѣніяхъ и наконецъ въ Турціи во время Крымской войны, причемъ сунатанъ произвелъ его въ генеральскій чинъ“. Партія отеля Ламберъ убѣдила Адама Чарторыйскаго разыграть на старости дѣтъ шутовскую роль принявъ титулъ короля. „Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, въ средѣ новой Польши, возникшей на мостовой Парижа, создано Польшское государство которое имѣло своего короля и свое правительство, свои партіи, политику, дипломатію, бюджетъ, журналы, благотворительныя и учебныя заведенія, свое духовенство, религіозныя секты, своихъ поэтовъ, словомъ все что нужно для настоящаго государства,—только ни одного клочка земли. Эта новая Польша сдѣлалась настоящею родимой Поляковъ, тогда какъ другая Польша—созданная Богомъ—снизшла на стелень отдаленной колоніи и была деспотически управляема своею метрополіей“. Въ противоположность героямъ въ родѣ Мирославскаго, мечтавшимъ о всеобщей революціи, приверженцы Чарторыйскаго возлагали свои надежды исключительно на европейскія правительства. Повсюду старались они возбудить сочувствіе къ Польшѣ разчитывая что настроенное ими общественное мнѣніе повлияетъ на политику кабинетовъ. Неугомонная ихъ дѣятельность возбуждала удивленіе. „Чего же однако вы добиваетесь? спрашивали Замойскаго въ Англій: развѣ вы не понимаете

что никогда не начнемъ мы войны съ Россіей изъ-за Польши?—„Мы хотимъ, отвѣчалъ Замойскій, пригвоздить права Польши къ стѣнамъ вашего парламента“. Увы, замѣчаетъ авторъ, каждый гвоздь входилъ въ живое тѣло Польши, которой эмиграція причиняла громадный вредъ. Несчастное общество этой страны не переставало обращать взоры на то что дѣлалось за-границей, упорствуя въ безплодной оппозиціи и убажая себя желѣзными мечтами. Понятно что правительство лгало къ нему полное недовѣріе. „Въ виду потрясеній, говоритъ г. Лисицкій, происходившихъ послѣдовательно во Франціи, Италіи, Германіи, въ польскихъ провинціяхъ Австріи и Пруссіи,—потрясеній, угрожавшихъ политическому и социальному порядку континентальной Европы,—всякая уступка со стороны правительства была бы истолкована какъ доказательство его слабости и служила бы предвѣстіемъ его отреченія. Въ это смутное время система князя Паскевича имѣла разумное значеніе и сопровождалась благотворными послѣдствіями. Никто какъ онъ предохранилъ страну отъ революціонной и социалистической пропаганды столь дѣятельной по ту сторону границы, въ Галиціи и Познани. Его заслугою было поддержаніе спокойствія въ Царствѣ Польскомъ, невозможность тамъ сколько-нибудь серьезнаго заговора, сравнительно ничтожное число жертвъ. Содрогаясь при малѣйшемъ шумѣ, востерливо грызя свою узду, Польша переживала одинъ изъ тѣхъ кризисовъ когда достаточно одной искры чтобы произвести пожаръ. Для собственнаго ея блага нужно было сдерживать ее силой, обречь ее на неподвижность и безмолвіе.“

Польская литература тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ отдала себя совершенно въ распоряженіе эмиграціи. Имѣя во главѣ своей человека съ такимъ огромнымъ талантомъ какъ Мицкевичъ, она старалась подавить въ своихъ соотечественникахъ всякое сознаніе дѣйствительности, только разжигала ихъ страсти, говорила о приближеніи борьбы, о необходимости жертвовать собой и все это съ сильною примѣсью маслицизма расплывающаго воображеніе. Таковъ былъ общій ея тонъ. Именно поэтому должна была обратитъ на себя вниманіе небольшая брошюра появившаяся въ мартѣ 1846 года и озаглавленная: *Письмо польскаго дворянина къ князю Меттерниху*. Содержаніе ея во многихъ отношеніяхъ было по истинѣ необычайное. На брошюрѣ не стояло имени автора,

но скоро сдѣлалось извѣстнымъ что она вышла изъ-подъ пера маркиза Велёпольскаго и самъ маркизь не думалъ окрыгать этого. Поводомъ къ ней послужила извѣстная галицкiя событія означеннаго выше года, когда польская шляхта прибѣгла къ одному изъ обычныхъ своихъ мятежей, а крестьяне не только не оказали ей содѣйствiя, но бросались на помѣщиковъ, стали избивать ихъ и жечь ихъ дома. Сознаться что это происходило именно такъ, засвидѣтельствовать предъ всею Европой о той пропасти которая раздѣляла высшіе и низшіе слои польскаго общества, было положительное невозможно, а потому вся вина была свалена на Австрійское правительство которое будто бы умышленно устроило эту рѣзню. Обвиненiя такого рода опровергаются однако писателями которые не считаютъ нужнымъ смотрѣть на событія 1846 года въ Галиціи исключительно съ польской точки зрѣнiя. Какъ ни была коварна австрійская политика, есть же однако мѣра всякому коварству и едва ли знаменитый канцлеръ прибѣгнулъ бы къ такому предосудительному и опасному средству какъ ватравливать одинъ классъ народонаселенiя на другой; Австрійское правительство вовсе не находилось въ такомъ отчаянномъ положенiи чтобы не имѣть возможности подавить мятежъ военною силою; гораздо вѣрнѣе предположенiе что оно ничего не знало вразвѣе, ничего не предвидѣло и было застигнуто извѣстіями о мятежѣ върасплохъ; это вполнѣ согласно съ тѣмъ характеромъ которымъ отличалось управленiе князя Меттерниха въ послѣдніе годы его могущества, когда онъ въ гордой самоувѣренности опочилъ на лаврахъ и полагалъ что ему остается только наслаждаться плодами своей мудрости. Крестьяне въ Галиціи подвигались сами собою, причемъ очень можетъ быть что растерявшiяся мѣстныя власти были какъ нельзя болѣе довольны что къ нимъ привозили мятежныхъ шляхтичей связанными по рукамъ и по ногамъ, а это, разумѣется, только поощряло самоуправство крестьянъ. Но маркизь Велёпольскій призываетъ къ отвѣту прямо князя Меттерниха. Мы увидимъ далѣе что онъ вовсе не принадлежалъ къ числу людей желавшихъ дѣйствительнаго улучшенiя крестьянскаго быта, но онъ зналъ конечно очень хорошо каково положенiе крестьянъ находившихся въ зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ, вслѣдствiе чего нельзя читать безъ изумленiя страницы вылившіяся изъ-подъ его пера. Если вѣрить ему,

то въ этомъ отношеніи Польша чуть ли не съ незапамятныхъ временъ представляла какую-то цѣлѣю, которая была нарушена грубымъ вмѣшательствомъ Австрійскаго правительства. „Отношенія крестьянъ и помѣщиковъ при старомъ порядкѣ вещей, говоритъ онъ, отличались патріархальнымъ характеромъ; ихъ связывала одинаковость образа жизни и интересовъ, замятій и работъ, сильно напоминая о семейной жизни. Не было законовъ, кодекса чтобы регулировать эти отношенія, точно такъ же какъ не существуетъ закона который опредѣлялъ бы взаимныя отношенія родителей и дѣтей. Основой этого общественнаго союза были нравы отъзвывавшіеся мягкостью характера западныхъ Славянъ; имъ руководило вліяніе христіанской морали столь сильной въ эти времена набожности и религіознаго рвенія; мѣстный священникъ, представитель интересовъ религіи, былъ необходимымъ и уважаемымъ членомъ этой сельской семьи. Крестьянинъ не былъ привлекаемъ къ военной службѣ, а дворянство, платившее мало доходовъ, не обременяло его повинностями въ свою пользу. Встрѣчались конечно и дурные и хорошие господа, подобно тому какъ въ семействахъ господствуютъ миръ или раздоры, но совершенно несправедливо утверждать будто въ средѣ польскаго крестьянскаго сословія сохранились преданія о прежнихъ жестокостяхъ помѣщиковъ“. „Такъ, продолжаетъ авторъ, было въ старину; то же самое сохранилось и въ позднѣйшее время. Не жестоко ли слѣдовательно вносить рознь и вражду туда гдѣ все основано на взаимномъ довѣрїи и симпатїяхъ?“ „Нельзя отрицать, читаемъ мы далѣе, что со времени раздѣловъ Польша галційскія событія представляются самымъ важнымъ фактомъ въ предѣлахъ восточной Европы (!). Тогда было раздроблено значительное государство; то былъ раздѣлъ внѣшній, раздирали только территорию, но основные элементы общества оставались нетронутыми, ударъ не коснулся сердца націи. Жива еще была эта національность, столь любезная Европѣ, столь хорошо охраняемая ея симпатїями и ея рѣчами, ибо она состояла не въ одномъ только языкѣ; конечно языкъ дорогъ намъ какъ выраженіе, какъ органъ инстинктовъ ощущеній, самыхъ сокровенныхъ мыслей, мечтаній и воспоминаній всего нашего народа. Но гдѣ же искать животворный и священный источникъ всего этого, который и служить выраженіемъ нашего національнаго гения? Заключается онъ въ тѣсной вѣковой

связи помѣщика и крестьянина, въ установившихся обычаяхъ и правахъ. Мѣрами давно уже задуманными вами и послѣднимъ результатомъ коихъ было то что совершилось нынѣ въ Галиціи, вы достигли наконецъ что польская нація разлагается въ своихъ элементахъ.... Никогда и ни за что въ мірѣ мы не являлись предъ вами попрошайками; теперь же мы обращаемся къ вамъ съ мольбой: увѣряютъ будто вамъ желательно чтобъ исчезли мы съ лица земли; отнимите у насъ жизнь, но пусть же послужитъ она вознагражденіемъ за то что вами похищено у насъ; возьмите наши головы, но прежде чѣмъ онѣ лягутъ, возвратите намъ привязанность нашихъ крестьянъ, и если ужъ нужно насъ убивать, то пусть погибнемъ мы не отъ ихъ руки. Не будемъ говорить о прежнемъ нашемъ отечествѣ, ибо вы ставите намъ въ преступленіе воспоминаніе о немъ; не будемъ касаться трактатовъ, ибо вы не любите чтобы вамъ наломивали о вашихъ обязательствахъ. Но ради Бога, допустите чтобы по крайней мѣрѣ можно было намъ вести рѣчь объ этой единственной сохранившейся національности или—если слово непріятно вамъ о томъ что можете назвать какъ угодно, объ этой ничтожной вещи, объ этомъ существованіи, которое можно было бы совершенно безопасно предоставить намъ: вѣдь никто не уломывалъ бы о немъ ни въ какихъ парламентскихъ преніяхъ, Европа игнорировала бы или не поняла бы его и не причиною бы оно вамъ ни малѣйшаго безлокойства. Существованіе это было такъ скромно что не стоило бы даже и замѣчать его, а между тѣмъ въ немъ заключалось для насъ все,—все оставшееся у насъ отъ прежняго нашего богатства и отъ наслѣдія нашихъ отцевъ: а говорю о жизни съ народомъ и посреди народа, для него и при его содѣйствіи. Вотъ что вы отняли у насъ! Я говорю о сельской жизни, объ этой единственной публичной жизни, единственномъ отечествѣ, которое у насъ сохранилось. Возвратите намъ ее, возвратите намъ сердца нашихъ крестьянъ....“

Въ біографіи маркиза Велёпольскаго мы читаемъ что еще въ очень молодыхъ годахъ началъ онъ готовиться къ своему первому процессу о которомъ уломываюто выше, что по настоянію его матери изъ него вышелъ ученый и практический юристъ который въ послѣдствіи удивлялъ публику глубокимъ знаніемъ всѣхъ тонкостей и извивовъ адвокатскаго краснорѣчія. Охотно вѣримъ этому. Нужно было изловчиться въ

умѣли защищать какое угодно дѣло чтобы выставить въ столь обольстительномъ свѣтѣ взаимныя отношенія польскихъ помѣщиковъ и крестьянъ!

Но если мы замѣтили выше что брошюра подъ заглавіемъ: *Письмо польскаго дворянина къ князю Меттерниху*, представляла необычайное явленіе, то вовсе не съ точки зрѣнія какъ смотрѣлъ авторъ ея на крестьянскій вопросъ. По истинѣ, удивительными представлялись другія его сужденія. Въ то время когда польская интеллигенція считала патриотическимъ долгомъ сосредоточивать всю свою ненависть на Россіи, когда обольщая себя несбыточными ожиданіями она безплодно тратила свои силы на заговоры и мятежи, вдругъ послышался голосъ осуждавшій ея образъ дѣйствій съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. „Въ лихорадочной и праздной погонѣ за неуловимымъ будущимъ, говорилъ Велѣпольскій, при беззаботности о настоящемъ которое ускользаетъ отъ насъ, силы наши слабѣютъ, разумъ падаетъ, чувства извращаются и злоба съ которою мы вкушаемъ насущный хлѣбъ подрываетъ въ насъ достоинство человѣческой природы. Все болѣе портятся прекрасныя черты польскаго характера; мы видимъ что вмѣсто доблестныхъ качествъ нашихъ отцевъ, ихъ великодушія, доброты, ихъ благороднаго честолюбія, выступаютъ наружу дерзость, вивость и зависть. Самые недостатки ихъ мельчаютъ въ насъ: величавый хаосъ ихъ смуть замѣнился мелкими дразнами нашихъ ссоръ. Вся наша политическая жизнь сосредоточилась въ безплодномъ словопревѣи, поглощаемъ и послѣдніе остатки нашихъ силъ. Жужжаніе нашихъ внутреннихъ раздоровъ величается названіемъ общественнаго мнѣнія, ибо въ этомъ общемъ банкротствѣ даже слова нашего прекраснаго языка теряютъ смыслъ и не выражаютъ дѣйствительности. Избранные люди въ нашей средѣ, пастыри заблудшаго стада, надрываются въ гигантскихъ усиліяхъ; скорбь и смерть уносятъ ихъ равнѣ чѣмъ слѣдовало бы. Сердца сохнутъ, умы ожесточаются и обрѣзъ истины темнѣетъ все болѣе и болѣе; даже надежда искажается,—матери питаютъ своихъ дѣтей кровью и желчью и зараза кознувшаяся отцевъ не пощадила и эти вѣжныя существа. Вскорѣ и они будутъ блуждать въ отыскиваньи того къ чему тщетно мы стремились.... Нѣтъ, злоба накопившаяся вѣками въ сердцахъ столькихъ поколѣній не можетъ быть дѣломъ воли Божіей; отечество не можетъ быть для насъ тѣмъ цдо-

ломъ, которому нужно будто бы приносить въ жертву интересы человечества и вѣчные принципы общественнаго порядка...“

Закаеививъ такимъ образомъ тогдашнее настроеніе польской интеллигенціи, которое неминуемо должно было привести ее къ окончательной погибели, авторъ брошюры говоритъ что она не должна однако отчаиваться въ будущемъ, если только хватить у нея мужества выступить на совершенно иной путь. Онъ указывалъ Полякамъ именно на необходимость примиренія съ Россіей. „Нужно рѣшиться, говорилъ онъ, вмѣсто того безпорядочнаго и безтолковаго образа дѣйствій котораго держались мы до сихъ поръ, нужно избрать другой, единственно разумный и сообразный съ обстоятельствами. Вмѣсто того чтобы вымалывать себѣ положеніе на западѣ, мы можемъ, сосредоточившись въ самихъ себѣ, создать себѣ будущность въ противоположномъ концѣ, проложить себѣ путь въ предѣлахъ громадной державы. Если не достаетъ у насъ силъ обезпечить свою судьбу въ смыслѣ политическаго цѣлаго, въ смыслѣ государства, то мы имѣемъ возможность упрочить ее на новый ладъ какъ члены одного и того же племени. Нерѣдко случалось что продолжительный антагонизмъ раздѣлялъ элементы призванные воспламять, умѣрять другъ друга и наконецъ слиться воедино: не то ли же самое ожидаетъ двѣ славянскія націи, уторствовавшія доселѣ въ братоубійственной борьбѣ?... Если Русское правительство строго теперь управляетъ нами, то мы сами въ этомъ виноваты? Не лора ли намъ добровольно рѣшиться на то чему мы подчинялись по принужденію? Какъ скоро мы перестанемъ выставлять себя рабами, наши владыки поневолѣ сдѣлаются нашими братьями“. Брошюра Велёпольскаго оканчивалась слѣдующими словами: „Скоро ли наступитъ день когда польское дворянство, влача за собой остатки народа который еще послушно слѣдуетъ за нимъ, гордое, но заставляющее умолкнуть свое трепещущее сердце, скажетъ русскому государю:—„Мы отдаемъ вамъ какъ самому великодушному изъ нашихъ враговъ. До сихъ поръ вы владали нами какъ рабами, по праву завоеванія, опираясь на силу,—теперь же вы пріобрѣтаете надъ нами новыя права. Соединяя судьбы свои съ судьбами вашей имперіи, мы покоряемъ вамъ какъ свободные люди, которые имѣютъ мужество признать себя побѣжденными; мы дѣлаемъ это по доброй

воля, безо всякой демонстраціи и расчета, по влеченію сердца и по убѣжденію. Отвывъ и для насъ становитесь вы монархомъ милостію того Бога, предъ судомъ коего, выразившимся въ судьбахъ нашего народа, мы слѣдшимъ преклоняться. Мы сбрасываемъ всю эту ветошь, всѣ эти обманчивыя и разчитанныя симпатіи, это дешевое краснорѣчіе, эта гаяртіи, все то что люди называютъ лышвымъ именемъ международнаго права, все это трялье которымъ Европа изъ жалости надѣяла насъ, но которое плохо прикрываетъ раны нашего тѣла. Нѣтъ, мы не отстулаемъ предъ основнымъ закономъ нашего государства, требующимъ не выставлять никакихъ условій; вы сами рѣшите когда будетъ можно ослабить строгость относительно насъ; слѣдовательно, на малѣйшихъ оговоркахъ, но въ сердцахъ нашихъ начертана лылающими письмевами лишь одна безмолвная мольба: не оставяйте безваказаннымъ преступленіе совершенное чужеземцемъ надъ нашими братьями въ Галиціи; пролитая тамъ славянская кровь волиетъ объ отмщеніи...“

Заключительныя слова въ приведенномъ нами отрывкѣ могутъ внушить мысль что латетическое обращеніе автора къ русскому государю и вообще возгласы его о необходимости сближенія съ Россіей выпались изъ-подъ его пера подъ вліяніемъ минуты, подъ вліяніемъ крайняго раздраженія противъ австрійскихъ властей по поводу событій въ Галиціи. Отчасти это было дѣйствительно такъ. Велѣпольскій вовсе не былъ такимъ врагомъ Австріи какимъ оны выставляетъ себя въ своемъ письмѣ къ князю Меттерниху. Еслибы и возникли сомнѣнія на этотъ счетъ, то біографъ его старается ихъ разсѣять. „Минимая ненависть маркиза къ Австріи, говоритъ оны, существовала лишь въ воображеніи лицъ которымъ непремѣнно хотѣлось увѣрить государственныхъ людей этой страны будто политическая программа Велѣпольскаго въ 1862 году угрожала ей серіозными оласностями. Въ брошюрѣ своей, на которую ссылались для доказательства означенныхъ обвиненій, оны возставалъ не противъ Австріи, а противъ извѣстныхъ дѣйствій Австрійскаго правительства, которыя многими другими и прежде и послѣ него были порицаемы еще съ большею силой“. Брошюра Велѣпольскаго появилась давно, но въ послѣднее время, по случаю разбираемой нами его біографіи, снова обращено было на нее вниманіе, и въ нашей литерату-

рѣ посамшались уже голоса что въ авторѣ ея слѣдуетъ видѣть одного изъ лоборниковъ славянскаго единства, человѣка глубоко провикнутаго славянскою идеей;—но подобный выводъ не основанъ рѣшительно ни на чемъ. Мы видимъ только что по уму и здравому смыслу Велёпольскій не измѣримо превосходилъ своихъ соотечественниковъ. Онъ ловялъ то чего никакъ не хотѣли ловяты другіе, какъ это ни должно было бы казаться просто и очевидно для всякаго, а имено что сами Поляки не обладаютъ силами для того чтобъ измѣнить исторически сложившуюся свою судьбу, что разчитывать на европейскіе кабинеты болѣе чѣмъ легкомысленно, ибо для нихъ Польша всегда была и будетъ средствомъ, а не цѣлью;—находиться же въ услугахъ у европейской революціи, надѣясь что въ благодарность за это она выручитъ когда-нибудь Поляковъ, еще глупѣе. Онъ ловялъ что подобный образъ дѣйствій только окончательно развратитъ Польское общество и имѣлъ мужество откровенно высказать свое убѣжденіе. Развивая свои мысли, онъ зашелъ далѣе чѣмъ хотѣлось ему самому—отнюдь не думая онъ о такомъ безусловномъ подчиненіи Россіи о какомъ идетъ рѣчь въ его брошюрѣ,—и объясняется это тѣмъ что несмотря на свою обычную сдержанность Велёпольскій былъ чловѣкъ съ страстною натурой, у котораго въ минуту запальчивости вырывалось много чего онъ не сказалъ бы въ другое время. Ему приписываютъ, между прочимъ, такого рода фразу; „ваше прошлое сгорѣло и превратилось въ пепель;“ въ другой разъ, когда его противники, взоры коихъ постоянно направлялись къ этому прошлому, утверждали, указывая на поетовъ, музыкантовъ, живописцевъ, вышедшихъ въ послѣднее время изъ среды Польскаго общества, что нельзя считать такой народъ отжившимъ, онъ произнесъ: „развѣ ногти и волосы не вырастаютъ иногда и у мертвецовъ?“ Но когда увидимъ какое мѣсто предоставлялъ Велёпольскій Польшѣ въ союзѣ ея съ Россіей, то убѣдимся, слѣдуетъ ли искать въ приведенныхъ сейчасъ отрывочныхъ фразахъ выраженіе его настоящей мысли.

Чего же въ сущности хотѣлъ онъ? О какомъ сближеніи съ Россіей онъ помышлялъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не совсемъ легко уже потому что Велёпольскій былъ крайне несообщителенъ и умѣлъ таить ото всѣхъ свои задушевные идеи. „Путешествуя за границей, говоритъ г. Лисицкій, онъ

избѣгалъ официальнаго міра. Содержаніе его корреспонденціи ограничивалось всегда самымъ необходимымъ. Достаточно было появляніа въ салонѣ антипатичнаго ему лица чтобъ онъ сдѣлался холодежъ какъ ледъ и молчалъ въ теченіе цѣлаго вечера. Онъ не любилъ спорить и лишь изрѣдка вырывались у него фразы которыми поражалъ онъ какъ обухомъ. Онъ былъ на распашку лишь съ самыми испытанными друзьями или въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ. Въ разбираемой нами книгѣ не встрѣчается ни одного документа въ которомъ самъ Велёпольскій выразилъ бы намекъ на преслѣдуемыя имъ цѣли. Остается судить о немъ по его дѣйствіямъ, которая къ счастью была достаточно краснорѣчивы, а зачѣмъ по сужденіямъ и замѣткамъ высказаннымъ его биографомъ. Г. Лисицкій писалъ свою книгу подъ руководствомъ г. Сигизмунда Велёпольскаго, сына покойнаго маркиза, и конечно онъ вложилъ компетентное лицо во всемія что касается нравственной оцѣнки его героя.

По словамъ его не могло быть ничего неосновательнѣе того неблагоприятнаго пріема которымъ было встрѣчено *Письмо польскаго дворянина къ князю Меттерниху*. Въ брошюрѣ этой шла рѣчь о сближеніи, о примиреніи съ Россіей, но развѣ еще не высказывались голоса въ точно такомъ же смыслѣ? Аббатъ Сташичъ развивалъ эту тему въ своихъ сочиненіяхъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ царствованіе Александра I, выступили на сцену люди которые старались практически осуществить ее: то были князь Адамъ Чарторыйскій и князь Михаилъ Огинскій. Указаніе это очень интересно, ибо, зная къ чему были направлены замыслы упомянутыхъ лицъ, мы сразу поставлены на настоящую точку зрѣнія и относительно того что имѣлъ въ виду и Велёпольскій видѣвшій въ нихъ своихъ предшественниковъ. Дѣйствительно, о полной покорности Русскому правительству, о покорности „безо всякихъ оговорокъ и условій“, ибо, какъ сказано въ брошюрѣ, это противорѣчило бы основному закону Имперіи, не могло быть и помыслу. „Маркизу, говоритъ г. Лисицкій, приписывали предвзятое намѣреніе склонить Польшу къ героическому самоубійству, заставить ее видѣть единственную возможность спасенія въ отреченіи отъ своего пропалаго и въ добровольномъ самоуничтоженіи въ средѣ панславизма. Удивительное дѣло,—упреки эти особенно послышались пятнадцать лѣтъ спустя послѣ появленія брошюры,

когда образъ дѣйствій маркиза достаточно доказалъ какъ далека была отъ него мысль о самоуничтоженіи польской національности. Перечитывая со вниманіемъ *Письмо къ князю Меттерниху*, не трудно убѣдиться что вѣтъ тамъ рѣчи ни о „самоубійствѣ“, ни о „самоуничтоженіи“, ибо авторъ советовалъ Полякамъ занять мѣсто *eo glasse* славянской цивилизаціи и указывалъ имъ на примѣры Нѣмцевъ Прибалтійскаго края, которые, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ управляли Россіей.“ Дѣйствительно, въ брошюрѣ своей маркиза Велёпольскій доказывалъ что если нація и утратила свою независимость, то изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы закончилась историческая ея роль и въ примѣръ приводилъ древнихъ Грековъ которые, будучи покорены Римлянами, пользовались огромнымъ вліяніемъ надъ Римскимъ обществомъ. Другой примѣръ, по словамъ его, представляютъ въ настоящее время наши Прибалтійскія провинціи. Онѣ не имѣютъ, говорилъ онъ, значенія въ Россіи какъ государство, какъ политической организмъ, но помимо даже матеріальнаго приращенія которое онѣ привнесли ей, эти провинціи, благодаря нѣмецкому своему элементу, оказываютъ важное вліяніе на ея судьбы. Еслибъ утратили онѣ теперешній свой характеръ, то это обратилось бы во вредъ самой Имперіи. Точно также и благодаря вашему нравственному содѣйствію, увеличилось бы могущество Россіи.“ Такимъ образомъ, по мысли Велёпольскаго; Польша сошлась бы съ Россіей чтобы принять на себя роль ея руководительницы,—роль, которую, какъ онъ полагалъ, не трудно было бы ей усвоить себѣ, ибо Велёпольскій былъ убѣжденъ что Поляки отнюдь не менѣе Нѣмцевъ превосходятъ Русское общество въ культурномъ отношеніи. Слѣдя за его программой, мы видимъ далѣе что Польша въ томъ только случаѣ могла бы съ успѣхомъ исполнить это столь благотворное и для нея самой и для Русскаго государства назначеніе, еслибъ ей была предоставлена полная автономія. Велёпольскій понималъ эту автономію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Русское правительство должно было пожертвовать интересами государственнаго единства своей страны, должно было навсегда отказаться отъ мысли установить тѣсную связь между Имперіей и польскими своими областями, въ которыхъ цѣлый классъ общества не переставалъ обнаруживать непримиримую вражду ко всему русскому,—и для чего же все это? Для того, говорятъ намъ, что

это единственный способъ разрѣшить польскій вопросъ и положить конецъ антагонизму столь долго раздѣлявшему Поляковъ и Русскихъ. Но опытъ былъ сдѣланъ даже въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ чѣмъ предлагалъ Велёпольскій, и чѣмъ же кончился онъ? Развѣ автономія предоставленная Польшѣ при Императорѣ Александрѣ I не послужила ей только для того чтобы выступить съ невыносимыми притязаніями? Изъ чего же можно было убѣдиться что она сознала наконецъ ихъ волюющее беззаконіе и безразсудство? Любопытно было бы между прочимъ прослѣдить, отстранялся ли отъ нихъ и самъ Велёпольскій, который услѣлъ столь краснорѣчиво порицать своихъ соотечественниковъ за ихъ дѣйствія вызвавшія возстаніе 1830 года? По обыкновенію, мы не находимъ въ разбираемой нами книгѣ ни одного прямого указанія на то какъ смотрѣлъ онъ, напри- мѣръ, на наши западныя области,—на эти, по выраженію его біографа, „старинныя польскія провинціи, которыя въ Россіи принято офиціально называть западнымъ краемъ“. Онъ отстранялъ вопросъ о нихъ, ибо, по словамъ его, не время было заниматься ими. Большимъ безразсудствомъ, по мнѣнію его, со стороны Поляковъ было то что послѣ 1815 года они круто и грубо обнаружили свое посягательство на означенныя области, ибо это раздражило русское общественное мнѣніе, краснорѣчивымъ истолкователемъ коего явился Карамзинъ, въ извѣстной своей запискѣ представленной имъ императору Александру Павловичу. Правительство встрепенулось, обратило вниманіе на дѣятельную пропаганду которая такъ успѣшно развивалась тамъ подъ руководствомъ одного изъ „предшественниковъ“ Велёпольскаго, приняло необходимыя мѣры и—„переходя отъ строгости къ строгости, говоритъ г. Лисецкій, кончило тѣмъ что стало вводить въ гимназіяхъ *русскій* языкъ.“ При императорѣ Николаѣ „строгости“ продолжались, учреждена была особая греко-уніатская коллегія въ Петербургѣ, затѣмъ послѣдовало возвращеніе уніатовъ въ православіе,—все это, по мнѣнію нашего автора, было дѣломъ грубаго насиія, и Полякамъ оставалось лишь скорбѣть о томъ что наносимы были удары „великой идеѣ единенія церкви которая нѣкогда осуществлена была Польшей!“ Вотъ каковы были послѣдствія ихъ неосторожности; они слишкомъ понадѣялись на свою силу, и дѣйствительно вопросъ былъ поставленъ ими такимъ образомъ что только сила могла

произнести рѣшительное слово „между *фактическими* облада-
ніемъ западнымъ краемъ и *историческими* на него правами,
подтвержденными обѣщаніемъ императора Александра,—обѣ-
щаніемъ равносильнымъ торжественному обязательству“. По-
ляки не поняли, замѣчаетъ г. Лисицкій, что только въ союзѣ
съ Россіей могли бы они „отстоять историческую цѣлость
(*intégrité historique*) своей территоріи“. Для этого нуженъ
былъ Кавуръ, а Кавура у нихъ не оказалось. „Настоящій
государственный человѣкъ,—продолжаемъ говорить словами
автора разбираемой нами книги,—постарался бы извлечь
пользу изъ дарованной Польшѣ конституціи чтобъ устроить
общественное зданіе своего отечества, вызвать наружу его
силы и средства; народъ которому удалось установить съ
Литвой связь настолько прочную что она уцѣлѣла даже
послѣ раздѣловъ, послѣ утраты имъ своей независимости, на-
родъ, который посредствомъ единенія церквей и колонизаціи
сталъ твердою ногою и въ *русинскихъ* провинціяхъ, народъ,
который доказалъ такимъ образомъ присущую ему силу ат-
тракціи“, могъ, по мнѣнію г. Лисицкаго, спокойно взирать
на будущее.

Вопросъ о притязаніяхъ Поляковъ, столь оскорбительныхъ
для русскаго національнаго чувства, оставался сдѣловательно
открытымъ, ибо время еще не наступило для него. Если, по
словамъ панегириста маркиза Велѣпольскаго, онъ могъ быть
разрѣшенъ силою, то прежде надлежало позаботиться о томъ
чтобы сдѣлать Польшу сильною. Она нуждалась въ обшир-
ныхъ преобразованіяхъ, которыя могли быть осуществлены
лишь человѣкомъ облеченнымъ широкою властью; эту власть
онъ долженствовалъ получить отъ Русскаго правительства,
но самостоятельность его дѣйствій обезпечивалась бы авто-
номіей Польши. Въ одномъ мѣстѣ своей книги г. Лисицкій
выражается такимъ образомъ о соперникѣ маркиза Велѣполь-
скаго, графѣ Андрѣѣ Замойскомъ: „По его убѣжденію Польша
упорнымъ трудомъ, распространеніемъ въ своей средѣ
образованія, возвышеніемъ своего нравственнаго уровня,
окрѣпла бы въ своихъ силахъ, и тогда, въ благоприятную
минуту, она естественно и безъ потрясеній отпала бы отъ
Россіи, какъ отпадаетъ отъ дерева зрѣлый плодъ. Нельзя, ко-
нечно, придумать ничего лучше этой программы, но вся труд-
ность въ томъ чтобы привести ее въ исполненіе“. Мы уви-
димъ далѣе почему Замойскій былъ рѣшительно неспособенъ

на это. Что касается маркиза Велёпольскаго, онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, еслибы обстоятельства вызвали его къ дѣятельности.

II.

Мы не намѣрены и не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь подробно на польскихъ смутахъ начала шестидесятихъ годовъ. Происходили онѣ такъ недавно что конечно еще живы въ памяти нашихъ читателей. Онѣ интересуютъ насъ въ настоящую минуту лишь насколько отразилась въ нихъ личность маркиза Велёпольскаго, образъ дѣйствій котораго былъ такъ загадоченъ и исполненъ такихъ противорѣчій что, какъ увидимъ, даже г. Лисицкому не удается пріискать ему удовлетворительнаго объясненія.

Въ маѣ 1838 года Государь Императоръ впервые по воцареніи своемъ посѣтилъ Варшаву. При этомъ случаѣ произнесъ онъ рѣчь какъ нельзя болѣе доброжелательную для Поляковъ, содержавшую торжественное обѣщаніе заботиться о благѣ ихъ родины, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминавшую что Польша навсегда должна была находиться въ тѣсномъ соединеніи съ Россіей. Рѣчь эта кончалась знаменательными словами: „откажитесь отъ мечтаній“. Всякому было понятно къ чему именно относились они, и лучше всѣхъ долженъ былъ понимать это маркизъ Велёпольскій, утѣвлившій такъ краснорѣчиво разглагольствовать о вредѣ который причиняли себѣ его соотечественники тѣмъ что не хотѣли мириться съ дѣйствительностью и лгали утратившими смыслъ мечтами. Тѣмъ не менѣе, г. Лисицкій говоритъ что предостереженіе сдѣланное Полякамъ произвело на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе: „оно удивило всѣхъ, потому что именно въ то время Поляки уже отказались отъ мечтаній“. Было бы излишне съ нашей стороны возражать противъ этого замѣчанія, ибо самъ авторъ послѣдшилъ опровергнуть его. Немного далѣе онъ говоритъ: „Масса интеллигенціи единодушно отвергала мысль о томъ чтобъ отречься отъ революціи 1830 года, въ которой она видѣла законное выраженіе правъ Польши на независимость. Мы обязаны, твердила она, идти по слѣдамъ нашихъ предшественниковъ, только съ большею осторожностью и расчетомъ; не нужно никакихъ сдѣлокъ съ врагомъ который намъ долженъ все, и которому мы ничего не должны;

не сдѣдуетъ и пытаться о раскаяніи, которое было бы извѣстно и недостаткомъ уваженія какъ къ сопредѣламъ въ мѣсту, такъ и къ находящимся еще въ живыхъ“. Впрочемъ, всѣ послѣдующія событія достаточно доказали въ какой мѣрѣ оказались тогда Поляки отъ „мечтаній“. Польское дворянство рѣшилось въ отвѣтъ на рѣчь Государя Императора представить записку въ которой было бы обозначено чего оно желаетъ для своей области, и для этого прибѣгли къ барону Фирксу, который и въ послѣдствіи всегда былъ готовъ оказывать услуги такого рода. Но въ эту минуту выступилъ Всаёпольскій. Записка, по мнѣнію его, отличалась избыткомъ благоразумія и умѣренности (par un excès de modération et de prudence); вмѣсто вса онъ предлагалъ адресъ составленный имъ самимъ, и предложеніе его восторжествовало. Читая оба документа, нельзя не убѣдиться что Всаёпольскій далеко оставилъ за собой тѣхъ лицъ которыми руководилъ перомъ барона Фиркса. Онъ почти прямо затронулъ вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ, но за то не пропустилъ ни одного слова которое служило бы ручательствомъ со стороны Поляковъ что они не помышляютъ возвратиться къ заблужденіямъ прежняго времени. „Какъ было отвѣтиться на это? восклицаетъ г. Лисцкій: развѣ дѣла могли выразить порицаніе своимъ отцамъ?“ Вообще вса эта исторія съ адресомъ выставляется въ странномъ свѣтѣ автора *Письма къ князю Меттерниху*, если только вѣрить искренности высказанныхъ въ этой брошюрѣ убѣжденій.

Но вслѣдъ за первымъ своимъ дебютомъ Всаёпольскій опять на нѣкоторое время ступивался. Онъ не состоялъ членомъ возникшаго въ 1867 году Земледѣльческаго Общества, хотя вса сколько-нибудь значительные помѣщики, числомъ около 3.000, принимали въ немъ участіе. Причиной было то что на него продолжали смотрѣть подозрительно и что особенно предсѣдатель Общества, графъ Андрей Замойскій, не скрывалъ своего нерасположенія къ нему. У г. Лисцкаго мы находимъ любопытную характеристику этого другаго виднаго дѣятеля смутнаго времени. Замойскій, находившійся по матери въ близкомъ родствѣ съ Чарторыйскими, принималъ участіе въ революціи 1830 года, но не захотѣлъ эмигрировать, а остался на родинѣ и, благодаря огромному своему состоянію и большимъ связямъ, пользовался значительнымъ вліяніемъ. Разыгрывая, какъ уже упомянуто нами выше, роль

аристократа на англійскій манеръ, онъ хотѣлъ быть душой всякаго рода промышленныхъ предпріятій, отъ которыхъ ждалъ пользы для своей страны, изучалъ политическую экономію и вообще предавался какой-то лихорадочной, хотя и не совсѣмъ толковой, дѣятельности въ этомъ направленіи. По словамъ нашего автора, кто-то сравнилъ его со вспомогательнымъ глаголомъ: онъ былъ въ жизни тѣмъ чѣмъ вспомогательный глаголъ служитъ для выраженія мысли. Руководство ничѣмъ и ни въ чемъ не могло принадлежать ему, ибо онъ имѣлъ привычку обращать вниманіе на подробности, а не на суть дѣла, залутовался въ этихъ подробностяхъ и упустилъ главное изъ виду. Отъ того всѣ его предпріятія оказывались по большей части непроизводительными. „Точно также и въ политикѣ, говоритъ г. Лисицкій, взгляды его всегда были направлены лишь въ одну сторону, ничего не видѣлъ дѣлае узкаго горизонта извѣстной минуты. Онъ усвоилъ себѣ нѣсколько идей, не позаботившись связать ихъ логическою связью, да и съ ними справлялся очень трудно.“ Замойскій былъ вослѣдствіемъ въ помятыхъ того поколѣнія которое произвело революцію 1880 года и благоговѣлъ предъ высокою мудростью своего дяди, князя Адама Чарторыйскаго. Понятно что такой человекъ былъ драгоценною находкой для всякаго рода политическихъ агитаторовъ въ Польшѣ; они величали его земнымъ провидѣніемъ своей страны, расточали предъ нимъ лесть, а онъ болѣе всего дорожилъ своею популярностію. Онъ могъ быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ, между прочимъ, и потому что имѣлъ доступъ къ фельдмаршалу князю Паскевичу, оказывавшему ему вниманіе какому не могли похвалиться другія лица польской аристократіи.

Авторъ разбираемой нами книги не въ состояніи объяснить причинъ которыя побудили маркиза Велёпольскаго уклониться отъ участія въ Земледѣльческомъ Обществѣ. „На этотъ счетъ, говоритъ онъ, приходится довольствоваться догадками.“ По всему вѣроятію, маркизъ предчувствовалъ, какаа роль ожидаетъ его впереди и уже готовился къ ней; ему не хотѣлось выступить, такъ сказать, чрезъ заднюю дверь, на поприще общественной дѣятельности. Къ тому же онъ не слишкомъ довѣрялъ многолюднымъ собраніямъ, въ которыхъ на первомъ планѣ обнаруживается стремленіе блистать и вызывать аплодисменты; онъ ненавидѣлъ всякаго рода академи-

чекія пренія о праздыхъ вопросахъ, и нисколько не прельщала его академія которая намѣревалась разсуждать объ искусственомъ удобреніи земли и воздѣлываніи свеклы. Но хотя самъ Велёпольскій не поѣхалъ въ Варшаву, онъ послалъ туда своего сына, графа Сигизмунда. Предсѣдатель Общества объявилъ однако что Сигизмундъ никакимъ образомъ не можетъ замѣститъ своего отца, принялъ его очень недружелюбно и между прочимъ поставилъ ему въ вину что онъ носилъ русскій мундиръ.... Разрывъ былъ полный. „А между тѣмъ эти два человека (т.-е. Велёпольскій и Замойскій), замѣчаетъ намъ авторъ, были какъ бы созданы для того чтобы восполнять другъ друга. Еслибы вступили они въ тѣсный союзъ, то это была бы сила способная преодолѣть какія угодно прелатствія.“ Но, какъ уже сказано выше, Замойскій не хотѣлъ и слышать о маркузѣ; по словамъ автора, онъ чувствовалъ непреодолимое къ нему отвращеніе „въ родѣ того какъ нѣкоторые люди не могутъ спокойно видѣть кошекъ...“

Въ 1860 году броженіе уже замѣтно овладѣваетъ польскимъ обществомъ, и странно что въ эту критическую минуту маркузь Велёпольскій предпринялъ путешествіе за границу, именно въ Парижъ. Если вѣрить автору разбираемой нами книги, онъ не видѣлся тамъ съ императоромъ Наполеономъ, „къ которому питалъ особенную слабость,“ но за то происходило у него свиданіе съ вождями эмиграціи. Велёпольскій очевидно хотѣлъ испробовать нельзя ли придти къ соглашенію съ ними въ виду предстоящихъ событій, но съ перваго же шагу встрѣтилъ сильный отпоръ. „Прежде всего объясните намъ, сказали ему, по какимъ соображеніямъ вы допустили своего сына служить въ русской арміи?“ „Потому что мнѣ этого хотѣлось,“ сухо отвѣчалъ онъ. Такимъ образомъ эмиграція отвернулась отъ него, и Земледѣльческое Общество въ Варшавѣ, сгруппировавшееся вокругъ Андрея Замойскаго, не хотѣло знать его. Оно все болѣе и болѣе становилось органомъ революціонныхъ стремленій страны. Велёпольскаго возмущало противъ него, во первыхъ, то обстоятельство что по крестьянскому вопросу, какъ увидимъ далѣе, оно начало склоняться, подъ давленіемъ крайней партіи, на несочувственный ему путь, а во вторыхъ, онъ ловилъ что это общество, весьма сильное для пролаганды, не въ состояніи однако достигнуть никакихъ положительныхъ результатовъ, ибо самый

указъ его нисколько не уполномочивалъ его на ту роль которую онъ себѣ присвоилъ. Въ этомъ отношеніи Велѣпольскій былъ гораздо дальновиднѣе графа Замойскаго и его друзей. Въмѣсто общества совершенно частнаго, обязавшаго ограничиваться лишь экономическими вопросами и пользовавшагося популярностью только потому что потворствовало тогдашнему разгулу страстей, онъ хотѣлъ создать настоящее легальное представительство. Другое дѣло, въ какой мѣрѣ это соответствовало существовавшему положенію дѣлъ. Велѣпольскій не могъ, конечно, не понимать что, при общемъ и гибельномъ возбужденіи умовъ, представительство о которомъ онъ мечталъ будетъ осуждено еще на болѣе печальную роль чѣмъ въ періодъ времени отъ 1815 до 1830 года. Какъ бы то ни было онъ отважился на эту попытку. Снова составилъ онъ проектъ адреса къ которому хотѣлось ему привлечь польское дворянство. Въ этомъ адресѣ, человекъ очень хорошо знавшій что конституція была вѣкогда дарована Польшкѣ совершенно по доброй волѣ императора Александра, рѣшался утверждать будто эта конституція должна навсегда считаться основнымъ закономъ для Польши. Съ казуистическими изворотами доказывалъ онъ что если послѣ возстанія 1830 года и была она отменена, то будто бы это отнюдь не ослабляетъ ея силы, ибо въ органическихъ статутахъ императора Николая не упоминалось прямо объ ея отменѣ. „Все показываетъ, гласилъ проектъ адреса, что Августѣйшій предшественникъ Вашего Величества не считалъ статутъ 1832 года обязательнымъ и окончательнымъ закономъ для Царства Польскаго; вслѣдствіе того статуты не могли упразднить конституціонную хартію 1815 года,“ и адресъ заканчивался просьбой „возстановить учрежденія господствовавшія въ Польшѣ при императорѣ Александрѣ.“ Маркизь желалъ чтобы Земледѣльческое Общество присоединилось къ задуманной имъ петиціи; переговоры шли черезъ графа Оому Потоцкаго, но неудачно, потому что автору адреса главнымъ образомъ ставили въ вину зачѣмъ не упомянулъ онъ о Литвѣ. Въ это время, по справедливому замѣчанію г. Лисицкаго, Земледѣльческое Общество уже вполнѣ находилось въ рукахъ революціонеровъ, но какъ ни сумасбродны были его дѣйствія едва ли можно было ожидать отъ нихъ болѣе вреда чѣмъ отъ тѣхъ плановъ которые делалъ маркизь Велѣпольскій.

Между тѣмъ броженіе все усиливалось. Началась демонстраціи, принимавшія съ каждымъ днемъ все болѣе опасный характеръ. Почему-то однако считали неудобнымъ съ самаго начала энергически прекратить ихъ, а разчитывали на спасительное дѣйствіе уступокъ; но уступки, отличавшіяся нерѣдко такимъ характеромъ что совѣсто теперь и вспоминать о нихъ, только поощряли мятежный духъ. По словамъ самого г. Дисцкаго, намѣстникъ князь Горчаковъ дошелъ вскорѣ до полного отреченія (*jusqu'à une abdication absolue*). Были минуты когда онъ положительно не зналъ что предпринять, и въ одну изъ нихъ кто-то посоветовалъ ему обратиться къ содѣйствію маркиза Велёпольскаго. „Что это за человѣкъ?“, спросилъ онъ г. Эноха, занимавшаго тогда должность обер-прокурора Варшавскихъ департаментовъ сената.—„Это авторъ *Письма польскаго дворянина къ князю Меттерниху*“, отвѣчалъ тотъ, и тотчасъ же представилъ намѣстнику пресловутую брошюру. Князь Горчаковъ пришелъ отъ нея въ восторгъ—не чудо ли было въ самомъ дѣлѣ встрѣтить Полака съ знатымъ именемъ который доказывалъ необходимость слиянія Польша съ Россіей? А Велёпольскій при личномъ свиданіи еще болѣе укрѣпилъ это благопріятное для себя впечатлѣніе. Князь Горчаковъ заметилъ что это—„*un homme d'état par excellence*.“ Неповѣрно только почему не обратилъ онъ вниманія на то что маркизь Велёпольскій, котораго онъ намѣревался поставить во главѣ учебнаго вѣдомства, явился предъ нимъ вовсе не такимъ какимъ можно было бы составить о немъ попятіе по его брошюрѣ. Этотъ приверженецъ Россіи выставлялъ цѣлый рядъ условій, изъ коихъ главнѣйшія состояли въ слѣдующемъ: возстановленіе представительныхъ учрежденій 1815 года, именно учрежденіе сената, который былъ бы облеченъ законодательною властью и правомъ инициативы; коммиссія народнаго просвѣщенія долженствовала быть преобразована въ особое „министерство“, а управленіе путями сообщенія совершенно отдѣлено отъ того которое существовало въ Имперіи; вмѣсто Варшавскихъ департаментовъ сената, польскій государственный совѣтъ и кассационный судъ; Велёпольскій требовалъ затѣмъ чтобъ официальнымъ языкомъ признанъ былъ языкъ польскій, а сношенія съ центральными властями въ государствѣ происходили бы по-французски; наконецъ, онъ энергически настаивалъ чтобъ исключительно въ его вѣдѣніе переданы были вопросъ кресть-

анскій и вопросъ объ эманципаціи Евреевъ. Предъявивъ эти условія онъ отправился въ Краковъ и ждалъ тамъ отвѣта. Князь Горчаковъ, по словамъ г. Лисицкаго, соглашался съ нѣкоторыми пунктами программы маркиза, но главнѣйшіе изъ нихъ отвергалъ, особенно же все что касалось представительныхъ учрежденій. Дѣло перенесено было въ Петербургъ и чрезъ нѣсколько времени пришло оттуда сообщеніе такого рода что правительство намѣревалось учредить въ Царствѣ государственный совѣтъ, въ который могли бы быть временно призываемы представители высшихъ классовъ общества и духовенства,—совѣтъ съ правомъ разсматривать петиціи и жалобы, а одновременно съ этимъ совѣты губернскіе и уѣздныя. Широкое полномочіе дано было Велёпольскому относительно всего что могло возвысить состояніе народнаго просвѣщенія въ Польшѣ. Хотя это было далеко не то чего добивался маркизь, онъ послѣшилъ принять предложенную ему должность, ибо очевидно ему казалось возможнымъ прежде всего стать твердою ногой въ управленіи, а послѣдующее онъ предоставлялъ обстоятельствамъ.

Маркизь Велёпольскій носилъ званіе главнаго директора коммисіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, но вліяніе его не ограничивалось только предѣлами ввѣреннаго ему вѣдомства. По словамъ нашего автора, намѣстникъ „энергически поддерживалъ его и во всемъ руководился его совѣтами.“ Никакъ нельзя сказать, однако, чтобы появленіе новаго лица въ правительственныхъ сферахъ повліяло благоприятно на общій ходъ дѣлъ. Революціонный потокъ, вслѣдствіе того что не оставили ему никакихъ преградъ, продолжалъ усиливаться. Велёпольскій убѣдилъ князя Горчакова раслущить Земледѣльческое Общество. Повяты причины побудившія его прибѣгнуть къ этой важной мѣрѣ. Онъ хотѣлъ достигнуть своихъ цѣлей опираясь на авторитетъ правительства, избѣгая демонстрацій преступный характеръ коихъ бросался въ глаза, а общество, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣлалось почти явнымъ орудіемъ революціи и могло только компрометтировать его. Какъ скоро не захотѣло оно идти съ нимъ однимъ путемъ, Велёпольскій долженъ былъ видѣть въ немъ главную для себя помѣху. Общество это состояло исключительно изъ землевладѣльцевъ, которые повсюду представляютъ собой консервативный элементъ; если же въ Польшѣ видимъ мы совершенно обратное явленіе, то происходило это отъ особыхъ

условіи въ которыхъ находилось тамъ дворянское сословіе. „Красные понимали, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, что для успѣха задуманнаго ими дѣла необходимо компрометтировать дворянство и на всегда порвать ту слабую связь которая соединяла его съ правительствомъ. Какъ знать, повторяли они, быть-можетъ оно способно продаться Россіи за какія-нибудь льготы и матеріальныя выгоды.“ Ничего не могло быть легче, какъ исполнить эту задачу по отношенію къ дворянскому сословію. У него вовсе не было нравственнаго мужества и сознанія долга для того чтобы стать на сторону законнаго правительства; всѣ попятія которыя оно усвоивало себѣ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ совершенно противорѣчили этому. Оно присоединилось къ движенію охватившему всю мелкую шляхту и духовенство разчитывая, что въ благодарность за это будетъ оказана пощада его привилегированному положенію. Вскорѣ однако обнаружилось все легкомысліе подобныхъ надеждъ. Главные вожаки приготовлявшагося возстанія сознавали что возстанію этому угрожаетъ самая печальная участь если не присоединится къ нему народъ; въ 1831 году у Поляковъ была армія превосходно устроенная для нихъ самимъ Русскимъ правительствомъ, но если и тогда они были усмирены, то на что же разчитывать теперь? Необходимо было попытаться сдѣлать возстаніе народнымъ, а чтобы достигнуть этого, слѣдовало обольщать крестьянъ самыми пышными обѣщаніями и требовать отъ помѣщиковъ, подъ страхомъ возмездія, чтобы они не взыскивали съ нихъ повинностей. Дѣло кончилось, какъ извѣстно, тѣмъ что и демократы обманулись въ своихъ надеждахъ, и помѣщики очутились въ самомъ глупомъ положеніи. Крестьянинъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ тому что совершалось на его глазахъ; онъ негодовалъ на бессмысленную драму затѣянную по совершенно чуждымъ ему побужденіямъ, и напрасны были всѣ старанія привлечь его къ ней,—старанія которыя энергически поддерживались духовенствомъ. „Въ церкви онъ безмолвно и съ удивленіемъ, говоритъ авторъ, присутствовалъ при торжественныхъ богослуженіяхъ, цѣль коихъ была ему недоступна; онъ косился на священника и на всѣхъ тѣхъ которые въ святомъ мѣстѣ распѣвали какіе-то необычныя и неизвѣстныя ему гимны. Разные люди толковали ему объ отмигнѣ барщины, и онъ, по обыкновенію терпѣливый и покорный, но недовѣрчивый и мрачный, вы-

ждалъ когда же наконецъ осуществится эта вѣсть.“ Велѣпольскій, въ своей извѣстной брошюрѣ, восклицалъ, обращаясь къ князю Миттерниху: „возвратите намъ сердца нашихъ крестьянъ!“ Событія шестидесятихъ годовъ могли такъ же, какъ цѣлый рядъ предшествовавшихъ имъ, доказать что не князь Миттернихъ и никто другой, а само польское дворянство оттолкнуло отъ себя эти сердца. „Крестьянствъ, говоримъ словами нашего автора, чувствовалъ что помѣщикъ презираетъ его и не довѣряетъ ему. Такимъ образомъ эти два класса общества, поставленные въ близкое соприкосновеніе между собой, жили въ полномъ разладѣ. Дворянство не могло разчитывать на крестьянъ и лишь только начиналось какое-нибудь броженіе въ странѣ, оно чувствовало что какъ бы находится подъ ихъ присмотромъ и трепетало при мысли о жакеріи, призракъ которой неотступно преслѣдовалъ ее начиная съ 1846 года.“ Положеніе дѣлъ созданное революціонною партіей повело лишь къ тому что мало-по-малу крестьяне перестали платить помѣщикамъ всѣ лежавшія на нихъ повинности; они сами не отдавали себѣ отчета въ томъ какъ это случилось; они видѣли только что помѣщикъ боится требовать исполненія лежавшихъ на нихъ обязательствъ и пользовались этимъ, хотя имъ и не приходило въ голову чтобы подобный порядокъ вещей могъ считаться законнымъ. Взоры ихъ были обращены къ верховной власти и только отъ нея ждали они устройства своего быта; слухи что въ остальной имперіи крестьяне вмѣстѣ съ личною свободой получили и землю магически подѣйствовали на ихъ умы, и они не сомнѣвались что то же самое будетъ примѣнено и къ нимъ. Позднѣе польское дворянство начало раздумывать о томъ чтобы найти какой-либо исходъ изъ этого невыносимаго для него положенія дѣлъ; программа его была совершенно та же что и программа крайней партіи руководившей возстаніемъ: камнемъ преткновенія между ними былъ только крестьянскій вопросъ, и вотъ явилась мысль нельзя ли осуществить эту программу путемъ переговоровъ съ законнымъ правительствомъ: въ такомъ случаѣ было бы подорвано вліяніе крайней партіи, на первый планъ выступило бы дворянское сословіе которому очень хотѣлось удержать крестьянъ въ границахъ повинности. Въ сентябрѣ 1862 года, со всѣхъ сторонъ, стали сѣзжаться помѣщики въ Варшаву. „Они имѣли твердое намѣреніе, говорить г. Лисицъ-

кій, устроить консервативную демонстрацію, выработать адресъ въ которомъ было бы прямо выражено что они присоединяются къ правительству.“ Чтобы дать понятіе объ этой „консервативной“ демонстраціи, достаточно привести изъ адреса слѣдующія строки, составляющія главное и существенное его содержаніе: „Мы не отказываемъ въ своемъ содѣйствіи при сформированіи новыхъ учреждений; мы считаемъ только долгомъ заявить что мѣры принимаемыя до сихъ поръ правительствомъ довели возбужденіе умовъ до такой степени что ни военная сила, ни военные суды, ни тюрьмы, ни ссылки не могутъ обуздать его; напротивъ, они способны только усилить раздраженіе. Мы, Поляки, можемъ оказать поддержку мѣстной администраціи въ томъ лишь случаѣ если она сдѣлается совершенно польскою и когда всѣ провинціи составляющія вѣкогда наше отечество будутъ слиты во едино, когда будутъ дарованы имъ конституція и либеральныя учрежденія. Въ намъ обращенъ былъ призывъ въ интересахъ нашей родины; конечно, мы любимъ эту родину, но не иначе какъ въ предѣлахъ начертанныхъ для нея Богомъ и исторіей“. Это едва ли не самая краснорѣчивая страница изъ исторіи того хроническаго безумія которымъ заражены были высшіе классы польскаго общества.

Мы забывали вѣсколько впередъ въ нашемъ разказѣ, но намъ хотѣлось упомянуть теперь же о томъ какъ поставленъ былъ крестьянскій вопросъ въ Польшѣ во время возстанія. Въ Земледѣльческомъ Обществѣ, которое самимъ правительствомъ призвано было заняться имъ, возбуждалъ онъ сильныя пререканія. Оно много разсуждало объ очищеніи, разверстаніи угодій, уничтоженіи общаго пользованія пастбищами, о солидарности въ уплатѣ чиншей, и т. п., но при всемъ этомъ отнюдь не обнаруживалось со стороны помѣщиковъ сдѣлать какое-либо существенное облегченіе крестьянамъ. Съ 1861 года происходитъ въ его средѣ расколъ: великая реформа совершившаяся въ Россіи служила предостереженіемъ для многихъ что нельзя же оставаться безъ конца на почвѣ прежнихъ эгоистическихъ интересовъ, но главнымъ образомъ дѣйствовало вліяніе революціонной партіи къ которой всячески старалось подлаживаться Земледѣльческое Общество. Люди поставившіе себя привлечь къ задуманному возстанію народъ говорили о необходимости сдѣлать что-нибудь для народа. Имъ удалось найти приверженцевъ

въ средѣ упомянутого Общества, которые побудили его наконецъ высказаться о необходимости очищенія (то-есть замѣны крестьянскихъ повинностей денежнымъ оброкомъ) путемъ добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами; при этомъ упомянуто было и о выкупѣ крестьянскихъ земель посредствомъ кредитной операціи, а именно операцію эту полагалось предоставить Земскому Кредитному Обществу, состоявшему подъ руководствомъ тѣхъ же лицъ! которые руководили и Обществомъ Земледѣльческимъ: оно взимало бы съ крестьянъ 5% съ выкупной суммы, изъ коихъ 4% должны были идти на уплату процентовъ, $\frac{1}{2}\%$ на погашеніе капитала и $\frac{1}{2}\%$ на учрежденіе общинныхъ кассъ. Такимъ образомъ крестьянинъ не становился тотчасъ же собственникомъ своего участка земли, онъ обязанъ былъ платить тотъ же чиншъ, но пріобрѣталъ лишь надежду что когда-нибудь прарправнуки его будутъ владѣть обрабатываемою имъ землею и находящимися на ней строениями! Это считалось высшимъ проявленіемъ великодушія и либерализма со стороны помѣщиковъ, болѣе чѣмъ достаточнымъ, по ихъ мнѣнію, для того чтобы вмѣстѣ съ ними и крестьяне ополчились противъ законнаго правительства. Но декларація о которой говоримъ мы принята была не безъ упорной борьбы. Въ средѣ Земледѣльческаго Общества находилась партія считавшая своихъ противниковъ яростными социалистами. Что касается Ведѣпольскаго, то и онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ которые не хотѣли и слышать о коренномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Упомянутая выше декларація Земледѣльческаго Общества сильно раздражала его, и по ея поводу онъ писалъ своему родственнику, графу Омѣ Потоцкому: „Вы намѣреваетесь силой навязать крестьянамъ землю, даже не спрашивая хотятъ ли они ее. Еслибы дѣйствительно таково было желаніе помѣщиковъ и крестьянъ, то ничто не мѣшало бы тѣмъ и другимъ осуществить свои желанія путемъ купли или дара. Нашъ крестьянинъ вовсе не такъ глупъ и не такой невѣжда какъ предполагаютъ; онъ очень хорошо понимаетъ свои интересы и способенъ заботиться о нихъ. Ему только хочется освободиться отъ барщины, хочется чтобы участокъ обрабатываемой имъ земли былъ увеличенъ, но онъ равнодушенъ къ собственности которую вы ему предлагаете, тѣмъ болѣе что это ограничивается лока общинами, которымъ

суждено осуществиться развѣ чрезъ сорокъ лѣтъ.“ Понятно, следовательно, почему Велёпольскій домогался взять крестьянскій вопросъ въ свои руки, но разрѣшить этотъ вопросъ онъ былъ способенъ еще менѣе чѣмъ такъ-называемая либеральная партія въ Земледѣльческомъ Обществѣ. Доказательствомъ тому служатъ мѣры приватныя, потому по его инициативѣ, а именно постановленіе объ окупѣ 1861 года и постановленіе объ обязательномъ оципшеваніи 14 мая 1862 года.

Закрытіе Земледѣльческаго Общества вызвало дѣлую бурю противъ маркиза Велёпольскаго. Именно въ это время умеръ князь Горчаковъ и преемникомъ ему назначенъ графъ Ламбертъ, но до прибытія въ Варшаву новаго намѣстника управленіе Привислнскимъ краемъ временно было ввѣрено военному министру генералу Сухозанету. Этотъ сановникъ, не мудрствуя лукаво, поставилъ себѣ задачей поддерживать въ странѣ авторитетъ правительства и энергически подавлять беспорядки. Кажется необходимость такого образа дѣйствій бросалась въ глаза, но маркизь Велёпольскій тотчасъ же сталъ въ самыя враждебныя отношенія къ генералу Сухозанету и угрожалъ выходомъ въ отставку. Вотъ какими словами изображаетъ г. Лисцкій бѣдствія постагнія Польшу только потому что законная власть покусилась вступить въ свои права: „Кратковременное пребываніе военнаго министра въ Варшавѣ (оно продолжалось *всего два мѣсяца*) причинило громаднѣйшій вредъ. Усиленный полицейскій надзоръ разрушилъ относительное равновѣсіе (*l'équilibre relatif*) установленное въ общемъ положеніи дѣль стараніями князя Горчакова (?!). Совѣтъ управленія былъ фактически устраненъ, и все сосредоточилось въ канцеляріи намѣстника наполненной чиновниками *чужеземнаго* (то-есть русскаго) происхожденія... Какъ ни покажется это страннѣмъ, но не подлежитъ однако сомнѣнію что въ это время только революціонная организація служила еще охраной общественнаго порядка, ибо еслибы не безустанныя бдительность тайнаго комитета и его агентов (!), то происходили бы безпрерывныя и кровавыя столкновенія...“

По словамъ автора разбираемой нами книги, Велёпольскій называлъ графа Ламберта не иначе какъ Гамлетомъ. Новый намѣстникъ былъ доступенъ всѣмъ, выслушивалъ каждаго,— „даже, говоритъ г. Лисцкій, ему доставили удовольствіе вступить въ сношеніе съ красными, притомъ съ самими вожаками которыхъ онъ принималъ не подозревая кто они“,

но онъ не могъ остановиться ни на какомъ опредѣленномъ рѣшеніи. Разумѣется, въ числѣ главнѣйшихъ совѣтниковъ явился и Велѣпольскій. Мы уже знаемъ какія требованія предъявлялъ онъ князю Горчакову когда предлагали ему занять мѣсто въ администраціи; теперь эти требованія увеличились. Онъ доказывалъ что въ томъ только случаѣ можно разчитывать на упроченіе „нормальнаго“ порядка вещей если автономія Польши будетъ установлена Высочайшимъ манифестомъ, если въ Петербургѣ будетъ упраздненъ департаментъ государственнаго совѣта по дѣламъ Царства Польскаго, если для Польши будутъ учреждены отдѣльныя министерства по различнымъ отраслямъ управленія, замѣщаемыя не иначе какъ Поляками, если католическое духовенство получить право непосредственно сноситься съ Римскою куріей, и въ Россіи явится папскій нунцій, если возвращена будетъ бібліотека, когда-то перевезенная въ Петербургъ изъ Варшавы, если императорскій театръ въ Варшавѣ будетъ называться „національнымъ“ и т. п. Къ несчастію для Велѣпольскаго противная ему партія увѣряла намѣстника что всѣ эти уступки недостаточны и что во всякомъ случаѣ общество не хочетъ быть обязано ими такому непопулярному человѣку какъ маркизъ. Безвыходныя колебанія графа Ламберта окончились тѣмъ что онъ покинулъ должность. Снова, и опять-таки на короткое время, появился въ Варшавѣ генералъ Сухозанетъ. Это послѣднее обстоятельство довело Велѣпольскаго до отчаянія. Онъ рѣшился вступить въ открытую борьбу съ главнымъ представителемъ власти, и случай для этого не замедлилъ представиться. Подъ его руководствомъ выходила газета, вдругъ обнародовавшая документы, оглашеніе копъ намѣстникъ считалъ неумѣстнымъ; генералъ Сухозанетъ потребовалъ чтобы газета на будущее время подлежала цензурѣ. Велѣпольскій отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ; вслѣдствіе этого типографію хотѣли опечатать, а редакторъ, нѣкто Собѣщанскій, былъ подвергнутъ восьмидневному аресту. Достаточно было этого скандала чтобы пробудить въ публикѣ симпатію къ Велѣпольскому, который между прочимъ отправилъ въ Петербургъ сына своего Сигизмунда съ жалобой на намѣстника. Въмѣсто отвѣта, его вызвали туда для объясненій. „Звѣзда его, говорить г. Лисцикій, никогда не блиставшая слѣшкомъ яркимъ свѣтомъ, должна была, кажется, окончательно закатиться. Его ожидала неизвѣстность,

быть-можетъ даже ссылака; онъ самъ почти не питалъ надежды на успѣхъ, но не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ ие истощивъ всѣхъ средствъ для борьбы. Одинъ изъ его родственниковъ умолялъ его въ эту самую минуту совсѣмъ удалиться отъ двѣа; отвѣтъ начертанный рукою его сына содержалъ лишь слѣдующія слова изъ *Фауста* Гёте:

Geh' ein, und tröste dich,
Wo so ein Köpfchen keinen Ausgang sieht,
Stellt es sich gleich das Ende vor“.

Къ сожалѣнію, разказъ г. Лисицкаго о пребываніи Велёпольскаго въ Петербургѣ отличается большою сдержанностью. Маркизь никого тамъ не зналъ, по-русски онъ не говорилъ, но не такой онъ былъ человѣкъ чтобы потеряться среди чуждаго ему міра. Онъ держалъ себя именно такъ какъ было сообразно съ принятою имъ на себя ролью. Біографъ его разказываетъ что на большомъ выходѣ при Дворѣ, въ день Новаго Года, Велёпольскій сталъ рядомъ съ дипломатическимъ корпусомъ. Церемоніймейстеръ замѣтилъ что это не его мѣсто. „Я знаю гдѣ мое мѣсто“, отвѣчалъ онъ. На основаніи всего сказаннаго выше, мы можемъ предугадывать какъ развивалъ онъ свои идеи, долженствовавшія производить эффектъ особенно тѣмъ что въ нихъ выражалось рѣзкое порицаніе явно революціоннымъ средствамъ которыми Поляки стремились достигнуть своихъ цѣлей. Велёпольскій былъ наконецъ вполне доволенъ. Польша, благодаря ему, получала широкую автономію и кромѣ того католическое духовенство поставлено было въ такое положеніе какимъ, по признанію нашего автора, не пользуется оно даже въ независимыхъ католическихъ государствахъ. Одно время происходили серьезные переговоры о томъ чтобы допустить лалскаго нунція въ Россію и уже въ Римѣ назначенъ былъ кандидатъ на эту должность, именно монсеньоръ Берарди, человѣкъ близкій къ кардиналу Антонелли. Изъ разбираемой нами книги мы узнаемъ что правительство наше обращалось во Францію за справками относительно того какое положеніе занимаетъ въ этой странѣ представитель римскаго первосвященника. Г. Лисицкій напечаталъ въ своей книгѣ большія выдержки изъ объяснительной записки доставленной въ Петербургъ французскимъ юристомъ, г. Руланомъ. Между прочимъ онъ говорилъ въ ней слѣдующее: „въ такое время

какъ наше, когда лалское правительство старается прикрыть свою слабость постоянными захватами и систематическимъ противодѣйствіемъ прогрессу, необходимо оградить себя отъ такихъ притязаній. Повсюду гдѣ католическое духовенство пріобрѣтаетъ какую-нибудь льготу или право, правительство, дарующее ему оныя, обязано вмѣстѣ съ тѣмъ настаивать на принципѣ своего совершенно независимаго образа дѣйствій чтобы сдерживать и ограничивать эти права. Излишнее расширение свободы католическаго духовенства всегда становится стѣснительнымъ; духовенство это въ концѣ концовъ непремѣнно стремится къ тому чтобы господствовать надъ свѣтскою властью: примѣры этого мы видимъ между прочимъ въ Австріи,—въ тѣхъ результатахъ которыми ознаменовался конкордатъ заключенный этою державою съ Римомъ“. Г. Рулавъ говорилъ что повидимому монсеньюръ Берарди не разделяетъ всѣхъ крайностей которыя господствуютъ въ средѣ Римской куріи, но что „именно по этому не слѣдуетъ пренебрегать мѣрами предосторожности, необходимыми для всякаго правительства которое хочетъ удержать за собою независимый образъ дѣйствій относительно Рима“. Къ счастью дѣло устроилось такъ что прежде чѣмъ переговоры пришли къ концу, Римскій дворъ уже обнаружилъ чего слѣдуетъ ожидать отъ него: не говоря уже о томъ что уступки въ его пользу вызвали съ его стороны лишь новыя притязанія, сдѣлалось извѣстнымъ что папа, вопреки всѣмъ существующимъ постановленіямъ, обратился непосредственно къ Варшавскому архіепископу Фелицкому съ брже, въ которомъ касался между прочимъ положенія дѣла въ Польшѣ. Это и было причиною того что вопросъ о нунціи не получалъ дальнѣйшаго хода. Но и помимо этого, повторяемъ, сдѣлаво было для католическаго духовенства въ Привислаиномъ краѣ чрезвычайно много.

Велѣпольскій послѣдшилъ въ Варшаву съ вѣстью объ одержанномъ имъ успѣхѣ, но встрѣченъ былъ еще враждебнѣе чѣмъ когда-нибудь. Стоило ли придавать важность достигнутымъ имъ уступкамъ когда дѣло шло о томъ чтобы возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года и посрамить Россію съ помощью французскихъ крестовосцевъ которыхъ ожидали со дня-на-день! Велѣпольскій обращался за содѣйствіемъ ко вліятельнымъ лицамъ въ польскомъ обществѣ, но отъ него требовали объясненія въ чемъ состоитъ конечная цѣль

преслѣдуемаго имъ плана, какъ будто онъ могъ высказать это прямо и открыто... „Маркиза обвиняли въ томъ, замѣчаетъ, г. Лисицкій, что политику его нужно *угадывать*, а между тѣмъ онъ требовалъ безусловнаго повиновенія; но угадывать было нечего, ибо все объяснялось само собой; нужно было быть смѣлымъ чтобы не ловимать“.... И однако Поляки упорно не хотѣли ловить маркиза. „Онъ предлагаетъ намъ, повторяя они, сѣсть въ карету, но не говорить куда повезетъ насъ.“ Въ переговорахъ Велёпольскаго съ лицами которыхъ онъ надѣялся привлечь на свою сторону былъ прямо поставленъ ему вопросъ какъ смотритъ онъ на западныя провинціи. „Моя цѣль—автономія Царства Польскаго“, отвѣчалъ Велёпольскій; „что касается провинцій, мы не призваны ими заниматься, ибо должны заботиться лишь о настоящемъ: къ тому же онѣ сами стоятъ на стражѣ своихъ интересовъ“.—„Слова эти безусловно справедливы, прибавляетъ отъ себя авторъ; благодаря успіямъ благонамѣренныхъ людей, дѣйствовавшихъ *въ томъ же смыслѣ* какъ и Велёпольскій, западныя провинціи уже сдѣлали тогда значительные успѣхи“. О какихъ благонамѣренныхъ людяхъ говоритъ г. Лисицкій и какіе успѣхи имѣетъ онъ въ виду? Не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ если вспомнимъ что слова его относятся ко времени наканунѣ революціонныхъ смутъ 1863 года...

Вмѣсто того чтобы содѣйствовать умщротворенію Польши, дарованная ей автономія, какъ и слѣдовало ожидать, только вызвала явный мятежъ. Она пришлась какъ нельзя болѣе кстати для революціонеровъ. О всемъ этомъ было достаточно говорено въ свое время, и все сказанное тогда остается непреложною истиной и теперь. Г. Лисицкій горько жалуется на „діатрибы“ *Московскіихъ Вѣдомостей*, но въ доказательство того какъ вѣрно смотрѣли онѣ на положеніе дѣлъ, намъ остается только привести выдержки изъ его собственной книги. Велёпольскій, тотчасъ послѣ того какъ былъ поставленъ онъ во главѣ администраціи, послѣдовалъ выслать всѣхъ немощныхъ Русскихъ которые еще находились на службѣ, и замѣстить ихъ туземцами. Задача его состояла въ томъ чтобы Польша управлялась Поляками, чтобы исключительно они занимали и высшія и низшія должности. О послѣдствіяхъ этого образа дѣйствія мы находимъ слѣдующую краснорѣчивую страницу у нашего автора: „Успѣхъ (Велёпольскаго)

былъ возможенъ лишь при томъ условіи что умѣренная (Р) партія открыто и рѣшительно ставеть на сторону правительства и заговорщики будутъ вслѣдствіе того изолированы. Безъ дѣятельной помощи дворянскаго сословія правительство осуждено было возвращаться въ пустотѣ, ибо утративъ уже прежде нравственный престижъ, оно не обладало бы и необходимою для него силой. Къ дворянству присматривалось духовенство и чиновный людъ и если оно находилось въ оппозиціи къ правительству, то и духовенство и администрація проникались тѣмъ же духомъ. Вслѣдствіе враждебнаго его настроенія, нечего было и думать о подавленіи смуты,—развѣ прибѣгнуть для этого къ военнымъ судамъ (но какъ же не прибѣгнуть когда этого требовала необходимость?). Законъ о преступныхъ сборищахъ оставался мертвою буквою потому что не находилось въ Варшавѣ судей которые были бы готовы примѣнить его. Велѣпольскій задаясь мыслью учредить верховный судъ для политическихъ преступленій, который состоялъ бы изъ сановниковъ, высшихъ должностныхъ лицъ и членовъ Государственнаго Совѣта съ такими же правами какими пользовался польскій сенатъ до 1880 года, но этотъ проектъ не могъ быть осуществленъ вслѣдствіе твердой увѣренности что подобный трибуналъ, поддаваясь застрачиванью, былъ бы лишь гарантіей безнаказанности. Въ городахъ правительство утратило всякое значеніе. Крупные землевладѣльцы, гминные войты явно локровительствоваали агитаторамъ; они выдавали имъ паспорты и допускали ихъ развѣзжать безпрепятственно куда угодно; въ случаѣ нужды они укрывали ихъ, а когда приближалось войско, облегчали имъ бѣгство. Въ различныхъ мѣстахъ политическій надзоръ былъ предоставленъ военнымъ властямъ; это было большое зло и вызывало жалобы со стороны гражданской администраціи, которая находилась такимъ образомъ подъ подозрительною олекой враждебнаго элемента (!)⁶. Что касается этой гражданской администраціи, то вотъ какъ изображаетъ ее г. Лицицкій: „Не было никакой возможности привлечь на сторону правительства сколько-нибудь независимыхъ лицъ; лишь только кто-либо изъ нихъ постулаалъ на службу, всѣ отшатывались отъ него какъ отъ зачумленнаго; дисциплина революціонной партіи и терроръ производимый ею были таковы что никто не дерзалъ противиться приказаніямъ. Чиновники единодушно сообщали центральному комитету

сфіціальныя дакументы, доводили до его свѣдѣнія о всѣхъ задуманныхъ мѣрахъ и такимъ образомъ парализовали дѣятельность правительства. До такой степени вошло это въ обычай что по укоруившемуся у чиновниковъ убѣжденію, рѣшительно все, начиная съ правительственныхъ тайвъ и кончая государственною казною, должно было считаться законнымъ достояніемъ революціоннаго комитета. Благодаря этой теоріи, означенный комитетъ овладѣлъ подробными географическими картами находящимися на храненіи въ департаментѣ финансовъ. Вскорѣ дошло дѣло и до казенныхъ денегъ. Съ цѣлю положить конецъ воровству явилась было мысль замѣнить польскихъ чиновниковъ русскими, но маркизь Велёпольскій, зная какъ будетъ потомъ трудно выпроводить этихъ непрошенныхъ гостей, представилъ личное свое ручательство за сохранность главнѣйшихъ казначействъ и между прочимъ казначейства центральнаго. Оно было вѣрено двумъ чиновникамъ, вѣрность коихъ не допускала, кажется, ни малѣйшихъ сомнѣній: то были люди уже престарѣлые, съ независимымъ состояніемъ и аккуратные до ледантизма. Но и эти люди не устояли предъ соблазномъ и дозволили, улобляя тогдашній терминъ, „перенести“ три съ половиною милліона рублей въ кассу народнаго жонда..“ Вотъ каково было положеніе дѣлъ въ Польшѣ, и только слѣпой могъ не видѣть какія должныствовали быть его послѣдствія. Для всякаго было ясно что если мятежъ растеть и трудно справиться съ нимъ, то единственно благодаря преступному содѣйствію которое оказывала ему вся администрація края. Отвѣтственность за это падала главнымъ образомъ на Велёпольскаго и нѣтъ ничего удивительнаго что въ Россіи онъ не возбуждалъ ни малѣйшаго довѣрія. Самъ авторъ едва ли находить это страннымъ, ибо изобразивъ подробно ужасное состояніе Польши въ то время когда его герой упорно старался осуществить свои идеи, онъ восклицаетъ: „Какую пользу могъ принести Русскому правительству человекъ, придумавшій комбинацію которой не хотѣлъ ни одинъ изъ его соотечественниковъ, человекъ который вмѣсто того чтобы успокоивать страсти только возбуждалъ ихъ?..“

Авторъ разбираемой вами книги утверждаетъ что Велёпольскій гнушался ролью Конрада Валленрода. Мы не будемъ забираться въ его душу, не будемъ толковать въ ту или

другую сторону его странныя ведомовки и умолчанія, мы старались выставить его такимъ какъ онъ изображенъ въ книгѣ г. Лисицкаго, пусть читатели сами сдѣлаютъ заключеніе. Онъ покинулъ полрице съ твердымъ убѣжденіемъ въ правотѣ и мудрости задуманнаго имъ дѣла; все что совершилось въ нашей Польской окраинѣ послѣ 1863 года казалось ему волюющимъ зломъ: не даромъ г. Лисицкій называетъ покойнаго Н. А. Милютина, главнаго виновника коснувшихся ея реформъ, „дезорганизаторомъ Польши“, а объ идеяхъ руководившихъ имъ выражается что онѣ „просто на просто идеи Прудона“. По словамъ того же автора, въ настоящее время Поляки „ловяли“ наконецъ чѣмъ могъ бытъ для нихъ Велѣпольскій; „не сознавая даже въ этомъ прямо, они готовы идти по начертанному имъ пути, ибо это путь единственно спасительный, вѣрный“. Но, къ частію, и Русское правительство поняло какіе принципы должны руководить его образомъ дѣйствій по отношенію къ Привислшскому краю. Возможно тѣсное слияніе этого края съ Россіей при господствѣ одинаковыхъ учрежденій, вотъ къ чему стремится оно и остается только желать, чтобы политика эта возникшая недавно, но обильные плоды коей не подлежатъ сомнѣнію, осуществлялась съ необходимою послѣдовательностью и энергіей.

К. X.

ПЕРЕЛОМЪ *

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

VII.

Les hommes ne vivraient pas longtemps en société
s'ils n'étaient les dupes les uns des autres
La Rochefoucauld.

Видишь ты, мудрый, какъ крылато племя
Ни землю пашеть, ни жнеть, ниже сѣять;
Отъ руки вышней однакъ въ свое время,
Пищу довольну, жить продлить, имѣть.
Камелиръ.

Цѣлыя полторы недѣли покоилась Ольга Еленифоровна Ранцева на лаврахъ успѣха пожатыхъ ею на вечерѣ, на которомъ читатель имѣлъ случай видѣть ее во всемъ ея торжествѣ. „Position“ ея въ большомъ свѣтѣ казалась ей съ той поры вполне обезпеченною; на это были у нея самыя убѣдительныя данныя. Она послѣ того вечера была еще на двухъ вечерахъ въ high life'ѣ, и имѣла тамъ *succès* несмысленный; о мущинахъ и говорить уже нечего, но и дамы „des plus huppées“, двѣ даже изъ цѣлкомой которіи клягави

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 6 и 9.

Аюдомской (самой княгини, по случаю какой-то „счастливой“ простуды, на этихъ балахъ не было, „а то бы онѣ при ней не рѣшились“, признавалась себѣ наша красавица), знакомилась съ ней, выбирала ее въ мазуркѣ, восхищались ея Воротовскими туалетами, и завезли ей затѣмъ свои карточки... Наконецъ три разомъ сестры Саватьевы завтракали у нея въ эту минуту и занимали ее веселымъ и льстивымъ разговоромъ...

Семья Саватьевыхъ служила въ тѣ дни самымъ вѣрнымъ барометромъ свѣтлой атмосферы,—барометромъ, на которомъ для вѣщей точности указывала погоду не одна стрѣлка, а цѣлыхъ шесть,—шесть сестеръ, шесть здоровыхъ, бойкихъ, ничѣмъ не смущаемыхъ организмовъ, сызмала налаженныхъ воспитаніемъ пробиваться въ жизни *клиномъ*, какъ вѣкогда македонская фаланга, и добиваться отъ нея сообщенія *unquibus et rostro* всѣхъ тѣхъ благъ земныхъ какія только въ состояніи дать она.

Желчные люди называли ихъ „интригантками“, зубоскалы—„снобсами“... Но это были во всей природѣ поистинѣ добродушнѣйшіе снобсы и интригантки. Онѣ и не подозревали чтобы могли существовать на землѣ люди способные возмутиться ихъ неуставнымъ искательствомъ, оскорбиться ихъ наивно-агрессивнымъ тщесавіемъ. Онѣ были такъ мягки сердцемъ, такъ любезны обхожденіемъ, такъ доброжелательны ко всѣмъ... Пріѣдетъ къ нимъ близкая кузина изъ провинціи, старосвѣтская деревенская пріятельница, — онѣ и тѣхъ обласкаютъ, „обворожатъ“, накормятъ конфетами отъ Балле, зацѣлуютъ въ передней на прощанье... Правда, онѣ эту деревенскую пріятельницу завтра же не узнаютъ въ театрѣ, не поклонятся ей встрѣтись носъ съ носомъ на улицѣ. Правда, если въ то время когда эта ближайшая родня сидитъ у нихъ въ гостиной, вбѣжить слуга съ докладомъ громкаго имени изъ *гранжамра*, всѣ сестрицы съ растерянными взглядами, съ простулившими отъ волненія сизыми пятнами на щекахъ, вскинутся разомъ, будто стая услужливыхъ пернатыхъ, замечутся, заголосятъ, и тутъ же съ мѣста увлекутъ родную *plèbe* куда-нибудь подалее, „къ нянь“, въ дѣвичью, и оставить ее тамъ сидѣть въ недоумѣломъ одиночествѣ до отбѣда *иленитости*... Но вѣдь, согласитесь, какъ же быть иначе? Княгиня Красно-рѣцкая, или графиня Бородицкая, и вдругъ оставить сидѣть рядомъ съ нею какую-нибудь дѣ-

виду *Пи-ку-ли-ну!* Развѣ это возможно? „Вѣдь кто же носить, въ самомъ дѣлѣ, такую непозволительную фантазію!“ объясняли онѣ прямо со своимъ голубинымъ простодушіемъ...

Сами по себѣ онѣ не были ни знатны, ни богаты. Палама ихъ, „умѣренностью и аккуратностью“ вышедшій въ люди, лучезрадный и тучный дѣйствительный тайный совѣтникъ,—ими же, дочерьми, посаженный подлисываться „съ большимъ“ въ одно изъ высшихъ учреждений Имперіи,—казалось, говорилъ всѣмъ своимъ недоумѣливымъ обликомъ: „Какъ это я попалъ на такую степенъ?...“ Мать, маленькая, щедушная и больная, изъ древняго, но захудалаго рода князей Мордовскихъ, проводила половину жизни въ постелѣ и по старой привычкѣ шпыняла мужа его „вульгарною фамиліей...“ „Je suis née princesse, et mes filles, grâce à vous, ne sont que des *savattes* * pour le monde“, колко острела она ему въ глаза по этому поводу... Но это были совершенно неосновательные попреки. Безъ ея *savattes*, въ большомъ свѣтѣ кошекъ, какъ говорится, не сѣкали. Чуткія, смѣлая, одаренная желѣзнымъ здоровьемъ и неодолимою безусталостью, сестрицы какъ мыши провиживали и прололзали въ каждую щорку, какъ пчелы выбирали воскъ и медъ изъ каждаго цвѣтка и несли свою *взятку* въ родной улей... *Саватъевой* оставалась впрочемъ одна, старшая, „la belle Lydie“, лытая и брезгливая блѣкурная особа, идолъ прочихъ сестеръ, уже осьмой годъ съ появленія своего въ свѣтѣ пребывавшая въ дѣвствѣ, такъ какъ по ея понятіямъ „меньше чѣмъ за 50.000 дохода не стоить продавать свою свободу мужчинамъ“;—остальныя были мужнія жены или вдовы. Но какъ связаны физиологически пальцы на рукѣ, онѣ такъ неразрывно связаны были между собой общностью цвѣлей, вкусовъ, уровнемъ духовныхъ своихъ потребностей, что отдѣльные интересы каждой изъ нихъ какъ бы вовсе не находили себѣ мѣста между ними: личность поглощалась племенемъ... „La tribu des Savatiet“, недаромъ называли ихъ въ свѣтѣ... Каждый Божій день слетались онѣ со всѣхъ концовъ Петербурга къ завтраку въ родное гнѣздо „къ татамъ“ и напущукавшись вшестеромъ по всѣмъ угламъ дома, разлетались опять по городу исполнять каждая назначенный ей на тотъ день *уроки* въ общемъ плави дѣвствій. Высшая справедливость людская награждала по досто-

* Истрепанные башмаки.

цеству это примѣрное семейное соглашеніе. Юркима сестрицамъ какъ бы никто ни въ чемъ, ни въ большомъ, ни въ маломъ отказать не смѣлъ: ни въ казенной ложѣ, ни въ отдѣльномъ вагонѣ, ни въ крупномъ мѣстѣ одному изъ ихъ мужей, ни въ наградѣ „не въ примѣръ прочимъ“ другому, ни въ небывалой правительственной ссудѣ третьему изъ этихъ счастливыхъ супруговъ. Онѣ вхожи были во все подѣзды дворцовъ, питомны во всехъ министерскихъ домахъ, неизбѣжны слугацы всѣхъ солдцъ и звѣздъ давной минуты; онѣ были посвящены въ цѣлѣныя свѣтскія тайны, въ тончайшія закулисныя отношенія въ мѣрѣ властей, знали до мелочи и *что*, и *какъ*, и *гдѣ*, кто за или *противъ* кого, и на что *ловится* тотъ или другой, и у кого *сила* сегодня, и къ кому должна перейти она завтра,—и сооружали сообразно съ этимъ свои поразительныя по дальновидности и смѣлости комбинаціи...

Это прирожденное имъ свойство извѣстно было всѣмъ и каждому изъ посѣтителей петербургскихъ гостинныхъ. Зачастую къ кому-нибудь онѣ, или станутъ услаенно приглашать обѣдать „къ шатап“, все ужъ и знаютъ: такому-то (или такой-то) *повезло*, или *должно повезти* на дьяхъ, и Саватьевы заранѣе закидываютъ удочку въ воды его чаемой удачи...

На первомъ же предворномъ балѣ на который приглашена была Ольга Еллицифоровна, Нелли Новицкая, одна изъ младшихъ сестеръ, употреблявшаяся обыкновенно на аванпостную службу, просила въ мазуркѣ своего кавалера „назвать ее Ранцевой и сказала ей что она давно „восхищается ею въ оперѣ“, и что она, Ранцева, „la femme certainement la mieux mise de Pétersbourg“... За ужинкомъ на томъ же балѣ Ольга Еллицифоровна очутилась за однимъ столомъ съ двумя другими изъ сестеръ, баронессой Идой Фитцгеймъ, томной вдовой, носившей въ семействѣ кличку „le camée“, и Зизи Подинарьвиной, *сесальчаконъ* семьи („le loustic du régiment, какъ называла она себя сама), которая закланялась ей тутъ же какъ давнишней знакомой, сказала ей въ свою очередь что у нея „une toilette étourdissante“, а подъ конецъ ужина назвала ее даже „душечкой“.

Вслѣдъ за успѣхомъ нашей барыни на извѣстномъ маскарадномъ вечерѣ пущены были на нее два новые завоевательные корлуса: Дина Палецкая, „l'artiste de la famille“, и старшая сестра, дѣва, „la belle Lydie“. Въ резервѣ оставалась

еще главная боевая сила Нави Базина, рѣшительная особа, отправившая мужа своего за какую-то скверность на Кавказъ, „se faire oublier pour un certain temps“, и пламенно преданная общимъ интересамъ „лаемени“, сѣбло подчившагося ея высшей мудрости. Она должна была лично появиться на полѣ битвы лишь по окончательномъ созрѣнiи нѣкоего тончайшаго пламя, зародившагося въ ея изобрѣтательной головѣ изъ соображенiя о блестящемъ дебютѣ „неизвѣтной до сихъ поръ“ Ранцевой въ высшихъ сферахъ общества и о страсти къ ней такого высоко стоявшаго на общественной лѣстницѣ чловѣка, какъ графъ Наташанцевъ, „une passion évidemment bien vue en haut lieu“, разсуждала она..

Остальныя сестры между тѣмъ, согласно установленному плану, вели правильную атаку обычными имъ орудiями „очарованiя“. Не проходило уже дня съ упомянутаго вечера чтобъ Ольгою Еллидифоровною не завладѣла одна изъ нихъ. Она была съ Зизи Поливарьиной въ Михайловскомъ театрѣ, на бенефисѣ Лемениля, каталась на конькахъ въ Таврическомъ саду съ Нелли Новицкой и Идою Фитцгеймъ, ѣздила верхомъ въ Кавалергардскомъ манежѣ съ „la belle Lydie“, заказала, по рекомендаціи Дивы Палецкой, свой портретъ au pastel новолрибывшему Французу-художнику, котораго та „лускала въ моду“... Зизи, Нелли и Ида напросились къ ней сегодня „на устрицы“, безъ которыхъ, „слышали оны“, она-де никогда не завтракаетъ. За этимъ завтракомъ Зизи смѣшила компанiю до упаду, представляя въ лицахъ разговоръ изъ какой-то салонной комедii, которую она видѣла на нѣмецкой сценѣ. Она искусственно картавила и слегка заикалась, что прибавляло еще болѣе комизма ея рѣчамъ. Сестры видимо восхищались ея подражательнымъ талантомъ (онѣ самымъ искреннимъ образомъ восхищались вообще другъ другомъ) и поощряли ее „голосомъ и взоромъ“, обращая вниманiе хозяйки на каждую счастливую подробность этого дароваго представленiя.

Ольга Еллидифорова чувствовала себя въ прелестнѣйшемъ настроенiи духа. Она сама была, какъ говорится, „не промахъ“, и нисколько не обольщалась насчетъ безкорыстія этой ввезалной дружбы къ ней Саватьевыхъ (она знала о нихъ давно по разказамъ своихъ „ларичковъ“ и завсегдателей). Но онѣ были всѣ такіа „bonnes enfants“ въ своихъ пріемахъ, такъ добродушно и сообщительно смѣялись, такъ

мало и откровенно разказывали что она невольна поддавалась ихъ обаянiю и чувствовала себя сама почти готовою вся распустииться съ ними въ милотъ и откровенности...

Завтракъ былъ заказанъ ею своему повару тонкiй: тутъ были и устрицы, и лршмёры, и начинавшее входить тогда въ моду *poselle moussieux*... Сестрицы оказывались гастронотками лерваго сорта,—а *poselle moussieux* „обожали“.

— Мы должны непремѣнно выпить *брудершафтъ*, душечка! вскрикнула вдругъ Зизи, вскакывая съ мѣста и съ раслаескивавшимся бокаломъ подлетая къ хозяйкѣ.

— *Quelle folle!* поощрительно хохотали ея сестры.

— *Финисъ, монъ фреръ, нуъ долстикъ!* примолвила Нелли, повторяя чей-то будто бы вольтый переводъ съ русскаго на французскiй языкъ, и кивая на прислуживавшихъ за столомъ.

Но Зизи не обращая на это вниманiя и заставивъ невольна податься смѣющуюся Рацдеву, ловко продѣла свою руку съ бокаломъ подъ ея руку и опрокинула себѣ остатки вина въ горло съ совершенно гусарскимъ молодецествомъ.

Ольга Елпидифоровна выпила въ свою очередь. Маленькая Зизи приподнялась на кончикахъ ногъ и чмокнула ее въ самыя губы.

— Мы теперь *на ти*, душечка, *et pour la vie!* вскрикнула она съ комическимъ эмфазомъ,—и чрезъ мигъ прибавила, лукаво подмигнувъ ей, и по-французски:

— Надѣюсь что *кто-то* не станетъ ревновать тебя ко мнѣ за это?

— Кто этотъ „кто-то?“ спросила будто не догадываясь Рацдева.

Всѣ три сестры закивали разомъ головами и снова захохотали:

— Какая лацембрка!

— Объ этомъ только и рѣчи à la cour et à la ville, а она одна этого не знаетъ!..

— *Mesdames*, мы кончили; извините, больше ничего не будетъ, сказала смѣясь Рацдева, королева прекратить этотъ разговоръ, и встала изъ-за стола.

— Прелестно! Задала намъ Валтасаровъ лиръ и еще извиняется!

— *Lucullus dinant chez Lucullus*, примолвила Нелли Новиккая, специальность которой состояла въ повторенiи всѣхъ лодобныхъ ходячихъ въ обществѣ труизмовъ.

Сестры принялись всѣмъ скопомъ обнимать хозяйку, благодаря за „божественный“ завтракъ.

Она перешла съ ними въ гостиную.

Но разговоръ, который она старалась избѣгнуть, поднялся здѣсь еще съ лучшимъ азартомъ.

— А что же бѣдный твой гусарь телерь? точно выстрѣлила вдругъ Зизи Поливарьина. И за этимъ вопросомъ глаза всѣхъ трехъ сестеръ воззались разомъ въ лицо Ранцевой.

— Какой гусарь?

— Et le petit Шастуновъ?

Ольга Елпидифоровна только плечами пожала на это.

— Pas de ça, pas de ça! заголосила Зизи;—пожалуста не отыскивайся: я знаю навѣрное что Irma Thénard дѣлаетъ ему ужаснѣйшія сцены изъ ревности къ тебѣ.

— Je sais mieux que cela, заслѣпила ввернуть Ида:—онъ надѣется что вы разведетесь съ мужемъ и выйдете за него, онъ говорилъ....

Ранцева наслованно разсмѣялась:

— За него! Я вотъ ему за это уши выдеру....

— За что же, chère? Онъ не виноватъ что вы его съ ума свели!

— Онъ мальчишка и болѣе ничего!

— Годы тутъ—вздоръ, живо возразила Нелли,—онъ сумасбродъ, а умная жена взяла бы его въ руки и помѣшала бы ему расточить свое огромное состояніе. Онъ въ прошломъ году, промолвила она какъ бы мимоходомъ и съ небрежною усмѣшкой,—очень сталъ было ухаживать за Lydie, нашею сестрой.... Она, конечно, elle n'a pas pris cela au sérieux....

Ида томно вздохнула.

— Она такъ хороша, Lydie!... Ей нужно un grand parti,—она родилась большою барыней до кошечки ногтей.

Ольга Елпидифоровна насторожила уши: подъ оболочкою этой шуточкой, ничего, ловидимому, незначащей свѣтской болтовни, она тонкимъ чутьемъ своимъ угадывала какой-то опредѣленный замыселъ со стороны сестрицъ.

— Я знаю Базилъ Шастунова съ дѣтства, равнодушно уронила она:—умная женщина сдѣлаетъ изъ него всегда все что захочетъ,—разорить или женить на себѣ, на другой.... на комъ хотите, чуть-чуть подчеркнула она.

Даже уши побагровѣли у сестеръ отъ внезапнаго возбужденія.

— „Умвая женщина“—это ты? такъ и влилась въ нее провозительными глазами Зизи.

— Конечно, конечно, она! восторженно вскакинула тутъ же Ида,—она можетъ все что захочетъ!..

„Вотъ оно!“ сказала себѣ Рамцева:—„гебѣ молъ онъ теперь оказывается лишнимъ, такъ уступи его намъ.... А вотъ посмотримъ на что сами думаете вы мнѣ быть годными, сестро-любивыя голубки! Вы очень милы, безспорно, но пальца а вамъ зря въ ротъ не положу, откусите!..“

Но это между тѣмъ очень забавляло ее; она закусила слегка губу чтобы не разсмѣяться....

Зизи быстрымъ и недовольнымъ взглядомъ глянула на Иду, какъ бы говоря: „умѣрь свой восторгъ!“ Она въ свою очередь понимала что ея новая приятельница видитъ ихъ игру и что съ нею надо пустить въ ходъ большіе козыри.

— Дина хотѣла быть сюда съ Lydie и Nanie тоже, сказала она, прищуриваясь на большіе Булевскіе часы въ углу гостиной.

— Она вамъ очень понравится, Nanie, я знаю, закивала Ида.—elle est charmante, ma soeur Nanie, замѣчательно умна et irrésistible когда захочетъ.

— Да, это правда! подтвердила со смѣхомъ Зизи:—ужь если она такую несносную особу какъ Toutou Андомскую умѣла алривуазировать... Ты вѣдь ее знаешь, Toutou? самымъ не-виноватымъ тономъ спросила она.

— Княгиню Андомскую?... Имѣю въкоторое пріятное помятіе о ней, прокически отвѣтила Ольга Еллицифорова.

— Ну да, ну да, тотчасъ же владая въ ея тонъ быстро заговорила Поливарьяна:—rogue, intraitable, insolente... Я ее не переносу... Но вообрази же себѣ что Nanie сдѣлала ее мягкой какъ перчатка и вертитъ ею рѣ-ши-тельно какъ хочетъ. Она безъ Nanie жить не можетъ.

— Да-а? протаянула Рамцева внимательно глядя на говорившую.—„За уступку Базилъ, значитъ, предлагается мнѣ адвокатъ предъ княгиней Андомской... Не дурию придумано!“ сказала она себѣ мысленно.

— Александра Петровна Палецкая съ сестрицею! раздастся въ дверяхъ докладъ слуги.

— А, вотъ онѣ! вскинулись разомъ Зизи и Нелли и любѣ-жаамъ стремглавъ встрѣчать сестеръ на лѣстницу.

Онѣ, по неизмѣнному своему обычаю, перешукались

тамъ вчетверомъ насколько было имъ нужно, и вошли все вмѣстѣ, сіяющія будто вновь отчеканенный золотой.

— Дина интересная тебѣ вѣсти привезла! крикнула съ порога Зизи хозяйкѣ, вышедшей къ нимъ въ первую комнату.

— Да, да, мы сейчасъ видѣли вашихъ amougeux, и старого и молодого, подтвердила Дина, цѣлуясь съ нею, между тѣмъ какъ величавая Lydie, медленно склонивъ голову въ видѣ поклова и не вынимая рукъ изъ муфты, проходила мимо нея въ гостиную.

— Ma chère, nous la tenons! быстро кинувшись къ ней шепнула ей на ухо остававшаяся тамъ Ида Фицгеймъ: — Черезъ нее можно будетъ все устроить!

Lydie снисходительно улыбнулась, олустилась не отвѣчая въ кресло у фортепiano и, все также руки въ муфты, словно вся замерла въ лыжныхъ складкахъ своего toilette de visite... Она могла пробывать такъ цѣлые часы, красивая, безмолвная и безучастная.

— Ну, ну, рассказывай, рассказывай! тормозила Дину Зизи Поливарьина, когда все онѣ разсѣлись кругомъ хозяйки въ гостиную.

— Мы съ Lydie, начала та, — сейчасъ отъ monsieur Durand, который долженъ начать портретъ ея, Lydie, послѣ вашего, — и застали тамъ Nanie и Toutou Андомскую...

„Ты слышишь?“ сказали разомъ обратившіеся вслѣдъ за этимъ имеемъ на Ольгу Еллидифоровну глаза Иды, Нелли и Зизи.

— Онѣ были у Татьяны Борисовны и заѣхали en passant (Татьяна Борисовна была очень почтенная и извѣстная своею набожностью особа, весьма уважаемая и, какъ утверждали, даже вліятельная въ высшихъ сферахъ). А Durand сидитъ за вашимъ портретомъ. Прелесть, ma chère! Vous êtes adorable, просто, и главное — живая!... И вотъ, только что мы успѣли сказать ему нѣсколько словъ, дверь отворяется, и входитъ le petit Шастуновъ, гусаръ... И очень сконфузился увидѣвъ насъ. Потому что, надо вамъ сказать, онѣ прошлой зимой началъ очень ухаживать за Lydie, и потомъ вдругъ увлекся вами... И онѣ, разумѣется, пришелъ теперь pour admirer votre *portraiture*, остряла разкащца, — какъ вдругъ grand coup de théâtre: входитъ самъ графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ!...

Все сестры загадѣли разомъ:

— О—о! Браво!

— Какая прелесть!

— Ахъ, какъ досадно что я тамъ не была! воскликнула Зизи,—я обожаю эти драматическія минуты! Ну, что же Toutou?

Ольга Елицифоровна зорко взглянула на Палецкую:

— Я отсюда вижу, сказала она съ дѣланною веселостью,— съ какимъ лицомъ она глядѣла на мой портретъ и какія заостри говорила она на мой счетъ по этому случаю!

— Ахъ нѣтъ, право нѣтъ! Ничего, рѣшительно!

— Ну, говори, говори правду! обратилась къ сестрѣ нежданно Зизи;—Ольга насъ не выдастъ, а ей нужно знать à quoi s'en tenir съ Toutou.

Дана нѣсколько недоумѣло поглядѣла на нее, на остальныхъ сестеръ. Всѣ онѣ разомъ закивали поощрительно подбородками своими.

— Если такъ,—то вотъ что было. Надо вамъ сказать что когда онъ вошелъ, графъ, у него было очень невеселое лицо...

— Да? вырвалось тревожно у Ольги Елицифоровны.

— Да... Онъ вѣрно душно спалъ, или не такъ здоровъ; онъ показался мнѣ блѣднымъ очень и будто разстроеннымъ... И потомъ видно было что онъ никакъ не ожидалъ видѣть тутъ дочь... а, можетъ-быть, и Шастунова, и что ему это было непріятно... Но какъ только онъ сталъ предъ вашимъ портретомъ, une vraie métamorphose сдѣлалась съ нимъ. Глаза заблестѣли, все лицо его точно заиграло отъ радости... А Toutou тутъ и лустила свою иголку. „Une charmante fantaisie de monsieur Durand“ говоритъ она ему... Какъ онъ взглянулъ на нее, есаубы вы видѣли! Quelle indignation dans ses traits! Онъ даже не отвѣтилъ ей, а обернулся къ Durand и говоритъ ему: „C'est toute la poésie de la personne réelle, un double chef d'oeuvre de la nature et de l'art; je vous en félicite monsieur!“ И крѣпко, крѣпко пожалъ ему руку, и сейчасъ-же потомъ ушелъ, даже не взглянувъ на Toutou и поклонившись всѣмъ намъ вообще...

— Браво! едва давъ сестрѣ кончить воскликнула Зизи, кидаясь къ Рандевой:—и ты послѣ этого осмѣлилась сказать что этотъ человекъ не влюбленъ въ тебя безумно и не готовъ на все чтобы доказать тебѣ это?.. Mais je l'adore pour cela, ce cher comte!

— Да, да! заголосили остальные сестры со всѣхъ своихъ мѣстъ,—il est charmant!

— Молодые такъ не умѣютъ любить! Никогда!...

Зизи прилегши на диванъ, на которомъ сидѣла хозяйка, окатила ея шею рукою и закартавила шутовымъ шелотомъ:

— Ты будешь *графиня* Наташавцева, душечка, и *очень скоё*, а тебѣ *напѣётъ* *говору*.

— А гусара жените на нашей Lydie, принимая глупенькій видъ (она на этой стрункѣ играла) отлупила ей на ухо, но слышно чуть не на всю комнату Ида Фицгеймъ, сидѣвшая рядомъ съ нею по другой сторонѣ.

Lydie, до которой долетѣли эти слова, обернула къ ней голову:

— Quelle bêtise, Ida! величественно уронила она.

Зизи махнула въ свою очередь рукою Идѣ, какъ бы тоже говоря: „перестань со своими глупостями!“ И обратилась снова и тѣмъ же шелотомъ къ Ранцевой:

— Скажи мнѣ откровенно, спросила она,—où en est l'affaire de ton divorce?

Какъ ни была увлечена неволью Ольга Елпидиоровна всѣмъ этимъ гамомъ, веселостью и ласками, но этотъ вопросъ à brûle-pourpoint значительно смутилъ ее:

— Ахъ, право, я ничего не знаю! со внезапно выступившимъ на лицѣ румянцемъ громко вырвалось у нея.

— И я ничего не знаю, вмѣшалась, продолжая наивничать Ида,—но если вамъ нуженъ Далматовъ, таинственно пропустила она, называя тогдашняго сподскаго оберъ-прокурора,—то знайте que nous l'avons en poche: онъ родня и лучший другъ мужа Нелли... Вы его знаете, Далматова?

— Нѣтъ, онъ у меня не бываетъ, уже нарочно слышнымъ голосомъ произнесла Ранцева, которой начинали очень досажать эти таинственности и внимательство въ ея дѣла, хотя добродушный, веселый, какъ бы вѣтреный тонъ, сопровождавшій ихъ, отымалъ у нихъ въ дѣйствительномъ обмѣнѣ рѣчей всю ту вѣскость которую они въ нашей передачѣ приобретаютъ можетъ-быть въ глазахъ читателя; Саватьевы сестрицы были по преимуществу свѣтскія особы: онѣ отлично умѣли держать себя на той грани съ которой, *въ случай чего*, можно тотчасъ-же все обратить въ шутку и обсмѣять еще при этомъ того кто вздумалъ бы принимать *въ серьезъ* это все....

— Нелли, кликнула Ида,—давно ты не видѣла друга твоего Далматова?

— Онъ былъ у меня вчера послѣ комитета министровъ.

— А опять увидишь когда?

— Я его пригласила въ четвергъ обѣдать къ маман...

Зизи даже визгнула:

— Ахъ, какъ это кстати! Чего лучше случай познакомиться съ нимъ. Приѣзжай, душка, и ты! затормошила она Ольгу Елпидифоровну.

„Племя“ загадывало все еще разъ:

— Да, да, quelle bonne idée!

— Маман будетъ въ восхищеніи!

— C'est une si aimable personne, маман, я васъ предвѣряю, умильно улыбалась Ида Фицгеймъ, для которой хвалить родное было чѣмъ-то въ родѣ болѣзни.

— Такъ въ четвергъ, да?

— Вамъ можно въ четвергъ?

Ольга Елпидифоровна не успѣла отвѣтить.

— Анна Петровна Базина, произнесъ входя слуга.

Всѣ сестры, кромѣ Lydie, повскакали съ мѣстъ:

— Nanie, Nanie! Проси!... Не правда ли, просить? защебетали онѣ въ одинъ голосъ, словно воробьи на крышѣ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Конечно! Что же ты не сказалъ что я принимаю? послѣшно молвила та.

— Имъ доложено-съ, объяснилъ слуга;—онѣ изволятъ въ каретѣ сидѣть и приказали сказать-съ что очень извиняются, никакъ не могутъ выйтти, а просятъ къ себѣ одну изъ сестрицъ ихнихъ сойтти къ нимъ, потому, онѣ говорятъ, очень нужно-съ.

Мгновеннымъ перекрестнымъ огнемъ засверкали глаза сестеръ; недоумѣніе, любопытство, испугъ, сказались въ этихъ обмѣняемыхъ ими взглядахъ. Сама невозмутимая Lydie вынула одну изъ своихъ рукъ изъ муфты и обдернула ею нервнымъ движеніемъ свою бархатную мантилью.

Ранцева замѣтила все это:

— Со стороны madame votre soeur очень не любезно лишать меня удовольствія познакомиться съ нею, сказала она насколько могла учтивымъ тономъ, но изъ-за котораго весьма ясно для сестеръ просвѣчивала досада.

— Ахъ вѣтъ, chége, напротивъ, воскликнула Зизи:—ей очень хотѣлось, но, видно, она никакъ теперь не можетъ... Она, вѣрно, куда-нибудь спѣшить куда ей очень нужно, и

хочетъ намъ только передать.... Я сейчасъ слушаюсь къ ней, узнаю....

— И я съ тобой, залетела Нелли. — Nanie вѣрно что-нибудь очень, очень нужно намъ сказать, объясняла она хныкая чуть не плачущимъ голосомъ.

И обѣ онѣ стремглавъ вылетѣли изъ гостиной, сбѣжали съ лѣстницы, и наткнулись внизу на сестру Nanie, которая со своей стороны отъ великаго нетерпѣнія и съ покраснѣвшимъ, не столько отъ холода, сколько отъ волненія, вострымъ носикомъ выскочила изъ своей кареты и вбѣжала въ сѣни— „скорѣе, скорѣе сообщить *aux seigneurs* нужное“....

— Вамъ нечего тутъ болѣе дѣлать, стремительно зашептала она сразу, забившись съ ними въ темный уголъ сѣней:—*le mariage ne se fera pas*, или, если онъ сдѣлаетъ глупость заулрямится, *sa position est perdue*....

— Да что такое, что ты узнала, Nanie? допрашивали онѣ ликорадочно въ свою очередь.

— *Le vieux* былъ вчера во дворцѣ.... Былъ разговоръ, и ему дали понять что если онъ женится, *еe* не будутъ принимать....

— Ah, mon Dieu!... Но къ ней были такъ милы на тѣхъ двухъ балахъ?...

— Все перемѣнилось. Пока думали что съ его стороны это было только такъ, *une flirtation on en a ri*, и ее долу-скали *pour lui faire plaisir*. Но разъ онъ вздумалъ жениться на ней *et l'imposer* двору и свѣту... Она уже болѣе не получить ни одного приглашенія, это *сказано*... И вамъ надо скорѣе уѣхать... Очень неосторожно что вы всѣ тутъ у нея собрались.... *Surtout Lydie, une jeune fille*... Съ нею нельзя теперь оставаться знакомою...

— А егермейстерство для Данина мужа? воскликнула растерянно Нелли:—ты думала вѣдь это устроить чрезъ *ея* влiя-
nie sur le vieux....

— *Et le mariage de Lydie?* добавила Зизи.

— *Le vieux* ничего не можетъ въ эту минуту, *il s'est com- promis* съ этой глупою страстью, все также ужасно торо-пясь и едва переводя духъ отъ волненія возражала на это великая политикашка Nanie;—*quant à Lydie*, вы понимаете, *эта* ни за что теперь не захочетъ выпустить Шастунова изъ рукъ; она его непременно будетъ держать въ запасъ, на случай если *le vieux* не рѣшится пожертвовать ей своимъ положеніемъ....

— Такъ, значитъ, для Lydie конечно?

— Совсѣмъ, совсѣмъ нѣтъ, пылая побѣдно глазами вскрикнула Базина;—но нѣтъ, но надо другимъ путемъ.... Я сейчасъ у Татьяны Борисовны познакомилась avec la mere de Шастуновъ,—она изъ Москвы прѣехала,—une femme horriblement sottе, съ которою можно будетъ все сдѣлать. Я ее завтра везу знакомиться съ маман....

— Ахъ, какая ты умница, Nanie! такъ и вырвалось у Нелли и Зизи вслѣдъ за этимъ новымъ доказательствомъ находчивости и ловкости ихъ сестры-руководительницы;—такъ мы сейчасъ дадимъ помять aux voeux, и уѣдемъ всѣ....

— Да, и скажите Lydie что я везу ее вечеромъ въ оперу, у меня генералъ-губернаторская ложа; кто хочетъ изъ васъ прѣвзжай.... Et qu'elle passe une toilette à effet. Эта дура Шастунова тамъ будетъ, я знаю; ее можно будетъ пригласить въ ложу, такъ чтобъ она видѣла Lydie dans tout son avantage... А Динь передайте что насчетъ егермейстерства у меня другая комбинація, я сейчасъ ѣду для этого....

И не договоривъ, она повернулась на каблучкахъ, побѣжала, выѣздовой ея едва послѣвадь за нею, вскочила въ карету, и покатила приводить въ дѣйствіе свою новую „комбинацію“...

Все это шушуканье въ сѣняхъ продолжалось не болѣе пяти минутъ; но время употребленное на это показалось вѣчностью оставшимся сидѣть въ гостиной троимъ изъ шести представительницъ счастливаго „племени Саватьевыхъ“. Онѣ сидѣли какъ на иголкахъ, старая нетерпѣливѣе и тревогою, не находя двухъ словъ въ отвѣтъ на рѣчи хозяйки, старавшейся, какъ предписывала ей обязанность, „поддерживать разговоръ“ со своими гостями.

Но вотъ въ дверяхъ показались, „наконецъ,“ Нелли и Зизи.... Сестры такъ привыкли читать въ чертахъ другъ друга что по первому лишь взгляду на вошедшихъ поняли что произошло нѣчто еще имъ невѣдомое, но требующее немедленной перемены фронта. Сообразно съ этимъ мгновенно измѣнилась весь ихъ обликъ: онѣ разомъ, какъ по командѣ, подобрались всѣ, поджалась, словно закисло. Съ устъ сбѣжала самая тѣнь улыбки; холоднымъ и тусклымъ блескомъ стали подернулись глаза, за нѣсколько лишь мгновеній предъ тѣмъ искристо и искательно обращавшіеся на Ольгу Елпидионовну....

— Nanie очень извиняется, проговорила подходя къ ней

Нелли Новицкая,—у нея очень важное дѣло... и она никакъ, никакъ не могла зайти... И намъ также очень нужно, remettez nous de vous dire adieu, madame...

Это былъ точно знакъ дирижерской палочки. Всѣ сестры вслорхнули съ мѣстъ....

— Куда же это такъ скоро? молвила учтиво-спокойно Ранцева, неволью волнуясь въ то же время внутренно тѣмъ чѣмъ-то недобрымъ что угадывала она за этою, сапшкомъ ясною для нея, переменною обращенія.

Но выходило что у каждой изъ сестрицъ имѣлся какой-либо настоятельнѣйшій поводъ уѣхать сейчасъ же:

— Мнѣ очень жаль, но я принуждена.... Я обѣщала мужу быть дома ровно въ два, а теперь почти четыре, увѣрала одна.

— Поздно, мнѣ предстоитъ еще цѣлые четыре визита, говорила другая,—и между прочимъ chez une amie malade.

— Намъ надо съ Lydie къ madame Andrieux, томно вздохнула Ида Фицгеймъ, жалостливо при семъ взглянувъ на Ранцеву (она въ семьѣ имѣла спеціальностью „безконечную доброту“).

— Мы здѣсь и такъ съ утра; не надо навязываться ближнему своему до одурѣнія! съ холоднымъ смѣхомъ отлупила Зизи Полинаршина, забывая и „божественный“ завтракъ съ устрицами, и „брудершафтъ“ который шла съ этою „душкою“, и чувствуя болѣе всѣхъ остальныхъ потребность скорѣе, скорѣе отряхнуть свои ботинки отъ праха ея гостиной, оказывавшейся теперь опальною.

— Очень жаль, принужденно улыбулась Ранцева, вставая проводить ихъ;—до свиданія, значитъ? промолвила она, вспоминая ихъ приглашеніе на обѣдъ къ татап Саватьевой: въ четвергъ вы сказали, кажется?

Сестры переглянулись со страшнымъ перелугомъ, онѣ и забыли объ этомъ приглашеніи!... Прошло нѣсколько секундъ растеряннаго молчанія....

Первая нашлась Зизи, болѣе всѣхъ послѣ отважной Nanie, владѣвшая Саватьевскою способностью выкидывать за бортъ все въ чемъ въ данную минуту не оказывалось болѣе нужды интересамъ „племени“:

— Да, конечно, въ четвергъ, залетела она,—татап будетъ очень рада... Впрочемъ она, бѣдная, очень часто у насъ хвораетъ, и съ нею никогда нельзя быть увѣреннымъ.... Я лучше всего спрошу ее завтра, и тогда напишу вамъ уже

навѣрное pour quel jour.... И тутъ же быстро перемяная разговоръ:—Дана, возьми меня въ саву; Нелли поѣдетъ въ своей каретѣ.... Partons, partons!...

И всѣ онѣ, словно гонимыя вѣтромъ, не глядя въ лицо хозяйки („la belle, Lydie“ какъ вышла, такъ и ушла, не вынимая рукъ изъ муфты) и торопливо притронувшись кончиками пальцевъ ея похолодѣвшей руки, вылетѣли за двери съ порывистостью стаи утокъ вспугнутой неожиданнымъ охотникомъ.

VIII

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
И меланхолическая печать была на немъ.

Жуковский.

Unseemly woman in a seeming man.
Shakesp. *Romeo and Jul.*

Che ti fa ciò che quivi si pispiglia?
Vien dietro a me e lascia dir le genti.
Dante. *Purgat.*

Ольга Еллицифоровна осталась одна, смущенная еще болѣе чѣмъ обиженная. Надо было, дѣйствительно, случиться чему-нибудь особенно „невыгодному“ для нея, проносилось у нея въ головѣ, чтобъ объяснить оскорбительную „безцеремонность“ которая явствовала для нея изъ образа дѣйствій съ нею Саватьевыхъ.... Она достаточно наслышалась о нихъ, достаточно могла вывести о нихъ заключеній и изъ собственныхъ своихъ недолгихъ сношеній съ ними: она знала что рабство предъ успѣхомъ входило въ самую сущность ихъ организма, составляло эсбукетъ всей ихъ *raison d'être*. Но именно это, извѣстное ей, отличительное качество ихъ давало ей мѣру того *es* успѣха предъ которымъ почитали онѣ своимъ долгомъ рабствовать все это время... И вдругъ все разомъ, разомъ обрывается.... Приѣзжаетъ эта Nanie, „la grande cheville семьи,“ Ранцева это знала, сама не входитъ, вызываетъ сестеръ.... И затѣмъ—крахъ! все измѣняется, онѣ становятся неприличны.... да, неприличны: пригласила ее обѣдать къ матери, а телерь не нужно.... Эта „ларикмахерская кукла“,

Lydie ушла даже не подавъ ей руки.... Дѣло ясно: Nanie привезла вѣсть о чемъ-то несомнѣнно грозящемъ ей, ея только что завоеванному положенію въ свѣтѣ, ея ближайшимъ „планамъ“... Но что же именно? *Она* теперь испуганно убѣжали отъ нея, „точно отъ зачумленной“, говорила себѣ поочередно бѣднѣя и краснѣя Ольга Елпидиоровна, „а за пять минутъ предъ этимъ чуть мнѣ руки не цѣловали. О, отвратительныя существа!“

Волненіе ея росло съ каждымъ новымъ мгновеніемъ: ей вспоминались слова „этой Дивы“ о томъ „разстроенномъ видѣ“ какой замѣтила та у *него* въ мастерской Dugand. *Она*, такой свѣтскій, умбюцій сдерживать себя человекъ; произошло что-то „въ самомъ дѣлѣ ужасное“ если это отразилось на его наружности, если онъ далъ другимъ читать въ его чертахъ.... Это что-то, оно несомнѣнно въ связи со внезапнымъ бѣгствомъ Саватьевыхъ, съ тѣмъ что привезла имъ „эта скверная *Нанька*“ (красивая барыня, несмотря на свое десятилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ, никогда не могла разучиться объясняться сама съ собою по уздному). Но *что* именно, *что!*... И это вдругъ теперь, теперь когда, казалось ей, уже все достигнуто. У нея начинало двоиться въ глазахъ...

Не громкіе и не торопливые шаги донеслись до нея изъ первой комнаты.

Это онъ, онъ!.. Она вскинулась съ мѣста, побѣжала, увидѣла Наташанцева и, съ простертыми къ нему руками, съ истерически справившимся дыханіемъ въ горлѣ, кинулась къ нему на грудь:

— Au nom du ciel, qu'est-ce qui arrive?

Онъ ужасно встревожился, обнялъ ее, повелъ, повлекъ обратно въ гостиную, опустилъ на диванъ, выбѣжалъ въ ея спальню, вынесъ оттуда графинъ съ водою и стаканъ, налилъ и поднесъ къ ея губамъ....

Она глотнула, перевела духъ и любовно глянула ему въ лицо.

Еслибы на душѣ его было и во сто разъ болѣе муки чѣмъ насколько испытывалъ онъ ее теперь, она бы мгновенно исчезла предъ этимъ неотразимымъ для него взглядомъ.

Онъ опутился предъ нею на колѣни, ухватилъ ея обѣ руки въ свои:

— Ангелъ мой, зашепталъ онъ ласкательнымъ и дрожащимъ шелотомъ,—что съ вами, изъ чего этотъ перелугъ, что значитъ вашъ вопросъ?

Она улыбнулась через силу:

— Глупости!... Мы сказали сейчасъ что васъ видѣли у Dugand передъ моимъ портретомъ и что вы казались разстроеннымъ, больнымъ... Мы стало страшно! Но вы тутъ, вы все тотъ же, вы... ты, проговорила она ему на ухо, ро-вняя ему руку на плечо:—ты любишь меня попрежнему?...

— О-о! могъ только пролетѣть онъ.—Люблю да!..

Она поднесла руку къ его лбу, опрокинула ему нѣсколько голову назадъ и пытливо наклонилась глазами къ его глазамъ:

— А все же это правда: что-то съ вами было, лицо у васъ не то!... Что было, говорите!

Онъ не зналъ какъ отвѣтить, что сказать; подъ лучами этихъ глазъ онъ не находилъ словъ. Онъ, выражаясь извѣстнымъ стихомъ Мидкевича, готовъ былъ замирая въ безмолвномъ блаженствѣ, лишь глядѣть въ эти глаза „до скончанія и по скончаніи свѣта...“

Она это знала; она отвѣчала ему чувствомъ глубокой и вѣрной признательности... какимъ-то облагораживавшимъ ее въ собственномъ ея сознаніи чувствомъ, которое дѣлала она въ себѣ какъ лучшій цвѣтъ своей души... Ну да, и она любила его, любила несомнѣнно, преданно, горячо... Но теперь не до вѣжностей...

— Послушайте, cher, сказала она,—я вамъ разкажу вѣчто... очень забавное въ сущности, но изъ чего я не могла не заключить что *намъ*—я не отдѣляю себя теперь отъ васъ—грозить откуда-то и чѣмъ-то... Да встаньте! прерывая себя, сказала она ему полуветерпливо, полудасково,—вы меня не слушаете...

Онъ подвинулся съ колѣнъ, сѣлъ подлѣ нея, не выпуская рукъ ея изъ своихъ.

Ранцева передала ему эпизодъ съ Саватьевыми; начала она насколько могла спокойно, но негодование ея расло по мѣрѣ того какъ она говорила: чувство оскорбленія брало теперь верхъ надъ боязливымъ недоумѣніемъ первой минуты.

— Такъ вѣдь не постуляютъ съ горчицною! воскликнула она съ гнѣвнымъ пламенемъ въ зрачкахъ: — вѣдь онъ не посмѣли бы еслбы чего-нибудь не узнали!... Онъ все это время записывали во мнѣ неслышанно, и я очень хорошо понимала что это въ виду васъ... Одна изъ нихъ прямо меня спросила даже когда... Ольга Еллидифорова остановилась

какъ бы затрудняясь въ выраженіи того что хотѣла сказать.— когда у насъ съ вами... все будетъ кончено, словно проглотила она,—и всѣ онѣ выражали мнѣ полное сочувствіе *столу*... И вдругъ эта перемѣна *du tout au tout*.. Вѣдь эта штука съ приглашеніемъ обѣдать у ихъ матери, а потомъ отказъ,— *c'est donc ignoble*, и если онѣ такъ поступили, то, это ясно, потому что имъ нѣтъ болѣе нужды во мнѣ, а слѣдовательно и въ васъ!

— А слѣдовательно во мнѣ! повторилъ Наташанцевъ съ невеселою противъ его воли усмѣшкою.

Она быстро взглянула на него и вскрикнула перепуганно опять:

— *Qu'est-ce qu'il y a?..* Ваша дочь... Она уже не сомнѣвалась что бѣда нагрянула, и что бѣда идетъ отъ княгини Андомской;—говорите, что случилось?

Онъ всталъ съ мѣста и заходилъ по комнатѣ, нервно потирая руки и судорожно жмуря вѣки:

— *Je suis bien malheureux*, мнѣ дѣти, дочь въ особенности,—враги! Она отравляетъ мнѣ жизнь своею желчью, своимъ колючимъ характеромъ... Не знаю ужъ, право, въ кого она! Я никогда не былъ золь, мать ея тоже. А она... *Elle est fière comme un Artaban*, властолюбива, безпощадна и улорна какъ финляндская скала кака-то!.. Съ ней никакой компромиссъ не возможенъ, она никого въ жизни не любила и не любитъ, дѣтей у нея нѣтъ, вся жизнь ея проходитъ въ неустанномъ кляченіи надменности и злости...

— Вы узнали о чемъ-то новомъ? перебила его съ нетерпѣніемъ Ольга Еллицифоровна.

— Она кричитъ, всѣмъ жалуется, интригуетъ, сорвалось у него неудержимо съ языка.

Ранцева сразу поняла что это относилось къ высшимъ сферамъ, что „жалобы“ княгини Андомской „дошли туда“ и что объ этомъ передано было, быть-можетъ даже „говорено“ ея отцу. „Онъ не сталъ бы самъ жаловаться теперь, онъ *pre-nebregъ* бы еслибы дѣло шло о простыхъ смертныхъ“, основательно разсуждала умная барыня.

— *Et on vous en a parlé?* быстро спросила она, прямо ставя, какъ говорится, вопросъ ребромъ.

Онъ смутился, повелъ на нее невыдымъ взглядомъ... И тутъ же, какъ бы внезапно испугавшись прочесть въ лицѣ ея упрекъ въ малодушіи, быстро пріосадила, опустил на

прежнее мѣсто подлѣ нея и завладѣлъ опять обѣими ея руками:

— Chère ange, заговорилъ онъ, видимо настраивая себя на то въ совершенно спокойнаго отношенія къ тому что имѣлъ сказать ей,—j'ai été un fidèle serviteur de mes maîtres pendant trente ans, они не могутъ сомнѣваться въ моей преданности... Но я никому, никому, повторилъ онъ усиленно, съ явнымъ намѣреніемъ утишить ея тревогу,—не пожертвую моею любовью къ вамъ!

Ольга Еллицифоровна слегка поблѣднѣла:

— Меня тамъ не хотятъ? вскрикнула она съ потускнѣвшими глазами.

Онъ отвѣчалъ не сейчасъ, ему было такъ тяжело говорить съ ней объ этомъ...

— Не видите изъ! Она (онъ разумѣлъ дочь) подыала на ноги всѣхъ нашихъ святошъ (tout le clan de nos dévotes). Пошелъ вои, un claudage de tous les diables!...

Рандева закивала головой:

— Эта Базива пріѣхала сюда за сестрами отъ Татьяны Борисовны: теперь все объясняется!... Она узнала тамъ то что... изъ деликатности... вы не хотите мнѣ передать, не такъ ли?... Но вы можете говорить, я не оскорблюсь...

Наташандевъ пожалъ судорожно плечами, тревожно въ то же время слѣдя за каждымъ движеніемъ ея лица. Въ его собственныхъ, изящныхъ чертахъ сказывалось безконечно-мучительное чувство:

— Оскорбленъ всѣмъ этимъ могу быть только я. Я полагаю что заслужилъ достаточно уваженія всею моею жизнью чтобы та которая дѣлаетъ мнѣ честь привать мою руку (accepter ma main), чтобы моя избранная, моя будущая жена пользовалась въ этомъ качествѣ всѣми тѣми преимуществами на какія должно дать ей право мое положеніе... Разъ же этотъ предметъ можетъ кому-либо представляться маломальски спорнымъ,—локорный слуга, я ухожу! проговорилъ онъ сразу, не оставившаяся:—между положеніемъ моимъ и сердцемъ выборъ у меня давно рѣшенъ!...

Ольга Еллицифоровна неотступно глядѣла на него... Слова его глубоко западали ей въ душу. Она видѣла его насквозь, она понимала: большаго доказательства безграничной любви не могъ бы дать ей ни единый человекъ въ мірѣ... Въдъ это былъ стараго закала, страстный и *убѣжденный*, царедворецъ,

пріавшій въ плоть и кровь свою весь экстрактъ, всю *суть* тѣхъ исключительныхъ сферъ въ которыхъ прошла и которыми посвящена была цѣлая жизнь его. Онъ съ самаго дѣтства не дышалъ инымъ воздухомъ, не разумѣлъ иной атмосферы. И то что онъ намѣренъ былъ сдѣлать теперь, онъ дѣлалъ сознательно, зная чего это должно будетъ ему стоить, терзаясь мыслью оторвать себя отъ того что до сихъ поръ составляло какъ бы условіе *sine qua non* его существованія... „Онъ безъ *нихъ* исчахнетъ и понимаетъ это,“ говорила себѣ она,—„онъ мягокъ и слабонервемъ какъ женщина, страдаетъ и мыслью отойти отъ нихъ, и тѣмъ что они могутъ почестъ его неблагодарнымъ... болѣе же всего боязью что его *забудутъ*, что прежнее не вернется для него никогда... И всѣмъ этимъ дорогимъ, завѣтнымъ, потребнымъ ему какъ хлѣбъ насущный, онъ приносить въ жертву изъ-за меня и мнѣ, мнѣ одной!“...

И со свойственною ей впечатлительностью и порывистостью ощущеній она закинула ему обѣ руки за голову, припала къ его плечу и расслакалась:

— О милый, милый, летела она сквозь свои нервныя слезы,—*comment vous pouvez pour tant d'amour!*...

Онъ прижалъ ее къ себѣ, покрывая поцѣлуями ея роскошныя и пахучіе волосы съ гораздо болѣе отческою въ эту минуту чѣмъ страстною нѣжностью:

— Знать что вы счастливы, вотъ лучшая для меня уплата! произнесъ онъ съ бессознательнымъ эмфазомъ свойственнымъ французской рѣчи на которой велся ихъ разговоръ...— А развѣ для этого непремѣнно нуженъ Петербургъ? добавилъ онъ какимъ-то уже робкимъ и запскивающимъ шепотомъ, заглядывая въ ея влажные глаза;— скажите мнѣ, мой ангелъ, станете ли вы очень жалѣть о нашей холодной столицѣ (*notre froide capitale*) подъ свѣтлымъ небомъ Италіи, напримѣръ?

— А *сы?* быстро переставила она вопросъ.

— Съ вами необитаемый островъ покажется мнѣ земнымъ раемъ, воскликнулъ онъ.

— Une île sur la Seine, уже звонко засмѣялась красивая женщина,—le Paris de la Cité? *

И съ этимъ имеемъ въ ея подвижномъ воображеніи пред-

* Старый Парижъ, la Cité, построенъ, какъ извѣстно, на островѣ Сены.

стали всё еще такъ недавно извѣданныя ею чары Парижа,— беззавѣтнаго, разнузданнаго, неотразимо увлекающаго въ свой бѣшеный водоворотъ Парижа Второй Имперіи, гдѣ жизнь—одна непрерывающійся пиръ, дѣнь—одно нескончаемое локмилье: утра „au bois“, * гдѣ ея красота, ея „beauté éminemment slave“ и роскошные туалеты привлекали взоры *спортсменовъ*, *кокотокъ* и „*mondaines*“ изъ всѣхъ концовъ міра, Лукулловскіе обѣды у французскихъ савоянковъ „*premières*“ ** въ *Bouffes* или *Gymnase*, вечера у *princess Mathilde*, княгиня Меттернихъ, сладко-скабрёзные шавсоветки Гюстава Надо, приглашенія въ *Compiègne*, герцогъ Морви, дебюты Оффенбаха, вечернія „*conférences*“ *** католической знаменитости въ церкви *Saint-Sulpice*, многолюдныя и занимательныя, какъ раутъ, ужины „*en partie fine*“ въ *Maison Dorée* или *Café anglais* съ веселыми соотечественниками и высокопоставленными русскими „друзьями“ *en vacances*.... И всѣмъ этимъ ей будетъ дано насладиться опять,— съ тою только разницею что на карточкахъ ея будетъ значиться подъ графскою короной извѣстное во всей Европѣ аристократическое русское имя, что рука ея будетъ опираться на руку человека положеніе и состояніе котораго поставятъ ее на равную ногу со всѣми именитостями вселенной.... А тамъ, вздумается ей, „черезъ годъ, черезъ два“, вернуться съ нимъ на берега Невы, „все будетъ давно сглажено и позабыто“, всѣ нынѣшнія предубѣжденія смолкнутъ „*prez fait accompli*“,—и графиня Ольга Елпидифоровна Наташацѣва, какъ ни интригуя потомъ „*elle belle-fille Toutou*“, заметъ при дворѣ и въ свѣтѣ то имѣющее принадлежать ей по праву мѣсто которое осмѣливаются теперь ослаблять ей...

Она теперь была почти рада тому что за вѣсколько мгновеній предъ этимъ представилось ей разгромомъ всѣхъ ея надеждъ и плановъ будущаго. Оказывалось „все къ лучшему“, какъ у Вольтеровскаго *Кандида*. „*Подвохи* дочери дали ему только случай доказать мнѣ на дѣлѣ что онъ мой, безвозвратно и безраздѣльно мой.... Что взяла, замочка, оборванная котка?“ говорила себѣ она мысленно по адресу княгини Андомской, торжествуя въ душѣ свою побѣду надъ нею,— и

* Буаомьскій лѣсъ, извѣстное мѣсто прогулки моднаго Парижа.

** Первая представленія.

*** Проповѣдь.

словно разцвѣтая всѣмъ красивымъ обликомъ своимъ подъ восхищенными взглядами своего собесѣдника.

— Paris, повторялъ онъ послушнымъ и веселымъ отзвукомъ,—cela s'entend de soi-même; вы имѣли тамъ слишкомъ много успѣха чтобы вамъ, а слѣдовательно и мнѣ не желать его повторенія.... Но лѣтомъ, но въ тѣ дни когда природа мавить насъ своею прелестью и душа невольно проситъ идилліи (et l'âme tourne involontairement à l'idylle), добавилъ онъ полушутливо, полусентиментально,—позвольте ли вы мнѣ увезти васъ въ какой-нибудь удивенный уголокъ земли.... не слишкомъ далеко, конечно, — на островъ Уайтъ или на Комо?...

— Да развѣ я не *ваша!* вскрикнула съ новымъ порывомъ Ольга Еллидифоровна; — развѣ я не *обязана* буду исполнять всѣ желанія моего *законнаго* властелина, медленно промолвила она чрезъ мигъ, какъ бы стыдливо опуская глаза, и краснѣя самымъ искреннимъ образомъ.

— Навѣки, навѣки моя! страстно проговорилъ Наташанцевъ....—*Онъ* здѣсь, перебилъ онъ себя тутъ же, — мой повѣренный, въ Москвѣ, которому я приказалъ слѣдить за этимъ, лишеть мнѣ что онъ выѣхалъ оттуда въ Петербургъ третьего дня.

— Да, подтвердила Ранцева, — я получила вчера вечеромъ письмо отъ Захарова, котораго вы мнѣ совѣтовали взять *попечителемъ* по этому дѣлу. Онъ подалъ отъ меня просьбу въ консисторію, и вчера же утромъ видѣлся съ ... *avec monsieur* Ранцевъ.... Свидѣтели, *les faux témoins, vous savez*, найдены, и Захаровъ говорить что въ консисторіи дѣло пойдетъ скоро.... Но *mon éroux* объявилъ ему что передъ этимъ онъ желалъ бы самъ явиться ко мнѣ для какихъ-то „переговоровъ“... Я понимаю что ему хотѣлось бы меня видѣть, примолвила она съ дѣланною гримасой, сквозь которую невольно просвѣчивало самодовольное чувство, — но, признаюсь, я предпочла бы обойтись безъ этого.

— И конечно лучше, *il vaut toujours mieux éviter tout contact avec les gens violents et peu élevés*, съ какою-то безсознательною презрительностью сказалъ на это графъ.

Что-то въ родѣ угрызенія пробѣжало въ совѣсти Ольги Еллидифоровны. Бѣдный Ранцевъ—„*violent*“... „*Peu élevé*“, конечно, — онъ не говорить по-французски, онъ по манерамъ своимъ „армейщина“, но „*violent*“... онъ только разъ въ жиз-

ни, тогда въ Москвѣ.... И то, говорилъ въ ней внутренній голосъ, такъ ли бы еще поступилъ другой на его мѣстѣ, заставъ ее тамъ съ Ашанинымъ!... Въ результатъ этого соображенія оказалось что „она ни за что, ни за что не хочетъ его видѣть“....

— Захаровъ очель мнѣ преданный и дѣловой человекъ, говорилъ ей между тѣмъ Наташавцевъ: — съ его умѣlostью и не щадя денегъ надо надѣяться что въ консисторіи, дѣйствительно, дѣло не протянутъ. Но тамъ какіе-то еще сроки положены, потомъ синодъ.... Онъ мнѣ говорилъ недавно что равнѣ четырехъ, даже пяти мѣсяцевъ окончательнаго рѣшенія нельзя ждать.... Et cette attente me tue! примолвилъ онъ съ новымъ порывомъ.

Она слегка сжала брови.

— Это поведетъ насъ почти до осени.... И, говорятъ, пока совсѣмъ не кончится, присутствіе мое здѣсь необходимо, и нельзя будетъ никуда уѣхать.

— Знаете что я вамъ предлагаю, съ живостью молвилъ онъ:— послѣ Пасхи, то-есть въ концѣ апрѣля, я, „для извѣщенія болѣзни“, прошусь въ долговременный отлускъ и уѣзжаю въ мое Псковское имѣніе; оно въ пяти верстахъ отъ желѣзной дороги. Vous m'y rejoignez dans quelques jours. Захаровъ будетъ извѣщать насъ регулярно обо всемъ что касается дѣла и когда именно вамъ нужно быть въ Петербургѣ.... Да и нужно-то будетъ, — разъ онъ вашъ *попечитель* и ведетъ за васъ дѣло,—на какой-нибудь день, много два.... Мы дотянемъ тамъ, chez moi,—on y est très bien, je vous assure,—до августа—я полагаю самый долгій срокъ — quand le „святой правительствующій синодъ“ vous dégageira окончательно отъ вашихъ узъ. На другой же день послѣ полученія этого счастливаго извѣстія старикъ мой, отецъ Іаковъ, un très brave homme и мой духовникъ, вечеромъ, въ моей домовоі церквѣ.... (онъ досказалъ прижавшись долгимъ поцѣлуемъ къ ея горячимъ рукамъ), и изъ церкви прямо въ дормезъ, и летимъ съ моимъ божествомъ въ Таурогевъ.... * А изъ-за границы, послѣшно прибавилъ онъ (онъ вѣсколько походилъ въ эту минуту на человекъ торолащагося кинуться въ воду чтобы локомчить скорѣе съ томительнымъ ощущеніемъ боязни ея чаемаго холода),—я посылаю *имъ* формальную просьбу объ остав-

* Въ ту пору Петербурgesко-Варшавская желѣзная дорога состояла еще въ постройкѣ.

къ... Надѣюсь что madame la comtesse Olga даруетъ мнѣ великодушно на это дозволеніе?

Онъ говорилъ съ нервною веселостью, замѣтно насилуя себя на нее и стараясь настроить на то же свое „божество“. Помимо того что его самого глодало внутри, онъ продолжалъ тревожиться за тотъ недочетъ который, въ его понятіи, должна была испытывать она, лишаясь съ потерей его положенія всего того что это положеніе даровало бы ей лично и чего, говорилъ онъ себѣ, „она такъ въ правѣ была ожидать“....

Ольга Еллидифоровна читала въ его мысли какъ въ открытой книгѣ. Она была тронута, и слышала въ свою очередь усложнить его:

— „La comtesse Olga“, засмѣялась она, — будетъ вполнѣ счастлива только тогда когда она со своимъ графомъ Леонидомъ очутится *advoles* на такомъ краю свѣта гдѣ о Петербургѣ и о его vanités даже во свѣ никому изъ нихъ не приснятся.

— C'est vrai cela, c'est vrai? вскрикнулъ онъ радостно, лопая ея глазами.

— Mon ami, самымъ серьезнымъ, какъ бы нѣсколько даже обиженнымъ тономъ молвила она на это, — неужто же вы думали что я выхожу за васъ замужъ изъ за вашей position de service?

Онъ снова очутился у ея ногъ, обнимая ея колѣни и покрывая ихъ лопъдуями съ горячностью двадцатилѣтняго юноши....

— До свиданія! говорилъ онъ ей чрезъ часъ, держа шляпу въ рукѣ;—мы увидимся сегодня вечеромъ у Варвары Петровны Мосагиной. А мнѣ теперь еще нужно chez ma vieille amie, mademoiselle Okhvostof, передать ей на счетъ племянницы ея, l'ex-demoiselle d'honneur *** дворца....

— Почему „ex“? перебила его удивленно Ранцева:—вы говорите о княжнѣ Кубенской? Что она, замужъ выходитъ?

— Нѣтъ, она просто уѣхала къ какимъ-то роднымъ въ Москву и оттуда прислала просьбу отпустить ее съ миромъ... Juste ce que je compte faire de mon côté, засмѣялся Наташанцевъ.

— Да изъ чего же это, вы не знаете?

Онъ пожалъ плечами:

— Она, повидимому, какая-то очень фантастическая особа... et d'idées très avancées. Вы меня не выдавайте, но она т. слых.

надѣяла совершенно невозможныхъ вещей: приняла на сохраненіе отъ какого-то убѣждающаго въ Лондонѣ cousin ея компрометавныя бумаги, и когда Андсеевъ, которому поручено было, pour éviter le scandale, добыть ихъ у нея келейно, явился къ ней съ этимъ, она ихъ сожгла въ его присутствіи... Mais le plus comique это то что она на маскарадномъ балѣ въ Михайловскомъ упрашивала Вадина отказать отъ председательства редакціонныхъ комиссій потому что онъ — „un retrograde et un крѣпостникъ“... Рѣчь даже шла отнять у нея левсію которую она получаетъ послѣ отца; но это мнѣ удалось устроить, и я ѣду сообщить объ этомъ ея теткѣ...

Онъ двинулся съ мѣста, и вдругъ вспомнилъ.

— Vous souvenez-vous, спросилъ онъ, и какая-то улыбка усмѣшка скользнула по его губамъ,—какъ вы радовались назначенію этого долговазанаго sçoquemort? „Un grand seigneur“, говорили вы,—при немъ дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ чѣмъ при Ростовцевѣ“. А я вамъ тогда же сказала: „Не вѣрьте!“ Помните?

— Да, помню.... Что же?

— А то что онъ не далѣе какъ вчера объявилъ публично въ комиссіи что, согласно данному ему свыше повелѣнію, онъ не измѣнитъ ни одного параграфа выработанныхъ ею положеній и не удалитъ ни одного изъ состоящихъ въ ней членовъ. * Ergo, все полпрежнему и для насъ не остается болѣе никакой надежды.... Что вы на это скажете?

Ольга Еллицифоровна подняла на него глаза.... Все лицо ея словно дрогнуло отъ внутреннего смѣха:

— Вы меня любите, проговорила она,—я буду ваша чрезъ вѣсколько недѣль, quant au reste je m'en soucie maintenant comme de ça!... И задѣвъ розовымъ ногтемъ за свои сверкающіе зубы, щелкнула имъ съ ухорствомъ чистокровнѣйшей Парижанки.

Наташанцева всего повело отъ вульгарности этого жеста, и всего приподняло отъ раздражающей граціи его исполненія. Онъ лорывистымъ движеніемъ обналъ „очаровательницу“ за талію, глянулъ ей безумно влюбленными глазами въ глаза, и тутъ же прошелталъ ей на ухо.

— Vous êtes adorable, но, ради Бога, не повторяйте этого ни передъ кѣмъ!...

* Матер. для ист. упраздн. въ Россіи крѣп. сост.

IX.

I thought to love, was but to bless,
I never dream'd of wretchedness.

Festus.

Ich bin bübisch um mein Leben bestohlen, bestohlen durch sie!
Schiller. *Kabale und Liebe*.

Забуть! Я-то ничего не забываю... Ну, да Богъ съ вами!
Лермонтовъ. *Максимъ Максимовичъ*.

Черезъ два дня послѣ того что сейчасъ передаю нами читателю, графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ, только что выбритый и одѣтый, въ длинноволомъ сюртукѣ служившемъ ему халатомъ, съ *Indépendance Belge* въ одной и сигарою въ другой рукѣ, прихлебывая отъ времени до времени лохолодѣвшій чай изъ большой чашки стоявшей на лаковомъ китайскомъ столикѣ, рядомъ съ его откиднымъ стариннымъ *сольтеромъ*, сидѣлъ у высокаго, изящно изваяннаго мраморнаго камина въ просторномъ кабинетѣ съ колоннами, составлявшемъ крайнюю комнату длиннаго ряда выходившихъ окнами на Неву локоевъ его барскаго, Александровскихъ временъ дома на Дворцовой Набережной. Глубокій, нѣсколько похожій наружнымъ видомъ на порталъ театральной сцены, альковъ за которымъ помѣщалась его спальная, отдѣлялся отъ кабинета сплошными занавѣсами стариннаго французскаго штофа, сиваго цвѣта съ золотыми разводами, какимъ отянуты были и задралированы стѣны, мебель, окна и двери этой комнаты (графъ очень дорожилъ и гордился тѣмъ что „ни единого гвоздика не перемѣнилъ въ ней“ со временемъ отца своего, одного изъ ближайшихъ людей къ императору Александру Iму въ первые годы его царствования). Незримая на первый взглядъ, отянутая тѣмъ же штофомъ дверь, продѣланная въ одной изъ боковыхъ стѣнокъ алькова, давала доступъ въ небольшой корридоръ на который выходила уборная и ванна графа и помѣщеніе его камердинера; онъ кончался узенькою каменною лѣстницей слускав-

теюся къ отдѣльному ото всего остальнаго жилья маленькому крыльцу на дворѣ. Съ этого крыльца выѣзжалъ неизвѣдомо изъ дому и возвращался къ себѣ хозяинъ, жившій исключительно въ послѣднее время въ этомъ своемъ цвѣтномъ апартаментѣ, такъ какъ весь остальной домъ уступленъ имъ былъ въ пользованіе сыну, пріѣхавшему въ продолжительный отпускъ изъ Вѣны съ молодою женою.. Онъ видѣлся съ ними рѣдко, по утрамъ, на вѣскольکو мивуть, не имѣя привычки завтракать, а обѣдая по большей части въ Яхтъ-Клубѣ или у Ольги Еллидифоровны Ранцевой. Отношенія его къ дѣтямъ какъ бы совсѣмъ *расклевались* въ послѣднее время; онъ избѣгалъ ихъ...

Онъ уловилъ газету и задумчиво уставился взглядомъ въ разгаравшійся уголь камина. Мысли его брели далеко. Онъ только что услѣлъ усиленнымъ напряженіемъ воли отогнать тоскливую докучу сопряженную въ этихъ мысляхъ съ принятымъ имъ рѣшеніемъ отказать отъ своего высокаго придворнаго положенія и уѣхать *св опаль* за границу,—уѣхать надолго, быть-можетъ навсегда,—и уносится воображеніемъ къ радужнымъ днямъ близкаго будущаго... Онъ думалъ теперь объ одной виллѣ на lago di Como, принадлежавшей хорошему его знакомому маркизу Альдобрандини, въ которой онъ провелъ вѣскольکو дней осенью, много лѣтъ тому назадъ и о которой сохранилъ какое-то лучезарное воспоминаніе. Альдобрандини умеръ, и графъ зналъ что наследники отдавали ее теперь внаймы; онъ наканунѣ писалъ по этому поводу въ Миланъ. Вилла эта съ ея розово-мраморнымъ портикомъ, отсвѣчивающимся въ темно-голубой скатерти озера, не выходила у него теперь изъ головы. „Онъ увезетъ ее туда въ сентябрѣ, прямо съ Уайта; подъ этими сводами, разносясь по этому водному пространству будетъ звучать по вечерамъ ея дивный, ея провищающій голосъ, а онъ будетъ слушать ее, слушать *одина*, погружаясь взглядомъ въ синія глубы италяйскаго неба, убаюканный этими лѣвучими волнами, уносимый райскими снами“...

— Ваше сіятельство, прервалъ блаженное его мечтаніе голосъ вышедшаго изъ-за занавѣсей алькова стараго камердинера его, Каастрата, человека угрюмаго, разсудительнаго, и преданнаго барину той патріархальною, безграничною преданностью былаго слуги, которая мыслима и возможна была только во дни исчезающихъ *баръ*. Онъ посвященъ былъ „во

всѣ секреты своего графа“ и „убивался душевно“ о немъ теперь, вѣдая, порицая внутренне его „слабость“, и ненавидя въ то же время всѣхъ кого зналъ врагомъ ея.

Сухой и длинный, съ мрачнымъ взглядомъ; жесткими съдыми волосами и сутуловатою спиной, онъ имѣлъ привычку говоря морщить лицо въ комъ, на подобіе печенаго яблока, и язвительно улыбаться въ бокъ чтобы скрыть свои почеркѣвшіе и на половину вылавшіе зубы, не красивое зрѣлище которыхъ наводило, по его убѣжденію, „уныніе“ на „его господина“.

— Ваше сіятельство, повторилъ онъ осторожнымъ шепотомъ, останавливаясь за самою спиной Наташанцева и закладывая руки за спину, — *измѣн*ный супругъ пріѣхалъ и желать повѣдаться съ вами, господинъ Ранцевъ.

— Ранцевъ? воскликнулъ графъ, быстро оборачиваясь на него;—съ большей лѣтвицы? домолвилъ онъ съ какимъ-то безсознательнымъ безпокойствомъ.

— Никакъ вѣтъ-съ,—и Каллистратъ скосился взглядомъ на сторону: онъ тотчасъ же ловилъ оласеніе барина,—я онамедни еще наказалъ швейцару чтобъ если кто къ вашему сіятельству собственно-лично по дѣлу, такъ отправлялъ бы на наше крыльцо... Они и зашли телерича оттуда... окромя меня никто съ вами не встрѣсся.

— Хорошо, такъ ты проси его сюда, а швейцару скажи что я уѣхалъ... и со своего крыльца не лускай никого болѣе!..

— Слушаю-съ... Одни съ вами останетесь? ловижая голосъ спросилъ чрезъ мигъ старый слуга.

Графъ удивленно поглядѣлъ на него:

— Конечно одинъ!. А что?

— Ничего-съ, прошамкалъ Каллистратъ сквозь зубы, направляясь назадъ за занавѣсъ...

„Что ему отъ меня нужно?“ спрашивалъ себя Наташанцевъ съ невольною тревогой въ ожиданіи нежданнаго гостя... Онъ подошелъ къ двери соединявшей кабинетъ съ большими приемными покоями дома, заперъ ее на ключъ и машинально задержнулъ надъ нею лортьеры...

Въ то же время маленькая дверь въ корридоръ отворилась настежь, и въ нее вошелъ Никаморъ Ильичъ Ранцевъ. За нимъ мелькнула на мигъ мрачная и, какъ показалось графу, вѣскольکو встревоженная фигура Каллистрата, и тотчасъ же скрылась, щелкнувъ за собой двернымъ замкомъ съ шумомъ не совсѣмъ обычнымъ такому какъ онъ благовоспитав-

тому слугѣ. „А вы все же берегитесь!“ словно шпиль онъ на мѣрение сказать этимъ барину.

Мимолетная усмѣшка пробѣжала по губамъ Наташанцева. Онъ изъ глубины кабинета двинулся съ протанутою рукою на встрѣчу вошедшему:

— Извините что принимаю васъ по домашнему и чрезъ этотъ внутренний ходъ;—ко мнѣ прѣхалъ сынь съ женою, и я оставилъ себя въ домѣ вотъ только то что видите...

— Ничего-съ, все равно... невнятно пробормоталъ на это тотъ.

— Не угодно ли?

Графъ сѣлъ и указалъ ему мѣсто насупротивъ себя лодѣ камина, внимательно вглядываясь въ него и слѣдя за игрою его физиономіи.

Онъ его мало зналъ. Въ прежніе дни, когда его, Наташанцева, отношенія къ Ольгѣ Елицифоровѣ состояли еще на положеніи „безкорыстной дружбы“, онъ болѣе всего обращалъ вниманія на тѣхъ кого считалъ для нея „опасными“ и менѣе всего на ея мужа; самъ же Ранцевъ, когда находился въ Петербургѣ, замѣтно избѣгалъ общества поклонниковъ своей жены и постоянно отсутствовалъ въ извѣстныя часы ея приемовъ „entre deux et cinq.“ Графу такимъ образомъ едва ли пришлось обмѣняться съ нимъ десятью словами во все время ихъ знакомства...

Но онъ *полмилъ* наружный обликъ его настолько что не могъ не замѣтить что „этотъ человѣкъ значительно олустился“ съ тѣхъ поръ какъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ. Его впадые, мутные глаза съ олухлыми и покрасѣвшими вѣками показались прежде всего графу „подозрительными“... „Il doit se soûler, le gredin!“ пронеслось у него въ первую минуту въ мысли... Но онъ тотчасъ же, со свойственною ему совѣстливостью, упрекнулъ себя въ этомъ. Она его никогда ни въ чемъ подобномъ не подозрѣвала, и говоритъ что онъ, „à part sa mauvaise éducation et sa féroce jalousie“, очень порядочный человѣкъ; очень можетъ быть что онъ просто мучается сожалѣніемъ что теряетъ ее, и раскаяніемъ въ своихъ mauvais procédés съ нею... „Ranvre homme!“ заключилъ Наташанцевъ,—и подыавшіеся на него теперь глаза Ранцева какъ-то мгновенно заискрились въ отвѣтъ на ласковое выраженіе сказавшееся подъ этимъ впечатлѣніемъ въ его собственныхъ глазахъ.

— Я къ вамъ-съ дая вѣкотораго... объясненія пришелъ, проговорилъ вдругъ дрожащимъ голосомъ Никаноръ Ильичъ.

— Что прикажете? не совѣмъ увѣренно въ свою очередь спросилъ графъ.

Гость его судорожно прижмурилъ на мигъ вѣки, качнулся слѣва направо, кашлянулъ, и заговорилъ упершись глазами въ синеватый огонь угольевъ тлѣвшихъ въ каминѣ:

— Очень, признаюсь вамъ, затрудняюсь какъ съ этимъ дѣломъ начать... потому ни краснорѣчія, ни собственно даже правъ не имѣю... беспокоить васъ въ этомъ.. А только что какъ по совѣсти, и какъ мнѣ извѣстно про васъ что вы... настоящий, благородный человекъ, я рѣшился... Это мнѣ очень тяжело, ваше сіятельство! словно подавившись оборвалъ онъ вдругъ, вынулъ платокъ и послѣшно отеръ имъ свое влажное отъ внутренняго волненія лицо.

— Я честный человекъ, вы не ошиблись, сказалъ на это не менѣе взволнованный такимъ дебютомъ Наташанцевъ,—и прошу васъ повтому говорить совершенно откровенно.... Въ чемъ дѣло?

Ранцевъ перевелъ духъ.

— На завтрашній день требуютъ меня въ консисторію, ибо, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, дѣло начато,—о моей... супружеской невѣрности... подана просьба. Скорбно пролическая нота зазвучала въ его голосъ, но онъ тутъ же послѣшно перебилъ себя:—Я, конечно, по первому еще письму отъ.... отъ Ольги Елпидионовны извѣстилъ ее что на все согласенъ и готовъ взять на себя, потому что же... чужой вѣкъ заѣдать, и все это выполняю, какъ сказалъ... Я желалъ даже лично повидаться и переговорить... отъ нея самой узнать *настолице* хотѣлъ, подчеркивалъ онъ,—но она на то... почему ужъ, право не знаю, не изъявила своего согласія... Я, графъ, повѣрьте, всегда ей добра желалъ... и впредь готовъ все что отъ меня зависитъ, лишь бы только это ей дѣйствительно на пользу... А то сами посудите, такую мѣку и страмоту на себя принять... Обличать вѣдь тебя тамъ будутъ... позорить публично, негодяи подкупные показывать будутъ на тебя будто видѣли... Потому чтобы *дѣйствительно*... это я ни за что не могу, путался и краснѣлъ бѣдвяга.

Наташанцевъ не отрывался отъ него взглядомъ. И ему становилось „тяжело“: этотъ „грубый“ мужъ, какимъ представлялся онъ его себѣ по ея разказамъ о немъ, оказывался теперь не несомнѣнно и глубоко страдающимъ человекомъ,

вызывавшимъ невольно искреннее къ себѣ сочувствіе и состраданіе,—насколько бы и ни былъ онъ самъ виноватъ въ своемъ телерешеніи печальномъ положеніи,“ послѣдшій до-молвить внутренно графъ, какъ бы для собственнаго усло-вленія.

— Да, я понимаю какъ все это должно быть противно! сорвалось у него невольно съ устъ.

Равцевъ махнулъ рукой.

— Чтò ужъ! Не о себѣ я... лишь бы въ прокъ ей пошло... Я для этого самаго и обезлокоилъ васъ моимъ визитомъ, бы-стро промолвилъ онъ поднимая глаза.

— Я васъ слушаю, сказалъ коротко графъ.

— Я, ваше сіятельство, продолжалъ тотъ глубоко вздох-нувъ,—никогда себя на счетъ своей особы не обманывалъ... и не разъ въ жизни своей, повѣрьте, мучался тѣмъ что не такого... не такого мужа какъ я требовалось ей. Съ ея умомъ, образованіемъ... и при такой красотѣ!... Только ужъ очень я любилъ ее! Молоденькою ее взялъ, жизнь у нея знаете изъ всего существа ключемъ была. И что предоставить ей *жизнь* нужно было, это я хорошо понималъ и дѣлаю, такъ-сказать, совѣсти почиталъ своей. Переѣхали мы по ея желанію изъ уѣзда въ Петербургъ,—кружокъ у нея составилася сами знае-те какой. И люди, и понятія, ну и за границу ѣздилъ, видѣлъ все, вникала... Я не то что прелятствовать,—я радовался: въ свое, значить, настоящее теченіе попала, и слава Богу!... Самъ я, изволите знать, и не жилъ почти въ Петербургѣ, а все больше въ деревнѣ, на обухѣ тамъ, чтò говорится, рожь молотилъ, чтобы только она здѣсь ни въ чемъ не имѣла без-покойства,—въ родѣ управителя ея почиталъ себя... и могу сказать счастливъ бы этимъ былъ до самой могилы... Впро-чемъ, перебилъ онъ себя еще разъ,—я напрасно васъ этимъ утруждаю разговоромъ. Я даже и вовсе не про то хотѣлъ.... Я не про себя-съ, повѣрьте, и даже ее... Ольгу Елпидифо-ровну, то-есть, видить Богъ, за свое несчастіе не вижу. Что она меня никогда любить не могла, что я ей, можно сказать, въ тягость всегда былъ, вырвался у него стонающимъ зву-комъ изъ груди,—такъ вѣдь чтò жъ съ этимъ дѣлатъ! Сердце не хололъ, говорится, не повернешь его, не поломишь; ее, мо-жетъ, и самую-то цной разъ грызало, видя мою къ ней без-граничную преданность, да не въ силахъ она была преодо-лѣть себя... Да и по истинѣ, съ какимъ-то надрывающимъ

смирениемъ доказалъ онъ,—что за такая фигура а чтобъ ей мною прельщаться! Всякъ въ этомъ свѣтѣ свою силу знаетъ и подъ лару этой своей силѣ ищетъ, а это очень хорошо понимаю, ваше сіятельство...

— Никаморъ Ильичъ, для чего вы это мнѣ все говорите! вскрикнулъ Наташамцевъ; его всего поводило внутренно отъ щемащаго впечатлѣнія которое производили на него эти слова.

На блѣдыхъ щекахъ его собесѣдника выступила краска: онъ не понималъ того душевнаго къ нему участія что сказывалось въ этомъ восклицаніи.

— Я позволилъ себѣ говорить-съ, съ холодною сдержанностью отвѣтилъ онъ,—потому что Ольга Елпидифоровна писала мнѣ что отъ меня зависитъ ея счастье, что если я соглашусь *развязать* ее она... она за васъ замужъ можетъ выйти... Такъ я за тѣмъ и пришелъ къ вамъ чтобы просить удостовѣрить меня: точно ли это такъ и дѣйствительно ли вы намѣрены съ своей стороны?..

Графъ утвердительно, съ внезапною краскою на лицѣ оклопалъ голову.

— Совершенно такъ, и это мое самое пламенное желаніе, даю вамъ въ этомъ слово!

Губы Ранцева дрогнули.

— Я впрочемъ со стороны вашей другаго не ожидалъ, съ первою торопливостью произнесъ онъ,—а только счелъ нужнымъ, такъ сказать, удостовѣрить себя, такъ какъ зная столько лтъ Ольгу Елпидифоровну и ея слишкомъ лыкій нравъ, могъ всегда опасаться за нее... По крайности буду знать теперь положительно что не даромъ станутъ изъ меня жилы таять завтра, добавилъ онъ съ какимъ-то неудавшимся намѣреніемъ улыбки,—что хоть протѣяла она меня на настоящаго человѣка, а не на какого-нибудь Апан...

Голосъ его оборвался вдругъ разомъ...

— Апан... Какъ вы сказали? вскрикнулъ въ то же время графъ, выпрямляясь весь съ высоковыдвинувшеюся грудью,—кто это?

— Апаная... тамъ, въ Москвѣ, одинъ такой есть... пробормоталъ Никаморъ Ильичъ.

— Для чего вы о немъ теперь уломянули?

Ранцевъ былъ видимо смущенъ: ему очевидно не слѣдовало произносить это, сорвавшееся у него съ языка, злополучное имя предъ человѣкомъ, которому онъ единственно почиталъ

разумѣлъ передать свои права на Ольгу Елпидифоровну, — права на заботу о ней, о ея счастіи... „Зачѣмъ ему знать о прочемъ, зачѣмъ разстраивать?“ Онъ даже ужаснулся вдругъ отъ этого сказаннаго себѣ имъ безсознательно слова „разстраивать.“ Онъ зналъ по опыту что за терзанія овладѣваютъ душой вслѣдъ за потерей вѣры въ любимое существо, за потерю уваженія къ нему. А онъ теперь— „точно будто мстать захотѣлъ...“ „Нѣтъ,“ рѣшилъ онъ тутъ же, и глаза его мгновенно заискрились: „подлецомъ я никогда не былъ и не буду...“

— Къ слову пришлось, молвилъ онъ громко въ отвѣтъ:— потому когда Ольга Елпидифоровна еще въ дѣвухахъ была этотъ самый Ашавицъ хотѣлъ на ней жениться тоже.

— Онъ и теперь въ Москвѣ живетъ?

— Въ Москвѣ.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Да ничего... Шалберничаетъ, невольно уронилъ Никаноръ Ильичъ.

— Когда Ольга Елпидифоровна была въ прошломъ году въ Москвѣ, она видѣла его, не знаете? продолжалъ допрашивать графъ, не совсѣмъ удачно стараясь скрыть свое волненіе подъ спокойною улыбкой.

— Не... Нѣтъ, отвѣтилъ Равцевъ невольно дрогнувшимъ голосомъ:— у нея въ ту пору отецъ былъ при смерти... такъ когда же тутъ кого видѣть, примолвилъ онъ очень обрадованнымъ такимъ счастливо имъ найденнымъ объясненіемъ.

Но оно вскользь не удовлетворяло Натанандеву, — напротивъ; оно даже прямо противорѣчило тому что она сама, вернувшись тогда изъ Москвы, разказывала ему о „сумашедшей ревности“ мужа, вслѣдствіе которой она должна была „разорвать съ нимъ.“ Не ревновалъ же онъ ее къ стѣнамъ! Очевидно что тутъ былъ живой мотивъ вызвавшій эту ревность— и что подалъ его этотъ самый Ашавицъ (Натанандевъ вспомнилъ что она тогда вскользь произнесла его имя), съ которымъ она несомнѣнно видѣлась, хотя мужъ теперь увѣряетъ противоположное... Для чего онъ это дѣлаетъ: изъ великодушія ли къ ней, или потому что ему стыдно за себя, за свои обиды для нея и, какъ она выражалась, „ничѣмъ серіознымъ неоправдываемыя“ подозрѣнія? Графъ лихорадочно ухватился за это послѣднее предположеніе.

— Никаноръ Ильичъ, молвилъ онъ какъ можно мягче,—

чѣмъ же слѣдуетъ объяснить произошедшую у васъ тогда въ Москвѣ размовку съ Ольгой Еллидифоровною?

Тотъ вслыхнулъ весь еще разъ. Онъ понялъ что вопросъ этотъ прямо обличалъ его во лжи, въ открытіи истины съ какою-нибудь личною цѣлью, которую графъ могъ истолковать себѣ самымъ некрасивымъ для него образомъ. Жена его поступила умнѣе: она, это было ясно, сообщила графу „объ исторіи своей съ Ашанинымъ,“ но освѣтивъ дѣло такъ что вся тѣнь ея падала не на нее, а на мужа... Горько, очень горько показалось это бѣдному Ранцеву.

— Графъ, сказалъ онъ, — позвольте васъ спросить сначала: какъ объясняетъ это сама Ольга Еллидифорова!

Наташанцевъ нѣсколько тревожно задвигался въ своемъ креслѣ.

— Я прежде всего, Никаноръ Ильичъ, долженъ удостовѣрить васъ моимъ честнымъ словомъ что Ольга Еллидифорова не говоритъ никогда иначе про васъ какъ съ полнымъ уваженіемъ, какъ о честнѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ... Тѣ какъ стоитъ теперь дѣло между вами она приписываетъ долгодѣіямъ недоразумѣніямъ которыя произошли отъ несходства характеровъ, а главное... Онъ заикнулся.

— Главное? переспросилъ тотъ.

— Отъ вашего слишкомъ... подозрительнаго нрава; чуть не шелотомъ договорилъ Наташанцевъ.

Огни залыгали въ глазахъ Ранцева. Онъ вскочилъ съ мѣста въ неудержимомъ лорывѣ:

— Отъ моего подозрительнаго нра... Да я въ нее девять лѣтъ невступлю какъ въ Бога вѣрилъ! застоналъ онъ, ударя себя обѣими ладонями въ грудь: да я бы, кажется, истерзалъ собственными руками кто бы мнѣ только намекнулъ... пока самъ я, самъ...

И вдругъ, очнувшись мгновенно, со страшною блѣдностью на лицѣ, онъ улялъ снова въ кресло, растерянно устремивъ глаза въ каминъ.

Наташанцевъ, въ свою очередь блѣднѣе полотна, глядѣлъ на него недоумѣлымъ взглагомъ:

— Что же вы— „сами“?... безотчетно пролетѣлъ его языкъ, между тѣмъ какъ сердце у него колотилось въ груди съ извѣтельной болью.

Но Никаноръ Ильичъ успѣлъ уже влоднѣ овладѣть собою; онъ пожалъ плечами:

— Я такъ долженъ сказать впрочемъ, молвилъ онъ какъ бы не слыхавъ вопроса и будто отвѣчая собственной мысля:— никто въ своемъ дѣлѣ не судья. Можетъ-быть, точно, тутъ и много отъ „недоразумѣнія“ вышло... Ольга Балдифорова— особа горячая, увлекающаяся, сами знаете,—во вредъ себѣ иной разъ то сдѣлаетъ за что люди осудить могутъ.... Если же я по такому случаю, для ея же пользы, можетъ-быть когда и замѣтилъ ей,—да своимъ простымъ языкомъ не умѣлъ выразить какъ должно, она и дѣйствительно могла думать...

Онъ не договорилъ; ему была тошна и гадка фальшь на которую принуждалъ онъ себя теперь съ цѣлью противодѣйствія неблагоприятному для нея впечатлѣнію, которое себе сѣмакъ его могъ вынести изъ только-что вырвавшихся у него олять неосторожныхъ, „проклятыхъ“ словъ. Онъ повелъ на него робкимъ и вопрошающимъ взглядомъ.

Графъ съ глубокою продольною морщиной между бровями недвижно и безмолвно глядѣвъ поверхъ его головы на округлость калителю одной изъ колоннъ своего пространнаго кабинета.

Ранцевъ въ замѣшательствѣ всталъ и взялъ шляпу.

— Позвольте проститься, графъ....

— Вы уходите! вырываясь изъ задумчивости и будто въ испугѣ воскликнулъ Наташанцевъ.

— Что же-съ... кажется, все. Мнѣ только остается благодарить васъ. По крайности теперь могу со спокойнымъ сердцемъ на эти мытарства *итти*, усмѣхнулася тотъ,—такъ какъ слову такого человѣка какъ вы могу довѣряться *сломъ*, подчеркнул онъ.

Наташанцевъ нежданно схватилъ его руку обѣими своими;

— А вы меня уничтожаете этою своею благодарностью!... Вѣдь вы *ее* безумно любите до сихъ поръ, вы идете на эти муки изъ-за нея, и благодарите меня, отымающаго ее у васъ!...

Все дрогнуло въ лицѣ Ранцева: глаза, губы, подбородокъ; слезы внезапно брызнули ключемъ изъ-подъ его рѣсницъ. Онъ выхватилъ еще разъ платокъ изъ кармана и скрылъ за нимъ свои исковерканныя мучительною тоскою черты.

„А кому изъ насъ двухъ тяжелѣе теперь,—право, трудно рѣшить!“ пронеслось въ головѣ графа... Онъ быстро всталъ съ мѣста и зашагалъ торопливими и невѣрными шагами по комнать.

Прошло такъ нѣсколько минутъ. Никаворъ Ильичъ под-

вналъ голову, оглядѣлся кругомъ, и заговорилъ, словно вспоминая послѣ сна о сказанномъ ему предъ тѣмъ:

— Жизнь моя прахомъ пошла, такъ что ужъ обо мнѣ говорить! У каждого свой предѣлъ, сказывается, его же не прейдешь... А я, какъ истинно вамъ докладывалъ, такъ и теперь говорю: какъ знаю я характеръ Ольги Елпидифоровны, такъ для счастья ея не можетъ быть лучше какъ теперь... съ вами... Я съ радостью, повѣрьте!.. Такимъ мужемъ какъ вы ей, разумеется, только гордиться.... Не то что съ нашимъ братомъ изъ темныхъ армейцевъ.... *Вамъ* она, послѣшню домолвилъ онъ, пораженный страдальческимъ выраженіемъ лица оставившагося передъ нимъ Наташанцева,—вамъ она настоящей, *тѣрною* женой будетъ, повѣрьте слову!..

— Вы „настоящій человекъ! вырвалось неодолимо изъ устъ графа,—дайте мнѣ вашу руку!

Онъ крѣпко стиснулъ ее. Раицевъ сконфуженно отвѣчалъ на это ложатіе.

— Никаморъ Ильичъ, Ольга Елпидифоровна не согласилась видѣться съ вами. Каюсь, это по моему совѣту... Я душно судилъ о васъ тогда, я боялся для нея.... неприятностей.... А теперь я думаю,—это *для васъ* лучше.... Въ такихъ случаяхъ надо избѣгать всего что можетъ растравить рану, помѣшать забыть....

— Забыть! трелетно зазвучалъ голосъ Раицева: — пробовалъ-съ... не вырвешь! Видно такъ до гроба нести надо, еле слышно домолвилъ онъ.—Будьте здоровы, графъ!

Наташанцевъ, безъ слова, подошелъ къ стѣнѣ и дернулъ за шнурокъ звонка. Дверь въ корридоръ немедленно распахнулась, и въ ней показалась суровая и подозрительная фигура Калистрата (онъ, видимо, стоялъ за нею все время, въ чаши „не дай Богъ чего“ между „его графомъ“ и этимъ „дѣльнымъ мужемъ“, наружность котораго показалась ему почему-то „бѣдовою“).

„Его графъ“, къ немалому его удовольствію, пожималъ въ эту минуту самымъ дружелюбнымъ, долженъ онъ былъ убѣдиться, образомъ руку этому мужу, и обращаясь затѣмъ къ нему самому:

— Калистратъ, сказалъ онъ,—проведи Никамора Ильича.. И одѣваться мнѣ лотомъ!..

— Слушаю-съ!... „Каждый, то-есть звѣрь, коли *они* только захотятъ того, станетъ *имъ* ноги лобызать“, заключилъ

мысленно про барина Калистратъ, уходя съ торжествующею улыбкой на кривыхъ устахъ.

Нагашанцеву хотѣлось скорѣе выйти изъ дому, хотѣлось воздуха, простора, уличнаго шума... Его душило въ этихъ стѣнахъ, въ ушахъ его неотступно ямалъ голосъ этого человѣка, котораго онъ „съ нею“ присудилъ на „мытарства“, на мѣку, которую, „въ этомъ сомнѣннн быть не можетъ,“ говорилъ онъ себѣ, тотъ дѣйствительно „помесеть до гроба“... Онъ чувствовалъ, счастье, то безконечное счастье „вдвоемъ, подъ италянскимъ небомъ“, о которомъ онъ мечталъ какихъ-нибудь полчаса тому назадъ, все это уже болѣе недостижимо для него: образъ, призракъ этого человѣка съ его „мутными, красными отъ слезъ глазами“ будетъ преслѣдовать его и въ ея объятяхъ.... „Въ ея объятяхъ!... А этотъ Дшанинъ, что онъ, чѣмъ былъ для нея?“ взмывало у него новымъ азвительнымъ страданіемъ; „она изъ-за него порвала съ мамъ, съ мужемъ, и онъ, онъ же выгораживаетъ ее теперь, великодушно жетъ и замечаетъ слѣды, наивно успокоиваетъ меня что жить она будетъ „отърная жена“.... О Боже! А онъ, съ своей стороны, лорываетъ съ дѣтми, съ отечествомъ, съ мамъ, „avec ses maîtres“, обрекаетъ себя на опалу, на скитальчество изъ-за.... изъ-за „авантюристкн“ (вздумавшій вспомнилъ онъ слова дочери) „вздумавшей выйти за него замужъ отъ живаго мужа“. И уже все кончено, онъ уже неразрывно связанъ съ нею, онъ назадъ не можетъ.... „Да я и не хочу, я люблю ее, она будетъ моею, да, люблю malgré tout, malgré tout, et dùt le ciel me tomber sur la tête!“ вырвалось у него изъ груди съ какимъ-то страстнымъ отчаяніемъ....

— Карета сейчасъ выѣзжаетъ, доложилъ выхода изъ-за аалькова Калистратъ съ сюртукомъ барина на рукѣ.

— Не нужно, подай бекешъ; я пойду лѣшкомъ.

— Сиверко, ваше сіятельство, свѣгъ мететь страхъ.

— Все равно. Шлялу, пааку!

— Прикажете каретѣ за вами ѣхать, настаивалъ старый слуга.

— Не нужно, говорятъ тебѣ! нетерпѣливо отрѣзалъ графъ выхода въ бекешъ и шлятѣ въ корридоръ.

— Извольте камне надѣтъ, суетилася кидаясь за нимъ тотъ.

Но баринъ его не слушалъ, и быстро, словно юмюша слѣпшадій на свиданіе, слутилася съ лѣствицы и вышелъ, чуть не выбѣжалъ на Набережную.

X.

L'orchestre est las, les valse meurent,
 Les flambeaux pâles ont décré,
 Les miroirs se troublent et pleurent...
 Sully. *Prudhomme.*

— Но это оскорбленье!...

— Нѣтъ, у нея оно вошло въ обыкновенье.

Имѣльницкій. *Семткій случай.*

— Пятый часъ въ исходѣ, а его нѣтъ, говорила себѣ Ольга Елпидифоровна Ранцева, стоя одна съ озабоченнымъ лицомъ предъ большими Булевскими часами своей гостиной (ея ежедневный пріемъ въ эту пору былъ отказанъ ею на сегодня).— Неужели ему не лучше?...

Она накануне объ эту пору получила отъ него записку, въ которой онъ въ короткихъ словахъ извѣщалъ ее что слегка простудился и отъ кашля плохо спалъ ночью, что его докторъ совѣтовалъ ему поэтому „не выходить денекъ изъ дому“ (слова такъ и приведены были по-русски во французской запискѣ), но что на слѣдующій день онъ *непрелмнно*, въ обычный часъ, „entre quatre et cinq“, будетъ у нея.

„Еслибъ я имѣлъ еще слабость вѣрить въ счастье, я искалъ бы его въ *привычкѣ*“, вспомнились ей прочтенныя ею когда-то слова Шатобриана. Она успицалась усмѣхнуться и объяснить себѣ этими словами то глухое еще, но постоянно нарастающее клокотаніе тревоги, которое чувствовала она внутри себя. „Я такъ привыкла къ его аккуратности, къ тому что въ положенный часъ онъ войдетъ въ эти двери, радостно улыбаясь своимъ тонкимъ, аристократическимъ ртомъ, жадно ождаая моего перваго взгляда.... Но какъ же я и налуцусь на него когда онъ явится за то что заставлялъ меня о немъ беспокоиться!“ привужденно прервала она себя мысленно, быстро повернулася, и присѣла къ своему Эрапу.

Первый аккордъ, машинально взятый ею миворомъ въ басу, какъ-то странно заставлялъ ее вздрогнуть. Она словно услуганно оторвала пальцы отъ клавишъ, усмѣхнулась еще разъ, подробовала какой-то вальсъ, сбилась на второмъ колѣнѣ, и вдругъ, какъ бы нежданно для себя самой, залѣла mezza voce:

Depuis une heure je l'attends,
 Conçoit-il mon impatience?
 A-t-il compté tous les instants
 Qui s'écoulent en son absence?

Это былъ малоизвѣстный романсъ старшаго лопиба на французскія слова двадцатыхъ годовъ, слышанный ею въ первые годы молодости, когда она жила съ отцомъ въ уѣздномъ городѣ, отъ стараго отставнаго гвардейца, разореннаго ломѣщика той мѣстности, и удержавшійся въ ея лампата благодаря его задумчивой мелодіи, происхождение которой (увѣряли ее графъ Пердро и пріятель его „Tsips“) непременно должно быть *славянское* „такъ какъ никакой французскій голось, говорили они, не способенъ придать ей того accent pénétrent какой принимаетъ она въ вашихъ устахъ“... Изъ всего ея обширнаго репертуара лѣвня не было вещи которую бы болѣе любилъ Наташандевъ. Незатѣливый, лѣвучій, исполненный того элегического чувства на эlegantной свѣтской покладкѣ, которое входило, какъ говорятъ Англичане, въ линію—in the line—всего его внутренняго я, романсъ этотъ неизмѣнно приводилъ изящнаго обожателя Ольги Еллади-форовны въ сладкую задумчивость и вызывалъ блестяція росянки слезъ на его темныя рѣсницы... Онъ лѣвтому какъ-то самъ собою напращивался въ эту минуту въ душу нашей лѣвницы, отвѣчалъ и тревожъ ея, и мысли о томъ кто вызывалъ ее въ ней. Она начала вполголоса, но съ каждою нотой звуки все металличѣе, все пронзительнѣе вылетали изъ ея груди, растроивая ее самую до слезъ... и долѣе послѣднюю строфу со словами:

Ah, si j'en juge par moi-même,
 Qu'il doit souffrir, qu'il doit souffrir!

она не выдержала, и вскочила съ мѣста съ нервнымъ рыданіемъ...

— Et bien oui, il souffre, услышала она за собою, прежде еще чѣмъ успѣла обернуться, голось, отъ неожиданнаго звука котораго вся она перепуганно дрогнула и лоблѣдилась, — но все же не изъ чего лѣва въ отчаяніе приходитъ.

— Ахъ, Варвара Петровна, вскакинула она, узнавая пріятельницу свою, Мосагину, и схватывая руку ея обѣими своими, — ради Бога, скажите, вы что-нибудь знаете?... Онъ писалъ мнѣ что будетъ сегодня, а его ждала... Я чувствую — недаромъ я раслакалась, что что-нибудь нехерое...

— Я для этого и прѣѣхала къ вамъ чтобы сказать вамъ что онъ нездоровъ, молвила та, — я сейчасъ была тамъ, у *мнѣ*, неопредѣленно примолвила она.

— У кого? У молодыхъ Наташанцевыхъ?

— Да... Надо вамъ сказать что ко мнѣ, часа два тому назадъ, заѣхала Нелли Новицкая: она мнѣ сосѣдка и часто такъ заѣзжаетъ, en passant devant ma porte... Ну, какъ извѣстно, эти Саватьевы всегда раньше всѣхъ все знаютъ; она мнѣ и говорить: „Знаете ли вы что вашъ cousin Léonide очень боленъ?“ Не пугайтесь, милая, послѣшила прибавить Варвара Петровна, сжимая руку Ранцевой, — оказалось не такъ... или не совсѣмъ такъ. — „Что съ вами?“ спрашиваю, — сама перепугалась!... А она мнѣ и рассказываетъ что была вчера у сестры своей Базинной, гдѣ застала Toutou Андомскую, которая отъ Базинной слѣшила къ отцу, такъ какъ получила записку отъ belle-soeur своей, молодой Наташанцевой; пишетъ ей та что она съ мужемъ очень беспокоится „на счетъ рара“, что онъ пошелъ утромъ гулять въ сквернѣйшую погоду и вернулся avec une fièvre de cheval, и такъ слабъ что слегъ; они сейчасъ же послали за Штраухомъ, который пока болѣзнь не опредѣлялъ, но кажется „assez inquiet“... А сегодня, это уже Нелли опять говорить мнѣ, Штраухъ, который и ея докторъ, былъ у нея и на ея вопросъ „что съ графомъ Леонидомъ?“ поморщился и сказалъ: „воспаленіе въ легкихъ“...

— Воспаленіе... въ его годы! вскрикнула перемѣняясь въ лицѣ Ольга Еллицифоровна.

— Вотъ услышалъ бы онъ это „въ его годы!“ не сказалъ бы вамъ спасибо! засмѣялась некогда не улывавшая Варвара Петровна; — что его за такіе еще годы чтобы не выдержать хотя бы une fluxion de poitrine!... Только вы понимаете, все же это меня очень обезпокоило. Я тотчасъ же велѣла запрягать карету, отправила Нелли и, вопреки моимъ привычкамъ, не заѣзжая въ мой пріютъ, прямо велѣла на Набережную.... Прѣѣзжаю; принимаетъ меня Lucie Наташанцева. Мужъ, говорить, поѣхалъ за Эдекауеромъ...

— Консультація! перебила молодая женщина, тревога которой расла съ каждымъ мгновеніемъ.

— Онъ самъ, говорятъ, пожелалъ его видѣть.... Леонидъ, то-есть. Онъ очень любитъ Эдекауера... О консультаціи не было и рѣчи.

— А его самого видѣли вы? И что говорить тотъ, другой докторъ?

— Леонидъ спалъ въ то время когда я тамъ была и къ нему никого не пускали.... А тотъ, Штраухъ, что говорить? Известно, мычить какъ всѣ доктора въ этихъ случаяхъ, не могла не разсмѣяться опять веселая филантропка;—вы знаете ce qu'a dit Molière: „un médecin est un quidam qui vient vous faire tirer la langue jusqu'à ce que la nature vous ait guéri ou ses remèdes vous aient tué.“ * Я въ нихъ не вѣрю, вы знаете....

— Ахъ, Варвара Петровна, неуждержимо вырвалось у Рандевой,—какъ вы ужасны съ вашими шутками въ эту минуту!

Та серьезно, почти строго подняла на нее глаза:

— А вы бы хотѣли чтобы я, подобно вамъ, заранѣе приходила въ отчаяніе? Это, волевыхъ, грѣхъ; а затѣмъ... Она оборвала на полусловѣ, и ласково поведя на нее взглядомъ:

— Вы его очень любите? спросила она съ полуусмѣшкой.

— И не скрываю! Я никого еще въ жизни такъ не любила!

Почтенную и нѣсколько экзальтированную госпожу Мосягину глубоко тронулъ этотъ, очевидно для нея, прямо изъ сердца вырвавшійся крикъ.

— Ну, такъ вотъ что, сказала она:—онъ желаетъ васъ видѣть....

— Онъ говорилъ?... Какъ вы знаете?

— А вотъ какъ. Простилась я съ Lucie, слушалась съ лѣствицы. Гляжу, въ сѣняхъ стоитъ и видимо ждетъ меня его Калистратъ.... Вы его знаете; а я съ тѣхъ поръ какъ Леонида помню знакома съ этимъ его Калебомъ **. Онъ очень всегда благоволилъ ко мнѣ, зная мою искреннюю дружбу къ его барину.... „Что, говорю, Калистратъ, какъ графу?“—„Спать, говорить, покойно, надо такъ надѣяться что полегчало, а ночью, говорить, совсѣмъ не спали, кашель и очень безлокойны были....“ И какъ тутъ стоялъ швейцаръ—онъ его отослалъ, а самъ шелчетъ мнѣ: „Очень желалъ бы съ вашимъ превосходительствомъ посоветоваться насчетъ одного дѣла.“ Отошли мы съ нимъ въ уголь, онъ мнѣ и говоритъ: „Графъ мой очень скучаетъ по одной дамѣ,—вамъ, говорить, извест-

* Врачъ есть нѣкто заставляющій васъ показывать ему языкъ пока природа не излечитъ васъ, или лѣкарства его васъ не убьютъ.

** Известный типъ преданнаго слуги въ *Ламермурской Певести* В. Скотта.

не-съ кто онъ.“ Я засмѣялась, говорю: „Знаю; а онъ тебѣ говорилъ?“ „Они, говорятъ, имъ писали вчера что сегодня будутъ у нихъ непремѣнно, а какъ теперь докторъ запретилъ имъ настрого выѣзжать, они очень этимъ безпокоились, хотѣли писать имъ опять... Велятъ мнѣ подать имъ портфель съ бумагою, чернильницу, и начнутъ на колѣняхъ писать имъ письмо, а потомъ разорвутъ, велятъ клочки въ каминъ кинуть, и олатъ. Такъ до трехъ разъ принимались, лока совсемъ устали и заснули...“ Только я тутъ его леребила и говорю: „Если Леовиду Александровичу очень хочется видѣть *эту даму*, такъ онъ достаточно почтанный и пожилой человекъ, а къ тому еще боленъ, и она можетъ очень хорошо пріѣхать навѣстать его...“

— Я только что хотѣла это сказать, спасибо что вы предварили, вскрикнула опять Ольга Еллицифоровна,—я умираю сама отъ нетерпѣнія увидѣть его...

— А вотъ мы съ Каллистратомъ и сговорились на счетъ этого. Ждите отъ него извѣщенія; онъ обѣщала пріѣхать извѣстать васъ переговоривъ съ Леонидомъ, по его пробужденію и визитъ Эдекауера... Онъ предвидѣлъ одно... неудобство,—примолвила Варвара Петровна, сама вѣсколько затрудняясь тѣмъ что хотѣла выразить.

Но Ольга Еллицифоровна тотчасъ же помяла въ чемъ дѣло:

— Дѣти его... Княгиня Андомская... сидятъ вѣрно тутъ, у него въ комнатѣ?...

— Да, да!...

— Предестная Toutou, желчно продолжала Ранцева,—изображаетъ изъ себя теперь, разумѣется, вѣжную и встревоженную дочь... и бѣдный Калебъ вашъ боится что она не захочетъ допустить меня къ отцу, которому она вѣкъ свой отравляла существованіе злостью своей и дерзостью?...

Варвара Петровна прервала ея раздраженную рѣчь:

— Оставьте ее, ma chère, въ покоѣ! Права вы ея не передѣляете, а сами только бесполезно разстраиваетесь... Она все-таки воспитанная особа, и если вамъ дѣйствительно прідется тамъ съ нею встрѣтиться, она никакъ не рѣшится *съ такою минутою и въ отцовскомъ долѣ* быть съ вами неприличною... Я впрочемъ вотъ что сдѣлаю: когда вы будете знать въ какое именно время ѣхать къ нему, пришлите мнѣ сказать, я весь день буду дома—и я тогда тоже поѣду

навѣститъ еще разъ больного сегодня... При мнѣ она не... Я отведу бурю во всякомъ случаѣ, закончила добрая женщина смѣясь.

Она обняла свою protégée (она не иначе глядѣла на Радеву, и стоять за нее всѣми своими силами считала дѣломъ чести своей и достоинства), крѣпко поцѣловала въ щеку и сказавъ ей на прощанье: „du courage, chère, перемелется все мука будетъ!“ быстро вышла изъ гостиной.

Хозяйка проводила ее до лѣстницы, въ нервномъ порывѣ кинулась ей въ свою очередь на шею, расплакалась и убажала въ свою спальню.

Но когда осталась одна, ее стало разбирать безпокойство до такой степени что она, какъ говорится, мѣста себѣ видѣти найти не могла. Она припоминала и перетолковывала себѣ каждое изъ словъ сказанныхъ ей Варварою Петровной въ смыслѣ все болѣе и болѣе ужасавшемъ ее. Опасность грозившая ей „другу“ представлялась ей несомнѣнною. Она заключала объ этомъ уже изъ самого того что Варвара Петровна первая завела рѣчь о желаніи ея видѣти ее. „Варвара Петровна очень добрая женщина, разсуждала Ольга Еллидифоровна,—и очень любитъ меня, но она, une vertu и очень строга ко всякимъ *convenances*: она очень хорошо понимаетъ какого рода чувство питаетъ онъ ко мнѣ и къ какой дѣли стремится, но она тщательно избѣгала всегда со мною всякаго разговора объ этомъ и притворялась думающею что онъ просто любитъ меня какъ милую и несчастную въ супружествѣ женщину, съ маленькимъ оттѣнкомъ того свѣтскаго *flirtation que tout homme de goût doit à une jolie femme*. Если она теперь рѣшилась заговорить о томъ „люблю ли я его“ и передать то что ей говорилъ Каллистратъ, значить, сама она, несмотря на ея успокаивающія слова, судить о его положеніи какъ объ очень серьезномъ и находить что *теперь* я могу „взять навѣститъ его“ не компрометтируя ни его, ни себя... „Дѣйствительно, человѣка при смерти никого уже компрометтировать не можетъ“, вся содрогаясь отъ ужаса посылала себѣ молодая женщина. „И что же, если въ самомъ дѣлѣ это несчастіе... Что же тогда будетъ со мною?“...

Она сидѣла на низенькомъ креслѣ подлѣ своего туалета, закинувъ обѣ руки за голову, съ трельно вздымавшеюся грудью, съ прижмурившимися судорожнымъ движеніемъ глазами....

Въ притворенную ею дверь спальни раздался со стороны гостиной легкій стукъ.

Она не обратила на него вниманія... „Что будетъ со мною?“ повторяла она мысленно:—„съ нимъ все кончено, все разлетается какъ дымъ... Останется мнѣ только бѣжать изъ Петербурга... безъ него меня здѣсь заводить, заводить на смерть... Господи, а еще вчера, вчера казалось мнѣ это такъ близко, такъ несомнѣнно“...

— Gnädige Frau, s'ist eine dame da! раздался за нею голосъ.

Она вздрогнула отъ неожиданности, обернулась съ нахмуреннымъ лицомъ:

Въ просвѣтъ небольшой двери, соединявшей спальню ея съ уборною, она увидѣла блѣдобрисую фигуру своей, выступившей изъ-за отдернувшейся занавѣси, Амалии, съ которою мы имѣли уже случай познакомиться читателя.

— Какая дама?... Я приказала никого не принимать сегодня!...

— Ja wohl, aber... s'ist die Mutter des jungen Fürsten, это мамашенька молодой князь, гусаръ... aus Moscau... Она приѣхала не долго здѣсь, morgen will sie weg, и сказалъ швейцаръ что очень желаетъ васъ видѣть,—объясняла, подмигивая и покачивая головой съ какимъ-то забавно значительнымъ и таинственнымъ видомъ, чуховская субретка.

— Княгиня Шастунова! воскликнула ея барыня, и безсознательная усмѣшка, машинально вызванная этимъ именемъ, пробѣжала по ея засохшимъ отъ внутренняго волненія губамъ.

— So, so! подтвердила Амалия, все такъ же подмигивая и продолжая по-нѣмецки:—Она все ждетъ въ каретѣ; Федоръ стучался къ вамъ, но вы не отвѣчали, онъ думалъ что вы заснули и пришелъ меня спросить, но какъ я знаю что вы никогда не спите въ этотъ часъ....

— Пошлите сказать что я прошу ея!—прервала Ольга Еллидифровна.—„Ея глупость хоть разсвѣтъ на нѣсколько времени эту невыносимую тоску“, разсудила она.

Она сѣла передъ зеркаломъ, оправилась, отерла холодною водою нѣсколько покраснѣвшіе глаза свои, и не торопясь вышла затѣмъ въ гостиную.

Въ противоположныя двери ея вливалась тѣмъ временемъ княгиня Аглая Константиновна.

Она окинула своими круглыми глазами отявутыя щекомъ

ствами этой гостиной, ея цѣнный Обюсоновскій коверъ и золоченую мебель, и сказавъ себѣ „mais c'est très cossu chez cette ex-Olga Akouline“, съ сугубою улыбкой на губахъ, замѣтно притертыхъ помадою, направилась къ выходящей ей на встрѣчу хозяйкѣ.

— Je n'ai pas voulu partir de Pétersbourg sans venir vous voir, заголосила она протягивая ей руку и загадывая ей умильно въ лицо,—и настояла чтобы вы меня приняли. Je suis toujours heureuse de retrouver de vieilles connaissances.

— Очень вамъ благодарна, княгиня,—отвѣчала съ нѣскольکو холодною учтивостью Ольга Еллидифоровна, усаживая ее на диванъ и сама садясь подлѣ.—Я не знала что вы здѣсь, хотя въ прошлый помедѣльникъ въ оперѣ мнѣ показалось будто вы или какая-то очень похожая на васъ особа вошли въ антрактъ къ Саватьевымъ въ генераль-губернаторскую ложу. Это меня даже очень удивило, помню. Но у меня въ тотъ вечеръ голова болѣла и я тутъ же уѣхала домой, такъ что не успѣла удостовѣриться дѣйствительно вы ли это были.

— Oui, c'était moi! У меня была своя ложа бельэтажа, но онѣ очень просили меня зайти къ нимъ... Ce sont des personnes très aimables toutes, n'est-ce pas? примолвила Аглая Константиновна вопросительно уставившись на Раадеву,—vous les connaissez?

— Кого это? Саватьевыхъ? Кто же ихъ не знаетъ?

— Но онѣ... Elles appartiennent au meilleur monde, n'est-ce pas? съ видимымъ уже безпокойствомъ допрашивала княгиня.

— Къ лучшему, къ лучшему, пронически поддакнула ея собесѣдница,—de l'orfèvrerie Ruolz * première qualité!

Аглая не поняла и испуганно захлопала глазами:

— Vous avez toujours eu beaucoup d'esprit chère Ol...chère madame, поправилась она,—и я вижу что вы шутите... Но я (она вдругъ приняла сосредоточенный видъ) я, je vous avoue, хотѣла именно узнать отъ васъ, et j'espère... à titre d'ancienne enfant de la maison, вы мнѣ не откажете сказать... Je ne connais pas Pétersbourg, а онѣ, ces dames такія любезныя вѣтъ... Я познакомилась, il faut vous dire, съ однимъ изъ нихъ, madame Bazine, у Татьяны Борисовны. Vous la connaissez?

* Поддѣльное серебро. Парижскіи Ruolz предшественникъ извѣстнаго петербургскаго Кача.

Ранцева неопредѣленно кивнула головой.

— Я у нея была pour l'affaire de mon église... Я, вы знаете, въ Црквомъ... que vous connaissez bien, j'espère, выстроила церковь...

Она тутъ же стремительно вздохнула и продолжала:

— Въ память моей бѣдвой Лины, dont vous avez été l'amie... и вообще parce qu'il faut protéger, je trouve, la religion de son pays... Хотя теперь (она наклонилась вдругъ къ самому уху хозяйки), avec cette émancipation которую намъ общають, можно ожидать qu'on renversera tout, et le trône et l'autel...

— Да, перебила ее та, которую нисколько не интересовала исторія церкви „въ память бѣдвой Лины“, а хотѣлось скорѣе добраться до новой *продѣлки* ненавидимаго ею теперь племени Саватьевыхъ,— вы говорили что познакомилась у Татьяны Борисовны avec la fameuse Nanie Bazine.

— Отчего „fameuse“?

— Отчего? Этой женщиной современемъ статуи будутъ воздвигать на площадяхъ съ надписью: „Богиня эксплуатированія ближняго, à la déesse de l'exploitation de son prochain“... Она довела до высокаго творчества искусство выжиманія изъ лимонныхъ сока и выкидыванья ихъ корожъ за окно...

Аглая продолжала ничего не понимать и обробѣло глядѣла на расходившуюся молодую женщину. А у той все сильнѣе разливалась желчь. Воспоминанія о недавнемъ пассажѣ съ ней Саватьевыхъ, о дружбѣ этой Nanie съ ея злѣйшимъ врагомъ, княгиней Амдомской, примѣшивали всю свою бѣдную горечь къ тому состоянью нервнаго возбужденія въ которомъ застала ее гостья. Слова шипя, съ обрывистымъ и колкимъ смѣхомъ, падали изъ ея устъ:

— Она васъ съ перваго же раза и окрутила: я вижу это отсюда. Не дали вамъ времени вздохнуть, какъ вы уже очутились засосанною en plein Саватьевымъ болотомъ, всѣми его Дивами, Идами, Зизи, e tutti quanti; васъ завертѣли, закидали приглашеніями, повезли обѣдать къ *tata*...

Аглая Константиновна даже руками всплеснула:

— Ah, mon Dieu, какъ это вы все знаете! Я третьяго дня, c'est vrai, была приглашена à dîner chez madame Savatiéf... Elle est très bien née cette dame, внушительно качнула она подбородкомъ,—une princesse Mordovskoi de naissance...

— И сынъ вашъ также приглашенъ былъ на этотъ обѣдъ.

— Да, Basile mon fils aïssi.

— И за объѣдомъ посадили его между двумя изъ сестеръ, изъ которыхъ одна была непременно „la belle Lydie“, дѣвица?..

Удивленная гостя все шире открывала глаза:

— C'est cela! Но кто могъ вамъ все это передать?

— Ровно никто. Я вамъ сказала: я вижу это отсюда. Я ихъ наизусть знаю... Да и какъ трудно угадать когда знаешь что онъ вбилъ себѣ телерь въ голову выдать эту свою безсловесную кулау-сестру за вашего Базилъ.

— А вы это знаете?

Ранцева только плечами пожала.

Аглая Константиновна принялась вдругъ смѣяться, утвердительно и самодовольно покачивая головою:

— Vous savez, Базиль мнѣ сказалъ qu'elle est folle amoureuse de lui.

— Ну да, презрительно ловела губами Ольга Еллидифорова,—она вотъ уже десятый годъ влюбляется такъ поочередно во всѣхъ здѣшнихъ богатыхъ жениховъ, но на ея несчастье ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ не подловился на эту удочку.

— Ah, mon Dieu, неужели она уже такъ давно въ свѣтъ? Je la croyais encore fort jeune.

— Ей по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать, отрѣзала Ранцева, прикидывая съ досады „по крайней мѣрѣ“ года три лишнѣхъ къ настоящему возрасту дѣвицы Саватьевой.— А вы что же, добавила она свысока,—вообразили что это дѣйствительно могла бы быть подходящая партія для вашего сына?

На жирномъ лицѣ Аглаи изобразилось чувство самой плачевной безпомощности:

— Ахъ, chère Olga... Pardonnez moi что я васъ называю comme autrefois.... Я объ этомъ хотѣла поговорить съ вами comme avec une vieille amie. Я.... je me perds dans votre Pétersbourg, не знаю съ кѣмъ посоветоваться.... Всѣмъ, я думаю, извѣстно что mon fils Basile, avec son nom и съ тѣмъ что онъ можетъ ожидать отъ меня, а le droit de prétendre à la main de tout ce qu'il y a de mieux ici.... Но — и она самымъ неожиданнымъ образомъ разхныкалась,—je vous avoue cela la mort dans l'âme. Я ужь и не знаю что лучше: согласиться qu'il épouse une non titrée, et pauvre, et plus âgée que lui, какъ эта Саватьева, или оставить его faire ce tas de dettes pour une gredine, какъ его Yrma... Вѣдь она еще болѣе жадная чѣмъ та, l'autre, vous savez, Lucie Ladragne. Онъ ей, я знаю, подлисалъ векселей на сорокъ тысячъ, кромѣ

того что долженъ по всѣмъ магазинамъ за ея брилліанты и туалеты. Il me ruine, mon fils, и у меня только одна надежда что еслибъ онъ могъ попасть въ руки d'une femme à caractère et comme il faut, она удержитъ его sur la pente de l'âbîme.

Ольга Еллидифоровна прервала ее новымъ язвительнымъ смѣхомъ:

— Вотъ дайте ему попасть къ Саватьевымъ въ руки, онъ ему покажутъ чтò такое характеръ!...

Та замахала руками:

— Я не объ этомъ! Basile совсѣмъ о другомъ думаетъ. Онъ нисколько не тронуть par l'amour de cette demoiselle; онъ находитъ только что у нея des épaules qui ne sont pas mal, и больше вичего... Она вдругъ осклабилась и продолжала уже таинственнымъ шелотомъ, искательно глядя на молодую женщину:

— Но есть другія плечи, онъ говорить, отъ которыхъ онъ съ ума сходитъ...

— Мол, то-есть? преспокойно и чуть-чуть усмѣхаясь объяснила Равцева.

— Oui, chère Olga, oui!.. Вы въ самомъ дѣлѣ теперь plus belle que jamais, я понимаю моего сына.—Она завздыхала опять:—Et puis vous êtes désintéressée et femme du monde... Вотъ еслибъ я знала что Basile имѣетъ des relations sérieuses съ такою женщиной какъ вы, я была бы спокойна что онъ не разорится comme son père, ce pauvre Michel, que j'ai sauvé de la misère...

— Это чтò же значить: „des relations sérieuses?“ прервала ее вопросъ:—омазъ, то-есть, ce qu'on nomme une liaison?

Она засмѣялась игриво и невинно:

— Mais vous savez, quand des personnes s'aiment...

Ольга Еллидифоровна въ свою очередь теперь уставилась ей въ глаза.

— Другими словами, чтобъ избѣгнуть съ одной стороны сашкомъ дорого стоящей въ мѣрѣ лоретокъ Ирмы, съ другою не достаточно дорогою на свѣтскомъ рынкѣ Лидіи Саватьевой, вы желали бы чтобъ я сдѣлалась la maitresse de Basile votre fils.—Такъ это?

Несчастная Аглая растерянно захлопала глазами: она никакъ не предвидѣла чтобъ ей могли быть когда-либо выведены ея тонкіе намеки на чистоту.

Красивая барыня задилась гомерическимъ смѣхомъ:

— Вы тѣмъ милы, княгиня, проговорила она съ самою откровенною безцеремонностью,—что вы неизмѣнны и неизблѣмы какъ какая-нибудь египетская пирамида...

— Mais, ma chère madame, услуганно зашептала та,—je ne voulais pas vous offenser...

Ранцева хотѣла что-то отвѣтить... и вдругъ вскочила съ мѣста, и съ тороллапвымъ „regard“ кинулась къ полуоткрывшейся двери въ ея спальню, откуда ея Амалія видимо вызывала ее къ себѣ какими-то многозначительными знаками и пальцевъ и глазъ.

— Изъ дома графа пришла къ вамъ одна женщина, быстро доложила она ей на ухо по-нѣмецки,—и говоритъ что ей непременно нужно говорить съ вами сейчасъ.

— Гдѣ она?

— Я ее увела въ мою комнату чтобы никто не видѣлъ.

Женщина эта была жена Каллистрата, которую тотъ пригласилъ съ извѣщеніемъ что большой графъ „безпрѣменно проситъ госпожу“ пріѣхать къ нему не теряя времени, „потому самое обѣденное время, графчикъ съ графинюшкой и сестрица ихъ, княгиня, кушаютъ въ столовой, а сама—одинъ въ своемъ покоѣ и желаютъ чтобы быть безъ свидѣтелей.“

— А пріѣхать къ нимъ, объясняла она „госпожѣ“,—требуется не съ Набережной, а со двора, къ собственному графскому крыльцу. Каллистратъ Степанычъ ужъ тамъ ждетъ васъ будутъ, и проведутъ....

— Сейчасъ! не дала ей договорить Ольга Елцифоровна.— Вы на извозчикѣ пріѣхали?

— Такъ точно-съ! Каллистратъ Степанычъ наказывали чтобъ какъ можно слѣзнуть....

— Погодите же минутку, я съ вами вмѣстѣ поѣду.... Амалія, шубку, калоръ и вуаль! А сами сейчасъ же послѣ меня отправляйтесь въ саняхъ къ Варварѣ Петровнѣ Мосягиной и скажите что я поѣхала,—она уже знаетъ.... Проведите насъ на черный ходъ!..

Она чрезъ мигъ была одѣта, окутана вуалью, и бѣжала по корридору, солутствуемая едва послѣвавшею за ней ложилою женой Каллистрата.

— Und die Frau Fürstin, ваша гостья, она тамъ у васъ сидѣть осталась,—веломнила, выпуская ихъ за дверь на черный ходъ Амалія, — was soll ich Ihrer Durchlaucht sagen?

— Скажите ей что она дура! крикнула ей на это съ сердцемъ барыня подъ двойнымъ впечатлѣніемъ досады и тревоги, исчезая со своею спутницей за поворотомъ лѣстницы.

Амалия покачала головою ей вслѣдъ, повернулась и, пройдя чрезъ спальню въ гостиную, застала тамъ „ея сіятельство“ одну одинокую и весьма замѣтно смущенною этимъ одиночествомъ.

— Die gnädige Frau lässt sich entschuldigen.... Мою госпожа очень спиваетъ себя, проговорила чужонская субретка,—у нее ушасно зубы болѣвъ, и она поѣхалъ къ своей дантистъ.

Княгиня Аглая Константиновна безмилвно умерлась круглыми глазами въ ея косые глаза, судорожно передернула свою новехомькую отъ Andrieux манталю и, красная какъ лѣвъ, недоумѣло вышла изъ комнаты.

— Elle est au fond très impertinente, cette ex-Olga Akouline! рѣшила она, додумавшись, въ свѣяхъ, пока ея ливрейный вздѣвалъ шубу на ея крутыя какъ Бакавскія горы плечи.

XI.

Чаръ твоихъ могучихъ сила
Можетъ мертваго поднять....

Cokolosckij.

Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier
Aber Menschenopfer unerhört.

Gothe. Die Braut von Corinth.

Извозничьи сани съ Ольгою Елпидифоровной и ея спутницей, скользнувъ подъ ворота дома графа Патаманцева, завернули вправо и остановились у „собственнаго“ крылечка.

Жена Калистрата проворно выскочила изъ нихъ и послѣшю дернула за мѣдную ручку звонка....

Дверь тотчасъ же отворилась. Калистратъ приставилъ къ ней, въ ожиданіи ихъ, какого-то мальчика.

Самъ онъ, заслышавъ шаги въ корридорѣ, выскочилъ изъ уборной на встрѣчу прибывшихъ.

Онъ отослалъ жену назадъ повелительнымъ движеніемъ

руки и, оставшись вдвоемъ съ Ольгою Елпидиоровною, прошептавъ ей:

— Я *имъ* сказалъ что вы безпрѣменно желаете быть у *нихъ*, такъ вы ужь, на милость, извольте такъ и съ вашей стороны говорить; *они* васъ съ большимъ нетерпѣваемъ ожидаютъ.

— Какъ ему? торопливо спросила она.

По изрытому лицу стараго слуги, показалось ей, пробѣжала судорога:

— Ослабѣли очень, вскользь приговорилъ онъ... Я имъ сейчасъ доложу-сь, послѣшилъ онъ примолвить, — потрудитесь чуточку погодить здѣсь.

Онъ ввелъ ее въ *туалетную*, довольно просторную комнату, съ длиннымъ вдоль стѣны рядомъ дубовыхъ шкафовъ, а самъ быстро скользнулъ изъ нея въ спальню, совершенно неслышно шагая по ковру своею безъ каблуковъ обувью.

— Пожалуйте! молвилъ онъ, возвращаясь черезъ нѣсколько мгновеній, и наклонясь къ ней ближе: — Господивъ докторъ строго наказывалъ чтобъ *имъ* отнюдь много не говорить, такъ ужь дозвольте, сударыня, просить васъ.... поберегите *ихъ*! досказалъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ.

Ее передернуло отъ его выраженія... Безотчетно замедляя шаги переступила она черезъ порогъ *его* спальни....

Глаза ея, сами собою, прежде всего остановились на *немъ*. Онъ сидѣлъ, въ своемъ длиннололомъ домашнемъ сюртукѣ, рядомъ со влать прикрытою темнолацновымъ байковымъ одѣяломъ желѣзною кроватью, на визкомъ креслѣ съ протянутыми на табуретѣ ногами, лицомъ къ ней и спиною къ высокому старинному, съ бронзовыми украшеніями комоду, съ котораго пламя четырехъ свѣчей въ старинномъ же бронзовомъ *porte-bougies* подъ четырехугольнымъ зеленымъ колакомъ падало отвѣсно на голову больного, отчетливо обрисовывая лобъ его по брови, со спутанными надъ нимъ прядями сѣдыхъ волосъ, и оставляя въ полутьмѣ всѣ остальные черты. Онъ представлялся, такимъ образомъ, въ рамкѣ этого своего кресла съ засунутою за спину его бѣлою подушкой единственно освѣщеннымъ лункомъ высокаго и обширнаго алькова, отдаленные углы котораго пропадали въ какой-то мгластой, колеблющейся тьмѣ. Лишь кое-гдѣ въ складкахъ спущенныхъ занавѣсей, отдѣлявшихъ этотъ альковъ отъ каби-

вета, свѣтъ случайными искорками игралъ по золоту разводовъ густой темносиней ткани....

— *C'est vous... Enfin!* угадала взволнованная молодая женщина скорѣй чѣмъ услышала его слова.

Она кинулась теперь къ нему, схватила протавувшіяся къ ней руки его, наклонилась, жадно глянула ему въ лицо, и въ неудержимомъ порывѣ, съ ужасомъ отъ страшной перемены которую нашла въ немъ, опустилась вдругъ, словно подломленная, на колѣна и, сдерживая подступавшее къ горлу рыданіе, судорожно прижала губами къ этимъ рукамъ....

— Чтѣ вы дѣлаете! Встаньте! Тамъ... вскинувъ неопредѣленно глазами за спину пролетѣла онъ какъ бы услужливо, — и не договорилъ.... Была нѣчто страшно злобщее въ слышавшемся свистѣ съ какимъ вылетали эти звуки изъ его груди, въ порывисто короткомъ дыханіи которое сопровождало ихъ.— Садитесь тутъ... подлѣ меня....

Тамъ, она поняла, значило кабинетъ, гдѣ могли находиться или сейчасъ войти они, его дѣти,—ея враги... Они могли подслушать, подглядѣть изъ-за этихъ занавѣсей... Онъ принимаетъ ее тайкомъ отъ вихъ—и, видимо, не имѣлъ уже духа обезпечить неприкосновенность этой тайны, не рѣшился приказать не впускать ихъ на свою половину пока она тутъ... Сердце завывало у нея острою, жгучею болью: „это—отреченіе отъ себя... отъ жизни“, чулось ей какимъ-то внутреннимъ нервомъ въ самой глубинѣ ея существа.

Онъ между тѣмъ глядѣлъ на нее неотрывающимся, пронцающимъ и воспаленнымъ лихорадкою взглядомъ. Страненъ былъ этотъ взглядъ для нея; едва узнаваемы эти черты, въ которыхъ она еще столь недавно читала такую безконечную страсть...

— Мнѣ не хорошо... Я хотѣлъ видѣть васъ... пропускать онъ чрезъ силу, пожимая влажными и палящими руками ея оледѣвшіе пальцы,—*j'ai besoin de vous parler...*

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! прервала его она:—вамъ вредно, докторъ запретилъ... Когда вамъ станетъ лучше...

Онъ закачалъ головою болѣзненно морщась:

— Будетъ поздно... *C'est fini*, я чувствую... выслушайте меня!...

— Ради Бога, замолчите, я не хочу этого слышать... Это вздоръ, вы выздоровѣете... скоро! лепетала она съ насильственной улыбкой, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Овъ судорожнымъ движеніемъ летянулся къ ней руками... и беспильно упалъ олять сливою въ подушку:

— Милая, какъ я любилъ васъ—знаете Богъ... Но, видно, не надо было... Мы были виноваты...

Она вся вздрогнула:

— „Виноваты“? повторила она:—чѣмъ?

— Вы... знаете... Я его видѣлъ, проговорилъ Наташаицевъ еле слышно.

— Его?... Моего... мужа? бладея прошептала она на это:— Гдѣ?... Для чего?

— Овъ былъ у меня... Овъ... овъ васъ безконечно...

Сухой, острый, надрывающій кашель не далъ больному продолжать; овъ нагнулся головою впередъ, поднося платокъ ко рту. Ольга Елпидиоровна инстинктивно приставила ему ко лбу руку... Овъ тотчасъ же прикрылъ и прижалъ ее своею, поднявъ глаза и, самою пріободрясь вдругъ:

— И жить, и умирать подъ этою рукой сладко, сказалъ овъ, силась улыбнуться... и въ то же время безотчетно моргнувъ и прижмурился отъ ударившаго ему сбоку свѣта въ глаза.

Кто-то тихо отдернулъ одну изъ полъ завѣсѣй и вошелъ изъ-за нихъ въ спальню,—вошелъ и остановился съ виднымъ изумленіемъ...

Это была belle-fille графа, жена его сына, рожденная баронесса фонъ-Гагернъ, стройная особа лѣтъ двадцати лати, съ правильнымъ и холоднымъ нѣмецкимъ лицомъ... Она очевидно никакъ не ожидала застать теперь у свекра „эту женщину“ (она никогда не видала ее, но тотчасъ же догадалась кто она),— и вся застыла въ первую минуту въ цѣломудренномъ негодованіи, увидавъ эти сплетенныя ихъ руки, это „дерзкое“ женское лицо наклонившееся надъ больнымъ „съ самою безспорною фамильярностью (avec la familiarité la plus incontestable)“.

Ольга Елпидиоровна точно также никогда не видала ее, и въ свою очередь тотчасъ же узнала ее. Но она только скользнула ло ней взглядомъ, и зорко устремила его въ просвѣтъ раздвинутыхъ молодою графиней завѣсѣй. Тамъ, въ кабинетъ, освѣщенномъ двумя высокими карселевскими лампами, сидѣло кругомъ камина нѣсколько лицъ; она, видимо, только-что вышла изъ-за стола и перешла сюда пить кофе, „лоближе къ больному“, согласно съ подобающимъ въ этихъ случаяхъ приличіемъ. Выглянувшій въ кресла въ всю длину свою, съ обращенными къ огню толстыми подошвами тюлевыхъ башма-

ковъ вѣскаго издѣла, въ кавтчатомъ домашнемъ костюмѣ и съ ринсе-нез на носу, явннво потягивалъ дымъ изъ сигары молодой графъ Наташанцевъ, блондинъ лѣтъ тридцати; похожій на сестру пренебрежительнымъ, какъ бы гадливымъ выраженіемъ своего узкаго, гладко выбритаго лица. Сама она, княгиня Андомская, съ китайскимъ garde-feu въ рукѣ, оберегая лавиты свои отъ пламени, ломѣщалась подлѣ брата и, наклонясь къ нему бокомъ, съ озабоченною физиономіей передавала ему что-то чему внималъ онъ, казалось, съ полнымъ равнодушіемъ, не раскрывая рта, страшивая отъ времени до времени, механическимъ движеніемъ, пепелъ со своей сигары крѣпкимъ и длиннымъ въ цѣлый вершокъ ногтемъ, вырощеннымъ его заботами на правомъ мизинцѣ. Двѣ, три дамы изъ близкой родни, да кто-то изъ тѣхъ intimes de la maison, безъ которыхъ не обходится ни одинъ большой домъ въ Петербургѣ, съ чашками въ рукахъ, вели тутъ же, лоблизости, неслышный межъ собою разговоръ.

Гавдева въ одинъ мигъ обмяла все это общество... „Да, сказала она себѣ, *они*, теперь, подъ видомъ дѣтской вѣжливости и тревоги за него, ворвались въ это послѣднее его убѣжище, распоряжаются у него какъ бы уже вступивъ въ его наслѣдство и ведутъ лицемерныя рѣчи о томъ чего сами съ нетерпѣніемъ ждутъ въ своихъ скверныхъ душовкахъ... А онъ,“ — и глаза ея съ безмѣрною жалостью обернулись на страдающаго, — „онъ, безпомощный и уже безмолвный, онъ уже ничего... ничего противъ нихъ не можетъ...“

— Cher rara, рѣжущимъ звукомъ раздался въ ея ухахъ голосъ молодой Наташанцевой (она отдѣлилась отъ темнаго фона занавѣса и быстрыми шагами подошла теперь къ свекру), — вы не спите? Вамъ лора ваше лѣкарство прнвять...

— Да, Калнстратъ знаетъ... Рука его протянулась къ колокольчику на столикѣ стоявшемъ подлѣ него вмѣстѣ съ алтекарскими стклянками.

Но старый слуга былъ уже тутъ и, поднеся столовую серебряную ложку ко свѣчамъ на комодѣ, медленно и прищурясь цѣлъ въ нее микстуру...

Глаза больного поднялись на невѣстку съ какимъ-то не то раздраженнымъ, не то умоляющимъ выраженіемъ; впадыя щеки его замѣтно заадыли отъ внутренняго волненія.

— Ma chère Lucie, я попрошу васъ оставить меня на

вѣсколько минутъ одного... avec madame... madame Rantzef,— ma meilleure amie ici-bas, отчеканилъ онъ въ поясненіе, какъ бы находя опять въ эту минуту тотъ вѣскій и внушительный томъ знатнаго и уважающаго себя барина и главы дома, предъ которымъ семья его въ оны дни безропотно склоняла головы...

Молодая графиня и не нашаа слова отвѣтить. Она ледянымъ, но учтивымъ поклономъ повела въ сторону вашей барыни, причемъ углы ея губъ чуть-чуть дрогнули надменно усмѣшкой, и прошла въ кабинетъ.

— Кадистратъ, зававѣси!... пророчилъ графъ глядя ей вслѣдъ...

Онъ послѣшшо прикрылъ еще разъ ротъ платкомъ чтобы заглушить хриплый свистъ капли ломившаго ему грудь, пока Кадистратъ, угадывая его желаніе, торопливо задергивалъ занавѣси алькова и недвижно словно замиралъ предъ ними, съ очевидною рѣшимостью не позволять болѣе никому доступа изъ-за нихъ.

— Ils veulent être toujours là, замѣтилъ большой тяжело перевода духъ,—я имъ сказалъ что хочу спать, чтобы не мѣшала, во вотъ... вы видите... Et il me reste si peu d'instants pour vous parler...

— О милый, дорогой!.. могла только выговорить она сквозь прорвавшееся у нея неудержимо рыданіе.

— Не плачьте, услѣте! почти строго молвилъ онъ на это,— Богъ не хочетъ... намъ надо повиноваться...

Она слушала, глотая слезы, прижимая руку къ нервно-вздрагивавшимъ губамъ и неотступно глядя въ его горячечно горѣвшіе глаза.

— Я не ролщу, падали черезъ силу слова изъ его усть, — я умру спокойно... если вы мнѣ дадите слово...

— Какое слово! пробормотала она,—я хочу чтобы вы жили... вы будете жить!...

Онъ безнадежно усмѣхнулся, потянулся рукою къ ея рукѣ.

— Вы должны мнѣ поклѣсться, твердо промолвилъ онъ сжимая ее,—что вы вернетесь къ нему...

— Къ „нему“!... Къ мужу? растерянно вскрикнула Ольга Елпидиоровна.

Онъ медленно склонилъ голову.

— C'est le dernier vœu d'un mourant... d'un ami, для котораго ваше счастье дороже собственной жизни. Я умоляю васъ

объ этомъ, для васъ... и для себя... Я никому не сдѣлалъ зла въ этомъ мѣрѣ... Я не хочу унести *туда* мою вину... предъ нимъ... Et vous, mon ange bien-aimé, промолвилъ онъ съ безковечною любовью въ задыхающемся голосѣ,—вы, когда меня не ставеть, васъ ждетъ такая злоба, ненависть... Онъ, онъ одинъ способенъ такъ же безгранично любить и охранять васъ... Другой... Un jeune homme... un Ашанинъ—вылетѣло у него яомимо воли какою-то послѣднею вслышкой страсти—погубить васъ!..

„Онъ знаетъ! Отъ кого? Неужели *тотъ* нажаловался ему на меня?“ пронеслось молвіей въ головѣ Ранцевой.—„И это жжетъ ему душу въ эту минуту...“

Глаза ея въ тотъ же мигъ безотчетно направились въ глубину комнаты, гдѣ у замѣтно задвигавшихся занавѣсей происходила какъ бы какая-то борьба между стоявшимъ предъ ними сливою къ ней Калистратомъ и кѣмъ-то, кого онъ очевидно не хотѣлъ пропустить изъ-за нихъ въ спальню. Преданный старый слуга ухватился руками за обѣ полы просунувъ голову въ узкій между ними просвѣтъ вель, по видимому, съ этимъ невидимымъ кѣмъ-то переговоры, глухой сначала шелоть которыхъ начиналъ становиться все явственнѣе...

Онъ долетѣлъ и до слуха больного:

— Калистратъ, чтѣ это? произнесъ онъ вздрогнувъ и оборачивая голову по его направленію.

— Да вотъ-съ ея сіят... не договорилъ тотъ, машинально опускающая руки и въ свою очередь оборачиваясь на голосъ барина. Занавѣси въ то же время быстро и широко раздёрнулись, и изъ-за нихъ, мимо отшатнувшася предъ ней невольно Калистрата, выступила княгиня Андомская... Братъ ея, со своимъ prince-nez на носу, засунувъ обѣ руки въ карманы жакетки, показался за нею, но не выстулая за грань кабинета остановился во глубинѣ, откуда съ зоркимъ и безцеремоннымъ любопытствомъ такъ и вонзился взглядомъ въ красивую барыню, о которой наслышался такъ много злобныхъ разказовъ въ обществѣ своей сестры.

Княгиня подошла прямо къ отцовскому креслу:

— Mon père, принужденно спокойнымъ тономъ произнесла она, глядя ему прямо въ лицо и будто вовсе не замѣчая присутствія его собесѣдницы:—vous vous faites beaucoup de mal. Вы знаете что доктора строго запретили вамъ говорить...

Голосъ его завылъ, глаза загорѣлись негодованіемъ:

— Vous ne voyez donc pas que madame est là! указавъ оны на Ольгу Елпидиоровну:—она мнѣ сдѣлала честь посвятить меня, а вы.... Я просилъ чтобы ко мнѣ не входили, а вы.... врываетесь.... насильно!...

Княгиня вспыхнула вся, и тотчасъ же закусила губу чтобы удержаться отъ слишкомъ рѣзкой отповѣди:

— Vous ne pouvez pas, il me semble, mon père, en vouloir à votre fille, подчеркнула она, но съ отбѣнкомъ полнѣйшей почтительности, — за то что ваше здоровье заботить ее.... Madame, добавила она, поведя взглядомъ въ сторону Рандевой,—doit le comprendre aussi, j'espère!

Та не выдержала:

— Вы не ошибаетесь, княгиня, язвительно пропустила она,—я васъ понимаю... Понимаю и то что цыны заботы могутъ привести больному болѣе вреда чѣмъ самое рѣшительное равнодушіе.

Авдомская внезапно дернула шею и уставилась на невинистую ей женщину сверкающими какъ у ящерицы зрачками:

— А вы, прошилъа она,—желаете удержать за собой право нанести ему и послѣдній ударъ!...

Раздражающій, стѣнящій хриплъ вырвался изъ груди ея отца:

— Ah, c'est vous.. vous qui me tuez!...

Судорожно простершіяся къ ней руки его мгновенно улади ударившись о ручки кресла, голова безчувственно замолчала вазадъ...

— Mon père! визгнула отчаянно княгиня, кидаясь къ нему...

На этотъ крикъ съ молодымъ Наташанцевымъ впереди хлынуло изъ кабинета все что тамъ находилось. Спальня наполнилась людьми, замелькали чьи-то блѣдныя, перелугавныя лица, надвигаясь въ растерянномъ перелолохѣ подобныхъ минутъ тѣснымъ и бесполезнымъ стадомъ ко креслу „умирающаго“... Ольга Елпидиоровна вспрыгнула съ мѣста, зашаталась... и упала на чьи-то подхватившія ее вовремя руки....

Она очнулась въ туалетной Наташанцева. Она лежала на кушеткѣ съ какимъ-то валькомъ подъ головой. На крайнкѣ подлѣ нея сидѣла Варвара Петровна Мосягина со стеклянкой одеколона, которымъ только-что терла ей виски, и глядѣла на нее съ жалостливымъ участіемъ....

— Ради Бога, что оны! вскрикнула молодая женщина еще недоумѣло озираясь кругомъ.

Пріятельница ея скорбно сжала брови:

— Пришелъ въ себя... Но обманывать я васъ не буду: Штраухъ здѣсь и сказалъ мнѣ что ему... не протянуть до утра. Болѣзнь пошла такимъ быстрымъ ходомъ, говоритъ онъ, что они ничего не могли противъ нея.—Когда же они что-нибудь могутъ!...

— О, дайте, дайте мнѣ взглянуть на него! взмолилась къ ней та, подымаясь на ноги.

— Нѣтъ, милая,—твердо возразила Варвара Петровна,—я васъ не лущу! Я и такъ наслау могла привести васъ въ чувство. А онъ... онъ сейчасъ потребовалъ священника. Дайте ему умереть спокойно, христіанцивомъ... примирившись со своимъ!... Я васъ сейчасъ отвезу домой.

Ольга Елпидиоровна не отвѣчала. Она ушла олять головой на валекъ, и такъ и замерла.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Б. МАРКЕВИЧЪ.

ГЕССЕНСКАЯ (УСПЕНСКАЯ) МУХА

CECIDOMYA DESTRUCTOR.

I.

Историческое обозрѣніе.

Въ отчетѣ министра земледѣлія въ Вашингтонѣ говорится что въ 1870 году насѣкомыя причинили земледѣлію Соединенныхъ Штатовъ вредъ на сумму *ста миллионѣвъ долларѣвъ* *. Въ отчетѣ за 1871 годъ величина вреда причиненнаго насѣкомыми опредѣляется въ *триста миллионѣвъ долларѣвъ* **. Это сумма почти равняющаяся величинѣ расходовъ всего государства нашего.

На поляхъ Россіи дѣятельность вредныхъ насѣкомыхъ, по-видимому, лишь немного уступаетъ ихъ дѣятельности въ Америкѣ. Вредъ ими у насъ причиняемый тоже достигаетъ уже огромныхъ размѣровъ, въ чемъ легко убѣждаетъ насъ опытъ только-что истекшаго лѣта. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ году кажется не было уголка въ средней, южной

* *Report of the commissioner of agriculture for the year 1870. Washington. 1871. p. 65.*

** *Report etc. for the year 1871. p. 70.*

и восточной Россіи, откуда не раздавались бы жалобы на вредныхъ насѣкомыхъ и на значительность опустошеній ими причиняемыхъ. Саранча на Кавказѣ, прусъ и кобылка въ Астраханской и Оренбургской губерніяхъ, хлѣбный жукъ въ южной, гессенская муха въ средней Россіи, точно ослабляли вынѣ другъ у друга первенствующее вліяніе на земледѣліе и наносили ему жестокіе удары, еще усиливаемые дѣятельностію цѣлаго ряда другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, каковы: свекловичный и ржаной червь, хрущъ-крестовосецъ, липыщикъ, свекловичный долгоносикъ и другіе.

Еще не считали у насъ величину вреда причиняемаго намъ этими ничтожными врагами нашими. Но если даже допустимъ что дѣятельность ихъ у насъ была вчетверо слабѣе дѣятельности ихъ американскихъ солаеменниковъ, то и въ этомъ случаѣ мы получимъ огромную цифру, значеніе которой еще возрастаетъ когда мы сравнимъ ее не съ потерями богатой Америки, а съ волнующею бѣдностію нашего земледѣльческаго сословія, которое должно было уплатить насѣкомымъ эту цифру изъ своего урожая.

Произрастаніе сельскохозяйственныхъ растений зависитъ отъ метеорологическихъ и почвенныхъ условій и отъ истребляющаго дѣйствія враговъ растительности между которыми насѣкомыя занимаютъ первое мѣсто. Каждый урожай является результатомъ взаимодѣйствія этихъ трехъ условій и борьбы съ ними сельскаго хозяина. Но масса сельскихъ хозяевъ еще далеко не вполне усвоила себѣ это положеніе.

Что касается метеорологическихъ условій, то ихъ важное, почти роковое значеніе давно уже проникло въ общественное сознаніе и никому не приходитъ въ голову сомнѣваться въ томъ вліяніи которое оказываютъ на растенія такіе факторы какъ морозъ и жары, дожди и засухи.

Большое значеніе почвенныхъ условій только еще проникаетъ въ сознаніе массы сельскихъ хозяевъ благодаря идеямъ Либиха и услѣхамъ химіи.

Что же касается условій третьяго рода, то указанное выше значеніе ихъ сознается въ настоящее время лишь незначительнымъ меньшинствомъ и только начинаетъ проникать въ сознаніе общества вслѣдствіе тѣхъ огромныхъ потерь которыя оно въ послѣднее время несетъ вслѣдствіе дѣятельности насѣкомыхъ.

До сихъ поръ на появленіе вредныхъ насѣкомыхъ огромными массами общество повсюду смотритъ какъ на явленіе

случайное, совершенно внезапное, подобное напиримѣръ землетрясенію; какъ на явленіе которое никакъ нельзя предвидѣть и тѣмъ менѣе предотвратить помощью дѣйствій состоящихъ въ распоряженіи сельскаго хозяина. Укорененію подобныхъ воззрѣній въ обществѣ содѣйствуетъ конечно недостаточное распространеніе знакомства съ природой, безъ котораго трудно уразумѣть ту совокупность явленій которая приводитъ, отъ времени до времени, къ кризисамъ въ формѣ появленія жука, саравчи, гессенской мухи, и т. л. А между тѣмъ такое воззрѣніе на вредныхъ насѣкомыхъ влечетъ за собою весьма неблагоприятныя послѣдствія какія мы дѣйствительно повсюду и видимъ. Разъ мы увѣрены что данное явленіе есть чистая случайность, мы конечно не можемъ оправдать какія-либо мѣры направленныя къ предотвращенію его повторенія въ будущемъ. Поэтому мы почти не видимъ чтобы въ сельскомъ хозяйствѣ принималась въ соображеніе возможность появленія вредныхъ насѣкомыхъ и практиковались какія-либо предупредительныя мѣры. Не сознавая преемственной послѣдовательности въ появленіи вредныхъ насѣкомыхъ, мы не предпринимаемъ ничего чтобы ему противодействовать и помѣшать необходимому накопленію условій для ихъ размноженія. А между тѣмъ эта преемственность есть законъ, благодаря которому, какъ выше сказано, каждый урожай является результатомъ взаимодѣйствія трехъ факторовъ, именно: почвы, погоды и насѣкомыхъ. Сельскій хозяинъ долженъ совершенно одинаково имѣть въ виду каждый изъ этихъ моментовъ и располагать свою культуру такъ чтобы она отвѣчала требованіямъ каждаго изъ нихъ.

Огромное большинство вредныхъ насѣкомыхъ съ давнихъ поръ и постоянно присутствуетъ на нашихъ поляхъ. Но пока численность ихъ не велика, они не отвлекаютъ на своей дѣятельности вниманія сельскаго хозяина, тѣмъ болѣе что при ничтожной величинѣ большинства ихъ они легко ускользаютъ отъ наблюденія. Кромѣ того, послѣдствія вредной дѣятельности многихъ насѣкомыхъ проявляются столь оригинальнымъ образомъ что даже замѣчая ихъ со всѣхъ сторонъ, хозяинъ незнакомый съ истинною ихъ причиною склоненъ объяснять ихъ вліяніемъ почвенныхъ или метеорологическихъ условій, могущество которыхъ ему давно извѣстно.

Постоянно живя на наших полях вредныя насѣкомыя стремятся размножиться и завоевать себѣ все поле. При чрезвычайной ихъ плодовитости и быстротѣ развитія это повидимому должно бы было очень скоро случиться. Такъ, бабочка свекловичнаго или ржаного червя (*Agrotis segetum*) появившись въ маѣ несетъ болѣе сотни яичекъ, изъ которыхъ въ началѣ августа развиваются бабочки, опять складывающія по сотнѣ яичекъ, такъ что въ слѣдующемъ маѣ, то-есть чрезъ годъ, отъ каждой особи летавшей вышшею весной можетъ получиться потомство изъ $100 \times 100 = 10.000$ особей.

При постоянномъ присутствіи вредныхъ насѣкомыхъ на нашихъ поляхъ, при такомъ быстромъ ихъ размноженіи, культура растеній была бы невычислима еслибы на помощь сельскому хозяину не приходили обстоятельства не позволяющія насѣкомымъ размножаться въ такой степени. Благодаря явленіямъ погоды, дѣятельности птицъ и другихъ враговъ, огромное большинство особей не получаетъ возможности размножиться и насѣкомое удерживается въ предѣлахъ безвредности обитая поля наши въ ничтожномъ и незамѣтномъ числѣ особей. Но стоить въ приѣмахъ культуры произойти измѣненію благопріятствующему размноженію насѣкомаго, или стоить погодѣ и другимъ внѣшнимъ факторамъ повалить въ томъ же смыслѣ, и въ теченіе непродолжительнаго времени отъ тысячи экземпляровъ, незамѣтно для насъ обитавшихъ наши поля, появится потомство изъ миллиардовъ особей, то-есть такая масса которая тотчасъ же заявитъ о своемъ присутствіи страшными олустошеніями. Внезапность появленія такой массы насѣкомыхъ производитъ впечатлѣніе какъ будто бы она свалилась съ неба. Когда такъ или иначе уничтожится эта масса и снова придуть въ дѣйствіе факторы мѣшающіе ихъ размноженію, число насѣкомыхъ опять держится предѣловъ безвредности. Такимъ образомъ, благодаря своему постоянному присутствію на поляхъ и своей плодовитости, вредныя насѣкомыя какъ будто подстерегаютъ каждое благопріятное имъ явленіе погоды или измѣненіе въ культурѣ чтобы размножиться въ значительномъ числѣ.

Но какъ посредствомъ приѣмовъ культуры можно парализовать вредное вліяніе некоторыхъ свойствъ почвы и климата, такъ подобными же приѣмами можно противодействовать и размноженію вредныхъ насѣкомыхъ. Нужно только

проникнуться убѣжденіемъ что эти насѣкомыя постоянно грозятъ возможностью своего размноженія, столь же постоянно и законно, какъ наступленіе холода или жары въ извѣстное время, или наступленіе полнаго истощенія почвы при извѣстныхъ сѣвооборотахъ. Какъ для предотвращенія такого истощенія и для устраненія вреднаго вліянія засухъ и морозовъ, хозяинъ прибѣгаетъ къ той или другой обработкѣ почвы и соотвѣтственному чередованію растеній, съ пользою для себя преодолевая такимъ образомъ вліяніе этихъ факторовъ; точно такъ соотвѣтствующими приемами онъ можетъ, въ большинствѣ случаевъ, противодействовать накопленію вреднаго насѣкомаго. Но для этого конечно прежде всего необходимо основательное знакомство съ образомъ жизни существа которое имѣетъ въ виду уничтожить.

Конечно, никогда не удастся совершенно уничтожить всѣхъ вредныхъ насѣкомыхъ. Но если можно будетъ достигнуть уменьшенія причиняемаго ими вреда хотя бы на 25% его теперешней величины, то и это сбережетъ населенію такіа суммы ради которыхъ стоить принести въ жертву кое-какіа денежныя средства и въкоторыя изъ сельскохозяйственныхъ преданій и потрудиться надъ приспособленіемъ указываемыхъ измѣненій въ приемахъ культуры.

Къ числу насѣкомыхъ, огромное вліяніе которыхъ на произрастаніе хлѣбныхъ растеній не подлежитъ теперь сомнѣнію, принадлежитъ и гессенская муха. Неоднократно причиняла она значительный вредъ хлѣбамъ, опустошая поля на большихъ пространствахъ, такъ что ослабляетъ первенство у саранчи, хлѣбнаго жука и имъ подобныхъ насѣкомыхъ. Дѣйствительно, гессенская муха есть бичъ сельскаго хозяйства, способный сдѣлаться причиною народнаго бѣдствія.

Впервые гессенская муха обратила на себя вниманіе сельскихъ хозяевъ опустошеніями произведенными ею на хлѣбахъ въ Сѣверной Америкѣ, въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Показавшись сначала въ 1776 году въ Лонгъ-Ислендѣ, муха отсюда распространялась все дальше въ глубь страны, и въ теченіе тринадцатилѣтняго промежутка времени, къ 1789 году, проникла уже на двѣсти миль къ западу. Въ первые годы она повреждала хлѣба лишь въ незначительной степени, но затѣмъ ея дѣятельность такъ усилилась что уже въ 1788 году почти на всей пораженной ею

площади она уничтожила около 80% всего урожая. Панический страх наводила она на сельских хозяев, мѣстами совершенно прекращавших посѣвы пшеницы. Въ 1778 году муха появилась въ такомъ огромномъ количествѣ что при перелетахъ своихъ образовывала тучи. Выказывали предположеніе что она ежегодно передвигалась на двадцать миль. Тогда же это страшное насѣкомое получило названіе „гессенской мухи“, потому что полагали будто оно было завезено въ Америку изъ Европы гессенскими солдатами съ ихъ багажемъ, въ соломѣ.

Громадныя опустошенія производимыя мухой обратили на нее вниманіе Американскаго правительства, которое назначило особую комиссію для изысканія мѣръ къ истребленію этого насѣкомаго. Они вызвали также большую тревогу въ Англіи, сельскіе хозяева которой боялись чтобы насѣкомое не было завезено къ нимъ съ зернами пшеницы на американскихъ корабляхъ. Вслѣдствіе этого при центральномъ правительствѣ въ Лондонѣ была организована особая комиссія на которую было возложено изысканіе способовъ для предотвращенія бѣдствій могущихъ произойти отъ перенесенія гессенской мухи въ Англію *. Но къ счастью эти тревоги и опасенія оказались напрасными. Муха не была перевезена въ Англію ** и не встрѣчается тамъ и по настоящее время.

Тринадцать лѣтъ кряду свирѣловала муха въ Сѣверной Америкѣ; лишь по истеченіи ихъ она исчезла, какъ благодаря энергическимъ мѣрамъ принятымъ къ ея употребленію, такъ отчасти вслѣдствіе климатическихъ явленій и паразитовъ. До пятидесятихъ годовъ нашего столѣтія не слышно было жалобъ на гессенскую муху въ Америкѣ. Но въ промежутокъ времени отъ 1850 по 1857 годъ она снова произвела опустошенія, еще болѣе страшныя чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Повидимому и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки гессенская муха производитъ отъ времени до времени сильныя опустошенія. По

* Say. *Some account of the insect known by the name of the Hessian fly. Journal of the Academy of Natural Science.* Philadelphia. 1817. T. I. Jounge, *Annals of Agriculture.* XI.

** Asa Fitch. *The Hessian fly, its history, character, transformations and habits.* 1846. I. Curtis. *Farm insects, beind the Natural history and economy o the insects etc.* 1860.

крайней мѣрѣ въ отчетахъ министра земледѣлія въ Вашингтонѣ за послѣдніе годы снова появляются извѣстія о вредѣ причиняемомъ этимъ насѣкомымъ. Такъ въ 1874 и въ 1875 годахъ гессенская муха была замѣчена въ Миссури *, гдѣ она сильно вредила равнымъ посявамъ пшевицы **. Въ 1876 году она повреждала *** *слабый хлѣбъ* въ Пенсильваніи, Виргиніи, Георгіи, Техасѣ, Арканзасѣ, Мичигенѣ, Миннесотѣ, Миссури и Канзасѣ, производя мѣстами очень большой вредъ.

Въ западной Европѣ въ теченіе вышѣшняго столѣтія гессенская муха нѣсколько разъ производила большія опустошенія, которыми обращала на себя вниманіе. Но принятыми мѣрами она была уничтожаема. (Ниже я представляю доказательства что гессенская муха не имѣетъ возможности жить въ западной Европѣ въ большомъ количествѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ.)

По всей вѣроятности занесены въ литературу далеко не всѣ случаи появленія гессенской мухи въ европейскіихъ странахъ, такъ какъ весьма часто причиненныя ею поврежденія были относимы къ другимъ причинамъ и рассматривались какъ слѣдствія вліянія морозовъ, тумановъ, вымочекъ и т. п. Положительно извѣстно въ настоящее время что гессенская муха до сихъ поръ была наблюдаема въ Германіи, Австріи и Франціи. Величина причиненнаго ею вреда не была приведена въ извѣстность въ видѣ точныхъ цифръ, но говорится что была уничтожена половина, три четверти и даже семь восьмыхъ всего урожая.

Въ Германіи извѣстны слѣдующіе случаи появленія гессенской мухи:

Въ 1833 году она произвела большія опустошенія **** въ Саксенъ-Кобургѣ.

Въ 1860 году она причинила большой вредъ хлѣбамъ въ Помераніи, близъ Штеттина, и въ Баваріи, близъ Эрлангена †.

Въ 1858 году она уничтожила $\frac{7}{8}$ урожая въ нѣкоторыхъ

* *Monthly reports of the departement of Agriculture. Washington. 1875. P. 350.*

** *Ibidem. 1875. P. 230.*

*** *Ibidem. 1876. P. 245 и 333.*

**** *Kollar. Naturgeschichte der schädlichen Insecten. 1837. P. 130.*

† *Stettiner Entomologische Zeitung. 1860. P. 320. Dohrn. Der Weizenverwüster.*

мѣстностяхъ въ Вюртембергѣ *; появилась въ Восточной Пруссіи ** и сильно вредила въ Силезіи и Познанѣ ***.

Въ 1864 году ее наблюдали въ Баденѣ ****.

Въ 1869 году во многихъ мѣстахъ Силезіи †.

Въ Австріи это насѣкомое появлялось два раза, именно: въ 1833 году въ Венгріи, близъ Альтенбурга, †* гдѣ оно уничтожило двѣ трети урожая; въ 1863 и 1864 годахъ во многихъ комитатахъ верхней Венгріи; въ нижней Австріи, въ Моравіи, †** и въ Богеміи; †*** особенно сильны были олустошенія произведенная въ Богеміи, гдѣ было даже признано необходимымъ допустить отсрочку платежа государственныхъ и общественныхъ сборовъ.

Во Франціи гессенская муха была наблюдаема только одинъ разъ въ 1817 году. †****

Величина причиняемаго вреда и то упорство съ которымъ гессенская муха держалась въ Сѣверной Америкѣ въ лораземныхъ ея мѣстностяхъ повсюду заслужили ей громкую извѣстность, такъ что рѣшительно всѣми авторами она относится къ числу самыхъ вредныхъ и опасныхъ насѣкомыхъ.

* Pinckert. *Der Winter-und Sommer-Weizen*. Стр. 165.

** Hagen. *Bericht über die in der Provinz Preussen von 1857 bis 1859 schädlich aufgetretenen Insekten*. *Stettiner entomologische Zeitschrift*. 1860. P. 26.

*** Loew. *Über die den Roggen in den Provinzen Schlesien und Posen verwüstende Roggenmade*. *Zeitschrift für Entomologie d. Vereins schles. Insekt.* 1859. XII.

Loew. *Die neue Kornmade*. 1859.

**** Künstler. *Ueber Getreideverwüster*. *Verhandlungen der K. K. zoologisch-botanischen Gesellschaft*. 1864. XIV. P. 407.

† Cohn. *Untersuchungen über Insectenschaden auf den schlesischen Getreidefeldern im Sommer 1869*. *Abhandl. d. schlesischen Gesellschaft f. Vaterl. Cultur*. 1860. P. 176.

†* Kollar. *Naturgeschichte der schädlichen Insekten*. 1833, стр. 130.

†** Haberlandt. *Cecidomya destructor*. *Verhandlung. der K. K. Zoologisch-botanischen Gesellschaft*. Wien. XIV. 1864, стр. 401.

†*** Kuntler. *Beiträge zur Kenntniss der Land- und Forstwirth. schädlichen Insecten*. *Verhandl. der. K. K. zool.-botan. Gesellsch.* Wien. XIV, 1864, стр. 779.

†**** Bosc d'Antic. *Quelques aperçus sur l'insecte, connu sous le nom de Mouche hessoise, et sur un insecte parasite, qui s'en nourrit*. *Annales de l'Agriculture de France*. 1817. X. p. 277.

До послѣдняго времени не было извѣстно встрѣчается ли гессенская муха въ Россіи. Въ 1879 году, Полтавская губернская земская управа сообщила мнѣ о значительныхъ поврежденіяхъ замѣченныхъ въ іюнѣ на хлѣбахъ въ Полтавскомъ уѣздѣ. Вслѣдствіе этого я отправился въ Полтаву и посѣтивъ мѣстности гдѣ эти поврежденія были замѣчены, убѣдился личнымъ осмотромъ въ томъ что произведенныя они были гессенскою мухою. Я увидѣлъ здѣсь не отдѣльные экземпляры мухи, а массы ихъ, поразившія большую площадь, около полутора тысячъ десятинъ, между которыми особенно сильно поврежденнымъ оказалось поле озимой пше-ницы, величиною въ 65 десятинъ. Съ весны это поле обѣщало очень хорошій урожай, пудовъ около 150 съ десятины. Но потомъ оно было такъ сильно поражено гессенскою мухою что во второй половинѣ іюня бѣлая часть хлѣба на немъ представлялась побитою, поваленною, такъ что только незначительная часть стеблей оказалась неповрежденною. О такомъ появленіи этого страшнаго бича сельскаго хозяйства въ Россіи было мною тогда же представлено въ отчетѣ министру государственныхъ имуществъ, въ которомъ я указывалъ что появленіе гессенской мухи есть бѣдствіе, угрожающее русскому земледѣлію. * Затѣмъ въ сентябрѣ 1879 года я получилъ свѣдѣнія о появленіи этого же насѣкомаго въ Тульской губерніи. Мнѣ были присланы оттуда для опредѣленія экземпляры убитыхъ всходовъ ржи и куколки гессенской мухи. Убѣдившись такимъ образомъ что гессенская муха появилась въ средней Россіи, угрожая въ будущемъ большими опустошеніями, я представилъ Императорскому Московскому Обществу Испытателей Природы, въ засѣданіи его 18 октября 1879 года, пространный доклад ** о появленіи этого насѣкомаго въ Россіи, и о всемъ что вообще было о немъ извѣстно. Для распространенія свѣдѣній о немъ я помѣстилъ статью въ *Земледѣльческой Газетѣ*, *** извлечение изъ которой было напечатано въ сборникѣ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности. ****

* *Земледѣльческая газета*, 1879, № 29, стр. 457.

** *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes d. Moscou.* 1879. № 4. Séances. p. 42.

*** *Земледѣльческая Газета*, 1879 г. № 52.

**** *Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности.* 1880. Выпускъ II, стр. 426.

Продолжая вынѣ весной слѣдить за появленіемъ и распространіемъ гессенской мухи въ Россіи и находясь по этому вопросу въ сношеніяхъ со многими корреспондентами, я получилъ извѣстіе что гессенская муха появилась во Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, и въ Рязанбургскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи.

Въ виду такого распространенія ея я напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* сообщеніе * въ которомъ обращалъ вниманіе сельскихъ хозяевъ средней Россіи на появленіе въ ея предѣлахъ новаго бича для хлѣбовъ, представивъ краткое описаніе признаковъ причиняемыхъ имъ поврежденій, указалъ на мѣры противодѣйствія его размноженію, и просилъ всѣхъ хозяевъ которые замѣтятъ на своихъ поляхъ поврежденія, подобныя описаннымъ, прислать мнѣ образцы для точнаго опредѣленія. Благодаря содѣйствию многихъ лицъ и земскихъ улавлъ, я получилъ большое число заявленій, сопровождаемыхъ всегда присылкою экземпляровъ поврежденнаго хлѣба и насѣкомыхъ, такъ что не болѣе какъ черезъ три недѣли я убѣдился что распространеніе гессенской мухи въ средней Россіи весьма значительное. На основаніи какъ этихъ свѣдѣній, ** такъ и нѣкоторыхъ позднѣ мною полученныхъ, не подлежитъ въ настоящее время ни малѣйшему сомнѣнію что гессенская муха въ 1880 году обитаетъ уже въ слѣдующихъ мѣстностяхъ средней Россіи:

Въ *Тульской* губерніи уѣзды: Богородицкій, Ефремовскій, Черяскій и Новосильскій.

Въ *Орловской* губерніи, уѣзды: Орловскій, Мценскій, Кромскій, Елецкій, Ливенскій, Стѣвскій и Малоархангельскій.

Въ *Рязанской* губ., уѣзды: Рязанскій, Скопинскій, Саложковскій, Рязскій, Рязанбургскій и Данковскій.

Въ *Воронежской* губ., уѣзды: Задовскій, Земляевскій, Воронежскій и Бобровскій.

Въ *Тамбовской* губ., уѣзды: Лебедяевскій, Лилецкій, Усманскій, Козловскій, Тамбовскій, Курсановскій, Моршанскій.

Въ *Пензенской* губ., уѣзды: Чембарскій, Керевскій, Еланскій.

Въ *Саратовской* губ., уѣздъ Кузнецкій.

Въ *Полтавской* губ., уѣзды: Полтавскій, Кобеляцкій и Лубенскій.

Въ *Екатеринославской* губ., уѣздъ Екатеринославскій.

* *Московскія Вѣдомости* 1880, іюня 9, № 158.

** *Московскія Вѣдомости* 1880, іюня 25, № 174.

Такимъ образомъ, несомнѣнно что въ настоящее время уже девять губерній Россіи, составляющія одиѣ изъ наиболѣе плодородныхъ участковъ нашей житницы, должны имѣть въ виду присутствіе въ ихъ предѣлахъ такого страшнаго насѣкомаго какъ гессенская муха.

Одновременно съ моими публикаціями о появленіи и распространеніи гессенской мухи въ средней Россіи, возникла у меня по этому поводу переписка съ губернскими земскими управами: Рязанскою, Тамбовскою и Орловскою. Вслѣдствіе этой переписки я предпринялъ въ концѣ іюня поѣздку въ эти губерніи; произвелъ на мѣстѣ нѣкоторыя необходимыя изслѣдованія; сдѣлалъ пространные доклады въ земскихъ собраніяхъ: Рязанбургскомъ, Тамбовскомъ, Орловскомъ, и прочталь публичныя лекціи о гессенской мухѣ во Мценскѣ, Елецѣ, Рязани и Тамбовѣ.

Появленіе въ средней Россіи столь вреднаго насѣкомаго какъ гессенская муха не могло остаться незамѣченнымъ. Земскія управы, заинтересованныя этимъ вопросомъ, послѣдшила созвать чрезвычайныя земскія собранія для обсужденія мѣръ къ его истребленію. Страшные удары нанесенные хлѣбнымъ жукомъ въ губерніяхъ южной Россіи и доказанная опытомъ западныхъ странъ способность гессенской мухи вредить не меньше хлѣбнаго жука, дѣлали совершенно основательною эту заботливость земскихъ управъ, и вполнѣ оправдывали то что онѣ рѣшались ходатайствовать о созваніи чрезвычайныхъ земскихъ собраній въ такое время года (въ іюль и началѣ августа) когда сельскіе хозяева весьма неохотно отрываются отъ своихъ занятій для поѣздки въ городъ. Такой образъ дѣйствій земства служить доказательствомъ заботливости его о насущныхъ интересахъ края, и несомнѣнно заслужить ему благодарность населенія. Земскія чрезвычайныя собранія происходили въ губерніяхъ Орловской, Тамбовской, Рязанской и Воронежской и имѣли задачей выработать обязательныя мѣры борьбы съ гессенскою мухою и создать такимъ образомъ солидарность въ примѣненіи этихъ мѣръ.

10го іюля происходило чрезвычайное собраніе *Елецкаго* земства. По докладу управы, составленному на основаніи данныхъ изложенныхъ мною въ публичной бесѣдѣ съ елецкими землевладѣльцами, земское собраніе постановило слѣдующее *:

* Постановленіе было сообщено въ моей замѣткѣ, напечатанной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, 1го августа, № 211.

1. Призывая необходимымъ огражденіе озимыхъ полей отъ гессенской мухи и находя неудобнымъ залахиваніе и сожиганіе живья, сдѣлать обязательное распоряженіе: не производить въ нынѣшнемъ году посѣва озимыхъ хлѣбовъ ранѣе 15го августа.

2. Наблюденіе за исполненіемъ состоявшагося постановленія возложить на земскую управу и полечителей по народному продовольствію, и кромѣ того поручить управѣ обратиться къ начальнику губерніи съ просьбой о томъ чтобы земской полиціи было вѣдѣно въ обязанность оказывать содѣйствіе управѣ при исполненіи ею принятыхъ постановленій.

20го іюля происходило въ *Орль* чрезвычайное губернское земское собраніе для обсужденія мѣръ борьбы съ гессенскою мухой. Послѣ сказанной мною рѣчи, собраніе приняло слѣдующее рѣшеніе:

1. Признало необходимыхъ теперь же принять мѣры противъ размноженія гессенской мухи.

2. Постановило чтобы въ нынѣшнемъ году посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ былъ произведенъ во всей Орловской губерніи не ранѣе 15го августа.

3. Постановило рекомендовать населенію взметать въ теченіе осени всѣ поля бывшія нынѣ подъ озимыми хлѣбами.

4. Наблюденіе за исполненіемъ этихъ постановленій поручить земскимъ гласнымъ.

5. Поручить губернской управѣ отпечатать, въ количествѣ по возможности большемъ, краткое изложеніе доклада сдѣланнаго мною земскому собранію, для распространенія въ населеніи главнѣйшихъ свѣдѣній о гессенской мухѣ *.

Въ *Тамбовской* губерніи земскія собранія происходили въ Козловѣ, Тамбовѣ, Лилецкѣ, Усманн, Кирсановѣ, и губернское земское собраніе въ Тамбовѣ.

1го іюля, и вторично 26го іюля, происходило чрезвычайное собраніе *Козловскаго* земства, которое приняло слѣдующія рѣшенія:

1. Въ нынѣшнемъ году, въ Козловскомъ уѣздѣ, посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ начать не ранѣе 15го августа.

2. Рекомендовать землевладѣльцамъ и крестьянамъ выжиганіе озимыхъ живьевъ.

* Моя замѣтка въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1880 года, № 211.

3. Всѣ поля бывшія подъ рождю и озимую пшеницей вслать подъ яровой посѣвъ будущаго года къ октябрю нынѣшняго года.

15го іюля происходило чрезвычайное собраніе *Тамбовскаго* уѣзднаго земства, въ которомъ я сдѣлалъ докладъ о гессенской мухѣ и мѣрахъ борьбы съ нею. Послѣ нѣкоторыхъ преній собраніе постановило *:

1. Чтобы въ нынѣшнемъ году посѣвы озимыхъ хлѣбовъ были повсемѣстно въ уѣздѣ произведены не ранѣе 15го августа.

2. Рекомендовать сельскимъ хозяевамъ взметать поля изъ подъ озимыхъ хлѣбовъ въ теченіе осени.

3. Выжиганіе живья и залаживаніе его до начала августа собраніе нашло непримѣнимымъ, по мѣстнымъ условіямъ.

21го іюля происходило земское собраніе въ *Лилецкѣ*, которое пришло къ заключенію что въ виду предположеннаго на 26е іюля чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія, для приманія общихъ мѣръ противъ гессенской мухи, было бы не целесообразно дѣлать какія-либо обязательныя постановленія по одному уѣзду, и потому постановило: сообщить губернской управѣ что по мнѣнію уѣзднаго собранія выжиганіе полей представляется положительно невозможнымъ, такъ какъ живья служатъ для прокормленія скота, а потому повсемѣстное сожиганіе полей повлекло бы за собою какими деньгами невозвратимый убытокъ отъ безкормицы для скота; притомъ же озимой хлѣбъ у большинства населенія скошенъ (то-есть не сжатъ) и горѣть не будетъ. Уѣздное собраніе полагаетъ что единственною, хотя не полною, но рациональною мѣрой можетъ быть обязательный поздній посѣвъ, не раньше 15го августа.

30го іюля происходило чрезвычайное земское собраніе въ *Услани* и въ *Кирсановѣ*, на которыхъ не было принято никакихъ обязательныхъ постановленій.

27го іюля происходило чрезвычайное *Тамбовское* губернское земское собраніе, которое утвердило обязательныя постановленія собраній Козловскаго, Тамбовскаго и Лилецкаго, не распространяя ихъ на остальные уѣзды губерніи, за отсутствіемъ свѣдѣній о распространеніи гессенской мухи и величинѣ вреда причиненнаго ею въ этихъ уѣздахъ.

* *Московскія Вѣдомости*, № 199, іюля 20го.

Въ *Рязанской* губерніи происходило уѣздное собраніе въ *Раненбургѣ* и губернское въ *Рязани*.

Въ *Раненбургѣ* чрезвычайное земское собраніе происходило 10го іюля. Послѣ сдѣланнаго мною доклада и послѣдовавшаго затѣмъ обсужденія предложенныхъ мѣръ собраніе постановило *:

1. Посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ начать въ нынѣшнемъ году не раньше 15го августа.

2. Поля изъ-подъ озимей взметать въ промежутокъ времени отъ 15го августа до начала октября.

3. Просить гласныхъ наблюдать за исполненіемъ этихъ постановленій и для усиленія надзора избрать еще нѣсколько особыхъ полечителей изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

4го августа происходило чрезвычайное губернское земское собраніе въ *Рязани*, которое, признавая необходимымъ принять мѣры противъ гессенской мухи, не нашло возможнымъ издать теперь какія-либо обязательныя постановленія относительно посѣва хлѣбовъ въ губерніи не раньше 15го августа, въ виду краткости времени остающагося для необходимыхъ распоряженій. Въмѣстѣ съ тѣмъ оно постановило передать вопросъ о мѣрахъ истребленія гессенской мухи на предварительное заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраній **.

Въ *Воронежской* губерніи чрезвычайныя земскія собранія происходили въ *Задонскѣ*, *Землянскѣ*, *Бобровѣ* и губернское въ *Воронежѣ*.

Задонское земское собраніе, происходившее 27 іюля, признавая неудобноисполнимымъ какъ выжиганіе, такъ и вспашку ржища до начала августа постановило:

1) Озимой посѣвъ въ *Задонскомъ* уѣздѣ въ текущемъ году, обязательно для всего уѣзда, произвести не раньше 15го августа, не примѣняя сего постановленія лишь къ полямъ засѣяннымъ до вступленія сего постановленія въ законную силу.

2) Уполномочить гласныхъ землевладѣльцевъ, волостныхъ старшинъ, общую полицію и земскую управу имѣть надзоръ за исполненіемъ сего постановленія, причемъ, по заявленіямъ гласныхъ и землевладѣльцевъ, волостные старшины или по-

* *Московскія Вѣдомости*, № 195, 15го іюля 1880 года.

** Журналъ *Рязанскаго губернскаго земскаго собранія VIII чрезвычайнаго созыва 1880 года (4го августа)*.

лиція, или управа принимаютъ неотложныя мѣры къ прекращенію несвоевременныхъ раннихъ посѣвовъ, не ожидая судебнаго разбирательства.

- *Бобровское* земское собраніе, происходившее 27го іюля, признавъ выжиганіе живья озимаго хлѣба и перелашку его до начала августа невозможною и имѣя въ виду относительно поздняго посѣва что если воспретить сѣять до 15 августа то посѣвъ по необходимости затянется до конца сентября (?) и что такой поздній посѣвъ всегда бываетъ безнадеженъ, постановило: не сѣять озимыхъ хлѣбовъ до 6 августа.

Въ *Землянскѣ* земское собраніе происходило 31 іюля. Оно также пришло къ заключенію о невозможности выжигать озимыя живья и перелаживать ихъ до начала августа; что же касается поздняго посѣва, то въ виду того что посѣвы ржи у крестьянъ уже произведены и продолжаютъ производиться, собраніе признало эту мѣру несвоевременною.

1го августа происходило чрезвычайное губернское собраніе въ *Воронежѣ* которое утвердило постановленія вышеупомянутыхъ уѣздныхъ собраній, и кромѣ того постановило ходатайствовать о томъ чтобъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ было предоставлено издавать обязательныя постановленія для уничтоженія вредныхъ насѣкомыхъ и чтобы въ видахъ необходимаго для успѣха дѣла обобщенія мѣръ принимаемыхъ для истребленія насѣкомыхъ вредящихъ хлѣбамъ въ смежныхъ уѣздахъ, находящихся при одинаковыхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ, было дозволено земскимъ собраніямъ этихъ уѣздовъ соединяться въ одно общее собраніе для обсужденія мѣръ противъ общаго ихъ бѣдствія *.

6 сентября происходило чрезвычайное земское собраніе въ *Нижегородѣ* которое постановило обязательно перелажать въ этомъ году всѣ живья изъ-подъ прибранныхъ уже озимыхъ посѣвовъ до 20 октября, а въ будущемъ 1881 году до 1 октября.

Вышеизложенныя обязательныя постановленія различныхъ земскихъ собраній, воспрещающія въ вышеименемъ году высѣять озимыя хлѣба ранѣе 15 августа, были утверждены г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и получили законную силу.

Вопросъ о мѣрахъ противъ гессенской мухи разсматри-

* Журналъ чрезвычайнаго Воронежскаго губернскаго земскаго собранія, 1 августа 1880 года.

вадся сѣдовательно въ *пятнадцати земскихъ собраніяхъ*. Изъ числа ихъ десять признали необходимымъ и возможнымъ приступить въ выѣшнемъ году къ посѣвамъ озимыхъ хлѣбовъ не раньше 15 августа; два собранія, признавая необходимымъ принятіе мѣръ противъ гессенской мухи, не нашли возможнымъ сдѣлать эти мѣры обязательными, въ виду недостаточности времени для приведенія ихъ въ исполненіе. Наконецъ тринадцатое земское собраніе происходившее очень поздно осенью все-таки признало необходимымъ исполнить одну изъ предлагаемыхъ мѣръ и тѣмъ хотя до нѣкоторой степени уменьшить численность ея въ будущемъ *.

Въ первый разъ пришлось земствамъ средней Россіи заняться обсужденіемъ вопроса о вредныхъ насѣкомыхъ и разработкой мѣръ для предотвращенія бѣдствій отъ ихъ дѣятельности протекающихъ. Въ южной Россіи какъ земства такъ и отдѣльные хозяева давно уже привыкли считаться съ вредными насѣкомыми и бороться съ ними либо сообща, либо отдѣльно. Не такъ въ средней Россіи. Здѣсь не только земства, но и отдѣльные лица въ первый разъ серьезно и съ тревогой останавливаются на фактѣ появленія на поляхъ дѣйствительно грознаго бича въ формѣ гессенской мухи. И съ перваго же раза, какъ только пришлось среднерусскимъ земствамъ столкнуться съ такимъ вопросомъ, предъ нами выступаетъ отрадный фактъ единства какое они проявили въ его рѣшеніи. Это выразилось не только въ томъ единодушіи съ какимъ были постановлены мѣры, но еще болѣе въ полной однородности, почти тождественности постановленій принятыхъ въ теченіе короткаго промежутка времени въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Такого единства мѣропріятій столь необходимаго въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми нѣтъ даже на югѣ Россіи, гдѣ вредныя насѣкомыя уже такъ давно извѣстны сельскимъ хозяевамъ. Правда, гессенская муха по тѣмъ олустошеніямъ которыя она уже произ-

* Въ нѣкоторыхъ изъ числа уѣздовъ наиболѣе сильно пострадавшихъ отъ гессенской мухи земскія собранія постановили, чтобы были запахиаемы входы у тѣхъ лицъ которыя посѣютъ раньше 15 августа. Но это постановленіе не было утверждено министеромъ, что весьма справедливо. За посѣвъ раньше опредѣленнаго срока полагался штрафъ отъ 4 до 15 рублей. Сообщеніе г. Ермолова (въ *Земледѣльческой Газетѣ* № 37) о штрафахъ въ тысячу рублей и болѣе суть вымыслы.

вела въ средней Россіи, болѣе всякаго другаго насѣкомаго требуетъ для ея истребленія единства дѣйствій. Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ средней Россіи она уже произвела теперь очень значительныя опустошенія.

Такъ въ Рязанбургскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, въ пяти волостяхъ и прилегающихъ къ нимъ владѣніяхъ помѣщиковъ, гессенская муха испортила хлѣба, болѣе или менѣе сильно на трехъ тысячахъ десятинахъ, такъ что урожай здѣсь будетъ отъ половины колѣвы, до четырехъ съ половиной—пяти колѣвъ; въ среднемъ можно допустить что урожай съ этихъ трехъ тысячъ десятивъ составить по двѣ четверти съ десятины. Принимая средній урожай въ уѣздѣ въ семь съ половиной четвертей, мы получаемъ что гессенская муха въ южной части Рязанбургскаго уѣзда истребила вынѣ болѣе пятнадцати тысячъ четвертей хлѣба, на сумму около полутора ста тысячъ рублей.

Въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, гессенская муха испортила хлѣбъ на пространствѣ четырехъ тысячъ десятивъ такъ сильно что истребила третью часть его; другими словами, она совершенно уничтожила хлѣбъ на пространствѣ въ тысячу триста десятивъ, что составляетъ также огромный убытокъ.

Въ Козловскомъ и Елецкомъ уѣздахъ опустошенія произведенныя гессенскою мухою такъ значительны что повсюду получилось ржи на половину или на одну треть меньше чѣмъ въ прежніе годы. Въ Елецкомъ уѣздѣ опустошенія полей во многихъ мѣстахъ были такъ сильны что крестьяне служили на ихъ молебствія. Въ Ливенскомъ уѣздѣ становилось семь и восемь колѣвъ на десятины, между тѣмъ какъ въ прежніе годы становилось ихъ пятнадцать.

На вопросъ какъ великъ вредъ причиненный гессенскою мухою вообще на всей площади пораженной ею вынѣ въ средней Россіи дать въ настоящее время точный отвѣтъ довольно трудно, лю причинѣ новизны дѣла и протекающаго отсюда недостатка опытности. Но мы имѣемъ нѣкоторые намеки, позволяющіе догадываться о величинѣ этого вреда даже въ тѣхъ мѣстностяхъ изъ которыхъ мы не имѣемъ прямыхъ указаній. Такъ по всѣмъ свѣдѣніямъ получаемымъ изъ губерній заведомо пораженныхъ гессенскою мухою, рожь давала тамъ вынѣ умольтъ очень хорошей, мѣстами даже пре-

красный; получали не менѣ пяти мѣрѣ, а мѣстами шесть и даже семь мѣрѣ съ копы. Это ясно доказываетъ что въ средней Россіи въ истекшемъ году условія для развитія ржи были весьма благопріятны, такъ что она дала прекрасно развитый колосъ.

Но въ то же время, на тѣхъ же самыхъ поляхъ колень получилось мало; ихъ стало на десятинѣ далеко не столько сколько можно бы ожидать при дѣйстви условій такъ благопріятно вліявшихъ на развитіе ржи. Отовсюду получаютъ извѣстія о 7, 9, 10 и 12 колнахъ на десятинѣ. Этотъ фактъ, при несомнѣнномъ существованіи въ вышнемъ году условій особенно благопріятствовавшихъ развитію ржи, можно объяснить себѣ исключительно тѣмъ лишь предположеніемъ что дѣйствовали вышѣ такіе факторы которые прямо уменьшали число стеблей ржи, не оказывая никакого вліянія на прекрасное развитіе тѣхъ стеблей и колосьевъ на которые они не вліяли непосредственно. Такимъ факторомъ очевидно не могли быть ни атмосферныя, ни почвенныя условія, которыя конечно должны были бы отразиться болѣе равномерно на всѣхъ растеніяхъ даннаго поля. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ дѣятелями совершенно другаго рода. Здѣсь вліяли факторы которыхъ дѣятельность вся сосредоточивалась на отдѣльныхъ стебляхъ, не распространяясь на сосѣдніе стебли. Такое мѣстное дѣйствіе могли произвести только паразиты, только насѣкомыя, и въ данномъ случаѣ очевидно его произвела гессенская муха, присутствіе которой во всѣхъ интересующихъ насъ мѣстностяхъ было доказано еще весною. Эта муха еще съ осени прошлаго года, а потомъ вторично вышѣ весною прорѣдила рожь, уничтожила цѣлые кусты ея и тѣмъ значительно уменьшила число колень на каждой десятинѣ. Совершенно уничтожая одни кусты и стебли, муха въ то же время не оказывала рѣшительно никакого вліянія на остальные стебли того же поля, не подвергавшіеся ея прямымъ нападеніямъ. Поэтому всѣ эти стебли, уцѣлѣвшіе отъ частныхъ вліяній, образовали необыкновенно хорошіе колосья, благодаря дѣятельности общихъ условій въ вышнемъ году особенно благопріятствовавшихъ развитію ржи.

Только такимъ образомъ можно объяснить себѣ одновременную недостаточность числа колень и хорошій уродъ ихъ на одномъ и томъ же полѣ. Очевидно, дѣятельность гессенской мухи парализовала вліяніе общихъ благо-

пріятныхъ условій и вмѣсто прекраснаго урожая, который долженъ былъ бы вынѣ получиться, мы получили недородъ. Мы можемъ допустить что во всѣхъ губерніяхъ средней Россіи, пораженныхъ гессенскою мухою, она уничтожила около одной пятой части всего урожая. Этотъ расчетъ будетъ скорѣе ниже дѣйствительнаго если мы припомнимъ потери происшедшія въ Равенбургскомъ, Задонскомъ, Козловскомъ и Елецкомъ уѣздахъ. Несомнѣнно что величина вреда причиненнаго мухою уже достигаетъ огромныхъ размѣровъ.

Въ предѣлахъ области теперь у насъ пораженной гессенскою мухою она причинила наибольшій вредъ въ мѣстностяхъ занимающихъ почти центральное положеніе въ области. Больше всего пострадали уѣзды: Козловскій, южная окраина Равенбургскаго, Елецкій, часть Ливенскаго, Лебедяскій, Лилецкій, Задонскій. Эта часть области представляется какъ бы центромъ распространенія, по мѣрѣ удаленія отъ котораго вредная дѣятельность мухи въ вынѣшнемъ году представлялась все болѣе и болѣе слабою. Область менѣе значительнаго вреда окаймляетъ широкимъ поясомъ группу уѣздовъ вынѣ сильно пострадавшихъ и представляетъ какъ бы территорию предназначенную для усиленной дѣятельности мухи въ будущемъ.

Многимъ покажется почти невѣроятнымъ чтобы такое маленькое, ничтожное насѣкомое какъ гессенская муха могло бы причинить намъ много вреда, уничтожить такое множество хлѣба. Повидимому довольно одной капли росы чтобы уничтожить эту муху, одного дуновенія вѣтра чтобы пересидить ее летательные мускулы и сбить ее съ лутца. Но такимъ невѣрующимъ я напомнимъ что знаменитая филлоксера, опустошившая нѣсколько департаментовъ южной Франціи, разорившая нѣкогда цвѣтуція и богатая мѣстности, побудившая многихъ къ радикальному измѣненію системъ хозяйства, къ уничтоженію виноградниковъ и превращенію ихъ въ поля съ люцерною,—эта филлоксера, составляющая предметъ постоянныхъ заботъ общества и правительства во Франціи, Швейцаріи, Италиі, Австріи и Германіи, страшная и знаменитая филлоксера еще втрое меньше чѣмъ наша гессенская муха. Въ такихъ волросахъ величина и сила отдѣльной особи не имѣетъ значенія. Овѣ замѣняются здѣсь безконечною многочисленностью особей и тѣми особыми правами которыми наградила ихъ природа.

Но если съ одной стороны крупныя потери вывѣ причинены гессенскою мухою должны возбуждать тревогу, то съ другой стороны знакомство съ причиною ихъ обусловившею должно производить успокоительное дѣйствіе. Ибо разъ намъ стала извѣстною причина недостаточности урожая, мы получаемъ возможность устранить ея дурное вліяніе въ будущемъ. Зная что не роковыя стихійныя силы, а гессенская муха обусловила въ вывѣшнемъ году эти миллионныя потери, мы получаемъ увѣренность что на будущее время намъ можно будетъ предотвратить ихъ съ помощью поздняго посѣва, то-есть такого дѣйствія которое не требуетъ отъ сельскаго хозяина никакихъ затратъ и не подвергаетъ его поля ни малѣйшему риску.

Для лучшаго ознакомленія населенія губерній пораженныхъ гессенскою мухою съ этимъ бичемъ сельскаго хозяйства я составилъ краткую записку, въ которой изложено все что касается главныхъ чертъ изъ біологіи этого насѣкомаго и тѣхъ мѣръ посредствомъ которыхъ можно противо-дѣйствовать его размноженію. Эта записка была напечатана губернскими управами: Рязанскою, Тамбовскою, Орловскою, и уѣздными: Козловскою и Ливенскою, въ числѣ около *двадцати пяти тысячъ экземпляровъ*, которые были розданы бесплатно земскимъ гласнымъ, землевладѣльцамъ, сельскому духовенству, сельскимъ учителямъ и въ волостныя, и сельскія управления *. Кромѣ того Задонская управа отпечатала пространное объявленіе о гессенской мухѣ, въ которомъ излагается образъ жизни насѣкомаго, мѣры противъ него и рисунки причиняемыхъ имъ поврежденій. Орловская губернская земская управа помѣстила такое же объявленіе въ *Орловскомъ Вѣстникѣ* и наконецъ Рязанская губернская земская управа отпечатала въ числѣ семи тысячъ экземпляровъ воззваніе, въ которомъ, описывая характеръ осеннихъ поврежденій причиняемыхъ гессенскою мухою, приглашаетъ гласныхъ Рязанской губерніи и вообще всѣ заинтересованныя лица свѣдѣть вывѣ осенью за состояніемъ зеленей, и въ случаѣ нахождения на нихъ какихъ-либо поврежденій, представлять экземпляры поврежденныхъ растений въ земскія управы, съ сообщеніемъ возможно подробныхъ свѣдѣній о величинѣ замѣченнаго вреда.

* Такая же записка была кромѣ того напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, 1880. № 205.

Благодаря такой энергической дѣятельности земства, свѣдѣнія о гессенской мухѣ сдѣлались въ теченіе двухмѣсячнаго промежутка времени общимъ достояніемъ въ большей части населенія заинтересованныхъ губерній. Не только землевладельцы, но и сельское населеніе ознакомилось въ главныхъ чертахъ съ этимъ бичемъ ихъ хозяйства, и вслѣдствіе этого надо надѣяться что борьба съ нимъ приведетъ къ самымъ лучшимъ результатамъ. Въ Орловской губерніи крестьяне уже дали ему чрезвычайно мѣткое названіе, именно *успенской мухи*. Это названіе весьма идетъ къ насѣкомому, летающему во время Успенскаго поста и позволяющему пристулатъ къ посѣвамъ лишь послѣ Успенія, такъ что я желалъ бы сдѣлать его литературнымъ.

Дальнѣйшаго распространенія свѣдѣній о насѣкомомъ и привлеченія повсемѣстно крестьянскаго населенія къ энергической борьбѣ съ нимъ нужно ожидать теперь отъ мѣстныхъ дѣятелей. На сколько можетъ быть велика польза приносимая въ такомъ дѣлѣ лицами пользующимися авторитетомъ и довѣріемъ въ населеніи это доказываютъ примѣры. Такъ въ Лебедянскомъ уѣздѣ, гдѣ гессенская муха во многихъ мѣстахъ произвела большія опустошенія, не было принято никакихъ обязательныхъ постановленій для борьбы съ нею. Но благодаря вліянію князя А. И. Васильчикова, убѣдившагося въ существованіи вреда отъ этого насѣкомаго и въ значеніи посѣва отъ средыны августа какъ мѣры предохранительной *, въ мѣстности окружающей его извѣстное имѣніе Трубетчино, посѣвъ производился нынѣ осенью повсюду отъ средыны августа **. Это было достигнуто тѣмъ что князь Васильчиковъ не только лично поучалъ и убѣждалъ крестьянъ, но еще поручилъ г. Васильеву объѣхать въ концѣ іюля окрестныя селенія и изложить крестьянамъ все касающееся гессенской мухи, убѣждая ихъ не начинать нынѣ посѣвовъ раньше указаннаго времени. По порученію князя Васильчикова онъ изложилъ все это и сельскому духовенству, которое оказало существенное содѣйствіе распространенію въ народѣ убѣжденія о возможности бороться съ насѣкомыми посредствомъ указываемыхъ мѣръ. Въ результатъ этого получилось что крестьяне на столько убѣдились въ пользѣ предлагаемыхъ мѣръ что сами припи-

* *Московскія Вѣдомости*, 1880, № 212, августа 2.

** *Московскія Вѣдомости*, № 256, сентября 15, 1880.

малл соответственныя рѣшенія на сходахъ. Если примѣръ тельеръ подавнныи княземъ Васильчиковымъ найдетъ много подражателей, тогда скоро одна изъ самыхъ сильныхъ причинъ недорода и неурожаа перестанетъ оказывать свое вліяніе на произрастаніе хлѣбовъ.

II.

Образъ жизни гессенской мухи.

Гессенская муха поражаетъ нѣсколько культурныхъ растеній, именно: рожь, озимую и яровую пшеницу и ячмень. На другихъ культурныхъ растеніяхъ и на дикорастущихъ злакахъ она не водится. Покрайней мѣрѣ ни мнѣ, ни другимъ наблюдателямъ, никогда не удавалось находить ее на дикихъ злакахъ и потому надо полагать что это насѣкомое настолько приспособилось къ названнымъ хлѣбнымъ злакамъ что жизнь на другихъ растеніяхъ стала ему невозможною.

Въ предѣлахъ площади обитаемой гессенскою мухою, она не вездѣ одинаково относится къ названнымъ питающимъ ея растеніямъ. Такъ въ средней Россіи она на яровой пшеницѣ и на ячменѣ не встрѣчается вовсе, между тѣмъ какъ въ Полтавской губерніи она одинаково валадаетъ какъ на эти яровые хлѣба, такъ и на озимые. Въ Рязанской и Орловской губерніяхъ чаще наблюдается она на ржи; въ Воронежской и Тамбовской одинаково часто и на ржи и на пшеницѣ. Это объясняется тѣмъ что въ губерніяхъ Орловской, Рязанской и Тульской, подъ озимую пшеницу занимаютъ лучшія земли, хорошо удобренныя, вслѣдствіе чего этотъ хлѣбъ, лучше произрастая, обладаетъ большею устойчивостью и не такъ легко поддается вліянію насѣкомаго, вредная дѣятельность котораго не такъ легко проявляется. Между тѣмъ рожь поставленная обыкновенно въ условія гораздо менѣе благоприятныя скорѣе обнаруживаетъ серьезными и глубокими страданіями присутствіе гессенской мухи. Кроме того, въ этихъ губерніяхъ пшеницу сѣютъ обыкновенно поздне по окончаніи посѣва ржи.

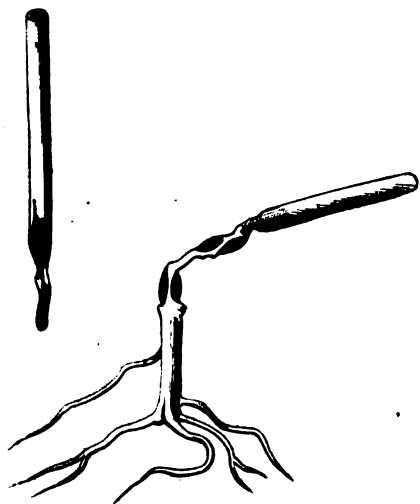
Гессенская муха повреждаетъ озимыя поля средней Россіи два раза въ годъ; одинъ разъ весною — въ маѣ, іюнѣ и іюль;

другой разъ осенью—въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ. При этомъ поврежденія причиняемая ею весной и осенью, такъ различны что не зная ихъ происхожденія трудно согласиться что они суть слѣдствіе вліянія одной и той же причины. Это различіе характера весеннихъ и осеннихъ поврежденій производимыхъ гессенскою мухою на хлѣбахъ зависитъ исключительно отъ состоянія хлѣбовъ въ эти двѣ эпохи, а не отъ различія въ образѣ жизни насѣкомаго, который протекаетъ совершенно одинаково какъ весной, такъ и осенью.

На озимыхъ поляхъ пораженныхъ мухою весной ея присутствіе начинаетъ проявляться во второй половинѣ мая, но въ особенности въ теченіе іюня. Поля принимаютъ совершенно такой видъ какъ будто они побиты градомъ или повреждены скотомъ; стебли ржи точно подломаны въ нижнемъ или во второмъ колѣнѣ и лежатъ неправильно слутанные. Такое паденіе стеблей начинается въ маѣ совершенно внезапно, послѣ сильного дождя, или послѣ вѣтра, часто на такихъ поляхъ которыя до этого времени не представляли признаковъ какого-либо поврежденія. Въ теченіе іюня паденіе стеблей все болѣе и болѣе усиливается, но отъ конца іюня дальнѣйшее паденіе ихъ обыкновенно прекращается. Колосья такихъ улавшихъ стеблей, подломленныхъ при основаніи, обыкновенно отмираетъ, вовсе не образовавъ зеренъ. На такихъ поляхъ, въ мѣстахъ гдѣ цѣлыми группами такъ упали стебли, развиваются сорные травы. Въ послѣднихъ числахъ іюня, когда хлѣбъ начинаетъ созрѣвать и колосья становятся золотистыми, поля пораженные гессенскою мухою получаютъ столь характерный видъ что на разстояніи двухъ-трехъ верстъ можно безошибочно указать десятины пострадавшія отъ мухи. Такія поля въ это время года не имѣютъ равномерной желтой поверхности, какъ поля поврежденные; на нихъ замѣчаются зеленые пятна и полосы различной величины и совершенно неопредѣленной формы, выдѣляющіяся на золотистомъ общемъ фонѣ такого поля. Эти зеленые пятна суть группы сорныхъ травъ выросшихъ на тѣхъ прорѣженныхъ мѣстахъ поля на которыхъ стебли ржи упали уже недѣли три-четыре тому назадъ, подъ вліяніемъ дѣятельности гессенской мухи. Проѣзжая вышѣ упомянутомъ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля, по уѣздамъ Мценскому, Ливенскому, Ефремовскому и Рязанскому, я видѣлъ сотни разъ эту безотрадную картину дѣятельности гессенской мухи,

эти золотисто-желтые ржавые вивы, испещренные болѣе или менѣе часто разбросанными по нимъ зелеными лятнами.

Всматриваясь ближе въ состояніе отдѣльныхъ растений пораженнаго поля, отдѣльныхъ былинкоѣ ржи, мы замѣтимъ что не всѣ они представляются одинаково пораженными. Эффектъ производимый личинками гессенской мухи на растенія бываетъ различный въ зависимости, во первыхъ, отъ числа личинкоѣ поразившихъ отдѣльный стебель, во вторыхъ, отъ состоянія самыхъ растений. Двѣ личинки совершенно убивающія слабый стебель могутъ поваіать менѣе рѣшительно на здоровый сильный стебель и вызвать въ немъ только болѣе или менѣе сильныя страданія. Поэтому не только на разныхъ поляхъ, но даже на одномъ и томъ же полѣ стебли ржи представляются намъ пораженными въ различной степени. Я опишу здѣсь наиболѣе типичныя формы пораженія стеблей.

а) На поляхъ ржи представляющихъ видѣ только что описанный большинство стеблей представляется пораженнымъ слѣдующимъ образомъ. Они достигли нормальной длины и подлѣжены при основаніи въ первомъ или во второмъ колѣнѣ. Колосъ на нихъ вышелъ и образовался правильно и никакихъ поврежденій ленокѣ или остей его не замѣчается. Но вслѣдствіе паденія стебля онъ отмеръ и за

сохъ, въ большинствѣ случаевъ, еще прежде цвѣтенія, такъ что подъ его ленокками находишь правильно образовавшіеся, но засохшіе пыльники. Въ рѣдкихъ случаяхъ колосья образовали нѣсколько зеренъ, но мелкихъ и не полновѣсныхъ.

Въ мѣстѣ гдѣ произошелъ перегибъ упавшаго стебля, послѣдній представляется подточеннымъ, болѣе или менѣе сильно суженнымъ и неправильно перетянутымъ; на немъ замѣчаются большія углубленія, въ видѣ совершенно непра-

вильныхъ ямокъ или бороздокъ. Эти измѣненія стебля обуславливаютъ то что въ этомъ подточенномъ мѣствѣ онъ не въ состояннн выдержать тяжесть своей верхней части и колоса, и потому при дождѣ или вѣтрѣ подламывается. Въ уломанныхъ ямкахъ и углубленняхъ этой подточенной части стебля сидятъ личинки мухи (въ маѣ и въ началѣ юня) или ея куколки (въ юнѣ и юлѣ), прикрытыя засохшимъ нижнимъ листомъ и представляющнся въ видѣ маленькихъ удлиненныхъ блестящихъ тѣлецъ рыжаго цвѣта, похожихъ болѣе на сѣмечко растенн чѣмъ на насѣкомое. Въ концѣ юня стебель въ этомъ подточенномъ мѣствѣ совершенно пересыхаетъ, такъ что при самомъ легкомъ прикосновенн онъ отламывается. Разсматривая такой отломившнся стебель, мы найдемъ нижннй конецъ его неправильно заостреннымъ и закрученнымъ, изъѣденнымъ, часто почернѣвшимъ *. Иногда на такомъ отломившемся стебелѣ мы не находимъ виновника его гибели, личинку или куколку гессенской мухи, но только потому что отъ сотрясенн онъ отпалъ или остался на корневой его части.

б) Другнѣ пораженные стебли не отмираютъ и не пересыхаютъ въ мѣствѣ перегиба, а стремятся снова подняться, вслѣдствнѣ чего они становятся колѣнчатыми, изогнутыми въ двухъ или трехъ узлахъ. На такихъ стебляхъ колосъ представляется очень маленькимъ съ нѣсколькими мелкими зернами. Такую изогнутость многихъ стеблей на поляхъ пораженныхъ гесенскою мухою наблюдалъ и въ Баденѣ (E. Künstler, *Der Getreideverwüster. Verhandlungen der K. K. zoologisch-botanischen Gesellschaft in Wien. t. XIV 1864, p. 407.*

в) Наконецъ стебли третьяго рода убиты еще прежде образованн колоса, далеко прежде достиженн ими настоящей величины ихъ. Они достигли въ длину не болѣе половины аршина, образовали нѣсколько листочковъ, и потомъ погибли даже не наклонившись. Въ концѣ юня я находилъ ихъ или совсѣмъ уже засохшими или отмирающими, но стоящими, не упавшими. При основанн ихъ, подъ нижнимъ листочкомъ,

* Подобныя измѣненн никогда не замѣчаются на стебляхъ подточенныхъ пшавникомъ (*Cerhus rugosus*). Кромѣ того стебли пораженные этимъ насѣкомымъ всегда содержатъ внутри своего стебля червоточину, чего не замѣчается никогда въ стебляхъ убитыхъ гесенскою мухою.

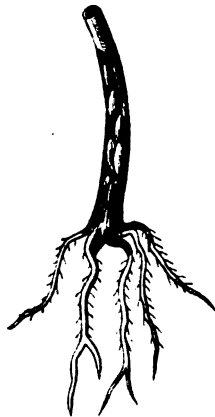
находишь цѣлыя колосіи куколокъ. Такія былинки, очень рано убитыя многочисленными личинками ихъ поразившими, встрѣчаются иногда въ большомъ числѣ, въ особенности на поляхъ сильно пораженныхъ мухою. Я находилъ такіе кусты ржи въ которыхъ половина стеблей была убита гессенскою мухою въ этомъ именно возрастѣ, до образованія колоса, следовательно во второй половинѣ мая въ концѣ мая *.

Эти три рода поврежденныхъ стеблей можно находить на каждомъ полѣ пораженномъ гессенскою мухою, причемъ, какъ уже замѣчено, преобладающими представляются стебли подомленные, описанные здѣсь въ первой категоріи.

Поврежденія производимыя гессенскою мухою весною на озимой пшеницѣ въ общихъ чертахъ такія же какъ и на

Осенью на всходахъ ржи.

Въ серединѣ іюня
на озимой пшеницѣ.

* Развитие стеблей конечно было задержано многочисленными личинками сосущими ихъ соки.

ржи, съ тою только разницей что въ пораженной пше-
ниці число помятыхъ и поваленныхъ стеблей было
меньше чѣмъ во ржи. Большинство стеблей пораженныхъ
мухой либо совсѣмъ засыхаетъ до выхода колоса, либо
образуютъ колосъ, но послѣдній отмираетъ до цвѣтенія и
засыхаетъ оставаясь пустымъ. На такихъ стебляхъ я нахо-
дилъ всегда меньшее число куколокъ чѣмъ на тѣхъ которые
отмерли до образованія колоса.

Въ тѣхъ случаяхъ когда не многіе стебли пшеницы лада-
ютъ отъ дѣятельности гессенской мухи, общій видъ пше-
ничнаго поля ею пораженнаго нѣсколько отличается отъ обща-
го вида поля ржаного, но обыкновенно дѣятельность мухи
на озимой пшеницѣ какъ у насъ, такъ и въ западной Евро-
пѣ и Америкѣ, производила ту же самую картину олуствоше-
ній какъ и на ржи.

Поврежденія причиняемая гессенскою мухой осенью, на
озимыхъ всходахъ, имѣютъ совершенно другой характеръ.
Осенью, на пораженныхъ мухой земляхъ замѣчается отми-
раніе растеній въ сентябрѣ и въ началѣ октября; былинки
всходовъ блекнутъ, либо отдѣльно, либо группами. Въ пер-
вомъ случаѣ отмирающія и желтѣющія растеніяца разсы-
ваются по всему полю не сразу бросаются въ глаза; въ послѣд-
немъ же случаѣ, отмирая болѣе или менѣе значительными
группами, они обуславливаютъ образованіе неправильныхъ
желтыхъ пятенъ на полѣ, издали бросающихся въ глаза. Эти
пятна совершенно похожи на тѣ которыя происходятъ отъ
засухи. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію что во многихъ
случаяхъ жалобы сельскихъ хозяевъ на гибель озимыхъ всхо-
довъ будто бы отъ засухи обуславливаются вовсе не засу-
хой, а дѣятельностью гессенской мухи. Я увѣренъ что по-
всюду въ тѣхъ губерніяхъ гдѣ теперь присутствіе гессен-
ской мухи констатировано сельскіе хозяева имѣли нынѣ
осенью случай провѣрить и согласиться съ этимъ мнѣніемъ.
Стоитъ только на поблекнувшихъ и пожелтѣвшихъ всхо-
дахъ, въ сентябрѣ и въ началѣ октября, немного припод-
нять засохшіе листья чтобы легко найти лодъ или личи-
нокъ (въ сентябрѣ), либо куколокъ гессенской мухи (въ ок-
тябрѣ). Дѣйствительно, всходы убиваемые личинками нашей
мухи, при поверхностномъ изслѣдованіи и при незнакомствѣ
съ мухою, могутъ показаться просто засохшими, неповреж-
денными. Это объясняется тѣмъ что личинка не грызетъ

частей растенія, не съѣдаетъ и не уничтожаетъ ихъ, а только сосетъ изъ нихъ сокъ чрезъ отверстія просверленные ею въ нижней части молодого стебля. Растеніе гибнущее и засыхающее отъ этого получаетъ совершенно такой видъ какъ будто бы оно просто засохло. Но не трудно убѣдиться въ присутствіи личинокъ его убившихъ. Не рѣдко нижняя часть такого убитого растенъца представляется немного утолщенною, въ видѣ луковички, отчасти вслѣдствіе присутствія цѣлаго общества куколокъ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительнаго утолщенія стебелька вызваннаго уколами личинокъ.

Такое двукратное поврежденіе озимыхъ хлѣбовъ гессенскою мухою объясняется тѣмъ что она нападаетъ на нихъ два раза, образуя ежегодно два поколѣнія, одно весеннее, другое осеннее.

Взрослыя, крылатыя мухи перваго поколѣнія появляются весною, въ апрѣлѣ. Время ихъ появленія зависитъ очевидно отъ времени наступленія весны, отъ состоянія погоды, отъ накопленія достаточнаго количества теплоты для развитія ихъ изъ перезимовавшихъ куколокъ. Я заключаю это изъ того что если куколки мухъ сохранять съ осени въ телломъ ломѣнціи, въ комнатѣ, тогда взрослыя мухи начинаютъ выходить гораздо раньше, не дожидаясь наступленія апрѣля. Я выводилъ ихъ при такихъ условіяхъ въ значительномъ количествѣ уже въ первыхъ числахъ и въ теченіе первой половины ноября. Это позволяетъ заключить что время появленія весенняго поколѣнія мухъ въ различныхъ странахъ очень различно, смотря потому когда гдѣ наступаетъ весна. Это положеніе имѣетъ очень важное значеніе, потому что отъ времени появленія мухъ весеннихъ зависитъ и время появленія осенняго поколѣнія. Поэтому отсутствіе точныхъ свѣдѣній относительно вопроса о томъ когда именно появляется гессенская муха весною въ различныхъ обитаемыхъ ею странахъ—составляетъ весьма существенный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ, тѣмъ болѣе важный что относящіеся сюда факты могли бы пролить свѣтъ на многіе вопросы, касающіеся распространенія этого насѣкомаго и степени вредности его въ различныхъ мѣстностяхъ. Но при естественныхъ условіяхъ, у насъ въ средней Россіи выходъ мухъ изъ куколокъ происходилъ начиная отъ середины апрѣля, и кажется повсюду, оканчивается въ первыхъ числахъ мая. Въ запад-

ной Европѣ и въ мѣстностяхъ болѣе южныхъ, также какъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, весеннія мухи очевидно появляются гораздо раньше; объ этомъ можно заключить по раннему появленію осенняго поколѣнія, о чемъ будетъ сказано ниже. Выходъ мухъ продолжается недѣлю три, о чемъ я заключаю по неодновременности окукливанія личинокъ весенняго поколѣнія.

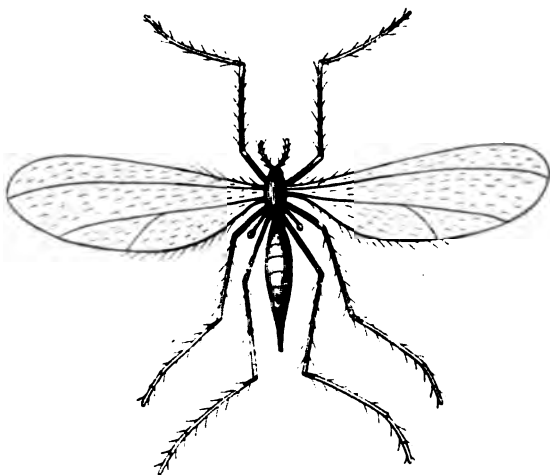
Крылатая муха, появившіяся въ апрѣлѣ, не питаются никакою пищей. Тѣ которыхъ я содержалъ у себя въ неволѣ не прикасались къ предложеннымъ имъ каплямъ сахарнаго раствора, такъ охотно принимаемаго въ лицу другими мушками. Вслѣдствіе такого голоданія, притомъ же начавшагося еще въ первыхъ числахъ октября, когда личинки стали окукливаться, взрослые мухи живутъ очень не долго. У меня экземпляры мухи никогда не жили дольше трехъ дней. Габсбургъ тоже свидѣтельствуетъ что мухи живутъ отъ двухъ до четырехъ дней. Въ теченіи этого времени онѣ олодотворяются и, отыскавъ удобныя мѣста, складываютъ свои яички.

Исцѣдя въ микроскопъ личинки гессенской мухи, я всегда находилъ въ нихъ много зачатковъ яицъ, всего до двухсотъ. Но врядъ ли всѣ эти зачатки яицъ успѣваютъ окончательно дозрѣть и быть сложеными. То что извѣстно намъ о другихъ насѣкомыхъ позволяетъ сомнѣваться въ этомъ. Такъ напримѣръ у самокъ хлѣбнаго жука (*Anisoplia austriaca*) трубки личинокъ также содержатъ въ себѣ сотни личиныхъ зачатковъ, а между тѣмъ изъ всей этой массы вырѣваются всего только 24 яичка, которыя самкою складываются въ землю. Въ виду кратковременности жизни взрослой гессенской мухи надо полагать что самка не развиваетъ всего запаса личиныхъ зачатковъ которымъ одарила ее природа и успѣваетъ сложить лишь незначительную его часть. Я самъ не имѣю прямыхъ наблюденій относительно вопроса о числѣ яицъ дѣйствительно складываемыхъ самкою; въ литературѣ же по этому вопросу есть разногласіе. Американскіе наблюдатели насчитывали всего только 30 яичекъ; нѣмецкіе же натуралисты говорятъ о 60, 80 и 100 яичкахъ складываемыхъ каждою самкою. Во всякомъ случаѣ, допуская даже что самки дѣйствительно несутъ отъ 30 до 60 яичекъ изъ своего громаднаго запаса ихъ зачатковъ, мы и тогда получаемъ возможность уразумѣть причину почему гессенская муха мо-

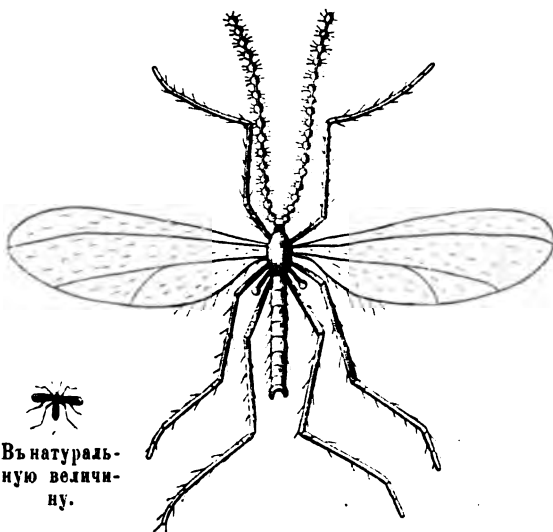
жеть такъ быстро размножиться въ данной мѣстности, при возникновеніи тамъ условій ей покровительствующихъ и благоприятныхъ.

Допустимъ что каждая самка, появившаяся весной, положить всего 60 яичекъ, изъ которыхъ получится лѣтомъ 30 самокъ и 30 самцовъ; эти лѣтнія самки олять сложать по 60 яичекъ каждая, изъ которыхъ весной будущаго года вылетятъ олять 60 мушекъ. Слѣдовательно, черезъ годъ отъ каждой самки получится потомство изъ 1.800 особей.

Я не имѣлъ возможности пріобрѣсти свѣдѣнія по вопросу о томъ съ какою быстротой можетъ распространяться взрослая муха и какія пространства можетъ она перелетать. Это вопросы будущаго, которые могутъ быть разрѣшаемы только мѣстными наблюдателями, самими сельскими хозяевами, черезъ сопоставленіе наблюдений положительныхъ и отрицательныхъ. Такія изслѣдованія могутъ быть начаты осенью нынѣшняго года, такъ какъ теперь, при возбужденномъ мухою вниманіи сельскихъ хозяевъ, надо полагать что каждое гнѣздо мухи будетъ замѣчено ими. Но, повидимому, гессенская муха не можетъ предпринимать далекихъ перелетовъ. Я не наблюдалъ такихъ явленій которыя позволяли бы заключить о такихъ перелетахъ. Отрицаютъ это и другіе авторы. Такъ Габерландтъ говорить что мухи летаютъ только на полѣ на которомъ онѣ вывелись, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ наблюдалъ ихъ подымавшимися надъ лѣсомъ. Дальніе перелеты, какіе были наблюдаемы въ Сѣверной Америкѣ, вѣроятно предпринимаются въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда мухи чрезвычайно размножатся. Но весьма возможно также что эти американскія извѣстія о дальнихъ перелетахъ основаны на неточности опредѣленія; ошибка въ опредѣленіи была весьма возможна въ прошломъ столѣтіи. Никто изъ новыхъ наблюдателей, какъ въ Европѣ такъ и въ Америкѣ, не говоритъ о такихъ большихъ перелетахъ. Напротивъ, скорѣе можно заключить о необходимой медленности распространенія гессенской мухи вслѣдствіе кратковременности ея жизни, въ теченіе которой она слѣдуетъ сложить свои яички.

Самка въ сильно увеличенномъ видѣ.

Самецъ въ сильно увеличенномъ видѣ.

Гессенская муха есть очень маленькое насекомое (величиною около одной линіи), по складу тѣла напоминающее комара. Крыльевъ у нея только два; они сравнительно большія, сѣраго цвѣта (дымчатая), и подперты только двумя тонкими жилками. Самка имѣетъ длинный суставчатый яйцекладъ, который она то выдвигаетъ, то снова втягиваетъ. У самца

брюшко тоньше чѣмъ у самки, цилиндрическое, и несетъ на концѣ своемъ особый двухлопастный придатокъ. Усики у самца очень длинныя, почти длиннѣе туловища, и состоятъ изъ кругленькихъ члениковъ, покрытыхъ длинными щетинками и соединенныхъ между собою тоненькими ножками. Ноги очень длинныя и тонкія; каждая нога гораздо длиннѣе всего туловища. Преобладающая окраска тѣла черная. У самки окрашены въ красный цвѣтъ: весь яйцекладъ, мѣста прикрѣпленія крыльевъ на груди, вертела ногъ и вся нижняя сторона брюшка. На нижней сторонѣ брюшка, на каждомъ сегментѣ, какъ разъ по срединѣ, находится довольно большое, четырехугольное черное пятно. Такихъ пятенъ всего шесть. Ноги рыжеватая.

Самецъ нѣсколько отличается отъ самки не только по вѣншему виду, но и по окраскѣ. Брюшко у него не только съ нижней стороны, но и съ верхней—красное; на нижней сторонѣ его сегменты имѣютъ по одному маленькому черноватому пятну по срединѣ. На спинной же сторонѣ каждый сегментъ снабженъ двумя, рядомъ лежащими пятнами, такъ что вдоль верхней поверхности брюшка проходятъ двѣ черноватая полоски, состоящая изъ пятнышекъ.

Всю эту разрисовку можно видѣть только на живыхъ экземплярахъ. Послѣ смерти мухи тѣло ея сморщивается и представляется чернымъ; красный цвѣтъ сохраняется только на плечахъ и на яйцекладѣ у самки. *

Гессенская муха есть насѣкомое очень нѣжное, что обуславливается повидимому совершенно непропорціональнымъ развитіемъ усиковъ, крыльевъ и ногъ, которыя представляются слишкомъ большими по отношенію къ туловищу. По неволѣ она повтому почти вовсе не летаетъ, а передвигается лѣшкомъ. По отношенію къ вѣншимъ условіямъ гессенская муха представляется, во взросломъ состояніи, весьма чувствительною къ холодной погодѣ и къ дождю, который (именно вслѣдствіе ея неповоротливости) не позволяетъ ей летать и губить ее. Повтому если во время лѣтнаго періода мухи падутъ сильныя дожди, то они не позволяютъ гессенской мухѣ размножаться и могутъ служить хорошимъ предсказаніемъ относительно будущаго распространенія этого насѣкомаго.

* *Synopsis Cecidomyidarum*, von Bergenstamm und Löw. *Verhandl. d. Zol. bot. Gesellschatt in Wien*. XXVI. 1877, p. 1—104.

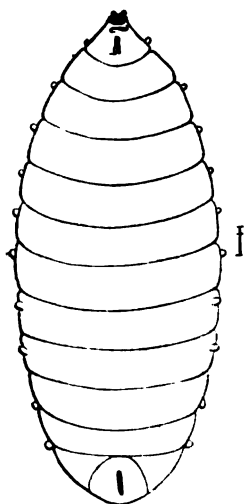
Во второй половинѣ апрѣля и въ началѣ мая самки складываютъ яички подъ влагалища листьевъ на стебельки или на поверхности листа. Для помѣщенія яицъ подъ листья, самка вооружена маленькимъ, но весьма растяжимымъ яйце-кладомъ, способнымъ вытягиваться очень значительно. На стеблѣ яйца складываются почти всегда на нижнее колѣно (междоузліе) стебля; рѣже на второе колѣно его. Никогда не видалъ я личинокъ на третьемъ колѣнѣ. Такое правильное расположеніе ихъ происходитъ потому что въ это время года стебель озимаго хлѣба еще не имѣетъ дальнѣйшихъ колѣвъ, и даже второе представляется въ самомъ зачаточномъ состояніи. Съ другой стороны, такое сосредоточеніе яичекъ мухи на обоихъ нижнихъ междоузліяхъ и отсутствіе ихъ на остальныхъ, даже на третьемъ, доказываетъ въ свою очередь что вылетъ мухъ происходитъ весною довольно дружно, и что время этого вылета не растягивается на слишкомъ длинный срокъ времени, а сосредоточивается лишь на тотъ промежутокъ въ теченіе котораго стебель ржи состоитъ всего только изъ двухъ междоузлій.

Число яичекъ складываемыхъ на каждое отдѣльное растеніе бываетъ очень различно. Чаще всего на одномъ и томъ же стеблѣ находишь двѣ или три личинки. Но иногда ихъ бываетъ гораздо больше. На стебляхъ озимой пшевицы я находилъ до пятнадцати куколокъ сидящими вмѣстѣ. Слѣдовательно, иногда самки складываютъ до пятнадцати яичекъ заразъ, на одинъ и тотъ же стебель. Габерландъ находилъ растенія на листьяхъ которыхъ было до сорока яичекъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ; онъ описываетъ яички въ видѣ удлиненныхъ тѣлецъ, красноватаго цвѣта, достигающихъ въ длину $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$ линіи.

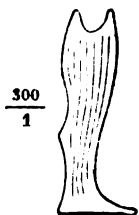
Черезъ нѣсколько дней (8 или 10) изъ сложенныхъ яичекъ происходятъ личинки, которыя сползаютъ по поверхности стебля, подъ защитою листоваго влагалища, доходятъ до узла и здѣсь начинаютъ питаться соками, высасывая ихъ изъ стебля. Это предназначенное имъ мѣсто личинки вообще никогда уже не измѣняютъ, такъ какъ онѣ не обладаютъ никакими органами передвиженія.

Вполнѣ развитая личинка гессенской мухи представляется въ видѣ маленькаго бѣлаго червячка, достигающаго въ длину около трехъ миллиметровъ (по выходѣ изъ яйца онъ испещренъ маленькими красноватыми пятнами). У него нѣтъ на

ногъ, ни головы, ни глазъ. Головной конецъ его нѣсколько заостренный, а задній притупленный. Тѣло состоитъ изъ двѣнадцати отдѣльныхъ сегментовъ, весьма неясственно разграниченныхъ между собой не глубокими поперечными бороздками. Ротъ имѣетъ видъ поперечной щели и расположенъ на брюшной поверхности тѣла; надъ нимъ, на самомъ концѣ тѣла, сидятъ два короткіе цилиндрическіе щупальца. Вокругъ рта расположены неправильныя, рыжеватыя, твердыя пластиночки, которыя суть простыя мѣстныя утолщенія кожи. Сейчасъ за отверстіемъ рта, въ его полости, расположенъ особый твердый шиль или буравъ, рыжаго цвѣта, замѣняющій здѣсь ротовыя крючки личинокъ другихъ мухъ. Этотъ буравъ имѣетъ видъ удлиненной пластиночки, съ струйчатою поверхностью, и съ вырѣзкою на свободномъ концѣ, раздѣляющею его на два остроковечные отросточка. Боковые края этого бурава не равны, и основаніе его обыкновенно въ одну сторону вытянуто въ видѣ совсѣмъ неправильнаго отростка. На поверхности тѣла личинки нигдѣ нѣтъ ни одного волоска; но покрыта она равномерно разсыпанными мельчайшими бородавочками.

Увеличенная личинка гессенской мухи.

Ротовой буравчикъ имѣетъ видъ удлинённой пластиночки, съ струйчатою поверхностью, и съ вырѣзкою на свободномъ концѣ, раздѣляющею его на два остроковечные отросточка. Боковые края этого бурава не равны, и основаніе его обыкновенно въ одну сторону вытянуто въ видѣ совсѣмъ неправильнаго отростка. На поверхности тѣла личинки нигдѣ нѣтъ ни одного волоска; но покрыта она равномерно разсыпанными мельчайшими бородавочками.

Дыхательныхъ отверстій десять ларъ. Ихъ нѣтъ только на второмъ и на послѣднемъ сегментѣ. Они имѣютъ видъ маленькихъ коническихъ или цилиндрическихъ бородавочекъ, рыжеватаго цвѣта, рѣзко обозначающихся на поверхности тѣла. Особыхъ дыхальцевососовъ (стигмофоровъ) нѣтъ ни на головномъ, ни на заднемъ сегментѣ тѣла. Кишка просвѣчиваетъ сквозь покровы тѣла зеленоватою полосой. Микроскопическое изслѣдованіе ея содержимаго у нѣсколькихъ экземпляровъ личинокъ привело меня къ убѣжденію что онѣ питаются соками растенія, а не частицами тканей (какъ это дѣлаютъ личинки другихъ мухъ, напри-

мѣрь Chlorops). Никогда не находилъ я въ кишкѣ личинки ни обломковъ тканей, ни даже отдѣльныхъ клѣточекъ. Всегда содержимое кишки представлялось въ видѣ однородной зеленоватой жидкости, довольно густой и содержащей въ себѣ мелкія округленныя зернышки. Въ пользу того мнѣнія что личинка питается только соками растенія, помимо упомянутого строенія содержимаго кишки, говоритъ еще устройство ея рта, именно описанная форма бурава, который вовсе не приспособленъ къ отрыванію частицъ тканей, а только къ сверленію въ нихъ отверстій.

Подъ вліяніемъ такой дѣятельности личинки получаютъ на обитаемомъ ею стеблѣ тѣ измѣненія и перерожденія о которыхъ я говорилъ выше.

Питаясь описаннымъ образомъ, личинки живутъ пять или максимумъ шесть недѣль, по истеченіи которыхъ онѣ окукливаются. Въ послыкахъ полученныхъ мною вынѣ весной изъ уѣздовъ: Равенбургскаго, Мценскаго, Елецкаго, Новосильскаго, Козловскаго, Усманскаго и Землянскаго, въ теченіе первой половины іюня почти всѣ личинки были уже окукленныя. То же самое наблюдалъ я въ 1879 году въ Полтавскомъ уѣздѣ. Но между этимъ уже окуклившимся большинствомъ находились весьма немногочисленныя личинки которыя еще не приступали къ окукливанію и еще 20го іюня представлялись въ видѣ бѣлыхъ личинокъ. Такое явленіе я наблюдалъ и въ нынѣшнемъ, и въ прошедшемъ году (въ Полтавѣ). Поэтому не подлежитъ сомнѣнію что періодъ въ теченіе котораго весной личинки окукливаются растягивается недѣли на три, причемъ однако повсюду главныя массы личинокъ окукливаются въ первыхъ числахъ іюня, или начиная отъ послѣднихъ чиселъ мая. Только немногія залоздавшія особи приступаютъ къ окукливанію послѣ середины іюня. Этотъ фактъ въ свою очередь позволяетъ сдѣлать заключеніе что лѣтнее время мухи весной продолжается тоже около трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ происходитъ складываніе яичекъ. Такая неодновременность въ складываніи яичекъ обуславливаетъ очевидно и неодновременное окукливаніе личинокъ. При этомъ многія изъ числа такъ залоздавшихъ личинокъ были больныя, пораженныя паразитами и отмирающія.

Куколка гессенской мухи есть рыжеватое, гладкое, блестящее тѣло, удлинненно эллиптической формы, достигающее въ длину около трехъ миллиметровъ. Она весьма похожа на

льняное спячико. Одна поверхность ея нѣсколько приплюснута, другая болѣе выпуклая. Одинъ конецъ ея заостренный какъ у долота; другой закругленный, тупой; на этомъ концѣ нѣтъ никакихъ отросточковъ или роговъ. На поверхности тѣла нѣтъ ни волосковъ, ни цѣпыхъ какихъ придатковъ. При разсматриваніи куколки съ помощью лупы можно ясно видѣть раздѣленіе ея рыжей кожицы на правильные сегменты. Но тѣмъ не менѣе для простаго невооруженнаго глаза такіа куколки скорѣе представляются похожими на сѣмя растенія, нежели на насѣкомое.

Такіа куколки произошли изъ вышеописанныхъ личинокъ черезъ дальнѣйшее ихъ превращеніе, и потому встрѣчаются на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ гдѣ въ теченіе мая были находимы эти бѣлыя личинки. Образовались эти куколки такимъ образомъ что кожаца личинокъ окрасилась въ рыжій цвѣтъ, затвердѣла, отделилась, то-есть отдѣлилась кругомъ отъ всей поверхности тѣла личинки, и превратилась въ коконъ, какъ бы для того чтобы доставить защиту личинкѣ въ теченіе того критическаго для нея времени когда она должна превратиться въ муху.

Строго говоря, эти рыжіа тѣльца, происшедшіа такимъ образомъ изъ личинокъ, суть не вполнѣ куколки, а называются *ложными куколками*, потому что еще много времени спустя послѣ образованія ихъ, превратившіяся въ нихъ личинки остаются неизмѣненными. Осторожно поднимая иглами въ началѣ іюля кожуцу такой куколки, мы найдемъ подъ нею еще совсѣмъ неизмѣнившагося червячка, такого же совершенно какъ былъ въ маѣ. Только въ концѣ іюля мы найдемъ подъ покровами такой куколки не личинку, а истинную куколку, не имѣющую болѣе формы червя, а обладающую всѣми внѣшними формами и органами мухи, но еще сложеными, какъ бы спелеными. Превращеніе личинки въ такую истинную куколку происходитъ лишь недѣли за двѣ предъ появленіемъ вполнѣ развитой крылатой мухи. Но на поверхности кокончика такое измѣненіе внутри его находящейся личинки не обозначается никакими соотвѣтствующими измѣненіями. Слѣдовательно во внутренней жизни того рыжаго тѣльца которое образовалось изъ личинки, которое я называлъ выше куколкою, должно отличать два періода: первый, когда внутри ея превращеніе еще не совершилось и личинка находится тамъ какъ бы въ летаргическомъ состояніи (ложная

куколка); второй—когда она уже претерпѣла превращеніе (истинная куколка). Но такъ какъ этотъ внутренній процессъ ничѣмъ рѣшительно не отражается на поверхности тѣла и для насъ дальнѣйшей важности не имѣетъ, то поэтому я для краткости и избѣжанія лишннихъ терминовъ буду называть просто *куколкою* весь тотъ періодъ жизни нашего насѣкомаго въ теченіе котораго оно представляется намъ, при наружномъ его осмотрѣ, въ видѣ описаннаго выше рыжеватаго образованія.

Въ состояніи такой куколки гессенская муха пребываетъ около двухъ мѣсяцевъ, не принимая въ теченіе этого времени никакой пищи и существуя на счетъ тѣхъ запасовъ которые она успѣла сдѣлать въ теченіе предшествовавшей фазы развитія. Между тѣмъ на растеніяхъ ею обитаемыхъ продолжаютъ развиваться тѣ болѣзненные измѣненія которымъ было положено начало дѣятельностью личинокъ въ маѣ и которыя уже не прекращаются несмотря на то что личинка, уже окуклившаяся, не можетъ оказывать на теченіе ихъ никакого вліянія. Теперь она лишь прилегаетъ къ поверхности стебля. Многія куколки даже отпадаютъ отъ стебля и развиваются лежа на землѣ около корней стебля, погребеннаго ими во время личиночной жизни.

Изъ куколокъ только что описанныхъ развиваются крылатая муха, долженствующія произвести новое потомство и заразить имъ наши озимые всходы въ августѣ и сентябрѣ. Этотъ выходъ развитыхъ гессенскихъ мухъ изъ куколокъ начинается въ концѣ іюля. Такъ въ нынѣшнемъ году изъ куколокъ полученныхъ мною въ Мценскомъ уѣздѣ, первыя мухи вывелись 29го іюля; въ прошломъ году изъ куколокъ полтавскихъ первыя мухи вывелись 30го іюля. У князя Васильчикова въ Трубетчинѣ (Липецкѣ) мухи вывелись въ концѣ іюля. Но такъ рано появляются только немногія особи; главныя же полчища мухъ появляются поздѣе. Какъ въ прошломъ году изъ куколокъ собранныхъ мною въ Полтавскомъ уѣздѣ, такъ и въ нынѣшнемъ году изъ куколокъ равенбургскихъ и мценскихъ большинство мухъ развивалось въ первыхъ числахъ августа. До 10го августа онѣ выводились во множествѣ, а потомъ опять появилось лишь нѣсколько залоздалыхъ экземпляровъ. Послѣ 15 августа у меня никогда мухи не выводились уже изъ куколокъ. Такимъ образомъ выходъ этого втораго поколѣнія продолжается тоже

около трех недѣль, также какъ весенняго поколѣнія. Этотъ трехнедѣльный лѣтній періодъ соотвѣтствуетъ также трехнедѣльной продолжительности того періода въ теченіе котораго происходитъ окукливаніе весеннихъ личинокъ.

Показанія имѣющіяся въ западной литературѣ по поводу вопроса о времени появленія втораго поколѣнія мухъ замѣчательно неточны. Такъ Ташенбергъ * говоритъ что оно появляется въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ. Коляръ говоритъ только что оно появляется осенью **. По Коу это второе поколѣніе мухъ появляется отъ середины іюня до 22 числа іюля ***. Сай говоритъ что въ Америкѣ мухи появляются въ іюль ****. Моррисъ выводилъ въ августѣ мухъ изъ коконовъ собранныхъ на поляхъ въ іюнѣ †. Въ Венгріи, по Гоберландту †† второе поколѣніе мухъ появляется въ первой половинѣ августа (Mitte bis Ende August и по новому стилю). Въ Баденѣ Кюнстверъ вывелъ мухъ изъ куколокъ въ промежутокъ времени отъ 15 іюля по 2 августа новаго стиля †††.

Упомянутое у Ташенберга появленіе мухъ въ октябрѣ, указываетъ повидимому на существованіе третьяго поколѣнія, появляющагося лишь при исключительныхъ случаяхъ. Но вообще Ташенбергъ и Коляръ нигдѣ не говорятъ что они выводили мухъ изъ куколокъ, такъ что ихъ сообщенія уступаютъ въ точности сообщеніямъ всѣхъ остальныхъ, приведенныхъ здѣсь изслѣдователей.

Продолжительность жизни отдѣльной особи, во всѣхъ фазахъ ея развитія, будетъ приблизительно таково:

- 1) Яйцо сложено около 15—20 апрѣля.
 - 2) Личинка живетъ отъ 25 апрѣля по 1 іюня, т.-е. пять съ половиной недѣль.
 - 3) Куколка живетъ отъ 1 іюня по 1 августа, т.-е. девять недѣль.
 - 4) Муха живетъ три дня.
- Слѣдовательно всего пятнадцать недѣль, т.-е. три мѣсяца съ одной недѣлей.

* Taschenberg. *Naturgeschichte der schädlichen Insekten*. 1865 p. 151.

** Kolar. *Naturgeschichte der schädlichen Insekten*. 1837. p. 133.

*** *Abhandlungen der Schlesischen Gesellschaft v. Cultur*. 1869.

**** Say.

† M. Morris. *Transactions of the American Philosophical Society*. Philadelphia. Vol. VIII. 1843. p. 51.

†† *Verhandlungen d. Zoologisch-botanischen Ges.* 1864. p. 402.

††† Ibidem. p. 409.

Взятые здѣсь сроки относятся къ болѣе раннимъ особямъ.

Такъ какъ большинство весеннихъ мухъ складываетъ яички въ послѣднихъ числахъ апрѣля, т.-е. нѣсколькими днями поздне, то и большинство мухъ лѣтнихъ появляется также нѣсколькими днями поздне, т.-е. въ началѣ августа.

Эти лѣтнія, августовскія мухи живутъ тоже лишь очень короткое время. Совершенно подобно мухамъ весеннимъ, онѣ не принимаютъ никакой пищи, а прямо оплодотворяются и приступаютъ къ складыванію яичекъ. Дня черезъ три онѣ умираютъ вѣроятно тоже не успѣвъ сложить весь запасъ яичекъ, въ зачаточномъ состояніи присутствующихъ въ ихъ личникахъ. Содержимыя у меня въ неволѣ, эти лѣтнія мухи умирали всегда черезъ три дня послѣ выхода изъ куколки.

Яйца складываются ими на всходы озимыхъ хлѣбовъ. Самка, помощью своею яйцеклада, подводитъ подъ влагаллице нижняго листочка по два, по три, иногда по десяти яичекъ на отдѣльную былинку. Личинки развивающіяся изъ этихъ яицъ конечно совершенно сходны съ личинками майскими. Расположившись подъ защитой листового влагаллица, онѣ сосутъ соки изъ молодого нижняго стебелька и этимъ неминуемо губятъ его. Растеніе хвораеть, желтѣеть и къ концу сентября уже отмираетъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября личинки, тутъ же подъ листкомъ убитой ими былинки, превращаются въ куколки, имѣющія совершенно такой же видъ какъ куколки июньскія. Эти куколки остаются тутъ зимовать и только въ апрѣлѣ слѣдующаго года изъ нихъ развиваются мухи описаннаго выше весенняго поколѣнія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе вліянія зимы останавливающей теченіе жизненныхъ процессовъ, продолжительность жизни осенняго поколѣнія значительно увеличивается.

Во всѣхъ фазахъ развитія такой особи она представляется такою.

- 1) Яйцо сложено между 1—5 августа.
- 2) Личинка живетъ отъ 10—15 августа, до 25 сентября.
- 3) Куколки живутъ отъ конца сентября до 15 апрѣля.

Всего 8 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ.

Но уже выше я замѣтилъ что при содержаніи куколокъ съ осеви въ тепломъ помѣщеніи, развитіе ихъ такъ ускоряется что мухи начинаютъ появляться уже въ первой по-

ловия ноября. Въ этомъ случаѣ продолжительность фазиса куколки представляется совершенно одинаковою для обеихъ поколѣній и не подлежитъ сомнѣнію что удлинненіе жизни зимнихъ куколокъ на нѣсколько мѣсяцевъ зависитъ исключительно отъ вліянія низкой температуры.

Выше я уломянулъ уже что гессенская муха представляется чрезвычайно чувствительною къ дождю и холоду во время взрослого своего состоянія, такъ что сильныя и продолжительныя дожди, происходящія во второй половинѣ апрѣля и въ первой половинѣ августа уничтожаютъ большое число этихъ мухъ. Это можетъ повести даже къ тому что въ мѣстахъ гдѣ муха уже сильно размножилась она можетъ олатъ значительно уменьшиться въ числѣ, благодаря именно такому вліянію сильныхъ дождей. За то куколки прикрытыя толстою кожей какъ броней защищены ею отъ вліянія внѣшнихъ условій. Поэтому сильныя и продолжительныя зимніе холода не оказываютъ на нихъ никакаго вліянія. Это подтверждается опытомъ нынѣшняго года. Зима въ 1879—80 году была очень холодная, такъ что рѣзко выдѣлилась этимъ изъ длиннаго ряда ея предшествовавшихъ зимъ. А между тѣмъ весной 1880 года гессенская муха вывелась очень успѣшно изъ куколокъ, вынесшихъ вліяніе этой зимы и заразила наши поля многочисленнымъ потомствомъ.

Гораздо болѣе сильное вліяніе оказываютъ на гессенскую муху, въ состояніи личинки и куколки, нѣкоторые мелкіе враги ихъ уничтожающіе въ огромномъ количествѣ. Такихъ враговъ ихъ въ средней Россіи мнѣ извѣстно пока только два, именно такъ называемая *желтая сороконожка* (*Geophilus*) и *наездникъ* (*Ceraphron destructor*).

Желтая сороконожка есть червеобразное желтое существо съ многочисленными ногами. Оно живетъ на поляхъ, подъ комочками земли, и питается различными мелкими насекомыми, въ томъ числѣ личинками и куколками гессенской мухи. Очень часто можно находить въ юнѣ сухія и пустыя куколки мухи выдѣнныя сороконожкой. Въ неволѣ эти сороконожки производили у меня большія опустошенія между куколками.

Уломянутый выше *наездникъ* еще сильнѣе истребляетъ гессенскую муху. Онъ складываетъ свои яички въ тѣло личинки гессенской мухи. Изъ этихъ яичекъ развивается личинка наездника, которая въ видѣ червячка живетъ внутри

тѣла личинки гессенской мухи и питается тамъ внутренностями послѣдней. Куколка гессенской мухи, вслѣдствіе такого уничтоженія ея органовъ, отмираетъ и изъ нея выводится, въ формѣ маленькой крылатой мухи, наѣздникъ ее убившій. Эти наѣзники иногда размножаются въ такомъ огромномъ количествѣ что выводятся изъ куколокъ гессенской мухи въ количествѣ гораздо большемъ чѣмъ самыя мухи. У меня были такіе случаи, когда 25—30 куколокъ мухи не дали мнѣ ни одной мухи, а только наѣзниковъ. Поэтому ясно что наѣзники суть наши лучшіе союзники въ борьбѣ съ гессенскою мухою, только къ несчастію союзники ненадежныя, ибо никогда нельзя разчитывать впередъ на ихъ появленіе въ данной мѣстности въ желаемомъ количествѣ.

Повидимому развитіе наѣзника происходитъ гораздо быстрее чѣмъ развитіе гессенской мухи и потому онъ появляется много раньше выхода послѣдней. Такъ въ нынѣшнемъ году у меня первые экземпляры наѣзниковъ начали выходить 5 іюля и выходъ ихъ продолжался въ теченіе всего іюля и первыхъ чиселъ августа. Весьма возможно что наѣзники успеваютъ произвести нѣсколько поколѣвій въ теченіе года.

Весьма легко отличить этого наѣзника отъ самой гессенской мухи. Во-первыхъ, у него не два крыла, а четыре, во-

вторыхъ, всѣмъ складомъ своего тѣла онъ болѣе похожъ на муравья чѣмъ на комара. Затѣмъ тѣло его отлиываетъ металлическимъ зеленымъ блескомъ.

Длина тѣла $1\frac{1}{2}$ —2 миллиметровъ. Усики у него колѣчатые,

т.е. первый членикъ ихъ большой; остальные же маленькіе и образуютъ висящій внизъ жгутъ. Голова большая, блестящая, зеленоватая, также какъ грудная область. Брюшко при основаніи перетянутое, сильно блестящее, черное. Ноги короткія, желтыя; бедра ихъ черныя. Голенн съ однимъ только шиломъ на концѣ. Лалки латичевистыя. Переднія крылья

подперты одною только жилкой прислоненной къ переднему краю крыла, приблизительно на среднѣ его протяженія. Край крыла безъ бахромки.

Этотъ самый паразитъ найденъ былъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ онъ встрѣчается также очень часто тоже оказывая большія услуги сельскому хозяйству, задерживая размноженіе гессенской мухи. Кромѣ его въ Сѣверной Америкѣ былъ найденъ еще другой паразитъ изъ наѣздинокъ (*Teleas*), микроскопически малой величины, живущій внутри сложенныхъ личекъ гессенской мухи и уничтожающій ихъ, выѣдая ихъ желтокъ. Этого наѣздиака у насъ мнѣ еще не удалось найти.

(До слѣд. №).

К. ЛИНДЕМАНЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Повести. В. Крестовскаго (псевдонимъ). С.-Петербургъ, 1880.

Альбомъ. Группы и портреты. В. Крестовскаго (псевдонимъ). С.-Петербургъ, 1879.

Появлявшіеся въ теченіе многихъ лѣтъ въ нашихъ журналахъ произведенія талантливой писательницы, скрывающейся подъ псевдонимомъ В. Крестовскаго, въ недавнее время изда ны вновь нѣсколькими отдѣльными томами. Публика имѣетъ возможность перечестъ вновь автора который всегда правился, но о которомъ критика сказала очень немного, и провѣрить впечатлѣнія, безъ сомнѣнія еще памятные тѣмъ кто читалъ эти романы, повѣсти и разказы раньше, въ журналахъ.

Въ нашей литературѣ есть нѣсколько именъ какъ-то ускользающихъ, не приуроченныхъ ни къ одной изъ группъ на которыя обыкновенно дѣлятъ налицыя художественныя силы. Мы имѣемъ привычку считать писателей по возрастамъ: такіе-то принадлежатъ эпохѣ сороковыхъ годовъ—наше старшее поколѣніе; такіе-то—вынѣшнему времени, то-есть послѣднему двадцатилѣтію. А тѣ которые явились въ довольно продолжительный періодъ, раздѣляющій обѣ эпохи, остаются словно безъ мѣста, съ ними словно не знаютъ какъ поступить. Одинъ изъ героевъ В. Крестовскаго, въ очеркѣ *Счаст-*

ливые люди, высказываетъ слѣдующее: „Говорятъ о людяхъ сороковыхъ, шестидесятыхъ годовъ; между ними есть промежутки: это—мое поколѣніе, мои сверстники. Намъ смѣшиваются съ нашими предшественниками. Правда, мы получили тотъ же складъ воспитанія, то же направленіе; мы шли вслѣдъ за ними какъ младшіе братья, но—какъ воспитаніе всякихъ меньшихъ—наше воспитаніе было неглижировано, отчего и направленіе вышло неопредѣленно. Мы выросли слабѣ нашихъ старшихъ, можетъ быть отъ ихъ недоглядки: воспитывая насъ, они слишкомъ довѣрчиво полагались на наши способности; можетъ-быть отъ собственныхъ нашихъ особенностей, и положительно отъ стѣсненія, которое легло на насъ еще тяжелѣ чѣмъ на нашихъ старшихъ. Ни у одного поколѣнія не было молодости печальнѣе нашей. Намъ достались самые темные годы. Мы такъ и называли себя дѣтми темнаго времени“...

На эти строки необходимо обратить вниманіе, потому что въ нихъ безъ сомнѣнія высказана собственная мысль автора. Можетъ-быть ни на комъ изъ нашихъ писателей не отразилось до такой степени давленіе эпохи какъ на В. Крестовскомъ. Въ ея произведеніяхъ неизмѣнно слышится тоскующая нота, иногда доходящая до стога; и эта тоска является откликомъ не только тяжелой эпохи, но и собственного жребія—жребія людей являющихся между двумя рѣзко заявившими себя поколѣніями и обреченныхъ оставаться безъ своего собственного цвѣта. Бываютъ такіа семья: старшіе братья вышли въ люди, сдѣлались извѣстны, сыграли значительную роль; младшихъ за ними какъ-то не видно, ихъ все считаютъ недоростками; а потомъ, когда они уже возмужали и готовы взять свою долю въ жизни, начинаютъ шумѣть подроставшіе племянники и требуютъ себѣ всего наследства старшихъ братьевъ, своихъ отцовъ. Младшіе остаются все такими же младшими, все на томъ же второмъ планѣ... Такъ и въ исторической чередѣ поколѣній. Писатели сороковыхъ годовъ выступили въ литературѣ съ очень опредѣленнымъ кругомъ идей, въ которомъ нашли выраженіе всѣ нравственныя стремленія общества, весь итогъ того что это общество думало, любило и ненавидѣло въ лицѣ своихъ талантливѣйшихъ представителей. Олоздалымъ, младшимъ дѣтямъ поколѣнія оставалось или жить этимъ законченнымъ кругомъ идей, оставаясь въ тѣни, въ отраженныхъ лучахъ

болѣе яркаго созвѣздія, или же выйти на совершенно новый путь, порвать всѣ связи съ предыдущимъ, такъ-сказать возмутиться противъ старшихъ. Но для второй части дилеммы уже не было времени: за возмущеніе взялось новое поколѣніе, дѣти отцовъ, племянники литературныхъ изгоевъ лятидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ писатели выступившіе подобно В. Крестовскому въ періодѣ раздѣляющемъ обѣ эпохи остались въ какомъ-то историческомъ закоулкѣ, посредствѣ между двумя теченіями, одинаково близко къ обоимъ поколѣніямъ и одинаково въ сторонѣ отъ обоихъ.

Время въ которое имъ пришлось дѣйствовать—съ конца сороковыхъ годовъ до второй половины лятидесятыхъ—само по себѣ было временемъ умственного роздыха, въ нѣкоторомъ смыслѣ пустымъ пространствомъ. Старое движеніе остановилось, новое не начиналось. Такія эпохи крайне неблагоприятны для выступающихъ талантовъ. Они съ первыхъ шаговъ принуждены отстать, топтаться вмѣстѣ съ толпой, повторять зады; имъ нечего бросить впередъ, не съ чѣмъ выдвинуться изъ рядовъ. Они дѣйствительно могутъ назвать себя „дѣтми темнаго времени“, и имъ надо много непосредственнаго, личнаго таланта, много сокрытой силы ума и сердца чтобы завоевать мѣсто.

Литературная дѣятельность В. Крестовскаго занимаетъ уже очень значительный, почти тридцатилѣтній періодъ времени. Понятно что въ тридцать лѣтъ писатель не можетъ говорить неизмѣнно однимъ и тѣмъ же голосомъ. Только совершенно пустые и деревянные люди могутъ хвалиться тѣмъ что они всю жизнь одинаково мысляли, чувствовали и дѣйствовали. Въ натурахъ отзывчивыхъ происходитъ непрерывная внутренняя работа, ихъ отношеніе къ жизни мѣняется вмѣстѣ съ тѣмъ какъ мѣняется самая жизнь. То что нѣкогда раздражало какъ крайность, современнымъ примиряетъ съ собою какъ необходимость; что прежде призывалось какъ союзникъ противъ сильнаго врага, нынче само можетъ сдѣлаться врагомъ. Надъ писателемъ нельзя смѣяться, если на его Олимпѣ восходятъ новые боги; но его можно презирать, если онъ поклоняется имъ неискренно. Въ данномъ рядѣ произведеній В. Крестовскаго мы можемъ наблюдать значительныя измѣненія и колебанія авторскихъ сочувствій, и на этомъ колебаніи безъ сомнѣнія отразились какъ вѣянія жизни, не оставшейся безъ движенія, такъ и собственное поло-

женіе писательницы, кругозоръ которой сложился въ промежуточную эпоху, не выработавшую ни оригинальныхъ идей, ни рѣзко очерченныхъ характеровъ. Но эти колеблющіяся симпатіи, этотъ скользящій кругозоръ залечатѣны такою несомнѣнною искренностью и согрѣты такимъ жаромъ глубоко чувствующаго сердца что производятъ гораздо болѣе сильное и можно сказать терзающее впечатлѣніе чѣмъ металлическій звонъ какого-нибудь литературнаго колокола, хвлящагося неизмѣняемостью своего тона.

Безъ сомнѣнія многимъ изъ нашихъ читателей еще памятна раннія произведенія В. Крестовскаго, появлявшіяся въ *Отечественныхъ Запискахъ* первой половины пятидесятихъ годовъ. Они были замѣчены своею тщательною и красивою литературною отдѣлкой, тонкимъ рисункомъ женскихъ характеровъ, изящнымъ умомъ, выражавшимся въ частыхъ и иногда елишкомъ обильныхъ отступленіяхъ полудирческаго, полудилософскаго содержанія. Тогдашняя публіка съ особеннымъ сочувствіемъ отмѣтила также господствующую идею этихъ произведеній—борьбу съ фальшивымъ блескомъ и съ фальшивою моралью, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ въ дѣйствительной жизни. Герои и героини В. Крестовскаго принадлежали къ категоріи невыдающихся, слабыхъ, большею частью безхарактерныхъ личностей; но эти личности хотѣли и умѣли любить, и читатель понималъ почему авторъ относится къ нимъ съ какою-то скорбною свисходительностью, почему въ развязкѣ его романовъ и повѣстей непременно слышится скорбный вопросъ: стоить ли жить?

Стоить ли жить?—вопросъ страшный, вопросъ неправильный. Въ немъ какъ будто сказалась та тяжелая промежуточная эпоха въ которую воспитался талантъ автора. Въ немъ звучитъ бесиліе, искаженный отголосокъ того *безочарованія*, надъ которымъ смѣялся Жуковскій, недовѣряя ему даже въ сильномъ талантѣ, въ Лермонтовѣ. Отголосокъ дѣйствительно очень искаженный, потому что у Лермонтова презрѣніе къ жизни высказывали люди одиноко поднимающіеся надъ толпой; у В. Крестовскаго ропотъ отчаянія слышится изъ глубины очень маленькихъ душъ, тоскующихъ именно потому что онѣ не находятъ въ себѣ силы для борьбы съ лустыми и дурными, но гораздо болѣе ихъ крѣпкими людьми. Герои Лермонтова могли сказать: не стоить жить,—потому что она

были одиоки; герои В. Крестовскаго могутъ такъ сказать только потому что они несостоятельны.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ наша литература приняла сатирическое направленіе на политической подкладкѣ. Писательница о которой идетъ рѣчь отозвалась на это направленіе однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ своихъ романовъ: *Въ ожиданіи лучшаго*. Старые читатели *Русскаго Вѣстника*, гдѣ этотъ романъ появился, хорошо помнятъ произведенное имъ впечатлѣніе. Но теперь, сравнивая его съ другими произведеніями талантливаго автора, нельзя не замѣтить что въ художественномъ отношеніи онъ довольно слабъ, и своимъ весьма значительнымъ успѣхомъ былъ обязанъ рѣзко и горячо выраженной сатирической идеей. За смѣлостью съ какою авторъ изобразилъ пороки такъ-называемаго „порядочнаго“ круга—смѣлостью еще новою въ то время—публика не замѣтила какъ блѣдно и прямолинейно очерчены дѣйствующія лица, въ какомъ сухомъ тонѣ написана вся картина. Но съ тѣхъ поръ изученіе пороковъ человеческого сердца, тонкій анализъ нравственной порчи, закрадывающейся съ дѣтства, сдѣлалась любимой задачей автора. Нигдѣ эта задача не исполнена съ такою безплощадною тщательностью, съ такимъ, можно сказать, анатомическимъ цинизмомъ, какъ въ появившейся затѣмъ повѣсти *Первая борьба*. Несмотря на неудовлетворенное, беспокойное, почти мучительное впечатлѣніе производимое на читателя, этотъ мастерской этюдъ остается однимъ изъ лучшихъ у В. Крестовскаго, и по силѣ психологическаго анализа много превосходитъ слѣдовавшіе затѣмъ романы: *Недавнее*, *Встрѣча*, *Большая Медвѣдица*. На этихъ романахъ мы позволимъ себѣ не останавливаться въ настоящей замѣткѣ, такъ какъ вообще форма небольшой повѣсти, разказа, этюда, гораздо болѣе соответствуетъ таланту нашей даровитой писательницы. Строгая выдержанность тона и въ некоторой односторонности манеры и приемовъ въ большемъ романѣ утомляютъ, также какъ и раздраженіе, съ которымъ авторъ постоянно относится къ своимъ героямъ. Нельзя не замѣтить притомъ что извѣстная идея весьма интересно поставленная въ повѣсти, въ большемъ романѣ, наконецъ наскучаетъ, сбивается на мелочность.

Въ трехъ томахъ, названныхъ нами въ заголовкѣ, собраны повѣсти и разказы В. Крестовскаго, появившіеся въ шести-десятихъ и семидесятихъ годахъ. Большинство ихъ привад-

лежить недавнему времени. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, отразились вѣкоторыя вѣянія этого времени, но основной мотивъ, проходящій чрезъ всю литературную дѣятельность автора, сохранился непркосновенно. Среди людей новой генераціи авторъ старается указать тотъ же фальшивый блескъ и ту же лицемѣрную мораль которыхъ не могъ простить людямъ прежняго поколѣнія. Съ замѣчательною отзывчивостью и чуткостью талантаивая писательница угадала многія характерныя черты новаго типа, угадала отчасти даже раньше другихъ. Стоить обратить вниманіе, на примѣръ, на повѣсть *Пансіонерка*, значеніе которой въ свое время было повятво далеко не всей читающей публикѣ. Въ этой повѣсти, появившейся въ 1860 году, слѣдовательно раньше *Отцовъ и Дѣтей* г. Тургенева и другихъ произведеній указавшихъ на новые типы въ молодомъ поколѣніи—въ этой повѣсти едва ли не впервые были намѣчены характерныя черты движенія волновавшаго наше общество. Правда, намекъ сдѣланъ очень осторожною рукою, но мысль автора выражена ясно. Героиня повѣсти—дѣвочка, выросшая въ провинціальномъ городѣ, въ бѣдной и необразованной чиновничьей семьѣ. Она учится въ пансіонѣ, такъ какъ ее хотятъ сдѣлать „барышней“, чтобы выдать за хорошаго жениха. Разказъ застаеъ ее въ пору экзаменовъ, когда она цѣлые дни возится въ своемъ саду надъ учебниками, выбиваясь изъ силъ чтобы перейти въ слѣдующій классъ одною изъ первыхъ. Въ сосѣднемъ домѣ живетъ нѣкто Веретицынъ, приславный сюда за какой-то маловажный политическій проступокъ. Этому Веретицыну досадно что дѣвочка учитъ какой-то вздоръ чтобы доставить удовольствіе родителямъ, да еще воображаетъ будто она дѣло дѣлаетъ. Онъ хочетъ смутить ее, научить совсѣмъ иначе смотрѣть на вещи.

— Право, я вамъ позавидовалъ: такъ прележны! говорить онъ ей, высовываясь къ ней въ садъ изъ-за ллетня.—Воскресный день, вечеръ чудесный, а вы, не поднимая головы, твердите, твердите! Неужели всегда такъ? Дѣвочка объясняетъ что теперь экзамены.—Паленькѣ и маменькѣ очень хочется чтобы меня перевели въ старшій классъ, наградили и повысили. Я изъ всѣхъ силъ стараюсь. Я знаю, имъ будетъ такое удовольствіе, если я всѣхъ перегоню.—И тогда паленька и маменька куляютъ вамъ соломенную шляпку съ розаномъ, бѣленькій бурнусъ, и поведутъ васъ на гулянье?“ провизируетъ Веретицынъ.

Пансіонерка въ негодованіи, она вовсе не изъ-за того хлопочетъ.—Какъ вы смѣете надо мной насмѣхаться? бросаетъ она искусителю. И тутъ происходитъ первый урокъ „развитія“.

— Помилуйте, на мало! возразилъ равнодушно Веретицынъ:—я сказалъ это потому что, полагаю, вашему папенькѣ и маменькѣ будетъ очень пріятно показать всѣмъ свою милую дочь, которая доставила имъ такое удовольствіе, они сдѣлаютъ это для самихъ себя, а не для васъ.

Она смотрѣла на него.

— Для самихъ себя, повторилъ Веретицынъ:— какъ же иначе? Вотъ теперь вы замѣяете ихъ для меньшихъ дѣтей; вы для нихъ учитель; вы для нихъ будете хороши, для нихъ будете веселы: все это для удовольствія вашего папеньки и маменьки. Я это такъ ловчмаю что не дѣлаю вамъ даже комплиментъ что вы прекрасная, покорная, нѣжная дочь: вы только исполняете вашъ долгъ. Поступайте всегда такъ. Живите всегда вполнѣ для вашихъ папеньки и маменьки. Скучайте, когда это имъ угодно; морите себя надъ книгой, надъ работой, надъ чѣмъ случится; выставляйтесь на показъ, когда они васъ выставляютъ—это ихъ воля, это имъ пріятно; вы—ихъ собственность. Вы не просиши у нихъ родиться, вы не въ правѣ просить жить такъ какъ вамъ самимъ вздумается. Когда я говорилъ о новой шаялкѣ, я думалъ только какъ ваша маменька будетъ по своему вкусу выбирать ее для васъ, и хотѣлъ замѣтить вамъ чтобы вы не спорили при выборѣ: это радость маменьки—не мѣшайте ей. А что васъ поведутъ въ лубаку, то конечно для того чтобы папеньки и маменьки тѣхъ подругъ вашихъ которыхъ вы перегоните смотрѣли и казнились, зачѣмъ Господь не послалъ и имъ такихъ же дочерей. Если вамъ тогда встрѣтятся эти подруги, вы не дадите имъ это замѣтить что вы огорчены за нихъ вашимъ торжествомъ... Чтò я! и въ самомъ дѣлѣ не огорчайтесь: вы исполнили вашъ долгъ, доставили удовольствіе...

На второй день урокъ продолжался; надо было объяснить пансіонеркѣ что учебники надъ которыми она бьется наполнены никому ненужною вздорною ложью. „Я, точно самъ когда-то твердилъ это, поучалъ Веретицынъ, видѣлъ какъ твердили другіе, но не случалось еще замѣтить чтобы это на что-нибудь пригодилось; но вѣдь я могу и ошибиться. Скука сама по себѣ вещь полезная: человекъ тулѣветъ и дѣ-

дается тихъ—это хорошо. Въ пролисахъ написано: будь кро-токъ, тихъ, скромнѣе и меньше говори... дальше не помню, но мораль отличная, покойная: все тихъ да гладь, Божья благодать... Вы учите наизусть челуху; не брезгайте: такъ надо. Въ другой книжкѣ у васъ написано что такой-то и такой-то былъ великій человекъ—и вѣрите; не смѣйте соображать ничего, а то неравно поймете что одинъ великій былъ самодуръ, другой негодай, третій потому безгрѣшенъ что согрѣшить не подвернулось случая. Васъ учатъ что всѣ на свѣтѣ были ангелы—ну и тѣмъ лучше для васъ. Въ головѣ у васъ, вмѣсто настоящаго дѣла, носится легкій чадъ, но не безлокойтеесь, и онъ скоро пройдетъ: вѣдь вы обогащаете себя познаніями въ угоду вашимъ родителямъ; а какъ только исполните этотъ долгъ, угодите имъ, то будете свободны забыть все что выучили. Чтобы тамъ ни выучили, изъ чего хлопотать, все годится: вѣдь не надолго!“

На третій урокъ Веретицынъ привезъ лансіонеркѣ *Ромео* и *Джульету*... Дѣло было сдѣлано, въ головѣ и въ сердцѣ дѣвочки все перевернулось: она не могла уже учиться, не могла утѣшать палежку и маменьку. На экзаменахъ она осрамилась: ее рѣшили выдать замужъ за молодого канцеляриста. Лёленька (такъ звали лансіонерку) не выдержала, написала къ теткѣ въ Петербургъ, та взяла ее къ себѣ, дала ей докончить образованіе. У дѣвушки обнаружилась способность къ живописи; ее стали учить. Черезъ восемь лѣтъ Веретицынъ встрѣчаетъ ее въ Эрмитажѣ, гдѣ она работаетъ надъ коліями. Этою работой она содержитъ себя, живя у тетки. У нихъ собираются профессора, художники—„все люди занятые, и потому всякому дороги свободные часы, и всѣ стараются провести ихъ пріятно.“—Такъ вамъ живется легко? спросилъ Веретицынъ.

„Еще бы! Я свободна! отвѣчала Лёленька. Я никому ничѣмъ не обязана. Тетка, правда, дала мнѣ воспитаніе, но имѣя средства, она должна была это сдѣлать, и я имѣла право принять. Но съ тѣхъ поръ какъ я могу трудиться, я тружусь для себя: я ей ничего не стою. Я зарабатываю даже свои удовольствія... Она не желаетъ всломинать о прошломъ. „Вы не знали тогда, говорить она Веретицыну, но догадываться могли, какіе люди были со мною. Вы заставили меня въ первый разъ пожать ихъ. Я вамъ вѣрнула... Вы не знаете что я васъ любила? Да, какъ никогда потомъ!.. Я

поняла какое это любовь, какъ она заставляетъ смотрѣть глазами другаго, исчезать передъ волей другаго... Я никогда не люблю—некогда, гауло. Тогда хоть было еще кстату: у меня явилась сила освободиться. Несправедливости, гоненія надо мной дошли до крайности. Мнѣ предлагали даже мужа! Я рѣшилась бѣжать. Теперь я убѣжала бы на улицу—тогда я еще искала пріюта. Я написала къ теткѣ... Не въ правѣ ли я была желать вырваться, возненавидѣть память прошедшаго?—Кто былъ оскорбленъ (продолжаетъ она черезъ страницу), кто понималъ что самому себѣ, только своему мужеству обязанъ тѣмъ что не далъ погубить себя, тотъ не такъ легко забываетъ, не такъ легко прощаетъ. Я поклялась что не дамъ больше никому власти надъ собою, что не буду служить этому варварскому старому закону ни примѣромъ, ни словомъ. Напротивъ, я всѣмъ говорю: дѣлайте какъ я, освобождайтесь всѣ, у кого есть руки и твердая воля! Живите одни—вотъ жизнь—работа, знаніе и свобода...

— А на долю сердца что остается? спрашиваетъ Веретицынъ Праздный вопросъ....

Мы остановились на этой повѣсти, волервыхъ, потому что она очень замѣчательна какъ едва ли не самая равная въ нашей литературѣ попытка овладѣть новымъ типомъ, только что выступавшимъ на сцену, и на который потомъ наши талантливѣйшіе беллетристы израсходовали такъ много красокъ, а вовторыхъ, и потому что героиня этой повѣсти представляетъ единственную въ повѣстяхъ В. Крестовскаго женскую личность, такъ или иначе выходящую побѣдительницей изъ жизненной борьбы. У Лёленьки есть какой-нибудь характеръ; но любимый, повторающийся въ разнообразнѣйшихъ варіаціяхъ типъ нашей талантливой писательницы — женщина безхарактерная, безвольная, молча протестующая противъ насилія и безправія жизни, и даже содрогаящаяся отъ внутренней укоризны, когда ей случается поймать себя на этомъ безмолвномъ протестѣ. Такова, на примѣръ, героиня очень талантливо написанной повѣсти *Стоячая Вода*, знакомой читателямъ *Русскаго Вѣстника* шестидесятихъ годовъ. Ея трусливая безхарактерность, изображенная съ величайшею добросовѣстностью и тщательностью рисунка, производитъ въ концѣ концовъ удручающее, болѣзненное впечатлѣніе... Таковы обѣ сестры въ разказѣ *Братуцъ*, такова героиня повѣсти *Два памятные дня*, тако-

вы женскія лица почти во всѣхъ большихъ романахъ В. Крестовскаго. Онѣ раздражаютъ своею неспособностью къ жизни, и несмотря на то что правда на ихъ сторонѣ, что онѣ выдѣляются своими нравственными качествами среди окружающихъ ихъ безсовѣстныхъ, грязныхъ или глубоко фальшивыхъ лицъ, читатель не въ состояніи имъ симпатизировать. И когда на послѣднихъ страницахъ встаетъ вопросъ: стоить ли жить?—читатель чувствуетъ что вопросъ поставленъ неправильно, что въ архитектурѣ повѣсти есть какая-то фальшь, недосмотрѣнная ошибка, плохо замаскированная лѣгкими арабесками на изукрашенномъ фасадѣ.

Въ повѣсти *Столчан Вода* вы переживаете цѣлый рядъ мелочныхъ терзаній, горькихъ обидъ, утѣшеній, разочарованій, выпадающихъ на долю дѣвушки, медленно и безрадостно вступающей въ званіе старой дѣвы. Вамъ не скучно слѣдить за ея увядающею жизнью, потому что подробности тихо плывущей предъ вами картины изображены чрезвычайно талантливо, съ тончайшею отдѣлкой и законченностью, освѣщены умомъ и глубокимъ знаніемъ жизни, разказаны прекраснымъ языкомъ. Въ послѣднемъ отношеніи, т.е. какъ сталистъ, В. Крестовскій представляетъ одно изъ немногихъ исключеній въ нашей современной литературѣ. Но когда вы дочитываете повѣсть, вамъ овладѣваетъ чувство неодолимаго и неудовлетворимаго раздраженія. Вамъ кажется какъ будто авторъ подшутилъ, надсмѣялся надъ вами. Въмѣсто злобы противъ той жизни которая, по намѣреніямъ автора, должна задуть его героиню, вы разгараетесь злобнымъ чувствомъ къ самой героинѣ, и на поставленный вопросъ: стоить ли жить?—готовы отвѣтить: да, такимъ характерамъ не стоить жить, да они и не живутъ, не могутъ, не умѣютъ жить. Вы понимаете что жизнь тутъ ни при чемъ, что не она виновата, даже не та гадкая среда въ которой поставлено дѣйствующее лицо, виновато само это лицо, съ его трусливою безхарактерностью, умственной скудостью и гримасой пришибленнаго ничтожества.

То же самое, расходящееся съ авторскими намѣреніями, впечатлѣніе получается отъ разказа *Братецъ*—разказа въ которомъ фигура самого *Братца* такъ безусловно удалась нашей даровитой романисткѣ. Напомнимъ въ главныхъ чертахъ содержаніе этого разказа. Въ глухой провинціи, въ деревнѣ, живетъ вдова Любовь Сергѣевна Чиркина, съ тремя

взрослыми дочерью. У нея есть въ Петербургѣ сынъ, Сергѣй, ея любимецъ и баловень. По смерти отца онъ прѣзжаетъ „успокоить мать и вообще распорядиться“. Старшая сестра, Прасковья Андреевна, къ тому времени стала уже увядать; Сергѣй засталъ ее тихую, молчаливую, такъ что нельзя было ни отгадать, ни понять что она думала или чувствовала. Весь домъ молчалъ—не отъ одной горести о смерти главы дома, но потому что молчаніе было въ привычкѣ. Вторая сестра, Вѣра, семнадцатилѣтняя дѣвушка, не красивая и болѣзненная была такъ робка что краснѣла и смущалась отъ всякаго слова; третья, Катя, пятнадцатая дѣвочка, совершенно незнакомая брату, воспитывалась въ строгости и ласковости, и находила защиту и ласку только у одной старшей сестры своей. Сергѣй Андреевичъ оказался, несмотря на молодые годы, человѣкомъ нѣсколько строгимъ и взыскательнымъ: „онъ удивлялъ своимъ знаніемъ производительныхъ силъ этого угла земли и такъ требовалъ видимо должнаго что противорѣчить ему не было возможности“. Мать благоговѣла предъ нимъ, а Сергѣй Андреевичъ принималъ это благоговѣніе какъ должную дань. Если мать, говоря о запутанныхъ дѣлахъ по имѣнію, говорила:—ахъ Сереженька, на тебя одна надежда! онъ отвѣчалъ съ увѣренностью:—да, конечно; вы ни о чемъ понятія не имѣете. „Сергѣй Андреевичъ прожилъ два осенніе мѣсяца въ своемъ семействѣ, утѣшая мать и подкрѣпляя, вообще, совѣтами и наставленіями всѣхъ, даже и постороннихъ, даже сосѣдей, навѣщавшихъ Любовь Сергѣевну послѣ ея утраты. Сергѣй Андреевичъ отдалъ визиты весьма немногимъ, весьма разборчиво и осторожно. Онъ и держалъ себя со всѣми какъ-то насторожѣ, мягко, уклончиво, холодно“. Онъ убѣдилъ вторую сестру, Вѣру, выбрать его своимъ попочителемъ, а старшую—выдать ему довѣренность для заклада ея части имѣнія. Распорядившись такимъ образомъ, онъ возвратился въ Петербургъ продолжать блистательно начатую служебную карьеру. Въ губерніи скоро сталъ говорить что онъ сильнѣе многихъ министровъ... Въ теченіе пятнадцати лѣтъ его видѣли въ деревнѣ раза два, наѣздомъ. „Этимъ временемъ имѣніе Прасковья Андреевны, котораго доходы, при отчетахъ бурмистра поставленнаго Сергѣемъ Андреевичемъ, аккуратно посылались въ Петербургъ, будто бы для уплаты въ совѣтъ, это имѣніе продано съ аукціона, и Прасковья Андреевна узнала объ этомъ...

отъ знакомыхъ которые, конечно, не воображали что сообщаютъ ей новость. Это была новость и для матери; но мать всегда была увѣрена что Серженка устраиваетъ все къ лучшему“. Подобная участь постигла и имѣние Вѣры.—Вѣдь у насъ съ тобой нѣтъ ничего! сказала Прасковья Андреевна сестрѣ;—подъ старость мы безъ куска хлѣба...

Катѣ, младшей сестрѣ, было уже около двадцати лѣтъ. У нея былъ женихъ, молодой чиновникъ Ивановъ; Прасковья Андреевна, получивъ въ наследство отъ какой-то тетки ломбардный билетъ въ пять тысячъ, намѣревалась отдать его Катѣ въ приданое... Въ это время въ деревню неожиданно прѣзжаетъ братецъ. Онъ нездоровъ, не въ духѣ, ни съ кѣмъ не говоритъ, жениха встрѣчаетъ съ самою оскорбительною шутивостью. Весь домъ ходитъ на цыпочкахъ, боясь потревожить больного. Одна только Прасковья Андреевна остается совершенно равнодушна. „Ничего онъ неболенъ, говоритъ она сестрамъ.—Онъ злится какъ прѣхалъ, пятый день. Будто мы этихъ штукъ не видали. Вотъ, посмотри, немного погода и узнаемъ сюрпризъ какой-нибудь пріятный“. Вѣра удивляется какъ сестра можетъ такъ равнодушно говорить: братецъ могъ бы напримѣръ сдѣлать что-нибудь для Иванова, попросить за него, научить... „Никогда ничему не научить и никогда ничего не сдѣлаетъ! возразила Прасковья Андреевна:—пожалуста, лучше не говори! Это только въ сердце вводить, говорить о нашемъ братцѣ... Богъ ему судья! Теперь ужъ хуже того не натворить что натворилъ. Учить насъ—выросли; мудрить надъ этою дѣвочкой я не дамъ; такъ дай хоть поскрипѣть что головка болитъ чтобы весь домъ опалѣлъ за нимъ ухаживая... Господи! счастье бываетъ человѣку!“ Черезъ нѣсколько дней обнаружилось что Сергій Андреевичъ не даромъ такой разстроенный: онъ считалъ съ мѣста, и богатая невѣста, на приданое которой разчитывалъ, ему отказала. О паденіи его въ городѣ шли толки. „У насъ всѣ толкуютъ, говорятъ...“ разказывалъ Ивановъ.

— Вѣдь вашъ братецъ человѣкъ такой тяжелый, отъ кого не услышишь. Еслибы вы только знали, послушали бы отъ кого-нибудь какія дѣла онъ дѣлалъ, что онъ денегъ бралъ... Спросите прѣзжихъ, кто бывалъ въ Петербургѣ, или послушайте что говорятъ наши власти, которые тамъ къ нему ѣзжали: обѣды, карточные вечера, онъ страшно игралъ, ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Прижаться, колить деньги

нельзя было: нужна роскошь, поддержать знаменитость, слава,—все это денегъ стоило.—Вообразите вы что онъ увидѣетъ всѣхъ, цѣлый свѣтъ что у него нѣтъ родныхъ: отрекается отъ васъ, потому что вы для него слишкомъ мелки, слишкомъ бѣдны... отъ матери! Видите, ему, важному лицу, неприятно имѣть провинціальныхъ родныхъ, вы на него тѣнь бросаете... я ужь и не понимаю что это! Какъ будто вы не въ тысячу разъ лучше его, благороднѣе его, со всѣми его мраморными лѣстницами да золочеными карнизами, какъ будто вамъ не больше стыдъ и обида что вашъ братъ эгоистъ, взяточникъ...

Итакъ, *братецъ* низвергнуть съ пьедестала. Если читателю казалось страннымъ, какимъ образомъ Прасковья Андреевна, появившая его съ самаго начала, могла выдать ему довѣренность, какимъ образомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ мать и сестры могли предоставлять ему распорядиться ихъ имѣніемъ, собирать доходы, продавать и грабить, то по крайней мѣрѣ теперь, когда вся низость этого человѣка обнаружена, когда онъ потерялъ даже свое внѣшнее значеніе, такъ что надъ нимъ смѣются губерскіе канцеляристы—теперь читатель въ правѣ ожидать что этого брата прогонять, или въ крайнемъ случаѣ изъ состраданія дадутъ ему только уголь въ разваливающемся деревянномъ домѣ. Но авторъ приготовляетъ совершенно другую развязку. Уничтоженный Сергій Андреевичъ сопротивляется браку Кати, производитъ сцены, ссоритъ мать съ дочерью; и Прасковья Андреевна, чтобы купить его никому ненужное согласіе на бракъ сестры, отдаетъ ему береженный для нея ломбардный билетъ. Съ этимъ билетомъ братецъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, увозя съ собою и Иванова, котораго ему какъ-то везало удастся убѣдить что лучше сначала пріискать службу въ столицѣ и потомъ уже жениться. Но въ Петербургѣ онъ, конечно, ничего для Иванова не сдѣлалъ, и Катя осталась старою дѣвой, какъ ея сестры.

Впечатлѣніе отъ повѣсти получается разумѣется удручающее, возмущающее; читатель испытываетъ нестерпимое раздраженіе... противъ кого? По замыслу повѣсти—противъ жизни, противъ той дѣйствительности въ которой дѣйствуютъ и процвѣтаютъ петербургскіе *братцы*; но по внутренней логикѣ читателя, раздраженіе обращается на самихъ жертвъ, потому что нельзя безнаказанно обнаруживать столько неумѣнья жить, столько трусливой безхарактерности, столько

безсмысленнаго отреченія отъ самого себя. Читатель чувствуетъ что и здѣсь, какъ въ повѣсти *Стоячая Вода*, жизнь не виновата, а виноваты тѣ кто не умѣетъ жить; что на жизнь возведемъ нѣкоторый поклепъ, потому что въ давныхъ условіяхъ *братья* торжествуютъ только надъ тѣми кто сами хотятъ предоставить имъ торжествовать.

Но вѣдѣ, быть-можетъ, натяжка господствующей въ произведеніяхъ В. Крестовскаго идеи, вѣдѣ фальшивая постройка драмы и преднамѣренный, можно сказать оскорбительный пессимизмъ развязки не обнаруживаются въ такой угнетающей формѣ какъ въ повѣсти *Два памятные дня*. Эта повѣсть весьма замѣчательная тонкою отдѣлкой подробностей, производитъ въ концѣ концовъ впечатлѣніе какого-то кошмара; читатель задыхается въ этомъ впечатлѣніи и оставляетъ книгу въ такомъ состояніи какъ будто ему пришлось провести нѣсколько часовъ въ зараженномъ воздухѣ клиники или анатомическаго театра. Остановимся въ заключеніе нашей замѣтки на этой повѣсти.

Анна Владиміровна Тенцова молода, красива, богата—и очень несчастлива. Ея мужъ, занимающій важное мѣсто въ провинціи—натура эгоистическая, грубая и черствая до жестокости, до подлости. „Тенцовъ былъ скупъ, не такъ какъ вообще это понимается въ мелочахъ обыкновеннаго быта; онъ бывалъ даже неразчетливъ на крупныя траты, даже щедръ иногда на подарки, но онъ внутренно, жадно любилъ деньги. Онъ былъ изъ людей которымъ всего мало, сколько бы у нихъ ни было, которые издерживая на себя, строго наблюдаютъ чтобъ изъ этой затраты ничего не ушло въ пользу другихъ, а издерживая на другихъ, заранѣе взвѣшиваютъ выгоды этого пожертвованія. Онъ признавалъ пользу книгъ, но признавалъ на вѣру, какъ нѣчто отвлеченное, и смотрѣлъ на книги какъ на предметъ употреблѣть который слѣдуетъ умѣренно: онъ не дешевъ, да и для наслажденія имъ нужна дорогая подготовка ума и большая затрата чувства. Тенцовъ не допускалъ ни того, ни другаго; точно будто и тутъ берегая и жадничая, онъ суживалъ всякое свое чувство и примѣнялъ свой умъ единственно къ обдѣлыванію разныхъ житейскихъ сдѣлокъ.“ У Анны Владиміровны были дѣти; со старшей, Лизой, случилось несчастье: лошадь опрокинула экипажъ; дѣвочка сидѣвшая на рукахъ у матери ушиблась, перепугалась, и вскорѣ обнаружилась послѣдствія паденія:

она выросла глухо-нѣмая, горбатая, уродливая. Тенцовъ, некогда не любившій жену, дразнилъ Лизу, объяснялъ ей что мать во всемъ виновата; „его ненависть будто вырвалась на свѣтъ въ этомъ словѣ, онъ самъ ему повѣрилъ; оно его оправдывало: жена погубила, изувѣчила ребенка, а теперь лицемѣрить въ укоръ отцу“... Потомъ онъ будто вдругъ взялъ Лизу подъ свою защиту, пересталъ дразнить ее, сталъ баловать. „Баловство было мѣлкое, подкулъ сластами и потворствомъ.“ Изъ несчастной дѣвочки росло чудовище. Мать, вооружась терпѣніемъ, принялась учить ее; другія дѣти умерли, она могла на ней одной сосредоточить всю нѣжную заботливость сердца. Но Тенцовъ находилъ что при его общественномъ положеніи необходимо чтобы въ домѣ была гувернантка; онъ выбралъ хорошенькую m-lle Отталию. „Анна Владиміровна не ревновала, не возражала ни поступкамъ, ни словамъ. Она только съ ужасомъ увидѣла что у нея нѣтъ семьи. Она выѣзжала мало, принимала рѣдко; въ домѣ, отчужденная и подвластная, она была только нянькою Лизы. Она вела безцвѣтную жизнь день за день, отмѣчая счастливыми тѣ дни въ которые сверхъ обычной, однообразной скуки не случалось особенной печали, рабски благодаря Бога когда ей, увлеченной, не доводилось вывести еще какого-нибудь новаго ужасенія.“ Ей казалось что у судьбы уже не найдется для нея новаго несчастья. Но она ошибалась: горе тяжелѣе прежняго поразило ее. „Mlle Отталиа легко сообразила что ей выгоднѣе имѣть на своей сторонѣ маленькую глухо-нѣмую, и подражая Тенцову, стала приманивать ее къ себѣ. У нея нашлась приманка еще дѣйствительнѣе сластей и угожденій: мать выучила дѣвочку читать и понимать по-французски, а у m-lle Отталиа былъ огромный запасъ романовъ. Лиза бросилась на нихъ съ жадностью; мать читала съ ней только серьезное или классически хорошее. Библіотека m-lle Отталиа состояла сплошь изъ пошлости и грязи.“ Ребенка развращали, объясняли ему непонятное. „Это дѣлалось такъ просто, такъ забавно что въ этомъ не было не только злаго умысла, даже размышленія: пошлость давала свое,—и ничего больше. Отталиа даже подѣлилась своею потѣхой съ Тенцовымъ, которому она тоже пришла по вкусу; вреда онъ не видѣлъ въ ней никакого.“

Казалось бы этихъ страшныхъ подробностей достаточно чтобы весь ужасъ положенія несчастной жены и матери обрисовался предъ читателемъ. Но авторъ не довольствуется на-

ложными красками; онъ продолжаетъ все страшнѣе и страшнѣе рисовать узоры на своемъ фантастическомъ полотнѣ, превращая картину во что-то невысказанное, утонченно-безлощадное; его какъ будто заражаетъ злой духъ поселившійся въ Лизѣ, и онъ мучитъ воображеніе читателя съ тою же усовершенствованною жестокостію съ какою несчастный ребенокъ мучитъ свою мать.

Въ Петербургѣ, куда Анна Владиміровна пріѣзжаетъ посоветоваться съ докторами насчетъ Лизы, ее находитъ подруга ея равной молодости, Варвара Алексѣевна Лорихова, одна изъ тѣхъ невыразимо-лошлыхъ свѣтскихъ дамъ, которыя умѣютъ изъ своей бездушной добродѣтели сдѣлать какое-то лугало, вѣчно направленное на всякое человеческое движеніе сердца или ума. Эта дама благородно кокетничаетъ съ г. Великимъ, человекомъ не гаулымъ и большимъ поклонникомъ женской красоты. Къ несчастью, этотъ Великій имѣлъ неосторожность упомянуть что зналъ Анну Владиміровну еще дѣвучкой и восхищался ея красотой. Мисе Лорихова тотчасъ рѣшаетъ что тутъ была интрига и сообщаетъ открытіе своимъ знакомымъ. Когда Анна Владиміровна пріѣзжаетъ къ ней на дачу, отъ нея всѣ сторожатся какъ отъ зачумленной. Каждое слово, каждый взглядъ ея кажутся подозрительными. Эти сцены очень тонко проведены талантливою писательницею, но имѣютъ одинъ существенный недостатокъ: въ нихъ чувствуется огромная натяжка. Въ свѣтѣ очень легко очернить репутацію, пустить слетью самую неправдоподобную, но не такъ легко сдѣлать порядочную женщину предметомъ ужаса. Притомъ самая безхарактерная женщина не приметъ съ покорностію ничѣмъ незаслуженныхъ надругательствъ и не посылетъ главу свою лелломъ потому только что какимъ-то свѣтскимъ дурамъ вздумалось ни съ того, ни съ сего раздавить ее. А героиня ловѣсти съ непостижимою трусостію, даже съ угрызениемъ совѣсти встрѣчаетъ возмутительныя выходки своей пріятельницы, которая еще наканунѣ разсыпалась предъ нею въ любезностяхъ.

Между тѣмъ Тевцовъ, у котораго вышла неприятности по службѣ, рѣшилъ оставить мѣсто и похоронитъ свое оскорбленное самолюбіе въ деревнѣ. Онъ написалъ женѣ чтобъ она тотчасъ возвращалась изъ Петербурга. Къ письму былъ приложенъ длинный списокъ покупокъ для m-lle Оттавіи. Анна Владиміровна ожесточилась. „Ей входило въ голову не слу-

паться, заставить мужа ждать себя въ Москвѣ, не ѣхать въ Москву, не возвращаться вовсе, сдѣлать скандалъ... Все равно! А это что же? закулатъ наряды его любовницѣ, дать залереть себя въ тюрьму, олатъ терпѣть то же что терпѣла? Чѣмъ лучше другія, которыя живутъ легко, свободно, у которыхъ есть друзья?—Надо рѣшиться, надо это кончить....“ Она приказываетъ позвать карету чтобъ исполнить послѣднія приказанія мужа, отослать ему подарки для m-lle Оттиліи и затѣмъ остаться въ Петербургѣ, спрятаться отъ людей, отъ свѣта, заняться несчастнымъ ребенкомъ.

Казалось бы это рѣшеніе такъ естественно вытекало изъ постановки драмы, изъ положенія дѣйствующихъ лицъ, изъ самой человѣческой природы. Анна Владиміровна была еще молода, имѣла большое собственное состояніе, которое можно было вытребовать у мужа. Разставаясь съ нимъ, она не только спасала себя, но даже не нарушала существеннымъ образомъ интересовъ мужа: въ отставку, въ деревнѣ. жена не была нужна ему даже для общественнаго положенія, для обстановки. Анна Владиміровна знала что если жизнь съ мужемъ была невыносима раньше, когда условія и разстанія свѣта до нѣкоторой степени заслоняли ихъ другъ отъ друга, то теперь въ уединеніи деревенскаго безлюдья такая жизнь окажется совершенно невозможною. У всякой другой женщины въ подобномъ положеніи единственнымъ затрудненіемъ могло быть опасеніе чтобы мужъ не отнял у нея ребенка. Но для Анны Владиміровны едва ли такое опасеніе представлялось серьезнымъ: ни Тенцовъ, ни m-lle Оттилія вѣроятно не пожелали бы украсить свою жизнь присутствіемъ злаго и испорченнаго до мозга костей, глухонѣмаго, горбатаго ребенка. При томъ самыя отношенія между матерью и дочерью были таковы что даже при свойственной материнскому сердцу способности самообольщенія, Анна Владиміровна едва ли могла серьезно мечтать о воспитаніи Лизы, о своемъ благотворномъ вліяніи на нее, и проч. Чтобы читателямъ были яснѣе эти отношенія, расскажемъ однимъ изъ маленькихъ но страшныхъ эпизодовъ которыми богата любовь. Анна Владиміровна ночевала съ Лизой у Лориховой. Войдя вечеромъ въ спальную, она замѣтила что Лиза прячетъ подъ подушку какую-то книжку. Мать протянула руку чтобы взять ее. Лиза не отдавала. „Ея сверкнувшій взглядъ убѣдилъ Анну Владиміровну что надо настоять и видѣть эту

книжку. Просьбы были напрасны. Дѣвочка сначала хохотала, потомъ оттолкнула мать, и когда той удалось взять книжку, вскочила, вцѣпилась ей въ руки и боролась. Она была необыкновенно цѣпка и сильна, къ тому же Анна Владиміровна боялась надѣлать шуму. Примѣтивъ этотъ страхъ, Лиза еще съ большею злостью принялась стучать ногами и пронзительно закричала. Анна Владиміровна въ услугѣ вылустила книжку. Лиза вспрыгнула съ нею опять на постель и едва мать сдѣлала къ ней шагъ, закричала снова. Анна Владиміровна остановилась. Сжавшись въ комокъ, со включенными волосами, блѣдная, злая, прижавъ къ себѣ книжку, дѣвочка показывала пальцемъ въ свой открытый ротъ, грозя что вскрикнетъ еще едва подойдутъ къ ней. Будто любясь отчаяніемъ матери, Лиза хохотала и показавъ ей стоять дальше, раскрыла книгу на заглавіи. Анна Владиміровна прочла: *Le Décaméron*, и въ одну секунду книга была у нея въ рукахъ, но въ ту же секунду въ рукахъ Лизы была свѣча, съ которой она кинулась къ оконнымъ занавѣскамъ.—Господи! вскрикнула Анна Владиміровна, бросая книгу: возьми! Лиза подняла ее спокойно, торжествуя, легла, отыскала на чемъ остановилась и принялась читать. Анна Владиміровна, рыдая, утала предъ ней на колѣни.“

Подобные эпизоды которые мы имѣли право назвать страшными должны были доказать несчастной матери что ея дочь погублена безвозвратно и что ея надзоръ разрѣшаясь такими сценами внесетъ только большее зло въ искаженную природу ребенка. Она должна была убѣдиться что если ей еще предоставлено сласти кого-нибудь, то только одну себя....

Развязка являлась естественная, почти законная. Но авторъ опять подчинился роковому калризу, искажающему самыя лучшія его произведенія. Анна Владиміровна, смущенная тѣмъ что г. Великийъ вздумалъ обратиться къ ней съ вѣскромными любезностями, увѣжаетъ къ мужу. Въ вагонѣ Лиза показываетъ ей почтовый листокъ: это было письмо которое мать начала писать къ мужу въ минуту рѣшимости, когда ей казалось удобнымъ и возможнымъ разорвать съ своею адскою жизнью. Дочка везла это письмо отду чтобъ еще разъ наругаться надъ матерью...

Можетъ ли естественное чувство читателя примириться съ этою развязкой? Можетъ ли онъ сказать: тутъ виновата

жизнь, въ которой торжествуютъ злые, порочные, развратные люди? Нѣтъ, логика и чувство подскажутъ ему: виноваты сами жертвы, бессмысленно подставляющія себя всякому безшабашному удару, виновата ихъ собственная неспособность жить.

Сказанное въ этой замѣткѣ не составляетъ ни характеристики произведеній В. Крестовскаго, ни полной оцѣнки этого выдающагося дарованія. Намъ хотѣлось только нѣсколько распутаться въ той основной фальши, которая мѣшала самой талантливой изъ русскихъ писательницъ занять въ нашей литературѣ мѣсто соответствующее ея безспорно-высокимъ художественнымъ силамъ.

W.

II.

По поводу неожиданной литературной находки.

Благодаря редактору *Русскаго Архива*, П. И. Бартеневу, наша литература въ послѣднѣе дни неожиданно получила драгоценный вкладъ. Въ рукописяхъ Пушкина, сохранившихся у сына великаго поэта, А. А. Пушкина, г. Бартеневу посчастливилось найти цѣлую, донынѣ оставшуюся неизвѣстною главу *Капитанской Дочки*. Въ подлинной тетради она означена „XII. Пропущенная глава“. Издатель *Архива* высказываетъ предположеніе что „Пушкинъ кажется имѣлъ намѣреніе помѣстить ее въ отдельномъ изданіи своей повѣсти, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія.“ Было или нѣтъ подобное намѣреніе у Пушкина, во всякомъ случаѣ очевидно что глава написана прежде окончанія повѣсти и не прибавлена къ ней, а дѣйствительно пропущена. Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ надписаніе „Пропущенная глава“, такъ и то обстоятельство что герой повѣсти въ ней называется Булавиннымъ, имя же Гринева, какимъ онъ названъ въ изданной повѣсти, придаютъ полковнику у котораго въ полку онъ служитъ. Это же лицо въ первыхъ строкахъ найденной главы названо Зуриннымъ, но очевидно что Гринева и Зуринъ въ пропущенной главѣ одно и то же лицо. Въ печатной повѣсти Зуриннымъ названъ гусарскій ротмистръ, обыгравшій героя повѣсти въ Симбирскѣ и у котораго потомъ въ отрядѣ, когда

Зуричь былъ уже майоромъ,—а не полковникомъ, какъ въ пропущенной главѣ,—служилъ герой повѣсти при преслѣдованіи таежъ Пугачева. По какимъ соображеніямъ Пушкинъ пропустилъ столь интересную и внимательно отдѣланную главу остается неизвѣстнымъ. Естественнѣе всего думать что его остановили цензурныя соображенія. Пушкинъ долженъ былъ имѣть полное основаніе сомнѣваться чтобы тогдашняя цензура могла пропустить главу въ которой идетъ рѣчь о бунтѣ крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ въ эпоху волненія возбужденнаго Пугачевымъ. Это подтверждается и тѣмъ что нѣкоторыя изъ выраженій встрѣчающихся въ пропущенной главѣ оказываются вставленными въ печатную повѣсть.

Еслибы найденная глава была не пропускомъ, а вставкою, то ее надлежало бы обозначить не двѣнадцатою, какъ въ рукописи, а четырнадцатою, ибо мѣсто ея, какъ и замѣчаетъ г. Бартевевъ, тамъ гдѣ въ тринадцатой главѣ говорится что Зуричь майоръ, въ отрядѣ котораго находился герой повѣсти лѣтомъ 1774, получилъ повелѣніе переправиться черезъ Волгу. Вотъ это мѣсто въ печатной повѣсти. Отмѣчаемъ курсивомъ тѣ фразы которыя взяты изъ пропущенной главы.

„Слухъ о его (Пугачева) услѣхахъ слова распространился. Мы узнали о разореніи сибирскихъ крѣпостей. Вскорѣ вѣсть о взятіи Казани и о походѣ самозванца на Москву встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ въ надеждѣ на безсиліе презрѣннаго бунтовщика. Зуричь получилъ повелѣніе переправиться черезъ Волгу.

„*Не стану описывать нашего похода и окончанія войны. Окажу коротко что бѣдствіе доходило до крайности. Правленіе было повсюду прекращено; помѣщики укрывались по мѣстамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду; начальники отдѣльныхъ отрядовъ самовластно наказывали и миловали**; состояніе всего обширнаго края едѣ свирѣпствовало пожаръ было ужасенъ. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, бессмысленный и безпощадный!

„Пугачевъ бѣжалъ преслѣдуемый Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ. Вскорѣ узнаемъ мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ Зуричь получилъ извѣстіе о поимкѣ само-

* Въ пропущенной главѣ: „Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виновныхъ и безвинныхъ.

званца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителямъ! Мысль ихъ объять, увидѣть Марью Ивановну о которой не имѣлъ я никакого извѣстія, одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ какъ ребенокъ. Зурина сжалась и горючила, пожимая плечами: „нѣтъ, тебѣ не одобровать! Женишься—ни за что пропадешь!“

Эти слова Зурина въ „пропущенной главѣ“ помѣщены въ ея началѣ:

Встрѣчающаяся въ приведенномъ текстѣ фраза: „не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безплощадный“, взята изъ конца пропущенной главы, гдѣ къ ней присоединены знаменательныя, пророческія слова: „тѣ которые замышляютъ у насъ невозможныя, перевороты или молды и не знаютъ нашего народа, или ужь люди жестокосердые коимъ и своя шейка колѣвка и чужая головушка полушка“.

Разказъ въ „пропущенной главѣ“ открывается поразительною картиною. Герой повѣсти переправляется ночью по Волгѣ и встрѣчаетъ лывущую на встрѣчу висѣлицу утвержденную на плоту и на которой висѣли три тѣла.

Въ восьмой главѣ *Исторіи Пугачевского бунта* встрѣчается описаніе факта послужившаго Пушкину основаніемъ для этой сцены. „Пугачевъ, читаемъ тамъ, стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не знали въ которой онъ находился самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей и оставляя за собою возмутителей которые въ числѣ двухъ-трехъ и не болѣе пяти, разѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Стулишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и лустить внизъ по Волгѣ мимо бунтующихъ береговъ.“ Фактъ этотъ Пушкинъ заимствовалъ изъ лѣтописи Рычкова (приложенія къ *Исторіи Пугачевского бунта*) гдѣ читаемъ: „Сказывали чтобъ изъ находившихся при немъ (Пугачева) Яцкихъ казаковъ послалъ онъ отъ себя нѣсколькихъ напередъ въ село Фокино, на берегу Волги лежащее (ниже города Нижняго около 30 верстѣ) съ тѣмъ чтобы тутовахъ крестьянъ принадлежащихъ дворянину Демидову прежде другихъ

возмутить и привлечь въ свое согласіе, но оныя, не отдавши въ обманъ, поймавъ оныхъ возмутителей и связавъ отвезли въ Нижній, которыхъ тамошній г.-губернаторъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Стулишинъ повѣся лустилъ на плотахъ на низъ Волгою рѣкой; и сею строгостью тамошнихъ жителей и успокоилъ, да и самъ Пугачевъ, узнавъ что ему въ Нижнемъ удачно быть не можетъ, намѣреніе свое подти туда отмѣнилъ и обратился вмѣсто того къ городу Алатырю.“

Говоря о литературной драгоценности счастливо найденной издателемъ *Русскаго Архива*, нельзя не отмѣтить нѣсколько страннаго явленія. Замѣчательная находка и въ читающей публикѣ, и особенно въ печати встрѣчена съ какимъ-то равнодушіемъ, не возбудила доселѣ ни толковъ, ни сужденій. О находкѣ уломянули, кое-гдѣ ее безцеремонно перепечатали, и только. Неужели печальная злоба для такъ далеко отодвинула всякіе интересы что уже и Пушкинъ на насъ не дѣйствуетъ? И это чрезъ три мѣсяца послѣ открытія памятника лѣту! На сколько же, спрашивается, правдивы были восторги по поводу этого событія и Пушкина ли, помяво, мы чествовали? Требуется во всемъ политическая подкладка. Но и она вѣдь есть въ пророческихъ словахъ заключающихъ пролущенную главу. Или быть-можетъ Пушкинъ не въ современномъ камертонѣ?

Съ согласія издателя *Русскаго Архива* помѣщаемъ вполнѣ текстъ найденной главы.

ПРОПУЩЕННАЯ ГЛАВА ИЗЪ КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ ПУШКИНА.

„Зурицъ * получилъ повелѣніе переправиться черезъ Волгу и слѣшить къ Симбирску, гдѣ уже разгоралось пламя пожара. Мысль что можетъ-быть удастся мнѣ заѣхать къ намъ въ деревню, объять родителей и увидѣться съ Марьей Ивановной одушевила меня радостью. Я прыгалъ какъ ребенокъ и повторялъ обнимая Зурица: „Въ Симбирскъ! въ Симбирскъ!“ Зурицъ вздыхалъ и говорилъ, пожимая плечами: „Нѣтъ, тебѣ не сдобровать. Женись—ни за что проладешь!“

Мы приближались къ берегамъ Волги. Полкъ нашъ вступилъ въ деревню ** и остановился въ ней ночевать. На другой день утромъ мы должны были переправиться. Староста объявилъ мнѣ что на той сторонѣ всѣ деревни взбуйтовались; шайки Пугачевскія бродятъ вездѣ.

Это извѣстіе меня сильно встревожило.

Нетерпѣніе овладѣло мною и не давало мнѣ покоя. Деревня отца моего находилась въ 30 верстахъ по ту сторону рѣки. Я спросилъ, не сыщется ли перевозчика. Всѣ крестьяне были рыболовы, лодокъ много. Я пришелъ къ Гривеву и объявилъ ему о своемъ намѣреніи.—„Берегись“, сказалъ онъ мнѣ. „Одному ѣхать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первые и пріѣдемъ въ гости къ твоимъ родителямъ съ 50 гусарами на всякій случай“.

Я настоялъ на своемъ. Лодка была готова. Я сѣлъ въ нее съ двумя гребцами. Они отчалили и ударили въ весла.

Небо было ясно. Луна сіяла. Погода была тихая. Волга неслась ровно и спокойно. Лодка, плавно качаясь, скользила по поверхности темныхъ волнъ. Прошло около полудна. Я погрузился въ мечты воображенія. Мы достигли середины рѣки... Вдругъ гребцы начали шелтаться между собою. „Что такое?“ спросилъ я очнувшись.—„Не знаемъ, Богъ вѣсть“, отвѣчали

* Это имя полковника, у котораго въ полку служить герой повѣсти и котораго Пушкинъ въ дальнѣйшемъ изложеніи этой главы называетъ „Гривевымъ“, а самъ герой первоначально былъ названъ не Гривевымъ, какъ теперь во всѣхъ изданіяхъ „Капитанской Дочки“, а Булакинымъ. *Прим. Изд. Арх.*

гребцы, смотря въ одну сторону. Глаза мои приняла то же направленіе, и я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее ввизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дожидаться.— „Что бы это было?“ говорили гребцы. „Парусъ не ларусъ, мачта не мачта“. Луна зашла за облако. Плывущій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Овъ былъ отъ меня уже близко, и я все еще не могъ его различить. Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ на встрѣчу плыла висѣлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладинѣ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывущую висѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенные лица несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ старый. Чувашъ, * другой—Русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый лѣтъ 20ти. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глулости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: *Воры и бунтовщики*. Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ ввизъ по рѣкѣ. Висѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу.

Я щедро расплатился съ гребцами. Одинъ изъ нихъ повелъ меня къ выборному деревни, находившейся у леревоза. Я вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ избу. Выборный услышавъ что я требую лошадей принялъ было меня довольно грубо, но мой вожатый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, и его суровость тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость. Въ одну минуту тройка была готова. Я сѣлъ въ тележку и велѣлъ себя везти въ нашу деревню.

Я скакалъ по большой дорогѣ мимо спящихъ деревень. Я боялся одного: быть оставленному на дорогѣ. Если ночная встрѣча моя на Волгѣ доказывала присутствіе бунтовщиковъ, то она вмѣстѣ была доказательствомъ и сильнаго противодѣйствія правительства. На всякій случай я имѣлъ въ кар-

* Зачеркнуты слова: „Въ одномъ изъ нихъ узналъ я Башкирца, видѣннаго мною въ станѣ Пугачевскомъ“. *Прим. Изд. Арх.*

манъ пропускъ выданный мнѣ Пугачевымъ и приказъ полковника Гринева. Но никто мнѣ не встрѣчался, и къ утру я завидѣлъ рѣку и еловую рощу, за которой находилась наша деревня. Ямщикъ ударилъ по лошадямъ, и черезъ четверть часа я въѣхалъ въ **. Барскій домъ находился на другомъ концѣ села. Лошади мчались во весь духъ. Вдругъ посреди улицы ямщикъ началъ ихъ удерживать. — „Что такое?“ спросилъ я съ нетерпѣніемъ. — „Застава, баринъ“, отвѣчалъ ямщикъ, съ трудомъ останавливая разъяренныхъ коней. Въ самомъ дѣлѣ я увидалъ рогатку и караульнаго съ дубиной. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая пашпорту. — „Что это значитъ?“ спросилъ я его. — „Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь?“ — „Да мы, батюшка, бунтуемъ“, отвѣчалъ онъ почесываясь. — „А гдѣ ваши господа?“ спросилъ я съ сердечнымъ замѣраніемъ. — „Господато наши гдѣ?“ повторилъ мужикъ. — „Господа наши въ хлѣбномъ анбарѣ.“ — „Какъ въ анбарѣ?“ — „Да Андрюха земскій посадилъ, вишь, ихъ въ колодки и хочетъ везти къ батюшкѣ-государю!“ — „Боже мой! Отворачивай, дуракъ, рогатку. Что же ты зѣвасешь?“

Караульный медлил. Я выскочилъ изъ телѣги, треснулъ его (виновать) въ ухо и самъ отодвинулъ рогатку. Мужикъ мой глядѣлъ на меня съ глулымъ недоумѣніемъ. Я сѣлъ опять въ телѣгу и велѣлъ скакать къ барскому дому. Хлѣбный анбаръ находился на дворѣ. У залертыхъ дверей стояли два мужика съ дубинами. Телѣга остановилась прямо предъ ними. Я выскочилъ и бросился прямо на нихъ. „Отворяй двери!“ сказалъ я имъ. Вѣроятно видъ мой былъ страшенъ; по крайней мѣрѣ оба убѣжали, бросивъ дубины. Я попытался сбить замокъ съ двери, выломать; но двери были дубовыя, а огромный замокъ несокрушимъ. Въ эту минуту молодой мужикъ вышелъ изъ людской избы и съ видомъ надменнымъ спросилъ меня, какъ я смѣю буянить. „Гдѣ Андрюшка земскій?“ закричалъ я ему, „кликнуть его ко мнѣ!“

— „Я самъ Андрей Аванасьевичъ, а не Андрюшка“, отвѣчалъ онъ мнѣ гордо подбочась... „Чего надобно?“

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ и, притащивъ къ дверямъ анбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было заупрямился; но *отеческое* наказаніе подѣйствовало и на него. Онъ вынулъ ключъ и отперъ анбаръ. Я кинулся черезъ порогъ и въ темномъ углу, слабо освѣщенномъ узкимъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ потолокъ, увидѣлъ мать и отца.

Руки ихъ были связаны, на ноги набиты были колодки. Я бросился ихъ обнимать и не могъ выговорить ни слова. Оба смотрѣли на меня съ изумленіемъ: три года военной жизни такъ измѣнили меня что они не могли меня узнать.

Вдругъ услышалъ я милый знакомый голосъ. „Петръ Андреечъ! Это вы?“ Я оглянулся и вижу въ другомъ углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенѣлъ. Отецъ глядѣлъ на меня молча, не смѣя вѣрить самому себѣ. Радость блистала на лицѣ его. „Здравствуй, здравствуй, Петруша!“ говорилъ онъ прижимая меня къ сердцу. „Слава Богу, дождался тебя!“ Матушка ахнула и залилась слезами. „Петруша, другъ мой! Какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ ли ты?“

Я слѣшилъ саблею разрѣзать узлы ихъ веревокъ и вывести ихъ изъ заключенія; но, подошедъ къ двери, я нашелъ ее снова залертою. „Авдюшка!“ закричалъ я, „отопри!“— „Какъ не такъ!“ отвѣчалъ изъ-за двери земскій. „Сиди-ка самъ здѣсь! Вотъ уже научимъ тебя буянить да за ворота таскать государственныхъ чиновниковъ!“

Я сталъ осматривать амбаръ, щца, не было ли какого-нибудь способа выбраться. „Не трудись“, сказалъ мнѣ батюшка: „Не таковой я хозяинъ чтобы можно было въ амбары мои входить и выходить воровскими лазейками“. Матушка, на минуту обрадованная моимъ появленіемъ, пала въ отчаяніе, видя что пришлось и мнѣ раздѣлить погибилъ всей семьи. Но я былъ спокойнѣе съ тѣхъ поръ какъ находился съ ними и Марьей Ивановной. Со мной была сабля и два пистолета: я могъ еще выдержать осаду. Гриневъ долженъ былъ подождать къ вечеру и насъ освободить. Я сообщилъ все это моимъ родителямъ и успѣлъ успокоить матушку и Марью Ивановну. Онѣ предались вполнѣ радости свиданія, и нѣсколько часовъ прошли для насъ незамѣтно во взаимныхъ ласкахъ и непрерывныхъ разговорахъ. *

„Ну, Петръ“, сказалъ мнѣ отецъ, „довольно ты проказилъ и я на тебя порядкомъ былъ сердитъ. Но нечего ломинать про старое. Надѣюсь что ты теперь исправился и перебѣсилася. Знаю что ты служилъ, какъ надлежитъ честному офицеру. Спасибо, утѣшилъ меня старика. Коли тебѣ обяжутъ я буду избавленіемъ, то жизнь мнѣ вдвое будетъ пріятнѣе“. Онъ со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на Марью Иванов-

* Послѣднее предложеніе (со словъ: и нѣсколько часовъ) Пушкинымъ зачеркнуто. *Прим. Изд. Арх.*

ну, которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ что казалось совершенно счастлива и спокойна.

Около полудня услышали мы необычайный шумъ и крики. „Что это значитъ?“ сказалъ отецъ. „Ужь не твой ли полковникъ подоспѣлъ?“ — „Невозможно“, отвѣчалъ я: „онъ не будетъ прежде вечера“. Шумъ умножался. Били въ набатъ. По двору скакали конные люди. Въ эту минуту, въ узкое отверстіе прорубленное въ стѣнѣ просунулась сѣдая голова Савельича, и мой бѣдный дядька произнесъ жалостнымъ голосомъ: „Андрей Петровичъ! Батюшка ты мой, Петръ Андреевичъ, Марья Ивановна! бѣда! злодѣи вошли въ село. И знаешь ли, Петръ Андреевичъ, кто ихъ привелъ? Швабрины, Алексѣй Ивановичъ, велекое его поберитъ!“

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною. „Послушай!“ сказалъ я Савельичу, „пошли кого-нибудь верхомъ къ перевозу, на встрѣчу гусарскому полку и вели дать знать полковнику объ нашей опасности“.

— Да кого же послать, сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ, а лошади всѣ захвачены. Ахти! Вотъ ужъ на дворѣ! До амбара доберутся!

Въ это время за дверью раздались нѣсколько голосовъ. Я далъ знакъ матушкѣ и Марьѣ Ивановнѣ удалиться въ уголокъ, обнажилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. Батюшка взялъ листолеты, на обоихъ взвелъ курокъ и сталъ подѣлывать меня. Загремѣлъ замокъ, дверь отворилась, и голова земскаго показалась. Я ударилъ по ней саблей, и онъ упалъ, загородивъ входъ. Въ ту же минуту батюшка выстрѣлилъ въ двери изъ листолета. Толпа осаждавшая насъ отбѣжала съ проклятіями. Я перетащилъ черезъ порогъ раненаго и залеръ дверь.

Дворъ былъ полонъ вооруженныхъ людей. Между ними узналъ я Швабрина. Не бойтесь, сказалъ я женщинамъ, есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Печережемъ послѣдній зарядъ.

Матушка молча молилась Богу. Марья Ивановна стояла подѣлывая нея, съ ангельскимъ спокойствіемъ ожидая рѣшенія судьбы своей. За дверьми раздавались угрозы, брань и проклятіе. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ готовый изрубить перваго смѣльчака. Вдругъ злодѣи замолчали. Я услышалъ голосъ Швабрина, зовущаго меня по имени.

— Я здѣсь. Чего ты хочешь?

— Сдайся, Булакинъ *): противиться невозможно. Пожалуй своих стариковъ. Упрямствомъ себя не спасешь. Я до васъ доберусь!

— Попробуй, извиницъ!

— Не стану ни самъ соваться полустому, ни своихъ людей тратить, а велю лоджечь анбаръ, и тогда посмотримъ что ты станешь дѣлать, Донъ-Кихотъ Бѣлогорскій **. Теперь пора обѣдать. Покаместъ сиди да думай на досугъ. До свиданья! Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами: вамъ вѣроятно нескучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ.

Швабринъ удалился, оставя караулъ у анбара. Мы молчали. Каждый изъ насъ думалъ про себя, не смѣя сообщить другому своихъ мыслей. Я воображалъ себѣ все, что въ состоянн былъ учинить озлобленный Швабринъ. О себѣ я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моихъ не столько ужасала меня, какъ судьба Марьи Ивановны. Я зналъ что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми. Батюшка, не смотря на свою строгость, былъ также любимъ, ибо былъ справедливъ и зналъ истинныя нужды подвластныхъ ему людей. Бунтъ ихъ былъ заблужденіе, мгновенное лянство, а не изъявленіе ихъ негодованія. Тутъ пощада была вѣроятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовилъ ей безсовѣстный и развратный человекъ! Я не смѣлъ останавливаться на этой ужасной мысли и готовился (прости Господи!) умертвить ее скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга.

Прошло еще около часа. Въ деревнѣ раздавались пѣсни пьяныхъ. Караульные наши имъ завидовали и, досадуя на насъ, ругались и стращали насъ истязаніями и смертью. Мы ожидали послѣдствія угрозамъ Швабрина. Наконецъ сдѣлалось большое движеніе на дворѣ, и мы опять услышали голосъ Швабрина.

— Что, надумались ли вы? Сдаются ли добровольно въ мои руки?

Никто не отвѣчалъ.

Подождавъ немного, Швабринъ велѣлъ привести соломы.

* Вотъ имя героя повѣсти, первоначально данное ему Пушкинымъ. Очень можетъ быть что весь разказъ въ основѣ своей не вымышленъ и что Пушкинъ въ „Капитанской Дочкѣ“ передалъ дѣйствительную судьбу Булакина. *Прим. Изд. Арх.*

** Эти три слова Пушкинымъ зачеркнуты. *Прим. Изд. Арх.*

Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ огонь и освѣтилъ темный анбаръ. Дымъ началъ пробиваться изъ-подъ щелей порога.

Тогда Марья Ивановна подошла ко мнѣ и тихо взявъ меня за руку сказала: „Полно, Петръ Андреичъ! Не губите за меня и себя, и родителей. Швабрикъ меня послушаетъ. Выпустите меня!“

— Ни за что, закричалъ я съ сердцемъ. — Знаете ли вы что васъ ожидаетъ?

— Безчестія не переживу, отвѣчала она спокойно. — Но, можетъ-быть, я спасу моего избавителя и семью которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Петровичъ! Прощайте..... * Вы были для меня болѣе чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, Петръ Андреичъ. Будьте увѣрены, что... что... Тутъ она заплакала и закрыла лицо руками... Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

— „Полно врать, Марья Ивановна“, сказалъ мой отецъ. — Кто тебя луститъ одну къ разбойникамъ!, Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужь вмѣстѣ. Слушай! Что тамъ еще говорить?

— Сдаются ли? кричалъ Швабрикъ. — Видите? Черезъ пять минутъ васъ изжарятъ.“

— Не сдадимся, злодѣи! отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ. Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Теперь пора!“

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ закопаченнымъ сухимъ мохомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: „За мной!“ Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Швабрикъ прострѣленный дряхлою рукою отца моего. Толпа разбойниковъ бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки тотчасъ ободрилась и начала насъ окружать. Я успѣлъ еще нанести нѣсколько ударовъ; но крлячъ удачно брошенный угодилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту лишился чувствъ; меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидалъ я Швабрику сидѣвшаго на окровавленной травѣ и предъ нимъ наше семейство.

* Тутъ Пушкинъ оставилъ мѣсто для имени матери своего героя.
Прим. Изд. Арх.

Меня поддерживали подъ руки. Толпа крестьянъ казаковъ и Башкирцевъ окружала насъ. Швабринъ былъ ужасно блѣдень. Одною рукою прижималъ онъ раненый бокъ. Лицо его изображало мученіе и злобу. Онъ медленно поднималъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ: „Въшать его... и всѣхъ... кромѣ ея“...

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они насъ оставили и разбѣжались: въ ворота въѣхалъ Гриневъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями наголо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣны. Гриневъ соскочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку. „Кстати же я подослѣлъ!“ сказалъ онъ намъ. „А вотъ и твоя невѣста!“ Марья Ивановна покраснѣла по уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ, хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя ангеломъ-избавителемъ. „Милости просимъ къ намъ“, сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабринъ, Гриневъ остановился. „Это кто?“ спросилъ онъ глядя на раненаго. „Это самъ предводитель шайки“, отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью облачающей стараго воина. „Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказать молодого злодѣя и отмстить ему за кровь моего сына“.—„Это Швабринъ“, сказалъ я Гриневу.—„Швабринъ! Очень радъ. Гусары возьмите его! Да сказать лѣкарю чтобъ онъ перевязалъ ему рану и берегъ его какъ зѣнцу ока, Швабринъ надобно непременно представить въ секретную Казанскую комиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ и показанія его должны быть важны!“

Швабринъ открылъ томный взглядъ. На лицѣ его ничего не изображалось кромѣ физической муки. Гусары отвесли его на плащѣ.

Мы вошли въ комнату. Съ трелетомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая свои младенческіе годы. Ничто въ домѣ не измѣнилось, все было на прежнемъ мѣстѣ: Швабринъ не дозволилъ его разграбить, сохраняя въ самомъ увѣженіи своемъ невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія.

Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію. Савельичъ торжествовалъ. Надобно знать что во время тревоги произведенной нападениемъ разбойниковъ, онъ любилъ въ конюшню гдѣ стояла Швабринъ лошадь, осѣдлалъ ее, вывелъ

тихонько и, благодаря суматохѣ, незамѣтнымъ образомъ лошакалъ къ перевозу. Онъ встрѣтилъ лодку отдохавшій уже по сю сторону Волги. Гривевъ, узнавъ отъ него объ нашей оласности, велѣлъ садиться, скомандовалъ маршь-маршь, въ галоль! и слава Богу прискакалъ вовремя.

Гривевъ настоялъ на томъ чтобы голова земскаго была на вѣсколько часовъ выставлена на шестѣ у кабака.

Гусары возвратились съ логови, захвата въ лѣвъ вѣсколько человекъ. Ихъ залерли въ тотъ самый анбаръ въ котормъ выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своимъ комнатамъ. Старикамъ нуженъ былъ отдыхъ. Не славъ цѣлую ночь, я бросился на постель и крѣлко заснулъ. Гривевъ пошелъ дѣлать свои распоряженія.

Вечеромъ мы соединились въ гостиной около самовара весело разговаривая о минувшей оласности. Марья Ивановна разливала чай. Я ѣлъ подлѣ нея и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрѣли на вѣжностъ нашихъ отношеній. Доселѣ этотъ вечеръ живетъ въ моемъ воспоминаніи. Я былъ счастливъ, счастливъ совершенно; а много ли таковыхъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?

На другой день доложили батюшкѣ что крестьяне явились на барскій дворъ съ повинной. Батюшка вышелъ къ нимъ на крыльцо. При его появленіи мужики стали на колѣни. „Ну что, дураки!“ сказалъ онъ имъ. „Зачѣмъ вы вздумали бунтовать?“ „Виноваты, государь ты нашъ“, отвѣчали они въ голосъ. „То-то виноваты! Напроказать да сами не рады! Прощаю васъ для радости что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ Петромъ Андреевичемъ. Ну добро: повинную голову мечъ не счѣтъ.“

— Виноваты, конечно виноваты!

— Богъ далъ ведро. Пора бы сѣно убирать; а вы дурачье цѣлые три дня что дѣлали? Староста! Нарядить поголовно на сѣнокосъ; да смотри, рыжая bestia, чтобъ у меня послѣ къ Иванову дню все сѣно было въ колнахъ! Убирайтесь!

Мужики поклонились и пошли на барщину, какъ ни въ чемъ не бывало.

Рава Швабрива оказалась не смертельна. Его съ конвоемъ отправили въ Казань. Я видѣлъ изъ окна какъ его уложили въ телѣгу. Взоры наши встрѣтились. Онъ потулилъ голову, а я отошелъ поспѣшно отъ окна: я боялся показать видъ что торжествую надъ уничиженіемъ и несчастіемъ недруга.

Гривевъ долженъ былъ отправиться далѣе. Я рѣшился за

нимъ послѣдовать, несмотря на мое желаніе пребыть еще нѣсколько дней посреди моего семейства. Наканунѣ похода я пришелъ къ моимъ родителямъ и по тогдашнему обыкновенію поклонился имъ въ ноги, прося ихъ благословенія на бракъ съ Марьею Ивановной. Старики меня подняли и въ радостныхъ слезахъ изъявили свое согласіе. Я привелъ къ нимъ Марью Ивановну блѣдную и трелещущую. Насъ благословили. Что чувствовалъ я—того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе.

На другой день полкъ собрался. Приемъ простился съ нашимъ семействомъ. Всѣ мы были увѣрены что военныя дѣйствія скоро будутъ прекращены. Черезъ мѣсяць я надѣялся быть супругомъ. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцѣловала меня при всѣхъ. Я сѣлъ въ кибитку. Савельичъ олять за мною послѣдовалъ и полкъ ушелъ. Долго смотрѣлъ я издали на сельскій домъ, олять мною покидаемый. Мрачное предчувствіе тревожило меня. Кто-то мнѣ шепталъ что не всѣ несчастія для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончанія Пугачевской войны. Мы проходили чрезъ селенія разоренныя Пугачевымъ и по неводѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то что оставлено было имъ разбойниками.

Они не знали кому ловцоваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльных отрядовъ посланныхъ въ логово за Пугачевымъ тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣлствовало пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ безсмысленный и безплодный. Тѣ которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые коимъ и своя шейка—колѣвка и чужая головшка—полушка.

При семъ номерѣ предлагается для иногородныхъ подлищиковъ особое объявленіе о подпискѣ на „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“ еженедѣльный литературно-политическій и художественный журналъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО СОРОКЪ ДЕВЯТАГО.

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

	<i>Стр.</i>
✓ Переломъ. Правдивая исторія. Часть вторая. Гл. IV— VII. <i>Б. М. Маркевича</i>	5
Изъ Салфо. Молитва къ Афродитѣ. Стихотвореніе. <i>Z*</i> .	75
✓ Семь вѣдѣль подъ Плевной. <i>А. Г. Петровскаго</i>	77
✓ Письма Петра Андреевича Каратыгина 1850—1862. <i>К...</i>	119
✓ Разказы о домашнемъ бытѣ севастопольскихъ жителей во время осады 1854—55 годовъ. <i>Т. Толмачевой</i>	181
Противъ теченія. Бесѣды о революціи. Наброски и очер- ки въ разговорахъ двухъ пріятелей. <i>Варооломья Кочнева</i>	206
l Братья Карамазовы. Часть четвертая. Книга двѣнадца- тая. Гл. I—V. <i>Ф. М. Достоевскаго</i>	248
Изъ путевыхъ замѣтокъ. <i>Ф. И. Буслеева</i>	293
l Въ Березникахъ. Повѣсть. Гл. I—V. <i>Н. Н.</i>	314
Отъ Кяхты до Калгана. <i>Н. Шестунова</i>	363
Три стихотворенія. Стихотвореніе. <i>М.</i>	373
Новости литературы: I. <i>Семейство Разумовскихъ</i> , <i>А. Ва- сильчикова</i> , т. П. <i>Р.</i> —II. <i>Дневникъ писателя</i> , <i>Ф. М. Достоевскаго</i> . <i>С. В.</i> —III. <i>Финансовыя документы царствованія Екатерины II</i> . <i>А. Н. Куломзина</i> . — IV. <i>Письма изъ Италіи</i> . <i>Э. де-Лавеле</i> .—V. <i>Ислан- дія</i> , сэръ- <i>Давида Веддербёрна</i> . <i>П.</i>	375

О К Т Я Б Р Ъ.

	Стр.
Крестьянскій бытъ чрезъ два десятилѣтiя послѣ реформы. <i>П. Б.</i>	445
Братя Карамазовы. Окончанiе четвертой и послѣдней части. <i>Ф. М. Достоевскаго</i>	477 ✓
Письма священника. <i>Вахля Гурьева</i>	552
Забытый дневникъ. Изъ поэмы <i>Старья Рѣчи. Графа А. Голенщевъ-Кутузова</i>	595
Въ Березникахъ. Повѣсть. Окончанiе. <i>Н. Н.</i>	609 ✓
Часы съ курантами. Стихотворенiе. <i>К. Случевского</i>	697
Отрывки изъ воспоминавiй. <i>Г. Ф. Головачева</i>	698
Маркизь Велѣпольскiй. <i>К. Х.</i>	726 ✓
Переломъ. Правдивая исторiя. Окончанiе второй части. <i>Б. М. Маркевича</i>	773 ✓
Гессенская (услевская) муха. <i>Cecidomya Destructor. К. Э. Линдемана</i>	832
Новости литературы: I. <i>Повѣсти. В. Крестовскаго (псевдонимъ). С.-Петербургъ, 1880. Альбомъ. Группы и портреты. В. Крестовскаго (псевдонимъ). С.-Петербургъ, 1879. W.—II. По поводу неожиданной литературной находки</i>	874
Полный текстъ найденной главы изъ <i>Капитанской Дочки Пушкина</i> .	

ПРИРОДА

IX и ГОДЪ.

ОХОТА.

Выходитъ ежемѣсячно, книгами до 250 страницъ, съ посылками въ текстъ и 2—3 отдѣльными рисунками (частью хромоавтографированными) въ каждой книгѣ. Въ январѣ будетъ разослана годовымъ подписчикамъ большая *олеография*, исполненная въ Берлинѣ, съ оригинальнымъ рисункомъ заказаннаго редакціей: **ПРИВАЛЪ ОХОТНИКОВЪ.**

Программа: Популярныя естественно-историч. статьи. Этнография. Путешествія. Аклиматизація. Монографіи охотничьихъ и промысловыхъ, вредныхъ и полезныхъ животныхъ.—Зѣриный, рыбный и птичій промыслы. Ружейная, псовая, голушинная охота. Коннозаводство. Уженье рыбы, рыбоводство, птицеводство. Охотничьи законы. Воспитаніе, разведеніе, обученіе и дѣленіе собакъ, лошадей и птицъ. Выставки животныхъ. Ружье и охотничьи принадлежности. Новости охотничьяго міра. Охотничьи разказы и очерки. Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи.—Отчеты и дѣйствія охотничьихъ обществъ.

Подписная цѣна: на годъ 13 руб., съ пересылкой 14 руб.,
на полгода 7 руб., съ пересылкой 8 руб.

Лицамъ подписавшимся на 1881 годъ до 1 января въ редакціи (а не въ книжныхъ магазинахъ) выдаются немедленно или высылаются въ январѣ (вмѣстѣ съ преміей 1881 года) автографированный портретъ *С. Т. Аксакова* и двѣ большія *гравюры*, исполненныя въ Парижѣ (Парфорсная охота).—Подписка въ разсрочку допускается за ручательствомъ казначеевъ или по соглашенію съ редакціей, съ правомъ полученія преміи по уплатѣ всѣхъ подписныхъ денегъ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается исключительно въ редакціи (Москва, Тверская, Пименовскій переулокъ, домъ Коровина).

Редакторъ-Издатель Л. П. Савантвѣвъ.

Журналъ *Природа и Охота* за 1878 и 1879 годы можно получать по 10 р. за годъ (на пересылку каждаго года прилагается за 10 ф. по разстоянію). Журналъ *Охоты* и сборникъ *Природа*, издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры журнала *Охоты* 1874—1877 годовъ (7 томовъ, съ 46 хромо- и автографіями) за 25 руб. (пересылка за 20 ф.); журналъ *Охоты* 1875—1877 безъ отдѣльныхъ рисунковъ за 12 р. и по 4 р. за годъ (пересылка за 17 ф.); сборникъ *Природа* за 1873—1877 годы (17 томовъ съ 1.400 рисунками въ текстѣ) со 100 хромоавтографіями и автографіями за 25 р. (вмѣсто 53 р.); съ 50 приложеніями за 15 руб. На пересылку каждаго экземпляра *Сборника* по почтѣ прилагается за 1 пудъ 5 фунтовъ по разстоянію; можно пересылать чрезъ транспортныя конторы, съ переводомъ платежа и уплатой пересылаемыхъ денегъ на мѣстѣ.

К. 9.301.

APR 8 - 1963

